

АДЫГСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
СЕРИЯ

К. Ф. Дзамихов
АДЫГИ: ВЕХИ ИСТОРИИ
Адыги: вехи истории
* * *

Адыги в политике России на Кавказе
(1550-е – начало 1770-х гг.)
* * *

Кабарда и Россия в политической истории
Кавказа XVI–XVII вв.
(исследования и материалы)
* * *

Отечественная историография
социально-экономического строя Кабарды в прошлом
* * *

Вместо заключения

Нальчик «Эльбрус» 2008

УДК 94(470.621)
ББК 63.3(235.7)
Д 43

Редакционная коллегия:

**М. Л. Апажев, С. Н. Бейтуганов, Б. Х. Бгажноков,
А. М. Гутов, О. Л. Опрышко, У. Е. Темиров,
С. Х. Хотко**

Ответственный за выпуск
Р. Х. Ацканов

Дзамихов К. Ф.

Д 43 Адыги: вехи истории: Адыги: вехи истории; Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.); Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. (исследования и материалы); Отечественная историография социально-экономического строя Кабарды в прошлом; Вмesto заключения. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 816 с. (Адыгская историческая серия).

ISBN 978-5-7680-2176-4

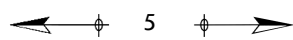
В книгу вошли труды доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Кабардино-Балкарской Республики и Республики Адыгея, лауреата Государственной премии КБР в области науки и техники К. Ф. Дзамихова, посвященные комплексному анализу места и роли русско-адыгского политического сотрудничества в российской политике на Кавказе в XVI–XIX вв.

**УДК 94(470.621)
ББК 63.3(235.7)**

ISBN 978-5-7680-2176-4

© К. Ф. Дзамихов, 2008
© Издательство «Эльбрус», 2008

Адыги:
вехи истории

РАННИЕ ЛЕТОПИСНЫЕ СЮЖЕТЫ О КАСОГАХ И ФОЛЬКЛОР

В изучении истории и культуры адыгов важную роль играют памятники устной традиции, которые часто выступают единственным в своем роде историческим источником, раскрывающим народные представления и оценку важнейших периодов своей истории. Поэтому в воссоздании исторического прошлого необходимым методическим требованием является совокупное исследование дошедших до нас письменных и устных памятников.

В исторической литературе принято считать, что между предками адыгов и восточными славянами – русами существовали определенные взаимоотношения задолго до того, как они нашли свое отражение в письменных источниках. Свидетельством этому служит богатый археологический материал из адыгских могильников IV – XII вв., по которому элементы славянской культуры прослеживаются в инвентаре и обряде погребений¹. Вещи из этих погребений позволяют говорить о тесных торговых связях между народами Северо-Западного Кавказа и Южной Русью. О развитой торговле у предков адыгов свидетельствуют также арабские письменные источники IX – X вв. Арабские источники (Баладзори, Ибн-ал-Факих) зафиксировали непосредственное проживание русов на Северо-Западном Кавказе в пределах Хазарского каганата.

Советские историки в своих исследованиях пришли к выводу, что предки адыгов имели тесные связи с восточными славянами еще до возникновения Тмутараканского княжества. Б. А. Рыбаков на основе изучения кабардинского эпоса, славянских сказаний и византийских источников полагает, что в северо-западной части Кавказа в середине I тыс. н. э. находились значительные массы славян, которые сохраняли эпические сказания о событиях в Причерноморье и на Дунае, а впоследствии они растворились среди адыгских (зихско-керкетских) племен и принесли в эту среду русский эпос². По мнению Л. И. Лаврова, археологические, этнографические и языковые материалы позволяют говорить о связях адыгов и славян с глубокой древности и полагать, что «из всех кавказских народов этнографически наиболее близкими с восточными славянами являются адыги»³. Первоначальные сведения летописей характеризуют контакты и взаимоотношения касогов с Киевской Русью, а более конкретно – с Тмутараканским княже-

ством. К этому времени, то есть к X в., предки современных адыгов – зихи и касоги – представляли собой мощные союзы племен, объединенные общностью территории и единым языком. Они имели широкие политические, торговые и этнокультурные связи с окружающим их внешним миром. Например, политические образования адыгов часто вступали в войну или же имели союзнические отношения с хазарами, которые с конца VII в. закрепились в Западном Предкавказье. Косвенным свидетельством этих взаимоотношений служит устное предание о походе адыгов на хазар и взятии ими Саркела, которое приводится Ш. Б. Ногмовым в «Истории адыгейского народа»⁴. В его достоверности лишний раз убеждает еврейско-хазарская переписка X в., которая упоминает в числе стран и народов, воюющих с Хазарским каганатом, зихов и касогов⁵. Несмотря на военные столкновения, когда этого потребовала внешнеполитическая ситуация, адыги совместно с хазарами выступили против арабской экспансии в VIII–IX вв.

В первой половине X в. русские князья совершили ряд походов в Закавказье и на Каспий, среди которых наиболее крупными были вторжения 912–913 гг. и поход на Бердаа в 943–944 гг. Поэтому можно полагать, что они были знакомы и имели контакты с народами Северо-Западного Кавказа.

Самые ранние сведения о касогах в русских летописях дошли до нас в составе выдающегося памятника русской культуры – «Повести временных лет». Они использовались и комментировались в работах дореволюционных и советских авторов. В большинстве своем исследователи давали только информационную оценку историческим событиям, связанным с касогами. Между тем важнейшее значение имеет установление автора первоначальных текстов, времени и места их создания, обстоятельства и цели включения известий о касогах в русские летописные своды. Изучение и использование летописных известий об адыгах, начиная с касожского периода и далее, вплоть до XVI–XVII вв., необходимо вести в тесной связи со всей историей русского летописания. Без учета этих методических требований нельзя сделать какие-нибудь достоверные выводы.

Широко аргументированная и подробная разработка проблем русского летописания 1072–1073 гг. в трудах таких известных отечественных ученых, как А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, Б. Д. Греков, А. Н. Насонов, Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков и других позволяет сделать вывод о том, что сведения о касогах первоначально появились в Никоновском своде 1073 г. и на его основе вошли в последующие своды.

Самое раннее упоминание о касогах содержится в летописном рассказе, описывающем восточный поход Святослава в 965 г. Лаврентьевская летопись сообщает об этом: «Одоле Святослав козарам и град их Белу Вежу взя. И ясы победы и касоги»⁶. В летописи по Ипатьевскому списку к этому фрагменту добавлено: «...и приде к Киеву»⁷. А. А. Шахматов, реконструируя Древнейший Киевский свод, выделял фрагмент «и ясы победы и касоги» как

вставку позднейшего редактора⁸. К сожалению, этот момент не всегда учитывается современными исследователями, которые касаются истории восточного похода 965 г. Описывая южную часть пути дружины Святослава (от Семендера до Саркела), они пользуются приведенным известием как абсолютно достоверным⁹. Рассматриваемый поход Святослава имел, как известно, важное значение во внешнеполитической жизни Древнерусского государства. Направленный своим острием против Хазарского каганата, он давал выход к Каспию, в районы Северного Кавказа и Причерноморья, что обеспечивало стратегическое преимущество в военном противоборстве с Византийской империей. Поэтому данные события вызывают огромный интерес. В существующей литературе имеются расхождения в изложении основного направления похода. Ряд авторов полагает, что после взятия русами Итиля они двинулись в Семендер, на обратном пути подчинили себе ясов и касогов, далее Тмутаракань и уже на последнем этапе разгромили Саркел (Белую Вежу)¹⁰. Более аргументированной, на наш взгляд, является другая точка зрения, следуя которой, Святослав после похода по окско-волжскому пути разгромил Хазарский каганат и двинулся на ясов и касогов¹¹.

При изучении этих исторических событий ученые, наряду с русскими письменными источниками, широко привлекают сведения из трудов древних арабских историков Ибн-Хаукаля, Ибн-ал-Асира и других, а также анонимной «Записки греческого топарха», датированной началом X в. В последних, к сожалению, не содержится никаких фактов о походе русов на земли ясов и касогов. Можно ли считать вставку позднейшего редактора о том, что Святослав «и ясы победы и касоги», отражающей достоверные события? Утвердительный ответ позволяет дать свидетельство Б. Н. Татищева, основанное на недошедших до нас летописных источниках. Он пишет, что в 967 г. «Святослав, елико по призыву Никифора, царя греческого, на болгар, толико по своей обиде, что болгары помогали козарам, пошел паки к Дунаю. И сошедшись у Днестра, где болгары, козары, касоги и ясы в великой силе Святослава ожидали, не хотя Днестр перепустить»¹². Как повествует летопись, Святослав не стал биться с объединенным войском своих противников, а двинулся вверх по Днестру, «где ему помощь от венгров приспела». Таким образом, можно сделать вывод, что Святослав действительно имел военные столкновения с касогами и ясами в промежутке между 965-м и 967 г., но нет свидетельств тому, что они были им в этот период покорены. Если бы они были приведены в зависимость в 965 г. Святославом, вряд ли государственные образования касогов и ясов были настолько жизнеспособны, чтобы через два неполных года оказаться в союзе болгар и хазар против русов. Как мы увидим далее, первоначальные сведения русских летописей о касогах восходили непосредственно к информации, которая шла из Тмутаракани, и относились к Никонскому своду 1073 г. По мнению Д. С. Лихачева, Никон заносил в свою летопись не только современные ему события, но и

прошлые, восполняя недостаток письменных материалов устными источниками¹³. Поэтому, на наш взгляд, более правильным будет относить фрагмент «и приведе к Киеву» не к касогам и ясам, а к хазарам.

Под 1022 г. «Повесть временных лет» сообщает о походе тмутараканского князя Мстислава Владимировича на касогов и приведении их в зависимость. «В год 6530¹⁴. Пришел Ярослав к Берестью. В то же время Мстислав, который владел Тмутараканью, пошел на касогов. Узнав же об этом, князь касожский Редедя вышел навстречу ему. И, когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради мы будем губить наши дружины? Но сойдемся и сами поборемся. И, если одолеешь ты, возьмешь имущество мое и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то я возьму все твое». И сказал Мстислав: «Будь так». И сказал Редедя Мстиславу: «Не оружием будем биться, а борьбою». И схватились бороться крепко, и долго боролись, и начал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: «О пречистая Богородица, помоги мне! Если же одолею его, построю церковь во имя твое». И, сказав это, ударил Редедю о землю. И выхватил нож, зарезал Редедю. И пошел в землю его, взял все имущество его и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов. И, вернувшись в Тмутаракань, заложил церковь святой Богородицы, и построил ее, стоит она и до сего дня в Тмутаракани»¹⁵.

Как и летописное известие о походе Святослава в 965 г., так и приведенный сюжет о единоборстве Мстислава с Редедей восходит к своду Никона Печерского, или Тмутараканского (ок. 1073 г.). Благодаря Никону информация о касогах, а также целый ряд тмутараканских и черниговских событий были внесены в киевское летописание (сперва в Начальный летописный свод и далее в «Повесть временных лет»). О том, что Никон – автор сюжетов, связанных с касогами, говорит довольно известный факт его длительного пребывания в Тмутаракани в 1061–1066 гг. и 1073–1074 гг.¹⁶ В эти годы он еще мог встретить здесь очевидцев событий 1022 г. Наверное, поэтому Никон имел возможность в подробной форме передать диалог между противоборствующими князьями в ходе поединка, что лишний раз показывает его хорошее знакомство с описываемыми событиями.

Исследователи давно обратили внимание на то, что ряд выражений и мыслей из «Повести временных лет» буквально совпадали с выражениями из другого известного памятника русской культуры – «Слова о полку Игореве». Можно привести применительно к нашей теме пример. Если автор «Слова» рассказывает о «храбром» Мстиславе Владимировиче, «иже зареза Редедю перед полка касожскими», то в приведенном выше летописном сюжете о единоборстве говорится, что Мстислав «вынзе нож, зареза Редедю»¹⁷. Такого рода совпадения вызвали у некоторых исследователей предположение о том, что автором летописных сюжетов, повествующих о Тмутаракани и Чернигове, был не кто иной, как

«вещий Боян»¹⁸. Однако оно не получило своего подтверждения. В описании поединка в конце говорится, что Мстислав, возвратившись из похода, заложил церковь св. Богородицы, которая «стоит и до сего дня в Тмутаракани». Наверное, Никон больше, нежели кто-нибудь другой, имел основание так уверенно свидетельствовать об этом. Такого рода аргументация со ссылками на архитектурные и скульптурные памятники, стоящие «и до сего дня», встречаются в «Повести временных лет» еще несколько раз. По мнению специалистов, эти места «Повести» относятся к тому пласту, который несомненно восходит к Никоновскому своду 1073 г.¹⁹ Никона считают составителем и перечня необходимых для его свода иллюстраций, которые хорошо сохранились и дошли до нас в составе Радзивилловской летописи²⁰. В числе 8 миниатюр, посвященных Мстиславу Тмутараканскому, есть композиции о войне с касогами, о единоборстве Мстислава с Редедей, о возведении церкви св. Богородицы. Художник не различает, изображая батальные сцены, русское и касожское войска. У них одинаковые головные уборы, вооружение. По мнению О. И. Подобедовой, особенно примечательным является «изображение рати в виде монолитной группы, где воины стоят плечом к плечу; зрителю виден первый ряд, а второй угадывается по множеству шлемов и лесу копий. Конные воины чаще всего располагаются в виде плотно стоящей группы в два ряда»²¹.

Анализируя данный летописный сюжет, необходимо учитывать время, в условиях которого он создавался. К моменту включения Никон в летопись устного предания о единоборстве прошло неполных сто лет с момента крещения Руси. В постепенном распространении и утверждении христианства, а также оформлении церкви как социальной организации важную роль играли «христовы» подвижники, одним из которых являлся Никон. Составленный им свод выражал официальные и в первую очередь церковные интересы. Поэтому Никон, обобщив и обработав устные предания о единоборстве, использует созданный летописный сюжет для проповеди христианской идеологии. Единственным условием победы Мстислава, по летописи, явилось его обращение к божественной силе: «О пречистая Богородица, помоги мне»²². Позже, в XVI–XVII вв., трактовка единоборства в русском летописании меняется. В условиях освобождения от татаро-монгольского ига, создания централизованного государства и захвата Астрахани и Казани борьба Мстислава с касогами и его единоборство с Редедей изображаются как борьба с антихристианской и богопротивной, то есть языческой, силой, а Редедя характеризуется как «супостат», «варвар» и «безбожник»²³.

Сюжет о единоборстве Редеди (Редады. – *адыгск.*) достаточно хорошо сохранился в адыгском фольклоре. Еще в первой половине XIX в. он был приведен в тмутараканском цикле адыгских преданий Ш. Б. Ногмовым в работе «История адыгейского народа»²⁴. Некоторые дореволюционные исследователи (М. П. Погодин, П. Г. Бутков и др.) использовали эти материалы как подтвер-

ждающие известный летописный сюжет. В последующем разгорелся научный спор вокруг ногмовской версии о борьбе между Редадой и тмутаараканским князем, а также о соотношении имени Редады и песенного рефрена уэ-редэ, уэ-рэдадэ. С сомнениями по поводу существования среди адыгов исторического предания о Редее выступил Вс. Миллер, которого позже поддержал Н. С. Трубецкой²⁵. В отличие от них, специально занимавшиеся изучением адыгских языков и адыгского фольклора, Л. Г. Лопатинский и П. Тамбиев пришли к выводу о достоверности тмутаараканского цикла преданий Ш. Ногмова²⁶. Дискуссия по данному вопросу продолжалась и в советское время. Основные положения Вс. Миллера и Н. С. Трубецкого были приняты такими исследователями, как Г. Ф. Турчанинов и Л. И. Лавров²⁷. Последние работы известных ученых-кавказоведов – фольклориста А. Т. Шортанова²⁸ и лингвиста М. Кумахова²⁹ – на основе тщательного анализа содержания упомянутой ногмовской записи, других вариантов преданий о Редее в адыгском фольклоре и их сопоставлении с русскими летописными источниками позволили прийти к выводу о подлинно фольклорном происхождении сюжета о единоборстве Редады и его широком бытовании не только у кабардинцев, но и у западных адыгов.

А. Т. Шортанов установил наличие в адыгском фольклоре целого пласта сказаний и преданий о Редее и его единоборстве с князем Мстиславом и его прообразами (Пренс Мстислау, безымянный русский богатырь и т. д.). Он показал, что, хотя предания подверглись естественной трансформации, все же главная стержневая линия (борьба Редады с чужеземными пришельцами) и особенно наиболее драматические места, несущие основную эмоциональную нагрузку, сохранились во всех вариантах. Отнесение Ш. Б. Ногмовым имени Редады к «уэрэд» и «уэредадэ» объясняется исследователем фонетической близостью, народно-этимологической трактовкой этого слова и его привязкой к исторической личности, что часто бывает характерным для фольклора многих народов. Шортанов привел различные примеры того, как припевное слово «уэрэд» в результате определенных исторических предпосылок попало из адыгского в другие языки – русский, тюркские, иранские, грузинский, ряд северокавказских. На это обращал внимание еще в прошлом столетии А. В. Марков³⁰.

М. А. Кумахов, в свою очередь, считает, что хронологические расхождения между мнением Ш. Б. Ногмова и летописным сюжетом о единоборстве объясняются устной формой предания, а если даже такие различия есть, то они не имеют решающего значения для установления связи между ними. Анализируя язык и топонимику адыгского фольклора тмутаараканского цикла, он убедительно доказывает, что мнение Л. И. Лаврова о том, будто Тамтаарак и Тамтаараканское княжество в книге Ш. Б. Ногмова не имеют отношения к исторической Тмутааракани, лишено оснований. Наоборот. Топоним Таматаркъай, как и собственное имя Редада, не выдуман Ш. Б. Ногмовым, а взят из устных преданий,

отражающих исторические связи адыгов с Тмутараканью и Тмутараканским княжеством. В решении вопроса о соотношении имени Редады и песенного рефрена уэ-редэ, уэ-редадэ Кумахов исходит из определенной закономерности языка устно-поэтического творчества. Она заключается как в переходе однозначных слов, утративших свое словарное значение, в песенный рефрен, так и в том, что переход рефрена (звукового отрезка) в однозначную смыслонесущую лексему не характерен для языка фольклора. А это, по его мнению, означает, что песенный рефрен «уэ-редэ», «уэ-редадэ» не может быть исходным для имени Редадэ. Другой вопрос – является ли имя Редадэ исходным для уэрэд (песня) и песенного рефрена «уэ-ред», «уэ-ре-дад» – остается открытым.

Таким образом, приведенные исследования убеждают нас в том, что имеется больше оснований рассматривать летописный сюжет о единоборстве Редеди и Мстислава в прямой связи с адыгскими преданиями и сказаниями о Редадэ, нежели отвергать такое. Тем более, что Никон, автор летописного сюжета, основывался на устных преданиях тмутараканцев, значительную часть которых составляли касоги, то есть адыги.

Говоря о литературе, посвященной анализу летописного сюжета о единоборстве Мстислава и Редеди, надо кратко остановиться и на небольшой публикации А. И. Попова, который попытался дать своеобразную трактовку имени «Редедя»³¹. По его мнению, подлинное имя касожского князя должно звучать как «Редега» и скорее всего это «не личное имя в собственном смысле, а династическое или географическое обозначение». Автор не смог каким-нибудь образом аргументировать выдвинутое положение. Он пытается механически отождествить название епископства Ретег, подчиненного Готской митрополии в VIII в., с именем касожского князя, которое, по его предположению, звучало как «Редега». В данном случае А. И. Попову следовало бы отталкиваться от протографа летописного сюжета о единоборстве по «Повести временных лет», а не отдельных летописей позднего времени, в которых ошибочно касожского князя иногда летописцы называли Редегой. Например, в ранних редакциях родословных книг, чьи протографы восходят к 40-м гг. XVI в. (Летописная и Румянцевская), имеется сообщение о войне между ордынским князем Редегой и князем Владимиром Мстиславичем³². А краткий Владимирский летописец XVI в. повествует о гибели князя Святослава Игоревича на днепровских порогах от печенегов, которых возглавлял князь Редега³³.

Позже отдельные факты из летописного сюжета о единоборстве Мстислава и Редеди (пленение семьи касожского князя) послужили основой при составлении родословных отдельных боярских фамилий в XVI – XVII вв. По преданию, которое использовалось в родословных для создания достоверного рассказа, два сына Редеди, увведенные в Тмутаракань, были крещены Мстиславом и получили соответственно имена Юрий и Роман. По одному из вариантов Роман был женат на дочери тмутараканского князя³⁴.

К Юрию и Роману возводили свои генеалогии боярские роды Белеутовых, Сорокоумовых, Глебовых, Симских, Добрынских и др.³⁵

Летописные источники не позволяют сделать какие-нибудь достоверные выводы о взаимоотношениях Тмутараканского княжества и касогов после событий 1022 г. Непонятно, носили ли они союзнический или вассально-подданныческий характер. Во всяком случае, спустя год, в битве под Лиственном (недалеко от Чернигова) между Ярославом Мудрым и его братом Мстиславом в дружине последнего сражались касоги: «Пошел Мстислав на Ярослава, с хазарами и касогами»³⁶.

Положение Тмутараканского княжества в середине и второй половине XI в. было довольно устойчивым. Сам город, располагавшийся у Керченского пролива, являлся крупным портом. Здесь проживало многоязычное население. Тмутаракань сохраняла прочные связи с Черниговским княжеством, которое тоже долгое время (до 1036 г.) возглавлялось князем Мстиславом Владимировичем. Специальные исследования позволили установить, что в летописных сводах XI в. четко прослеживается линия с тмутараканско-черниговскими симпатиями, которая непосредственно связывается с авторством Никона³⁷. Выше уже отмечалось, что в 60-х гг. XI в. Никон находился в Тмутаракани. Он являлся очевидцем прихода князя Ростислава Владимировича в Тмутаракань и его отравления греками в 1066 г. В тесной связи с этими событиями выступает летописное сообщение о том, что «Ростислав сущю Тмутаракани и емлющую дань у касог и у инех стран, сего же убоявшеся греци, послаша с лестью котопана»³⁸. В. В. Мавродин и А. Н. Насонов считали, что приведенная летописная статья позволяет говорить об обеспокоенности греков экспансией Ростислава в отношении Кавказа и Тавриды³⁹. Действительно, если первоначально княжество не выходило за рамки Таманского полуострова, то после активной политики, проводимой Мстиславом и его преемниками, оно расширялось в сторону Восточного Крыма и Нижнего Прикубанья⁴⁰. Правда, в отношении касогов остается не до конца ясным вопрос — носила ли выплата дани с 1022-го по 1066 г. регулярный характер и до какого времени это имело место? После событий 1066 г. и до конца XI в., когда упоминание о Тмутаракани исчезает из летописей, в русских письменных источниках не содержится никаких сведений о касогах.

Таким образом, многовековые исторические связи между русскими и адыгскими народами способствовали накоплению в России различных исторических сведений об адыгах. В основе первоначальных летописных известий о касогах в большинстве лежат памятники устной традиции адыгов, которые отражали реальные факты во взаимоотношениях Тмутараканского княжества и предков адыгов. Автором рассмотренных в публикации летописных сюжетов являлся Никон (Великий), из свода которого они попали в более поздние летописи.

НАКОПЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ И ЗНАНИЙ О КАБАРДЕ В РОССИИ (XI – XVIII ВЕКА)

Периоду научного изучения истории Кабарды в дореволюционной исторической науке предшествовала длительная стадия накопления конкретного материала. Рассмотрение этого процесса, хотя бы в самой общей форме, позволит выяснить, какого объема и качества мыслительный материал имелся к моменту появления первых научных характеристик по Кабарде в исторической литературе. Это важно и для установления преемственности в развитии исторических знаний по истории Кабарды в русской исторической науке.

Учитывая, что кабардинцы не имели в XI–XVIII вв. своей письменности, а значит, и собственных письменных источников, становится понятным огромное научное значение русских письменных источников в воссоздании средневековой истории кабардинцев. Исследуемый процесс будем прослеживать на основе опубликованных материалов и давать краткую источниковедческую и историографическую характеристику наиболее известных типов и видов русских письменных источников по Кабарде. Такой материал присутствует в русских летописях, хронографах, памятниках устного народного творчества, описаниях путешественников, отчетах различных посольств и академических экспедиций, официальных актах.

Наиболее ранние исторические сведения о предках кабардинцев относятся к летописному периоду русской историографии. Их появление было обусловлено тесными контактами касогов с Тмутараканским княжеством. Лаврентьевская летопись, описывая поход Святослава в 965 г. против хазар, сообщает о приведении в зависимость касогов¹. Под 1022 г. летопись описывает поход тмутараканского князя Мстислава Владимировича на касогов. Здесь дается подробное описание поединка Мстислава с касожским князем Редедей². Спустя год касоги, уже в составе дружины Мстислава, принимают участие в походе против князя Ярослава Владимировича³.

А. А. Шахматов считал, что приведенные сюжеты восходили к Начальному летописному своду и были внесены туда летописцем на основе рассказов печерского монаха, впоследствии игумена Никона⁴. Есть основания считать мнение А. А. Шахматова вполне справедливым, поскольку реконструированные им летописные своды более раннего периода не содержат указанных известий о касогах. Об авторстве Никона этих фрагментов говорит довольно известный факт его длительного пребывания в Тмутаракани, где он собирал местные предания⁵. Известно, что значительную часть местного населения здесь составляли касоги, то есть адыги. Сюжет о единоборстве Редеди (Редады. – *адыгск.*) сохранился в адыгском устном народном творчестве. В основе первоначальных русских летописных известий о касогах в большинстве лежат памятники устной традиции адыгов, которые отражали реальные

факты во взаимоотношениях Тмутараканского княжества и предков адыгов.

В летописи под 1066 г. имеется еще одно сообщение, где говорится о дани, которую платили касоги Тмутаракани⁶. Неизвестно, носила ли выплата дани регулярный характер и до какого времени это имело место.

Приведенные выше рассказы Никона, вошедшие в летописи, были подвергнуты обработке в церковных кругах. Они перешли и в более поздние летописные своды с небольшими изменениями⁷. Последние не дают ничего нового при восстановлении протографа о ранних летописных известиях про касогов.

В летописях XIII – первой половины XVI в. (Новгородской первой летописи старшего извода, Рогожском летописце, Лаврентьевской, Ермолинской и Никоновской летописях) содержатся лишь краткие сообщения о монголо-татарском нашествии на страну касогов в 1222 г.; о «море» среди многочисленных народов в 1346 г., среди которых упоминаются и «черкесы»; о найме Мамаем в свое войско в числе других и «черкесов» в 1380 г. и т. д. Исследованиями советских историков установлено, что эти известия отражали вполне достоверные события⁸.

Во времена монголо-татарского нашествия адыго-русские связи временно прекратились, что напрямую отразилось на процессе накопления исторических сведений о кабардинцах и других адыгах в России.

Русские летописи начиная с событий XIV в. употребляют для обозначения кабардинцев и других адыгов термин «черкасы» или «черкесы». Выявление интересующих нас материалов в некоторых случаях осложняется тем, что термин «черкасы» начинает употребляться в России с XVI в. и по отношению к украинцам Поднепровья⁹.

Огромное значение в исторических судьбах кабардинцев и западных адыгов сыграл заключенный ими к середине XVI в. (1557 г.) военно-политический союз с Русским государством. Этот акт сыграл важную роль в социально-экономическом, политическом и культурном развитии адыгских народов. С этого времени начинается интенсивное накопление исторических сведений о Кабарде в различных видах русских письменных источников.

Летописи второй половины XVI в. фиксируют важнейшие события в политической жизни кабардинцев. Основным источником при восстановлении событий, связанных с посольствами 1552–1557 гг. от западных адыгов и кабардинцев, в результате которых был оформлен военно-политический союз с Русским государством, является летописный материал¹⁰. Дела Посольского приказа о «черкесских князях приездах» не сохранились¹¹. Еще до установления адыгами тесных политических контактов с Москвою в XVI в. Львовская летопись сообщала о нападении кабардинцев на Астрахань в 1532 г. и возведении ими на астраханский престол царевича Аккубека. Данное летописное известие хорошо сопоставляется с памятниками устной традиции кабардинцев, в частности, с циклом

сказаний и историко-героических песен о легендарном кабардинском витязе Андемырконе.

Наиболее полно указанные события и дальнейшее развитие русско-адыгских, в особенности русско-кабардинских связей, нашли отражение в Львовской, Лебедевской и Александро-Невской летописях. Львовская летопись содержала отдельные известия о приездах адыгских посольств в 50-е гг. XVI в. Лебедевская летопись излагала интересующие нас события с момента приезда первого адыгского посольства в 1552 г. по сентябрь 1562 г. Александро-Невская летопись под 1552 г. сообщала о посольстве адыгов в Москве и прерывалась. В продолжении к ней известия о черкесах начинались от мая 1563 г. и доходили до февраля 1567 г. В летописях содержался разнообразный материал, характеризующий русско-кабардинские отношения во второй половине XVI в., – выезды кабардинских князей и их служба при дворе Ивана Грозного; просьбы кабардинцев и попытки русского правительства по обращению их в христианство в начале 60-х гг. XVI в.; вооруженная помощь со стороны Московского государства союзным кабардинским князьям в борьбе с внутренними и внешними врагами; участие кабардинских конных формирований в составе русских войск в военных действиях против Крымского ханства и Швеции и т. д. Примечательно, что летописи зафиксировали и характер подчинения кабардинских и западноадыгских князей царской власти. Львовская летопись указывает, что царь «черкасским князьям в свои земли учинил отъезд и приезд добровольно»¹². Такое сообщение имеется и в Лебедевской летописи: «...а в свои земли учинил отъезд и приезд добровольно»¹³. Эти князья, насколько мы можем судить, выступали в роли служилых и сохраняли за собой все свои владения в Кабарде.

Летописные известия часто имели налет определенной тенденциозности и неточности. К сожалению, в них не содержалось никакой информации о внутреннем положении Кабарды в социально-экономическом плане. Ничего в них не говорится о кабардинском трудовом населении. Они сообщали сведения только о кабардинской правящей верхушке.

Характеристика в летописях Темрюка Идарова как «большого князя» говорит о том, что институт «пшиуали» (верховный правитель. – К. Д.), известный в более поздних источниках, существовал в полной силе уже в Кабарде XVI в. За это место происходили ожесточенные столкновения между различными княжескими группировками.

Летописный материал показывает, что в Кабарде второй половины XVI в. шла ожесточенная борьба в среде правящей знати, из которой часть принадлежала к группе, придерживающейся русской, а другая – турецко-крымской ориентации. Группировка во главе со старшим князем Темрюком Идаровым после принятия русского подданства в 1557 г. получила существенную поддержку в лице Московского государства. После женитьбы на Марии Темрюковне Ивана Грозного летопись сообщает, что «которые чер-

каские князи Темгрюку князю были непослушны, и те, слыша царское жалование к Темгрюку князю, что царь и великий князь Темгрюка князя пожаловал, дочь его взял за себя, и они Темгрюку князю учили быти послушны и во всем учинилися в Темгрюкове княжой воле»¹⁴.

За 1558–1567 гг., как свидетельствуют летописи, в ответ на посольство Темрюка в Москву у него около шести раз бывали русские послы и около четырех раз ему была оказана военная помощь¹⁵. В Кабарду посылались крупные военные силы. В сентябре 1565 г., по сообщению Никоновской летописи, Иван Грозный в Кабарду «полем послал воеводу своего князя Ивана княже Дмитриева сына Дашкова, а с ним детей боярских Мурамцова да Мещерян, да Ивана Фестова с казаки с Михайлова города да з Разского и з Шацкого и со всеми казаки Рязанские украини; а Мамстрюка князя отпустил царь и великий князь в судех...»¹⁶. Эти сведения хорошо сопоставляются с сообщениями разрядных книг, в частности 1475–1605 гг.¹⁷

Летописные известия о междоусобных войнах кабардинской знати и участие в них русских войск говорят о попытках князя Темрюка Идарова и его сторонников политически консолидировать Кабарду в 50–60-х гг. XVI столетия, опираясь на помощь Московского государства.

В 60-е гг. XVI в. Степенная книга заимствовала отдельные известия о Кабарде и русско-кабардинских отношениях из Никоновской летописи. Но, в отличие от последней, Степенная книга не дает их подробного обзора, а приводит лишь краткие сообщения об отдельных событиях. Это произведение интересно тем, что в нем содержится расширенный вариант упомянутого поединка Мстислава с Редедей. Его описание, насколько нам известно, в такой текстовой комбинации не содержится больше нигде. В книге данному эпизоду отводится специальная глава «О храбрости и мужестве князя Мстислава и како победи сильного Редедю»¹⁸. В отношении касогов позиция автора прослеживается в обидном для них описании Редеди, который называется «варваром» и «безбожным супостатом». Как и в первоначальном летописном тексте, в Степенной книге главным условием победы Мстислава выступает его духовное преимущество над Редедей. Но здесь описание поединка намного глубже проникнуто церковной идеологией, автор которого пользуется для этого многочисленными церковными сказаниями.

Сведения, приводимые летописями конца XVI – первой половины XVII в., показывают, что в этот период русско-кабардинские связи расширялись и крепились. Кабардинцы поддерживали тесные связи с Терским городом. Новый летописец, говоря об очередном кабардинском посольстве в Москву в 1594 г., сообщает, что «...велел их государь оберегати ото всех орд Терским людям»¹⁹. В летописях этого периода высоко оценивается роль Сунчалая Янглычевича, Каспулата Муцаловича и других кабардинских князей, которые занимались активной посреднической деятельностью.

тью между народами Северного Кавказа и Москвой²⁰. Почти во всех летописях второй половины XVI – первой половины XVII в. содержатся многочисленные сведения о службе различных Черкасских (выходцев из Кабарды и других адыгских земель) на военном и гражданском поприще Русского государства.

Большой интерес в изучении истории Кабарды и русско-кабардинских отношений представляют акты и делопроизводственные материалы²¹. Анализ многих из выявленных документов этой группы источников дан в работах Е. Н. Кушевой²².

Среди актов материалов особое место занимают жалованные грамоты русских царей кабардинским князьям и «всей Кабардинской землею». В договорных грамотах сообщалось о принятии в подданство и готовности Русского государства защитить Кабарду от врагов. Условия этих отношений оговаривались в основных текстах грамот. Например, в грамоте царя Федора Ивановича старшему князю Кабарды Камбулату Идарову в июле 1588 г. отмечалось: «...с нашими воеводами жити и нам служити и опричь нас к иному ни к которому государю не приставати. А кто нам будет недруг, тот бы и вам был недруг, и стояти вам всею землею Черкасскою Кабардинскою на нашего недруга с нашими воеводами с астраханскими и с терскими заодин»²³. Содержание договорных грамот кабардинским князьям было в традиционной форме. Сам тип этих грамот свидетельствует о союзническом характере установившихся отношений между Русским государством и Кабардой. Клаузулы грамот говорят о своеобразном феодальном вассалитете: «...кто нам будет недруг, то бы и вам был недруг».

В договорных грамотах кабардинским князьям устанавливались и их обязанности по отношению к Русскому государству в военном плане. В цитированной выше грамоте говорилось: «А коли мы велим итти на службу черкасским князем на которого своего недруга, и тебе Камбулату – князю, и детям твоим и Домануку князю и Мамстрюку – князю и братье их и племянником и всем князем черкасским посылати к нам на нашу службу на наших недругов братию свою и детей и племянников с ратными людьми, скольким коли велим итти ратным людем, столькими и итти»²⁴. В отдельных случаях, например в грамоте Ивана Грозного князю Мамстрюку Темрюковичу, указывалось точное количество кабардинских ратников, которые должны выступить в поход²⁵.

Помимо договорных, кабардинским князьям выдавались жалованные грамоты типа льготно несудимых, которые служили в Терском городе. Так, в 1615 г. Сунчалеи Янглычевич был пожалован князем «над окочаны и черкасы», служившим в Терском городе, с правом судить и в ратном строении и во всяких делах их ведать²⁶. Грамоты, предоставлявшие такие права, получили князья Шолох Сунчалеевич и Каспулат Муцалович»²⁷. Эти грамоты позволяют сделать интересное наблюдение, что окоцкое и черкесское население Терского города пользовалось экстерриториальностью и не подчинялось терскому воеводе. Е. Н. Кушева счи-

тает, что такие жалованные грамоты создавали в Терском городе рядом с русским воеводой и подчиненными ему ратными людьми особое вассальное Черкесское княжество²⁸.

Параллельно с жалованными грамотами кабардинским князьям царская власть направляла грамоты астраханским и терским воеводам. В них сообщались воеводам фамилии жалованных кабардинских князей, давались инструкции по отношению к ним, определялся порядок выдачи жалования, содержались указы по организации совместных походов и т. д. При сопоставлении сведений, содержащихся в грамотах этих двух групп, видно, что они совпадали. Это свидетельствует о том, что тексты грамот достоверны и отражали реальные события. Жалованные грамоты кабардинским князьям составлялись в Посольском приказе в двух списках. За редким исключением (в случае, если грамота оставалась невысланной) подлинники не сохранились. На жалованных грамотах кабардинским князьям, в отличие от указных, употреблялась всегда красная печать (это было традиционным для данной группы документов), что подчеркивалось в конце текста: «У той грамоты привешена на шелковом шнуру из красного воску печать».

Главной политической причиной выдачи рассмотренных грамот кабардинским князьям являлось, на наш взгляд, стремление Русского государства закрепить свое влияние в Кабарде, которая была важным стратегическим участком на Северном Кавказе. Жалованные грамоты в данном случае использовались в качестве средства, постепенно оформлявшего феодально-подданные отношения кабардинских князей по отношению к царской власти. Поэтому данная группа документов характеризует, главным образом, только политическую сторону русско-кабардинских отношений.

Важнейший по своему качеству и количеству материал о Кабарде начал сосредотачиваться со второй половины XVI в. в фонде Посольского приказа. Большинство из этих документов дошли до нас в составе различных фондов ЦГАДА.

Дела о первых сношениях кабардинцев с Московским государством не сохранились, но определенное представление о них дают описи царского архива и архива Посольского приказа 1614 г.²⁹ В описи царского архива, дошедшей до нас в дефектном виде, имеются отметки о содержащихся в ящиках 183, 201, 211, 226 следующих делах: «...посылке о сватовстве в Литву, и в Свейскую землю, и в Черкасы; ...черкасских князей приезды и Дамануко* ...посылки черкасские ко князю Темгрюку, и книги, писаны в тетрадах от лета 7070-го до лета 7072-го»³⁰. Уже опись Посольского приказа 1614 г. содержит указания лишь на обрывки этих дел³¹. Если взять опубликованные описи, то приведенные две, в отличие от описи Посольского приказа 1625 г., не дают сведений и внешних признаков, содержащихся в них документов. Эти дела восстанавливаются лишь частично летописными материалами, при

* В описи: до Манука.

составлении которых они были использованы. Известно, что с конца XV в. Посольский приказ имел отношение к русскому летописанию.

Как показывают опубликованные материалы и содержание названных работ по их изучению, поток документации, затрагивающий Кабарду, шел в основном в двух направлениях и параллельно по двум каналам. Из Москвы от имени царя или Посольского приказа документы направлялись кабардинским владельцам, а также астраханским и терским воеводам. Это были жалованные и указные грамоты, наказы. Обратная документация шла в Москву из Кабарды, Астрахани, Терского города. Она состояла из челобитных кабардинской знати, отписок и докладов русских воевод³².

В этом комплексе материалов затрагивается разнообразный круг вопросов: о поездках кабардинских владельцев в Астрахань, в Москву; о выдаче им жалованья; о борьбе различных княжеских группировок в Кабарде и участии в них терских и астраханских служилых людей; о приведении к присяге на подданство России (шертование) различных князей и организации контроля за выполнением шертных обязательств; об отправлении кабардинских отрядов для участия в военных действиях против Швеции и Крымского ханства; о позиции кабардинской правящей верхушки во взаимоотношениях Русского государства с Турцией и Крымом и т. д.

В многочисленных «памятях» различных приказов имеются известия по определению жалованья кабардинским князьям и мурзам, об освобождении отдельных из них от таможенных пошлин, давалась оценка лошадям, доставляемым из Кабарды.

Большая группа делопроизводственных материалов середины XVII в., которая была выявлена и опубликована Е. О. Крикуновой и И. М. Павловой, показывает, что Кабарда играла важную роль во взаимоотношениях России и других северокавказских народов³³.

Из комплекса материалов по вопросам военной и административной организации русского господствующего класса определенные сведения о Кабарде проходят в боярских списках, росписях русских войск, разрядных и родословных книгах. Эта документация связана, главным образом, с Черкасскими, Ахамашуковыми-Черкасскими, Егуповыми-Черкасскими – княжескими родами, сложившимися в России со второй половины XVI в. из выезжавших на русскую службу правителей Кабарды и западных адыгов.

Из документов Разрядного приказа наибольшую ценность имеют родословные книги, которые несли интересную информацию о Кабарде. Возникновение родословных перечисленных выше адыгских княжеских фамилий происходило в специфических условиях. Они начали составляться на основе показаний «выезжих черкасских князей» в Посольском приказе в первой половине XVII в. Наверное, это было связано с местническими вопросами и необходимостью определения служебного положения Черкасских наряду с другими служилыми фамилиями. Родословные показывают, как адыгские князья со второй половины XVI в. в ранге служилых влились в состав правящего класса Московского государства, и мно-

гие из них заметно проявили себя на политическом и военном поприще. Достаточно назвать, например, таких деятелей, как Михаил Темрюкович, Борис Камбулатович, Василий Карданукович, Дмитрий Мамстрюкович, Яков Куденетович, Михаил Алегукович и т. д. Данный вид источников может многое дать в изучении вопроса о трансформации образа жизни, психологии и быта адыгских князей различных поколений в представителей высшей русской феодальной верхушки.

Как установила М. Е. Бычкова, в редакции родословной книги, в 81-й главе, в списке П. П. Вяземского содержатся наиболее подробные росписи потомков различных Черкасских³⁴. В родословных росписях присутствуют сведения о внутреннем положении Кабарды конца XVI–XVII в. Так, родословные росписи кабардинских князей, которые содержатся в книгах А. М. Пушкина и А. И. Лобанова-Ростовского, характеризуют сословные взаимоотношения кабардинской знати, размеры их населенных пунктов (кабаков) и количество подвластного населения. Например, в родословной говорится: «А кабаки за ними (т. е. внуками упоминаемых лиц. – К. Д.) были дедов ево Домануки да Мамстрюки князя, а ныне те все кабаки Клычовы за Будаचेю. Всех кабаков 11, а людей в них 250 человек с лишком, опричь черных людей, а люди добры»³⁵. Родословные позволяют считать, что зачастую в XVI–XVII вв. кровопролитные междоусобные войны в среде кабардинской феодальной знати происходили именно из-за земельных владений. Родословные росписи дают возможность полнее восстановить историю политических взаимоотношений адыгских народов и Русского государства. В качестве примера можно сослаться на выявленную недавно в столбцах родословных росписей Разрядного приказа ЦГАДА роспись рода Ахамашуковых, Егуповых и Чумаховых Черкасских³⁶. Она позволяет уточнить некоторые детали адыгских посольств в Москву в 1552–1557 гг.³⁷

В делах Посольского приказа имеются интересные документы частной переписки, адресованные Черкасским, которые служили в Москве. Письма свидетельствуют о том, что князья Черкасские, занимая видное место в среде русской высшей феодальной знати, своим положением и связями оказывали влияние на ход северокавказских событий. В качестве примера можно сослаться на два письма. Первое исходило от княгини Тауки Салтанбековны из Терского города и адресовано сыну Михаилу Алегуковичу Черкасскому³⁸. Второе письмо принадлежало тарковскому шамхалу Сурхаю и было написано князю и воеводе Григорию Сунчалеевичу Черкасскому³⁹.

В русской дипломатической документации XVI–XVII вв., в статейных списках посольств, проходят вопросы, связанные с Кабардой. Материалы многих посольств характеризуют внешнюю политику Московского государства, которое укрепляло свои позиции на Кавказе и стремилось нейтрализовать и по мере возможности не допускать в этом районе влияния Персии, Турции и ее вассала Крымского ханства. На примере статейных списков И. П. Ново-

сельцева⁴⁰ (1570 г.) и А. Ф. Жирового-Засекина⁴¹ (1600–1601 гг.) видно, как русские послы, отвергая притязания турок и персов, аргументировано доказывают, что Кабарда является подданной Русского государства.

Весьма ценными являются сведения по социально-экономической истории кабардинцев, которые содержатся в материалах посольств. В статейном списке Ф. Е. Елчина⁴² (1639 – 1640 гг.) говорится о взаимоотношениях и династических связях между кабардинскими князьями и грузинскими царями. Стольник Н. М. Толочанов и дьяк А. Иевлев в своем списке⁴³ (1650–1652 гг.) фиксируют феодальную зависимость осетинского племени дигорцев от кабардинских князей и сообщают точные размеры выплачиваемой первыми дани. В материалах этого посольства довольно ясно показано, что Кабарда XVII в. состоит из различных феодальных уделов: «Алегукиной Кабарды», «Мундаровой Кабарды», «Шолоховой Кабарды», «Кенмаметовой Кабарды»⁴⁴ и т. д. В статейных списках есть данные и о хозяйственной деятельности кабардинцев. Например, обращается внимание на тесные хозяйственные и торговые связи Кабарды с Терским городом. Толочанов и Иевлев сообщают, что «сотник и стрельцы (из Терского города. – К. Д.) били челом посланникам, чтобы велели отпустить для проса в Шолохову Кабарду к Кенмамет Ибакову купить на едере, что не стало у них хлеба»⁴⁵. Материалы посольства по этому вопросу подтверждаются отписками русских воевод. Так, самарский воевода Дмитрий Пожарский еще в начале XVII в. сообщал: «...а на Терек де хлеб идет из Черкаских гор»⁴⁶.

Московский купец Ф. Котов в описании своего путешествия на Восток говорит о тесном трудовом сотрудничестве русских, кабардинцев, кумыков на рыболовных промыслах близ Терского города: «А на том острове Терские люди и тарковские кумычане и горские черкасы ловят рыбу...»⁴⁷.

О том, какое отражение находила внутренняя жизнь кабардинского общества в XVI – XVII вв. в официальных русских документах, мог бы многое дать архив Терского города, имевший тесные связи с Кабардой. Но, к сожалению, он в исторической литературе считается погибшим⁴⁸.

Е. Н. Кушева на основе анализа различных документов из фонда Посольского приказа, поступивших в различное время из Астраханской приказной палаты и Терского города, показала, что они уже отмечали наличие в Кабарде различных феодальных сословий, как «козларов» и «дюжняков», известных в более поздних документах как «тлякотлешей» и «деженуго», т. е. кабардинских дворян первой степени. Касаясь трудового населения, документы разделяли их на «черных людей», «пахотных людей», «деловых людей» и «холопов»⁴⁹. В документах XVI–XVII вв. имелись ссылки на кабардинский «обычай», или поступки, совершенные «по-черкаски», которые, таким образом, впервые начали фиксировать институт обычного права.

С начала XVII в., когда отношения подданства кабардинцев Рус-

скому государству стали достаточно прочными, правительство подробнее начинает интересоваться географическим положением и ресурсами Кабарды. Эта заинтересованность была обусловлена продолжавшейся борьбой Московского государства с Турцией и Персией за торговые пути, проходившие через Кавказ на Восток. Одна из имевшихся сухопутных дорог из Москвы в Закавказье проходила через Кабарду, поэтому имелась необходимость в информации о точном географическом расположении Кабарды и ее населения. Такая информация собиралась и учитывалась. Составленная в 1627 г. «Книга Большому Чертежу» содержала подробное географическое описание Кабарды⁵⁰. Накапливавшиеся сведения о наличии полезных ископаемых позволили уже со второй четверти XVII в. Московскому государству начать экономическое освоение Кабарды. Сюда были посланы специалисты для исследования обнаруженных здесь залежей серебряной и медной руды⁵¹.

Важным моментом в процессе накопления исторических сведений о Кабарде в России в XVI–XVII вв. являлось то, что, наряду с официальной русской историографией, которая отражала интересы господствующего класса, интересующая нас информация находила отражение и в русской народной исторической традиции. Такое важнейшее политическое событие, как сближение Кабарды с Русским государством и установившиеся тесные связи между ними проходят в цикле исторических песен о Мамстрюке Темрюковиче⁵² и в таком памятнике русской агиографической литературы, как «Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне»⁵³.

Интересующая нас проблематика содержится в «Скифской истории» А. Лызлова, одного из известных историков XVII в. Затрагивая в основном историю татар и турок, автор приводит многочисленные факты совместной борьбы Московского государства и Кабарды против Крымского ханства в XVII в.⁵⁴

Как видно из изложенного выше, по различным каналам поступала определенная информация о Кабарде, которая была известна и использовалась русской историографией. Но надо заметить, что в целом до XVIII в. накопление исторических сведений о кабардинцах носило отрывочный и разрозненный характер. Л. И. Лавров, рассматривая общее состояние кавказоведения в этот период, пишет: «В целом документы допетровской Руси хотя и содержат значительную информацию о Кавказе, но представляют собой разрозненные сведения, преимущественно о путях сообщения, политической ситуации, торговле и религиозной принадлежности местного населения. Гораздо меньше в них фактов, относящихся к полезным ископаемым, сельскохозяйственному и ремесленному производству, этническому составу и быту. Сбор информации производился от случая к случаю и почти всегда вытекал из практических задач текущего момента»⁵⁵.

Заметным этапом, отличавшимся более систематическим и интенсивным изучением Кабарды, выступил XVIII в. Это определя-

лось общими процессами социально-экономического, политического и культурного развития Российского государства в этот период. В стране шел процесс формирования всероссийского рынка, росли мануфактуры, создавалась промышленность. Интересы русского дворянства и зарождающейся буржуазии требовали активной внешней политической деятельности правительства в своей восточной политике.

Активность русской дипломатии в отношении Кавказа сначала была обусловлена преимущественно заботой о стратегическом обеспечении доступов к южным морям, а затем, со второй половины века, и стремлением русских помещиков к расширению сферы крепостнической эксплуатации путем освоения южных степей⁵⁶. В XVIII в. с новой силой обостряется борьба между Россией и Турцией за Причерноморье и черноморские проливы, как путь зарождавшегося русского хлебного экспорта.

Составной частью российской восточной политики являлось и стремление окончательно утвердиться в Кабарде. В силу этих названных обстоятельств Россия активно укрепляет свои пограничные рубежи на Кавказе посредством строительства целого ряда крепостей и военных укреплений, получивших позже название Кавказской укрепленной линии. Ее строительство проходило через земли различных горских народов. Поэтому правительству необходимы были достоверные сведения об этих землях и живущих здесь народах. С этой целью начинают составляться, в основном усилиями военнослужащих, различные карты и историко-этнографические описания Кабарды; устраиваются более подробные опросы кабардинских послов в Коллегии иностранных дел.

Быстрое накопление исторических сведений и знаний о Кабарде в XVIII в. было связано также с общим развитием науки в России, организацией здесь Академии наук. Академия наук предпринимала крупные научные экспедиции с целью изучения производительных сил страны. В их ходе делались различные физико-географические описания, собирался материал по истории, этнографии, лингвистике различных народов, изучалось состояние земледелия, скотоводства, различных промыслов и торговли. В этом плане большое значение для изучения кавказских народов имели академические экспедиции 1768–1775 гг. и 1793–1794 гг., представленные такими учеными, как И. А. Гюльденштедт (1741–1781), С. Г. Гмелин (1744–1774) и П. С. Паллас (1741–1811), с именами которых связано возникновение научного кавказоведения.

Во второй том «Кабардино-русских отношений» вошли 8 историко-географических и историко-этнографических списаний Кабарды⁵⁷.

Из историко-географических описаний важное значение имеет карта и составленное к ней описание Большой и Малой Кабарды⁵⁸, которые были выполнены в 1744 г. Степаном Чичаговым. На нее было нанесено 33 селения в Большой Кабарде и 15 – в Малой Кабарде. Имеются комментарии к этой карте⁵⁹, которые характеризуют различные стороны социально-экономических отношений в Кабарде XVIII в.

В специальной исторической литературе первой половины XVIII в. Кабарда затрагивается в «Ядре Российской истории» А. И. Манкиева. События русской истории здесь освещаются в тесной связи с историей других народов. У Манкиева присутствуют факты о взаимоотношениях Кабарды с Россией в XVI в., женитьбе Ивана Грозного на кабардинской княжне⁶⁰. Весьма ценным являлось первое в исторической литературе подробное описание герба Кабардинской земли, которое дает Манкиев в «Прибавлении о гербах державы Российской»⁶¹.

В первой половине XVIII в. большую работу по исследованию окраин нашей страны проводил известный русский историк В. Н. Татищев. В «Истории Академии наук СССР» дана оценка научной деятельности великого историка, где отмечается, что в ней «отразились характерные черты русской историографии – внимание к вопросам историко-географического характера, обусловленное процессом постепенного расширения территории русского государства, и связь с этнографическим изучением многонационального населения, вошедшего в состав России»⁶². Данная характеристика достаточно приложима и к тому научному интересу, который проявлял Татищев к Кабарде.

Во время своего губернаторства в Астрахани (1741–1745 гг.) Татищев сам и через своих помощников собирает различные материалы о кабардинцах, которые впоследствии вошли в «Историю Российскую» и в его «Лексикон». Под его руководством была составлена одна из первых известных Кабардинских ландкарт. В списке под № 438/128 «Книги Большому Чертежу», хранящемся в ЛОИИ, на листах 89 – 130 есть отметка: «Сего 1744 года июня 16 дня по данной мне инструкции от его превосходительства тайного советника астраханского губернатора Василия Никитича Татищева в Кизлярскую крепость для учинения обстоятельной ландкарты тамошним местам за рекою Тереком до Персидской границы и до Малой Кабарды... и оной журнал геодезиста Сергея Счелкова»⁶³. А уже в указе Коллегии иностранных дел от 18 июля 1746 г. говорится «о Кабардинской ландкарте, присланной сюда прошлого 1745 г. при доношении тайного советника и прежде всего бывшего в Астрахани губернатором Татищева»⁶⁴, на которой имелись сведения о кабардинских владениях.

В силу своего служебного положения в первой половине 40-х гг. XVIII в. Татищев находился в курсе всех политических событий, происходящих в Кабарде⁶⁵. Наряду с вопросами текущей политики, затрагивавшими интересы России в этом регионе, известный русский историк собирает материалы по истории кавказских народов. В «Примечаниях на «Сибирскую Историю» Г. Ф. Миллера» он сообщает: «...если Академии потребны родословные росписи калмыцких князей, торгоут, хошот и дербетов, яко же Большой Кабарды, оные по требованию могу прислать»⁶⁶. Татищев в своих работах обнаруживает глубокие знания древней и средневековой Кабарды. Им затрагиваются вопросы этногенеза кабардинцев, их хозяйства, религии, языка, истории русско-кабардинских истори-

ческих связей⁶⁷. На основе личных изысканий и различной информации, имевшейся в тот период в России, В. Н. Татищев сделал в своих работах первые краткие обобщения о Кабарде.

В историко-этнографических описаниях наряду с различными сторонами быта освещались вопросы взаимоотношений Кабарды с соседними народами, описывалась междоусобная война между двумя крупными феодальными группировками в XVIII в., делались попытки определить численность и вооруженные силы кабардинцев⁶⁸.

Наибольший интерес из историко-этнографических описаний представляет «Краткое описание о кабардинских народах», сделанное в 1784 г. генерал-поручиком Павлом Потемкиным⁶⁹. В нем затрагиваются генеалогия известных кабардинских княжеских фамилий, права феодальной знати, формы общественного правления и дается описание различных общественных институтов. В данной работе впервые была дана развернутая характеристика «общего круга», то есть народного собрания кабардинцев. Подчеркнув сословность высшего органа правления, Потемкин допустил некоторые противоречия в оценке роли представителей различных классов в выработке законодательных решений. Например, он пишет, что «глас простого народа решит уже законодательное положение; он властен принимать и отменять предложения владельцев и согласия узденей; положение народное служит силою закона...»⁷⁰. Если привлечь для проверки данного положения различные документы второй половины XVIII в.⁷¹, они показывают, что голос народных представителей в высшем органе правления в этот период уже не играл существенной роли. Несмотря на отдельные недостатки, которые имелись в «Описании кабардинского народа» П. С. Потемкина, оно явилось одним из первых ценных историко-этнографических описаний, широко использованных последующими историками. Первые научные экспедиции на Кавказ были предприняты в начале XVIII в. В 1717–1720 гг. состоялась по поручению Петра I экспедиция Г. Шобера на р. Терек, в результате которой было проведено географическое обследование этого района и собраны некоторые этнографические сведения о живших здесь народах⁷². В 1728 г. капитан русской артиллерии И. Г. Гербер по поручению правительства составил карту и описание прикаспийских областей Кавказа, включавших и Кабарду. В «Записках о находящихся на западном берегу Каспийского моря, между Астраханью и рекою Кура, народах и землях и об их состоянии в 1728 г.»⁷³ Гербер приводит довольно подробные для своего времени материалы о нравах и быте различных народностей Северного Кавказа. В. К. Гарданов считает, что работа Гербера – «первое в европейской литературе систематическое описание Кабарды, характеризующееся строгим отбором фактического материала и его максимально возможной в тогдашних условиях проверкой»⁷⁴. Начиная с И. Г. Гербера, русские исследователи обращают внимание на различие общественно-политических форм правления у различных адыгских народностей. В одних случаях, как показывает М. О. Косвен,

это были довольно сложные, сословно-дифференцированные политические образования, централизованные, с отчетливо выраженной персональной властью, в других – образования по внешнему виду более примитивные, некие народоправства, представляющие собой соединения отдельных обществ, не подчиненных какой-либо центральной власти⁷⁵. И. Г. Гербер, описывая кабардинцев в своих «Записках», дал пример первой формы правления.

Кроме описаний, официальных документов и рапортов, определенный интерес для рассматриваемой темы представляют дневники, которые велись различными должностными лицами в Кабарде. Ежедневные записи, выполнявшиеся авторами этих дневников, касались различных сторон кабардинской жизни. Примером может служить «Дневник майора Татарова, веденный в Кабарде в 1761 году»⁷⁶. П. Татаров был послан в Кабарду в описываемый им период для примирения двух княжеских группировок («баксанской» и «кашкатовской»), которые вели между собой ожесточенную борьбу на протяжении всего столетия. Записи, которые делались им ежедневно с мая по ноябрь 1761 г., содержат интересные сведения о сословных взаимоотношениях кабардинской знати.

В сборе различной информации о Кабарде правительство придавало особое значение сведениям, исходившим от местных владельцев. В опросах, которые устраивались кабардинским послам, приезжавшим в Москву в XVIII в., уже заметное место занимают вопросы по социально-экономическому положению кабардинцев. В протоколе опроса Магомета Атажукина в Коллегии иностранных дел о Большой и Малой Кабарде от 7 марта 1732 г.⁷⁷, кроме вопросов о политической ориентации кабардинских владельцев и взаимоотношений их с Крымским ханством, содержатся подробные сведения о численности населения, о расположении населенных пунктов, о вооруженных силах и производстве оружия, различных промыслах и торговле.

В ноябре 1743 г. Магомет Атажукин вместе с Адильгереем Гиляксановым и кумыкским феодалом Хамзиным сообщают в Коллегию подробные сведения об общественном строе северокавказских горцев, о их языках, обычаях и территориальных границах⁷⁸.

Материалы, накапливавшиеся о Кабарде в России в XVIII в., используются не только для научных целей, но и для выработки политического курса русским правительством в переговорах с Турцией и Крымским ханством, которые предъявляли свои претензии на Северном Кавказе. На них русские дипломаты и резиденты широко пользовались различными историческими документами, что хорошо видно и на примере выработки Белградского трактата в 1739 г., согласно которому Кабарда была провозглашена «вольной», или Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 г., в результате которого Османская Порта согласилась с тем, что Кабарда входит в сферу влияния России.

Из материалов различных экспедиций особое место занимают работы академика И. А. Гюльденштедта и П. С. Палласа, с имена-

ми которых связано начало научного изучения истории кабардинцев.

Нам удалось установить, что понятия «аристократическая» и «демократическая» формы правления по отношению к горским народам впервые употребил И. А. Гюльденштедт, описывая политический строй кабардинцев, а не С. М. Броневский, как полагал М. О. Косвен⁷⁹. Это было сделано в его работе «Географические и исторические известия о новой пограничной линии Российской империи, проведенной между рекою Тереком и Азовским морем»⁸⁰. Она не вошла как в издание работы И. А. Гюльденштедта, осуществленное в 1809 г. академиком К. Ф. Германом⁸¹, так и в извлечения, опубликованные в советское время В. К. Гардановым⁸². В данном случае И. А. Гюльденштедт, используя указанные понятия, не раскрывает их. Но уже сам факт того, что в первых оценках, которые давались общественным отношениям Кабарды XVIII в., использовались широко распространенные в русской историографии этого периода понятия, характеризующие формы государственного устройства, — «монархическая», «аристократическая», «демократическая», «деспотическая» — было важным моментом.

В своей другой работе «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа»⁸³, затрагивая структуру кабардинского общества, Гюльденштедт выделяет «князей», «многочисленное дворянство» и «простой народ», который повинуетя первым. Как характерную черту Кабарды XVIII в. ученый отмечает раздробленность и междоусобные войны. Касаясь хозяйственной жизни кабардинцев, он указывает на их главные занятия: «...скотоводство, наипаче разведение овец, составляет главнейшее их упражнение», и «хлебопашество ограничивается почти одним токмо просом, оное заменяет им хлеб»⁸⁴.

И. А. Гюльденштедт близко подходит к отражению действительного состояния адыгских народов, которые в эпоху средневековья были разобщены и экономически, и политически. Он считает, что «Черкесия не имеет собственного владения и земли ее не имеют правильного отношения, хотя учреждение ее и республиканские»⁸⁵. Данная характеристика была сделана в общеадыгском масштабе, которая не учитывала специфику в форме правления у так называемых «аристократических» и «демократических» племен.

В «Заметках о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 — 1794 гг.» П. С. Палласа дается картина территориального расселения адыгских племен. Говоря о хозяйстве адыгов, он считает, что «вся домашняя экономика черкесов ограничивается обработкой земли и разведением многочисленных стад»⁸⁶. Очень ценным являлось описание ученым земледельческого и скотоводческого труда кабардинцев. «Они возделывают землю большими плугами, запряженными от 6 до 8 быков; водят стада на пастьбу, рубят дерево для срубов или для топки, строят жилища, жнут хлеб и косят траву, которой зимой кормят животных»⁸⁷.

П. С. Паллас подробно рассматривает в своей работе сословно-классовую структуру кабардинского общества. Им выделяются «князья, знать, подданные» (или крестьяне). Приводится генеалогическая схема наиболее известных фамилий, начиная с легендарного Инала и кончая князьями XVIII в. «Знать (уздени), – пишет ученый, – разделяется на древнее рыцарское дворянство и важную знать (уздени узденей). Самыми известными фамилиями из древней знати являются Куденетовы, Тамбиевы, Анзоровы...»⁸⁸. Фамилии, называемые Палласом, упоминаются в многочисленных русских документах XVI – XVIII вв., как самые «лучшие уздени» Кабарды⁸⁹.

Паллас показывает, что основными занятиями кабардинских князей и дворян являлись только войны, охота и грабежи. Им раскрывается система вассальных отношений у кабардинцев, которая, по понятиям ученого, играет такую же важную роль в их среде, как и в других феодальных обществах. «Согласно их феодальной системе, – пишет Паллас, – знатный и даже всякий человек, способный носить оружие, должен сопровождать князя во время войны»⁹⁰. В отличие от П. С. Потемкина, имевшего некоторые противоречивые взгляды на положение народа, П. С. Паллас достаточно ясно показывает угнетенное положение зависимого населения. Он подробно описывает систему повинностей, выполняемых крестьянами. Они выступали в виде барщинных отработок и оброчных обязательств⁹¹.

В трудах известных русских историков второй половины XVIII в. М. Д. Чулкова, М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина приведены ценные материалы по Кабарде и русско-кабардинским отношениям, которые не потеряли своего значения и до сегодняшнего дня.

Особое значение для раскрытия русско-кабардинских торговых-экономических отношений в XVIII в. имеет труд М. Д. Чулкова «Историческое описание российской коммерции»⁹². Рассматривая историю торговли России с кавказскими народами, Чулков выделяет два главных события, в результате которых открылись безопасные условия проезда к Каспийскому морю и торговля через Астрахань, – это взятие Астрахани и присоединение «черкесов» к России в XVI в.⁹³

В работе дается подробное историко-географическое и историко-этнографическое описание Кабарды⁹⁴. Чулков, исследуя торговлю кабардинцев, придавал большое значение их хозяйству: «...жители имеют пропитание от хлебопашества, скотоводства, конских заводов и торговых промыслов»⁹⁵. Тщательно устанавливаются и перечисляются продукты их земледельческого и скотоводческого труда⁹⁶. Кроме соседних горских народов, в качестве главных торговых партнеров Кабарды называются Россия, Турция и Персия. Чулков показывает, что торговля с Россией велась кабардинцами в XVIII в. в основном через Астрахань и Кизляр.

Чулков отмечает, что торговля носила или меновой характер, или велась на русские, персидские и турецкие деньги. В работе приводится именной указ Петра I от 26 октября 1720 г. астрахан-

скому губернатору А. П. Волинскому, в котором указывалось приложить все усилия для расширения торговли через Астрахань. Здесь, в частности, содержатся пункты: а) о заведении овчарных заводов в Астрахани и закупке с этой целью у горских народов овец; б) об организации конских заводов, используя персидскую и кабардинские породы лошадей; в) об обследовании с помощью мастеров из Берг-Коллегии полезных ископаемых в Кабарде⁹⁷ и т. д. Таким образом, впервые в исторической литературе, в работе М. Д. Чулкова получила широкое освещение история русско-кабардинских торговых отношений.

Как и В. Н. Татищев, в своих трудах М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин публикуют большое количество летописных материалов о русско-кабардинских исторических связях, начиная с «касожского» периода до XVIII в.⁹⁸ Особое внимание этими историками было уделено факту сближения Кабарды с Россией. Учитывая тесные связи, установившиеся между кабардинцами и русскими, М. М. Щербатов считает себя обязанным остановиться на вопросах кабардинской истории⁹⁹. Довольно четко показывается Щербатовым и Карамзиным, что главными предпосылками, послужившими оформлению политического союза между Россией и Кабардой, являлись древние связи между этими народами, внешняя угроза независимости Кабарды со стороны Турции и Крымского ханства в XVI в. Главная ценность указанных работ в изучении истории Кабарды состоит в том, что материалы, относящиеся к летописному периоду и преемственно перешедшие в историческую науку, в XVIII в. были введены в научный оборот М. М. Щербатовым и Н. М. Карамзиным. В «Примечаниях», сделанных этими историками в своих работах, до нас дошли многочисленные выписки о Кабарде из различных источников, в то время как многие из них не сохранились. В трудах данных историков не дается какой-нибудь специальной оценки общественному строю кабардинцев. Лишь у М. М. Щербатова присутствует краткое замечание о форме их политического устройства: «Довольно известен каждому любопытному читателю род правления народов черкесских и кабардинских, у которых власть, разделенная между множеством князей и начальников, не оставляет им ни внутреннего спокойствия, ни довольной силы от внешних врагов защищаться»¹⁰⁰. Скорее всего он здесь понимает политический строй Кабарды как систему удельных порядков.

Накоплению исторических знаний о Кабарде в России в конце XVIII в. в определенной мере способствовали и труды ряда иностранных ученых, состоявших в разное время на службе Русского государства. Ценные материалы о Кабарде содержались в трудах Я. Рейнегса¹⁰¹, Я. Потоцкого¹⁰², Я. Штелины¹⁰³ и И. Георги¹⁰⁴.

В различных научных изданиях конца XVIII – начала XIX в., носивших обобщающий характер, учитывался многообразный материал, накопившийся о народах национальных окраин в России. Достаточно полно отразилось это в «Географическом словаре Российского государства»¹⁰⁵, составленном Л. М. Максимовичем и А. Щекатовым.

Сделанные в «Географическом словаре» научные обобщения о Кабарде говорят о большом объеме и разнообразии информации о ней, которая накопилась к моменту ее издания в России.

Здесь имеются подробные сведения о территории и расселении кабардинцев, о социально-политическом и экономическом положении, о языке, о религии.

Максимович и Щекатов пользовались, судя по их обзорам, самым разнообразным корпусом материалов, начиная от летописей, описаний посольств, грамот и кончая официальными документами. Они дают подробный очерк русско-кабардинских исторических связей с древних времен до конца XVIII в. Характеризуя внутреннюю жизнь Кабарды, в «Словаре» обращается внимание на то, что главной причиной распада ее на Большую и Малую послужили многочисленные междоусобные войны. В Большой Кабарде правили крупные княжеские фамилии – «род Мисостов, род Атажукин, род Бек-мурзы, род Кайтукин», в Малой – «род Геляхстанов и род Таусултанов»¹⁰⁶. Касаясь формы поселений и основных хозяйственных занятий, Максимович и Щекатов пишут: «...живут в деревнях и небольших местечках, а городов не имеют, производят земледелие, скотоводство, ремесла и торговлю...»¹⁰⁷. Описывается различная продукция кабардинской домашней промышленности, производство железа и пороха, шерстяных и хлопчатобумажных изделий¹⁰⁸. В «Словаре» подчеркивается отсутствие в Кабарде какого-нибудь промышленного производства, хотя уже с конца XVIII в. начинают под влиянием России появляться здесь отдельные механические заведения¹⁰⁹. Авторы обзора дают характеристику торговле Кабарды с Россией, Грузией, Персией и Турцией. Обращается внимание на ее меновой характер.

В своем обзоре Максимович и Щекатов пытаются охватить и основные стороны социально-политической жизни кабардинского общества. Они разграничивают три рода людей – «князья» (беи), «дворянство» (мурзы) и «подданные, или простой народ». «Подданные отличаются у некоторых владельцев от рабов некоторой разностью в податях и поборах»¹¹⁰. В данном случае фиксируется существование различных категорий зависимого населения. Подробно описываются система вассалитета и регулирование ею взаимоотношений в среде феодальной знати, расположение княжеского домена¹¹¹. Очень важным являлось то, что составители «Словаря» обратили внимание на различие степени эксплуатации зависимого населения у двух основных групп адыгов. «Некоторые из сих народов, – пишут они, – почти никакой подати князьям своим не платят; другие должны с терпением сносить и то, когда за одним разом берут у них четвертную долю их имущества, либо еще больше...»¹¹².

Таким образом, мы попытались проследить в самой общей форме процесс накопления исторических сведений и знаний о Кабарде в России с древних времен до конца XVIII в. Отсюда следует вывод, что многовековые исторические связи русского и кабардинского народов, их постепенное сближение в XVI в., даль-

нейшее укрепление этого союза, внешнеполитические интересы Русского государства определяли в целом интерес русской исторической мысли к Кабарде в рассмотренный период. Был накоплен разнообразный материал, имеющий разное качество и объем и содержащийся в самых различных источниках. Усилиями русских историков он начинает вводиться в научный оборот начиная с XVIII в., что способствовало дальнейшему повышению интереса к Кабарде и русско-кабардинским отношениям в России, их научному изучению. Русская историческая наука в конце XVIII в. пришла в изучении Кабарды к определенным выводам и обобщениям. Это дало возможность уже к началу XIX в. русской дворянско-буржуазной историографии приступить к созданию специальных исторических работ как по Кабарде, так и по истории адыгов в целом.

К ГЕНЕАЛОГИИ ЗАПАДНОАДЫГСКИХ ЧЕРКАССКИХ (КНЯЖЕСКИХ РОДОВ) В XVI–XVII ВЕКАХ

В процессе сближения адыгских народов с Россией со второй половины XVI в. позитивную роль сыграла деятельность Черкасских – княжеских родов, сложившихся из выезжавших на русскую службу представителей адыгской феодальной верхушки. С этого времени они в ранге служилых князей¹ вошли в состав правящего класса Московского государства, и многие из них заметно проявили себя на политическом и военном поприще. Наиболее известными были кабардинские Черкасские – потомки сыновей кабардинского князя Идара. Кроме того, существовали ветви Черкасских, которые принадлежали к другим адыгским этническим группам – бесленеевцам и жанеевцам, а именно: Ахамашуковы-Черкасские, Егуповы-Черкасские и Чюмаховы-Черкасские. Их история, в отличие от кабардинских Черкасских, не получила специального освещения в литературе. А между тем «изучение истории различных семей, связанных с государственным управлением, групп семей, относящихся к определенным сословным слоям, формирования этих сословных слоев совершенно необходимо для плодотворного исследования различных аспектов политической истории»².

В данной публикации сделана попытка восстановления генеалогии указанных западноадыгских княжеских родов в той мере, в которой позволяют обнаруженные разрядно-родословные материалы официального происхождения и известные науке летописные источники.

В русских источниках самые первые сведения о князьях Черкасских содержатся в летописных материалах, повествующих об адыгских посольствах в Москву в 1550-х гг. И, хотя история этих посольств и связанных с ними событий изучены исследователями, считаем целесообразным привести здесь некоторые летописные сюжеты, в которых прослеживается история западноадыгских Черкасских.

По сообщению Никоновской летописи, в ноябре 1552 г. «при-

ехали к государю и великому князю черкасские князи Маашук-князь да князь Иван Езбозлуков да Танашук-князь бить челом, чтобы их государь пожаловал, вступился в них, а их з землями взял к себе в холопи, а от крымского царя оборонил»³. Возглавлявшие посольство князь Маашук Кануков был бесленеевским владельцем, а Иван Езбозлуков – абазинским. Они просили принять адыгов и абазин в русское подданство и оказать помощь в борьбе с Крымским ханством. Черкесские князья задержались в Москве до августа 1553 г. Они ходили в поход с Иваном Грозным на «государевы украины», а после известий о крымском набеge «на Черкасы» были отпущены на родину. Как свидетельствует летопись, князья «крест государю целовали на том, что им со всею землею Черкасскою служить государю до своего живота: куда их государь пошлет на службу, туда им ходити»⁴. С адыгскими князьями был послан «в Черкасы» посол Андрей Щепотьев, чтобы «правды их видети».

Через два года в Москву прибыло новое адыгское посольство в составе 150 человек. Оно возглавлялось жанеевскими князьями Сибком с сыном Кудадеком и братом Ацымгуком, а также абазинским князем Тутарыком Езбозлуевым. С ними вернулся и царский посол А. Щепотьев. «И били челом князи черкаские ото всей земли Черкаские, чтобы государь пожаловал, дал им помощь на Турьского городы и на Азов и на иные городы и на крымского царя, а они холопи царя и великого князя и з женами и з детьми во веки»⁵. Андрей Щепотьев свидетельствовал царю, что черкасы «дали правду всей землею». Посольству было оказано большое внимание. Царь пожаловал его «великим своим жалованием» и черкасским князьям «во свои им земли учинил отъезд и приезд добровольный»⁶. Тутарык и Кудадек по их челобитью были крещены, получив соответственно имена Иван и Александр. Адыгским народам была обещана помощь против крымского хана, но в отношении Турции Иван IV не захотел дать каких-либо гарантий и сослался на то, что «турский солтан в миру со царем и великим князем»⁷.

Как показывают специальные исследования⁸, в результате указанных посольств был заключен взаимовыгодный для адыгских народов и Московского государства военно-политический союз, который положил начало процессу тесного сближения адыгов с Россией.

Первоначальные выезды черкесских князей на службу русскому государю относятся к 1557 г. В Никоновской летописи этот момент был специально выделен и обозначен: «О приезде князей черкасских служить государю». В сообщении говорилось: «Того же месяца (т. е. в июне. – К. Д.) приехали князи черкасские служить и о устрое бить челом и прокы себе, Машук-князь Кануков да Себок-князь Кансауков да Чюгук-мирза да Тохта-мурза да Татар-мурза – служил у Крымского, царю крымскому шурин, царя Давлит-Кирея болшаа царица сестра его родная и дочь Татзатык-мурза, – да с ними люди их... И царь и государь их пожа-

ловал и устроил их»⁹. Данное сообщение было использовано позже при составлении генеалогической росписи Ахамашуковых, Егуповых и Чюмаховых Черкасских. Летописное сообщение появилось в росписи для создания достоверного рассказа о выезде названных родов. Начало росписи повествует о том, что «приехали из гор служить к великому государю царю и великому князю Иоанну Васильевичу всеа России князи Черкасские Маюшук князь Ахамашукович, да Чюгук князь Егупович, да Тахта князь Чумахович...»¹⁰.

Ахамашуковы-Черкасские

После выезда бесленеевского князя Маашука Канукова на русскую службу он принял крещение, получив имя Иван. Начало его службы совпало с сообщением русского посланника в Крыму Федора Загрязского о намерении хана «быти на государевы уклады»¹¹. Иван Грозный направил в Тулу татарского царевича Тохтамыша и князя Маашука со своими людьми и указал «впред им быти в передовом полку». Разряды свидетельствуют, что князя Маашук Кануков и Сибок Кансауков (в крещении Василий) в 1558 г. находились на службе в Вышегороде¹². Осенью этого года активизировались военные действия в Ливонии. Князь Иван Маашук во главе передового полка был направлен в Псков и оттуда предпринял наступление к г. Раковору¹³. В результате успешной военной кампании в этот период восточная часть Эстонии была присоединена к России.

В конце 50-х – начале 60-х гг. XVI в. усиливается совместная борьба Московского государства и адыгов против военной экспансии крымского хана и Турции. Удачные действия русских войск против Крыма в 1558 – 1559 гг. со стороны Днепра и Дона под руководством Дмитрия Вишневецкого и Данилы Адашева способствовали обращению западных адыгов в Москву с просьбой, чтобы царь «дал бы им воеводу своего в Черкасы и велел бы их всех крестити»¹⁴. В 1560 г. «в Черкасы» был отправлен князь Дмитрий Вишневецкий с Иваном Маашуком и жанеевским князем Сибоком Кансауковым¹⁵. Объединенные войска русских и адыгских князей в течение 1560–1561 гг. осуществили ряд крупных набегов на Крым, что вызвало беспокойство в Турции и Литовском княжестве.

О последующей деятельности Маашука Канукова источники ничего не сообщают. Гораздо позже, составленный во второй половине XVIII в., «Синодик по убиенным во брани» сообщает о его смерти в борьбе с турками: «Благоверному князю Амашуку Черкасскому, убиенному от нечестивых турков за православную веру, вечная память»¹⁶. Можно предполагать, что это произошло до 1562 г., так как давнишний соратник Маашука Канукова по установлению и упрочению русско-адыгских связей Сибок Кансауков был вынужден в 1562–1565 гг. поддерживать мирные отно-

шения с Крымом и уже не выступал в тесном союзе с бесленеевцами¹⁷. Вероятно, гибель бесленеевского князя послужила впоследствии одной из причин разобщенности в действиях западно-адыгских владельцев.

С х е м а 1

Маашук (в крещении Иван) — Маашук Ахамашуков (Петр) — Василий

В русских документах имеется известие о выезде из Константинополя в 1550-х гг. в Москву к Ивану Грозному князя Ага-Маашукова Черкасского, очевидно сына бесленеевского князя Маашука¹⁸. По мнению Е. Н. Кушевой, этот выезд был обусловлен двумя причинами. Во-первых, обращением адыгов с просьбой о подданстве к Москве, причем одним из инициаторов выступал Маашук Кануков. Во-вторых, неблагоприятной ситуацией, сложившейся в то время для адыгов, служивших при турецком дворе. Дело в том, что примерно к 1552 г. турецкий султан Сулейман казнил наследника престола Мустафу и его малолетнего сына по подозрению в измене. Мать Мустафы была черкешенкой и происходила из бесленеевцев¹⁹.

В делах Тайного приказа есть упоминание о крещении «черкасского мурзы Агамашукова» и испомещении его во Ржеве²⁰. Родословная роспись сообщает, что он получил имя Петр²¹. Об успешной службе Петра Ахамашукова имеется ряд сообщений. Судя по разрядным записям, он в 80-х гг. XVI в. принимал активное участие в войнах со Швецией. «А 94 году сентября сыскано в разряде: Государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси по свейским вестем указал послати на непослушника своего на свейского короля рать зимою. Бояр и воевод по полкам: в правой руке боярам и воеводам Иван Васильевич Годунов, да воевода кн. Петр Ахамашуков Черказской»²². Боярский список 1588–1589 гг. упоминает его в числе лиц, которые должны были выступить с государем в поход на Новгород²³.

Наверное, он считал свое положение в среде высшей русской феодальной знати достаточно прочным, если в апреле 1602 г. осмелился вступить в местнический спор с Федором Ивановичем Басмановым и его сыном²⁴. В 1604 г. в чине стряпчего Петр Ахамашуков со своими людьми был в составе русского войска, посланного против самозванца Лжедмитрия²⁵. Спустя два года он получил назначение в Сибирь («на Березов»), где находился до конца 1607 г.²⁶ Дворцовые разряды 1614 г. содержат сведения о том, что Петр Ахамашукович Черкасский сидел воеводою в Галиче, откуда был вызван в Москву и направлен в Алатырь²⁷.

Как и другие западноадыгские Черкасские, представители рода Ахамашуковых получали за службу поместья. У Петра Ахамашукова таким поместьем было село Терехова Гора в Желогостицкой волости, которое включало 891 четверть пашни²⁸. Это был

сравнительно большой для того времени поместный оклад, не претерпевший каких-либо изменений на протяжении всей службы: в 1614/15 г. Петр Ахамашуков имел тот же оклад, что и до «московского разорения» – «700 четвертей земли, денег 60 рублей»²⁹. Умер он в 1615 г. и погребен в Симоновском монастыре³⁰.

Первые записки о сыне Петра Ахамашукова в дворцовых разрядах относятся к 1614 г., когда Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский был послан воеводою в Воронеж³¹. В 1615 г. он стольник и воевода «у Арбатских ворот» в Москве³². 20 августа этого же года вместе с боярином Ф. И. Шереметьевым был послан царем в Псков «промышлять над королем и над немецкими людьми»³³. Оттуда направлен воеводою в Сибирь³⁴. В 1616 г. в чине стольника присутствовал на приеме государем английских послов³⁵. Спустя год он вместе с Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским послан по царскому указу «промышлять над литовскими людьми» на Волоку³⁶. Находясь с другими воеводами в «большом полку» под Можайском, Василий Ахамашуков выиграл местнический спор с Иваном Колтовским³⁷. Летом 1618 г. вновь обострились русско-польские отношения. Королевич Владислав, претендовавший на московский трон, двинулся с войсками в глубь страны и, заняв Дорогобуж, Вязьму, оказался в Можайске. Сюда срочно были направлены русские войска во главе со стольниками и воеводами Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским и Василием Петровичем Ахамашуковым-Черкасским³⁸. В июле в этих сражениях Дм. М. Черкасский был ранен и отправлен в Москву.

В 1619 г. В. П. Ахамашуков-Черкасский от имени царского двора часто посылается с различными поручениями к наместникам. Когда он был отправлен в Псков к боярину и наместнику Ф. И. Шереметьеву, то ему было «велено передать государево жалованное слово сказать и о здоровье спросить боярина Федора Ивановича Шереметьева с товарищи»³⁹. За это на него бил челом и участвовал в местническом споре боярин и князь Данило Иванович Мезецкий. Последний проиграл данное дело. В 20-х гг. XVII в., исполняя обязанности стольника, князь Василий Петрович часто присутствовал на различных царских приемах («прием турских, кызылбашских посланников», «именины царицы» и т. д.)⁴⁰.

Особо важным в названный период являлась его деятельность на Вяземском рубеже в качестве посла «для всяких расправных дел и для межевания от Литовского рубежа»⁴¹. Так, в 1622–1623 гг. Василий Ахамашуков возглавил русское посольство на переговорах с Польшей и Литвой⁴². Переговоры, или «посольский съезд», проходили между Вязьмой и Дорогобужем на р. Поляновка. В дипломатической переписке между Россией и Польшей за 1622 г. говорилось: «Исполняя бояре данное вельможами (т. е. польскими вельможами. – К. Д.) обещание, отправили 20 августа на съезд стольников, князь Василия Петровича Ахамашукова-Черкасского, Никиту Васильевича Вышеславцева, да дьяка Афанасия Истомина»⁴³. Стороны заключили мирное соглашение, согласно которому, «чтоб с обе стороны делати по мирному договору и ссоры б

и обид никому ни от ково не было и мирного поставленья вперед не нарушити»⁴⁴.

С февраля 1624 г. князь Василий Петрович был назначен псковским воеводой. Здесь ему приходилось решать многие важные вопросы, связанные с русско-шведскими взаимоотношениями⁴⁵. Оттуда в 1624 г. он был направлен воеводой опять в Вязьму, где пробыл до конца 1627 г.⁴⁶ С сентября 1629-го по июль 1632 г. Василий Петрович числится по разрядам воеводой в Двинской области, а также в Архангельске⁴⁷. 6 августа 1635 г. Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский был пожалован вторым думным чином, существующим в Русском государстве, — из стольников он стал окольничим и вошел в состав Боярской Думы⁴⁸.

Положение В. П. Ахамашукова-Черкасского еще более упрочилось в среде русской феодальной верхушки. По данным, которые содержатся в публикации Я. Е. Водарского, состояние князя Василия Петровича росло по мере продвижения по службе. Если в 1638 г. он имел 44 двора, то в 1647 г. их было уже 181⁴⁹. С этого времени Василий Ахамашуков входит в число особо близких к царю лиц. Дворцовые разряды сообщают, например, что 2 июня 1636 г. и 1 марта 1638 г. князь и окольничий Василий Петрович «был за столом у государя на именинах царевича Ивана Михайловича» и «царицы и великой княгини Евдокии Лукьяновны»⁵⁰. Конечно, такая близость была не по душе представителям отдельных боярских фамилий. В 1641 г. Иван Клепиков-Бутурлин «бил челом государю на окольничего на князя Василия Ахамашукова-Черкасского, что ему меньше его быть не вместно»⁵¹.

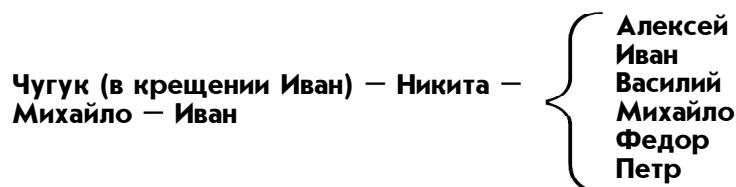
В 1642–1643 гг. князь Василий Петрович — окольничий и воевода в Пскове и принимает здесь датского королевича Вальдемара⁵². В августе 1644 г. присутствует на приеме государем «бухарских послов» и «черкесских князей»⁵³. На свадьбе царя Алексея Михайловича разряды называют В. П. Ахамашукова-Черкасского в числе лиц, которые «у государя были в чинах»⁵⁴. В феврале 1649 г. он участвует в приеме иерусалимского и палестинского патриарха Наисия⁵⁵. Последняя запись о Василии Петровиче относится к 1651 г., когда он вел переговоры с литовскими послами⁵⁶. С кончиной князя Василия Петровича в 1652 г. угасла ветвь князей Ахамашуковых-Черкасских⁵⁷. В указанной выше родословной говорится: «...Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский был при царе Михаиле Федоровиче всеа России околничим и умре бездетен...»⁵⁸

Егуповы Черкасские

Жанеевский князь Чугук, или Ацымгук, выехавший на русскую службу в июне 1557 г., приходился родным братом Сибоку Кансаукову и дядей Кудадеку, то есть Александру Черкасскому. Приняв крещение, князь Чугук получил имя Иван⁵⁹. В основе фамилии княжеского рода Егуповых лежит русская транскрипция (Егуп, Ягуп)

адыгского имени Якъуб. О деятельности Ивана Егуповича Черкасского сохранилось мало сведений. Известно, что, начав службу, он получил поместье во Ржеве⁶⁰. Это было село Холмец в волости Старый Туд, которое включало 681 четверть пашни⁶¹. Помимо него, он владел поместьем и в Шелонской пятине — «44 выти в двух погостах», то есть около 500 четвертей пашни⁶². Боярский список 1588 — 1589 гг. называет Ивана Егупова-Черкасского в числе лиц, которые должны прибыть в войско для участия в походе на Новгород⁶³. Последний раз он упоминается в разрядах в 1598 г.

С х е м а 2

Князь Никита Егупов-Черкасский в чине стряпчего числился со своими людьми в составе русского войска, посланного против самозванца в 1604 г.⁶⁴ Упоминается он и в боярском списке 1606–1607 гг.⁶⁵ В период коронования царя Михаила Федоровича в 1613 г. князь Никита Иванович был пожалован чином стольника⁶⁶. Спустя четыре года он стольник и воевода в Ливнах⁶⁷. Записи в разрядах за 1619–1629 гг. говорят о службе Никиты Ивановича «столянником у государя»⁶⁸, в то же время, в 1626 г., он был направлен воеводою в Переславль-Рязанский⁶⁹. По царскому указу в марте 1630 г. князь Никита Иванович находился на «государевой службе в Украинном разряде»⁷⁰. До октября 1630 г., возглавляя передовой полк, он находился в Дедиловском уезде⁷¹. Из-за этого назначения на князя Никиту Ивановича Егупова-Черкасского «били челом государю воеводы о местах: Федор да Григорий Пушкины да князь Иван Лобанов»⁷². Местнический спор решился в пользу Егупова-Черкасского.

Сохранился интересный документ — «Список з грамоты слово в слово», который дан был царем Михаилом Федоровичем воеводам князю Никите Ивановичу Егупову-Черкасскому и Левонтию Агафоновичу Извольскому в период их службы в передовом полку в Дедилове⁷³. В 1631 г. князь Никита Иванович присутствует на приеме шведского посла Антона Монира⁷⁴. В 1632 — 1634 гг. он направлен воеводою в Томск⁷⁵. Существует отрывок «Томского статейного списка стольника и воеводы князя Никиты Егуповича Черкасского с товарищи», где говорится о донесении к нему от Якова Тухачевского «с дороги с Кеи-реки»⁷⁶. Сведения разрядных дел полностью подтверждают характеристику князя Никиты Ивановича, которая содержится в родословной: «Князь Никита при государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всеа России

был в стольниках, и во 138 году был на Дедилове полковым воеводою да в 141 году был в Сибири в Томском городе воеводою, и тому свидетельствуют наказы и грамоты...»⁷⁷

Сын Никиты Ивановича – Михаил, по свидетельству родословной, «при самодержце был в стольниках»⁷⁸. Сохранилось несколько грамот конца 40-х – начала 50-х гг. XVII в., составленных князем Михаилом Никитичем Егуповым-Черкасским в бытность его костромским воеводой⁷⁹. Документы позволяют характеризовать князя Михаила Никитича как типичное должностное лицо феодального государства, который пунктуально добивался своевременного поступления уездных налогов в царскую казну.

О последующих потомках княжеского рода Егуповых-Черкасских имеется сообщение лишь родословной росписи. «А у князя Михаила Никитича сын князь Иван у великого государя царя и великого князя Иоанна Алексеевича всеа великия и малыя и белыя России самодержца в комнате, а у князя Ивана дети: князь Алексей, князь Иван, князь Василий, князь Михайло, князь Федор, князь Петр, и князь Алексей, и князь Иван, и князь Василий у благоверной государыни царицы и великой княгини Прасковьи Федоровны в стольниках»⁸⁰. Разрядные материалы не содержат сведений об указанных лицах⁸¹. Судя по родословному справочнику В. П. Долгорукова, княжеский род Егуповых-Черкасских прекратил существование в середине XVIII в.

Чюмаховы-Черкасские

Родоначальник княжеского рода Чюмаховых-Черкасских (русская транскрипция адыгского имени Шумахуз) Тахта-мурза, выехав в Москву в 1557 г., принял крещение под именем Андрея⁸². Он получил поместье в Дубенской волости Ржевского уезда – село Ванино с 450 четвертями пашни. По-видимому, у него были еще и другие поместья⁸³. Его имя встречается в разрядных делах под 1586 г.: «...по вестям посланы на Тулу в прибавку головы из Серпухова князь Андрей Черкасский, да Иван Гусь Милюков»⁸⁴. Боярский список 1588–1589 гг. упоминает князя Андрея Чюмахова и его сына Петра в числе участников предстоящего царского похода на Новгород⁸⁵. Как видно из росписи русского войска, посланного против самозванца в 1604 г., отец и сын, находясь со своими людьми в передовом полку, принимали активное участие в боях с Лжедмитрием I⁸⁶. В 1605 г. князь Петр Андреевич в чине стольника направлен в Новгород-Северский⁸⁷.

В период с 1606-го по 1607 г. князь Андрей Чюмахов являлся сторонником Василия Ивановича Шуйского. В «боярских списках этих лет напротив его имени стоит отметка о том, что он «сказался болен» и не прибыл в войско⁸⁸. Однако в разрядных делах сохранилась запись о том, что «лета 7114-го году государь царь и великий князь Василий Иванович всеа Руси быть боярам и воеводам под Елцом... в сторожевом полку князь Михаиле да князь

Андрей Чюмахов»⁸⁹. Как свидетельствуют источники, князь Андрей и его сын Петр находились в составе войска под командованием царского брата И. И. Шуйского и участвовали в боях под Калугой во время восстания Болотникова. В феврале – марте 1607 г. князь Андрей был еще в сторожевом полку⁹⁰.

На данном этапе успех сопутствовал восставшим, которые предприняли попытку освобождения Калуги из осады. С этой целью из Тулы двинулся крупный отряд во главе с А. А. Телятевским. На встречу им были посланы царские полки под командованием князя Б. Татеева⁹¹. В начале мая 1607 г. произошло крупное сражение на р. Пчельне (юго-восточнее Калуги). Восставшие наголову разбили царские войска. Разрядная запись гласит: «Того же году посланы были воеводы на Пчелну против воровских людей, в передовом полку воевода князь Михаиле Петрович Борятинский и боярина князь Бориса Татеева и князь Ондreja Черкасского на Пчелне убили»⁹². Родословная же говорит о гибели в этом сражении не князя Андрея, а его сына Петра⁹³. Сведениями о других представителях княжеского рода Чюмаховых-Черкасских автор данной публикации не располагает.

Таким образом, представители рассмотренных нами западноадыгских княжеских родов при выезде на русскую службу получали дворянские чины, а не звание служилых князей, как кабардинские Черкасские. Им были положены высшие поместные оклады. Хотя они назначались на почетные должности, редко сразу становились первыми воеводами, однако все имели воеводские чины. По приведенным местническим делам видно, что «сословная честь» западноадыгских Черкасских была достаточно высокой в иерархической структуре феодального общества.

История адыгских Черкасских и их деятельность в России интересна и сама по себе, и в связи с различными аспектами истории феодального класса России в XVI–XVIII вв. Они активно участвовали в политической жизни русского общества, занимали высокое положение в аппарате управления, являлись крупными землевладельцами. Достаточно назвать, например, таких деятелей, как Михаил Темрюкович, Борис Камбулатович, Василий Карданукович, Дмитрий Мамстрюкович, Яков Куденетович, Михаил Алегукович⁹⁴ и т. д. Отдельного и специального изучения требует вопрос о трансформации образа жизни, психологии и быта адыгских горских князей различных поколений в представителей высшей русской феодальной верхушки. Особое значение при этом имеет введение в научный оборот разрядно-родословных материалов.

Публикуемая родословная роспись была составлена, скорее всего, в 80-х гг. XVII в. для подачи в Палату родословных дел и занесения в новую родословную книгу. Инициатива, видимо, исходила от Егуповых-Черкасских, которые представили к своей родословной список с жалованной грамоты царя одному из представителей их рода. Известно, что в сентябре 1686 г. был дан указ о записи в особую книгу выезжих родов, в котором было прибавлено: «А которых родословных росписей до сего великих госуда-

рей указу не подали, и у тех ныне росписей не принимать и родов их в те книги не писать»⁹⁵. Государев родословец в новом варианте был закончен во второй половине 1687 г. и по своему бархатному переплету получил название Бархатной книги. Кроме Егуповых-Черкасских, в Бархатную книгу не попали ни другие западно-адыгские Черкасские, ни кабардинские Черкасские⁹⁶. А между тем генеалогические росписи потомков кабардинского князя Идара были составлены, и их различные редакции широко известны в России в 40-х гг. XVII в. Вероятно, кроме Егуповых-Черкасских, другие вовремя не подали необходимые документы в Палату родословных дел.

В отличие от известных генеалогических росписей кабардинских Черкасских в публикуемой родословной росписи не содержится этногенетических преданий. Она представляет собой поколенную роспись нисходящего родства, то есть записаны потомки родоначальников трех родов по мужской линии. Роспись и список с грамоты написаны на двух желтых листках черными чернилами, в столбце шириною почти в четверть, скорописью XVII в. На обороте росписи написано: «195 г. енваря в 2 день подал стольник князь Иван князь Михаиле сын Егупов Черкасской. Список з грамот с подлинного справить. Князь Иван Егупов Черкасской руку приложил и подлинную отдать ему ж с роспискою». На склейке: «оставь». На обороте списка: «К сему списку князь Иван Егупов Черкасской руку приложил, а подлинную великих государей грамоту к себе взяли»⁹⁷.

Приложение 1

«Роспись роду Ахамашуковых и Егуповых и Чюмаховых Черкасских»

«Приехали из гор служить к великому государю царю и великому князю Иоанну Васильевичу всеа России черкасские Маюшук князь Ахамашукович, да Чугук князь Егупович, да Тахта князь Чумахович, а во крещении имя им: Маюшуку князь Петр, а Чугуку князь Иван, а Тахте князь Андрей и у князя Петра Ахамашукова сын князь Василей Петрович Ахамашуков-Черкасской был при царе Михаиле Федоровиче всеа России околничим и умре бездетен, князь Андрея Чумаховича был сын князь Петр убит на Пчельне бездетен, а у князя Ивана Егуповича Черкасского сын князь Никита при государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всеа России был в стольниках, и во 138 году был на Дедилове полковым воеводою да в 141 году был в Сибири в Томском городе воеводою, и тому свидетельствуют наказы и грамоты, а у князь Никиты Ивановича сын князь Михаиле Никитич, при великом государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всеа России и при великом государе царе и великом князе Алексее Михайловиче всеа великия и малыя России самодержцe был в стольниках, а

у князя Михаила Никитича сын князь Иван у великого государя царя и великого князя Иоанна Алексеевича всеа великия и малыя и белыя России самодержца в комнате, а у князь Ивана дети: князь Алексей, князь Иван, князь Василий, князь Михаиле, князь Федор, князь Петр, и князь Алексей, и князь Иван, и князь Василей у благоверной государыни царицы и великой княгини Прасковьи Федоровны в стольниках».

П р и л о ж е н и е 2

«Список з грамоты слово в слово»

«От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси на Дедилов стольнику нашему и воеводам князю Миките Ивановичу Егупову Черкасскому да Левонтию Агафоновичу Извольскому приказаны есмя вам быти на нашей службе в передовом полку на Дедилове, а как вам нашим и земским делом промышлять и кому с вами дворянами и детем боярским и всяким служивым людям быти, и наш наказ и списки дворян и детей боярских и всяких служилых людей посланы к тебе ко князю Миките з жильцом с Микитою Болобановым; и как Микита на Дедилов приедет к тебе князь Никите наказ и списки дворян и детей боярских и всяких служилых людей у него взял, и которые служилым людям велено быти с тобою в полку, а которые людям велено быти с товарищем твоим с Левонтьем Извольским, и тебе те списки отдал и товарищу своему Левонтью Извольскому и нашим бы есте и земским делать над вытскими людьми промышляли о всем до нашему наказу и смотря по тамошнему делу, как вас бог вразумит, а как у вас наше дело учнет делатца и что каких вестей про воинских людей будет, и вы б о тои писали к нам почалу (?) да и по полком и городам с воеводами те вести писали ж; а как нам наказы и списки дворян и детей боярских и всяких ратных людей ты князь Микита у жильца у Микиты Болованова возьмешь, и ты б о том к нам отписал. Писана на Москве лета 7138 марта в 31 день. А у подлинной грамоты позади пишет дьяк Михаил Данилов».

ОТ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЮЗА К КОЛОНИЗАТОРСКОЙ ПОЛИТИКЕ

(к истории русско-кабардинских отношений)

Исторические связи адыгской этнической общности с русскими уходят своими корнями в раннее средневековье. В XV – первой половине XVI в. социально-экономическое и политическое развитие адыгского этноса протекало в сложных условиях феодальных междоусобиц и постоянных войн с внешними захватчиками – Османской Турцией и ее вассалом Крымским ханством.

Особенно широкомасштабные наступления были предприняты против адыгов в первой половине XVI в. В своих действиях агрессоры преследовали не только грабительские, но и далеко идущие политические цели: обеспечить беспрепятственный проход турецко-крымских войск через Северный Кавказ в Закавказье и Среднюю Азию и поработить жившие здесь народы. В этот период русское правительство было заинтересовано, в свою очередь, в укреплении юго-восточных границ государства и обеспечении твердых позиций на Дону и в устье Волги. Решению этой задачи служило завоевание Россией в 1550-х гг. Казанского и Астраханского ханств. Наряду с этим важную роль в ее политике могло играть установление контроля над крупными военно-стратегическими и торговыми путями, которые шли через Кабарду и другие северокавказские владения. Таким образом, внутреннее и внешнее положение адыгских народов, интересы восточной политики России и общая заинтересованность в борьбе с турецко-крымской агрессией обусловили сближение адыгов с Московским государством к середине XVI в.

Хотя инициатива обращения исходила от адыгских правителей, в данном случае они выражали не только свои классовые интересы, но и объективно сложившиеся в обществе общенародные нужды.

С 1550-х гг. в отечественной историографии указанный политический процесс стал широко трактоваться как акт добровольного присоединения Адыгеи, Черкесии и Кабарды к России, и дата июль 1557 г. стала отмечаться как всенародный праздник. Такая интерпретация является, на наш взгляд, односторонней и не отражает сути имевшихся в середине XVI в. событий. Здесь как раз мы имеем тот случай, когда авторы, раскрывавшие таким образом проблему, шли от термина к явлению, а не наоборот. Это привело к подмене понятия «покровительство со стороны России» совершенно другими – «присоединение или вхождение в состав этого государства».

Если исходить из конкретного содержания дошедших до нас фактических материалов, взаимоотношения адыгского этноса и Московского государства к середине XVI в. могут быть определены не как единовременный акт присоединения, а как заключение между ними своеобразного взаимовыгодного военно-политического союза. Этот союз не предусматривал включения территорий адыгов во владения Московского государства. Принятие адыгской господствующей верхушкой и их подвластным населением русского подданства являлось определенной формой феодального вассалитета. Согласно ей адыгская феодальная знать сохраняла все свои местные права, то есть фактически они оставались независимыми, сохраняя внутреннюю самостоятельность, и были связаны с русским царем лишь обязательствами военной службы. Прежде всего, это был союз между царским правительством и правящей феодальной знатью адыгов, но он имел в последующем объективные последствия и положил начало процессу сближения двух народов. Давая оценку данному процессу, профес-

сор Н. А. Смирнов писал: «Нет сомнения, что уже в то время русское правительство отдавало себе отчет в том, какое важное значение имеет Кабарда для поддержания добрососедских отношений России с народами Кавказа и с Ираном и для охраны южных пределов... Нельзя забывать, что устье Волги и Астрахань могли быть в безопасности только тогда, когда спокойно было в Кабарде». С заключением военно-политического союза адыги не избавились от турецко-крымских агрессий, но в своей борьбе они имели теперь сильного союзника в лице России.

Конечно, русское феодальное государство было заинтересовано в полном подчинении адыгов и с XVI в., но оно не имело для этого реальных возможностей. Несмотря на это, Россия предпринимала определенные шаги для укрепления своего влияния. Была сделана попытка создания в Западной Черкесии под протекторатом России вассального княжества во главе с Дм. Вишневецким. Оказывалась военная помощь верховному князю Кабарды Темрюку Идарову, на дочери которого был женат вторым браком царь Иван Грозный. Т. Идаров, опираясь на военные отряды из Москвы, делал неоднократные попытки консолидировать Кабарду и другие адыгские земли. Западноадыгские князья увидели в этих мероприятиях угрозу своему феодальному независимому существованию и с конца XVI в. прервали политические связи с Москвой. С этого времени и вплоть до 60-х гг. XIX в., то есть до окончания Кавказской войны, ни о присоединении или вхождении, ни о русском влиянии в западноадыгских землях не может идти речь.

Политическое развитие Кабарды шло в несколько ином русле. С 1550-х гг. основная, но не вся территория и не все население находились в союзнических отношениях с Москвой. Большой группе кабардинской знати во главе с Темрюком Идаровым противостояла группировка во главе с князем Пшеапшоко Кайтукиным, которая ориентировалась на Крым. В дальнейшем с каждым новым царем в России или же с новым верховным князем в Кабарде союзнические отношения возобновлялись новой присягой, которая конкретизировала взаимные обязательства. Основное содержание жалованно-договорных грамот русских царей верховным кабардинским князьям сводилось к формуле: «...с нашими воеводами жити и нам служити и опричь нас к иному ни к которому государю не приставати. А кто нам будет недруг, тот бы и вам был недруг, и стояти вам всею землею Черкасскою от нашего недруга с нашими воеводами астраханскими и терскими заодин».

В XVII – начале XVIII в. кабардино-русские отношения развивались в сторону углубления и расширения. Кабардинские князья, служившие в Терском городе, играли важную посредническую роль во взаимоотношениях России с другими северокавказскими и грузинскими правителями. С их помощью царское правительство стремилось создать под Терским городом особое вассальное «Черкесское княжество» для дальнейшего укрепления своих позиций в этом регионе. В XVI–XVII вв. Россия, закрепившись благодаря союзу с Кабардой в бассейне р. Терек, ограничивалась

обороной достигнутых рубежей. В этот период царское правительство и русские феодальные слои еще не имели объективных возможностей для территориальных приобретений в данном крае. Построенные здесь крепости, имея важное стратегическое, политическое и отчасти экономическое значение, все же преследовали оборонительные цели. Положение меняется существенным образом в XVIII в. По мере укрепления и утверждения международного авторитета России, в ее восточной политике происходят изменения по отношению к Кавказу. Главной целью становятся мероприятия по реальному присоединению кавказских территорий к России.

В период правления Петра I русская политика по отношению к Кабарде была двойственной. С одной стороны, в ответ на союзнические отношения в противоборстве с Турцией и Крымом царское правительство давало обещания о принятии на выгодных условиях Кабарды в состав России на правах автономного отдельного княжества. С другой – оно брало обязательства перед Турцией и Крымом не вмешиваться в дела Кабарды и не искать с ней союза. По условиям Белградского договора 1739 г. специальная статья затрагивала впервые за всю историю русско-турецких противоречий спорный вопрос о Кабарде. Она была провозглашена «вольной» и должна была служить как бы барьером между Россией и Турцией. Такое решение не соответствовало интересам кабардинского народа и делало его беззащитным перед любой агрессией. Если бы царское правительство считало кабардинские земли неотъемлемой частью своей государственной территории, то вряд ли оно пошло на такой шаг.

В работах отдельных исследователей, затрагивающих русско-турецкое противостояние на Северном Кавказе и дающих оценку Белградскому договору, все еще присутствует односторонний подход. По их мнению, в XVIII в. неизменно наступающей стороной являлась лишь Османская Турция, а позиция России объясняется только стремлением достигнуть естественных морских рубежей (т. е. Азовского, Черного и Каспийского морей) в целях развития торговли в интересах нарождающейся буржуазии. При таком подходе северокавказские народы рассматриваются только как объекты в противостоянии двух держав – России и Османской Турции. Между тем особую значимость имеет выяснение места и роли Кабарды и других горских народов как субъектов истории, с учетом интересов их исторической перспективы в контексте политических взаимоотношений того времени.

Со второй половины XVIII в. Россия начинает проводить различные мероприятия по колонизации северокавказского края. После ликвидации автономного существования казачества (донского, запорожского), а в последующем и Крымского ханства, царизм сосредоточил здесь крупные силы.

В 1760-х гг. в крае появляется сплошная линия военных укреплений – от Кизляра, заложенного еще в 1735 году, до Моздока (1763 г.), что явилось началом возведения «Кавказской линии».

Для сооружения крепостей отбирались земли кабардинцев и других горских народов. Одновременно расширялась сфера военно-казачьей колонизации. В официальных документах, излагающих правительственную программу, довольно ясно говорилось, что «единственное надежное средство для прочного утверждения нашего владычества на Кавказе есть занятие горного и предгорного пространства нашим вооруженным казачьим населением». Появление новых казачьих станиц в верховьях Кумы, по Лабе и Уруп, Малке и Сунже сопровождалось оттеснением в горы местного населения. Из центральных областей России на Северный Кавказ начинается переселение и крепостных крестьян. Поощряя эти процессы, царизм использовал их как рычаги своей завоевательной политики на Кавказе.

Военные крепости, о которых идет речь, являлись форпостами царизма и имели теперь не оборонительное значение, как в XVI–XVII вв., а наступательное против горских народов. Кабардинская господствующая верхушка хорошо осознала, что военные укрепления будут ограничивать их политическую и экономическую независимость, и стала занимать резко враждебную позицию по отношению к России.

Строительство крепости Моздок в 1763 г. на восточных рубежах Кабарды по своей сути являлось началом планомерного захвата кабардинских земель. С 1769 г. русская военная администрация, назначив приставом в Кабарду секунд-майора Дм. Тоганова, открыто вмешивается во внутренние дела кабардинского общества. Вооруженные выступления кабардинских князей, а также их попытки через свои депутации в Петербург решить вопросы о срытии Моздока, возвращении беглых подвластных, упразднении приставства закончились безрезультатно.

В результате Кючук-Кайнарджийского договора между Россией и Османской Турцией в 1774 г. Кабарда была признана составной частью России. Как и в период Белградского договора, в данном случае Россия и Турция, определяя сферы своего влияния, делили не принадлежавшие им территории и суверенные народы.

В советской историографии к оценке Кючук-Кайнарджийского договора подходили лишь с точки зрения научного экстраполирования. Это привело к тому, что взаимоотношения северокавказских народов (Кабарда, Чечня, Ингушетия, Осетия) и России с 1774 г. стали трактоваться как процесс окончательного присоединения этих народов к России, оформленный юридически вышеназванным договором. На самом деле субъектами Кючук-Кайнарджийского договора являлись лишь Османская Турция и Россия.

Отмеченный договор одновременно должен был укрепить русское влияние среди тех горских народов, которые были связаны вассально-подданническими связями с Кабардой, – горскими обществами Балкарии, Осетии, Карачая, Ингушетии. С укреплением русских позиций в Кабарде перечисленные народы надеялись освободиться от политической и экономической зависимости со стороны кабардинских феодалов. Царское правительство по-

ощряло эти настроения и использовало их для подрыва мощи кабардинских князей, но не вмешивалось и не препятствовало, когда правители Кабарды взимали подати с соседних горских народов, не присягнувших еще на верность России.

Кючук-Кайнарджийский договор окончательно развязал руки царизму в отношении Центрального Предкавказья. Теперь Россия принимает практические шаги к тому, чтобы Кабарда не только де-юре считалась ее составной частью, но и де-факто. С 1770 г. ведется расширенное строительство новых кордонных линий и крепостей между Моздоком и Азовом: Екатериноградская (1777 г.), Георгиевская (1777 г.), Солдатская (1779 г.), Владикавказская (1784 г.) и др. Помимо своего прямого назначения, эта цепь укреплений должна была отделить Кабарду от Чечни и тем затруднить непосредственное влияние друг на друга. Еще при назначении командующим войсками генерала Медема в 1769 г. на Кавказ ему дана была инструкция «остерегаться больше всего объединения горцев и возжигать между ними огонь внутреннего несогласия».

Аннексия все новых и новых кабардинских земель привела к тому, что на следующий год, то есть в 1778 г., кабардинские князья открывают военные действия против русских войск для уничтожения военных укреплений – Марьинского, Павловского, Георгиевского и Ставропольского. На начавшуюся антиколониальную борьбу царизм отвечал жестокими карательными экспедициями и контрибуциями. Так, после отмеченных событий генерал Якоби заставил кабардинцев выплатить 10 тыс. рублей, выдать более 2 тыс. лошадей, около 5 тыс. голов крупного рогатого скота и свыше четырех с половиной тысяч овец. Это был военный грабеж населения. От таких поборов страдал весь кабардинский народ, и в особенности трудовые массы.

Царская администрация для достижения своих колониальных целей часто провоцировала народ. Ярыми проводниками такой политики в Кабарде были генералы Медем, Потапов, Якоби и другие, которые прославились жестокостью и вероломством. Чтобы не допустить независимого существования Кабарды и иметь повод для вмешательства в ее внутренние дела, они специально травлили разные группировки господствующей знати друг на друга, а также пользовались классовым антагонизмом кабардинского общества. Чтобы держать феодальную знать в повиновении и зависимости, царизм заигрывал с феодально-зависимым населением. Последнему было дозволено в случае притеснений со стороны владельцев переселяться на Кавказскую линию. На самом же деле царизму было глубоко безразлично положение простого народа, который в конечном итоге им оставлялся на произвол своих угнетателей. Особенно широко пользовался такой политикой генерал П. С. Потемкин, назначенный в 1782 г. командующим войсками на Северном Кавказе. Он считал, что «не худо держать кабардинских владельцев и «подлый народ» в некоторой друг ко другу зависти».

Военно-административная система, которую устанавливал ца-

ризм в Кабарде, вызывала протест со стороны народа. Русские военные власти, приставы и другие чиновники не учитывали сложной обстановки в крае. Они подозрительно относились к местному населению, допускали по отношению к нему грубый произвол и не считались с обычаями и образом жизни, которые складывались здесь веками. Для проезда через укрепленные сооружения Кавказской линии кабардинцам каждый раз необходимо было получать специальные пропуска, или «билеты», у представителей царской администрации. Хозяйственная деятельность кабардинского общества нарушалась не только в результате сокращения пастбищных и пахотных земель, на которых возводились крепости и казачьи станицы. На это влияла и экономическая блокада, которой часто пользовался царизм в своей колониальной политике. Следствием ее становилось лишение жителей Кабарды доступа к соляным озерам по р. Куме и за Тереком. Учитывая, что скотоводство было основным видом хозяйственной деятельности горцев, потребность в соли была значительной. Такие ограничения, а также регулярные военные экспедиции осложняли развитие экономики края. Описанная объективная реальность повседневной жизни часто толкала кабардинцев нападать на укрепления Кавказской линии. Официально-охранительная историография дооктябрьского периода в лице апологетов колониальной политики царизма (В. Потто, Н. Дубровин, А. Зайончковский, Ад. Берже, Р. Фадеев и др.) изображала борьбу кабардинцев как «хищничество» и «разбой». А в публикациях отдельных советских авторов освободительная борьба характеризуется как «экспансионистское» движение «отсталых слоев населения» по отношению к России.

В описываемое время Османская Турция не упускала ни одного случая, чтобы в периоды обострения кабардино-русских взаимоотношений не засылать в Кабарду своих агентов для антирусской пропаганды, а также использовать для своих целей и местное духовенство.

Мусульманская религия, которая окончательно утвердилась в Кабарде во второй половине XVIII в., становилась не только учением, обосновывающим феодальные порядки общества, но и идеологическим знаменем в антиколониальной борьбе горцев. Таковым было антиколониальное движение в Чечне под руководством шейха Мансура в конце XVIII в., в котором принимала участие определенная часть кабардинцев.

С 90-х гг. XVIII в. царизм вводит на территории Кабарды российскую административно-судебную систему управления, следствием которой явился военно-оккупационный режим. С этого периода ликвидация фактической независимости Кабарды, сопровождавшаяся ломкой традиционной экономической и социально-политической структуры и многовекового уклада жизни, вступила в решающую фазу. Даже в такой обстановке царизм был вынужден, как это видно из указа Павла I от 28 мая 1800 г., признать, что кабардинцы и другие горцы «находятся в более вассальной зависимости, чем в подданстве».

В 1793 г. в Кабарде были учреждены так называемые «родовые суды» и «расправы», которые непосредственно подчинялись моздокскому коменданту. Фактически это была реформа судопроизводства, укреплявшая колониальный режим и нарушавшая традиционный общественный порядок кабардинского общества. Основу своих судебных преобразований царские власти стремились построить на нормах обычного права, то есть на древнем народном судопроизводстве. Оно, по их мнению, как наиболее близкое и понятное трудовым массам, должно было ослабить власть и влияние феодально-клерикальной знати, враждебной России. Царизм справедливо остерегался и видел в шариате реальную силу, которая могла способствовать объединению и сплочению всех слоев кабардинского общества в их национально-освободительной борьбе. «В то время как туземные приверженцы шариата стремились к полной отмене действий адатов, – писал Л. И. Леонтович, – русское управление во многих случаях становилось на сторону адата в борьбе с шариатом, прежде всего старалось ослабить действие шариата, а с ним парализовать и силу мусульманского духовенства, всегда представлявшего один из главных тормозов в деле умиротворения края».

В 1794 г. в Кабарде началось крупное восстание, в котором принимали участие все слои кабардинского общества: феодальная знать, представители духовенства, феодально-зависимое население. Последняя категория выступала за освобождение не только от колониального режима, но и от социального гнета. Восстание возглавлялось Измаилом и Адильгиреем Атажукиными, Атажуко Хамурзиным из рода Кайтукиных и другими князьями. Как свидетельствуют источники, в схватках с царскими войсками участвовало до нескольких тысяч человек. Восстание было жесточайшим образом подавлено, а его руководители отправлены в ссылку.

На первом этапе, то есть в 1778–1799 гг., антиколониальная борьба возглавлялась в Кабарде в основном представителями светской феодальной знати. На втором этапе, после бегства Адильгирея Атажукина из ссылки и появления его в Кабарде в 1799 г., здесь разворачивается мощное освободительное движение под религиозными лозунгами. Вокруг Адильгирея Атажукина начинают группироваться представители мусульманского духовенства во главе с эфендием Исхаком Абуковым. С их именами связано особое направление в национально-освободительной борьбе кабардинцев в конце XVIII – начале XIX в. – это шариатское движение. Адильгирей Атажукин и его сторонники достигли определенных успехов по объединению всех слоев кабардинского общества, а также по превращению отдельных и разрозненных выступлений кабардинцев (в некоторых случаях в союзе с абазинами, бесленевцами и карачаевцами) против царизма в массовое движение. Особый интерес представляет привлечение Адильгиреем Атажукиным на свою сторону широких слоев среднего и мелкопоместного дворянства, среди которых большой популярностью пользовалась идея социального равенства. В рапорте генерал-лейтенанта Кнор-

ринга сообщалось о том, что «сторонники Адильгирея Атажукина присягнули на Коране поступать единодушно в сем новом начинании, на тот конец, дабы потом способнее приступить ко введению равенства между владельцами и узденями, разглашая: «Почему же нам онаго между собою не иметь, когда оно существует во Франции, что многие узденья, обольщаясь сими видами, обещавшими им мнимые выгоды, отходят от своих благонамеренных владельцев и со злоумышленниками соединяются». Это направление освободительного движения последовательно боролось за учреждение в Кабарде духовного суда вместо родовых судов. Исламские лозунги Адильгирея Атажукина и Исхака Абукова о всеобщем равенстве во имя религии и священной войны против неверных одновременно служили для защиты интересов господствующих классов. Шариатское движение 1799–1807 гг. под их руководством подготовило необходимые условия для введения в Кабарде духовного суда – мехкеме. Ранняя смерть лидеров кабардинского шариатского движения в 1807 г., значительное сокращение численности кабардинского общества в этот период и ослабление вследствие этого национально-освободительной борьбы не привели к созданию здесь теократического режима в форме имамата, как позже на Восточном Кавказе или в Западной Черкесии. Мусульманские лозунги кабардинского шариатского движения, сплавивая в войне против военно-оккупационного режима, не привели к призывам борьбы со своей феодальной знатью или же со своими единоверцами-мусульманами, покорившимися царской власти, как это было в Дагестане и Чечне при имаме Шамиле.

К началу XIX в. вся горная полоса Северного Кавказа, простиравшаяся к югу от линии Кубань – Терек, фактически еще не находилась под контролем русской военной администрации.

В 1803 г. царизм начал строительство Кисловодского укрепления и новых казачьих станиц в Пятигорье. По времени это совпало с очередными выборами в родовые суды и расправы. Это послужило поводом очередного крупного восстания в Кабарде, основным требованием которого являлось уничтожение Кисловодской крепости и ликвидация кордонной линии. Восстание охватило почти все населенные пункты Кабарды. Командующий войсками на Кавказе князь Цицианов в своей прокламации к восставшим писал: «Кровь во мне кипит, как в котле, и члены все мои трясутся от жадности напоить земли ваши кровию... Ждите, говорю вам, по моему правилу, штыков, ядер, и пролития вашей крови реками. Не мутная вода потечет в реках, протекающих ваши земли, а красная ваших семейств кровию выкрашенная». Несмотря на такие угрозы, восстание разрасталось. В это же время восстание в Тагаурии прервало единственную коммуникацию, связывавшую Грузию с Россией. Генерал Глазенап с трудом подавил восстание в Кабарде, разорив полностью свыше 80 населенных пунктов и принудив многих кабардинцев переселиться за Кубань.

В Кабарде и других горских землях продолжалось строительство укреплений, сопровождавшееся уничтожением населенных

пунктов местных жителей и вырубкой лесов. Для удержания кабардинцев в покорности главные военные укрепления царизма располагались вблизи аулов, причем линией передовых военных укреплений занимались плодородные равнины. Эти меры должны были поставить поработаемое население в полнейшую зависимость от представителей царской администрации и «не позволять непокорным собирать хлеб и пасти свои стада».

Борьба против колониальной политики царизма продолжалась в Кабарде в 1809–1810 гг. Возглавлявшие ее кабардинские феодалы намеревались переселить подвластное им население с прилегавшей к Кавказской линии равнины в горные ущелья. Феодално-зависимое население отказалось следовать за владельцами, чем сразу же воспользовалась царская администрация, чтобы лишить князей и дворян возможности продолжать сопротивление. Перспектива потери своих подданных встревожила кабардинских феодалов, и они начали срочно формировать депутацию в Петербург с просьбой сохранить их политические и экономические привилегии. Как и в предыдущий период (т.е. во второй половине XVIII в. – К. Д.), царская администрация довольно умело пользовалась внутренними классовыми противоречиями кабардинского общества и раскалывала общекабардинское движение. Результатом такой политики в очередной раз явился спад антиколониальных выступлений. Несмотря на это, в апреле 1810 г. в Кабарду была отправлена карательная экспедиция во главе с генералом Булгаковым. Ожесточенные сражения произошли в верховьях рек Баксана, Шалушки, Чегема и Нальчика. В конце апреля карательный отряд Булгакова соединился с отрядом генерала Дельпоццо, спешно прибывшим из Екатеринограда. Итогом карательной экспедиции было сожжение 200 населенных пунктов. В своем донесении генерал Булгаков писал: «...кабардинский народ доселе никогда такой чувствительной не имел потери, и никогда еще войска не доходили туда, где нынче чинили поиски, и что они потеряли много имущества, которое сожжено с 200 селений». Представители кабардинского общества, обращаясь с прошением к центральным властям, сообщали, что генерал Булгаков «истребил огнем наши дома, имущество разграбил, скот отнял, людей побил, а именно: ...6150 рогатой скотины, 515 лошадей, 125 буйволов, 44 015 овец, 6310 пудов медной посуды, 5895 пудов меду, 52 панциря, 180 ружей, 300 шашек, 145 сабель, 2900 серебряной монеты, на 5800 разного товару по цене серебряной монеты, 1420 ароб проса; убито Куденетовой и Танбиевой фамилии узденей и протчи 31 человек, позжено домов – 9585, панцирных шишаков – 31, мечетей – 111, хуторов – 1000, в плен взято 41 душа, сверх того много захвачено наруканников панцирни и разного имущества...». Даже официальные власти были вынуждены указать командующему войсками генералу Тормасову, что генерал Булгаков «употреблением непомерных жестокостей и бесчеловечия превзошел границы своей обязанности». «Если верить известиям, – писал военный министр Барклай де Толли, – экспедиции против кабар-

динцев и закубанцев состояли в совершенном разграблении и сожжении их жилищ; жестокие действия, доводя тех народов до отчаяния, возбуждали только к нам ненависти их, и вообще обращение его с соседственными сими народами более служит к отращению их от нас, нежели к устранению в том краю спокойствия». Экспедиции Булгакова в 1810 г., различные карантинные ограничения кавказской администрации, лишавшие кабардинцев доступа к соляным озерам, вызвали массовый падеж скота, что усугубило и без того свирепствовавшую в крае эпидемию. Генерал Савельев в своем рапорте (ноябрь 1810 г.) отмечал, что «кабардинцы лошадей своих и баранов беспрестанно пригоняют на земли чеченские и продают за бесценок. Говорят, что лучшую кобылу можно достать за десять рублей, а барана менее рубля; это они делают для спасения от гибели их достояния, когда им отказано начисто в перегонах скота на здешнюю сторону», то есть на их пастбищные равнинные земли.

С 1816 г. в истории завоевания царизмом северокавказских народов наступает эпоха, связанная с именем генерала А. Ермолова. В завоевательные планы ермоловского командования входило прежде всего насильственное покорение горцев, причем сам Ермолов неоднократно указывал, что это «должно производиться постепенно, но настоятельно, занимая лишь то, что удержать за собою можно, и не распространяясь иначе, как став твердою ногой и обеспечив занятое пространство от покушений неприятельных». О стратегии и тактике этой политики четкое представление дает план, изложенный генерал-лейтенантом А. Вельяминовым командиру Кавказского корпуса барону Розену (20 мая 1833 г.):

«1) Главное и надежнейшее средство к прочному овладению горами и к покорению обитающих в оных народов состоит в занятии укреплениями важнейших в топографических отношениях мест.

2) Средство ускорить покорение горцев состоит в отнятии у них плоскостей и заселении оных казачьими станицами.

3) Истребление полей их в продолжение пяти лет кряду даст возможность обезоружить их и тем облегчить все дальнейшие действия.

4) Полезнее всего, по моему мнению, начать с истребления полей. Овладев плоскостями, поселить на оных казачьи станицы. Наконец, по поселении станиц устроить в приличных местах укрепления».

В 1821–1822 гг. левое крыло Кавказской линии было продвинуто в глубь кабардинской земли до самого подножия гор, и новые укрепления по р. Малка, Баксан, Чегем, Нальчик, Урвань, Черек и Урух заперли выходы на равнину из горных ущелий. Тем самым кабардинцы окончательно лишились равнинных пашенных земель и степных пастбищ. В своем докладе о Кабардинской линии А. П. Ермолов сообщал начальнику главного штаба от 20 июля 1822 г., что она «должна окружить собою кабардинскую землю, малое население оградил я несколько теснейшими противу прежнего пределами и между р. Малкою и Кубани оставил простран-

ство, которое впоследствии должно было занять русскими селениями или преимущественно линейными казаками».

Наряду с дальнейшим завоеванием кабардинских земель А. П. Ермолов продолжил политику своих предшественников по внедрению в общественную жизнь кабардинского общества русского административно-судебного управления. Им был создан Временный кабардинский суд, из компетенции которого было изъято рассмотрение уголовных дел. Духовные власти не имели права по законоположению вмешиваться в решение гражданских дел. По шариату рассматривались лишь дела, касающиеся семейно-бытовых вопросов. Одновременно Временный кабардинский суд имел и административные функции. Действуя под непосредственным контролем русских военных властей, суд в их руках стал фактически важнейшим исполнительным органом внутреннего управления. Таким образом, проведенная Ермоловым реформа судопроизводства окончательно ограничивала политические и экономические права различных общественных слоев в Кабарде. Например, с дальнейшим распространением российского административно-судебного управления должны были последовать изменения в области земельно-правовых отношений, что приводило к ограничению земельной собственности и иммунитетных привилегий кабардинских феодалов. Мусульманское духовенство либо вообще должно было отстраниться от власти, либо поступить под полный контроль царских военных властей.

В 1822 г. в связи со строительством названной выше укрепленной линии и выселением многих кабардинских аулов, расположенных между Малкою и Кубанью, началось мощное антиколониальное движение в Кабарде, возглавляемое феодальной знатью и мусульманским духовенством. Был организован ряд крупных нападений на военную линию, в результате которых были уничтожены в 1823 г. станция Круглолесская, в 1825 г. – Солдатская. Ермолов предпринял карательные походы в Кабарду, уничтожая большое количество населенных пунктов. Вместе с тем в порядке репрессий против отложившихся от России феодалов он объявил, что все подвластные им крестьяне могут считать себя свободными от всяких повинностей и распоряжаться землей по своему усмотрению. По мнению профессора Т. Х. Кумыкова, царизм в данном случае «бил по самому уязвимому месту феодалов, постоянно просивших представителей царской администрации вернуть их беглых крестьян». Ермолов понимал, что участвующие в антиколониальном движении общественные слои кабардинского общества, имея общие политические устремления, преследовали в своей борьбе различные социальные цели. Играя на внутренних классовых противоречиях между ними, он рассчитывал ослабить сопротивление повстанцев и внести разложение в их ряды.

Вышеназванная ермоловская декларация об освобождении кабардинских крестьян являлась лишь тактическим маневром. Об этом свидетельствует его прокламация к мятежным кабардинским феодалам, в которой он выражал готовность восстановить их «пре-

жные права над подвластными» в случае прекращения ими борьбы против царизма.

Итогом рассмотренных событий явилось реальное присоединение Кабарды к России путем ее вооруженного завоевания в конце первой четверти XIX в.

Царское правительство хорошо сознавало и во второй половине XVIII в. и в первой половине XIX столетия важное стратегическое и политическое значение Кабарды в ходе освободительного движения горцев. «Хотя теперешняя Кабарда, — отмечала военная администрация в своих донесениях 1841 г., — не так сильна, чтобы могла быть опасна собственными силами, но связями родственными с князьями и дворянами других кавказских племен, уважением к их происхождению и гордым характером кабардинцы и до сего времени удержали еще значительное влияние на других горцев, каким пользовались во времена своего могущества. И потому то сохранение спокойствия в Кабарде весьма важно в настоящую эпоху для Кавказа, тем более, что малейшая ошибка местного начальства, управляющего Кабардой, может произвести открытое восстание и сделать опасною Военно-Грузинскую дорогу».

Мы позволили себе кратко остановиться в данной публикации на ряде узловых проблем в плане их постановки. Необходимо, на наш взгляд, отбросив старые догматические подходы и субъективно-социальные факторы (общественно-партийный подход), строго исходя из принципов историзма, создать новую, объективную концепцию взаимоотношений народов Северного Кавказа с царской Россией на протяжении XVI – 60-х гг. XIX столетия. Замалчивание до недавнего времени в отечественной историографии многих проблем этой истории как раз и способствовало формированию определенных негативных стереотипов у северокавказских народов, что неблагоприятно отражалось и на межнациональных отношениях.

МАТЕРИАЛЫ К НАСЛЕДИЮ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЗМАИЛА АТАЖУКИНА

Личность Измаила Атажукина, являвшегося видной фигурой в ряду адыгских общественно-политических деятелей и послужившего прообразом героя широко известной поэмы М. Ю. Лермонтова, издавна привлекает внимание исследователей — историков, этнографов и литературоведов.

Многие материалы, связанные с жизнью и деятельностью Измаила, были введены в научный оборот еще в дооктябрьский период Ш. Б. Ногмовым, П. Г. Бутковым и в публикациях Кавказской археографической комиссии¹. В советское время благодаря обстоятельным исследованиям таких ученых, как М. О. Косвен, С. А. Андреев-Кривич, Т. Х. Кумыков, Р. У. Туганов, были подробно освещены факты и обстоятельства жизни Измаила Атажу-

кина, изучены его общественно-политические воззрения. Автору этих строк удалось обнаружить новые материалы, обогащающие наши знания об этом замечательном человеке. Документы, о которых идет речь, – это, прежде всего, две работы, имеющие форму докладных записок, автором которых является Измаил Атажукин: «Краткое описание жителей Горских Черкес» и «Записки о жителях Кавказа»².

Интересные сведения об отдельных периодах жизни Измаила Атажукина содержатся в работе генерал-майора И. Д. Савельева «Примечание на две записки, сочиненные о жителях Кавказа, Большой и Малой Кабарды»³, а также в его сопроводительном письме от декабря 1804 г. к министру внутренних дел В. П. Кочубею⁴.

Отмеченные материалы, вместе с некоторыми новыми документами делопроизводственной переписки кавказской администрации, позволяют уточнить ряд вопросов, связанных с ранними годами жизни Измаила и деятельностью его отца.

Известно, что Темрюк Боматович Атажукин, отец Измаила, совершив паломничество по святым местам Аравии в конце 50-х гг. XVIII в., на обратном пути задержался в Крыму. Источники дают противоречивые сведения о мотивах данного поступка. Весной 1761 г., а точнее – в мае, мы его застаем уже в Кабарде, причем он в постоянных разъездах. Отмечены его приезды в этот период и в русский военный лагерь⁵. Надо полагать, что в Кабарде Темрюк выполнял определенную работу в интересах Крыма. В пользу такого предположения служит донесение кизлярского коменданта Боксберга астраханскому губернатору В. В. Неронову в июне 1761 г. В нем говорилось: «Чрез же де разведании слышно ему, майору Татарову, что привезенные владельца Бамата Коргокина сыном Темрюкай весьма богатые ружья и пистолы, о которых и наперед сего донесено потаенно, баксанскими владельцами от него, Темрюка, приняты; из оных взято Баматом Коргокиным ружье, а сыном его Месоустом Баматовым пара пистолей, а протчие кому розданы, за подлинно неизвестно»⁶.

Указанный факт говорит о стремлении Крыма привлечь кабардинскую верхушку на свою сторону в условиях обострившихся русско-турецких отношений. Не найдя поддержки своим намерениям среди основной части кабардинских владельцев, Темрюк Атажукин перебрался на Кубань.

Сохранилось мало документов, которые бы освещали судьбу членов семьи Темрюка во второй половине 60-х – начале 70-х гг. XVIII в. Между тем именно такие материалы могли дать дополнительные сведения о дате рождения Измаила и первоначальных годах его пребывания в России. Р. У. Туганов выдвинул гипотезу, что Темрюк Атажукин, оставив свое поселение на Кубани, отправился в Турцию и, возможно, с ним находился его сын Измаил⁷. Эта мысль подтверждается сообщением генерал-майора И. Д. Савельева. Он писал, что «начально один из владельцев Темрюк Аджи Атажукин с сыном своим Измаилом, который теперь полковником... ушед в начале самой войны в Крым и действовали по са-

мое взятие Кефы»⁸. Речь идет о периоде русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Взятие Кафы (Феодосии) русскими войсками относится к 1771 г. Таким образом, можно считать, что Темрюк Атажукин с сыном Измаилом находились в Крыму с 1768-го по 1771 г. Когда они вернулись в Кабарду – неизвестно, но можно предположить, что это было не позднее 1775 г. Эти данные согласуются со сведениями секретной записки Кургоко Татарханова, которая была им подана в Коллегию иностранных дел в 1771 г.: «...от них (т. е. представителей баксанской группировки. – К. Д.) давно отправлен в Порту владетель Темрюк – родной брат Мисоста Бомадова...»⁹. Наверное, с пребыванием в Крыму и Турции были связаны познания Измаила Атажукина в турецком и арабском языках. Если сопоставить этот период в жизни Измаила с периодами его прибытия в Россию в 1785 г., то более вероятным годом рождения можно считать выдвинутый Р. У. Тугановым 1750 г., а не 1771 г., как считал М. О. Косвен¹⁰.

Можно предположить, что Темрюк Атажукин в последние годы жизни (умер в 1780 г.) осознал всю бесперспективность изменения политического положения Кабарды с помощью Турции и Крыма. И, наверное, более реальная оценка сложившегося положения, при котором Россия играла все более возрастающую роль в жизни кавказских народов, предопределила судьбу молодого Измаила. Он уезжает в Россию, «повинуясь власти родителя»¹¹. Был ли он в начале аманатом или же сразу попал в какое-нибудь военное учебное заведение? На этот вопрос обнаруженные документы не дают ответа.

Известно, что в 80–90-х гг. XVIII в. Измаил Атажукин находился в гуще основных военно-политических событий России и Кабарды: участие его в русско-турецких войнах и особое отличие при штурме крепостей Очаков и Измаил; награждение одной из почетных боевых наград – орденом Георгия 4-й степени и брильянтовой медалью¹²; особая близость к всеильному князю Потемкину-Таврическому и выполнение поручений, связанных с заключением мирного договора с Турцией; возвращение в 1794 г. в Кабарду, участие в антиколониальном движении и высылка в Екатеринбург. Безусловно, все эти моменты существенно повлияли на расширение кругозора Измаила Атажукина и отразились на его общественно-политических воззрениях.

Измаил Атажукин вернулся из ссылки весной 1801 г. Наверное, во многом этому способствовало воцарение на престоле Александра I и последовавшая за этим амнистия. Измаил уезжает в Петербург и проживает здесь довольно длительное время – до осени 1804 г. В этот период он уделял особое внимание совершенствованию своего общего образования. Жизнь в столице, знакомство и общение с видными государственными деятелями, постоянные переживания и боль за судьбу своего народа приводят Атажукина к решению – каким-нибудь образом изменить и облегчить положение своих единоплеменников. Это привело его к созданию указанных нами выше работ.

Судьба вновь найденных сочинений Измаила Атажукина имеет свою историю. В декабре 1804 г. к министру внутренних дел В. Н. Кочубею обратился с письмом генерал-майор И. Д. Савельев. Савельев имел за плечами свыше 35 лет службы в кавказских войсках и к этому времени находился в Георгиевске – административном центре и месте нахождения штаба войск Кавказской линии¹³. Он лично знал многих из представителей княжеской фамилии Атажукиных. Автор письма, говоря о мотивах, побудивших его обратиться к высокому начальству, писал: «И другое, второе, две записки, данные мне от покойного Львова, о чем я имел честь доносить вашему сиятельству 1803-го сентября 1-го, и мое на оные примечание, оставшиеся по случаю кончины его в бездействии, следует поместить по пристойности в составляемом мною плане; но поелику сочинитель оных кабардинский владелец Исмаил Темрюк Аджиев приехал на линию, цель его во оных о своих однородцах, или, иначе сказать, собственная, заставила меня преждевременно представить их, и когда угодно будет приказать сообразить оныя с донесениями моими 1802 года февраля 8-го и октября 15-го о брате его Адильгирее Темрюк Аджиев, бежавшем за Кубань, насадившем в Кабарде теперешний корень разврата, тогда соизволите усмотреть прозорливо, на какой конец идут и сего последнего замыслы»¹⁴. Далее он сообщает: «Недавно приехал сюда и Измаил-бей, не могу ничего сказать, как он принят и даже ради каких причин присутствие его здесь показалось нужным»¹⁵.

Как мы видим, представители кавказской администрации с самого начала были предубежденно настроены против возвращения Измаила Атажукина на родину.

Покойный, о котором сообщается в письме, – это Николай Александрович Львов, известный писатель и государственный деятель России XVIII в. После вступления Александра I на престол в 1801 г. Львов был командирован на Кавказ «для устройства и описания разных потребностей при тамошних теплых водах»¹⁶. Умер он по возвращении с Кавказа в декабре 1803 г.¹⁷

Каким же образом «Записки» Измаил-бея попали к Н. А. Львову? Или он через кого-то передал их Львову, отправляющемуся на Кавказ, или же сам был лично знаком с ним. В любом случае, на наш взгляд, здесь не обошлось без участия Сергея Лаврентьевича Львова, генерала от инфантерии, приближенного князя Потемкина-Таврического. Измаил Атажукин и С. Л. Львов, вероятно, были давними друзьями. Их объединяли долгие годы совместной службы, оба принимали активное участие в штурме турецких крепостей Очаков и Измаил, позже состояли в свите Потемкина-Таврического и находились в Яссах в период подготовки мирного договора с Турцией.

Н. А. Львов, отправляясь на Центральный Кавказ для описания местных вод, не мог не заинтересоваться личностью Измаила Атажукина, уроженца тех мест и, как известно, прекрасного знатока кавказских минеральных вод¹⁸.

Если учитывать, что И. Д. Савельев получил сочинения Атажу-

кина от Н. А. Львова в начале второй половины 1803 г., то надо полагать, что они были составлены автором или в 1802 г., или значительно раньше. Известно, что в начале 1804 г., находясь еще в Петербурге, Измаил выступил с представлением по делам кабардинского народа в министерстве внутренних дел. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют считать, что работы Атажукина было несколько и их более поздние варианты попали в министерство, подверглись редакции и составили основу известной нам «Записки о беспорядках на Кавказской линии и о способах прекратить оные»¹⁹.

В записке «Краткое описание жителей Горских Черкес» Измаил Атажукин дает довольно правильную этническую классификацию народов: адыгов, абазин, балкарцев и карачаевцев, осетин. Подробно описывает он географическое расположение различных адыгских народов: кабардинцев, бесленеевцев, шегачей, махошей, абадзехов, шапсугов, жанеевцев. В каждом случае автор приводит фамилии наиболее влиятельных владельческих семей. Атажукин, подчеркивая родственность всех адыгов, отмечает: «...сии нации имеют одинаковое наречие»²⁰. Предполагаемых родоначальников адыгской феодальной верхушки Чера и Кеса он считает выходцами из Аравии. Как мы видим, легенда об аравийском происхождении адыгской знати была еще живучей в сознании правящего класса. Согласно приводимой генеалогической росписи, «от сих (т. е. Чера и Кеса. – К. Д.) произошло поколение князя «Иналанефа, а от сего в Большой Кабарде произошли князья Атажукины, Мисостовы и Жанбулатовы, в Малой Кабарде Таусултановы, Гиляхстановы, да за Кубанью в бесленейских селениях и отошедших к турецкому владению князья Кануковы»²¹. Описывая западных адыгов, Атажукин отмечает особенности их общественно-политического строя: «...махоши, абезихи, шапсиги, темиргайцы, бжедуги, гатюкайцы, жаны и потом упомянутые шегачи... все сии, кроме абезих и шапсиг, кои остались республиканцами и при своем правлении имеют своих князей»²².

В анализируемом сочинении содержится резко отрицательная характеристика той роли, которую играет мусульманская религия в общественной жизни адыгов. Измаил считал, что негативными последствиями деятельности проповедников ислама можно объяснить вооруженные столкновения между горцами и их соседями – русскими, грузинами и т. д. Он писал: «Закона все магометанского, токмо принявшие из разных вер начало свое не более, как полтора лета, с крайним и доднесь колебанием, так что во всех народах происходят разные суеверия и только что и служит им к разным друг противу друга негодованиям, вовлекающая их в жестокие брани и кровопролитные сражения, ведущия уже за собою следствии грабежа»²³. Как известно, Атажукин до конца своей жизни сохранял враждебное отношение к служителям культа²⁴.

Центральное место в «Кратком описании» занимает вопрос социально-политического статуса Кабарды конца XVIII – начала XIX в. и связанная с этим проблема ее административно-судебно-

го управления в рамках Российской империи. Приведем один отрывок, который дает отчетливое представление об этом. «Со всем же тем Черкесы, в подданство Российское вступившие, т. е. Большая и Малая Кабарда с принадлежащими к ним селениями, с того самого времени начали образовывать нравы свои и подходить ко всеобщему в разборе дел узаконению, взяв основанием тут же и свои собственные права, а потому во всяком случае являются готовыми сохранить верноподданническую обязанность Российскому престолу и всего того, что от них определенное в том краю начальство требует, но таковая их готовность не приемлется в настоящем виде, от недоумения начальства по взошедшим от Россиян на Черкес, а от сих на первых частных жалобах, начальство со стороны России, не входя в рассмотрение таковых дел, вместо того, чтоб отправлением на место судию, потребовав равным образом такового же от черкес, производит сие отрядом войск, не суд и разбирательство, между обиженными творящие, а единое вооруженною рукою нападение, отчаянность и уныние души»²⁵.

Такие методы, по мнению Атажукина, «рождают дерзновение, происходит супротивление, — к малому отряду прибавляют большой, и выходит большое кровопролитие, ни к чему иному, как ко вреду Черкес оканчивающееся; средством сим остаются суд и расправа без действия, и народ, покорившийся российской державе, ожесточается, вымышляя беспрестанно способы мщения ко избавлению себя от несносного ига: а потому и общей российской престола пользе совсем не радуют»²⁶. Давая оценку проводимой кавказской администрацией системы суда и правления, Атажукин, насколько мы можем судить, не согласен с применяющимися здесь грубыми военно-феодальными методами. Он обращает внимание и на отрицательные последствия, которые приносит такая политика для внешнеполитических интересов России, а конкретно — для безопасности ее коммуникационных связей с Грузией²⁷.

Атажукин предлагает построить ведение судебных дел у кабардинцев на основе их обычного права (адата): «...восстановить посредством доверенных в Кабарде людей правосудие, не удаля их собственных прав издревле всего того краю принадлежащих, и чрез это сопричисля их к единоначалию, с полною к ним доверенностью»²⁸. Предполагалось согласование работы суда доверенных с чиновниками, представляющими кавказскую администрацию.

На взглядах автора в этом вопросе сказались и его узкоклассовые позиции. Так, он наивно думает, что в случае организации предложенной им системы судопроизводства «каждый из кабардинцев своего владения князь на собственного своего нарушающего внутреннее спокойствие врага и онаго истребит, не допускаемая до самонадеянности Российскому престолу беспокойства»²⁹.

В «Кратком описании жителей Горских Черкес» Атажукин выдвинул известную нам по «Записке о беспорядках на Кавказской линии» мысль о необходимости использования Кабарды русским

правительством в качестве опоры своей политики на Северном Кавказе. Объясняя причины, побудившие его выступить с этой идеей, он пишет: «...единственно болезнью сердечно обо всем происходящем во всем краю родины своей, приемлет смелость отдать себя на ревностные услуги всемилостивейшему своему государю для высочайшей его и соотчичей своих пользы»³⁰.

Во второй работе, «Записке о жителях Кавказа», Измаил Атажукин дает краткую схему кабардинской истории, начиная с древности и до конца XVIII в.³¹ Краткая история охватывает периоды переселения родоначальников кабардинцев из Аравии в Крым, проживание их на Черноморском побережье, а в дальнейшем освоение ими современной территории. Этим самым в истории общественно-политической и просветительской мысли адыгов становится традиционным начинать историю Кабарды с древнего периода.

В историческом экскурсе автор особо выделяет значение такого важнейшего политического акта, как сближение Кабарды с Россией³². Прослеживается история русско-кабардинских взаимоотношений, причем особого внимания заслуживают приводимые им сведения об участии кабардинцев в персидском походе Петра I (1721 г.) и в русско-турецкой войне 1735 г. (действия под Азовом). Эти материалы в сокращенном виде были включены в «Записку о беспорядках на Кавказской линии». Атажукин на конкретных примерах показывает, что «кабардинские князья со всеми подданными своими» были всегда «преданными российскому престолу, были всегда высокочестною державою сею уважаемы, как личные соседи, при наблюдении совершенного их во всем спокойствия»³³.

Свидетельством того, насколько глубоко в сознание народа проникла идея дружбы с Россией, является, по мнению Измаила, завещание, оставленное князьями Мамбетом Атажукиным и Касаем Мисостовым кабардинцам: «Россию и Баксана, чтоб никогда не оставлять»³⁴. «Что и было, — как он пишет, — у всех кабардинцев долгом священным»³⁵.

Однако мирный характер этих взаимоотношений, по его мнению, был нарушен с момента возведения Кавказской линии. Строительство военных укреплений и казачьих станиц вызвало, согласно Атажукину, значительное сокращение пастбищных и пахотных земель кабардинцев, нарушило их хозяйственную деятельность. С осуждением описываются злоупотребления царских чиновников на кордонной линии. Являясь представителем господствующей верхушки, Атажукин более всего переживает за интересы своего класса: «Находясь в сем злощастном положении они (князья и дворяне. — К. Д.) от таковых неустойств, даже и по местному своему пребыванию собственно древних их прав, прочного собственностию и подданными своими владения»³⁶.

В заключение он предлагает ряд мероприятий, которые будут способствовать урегулированию дел в Кабарде и в целом в крае. Из приводимых им пяти пунктов наиболее главные заключали в

себе следующее: при разборе судебных дел горцев соблюдать их обычно-правовые нормы; вернуть кабардинские земли, занятые под устройство линии, а также сделать более доступным ее посещение; возратить кабардинским владельцам бежавших за линию подданных и не принимать их впредь³⁷.

Предложения Атажукина по водворению спокойствия в крае вошли с незначительными изменениями в «Записку о беспорядках на Кавказской линии».

Таким образом, не вызывает сомнения, что в 1804 г. работниками министерства внутренних дел были отредактированы поздние варианты приведенных здесь работ Атажукина. Более того, мы полагаем, что в их распоряжении имелось еще одно его сочинение, которое пока не обнаружено исследователями. Именно в нем Атажукин изложил свои взгляды на общественный строй адыгов, и его оценка по праву считается одной из ранних и удачных характеристик горского феодализма на Кавказе³⁸.

Рассмотренные работы свидетельствуют о широких познаниях Измаила Атажукина в вопросах истории и различных сторон общественного быта адыгов. Затрагивая систему судопроизводства и ее регулирование центральным правительством, он хотел воздействовать на практическое решение этих дел по отношению к Кабарде. Измаил при этом хорошо ориентировался в политике, проводимой царской администрацией в начале XIX в. по отношению к кавказским народам.

В его политическом облике отчетливо проступают две основные черты: патриотическое стремление облегчить положение кабардинского общества в условиях надвигающейся колонизации и достижение этого мирными средствами. Концепция Измаила Атажукина не выходит за рамки идеологии правящего феодального класса. Согласно ей идея общего блага может исходить не от чиновников, а от просвещенного монарха. Поэтому, надеясь его убедить собственными доводами, Атажукин придает своим сочинениям жанр панегирика. В конечном итоге он не смог согласовать сложившуюся конкретно-политическую ситуацию в Кабарде с существующим в России государственным режимом и интересами последней на Кавказе. Однако внутренняя противоречивость политических взглядов Атажукина не может умалить значения его общественно-политической деятельности для Кабарды.

Реальная эпоха, окружавшая Измаила Атажукина, наложила отпечаток на идеи, выдвинутые им. Но при всем этом для нас особую значимость имеет четко сформулированная им концепция проблемы взаимоотношения двух народов – русского и кабардинского, она может быть решена только в условиях мира, в их неразрывной дружбе и тесном сотрудничестве.

Документы (№ 1–2) позволяют уточнить ряд вопросов, связанных с отдельными этапами жизни и деятельности Измаила Атажукина и его отца Темрюка Боматовича в 1760–1770 гг. В публикацию включены документы (№ 3–5), характеризующие Измаила Атажукина и в целом обстановку в Кабарде в 1810–1811 гг. По-

следние два документа – прошения от представителей кабардинского народа на имя генерал-майора Вердеревского и царя Александра I – были составлены непосредственно Измаилом Атажукиным. Прямым подтверждением этого служит донесение полковника Ребиндера (документ № 3). Эти материалы раскрывают реальную картину последствий жестокой карательной экспедиции, принятой летом 1810 г. командующим войсками Кавказской линии генералом С. А. Булгаковым против кабардинцев.

Тексты сочинений Измаила Атажукина и публикуемых документов по возможности приведены в соответствие с современной орфографией. Собственные имена, фамилии и географические названия приводятся по подлиннику. Явные грамматические ошибки исправлены. Отдельные слова, оставшиеся неп прочитанными, обозначены многоточием. Все документы, входящие в публикацию, сопровождаются легендой, которая содержит справочные сведения. Учитывая существование публикаций автора по Измаилу Атажукину, а также предложенной здесь общей характеристики вводимых в оборот материалов, комментарии к текстам сведены к минимуму.

Измаил Атажукин

Краткое описание жителей горских черкес,

начиная от Большой и Малой Кабарды, покоренных Российской державе и расположенных между рек Терека* и Кубани, а от сего места по берегу Черного моря, примыкая до селения бывших некрасовских казаков к селению Шегака, принадлежащих к турецкому владению, суть следующая:

Горские черкесы, расположенные по сю сторону между рек Кубани и Терека, впадающая первая в Черное море, а последняя в Каспийское, суть Большая и Малая Кабарда, а во оных нации в зависимости Большой Кабарды, разделенные на три части и трем кабардинским князьям Атажуковым, Мисостовым и Жамбулатовым принадлежащая, в коих состоят разные селения, как то: Абаза, или по турецкому наименованию Алтыкесекских Абаза, а имено Лов, Дадарук, Биберт, Киача, Кылыч и Жантемир. Потом Карачай, Чегемы и Малкары, особой своей испорченной татарской язык имеющие. За ними следуют Дугор, Кубатии, Куртат, Тагаур и Ингушевцы, с прочими малыми селениями вообще под названием Асетинцев именуемые, состоят под владением Большой же Кабарды со вмещением некоторой части и Малой Кабарды. Сии принадлежат России. По другую же сторону реки Кубани начинаются Бесленейцы, а между сих и реки Кубани поселились в разных местах во владении Бесленеевских князей народы, называемые Бешельбайцы, как суть: Чигирайцы и Баракайцы. За сим

* В тексте: Терика.

следуют к Черному морю до селения Шегаки, где были некрасовские казаки* близ острова Тамани, следующие народы, под названием их селений, как то: Махоши, Абезихи, Шапсиги, Темиргойцы, Бжедухи, Гатюгайцы, Жаны и потом упомянутые Шегаки. Все сии селения, кроме Абезих и Шапсиг, кои остались республиканцами и при своем правлении, имеют своих князей, именуемых Кануковы, Багарсуковы, Булатуковы, Ахегаковы, Кунчуковы, Хатюковы, Жановы и Зановы. Сии князья вообще во владении Турков; происхождение свое имеют от Арабских князей, именуемыми Курейшеми чрез выходцев двух братьев, называемых Чер и Кес, отчего горские жители и наименование черкесов получили³⁹. От сих произошло поколение князя Иналанефа, а от сего в Большой Кабарде произошли князья Атажуковы, Мисостовы и Жанбулатовы, в Малой Кабарде – Таусултановы, Гилахстановы, да за Кубанью в бесленейских селениях и отошедших к турецкому владению князья Кануковы. Сии нации имеют одинаковое наречие, а прочия один от одного разнствуют, закона все магометанского, токмо принявший из разных вер начало свое не более, как полтора лет, с крайним и доднесь колебанием, так что во всех народах происходят разные суеверия и только что и служит им к разным друг противу друга негодованиям, вовлекающий их в жестокие брани и кровопролитные сражения, ведущий уже за собою следствии грабежа, что сделалось у них наилучшим упражнением, и во всякой нации между своими вменяется в немалую славу, токмо час от часу ныне в меньшем употреблении как и прочие навыки оказывающиеся, а от сего и произошло, что вообще народы сии на предрассудке сем, а притом на самой корастью, а от сего проистекающей, основывают всю свою жизнь.

Преисполнены будучи таковыми чувствами, взирают уже потому на всякую другую нацию, и в особенности им равный вред чисто наносящий ненико (не иначе? – К. Д.), как на злейших своих врагов; а потому и подвергаются, с одной стороны, россияне, яко соседственной черкесам народ, а с другой – грузинцы, их жестокостью; и не меньше того сами бывают тому подвержены с большим превосходством, по причине сильного российского воинства ополчения. Со всем ж тем Черкесы, в подданство российское вступившие, т. е. Большая и Малая Кабарда с принадлежащими к ним селениями, с того самого времени начали образовывать нравы свои и подходить ко всеобщему в разборе дел узаконению, взяв основанием тут же и свои собственные права, а потому во всяком случае являются готовыми сохранить верноподданническую обязанность российскому престолу и всего того, что от них определенное в том краю начальство требует, но таковая их готовность не приемлется в настоящем виде, от недоумения начальства по взошедшим от россиян на черкес, а от сих на первых частным жалобам, начальство со стороны России, не входя в рассмотрение таковых дел, вместо того, чтоб отправлением на ме-

* В тексте: Козаки.

сто судию, потребовав равным образом такового же от черкес, производит сие отрядом войск, не суд и разбирательство между обиженными творящие, а единое вооруженное рукою нападение, отчаянность и уныние души! рождают дерзновение, происходит сопротивление, — к малому отряду прибавляют большой, и выходит большое кровопролитие, ни к чему иному, как ко вреду черкес оканчивающееся; средством сим остаются суд и расправа без действия, и народ, покорившейся российской державе, ожесточается, вымышляя беспрестанно способы мщения ко избавлению себя от несносного ига: а потому и общей российского престола пользе совсем не радуют, как то сие открывается по случаю занятия в подданство Грузии и нужной для проезду туда дороги через черкесские селения, Малую Кабарду и упомянутых Асетинцев, в совершенном узничестве у кабардинцев всегда находящихся, токмо по некоторому им неизвестно от кого последовавшему внушению от повиновения отставшихся, а потому и в своевольстве пребывающих, сии Асетинцы проезжающим делают разные на пути в Грузию препятствия и по часту грабежи: берут от проезжающих положенную им дань, а кабардинцы на сие взирают равнодушно и им в том не препятствуют по причине той, что они оскорбляются от тех, для спокойствия коих они должны были пещис; на противу того: когда б все милостивейшему государю благоугодно было успокоить начально прилегающих к границам высокославного его государства черкес Большую и Малую Кабарду, высочайшей его воле покоренных, и чрез начальство, в том краю над воинством расположенное, восстановить посредством доверенных в Кабарде людей, божественное свое правосудие, не удаля и собственных прав издревле всего того краю народу принадлежащих; и чрез то сопричисля их к единоначалию, с полною к ним доверенностью, то тогда испотребятся само по себе с той же минуты всякие непозволенные поступки, а нипаче со стороны черкес производимые. Там, где действовало к пролитию человеческой крови орудие, будет служить одно имя правосудного и обожаемого всеми народами монарха, тогда-то умолкнет злоба и пронирыство во всей той стране! вместо стенания и неудовольствия душевного, объемет каждого радость, зря себя отовсюду безопасна и ограждаема правосудием! тогда-то каждый из кабардинцев своего владения князь на собственного своего нарушающего внутреннее спокойствие врага и онаго истребит, не допуская до самонаименованного российского престолу беспокойства, исключая случаев по крайней мере необходимости, к тому побуждающие, кои б тогда уже вошли общественные: и к искоренению зла общественной же силы и способов требующие; на сей конец начальству не нужно б было, как уже известно, заниматься очищением дороги в Грузию чрез вышеизложенные места, а единственно предоставить сие устроить на совершенное попечение кабардинцев, могущих во всякое время приказать узникам своим делать то, что российскому престолу нужно, коего они все вообще верноподданные суть. На сие нужна доверенность неусумненная, и

для производства таковых дел нужные чиновники при малом отряде войск, а иногда и вовсе последним ненужных.

Таким образом, и прочия дела, и распри по Большой и Малой Кабарде решатся и последует всеобщее благоденствие!

Взирая на таковые подвиги, похвальные, первоначальные за Кубанью прилегающие, к туркам принадлежащие, а именно бесленеевских князей селении, и тоже почасту тягость, рождающуюся от междоусобной брани, чувствующие притом происшедшие, также из ближайшего поколения князя Иналанефа, следовательно, непосредственно сближающиеся во всем с Большою и Малою Кабардою, нечувствительно отдадутся в подданство российского престола, а затем уже и оставшиеся пред упомянутые селении охотно примеру их последуют, состоя с поколением князей Атажуковых большою частью в родстве и будучи притом с другой стороны окружены черноморскими казаками, а потому самому без всякого затруднения охотно присоединятся к российской державе, лишь бы зримо было правосудие, и уверен был каждый в безопасности своей, подвергаясь на выше изъясненных правилах, предъявляемым противным жестокому осуждению средством сим, а неинако водворится в том краю всеобщая тишина и безопасное пребывание каждого. Для достижения всеми желаемой цели, побуждаемой неограниченным к престолу его императорского величества усердием, ко благу общему и соотчицей своих, кабардинской владетельной князь Исмаил Атажуков, не говорящий о доверенности к нему народной, ни в вправе своем, каковое он имеет, как древняго и первейшаго поколения от князя Иналанефа над черкесским народом, ни о личных заслугах российскому престолу, «коего он верноподданный», прежде сего оказанных: и единство болезнью сердечно обо всем происходящем во всем краю родины своей; и приемлет смелость отдать себя на ревностные услуги все милостивейшему своему государю для высочайшей его соотчицей своих пользы: всеподданнейше испрашивает, чтоб его императорское величество осуществил его высочайшею своею доверенностью, устроить во всем краю жителей Кавказских гор всеобщее благоденствие, на пред упомянутом основании, с тем, чтобы и тамошнему начальству в истинном его намерении сделано было внушение, и чтоб потому самому на таком основании он и был принят, т. е. требуя от него во всех делах, до горских черкес касательных, нужного содействия и зависящей от него помощи, равным образом являя оную и ему по востребованию его безотлагательно. После чего князь Атажуков ручается жизнью своею, что средством сим в течение короткого времени будет зрима желаемая перемена и исполнение всех предначинаний к неумолкаемой славе правосудного и человеколюбивейшего из владык земных монарха.

ЛОИИ, ф. 36 (Воронцовы), оп. 1, д. 439, л. 215–229.

Записка о жителях Кавказа,

Большой и Малой Кабарды, с описанием первобытного их состояния до устройства линии от крепостей Моздока и до Ставрополя, и какие из того произошли неудобства

Известно уже, что горские черкесы, происшедшие от двух братьев Чер и Кес, вышедшие из Аравии и поселившихся несколько веков тому назад в Крыму под владением еще цесаря тогда бывшим, когда татары зверством прославившиеся, по взятии сей области понудили всех, во оной находящихся, от жестоких ими производимых мучений спастись бегством, в сие время упомянутые два брата Чер и Кес поселились на берегу Черного моря, на устье реки Кубани при урочище Кызылташа, чему последовали разных вер народы и жилища свои в Кавказских горах основали, получа от того и наименование свое; но будучи жестокими своими мучителями несколько сот лет преследуемы и спасаемы бегством уходить далее в горы, встречали пред собою соседей, своих равную участь ожидающих, а чрез то составляли единомыслящее общество, были иногда в силах сделать всеобщему врагу своему сопротивление, но со всем тем принужденными находились уступать превосходной силе и нестерпимым мучениям, уходили далее в горы от запада к востоку по берегу Черного до Каспийского морей. Влада таким образом несчастную жизнь, иные оставались на своих местах под жестоким игом татар, а последователи Чера и Кеса дошли наконец до реки Баксана в то уже благополучное время, когда царь Иван Васильевич покорил Казань и Астрахань. По сему слыша, все жители Кавказа, и в особенности Большой и Малой Кабарды, поселившиеся при реке Баксане, как упомянуто выше сего, спешили прибегнуть к покровительству искоренителя всеобщего врага. Владетельный тогдашний князь, происшедший от Иналаицефа именем Казы, от коего произошли ныне существующие фамилии князей Мисостовых, Атажуковых и Жамбулатовых, составляя в сем месте пребывания своего уже довольно многочисленный народ, пришел к царю Ивану Васильевичу и предался его защите; после чего с непоколебимою верностью и единодушием способствовал к истреблению врага России и жителей Кавказа. Потом, когда вечной славы и достойной памяти в Бозе почивающий, государь император Петр I воспринял в Персию поход, то два князя Асланбек и Эльмурза⁴⁰ (из рода сего произошла в России фамилия Бековичей)* добровольно пришли к премудрому царю и содействовали во всех его там бывших войнах; был единственною причиною взятия в плен Адильгирея шамхала Тарковско-го** владетеля, коего предки в древние времена произошли из Багдада поколения Калифова, и который тогда великим его императорского величества намерениям немалые предполагал препят-

* Так в тексте.

** В тексте: Тарильского.

ствия. Затем князья Мисост и Кылчук, со многими из свиты своей дворянами, при взятии Азова⁴¹ оказали также немалую услугу и непоколебимую верность российскому престолу и тем доказывали всегда, что всякого доверия заслуживают. Пребывая кабардинские князья со всеми подданными своими, преданными российскому престолу, были всегда высокославною державою сею уважаемы, как личные соседи, при наблюдении совершенного их во всем спокойствия, что видя кабардинские князья более и более ревностью к России сделались преисполнены, вменяя себе в немалую славу находиться под покровительством ея; всегда были употребляемы, и так сказать вперяемы в сердца каждого обыкновенные слова, и даже при последнем завещании князьями Мамбетом Атажуковым и Касаем Мисостовым, похвальными своими качествами прославившимися, произносимые: «Россию и Баксана, чтоб никогда не оставлять», что и было у всех кабардинцев долгом священным⁴²; но жестокий рок всему тому предел иной назначил и благоденствие жителей Кавказа начало время от времени уменьшаться, гибель их сделалась неизбежною. С одной стороны, Россия начала по временам к непостижимости их уменьшать доверенность свою к ним и от начальствующих над воинством, к границам их прилегающим, стали оказываться обиды, притеснения, а потом уже и разорения. С другой стороны, от оставшихся древних варваров, спасшихся бегством и кочующих между рек Кубанью и Доном на Эй и Челбат и к Волге простирающихся, происходил им равномерный вред, состоящий в том, что сии, скитающиеся повсюду и не имеющие с подобными им народами настоящего пристанища, производя разными набегами в России грабежи, разорением селений, увозом из оных людей, отгоном скота и проч., прищая иногда к себе в единомыслие и горских черкес, в буйстве и своевольных поступках пребывающих, а иногда и таковых, кои жестокими противу их со стороны России поступками сделались оскорбленными. Вообще без должного рассмотрения и разбирательства со стороны российского начальства, в том крае расположенного, относилось все сие без изъятия всех жителей Кавказа, а наиболее по приближении к границе российской, на князей Большой и Малой Кабарды; а от того произошли кровопролитные сражения, под предлогом коих впоследствии времени в « » году*, для безопасности и содержания там к обороне войска, учреждена была линия, а потом обнародованный в 1775 году Манифестом, о дозволении каждому поселиться в Кавказской губернии, приведено было состояние кабардинцев в горестное положение и дано им совершенно чувствовать, что они далеко отстоят от того благоденствия, коим предки их, после претерпленных грабительств от древних варваров татар, прибегнувши к защите российского престола и оному пребывая всегда верными мирно и спокойно наслаждались. От первого, т. е. устройства линии, где поселены теперь российские слободы, лишились они луч-

* Так в тексте.

ших своих лесных, пастбренных, пашенных и сенокосных угодий и должны снискивать себе и скоту пропитания в крайнем стеснении и уменьшении прежних своих выгод, так что ежели тогда и понадобится для прокормленья выгнать скот в пастьбу, то всякий раз должно прежде исходатайствовать у начальства для сего билеты⁴³, а сие сопряжено с неимоверными затруднениями, а иногда и злоупотреблениями. Таким то образом сделалась собственность кабардинцев, им всегда необходимо нужная, во владении чуждых. Затем от другого, от обнародования Манифеста, разрешающего поселиться разных вер народам в Кавказской губернии, начали подданные кабардинских князей, отбывая от рабства, бегать и поселяться в разных по линии местах, подобно как будто владельцы их не России, а иной земле принадлежат и враги оной суть, вместо того, когда сии болезнью о том сердцем и душою, хранят ненарушимую верность присяги к российскому престолу, исключая случаев, по жестоким поступкам до отчаянности и к кровопролитному сражению к обороне своей в разные времена их доведших. Находясь в сем злосчастном положении лишились от таковых неустройств, даже и по местному своему пребыванию, собственно древних их прав, прочного собственностью и подданными своими владения. До сего времени каждый князь (разумеется, наиболее мелкопоместный) должен был пользоваться ему принадлежащим, не касаясь до чуждого; но при всеобщих в Большой и Малой Кабарде замешательствах, а притом от всесовершенной крайности отнятием, как упомянутого, у всех жителей Кавказа земель, приступили все к снисканию пропитания грабежом и хищничеством у своих соотчичей, и с приобщением к себе известной большею частью от должной повинности ко владельцам своим народ Абазинцов и Асетинцов, разоряя тем других до основания, без сего в благоденствии жить могущих. А от того-то и от всех выше изъясненных неудобств стесняется судьба жителей Большой и Малой Кабарды. Суда и расправы не обретают, хотя же определенные для сего от главнокомандующего воинством в разные кабардинские селения, большою частью из казачьих полков по одному чиновнику с несколькими числом казаков, в разбирательство разных дел входят, но, будучи сами удалены от предмета человеколюбия, от познания судить дела, и в особенности чуждого народа и прав их, им неизвестного, вместо должного разбирательства в неведении своем дают более свободу неблагонамеренным, к непозволенным и законопротивным поступкам. Кабардинцы же и прочие с ними живущие, и именно древняго происхождения и отделившиеся от Мама, Касаева поколения, татары, в смешанном таковом зле доходят до губительного состояния.

Средства: к восстановлению всеобщего благоденствия и совершенного истребления в том краю вкоренившегося неустойства и действию к благонравию в готовящемся обществе нетерпящих, а наиначе противных человеколюбивому и правосудному нашему монарху, суть следующие. Первое, учредить на основа-

нии прежде поднесенной записки вышнее судилище, расположа оно в Георгиевске, под коим все прочие во всех селениях Большой и Малой Кабарды будут находиться; после чего вывести находящихся во оных упомянутых чиновников с казаками, по непросвещению своему и по известным в сем войске навыками не что иное, как крайний вред творящие.

Второе. Судилище главное должно при производстве дел наблюдать древние права жителей Кавказа, как и во всех селениях все частные суды. Каждый должен владеть собственностью своею, прежде сего ему принадлежащую, а не правом насилия приобретаемого, и не касаться впредь до имущества чуждого, подвергаясь взысканию положенному по праву кабардинцев и всех строгостей российских законов, кои и во всех делах и случаях главнейшими будут к устранению всеобщего благоденствия.

Третье. Абазинцев привести в должное повиновение и возвратить их прежним владельцам, которые при открывающихся таковых добрых расположениях, найдя и свои выгоды, коих они да не лишатся, и сами собою возвратятся к принадлежащим своим властям.

Четвертое. Возвратить кабардинцам отнятые у них земли, на которых устроена упомянутая линия и поселены слободы, а если ли сего иногда исполнить будет не возможно, то по крайней мере не был им запрещен свободный въезд во все принадлежащие им прежде сего для всех их нужд, т. е. владением беспрекословно тою землею и пастбы скота, не имея уже надобности брать для пропуску билетов, их сильно затрудняющих. И наконец.

Пятое. Возвратить всех беглых и поселившихся на линии каждому владельцу из кабардинцев, отнюдь впредь не принимая. Сим оказываемым беспримерным монаршим правосудием, когда всемиловитейшему и обожаемому всеми государю нашему, благородно будет высочайшим своим имянным указом повелеть: быть по сему, то уже никакой надобности нет содержать там великое число войск и делать соразмерные для сего издержки — сие останется в высочайшей его казне. Гремяща его повсюду в горах Кавказа добрых дел слава и соразмерная неумолкаемая благодарность благонамеренных онаго жителей, будет служить оплотом противу всех непозволительностей, кои за границу России да не выйдут. Правой же суд и защита человеколюбивейшего нашего монарха, дела и поступки их увенчают настоящим благоденствием в позднейшие времена.

ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 439, л. 177—193 об.

Документы

№ 1

1761 г.

Высокородному господину, превосходительному господину, действительному статскому советнику и астраханскому губернатору Василию Васильевичу Неронову от правящего в Кизляре комендантскую должность полковника де Боксберха

Рапорт

Сего июня 19 дня обретающейся в Кабарде по известной вашему превосходительству комиссии Терского войска майор Петр Татаров⁴⁴ рапортом представляет: во время де свидания ево Баксанской партии с кабардинскими владельцами, Бамат Кургокиным и Касаем Атажукиным, оные ему говорили и при себе записать велели, которое де при них и записано, что **Крымский хан** на темиргойцах ищет крови родного своего дяди, Башилбайского владельца, а баксанских владельцев Касая Атажукина Емчека⁴⁵, который вскормил **Жанхота Татарханова** и ему, Татарханова, подвластного Чанборы Эгебокова, который в бытность его в Крыму им, крымским ханом, превеликим богатством надарен. И как он, Чанбора, в 760 году осенью обратно на Крым в Башилбаи следовал, то на дороге оными Темиргойцами убит и богатство ево ими, темиргойцами взято, того ради и они, баксанские владельцы, для отомщения ж в самой скорости на темиргойцев пойдут, и ежели помянутые темиргойцы без противности за кровь вышеписаного владельца Чанборы Эгебокова и за взятое по убийстве его богатство им, баксанцам, заплатят, то баксанцы, взяв оное и отдавши родственникам его, паки в Кабарду возвратятца. А ежели противу их оглавленные темиргойцы противиться станут и вышепереченного отдавать не будут, то они, баксанцы, с ними, темиргойцами, поступят, яко с неприятелями, что де и крымскому хану непротивно, да и Российская империя в том на них, баксанцев, гнева не имела.

Притом же они, владельцы, объявили, что находящийся при темиргойском войске Месоуста Баматова Емчек Матчан Кутатов онаго 13 числа к ним приехал и им действительно видимое при сражении крымского войска с темиргойцами донес и велено ево, Емчека Маматчана Кутатова признать, которой и призван и при них, владельцах, ему, майору Татарову, сказывал, что весьма великое сражение у тех войск было и многочисленно крымского войска темиргойским войском побито и ранено, да и в реке Лабе потонуло, причем де потонул аги Ислама Тагетова брат, который в Крыму пред всеми весьма славным воином именовался. А в плен темиргойцами взято агов три, ширинов – две, да мирз двоя,

а протчего всякого звания народу более трехсот человек; но чрез тамошней де народ слышно, что взято мирз и протчего народа наиболее вышеописанного, только он, Маматчан, более него не видал.

И ныне де крымское войско движение имеет к городу Копылу, а куда заподлинно пойдет, он неизвестин, с чем он, майор Татаров, со владельцами расстался. Чрез же де разведани слышно ему, майору Татарову, что привезенные владельца Бамата Коргокина сыном Темрюкай весьма богатые ружья и пистолы, о которых и напредь сего донесено потаенно, баксанскими владельцами от него, Темрюка, приняты; и из оных взято Баматом Коргокиным ружье, а сыном его Месоустом Баматовым пара пистолей, а протчие кому розданы, за подлинно неизвестно, о чем вашему превосходительству чрез оно в покорности моей доношу, а каково взято от посыланных мною по совету з господином генерал-майором князем Черказских, здешних нагайцев Мамбетя Ораз Мамбетова с товарищем и с ним двух человек из Кубань под пристойным претекстом для разведания о тамошних обращениях объявление, со оног при сем на рассмотрение покорнейше влагает точная копия.

На подлинном подписано тако: полковник Иван де Боксберх

Июня 28 дня 1761 г.

Скрепа: С подлинным читал канцелярист Иван Зайцов.

АВПР, Каб. дела, 1761 г., д. 4, л. 159–160 об.

№ 2

Выдержки из писем генерал-майора И. Д. САВЕЛЬЕВА к государственному канцлеру

Саратов, декабрь 1804 г.

«Благосклонное письмо вашего сиятельства, коим удостоить меня изволили от 5-го ноября, застало меня здесь; приношу оное всепокорное мое благодарение и, прилагая при сем записку дошедших до меня разным сведениям, осмеливаюсь сказать, первое: напрасно начальствующий на линии отвергнул просьбу кабардинцев тогда, когда они просили о пропуске скота своего на левый берег реки Малки, и тем не воспользовался покорить их безоружия: дал им чрез то способ укоренить свою связь с другими горцами, сбытием за бесценок своего скота и, словом сказать, с тем вместе снять с себя оковы, коими кабардинцы со стороны скота крепко по положению мест были всегда скованы, а оттого избыток необыкновенный между горцами, лошадей не то уже число, может составлять скопицей, каково было прежде; и другое, второе, две записки, данные мне от покойного Львова, о чем я имел честь доносить вашему сиятельству 1803-го сентяб-

ря 1-го, и мое на оныя примечание, оставшиеся по случаю кончины его в бездействии, следует поместить по пристойности в составленном мною плане; но поелику сочинитель оных кабардинский владелец Исмаил Темрюк Аджиев⁴⁶ приехал на линию; цель его во оных о своих однородцах, или, паче сказать, собственный, заставила меня преждевременно представить их, и, когда угодно будет приказать сообразить оныя с донесениями моими 1802 года февраля 8-го и октября 15-го о брате его Адильгерее Темрюк Аджиев, бежавшем за Кубань⁴⁷, насадившем в Кабарде теперешний корень разврата, тогда соизволите усмотреть прозорливо, на какой конец идут и сего последнего замыслы...

* * *

«С Кавказа ноября от 7-го кабардинцы лошадей своих и баранов беспрестанно пригоняют на земли чеченские и продают за бесценок. Говорят, что лучшую кобылу можно достать за десять рублей, а барана менее рубля; это они делают для спасения от гибели их достояния, когда им отказано начисто в перегонах скота на здешнюю сторону, о чем было они попытались просить: чеченцы, дагестанцы и даже дербентцы, покупая лошадей (?..), угоняют в горы.

Недавно приехал сюда и Измаил-бей, не могу ничего сказать, как он принят и даже ради каких причин присутствие его здесь показалось нужным...»⁴⁸

ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 439, л. 169—171; л. 173—173 об. 9

№ 3

Копия с рапорта г-ну генералу от инфантерии и кавалеру Булгакову

от 27 октября 1810 г.

Кабардинский владелец и российской службы полковник князь Измаил-бей Атажукин, будучи отпущен вашим высокопревосходительством в Кабарду на 12 дней, прибыл сюда, в слободу Прохладную, где, проживая около 10 дней, ожидал к себе приезду некоторых владельцев и узденей, с коими под видом собственных надобностей желал на берегу речки Малки иметь свидание, и между тем, как я предписанием вашего высокопревосходительства был вызван в город Георгиевск, виделся он, Атажукин, наедине с владельцем Казбулатом Кильчукиным и некоторыми узденями, а по возвращении моем из Георгиевска в слободу Прохладную от преданных нам узнал я, что по приглашению Измаила Атажукина положено на другой день на берегу Малки против карантинной заставы быть собранию кабардинских владельцев и узденей, того же дня виделся я с владельцем российской службы подполковником Кучуком Джанхотовым⁴⁹, ко мне нарочно при-

ехавшим, который (?..) день быти собранию изъяснял следующую причину, что г. полковник князь бей Атажукин сочинил от лица кабардинского народа просьбу, заключающую в себе все обиды и опустошения, нынешнюю весною российским войском кабардинцам нанесенная, убеждал владельцев приложить к оной имянные свои печати и через него вручить приехавшему на линию в лице Государя генералу, с которым, если нужно, он и сам к высочайшему двору отправится и во всем за них ходатайствовать будет, и что по сему депутатов, изготовленных уже, к высочайшему двору посылать не нужно, о чем обязанным нахожу донести вашему высокопревосходительству.

Подлинный подписал полк. Р е б и н д е р⁵⁰.

ЦГВИА, ф. 134, оп. 203-6, д. 96, л. 2—3.

№ 4

Перевод с прошения нижеподписавшихся кабардинских князей, узденей и общества

Высокородному и превосходительному господину генерал-майору и разных орденов кавалеру Николаю Ивановичу⁵¹ всего кабардинского общества князей, узденей, эфендиев и хаджиев

Покорнейшее прошение

Известились мы, ниженаименованный: что Его Императорского величества всепресветлейший державнейший и всемилостивейший великий покровитель вселенной государь прислал от себя уполномоченную особу с тем, дабы взошел и рассмотрел все народные нужды и состояния, по поводу сего, мы, народ кабардинский, будучи подданны Его величества, осмелились изъяснить Ваше превосходительству на письме о нуждах их, которое покорнейше просим милостиво принять и благосклонно вникнуть в подробности, и если угодно вопрос и в чем оное значит, то состоит в следующем: Мы, народ кабардинский, издревле отцы и прадеды наши всегда были под покровительством и властью престола российского; ныне главнокомандующий в Грузии и милостивый г-н генерал-аншеф кавалер Александр Петрович Тормозов повелел находящемуся здесь г-ну генерал-аншефу и кавалеру Сергею Александровичу Булгакову, он (...) объявил высокопочтенному родственнику нашему князю Измаилу Атажукову, чтоб мы слушались и приняли б его наставление, который добавил нам сведение, подтверждал и внушал нам, дабы мы, яко древние России приверженные, старались елико можно быть верными усердными, что послужит общему нашему благу, и воспользуемся монаршей милостью, свободно будем получать для жизненности нашей соль и разные

товары, а молодых и глупых людей от шалостей удерживали, что тщательно старались делать во время сего нашего действия по внушению князя Измаила Атажукова; ныне текущего 1810-го году значенной г-н генерал-аншеф кавалер Булгаков, собрав сильные и высокочтимые войска его императорского величества, внезапно учинил на нас нападение, истребил огнем наши дома, имущество разграбил, скот отнял, людей побил, а что именно. Значит (...): 6150 рогатой скотины; 515 лошадей, 125 буйволов, 44015 овец, 6310 пудов медной посуды*, 5895 пудов меду, 52 панциря, 180 ружей, 300 шашек, 145 сабель, 2900 серебряной монеты, на 5800 разного товару по цене серебряной монеты, 1420 ароб просы; убито Куденетовой и Танбиевой фамилии узденей и протчи 31 человек, позжено домов – 9585, панцирных шишаков – 31, мечетей – 111, хуторов – 1000, в плен взято 41 душа, сверх того, много захвачено нарукавников панцирни и разного имущества, коего счесть не можно, а что все сие показано поистине, покорнейше просим не сомневаться, за тем еще похищенное чеченцами, абазинцами и казаками взыскал с нас 1000 лошадей и рогатой скотины 500 – почему остались наги и без пропитания; ибо нашествие таковое учинил он во время весенней пахоты, хотя уже убедительно умоляли его, так как подданные его Императорского величества всемилостивейшего государя, чтоб сделал нам пощаду, допустил бы пахать землю и не разорил бы и не посрамил бы, но ничего во уважение не приме, а потому, видимо, вскоре от голоду люди наши будут помирать, почему г-н генерал Булгаков при возвращении от нас из Кабарды объявил нам, что назначен над нами приставом подполковник Александр отли (?) Ребендер, которого поступки суть значущие: когда люди и холопы наши ездят для покупки хлеба, он их чрез карантин не пропускает, иногда кто-либо из князей или узденей наших поедет к нему с просьбою, то он требует лошадь или кобылицу, и, если кто его подарит, того в карантин берут, а кто не подарит, того не пропускает и имеет знакомство с нашими ворами, которые без задержания впускает в карантин, и они покупают свободно просо, а князей и узденей почетных с пренебрежением обращает, таковой поступки г-на Ребендера крайне нас удивляет и истинно угнетает; когда же был над нами приставом его превосходительство г-н генерал-майор Иван Петрович Дельпоццо⁵², мы все ими были довольны. Он справедливым своим управлением научал и постановил нас на путь истинный, дай бог, чтоб он воспользовался царскою милостью, за что от мала до велика князей, узденей, подданный и холопы наши неизменно довольны.

По сим обстоятельствам подвергаясь к стопам высочайшего престола Его императорского величества. Если угодно не лишить нас монаршего своего покрова и не нарушить права предков наших со времен царя Иоанна Васильевича, пользовавшихся и впо-

* Против слов «6310 пудов медной посуды» в тексте помета: «по берегу рек Баксану, Чегему, Шахлуке, Мешхику».

следствии в 1771-м году императрицею Екатериною второю дарованной грамоты кабардинским владельцам чрез бывших у высочайшего двора депутатами князей Коргоки Татарханова, Джанхота Садакаева, кое всемилостивейше пользовались по праву предков наших, подвластными нам горцами и абазинцами владея, беглых холопей своих возвратно получали⁵³; покорнейше просим ваше превосходительство представтельством своим исходатайствовать нам Монаршую милость о утверждении онаго, паки так как мы до сего переходили через реку Малку, производили хлебопашество, пасли конные табуны и овец, сверх сего позволено было вывозить с соляных озер на двупарных воловых арбах соль, по торговому промыслу ездили наши в Астрахань и Кизлярский уезд, откуда доставляли разной товар, чем себя обогащали и народ покойно пользовали. Но ныне чрез Малку не пропускают табуны пасты и хлебопашество производить не позволяя; а в прошлом, 1805-м, году посеяно было нашими просо, которое не допустили собрать и за солью ездить воспрещено, если угодно выдать, то теперь в Кабарде одного пуда соли нет, ибо по установленной от казны цене соль по одному рублю пуд покупать мы не в силах, потому что у нас денег нет⁵⁴; далее что еще можно сказать, вникнуть и рассмотреть все вышесказанное нами, униженнейше просим Ваше превосходительство принять на себя бремя довести до сведения всемилостивейшего государя и быть нашим ходатаем во испрошении монаршей милости по изъясненным нашим просьбам; в заключение сего покорнейше просим; когда прибудете в селение Прохладное, позволить нам видеть особу Вашу лично и устно еще кое о чем изъясниться, в прочем предаем воле вашей.

Под окончанье значатся имена князей: Алибек-Султан Алиев, Бияслан бек Касаев, Кучук Джанхотов, Измаил Атажуков, Мухамет Докшукин, Касбулат Кулшукин, Али Карамурзин, Арсланбек Биясланов и протчия князья;

Судьи: Шумафе Эфенди, Магомет Эфенди; Уздени: Шумафе Тамбиев, Коргока Яхшукин, Измаил Куденетов, Биарслан Куденетов, Дуклич Тамбиев, Караха Куденетов, Шулиха Плекасанов, Элбут Данауров, Мамбет Беитепос (?).

Хаджи⁵⁵: Темрука Иштабин(к), Джамбулат, Исмаил Докшукин, Темрука Казаншиев, Шагам Куджуков, Эльмурза Бабуков, Джантемир, Шува Джанукин, Эльмурза Джанукин, Тока Яджихукин, Елмабет Арсланбеков, Дохшука Ишабин, Бекмурза Докшукин, Джанкуват Дохшукин, Темрука Механин, Мухамет Шендин, Бакар Джаджужукин, Кокан Капсинов, Шумафе Шевкенов, Кызылбек Джантемиров, Тавсултан Джантемиров, Муса Хафендукин, Али Куватов, Джолмабет Нажу Арсланбеков, Болат Танеев, Макым Садаков, Исмель Садаков, Хаджитукажи Джанукин, Науруз Кандаров, Мит Куватов, Есуф Лестанаков, Докшука Хукин, прочие уздени.

На обороте приложено 12-ть чернильных печатей и 40 пальцев.

ЦГВИА, ф. 134, оп. 203-6, д. 151, л. 29—32.

№ 5

Всепресветлейший, державнейший, великий, государь император!

Всего кабардинского общества всеподданнейшее
прошение

Со вступления Казани и Астрахани в подданство империи все-
российской преданность кабардинского народа к престолу все-
российскому сделалась известною всему свету. Известно также
все монаршее благоволение и милости, какими пользовались пред-
ки наши от покойных прародителей вашего императорского вели-
чества, кабардинский народ особливо прославился тем, в Даге-
стане⁵⁶, что знаменитый завоеватель Казани и Астрахани царь Иоанн
Васильевич удостоил принять в супружество свое дочь кабардин-
ского Темрюка* бека, именовавшуюся Мариєю. Мы, како сами
подданные, старались в прошедших временах таковыми ж сде-
лать и других дагестанцев, обитающих в отдаленных от нас ме-
стах, привлекая их в свое подданство, что делали, чувствуя всю
цену монарших к нам милостей, в 1771-м году были от нас от-
правлены к высочайшему двору вашего императорского величе-
ства депутатами старших родов наших беки, Кургук бек Татарха-
нов и Джанхот бек Садакиев, с прошением о всемилостивейшем
подтверждении прежних прав наших и преимуществ, на что и удо-
стоились мы получить чрез них высочайше соизволение; и хотя
мы исполняем долг наш и верность, но находящиеся близ нас
военные начальники российские не соблюдают дарованных нам
преимуществ и, сменяясь в скором времени один за другим, не
уважают того высочайшего соизволения. И каждый из них посту-
пает с нами по собственной своей воле, что вверяют непросве-
щенный наш народ в великий страх и замешательство, однако же
не тех мыслях, чтобы нарушить верность и усердие предков своих
все просветлейшему державнейшему и всемилостивейшему го-
сударю своему императору, но для восстановления тех преиму-
ществ по обыкновению нашему и для возобновления дарованного
нам высочайшего соизволения.

Для поднесения сих просьб, избрав от народа нашего депута-
тами лучших родов наших беков Джанбулатова рода Хаджи Бей-
зарука Хамурзина, Мисостова рода Кучука-бека Касаева, Джан-
булатова рода узденя Темрюка Казанчева и Атажукина из рода
узденя Гетагажа Кудайнетова, отправили к августейшему престо-
лу вашего императорского величества, препоручив им жалобы и
просьбы наши; почему всеподданнейше и просим ваше импера-
торское величество не лишить нас, по представлению их пред ваше
величество, монаршей вашей милости, подобной неисчерпаемо-
му морю, и удостоить просьбы наши правосудного Монаршего

* В тексте: Тимурка бека.

воззрения, мы надеемся, что не будут оне оставлены без внимания в милостивое ваше императорское величества соизволение.

В чернильной печати означены следующие имена: Батука бек сын Джанбулат бека, Темирбулат бек сын Атажука бека, Арслан бек сын Бейарслан бека, Мурза бек сын Хамурза бека, Али бек сын Карамурза бека, Джанбулат бек сын Адельгирей бека, Касбулат бек сын Калшука бека, Магомет бек сын Дахшуко бека, Измаил бек сын Атажук бека, Кочук бек сын Джанхут бека, Алибек сын Салтгирей бека, Касай бек сын Кадагидж бека, Масует бек сын Касай бека, Касай бек сын Атажук бека.

У з д е н и

Дакулич Тандеев	Бейарслан Кандиятов
Курчука Яхшуков	Измаил Кандиятов
Брак Джанджуков	Хаджи Гемур Кандиятов
Джанхут Дахшуков	Албут Кандуров
Измаил Дахшуков	Шумах Тандеев
Хаджи Темрока Ашабов	Мухкем
Джансуг Кандиятов	

К а з ы и

Магометгирей эфенди	Шумаха эфенди Юлдашев
Юсуф эфенди	Дауд эфенди...
Ахмед эфенди	

Февраля 28-го дня
1811-го года в Кабарде

ЦГВИА, ф. 134, оп. 203-6, д. 451, л. 1—3 об.

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ И МАМЛЮКИ

Зарубежная и отечественная историография, посвященная черкесским мамлюкам, обширна. Источниковая база данной тематики, начиная от XIV в. вплоть до начала XIX в., очень разнообразна и включает исторические хроники, географические справочники, энциклопедии, описания путешественников и государственных деятелей и т. д. Определенный интерес в этом плане, на наш взгляд, будет иметь описание египетской экспедиции выдающегося французского полководца и императора Наполеона Бонапарта, составленное на основе его записей и дневников.

Если брать периодизацию господствовавших мамлюкских династий, то принято считать, что мамлюки Бурджи, или черкесские мамлюки, господствовали в Египте и на Востоке с 1382-го по 1517 г. Известно, что при черкесских султанах наследственность правле-

ния отсутствовала. Но, хотя в последующем (после XVI в.) происходило изменение этнического состава правящей военной аристократии, все же вплоть до начала XIX в. именно черкесские мамлюки занимали господствующее положение среди основной массы мамлюкских беев Египта. Поэтому и период мамлюкского эмирата конца XVIII в. требует серьезного изучения историками-адыговедами. В данном случае мемуары и дневники Наполеона содержат богатый материал по интересующей нас тематике.

После завершения итальянской кампании, которая принесла большую популярность Наполеону, Директория назначила его командующим экспедиционными войсками для захвата Египта. Эта страна привлекала французскую буржуазию как рынок сбыта своих товаров и плацдарм для будущего вторжения в Индию – главную колонию Англии, являвшуюся злейшим врагом Франции этого периода.

19 мая 1798 г. 32-тысячная французская армия на 309 транспортных судах и 55 военных кораблях отплыла из Тулона в Египет. Как уже было отмечено, основная причина предпринятой французами экспедиции была более чем серьезной. Как повод же был использован заключенный еще в 1775 г. мамлюкскими беями торговый договор с английской Индийской компанией. С этого времени французские торговые дела испытывали различные притеснения и неудобства. Еще в 1786 г. по просьбе Версаля Османская Порта пыталась восстановить прежнее положение французской торговли, но это не имело успеха.

Готовясь к будущей экспедиции, Наполеон, как мы можем судить на основе его дневников, основательно ознакомился с историей Египта, его правящей верхушкой, обычаями народов, населяющих страну. Знакомясь с историей Египта, особое внимание французский полководец уделял правлению великого Саладина и истории господства мамлюков с ранних времен до правления Али-бея, главы мамлюков, объявившего себя в 1766 г. независимым от Турции правителем Египта. Наполеон был достаточно информирован и представлял себе форму и структуру управления Египтом мамлюками во главе с Мурад-беем (1750–1801) и Ибрагим-беем (1735–1816) – черкесами по происхождению. Характеризуя мамлюков, французский полководец писал: «В Египте их род не продолжался. Обычно они вступали в брак с черкешенками, гречанками или иностранками. У них не бывало детей, или же дети, рождавшиеся от этих браков, умирали, не достигнув зрелости. От браков с коренными жительницами у них рождались дети, доживавшие до старости; однако род их редко продолжался до третьего поколения, что вынуждало их пополнять свои ряды путем покупки детей на Кавказе. Количество мамлюков – мужчин, женщин и детей исчислялось в 1798 г. 50-ю тысячами. Они могли выставить 12 000 всадников».

31 июня 1798 г. был высажен десант для захвата города Александрии. Перед высадкой был издан приказ, в котором говорилось: «Солдаты, вы наносите Англии наиболее чувствительный удар... Через несколько дней мамлюки, оскорбившие Францию,

не будут более существовать... Народы, среди которых вы будете жить, имеют символ веры: «Нет бога, кроме бога, и Магомет пророк его!» Не противоречьте им... Римские легионы любили все религии. Грабежи бесчестят армию и приносят выгоду лишь немногим... Город, который лежит перед вами, построен Александром!!!» Заняв Александрию, Наполеон объявил его жителям, что пришел освободить их от господства мамлюков.

Французская армия двинулась на Каир. Она состояла из 5 дивизий под командой генералов Дезэ, Ренье, Бона, Дюгуа и Виаля; резерва в 2600 человек под командой генерала Мюрата и двух бригад смешанной кавалерии. Общая численность составляла 21 тысячу человек всех родов войск. Контр-адмирал Перрэ командовал Нильской флотилией из 15 судов и 600 человек.

Между тем 5 июля в Каир пришла весть, что армия «неверных» произвела высадку, штурмовала и взяла Александрию, что армия эта имеет весьма многочисленную пехоту, но лишена кавалерии. Беи и их киашифы испускали крики радости. В Каире устроили иллюминацию. «Это арбузы, которые надо разрезать», – говорили они. Не было мамлюка, который не обещал себе срезать сотню голов. «Эта армия, будь в ней хоть сто тысяч человек, будет уничтожена, потому что ей придется идти через равнины, окаймляющие Нил!» – думали мамлюкские беи.

5 июля около местечка Даманхура дивизия генерала Дезэ столкнулась с 600 мамлюками. Мамлюки, не имевшие до этого военных столкновений с французами и относившиеся как бы с презрением к пешему роду войск, были удивлены стойкостью этой пехоты и ужасающим огнем ружей и картечи, который с такого большого расстояния повсюду нес им смерть. Когда Мурад-бей узнал об этом странном случае, которого не мог объяснить, по свидетельству источника, он разгневался на бея и киашифов, которые дали себя запугать количеством, словно мамлюки вообще могли считаться с «пешеходами на равнине».

6 июля Мурад-бей выступил из Каира с 3000 мамлюков, 2000 пеших янычар и флотилиями. Он созвал к себе арабов Файюма. За ним следовал Ибрагим-бей с еще более многочисленными силами. 12-го в 7 часов вечера французская армия встала лагерем в деревне Миния, в одном лье от Рахмании. К 8 часам она заметила войска Мурад-бея, правый фланг которых, состоявший полностью из мамлюков, упирался в деревню Шубрахит; левый фланг, образованный двумя тысячами арабов, уходил в пустыню. Каждого мамлюка обслуживали 3 – 4 человека. Линия Мурад-бея насчитывала от 15 000 до 18 000 человек.

В течение нескольких часов обе армии наблюдали друг за другом. Наполеон оставил красочное описание мамлюкского войска: «Солнце, игравшее на шлемах и панцирях мамлюков, придавало этому прекрасному войску особенный блеск. По восточному обычаю произошло большое число поединков между наиболее смелыми из мамлюков и неустрашимыми альпийскими стрелками. Мамлюк демонстрировал свою ловкость и храбрость, он вызывал

восхищение. Он был привязан к своей лошади, которая, казалось, разделяла все его страсти; с саблей, подвешенной к запястью; он стрелял из своего карабина, мушкетона и четырех пистолетов и, разрядив таким образом шесть образцов огнестрельного оружия, огибал взвод стрелков и с поразительной ловкостью проскакивал между ними и боевой линией». Французами было замечено, что семь начальников с отрядами отборных воинов, служивших им охраной, собрались в центральном пункте, на холмике; то были беи, державшие совет. В одно мгновение эта прекрасная конница во главе с семью беями пустилась вскачь и проникла в промежуток между каре генерала Ренье и каре генерала Дюгуа, где находился главнокомандующий, без сомнения рассчитывая найти их открытыми с тыла и ударить им в спину. Картечь и ружейный огонь с фронта каре, тотчас же затем — с флангов и, наконец, с тыла — убили и ранили многих из них. Несколько храбрецов, бросившихся на каре с тыла, погибли на штыках. Но, когда Мурад-бей заметил, что с тыла огонь столь же силен, сколь и с фронта, он поспешно удалился и атаковал две укрепленные деревни, где был поставлен резерв. На поле боя остались 60 мамлюков, что весьма обрадовало французских солдат. Наполеон писал: «У них (т. е. мамлюков. — К. Д.) есть обычай, отправляясь в бой, носить все свое золото с собой в поясе. Независимо от этого конь, одежда и оружие стоили много, и это заставило солдат понять, что страна, имеющая столь богатых защитников, не могла быть такой нищей, как они думали».

В определенный момент создалась критическая ситуация для французских военно-морских сил. Но удачные действия Наполеона на суше решили исход сражения. Мамлюки потеряли: 300 наиболее отважных всадников убитыми, ранеными и пленными; 400–500 пехотинцев и членов экипажей их флотилий; девять железных пушек. С этого момента Мурад-бей понял, что равенство в вооружении отсутствует, что одного мужества недостаточно для победы, и что пехота не столь уж достойна презрения, как ему казалось до тех пор. Действительно, 10 000 мамлюков не побоялись бы атаковать в открытом поле 50-тысячную армию османов. Бой у деревни Шубрахита был славным для французской армии. Правда, у нее было на поле сражения 20 000 человек и 42 пушки, когда противник располагал фактически лишь 8 000 воинов; но это было первый раз, когда она встретилась лицом к лицу с этой прекрасной грозной кавалерией.

21 июля оба войска встретились для решающего сражения на левом берегу Нила, напротив Каира, между Эльбабой (современный пригород Каира. — К. Д.) и пирамидами. Французам противостояли боевые порядки, правый фланг которых состоял из 20 тысяч янычар, арабов и каирских ополченцев; в центре находился кавалерийский корпус из 12 000 мамлюков, ага, шейхов и других знатных лиц Египта. Последние были на лошадях и имели при себе 3–4 пеших слуги. Левый фланг, состоявший из 8000 арабов-бедуинов, примыкал к пирамидам. Правый берег Нила был покрыт

всем населением Каира – мужчинами, женщинами, детьми, которые поспешили туда, чтобы наблюдать за битвой, от которой зависела их участь. Французская армия избрала тот же боевой порядок, которому она следовала у Шубрахита, но встала параллельно Нилу, поскольку на этой реке господствовал противник. Укрепленный лагерь египтян, возглавляемый мамлюками, был защищен простыми траншеями, которые могли явиться препятствием для кавалерии, но в случае пехотной атаки их ценность равнялась нулю. Пушки у них были железные на морских лафетах, но они были неподвижные и ими нельзя было маневрировать. В пехоте египтян было мало порядка, и она была неспособна к действиям на равнине. Французы, как видно из записей Наполеона, опасались лишь корпуса мамлюков.

Генерал Дезэ, двигавшийся впереди, прошел в двух пушечных выстрелах от укрепленного лагеря, подставив ему свой левый фланг, а затем направился против центра линии мамлюков. Генералы Ренье, Дюгуа, Виаля и Бон следовали за ним на некотором расстоянии.

В начале сражения Наполеон обратился к своим войскам, указывая им на пирамиды: «Солдаты, сорок веков смотрят на вас!» Французы двигались к деревне, которая служила им ориентиром и тем местом, где они собирались прорвать оборону противника.

Мурад-бей, главнокомандующий мамлюков, разгадал маневр французской армии. «Природа наделила его величием, – писал Наполеон, – блестящим мужеством и проницательностью. Он охватил мысленным взором все поле сражения с таким искусством, которое сделало бы честь самому законченному полководцу». Мурад-бей понял, что потерпит поражение, если позволит французам завершить свой маневр, и что ему следует, имея многочисленную кавалерию, атаковать французскую армию на марше. С 7–8 тысячами он устремился на корпус Дезэ, но последний успел занять оборонительную позицию и поставить солдат в каре. Передовые мамлюки, достигшие французов, были немногочисленными и оказались поражены картечью и ружейным огнем. Генерал Ренье, со своей стороны, не замедлил занять оборону и открыть огонь со всех сторон. Дивизия Дюгуа, с которой находился главнокомандующий, изменила направление движения и очутилась между Нилом и войсками генерала Дезэ, отрезав этим маневром противника от лагеря Эльбаба, и преградила ему путь к реке; вскоре она открыла артиллерийский огонь в хвост мамлюкам. Поле сражения покрылось убитыми и ранеными. В течение получаса мамлюки упорно гарцевали в пределах досягаемости картечи, переносясь из одного промежутка в другой, среди пыли, лошадей, картечи и стонов умирающих. В конце концов, ничего не достигнув, они удалились за пределы досягаемости огня. Мурад-бей с 3000 всадников отошел на Гизу, в Верхний Египет. Египетская пехота, видя разгром кавалерии, вышла из боя и стала переправляться через Нил. Мурад-бей произвел несколько атак в надежде восстановить связь со своим лагерем и облегчить отход находив-

шимся там войскам. Эти атаки не удались, Мурад-бей отступил и приказал поджечь флот. Нил запылал. По свидетельству Наполеона, на этих судах находились сокровища Египта, которые погибли к большому сожалению французской армии.

Из 12 000 мамлюков только 300 во главе с Мурад-беем отступили в Верхний Египет; 1200, которые остались с Ибрагим-беем для обороны Каира, впоследствии отошли в Сирию; 700 нашли свой конец в сражении, столь гибельном для этого храброго ополчения, которое никогда уже не поднялось вновь.

Жены мамлюков были испуганы. Чтобы их успокоить и выразить свою благосклонность, Наполеон направил своего пасынка капитана Богарнэ к Сити-Нафизе, жене Мурад-бея. Последняя пользовалась большим уважением в городе. Сити-Нафиза приняла с большим достоинством посланца султана Кебира, как называли египтяне Наполеона. Она пригласила его в сераль, предложила прекрасно сервированный стол и подарила довольно дорогое кольцо. На Мурад-бея и других мамлюков большое впечатление произвело почтительное отношение французов к их женам.

Между тем весть о битве у пирамид с удивительной быстротой распространилась по всему Нижнему Египту. Находясь здесь, Мурад-бей и Ибрагим-бей переформировали остатки своих войск и усиливались с каждым днем, получая все новые пополнения. Поэтому Наполеон принял решение во что бы то ни стало прогнать их за пустыню. В течение августа шли кровопролитные бои, в ходе которых мамлюки отходили, углубляясь в пустыню. В бою при Салихии 500 арабов отделились от Ибрагим-бея. Заняв позицию на его флангах, они послали к французам делегацию с просьбой разрешить им атаковать его одновременно с французской кавалерией. «Но они, — пишет Наполеон, — слишком берегли себя, чтобы напасть на этих грозных мамлюков, один из этих последних обращает в бегство 20 арабов».

Довольно интересны походные записи Наполеона, в которых даются оценки боевым качествам и способам ведения военных действий мамлюков, французов и арабов. «Арабы никогда не могли выдержать огонь французской пехоты. Мамлюки, которые сначала пытались противостоять ему, в конце концов признали превосходство французов и невозможность преодолеть его. Опыт битв у Шубрахита, у пирамид, у Седимана научил их не презирать более пешие войска... Арабы никогда не дожидались атаки французской кавалерии — разве что их приходилось четверо на одного. Мамлюки напротив — бравировали своим презрением к ней. Но, когда французские кавалеристы пересели на местных коней, они стали давать им отпор. Один мамлюк был сильнее одного француза; он был лучше натренирован и вооружен. Сто мамлюков могли биться со ста французами, имея шансы на успех. Но при столкновении двух отрядов, численность которых превышала 200 всадников, шансы находились на стороне французов. Мамлюки сражаются беспорядочно, они поднимают пыль столбом на крыльях, чтобы обойти с флангов и атаковать линию с тыла.

Отряд из трехсот французов строился тремя линиями, разворачивался направо и налево по отношению к первой линии, и кавалерия противника, уже приступившая к маневру, чтобы обойти первую линию с флангов, останавливалась с целью обойти с флангов эту новую линию; третья линия совершала одновременно тот же маневр, и вся новая линия атаковала противника; тогда мамлюки обращались в бегство, уступая поле битвы».

«Французские кавалеристы, как и мамлюки, с помощью ремня привязывали свои пистолеты к седельной шишке. Саблю они носили на запястье, с которым она соединялась темляком. Ружья драгун иногда бывали полезны, но это сопряжено с целым рядом неудобств, если эскадрон не отделен от противника препятствием, исключающим возможность атаки. Французская пехота, кавалерия и артиллерия в равной степени обладали значительным превосходством. Французская кавалерия никогда не передвигалась большими отрядами, без сопровождения конной артиллерии. Мамлюки перед атакой стреляли из шести видов оружия: из ружья, из мушкетона и двух пар пистолетов, которые они носили — одну на седельной луке, другую — на груди. Копье нес один из саис (оруженосец), следовавших за ними пешком. Это было отважное и прекрасное ополчение».

Таким образом, успешный штурм Александрии, победа у Шубрахита и пирамид, привлечение Наполеоном на свою сторону улемов Аль-Азхара и устранение вследствие этого религиозного фанатизма у населения Египта позволяли французам надеяться определенное время, что Мурад-бей и Ибрагим-бей подчинятся. Но уничтожение французской эскадры у Абукира англичанами во главе с Нельсоном привело к тому, что мамлюки не только не подчинились, но установили тесную блокаду побережья, прекратив тем самым связь экспедиционного корпуса с Францией.

В последующем битва у Седимана, вступление в войну Оттоманской Порты исключили возможность каких бы то ни было переговоров между мамлюками и Наполеоном.

Наполеон Бонапарт, возвращаясь во Францию, оставил инструкцию экспедиционному корпусу. В ней, в частности, говорилось: «Мамлюки не существуют более как самостоятельная сила, они могут пригодиться в качестве подчиненного ополчения; это прирожденные враги арабов и шейхов, они могут оказать услуги во многих случаях. Мурад-бея и Ибрагим-бея можно будет привлечь на нашу сторону, возведя их в княжеское достоинство; других беев — произведя их в генеральский чин и вернув им их владения. Нужно, однако, следить за тем, чтобы беи не располагали вместе с шестью полками кавалерии на драмодерах, сформированными на этот предмет для сдерживания арабов пустыни».

Как видно, в записях и дневниках Наполеона содержится богатый фактический материал об экспедиции, решающих сражениях, Египте и его жителях и т. д. Французский полководец, говоря о причинах экспедиции, о правлении мамлюкскими беями Египтом, об их политике по отношению к коренному населению страны,

часто необъективен. Но всегда, когда речь идет о воинских качествах мамлюков, их руководителей (Мурад-бей и Ибрагим-бей), Наполеон пишет с большим восхищением и уважением к ним.

Наполеон строил свою политику на противопоставлении египетского населения Каира (коптов, арабов) мамлюкам, все время подчеркивая в своих обращениях, что мамлюки поработили египтян. Он пытался заручиться (и в некоторой степени ему это удалось) поддержкой шейхов Аль-Азхара – профессиональных религиозных деятелей. В конечном итоге французы создали сами систему жестокой военной оккупации страны.

Говоря о причинах военного поражения мамлюков, надо отметить ряд факторов. Французская армия была маневренна, подвижна, имела стройную организацию, эффективное взаимодействие трех родов войск – пехоты, кавалерии и артиллерии. Этого нельзя сказать о мамлюках, в войске которых самым слабым звеном являлась пехота, состоявшая традиционно из арабов, бедуинов, албанцев и негров. Мамлюки не смогли умело и рационально использовать против французов свои рода войск. Если проследить основные сражения мамлюков и французов в Египте, то видно, что Наполеон и его генералы каждый раз умело концентрировали силы, достигая этого путем быстрых маршей и умелых маневров. По мнению английского автора В. Брауна, жившего долгое время в Египте, каждый мамлюк был сам по себе лучшим воином на Востоке, но в настоящей маневренной войне конца XVIII в. мамлюкская армия сильно уступала дисциплинированному европейскому войскам. Таким образом, главная причина поражения непобедимых столетиями ни Западом, ни Востоком грозных мамлюков заключалась в превосходстве стратегических и тактических приемов борьбы французской армии, возглавляемой Наполеоном, который являлся творцом нового буржуазного военного искусства на рубеже XVIII–XIX вв. А мамлюкское войско, в частности мамлюкская конница, было блестящим воинским формированием, но оно принадлежало уходящей с исторической сцены феодальной эпохе.

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ АБАЗИН И КАБАРДИНЦЕВ В XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА*

Одной из актуальных задач советского кавказоведения является дальнейшее изучение различных вопросов истории абазинского народа в XVI – первой половине XIX века. В этот хронологический период абазины играли важную роль в общественно-политической жизни Северо-Западного Кавказа. Работы Е. П. Алексеевой, З. В. Анчабадзе, Н. Г. Волковой, В. К. Гарданова, Е. Н. Даниловой, Г. А. Дзидзария, Ю. И. Зверевой, Ш. Д. Инал-ипа, Е. Н. Кушевой, Л. З. Кунижевой, Л. И. Лаврова, В. П. Невской, Я. А. Федорова и других позволили установить основные моменты истори-

* Статья написана в соавторстве с Ш. Хурановым.

ческого развития абазин в прошлом. Наряду с этим многие вопросы остаются еще слабо изученными. Прежде всего, это можно объяснить ограниченностью источниковедческой базы.

В свете сказанного представляется важным открытие новых источников, проливающих свет на существующие еще «белые пятна» в истории горских народов.

Вниманию читателей мы предлагаем остающиеся до сего дня малоизвестными извлечения из работы академика И. А. Гюльденштедта «Географические и исторические известия о новой пограничной линии Российской империи, проведенной между рекою Тереком и Азовским морем». Она была опубликована в 1790 г. в «Собрании сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы»¹. Содержащиеся в этой работе известия об абазинах (в отличие от известий по адыгам, карачаевцам и балкарцам) не вошли как в издание трудов И. А. Гюльденштедта, осуществленное в 1809 г. академиком К. Ф. Германом², так и в извлечения, опубликованные уже в советское время В. К. Гардановым³.

Учитывая, что издание К. Ф. Германа стало библиографической редкостью, мы приводим краткие извлечения, касающиеся абазин, и из этой работы.

Мы пришли к выводу, что работа И. А. Гюльденштедта «Географические и исторические известия о новой пограничной линии Российской империи, проведенной между рекою Тереком и Азовским морем» послужила одним из важных источников для следующих поколений историков-кавказоведов. В частности, С. М. Броневский⁴ и Хан-Гирей⁵. В пользу нашего предположения свидетельствует тот факт, что Броневский в предисловии к своему труду указывал, что им «много почерпнуто из «Собрания сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы»⁶. А Хан-Гирей, описывая чегереевцев (одно из абазинских обществ), приводит мнение Гюльденштедта о делении Абхазии⁷ на три части⁸.

Очевидно, сведениями И. А. Гюльденштедта пользовался и П. С. Паллас. Известно, что черновые наброски Гюльденштедта после его смерти были отредактированы и изданы Палласом в Петербурге в 1787-м и 1791 г. в двух томах на немецком языке под названием: «Путешествия по России и Кавказским горам»⁹. А сам П. С. Паллас свое описание путешествия на Северный Кавказ издал только в 1799 – 1801 гг. под названием: «Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг.»¹⁰.

Нам удалось установить, что понятия «аристократический» и «демократический» по отношению к горским народам впервые употребил в «Географических и исторических известиях о новой пограничной линии...» И. А. Гюльденштедт, описывая политический строй кабардинцев¹¹, а не С. М. Броневский, как полагал М. О. Косвен¹². Этот факт тоже, в свою очередь, говорит о том, что описываемая нами работа И. А. Гюльденштедта широко использовалась С. М. Броневским.

Необходимо отметить, что во взглядах И. А. Гюльденштедта

на причины и время появления абазин на Северном Кавказе, на их взаимоотношения с кабардинцами и бесленеевцами просматриваются прокабардинские настроения. Это и неудивительно. Начав свое путешествие 13 января 1770 г. в Астрахани, И. А. Гюльденштедт завершил его в Москве в декабре 1774 г.¹³ За это время он ни разу не был на левом берегу верхней Кубани, где в это время располагалась большая часть абазинских аулов. Именно поэтому, на наш взгляд, он допускает ошибку, считая абазин-шкарауа¹⁴ (т. е. горных абазин) абазинами «алты-кезеками»¹⁵ (т. е. абазинами-тапантовцами).

Информацию о народах Северного Кавказа И. А. Гюльденштедт собирал в основном через князей Большой и Малой Кабарды, притязания которых на другие народы Северного Кавказа подогревались царскими властями с целью расширения подвластной территории. В частности, ему оказывал покровительство кабардинский князь Арсланбек Таусултанов¹⁶. В силу этих причин изображаемая картина истории переселения абазин на Северный Кавказ и их дальнейшие взаимоотношения с кабардинцами и бесленеевцами не совсем адекватна реальной действительности. Она является отражением взглядов кабардинских феодалов и таковой, какой они хотели ее нарисовать для русского академика, интересующегося историей.

Исследуя сведения И. А. Гюльденштедта об абазинах, мы должны каждый раз дифференцированно подходить к содержанию этнонимов «абхазы» и «абзины» и названиям местности, ими населенной, — Абазой и Абхазией. Так, рассказывая о границах Абазы, он, как следует из текста, имеет в виду всю территорию, заселенную в то время абазино-абхазскими обществами. Повествуя же о столкновении отряда из 300 абхазцев с российскими войсками в 1769 г. и поражении, нанесенном им генералом де Медемом, И. А. Гюльденштедт, безусловно, говорит об абазинах. Как известно, сражение это произошло 6 июня 1769 г. в верховьях реки Кубани и было связано с протурецкой ориентацией части абазинских и кабардинских князей в условиях русско-турецкой войны 1769–1774 гг.¹⁷ Абхазы еще не имели в этот период столкновений с русскими войсками. Следовательно, к абазинам можно отнести и весь сюжет, связанный с описанием обычая «отмщения за причиненные обиды» (языческий обычай поклонения святым деревьям).

Тогда же генерал де Медем получил прошение от абазин-тапанта и абазин-башильбаевцев с просьбой о принятии их в русское подданство¹⁸.

И. А. Гюльденштедт пишет, что абзины платят дань кабардинцам, «потому что народы Большой Кабарды прежние свои жилища, отступая сами далее на восток к Баксану и Тереку, им уступили: ибо абазы, умножаясь, в полуденных горах состоять более не могли».

Проблема абазино-кабардинских отношений нам предоставляется гораздо более сложной и многоплановой. В исторической

литературе имеются сведения о том, что длительный период времени после своего переселения на Северный Кавказ абазины являлись независимым и довольно могущественным народом.

Ш. Б. Ногмов в «Истории адыгейского народа» писал, что абазины и адыги «жили в мире и согласии»¹⁹. Он же отмечает, что легендарный предводитель кабардинцев Инал²⁰ оказывал особые милости абазинским князьям Аше и Шаше²¹, а первая его жена была дочерью «славного... абазинского князя Ашева»²². В тяжелой борьбе с аварским ханом кабардинцы побеждают, прибегнув «под защиту абазинцев и бесленеевцев»²³.

В составе посольства адыгских князей в Москву, состоявшемся в 1550-е гг., были князья Тутарук Езбозлуков и Алклыч Езбозлуков. Е. Н. Кушева считает, что именно Тутарук упоминается под именем «абазинского Мурзы Додоруко» в родословной Черкасских князей, составленной в XVII в.²⁴ Впоследствии внук Додоруко Кази был крещен и под именем Василия Кардануковича Черкасского служил в Москве. В 1598 г. получил боярство, был женат на Марфе Ивановне Мстиславской – представительнице влиятельной боярской фамилии. В документе 1591 г. упоминается, что князья Борис Камбулатович и Василий Карданукович Черкасские встречали посланцев князя Мамстрюка в Москве и купили им 36 панцирей²⁵. В 1614 г. родной брат Кази – Василий Алкаш Кардануков вместе с князем Кулмурзой Канукиным (брат Казыя Пшеапшокова) ездили в Терки в качестве личных представителей владельца Казыя Пшеапшокова с прошением царю Михаилу Федоровичу о присылке ратных людей против «недругов» Казыя²⁶. Эти факты свидетельствуют о важном значении, которое имели абазины на Северном Кавказе в XVI – первой половине XVII в. Взаимоотношения кабардинцев и абазин являлись результатом сложного комплекса отношений между Россией, Крымским ханством и народами Северного Кавказа. В зависимости от политической ситуации того времени абазины и кабардинцы являлись то союзниками, то противниками. В 1570 г. Темрюк Идаров приходил на помощь абазинам в борьбе с крымским царевичем Алди-Гиреем. В бою сам он был смертельно ранен, а сыновья его Мамстрюк и Беберюк были взяты в плен²⁷. В документе 1615 г. упоминается, что предупредить Казыя Пшеапшокова о походе крымского хана на адыгов приехал уздень абазинского князя Арзу-бека²⁸. В свою очередь, абазины сами не могли противостоять экспансии крымских ханов и зависевшей от Крыма Малой Ногайской Орды и вынуждены были временами подчиняться их диктату. Так, в отписке Терского воеводы 6 августа 1616 г. о приготовлениях крымского хана к походу через Северный Кавказ в Закавказье в числе народов, участвующих в этом походе, упоминаются и абазины²⁹. Но уже в 1634 г. абазинский мурза (князь) Кумургук Отлепщукин Лоов в Терском городе присягнул на верность России³⁰.

Отношения кабардинцев и абазин осложнялись и феодальной раздробленностью обоих народов, различной политической ориентацией князей. Турецкий султан и крымский хан, недовольные

улучшением русско-кабардинских связей, настроили против Темрюка влиятельного кабардинского князя Пшеапшоко Кайтукина и шамхала Тарковского. Темрюк в борьбе с ними получал от царя Ивана Грозного подкрепления в 1562–1563 гг. и 1565–1566 гг.³¹ Несмотря на помощь Москвы, в начале 70-х гг. XVI в. Кабарда попадает в зависимость от Крыма и платит ей дань³². О раздробленности абазин свидетельствует тот факт, что на верность России в 1634 г. присягал только один абазинский князь – Кумургука Лоов. Однако уже в 1643 г. абазинские князья Хачака Джантемиров, Саралп Лоов, Казый Доруков, Кансох Бибердов, Алкас Бегишев и Джаным Бабуков вместе с кабардинскими князьями Алегуком и Ходождуком и мурзами Малого Ногая Ураковой половины присягнули на верность России у «Пяти гор»³³.

Точное время установления зависимости абазин от кабардинцев неизвестно. Кабардинские фольклорные источники утверждают, что абазин покори́л Хатожуко Мисостов. Л. И. Лавров приводит другое предание, записанное в середине XVIII в., о том, что их покори́ли князья Чеченук и Кази, жившие в начале XVII в.³⁴ Вероятно, установление зависимости абазин от кабардинцев было актом длительным. Возможно, намек на какую-то форму зависимости абазин от кабардинцев мы находим уже в документе 1652 г., в котором говорится о принесении шерти³⁵ Алегукой Шегануковым в Терском городе. С ним приехали, говорится в документе, князья бесленеевский Кантемир-мурза и абазинский Анхот-мурза Лоов. После присяги Алегуко выдали жалованье, кубок, шубу, однорядку³⁶ и шапку, а абазинскому и бесленеевскому князьям дали сукна и белья³⁷ (вероятно, беличий мех. – К. Д., Ш. Х.). Такое распределение подарков свидетельствует о большом авторитете Алегуко. Если наши предположения справедливы, то началом установления вассальной зависимости абазинских князей от кабардинских можно считать середину XVII в. Но этот процесс, хотя и зашел к концу XVIII в. далеко, так и не был до конца оформлен. Кабарда, раздираемая феодальными противоречиями и находящаяся под угрозой постоянных набегов врагов, не имевшая сколько-нибудь оформленного государственного аппарата, не могла вести длительную борьбу за окончательное подчинение абазин. К тому же уровень социально-экономического развития обоих народов был одинаковым. Кроме того, абазины, в отличие от других вассальных народов, живших исключительно в горной местности и отстававших в своем развитии от Кабарды, экономически никак не зависели от кабардинцев. Населяя предгорья и горы между кабардинцами и бесленеевцами, они вели такой же образ хозяйствования, как и адыги, и не нуждались в их экономической помощи. Поэтому зависимость абазин от кабардинцев была периодической, связанной исключительно только с военно-политической обстановкой. В письменных источниках о зависимости абазин от кабардинцев впервые упоминается в прошении князя Большой Кабарды Магомета Атажукина императрице Анне Ивановне от 1731 г. В этом прошении М. Атажукин просит императ-

рицу прислать 20 пушек и отряд калмыков, чтобы отбить у крымских ханов подвластную ему деревню на реке Кубани, «в которой живет народ абазинский»³⁸. Тот же М. Атажукин, бывший в 1732 г. в Петербурге в качестве посла, во время беседы в Коллегии иностранных дел утверждал, что «абазинский народ из древних лет у предков их, кабардинцев, во владении были». В качестве давнего местожительства абазин он назвал луговую сторону р. Баксан, где до 1723 г. находились 800 дворов, способных выставить 2000 воинов³⁹. Видимо, переселение части абазин с р. Кубани на р. Баксан произошло во второй половине XVII в. Причиной тому, безусловно, была крымско-татарская агрессия. Сообщение И. А. Гюльденштедта о том, что абазин платят дань Большой Кабарде, «потому что народы Большой Кабарды прежние свои жилища, отступя далее на восток к Баксану и Тереку, им уступили», вполне логично и относится ко второй половине XVII в. В основе установления зависимости, видимо, лежало договорное начало. Передвижение ближе к Баксану и союз с кабардинцами обеспечивали абазинам возможность успешной борьбы с крымской агрессией и в какой-то мере «обеспечивали» зависимость вторых от первых, установление неравного союза.

Однако вопреки установившемуся в исторической литературе мнению в то время в зависимости у Большой Кабарды находились не все абазинские аулы. Это подтверждается, в частности, следующими фактами. В 1738 г. кабардинские князья Магомет Кургокин и Кара-Мурза Алеев, в союзе с калмыцким ханом Дондук-Омбо, совершив поход за Кубань, завоевали ногайцев и перевели на р. Куму шесть абазинских селений⁴⁰. Стало быть, до того времени они были независимы от Кабарды. В борьбе абазин и кабардинцев царское правительство, по вполне понятным причинам, неизменно оказывалось на стороне кабардинцев. В длительной истории борьбы России и Турции за Кавказ, особенно усилившейся в XVIII в., Россия постоянно поддерживала притязания Кабарды на другие народы Северного Кавказа, поскольку это автоматически расширяло территорию России и укрепляло ее позиции на Кавказе⁴¹. Турки по тем же причинам считали абазин своими подданными⁴². В своем прошении императрице Елизавете Петровне от 1753 г. владельцы баксанской группы кабардинцев Магомет Кургокин и другие отмечали, что претензии Оттоманской Порты на абазин несправедливы, ибо «издревле абазинцы наши суть»⁴³. Далее они отмечают, что «абазинский народ произошел из гор, сначала с именуемыми Хаджи Ахмедом две фамилии вышли, одна называется Манугх, другая Хохона, а потом по две и по три фамилии из гор к нам выходили и неоднократно паки от нас отходили»⁴⁴.

Сами же абазинцы стремились всегда к сохранению независимости и, учитывая военно-политическую обстановку, прибегали к тактике лавирования. В 1745 г., когда на абазинские селения верхней Кубани напал кубанский сераскир с целью взятия с них ясака⁴⁵, то объявили ему, что они «подданные российские, а ведомства владельца Араслам-бека Кайтукина»⁴⁶ и отказались платить

дань. В развернувшемся сражении на р. Лабе с сераскировой стороны были убиты мурза Большого Ногай Касай Сыртланов и сто ногайских воинов, а также абазинский владелец Касай Лоов и 80 человек знатных абазинских узденей. При более благоприятной обстановке абазины оставались в «старых своих жилищах», то есть на левобережье верхней Кубани, и не признавали зависимости от кабардинских феодалов. В одном из документов 1764 г. сообщается, что «баксанские владельцы... отъехали за Кубань, ради усмирения и приведения под свою власть подвластных им абазинцев, алтыкесек называемых»⁴⁷. В октябре 1788 г. кабардинский отряд численностью в 5000 всадников под командованием русского генерала Ивана Большого Горича, кабардинца по происхождению, «покорил злодейских (т. е. непокорных. – К. Д., Ш. Х.) бабсхерских владельцев», а затем «злодейских горских башильбайцов» за набеги, производимые на Кабарду, и перевел их на правый берег Кубани⁴⁸. Позднее С. Броневский, давая оценку событиям начала XIX в., отмечал, что абазины «стараются освободить себя от зависимости [от Кабарды], да и вообще все абазинцы шестиродные неохотно признают над собой власть кабардинцев, которые домогаются утвердить свое прежнее право над ними, равно как и некоторые закубанские князья, отчего нередко случаются у них распри, а между тем абазинцы ищут убежища то на одной, то на другой стороне Кубани»⁴⁹.

Адиль-Гирей Кешев, редактор газеты «Терские ведомости», рецензируя книгу Ш. Б. Ногмова «История адыгейского народа», отмечал, что «абазинцы, не отрицая того, что им приходилось иногда терпеть от вдесятеро сильнейших кабардинцев, никогда, однако, не признавали над собой их власти и не только во время автора, но и прежде не платили им никакой дани. Под этой последней кабардинцы, очевидно, разумели добычу, какую их шайкам удавалось иногда разбойничьим образом захватить в наездах своих на абазинские аулы»⁵⁰.

Необходимо отметить, что военные столкновения абазин и кабардинцев касались, прежде всего, феодальной знати. Это были войны отдельных групп князей и дворян чаще всего за добычу, чрезвычайно характерные для эпохи средневековья. В условиях феодальной раздробленности князья в междоусобной борьбе прибегали к помощи далеких и близких соседних народов, не считаясь с интересами всего этноса. В этих междоусобицах страдали все простые люди – свободные общинники и крепостные крестьяне. Многовековые связи абазин и кабардинцев, какими бы сложными они порой и ни бывали, в конечном итоге сблизили оба народа. Процессы многосложных взаимовлияний привели к тому, что у этих народов сложилась очень близкая духовная и материальная культура. Этому во многом способствовало и то, что оба народа генетически родственны, принадлежат к абхазско-адыгской языковой группе.

Зависимость абазин от кабардинцев сильно ослабляется в конце XVIII – начале XIX в. со строительством станиц в пределах

нынешней Карачаево-Черкесии и Кавказских Минеральных Вод. В этот период некоторые абазинские аулы переселяются в Кабарду. В свою очередь, многие кабардинцы уходят на Кубань. Это еще больше сближает эти народы.

В первом документе И. А. Гюльденштедт определяет границы (в данном случае Абхазии. — К. Д., Ш. Х.). По Гюльденштедту, на западе Абаза граничит «с Черным морем до устья Кабети, или Кабути». Не вызывает сомнения, что автор, не обладая точными данными по географии Абхазии, пользовался устаревшими к тому времени грузинскими историческими источниками. В частности, трудом Вахушти Багратиона «Описание грузинского царства». Вахушти, опираясь на древние источники, пишет: «Границей Абхазии являются: на востоке — Малая гора (к западу от Анакопии)⁵¹, которая тянется от Кавказского хребта до моря; на западе же — море и река Капоэти»⁵² (Бзыбь). И. А. Гюльденштедт, вслед за Вахушти, ошибается, имея в виду не границы современной ему Абхазии, а территорию древней Абазгии и доводя ее границы только до р. Бзыби. В конце XVIII — начале XIX в. абхазо-абазинские племена граничили с убыхами по р. Хоста⁵³.

Определение Гюльденштедтом северных, восточных и южных границ Абхазии конца XVIII в. не вызывает сомнений. Ограничение Абхазии с востока «Кабети и Сванети» нам представляется ошибочным. Кабети (р. Бзыбь) не может быть одновременно с запада и с востока Абхазии. Следовательно, восточной границей следует считать Сванетию.

Приводимые документы позволяют судить о границах территории, занимаемой собственно абазинами в конце XVIII в. Южной границей расселения абазин в то время служил Главный Кавказский хребет от верховьев р. Кубани до истоков р. Урупа, включая долину рек Теберды и Мары, где они граничили с карачаевцами⁵⁴. Абазины-тапанта населяли и долины рек Хсаут (Хасаут), Къарда-ныг (Кардоник), Марыхв (Маруха), Инджьыгъ Чкльвын (Малый Зеленчук). Далее на запад по северным склонам Главного Кавказского хребта проживали абазины-шкарауа, населявшие верховья рек Инджьыгъ Ду (Большой Зеленчук) и Уарп (Урупа) с притоками.

На восток, как видно из текста документов, селения абазин-тапанта доходили до крепости Георгиевской, населяя долины рек Малки, Подкумка и Кумы. Северной границей служила линия от крепости Георгиевской до среднего течения р. Кубани в районе станицы Невинномысской. Оттуда абазинские аулы ушли в начале XIX в. с началом Кавказской войны⁵⁵. На севере в степной зоне абазины граничили с ногайцами, на востоке — с кабардинцами по р. Малке, на северо-западе, по среднему течению Большого Зеленчука, — с бесленеевцами и на западе, по реке Белой, — с абадзехами. Такое расселение абазинских племен в конце XVIII в. в целом соответствует данным карты Большой и Малой Кабарды Степана Чичагова, составленной в 1744 г.⁵⁶

Территорией абазин на Северном Кавказе следует считать верховья горных рек от Теберды до Белой. Сюда легко попасть из

Абхазии через перевалы Клухорский, Марухский, Наурский, Санчарский, Белореченский и другие. Именно через эти перевалы проходили известные с древних времен и действовавшие до недавнего времени скотопрогонные маршруты⁵⁷.

Е. П. Алексеева на основе анализа данных археологии и литературных источников делает вывод о проникновении предков абазин на Северный Кавказ еще в VII–XII вв., а начало массового переселения датирует XIII–XIV вв.⁵⁸ Я. А. Федоров считает, что заселение абазинами этих мест произошло после разгрома алан монголо-татарами в 1221–1223 гг. и последовавшего их отступления в самые верховья р. Кубани⁵⁹. Л. И. Лавров полагает, что предки абазин переходят из Закавказья на Северный Кавказ в XIV–XVI вв.⁶⁰ Наиболее обоснованными нам представляются близкие по сути выводы Е. П. Алексеевой и Я. А. Федорова.

Дальнейшее расширение территории, занимаемой племенами абазин, на север и на восток происходит в конце XVI – начале XVII в. Вслед за продвижением кабардинцев с Пятигорья на Терек абазины занимают и верховья рек Кумы, Подкумка и Малки.

Приводимые ниже извлечения из работы И. А. Гюльденштедта могут, по нашему мнению, представить интерес для исследователей истории и этнографии адыгских и абазинских племен.

I. Извлечение из издания Германа «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа, из путешествия акад. И. А. Гюльденштедта в 1770, 1771, 1772 и 1773 гг.»⁶¹

Сии наименования, по словам грузинцев, имеют Абазинские округа... Малая Абхазия (*Abhasia minor*), как на некоторых ландкартах возле Кума, конечно, происходит от Абазинских деревень, переведенных сюда Черкесами.

Абаза занимает часть высоких Кавказских гор и отлогости их к Черному морю; граничит к западу с Черным морем до устья Кабети или Кабути (а не Копети), к северу с Черкесиею, к востоку с Кабети и Сванети, а к югу с Грузинскими округами... (с. 140).

Абхазеты довольно миролюбивые, ежели ж и делают нападения, то более для отмщения за причиненные обиды. В таком случае они собираются под старым дубом, вонзают в него саблю и ходят несколько раз вокруг дерева, говоря: мы идем на неприятеля (коих они называют), либо мы их поймем или умертвим. Оружие их состоит в саблях и ружьях, также в луках и стрелах. В последнюю войну (т. е. прежде 1772-го года) один из отрядов, состоявший из 300 абхазов, отважился напасть на российские войска, но был отражен с потерей (с. 142).

Абхазская провинция удобно разделяется на... 1) южно-западную; 2) северо-западную; 3) на северо-восточную (с. 143).

Северо-восточные округа составляют третью и наименьшую часть провинции. Еще в прошедшем столетии (т. е. в XVII), когда кабардинские князья распространялись далее на восток к Тереку, абхазы занимали их области, чрез то и сделались подвластны кабардинским князьям (с. 144).

Алте-Кезек (т. е. шесть частей), поелику они считают 6 родов, лежит между Черкесскими округами, Кабардою и Безленом, около Кубанских рек Инджика и Уасла или Арт⁶² и около верхней Кумы. Округи именуются: Кизиль-бек, Там, Шегрей и Сабар, Борокая или Бах (с. 145) с 300-ми, а Башилбай с 1000 семействами.

Кроме сих князей, присваивают себе также право владычества над сими округами князя соседнего черкесского округа Безлена, а потомки собственных их старых князей, из родов Мудавия и Шараши⁶³, не хотят лишиться своего права, отчего и живут они во всегдашнем беспокойстве, которое увеличилось в 1769-м году неприязненным их поступком против России, за что жестоко были наказаны генералом Медемом (с. 145).

II. Извлечение из «Собрания сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы»⁶⁴

Третья, малая, часть Абхазского народа есть та, которая в прежнем столетии на северную сторону гор перешла, где она между черкасскими уездами, Кабардою и Безленом реку Куму, верхние части Кубани и впадающие в Кубань реки Инджик и Уарпа или Арпа занимает и живет на линии от Георгиевской до Ставропольской крепости на полдень параллельно. Деревни сей части суть: Бабукт⁶⁵ на левой стороне Малки в 40 верстах на полдень от Георгиевской крепости; Жантемиркыт⁶⁶ на (с. 177) левой стороне Малой Кумы в немногих верстах на запад от первой; Трамкт⁶⁷ — небольшая деревня в 5 верстах от правой стороны Кумы, при северо-западной подошве горы Бештау, в 30 верстах на с.-в. от Георгиевской крепости; Кличкт⁶⁸ при ручье Калмурзажилгазе⁶⁹ недалеко от правого берега Кубани, Кетшее⁷⁰ несколько повыше, непосредственно на сем берегу Кубани; Трамкт при ручье Теберде на левой стороне Кубани, к коему выше поуказанная так же называемая деревня, как скотный двор, принадлежит; Лаукт⁷¹ при ручье Карданиг, Арзланкт⁷² при ручье Хсаут; Биберт⁷³ при ручье Марух, который так же, как и оба теперь упомянутые, с правой стороны впадает в реку Кичи-Инджик, на левой стороне которого лежит Дударуквакт⁷⁴. Все эти упомянутые деревни общим именем Черкасами и Абхазами Тапанта, а татарами Алте-Кезек, то есть шесть кусков, называются, потому что в оных находится шесть княжеских фамилий, кои происходят от одного Ашахмата. Они называются Жантемир, Клич, Кешха, Лау, Биберт, Дударуква, коих старшины нипаче деревнями гагоже имени управляют. В Жантемиркте называется так же нынешний старшина Жантемир; в Лаукте Исмаил, сын Арсланбеков, в Биберт Адиль, сын Бекхана; в Дударуккте Мамбет, сын Таусултана. В Бабукте есть еще другая совсем отдельная фамилия, коей старшины называются теперь Мамбет и Солтан-Али.

Трамкт и Арзланкт называются от благородных узденских фамилий Трам и Арслан. Первые подлежат князьям и фамилии Лау, а последние князьям же из фамилии Дударуква. За сими Абхазскими упомянутыми деревнями следует к западу еще четыре уез-

да: Зиди при Улу Инджик, Барекай, Шеграй и Башелбай или Псилбарипш при Уарпе или Арпе⁷⁵. В Башилбае есть княжеская... достойная фамилия Маршани⁷⁶. Все они между Кумою и Арпою живущие Абхазы суть подданные Большой Кабарды и ей дань платят, потому что народы Большой Кабарды прежние свои жилища, отступя сами далее на восток к Баксану и Тереку, им уступили: ибо Абазы, умножаясь, в полуденных горах состоять более не могли. Прежние их владельцы из фамилии Мудавия и Шараша, кои еще и поныне в полуденной Абхазии знатнейшими почитаются, стараются на них (с. 179) утвердить прежнее свое право, и князя Черкасского, к западу граничащего уезда Беспена, делают разные требования на сих северных Абхазов, для того живут они в беспрестанном беспокойствии и притеснении. В прочем явно, что князя Б. Кабарды больше всех над ними власти имеют, и с большею справедливостью по вышеприведенным причинам; чего ради и могущие случиться ссоры кабардинские князя гораздо лучше примирять могут⁷⁷. Язык сих северных абхазов с языком полуденных совершенно сходствует (с. 180).

ДЕКАБРИСТЫ И КАВКАЗСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Восстание 14 декабря 1825 года было первым в истории России революционным выступлением. Оно было направлено против всей системы самодержавно-крепостнического строя. Царизм жестоко расправился с участниками восстания. В ходе следствия выяснялась степень виновности каждого декабриста. Если вина оказывалась незначительной или недостаточно доказанной, то ограничивались высылкой его в дальние гарнизоны. Именно таким путем на Кавказе оказались 22 человека. Некоторые из них были членами тайных обществ, другие причислялись к категории «прикосновенные к делу о злоумышленных тайных обществах». В их числе оказались: А. С. Гангелов, Н. Н. Деепрерадович, А. Е. Ринкевич, В. Д. Вольховский, Н. А. Васильчиков, Н. Н. Семичев и другие.

Осенью 1826 г. были лишены всех прав и направлены на Кавказ рядовыми Б. А. Бодиско, Н. Н. Оржицкий, Е. Е. Лачинов, И. Цявловский. С конца 1826-го по 1830 г. из сибирской ссылки были переведены на Кавказ еще 30 человек. Среди них были братья Александр, Павел и Петр Бестужевы, М. И. Пущин, Н. Р. Цебриков, В. М. Голицын, В. С. Толстой, З. Г. Чернышев и другие. Кроме них, в рядах Отдельного Кавказского корпуса числилось более 2800 «участвовавших в мятеже нижних чинов».

Отправляя декабристов в Кавказскую армию, царское правительство назначало их обычно в те подразделения, которые принимали участие в боевых действиях.

Скудость материалов еще не дает возможности назвать конкретно всех декабристов, которые были на территории нашей ре-

спублики. Известно, что в Кабарде и Балкарии еще до восстания находились А. С. Грибоедов и А. И. Якубович.

В наших краях А. С. Грибоедов бывал дважды. В первый раз, в 1818 г., он провел здесь всего лишь несколько дней, остановившись в Кабардинском редуте (первая станция от Моздока). Более длительным было его пребывание в Кабарде в 1825 г. Он в этот период примкнул к отряду, который возглавлял начальник штаба Кавказского корпуса генерал Вельяминов. С этим отрядом А. С. Грибоедов проделал большой путь: из станицы Усть-Лабинская, через Ставрополь, Георгиевск, Горячие Воды, укрепление Каменный Мост (нынешнее село Каменноостское), Нальчикскую крепость, станцию Екатериноградскую и далее в Чечню. Пребывание поэта в отряде, знакомство с новыми местами, людьми дали ему возможность во многом познать жизнь и быт горцев. Свои впечатления он стремился выразить в художественных произведениях. А. С. Грибоедов сообщал своему другу А. Бестужеву-Марлинскому: «На Малке я начал что-то поэтическое, по крайней мере, самому очень нравилось, обстоятельства прервали, остыл, но при первой благоприятной перемене снова завьюсь в эфир». В укреплении Каменный Мост поэт написал одно из своих известных стихотворений – «Дележ добычи», данное царской цензурой под заглавием «Хищники на Чегеме». В стихотворении было дано достаточно реалистическое объяснение характера и поведения горцев, которые связывались с условиями их быта, национальными традициями и историческим развитием. А. С. Грибоедов трезво относился к кавказской действительности и осуждал политику, проводимую здесь царизмом:

«Наши – камни, наши – кручи!
Русь! Зачем воюешь ты?
Вековые высоты
Досягнешь ли?...»

В своих воспоминаниях А. И. Якубович восторженно отзывался о высоких моральных и воинских качествах кабардинцев. Узами куначества он был связан с известными кабардинскими князьями Джамбулатом Болотоковым и родичами Измаила Атажукина; жена одного из них – Магомета Атажукина – шила ему черевички. Бывал в наших краях товарищ по выпуску и друг А. С. Пушкина декабрист В. Д. Вольховский. Он приобрел большие познания об адыгах и других народах Северного Кавказа.

Этому способствовало и то, что он долгое время был начальником штаба Кавказского корпуса. В составленной им ведомости он примерно оценивал численность кабардинцев в 30 тысяч, из них в Большой Кабарде – 24 тысячи, а в Малой – 6 тысяч.

В числе декабристов, оказавшихся в Кабарде, был и известный русский писатель, руководитель Военного общества П. А. Катенин. Это о нем писал А. С. Пушкин в первой главе «Евгения Онегина», представляя нам своего героя («Там наш Катенин воскресил Корнеля гений величавый»). Катенин был направлен в Кабарду в 1834 г. Здесь он находился в Баксанском укреплении и на Кисло-

водской кордонной линии, куда входили Канжал, Хасаут, Кичмалка и Кумбаши. Своему другу А. С. Пушкину он писал: «Лето провел в лагере на берегу Баксана в клетке между воспетых мною гор, а теперь нахожусь в Ставрополе, тебе, я чаю, знаком». Пребывание в наших краях оставило след в творчестве Катенина. Он пишет сонет «Кавказские горы». До последних дней своей жизни он хранил память о Кавказе. Писатель А. Ф. Писемский вспоминал, что «он неизменно ходил в черкеске верблюжьего цвета, отороченной серебряным позументом и с патронташем на груди».

Последним из осужденных декабристов попал на Кавказ А. Н. Сутгоф. С 1848-го по 1856 г. он находился в Нальчикской крепости в составе Кубанского егерского полка.

Декабристы и до восстания 14 декабря 1825 г. и впоследствии, находясь уже в ссылке, видели бесправие не только русского, но и других народов. Еще в 1808 г. Ф. Н. Глинка писал в своей трагедии «Вильзен, или Освобожденная Голландия», несомненно, имея в виду Россию: «Страна, лишенная законов и свободы, не царство, но тюрьма: в ней пленники народы». Патриотизм сочетался у декабристов с уважением к другим народам и признанием их права на самобытность. 14 июня 1832 г. Кюхельбекер записал в своем дневнике: «Вообще насмешки над обрядами и мнениями и презрение к вероисповеданиям других народов мне ненавистны, это у меня наследие от моего покойного друга (имеется в виду А. С. Грибоедов. — К. Д.)».

Попав на Кавказ, ссыльные декабристы были поражены яркими красками и богатствами природы. А. Розен, например, отмечал, что «природа здесь поставила памятник красоты и величия». Но более всего внимание декабристов привлекали люди, населявшие этот незнакомый им край. Декабрист А. Бестужев называл Кавказ «страною благородных, простых и прекрасных сердец, что в нашем мире встречается нечасто».

С горечью отмечая, что сведения о Кавказе «текут к нам сквозь иностранное решето», иронически отзываясь о сочинениях зарубежных кавказоведов, А. Бестужев писал: «...для человека самая нужная, самая поучительная статья есть человек, и нам хотелось бы лучше знать настоящие нравы, обычаи, привычки горцев, нежели играть в жмурки с древними меланхленами».

Декабрист А. П. Беляев, проезжая по Военно-Грузинской дороге, пылливо вглядывался в разбросанные по склонам гор селения и размышлял об их обитателях: «В этих прилепленных к скале жилищах действительно живут люди, и тут бьются сердца радостью и любовью, и тут же человеческие страсти и желания, мучения и отрада — словом, та же, только в различных формах, жизнь сынов человеческих, рассеянных по лику земли для одной и той же цели — жить, трудиться, печалиться, радоваться, любить». В период политической реакции и разгула великодержавного шовинизма, в обстановке кровопролитной Кавказской войны подобные заявления звучали как проповедь подлинного гуманизма и всеобщего равноправия.

Ссылный декабрист называл себе подобными людьми тех, кого в официальных кругах дворянской империи, в реакционной прессе и литературе именовали не иначе, как «дикарями», «хищниками» и «разбойниками». «Что сказать вам о племенах Кавказа? – спрашивал А. Бестужев. – О них так много вздора говорили путешественники, и так мало знают их соседи – русские. Наружность их величава: особенно черкесы отличаются гордой осанкой. Ступит ли, станет ли он – это модель Аякса или Ахиллеса... Все обнаруживает силу и свободу».

Декабристам было чуждо высокомерное, пренебрежительное отношение к коренным жителям Кавказа, характерное для петербургской знати, которая заполняла административные учреждения Кавказского края. Уважая национальные традиции народов Кавказа, декабристы проявляли глубокий интерес к их богатому прошлому, древней и своеобразной культуре, языку, общественному и семейному быту, экономическому положению. Об этом свидетельствуют различные материалы литературного наследия декабристов, куда входят и художественные произведения А. Бестужева-Марлинского, географо-этнографические статьи и заметки А. О. Корниловича, В. С. Толстого, А. Якубовича, В. Д. Вольховского, В. Е. Галямина, мемуарные материалы А. Беляева, Н. И. Лорера, А. Е. Розена, поэтические произведения А. С. Грибоедова, П. А. Катенина и др.

С первых дней пребывания на Кавказе А. Бестужев-Марлинский изучал этот край всесторонне как писатель, историк, этнограф и фольклорист. Он исследовал его критически, непосредственно сравнивая данные литературы и науки с реальной жизнью горцев. В итоге писатель-декабрист выработал весьма прогрессивный для того времени взгляд на Кавказ. Взгляд этот противоречил царской политике, и потому опальный декабрист не смог выразить его в своих произведениях свободно. Он писал: «В другое время я приведу сколько-нибудь в порядок свои мысли и заметки мои о виденном мною крае. Последние, впрочем, едва ли могут быть скоро оглашены, ибо я вижу Кавказ совсем в другом виде, как воображают его себе власти наши. Трудно вообразить, чтобы, живучи так близко друг с другом, мы могли иметь столь ошибочные понятия о политическом составе управы между горцами и о личности видных между ними людей».

Бестужев-Марлинский все же смог, правда не в полной мере, изложить два противоположных воззрения на край, которые наиболее четко выражены в «Кавказских очерках», устами драгунского капитана и отставного полковника. В разговоре между ними сформированы две точки зрения на русско-кавказский вопрос: метод безжалостного истребления, расхищения и уничтожения народных богатств – с одной стороны, и метод «плуга и рубля», то есть сближения горцев с русскими путем развития хозяйственной и культурной жизни, путем установления мира и взаимного доверия – с другой.

Как в названном очерке, так и в других произведениях и письмах,

Бестужев-Марлинский доказывает и показывает, что не все русские одинаково относятся к Кавказу. Одни из них — представители официальной России — прибегают для покорения горцев к политике истребительных войн и жестоких методов управления, другие — передовые люди страны, в том числе и сам он, — видя в горцах себе подобных людей, выступают за справедливое и гуманное отношение к ним, за подъем их экономического и культурного уровня.

Одновременно надо отметить некоторую непоследовательность и противоречия во взглядах А. Бестужева-Марлинского на проблему Кавказской войны. Хотя он ратует за установление прочного мира на территории Кавказа, по его мнению, война необходима как временная мера не для истребления, а для покорения горцев.

Проблему русско-кавказских отношений затрагивал и Павел Бестужев, брат А. Бестужева-Марлинского. Он выступил против анонимного автора, который на страницах «Московского телеграфа» (1833 г.), полемизируя с А. С. Пушкиным, А. Бестужевым-Марлинским, отказывал северокавказским народам в признании их элементарных человеческих прав. Это резко противоречило декабристской концепции русско-кавказских отношений, и поэтому понятно, что П. Бестужев решил дать реакционному писателю достойную отповедь. Его статья начинается с того, что «русский народ никогда не страдал шовинизмом, чувством национальной исключительности, что он всегда уважал национальное своеобразие каждого народа, отзывчивый и снисходительный, он легко приравнивался к быту чужестранному». П. Бестужев разбивает анонимного автора по пунктам, уличая его в невежестве, клевете и сознательном искажении правды.

Заслуживают внимания также взгляды декабриста А. О. Корниловича по этому вопросу. 12 ноября 1829 г. он, находясь в тюремном заключении, представил правительству проект управления Кавказом. В нем содержались довольно резкие высказывания против политики разжигания национальной розни, против насилия, применявшегося царскими властями к кавказским народам. «Сия система терроризма имела последствием, что враждовавшие доколе племена соединились в одно против нас». Он, подобно А. Бестужеву, доказывает, что именно эта «система терроризма» являлась одним из главных препятствий на пути мирного сосуществования русского и кавказских народов. Русско-кавказский вопрос, по его мнению, успешно можно разрешить лишь в том случае, если политика насилия и угнетения заменится другой, более приемлемой. По проекту А. О. Корниловича, справедливое обращение с местным населением, просвещение и торговля смогут убедить горцев в преимуществе сближения их с Россией.

Как мы видим, уважение к другим народам и гуманное отношение к ним приводили к критике колонизаторской политики царизма, что можно отметить в многочисленных высказываниях декабристов. В силу своего положения многие из них принимали невольное участие в военных походах, но не испытывали вражды к горцам.

«Признаюсь, — говорил В. С. Норов, — что я шел в бой за

дело, которое мне было совершенно чуждо... Я был тем более далек от того, чтобы считать черкесов своими врагами, что я всегда восторгался их героическим сопротивлением». «Побежденными друзьями нашими» называл кавказцев декабрист А. В. Веденяпин. В одном из своих писем А. Бестужев-Марлинский писал: «Я дерусь совершенно без цели, без долга даже». А когда он позже оказался в отряде генерала Засса, с нескрываемым сарказмом отметил: «До сих пор я учился воевать, а теперь выучился и разбойничать». Выступая против карательных экспедиций, предпринимаемых самодержавием, декабрист Н. И. Лорер в своих «Записках» писал: «Огонь и меч не принесут пользы, да и кто дал нам право таким образом вносить образование людям, которые довольствуются своей свободой и собственностью». Далее он возмущался взглядами и поступками одного из самых рьяных колонизаторов – генерала Засса. «В разговоре с Зассом я заметил ему, что мне не нравится его система войны, а он мне тогда же отвечал: «Россия хочет покорить Кавказ во что бы то ни стало. С народами, нашими неприятелями, чем взять, как не страхом и грозой? Тут не годится филантропия».

Говоря о пребывании декабристов на Кавказе, а также их трактовке русско-кавказских взаимоотношений, надо вкратце остановиться и на вопросе о так называемом «Тайном Кавказском обществе». Слух о его существовании был пущен в ход романтичным А. И. Якубовичем еще до восстания 14 декабря 1825 г., и на первых порах некоторые декабристы даже поверили этому. Это был как раз тот случай, когда желаемое было принято за действительное. Позже, на допросе, Якубович признался генерал-адъютанту Левашеву, что «во время же моего пребывания на Кавказе и Грузии наверное удостоверился, что оно (т. е. тайного общества. – К. Д.) там нет и искра она не занесена».

В исторической литературе отдельными авторами допускается возможность существования «тайного общества» на Кавказе в 10–20-х гг. XIX в., и они считают, что во главе его стоял не кто иной, как сам кавказский наместник, то есть генерал А. П. Ермолов.

Специальные исследования (В. Шадури и др.) показывают, что действительно в 1818–1823 гг. на Кавказе имелся определенный круг людей, близких по своим взглядам и настроениям к декабристам. Но в основном этот круг состоял из вольнолюбивой литературной молодежи в лице П. Каховского, В. Кюхельбекера, А. Авенариуса, П. Устимовича, П. Муханова, А. Якубовича и других. Главной фигурой этого содружества был великий русский писатель А. С. Грибоедов, а не генерал А. П. Ермолов. Скорее всего, это было содружество, объединенное узами воинского братства и литературы, организационно не оформленное, не имевшее ни программы, ни устава, ни каких-либо твердых принципов. На наш взгляд, недостаточно аргументированным является мнение о том, что А. П. Ермолов по духу был близок к декабристам и разделял их взгляды. Следственная комиссия по делу декабристов тщательным образом проверила все факты о возможности существова-

ния политической организации на Кавказе и не получила подтверждения этого. По специальному поручению Николая I на Кавказ выезжали для следствия по делу А. П. Ермолова князь А. С. Меншиков и начальник главного штаба И. И. Дибич. Последний доносил правительству: «Я удостоверился, что обвинение генерала Ермолова в сем отношении есть совершенно несостоятельное».

Необоснованной является попытка изобразить А. П. Ермолова неким либералом, противником крепостного права, придворной знати в лице Аракчеева и других. Сохранилась и дошла до наших дней переписка в довольно льстивом духе между Ермоловым и членами царской семьи, видными сановниками, да и тем же Аракчеевым. Совершенно отсутствуют документальные материалы, раскрывающие отношение Ермолова к крепостному праву. Да, он, как и многие другие представители наиболее передовой части русского общества, возмущался иностранным засильем при дворе. А. П. Ермолов считал себя незаслуженно обойденным в период правления Николая I, и, действительно, существовала неприязнь между ним и самодержцем. Однако вряд ли отмеченные моменты позволяют делать вывод о его политической оппозиционности и вольнодумстве. Иногда приводятся высказывания А. П. Ермолова о его сочувствии восставшим Семеновского полка и Чугуевских военных поселений, а также об одобрении им освободительной борьбы греков и итальянцев. Но одновременно известно отрицательное отношение Ермолова к военно-революционным формам борьбы в Испании и национально-освободительному движению кавказских горцев. «Был ли Ермолов действительно либералом?» — задавался вопросом историк В. А. Потто, хорошо знакомый с жизнью и деятельностью генерала. И отвечал: «Как сын екатерининского века, он, правда, носил в себе гордое сознание национальных задач и государственной чести, чувствовал и заставлял чувствовать своих подчиненных, что все они члены великой русской семьи, обязанные возвышать и защищать ее всеми силами ума и оружия. Но все эти правила были далеки от либерализма как политической доктрины, по крайней мере, в том смысле, как это слово понималось тогда. Невозможно найти человека, который был бы более глубоко, искренне и бескорыстно предан императору Александру, любовь к России и любовь к царю — единосущны и нераздельны, который, наконец, представлял бы собою более твердый оплот самодержавия».

Можно с уверенностью сказать, что между взглядами А. П. Ермолова и декабристской концепцией русско-кавказских взаимоотношений ничего общего не было. «Хочу, — однажды говорил А. П. Ермолов, — чтобы имя мое стерегло страхом наши границы крепче цепей и укреплений, чтобы слово мое было для азиатцев законом вернее неизбежной смерти. Снисхождение в глазах их — знак слабости, и я прямо из человеколюбия бываю строг неумолимо. Одна казнь сохранит сотни русских от гибели и тысячи мусульман — от измены». Между тем помимо декабристской существовала близкая ей точка зрения на русско-кавказские взаи-

отношения и у отдельных представителей русской армии. Например, адмирал Мордвинов отстаивал мирный путь экономического сближения России с народами Кавказа. Поэтому, наверное, будет правильнее, если имя А. П. Ермолова будет стоять в ряду тех же Аракчеевых, Муравьевых и им подобных «вешателей», но только не декабристов. Декабристам была чужда мысль «огнем и мечом» подавлять свободу горцев Кавказа. А. П. Ермолова многие декабристы знали хорошо еще со времен войны с Наполеоном. Позже, находясь в ссылке на Кавказе, декабристы чувствовали со стороны генерала доброжелательное отношение, которое не выходило за рамки светского обращения. А. П. Ермолов еще привлекал их своей боевой славой 1812 г., но отнюдь не жестокими методами ведения войны. Они не идеализировали Ермолова, часто осуждали за неискренность и тактику лавирования. «Грузинский человек приманчив, – писал о нем Н. И. Тургенев, – но в нем не найдешь пищи для души». «Интриганом» называл Ермолова декабрист Н. Р. Цебриков. Даже А. С. Пушкин, который в целом неплохо отзывался о генерале, в дневнике 1834 г. говорит о нем, как о «великом шарлатане». Более того, декабристы опасались, что в случае успеха восстания А. П. Ермолов может узурпировать власть, чтобы «предпринять для себя или для своего самолюбия».

Как было уже отмечено выше, попав на Кавказ, декабристы решительно осуждали военно-феодальные методы завоевательной политики царизма и режим национального угнетения и бесправия, которые установили царские администраторы вроде генералов Ермолова, Засса, Паскевича, Вельяминова и др. Еще в 1820 г. будущий декабрист М. Орлов, раздумывая о действиях Ермолова на Кавказе и осуждая общую систему его мероприятий по отношению к национально-освободительному движению горцев, писал: «Так же трудно поработить чеченцев и другие народы этого края, как сгладить Кавказ. Это дело исполняется не штыком, а временем и просвещением, которого у нас неизбыточно». «Что сказать вам о состоянии здешнего края? – писал своим друзьям А. Бестужев. – Паскевич, отдав свою доверенность людям, которые всего менее ее заслужили, довел Кавказ до высшей степени расстройств». А. С. Грибоедов, находясь в Кабарде, стал свидетелем ничем не оправданного жестокого деспотизма генералов Ермолова и Вельяминова. В письме к Кюхельбекеру поэт писал: «Кабарду Вельяминов усмирил, одним ударом свалил двух столпов* великого благородного народа. Надолго ли это подействует?» Возмущаясь действиями А. П. Ермолова, А. С. Грибоедов сообщал Бегичеву: «Двух при мне застрелили, других заключили в колодку, загнали сквозь строй... Но действовать страхом и щедротами можно только до времени, одно строжайшее правосудие мирит покоренные народы с знаменами победителей».

Разрабатывая пути сближения русского и кавказских народов,

* Речь идет о расправе, учиненной в Нальчикской крепости над Джамбулатом Джанхотовым на глазах его отца Кучука Джанхотова, который являлся верховным князем Кабарды.

А. С. Грибоедов в специальном проекте писал: «Ничто не скрепит так твердо и нераздельно уз, соединяющих россиян с новыми их согражданами, как преследование взаимных и общих выгод, как начертание законов, согласных с местными обычаями, при этом правительство должно равно благотворить всем своим подданным, какой бы они нации не были».

В условиях тогдашней России декабризм по-передовому трактовал решение кавказского вопроса. Предоставление права на свободу, просвещение кавказских народов, улучшение их социально-экономической жизни – вот основные черты декабристской программы.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ранние летописные сюжеты о касогах и фольклор

¹ См.: Алексеева Е. П. Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов (черкесов) // Труды Черкесского НИИ. Черкесск, 1954. Вып. 2. С. 234–235.

² Рыбаков Б. А. Славяне в Крыму и на Тамани // Крымская правда. 1952. 31 мая; Он же. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 18–22.

³ Лавров Л. И. Адыге в раннем средневековье // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1955. С. 45.

⁴ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1982. С. 80–81. Ш. Б. Ногмов сопоставлял предание о войне адыгского князя Алегико с хазарами и события 965 г., когда состоялся поход Святослава на хазар, ясов и касогов. Как справедливо обратил внимание Б. А. Рыбаков, приведя название хазарской крепости за Доном – «Саркала» Ногмов еще не знал, что Саркел тождественен с Белой Вежей, взятой Святославом. Анализируя материалы Ногмова и интерпретацию им рассматриваемых событий, Рыбаков делает вывод о полной независимости текстов записей адыгского ученого от его научных рассуждений. Но он считает, что предание о войне князя Алегико с хазарами надо отождествлять не с событиями 965 г., а с русско-хазарской борьбой при Олеге Святославовиче в 1079–1083 гг. Рыбаков полагает, что адыгский эпос включал в себя какое-то сказание об Олеге Тмутараканском, главный герой которого Олег – Алегико постепенно слился в эпосе с местной адыгской (касожской) знатью. (Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. С. 20).

⁵ Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 100–101, 123.

⁶ Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1. С. 65. (В дальнейшем: ПСРЛ.) Здесь и далее летописные известия даются в современной транскрипции.

⁷ ПСРЛ. Т. 2. С. 53. В Новгородской первой летописи это место читается: «...и приведе к Киеву». Д. С. Лихачев считает, что это предложение следует понимать в значении «привел в зависимость от Киева».

(См.: Повесть временных лет / Подготовка текста и комментарии Д. С. Лихачева. М.; Л., 1950. Ч. 2. С. 311.)

⁸ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 426.

⁹ Гадло А. В. Восточный поход Святослава // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 59–60.

¹⁰ Левченко М. В. Очерки русско-византийских отношений. М., 1956. С. 254; Гадло А. В. Восточный поход Святослава. С. 64–65 и др.

¹¹ Сахаров А. И. Восточный поход Святослава и «Записка греческого топарха» // История СССР. 1982. № 3. С. 92–93; Калинина Т. М. Сведения Ибн-Хаукаля о походах Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976. С. 100.

¹² Татищев В. И. История Российская. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 48–49.

¹³ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. Л., 1944. С. 87.

¹⁴ Здесь и далее мы приводим одновременно и даты, которые приводятся в самих летописях. Для удобства соотнесения надо вычитать 5508.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. С. 146–147.

¹⁶ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 423 – 460; Приселков М. Д. Митрополит Иларион – в схиме Никон – борец за независимую русскую церковь (эпизод из начальной истории Киево-Печерского монастыря) // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 188–201; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 82–93 и др.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 2. С. 134.

¹⁸ Шляков Н. Боян // Известия ОРЯС АН СССР, 1928. Т. 1. С. 483–498; Соловьев А. В. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Исторические записки. Т. 25. С. 2–73; Черепнин Л. В. Повесть временных лет, все редакции – предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. Т. 25. С. 328; Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975. С. 84–85.

¹⁹ Каргер М. К. К характеристике древнерусского летописца // Труды отделения древнерусской литературы. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 69.

²⁰ Рыбаков Б. А. Из истории культуры древней Руси. М., 1984. С. 201–207.

²¹ Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965. С. 55.

²² Поединок богатырей – довольно универсальный мотив в древней литературе и устном героическом эпосе многих народов. Как правило, герой вначале попадает в тяжелое положение, из которого он выходит различными путями: с помощью хитрости, божественных и фантастических сил и т. д. В данном случае такой силой явилась христианская Богородица.

²³ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21. С. 68; СПб., 1911. Т. 22. С. 369.

²⁴ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1982. С. 82–84.

²⁵ Миллер Вс. Рецензия на СМОМПК. Тифлис, 1891. Вып. 12 // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1891. Сентябрь;

Трубецкой Н. С. Редедя на Кавказе // Этнографическое обозрение. М., 1911. Книги 88–89. С. 229–238.

²⁶ Лопатинский Л. Г. Мстислав Тмутараканский и Редедя по сказаниям черкесов // Известия Бакинского университета. Баку, 1921. С. 1.

²⁷ Турчанинов Г. Ф. Летописный Редедя и черкесское «Редад» // Ученые записки Кабардинского НИИ. Нальчик, 1947. Т. 2. С. 247–262; Лавров Л. И. Об интерпретации Ш. Б. Ногмовым кабардинского фольклора // Советская этнография. М., 1969. № 2.

²⁸ Шортанов А. Т. Редада и Мстислав // Филологические труды. Нальчик, 1977. Вып. 1. С. 3–42.

²⁹ Кумахов М. А. О Тмутараканском цикле адыгского фольклора // Очерки общего и кавказского языкознания. Нальчик, 1984. С. 297–306.

³⁰ Марков А. В. Заметка о припеве: «У редеди – даредедя» // Этнографическое обозрение. М., 1899. № 1–2. С. 345–346.

³¹ Попов А. И. К истории имени «Редедя» // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 1982. С. 38 – 42.

³² Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 185.

³³ Редкие источники по истории России. М., 1977. С. 2, 68.

³⁴ Там же. С. 72.

³⁵ Редкие источники по истории России. С. 74–75, 154–156; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 214–223.

³⁶ ПСРЛ. Т. 1. С. 147–148.

³⁷ Рыбаков Б. А. Из истории культуры древней Руси. М., 1984. С. 201–207.

³⁸ ПСРЛ. Т. 1. С. 166.

³⁹ Мавродин В. В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X–XIV вв. // Ученые записки Ленинградского пединститута. Л., 1938. Т. 11. С. 251; Насонов А. И. Тмутаракань в истории Восточной Европы в X в. // Исторические записки. 1940. № 6. С. 96–97.

⁴⁰ Монгайт А. Л. О границах Тмутараканского княжества в XI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 55–56.

Накопление исторических сведений и знаний о Кабарде в России (XI–XVIII века)

¹ Полное собрание русских летописей. Л., 1962. Т. 1. С. 65. (В дальнейшем: ПСРЛ.)

² Там же. С. 146–147.

³ Там же.

⁴ Шалматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 424–426; 547, 579; Он же. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1. С. 75–76, 186–187.

⁵ Лихачев Д. С. Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 88.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. С. 166.

⁷ ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. Ч. 1. С. 359, 369, 414; Там же. Ч. 2. С. 163; ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21. С. 163–164.

⁸ Романов В. К. Битва при р. Калке и ее отражение в русском

летописании: Автореф. канд. дис. М., 1983. С. 6–12; Лавров Л. И. Землетрясение и мор на Северном Кавказе // Вопросы этно-социальной и культурной истории Средней Азии и Кавказа. Л., 1983. С. 29; Кучкин В. А. Победа на Куликовском поле // Вопросы истории. М., 1980. № 8. С. 8.

⁹ Горленко В. Ф. Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII – первой половине XIX в. // Советская этнография. М., 1982. № 3. С. 96.

¹⁰ Частично этот материал опубликован в сборнике документов «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.». М., 1957. Т. 1. С. 3–13. (В дальнейшем: КРО.)

¹¹ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С. 205.

¹² ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 563.

¹³ ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 240.

¹⁴ ПСРЛ. СПб., 1914. Т. 13. Вторая половина. С. 343–344.

¹⁵ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 237.

¹⁶ ПСРЛ. СПб., 1914. Т. 13. Вторая половина. С. 398–399.

¹⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1981. Т. 2. Ч. 1. С. 191.

¹⁸ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21. С. 163–164.

¹⁹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 46; 28.

²⁰ ПСРЛ. М., 1968. Т. 31; ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. (См. по указателю на Черкасских.)

²¹ Многие из них вошли в две публикации: Белокуров С. Л. Сношения России с Кавказом. М., 1989. Вып. 1; КРО. М., 1957. Т. 1–2.

²² Кушева Е. Н. Северный Кавказ и международные отношения. XVI–XVII вв. (Обзор материалов русских архивов) // Исторический журнал. М., 1943. № 1. С. 60–68; Она же. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 11–22, 88–133; Она же. Русские документы XVI–XVII вв. как источник для изучения обычного права кабардинцев // Исследование по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 363–371.

²³ КРО. Т. 1. С. 53.

²⁴ КРО. Т. 1. С. 54.

²⁵ Там же. С. 53.

²⁶ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 294.

²⁷ КРО. Т. 1. С. 107, 235.

²⁸ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 294.

²⁹ Описи Царского архива и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960.

³⁰ Там же.

³¹ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 12.

³² См.: Сокуров В. Н. Кабардинские грамоты XVI–XVII вв. // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 162–201.

³³ Крикунова Е. О., Павлова И. М. К истории взаимоотношений между Кабардой и другими народами Кавказа в XVII в. (Документы) // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного пединститута. Нальчик, 1957. Вып. 13.

- ³⁴ Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 61–62.
- ³⁵ КРО. Т. 1. С. 385.
- ³⁶ Дзамихов К. Ф. К генеалогии западноадыгских Черкасских (княжеских родов) в XVI–XVII вв. // Культура и быт адыгов. Майкоп. С. 152–166.
- ³⁷ Данная родословная подтверждает точку зрения Е. Н. Кушевой о том, что не все адыгские посольства 1552–1557 гг. представляли Кабарду, а часть из них была от западных адыгов и абазин. (См.: Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 205.)
- ³⁸ Кашкин Н. Н. Столпцы князей Черкасских. СПб., 1902. С. 10–11.
- ³⁹ Полиевктов М. А. Из переписки Северо-Кавказских феодалов XVII в. // Академику Н. Я. Марру. М.; Л., 1935. С. 745–755.
- ⁴⁰ Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954. С. 89–94.
- ⁴¹ Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586–1612 гг. М., 1976. С. 369–371.
- ⁴² Путешествия русских послов XVI–XVII вв. С. 222.
- ⁴³ Полиевктов М. А. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию (1650–1652). Тифлис, 1926. С. 119.
- ⁴⁴ Там же. С. 32, 34, 107.
- ⁴⁵ Там же. С. 108.
- ⁴⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 3. С. 411, 424.
- ⁴⁷ Котов Ф. Хождение на Восток // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1908. Т. 12. С. 78.
- ⁴⁸ Моков Б. М. К вопросу о судьбе архива Терского города // Сборник научных работ аспирантов. Нальчик, 1965. С. 88; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 16.
- ⁴⁹ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 18–19.
- ⁵⁰ Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 50, 90–91, 147, 182; КРО. Т. 1. С. 387–389.
- ⁵¹ КРО. Т. 1. С. 72–79.
- ⁵² См.: Исторические песни XIII–XVI вв. М.; Л., 1960. С. 123–287; Соколова В. К. Русские исторические песни XVI в. (эпохи Ивана Грозного) // Славянский фольклор. М., 1951.
- ⁵³ Памятники культуры. Новые открытия. М., 1976. С. 31–37.
- ⁵⁴ Лызлов А. Скифская история. 2-е изд. М., 1787. Ч. 2. С. 9, 49, 53, 57.
- ⁵⁵ Лавров Л. И. К 250-летию академического кавказоведения // Кавказский этнографический сборник. М., 1976. Вып. 6. С. 4. (В дальнейшем: КЭС.)
- ⁵⁶ Фадеев А. Б. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960. С. 20.
- ⁵⁷ КРО. Т. 2. Док. № 52, 63, 93, 119, 134, 201, 256.
- ⁵⁸ Там же. С. 114–197.
- ⁵⁹ Там же. С. 194–197.
- ⁶⁰ Манкиев А. И. Ядро Российской истории. М., 1799. С. 232–233, 250.
- ⁶¹ Там же. С. 471.
- ⁶² История Академии наук СССР. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 125.
- ⁶³ Книга Большому Чертежу. С. 24–25.
- ⁶⁴ КРО. Т. 2. С. 134–135.

- ⁶⁵ Там же. С. 103, 106, 112, 119, 126, 128, 155, 177, 385.
- ⁶⁶ Татищев В. Н. История Российская. Т. 1–7. М., 1962–1968; Т. 7. С. 440.
- ⁶⁷ Там же. Т. 1. С. 241, 278–324; Т. 2. С. 75–76; Т. 6. С. 229, 247–248, 270–271; Лексикон российский, исторический, географический и гражданский // Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 302–303.
- ⁶⁸ КРО. Т. 2. С. 160.
- ⁶⁹ Там же. С. 359–364.
- ⁷⁰ Там же. С. 360–361.
- ⁷¹ КРО. Т. 2. С. 323, 328, 269–274.
- ⁷² КЭС. Кн. 1. С. 274–275.
- ⁷³ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 152–156. (В дальнейшем: АБКИЕА.)
- ⁷⁴ АБКИЕА. С. 151–152.
- ⁷⁵ Косвен М. О. Проблема общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии. С. 209–210.
- ⁷⁶ Кобяков Д. А. Указатель географического, статистического, исторического и этнографического материала в Ставропольских губернских ведомостях (1850–1859). Тифлис, 1879. С. 125–159.
- ⁷⁷ КРО. Т. 2. С. 57–63.
- ⁷⁸ Материалы по истории Осетии (XVIII в.). Орджоникидзе, 1933.
- ⁷⁹ КЭС. Кн. 1. С. 297.
- ⁸⁰ Гюльденштедт И. А. Географические и исторические известия о новой пограничной линии Российской империи, проведенной между рекою Тереком и Азовским морем // Собрание сочинений, выбранных из месящесловов на разные годы. СПб., 1790. Ч. 4. С. 174.
- ⁸¹ Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа, из путешествия академ. И. А. Гюльденштедта в 1770, 1771, 1772, 1773 гг. СПб., 1809.
- ⁸² АБКИЕА. С. 203–209.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же. С. 206.
- ⁸⁵ Там же. С. 205.
- ⁸⁶ Там же. С. 222–223.
- ⁸⁷ АБКИЕА. С. 220.
- ⁸⁸ АБКИЕА. С. 218.
- ⁸⁹ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 110–111.
- ⁹⁰ АБКИЕА. С. 221. Здесь и в дальнейшем П. С. Паллас вкладывал в понятие «феодализм», «феодалная система», скорее всего, политическое значение. Тем не менее он, насколько нам известно, был одним из первых русских исследователей, который употребил термин «феодализм» по отношению к общественному строю кабардинцев.
- ⁹¹ АБКИЕА. С. 220.
- ⁹² Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия, сочиненная Михаилом Чулковым. Т. 1–7. СПб., 1791 – 1798.

- ⁹³ Историческое описание Российской коммерции... Т. 2. Кн. 1. С. 13; Т. 2. Кн. 2. С. 5–6.
- ⁹⁴ Там же. Т. 2. Кн. 2. С. 69–70; 466.
- ⁹⁵ Там же. С. 70.
- ⁹⁶ Там же. С. 70–71.
- ⁹⁷ Историческое описание Российской коммерции... Т. 2. Кн. 2.
- ⁹⁸ История Российская от древнейших времен. Сочинена князем Михайлом Щербатовым. Т. 1–7. СПб., 1794–1805; Т. 1. С. 38, 226, 307–308; Т. 2. С. 9, 509; Т. 5. Ч. 1. С. 429–430; Ч. 2. С. 27, 53–60, 66–67, 76–77, 153, 177, 180–181, 213, 221, 290–291, 315–316 и т. д.; Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. 1–12. СПб., 1816–1829; Т. 1. С. 171–172; Т. 2. С. 20–21; Т. 8. С. 226–227, 240, 252, 354; Т. 9. С. 37, 46, 116, 139–140, 179, 187, 188.
- ⁹⁹ История Российская от древнейших времен. Т. 5. Ч. 2. С. 58–59.
- ¹⁰⁰ История Российская от древнейших времен. СПб., 1786. Т. 5. Ч. 1. С. 429.
- ¹⁰¹ АБКИЕА. С. 210–213.
- ¹⁰² Там же. С. 226–234.
- ¹⁰³ Штелин Я. О Черкасской, или Кабардинской земле // Географический месяцеслов на 1772 год. СПб., 1771.
- ¹⁰⁴ Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799.
- ¹⁰⁵ Географический словарь Российского государства. М., 1801–1809. Ч. 1–7.
- ¹⁰⁶ Географический словарь... Ч. 3. С. 5–6. В тексте некоторые фамилии проходят как «Кантукинъ», «Глестанов», «Тавгостанов».
- ¹⁰⁷ Там же. Ч. 3. С. 7; Ч. 7. С. 88.
- ¹⁰⁸ Там же. Ч. 3. С. 26.
- ¹⁰⁹ Географический словарь... Ч. 3. С. 26.
- ¹¹⁰ Там же. Ч. 7. С. 87.
- ¹¹¹ Там же. Ч. 3. С. 23–24.
- ¹¹² Там же. Ч. 3. С. 24.

*К генеалогии западноадыгских Черкасских (княжеских родов)
в XVI–XVII веках*

- ¹ Кабардинские Черкасские, называясь служилыми князьями, в качестве земельных владений получали лишь вотчины. (См.: Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 73.)
- ² Там же. С. 3.
- ³ Полное собрание русских летописей. СПб., 1904. Т. 13. Первая половина. С. 228. (В дальнейшем: ПСРЛ.)
- ⁴ Там же.
- ⁵ ПСРЛ. С. 259.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ См.: Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI – XVII вв. М., 1946. Т. 1–2; Кокиев Г. А. Русско-кабардинские отношения в XVI в. // Ученые записки Кабардинского НИИ. Нальчик, 1948. Т. 4. С. 25–64; Кумыков Т. Х. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия.

Нальчик, 1957; Алексеева Е. П., Калмыков И. Х., Невская В. П. Добровольное присоединение Черкесии к России. Черкесск, 1957; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963; Карданов Ч. Э. У истоков дружбы. Нальчик, 1982; и др.

⁹ ПСРЛ. С. 283–284.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 210, оп. 18, д. 117, л. 1.

¹¹ Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1865 г.). М., 1901. С. 191.

¹² См.: Там же. С. 203.

¹³ См.: ПСРЛ. С. 312.

¹⁴ Там же. С. 320.

¹⁵ Там же. С. 324.

¹⁶ Цит. по: Бычкова М. Я. Указ. соч. С. 178.

¹⁷ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 221–223.

¹⁸ См.: Кушева Е. Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. // Исторические записки. М., 1950. Т. 34. С. 255–256.

¹⁹ См.: Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 150–151, 204.

²⁰ См.: Русская историческая библиотека. Т. 22. С. 63. (В дальнейшем: РИБ.)

²¹ ЦГАДА, ф. 210, оп. 18, д. 117, л. 1.

²² Синбирский сборник. Часть историческая. М., 1844. Ч. 1. С. 190.

²³ См.: Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. Роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Вып. 1. С. 125.

²⁴ Синбирский сборник. Часть историческая. С. 145.

²⁵ См.: Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. Роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Вып. 2. С. 91.

²⁶ См.: Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства с XVII столетия. СПб., 1902. С. 209.

²⁷ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1 (1612–1628). С. 148–150, 153. (В дальнейшем: ДР.)

²⁸ См.: Мордовина С. П. Служилые князья в конце XVI в. // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1970. Т. 28. С. 339.

²⁹ Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук / Под ред. Н. А. Попова. СПб., 1890. Т. 1. С. 143.

³⁰ См.: Мордовина С. П. Указ. соч. С. 339.

³¹ См.: ДР. Т. 1. С. 146.

³² Там же. С. 177.

³³ Там же. С. 186–187.

³⁴ Там же. С. 194.

³⁵ Там же. С. 221.

³⁶ Там же. С. 286, 308.

³⁷ Там же. С. 232.

³⁸ Там же. С. 231.

³⁹ Там же. С. 393–395.

- ⁴⁰ Там же. С. 512, 521, 563–566, 580, 582 и др.
- ⁴¹ Там же. С. 733, 858, 937.
- ⁴² Описание архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Вып 1. С. 151–152, 294–295, 351.
- ⁴³ Переписка между Россией и Польшею по 1790 г., составленная по дипломатическим бумагам Н. Н. Бантыш-Каменским. СПб., 1861. Ч. 1. (1487–1584 гг.). С. 45.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ См.: Описание архива Посольского приказа 1626 г. С. 178–179.
- ⁴⁶ См.: ДР. Т. 1. С. 954.
- ⁴⁷ См.: ДР. СПб., 1851. Т. 2. (1628–1645). С. 92; Барсуков А. П. Указ. соч. С. 209.
- ⁴⁸ См.: ДР. Т. 2. С. 474–475.
- ⁴⁹ См.: Водарский Я. Е. Правящая группа светских феодалов в России XVII в. Приложение № 1 // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVII вв. М., 1975. С. 70–107.
- ⁵⁰ ДР. Т. 2. С. 509, 562.
- ⁵¹ Там же. С. 656.
- ⁵² Там же. С. 688, 714.
- ⁵³ Там же. С. 737.
- ⁵⁴ ДР. СПб., 1852. Т. 3. (1645–1670). С. 78.
- ⁵⁵ ДР. Т. 2. С. 113.
- ⁵⁶ Там же. С. 236.
- ⁵⁷ См.: Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской Империи / Составитель гр. Алекс. Бобровский. СПб., 1890. Ч. 1. С. 539.
- ⁵⁸ ЦГАДА, ф. 210, оп. 18. д. 117, л. 1–1 об.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ РИБ. Т. 22. С. 63.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² См.: Мордовина С. П. Указ. соч. С. 340.
- ⁶³ См.: Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и Роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Вып. 1. С. 125.
- ⁶⁴ Там же. Вып. 2. С. 90.
- ⁶⁵ Там же. Вып. 1. С. 253.
- ⁶⁶ См.: Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской Империи. ДР. Т. 1. С. 415; 539.
- ⁶⁷ ДР. Т. 1. С. 267, 347; Барсуков А. П. Указ. соч. С. 209.
- ⁶⁸ ДР. Т. 1. С. 415, 610, 681.
- ⁶⁹ Там же. С. 710.
- ⁷⁰ Там же. Т. 2. С. 123.
- ⁷¹ Там же. С. 123–124.
- ⁷² ДР. Т. 2. С. 124–125.
- ⁷³ ЦГАДА, ф. 210, оп. 18, д. 117, л. 2–2 об.
- ⁷⁴ ДР. Т. 2. С. 209.
- ⁷⁵ Там же. С. 296–297.
- ⁷⁶ См.: Разрядный приказ. Описание столбцов дополнительного отдела (нач. XVI в. – 1711 г.) / Под. ред. А. А. Новосельского. М., 1950. С. 41.
- ⁷⁷ ЦГАДА, ф. 210, оп. 18, д. 117, л. 1–1 об.
- ⁷⁸ ДР. Т. 2. С. 936; Т. 3. С. 282–292.

⁷⁹ См.: Каталог древнерусских грамот, хранящихся в отделе рукописей Госуд. Публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (1647–1660 гг.). Л., 1960. Вып. 5. С. 32, 37, 40.

⁸⁰ ЦГАДА, ф. 210, оп. 18, д. 117, л. 1 об.

⁸¹ Исключением является князь Иван Михайлович Егупов-Черкасский. Разрядная запись за сентябрь 1683 г. говорит о том, что он «стольник у государя». См.: ДР. СПб., 1855. Т. 4. (1676–1701). С. 243.

⁸² ЦГАДА, ф. 210, оп. 18, д. 117, л. 1.

⁸³ См.: Мордовина С. П. Указ. соч. С. 340.

⁸⁴ Местнические дела 1563–1605 гг./Собр. Н. П. Лихачев. СПб., 1894. С. 80–81.

⁸⁵ См.: Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и Роспись русского войска 1604 гг. М., 1979. Вып. 1. С. 125.

⁸⁶ Там же. Вып. 2. С. 30, 90, 91.

⁸⁷ См.: Белокуров С. А. Разрядные записи за смутное время (7113–7124 гг.). М., 1907. С. 71.

⁸⁸ См.: Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и Роспись русского войска 1604 гг. М., 1979. Вып. 1. С. 255.

⁸⁹ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 117.

⁹⁰ Там же. С. 157.

⁹¹ Там же. С. 44.

⁹² Там же. С. 86, 144.

⁹³ ЦГАДА, ф. 210, оп. 18, д. 117, л. 1–1 об.

⁹⁴ См.: Водарский Я. Е. Указ. соч. Приложение № 1, 2. С. 70–107.

⁹⁵ Веселовский С. П. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 244.

⁹⁶ См.: Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... (Бархатная книга). М., 1787. Ч. 2. С. 312.

⁹⁷ ЦГАДА, ф. 210, оп. 18, д. 117, л. 2 об.

*Материалы к наследию и общественно-политической деятельности
Исмаила Атажукина*

¹ Ш. Б. Ногмов в «Истории адыгейского народа» одним из первых привел сведения об отце и брате Исмаила Атажукина – Темрюке Бома-товиче и Адиль-Гирее Атажукине. К сожалению, они не попали в поле зрения исследователей.

² Приводим полные названия работ: 1) Краткое описание жителей Горских Черкес, начиная от Большой и Малой Кабарды, покоренных Российской державе и расположенных между рек Терека и Кубани, а от сего места по берегу Черного моря, примыкая до селения бывших некрасовских казаков к селению Шегака, принадлежащих к турецкому владению. (Ленинградское отделение института истории, ф. 36, оп. 1, д. 439, л. 215–229.) (В дальнейшем: ЛОИИ); 2) Записка о жителях Кавказа, Большой и Малой Кабарды, с описанием первобытного их состояния до устройства линии от крепостей Моздока и до Ставрополя, и какие из того произошли неудобства. (ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 439, л. 117–193 об.

³ ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 439, л. 195–213.

⁴ Там же, л. 169–172.

- ⁵ Архив внешней политики России. Кабардинские дела, 1762 г., д. 3. л. 61–61 об. (В дальнейшем: АВПР.)
- ⁶ Там же. Кабардинские дела, 1761 г., д. 4, л. 160.
- ⁷ Туганов Р. У. Измаил-Бей. Нальчик, 1972. С. 40–41.
- ⁸ ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 439, л. 202 об. – 203.
- ⁹ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч. 1. С. 312.
- ¹⁰ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 131.
- ¹¹ Центральный государственно-исторический архив СССР, ф. 1284, оп. 3, д. 23, л. 3 об. (В дальнейшем: ЦГИА.)
- ¹² По статусу орден мог получить лишь тот, кто, «лично предводительствуя войском, одержит над неприятелем, в значительных силах состоящих, полную победу, последствием которой будет совершенное его уничтожение», или, «лично предводительствуя войском, возьмет крепость». (См.: Кузнецов А. А. Ордена и медали России. М., 1985. С. 45–46.)
- ¹³ П. Г. Бутков, собирая документы к «Материалам для новой истории Кавказа», часто обращался к И. Д. Савельеву и получил от него многие из них. (Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 99, оп. 2, д. 42, л. 656.) (В дальнейшем: ЛО ААН СССР.)
- ¹⁴ ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 439, л. 170–171.
- ¹⁵ Там же. С. 173 об.
- ¹⁶ Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. 13. С. 783. (В дальнейшем: РБС.)
- ¹⁷ РБС. Т. 13. С. 789.
- ¹⁸ Туганов Р. У. Указ. соч. С. 129–134.
- ¹⁹ Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1868. Т. 2. С. 957–958. (В дальнейшем: АКАК.); Центральный государственный военно-исторический архив, ф. ВУА, д. 6164, ч. 33, л. 1–10. (В дальнейшем: ЦГВИА.)
- ²⁰ ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 439, л. 218.
- ²¹ Там же, л. 217 об., 218.
- ²² Там же, л. 216 об. – 217.
- ²³ Там же, л. 217–218 об.
- ²⁴ Косвен М. О. Указ. соч. С. 148; АКАК. Т. 4. С. 838–839.
- ²⁵ ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 439, л. 219 об. – 221.
- ²⁶ Там же, л. 221–221 об.
- ²⁷ Там же, л. 221 об. – 222, 222 об. – 225.
- ²⁸ Там же, л. 223.
- ²⁹ Там же, л. 224.
- ³⁰ Там же, л. 227 об.
- ³¹ Там же, л. 177–185.
- ³² Там же, л. 179–180.
- ³³ Там же, л. 181 об. – 182.
- ³⁴ Там же, л. 82.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же, л. 187–187 об.
- ³⁷ Там же, л. 189 об. – 192 об.
- ³⁸ АКАК. Т. 2. С. 958.

³⁹ Легенда об аравийском происхождении адыгской знати была довольно распространенной в среде господствующей верхушки и находила отражение в различных этногенетических преданиях. (См.: КРО. М., 1957. Т. 1. С. 383–386.)

⁴⁰ Речь идет об участии на стороне России кабардинских отрядов во главе с Эльмурзой Черкасским (младший брат Александра Бековича) и Асланбеком Келеметовым в Прикаспийском походе Петра I в 1722 г.

⁴¹ Указанные князья во главе двух тысяч кабардинских воинов сражались в рядах русской армии против крымцев и турок в Прикубанье и под Азовом в период русско-турецкой войны 1735 г.

⁴² Памятники устной традиции относят примерно такое же завещание к кабардинскому мудрецу Лиану Бжахатлову, который говорил: «Те, кто не покинет своей земли, берегов Баксана-реки, те и составят население нашей земли. Поэтому не покидайте своей земли, берегов Баксана-реки, не уходите от русских...» (Кабардинский фольклор. М.; Л, 1936. С. 269.)

⁴³ Для проезда через кордоны Кавказской линии кабардинцам каждый раз необходимо было получать специальные пропуска, или «билеты», у представителей кавказской администрации.

⁴⁴ *Петр Татаров (Чукей)* – крещеный кабардинец, майор Астраханского гарнизона. В период междоусобной борьбы между баксанской и кашкатавской группировками в XVIII в. часто посещал Кабарду со специальными поручениями.

⁴⁵ *Емчек* – тождественен аталыку, т. е. воспитатель.

⁴⁶ После совершения Темрюком Боматовичем паломничества по святым местам Аравии и возвращения на родину, он получил титул «хаджия». С тех пор в русских документах к его фамилии и к фамилии его сыновей (Измаила и Адиль-Гирея) стали прибавлять «Аджиев».

⁴⁷ *Адиль-Гирей Темрюк Аджиев* – родной брат Измаила Атажукина. С конца 1798 г., бежав из ссылки, он вместе с двоюродными братьями Атажуко и Росламбеком Мисостовыми возглавил антиколониальное движение в Кабарде и на Кубани. В делопроизводственной переписке кавказской администрации сообщалось, что «в 1799 г., когда один из беспокойных владельцев Большой Кабарды Адиль-Гирей Атажукин, сохранившийся в Новороссийске, бежав отсюда в отечество свое, рассеивал тут развратный образ своих мыслей, и тогда по истечении трехлетия требования выбора в родовые суды и расправы новых судей от чего Атажукины убеждали их отклониться, дабы поставить Кабарду в прежнее независимое положение». (ЛО ААН СССР, ф. 99, оп. 2, д. 42, л. 142.) Умер в 1807 г. от моровой язвы.

⁴⁸ Осенью 1804 г. Из. Атажукин вернулся из Петербурга на Кавказ. Правительство предполагало использовать его на службе на Кавказской линии и в Кабарде. (АКАК. Т. 2. 1950. С. 957.)

⁴⁹ Кабардинский князь Кучук Джанхотов в 1806 г. был возведен в «достоинство старшего» от рода Джамбулатовых, впоследствии пшиуалий (верховный князь) Кабарды.

⁵⁰ *Полковник Ребиндер* – пристав в Кабарде в 1819 г.

⁵¹ Генерал-майор Н. И. Вердеревский прибыл в Кабарду осенью 1810 г. по специальному поручению царя для ревизии Кавказской губернии. Имел широкие полномочия и «власть генерал-губернатора».

⁵² Генерал-майор И. П. Дельпоццо с 1805-го по 1810 г. исполнял обязанности пристава в Кабарде.

⁵³ В сентябре 1770 г. в Петербург прибыли и имели аудиенцию у Екатерины II кабардинские депутаты: Джанхот Сйдаков (от баксанской группировки) и Кургоко Татарханов (от кашкатавской). Основная просьба кабардинских владельцев заключалась в возвращении им беглых холопов, которые уходили в русские крепости, и снесении крепости Моздок. Грамота императрицы Екатерины II от 9 августа 1771 г. кабардинским владельцам утвердила их право на возвращение беглых крестьян и отказала им в срытии Моздока. (КРО. Т. 2. С. 299–304.)

⁵⁴ Самым тяжелым последствием экономической блокады Кабарды в начале XIX в. являлось лишение ее жителей доступа к соляным озерам степной зоны Предкавказья (по Куме и за Тереком). Учитывая, что скотоводство было основным видом хозяйственной деятельности кабардинцев, потребность в соли была значительной. Царское правительство с самого начала возведения Кавказской линии монополизировало соляную торговлю. Экспедиция Булгакова в 1810 г. и различные карантинные ограничения кавказской администрации вызвали массовый падеж скота, что усугубляло и без того свирепствовавшую в крае эпидемию.

⁵⁵ По подписям, которые имеются на прошениях (док. № 4–5), видно, что в общественно-политической жизни Кабарды конца XVIII – начала XIX в. значительно возросла роль служителей духовенства.

⁵⁶ Скорее всего, переводчик не совсем точно перевел это место в тексте. Там, где речь идет о Дагестане, наверное, имеется в виду о заслугах кабардинцев в походе Петра I (1722 г.).

*Из истории взаимоотношений абазин и кабардинцев
в XVI – первой половине XIX века*

¹ Собрание сочинений, выбранных из месящесловов на разные годы. СПб., 1790. Ч. 4.

² Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа, из путешествия акад. И. А. Гюльденштедта в 1770, 1771, 1772 и 1773 гг. СПб., 1809.

³ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 203–209.

⁴ Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М., 1823. Ч. 1–2.

⁵ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978.

⁶ Броневский С. М. Указ. раб. Ч. 1. С. 12.

⁷ В данном случае и И. А. Гюльденштедт, и Хан-Гирей под словом «Абхазия» подразумевают всю территорию, заселенную абазинскими обществами.

⁸ Хан-Гирей. Указ. раб. С. 215.

⁹ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. С. 204.

¹⁰ Там же. С. 215.

¹¹ Собрание сочинений, выбранных из месящесловов на разные годы. С. 174.

- ¹² Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 211.
- ¹³ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. С. 203.
- ¹⁴ Алты-кезек, или алты-кесек абаза, означает шестидольная абаза; так называли ногойцы абазин-тапанта по числу княжеских фамилий, которые правили этой частью абазин. Они в конце XVIII в. жили частью в предгорьях, частью на плоскости рядом с ногойскими аулами по Кубани, Куме, Подкумку и Малке. Абазин-шкарауа (абаз.- шхъарауа) – это вторая часть абазин, населявшая в это же время верховья левых притоков р. Кубани, от р. Теберды и до р. Лабы включительно.
- ¹⁵ Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа, из путешествия акад. И. А. Гюльденштедта в 1770, 1771, 1772, 1773 гг. С. 145.
- ¹⁶ Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 203.
- ¹⁷ Вилинбахов В. Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик: Эльбрус, 1982. С. 193.
- ¹⁸ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М.: Изд. АН СССР, 1957. Т. 2. С. 292.
- ¹⁹ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа, составлена по преданиям кабардинцев. Нальчик: Кабгосиздат, 1947. С. 30.
- ²⁰ Прапрадед тестя Ивана Грозного Темрюка. Жил, по определению Л. И. Лаврова, не ранее XV в. (Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. М.: Наука, 1978. С. 46.)
- ²¹ Ногмов Ш. Б. Указ. раб. С. 54.
- ²² Там же. С. 63.
- ²³ Там же. С. 74–75.
- ²⁴ Кушева Е. Н. Из истории сношений западных адыге и северокавказских абазин с русским государством в XVI–XVII веках // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Серия историческая. Черкесск: Став. кн. изд., 1964. Вып. 4. С. 139. Она же. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: (Вторая половина XVI – 30-е годы XVII в.) М.: Наука, 1963. С. 155.
- ²⁵ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М.: Изд. АН СССР, 1957. Т. 1. С. 401. Василий Карданукович Черкасский был убит в 1607 г. во время восстания Болотникова, будучи воеводой г. Переяславль-Рязанского. Родословная абазинских мурз оканчивается его именем.
- ²⁶ Там же. С. 28.
- ²⁷ Там же. С. 22–23.
- ²⁸ Там же. С. 90.
- ²⁹ Там же. С. 93.
- ³⁰ Кушева Е. Н. Указ. раб. С. 144.
- ³¹ История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1967. Т. 1. С. 114.
- ³² Там же. С. 114.
- ³³ Район Пятигорья.
- ³⁴ Ногмов Ш. Б. Указ. раб. С. 105; Лавров Л. И. Абазин: Историко-этнографический очерк // Кавказский этнографический сборник 1. М.: Наука, 1955. С. 10.
- ³⁵ Шерть – клятва, присяга.

- ³⁶ *Однорядка* – вид одежды.
- ³⁷ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. С. 310.
- ³⁸ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. С. 46.
- ³⁹ Там же. С. 59.
- ⁴⁰ Там же. С. 97.
- ⁴¹ Там же. С. 198.
- ⁴² Там же. С. 136, 138.
- ⁴³ Там же. С. 189.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Ясак* – дань.
- ⁴⁶ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. С. 129.
- ⁴⁷ Очерки истории Карачаево-Черкесии. Черкесск: Ставр. кн. изд., 1967. Т. 1. С. 260.
- ⁴⁸ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. С. 369. Бабсхерские – искаженное басхегские, т. е. абазинские; башильбайцы, мысылбаевцы – абазины-шкарауа.
- ⁴⁹ Очерки истории Карачаево-Черкесии. Черкесск: Ставр. кн. изд., 1967. Т. 1. С. 260.
- ⁵⁰ *Кешев Адиль-Гирей*. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин Ногмовым // Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик: Эльбрус, 1980. С. 162.
- ⁵¹ Ныне Новый Афон.
- ⁵² *Анчабадзе З. В.* Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухуми: Абгосиздат, 1959. С. 9.
- ⁵³ *Инал-ипа Ш. Д.* Абхазы: (Историко-этнографические очерки). Сухуми: Алашара, 1965. С. 364.
- ⁵⁴ *Зверева Ю. И.* Из истории формирования поселений северокавказских абазин в Кубанской области (60–90-е гг. XIX в.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1983. № 1. С. 74.
- ⁵⁵ *Калмыков И. Х.* Черкесы: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1974. С. 131.
- ⁵⁶ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. Вклейка между С. 114 и с. 115.
- ⁵⁷ *Бжания Ц. Н.* Из истории хозяйства и культуры абхазов. Сухуми: Алашара, 1973. С. 30.
- ⁵⁸ *Алексеева Е. П.* О происхождении и расселении абазин в средние века // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1980. С. 49.
- ⁵⁹ *Федоров Я. А.* Историческая этнография Северного Кавказа. М.: Изд-во Московского университета, 1983. С. 99.
- ⁶⁰ *Лавров Л. И.* Указ. раб. С. 9.
- ⁶¹ Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа, из путешествия акад. И. А. Гюльденштедта в 1770, 1771, 1772 и 1773 гг. С. 139–146.
- ⁶² *Инджик* – реки Большой и Малый Зеленчуки. Уасл, или Арт, очевидно, р. Уруп или Уарп, как она называется у местных народов.
- ⁶³ *Мудавия* – горная часть Малой Абхазии, называется на адыгских языках Мдавей; Шараша – очевидно, искаженная фамилия владетелей Абхазии Чачба-Шервашидзе.

⁶⁴ Собрание сочинений, выбранных из месящесловов на разные годы. Ч. 4. С. 177–180.

⁶⁵ *Бабыгв йкыт* – аул первостепенных абазинских дворян Бабуковых. В 60-х гг. XIX в. вошел в состав кабардинских аулов. У абазин сохранилось выражение: «Бабыгв йгвара шк1ах1аз апшта йк1ах1ат1» («Упало, как ограда Бабуковых» – так говорят о безвозвратно утерянном).

⁶⁶ *Джантемировский* – аул князей Джантемировых. В 60-х гг. XIX в. распределен между кабардинскими и абазинскими селениями. Сами же князья получили участок в 1500 дес. на р. Малый Зеленчук.

⁶⁷ Селение первостепенных дворян Трамовых. С 60-х гг. XIX в. Трамовские селения составляют кварталы кабардинского села Малка в КБР и абазинского Красный Восток в КЧР.

⁶⁸ Селение князей Клычевых. Большая часть населения выселилась в пределы Турецкой империи в 60-х гг. XIX в. Часть проживает в Псаучье-Дахе в КЧР.

⁶⁹ Название реки в настоящее время утрачено.

⁷⁰ Селение князей Кячевых. До конца 60-х гг. XIX в. находилось на р. Маре, затем на Малом Зеленчуке.

⁷¹ И. А. Гюльденштедт указывает не все селения князей Лоовых. Это – одно из них. В середине XIX в. из Лоовских аулов были образованы нынешние аулы Красный Восток, Кубина и Инджиг Чукур.

⁷² Селение первостепенных дворян Аслановых. Целиком эмигрировало в пределы Турецкой империи в 60-х гг. XIX в.

⁷³ Селение князей Бибердовых. Ныне аул Эльбурган в КЧР.

⁷⁴ Селение князей Дударуковых (Дарыкъва – абаз.). Ныне аул Псыж в КЧР.

⁷⁵ Перечисляются не селения, а общества абазин-шкарауа: баракай, чегерей, мысылбай. «Зиди» означает, видимо, Сид-ипа – владельцев мысылбаевцев. Автор не указывает расположение других обществ абазин-шкарауа – чегерей, там, баг.

⁷⁶ Владетели мысылбаевцев Сидовы (Сид-ипа) и тамовцев Заурум-вы (Заурым-ипа) считали себя выходцами из абхазских князей Маршан. (См.: Лавров Л. И. Классовое расслоение и племенное деление абазин в XVIII–XIX вв. // СЭ. № 4. С. 172–173).

⁷⁷ Положение кабардинцев в роли третейских судей, на наш взгляд, связано с реальными историческими фактами. П. Зубов, описывая междоусобную борьбу абазин-тапанта с абазинами-башильбаевцами, пишет: «Кабардинцы, вспооществуя первым (тапантовцам. – К. Д., Ш. Х.), избраны были, по общему согласию сих добродушных, но возмущенных народов, посредниками в возникших между ними несогласиях. Желая же употребить доверие, оказанное им, в собственную пользу, остановили кровопролитие не для прочного их примирения, а единственно опасаясь, «чтоб оно не произошло без их посредничества». (Зубов П. Картина кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель. СПб., С. 116–117.)

ВВЕДЕНИЕ

Современное состояние нашего общества позволяет говорить о возникновении острой потребности нового осмысления проблемы образования и развития многонационального Российского государства, истории наших народов и понять закономерности и особенности их совместного развития в составе одной державы. Круг теоретических сюжетов, относящихся к сфере исторических связей народов России, включает в себя целый комплекс недостаточно или совсем не исследованных проблем. Опыт истории показывает, что наиболее развитыми формами этнических и межнациональных связей дооктябрьского периода были историко-политические и историко-социальные контакты. Поэтому важнейшее значение в научном и общественно-политическом плане будет иметь исследование истории дружественных взаимоотношений народов, населяющих Россию. Мы убеждены, что именно такие примеры истории могут иметь воспитательное значение и положительно влиять на характер сегодняшних и будущих национальных отношений.

Актуальность предлагаемой работы в том, что характер и формы политики российского правительства в отношении иноязычных народов страны, их место в общей структуре государства и межэтнические связи – это важнейшие направления исторических исследований, которые могут способствовать выработке новой общегосударственной идеологии, на деле объединяющей народы Российской Федерации.

Особенную значимость приобретает разработка новых концептуальных идей и конкретных мер, направленных на дальнейшее развитие и укрепление единого многонационального государства на примерах истории взаимоотношений России и народов Кавказа. Межэтнические контакты, формы взаимодействия вырабатывались в течение веков. Обращение к прошлому, взгляд назад, изучение предшествующих процессов, по нашему мнению, имеет особое значение для северокавказских народов, у которых историческая память занимает важное место в духовной культуре. Актуализация исторической памяти приводит к тому, что постановка ряда острых общественно-политических проблем в регионе в постсоветский период напрямую выводятся из исторического прошлого.

Масштабная переоценка фактов, явлений и процессов нашего

исторического прошлого, политизация и идеологизация сферы исторического знания, откровенное манипуляторство историко-политическими стереотипами массового сознания приводят к искажению образа Северного Кавказа как региона исторически нестабильного и конфликтного. Между тем гораздо больше оснований имеет подход, учитывающий, во-первых, что Северный Кавказ представляет исторически часть общероссийского социально-политического пространства. Во-вторых, Северный Кавказ представляет собой область устойчивого взаимодействия нескольких этносов, культур и цивилизаций. С одной стороны, эти особенности объективно сформированы всем ходом предшествующей истории, с другой — они принципиально неустранимы и будут сохранять свое доминирующее значение для народов региона и для России в целом на всю обозримую перспективу. Наша наука, думается, должна иметь устремленность в будущее, которое немыслимо без всестороннего учета многовекового опыта совместной жизни всех наших народов. Изучение реального исторического опыта, всесторонний анализ живых традиций северокавказского социально-культурного и этнополитического комплекса с российским обществом и государством прослеживаются в данной работе на примере различных форм взаимодействия адыгов и России.

Это взаимодействие по своим функциям на протяжении исследуемого периода с середины XVI до последней четверти XVIII века носило характер военно-политического союза, направленного против общей внешней угрозы, а во внутринациональном плане способствовало установлению и стабильному поддержанию связей России с рядом народов Северного Кавказа и Степного Предкавказья, благодаря политическому влиянию в регионе и посредничеству адыгской господствующей верхушки.

Русская историография XVIII века, сохраняя во многом летописные традиции XVI – XVII веков, характеризовала процесс сближения адыгских княжеств с Московским централизованным государством как сочетание «добровольности» и «принудительности». Исторический процесс включения многочисленных народов в состав Российской империи русская историография XIX века стала рассматривать в контексте понятий «завоевания» и «колонизации».

Динамика изучения исследуемой нами проблемы на первых этапах развития советской исторической науки шла по линии развития от «абсолютного зла» к «наименьшему злу», на смену которым с 50-х годов пришла концепция сплошного «прогресса и добровольности» вхождения всех без исключения народов в состав Российской империи. С 90-х годов XX столетия характер взаимоотношений России и народов Северного Кавказа опять, к сожалению, подвергается попыткам фальсифицирования, и катализатором этих тенденций стали публичные заявления отдельных политиков о 400-летней непрерывной войне во взаимодействии России с народами региона.

Историографически место выдвинутой в настоящей работе концепции определяется тем, что она противостоит двум политико-идеологическим мифам: мифу об одномоментном доброволь-

ном присоединении и окончательном вхождении в состав Российского государства уже в середине XVI века и мифу о перманентной 400-летней войне России с народами Северного Кавказа*.

Сравнительное рассмотрение взаимоотношений России с многочисленными народами Кавказа через призму адыго-русского военно-политического сотрудничества имеет преимущество в том, что оно расширяет взгляд на историю, раздвигает национальную интерпретацию этнической истории. Такого рода работы позволяют в конечном итоге создать обобщенное компаративное исследование полной истории России как многонационального государства.

Адыгская общность, объединяющая современных кабардинцев, адыгейцев и черкесов, была в XVI–XVIII вв. одной из самых крупных на Кавказе и оказывала большое и всестороннее влияние на окружающие народы. Адыги как активный субъект истории оказывали существенное влияние на ход истории в регионе и в раскладке внешнеполитических сил, стремившихся утвердиться на Северном Кавказе.

В работе рассматривается существенный аспект той эпохи адыгской истории, которая демонстрирует как зрелость форм территориальной, социальной и политической организации традиционного адыгского мира, так и автономность протекания процессов его социально-политического развития. Применительно к исследуемому периоду адыгской истории хорошо поддается вычленению и самостоятельному анализу сфера политических отношений адыгского общества как форма его внутренней самоорганизации и как способ его активной адаптации к внешней социально-политической среде. Выдвижение на первый план в политической истории адыгов проблематики их взаимоотношений с Россией и анализ ее в общем контексте политики Российского государства на Кавказе объективно оправданы с позиций исторической ретроспективы. Все это обусловило, что предметом нашего исследования стало исторически масштабное явление, развитие которого аналитически прослеживается на протяжении почти двух с половиной столетий. Важно, что русско-адыгские отношения XVI–XVIII веков рассматриваются в работе в их реальной многогранности – как становление и развитие собственно двусторонних связей; как политическое взаимодействие в контексте сложной системы горизонтальных и вертикальных связей в масштабах региона (по линии Россия – Адыги – народы Кавказа и Предкавказья); и наконец, в контексте международных отношений и «кавказской» политики ряда держав (по линии Россия – Адыги – Турция и Крым – Сефевидский Иран).

* Российское многонациональное государство: формирование и пути исторического развития (Материалы «Круглого стола», состоявшегося 20–24 ноября 1989 года в Звенигороде) // История и историки. М.: Наука, 1995. С. 6–167; Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? М., 1998; Национальные истории в советском и постсоветских государствах (Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова). М., 1999; Шнирельман В. А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 2. М., 1999. С. 118–151.

Цель настоящего исследования состоит в комплексном историческом анализе места и роли русско-адыгского политического сотрудничества в российской политике на Кавказе с середины XVI до последней четверти XVIII в., рассматриваемого через призму установления и развития устойчивых связей России с народами Северного Кавказа, Степного Предкавказья, а также Грузией.

Сложность решения поставленной задачи состоит в том, что взаимоотношения двух основных групп адыгского этнополитического ареала – восточной (Кабарда) и западной (Западная Черкесия) с рассматриваемыми народами были неравнозначными в силу особенностей их географической локализации и неоднородности геополитической структуры региона в ту эпоху. Эти обстоятельства отразились и на структуре исследования. Для анализа сформулированной выше цели исследования необходимо было решить следующие задачи:

- определить место адыгского этнополитического ареала на политической карте изучаемого региона и установить характер его взаимосвязей с окружающей этнополитической средой;
- выявить и систематизировать исторические факты и события, отражающие многосторонние политические отношения, в которые была включена Кабарда: ее «горизонтальные» политические связи с другими народами Кавказа и ее политическое взаимодействие «по вертикали» с Российским государством;
- установить внешние и внутренние факторы, определившие для адыгских княжеств необходимость выбора внешнеполитической ориентации и их поворот к тесному сотрудничеству с Российским государством;
- осуществить целостный анализ процесса сближения и военно-политического сотрудничества адыгов с Россией с учетом внутренней и внешней политики обеих сторон;
- существенно уточнить понятийный аппарат, применяемый в историографии для оценки характера русско-адыгских отношений исследуемой эпохи («подданство», «сюзеренитет», «вхождение», «присоединение», «военно-политический союз») на основе политико-правового анализа соответствующего материала источников;
- воссоздать основные этапы взаимовыгодного военно-политического сотрудничества адыгов и Российского государства в борьбе с Крымским ханством;
- выявить масштабы, особенности и значение практики выезда адыгских князей в Москву как характерной формы политического взаимодействия социальных верхов традиционного адыгского общества с Российским государством.

Исследование взаимодействия общественно-политических систем (адыгской и российской) основано на ключевых моментах адыго-русских взаимоотношений с XVI до последней четверти XVIII века, хронологического периода, по отношению к которому историческая память адыгского социума несет чрезвычайно глубокий и устойчивый пласт позитивного восприятия и отношения к России.

Опыт европейской исторической науки, в частности «Новой ис-

торической школы», говорит о чрезвычайной ценности в методологическом плане использования и оперирования категориями «множественности времен» или «длительных хронологических единиц». Очевидно, чем шире временные границы, в которых рассматривается то или иное крупномасштабное явление, как проблема складывания Российского многонационального государства, в рамках которого на широком геополитическом фоне рассматриваются российско-кавказские взаимоотношения, тем более шансов обнаружить в его развитии некие закономерности и факторы системного характера. Выявить комплекс причин и факторов, в результате которых тот или иной народ становился частью Российского государства, осмыслить и постигнуть все его плюсы и минусы можно только рассмотрев длительный период пребывания какого-либо народа в составе России.

Таким образом, хронологические рамки данной работы обусловлены: начальная грань – складыванием прорусской ориентации среди части адыгской феодальной знати и представляемыми ими адыгскими «аристократическими» народностями (жанеевцы, бесланеевцы, кабардинцы и др.), заключением в 1557 году договора о «покровительстве» между Кабардой и Россией, опираясь на который последняя постепенно укрепляется в бассейне реки Терек; конечная грань – Кючук-Кайнарджийским договором 1774 года, по которому Российская и Османская империи разделили Кавказ на сферы влияния и признали Кабарду за Россией. Временной срез, в рамках которого рассматривается проблема, является важнейшим периодом не только в истории взаимоотношений адыгов с Россией, но также и с другими народами Кавказа. Только в последующем, с конца XVIII века эти отношения начинают деформироваться колониальной политикой царизма.

Методологической основой настоящей работы являются прежде всего общепринятые принципы научного историзма. Они предполагают, что суждения, оценки и выводы, содержащиеся в исследовании должны строиться только на основе исторических источников, несущих информацию об изучаемой эпохе. Необходимо отметить как существенную черту историзма, как принципа исторического исследования, «принцип осторожной оценки эпохи по ее внутренним законам, а не категориям другого века»¹.

Неотъемлемой частью научно-исторического подхода является принцип системного рассмотрения. Применительно к данной работе это предполагает изучение основных явлений и фактов одновременно и в системе международных отношений с участием ведущих держав того времени, и в системе региональных этнополитических отношений, и в системе отношений Российского государства с народами Кавказа. Наконец, нельзя упускать из виду процессы развития и видоизменения изучаемых явлений на протяжении рассматриваемого периода.

Научный историзм не исключает плюрализма исторических интерпретаций, каждая из которых должна базироваться на данных источников. Неисчерпаемость взаимосвязей исторических явлений,

альтернативность, присутствующая в историческом процессе, делают невозможным исчерпывающее объяснение их в рамках одного исследования и исключают любые претензии на научную монополию².

Для данного исследования сохраняют свою продуктивность основные элементы формационного анализа. Дело в том, что Россия, адыги и другие народы Кавказа в XVI–XVIII вв. выступали во взаимных отношениях не столько в качестве государственно-политических единиц, сколько в качестве «сложных социальных субъектов» политического взаимодействия. Формационные характеристики отдельных этнополитических единиц в рамках адыгского мира (различный уровень феодализации) во многом объясняют характер их внешнеполитической активности. Кроме того, без учета внутренних социально-политических явлений, присущих феодальному обществу (междоусобная борьба), нельзя объяснить характер внешнеполитической ориентации данного общества. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов «классовый» фактор в политике того времени, который ярко символизируется особой ролью адыгской феодальной аристократии в исследуемых исторических процессах.

В условиях современного переходного периода, когда в отечественной науке, прежде всего в обществоведении, идет смена парадигм социального знания, для автора монографии важнейшее значение имеет попытка целостного осмысления адыгской истории. У нас появились уже разработки, позволяющие утверждать, что и научное сообщество адыгских историков определяется по отношению к модернизационной и цивилизационной парадигмам современного социально-исторического мышления³. Отмеченные подходы могут быть последовательно соотнесены как с современными потребностями наших народов в выборе перспектив своего дальнейшего развития, так и с объективным процессом разделения исторических альтернатив в нашем прошлом. Очень важно, что модернизационные и цивилизационные парадигмы, в отличие от формационной, исключают прямую экстраполяцию концептуальных схем общероссийского масштаба на историю наших народов.

В контексте настоящего исследования цивилизационный подход позволяет отразить и осмыслить значимость социокультурных факторов в развитии политических отношений столь различных по социально-экономическим и политическим характеристикам обществ как Россия, с одной стороны, адыги и другие народы Кавказа – с другой. Исторический материал свидетельствует, что в становлении русско-адыгских отношений, особенно на начальных этапах (XVI–XVII вв.), социокультурные факторы не столько препятствовали, сколько способствовали их развитию. Вместе с тем длительные, устойчивые политические отношения России с народами Кавказа приобрели для обеих сторон глубокое культурно-цивилизационное значение, не зависящее от тех или иных поворотов политической конъюнктуры.

Использование элементов модернизационного подхода также было продуктивно для решения задач, поставленных в исследовании. Например, модернизационный рывок Российского государства с начала XVIII столетия при сохранении «застойного» характера социально-экономических процессов у народов Северного Кавказа привел к резкому углублению стадийного разрыва между ними в уровнях социально-политического и культурного развития. Это во многом объясняет эволюцию российской политики на Кавказе на протяжении XVIII в.

Неоценимую помощь автору исследования оказали важнейшие методологические положения, которые содержатся в фундаментальных работах отечественных историков, посвященных изучению комплекса проблем, раскрывающих становление российского многонационального государства, а также отечественных кавказоведов, рассматривавших историю взаимоотношений многочисленных кавказских народов с Россией (от средневековья до нового времени).

Полученные в данном исследовании результаты позволяют существенно развить и уточнить общую концепцию взаимоотношений Российского государства с народами Кавказа в период с середины XVI до последней четверти XVIII в.

Практическая значимость проделанной работы заключается в том, что она вместе с аналогичными исследованиями позволит уделять должное внимание воспитанию российского патриотизма, в частности, путем смещения акцентов в исторической и художественной литературе, средствах массовой информации и, в целом, в духовной культуре нашего общества с межнациональных конфликтов на позитивное взаимодействие народов и национально-культурного многообразия России. Объективная оценка событий прошлого крайне важна и для корректировки геополитических интересов Российской Федерации и проведении ее национальной политики на Кавказе.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ. АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ

Историография проблемы

В отечественной историографии нет специального обобщающего труда, посвященного анализу того места, которое занимают адыги во взаимоотношениях России с кавказскими народами и кочевыми народами Предкавказья на протяжении столь длительного исторического периода (середины XVI – последней четверти XVIII века). При изучении исследуемой проблемы выделяются различные аспекты: русско-адыгский; адыги и народы Кавказа и Предкавказья; адыго-русское военно-политическое сотрудничество в борьбе с турецко-крымской агрессией; взаимодействия различных этнических общественно-политических структур и элит и т.д.

Имея целью рассмотрение адыго-русских союзнических отношений на всем протяжении дооктябрьской и новейшей исторической мысли, автор должен был отказаться от охвата возможно большего количества насчитывающей многие десятки названий работ по этому вопросу. Для рассмотрения избраны наиболее значительные в концептуальном отношении труды в тесной связи с общим состоянием и направлением развития соответствующих этапов исторической науки.

Интересующая нас проблематика затрагивается уже в XVII веке в «Скифской истории» А. Лызлова. Описывая в основном историю татар и турок, автор приводит многочисленные факты совместной борьбы Московского государства и адыгов (черкесов) против Крымского ханства в XVII веке¹.

В специальной исторической литературе первой половины XVIII века в «Ядре Российской истории» А. И. Манкиева события русской истории освещаются в тесной связи с историей других народов. У Манкиева присутствуют материалы, характеризующие кабардино-русские отношения XVI века (адыгские посольства, династический брак и т.д.)². Весьма ценным являлось первое в исторической литературе подробное описание герба Кабардинской земли, которое дает Манкиев в «Прибавлении о Гербах Державы Российской»³.

В этот же период большую работу по исследованию окраин проводил известный русский историк В. Н. Татищев. В его научной деятельности отразились характерные черты русской историографии — внимание к вопросам историко-географического характера, обусловленное процессом постепенного расширения территории русского государства, и связь с этнографическим изучением многонационального населения, вошедшего в состав России. Во время своего губернаторства в Астрахани (1741–1745) Татищев сам и через своих помощников собирает различные материалы о кабардинцах и других народах Северного Кавказа и Предкавказья, которые впоследствии вошли в «Историю Российскую» и в его «Лексикон». В силу своего служебного положения в первой половине 40-х годов XVIII века Татищев находился в курсе всех политических событий, происходящих в Кабарде. Историк в своих работах обнаруживает глубокие познания древней и средневековой истории кабардинцев. Им рассматриваются вопросы этногенеза, хозяйства, религии, языка, истории русско-кабардинских исторических связей⁴. На основе личных изысканий и различной информации, имевшейся в тот период в России, В. Н. Татищев сделал в своих работах первые краткие обобщения о Кабарде.

В трудах крупнейших русских историков второй половины XVIII века М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина приведены ценные материалы по Кабарде и кабардино-русским отношениям, которые не потеряли своего значения и до сегодняшнего дня. Как и В. Н. Татищев, они публикуют большое количество летописных материалов о русско-кабардинских исторических связях, начиная с «касожского» периода до XVIII века⁵. Особое внимание ими было

уделено факту сближения кабардинцев и части западных адыгов с Россией в XVI веке. Довольно четко показывается Щербатовым и Карамзиным, что главными предпосылками союзнических отношений между адыгами и Россией являлись давние связи между ними, а главное – внешняя угроза независимости адыгов со стороны Турции и Крымского ханства. Главная ценность указанных работ в изучении исследуемой темы в том, что материалы, относящиеся к летописному периоду и преемственно перешедшие в историческую науку, были введены в научный оборот этими историками. В «Примечаниях», сделанных ими в своих работах, до нас дошли многочисленные выписки о Кабарде и «черкесах» из различных источников, в то время как многие из них не сохранились.

К наиболее значительным трудам, созданным российским кавказоведением в начале XIX века, можно отнести работы С. М. Броневского. Двухтомный труд «Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе»⁶, имевший в большей степени историко-этнографическую и географическую направленность, вышел при жизни автора. В нем при освещении исторических связей и взаимоотношений между Россией и кавказскими народами Броневским широко применяются русские летописные своды и комплекс публично-правовых материалов, извлеченных им из архива Коллегии иностранных дел⁷. Другая работа С. М. Броневского «Исторические известия о сношениях России с Персией, Грузией, черкесами и другими горскими народами со времен царя Ивана Васильевича Грозного до восшествия на престол Императора Александра I»⁸ оставалась неизданной, была известна только узкому кругу специалистов и буквально недавно введена в научный оборот⁹. Она начинается с описания событий, последовавших после взятия Иваном IV Казани и Астрахани и заканчивается началом XIX века (1806). В основе повествования лежат погодные записи правления русских царей, при которых произошли те или иные события на Кавказе. Составленная в хронологическом порядке книга, кроме Предисловия, делится на три части – «Эпохи». В первой – «От царя Ивана Васильевича до похода Петра Великого в Персию» даются события с 1554-го по 1722 год¹⁰. Автор описывает как с середины 50-х годов XVI века Кавказ попадает в сферу российских интересов, раскрывается установление контактов с кабардинскими князьями и строительство русских крепостей на Тереке как основе кавказской политики России. Вторая – «От похода императора Петра Великого в Персию до заложения Моздока» посвящена взаимоотношениям России с Закавказьем, Кавказом, Ираном, Турцией и Крымским ханством с 1722-го по 1763 год¹¹. Особое внимание здесь уделяется обстоятельствам, приведшим к сближению России с Ираном и политической ситуации в прикаспийских провинциях в начале XVIII века. Выделяется важный рубеж в истории России, как рубеж между древней и новой историей, связанной с преобразованиями Петра I и с оживлением внешнеполитической деятельности русских на Востоке. Особо ценным является помещенная в конце главы таблица с перечислением трактатов,

грамот, деловых записей, хранившихся в Министерстве иностранных дел по теме исследования. Например, приводятся 36 официальных документов, относящихся к русско-кабардинским отношениям в 1578 – 1730 годах.

В середине XIX века видный русский историк С. М. Соловьев в своей «Истории России» специальное место отвел событиям внешней политики. Хотя тема включения нерусских народов в состав России не была выделена, историком приводится интересный материал по русско-адыгским, русско-крымским, русско-османским и русско-ногайским отношениям¹². В основе трактовки Соловьевым истории отдельных народов России в их отношении к истории русского народа лежат его концептуальные положения о содержании русской колонизации – «борьба с азиатами», «борьба леса со степью»: оттесненный на север «стремительным движением азиатских племен» русский народ, собравшись с силами, в свою очередь переходит в наступление. «Наступательное движение на Азию» составляет в этом смысле, по Соловьеву, содержание нового периода русской истории с XVI века. Затрагивая «отношение к народам кавказским», Соловьев полагает, что междоусобная борьба горских князей, та опасность, которая исходила от агрессии Крыма, заставили кавказских правителей обратиться с просьбой о «подданстве» к «могущественному» государству и «таким образом незаметно, волею неволею, затягивали Московское государство все далее и далее на Восток, к Кавказу и за него». Такой подход затушевывал и совсем отвергал активность кавказской политики России и ее политические и стратегические цели.

Изменения, происходившие в социально-экономической и политической жизни России во второй половине XIX века обусловили дальнейшее развитие российского кавказоведения. В этот период произошла окончательная интеграция кавказских народов в состав Российской империи, и последняя, естественно, стремилась упрочить там свое положение. Правительство, как и в предыдущий период, поощряло представителей военной и гражданской администрации, а также ученых, в деле освещения различных проблем истории Кавказа.

На кавказоведческую мысль большое влияние оказал как общий подъем русской исторической науки, так и обогащение документальной базы русского кавказоведения в пореформенный период. Прежде всего, это было связано с деятельностью учрежденной в 1864 году Кавказской археографической комиссии. Она начала с 1866 года издавать регулярно своды официальных документов, которые извлекались из различных архивов. В качестве источников широко начинают привлекаться работы авторов первой половины XIX века, в которых личные наблюдения зачастую соединялись с исследованиями. В этом плане большое значение имели труды Ш. Б. Ногмова и Хан-Гирея. Для составления наиболее полной картины исторических и политических связей многочисленных адыгских народностей с Россией многое давали публикации документов, осуществленные П. Г. Бутковым и С. А. Белокуровым¹³.

С. А. Белокуров, публикуя документы Посольского приказа, предпослал им обширный исторический очерк русско-кавказских связей с древности до начала XVII века. В нем встречаются интересные сведения и суждения о взаимоотношениях России, Турции, Крыма и Ирана, вызванные русско-кавказскими связями. Часто эти оценки даются не в контексте стратегических интересов русской внешней политики, а через призму региональных отношений. Так, говоря об обращении к России в 1610 году ряда дагестанских владельцев, ранее ей враждебных, историк объясняет эту перемену только деятельностью кабардинских князей русской ориентации, не связывая эти события и с переломом в ходе ирано-турецкой войны и успехами шаха Аббаса¹⁴.

Тема данной книги в той или иной степени затрагивается в работах таких известных авторов, как Н. Ф. Дубровин, В. А. Потто, И. Д. Попко, Н. Грабовский, А. Б. Берже, П. Л. Юдин, М. А. Караулов, В. Д. Смирнов и др.¹⁵, которые отличаются обилием приводимых фактов и добротной источниковой базой. К сожалению, многие из них (Н. Ф. Дубровин, В. А. Потто, Н. Грабовский, А. Б. Берже) рассматривали вопросы истории северокавказских народов, их контакты друг с другом и взаимоотношения с Россией, а также внешнеполитический курс российского правительства на юге с позиций официально-охранительной идеологии. Они подчеркивали необходимость завоевания Кавказа, и Северного Кавказа в частности, и обосновывали это на различных исторических примерах. Одновременно завоевательная политика России в условиях военных действий на юге преподносилась ими как благородный, цивилизованный шаг по отношению к «дикому» населению района.

В работе Н. Грабовского политика России на Кавказе, по мнению автора, должна быть последовательной, единой линией общего политического курса, отдаления от которого вызывались бы лишь тактическими соображениями. В очерке признается традиционный характер дружеских русско-кабардинских связей, а военно-политическое сотрудничество сторон раскрывается как противовес захватническим планам Турции и Крыма. Касаясь событий XVIII века Грабовский считает, что российские интересы требуют полного подчинения Кабарды: «Россия, задавшись один раз целью прочно утвердить свое господство на Кавказе, не могла действовать иначе, не во вред своим интересам, и потому существование Кабарды, как независимой страны в нашем соседстве, имевшей влияние на подвластных ей ближайших народов ... не мыслимо было»¹⁶. По Грабовскому, если кабардинцы будут отстаивать свою независимость, их необходимо завоевать, исходя из того, что «дикая и хищническая натура кабардинцев, воспитанная веками в правилах боевой жизни, не признавала деликатных способов обращения»¹⁷. Таким образом, в разных исторических условиях цели и методы политики российского правительства должны были меняться в зависимости от интересов и изменения международной обстановки — от союзнических и дружественных на завоевательную.

Среди группы работ, посвященных истории формирования терского казачества, его взаимоотношениям с северокавказскими народами, а также роли казачества в распространении «русского владычества» на Кавказе особое место занимают работы П. Л. Юдина, в которых на основе названных архивных материалов автор дает картину сотрудничества кабардинцев и кабардинской феодальной знати с терскими воеводами в распространении русского влияния в Притеречье и Дагестане.

Изучение традиций политического взаимодействия адыгов с Крымским ханством и Ногайской ордой невозможно без использования работ В. Д. Смирнова, В. В. Вельяминова-Зернова, Г. Перетятковича¹⁸, основанные на огромном комплексе русских, османских и крымско-татарских источников. Они имеют непреходящее значение в исследовании международных отношений и внешней политики России в XV–XVIII веках. Обоснованная В. Д. Смирновым концепция того, что Крымское ханство с 70-х годов XV века оказалось послушным вассалом султанской Турции и, находясь под ее полным контролем, являлось важным орудием Стамбула в Восточной Европе, надолго стала доминирующей в отечественной историографии характера турецко-крымских отношений XVI – XVIII веков.

В труде Смирнова дается картина героической борьбы западных и восточных адыгов против турецко-крымской агрессии на протяжении двух столетий; она позволяет понять многие аспекты взаимодействия адыгской и крымской общественно-политических структур (складывание и особенности трибутарных отношений, института аталычества, «благъагъэ» и т.д.). В силу уникальности источниковой базы, ее недоступности в оригинале для широкого круга современных исследователей, труд В. Д. Смирнова сохраняет свое значение до сегодняшнего дня.

Особое место среди дореволюционных авторов, писавших об истории адыгов и интересующей нас проблеме, следует отвести представителям адыгской национальной историографии: Измаилу Атажукину, Шоре Ногмову, Хан-Гирею и Владимиру Кудашеву¹⁹. Исторические взгляды названных авторов сформировались под непосредственным влиянием русской культуры и соответственно русской науки, что способствовало заимствованию ее передовых достижений. В трактовке исторических событий и явлений указанные историки делают попытки их научного объяснения с помощью рационалистических идей. В качестве источников ими привлечены следующие группы материалов: памятники устной традиции, археологии, этнографии, документы российских архивов, труды русских и зарубежных авторов, в использовании которых они подходили по-разному. Для Ш. Б. Ногмова, хотя он и стремился к раскрытию реальных причин событий и явлений, не всегда было доступным критическое отношение к используемому материалу, и иногда он произвольно переносил на историю адыгов описания и характеристики других авторов. В отличие от него, Хан-Гирей и В. Кудашев осознают необходимость критического отношения к используемым источникам – «собрать, по возможности все, что могло

помочь созданию правдивой, критической проверенной национальной истории кабардинского народа»²⁰.

Центральное место в работах национальных историков отведено истории политических взаимоотношений различных адыгских подразделений с соседними народами и Россией в XVI–XVIII веках. Они отмечают важность политической ориентации адыгов в середине XVI века на Москву, вызванной крымско-османской агрессией; подчеркивают общую заинтересованность двух народов в борьбе с внешними врагами. Эти авторы видели перспективу развития своего этноса только в союзе и дружбе с Российским государством. «Благоразумие наших предков, которых память нам любезна, – говорил в своих речах И. Атажукин, – советовали нам жить под защитой сего (русского. – К. Д.) великого государства». «Память союза и дружбы с русскими, – отмечает Ш. Ногмов, – сохранилась по настоящее время в нашем народе».

Адыгские историки мыслили межфеодалные раздоры и усобицы как один из самых губительных процессов, происходивших в обществе. Поэтому они среди национальных исторических деятелей наиболее значительное место отводили князю Темрюку Идарову, т.к. именно этот князь проводил политику по объединению кабардинцев и адыгов вообще, и по их мнению, прозорливо определил все выгоды, которые принесет его народу союз с Россией. Особенно много внимания деятельности Т. Идарова уделил Ш. Ногмов. Он считает, что поскольку в руках князей судьбы народа, то они должны обладать всеми данными государственного деятеля, а также иметь высокие нравственные качества. Свой идеал главы народа автор воплощает в верховном кабардинском князе, и этот идеал служит ему ориентиром при оценке деятельности других адыгских общественных деятелей. Оценивая установление и развитие отношений адыгов с Россией, анализируемые авторы особо выделяют борьбу с внешними врагами. Боевое содружество, по их мнению, является одним из важнейших факторов становления союзнических отношений.

Разрабатывая историю последующего периода взаимоотношений адыгов с Россией (вторая половина XVIII – первая половина XIX века) такие авторы, как И. Атажукин, Хан-Гирей и В. Кудашев обосновывают предпочтительность мира и сотрудничества завоевательной политике царизма. В условиях XIX века, когда происходило военно-политическое утверждение России на Северном Кавказе и окончательное внедрение общероссийских государственных и гражданских порядков в регионе, названные авторы пытались своими работами практически воздействовать на эти процессы. Не всегда они могли согласовать сложившуюся конкретно-политическую ситуацию в Кабарде и Западной Черкесии с существующим в России государственным режимом и интересами последней на Кавказе. Но при всем этом для нас особую значимость имеет четко сформированная ими концепция проблемы взаимоотношения России и адыгов – она может быть решена только в условиях мира, в их неразрывной дружбе и тесном сотрудничестве.

Крупнейший русский историк конца XIX – начала XX века В. О. Ключевский не подвергал специальному изучению тему исторических связей и включения многочисленных народов в состав России. Но его концепция образования Российского государства приобрела характер комплексного исследования различных факторов, и это оказало большое влияние на методологию научных исследований не только его современников в дооктябрьский период, но и на определенную часть советских историков 1920–1930-х годов.

Для нашей темы важны взгляды Ключевского о причинах и путях расширения русской империи. «История России есть история страны, которая колонизируется, область колонизации в ней расширялась вместе с государственной территорией»²¹. Колонизационные движения, по его мнению, играли профилирующую роль в жизни русского народа. Они его привели в разные регионы, в т.ч. на Кавказ. Завоевания Российского государства объясняются чисто государственными и даже географическими интересами – необходимостью достижения «естественных границ». И суть «восточного вопроса» состоит в том, «чтобы продвинуть территорию государства на юге до естественных ее пределов до морей Черного и Азовского»²². Для его решения в борьбе с османской Турцией российское правительство неоднократно использует балканские народы, Грузию и Кабарду²³. Таким образом, по В. О. Ключевскому, Россия пришла в кавказский регион в поисках своих естественных границ, а когда она встала лицом к лицу с гигантским Кавказским хребтом как естественной границей, то она, якобы, перешла этот хребет против собственной воли, как это было после этого и в Азии²⁴.

В первые десятилетия Советской власти не появлялось исследований по русско-кавказским отношениям в XVI – первой половине XVIII века. Основное внимание было направлено на изучение других проблем внешней политики, в первую очередь, разоблачение колониальной политики царизма в более поздний период конца XVIII – XIX веков. Еще в 1919 году М. Н. Покровский выпустил в свет сборник своих статей, написанных в 1914–1917 годах, озаглавив его «Внешняя политика»²⁵. Многие из этих статей были включены им в сборник «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии»²⁶. В соответствии с социологической схемой Покровского, на протяжении многих веков внешняя политика Русского государства направлялась торговым капиталом. В интерпретации ученого и казанские походы Ивана IV, и Северная война, и Кавказские войны, и завоевание Средней Азии, и активность царизма в Восточном вопросе – все это сводится к интересам русской торговли. «Вся наша внешняя политика была борьбой за торговые пути» – повторял он²⁷. Конкретно политика царизма в Восточном вопросе объединяется схемой: Кавказ завоевали, чтобы «обойти» Турцию; Среднюю Азию – чтобы «обойти» Англию. Даже «на берегах Тихого океана продолжалась та же борьба за Константинополь»²⁸.

Исторические взгляды М. Н. Покровского оказали влияние на ра-

боты, выходившие в центре и на местах. В публикациях Н. Н. Ванага XVI век – это рубеж в истории русского феодализма, характеризовавшийся «стремлением крепостников создать колониальную империю при помощи сильной царской власти – самодержавия»²⁹. Касаясь истории различных народов, автор рассматривает их как объект «военно-феодального грабежа» и не касается других сторон включения их в состав многонационального государства. У Ел. Драбкиной тоже все стороны социальной и экономической жизни царской России объясняются «одной и той же исторической силой – влиянием торгового капитализма»³⁰. Рассматривая историю отдельных регионов, она отводит специальное место «Кавказу, где интересы национальной политики действовали с той же силой, что и интересы политики колониальной»³¹.

В завершенной к началу 30-х годов фундаментальной монографии М. К. Любавского³² специальная глава посвящена «занятию и заселению русскими людьми Предкавказья». Он обнаруживает хорошее знакомство с территорией и расселением многочисленных адыгских подразделений, считая их «самыми многочисленными и влиятельными». Историк одним из первых освещает проблемы феодальных распрей и столкновений северокавказских владетелей, например, кабардинских князей и шамхалов Тарковских, за сферы влияния и, в первую очередь, за земли и уголья³³. Затрагивая события XVI века Любавский останавливается на факторах, обусловивших кабардино-русское сближение и их взаимовыгодный характер. Он считает, что Москве тоже важно было стать твердою ногою в Предкавказье, чтобы «предупредить окончательное утверждение здесь турецко-крымского или персидского владычества»³⁴.

К периоду становления советской исторической науки относится появление работ таких известных в последующем ученых, как Г. А. Кокиев и Б. В. Скитский. Характеризуя внешнюю политику Российского государства, они тоже подчеркивают колониальный характер политики самодержавия. Например, главной причиной завоевания Россией кавказских территорий, по мнению Б. В. Скитского, являлась «агрессия» русского торгового капитала, а анти-русская позиция горских князей объясняется им искусственным «разжиганием» царизмом классовой борьбы внутри кабардинского общества³⁵. Для исследуемой нами темы, а также в формировании адыговедения как направления советского кавказоведения, особую роль играет научное наследие Г. А. Кокиева. Почти по всем основным этапам и важнейшим событиям истории кабардинцев он сказал свое веское слово, освещая, в первую очередь, важнейшие и переломные этапы. В многочисленных работах специальное место занимают: выявление истоков дружбы и многовековых связей с русским народом; роль князя Темрюка Идарова в сближении Кабарды с Россией; исследование отношений классового и национального начал во внешней политике России по отношению к Северному Кавказу; отрицательная роль межфеодальных распрей в жизни Кабарды и распад ее на Большую и Малую;

кабардино-осетинские отношения в XVIII веке; определение процесса сближения адыгов с Россией как прогрессивного и epochального³⁶. Работы Г. А. Кокиева по истории Кабарды представляют большой интерес, сохраняют свою ценность и по сей день. Они, несомненно, являются большим вкладом в историческую науку.

В дальнейшем, в ходе Великой Отечественной войны и послевоенные годы наметилась тенденция к идеализации и облагораживанию политики царизма. В условиях Великой Победы над фашизмом и чередой общественно-политических мероприятий по подготовке празднования юбилеев «вхождения» и «присоединения» партийно-административные органы, реализуя установки по «воспитанию историей», стали использовать тему присоединения народов к России как одно из средств показательной идеологической работы на местах. Одновременно тема российско-кавказских отношений в XVI–XVIII веках разрабатывается в контексте внешней политики России.

Работы Н. А. Смирнова рассматривали русско-турецкие отношения XVI–XVIII веков и роль Кабарды в них³⁷. Опираясь широко на «Крымские» и «Турецкие» посольские книги, турецкие хроники, статейные списки русских послов, Смирнов показывает значение Кабарды в русской политике на Северном Кавказе и Закавказье. Для него успех политики России в этих краях во многом зависел от положения в Кабарде, что едва ли Россия смогла бы свободно проводить свою покровительственную политику в отношении закавказских народов, если бы утратила свои позиции на Центральном Кавказе из-за османско-крымских происков. Для нас же важен вывод Смирнова, что борьба за Кабарду в XVI–XVIII веках связана с историей всех народов Кавказа и от исхода этой борьбы во многом зависела политика России на Кавказе³⁸.

В этот же период появляется фундаментальное монографическое исследование А. А. Новосельского, посвященное взаимоотношениям России с Крымским ханством в первой половине XVII века³⁹. Поставленная в центре исследования проблема была тесно связана со сложным комплексом взаимоотношений с народами Причерноморья, Северного Кавказа и Поволжья. Работа Новосельского основана на изучении значительных по объему архивных источников, извлеченных из фондов Посольского приказа (дела Крымские, Турецкие, Ногайские, Кабардинские, отчасти Калмыцкие, Молдавские и др.) и Разрядного приказа. Особенную ценность для нас представляют материалы по Западной Черкесии из крымских посольских книг.

Историк дает детальную картину вторжений ногайских и крымских татар в пределы Московского государства, прослежены все изменения русской политики по отношению к татарам, связь этой политики с изменениями международной ситуации, развитие оборонительной деятельности Московского правительства на южных границах государства. Новосельский убедительно показывает, что политика Крымского ханства в отношении Московского государства руководствовалась упорным стремлением к сохранению давних, ставших уже архаичными, золотоордынских отношений к Руси.

Новосельский увидел в политике Крыма две тенденции: одну, связанную с выполнением вассальных обязательств перед Портой, другую, вытекавшую из стремления крымских феодалов противопоставить себя Турции, встать на путь самостоятельной политики и в отдельные моменты даже на путь борьбы с Османской империей. Эти положения прочно вошли в отечественную историографию и нашли своих последователей. Исследование А. А. Новосельского, ставшего значительным историографическим фактом отечественной науки, позволяет считать, что совместная борьба адыгов и России с Крымским ханством было явлением не только оправданным, но и исторически прогрессивным.

Вторая половина 50-х годов стала для отечественной медиевистики временем значительной активизации конкретных исследований и творческих исканий в области теории, что было связано с общим подъемом советской исторической науки после XX съезда КПСС. Объектом монографического исследования стала вся совокупность проблем русского феодализма, систематически расширялась источниковая база исследований, а это, в свою очередь, стимулировало постановку новых исследовательских тем и задач. Происходит пересмотр отдельных звеньев сложившейся в 30-х годах – первой половины 50-х годов общей концепции истории России эпохи феодализма⁴⁰.

Исследование поставленных в настоящей работе вопросов требовало учета результатов разносторонней работы отечественных историков по изучению Российского государства XVI–XVIII веков, его социальной основы, тенденций политического развития и внешней политики на Востоке. Неоценимую помощь автору оказали материалы, теоретические положения и выводы таких известных ученых, как М. Н. Тихомиров, К. В. Базилевич, В. В. Устюгов, Л. В. Черепнин, С. Б. Веселовский, А. А. Зимин, А. П. Пронштейн, Е. И. Дружинина, И. Б. Греков, Р. Г. Скрынников, Н. С. Княпина, Н. Ф. Демидова, М. Е. Бычкова, С. О. Шмидт, Л. А. Юзефович, С. П. Мордовина, Я. Е. Водарский, Н. М. Рогожин и др.⁴¹ Работы названных авторов группируются вокруг таких узловых вопросов, как образование и развитие Русского централизованного государства в форме сословно-представительной монархии; генезиса и развития российского абсолютизма, эпоха правления Ивана IV Грозного, складывание и развитие «государева двора», история государственного управления и служилого класса феодалов, восточная политика Российского государства. Одновременно они способствовали углублению опыта автора в изучении государственного архива России XVI века и анализа посольской документации, родословных книг, разрядных материалов.

Приметной особенностью советской историографии с 1950-х годов стало стремление оценить вклад в историю страны и в мировой исторический процесс, сделанный всеми народами СССР. Воссоздавая свое прошлое, историки различных республик исследуют исторические связи и политические контакты народов, прежде всего в годы борьбы за свою независимость. На развитие исторической

науки в эти годы оказала влияние дискуссия, начатая в 1951 году с письма М. В. Нечкиной в журнале «Вопросы истории», в которой был поднят ряд важных в теоретическом и конкретно-историческом плане вопросов⁴². Выступая против имевшей в 1930–1940-х годах оценки вхождения нерусских народностей в состав России как «наименьшего зла», Нечкина и другие участники дискуссии подчеркивали, что хотя национальная политика царизма была несомненным «злом», тем не менее пребывание в одном государстве с русским народом имело громадное положительное значение в истории русского и других народов. Оно объединяло их в борьбе против общих классовых врагов, расширяло культурные и экономические связи, ограждало нерусские народности от иноземных нашествий, прекращало феодальные распри. Таким образом, схематически динамика изучения характера присоединения и вхождения народов в состав России выглядит как линия развития от «абсолютного зла» к «наименьшему злу».

Большое количество исследований по истории адыгов XVI–XVIII веков было опубликовано в связи с подготовкой и проведением 400-летия присоединения Кабарды, Адыгеи и Черкесии к Русскому государству. В Кабардинском научно-исследовательском институте прошли специальные научные сессии, где был заслушан доклад Т. Х. Кумыкова «К вопросу о добровольном присоединении Кабарды к России» и обсуждалась рукопись С. К. Бушуева «История Кабарды с древнейших времен до конца XIX века». Основные положения названных исследователей в дальнейшем нашли свое развитие в специальных монографиях⁴³. В них раскрывалось содержание исторических связей с русским народом, показывалась необходимость сближения их с Русским государством, которое завершилось в 1557 году присоединением, носившем форму «оборонительного союза»⁴⁴. Бушуев полагал, что «Иван IV принял присягу кабардинских князей на верность политического союза с Русским централизованным государством»⁴⁵. Особое значение придавалось политическим, экономическим и культурным последствиям указанного исторического акта 1557 года.

Во второй половине 50-х годов выходят монографические исследования В. П. Невской, Е. П. Алексеевой, И. Х. Калмыкова, М. Г. Аутлева, Е. Зевакина, А. Хоретлова; статьи Х. М. Бербекова, А. В. Фадеева, В. Б. Вилинбахова и др., в которых проблема присоединения адыгов к России занимает центральное место⁴⁶. Результаты многолетней работы большой группы авторов нашли отражение в «Истории Кабарды с древнейших времен до наших дней» и «Очерках истории Адыгеи»⁴⁷.

В нашу задачу не входит детальный разбор перечисленных исследований. Характерные особенности, достижения и недостатки литературы, посвященной присоединению народов Северного Кавказа к России раскрыты в обстоятельных историографических публикациях известного кавказоведа М. М. Блиева⁴⁸, к которым мы отсылаем заинтересованного читателя.

Закономерности развития адыгской историографии привели к

тому, что в 50-х годах получает специальную постановку вопрос о роли Кабарды в присоединении Кавказа к России, чему посвящалась специальная глава в вышеназванной монографии С. К. Бушуева и проблема взаимоотношений Кабарды с другими народами Кавказа в XVII веке в публикации Е. О. Крикуновой и И. М. Павловой⁴⁹. Последние считали, что установление связей Кабарды с Россией, занявшей на Северном Кавказе прочные позиции, имело несомненное влияние на судьбы целого ряда народностей Кавказа. По их мнению, оно, с одной стороны, сыграло свою роль в сближении горских народов с русским народом, с другой – способствовало налаживанию добрососедских отношений между самими народностями Северного Кавказа. Е. О. Крикунова и И. М. Павлова ввели в научный оборот целый ряд документов, раскрывающих роль Кабарды во взаимоотношениях России с Грузией, Дагестаном, Ногайской ордой и Калмыцким ханством. В последующем традиция, заложенная этими учеными будет продолжена и выльется в монографии и статьи М. С. Тотоева, Г. Х. Мамбетова, Б. К. Мальбахова и К. Ф. Дзамихова⁵⁰.

Появление в 50–60-х годах обобщающих трудов по истории отдельных народов Северного Кавказа и значительного количества специальных работ определило характер дальнейших изысканий по проблемам русско-кавказских связей в XVI–XVIII веках⁵¹. С этого времени и даже чуть раньше появляется большая группа работ, исследующих русско-грузинские, русско-калмыцкие и русско-ногайские отношения XVI–XVIII веков⁵².

Приведенные выше работы стали существенным вкладом отечественных ученых в историческую науку, которые определили основные этапы русско-северокавказских, русско-грузинских, русско-калмыцких и русско-ногайских отношений, как объективного процесса, завершившегося присоединением указанных народов к России. В отличие от дореволюционной и современной им буржуазной и националистической историографии, рассматривавших присоединение как совокупность волевых актов завоевателей, названные авторы прослеживали определенную роль междоусобиц и внешнего фактора, вызывавшегося чужеземной агрессией; особое внимание уделялось тяготению народов к России в различные периоды истории, показывая во многих случаях добровольность сближения с Россией, а также прогрессивным последствиям этого в различных областях общественной жизни. Одновременно с классовых позиций ими критиковались попытки идеализации политики царизма и турецко-крымской экспансии на Северном Кавказе.

Вместе с тем считаем обязательным более подробно остановиться на фундаментальных исследованиях Е. Н. Кушевой, В. Г. Гаджиева и М. М. Блиева, которые, на наш взгляд, оказали большое влияние на отечественную историографию российско-кавказских отношений XVI–XVIII веков.

Монографическое исследование Е. Н. Кушевой «Народы Северного Кавказа и их связи с Россией»⁵³, в которое в перерабо-

танном виде вошли ее более ранние статьи⁵⁴, охватывает взаимоотношения народов Северного Кавказа с Россией с возникновения систематических связей до конца 30-х годов XVII века. Оно явилось и остается первым обобщающим исследованием, которое раскрыло цели и приемы политики русского правительства, определило значение связей кавказских народов с Россией как для северокавказского, так и закавказского регионов. История русско-кавказских отношений рассмотрена ею на широком международном фоне в связи с ожесточенной борьбой за овладение Кавказом между различными державами. Она убедительно доказала прямую и непосредственную связь между кавказской и восточной политикой Русского государства. Особенно важно, что Кушевой определяется место северокавказских и закавказских связей в международной жизни Российского государства. На многочисленных примерах она доказывает, что связи России с народами Северного Кавказа и, в первую очередь, адыгами, облегчили выполнение задач русской внешней политики на юго-востоке.

В работе В. Г. Гаджиева⁵⁵ прослежены предпосылки сближения народов Дагестана с Россией, показан процесс расширения и укрепления отношений в XVIII веке. Основной вывод заключается в том, что народы Дагестана, как и другие кавказцы, тяготели к России и не раз обращались к ней за помощью и поддержкой, и что «присоединение Дагестана к России, подготовленное всем ходом русско-дагестанских отношений, имело прогрессивное значение». В более поздних публикациях В. Г. Гаджиев развивает концепцию «затяжного» и поэтапного характера вхождения Дагестана в состав России: принятие русского подданства всеми дагестанскими владениями в 1614–1635 годах; дальнейшее углубление процесса в конце XVII – первой четверти XVIII века; окончательное вхождение в состав России в конце XVIII – начале XIX века⁵⁶.

В серии работ М. М. Блиева, посвященных русско-осетинским отношениям в XVIII – первых десятилетиях XIX века, монография «Русско-осетинские отношения (40-е годы XVIII – 30-е годы XIX в.)», на наш взгляд, является по существу, главной и как бы итоговой⁵⁷. Построенная на разнообразных архивных материалах центральных архивохранилищ и опубликованных источниках, она освещает широкий хронологический период. В ней даются предпосылки установления русско-осетинских отношений, излагается история первого осетинского посольства в Петербурге, добивавшегося включения Осетии в состав России; далее, русско-осетинские отношения показаны и в период русско-турецкой войны 1768–1774 годов и включение Осетии в состав России в 1774 году. Особое внимание уделяется вопросам политического сотрудничества Осетии и России. В ней отмечается, что «на протяжении рассматриваемого периода в политике царского правительства произошла определенная эволюция, в процессе которой менялись ее формы и методы»⁵⁷. Несомненной заслугой М. М. Блиева является показ дифференциации социальных интересов осетинского общества, которым в силу различных причин была выгодна российская ориентация.

Таким образом, советскими историками была проделана огромная работа по изучению взаимоотношений и складыванию российского многонационального государства в XVI–XVIII веках. Нельзя сказать, что в историографии по этому вопросу всегда достаточно точно, детально и определенно называлось время вхождения или присоединения отдельных народов или всегда адекватно употреблялись понятия «принятие подданства», «вхождение», «присоединение» к России и «полное вхождение» в ее состав. Часто наблюдалось упрощенное понимание проблемы, когда вхождение того или иного народа в состав России как бы сводилось к его начальному этапу – принесению первой присяги о подданстве.

Специфической особенностью развития истории исторической науки в контексте исследуемой нами темы явилось то, что с 1950-х годов на смену прежним взглядам пришла идея о прогрессивной роли присоединения народов к России. Широкий резонанс получила теория их «добровольного вхождения» в единое централизованное государство. В основе трансформации отмеченных точек зрения лежали политические и социальные причины. И, как известно, идея о позитивном характере присоединения и вхождения народов в состав России в значительной мере явилась закономерной реакцией на одностороннюю трактовку данной проблемы в первые годы становления советской исторической науки. Все это способствовало складыванию в советской исторической науке политизированной концепции сплошного «прогресса» и «добровольности» вхождения народов в состав России, которая не учитывала особенности конкретно-исторического развития народов Кавказа, Поволжья и Средней Азии. Подводя итоги рассмотренного этапа (1920–1970) отечественной историографии, можно сказать, что проблема присоединения изучалась и эволюционировала в контексте двух основных концептуальных построений: теории колониального завоевания и концепции мирного добровольного присоединения.

Отмеченные особенности развития отечественной историографии в полной мере отразились и на северокавказской. Достаточно остро складывалось в ней обсуждение проблем русско-вайнахских отношений и концепции вхождения Чечено-Ингушетии в состав России⁵⁹.

Отказываясь от устаревших догм, стереотипов и односторонних оценок, мы должны сохранить все ценное, что накоплено отечественной наукой. Непременное значение в исследовании, например адыго-русских отношений, сыграли многочисленные работы Г. А. Кокиева, Н. А. Смирнова, С. К. Бушуева, Е. Н. Кушевой, М. Н. Тихомирова, Т. Х. Кумыкова, Ч. Э. Карданова и других, где они рассматривали присоединение как длительный процесс, в котором тесно переплетались внутренние и внешнеполитические факторы; прогрессивное значение ориентации адыгов на Россию и т.д. Каким бы сложным и противоречивым не являлся путь, пройденный адыгской историографией, никогда тезис о добровольности не подвергался сомнению. Другой вопрос, что отдельные ав-

торы, идя от термина к явлению, а не наоборот, подменяли часто понятие «покровительство со стороны России» совершенно другим, как «территориальное присоединение или вхождение» в состав России с середины XVI века. Между тем, что касается концепции таких известных ученых, как Г. А. Кокиев, Н. А. Смирнов, Е. Н. Кушева, М. Н. Тихомиров относительно сути отношений Кабарды с Россией, рассматриваемых как длительный процесс со всеми его стадиями, идущего от политического акта 1557 года, их точки зрения могут быть суммированы как сочетание элементов «подданства» и союза при сохранении кабардинским обществом самостоятельности во внутренних делах.

Несмотря на противоречия отечественной историографии в исследовании российско-кавказских отношений и процесса присоединения, была проделана работа по выявлению и внедрению в научный оборот разнообразных документальных источников, созданию обобщающих и специальных работ. Эти моменты были обстоятельно вскрыты в историографической работе М. М. Блиева «К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России», в которой еще в 1970 году была дана сущностная оценка процесса российско-северокавказских отношений в исторической науке. На наш взгляд, она оказала позитивное влияние на дальнейший ход кавказоведческих исследований, потому что для автора важно не определение времени присоединения к России само по себе, а это концепции, связанные с различным подходом и различным пониманием истории присоединения северокавказских народов к России. Он предложил различать два этапа подданства России: 1) установление русско-северокавказских отношений и добровольное вхождение народов Кавказа в состав России; 2) утверждение на Кавказе царского военно-административного аппарата, сопровождавшегося ростом крепостной зависимости и освободительной борьбы горцев. М. М. Блиевым были вскрыты многие противоречия, имеющиеся в оценке присоединения в многообразной исторической литературе – от обобщающих трудов до монографий и статей, посвященных северокавказским народам. Заслугой Блиева явились намеченные им в методологическом плане задачи дальнейшего изучения проблемы и прежде всего целесообразность концептуального осмысления комплекса вопросов на этническом и региональном уровнях: создание периодизации взаимоотношения в широких хронологических рамках; важность учета внешнеполитического фактора и т.д. В конечном итоге, огромная исследовательская работа позволила М. М. Блиеву в монографии 1984 года издания (в соавторстве) прийти к выводу, что «...политика Турции, Ирана, Крымского ханства... экспансионистские устремления этих стран временами ставившие отдельные народы Северного Кавказа на грань катастрофы, в конечном счете вели к формированию тесного военно-политического союза этих народов с Россией»⁶⁰.

К концу 70-х годов все еще сохранялись основные концептуальные положения, выработанные в предшествующий период, о

чем свидетельствует работа всероссийской научно-практической конференции «Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 50-е годы XX в.)»⁶¹, проходившая в г. Грозном в 1979 году.

В отличие от нее, работа всесоюзных конференций конца 80-х годов: 1) «Национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность» – круглый стол редакции журнала «Вопросы истории». 20–23 февраля 1989 г.⁶²; 2) «Российское многонациональное государство: формирование и пути исторического развития» – Совещание, организованное институтом истории СССР АН СССР. Звенигород. 20–24 ноября 1989 г.⁶³ свидетельствовала, что: а) резко усилился общественно-политический резонанс выступлений профессиональных историков, б) внутри научного сообщества наметилась явная идеологическая и политическая дифференциация, в) происходит масштабная переоценка фактов, явлений и процессов нашего исторического прошлого.

Для автора особую важность представляют выступления В. П. Крикунова и А. П. Новосельцева в редакции журнала «Вопросы истории». Они акцентировали внимание, что ряд отступлений от исторической правды в прошлом диктовался историкам сверху, местными или центральными властями. Такое положение вызвало всплеск в организации торжественных всенародных юбилеев, обычно вне зависимости от реальной истории, и проходивших под вывеской «сплошной добровольности». Названные историки говорили о необходимости разработки четкой системы характеристик и выработки типологии в вопросе формирования Русского государства как многонационального⁶⁴.

Конференция в Звенигороде собрала много видных историков России, союзных и автономных республик бывшего СССР. В докладах С. Г. Агаджанова, В. Л. Егорова, А. Н. Сахарова, А. А. Преображенского, Р. Г. Кузеева говорилось о методологии и методике дальнейшего изучения основных проблем истории образования и развития многонационального Российского государства, в том числе: об отказе от однотипной интерпретации исторически сложных неоднозначных актов добровольного присоединения; необходимости выработки историко-типологических моделей складывания Российского многонационального государства; были обозначены, но в достаточно условном смысле и три основных типа: мирный, военный и колониационный и т.д.⁶⁵ Важно, что в выступлениях многих участников конференции было подчеркнуто, что имеются все основания поставить вопрос о добровольности как историческом явлении, имевшем в прошлом различное объективное содержание. Эти моменты были раскрыты на конкретно-историческом материале Р. Г. Кузеевым (русско-башкирские отношения), М. М. Блиевым (русско-осетинские отношения), В. Г. Сарбей и Г. А. Саниным (русско-украинские отношения), Ж. А. Ананьян (русско-армянские отношения), М. Аннанепесовым (русско-туркменские отношения), Р. Г. Маршаевым (русско-северокавказские отношения), В. Б. Виноградовым и С. Л. Дударевым (русско-

вайнахские отношения), К. Ф. Дзамиховым (русско-кабардинские отношения) и т.д.⁶⁶

В 80–90-х годах увидели свет монографические исследования большой группы ученых, определивших место и роль Северного Кавказа в системе отношений между Россией, Турцией и Персией (Н. А. Сотавов, И. И. Якубова, В. А. Артамонов, Г. А. Санин, Я. З. Ахмадов, А. М. Некрасов, С. Ф. Орешкова, Н. Ю. Ульченко)⁶⁷; традиционные взаимоотношения народов Северного Кавказа (В. Д. Дзидзоев, Ф. Х. Гутнов, Б. К. Мальбахов, К. Ф. Дзамихов, Р. Х. Гугов и др.)⁶⁸.

В постсоветский период Г. Х. Мамбетов, Б. К. Мальбахов и К. Ф. Дзамихов в своих исследованиях, используя достижения отечественной науки, разрабатывают концепцию военно-политического союза Кабарды с Россией (середина XVI – 70-е годы XVIII века)⁶⁹.

Последний сформулировал методологические принципы подхода к этой проблематике. Прежде всего, речь идет о необходимости избегать прямого и буквального толкования смысла тех или иных актов, оформлявших русско-кабардинские отношения в XVI – первой половине XVIII века в современных политико-правовых терминах, что ведет к неоправданной «модернизации» характера этих актов. Если же идти от конкретно-исторических явлений и искать адекватные им понятия, то оказывается, что и «смысл», значение актов того периода для обеих сторон и реальная практика русско-кабардинских отношений больше соответствует понятию военно-политического союза, который имел в основе договор о покровительстве 1557 года и фиксировавшегося в характерных для той эпохи формах (и формулах) феодального вассалитета⁷⁰.

Источниковая база

Источниковедческая база данной работы основана на широком круге материалов, среди которых значительная часть – это русские источники XVI–XVIII веков. Прежде всего, они раскрывают политические связи правящих слоев России с феодальной знатью адыгов, других кавказских народов и правящей верхушкой кочевых народов Степного Предкавказья. Учитывая многочисленность и разнообразие русских письменных источников по нашей теме, мы ограничимся обзором наиболее значимых комплексов из использованных нами. Их можно условно разбить на две группы: 1) дипломатическая документация Посольского приказа и Коллегии иностранных дел (царские грамоты, статейные списки, списки с грамот иностранных государей, расспросные речи и т.д.), комплекс материалов по вопросам военной и административной организации господствующей аристократии (разрядные книги, боярские книги и списки, родословные книги и росписи); 2) нарративные источники (русские летописи XVI–XVII веков, средневековые османские и крымские хроники, записки иностранных авторов о народах Северного Кавказа и Степного Предкавказья, а также опубли-

ликованные и рукописи неопубликованных исторических работ. Последние, благодаря обилию содержащихся в них разнообразных материалов, одновременно сами выступают как ценнейшие источники.

Документальные источники о политических связях адыгов с Россией, другими кавказскими и поволжскими народами, начали откладываться с середины XVI по XVII века в Посольском приказе, позже в XVIII веке – в Коллегии иностранных дел Российского государства. Большинство из них дошли до нас в составе различных фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ).

Из материалов РГАДА мы привлекали фонды «Кабардинские, черкесские и другие дела» (ф. 115), дела за 1588 по 1719 гг. (остальная часть, начиная с 1720 года, передана, как и все другие кавказские дела, в АВПРИ); «Кумыцкие и тарковские дела» (ф. 121); «Грузинские дела» (110) с 1586 по 1700 гг.; «Донские дела» (111), с 1623 по 1770 гг.; «Калмыцкие дела» (119) с 1673 по 1683 гг.; «Кабинет Петра I» (9); «Секретная экспедиция Сената» (259)

Политическая история адыгов в контексте международных отношений XVI–XVIII веков хорошо отражается в следующих фондах: «Сношения России с Турцией» (89), дела за 1496 по 1719 гг.; «Сношения России с Ногайской ордой» (127), с 1489 по 1659 гг.; «Сношения России с Крымом» (123), с 1474 по 1718 гг.; «Сношения России с Персией» (77), с 1588 по 1700 гг.

Как было отмечено выше, АВПРИ располагает документацией, связанной со взаимоотношениями России со странами Востока и Кавказа. Это фонды: «Кабардинские дела» (115), «Осетинские дела» (128), «Кизлярские и Моздокские дела» (118), «Кумыцкие и тарковские дела» (ф. 121), «Сношения России с Турцией» (89), «Сношения России с Крымом» (123).

В отмеченных фондах содержится богатейший архивный материал, дающий возможность исследовать кавказскую политику России и раскрыть ее роль в международных отношениях, которые складывались вокруг Кавказа.

Фонд «Военно-ученого Архива» Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) дает нам возможность значительно дополнить наши знания по внутриполитической и внешнеполитической обстановке в Кабарде, Дагестане и других северокавказских народов 1711–1720 годов.

Ценные источники извлечены нами из архива Петербургского отделения Института истории (бывший ЛОИИ). Здесь находится документация астраханской приказной палаты (178). Она представляет чрезвычайный интерес для изучения северокавказского региона, так как именно через Астрахань проходила в конце XVI–XVII веках вся переписка царского двора с Терским городом и феодальными правителями Северного Кавказа. Фонд астраханской приказной палаты включает часть архива Терской воеводской избы, который сам погиб по причине многочисленных наводнений и пожаров. Но и дошедшие до нас дела Терского города

содержат богатейший материал по внутренней истории кавказского края и политике русского правительства. Например, здесь переписка астраханских и терских воевод о связях с Кабардой; отписки терских воевод о просьбе кабардинских князей в помощи против «недругов»; о посылке на Терек жалования и военных действий под Терским городом в 1651, 1672, 1689 гг. и др.

Среди региональных архивов важное значение по исследуемой теме занимает архив Кизлярского коменданта, сосредоточенный в Центральном государственном архиве Республики Дагестан в г. Махачкале. Среди хранящихся здесь документов 30–80-х годов XVIII века (на русском, кавказских и иностранных языках) особую ценность представляют материалы местного происхождения. Часть из них, которые в большей степени имеют отношение к Дагестану, написаны по-арабски, другая – на литературном языке «тюрки», который употреблялся в тот период в качестве регионального языка обыденной и деловой переписки на Северо-Восточном и Центральном Кавказе. Причем в феодальных владениях с нетюркским населением (Кабарда, Чечня) при составлении документов местная социальная терминология заменялась тюркскими эквивалентами.

Систематические взаимоотношения адыгов с Россией начались с 50-х годов XVI века, когда их посольства приняли присяги о подданстве. Официальные документы об этих событиях не сохранились. Но вся документация была тогда использована при составлении при царском дворе официальной летописи, выдержки из которой сохранились. Известно, что с конца XV века Посольский приказ имел отношение к русскому летописанию. Определенные представления о них дают и описи «Царского архива» и архива Посольского приказа 1614⁷¹. Всего в «Описи» значатся 233 пронумерованных «ящика», «ящичка» и «ларчика». Судя по всему, русское правительство активно использовало архив для решения внутригосударственных и внешнеполитических вопросов.

Уникальная работа, проведенная А. А. Зиминым по реконструкции отдельных пластов документальных материалов, из которых складывался государственный архив XVI века, позволяет считать, что адыго-русские отношения с известных посольств 1552, 1555, 1557 годов оформлялись соответствующими дипломатическими документами. А. А. Зимин, используя разработанные А. А. Шахматовым методические приемы текстологии в изучении русского летописного материала, дал обширные комментарии содержания всех «ящиков» архивной описи⁷².

В описи царского архива, дошедшей до нас в дефектном виде, имеются отметки о содержавшихся в ящиках 183, 201, 211, 226 следующих дел: «... посылки о сватовстве в Литву, и в Свейскую землю, и в черкасы..., черкасских князей приезды и Домануко; ... посылки черкасские ко князю Темрюку, и книги, писаны в тетради от лета 7070-го до лета 7072-го»⁷³. Например, восстанавливая посольские дела из ящика 211, где говорится «... и грамоты Крымшевкаловы и Темгрюковы; и приезд Темгрюкова сына Солтану-

ка», А. А. Зимин доказывает, что в целом ящик сформирован около 1557–1558 гг., хотя, может быть, содержал и некоторые более ранние материалы (1555). Позднее интерес к нему возрос после брака Ивана IV с Марией Темрюковной (1561), чем и объясняется перемещение его в группу ящиков 60-х годов XVI века⁷⁴.

Уже опись Посольского приказа 1614 года содержит указания лишь на обрывки приведенных дел царского архива XVI века. Последние восстанавливаются лишь частично летописными материалами.

Как показывают документы фонда «Кабардинские, черкесские и другие дела», поток документации, затрагивающий Кабарду, в целом северокавказский регион, шел, в основном, в двух направлениях и параллельно по двум каналам. Из Москвы от имени царя или Посольского приказа документы направлялись кабардинским владельцам, а также астраханским и терским воеводам. Это были жалованные грамоты, указы. Обратная документация шла в Москву из Кабарды, Астрахани и Терского города. Она состояла из челобитных кабардинской знати, отписок и докладов русских воевод⁷⁵. В этом комплексе материалов затрагивается разнообразный круг вопросов: о поездках кабардинских владельцев в Астрахань; о выдаче им жалования; о борьбе различных княжеских группировок в Кабарде и участии в них терских и астраханских служилых людей; о приведении к присяге на подданство России (шертовании) различных князей и организации контроля за выполнением шерстных обязательств; об отправлении кабардинских отрядов для участия в военных действиях против Швеции и Крымского ханства; о позиции кабардинской правящей верхушки во взаимоотношениях Русского государства с Турцией, Крымом, народами Северного Кавказа и Грузией, Ногайской ордой и Калмыцким ханством. В многочисленных «памятках» различных приказов имеются известия по определению жалования кабардинским князьям и мурзам; об освобождении отдельных из них от таможенных пошлин; давалась оценка лошадям, доставляемым из Кабарды.

В русской дипломатической документации XVI–XVII века важное место занимают статейные списки различных посольств, которые характеризуют внешнюю политику Московского государства, укреплявшего постепенно свои позиции на Кавказе и стремившегося нейтрализовать и не допускать в этом районе влияния Персии, Турции и ее вассала Крымского ханства. Как правило, посольства перед выездом снабжались «наказами», своеобразным вопросником, включавшим обширный перечень (о географическом положении страны, сведения о населении, городах, укрепленных местах, хозяйстве, торговле, военной силе, обычаях и т.д.). Но главными были вопросы внешнеполитических связей и ориентации. На примере статейных списков И. П. Новосельцева (1570) и А. Ф. Жирового-Засекина (1600–1601) видно, как русские послы, отвергая притязания турок и персов, аргументированно доказывают, что Кабарда является подданной Русского государства⁷⁶. В статейных списках Ф. Е. Елчина (1639–1640), Н. М. Толочанова

и А. Иевлева (1650–1652) дается картина взаимоотношений и династических связей грузинского царского дома и кабардинских великокняжеских домов; вассально-подданические связи дигорского общества и кабардинских князей; структура кабардинских удельных княжеств XVII века; данные о хозяйстве и торговых связях и т.д.⁷⁷.

Большой интерес в изучении Кабарды и кабардино-русских отношений XVI–XVIII веков представляют такие акты: грамоты, как шерстные и жалованные грамоты. Шерстные грамоты содержали присягу «шерть» кабардинских владельцев в верности России. Эта группа документов является серьезным внешнеполитическим материалом, раскрывающим политико-правовой характер договаривающихся сторон и предполагающий их суверенность⁷⁸. Большая группа шерстных соглашений кабардинских владетелей с Российским государством имеет общие внешние документально-юридические признаки в происхождении как результат сделки контрагентов, в содержании – как определение взаимных условий и по форме – как комбинации устойчивых статей и формул.

Наряду с шерстными записями (грамотами) политико-правовые взаимоотношения сторон оформлялись дачей русскими государями верховным кабардинским князьям и всей кабардинской земле «царских жаловальных з золотой печатью» грамот, из которых самой ранней из дошедших до нас является грамота 1588 года⁷⁹. Они были по своему виду договорными и близкими к княжеским «докончальным» и повторяли основные положения шерстных присяг. Содержание договорных грамот кабардинским князьям было в традиционной форме. Сам тип этих грамот свидетельствует о союзническом характере установившихся отношений между Русским государством и Кабардой. Одновременно клаузулы грамот подчеркивают их своеобразие в вассально-подданическом плане: «...кто нам будет недруг, то бы и вам был недруг».

В договорных грамотах кабардинским князьям устанавливались и их обязанности по отношению к Русскому государству в военном плане.

Помимо договорных, кабардинским князьям, служившим в Терском городе, выдавались жалованные грамоты типа льготно-несудимых. Так, в 1615 году Сунчалей Янглычевич был пожалован князем «над окочаны и черкасы», «с правом судить и в ратном строении и во всяких делах их ведать»⁸⁰. Грамоты, предоставлявшие такие права, получили в свое время Шолох Сунчалеевич и Касбулат Муцалович⁸¹. Эти грамоты позволяют думать, что окоцкое и черкесское население Терского города пользовалось экстерриториальностью и не подчинялось терскому воеводе. Е. Н. Кушева считала, что такие жалованные грамоты создавали в Терском городе рядом с русским воеводой и подчиненными ему ратными людьми особое вассальное Черкесское княжество⁸².

Параллельно с жалованными грамотами кабардинским князьям царская власть направляла грамоты астраханским и терским воеводам. В них сообщались воеводам фамилии жалованных ка-

бардинских князей, давались инструкции по отношению к ним, определялся порядок выдачи жалования, содержались указы по организации совместных походов и т.д. При сопоставлении сведений, содержащихся в грамотах этих двух групп, видно, что они совпадали. Это свидетельствует о том, что тексты грамот достоверны и отражали реальные события. Жалованные грамоты кабардинским князьям составлялись в Посольском приказе в двух списках. За редким исключением (в случае, если грамота оставалась невысланной) подлинники не сохранились. На жалованных грамотах кабардинским князьям, в отличие от указных, употреблялась всегда красная печать (это стало традиционным для данной группы документов), что подчеркивалось в конце текста: «У той грамоты привешена на шелковом шнуру из красного воску печать».

Со стороны кабардинских князей огромное количество грамот поступало в Посольский приказ и Коллегию иностранных дел. В них князья просили защиты от внешних и внутренних врагов, оказания военной и материальной помощи, просьбы об отпуске в Москву к государю, сообщения о планах и действиях недругов государства (хана, шевкала) и т.д.³⁸³.

Таким образом, мы видим, что взаимоотношения Кабарды с Россией оформлялись важнейшими публично-правовыми актами, т.е. документами правительственного происхождения, которые выражали взаимоотношения верховной российской власти и Кабардинского феодального княжества.

Многое из комплекса дипломатической документации Посольского приказа и Коллегии иностранных дел по взаимоотношениям России с Крымским ханством, Османским государством, Ногайской Ордой, Польско-Литовским государством, Грузией, народами Северного Кавказа и донскими казаками благодаря Н. И. Новикову, А. Ф. Малиновскому, Г. Ф. Карпову, Г. Ф. Штендману, Ф. Лашкову, Н. И. Веселовскому, А. А. Лишину, Н. Н. Бантыш-Каменскому, С. Н. Кологривову, М. Оболенскому, И. Даниловичу, П. Г. Буткову, С. А. Белокурову, А. А. Цагарели, М. И. Броссе, М. Г. Джанашвили опубликовано на протяжении XVIII – начала XX веков⁸⁴.

Часть «кабардинских» и «грузинских» дел, не вошедшая в публикации С. А. Белокурова, хранится в его личном фонде в РГАДА (184) и Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (23). Разнообразный документальный материал XVIII – начала XIX века, собранный П. Г. Бутковым, отложился в Петербургском отделении архива АН России в фонде 99 (Копии с неизданных бумаг рукописного собрания П. Г. Буткова, касающиеся Кавказа) и в Военно-ученом архиве РГВИА («Опыт истории о черкесах и в особенностях о кабардинских» и др.)

Комплекс материалов по вопросам военной и административной организации господствующей аристократии сосредотачивался с середины XVI по XVIII век в Разрядном приказе, который являлся центральным военным учреждением государства. Эта группа до-

кументов в большей степени отражает общественно-политическую деятельность представителей различных ветвей кабардинских и западноадыгских Черкасских, служивших в Москве и Терском городе.

В Разрядных книгах, многие из которых были опубликованы⁸⁵, содержится огромное количество сведений о военном деле в России, вооружении армии и ее руководстве, войсковой иерархии и порядке несения службы согласно местнической системе. В разрядных книгах типа «Дворцовые разряды» отображена будничная жизнь царского двора, официальные дипломатические приемы, именные списки бояр, окольничих, думных дворян, стольников и других придворных чинов, а также указывались их поместные и денежные оклады и передвижения по службе⁸⁶.

Обнаруженные нами в «Дворцовых разрядах» многочисленные «местнические дела» свидетельствуют, что «сословная честь» Черкасских была достаточно высокой в иерархической структуре российского феодального общества⁸⁷. Необходимо отметить, что уже с таких известных источников, как Дворцовая тетрадь 1550-х годов и Список чинов 1588–1589 гг., дающих наиболее полную картину состава служилых князей Московского государства, проходит деятельность Черкасских как составной части русской аристократии⁸⁸.

Из документов Разрядного приказа наибольшую ценность имеют родословные книги, которые несли интересную информацию о политической жизни различных адыгских княжеств. Возникновение родословных росписей князей Черкасских в России было скорее всего связано с необходимостью определения их положения наряду с другими служилыми фамилиями, а также местническими вопросами. Родословные «выезжих» адыгских князей начали составляться с начала XVII века⁸⁹. Они показывают как адыгские князья со второй половины XVI века в ранге служилых влились в состав правящего класса Московского государства, и многие из них заметно проявили себя на политическом и военном поприще. Достаточно назвать, например, таких деятелей, как Михаил Темрюкович, Борис Камбулатович, Василий Карданукович, Дмитрий Мамстрюкович, Яков Куденетович, Михаил Алегукович, Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский, Александр Бекович-Черкасский и др. Самыми известными и наиболее полными являются родословные росписи кабардинских князей, которые содержатся в родословных книгах А. М. Пушкина и А. Б. Лобанова-Ростовского⁹⁰. В них повествуется о внутреннем положении Кабарды конца XVI–XVII века, характеризуются сословные взаимоотношения кабардинской знати, размеры их населенных пунктов (кабаков) и количество подвластного населения. Родословные позволяют считать, что зачастую в XVI–XVII веках кровопролитные междоусобные войны в среде кабардинской феодальной знати происходили именно из-за земельных владений. Родословные росписи дают возможность полнее восстановить историю политических взаимоотношений адыгов с соседними народами — осетинами, вайнахами, дагестанцами,

ногаями и калмыками, а также с такими государствами, как Россия и Крымское ханство.

Впервые в данном исследовании широко используются: 1) подробные росписи потомков Черкасских, содержащиеся в редакции родословной книги в 81-ю главу, в списке П. П. Вяземского⁹¹, 2) родословные росписи рода Ахамашуковых, Егуповых и Чумаховых Черкасских из разрядного приказа РГАДА⁹², 3) дело «По прошению владельца М. Кабарды майора князя Бековича Черкасского» из фонда «Кавказское областное дворянское депутатское собрание» Ставропольского архива⁹³.

Дошедшие до нас родословные росписи являются как бы остовом, по которому в сочетании с этногенетическими преданиями восстанавливается генеалогия адыгских княжеских родов. Используемые в работе родословные материалы позволили изучить во взаимосвязи вопросы генеалогии адыгских княжеских семей со службой многих из них в России. Они содержат массу сведений о службе, родстве, участии представителей различных ветвей Черкасских в политической жизни русского общества.

К указанной группе материалов близко примыкают документы частной переписки, адресованные Черкасским, которые служили в Москве. Часть их свидетельствует о том, что князья Черкасские, занимая видное место в среде русской высшей феодальной знати, своим положением и связями оказывали влияние на ход северокавказских событий. В качестве примера можно сослаться на письма княгини Тауки Салтанбековны из Терского города, адресованные сыну Михаилу Алегуковичу Черкасскому, или письмо тарковского шамхала Сурхая князю и воеводе Григорию Сунчалеевичу Черкасскому⁹⁴. Другая часть писем адресована российскими государями Михаилу Алегуковичу, Александру Бековичу и Алексею Михайловичу Черкасским и касается проблем внутренней и внешней политики страны в конце XVII – первой половине XVIII века⁹⁵.

Общественно-политическая деятельность Черкасских в России нашла широкое отражение в документах Центрального государственного исторического архива Петербурга (ф. 1088 Шереметевы), Архиве АН России (ф. 94 А.М. Шегрен), РГАДА (ф. 1293 Русское генеалогическое общество; ф. 197 А. Ф. Малиновский), Петербургском отделении института истории (ф. 141) и многочисленных фондах Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ф. 68, 229, 253, 445, 450).

Большим подспорьем для нашей работы явились обобщающие справочные издания П. В. Долгорукова, А. Б. Лобанова-Ростовского, В. В. Руммеля и В. В. Голубцова⁹⁶, специальные исследования по генеалогии Л. М. Савелова, П. Н. Петрова, А. Барсукова, А. Бобринского и другие⁹⁷. Значительную помощь оказали автору материалы Разрядного приказа, опубликованные в новейший период К. В. Базилевичем, В. И. Богдановым, Я. Е. Водарским, С. П. Мордовиной, Г. Н. Анпиловым и др.⁹⁸. Нами широко использован «Русский биографический словарь», где в соответствующем томе история Черкасских дается по персоналиям на широ-

ком историко-политическом фоне России, причем последовательно даются жизнеописания и выясняется роль многих представителей рода в жизни Российского государства⁹⁹.

Помимо названных дореволюционных публикаций документов, многие из использованных нами актовых источников вошли в такие известные издания, как «Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею», «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», «Акты XVI–XVIII вв., извлеченные А. Н. Зерцаловым», «Акты Московского государства, изданные императорскою Академией наук», «Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606–1610 гг.)». Правительственные законодательные акты, касающиеся политики России на Северном Кавказе, опубликованы в «Полном собрании законов Российской империи»; в сборниках «Договоры России с Востоком» (состав. Т. Н. Юзефович); «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел»¹⁰⁰. Из приведенной группы публикаций документов особое место занимают «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», изданные в 1866–1914 гг. в 12 томах. В нее вошли официальные документы архива Главного управления наместника Кавказского, которые хронологически охватывают период с 1762-го по 1862 год.

Характеристику нарративных источников по теме данной книги начнем с русских летописных материалов XVI–XVII века. Летописи второй половины XVI века фиксируют важнейшие события в политической жизни адыгов. Основным источником при восстановлении событий, связанных с посольствами 1552–1557 годов от западных адыгов и кабардинцев, в результате которых был оформлен военно-политический союз с Русским государством, является летописный материал¹⁰¹. Как отмечалось уже выше, дела Посольского приказа о «черкесских князях приездах» не сохранились. Еще до установления адыгами тесных политических контактов с Москвою в XVI веке Львовская летопись сообщала о нападении кабардинцев на Астрахань в 1532 году и возведении ими на астраханский престол царевича Аккубека. Данное летописное известие хорошо сопоставляется с памятниками устной традиции кабардинцев, в частности, с циклом сказаний и историко-героических песен о легендарном витязе Андемиркане.

Наиболее полно указанные события и дальнейшее развитие русско-адыгских, в особенности русско-кабардинских, связей нашли отражение в Львовской, Лебедевской и Александро-Невской летописях. Львовская летопись содержала отдельные известия о приезде адыгских посольств в 50-е годы XVI века. Лебедевская летопись излагала интересующие нас события с момента приезда первого адыгского посольства в 1552 году по сентябрь 1562 г. Александро-Невская летопись под 1552 г. сообщала о посольстве адыгов в Москве и прерывалась. В продолжении к ней известия о черкесах начинались от мая 1563 года и доходили до февраля 1567 года. В летописях содержался разнообразный материал, характеризующий русско-адыгские отношения во второй половине

XVI века: выезды адыгских князей и их служба при дворе Ивана Грозного; просьбы адыгов и попытки русского правительства по обращению их в христианство в начале 60-х годов XVI века; вооруженная помощь со стороны Московского государства союзным кабардинским князьям в борьбе с внутренними и внешними врагами; участие адыгских конных формирований в составе русских войск в военных действиях против Крымского ханства и Швеции и т. д. Примечательно, что летописи зафиксировали и характер подчинения кабардинских и западноадыгских князей царской власти. Львовская летопись указывает, что царь «черкасским князьям в свои земли учинил отъезд и приезд добровольно»¹⁰². Такое сообщение имеется и в Лебедевской летописи: «...а в свои земли учинил отъезд и приезд добровольно»¹⁰³. Эти князья, насколько мы можем судить, выступали в роли служилых и сохраняли за собой все свои владения в Кабарде.

Летописные известия часто имели налет определенной тенденциозности и неточности. К сожалению, в них не содержалось никакой информации о внутреннем положении Кабарды в социально-экономическом плане. Ничего в них не говорится о кабардинском трудовом населении. Они сообщали сведения только о кабардинской правящей верхушке.

Характеристика в летописях Темрюка Идарова как «большого князя» говорит о том, что институт «пшиуали» (верховный правитель. — К. Д.), известный в более поздних источниках, существовал в полной силе уже в Кабарде XVI века. За это место происходили ожесточенные столкновения между различными княжескими группировками.

Летописный материал показывает, что в Кабарде второй половины XVI века шла ожесточенная борьба в среде правящей знати, из которой часть принадлежала к группе, придерживавшейся русской, а другая — турецко-крымской ориентации. Группировка во главе со старшим князем Темрюком Идаровым после принятия русского подданства в 1557 году получила существенную поддержку в лице Московского государства. После женитьбы на Марии Темрюковне Ивана Грозного, летопись сообщает, что «которые черкасские князи Темгрюку князю были непослушны, и те, слыша царское жалование к Темгрюку князю, что царь и великий князь Темгрюка князя пожаловал, дочь его взял за себя, и они Темгрюку князю учали быти послушны и во всем учинилися в Темгрюкове княжой воле»¹⁰⁴.

За 1558–1567 гг., как свидетельствуют летописи, в ответ на посольство Темрюка в Москву у него около шести раз бывали русские послы и около четырех раз ему была оказана военная помощь¹⁰⁵. В Кабарду посылались крупные военные силы. В сентябре 1565 года, по сообщению Никоновской летописи, Иван Грозный в Кабарду «полям послал воеводу своего князя Ивана княже Дмитриева сына Дашкова, а с ним детей боярских Мурамцова да Мещерян, да Ивана Фестова с казаки с Михайлова города да з Разского и з Шацкого и со всеми казаки Рязанские уkraine; а

Мамстрюка князя отпустил царь и великий князь в судех...»¹⁰⁶. Эти сведения хорошо сопоставляются с сообщениями разрядных книг, в частности, 1475–1605 гг.¹⁰⁷.

Летописные известия о междоусобных войнах кабардинской знати и участие в них русских войск говорят о попытках князя Темрюка Идарова и его сторонников политически консолидировать Кабарду в 50–60-х годах XVI столетия, опираясь на помощь Московского государства.

В 60-е годы XVI века Степенная книга заимствовала отдельные известия о Кабарде и русско-кабардинских отношениях из Никоновской летописи. Но, в отличие от последней, Степенная книга не дает их подробного обзора, а приводит лишь краткие сообщения об отдельных событиях.

Сведения, приводимые летописями конца XVI – первой половины XVII века, показывают, что в этот период русско-кабардинские связи расширились и крепки. Кабардинцы поддерживали тесные связи с Терским городом. Новый летописец, говоря об очередном кабардинском посольстве в Москву в 1594 году, сообщает, что «...велел их государь оберегати ото всех орд Терским людям»¹⁰⁸. В летописях этого периода высоко оценивается роль Сунчалая Янглычевича, Каспулата Муцаловича и других кабардинских князей, которые занимались активной посреднической деятельностью между народами Северного Кавказа и Москвой. Почти во всех летописях второй половины XVI – первой половины XVII века содержатся многочисленные сведения о службе различных Черкасских на военном и гражданском поприще Российского государства.

Знатнейшие государственные мужи, как «первые в думе и совете» бояре, князья Черкасские в конце XVII века при своем дворе вели собственное летописание¹⁰⁹.

Русский летописец князей Черкасских излагал выдающиеся события русской истории от Славен и Руса, от возведения великого города Славенска до бурных событий 1680-х годов. Его основная часть (до 1630-х гг.) была умело скомпонована из сведений «Синописа», Хронографа Русского редакции 1617 года и Нового летописца. В центре внимания составителей летописи была история возникновения, трудной борьбы за существование, расширения и возвышения Русского государства. Подчеркиваются государственные заслуги князей Черкасских, особенно в войне с Речью Посполитой и Швецией, в Чигиринских походах. Как видно из летописи, князей Черкасских прежде всего интересуют государственные проблемы, среди которых особый интерес представляет описание крупных народных восстаний 1648 и 1682 годов. Авторы летописи подчеркивают близость своих патронов – князей Черкасских царствующей династии.

Важным моментом в процессе накопления исторических сведений о Кабарде в России XVI–XVII века являлось то, что, наряду с официальной русской историографией, которая отражала интересы господствующего класса, интересующая нас информация находила отражение и в русской народной исторической тради-

ции. Такое важнейшее политическое событие, как сближение Кабарды с Русским государством, и установившиеся тесные связи между ними проходят в цикле исторических песен о Мамстрюке Темрюковиче¹¹⁰ и в таких памятниках русской агиографической литературы, как «Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне»¹¹¹ и «Повесть о свершении большия церкви Никитского монастыря. 1564»¹¹² и др.

С начала XVII века, когда отношения подданства кабардинцев Русскому государству стали достаточно прочными, правительство подробнее начинает интересоваться географическим положением и ресурсами Кабарды. Эта заинтересованность была обусловлена продолжавшейся борьбой Московского государства с Турцией и Персией за торговые пути, проходившие через Кавказ на Восток. Одна из имевшихся сухопутных дорог из Москвы в Закавказье проходила через Кабарду, поэтому имела необходимость в информации о точном географическом расположении Кабарды и ее населения. Такая информация собиралась и учитывалась. Составленная в 1627 году «Книга Большому Чертежу» содержала подробное географическое описание Кабарды¹¹³. Накапливавшиеся сведения о наличии полезных ископаемых позволили уже со второй четверти XVII века Московскому государству начать экономическое освоение Кабарды. Сюда были посланы специалисты для исследования обнаруженных здесь залежей серебряной и медной руды¹¹⁴.

Быстрое накопление исторических сведений и знаний о Кабарде в XVIII веке было связано также с общим развитием науки в России, организацией здесь Академии наук. Академия наук предпринимала крупные научные экспедиции с целью изучения производительных сил страны. В их ходе делались различные физико-географические описания, собирался материал по истории, этнографии, лингвистике различных народов, изучалось состояние земледелия, скотоводства, различных промыслов и торговли. В этом плане большое значение для изучения кавказских народов имели академические экспедиции 1768–1775 и 1793–1794 годов, представленные такими учеными, как И. А. Гюльденштедт (1741–1781), С. Г. Гмелин (1744–1774) и П. С. Паллас (1741–1811), с именами которых связано возникновение научного кавказоведения.

Во второй том «Кабардино-русских отношений» вошли 8 историко-географических и историко-этнографических описаний Кабарды¹¹⁵.

Важным видом источников являются разнообразные сочинения европейских и восточных авторов об адыгах и их политических взаимоотношениях. Основная их часть уже использована исследователями. Сочинения европейских авторов XIII–XVIII веков (Интерриано, Дортелли, д'Асколи, Лукка, Олеарий, Шарден, Ферран, Мотрэ, Герберт, Главани и др.) привлекались автором в переводах и публикациях М. А. Полиевктова, Е. С. Зевакина и В. К. Гарданова¹¹⁶. Работы восточных авторов (Мехмед Нешри, ибн Кемаль, Сахиб-Гирей Кайсуни-заде Недаи (Реммал-ходжа), Печеве, Селяника, Наим, Катиб Челяби) использовались в большей степени по

публикациям известных дореволюционных (Й. Хаммер-Пургшталь, В. В. Вельяминов-Зернов, В. Д. Смирнов) и современных исследователей (Е. Н. Кушева, А. А. Новосельский, А. М. Некрасов). При написании этой работы использовалось академическое издание знаменитого сочинения «Книга путешествий» выдающегося географа и дипломата Эвлия Челяби.

В данной работе впервые вводится в широкий научный оборот крымская хроника XVII в. «История Ислам-Гирея III» Мехмеда Сенаи¹¹⁷. Содержанием ее является история правления и войн известного в истории Крыма, а также Северо-Западного Кавказа, Польши и Украины крымского хана Ислам-Гирея III. Данное сочинение охватывает хронологический период от 6 июля 1644 года (время приезда Ислам-Гирея из Стамбула в Каффу и вступления на ханский престол в Бахчисарае) до первых месяцев (приблизительно марта) 1651 года. Данная хроника извлечена из собрания турецких рукописей в Британском музее Лондона польскими исследователями и опубликована в Варшаве в 1971 году. Она написана по желанию хана его подданным Мехмедом Сенаи (по косвенным данным крымский караим), который был известен как поэт, исполнявший в определенные годы функции секретаря ханской канцелярии. «История Ислам-Гирея III» написана на османско-турецком языке, который, по мнению специалистов, отличается от родного языка крымских татар своим словарным составом и грамматическим строем. Мехмед Сенаи украсил свою работу цитатами из Корана, различными вставками в виде стихотворных заголовков на арабском и персидском языках, что типично для средневековых османско-крымских сочинений. Она сохранилась в виде копии, которую некий Мустафа сын Омара по прозвищу Кара Языджи (черный писатель) составил для Ахмед-Гирея Султана, сына хана Махмед-Гирея IV. Характеризуемая хроника содержит подробное описание трех походов крымских татар на Польшу, Москву и Черкесию в 1648–1649 годах. Поход на адыгов был совершен Ислам-Гиреем III в декабре-январе 1644–1645 годов. Данные хроники находят подтверждение в крымских посольских книгах РГАДА и адыгских исторических преданиях.

В Петербургском отделении Института востоковедения АН в фонде В. Д. Смирнова нами обнаружен и использован перевод рукописи Хаджи Мухамеда Киаминэ касательно событий в Крымском ханстве в течение 1054–1061 годов при Ислам-Гирее хане. Она была выполнена как зачетная работа по османской словесности выпускниками факультета восточных языков Н. Байковским и И. Щелкуновым¹¹⁸.

В нашем исследовании мы широко опираемся в качестве источника на труды дореволюционных русских (Г. Котошихина, А. И. Манкиева, В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина, С. М. Броневского, В. Д. Сухорукова, Н. Грабовского, С. М. Соловьева, П. А. Юдина и др.) и адыгских историков (Измаила Атажукина, Шоры Ногмова, Хан-Гирея и Владимира Кудашева), многим из которых даны характеристики в историографическом разделе.

В новейшее время усилиями большой армии отечественных ученых были осуществлены публикации архивных материалов XVI–XVIII веков из фондов центральных (РГАДА, АВПРИ, РГВИА) и местных (северо-кавказских) архивов, которые открыли собой новый этап в изучении взаимоотношений России с северокавказскими народами. Прежде всего, это: «Материалы по истории Осетии (XVIII в.)» // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1934. Т. 6; «Материалы по истории Дагестана и Чечни». Махачкала, 1940. Т. 3; «Воссоединение Украины с Россией (документы и материалы)». М., 1954. Т. 2; «Путешествия русских послов XVII–XVIII вв. (статейные списки)», М.; Л., 1954; «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», М., 1954. Т. 1; «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.». М., 1957. Т. 1–2; «История, этнография и география Дагестана», М., 1958; «История Осетии в документах и материалах». Цхинвали, 1962. Т. 1; «Документы во взаимоотношениях Грузии с Северным Кавказом в XVIII в.», Тбилиси, 1968; «Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе», Элиста, 1969; «Межкавказские политические и межторговые связи Восточной Грузии (конец 60-х – начало 90-х гг. XVIII в. Документы и материалы». Тбилиси, 1980; «Русско-осетинские отношения в XVIII в.». Орджоникидзе, 1976, 1984. Т. 1,2; «Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1489–1508)». М., 1984; «Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв.», М., 1988; «Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII вв.», М., 1997; «Документальная история образования многонационального государства Российского». Кн. 1. «Россия и Северный Кавказ в конце XVI–XIX вв.». М., 1998; «Ногайцы Дагестана и Северный Кавказ (документы XVII–XVIII вв.». Махачкала, 1998; «Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. 1763–1774». Нальчик, 1996–1998. Т. 1–2; «Из документальной истории кабардино-русских отношений. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в.». Нальчик. 2000.

При написании работы мы широко пользовались неопубликованными архивными материалами, подготовленными для сборника документов «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв». Эти материалы хранятся в архиве Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра (ф. 1).

ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРОСТРАНСТВЕННО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ РУССКО-АДЫГСКИХ СВЯЗЕЙ

Русско-адыгские контакты в X — середине XVI в.

Северо-Западный и Центральный Кавказ с его адыгским населением, в отличие от Восточного Кавказа, на протяжении длительного исторического времени был приобщен к историко-политическим и историко-культурным процессам, протекавшим в Причерноморье, и имел давние и близкие связи со славянским миром.

В исторической литературе принято считать, что между предками адыгов и восточными славянами – русами существовали определенные взаимоотношения задолго до того, как они нашли свое отражение в письменных источниках. Свидетельством этого служит богатый археологический материал из адыгских могильников IV–XII веков, по которому элементы славянской культуры прослеживаются в инвентаре и обряде погребений¹. Вещи из этих погребений позволяют говорить о тесных торговых связях между народами Северо-Западного Кавказа и Южной Русью. О развитой торговле у предков адыгов свидетельствуют также арабские письменные источники IX–X веков. Арабские источники (Баладзори, Ибн-ал-Факих) зафиксировали непосредственное проживание русов на Северо-Западном Кавказе в пределах Хазарского каганата.

Отечественные историки в своих исследованиях пришли к выводу, что предки адыгов имели тесные связи с восточными славянами еще до возникновения Тмутараканского княжества. Б. А. Рыбаков на основе изучения кабардинского эпоса, славянских сказаний и византийских источников полагает, что в Северо-Западной части Кавказа в середине I тысячелетия н. э. находились значительные массы славян, которые сохраняли эпические сказания о событиях в Причерноморье и на Дунае, а впоследствии они растворились среди адыгских (зихско-керкетских) племен и привнесли в эту среду русский эпос². По мнению Л. И. Лаврова, археологические, этнографические и языковые материалы позволяют говорить о связях с глубокой древности и полагать, что «из всех кавказских народов этнографически наиболее близкими с восточным славянами являются адыги»³.

К X веку в русских письменных источниках (летописях) адыги выступают под именем касоги, в византийских – папаги (Константин Багрянородный), в арабских – кешаг, кашак, касог (Масуди и др.).

Первоначальные сведения русских летописей характеризуют контакты и взаимоотношения касогов с Киевской Русью, более конкретно – с Тмутараканским княжеством. К этому времени, т.е. к X веку, предки современных адыгов – зихи и касоги представляли собой мощные союзы племен, объединенные общностью территории и единым языком, и проживали на значительном пространстве от Таманского полуострова на западе до Алании на востоке, и от Абхазии на юго-востоке до степей Предкавказья на севере, где соприкасались с тюркоязычными кочевниками. Они имели широкие политические, торговые и этно-культурные связи с окружающим их внешним миром. Например, политические образования адыгов часто вступали в войну или же имели союзнические отношения с хазарами, которые с конца VII века закрепились в Западном Предкавказье.

Косвенным свидетельством этих взаимоотношений служит устное предание о походе адыгов на хазар и взятие ими Саркела, которое приводится Ш. Б. Ногмовым в «Истории адыгейского народа»⁴. В его достоверности лишний раз убеждает еврейско-хазарская переписка X века, которая упоминает в числе стран и народов, воюющих с Хазарским каганатом, зихов и касогов⁵. Несмотря на военные столкновения, когда этого потребовала внешнеполитическая ситуация, адыги совместно с хазарами выступили против арабской экспансии в VIII–IX веках.

В первой половине X века русские князья совершили ряд походов в Закавказье и на Каспий, среди которых наиболее крупными были вторжения 912/913 годов и поход на Бердаа в 943/944 годах. Поэтому можно полагать, что они были знакомы и имели контакты с народами Северо-Западного Кавказа.

Эти походы способствовали возникновению русского Тмутараканского княжества с центром в древней Таматархе в непосредственной близости с касогами, что ознаменовало формирование исторической традиции контактов и совместного общения двух этносов.

Самые ранние сведения о касогах в русских летописях, дошедших до нас, – в составе выдающегося памятника русской культуры – «Повести временных лет». Они использовались и комментировались в работах дореволюционных и новейших авторов. В большинстве своем исследователи давали только информационную оценку историческим событиям, связанным с касогами. Между тем важнейшее значение имеет установление автора первоначальных текстов, времени и места их создания, обстоятельства и целей включения известий о касогах в русские летописные своды. Изучение и использование летописных известий об адыгах, начиная с касожского периода и далее вплоть до XVI–XVII веков, необходимо вести в тесной связи со всей историей русского летописания. Без

учета этих методических требований нельзя получить какие-нибудь достоверные выводы.

Широко аргументированная и подробная разработка проблем русского летописания 1072/1073 годах в трудах таких известных отечественных ученых, как А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, Б. Д. Греков, А. Н. Насонов, Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков и других позволяет сделать вывод о том, что сведения о касогах первоначально появились в Никоновском своде 1073 года и на его основе вошли в последующие своды.

Самое раннее упоминание о касогах содержится в летописном рассказе, описывающем восточный поход Святослава в 965 году. Лаврентьевская летопись сообщает об этом: «Одоле Святослав козарам и град их Белу Вежу взя. И ясы победы и касоги»⁶. В летописи по Ипатьевскому списку к этому фрагменту добавлено: «... и приде к Киеву»⁷. А. А. Шахматов, реконструируя Древнейший Киевский свод, выделял фрагмент «и ясы победы и касоги» как вставку позднейшего редактора⁸. К сожалению, этот момент не всегда учитывается современными исследователями, которые касаются истории восточного похода 965 года. Описывая южную часть пути дружины Святослава (от Семендера до Саркела), они пользуются приведенным известием как абсолютно достоверным⁹. Рассматриваемый поход Святослава имел, как известно, важное значение во внешнеполитической жизни Древнерусского государства. Направленный своим острием против Хазарского каганата, он давал выход к Каспию, в районы Северного Кавказа и Причерноморья, что обеспечивало стратегическое преимущество в военном противоборстве с Византийской империей. Поэтому данные события вызывают огромный исследовательский интерес. В существующей литературе имеются расхождения в изложении основного направления похода. Ряд авторов полагает, что после взятия русами Итиля они двинулись в Семендер, на обратном пути подчинили себе ясов и касогов, далее Тмутаракань и уже на последнем этапе похода разгромили Саркел (Белую Вежу)¹⁰. Более аргументированной, на наш взгляд, является другая точка зрения, следуя которой Святослав после похода по окско-волжскому пути разгромил Хазарский каганат и двинулся на ясов и касогов¹¹.

При изучении этих исторических событий ученые наряду с русскими письменными источниками широко привлекают сведения из трудов древних арабских историков Ибн-Хаукаля, Ибн-ал-Асира и др., а также анонимной «Записки греческого топарха», датированной началом X века. В последних, к сожалению, не содержится никаких фактов о походе русов на земли ясов и касогов. Можно ли считать вставку позднейшего редактора о том, что Святослав «и ясы победы и касоги» отражающей достоверные события? Утвердительный ответ позволяет дать свидетельство В. Н. Татищева, основанное на недошедших до нас летописных источниках. Он пишет, что в 967 г. «Святослав, елико по призыву Никифора, царя греческого, на болгар, толико по своей обиде, что болгары помогали козарам, пошел паки к Дунаю. И сошедшись у Днестра,

где болгары, козары, касоги и ясы в великой силе Святослава ожидали, не хотя Днестр перепустить»¹². Как повествует летопись, Святослав не стал биться с объединенным войском своих противников, а двинулся вверх по Днестру, «где ему помощь от венгров приспела». Таким образом, можно сделать вывод, что Святослав действительно имел военные столкновения с касогами и ясами в промежутке между 965 и 967 годами, но нет свидетельств того, что они были им в этот период покорены. Если бы они были приведены в зависимость в 965 году Святославом, вряд ли государственные образования касогов и ясов были настолько жизнеспособны, чтобы через два неполных года оказаться в союзе болгар и хазар против русов. Как мы увидим далее, первоначальные сведения русских летописей о касогах восходили непосредственно к информации, которая шла из Тмутаракани, и относились к Никоновскому своду 1073 года. По мнению Д. С. Лихачева, Никон заносил в свою летопись не только современные ему события, но и прошлые, восполняя недостаток письменных материалов устными источниками¹³. Поэтому, на наш взгляд, более правильным будет относить фрагмент «и приведе к Киеву» не к касогам и ясам, а к хазарам.

Под 1022 г. «Повесть временных лет» сообщает о походе тмутараканского князя Мстислава Владимировича на касогов и приведении их в зависимость. Здесь дается подробное описание поединка Мстислава с касожским князем Редедей. «В год 6530*. Пришел Ярослав к Берестю. В то же время Мстислав, который владел Тмутараканью, пошел на касогов. Узнав же об этом, князь касожский Редедя вышел навстречу ему. И, когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради мы будем губить наши дружины? Но сойдемся и сами поборемся. И, если одолеешь ты, возьмешь имущество мое и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то я возьму все твое». И сказал Мстислав: «Будь так». И сказал Редедя Мстиславу: «Не оружием будем биться, а борьбой». И схватились бороться крепко и долго боролись, и начал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: «О пречистая богородица, помоги мне! Если же одолею его, построю церковь во имя твое». И, сказав это, ударил Редедю о землю. И выхватил нож, зарезал Редедю. И пошел в землю его, взял все имущество его и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов. И, вернувшись в Тмутаракань, заложил церковь святой богородицы, и построил ее, стоит она и до сего дня в Тмутаракани»¹⁴.

Как и летописное известие о походе Святослава в 965 году, так и приведенный сюжет о единоборстве Мстислава с Редедей восходит к своду Никона Печерского или Тмутараканского (ок. 1073). Благодаря Никону информация о касогах, а также целый ряд тмутараканских и черниговских событий были внесены в киевское летописание (сперва в Начальный летописный свод, и далее в Повесть времен-

* Здесь и далее мы приводим одновременно и даты, которые имеются в самих летописях. Для удобства соотнесения надо вычитать 5508.

ных лет). За то, что Никон – автор сюжетов, связанных с касогами, говорит довольно известный факт его длительного пребывания в Тмутаракани в 1061–1066 и 1073–1074 годах¹⁵. В эти годы он еще мог встретить здесь очевидцев событий 1022 года. Наверное поэтому Никон имел возможность в подробной форме передать диалог между противоборствующими князьями в ходе поединка, что лишний раз показывает его хорошее знакомство с описываемыми событиями.

Анализируя данный летописный сюжет, необходимо учитывать время, в условиях которого он создавался. К моменту включения Никоном в летопись устного предания о единоборстве прошло неполных сто лет с момента крещения Руси. В постепенном распространении и утверждении христианства, а также оформлении церкви как социальной организации важную роль играли «христовы» подвижники, одним из которых являлся Никон. Составленный им свод выражал официальные и, в первую очередь, церковные интересы. Поэтому Никон, обобщив и обработав устные предания о единоборстве, использует созданный летописный сюжет для проповеди христианской идеологии. Единственным условием победы Мстислава, по летописи, являлось его обращение к божественной силе – «О пречистая богородица, помоги мне». Позже, в XVI–XVII веках, трактовка единоборства в русском летописании меняется. В условиях освобождения от татаро-монгольского ига, создания централизованного государства и захвата Астрахани и Казани борьба Мстислава с касогами и его единоборство с Редедой изображается как борьба с антихристианской и богопротивной, т.е. языческой силой, а Редедя характеризуется как «супостат», «варвар» и «безбожник»¹⁶.

Сюжет о единоборстве Редеди (Редеды – *адыгск.*) достаточно хорошо сохранился в адыгском фольклоре. Еще в первой половине XIX века он был приведен в тмутараканском цикле адыгских преданий Ш. Б. Ногмовым в работе «История адыгейского народа»¹⁷.

Позже, отдельные факты из летописного сюжета о единоборстве Мстислава и Редеди (пленение семьи касожского князя) послужили при составлении родословных отдельных боярских фамилий в XVI–XVII веках. По преданию, которое использовалось в родословных для создания достоверного рассказа, два сына Редеди, увведенные в Тмутаракань, были крещены Мстиславом и получили соответственно имена Юрия и Романа. По одному из вариантов, Роман был женат на дочери тмутараканского князя¹⁸. К Юрию и Роману возводили свои генеалогии боярские роды Белеутовых, Сорокоумовых, Глебовых, Симских, Добрынских и др.¹⁹

Летописные источники не позволяют сделать какие-нибудь достоверные выводы о взаимоотношениях Тмутараканского княжества и касогов после событий 1022 года.

Непонятно, носили ли они союзнический или вассально-подданный характер. Во всяком случае, спустя год, в битве под Лиственом (недалеко от Чернигова) между Ярославом Мудрым и его братом Мстиславом, в дружине последнего сражались касоги:

«Пошел Мстислав на Ярослава, с хазарами и касогами»²⁰. Таким образом, Мстиславу удалось объединить в рамках одной политической системы Тмутаракань и адыгские этнотерриториальные группы, в результате чего произошло превращение Тмутараканского княжества в крупное адыго-славянское политическое образование, просуществовавшее до конца XI века.

Положение Тмутараканского княжества в середине и второй половине XI века было довольно устойчивым. Сам город, располагавшийся у Керченского пролива, являлся крупным портом. Здесь проживало многоязычное население. Тмутаракань сохраняла прочные связи с Черниговским княжеством, которое тоже долгое время (до 1036) возглавлялось князем Мстиславом Владимировичем. Специальные исследования позволили установить, что в летописных сводах XI века четко прослеживается линия с тмутараканско-черниговскими симпатиями, которая непосредственно связывается с авторством Никона²¹. Выше уже отмечалось, что в 60-х годах XI века Никон находился в Тмутаракани. Он являлся очевидцем прихода князя Ростислава Владимировича в Тмутаракань и его отравления греками в 1066 году. В тесной связи с этими событиями выступает летописное сообщение о том, что «Ростислав сущю Тмутаракани и емлющую дань у касог и у инех стран, сего же убоявшеся греци, послаша о лестию котопана»²². В. В. Мавродин и А. Н. Насонов считали, что приведенная летописная статья позволяет говорить об обеспокоенности греков экспансией Ростислава в отношении Кавказа и Тавриды²³. Действительно, если первоначально княжество не выходило за рамки Таманского полуострова, то после активной политики, проводимой Мстиславом и его преемниками, оно расширялось в сторону Восточного Крыма и Нижнего Прикубанья²⁴.

Правда, в отношении касогов остается не до конца ясным вопрос – носила ли выплата дани с 1022-го по 1066 год регулярный характер и до какого времени это имело место? После событий 1066 года и до конца XI века, когда упоминание о Тмутаракани исчезает из летописей, в русских письменных источниках не сохранилось сведений о касогах.

Адыго-русские контакты и связи в период Тмутараканского княжества не ограничивались политическими или торговыми аспектами. Они оставили определенные следы и в культуре обеих народов.

Христианская религия, получившая распространение среди адыгских племен (зихов и касогов) под влиянием Византии в IV–VI веках, с возникновением Тмутараканского княжества укрепляет свои позиции. Матрахская (Тмутараканская) и Никопская епархии в описываемый период получили статус архиепископств. Тмутараканские князья вносили свою лепту в христианизацию местного населения. Так, князь Мстислав Удалой, в числе прочих покоренных касогов, как отмечалось выше, крестил и двух сыновей убитого им князя Редеди.

Тмутараканский период явился первым опытом для адыгов и славян в знакомстве с культурными достижениями друг друга. В Тмутаракани строились церкви, монастыри, велось летописание.

В свою очередь, в Южной Руси при постройке и украшении церквей стали пользоваться кавказскими орнаментальными мотивами, стали приглашать к себе местных иконописцев (абхазо-абазин) и т.д.²⁵

Интересным фактом является найденная у села Преградное (Ставропольский край) надпись русскими буквами на адыгском языке, датируемая 1041 годом²⁶.

Активные перемещения кочевников южнорусских степей – половцев (кыпчаков) в начале XII века привели к отрыву от Руси Тмутаракани, установление над ним протектората Византийской империи и дезинтеграции адыгской (касожской) общности, повлекшей за собой существенные изменения в расселении адыгов. На этом этнополитическом фоне началось и проходило образование в центральных районах Предкавказья самостоятельной единицы – Кабарды и формирование кабардинского субэтноса.

Русские летописи в XIII веке продолжают именовать адыгов «касогами», но на рубеже столетия постепенно в них появляется новый экзоэтноним «черкесы».

Монгольское нашествие не прервало адыго-русские контакты, хотя они были значительно ослаблены. И тем не менее нормальные и более тесные, чем раньше, связи между русскими и адыгскими племенами начали возобновляться лишь с конца XV века, когда Русь, освобожденная от монголо-татарского владычества, начала жить независимой политической жизнью²⁷.

* * *

Во второй половине XV века международная ситуация в Восточной Европе существенно меняется. Это было связано с распространением на данный регион захватнических замыслов Османской Турции. Особой внешнеполитической активностью пользуется политика османских султанов по отношению к Северному Причерноморью, где в 1475 году ими были захвачены последние генуэзские колонии с центром в Кафе²⁸. В этот период окончательно под властью султанов оказалось и Крымское ханство, которое после распада Золотой Орды являлось самостоятельной политической единицей. Проникновение османского влияния в Северное Причерноморье сразу же сказалось на адыгских народах, первыми попавшими в сферу интересов султанов и крымских ханов.

Для крымских ханов набеги на соседние земли – русские, адыгские, украинские, литовские – были важнейшим источником богатств. Во время регулярных походов захватывалось имущество, скот и многочисленные пленные для продажи в рабство. Постоянный приток добычи был одной из основ экономики Крымского ханства и определял могущество господствующего класса – татарских феодалов²⁹.

С начала XVI века начинается серия османо-иранских войн за господство на Ближнем Востоке. Войны султанов с шахами Сефевидского Ирана длились с перерывами в XVI–XVII веках. Одним из

главных театров военных действий было Закавказье, на которое претендовали обе стороны. Исключительно важное значение для султанов имело обладание северокавказским путем, связывавшим османские владения в Причерноморье с Закавказьем. Путь шел через адыгов и Дагестан к Дербенту.

Иранские шахи, в свою очередь, стремились укрепить свои позиции в Дагестане. Таким образом, османо-иранская борьба на Северном Кавказе непосредственно влияла на политику обеих могущественных держав в этом регионе.

Как показывают специальные исследования³⁰, проникновение османов на Северо-Западный Кавказ, территорию, населенную адыгами, начинается одновременно с подчинением Крымского ханства. Уже во второй половине 1475 года османы захватили Тану, Матрегу, Копу³¹. А. М. Некрасов на основе скрупулезного анализа сочинений османских историков XV века Мехмеда Нешри («Зеркало мира»), Ибн Кемаля («История дома османов»), Турсун-бека («История Мехмеда-завоевателя») приходит к выводу, что османы в 1475 году ограничивались захватом крепостей и не предпринимали походов вглубь адыгских земель³². Центром османских владений на северо-восточном побережье Черного моря стала Кафа, где с этого времени находился султанский наместник³³. О характере османских походов на адыгские земли подробное представление дает упоминавшийся труд Ибн Кемаля: «По приказу государя – завоевателя мира люди победоносного войска прошли горы, во множестве пересекли Черное море и достигли страны черкесов. В этой стране каждый день храбрецы своими острыми мечами снимали головы мятежникам, тщетно боровшимся против газиев; изрубив на куски тех нечестивцев, бросали их на съедение воронам; опустошив находящиеся на побережье области, хлынули в тот край, подобно океанской волне. В каждом селении страны черкесов пленили по 50–100 красавиц, обратили в рабство множество пленников. Пришедшие в ту страну храбрецы неожиданно нанесли удар, устроили охоту, собрав добычу. Захватив Кубу, которая является одной из знаменитых крепостей, со всеми окружающими землями, разгромили владения черкесов, очистили саблей ту страну, уничтожив бунтовщиков. Присоединив к Кубе также и Анабу, уничтожили врагов, испытывавших ненависть к находившимся в тех краях сыновьям ислама и татарам. С покорением указанных краев вырвав у мира неверных много областей, возвысили в тех краях знамя истиной веры Мухаммеда. Для поднимающихся на газават та земля стала передним краем...»³⁴.

Приведенный материал свидетельствует, что важнейшим средством укрепления крымско-османского влияния среди западных адыгов было насильственное распространение ислама. Адыги в этот период оставались полужычниками, среди которых были сильные христианские культы греческого толка.

События 70-х годов XV века открывают серию завоевательных крымско-османских походов на земли адыгов, в которых участие крымских войск с этого времени становилось регулярным.

В конце XV века главным опорным пунктом Османской Турции на черкесском берегу стала крепость Тамань, для укрепления которой были использованы крепостные сооружения прежней генуэзской колонии Матреги. В 1519 году с крымской стороны Кубанского лимана близ берега Азовского моря была построена турками крепость Темрюк³⁵. Походы крымских и турецких войск на черкесов совершались именно со стороны Таманского полуострова. Войска чаще всего перевозились на кораблях через Керченский пролив. В зимнее время, судя по источникам, переходили они по льду³⁶.

В конце XV века и Русское государство, и адыги активно участвовали в борьбе с Большой Ордой. Они непосредственно не контактировали в этой борьбе и не координировали своих действий, однако их интересы объективно совпадали. Русь в это время заключила антиордынский союз с Крымским ханством. Об адыгском факторе как значительном в борьбе с Ордой говорит донесение русского посла в Крыму Василия Ромодановского в Москву, что Орде «было ... идти за Донец да и за Дон; да идти им было к Черкасам». Посол убеждал крымского хана Менгли-Гирея отправить войско на Литву: «пойдут, господине, цари к Черкасам, у тебя, господине, одолеют, нельзя ти будет на Орду итти ...и ты бы шол на королевскую землю»³⁷.

Важным эпизодом адыго-русских связей была переписка Ивана III с «таманским князем» Захарьей Гуйгурсисом. Ф. К. Брун, Л. И. Лавров и А. М. Некрасов в своих работах убедительно доказали, что Захарья Гуйгурсис и хорошо известный по генуэзским материалам владетель Матреги князь Захария де Гизольфи – одно лицо³⁸. Захария был сыном знатного генуэзца Винченцо ди Гизольфи и дочери адыгского князя Берозоха Бике-ханум. Женитьба на Бике-ханум дала Гизольфи в удел принадлежавший Берозоху город Матрегу (Тамань). С этого времени Матрега находилась в двойном подчинении – генуэзским властям и адыгским князьям, но при этом сохранила значительную самостоятельность. После взятия Матреги турками (1475), Захария в начале 1480-х годов обратился в Геную за денежной субсидией, однако положительного ответа не получил. После этого он обратился в Москву к Ивану III, отправив дважды (1483, 1487) грамоты с русскими купцами с изъявлением перейти на русскую службу. Оба раза великий князь посылал приглашения о переезде в Москву. Русскому послу в Крыму Дмитрию Шеину было указано всячески способствовать переезду Захарии на Русь. Различные обстоятельства, в том числе чересчур независимая позиция Захарии по отношению к османскому султану, не позволили препроводить князя в Москву. С 1500-х годов он перешел на службу к Менгли-Гирею. А. М. Некрасов считает переписку Ивана III с Захарией де Гизольфи важным звеном в цепи адыго-русских связей³⁹.

На рубеже XV–XVI веков возобновляется крымско-османское наступление на адыгов. Осенью 1498 года состоялся крымский поход на западно-адыгские земли⁴⁰. Опорным пунктом походов становится вновь отстроенная на месте Матреги крепость Тамань,

которая являлась с этого времени «главным местом переправы крымцев в пределы черкесские»⁴¹. В свою очередь, русские посольские книги по взаимоотношениям Руси с Крымом и Ногаями фиксируют разгром османов адыгами в 1501 году дважды⁴².

Во втором десятилетии XVI века происходит первое открытое османо-иранское столкновение. Одновременно с этим возобновляется крымско-османское наступление на адыгские земли. В грамоте русского посла в Стамбуле В. Коробова (апрель 1515) говорится, что в предшествующее пятилетие крымские «царевичи ходили Черкас воевати»⁴³. Другой русский посол И. Челищев сообщает (1518) о походе крымского Бахадыр-Гирея на адыгов (предположительно на Кабарду): «Богатырь царевич был ... в Черкасах, и Черкасы его ... побили; сказывают, ... только треть людей вышла из Черкас»⁴⁴.

Несмотря на неоднократные разгромы крымско-османских войск, последние проводили интенсивные мероприятия по усилению своего влияния среди причерноморских адыгов, на землях которых были построены ряд османских крепостей. По-видимому, многие адыгские правители сочли в это время более безопасным переход под сюзеренитет Крыма, полагая, что это гарантирует им защиту от грабительских набегов. Теперь они должны были откупаться от ханов богатыми подарками. А. М. Некрасов полагает, что зафиксированный позднейшими источниками «обычай» преподнесения каждому вступающему на престол крымскому хану определенного количества адыгских рабов, отсылавшихся в Стамбул султанам, восходит именно к началу XVI века⁴⁵.

В 20-х годах XVI века определенная часть западных адыгов сохраняет установившуюся номинальную зависимость от Крымского ханства. Однако, уже в начале 30-х годов крымские правители возвращаются к политике наступления против адыгов. В материалах русско-крымских отношений есть сведения, что весной 1531 года Саадет-Гирей посылал четверых сыновей с войском «на Ногаи, которые на сей стороне Волги, или на Черкасы на пятигорские»⁴⁶. В указанный период отмечается резкий перелом и в русско-крымских отношениях. Так, в июне-июле 1521 года русские земли подверглись нападению огромного крымского войска. Нашествие было самым большим со времени похода хана Ахмада в 1480 году. Грабежу подвергся самый центр страны, ближайшие к столице села и монастыри⁴⁷. По времени это совпало с переворотом в Казани: московский ставленник, касимовский хан Шах-Али был свергнут, трон занял Сахиб-Гирей, младший брат крымского хана Мухаммед-Гирея.

Как мы видим, и на Руси, и у адыгов была общая проблема, которая вызывалась крымско-османской агрессией.

Новый этап агрессии крымских ханов в союзе с ногаями был вызван активизацией внешнеполитической деятельности адыгов, в частности, вмешательством кабардинцев в астраханские дела в 1530-х годах⁴⁸. Под 1532 годом русские летописи сообщают: «пришед ко Азторокани безвестно Черкасы да Астрахань взяли, царя и князей и многих людей побили и животы их пограбили, и пошли

прочь; а на Азторохани учинился Аккубек царевич»⁴⁹. 20 лет спустя, в 1551–1553 годах ногайские мурзы писали царю Ивану IV, что «Аккубеку царю было прибежище в Черкасах, и они его дела посрамились, да Астрахань взяв и дали ему»; что «Аккубек царь с черкасы по женитве в свойстве учинился, и они ему юрт ево взяв дали»; что «Аккобек царь для своего юрта ездил в Черкасы, и юрт его взяв дали»⁵⁰. В связи с приведенными событиями находился большой поход ногаев против восточных адыгов весной 1535 года⁵¹.

В 1533–1536 годах османы осуществили широкое наступление на Иран, захватив обширные территории. Сефевидское государство не могло противостоять натиску османов, но как только наступала мирная передышка, само вело завоевательные войны в Закавказье. В 1538 году войска шаха, захватив Ширван, оказались в непосредственной близости к Дербенту, который являлся ключевым местом на северокавказском пути от Черного до Каспийского морей.

В этот период на крымский престол османами был поставлен Сахиб-Гирей, бывший казанский хан. Турецкий султан оказал ему крупную военную помощь, предоставив тысячу янычар, а также пушки и пищали. Период правления Сахиб-Гирея характеризуется агрессивной наступательной политикой Крыма против адыгов и Руси. Многие из походов подробно описаны в крымской хронике XVI века «История Сахиб-Гирей-хана» Реммал-хаджи, который являлся участником и очевидцем описываемых событий. В мае-июне 1539 года крымцы численностью 40 тысяч человек, среди которых были и турецкие янычары, совершали поход от Тамани через Кубань, от горы Тхаб вдоль горы **Эльбрус**, где воевали против жанеевцев, темиргоевцев, бесленеевцев. Возможно, они дошли и до Кабарды. С самого начала эта экспедиция была санкционирована султаном Сулейманом I, который кроме подчинения адыгов хотел иметь свободным для османо-крымских войск путь на Дагестан и Закавказье. Через несколько месяцев после возвращения из Черкесии, крымский хан осенью 1539 года организовал нападение на Русь⁵².

Новые широкомасштабные наступления на адыгов и Русь предпринимались в 1540-х годах. За один только 1545 год крымское войско дважды ходило воевать в Черкесию – весной на западных адыгов («ближних Черкас»), осенью на «дальних Черкас, на Хабартку», т.е. кабардинцев⁵³. Поводом для похода на жанеевцев послужил отказ жанеевского князя Кансаука прислать султану в подарок невольников – черкес.

В походах на Русь и Черкесию крымцы широко применяли артиллерию и пищали, предоставленные османами. Например, именно с помощью артиллерии Сахиб-Гирей рассеял жанеевское войско. Успешность крымских походов объясняется не только отсутствием равнозначного огнестрельного оружия у адыгов, но, главное, на наш взгляд, это не скоординированность действий различных адыгских народностей (в 1545 году жанеевцы выставили 10 тысяч войска, а крымцев было в несколько раз больше). Уже с этого периода в различных письменных источниках находит отражение

междоусобная борьба в адыгских княжествах, когда представители враждующих сторон просили помощь в Крыму. В хронике Реммал-хаджи осенний поход 1545 года на кабардинцев связывается с обращением к хану кабардинского князя Эльбозду («Албуздуй»), потерпевшего в борьбе за власть поражение от своих двоюродных братьев Канчуко и Елбутлуко. И. Хаммер и В. Д. Смирнов полагают, что в этом же году он воевал «против мятежного племени жанэ»⁵⁴. В 1551 году, по данным Реммал-хаджи, состоялся поход Сахиб-Гирея на хатукаевцев и бжедугов, по возвращении из которого он был убит. Престол занял присланный из Стамбула Давлет-Гирей.

Таким образом, можно сказать, что на протяжении всего рассмотренного периода давление на адыгские народы со стороны крымского хана и османских султанов неуклонно усиливалось. Оно брало начало с 70-х годов XV и к середине XVI века выросло в крупномасштабное наступление. Исследование этого периода исключительно важно для понимания исторических предпосылок складывания прорусской ориентации адыгов. С момента выхода ставшей классической монографии Е. Н. Кушевой в 1963 году до недавнего времени в отечественной историографии не предпринималось попыток специального освещения отмеченных предпосылок. Решению этой важной научной проблемы способствует фундаментальное исследование А. М. Некрасова. Оно позволяет, на наш взгляд, сделать чрезвычайно важный для адыгской историографии вывод: с конца XV века основные цели внешней политики Руси и адыгов объективно сближались в борьбе с Большой Ордой и Крымским ханством. Это сближение, в конечном счете, и подготовило почву для состоявшихся в 50-х годах XVI века русско-адыгских переговоров. Дошедшие до нас отчеты русских послов в Крыму, «ногайские дела» показывают, что в Москве достаточно отчетливо представляли картину противостояния адыгов крымско-османской агрессии, примерный объем военно-людских ресурсов Черкесии и, конечно, военно-стратегическое положение адыгских земель на Северном Кавказе. Адыги, в свою очередь, идя на восстановление ослабленных монголо-татарским игом адыго-русских связей, осознавали значительное укрепление Русского государства, представлявшего силу, способную противостоять наступлению крымских ханов и османских султанов.

Адыги на этнотерриториальной карте Северного Кавказа

Адыгский народ, в число которых входят современные адыгейцы, кабардинцы и черкесы был в XVI–XVIII веках одной из самых крупных этнических общностей на Кавказе и оказывал большое и всестороннее влияние на окружающие народы*. Известнейший дореволюционный историк, автор фундаментальной двух-

* В русских и иностранных источниках, а также литературе прошлого адыги были известны чаще как «черкесы».

томной «Истории Кубанского казачьего войска» Ф. А. Щербина, хорошо знакомый с историей адыгов, писал: «Основной тон жизни закубанских народов давали черкесы, как преобладавшая по численности народность. Их обычаи и нравы были господствующими, их военный быт, и постоянная жажда борьбы и военных приключений отражались и на других национальностях. Последние в свою очередь имели много общего с черкесами как по хозяйственному укладу своей жизни, так и по степени культурной подготовки к ней. Как и черкесы, они жили аулами, занимались главным образом скотоводством, в меньшей степени земледелием и не шли дальше черкесов ни в военном деле, ни в политическом строительстве. Собственно же черкесов, кроме общих черт сходство в экономическом и в бытовом отношениях, связывало в единый народ общность языка и происхождения»⁵⁵. Современный же западный исследователь Пол Хенце считает, что «после грузин и армян черкесы подошли ближе всего, по сравнению с другими кавказскими народами, к формированию предпосылок национального единства»⁵⁶.

Для правильного понимания различных аспектов исторического процесса, связанного с адыгами, необходимо представить их географическую локализацию в XVI–XVIII веках. Существующие специальные исследования⁵⁷, основанные на широком и разноплановом круге русских, западноевропейских и восточных источников, позволяют считать, что в исследуемый период состав различных адыгских этнических групп и занимаемая ими территория сохранялись в основном так, как их знают и источники начала XIX века.

Начиная от северо-западной оконечности гор Большого Кавказа адыги заселяли обширную территорию по обе стороны главного хребта примерно на 275 км (считая по водораздельному хребту с северо-запада на юго-восток), после чего их земли переходили уже исключительно на северные склоны Кавказского хребта, в бассейн Кубани, а потом Терека, простираясь на юго-восток еще примерно на 350 км⁵⁸. Один из лучших знатоков адыгской истории Хан-Гирей в работе «Записки о Черкесии» писал: «Черкесские земли простираются в длину с лишком на 600 верст, начиная от устья Кубани вверх по этой реке, а потом по Куме, Малке и Тереку до границ Малой Кабарды, которые простирались прежде до самого слияния Сунжи с рекой Терек»⁵⁹. Реки Кубань и Терек играли и играют главную роль в физико-географическом районировании Северо-Западного и Центрального Кавказа. С их склонов стекают огромное количество больших и малых рек, по которым легко ориентироваться при показе традиционных мест расселения адыгов.

Таким образом, территория, занятая адыгами, тянулась от границ Абхазии до низовьев р. Терек, поэтому в исторической литературе прошлого ее обозначали как земли от «моря до моря» или от «Тамани до Каспия». Общая площадь, оставшаяся в распоряжении адыгов в первой половине XIX века составляла 180 тыс. кв. км⁶⁰. С запада она ограничивалась Черноморским побережьем и еще в конце XVI века включала восточное побережье Азовского моря к

юго-западу от устья Дона. Как северную границу исторические документы чаще указывают Кубань, хотя в разные периоды истории земли по правому берегу этой реки занимали отдельные этнические группы адыгов. На востоке крайние адыгские владения располагались южнее слияния р. Сунжи с Тереком по направлению к Каспию. На юге адыгские земли вплотную примыкали к Большому Кавказскому хребту. Анализ вышеназванной специальной литературы позволяет сделать вывод, что общая этническая территория адыгов и ее внешние границы оставались в целом неизменными с конца XV до конца XVIII века.

Адыгская этнополитическая общность четко делилась на две группы: западную и восточную. Граница между Западной (Закубанской) и Восточной (Кабарда) Черкесией проходила от Эльбруса на север по Пятигорью до верховьев Кумы. Источники XVI–XVIII веков позволяют выделить 18 субэтнических групп адыгов, из которых наиболее значительными были: «вольные черкесы» – шапсуги, натухайцы и абадзехи; «аристократические черкесы» – жанеевцы, шефаки (шегаки), бжедуги, темиргоевцы, хатукаевцы, егерукаевцы, адамиевцы, мамхеговцы, махоши, бесленеевцы и кабардинцы.

Кабардинцы, жившие в районе Пятигорья, междуречье Терека и Малки, а также по рекам Баксан, Чегем, Черек, Урух, на правобережье Терека до р. Сунжи составляли к XVI веку устойчивую этническую группу. К этому времени, по мнению А. М. Некрасова, процесс оформления западноадыгских этнических групп в народности еще не завершился, а находился в стадии интенсивного развития⁶¹. Жанеевцы составляли две территориально независимые группы: Малая Жана была расположена к северо-западу от современного Туапсе, а Большая Жана, по сведениям Э. Челяби, занимала территорию «от Крыма до р. Абин»⁶². Шегаки (шефакийские черкесы) жили вблизи Анапы, у подножия Бешкуйских гор. На прибрежной полосе Черкесии проживали адамиевцы. Хатукаевцы располагались к востоку от Большой Жаны в земле «Хундуг» по рр. Абин, Иль и Абурган. Темиргоевцы занимали бассейн рек Пши и Шхагуаше (Белая). Ближайшую к Кабарде территорию документы обозначали как «Бесленей», и это княжество находилось в междуречье Лабы в верхнем течении Кубани.

Во внутренних границах различных субэтнических подразделений Западной Черкесии на протяжении рассматриваемого периода происходили определенные изменения социального и демографического характера, обусловленные миграциями. Последние могли быть следствием консолидации адыгского этноса, когда одни группы сливались с более крупными или, наоборот, крупное подразделение могло распадаться на несколько ветвей. На эти изменения очень часто влияли и внешние «вызовы», например, активная завоевательная политика соседнего Крымского ханства. Наглядным примером отмеченных процессов является резкое сокращение к началу XIX века численности жанеевцев, в последующем их полное исчезновение. А они в конце XV– начале XVI века являлись одним из самых крупных адыгских подразделений⁶³.

Известные специалистам на сегодняшний день отечественные и иностранные источники XVI–XVII веков не упоминают о «вольных» или «демократических» народностях абадзехов, шапсугов и натухайцев, которые в первой половине XIX века составляли 3/4 населения Западной Черкесии⁶⁴. В исторической литературе Е. П. Алексеевой было высказано предположение, что они тогда еще не сформировались окончательно в самостоятельные субэтнические группы⁶⁵. Е.Н. Кушева оспорила это суждение и показала, что указанные группы были известны русским и иностранным источникам с начала XVIII века. В них эти народности обозначились как «вольные черкесы» и в силу таких причин, как особенности общественно-политического строя (отсутствие княжеского правления) и проживанию в «крепких гористых местах» были независимы и не находились в сфере влияния Крыма, а тем более России⁶⁶.

По свидетельству источников и специальной литературы, адыгская общность была открытой по сравнению с другими на Кавказе и отличалась проницаемостью культурно-языковых границ для демографического обмена и межэтнических социальных связей⁶⁷. Благодаря этому в разные периоды истории адыгская среда аккумулировала и растворила в себе представителей самых различных этносов, среди которых были как близкородственные по языку абазины, так и совершенно далекие в лингвистическом плане тюрко-язычные ногайцы и кумыки, армяне, калмыки и т. д.

Демографические процессы, связанные с историей адыгского населения в прошлом, совершенно не изучены наукой.

В исторической литературе ставился лишь вопрос о численности адыгов накануне их массового переселения в Османскую Турцию, но и он по существу остается спорным. Такое состояние обусловлено, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. Первое из них – это отсутствие прямых источниковых данных о важных демографических параметрах, с помощью которых можно определить динамику естественного движения адыгского населения (как рождаемость, смертность, брачность, соотношение полов и др.) для XVI–XVIII веков. Второе – это трудности, связанные с разработкой методики анализа тех косвенных и фрагментарных данных, которые бы дали возможность примерного установления динамики численности населения, раскрытии его структуры и изменений в размещении в исследуемый период.

Имеющиеся в нашем распоряжении отечественные и иностранные письменные источники позволяют выделить такие критерии, как: а) тип семейной ячейки; б) количество выставляемого адыгами конного дворянского войска; в) численность крымских войск, участвовавших в походах на адыгские земли и размеры захватываемого ими полона или «ясыря».

Специальные исследования показывают, что господствующим типом семейной ячейки у адыгов (как и других народов Северного Кавказа) в XVI – первой половине XIX века являлась большая патриархальная семья или семейная община, которая насчитывала от 20 до 100 человек. По свидетельству П.С. Потемкина, у кабар-

динцев «каждое семейство от прадеда и до позднего поколения живет нераздельно и пищу употребляет из одного котла и по сему самому здесь народ не говорит «сколько семей или дворов», но сколько «котлов»⁶⁸. Т. А. Лапинский, живший долгое время среди западных адыгов, отмечал, что «в одном фамильном дворе (унэ) живут, кроме родителей, все их женатые и неженатые сыновья и незамужние дочери; такие семьи очень многочисленны, т. к. часто вместе живут несколько братьев со своими семействами; часто в одном унэ живет до 100 душ обоего пола»⁶⁹. В документах встречаются указания на то или иное количество дворов в адыгских населенных пунктах. Учитывая специфику их семейного быта как семейная община, вряд ли при наших подсчетах будет правильным отождествление «двора» и «семьи»⁷⁰. Обычно на территории двора проживало несколько семей, а в усадьбах феодальных владельцев располагались и семьи прислуги. В новейшем исследовании Х. М. Думанова читаем: «В подавляющем большинстве случаев в одном кабардинском дворе проживало несколько семейств. В частности, характерным явлением для кабардинских феодальных семей являлось то, что они вместе со своими крепостными крестьянами проживали в одном и том же дворе»⁷¹.

В описываемый период у адыгов не было регулярного войска и в случае военной необходимости обычно собиралась дворянская конница. Дворяне (уорки), посвящая все свободное время военным упражнениям, в совершенстве владели военным ремеслом и образовывали особую военную касту. В Записке о Кабарде, составленной Коллегией иностранных дел, в 1748 году говорится, что у кабардинцев «... не в обыкновении употреблять своих подданных на войне, если же когда их и употребляют, то в самой крайности, что бывало весьма редко, да и токмо в пехотные полки, а не в конные, которые лично всегда они составляли сами»⁷². Данные о численности конного войска, соотносимые с удельным весом дворянского сословия в общей структуре населения конкретных адыгских народностей, позволяют выяснить примерную численность населения. При указанных выше методах подсчета адыгского населения обязательно необходим учет того урона, который имел место в ходе многочисленных нападений и походов крымских ханов когда истреблялась живая сила и брался огромный полон⁷³.

Все это в совокупности позволяет составить самую примерную картину численности и динамики населения адыгских «аристократических» народностей.

В 1567 г. крымский хан Магмет-Гирей, хвалясь в грамоте Ивану IV успехами своего набега на «кабардинских черкес», писал: «полону взяли больше двадцати тысяч»⁷⁴.

Эта цифра говорит о многочисленности кабардинского населения в этот период. На 1640-е годы документы приводят данные о количестве «кабаков», т.е. населенных пунктов: «кабаков 112» (сюда не входят, кабаки удельного княжества Клехстана в Малой Кабарде)⁷⁵. Е. Н. Кушева считала эти данные очень заниженными⁷⁶.

Более реальную картину народонаселения Кабарды дают документы XVIII века. По данным 1711 года, кабардинцы могли выставить в течение суток 30 тыс. человек, половину которого составляла княжеско-дворянская конница⁷⁷. О 15-тысячной кабардинской коннице свидетельствует и документ 1755 года⁷⁸. Наиболее ранние переписи населения Кабарды, дошедшие до нас, относятся к 1825 году⁷⁹. Они дают самую заниженную картину структуры и численности населения, потому что вследствие чумы и военного завоевания Кабарды царизмом с конца XVIII века до 1822 года ее население сократилось в 10 раз⁸⁰. Таблицы, составленные по данным 1825 года, показывают, что в средней дворянской семье проживало свыше 5 человек⁸¹. Значит, за 15 тысячами вооруженных дворян стояло 75-тысячное уоркское сословие по самым допустимым минимальным расчетам. По этим же таблицам, удельный вес дворянства по отношению ко всему другому населению выступал как 1:4,68. Таким образом, по этим расчетам всего кабардинского населения к середине XVIII века получается 351 000. Анализ материалов, характеризующих работу кабардинского сословно-представительного органа Хасэ, в котором участвовали все князья и дворяне – владельцы деревень Большой Кабарды от 31 октября 1753 года и 8 мая 1761 года⁸² показывают, что право решающего голоса имело 1/100 часть дворян Кабарды, а их всего насчитывалось 20 000⁸³. Используемая выше методика подсчета дает нам 100 тыс. людей мужского и женского пола дворянского сословия. С учетом его удельного веса население Кабарды составляло до 450 тыс. человек.

Определенные данные имеются о количестве населенных пунктов и располагавшихся там дворов. В 1729 году в Большой Кабарде был убит крымский султан Бахты-Гирей. За его кровь крымский хан потребовал с кабардинцев «1700 ясырей (по одному с пяти дворов)». Следовательно, в Большой Кабарде насчитывалось в первой трети XVIII века 8500 дворов. Если население Малой Кабарды взять за половину от указанной цифры, то во всей Кабарде имелось 13 000 дворов.

Князь Касай Атажукин в своем сообщении астраханскому губернатору в 1747 году писал, что в кабардинских дворах проживало «женска и мужска полу душ по 30–40 и 50...»⁸⁴. Если мы возьмем самый нижний показатель (30 душ в одном дворе), то 13 000 дворов соответствует 390 тыс. человек.

Имеются отдельные данные о количестве дворов в кабардинских населенных пунктах. В документе, датированном 1752 годом говорится: «от речки Кенжи до речки Шелухи верст с пять, а по ней кабаков три, в которых бывают дворов по 60–70 и 90»⁸⁵. В другом документе за 1762 год речь идет о незаконном захвате князьями Бекмурзиными «12 кабаков в коих де было дворов по 20–30 и 60»⁸⁶. Получается, что в среднем в кабардинских населенных пунктах проживало до 2100 человек, если брать минимальные и средние показатели приведенных документов. По ландкарте 1744 года в Большой и Малой Кабарде имелись 122 деревни⁸⁷. По другим

источникам, их было значительно больше⁸⁸. Если количество дворов в среднем населенном пункте брать как 60, а во дворе в среднем проживало 50 человек, то в 122-х деревнях Кабарды к середине XVIII века могло проживать 366 тыс. человек.

Таким образом, по нашим расчетам, численность населения Кабарды на протяжении XVIII века колебалось от 350 до 450 тыс. человек.

В силу чрезвычайной консервативности семейного и военного быта адыгов, использованная методика анализа применима и для других «аристократических» адыгских народностей. По ним, к нашему сожалению, состояние источников носит более ограниченный характер, потому мы будем вынуждены пользоваться в сопоставительном плане и материалами, относящимися к первой половине XIX века.

Самый ранний документ, в котором содержится интересующий нас материал, датируется августом 1555 года. В памяти гонцу в Литву Савлуку Турпееву царское правительство предписывало рассказать о приезде черкесского посольства (от жанеевцев и бесленеевцев. — К. Д.) и об их челобитье: «чтобы их государь всею землею взял за себя и дань на них наложил имати на всякий год по тысячи аргамаков, да ходити князем их на всякие государевы службы, а с ними людем их быти на войну по двадцать тысяч»⁸⁹. Известие о 20-тысячном войске Е. Н. Кушева считала преувеличением, допущенном в дипломатическом документе⁹⁰. Однако источники XVII века позволяют говорить об этой цифре как реальной. В данном случае мы пользуемся выдающимся трудом турецкого автора Эвлия Челяби «Книга путешествия», который получил самую высокую оценку в отечественном кавказоведении и востоковедении⁹¹. И.Б. Греков убедительно показал, что Челяби участвовал в многочисленных военных кампаниях Турции и Крыма (с начала 40-х и до конца 60-х годов XVII века) в роли не простого воина, а многоопытного военно-политического наблюдателя, имел широкий круг интересов и обязанностей: от инспекции укрепленных районов до политической разведки и ответственных дипломатических переговоров. Он совершенно прав, что сочинение Челяби первоначально создавалось ради совершенно определенных политических целей как сбор сведений военно-стратегического характера, выявления общей расстановки сил в том или ином регионе, оценке обороноспособности той или иной страны и т.д.⁹² В свете этого к сведениям Э. Челяби относительно количества деревень или выставляемого различными западноадыгскими народностями конного войска можно относиться как вполне репрезентативным. Турецкий автор считал, что в период пребывания его в Западной Черкесии (1666 г.) такие группы, как жанеевцы, бесленеевцы, темиргоевцы, бжедуги, хатукаевцы и шегачи вместе могут выставить 33 000 конное войско (в том числе жанеевцы — 13 тыс., бесленеевцы — 5 тыс.)⁹³. Указанной дворянской коннице могло соответствовать население в 759 000 человек обоего пола. Через неполные 100 лет довольно серьезный статистический материал

по Крымскому ханству и Западной Черкесии собрал в 1750-х годах К. Пейсонель. Он считал, что западные адыги «вместе взятые легко могут выставить 100 тыс. людей и гораздо больше в случае необходимости»⁹⁴. В работе известного западного историка А. Беннигсена содержится оценка, которую давала служба великого визиря Османской Турции в 1785 году относительно военной и политической картины народов Северного Кавказа (читай Северо-Западный Кавказ. – К. Д.) как могущих выставить до 100 тыс. человек⁹⁵. Если половину указанного войска считать дворянской конницей в 50 тыс. человек (а по различным источникам ее было значительно больше), то ей могло по самым минимальным подсчетам соответствовать население в 1 миллион 250 тыс. человек к середине XVIII века.

Из многочисленных авторов первой половины XIX века более достоверными считаются сведения по Западной Черкесии, приводимые Г. В. Новицким (1 082 200 человек), Т. Лапинским (1,5 млн человек) – военными офицерами, которые собирали свой материал непосредственно среди адыгов и руководствовались профессиональной заинтересованностью.

Из дореволюционных историков интересно мнение Ф.А. Щербины, который полагал, что «черкесов было больше, чем сколько показано у Новицкого»⁹⁶. Н. Дьячков-Тарасов, автор неутратившей своей значимости работы «Черноморская кордонная, Черноморская береговая линия и правый фланг Кавказа перед Восточною войною 1853 г.», считал: «по имеющимся официальным сведениям, собранным по распоряжению князя Паскевича в 1830 г., всего перечисленного выше населения горцев (адыгов. – К. Д.) было до 1 700 000 и будто эти горцы могли выставить до 250 000 вооруженных людей»⁹⁷. В новейшем исследовании А.Х. Бижева, где дан тщательный анализ всех материалов по первой половине XIX века, автор думает, что «можно согласиться с теми данными, которыми располагал фельдмаршал Паскевич: 1,7 млн»⁹⁸.

Раз большая группа авторов XIX века и историков новейшего времени считают, что в период кровавых событий Кавказской войны и трагедии геноцида население Западной Черкесии составляло от 1,5 до 1,7 млн человек, то к середине XVIII века его, наверное, было не меньше 1 млн.

В XVI–XVIII веках адыгские равнины и предгорья были густо заселены. Пустопорожних земель у адыгов не было, но особенности хозяйствования и постоянная внешняя угроза способствовали выработке своеобразной, в тоже время практичной, системы землепользования: часть земель использовалась для распашки, а другая под пастбища, третья служила убежищем во время нападений врагов и феодальных междоусобиц. Встречающиеся в документах XVI–XVII веков сообщения о «кочевьях» кабардинцев нельзя понимать, по справедливому замечанию Е. Н. Кушевой, в буквальном смысле⁹⁹.

Тем более, что право переселения князей и первостепенных дворян традиционно ограничивалось территорией сравнительно

небольших уделов и фамильных владений¹⁰⁰. Так, район Пятигорья, хотя и считался традиционным центром кабардинских земель, в отдельные периоды источники не фиксируют здесь постоянных населенных пунктов. Это объясняется близостью выхода к степи и опасностью нападений крымцев, ногайцев Малой Орды, а с 30-х годов XVII века и калмыков, что вынуждало население держаться ближе к горам. Земельное «утеснение», имевшее место у адыгов, свидетельствует о большой плотности населения. Когда в 1769 году русское правительство решило переселить из-за Кубани в Кабарду 100 абазинских дворов, принявших российское подданство, военное командование столкнулось с трудностями в их размещении. Посланный для решения вопроса капитан М. Гастоти в рапорте главнокомандующему отмечал: «По осмотре моем оказалось, что все лежащие около Кабарды, способные к поселению мест, так равно и в Кашкатавском ущелье и по рекам Чегему, Череку и Урефу и около тех рек и урочищ как-то и на приложенной при сем карте значит, заняты селением Большой и Малой Кабарды народа, почему к поселению других народов удобных мест совсем не отыскалось»¹⁰¹. Именно из-за высокой плотности населения и нехватки земель возникали часто феодальные междоусобицы в адыгских княжествах¹⁰².

По сравнению с другими регионами можно говорить о благоприятной среде обитания (побережье Черного моря, равнины и предгорья Северо-Западного и Центрального Кавказа, богатые пастбищами и удобными для хлебопашества землями) и связанной с ней экономической базой, которые благоприятствовали естественному воспроизводству адыгского населения. Средневековые авторы постоянно подчеркивали, что на продолжительность жизни адыгов влияют здоровое, но одновременно умеренное питание, высокий уровень гигиены, особое внимание в традиционном укладе жизни физическому и трудовому воспитанию подрастающего поколения. Упомянутый выше современный западный исследователь П. Хенце обращает внимание даже на характер адыгских жилищ: «Население жило не в укрепленных селениях с каменными башнями, подобно жителям Восточного Кавказа; обычными были изолированные хутора, часто окруженные садами и ореховыми рощами*». Черкесы редко строили из камня, предпочитая древесину. Для тех времен состояние здоровья было хорошим и обычно существовал избыток населения»¹⁰³.

Вместе с тем необходимо отметить, что «голодные» и неурожайные годы, различные стихийные бедствия, как эпидемии («моровое поветрие»), опустошительные войны оказывали влияние на демографический рост адыгов. Например, в 1590 году кабардинские князья отписали в Москву о суровой зиме, в начале XVII века (1606–1608 гг.) вследствие неурожая на Северном Кавказе был голод; в июле 1737 года подполковник Р. Шейдяков доносил в

* Описываемый тип поселения более типичен для «вольных» или «демократических» адыгов.

Петербург, что «имеется в Кабарде великое моровое поветрие»; в 1749 году сообщение дворянина А. Киреева, что «в Крыму, Кефе и на Кубани в Темрюке и в Тамани немалая поветренная болезнь»¹⁰⁴. Особенно чувствительными были частые нападения на адыгские земли крымских ханов. Не проходило года, чтобы крымцы не совершали набеги или крупные походы на адыгские княжества. Численность нападавших отрядов была различной – от нескольких тысяч до 40 тыс. и более. Невозможно установить точное количество погибших, а также захваченного крымцами «ясыря»¹⁰⁵. Но бесспорно одно, что в результате крымского фактора адыги теряли большое количество трудоспособного населения, что отрицательно сказывалось на росте народонаселения.

Приведенные материалы, хотя и дают нам только приближенные сведения о численности и естественном движении населения, позволяют говорить об устойчивом демографическом состоянии адыгских народностей с XVI по конец XVIII века.

Вышеизложенное позволяет сделать следующий вывод: устойчивость демографического баланса и хозяйственно-культурного уклада различных адыгских субэтнических групп (народностей), привязанных к определенным природно-ландшафтным «нишам», сохранение и воспроизводство традиционной социоцивилизационной системы адыгов и обусловили ее ключевую роль в автохтонной системе этнополитического равновесия в регионе.

АДЫГИ В СИСТЕМЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НА КАВКАЗЕ (середина XVI — начало 1770-х гг.)

Становление и развитие устойчивых политических взаимоотношений адыгов с Российским государством (середина XVI — конец XVII в.)

Социально-экономическое и политическое развитие адыгской этнополитической общности к середине XVI века по-прежнему протекало в сложных условиях междоусобиц и постоянных войн с внешними агрессорами – Османской Турцией и ее вассалом Крымским ханством. Восточные адыги (кабардинцы) вели в этот период ожесточенную борьбу и с кумыкским шамхальством за сферы влияния на Восточном Кавказе.

Мы уже видели, что особенно широкомасштабные наступления были предприняты против адыгов в 40–50-х годах XVI века. В своих действиях османы и крымцы преследовали не только грабительские, но и далеко идущие стратегические цели: обеспечить беспрепятственный проход своих войск (прежде всего крымской конницы. – К. Д.) через Северный Кавказ в Закавказье и Среднюю Азию¹. Для этого огромная территория от Тамани до границ с шамхальством в Дагестане, населенная многочисленными адыгскими

народностями, как жанеевцы, темиргоевцы, бжедуги, хатукаевцы, бесленеевцы и кабардинцы, должна была быть в зависимом положении или лояльной к указанным мусульманским державам. В большинстве случаев документы говорят об ожесточенной борьбе адыгов с захватчиками. Наряду с военными принимались меры и другого характера, как установление родственных связей султанского и ханского дворов с ведущими великокняжескими адыгскими домами, привлечение адыгской феодальной знати на военную службу, широкое использование традиционного института аталычества, когда крымские ханычи отдавались на воспитание в адыгские аристократические семьи и т.д.

Этапами установления связей со Средней Азией после «черкесских земель» были ногайские степи и Астрахань. Провозглашаемый в этот период турецкий «протекторат» над Казанью выражал стремление Османской Турции выступить в роли гегемона в системе татарских государств Восточной Европы: Крыма, Астрахани, Казани и Ногайской Орды². В конечном итоге рост международного престижа России в конце XV – первой половины XVI века совпал по времени с расцветом турецкого могущества и возникновением проблемы взаимоотношений между европейскими государствами и султанской Турцией³. С середины XVI века одной из трех главных внешнеполитических задач русского централизованного государства становится борьба с усиливавшейся османско-крымской агрессией. Заинтересованное в укреплении своих юго-восточных границ и обеспечении твердых позиций на Дону и в устье Волги, царское правительство завоевало в 1550-х годах Казанское и Астраханское ханства.

Турецко-крымский натиск первой половины XVI века затронул не только адыгов, но и ногайцев. А. А. Новосельский считал, что с покорением Казани и Астрахани и утверждением русской власти по всему течению Волги орда Больших Ногаев, естественно, теряла преимущества своего положения на нижнем течении Волги, свою влиятельную роль и была поставлена перед необходимостью новой ориентации⁴.

По мнению Е. Н. Кушевой, эти обстоятельства во многом определили русскую политику в Ногайской Орде, облегчили русское продвижение по волжскому пути и помогли московским войскам взять и удержать отдаленную от Москвы огромными пространствами Астрахань⁵.

Наряду с «астраханскими» и «казанскими» делами московская дипломатия, судя по наказам русским послам в Крым, ставила вопрос и о «крымском» деле⁶. Москва была очень заинтересована в создании антикрымской коалиции. Вероятными участниками такого проекта могли выступать адыги, которые наносили неоднократно сокрушительные удары по Крымскому ханству и контролировали важнейшие военно-стратегические и торговые пути на Северном Кавказе. Давая оценку данному процессу, Н. А. Смирнов считал, «нет сомнения, что уже в то время (середина XVI века. – К. Д.) русское правительство отдавало себе отчет в том,

какое важное значение имеет Кабарда для поддержания добрососедских отношений России с народами Кавказа и с Ираном и для охраны южных пределов. Нельзя забывать, что устье Волги и Астрахань могли быть в безопасности только тогда, когда спокойно было в Кабарде»⁷.

Реализации московских планов в сплочении антикрымских сил способствовало установление тесных связей между определенной частью правящих элит Кабарды и Ногайской Орды. Нами приводились примеры вмешательства кабардинцев в астраханские дела в первой половине XVI века: «с черкасы по женитве и свойстве» был астраханский царь Аккубек, который укрепился на Астраханском юрте с помощью «черкесов»; в родственных отношениях с кабардинцами был и царь Ямгурчей⁸. Две враждебные группировки кабардинских князей породнились каждая с одной из враждующих ногайских группировок: Пшеапшоко стал тестем мурзы Казыя, основателя Малой Ногайской Орды; женой Тинехмата, сына Измаила, была Малхуруб, дочь Темрюка Идарова⁹.

Можно предположить, что первым официальным обращениям адыгов в Москву (50-е годы XVI века) предшествовали какие-то первоначальные переговоры, и что эти контакты могли быть установлены через ориентировавшихся на Россию ногайских правителей. А. М. Некрасов выдвинул интересное предположение, что адыгские посольства 1552, 1555 и 1557 годов ставили вопрос не только о помощи против Крымского ханства. Он полагает, что одним из важных моментов переговоров была возможность предоставления адыгам огнестрельного оружия¹⁰. Известно, что в некоторых походах 30–40-х годов XVI века перевес в силах крымцев над адыгами (как и над астраханцами в 1546 году) достигался за счет обладания огнестрельным оружием и артиллерией. Единственным путем приобретения такого оружия для адыгов, по мнению А. М. Некрасова, было обращение к Русскому государству, которое поставляло его уже к середине XVI века в Ногайские орды. И вполне возможно, что полученная от ногаев информация тоже сыграла свою роль в решении адыгских правителей обратиться к Ивану IV.

Таким образом, внутреннее и внешнее положение адыгских народностей, интересы восточной политики России и общая заинтересованность в борьбе с турецко-крымской агрессией обусловили сближение адыгов с Российским государством в середине XVI века.

В 1552–1557 годах господствующая феодальная верхушка отдельных адыгских народностей (жанеевцы, беспенеевцы, кабардинцы) через свои официальные посольства обратилась за помощью и покровительством к Московскому государю. В данном случае инициатива обращения исходила от адыгских правителей, но они выражали не только свои социальные интересы, а объективно сложившиеся в адыгском обществе общенародные нужды. В документах Посольского приказа, раскрывающих динамику адыго-русских взаимоотношений, часто встречаются формулы: «со всею Кабардою Черкасскою», «со всею землею Черкасскою».

Первое известие об обращении адыгских (черкесских) правителей в Москву дошло до нас в составе Никоновской летописи, в которой говорится, что в ноябре 1552 года «приехали к государю и великому князю черкасские князи Маашук-князь да Иван Езбозлуков да Танашук-князь бити челом, чтобы их государь пожаловал, вступился в них, а их з землями взял к себе в холопи, а от крымского царя оборонил»¹¹. Возглавлявшие посольство князь Маашук Кануков был бесланеевским владельцем, а Иван Езбозлуков — абазинским. Они просили принять адыгов и абазин в русское подданство и оказать помощь в борьбе с Крымским ханством. Черкесские князья задержались в Москве до августа 1553 года. Они ходили в поход с Иваном Грозным на «государевы Украины», а после известий о крымском набеге «на Черкасы»* были отпущены на родину, как свидетельствует летопись, князья «крест государю целовали на том, что им со всею землею Черкасскою служити государю до своего живота: куда их государь пошлет на службу, туда им ходити»¹². С адыгскими князьями был послан «в Черкасы» посол, сын боярский Андрей Щепотьев, чтобы «правды их видети».

В 1554 году крымский хан повторил свой поход на черкесов. В августе 1555 года в Москву прибыло новое адыгское посольство в составе 150 человек. Оно возглавлялось жанеевскими князьями Сибоком с сыном Кудадеком и братом Ацымгуком, а также абазинским князем Тутарыком Езбозлуковым. С ними вернулся и царский посол А. Щепотьев. «И били челом князья черказские ото все земли Черказские, чтобы государь пожаловал, дал им помощь на Турьского города и на Азов и на иные города и на крымского царя, а они холопи царя и великого князя и з женами и з детьми во веки»¹³. Андрей Щепотьев свидетельствовал царю, что Черкасы «дали правду всею землею». Посольству было оказано большое внимание. Царь пожаловал его «великим своим жалованием» и черкасским князьям «во свои им земли учинил отъезд и приезд добровольный»¹⁴. Тутарык и Кудадек по их челобитию были крещены, получив соответственно имена Ивана и Александра. Западным адыгам, которые обязались служить Русскому государству, была обещана помощь против крымского хана, но в отношении Турции Иван IV не захотел дать каких-либо гарантий и сослался на то, что «турецкий султан в миру со царем и великим князем»¹⁵.

Установление дружеских отношений Москвы с западными адыгами, страдавшими в первую очередь от крымцев, создавало для Русского государства выгодную позицию в будущих отношениях с ханством. Поэтому сразу при получении известий о крымском

* Польский король Сигизмунд-Август писал в связи с этим походом хану Давлет-Гирею, что радуется его победе над князем Албуздум, «который лхой умысел на панство взял был, змовившись с князем великим Московским, а вы его землю за то воевали, а с помощью божией и самого его достали есте и жону из детьми» (Книга Посольская метрики великого княжества Литовского. Т. 1. № 44,46).

походе на Северный Кавказ в 1555 году было принято решение о посылке на «крымские улусы» 13-тысячного войска во главе с И. В. Шереметьевым, чтобы отвлечь от своих новых союзников и от Астрахани. Исследователи считают, что указанное известие выступает как первый зафиксированный факт осуществления на практике соглашения адыгов и Русского государства о взаимной помощи в борьбе с Крымом.

В 1556 году крымский хан «пошел был на Черкасы на пятигорские», но получил известие о появлении на Днепре под Ислам-Керменом русского отряда Дьяка Ржевского и вернулся на полуостров. По сообщению Никоновской летописи «и сее осени о Покрове (т.е. в сентябре. – К. Д.) у него (крымского хана. – К. Д.) Вишневетской князь Дмитрий город взял Ислам-Кирмень и людей побил и пушки вывез к себе на Днепр во свой город; а з другую сторону черкасы пятигорские взяли два города, Темрюк да Томань, а приходил Черкасской Таздруй-князь да Сибок-князь з братьею, которые были у царя и великого князя на Москве...»¹⁶.

Как мы видим, слаженные действия русских войск со стороны Днепра и адыгов – с Таманского полуострова, принесли конкретные результаты в военных действиях против Крыма. Установившиеся дружеские взаимоотношения ряда адыгских народностей с Русским государством препятствовали агрессивным замыслам османского султана в отношении северокавказского региона, по которому обычно шли вассальные крымские ханы в Закавказье, где Порты вела войну с Ираном. Е. Н. Кушева полагает, что наряду с взятием Казани и Астрахани русскими, приведенные события в Западной Черкесии были в числе причин, побудивших султана Сулеймана к заключению мира с шахом Тахмаспом¹⁷.

Западные адыги не смогли удержать Таманский полуостров. В 1557 году жанеевские и бесланеевские князья во главе с Сибокком и Маашуком были вынуждены покинуть родину и выехать в Москву. Здесь они крестились – Сибок под именем Василия, а Маашук под именем Ивана и были «устроены» на службу. Летопись сообщает, что среди выехавших «Чюгук-мурза да Тохта-мурза да Татар-мурза – служил у Крымского, царю крымскому шурин, царя Давлет-Кирея болшаа царица сестра его родная и дочь Тарзатык-мурзы, – да с ними люди их»¹⁸. С этого времени ведет свое начало институт выезжих адыгских князей в Москву¹⁹. В том же 1557 году перечисленные адыгские князья со своими людьми были направлены в составе русского войска в Ливонию, где принимали участие в военных действиях под Псковом, Раковором, Дерптом, Мильтемом и Аллусте и т.д. Обычно они воевали в составе передовых полков.

Следующее адыгское посольство было из Кабарды, от имени верховного князя Темрюка Идарова и прибыло в Москву в июле 1557 года. «Черкасский мурза» Канклыч Кануков, находившийся во главе посольства, обращаясь к русскому царю, по сообщению летописи, говорил: «А пришел от братия от Кабартынских князей черкасских, от Темрюка да от Тазрюта князя бить челом, чтобы

их государь пожаловал, велел им себе служить и в холопстве их учинить, а на Шавкала был им государь пожаловал, астраханским воеводам велел помочь учинити. Да говорил Кавклыч-мурза Черкасской: только их государь пожалует, учинит от себя в холопстве и помочь им учини на недругов так же, как братью пожаловал, черкасских жаженских князей Машук и Сибока з братьею с их, и с кабардинскими черкасы в одной правде и в заговоре иверский князь и вся земля иверская и государю с ними же бьют челом, чтобы государь царь и великий князь их по тому же пожаловал, как и тех всех»²⁰. Несмотря на то, что в предыдущем году в Москве находилось посольство дагестанского шамхала, просившее «оборонить» его от кабардинских князей, русское правительство, зная о союзнических отношениях шамхала и крымского хана, встало на путь поддержки кабардинцев.

В конце 50-х – начале 60-х годов XVI века усиливается совместная борьба Русского государства и адыгов против военной экспансии Крымского ханства и Османской Турции. Удачные действия русских войск в 1558–1559 годах со стороны Днепра и Дона под руководством Дмитрия Вишневецкого и Данилы Адашева способствовали обращению западных адыгов в Москву, чтобы царь «дал бы им воеводу своего в Черкасы и велел бы их всех крестити»²¹. В 1560 году «в Черкасы» был отправлен князь Дмитрий Вишневецкий с Иваном Маашуком и жанеевским князем Сибоком Кансауковым²². Им было велено «промышляти над Крымским царем»²³.

План действий против Крыма со стороны Днепра, Дона и Западной Черкесии был изложен в наказе, который был послан с П. Совиным ногойскому князю Измаилу в апреле 1560 года²⁴. В грамоте Измаилу царь Иван IV, напоминая о договоренности совместных выступлений, писал: «И мы по твоему слову сее весны послали в Черкасы князя Дмитрия Вишневецкого да черкасских князей Амашика да Сибока, а велели им со всеми Черкасы с Черкасскую сторону Крым воевати. А на Дон послали есмя своих детей боярских Данила Чюлкова да Юрья Булгакова да Истому Извольского да Тягриберди мирзу Кипчака... а велели есмя им з Дону Крым воевати и тебе и твоим детям и племянникам и всем твоим людем перевозы держати. А на Днепр послал есмя наместника своего Черниговского Диака Ржевского со многими ж людьми, а велели есмя ему з Днепра Крым же воевати...»²⁵.

Скоординированные военные действия русских и адыгских отрядов в течение 1560–1561 годов позволили осуществить ряд удачных операций против крымцев и османов. Так, в начале 1561 года объединенный отряд спустился по Дону мимо Азова, овладел несколькими крепостями и достиг Кафы. Двадцать турецких галер, поспешивших на помощь татарам, потерпели поражение и вернулись в Константинополь²⁶. Все это вызвало большое беспокойство в Турции и в Польско-Литовском государстве. Польский король Сигизмунд-Август прямо указывал крымскому хану на опасность союза Москвы с западными адыгами: «... поразумети можешь, якими причинами и на черкесы пятигорские [Московский князь]

заходить, хочети их себе пригорнить и сповиновати, абы их противно тебя, брату нашему, обернул...»²⁷. Он неоднократно побуждал Давлет-Гирея к набегам на адыгские и русские земли. И как мы увидим дальше, именно совместные действия польского короля и крымского хана привели к постепенной утрате Москвой своих позиций в западной Черкесии.

После смерти царицы Анастасии Романовны в августе 1560 года у царя Ивана IV созрел план – в политических интересах России заключить брак с одним из царствующих домов Европы или одним из адыгских великокняжеских домов. Это свидетельствовало о важном значении, придаваемом Москвой сохранению и упрочению связей с многочисленными адыгскими народностями. В царской семье браки были делом не частного, а политического характера, они подчинялись династическим целям²⁸.

Свадебные посольства были отправлены: в Польшу и Литву свататься за сестру короля Сигизмунда-Августа; в Швецию – за одной из дочерей короля Густава; в «Черкасы у черкасских князей дочерей смотрети и привести к Москве». В Кабарду был отправлен к верховному князю Темрюку Идарову посол Федор Вокшерин и подьячий Семен Мякинин. В Западную Черкесию к жанеевскому князю Сибоку (Василию) отправился посол Борис Сукин²⁹.

Известно, что только сватовство в Кабарде увенчалось успехом. Вскоре князь Дмитрий Вишневецкий, с которым царское правительство связывало особые надежды на укрепление русских позиций в Западной Черкесии (может быть даже в форме создания им здесь особого вассального княжества под покровительством Москвы) отъехал к королю Сигизмунду-Августу. Через него приглашались на службу «до великого княжества Литовского» и «князи Черкасские, которые этого пожелают». Откликнувшись на это приглашение, сын князя Сибока Александр и сын князя Тазрута (Камбулата) Гаврила Черкасские, жанеевские князья, находившиеся на московской службе, отъехали в «Литву»³⁰. Здесь к этому времени служил их близкий родственник – «Сибоков брат». Описанные события, безусловно, являются следствием происков польского короля и усиливавшегося натиска Крымского ханства на Западную Черкесию. В конце 1562 года уже известные нам князья Сибок и Кануко прислали в Крым Сибокова брата Чубука «на Черкасское государство царевича просити». Чуть позже русский посол Афанасий Нагой сообщал, что Давлет-Гирей был мирен «с черкасы ... з с жанскими да с адоховскими и сына царевича калги Магмет-Кирея царевича в Черкасех 2 сына, царевич Сафра-Гирей у Сибока князя, а другой царевич Ширван у Пуштыка князя...»³¹.

В переговорах с московскими послами в Крыму в 60-х годах западные адыги делятся на тех, кто под влиянием «турского», и на «царевых», т.е. крымского царя или хана. По мнению Е. Н. Кушевой, понятие «всей Черкасской земли», употреблявшееся западноадыгскими посольствами в 50-х годах, постепенно было утрачено. Жанеевцы и другие западноадыгские народности, жившие неда-

леко от Таманского полуострова, признают номинальную зависимость от Крыма и Турции. Но основная часть населения Западной Черкесии сохраняет далее политическую самостоятельность.

Политическое развитие Кабарды шло в ином русле. После 1557 года устанавливаются самые тесные связи кабардинцев русской ориентации во главе с верховным кабардинским князем Темрюком Идаровым. В 1558 году он прислал в Москву сына Салнука (Салтанука), который был крещен под именем Михаила, обучен русской грамоте при дворе и стал потом одним из видных бояр. Его братья Доманук, Мамстрюк, Матлов (или Мазлов) тоже неоднократно бывали с различными поручениями в русской столице в 1560-х годах.

Выше уже отмечалось, что кабардинские князья просили «оборон» на «шевкалского», в свою очередь, шамхал просил царя, чтобы он «оборонил» его «от холопей своих от черкасских князей»³². Османо-крымская ориентация шамхала и его вражда с союзниками кабардинцами не устраивали царское правительство. Уже в 1560 году воевода И. С. Черемисин совершил из Астрахани морской поход на шамхала, который был вынужден покинуть свою резиденцию в Тарках и временно прекратить свои набеги на кабардинские владения³³.

В 1561 году Иван IV (Грозный) закрепил связь с князем Темрюком Идаровым женитьбой на его дочери Гуащэней – Марии Темрюковне. «Сей поступок, – указывал С. Броневский, – был ли он следствием пристрастия или политических вычетов, произвел, по тогдашним обстоятельствам, весьма выгодное для России сближение горских народов, наипаче кабардинцев, которые в походах царя Ивана на Лифляндию, Польшу, против крымских татар, отправляли службу наряду с российскими войсками и храбростью, им свойственною, много способствовали его победам»³⁴. Русский посол Афанасий Нагой сообщал хану Давлет-Гирею, что после брака царь «Темгрюка князя и землю Черкасскую пожаловал, велел ему служить, и ныне Темгрюк князь и Черкасская земля в государя нашего воля»³⁵.

Взаимоотношения Кабарды с Россией оформляются присягами («шертью»). С 1550-х годов основная, но не вся территория и не все население находилось в союзнических отношениях с Москвой. Большой группе кабардинской знати во главе с Темрюком Идаровым противостояла группировка во главе с князем Пшеапшоко Кайтукиным, которая ориентировалась на Крым. В дальнейшем, с каждым новым царем в России или же с новым верховным князем в Кабарде, союзнические взаимоотношения возобновлялись новой присягой, которая конкретизировала взаимные обязательства. Основное содержание жалованно-договорных грамот русских царей верховным кабардинским князьям сводилось к формуле: «... с нашими воеводами жити и нам служить и оприч нас к иному ни к которому государю не приставати, а кто нам будет недруг, тот бы и вам был недруг, и стояти вам всею землею Черкасскою от нашего недруга с нашими воеводами астраханскими и терскими заодно»³⁶.

В сложное и трудное для Кабарды время, когда ее раздирали феодальные противоречия и страна часто подвергалась нападению турецко-крымских агрессоров, князь Темрюк Идаров проявил себя мудрым и дальновидным государственным деятелем. Он и его сторонники из числа феодальной знати поняли, что объединить разрозненные кабардинские земли и устранить угрозу внешней опасности можно только с таким сильным и надежным союзником, как Россия. В героической песне о Темрюке говорится: «Ты благо принес Кабардинской земле, открыл нам просторы России»³⁷. Опираясь на русские военные отряды, он проводит различные мероприятия для государственного объединения кабардинских земель. Стремясь привести всю Кабардинскую землю «в послушание себе», Темрюк Идаров вел постоянную борьбу против Крыма и Турции. За десятилетие 1558–1567 в ответ на посольства Темрюка Идарова в Москву, в Кабарде шесть раз побывали русские послы и посланники и четыре раза ему была оказана сильная военная помощь, в которой особое значение имели стрельцы – ратные люди «с вогненным боем»³⁸. В своей внешней политике князь Темрюк Идаров, враждуя с дагестанским шамхалом, установил дружественные отношения с Грузией. В борьбе с Крымским ханством и его союзницей Малой Ногайской Ордой Темрюк опирался на князей Большой Ногайской Орды, с которыми был связан матримониальными отношениями³⁹.

В 1562–1563 годы Темрюк Идаров вместе с русскими воеводами совершил ряд крупных походов против кабардинских князей во главе с Пшеапшоко Кайтукиным и его союзником шамхалом Будаем. Одновременно эти походы способствовали обеспечению беспрепятственных связей Кабарды и России с Грузией через перевалы Центрального Кавказа. Благодаря внешней и внутренней политике Темрюка Идарова, Кабарда стала более консолидированной и утвердила свой авторитет в кавказском крае и за его пределами. Свидетельством этого является заявление русского посла в Турции И. П. Новосильцева, что земля князя Темрюка Идарова простирается «по Терке по реке и до моря»⁴⁰.

В 1567 году по просьбе Темрюка Идарова, «для бережения от недругов его» был поставлен русский город в устье Сунжи – притока Терека⁴¹. Е. Н. Кушева справедливо считает, что со стратегической точки зрения место для постройки на Северном Кавказе в 1567 году русского города было выбрано исключительно удачно, потому что оно перекрывало и контролировало пути сношений Крыма и Турции через Северный Кавказ и через Астрахань со Средней Азией, а также с шамхальством⁴². Кабардинские князья, противники русской ориентации, еще в 1564 году обращались к крымскому хану о недопустимости возведения русских укреплений во владениях Темрюка Идарова: «Если там будет поставлен город, то не только им пропасть, но и Тюмень и Шемкал будут за Москвою»⁴³.

Крымцы сознавали себя, по мнению А. А. Новосельского, объединяющим центром надежд и чаяний всех татар (в том числе Боль-

ших Ногаев и казанских людей), а также определенной части «горских» черкес, которые просят заступничества и принятия мер против постепенного утверждения русских на Тереке⁴⁴.

Постройка русского города вызвала резкое обострение русско-крымских отношений. Хан Давлет-Гирей дал понять на переговорах с русскими послами, что в этом вопросе он никогда не пойдет на уступки: «И будет де государь ваш похочет со мною быти в дружбе и в братстве, и он бы де города на Терке не ставил, а дал мне поминки Магмет-Киреевские, и яз де с ним помирюся. А будет де ему на Терек город ставити, и он де мне давай гору золоту, и мне деи с ним не мириватца, потому что деи поимал юрты бусурманские Казань да Асторохань, а ныне деи на Терке город ставит и несетца к нам в суседи»⁴⁵.

Осенью 1567 года три крымских царевича «всю землю черкасскую воевали и жгли и жены и дети имали и животину и овцы пригнали»⁴⁶. Царевичи хвалились, что «полону взяли больше 20 тысяч». Сведения, полученные русскими послами, давали иную картину и говорили о потерях крымцев в Кабарде.

А между тем отношения между османами и персами оставались в тот период весьма напряженными, и северокавказские пути сохраняли свое стратегическое значение для проникновения в Закавказье. В турецкой и крымской дипломатической переписке второй половины XVI века неоднократно перед русской стороной ставится вопрос, чтобы «отпереть» «кабардинскую дорогу»⁴⁷.

С этим же вопросом был связан большой, но неудачный поход крымско-турецких войск на Астрахань в 1569 году, имевший целью «открыть» дорогу Турции в Закавказье и в Ширван, в обход Северного Кавказа по Дону через Переволоку в Волгу и Каспийским морем⁴⁸. В широком плане предполагалось наладить связи Турции с мусульманскими странами Средней Азии. Наряду с отмеченными мотивами, поход должен был положить предел распространению влияния Москвы на Предкавказье⁴⁹. В 1570 году кабардинское войско во главе с Темрюком Идаровым пришло на помощь абазинам, которые подверглись нашествию крымского царевича Адиль-Гирея. В решающем сражении на реке Ахупсе Темрюк был смертельно ранен, и пленены его сыновья Мамстрюк и Биберюк (Булгайрук). И после смерти царицы Марии Темрюковны, а позже и ее отца, царь Иван IV придавал важное значение сохранению союзнических отношений с Кабардой. Он неизменно поддерживал княжеский дом Идаровых. Получив известие о битве на Ахупсе и пленении братьев, царь для их вызволения посылает в Бахчисарай Богдана Шапкина. В грамоте хану он писал: «слух до нас дошел слуги нашего, кабардинского князя Темгрюка, впади сыну твоему Адиль-Гирею царевичу в руки Темгрюковы княжи два сына, Мамстрюк и Биберюк... и ты б для любви Темгрюковых княжих детей ... к нам отпустил...»⁵⁰. Прибывший в январе 1571 года в Крым Б. Шапкин должен был передать сыновьям Темрюка «поклон» от Ивана IV, вручить им грамоту с жалованием (платье, меха и пр.) и вместе с послом Афанасием Нагим выяснить

условия их выкупа. В наказе определялась и возможная сумма – «у самой конечной нужды и полутора тысяча за человека»⁵¹. Крымский хан Давлет-Гирей, видя в братьях верных сторонников Москвы, требовал у своего сына Адиль-Гирея выдачи Мамстрюка с целью его убийства. Казанец Ахмамет-Улан, которому был подарен Мамстрюк, требовал за него 240 человек «ясыря черкасского, ребят и девок чистых», коня-аргамака в полном снаряжении, доспех, богатую одежду общей стоимостью 5 тысяч рублей. Или же: «окупу де за него не хочу, на Москве де у государя вашего моих два сына, и государь бы де ваш Мамстрюка взял, а Ахтем Улану дети ево отдал»⁵². Москва и Крым не пришли к соглашению в вопросе о сыновьях Темрюка. Позже татары увеличивали выкупную плату – по шесть тысяч за каждого, восемь за Мамстрюка, а «ныне цена Мамстрюку 10000 золотых», говорилось в сообщении посла. Сведений о том, что князей Мамстрюка и Биберюка выкупила русская сторона в документах Посольского приказа нет. Благодаря усилиям родственников, судя по документам 1578-го, 1580–1590-х годов, Мамстрюк опять в Кабарде и последовательно занимает пророссийскую ориентацию.

Многолетняя деятельность князя Темрюка Идарова оказала существенное влияние на всю последующую историю Кабарды. С его потомками (сыновьями и племянниками), выезжавшими на русскую службу, связано образование княжеского рода Черкасских (кабардинской линии). Кабардинские князья и дворяне выезжали ко двору Ивана IV для несения военной службы – одни временно, другие навсегда. Русское правительство часто привлекало к участию в войнах кабардинскую конницу, которая славилась своими боевыми качествами. Обычно кабардинские отряды включались в передовые полки. В ходе Ливонской войны они особо отличились в битвах при городах Риге, Аллусте («Ялыста»), Гюльбеде («Голбина»), Чесвинем, в период борьбы за города Мильтен, Мариенбург, Феллин и Эрмес⁵³. На юге совместно с русскими войсками кабардинские отряды неоднократно «промышляли над крымским царем»⁵⁴.

Борьба кабардинцев и их военно-политическое сотрудничество с Москвой против крымско-турецких сил продолжалась и в последней трети XVI века. Политику Темрюка Идарова продолжил его брат Камбулат, ставший верховным князем. В 1578 году он прибыл в Москву во главе посольства от Идаровых, Кайтукиных и Таусултановых. Оно било челом «ото все черкасские Кабарды» и предложило строительство русского города в устье Сунжи и присылке на Терек воеводы и людей с «огненным боем»⁵⁵. В том же году воеводой Новосильцевым город был поставлен, хотя позже, после обострения отношений с Крымом, он был снесен. Но фактически русский контроль над северокавказским путем сохранялся.

Общая международная обстановка, переговоры персидского правительства с русским по вопросу о совместной борьбе с Турцией, регулярный обмен посольствами с Кабардой и Грузией – все это позволяло российскому государству расширять свое вли-

яние в регионе, что в конечном итоге имело большое значение в совместном противостоянии адыгов и русских против османо-крымского натиска. В январе 1588 года кабардинское посольство во главе с Мамстрюком и Куденетом, представлявших, по их заявлению, «всю кабардинскую землю», подтвердило русское подданство кабардинцев. Кабардинское посольство оформило «шертную запись на верность Кабардинской земли Русскому государству»⁵⁶. Она послужила образцом для последующих договоров Москвы с кабардинскими владельцами.

Шертные грамоты (как и крестоцеловальные для христианских стран, например, Грузии. – К. Д.) содержали присягу («шерть») нехристианских (азиатских и кавказских) владетелей (татарских, ногайских, кабардинских, дагестанских, вайнахских, калмыцких) в верности России. Эта практика имела место с конца XV до начала XVIII века. Долгое время взаимоотношения Москвы с Крымским ханством и Ногайской Ордой оформлялись в виде шертных записей. Проекты последних могли исходить как с одной, так и с другой стороны⁵⁷. В свое время шертные (или «клятвенные») грамоты крымских ханов XVI – XVII веков подверглись анализу Ф. Ф. Лашковым. Он отмечал, что «каждая из грамот служит знаменателем тех отношений, которые существовали между Крымским ханством и Московским государством»⁵⁸.

К сожалению, некоторые авторы⁵⁹, затрагивавшие шертные соглашения в контексте кабардино-русских отношений, не поняли, что эта группа документов представляет собой серьезный внешнеполитический актовый материал, раскрывающий политико-правовой характер договаривающихся сторон и предполагающий их суверенность. Большая группа шертных соглашений кабардинских владетелей с российскими государями имеют общие внешние документально-юридические признаки в происхождении как результат сделки контрагентов, в содержании – как определение взаимных условий и по форме как комбинации устойчивых статей и формул.

Указанный выше договор 1588 года предусматривал, что кабардинская феодальная знать во главе с верховным князем Камбулатом Идаровым вступает в подданство русского царя и получает от него защиту против недругов: «... всю вашу Черкасскую землю под свою царскую руку и хотим вас держати все Черкасскую землю под своею царскою крепкою рукою в службе и обороне и защищати вас хотим ото всяких ваших недругов»⁶⁰. Кабардинская сторона обязуется помогать московскому правительству в борьбе с его противниками и соблюдать с ним мир: «... а хто нам будет недруг, тот бы и вам был недруг, и стояти вам всею землею Черкасскою Кабардинскою на нашего недруга с нашими воеводами ... заодин»⁶¹. На представителей кабардинской знати, заключающих соглашение, возлагается задача приведения «под царскую руку тех кабардинских владетелей, которые «служат Крымскому и Шевкальскому»⁶². Серьезным пунктом соглашения являлось положение о проведении и укреплении кабардинской стороной российского влияния в регионе: «... А хто будет нашим

воеводам астраханским и терским непослушен и по нашему царскому жалованию к нашему Терскому городу не пристанет и в нашем жаловании быти у нас не похочет, шевкальской князь или тюменской князь или горские князи или кумыки или иверские князи или из вас который черкасской князь от нашего жалования отстанет хто, и тебе, Канбулату-князю, и детям твоим и племянником и всей Черкасской земле на тех на всех на наших непослушников с нашими воеводами на них ходити и в нашу волю к нашей вотчине к Асторохани и к Терскому городу под нашу царскую руку приводити»⁶³. В соглашении оговариваются взаимные военные обязательства, в том числе координация совместных действий кабардинцев с терскими и астраханскими воеводами, а также необходимость участия кабардинских отрядов в военных мероприятиях российской стороны: «... А коли мы велим итти на службу черкасским князьям на которого своего недруга, и тебе, Канбулату-князю, и детям твоим и Домануку-князю и Мамстрюку-князю и братье их и племянником и всем князем черкасским посылати к нам на нашу службу на наших недругов братью свою и детей и племянников с ратными людьми, скольким коли велим итти ратным людем, стольким и итти»⁶⁴.

Наряду с шерстной записью политико-правовые взаимоотношения сторон оформлялись дачей царем Федором Ивановичем кабардинскому князю Камбулату Идарову и всей кабардинской земле «царской жаловальной з золотой печатью» грамоты⁶⁵. Она была по своему виду договорной и близкой к княжеским «докончальным» и повторяла основные положения шерстной присяги. Таким образом, мы видим, что взаимоотношения Кабарды с Россией оформлялись важнейшими публично-правовыми актами, т.е. документами правительственного происхождения второй половины XVI века, которые выражали отношение верховной российской власти к Кабардинскому феодальному княжеству.

Но здесь считаем необходимым оговорить, что хотя Кабарда второй половины XVI века (как и позже) имела центральные органы власти в лице избираемого верховного кабардинского князя и высшего законодательного органа власти — «Хасэ», имевшего сословно-представительный характер, она оставалась феодально-раздробленной. И рассмотренное соглашение имело силу в кабардинских удельных княжествах пророссийской ориентации.

В 1588–1589 годах по просьбе кабардинского посольства вновь был поставлен новый русский город в устье Терека, на одном из его протоков — Тюменьке, откуда легче было иметь связь с Астраханью. Документы конца 80-х годов XVI века позволяют говорить об образовании в ходе междоусобной борьбы двух основных феодальных партий, ориентировавшихся на русскую и османско-крымскую внешние силы⁶⁶. Княжескому дому Идаровых противостояли Кайтукины и Таусултановы. Посольства от них приезжали в Москву порознь. В шерстные записи, оформлявшие эти переговоры, вносились по просьбам кабардинской стороны формулы о помощи «ратными людьми» в борьбе с «недругами» против тех

«черкаских князей», которые служат «крымскому и шевкальскому». Феодалная борьба в Кабарде, если только противоборствующие группировки обращались к российской стороне и подтверждали российское «подданство», была выгодна царскому правительству. Это давало в их руки инструмент для закрепления своего политического влияния на Центральном Кавказе.

В июле 1589 года были направлены царские грамоты Камбулату Идарову, Мамстрюку Темрюковичу и Шолоху Тапсарукову о присылке «... черкас з двумя мурзами до 200 человек на службу...»⁶⁷. Речь в грамотах шла о готовящемся походе на шведского короля и поддержке данного военного мероприятия союзными кабардинскими князьями: «... чтоб Шолох прислал к нам на службу сына или брата или племянника, а с ним до 150 человек о двух кон лутчих молодцов в доспехах со всяким служебным нарядом и с копыи, — а Канбулат бы и Мамстрюк прислал с племянником с которым от обоих до 50 человек лутчих молодцов в пансырех и со всем служебным нарядом о двух кон с копыи; тем бы нам службу свою и правду показали, людей своих прислали...»⁶⁸. Но еще осенью этого же года в Астрахани была получена царская грамота с новым распоряжением — когда кабардинские князья пришлют ратных людей, дать им жалование, «лутчим мурзам по шубе да по 10 рублей денег, а рядовым дати всем по 2 рубля и отпустить... назад в Черкасы», объяснив, что «рати на свейского короля не будет»⁶⁹.

Летом 1589 года терский воевода А. И. Хворостин отписал в Посольский приказ о смерти кабардинского князя Камбулата Идарова и о борьбе между мурзами за княжение: «... Канбулат-князя не стало и у них де, государь, промеж ими смута была великая врось княжья, а на княжение де, государь, еще не посадили никого. А сказывают, что нынешней год владети у них Канбулатовым детям; а как год минет Канбулату, ино де, государь, быти у них на княженье Осланбек-князю. А ведетца де, государь, у них так, что на княженье сажают рядом; а ныне де ряд Осланбеков пришел»⁷⁰. Приведенный документ, как и многие аналогичные, показывает, что в XVI–XVII веке верховного князя избирали на «совете всей кабардинской земли» с соблюдением «ряда», т.е. очередности между отдельными княжескими линиями, возводившими свой род к знаменитому князю Иналу. В августе скоропостижно скончался князь Асланбек Кайтукин. В Кабарде был съезд и на место верховного князя заступил Янсох Кайтукин, который «совет учинил в Кабарде, съехався с кабардинскими князи ... и с Хотовым (Анзоров, тлекотлеш. — К. Д.) и со всеми мурзами и уздени и со всею землею», на котором была вновь подтверждена присяга русскому царю⁷¹. К концу 1589 года можно говорить об установлении в Кабарде преобладающего влияния князей прорусской ориентации. На соединение с войсками Янсоха и его сторонников из Терского города прибыло «вогненово бою 750 человек» и совместными усилиями «Кабардинскую землю всею под государствену руку привели...», сокрушив противников Москвы⁷².

В этот период проявляется стремление кабардинских князей к овладению контролем над переправами у слияния Сунжи с Терekom, для чего они пытаются учредить здесь заставы и взимать пошлины с проезжающих⁷³. Русское правительство, выполняя неоднократные просьбы грузинского царя Александра, предпринимает шаги к тому, чтобы обезопасить дорогу через шамхальство в Кахетию. Весной 1591 года планируется совместный поход терских воевод с князем Григорием Засекиным и кабардинских князей, для чего царская грамота отправляется Мамстрюку Идаровичу⁷⁴. В 1580–1590-х годах русское присутствие на Северном Кавказе вместе с установившимися союзническими отношениями с кабардинцами и другими горскими владельцами, по справедливому мнению Е. Н. Кушевой, еще более прочно, чем в 60-х годах XVI века, запирало для османских войск дорогу к Дербенту⁷⁵. Это значительно подняло престиж России и усиливало ориентацию северокавказских народов на Москву. Свои успехи в регионе русское правительство стремилось сделать достоянием международной дипломатии. Именно в начале 1590-х годов в полный титул русского царя было внесено добавление: «государь Иверские земли Карталинских и Грузинских царей и Кабардинские земли черкасских и горских князей... государь»⁷⁶.

Усиление русского влияния в Предкавказье вызвало резкое обострение отношений Турции и Крыма с московским правительством. В 1592–1594 годах во время нахождения в Турции русских послов Г. Нащокина и А. Иванова, прибывших к османскому двору с мирными предложениями, им было сделано резкое заявление: «хотели государя вашего люди в Кабардинскую землю на шевкала князя, а шевкал служит государю нашему... город де в Черкасах государя вашего люди поставили... А на Терке де и по Дону государь ваш поставил новых четыре города и государя нашего людям в Темиркапе (т.е. Дербенте. – К. Д.) дорогу отняли»⁷⁷. Великий визирь Синан-паша в письме к царю Федору Ивановичу обозначил целый ряд претензий о построении городов на Терке и в Кабарде, о нападении донских казаков на Азов, о контактах Москвы с грузинским царем Александром и требовал сведения с Дона казаков и даже возвращения Астрахани и Казани⁷⁸. Во время переговоров с османцами и крымцами русские дипломаты пользуются аргументацией об «исконной» принадлежности «пятигорских черкес» России. Она в форме легенды была создана в недрах Посольского приказа и доказывала, что адыги-черкесы в давние времена являлись не кем иным, как рязанцами, переселившимися на Кавказ, но позже, при Иване IV, вступили в русское подданство; по их челобитию и даже для их «бережения» был поставлен «в Кабардинской земле на Терке город, что без города быть черкесам невозможно»⁷⁹. Эта версия стала широко использоваться в дипломатических документах, несмотря на то, что в Стамбуле и Бахчисарае она не производила должного эффекта.

Турецкая и крымская дипломатия, в свою очередь, пыталась тоже обосновать «подданство» адыгов мусульманским государ-

ствам. В 1667 году турецкие чиновники доказывали русскому посольству в Стамбуле, что «черкесы» якобы еще со времени Баязида II (1481–1512) являлись слугами «высокой державы», и затем были уступлены Крыму⁸⁰. Крымский хан Ислам-Гирей в конце 1640 года носил титул «Татцкой и Тевкетцкой и межгорских черкас великий государь»⁸¹. В ответ на дипломатическое заявление Москвы по поводу грабительского похода крымцев в Кабарду, хан Селим-Гирей в 1671–1672 годах заявлял, что «черкесы и ногайцы искони до нонешнего дня под нашим повеленьем, наши подданные, и у предков ваших и у вас Черкасская земля никогда под вами не бывала...»⁸². Хан Мурат-Гирей (1678–1683) величал себя государем «кабардинских и горских черкас правой и левой стороны»⁸³. Интересно сравнить приведенный материал с мнением польского дипломата Мартина Броневского, который долгое время жил в Крыму в ранге посланника и получал информацию от самих крымцев, которые никак не были заинтересованы в подчеркивании независимости адыгов. Он еще в 70-х годах XVI века писал, что «область пятигорцев ... простирается до каспийского или Гирханского моря... Это совершенно свободный народ, имеет многочисленных и храбрых князей, которым подчиняются отдельные племена и роды»⁸⁴.

Во второй половине XVII века Посольский приказ составил обширную историческую справку в форме грамоты, где излагались основные вехи адыго-русских взаимосвязей с середины XVI века, что успешно использовалось дипломатами⁸⁵. Такая практика будет неоднократно применяться в противостоянии с османо-крымской дипломатией и Коллегией иностранных дел в XVIII веке.

В конце XVI века турецкий султан и крымский хан попытались организовать большой поход на Северный Кавказ для взятия «Терского города» и приведения черкесов «под турскую руку». В Керчь было переброшено 18 пушек. Крымский царевич Мубарек-Гирей должен был объединить янычар Анатолии, Кафы и определенную часть причерноморских черкесов⁸⁶. Была опасность посылки крымского войска на Россию. Начавшиеся вскоре военные действия в Европе в ходе австро-турецкой войны за обладание Венгрией, смерть Мубарек-Гирея отвлекли османо-крымцев от северокавказских проблем.

* * *

В начале XVII века Северный Кавказ стал приобретать все возрастающее значение в международных отношениях. Я. Ахмадов считает, что в политике таких государств, как Россия, Иран и Османская империя, северокавказский регион с народами, его населяющими, занял немаловажное место и как выгодный плацдарм для ведения военных действий, и как источник материальных и людских ресурсов⁸⁷.

Характерной чертой русской внешней политики в XVII веке по авторитетнейшему мнению В. А. Прокофьева и А. А. Новосельского

была ее последовательность, продуманность в установлении очередности и упорство в достижении внешнеполитических задач⁸⁸. Одной из таковых оставалось соперничество с Турцией и Крымом, а также Ираном за влияние в северокавказском регионе и защита своих южных рубежей.

Несмотря на сложную международную обстановку и в России, и на Северном Кавказе, кабардино-русские отношения в XVII веке развивались в сторону углубления и расширения. Кабардинские отряды совместно с гарнизонами Астрахани и Терского города участвовали в военных действиях против дагестанского шамхала. Кабардинские владельцы берут под свой контроль стратегически важную дорогу в Грузию. Уже к 1604 году населенные пункты кабардинцев располагались в Дарьяльском ущелье: князь Айтек овладел «дорогою в горах к Сонской земле»⁸⁹.

Внутреннее положение Кабарды в начале 1600-х годов осложнялось междоусобной борьбой князей. Так, Казый Пшеапшок со своими сторонниками добился гибели двух сыновей Темрюка Идарова – Домануко и Мамстрюка, «зазвав их к себе меду пить держав их у себя два дня скованными и на третий день убили»⁹⁰.

Гибель Темрюковичей побудила их двоюродных братьев Куденета Камбулатовича и Сунчала Янглычевича спастись от «недругов» уходом в Терский город. С 1603 года князь Сунчалеи по разрешению из Москвы стал служить и остался со своими детьми в Терском городе. В дальнейшем потомки Сунчалаеи неизменно получали царскую поддержку.

Терский город в этот период был не только крепостью, но и центром политических и экономических связей России с Северным Кавказом и Закавказьем. Возле него постепенно возникали поселения северокавказцев. За рекой Тюменкой образовалась Заречная, или Черкасская, слобода, укрепленная острогом. Принявшие крещение и служившие в городе горцы обосновались в слободе Новокрещенской. От притеснений кумыцких мурз сюда переселились окохи (акухи), племенное подразделение вайнахов, которые образовали Окоцкую слободу⁹¹. Согласно переписи 1640 года в Черкасской слободе насчитывалось более 1000 дворов кабардинцев, одних дворянских (уоркских, или узденских) семей, зависимых от князя Муцала Сунчалеевича было 175 дворов⁹².

Русские документы начала XVII века позволяют считать, что в 1602–1604 годах крымский хан Казы-Гирей находился в неприязненных отношениях с горскими черкесами⁹³. После неудачного похода Ивана Михайловича Бутурлина в 1604–1605 году в Тарки положение Терского города как опорного пункта России в регионе сильно осложнилось. Терские воеводы вынуждены были сжечь Сунженский острог, а его гарнизон перебросить в Терский город. События на Кавказе совпали по времени с началом Смутного времени, что во многом ослабило русские позиции в Предкавказье. Со стороны мусульманских держав увеличивались благоприятные условия своего воздействия на политические процессы в северокавказском регионе⁹⁴.

В наибольшей зависимости от Турции и Крыма по-прежнему находились отдельные западноадыгские народности. Для османов и крымцев особенно важным было сохранение господства на северо-восточном берегу Черного моря, и особенно на Таманском полуострове, прикрывавшем Азов⁹⁵. Турецкие гарнизоны находились в Анапе, Тамани, Темрюке и крепости Копыл на Кубани, построенной в 1607–1608 году крымским ханом Казы-Гиреем⁹⁶. В первый год постройки, зимую в новом городе, хан «приводил к шерти черкас на турского имя». Степень зависимости от османов и крымцев различных западноадыгских народностей в разное время была неодинаковой: в большей степени это касалось жанэ, живших на Тамани. По отношению к другим зависимость была чисто номинальной. От крымских набегов адыги были вынуждены откупаться данью, которая чаще по настоянию ханов уплачивалась невольниками. В XVII – начале XVIII века черкесская дань каждому из вновь вступающих на престол крымских ханов состояла из 300 невольников⁹⁷.

Несмотря на «смуту», связи Кабарды с Россией не прерывались. Основная масса кабардинских владетелей сохранила дружеские отношения с Москвой. В декабре 1605 года в Москве побывал кабардинский князь Сунчалея Янглычевич. Лжедмитрий I принял его и дал «жалование». В 1609 году посол старшего кабардинского князя Шолоха Тапсарукова Кардан Индароков пытался проехать в Москву, но попал туда лишь в 1614 году после занятия престола Михаилом Романовичем⁹⁸. В 1608 году в Терский город дали аманатов известные кабардинские князья Шолох, Казый, Айтек, Янсох, Идар⁹⁹. В 1613 году в Астрахани обосновался сторонник уже погибшего тогда Лжедмитрия II атаман А. И. Заруцкий. Он попытался поднять казаков и «кабардинских князей и черкес итти на Русь войною», а также захватить Терский город и расправиться со сторонниками М. Романова. В этот период большую поддержку терским воеводам оказывал князь Сунчалея Янглычевич¹⁰⁰, который вместе с воеводой П. Головиным сформировал отряд из терских казаков, кабардинцев и окочан и отправил в Астрахань, где они храбро сражались против Заруцкого¹⁰¹.

Благодаря активной посреднической деятельности Сунчалея в Терском городе большая часть феодальных владетелей Кабарды и Дагестана присягнула на верность новому русскому правительству. В Кабарде, например, приняли присягу на верность России старший кабардинский князь Шолох Таусултанов, князья Гиляхстановы (Клехстановы), Алдаровы (Айдаровы) и Казый Пшеапшоков.

Эти заслуги были высоко оценены русским правительством. В 1615 году царь Михаил Федорович выдал жалованную грамоту и назначил Сунчалея над всеми слободами, расположенными под Терским городом. Он получил право правления над ними, а также суда и военного предводительства¹⁰². Е. Н. Кушева считает, что такого рода жалованными грамотами рядом с воеводами и подчиненными ему русскими людьми на Тереке создавалось «особое вассальное княжество, несколько напоминающее владения каси-

мовских царей»¹⁰³. Документы показывают, что в дальнейшем оно переходило по прямой линии потомкам Сунчала Янгличевича — его старшему сыну Шолоху, умершему бездетным; второму сыну Муцалу, затем Каспулату Муцаловичу, впоследствии их близкому родственнику Салтан-беку Канбулатовичу. Со смертью последнего в начале XVIII века своеобразное вассальное княжество прекратило свое существование. Огромное количество документальных материалов показывает, что на протяжении всего XVII века Сунчалеевичи оказывали большое влияние на терских воевод, по отношению к которым держались независимо. Они выступали посредниками в переговорах терских воевод с различными северокавказскими владельцами. В условиях непрекращавшихся межфеодалных войн, когда враждующие группировки обращались к терской администрации за поддержкой ратными людьми «с вогненным боем», часто от протекции Сунчалеевичей зависело решение вопроса.

Сохранявшееся в течение XVII века влияние Москвы в Кабарде и на северокавказском пути давало большое преимущество России во взаимоотношениях с Турцией, Крымом и Ираном. За счет этого значительно облегчалось решение восточного вопроса русским правительством. В первой половине XVII века турецко-персидские войны продолжались, и шли они с перевесом Ирана. Шах Аббас постепенно вытеснил османов в первые десятилетия XVII века из Восточной Грузии, Азербайджана и Дербента. Он первым из иранских правителей предпринял попытку захвата Дарьяльского прохода и завоевания «многих кабардинских мест, которые подошли к Иверской земле близко»¹⁰⁴. Шахские войска намеревались пройти через земли князей Алкасовых и Айтековых. Малокабардинский князь Мудар Алкасов, чьи владения располагались при выходе из Дарьяльского ущелья, вступил в вассально-подданические отношения с шахом. Вероятно, он рассчитывал на иранскую помощь в борьбе с другими кабардинскими феодалами. Он ездил в 1614–1615 году в «Кызылбаши», вернулся оттуда «с шаховыми людьми» и начал укреплять свои кабаки «надолобами», чтобы «перенять грузинскую дорогу», «а шах босовым бы людям тою дорогою ездити было бесстрашно»¹⁰⁵.

Напротив, князя Айтек и Шолох удалились в горы к князю Казыю. Несмотря на предпринятые усилия, шахские войска не смогли выйти на северокавказскую плоскость — «и шах на Кабарду не нашел дороги».

В ходе ирано-турецких войн в XVII столетии, как и в предыдущую эпоху, северокавказский путь оставался важнейшим для прохождения крымских войск. В сообщении терского воеводы весной 1615 года говорится о том, что «турский царь» собрал «ратных турских и крымских многих людей» и хочет идти на шаха Аббаса: «а итти де турскому царю из Азова подом на Беспаней, а от Беспаней на Кабарду, а ис Кабарды Османовскою старою дорогою подле гор мимо Горячего колодезя через Суншу, а от Сунши мима Тарков, а от тарков на шах Аббасов на город... на Дер-

бень»¹⁰⁶. В Кабарду различным владельцам были направлены султанские грамоты и жалование. Но, кроме Казы Пшеапшокова, никто не выразил согласия на поддержку «турского»¹⁰⁷. В сложившихся условиях основная масса кабардинской знати и их подвластного населения оставалась в «русском подданстве»: «и ныне де у кабардинских князей и мурз и у черкас положено на том: как Крымский царь и царевицы пойдут на шах Баса мимо их Кабардинскую землю и захочет их имати с собою или под свою руку захочет их приводити, и им де с ним не хаживати и под его рукою не бывати, а бежати ... хотят от него все в горы...»¹⁰⁸. Ни один из предполагавшихся в 1606, 1608, 1616, 1629 и 1637 году походов крымских войск в Закавказье северокавказским путем не состоялся сухопутным путем. Каждый раз турецкое правительство перевозило крымцев морским путем в Синоп. И главными факторами того, что крымские войска не могли пользоваться северокавказским путем являлось наличие сильного гарнизона Терского города и союзнические отношения Кабарды и части северокавказских владельцев с Россией.

Московское правительство предпринимало шаги к возобновлению прежних дружеских отношений с Большой Ногайской Ордой. В этих делах определенное место отводилось Кабарде. В 1613 году орда во главе с князем Иштереком кочевала в «Черкасских горах» и была разбита кабардинцами, и ногайцы были вынуждены отойти в степные кочевья между Терекон и Астраханью. Отправленный к Иштереку послом Иван Кондырев считал, что ногайцев «посылками и жалованьем» «не удобрить». На его взгляд, их необходимо «войною смирити», для чего направить горских черкес и донских казаков, которые «втопчут их в море»¹⁰⁹.

К 1619 году на Северном Кавказе складывается антиногайская коалиция горцев, чьи хозяйственные интересы нарушались вследствие занятия ногайцами притеречных степей. Многие известные кабардинские князья как Алегука Шогенуков, приводивший в 1616 году крымцев в Кабарду, а также Мудар Алкасов и Ахлов Айтеков (чьи владения находились в Дарьяльском ущелье) просили русской помощи. Кабардинцы обратились за помощью даже к западноадыгским народностям¹¹⁰. В последующем (1619–1620) Большая Ногайская Орда распалась в ходе междоусобиц, значительно ослабла и вынуждена была примириться с Россией и перекочевать из Предкавказья в Поволжье¹¹¹.

В XVII веке произошло условное разделение Кабарды на Большую и Малую, что еще больше обособило политически различные феодальные владения. По-прежнему в Большой Кабарде наибольшее влияние имели княжеские дома Идаровых и Кайтукиных, а в Малой Кабарде – Гиляхстановых и Таусултановых. По сравнению с XVI веком, когда крупные феодальные фамилии в междоусобной борьбе выступали сплоченно, теперь наблюдается тенденция раскола феодальных семей одного княжеского рода. С 20-х по 60-е годы XVII века в Большой Кабарде лидирующее положение занимали князья, двоюродные братья Алегука Шегануков и Хоток-

шуко Казиев. Они возглавили группу родственных феодалов после долгих лет ожесточенной борьбы с близким им потомством Асламбека и Ясоха Кайтукиных, в прошлом старших князей Кабарды.

Б. М. Моков, специально исследовавший историю междоусобной борьбы в Кабарде XVII века, считает, что разделение Кабарды на Большую и Малую, фактическое прекращение выборов старшего князя для всей Кабарды, появление новых влиятельных княжеских фамилий и потеря отсюда своего положения другими, все это, естественно, оказывало влияние на образование феодальных группировок, их взаимоотношения и различную внешнеполитическую ориентацию, что проходит через все столетие, на фоне которого развивались кабардино-русские отношения¹¹².

Документы конца XVI – начала XVII века позволяют считать, что феодальные столкновения между ведущими княжескими родами (например, Идаровичами и Кайтукиными) происходили в большей степени за право на «старшее княжение», когда в нарушение обычая (не «по ряду») отдельные княжеские фамилии пытались удержать верховную власть и стремились превратить ее в наследственную. С 30-х годов XVII века документы, наряду с борьбой за старшее княжение, постоянно отмечают борьбу феодальной знати за населенные пункты («кабаки») и подвластное население, особенно за «лучших кабацких узденей», т.е. дворян, владеющих землями и зависимым населением. С самого начала становления кабардино-русских отношений российское правительство столкнулось в Кабарде с ожесточенной борьбой феодальных группировок. Москва через терских воевод вмешивалась в нее, часто пользуясь челобитиями кабардинских князей о предоставлении ратных людей на «недругов». Обещание или реальная военная помощь одним феодальным группировкам против других являлись действенным инструментом политики на Северном Кавказе. Е. Н. Кушева считает, что политика Посольского приказа в вопросе междоусобной борьбы в Кабарде не была устойчивой: в одних случаях терским воеводам давались наказы поддерживать состоявшиеся примирения враждующих сторон при условии их «верности», обеспеченной «закладами» (т.е. выдачей аманатов), в другом – посылались категорические приказания «однолично промышлять неоплошно», чтобы не дать врагам «помириться и в соединении быти»¹¹³. На этом этапе главное содержание политики Российского государства по отношению к Кабарде состояло в том, чтобы удержать кабардинские владения в сфере своего влияния и не допускать их союза с османской Турцией и Крымским ханством.

Кабардино-русские отношения в XVII веке, как и прежде, оформлялись на основе феодальной присяги – шерти. Задача приведения «под царскую руку», т.е. к «подданству», возлагалась Посольским приказом на терских воевод и кабардинских князей пророссийской ориентации – чаще это были Черкасские из рода Идаровых. Присяги закреплялись выдачей «закладов», т.е. аманатов (заложников) в Терский город, где они содержались под охраной, получая от казны «корм» и «платье»: «А приведчи их, государь, к

шерти, заклад взяли Канбулатова сына Анкячу; а быти ему у нас до осени, осеневати и зимовати в Терском городе Мамстрюку. А Мамстрюк оставил узденя своего лутчего аталыка Елтэку, а Хотов пришлет сына своего Адаруку»¹¹⁴.

По количеству наличествующих заложников от Кабарды и других северокавказских владений в аманатских дворах Терского города можно было судить о степени русского влияния в регионе. Российские власти в лице терских воевод стремились в качестве аманатов иметь детей, непосредственно дающих присягу владельцам. Часто ее нарушение они видели в том, что князья и мурзы давали в аманаты детей «не от прямых жен и в дядьках с ними присылали холопей, а не родственных людей и не узденей»¹¹⁵. Вопросу об аманатах обе стороны – и русская, и северокавказская, придавали очень важное значение.

Российское правительство, желая укрепить влияние в Кабарде, стремилось прежде всего обеспечить подданство «старшего» или «верховного» кабардинского князя путем принятия от него не только шерстной присяги, но и путем выдачи ему жалованной грамоты с золотой печатью на «большое княжение». Им также обеспечивались ежегодные посылки денежного и хлебного жалования в размере 100 руб. денег и 50 четей хлеба¹¹⁶. С середины XVI по XVII век Москва традиционно в этих вопросах поддерживала представителей рода Идаровых. Вмешательство русского правительства в важнейший внутрисполитический вопрос, как выборы «старшего» князя и попытки не «сажать на княжение» без «государева указа», встречали отпор в Кабарде и обостряли еще больше междоусобицы кабардинских княжеских родов. В родословной кабардинских князей и мурз XVII века (по А. И. Лобанову-Ростовскому) имеются следующие свидетельства – **по Идаровичам**: «...Мамстрюк князь, княжеством кабардинским пожаловал его государь, а в Кабарде княжества ему не дано было»; «Наршов (Елбузлуков, 1631. – К. Д.) мурза, государь пожаловал его княжеством, а в Кабарде княжества ему не дано было»; «Куденет-князь (Камбулатович, 1616. – К. Д.) от государя пожалован княжеством Кабардинским, и в Кабарде ему княжества дано было»; «Пшимахо-князь (Камбулатович, 1624. – К. Д.) от государя пожалован, а Кабардинского княжества ему не было»; **по Кайтукиным**: «... Янсох-князь (Кайтукин, 1602. – К. Д.), княжество дано ему на Москве при царе Федоре Ивановиче всеа руси, как был на Москве, а в Кабарде княжества ему не давали» и т.д.¹¹⁷. Попытки России утверждать «старшего» или «верховного» князя в Москве путем выдачи царской грамоты на княжение в Кабарде не привели к ожидаемым результатам, и постепенно со второй половины XVII века царское правительство отказывается от этой практики.

В XVII веке продолжают острые противоречия между феодальными родами Идаровичей и Казыевичей; с последними часто в союзе выступают и Шолоховы. Терские и астраханские воеводы помогают «ратными людьми» Идаровым. В 1614 году в Терском городе подтвердили свои отношения с Москвой и принесли прися-

гу царю Михаилу Романову представители ведущих кабардинских княжеских родов: Шолох Тапсаруков, Мудар Алкасов и Айтековы — из Малой Кабарды; Куденет Камбулатович и Нарчов Езбузлуков (Идаровичи); Казый Пшеапшуков (Кайтукины)¹¹⁸. Учитывая, что позиция Идаровичей была последовательно прорусской, царское правительство стремилось обеспечить свое влияние в Шолоховой и Казыевой Кабарде. Эти феодальные уделы или находились на большом расстоянии от Терского города, или с указанными фамилиями в тесной связи отношениями родства или аталычества были связаны крымские ханы.

В 1615 году князь Шолох Тапсаруков в союзе с ногайцами и кумыками ходил походом на Казыя Пшеапшокова. Казый был убит, и через два года его родственники Дадарука и Кулмурза Канукины, «да Казыева дети Шепшуковы с Черкасскими ж с Шолоховыми племянники з Беком да с Сурбеком, с Пыштыными детьми, мирятца, чтобы им быти межсобя в соединенье по-прежнему»¹¹⁹. Хроника междоусобной борьбы развивалась стремительно. В 1621 году «Казыевы дети и племянники, сложась с Шолоховыми племянники с Сугурбеком и со всеми Шолоховыми кабаками», напали на владения князя Куденета Камбулатовича и его братьев и разгромили их кабаки. Конкретная раскладка в противоборствующих лагерях приводила часто к тому, что бывшие враги оказывались в одной группировке. Например, князь Сунчалеи Янгличевич вместе с русскими войсками в 1622 году ходил против Казыевых, Шолоховых, Пыштовых, Ибакиных, у которых воевал «кабаки их и по полем хлеб и сена пожгли»¹²⁰. Царское правительство, поддерживая Идаровых, старалось с их помощью получать периодические подтверждения русского подданства князей Большой Кабарды. Пророссийские князья после указанных походов сообщали, что «... под твою государскую высокую руку в холопство их привели и аманаты на Терек у них взяли».

На складывание феодальных группировок, их неустойчивый характер часто влияли особенности средневековых, традиционных соционормативных институтов адыгов. Например, наряду с институтом аталыческих связей важное влияние на эти процессы оказывал институт родственных отношений «благъагъэ». Так, князья Сунчалеевичи из Идаровых сблизились со своими кровными врагами после того, как Шолох Сунчалеевич, а после него брат Муцал вступили в брак с сестрой князя Алегуко Шогенукова. Кабардинское феодальное общество XVI–XVIII веков придавало большое значение институту родственных отношений и в плане внешнеполитических связей. В конце XVI века князь Шолох Тапсаруков, разъясняя своим дворянам невозможность его содействия русскому посольству в Кахетию, указывал, что он не может отстать «от Крымского и Шевкальского кумыков», «а в Крыму де у меня две дочери и многой мой род и племя; а в Шевкалах у Кумыках таково же»¹²¹. Брачные узы на определенный период могли усилить позицию той или иной мусульманской державы в отдельных уделах Кабарды. Например, крымский царевич Шагин-Гирей, чье

имя несколько десятилетий не сходило со страниц русских дипломатических документов и который вместе с братом Магомет-Гирем был активно задействован в крымских, персидских, турецких и черкесских делах 1616–1640-х годов, на пути из Ирана походом через Северный Кавказ в Крым в апреле 1623 года женился на сестре Алегуки Шогенукова и усилил тем свое влияние в Казыевой Кабарде¹²².

Уже в первой половине XVII века Идаровичи, получая неизменно поддержку российского правительства, все же постепенно утрачивают прежние позиции в борьбе за власть и феодальные владения. Они не выступают уже консолидированно. В результате феодальных столкновений их владения и зависимое население значительно сокращаются. В 30-х годах XVII века у князя Нарчова Езбузлукова с братьями и детьми оставалось только «7 кабаков, а в них 70 человек узденей»; у наследников Камбулата Идарова, бывшего верховного князя – «4 кабака небольшие, узденей в них с 30 с 5 человек»; к Будаچهю Сунчалеевичу перешли кабаки Мамстрюки и Домануки Темрюковичей – кабаков 11, «а людей в них 250 человек с лишком, оприч черних люди добры»¹²³.

Влияние Казыевых в Большой Кабарде в 30–40-х годах XVII века настолько усиливается, что Сунчалеевичи вынуждены были считаться с изменившимися обстоятельствами¹²⁴. Тем более, что кабаки Будаचेя и Алегуки Сунчалеевичей находились вблизи Казыевой Кабарды. В многочисленных наказах терским воеводам и кабардинским служилым князьям царское правительство проявляло большую заинтересованность в приведении к шерти Казыевой Кабарды. Серьезным фактором, определившим окончательно раскладку политических сил и взаимоотношения близких родственников Сунчалеевичей и Куденетовичей, являлся захват в конце 1630 года Нарчовым Езбузлуковичем, Кельмаметом и Ильдаром Куденетовичами кабацких узденей, принадлежавших Сунчалеевичам¹²⁵. Все это привело к примирению бывших кровных врагов (Сунчалеевичей и Казыевых) и окончательно рассорило близких родственников. Князь Кельмамет Куденетович жалуется царю Михаилу Федоровичу на Шолоха Сунчалеевича, что у него «дружба и совет с Алегукою да с Хотоужукою и с их братьею, которые издавна вам, государям, недоброхоты... вели мне дать на князь Шолоха оборонь...»¹²⁶. Обращения такого рода во множестве поступают в Посольский приказ в конце 1630 – начале 1640-х годов¹²⁷.

Апеллируют к царской власти и князья Казыевой Кабарды, которые летом 1640 года в грамоте Алегуко Шогенукова «с родственниками» царю Михаилу Федоровичу высказывают обиды на ущемление их прав в содержании аманатов и даче жалования в сравнении с Идаровичами. Документ показывает, что эта группа кабардинской феодальной знати понимала свое «подданство» России своеобразно, на условиях права «свободного вассалитета», когда в ходе междоусобной борьбы они обращаются к царской власти как высшему «сюзерену» с категоричным требованием

«прислать доброго дворянина с своим государевым повелением» для рассмотрения спорных дел, а также указанием, что «мы холопы ваши государские, а не Канбулатовы сына Кельмамента да и Нарчововы и не ваших воевод и князей, холопы ваши, государевы»¹²⁸. Князья настаивают на своем независимом положении в решении внутриполитических вопросов, когда право «сильного» традиционно приводит к подчинению остальных: «... у нас искони у отцов наших и у дедов меж нами, черкасы повелось: за сердце друг друга побивают досмерти»¹²⁹. Они в ультимативной форме ставят вопрос перед российской властью об определении ею своей позиции в ходе междоусобной борьбы: «А только вы, государь, учнете их жаловать лутче нас, и мы будем в холопстве мусульманскому государю»¹³⁰. То есть, если царская власть как высший сюзерен и в качестве третейского судьи не разрешит феодалный спор, то князья Казыевой Кабарды оставляют за собой право выбора внешнеполитической ориентации.

Полагаем, что противоборствующие кабардинские князья обращались за поддержкой и вовлекали в решение своих проблем высокопоставленных родственников, видных российских сановников – Ивана Борисовича, Якова Куденетовича и Дмитрия Мамстрюковича Черкасских. Косвенным свидетельством такого участия служит уже приведенная грамота 1640 года, в которой Алегуко Шогенуков говорит о праве Дмитрия Мамстрюковича решать, кому он хочет передать отцовские кабаки, полученные им в наследство в Кабарде¹³¹. В ответной грамоте Посольского приказа российская власть указывает на неправомерность передачи решения вопроса о наследовании кабаков Мамстрюка его сыну, так как «князь Дмитрий холоп ... государского повеления, а без ... государского указу кабаков своих отдавать никому не мочно»¹³².

В сложившейся конкретной исторической ситуации Россию, заинтересованную в дальнейшем укреплении своего влияния в Кабарде и в регионе в целом, не могла устроить чересчур независимая и ультимативная позиция князей Казыевой Кабарды, и она оказывает по-прежнему поддержку Идаровичам. Вышеуказанное обращение мурз Казыевой Кабарды к Дмитрию Мамстрюковичу могло состояться при посредничестве породнившихся с Алегуко Шогенуковым князя Муцала Сунчалеевича с братьями. После событий конца 1630 – начала 1640-х годов князья Муцал и Будачей были обвинены Москвой «в воровстве и измене» и подвергнуты опале. Е. Н. Кушева излагает другую версию в изменении отношения российских властей к Сунчалеевичам. Она считает, что влиятельное положение этих князей на Северном Кавказе вызвало к ним в тот период особое внимание со стороны персидских шахов. С разрешения Москвы князь Муцал выдал в 1636 году за шаха Сефи свою сестру. Но обнаруженная в 1640 году переписка Муцала с шахом, которую первый старался скрыть, была сочтена за измену и вызвала обширное следственное дело. В ходе него был вскрыт ряд злоупотреблений Сунчалеевичей, что привело к ссылке Муцала и его брата Будачей в Вологду и Галич¹³³. Расспросные

речи в Сыскном приказе Муцала и Будадея Черкасских в апреле 1641 года позволяют установить еще другое обвинение – им вменялось предупреждение князей Казыевой Кабарды о готовящемся против них походе воеводы Т. Аладьина¹³⁴. Позже, в августе 1642 года, по ходатайству Дмитрия Мамстрюковича Черкасского следствие было прекращено. Муцал и Будадей получили прощение и были отпущены в Кабарду¹³⁵.

В конечном итоге, как мы видим, в политическую борьбу различных кабардинских феодальных групп была втянута не только вся Кабарда, феодальные образования Дагестана и Ногайской Орды, но и Крымское ханство и Российское централизованное государство. На стороне Сунчалеевичей выступали Казыевы с Малыми Ногаями. На стороне Куденетовичей оказались терские ратные люди во главе со стрелецким головой Артемием Шишмаревым, малокабардинские князья Мудар Алкасов, Илдар Ибаков с братьями, Большие Ногаи во главе с Салтанашем Аксаковым и Хорошаем Чюбюрмамметевым, кумыцкий Айдемир-шевкал с братьями. Своей кульминации вышеописанное противостояние достигло в июле 1641 года в ходе кровопролитной битвы на р. Малке («Балк»). Она закончилась крупным поражением Куденетовичей и их союзников. В отписке терского и астраханского воевод С. И. Шаховского и Н. И. Одоевского в Посольский приказ, подробно излагающей ход Малкинской битвы, говорится: «И Кельмамета де мурзу Куденетовича Черкасского с товарищи и с ратными людьми, которые были у него под знаменем, Алегукины люди разорвали порознь, и ополчитца им не дали, и притеснили де, государь, их к крутому и к глубокому яру меж гор к реке к Балку. И тут де, государь, учинился гневом Божиим на твоих государевых и на кумыцких и на черкасских людей побой. А убили, государь, на том бою начальных людей Айдемир-шавкала кумыцкого, да Кельмамета-мурзу Куденетовича Черкасского, да Илдара-мурзу Ибакова, да голову стрелецкого Ортемия Шишмарева и иных многих мелких кумыцких мурз и их людей побиили»¹³⁶. В дальнейшем продолжают острые противоречия между удельными княжествами Шолоховой, Мударовой и Анзоровой Кабарды, с одной стороны, с другой – Казыевыми и Сунчалеевичами, чьи владения располагались в Большой Кабарде. В отписках терских воевод содержатся сведения о подготовке совместных действий Ибаковыми, Мударовыми и Куденетовичами с эндерейским мурзой Казаналпом (Дагестан) против мурз Казыевых, Будадея и Муцала Сунчалеевичей. С ними «заодно стояли» Урускан-мурза Янсохов «изстари недруг» Алегуки и Хотождуки, женатый на родной сестре Кельмамета Куденетовича. Столкновения интересов кабардинских феодалов происходили не только в самой Кабарде, но и среди служилых князей и мурз в Терском городе. Малокабардинские князья Гиляхстановы («Келехстановы») в челобитной обвиняли Сунчалеевичей в том, что они «во всех государевых службах и с полков и с уздени нашими выбывают, и многих наших узденей называют своими узденями»¹³⁷. Если в Малкинской битве Илдар Ибаков при-

нимал участие на стороне пророссийской группировки, выступающей против Казыевых, то некоторое время спустя его брат Келмамет Ибаков отходит от подданства России и уезжает в Крым. По возвращению оттуда он «соединачась с Канбулатом-мурзою Черкасским да с Казый-мурзою Мундаровым да с козларом с Созоруком, посылали де к твоему государеву непослушнику к Ондреевскому к Казаналпу-мурзе, чтоб он к ним приехал на съезд и, договорясь, шол бы с ним войною на Нарчово-князя Черкасского воевать ево кабаки»¹³⁸. В результате действий Келмамета Ибакова в 40-х годах XVII века Малая Кабарда стала постепенно выходить из-под контроля России и крепить связь с Крымом. Терский воевода М. П. Волынский сообщал летом 1643 года в Посольский приказ, что «Кельмамет-мурза Ибаков, и шерть брата своего и правду Илдара-мурзы нарушил, учинился тебе, государю, непослушен, и ныне де отпустил в Крым х крымскому царю мать свою Казета. А слышел де он, Муцал-мурза, что послал он мать свою х крымскому царю просить ратних людей на кабардинских на Алегуку да на Хотогжоку мурз Казыевых и брата ево на Будачеева кабаки Черкасского, чтобы их разорить, и под твою государеву высокую руку в холопство и кабаков их на прежние их кочевные места не отпустить. А князь Куденетовская де, государь, княгиня Черкасского Бобасупх, ведая то, что той Келмамет-мурза Ибаков крымскому царю шурина учинился свой, и тому де ныне с месяц выдала за него дочь свою Кельмаметя-мурзы княж, Куденетова сына Черкасского сестру родную без твоего государеву указу»¹³⁹.

В этих условиях для российского правительства важное значение имела проблема возвращения Казыевой Кабарды на прежнюю территорию и приведение ее к шертной присяге. Для достижения этого выгодно были использованы родственные отношения Сунчалеевичей с князем Алегуко Шогенуковым. После длительных переговоров Муцалу Сунчалеевичу удалось договориться о приезде князей Казыевой Кабарды в Терский город¹⁴⁰. Российская сторона осознавала, что удачное решение данной проблемы значительно ослабило бы крымское влияние в регионе. Усилия Посольского приказа, терских воевод и служилых князей Сунчалеевичей увенчались успехом. «И майя ж, государь, в 20 день приехал в Терский город кабардинской Алегук-мурза Шагануков, а с ним тое ж Казыевы Кабарды Бутак-мурза Такмышев да абазинской Саралп-мурза Левов, да Алегук-мурзы козлар Батыр Чеполовов, а с ними кабацких узденей 20 человек да выборных их лутчих узденей 32 человека, да Малого Ногаю от Асланбек да от Урак-мурзы Каспулатовых з братею аталыки Куат да Тотауп с товарищи 5 человек»¹⁴¹. Лидер князей Большой Кабарды вместе с вассальными абазинскими и ногайскими мурзами дал шерть за себя, всех родственников и за ногайских мурз, «которые с ним в одиначестве» и обязались «служить и прямити» царю и «перейти кочевать на прежние свои кочевые места ближе к Терскому городу». Переселение состоялось к августу 1644 года, когда князья Казыевой Кабар-

ды перешли «с улусы своими по Куме-реке подле старого своего кочевья, от Терского города всего в четырех днищах»¹⁴².

Активизация российской политики в Кабарде вызвала беспокойство Османской Турции и Крымского ханства. Последнее неоднократно угрожало кабардинским князьям и пыталось воспрепятствовать их переселению с Кубани в Пятигорье: «... и будет де они, Алегука и Хотождука мурзы, письма его (т.е. крымского хана. — К. Д.) не послушают ... и он де крымский царь, придет на них с ратными людьми войною и их развоюет»¹⁴³.

В 1645 году, после смерти царя Михаила Федоровича, терские воеводы приводили к присяге новому царю Алексею Михайловичу население Терского города, нерусских слобод, а также кабардинских и дагестанских владельцев. С этой миссией в Кабарду прибыли стрелецкие головы Иван Кошкин и Борис Малыгин. В Малой Кабарде присягнули на «подданство» России Шолоховы, Мударовы, Ахловы и Анзоровы; в Большой — Муцал Сунчалеевич с племянниками и феодальная группировка во главе с Алегуко Шогенуковым. Это означало, что новому российскому государю присягнули почти все кабардинские уделы¹⁴⁴.

В рассматриваемый период в войнах, которые приходилось вести России, она получала реальную помощь от Кабарды. Во время Смоленской войны (1632–1634) кабардинские князья со своими дружинами участвовали в походе против Малых Ногаев, откуда крымский хан черпал свои основные силы¹⁴⁵. В 1645–1646 году они вновь вместе с русскими войсками, возглавлявшимися князем С. Р. Пожарским, воевали против крымцев и их союзников — азовских татар. Особо отличился терский отряд князя Муцала Сунчалеевича, который в составе 1200 человек в боях на Дону и под Азовом в силу своих боевых качеств использовался как авангард русской армии. Успехи, достигнутые в ходе совместных действий, позволили сорвать очередной поход крымцев на Россию¹⁴⁶.

По мнению В. Д. Смирнова и А. А. Новосельского следствием описанных событий стало смещение крымского хана Магмет-Гирея и казнь кафинского Ислам-паши¹⁴⁷.

Вместе с тем, в отличие от служилых князей Черкасских, князья Большой Кабарды часто отказывались от военной поддержки российских интересов на Кавказе. Разногласия возникли в 1645 году после обращения царского правительства поддержать крымский поход¹⁴⁸. Аналогичная ситуация возникла и в 1654 году. После решения Переяславской рады и воссоединения Украины с Россией резко изменилась ситуация как в Восточной Европе, так и в Причерноморье. Обострение отношений с Польшей, чьим союзником выступало Крымское ханство, требовало от Москвы решительных действий по укреплению южных рубежей и организации антикрымских действий со стороны Дона и Северного Кавказа.

К середине XVII века Северо-Западный Кавказ по-прежнему имел стратегическое значение для многих государств Восточной Европы: России, Османской Турции и Крымского ханства, Речи Посполитой. На протяжении рассматриваемого периода положение

ние, степень влияния и политика перечисленных стран в Западной Черкесии менялись, как менялась и ориентация западноадыгских народностей. Эти вопросы во всем их разнообразии и сложности подлежат специальному изучению с привлечением обширного круга источников (русских, восточных, европейских, памятников адыгской устной традиции).

Как и в предыдущий период, Османская Турция и Крымское ханство пытались по-прежнему установить свое господство в Западной Черкесии. Для османов и крымцев особенно важным было сохранение влияния на северо-восточном берегу Черного моря и, особенно, на Таманском полуострове, прикрывавшем Азов. Турецкие гарнизоны находились в Анапе, Тамани, Темрюке и крепости Копыл на Кубани. Степень зависимости от османо-крымцев разных западноадыгских народностей в разное время была неодинаковой: в большей степени это касалось жанэ, живших на Тамани¹⁴⁹. По отношению к другим эта зависимость была чисто номинальной. Историк XVII века Гезар-Фенн писал: «Крайний предел черкесов, обитающих в Таманском округе, куда назначаются от высокой державы (т.е. Турции. — К. Д.) судьи, составляют черкесы-жанэ; у них еще действуют постановления шариата. Брать у них невольников не позволительно. А от жанэ вплоть до черкесов Кабарды это места войны: брать у них пленянных позволительно»¹⁵⁰.

Отдельные западноадыгские народности стремились восстановить отношения с Россией. В августе 1643 года верховный темиргоевский («кумургейский») князь Мурзабек Канмурзин прислал в Терский город своего младшего брата Базруку, который принес шерть «за всех мурз и узденей и за всех людей Кумургейские землицы» о принятии вновь российского подданства: «... чтоб ... государь их пожаловал, велел принять под свою государеву высокую руку в холопство попрежнему, а прежде того под твоею государевою высокою рукою оне в холопстве были и тебе, государю, шертовали и то позадавлено»¹⁵¹.

Адыги, жившие вблизи турецких крепостей Темрюка и Тамани, обозначались в русских документах как «темрюцкие» и «таманские» черкесы и, в большей степени, они были часто вынуждены принимать участие в военных мероприятиях османов и крымцев. Например, в июле 1647 года азовский бей Мустафа с азовскими, ногайскими и крымскими татарами и темрюцкими черкесами осаждал Черкасский городок¹⁵². Особенно много таких упоминаний в «донских» делах, которые кроме военных действий в районе Азова дают картину выполнения «темрюцкими» и «таманскими» черкесами определенных повинностей (предоставление подвод, заготовка дров и т.д.)¹⁵³.

Стамбул и Бахчисарай предпринимали неоднократные попытки привлечения населения Западной Черкесии в крупные походы на Польшу, Украину, Россию и Иран. Так, весной 1634 года султан прислал крымскому хану жалование с распоряжением, чтобы он «с крымскими и горскими людьми, с бесленейцы и с жанцы, с хутунцы, с кумиргейцы был вскоре готов» в поход против Польши¹⁵⁴.

В отдельные конкретные моменты они добивались своих целей. По свидетельству Эвлия Челяби, в 1641 году по призыву беглербея Кафы Бекир-паши в осаде Азова принимали участие следующие адыгские подразделения: «шегаке, жанэ, мамшуг, такаку, бузудук, болоткай, катукай, бесней»¹⁵⁵. Такая ситуация скорее была исключением, чем обыденным делом. В русских документах имеются многочисленные примеры участия западных адыгов в антикрымских акциях донских казаков¹⁵⁶.

В 1644–1645 годах наблюдается совпадение турецких и крымских интересов в усиленном спросе на полон, вылившийся в набеги на Россию и Западную Черкесию. Поход нового крымского хана Ислам-Гирея на адыгов произошел в декабре – январе 1643–1645 года, на русские земли – в декабре 1645 года. «В нонешнем во 153 г ходил з дворовыми своими людьми в войну на черкасы и в черкасах они ясырю взяли много, а то де мурзы Караш мурза с товарищи, ходили на Валуйку по государеву казну и тое казну в Крым к царю привезли здорово, и те де ево царевы дворовые люди им мурзам того черкесский ясырю не поделили»¹⁵⁷.

В конце 1640-х годов возник союз между Крымом и запорожскими казаками во главе с Б. Хмельницким, что привело к новой раскладке политических сил в Восточной Европе. В водоворот этих международных событий оказалась вовлечена и определенная часть Западной Черкесии. Крымцы и запорожцы пытаются привлечь черкесов к борьбе с Речью Посполитой. Летом 1648 года на казачьей раде в Чигирине присутствуют черкесские послы. В реляции П. Ласки, посланца А. Киселя к Б. Хмельницкому говорится, что «на той же раде были черкесские послы, предлагая прийти к Хмельницкому с 7 тыс. войска, приняты с благодарностью, но как будут отправлены еще не известно»¹⁵⁸. Но союзнические отношения упомянутых сторон не были реальными из-за постоянных войн крымцев и адыгов. Статейный список Г. Волкова и В. Старкова (русских послов в Крыму, январь–ноябрь 1650 года) содержит сведения, что «Калга царевич идет на черкас на деревню Бестеней потому: что они учинились непослушны, дани царю и ему не прислали...»¹⁵⁹. Уже весной и летом 1650 года крымский хан Ислам-Гирей просит Б. Хмельницкого принять участие в походе крымских татар на черкес¹⁶⁰. Согласно существующему между крымцами и запорожцами соглашению, Б. Хмельницкий в июле отправил против черкес 3 000 казаков, которых возглавили сын гетмана и генеральский есаул Д. Лисовций. Они пришли на р. Миус, где, простояв до начала августа, получили известие от хана, что черкесы покорились¹⁶¹.

Москва внимательно следила за этими событиями. Русские послы в Крыму И. Еляков и Т. Кузьмин должны были в 1651 году, наряду с другими вопросами выяснить: «...и х крымскому запорожских черкас или гетман отпустил на горских черкас... и скольких человек, и хто у них полковники...»¹⁶². Послы в донесении сообщали о запорожском отряде, не состоявшемся походе на адыгов и давали заключение: «А нынешнего лета у царя и у калги и у

нурадына з запорожскими черкасы на Московской государство войны не чаять»¹⁶³. Позже, сам Б. Хмельницкий в специальном письме российскому царю заверял его, что поход 1650 года не скрывал никаких недоброжелательных намерений против России¹⁶⁴.

Речь Посполитая, в свою очередь, намеревалась использовать черкесов Западного Кавказа в своих политических интересах. В XVII веке имелся определенный опыт политической разведки поляков в регионе. Осенью 1620 года под видом купцов Черкесию посетили дипломаты Абгарович и Серебкович, которые привезли от «черкесских ханов» некие обещания военной помощи в борьбе с Крымом. Через 4 года польские агенты имеют в Крыму переговоры с находящимися здесь черкесскими сановниками по вопросу военной помощи против Турции. В конце 30-х годов XVII века активную деятельность развернул на Северном Кавказе польский агент Шомберг, который погиб в стычке с горами. В 1640-х годах в Черкесии находился польский военный инженер Сабастьян Адерс, тщательно изучавший возможности использования местных жителей в войне с Турцией. В период национально-освободительного восстания на Украине, в середине XVII века, когда Хмельницкий пытался использовать военную помощь черкесов, на Северный Кавказ несколько раз посылались польские агенты, литовские татары Минбулатович и Шухманцев с целью парализовать дипломатическую акцию Киева¹⁶⁵.

Польское руководство, поддерживая в XVI–XVII веках тесные отношения с Крымом, постоянно указывало крымским ханам на опасность для ханства дружбы и союза московского царя с «пятигорскими черкесами»¹⁶⁶. Польша, испытывающая потребность в высокопрофессиональных военных кадрах, стимулировала военную эмиграцию с Кавказа, особенно с территории адыгов. Широко практиковался институт выезда адыгской аристократии на службу в Польско-Литовское государство. Судя по документам, в исследуемый период здесь хорошо были известны рода князей Пятигорских и Черкесских, а в польско-литовском войске служили отряды конницы — так называемые «пятигорские хоругви». Их заслуги были велики в борьбе с османами, татарами и особенно со шведами. Специалисты считают возможным говорить о влиянии черкесского военного искусства на польское¹⁶⁷. Многочисленные примеры говорят, что Речь Посполитая всегда пользовалась возможностью политического влияния на адыгские дела и складывавшуюся вокруг Северо-Западного Кавказа международную обстановку.

Русско-польская война требовала усиленного производства холодного оружия, для чего Москва обращается к опыту «черкесских», т.е. кабардинских мастеров панцирного и сабельного дела. В 1660 году такие мастера уже работали в Астрахани и обучали учеников. В 1661 году был получен в Астрахани указ о присылке в Москву «черкас пансирного дела самых добрых мастеров да булатного сабельного дела сварщиков самых добрых мастеров»¹⁶⁸.

Россия выступила с обращением к князьям Большой Кабарды и союзным им ногайцам выставить трехтысячную конницу¹⁶⁹. По-

следние ответили отказом, сославшись на то, что сами нуждаются в военной помощи. В Кабарде в это время находились крымские представители, существовала угроза нашествия калмыков, и хан обещал оказать кабардинцам помощь. Князья заявили, что «мы, Алиук (Алегуко. — К. Д.) и Атагожук (Хотокшуко. — К. Д.), по вашей государской милости присягали на куране на том: что услышим со всех четырех сторон какие вести и умысел на ваше государство или какую недружбу многих татар и нагай и горских черкас, государя и обладателя великого царя крымского и вам, великому государю, какую недружбу и войну уведем, и нам про то учинить вам, великому государю, ведомо в правду, а не на том, что нам вам, великому государю, людей давать»¹⁷⁰. В большинстве случаев такая позиция вызывалась отдаленностью Большой Кабарды от Терского города и постоянной реальной угрозой со стороны Крымского ханства и Османской Турции. Наряду с неоднократными нашествиями и принудительными поборами, крымские ханы, в свою очередь, требовали участия кабардинских отрядов в военных действиях крымцев на Украине¹⁷¹.

В сложившихся условиях российское правительство предпринимает действия по переводу кабардинских населенных пунктов из Пятигорья на Баксан¹⁷². Астраханский губернатор Григорий Сунчалеевич Черкасский отправил специальное посольство в составе Семена Ищеина, князя Каспулата Муцаловича и его дядьки Бикши Алеева в Большую Кабарду и Малую Ногайскую Орду, где были приняты верховным кабардинским князем Хотокшуко Казиевым. Ответное посольство прибыло в Астрахань в августе 1662 года, где согласилось на условия российского правительства в обмен на защиту от «недругов». Посольство заявило, что все 67 совместно «кочующих» и пребывающих «во одиначестве» кабардинских и ногайских мурз хотят служить русскому государю, просят пожаловать и впредь оберегать их от недругов¹⁷³. В грамоте, подписанной князьями Казиевыми — Хотокшуко, Джамбулатом и Мисостом, а также Темирбулатом Алегуковым, говорится о стремлении их сохранять русское подданство: «...отцы наши и деды наши у великого государя холопи были, и мы потому ж прямые холопи, одного бога знаем другого великого государя»¹⁷⁴. Привлечение части Малой Ногайской Орды через кабардинских князей к сотрудничеству с Россией, предотвращение ее консолидации с Крымом существенно меняло соотношение сил в регионе и значительно облегчало московскому правительству в обороне своих южных рубежей.

Внутриполитическая обстановка в Большой Кабарде в 1660–1670 годах оставалась нестабильной. После смерти Алегуко Шогенукова и Хатокшоко Казиева междоусобная борьба привела к разъединению групп родственных феодалов Казиевой Кабарды, которые целое столетие (с середины XVI века до 1650-х годов) выступали совместно против Идаровых. Документы свидетельствуют о вражде Мисоста Казиева с сыновьями Алегуки Шогенукова. Противоречия идут еще дальше, в среде самих Казиевых, о чем свиде-

тельствует отказ Мисоста Казыева в 1675 году дать шерть «за племянников своих, за Бекмурзу з братьями Жанбулатовых детей»¹⁷⁵.

И в дальнейшем политика России на Северном Кавказе осуществлялась традиционными методами, путем систематического приведения феодальных владельцев к шертной присяге на «подданство», за что последние получали жалование и подарки. К началу 70-х годов XVII века по таким признакам в российском подданстве, помимо служилых князей Черкасских, состояли известные кабардинские князья: Мисост Казиев, Адильгирей Хотокшонов, Тенгизбей Алегуков, Куцмимурза Хапыков, Бекмурза и Кайтуко Джамбулатовы, Алчагыр Исламов и Клычуко¹⁷⁶.

Обострение русско-турецких отношений в 1670-х годах из-за Украины привели к необходимости организации целого ряда военных мероприятий против турок и крымцев в 1672–1673, 1674–1676, 1677–1678 и 1679–1689 годах со стороны Предкавказья и Дона. Самое деятельное участие в них принимали кабардинцы и казаки под руководством Каспулата Муцаловича Черкасского.

После смерти отца в 1661 году князь Каспулат, получив царскую грамоту и княжение над нерусским населением Терского города, продолжил традицию в деле укрепления связей Кабарды и других северокавказских народов с Россией. В Москве высоко оценивали воинский опыт кабардинского полководца и неизменно приглашали в Посольский приказ для обсуждения предполагаемых военных кампаний на южных рубежах государства. В одной из грамот царя Алексея Михайловича по поводу очередного удачного похода Каспулата Муцаловича говорилось: «...а служба твоя и радение у нас, великого государя... никогда забвенны не будут»¹⁷⁷.

Известную поддержку военно-политической деятельности Каспулата Муцаловича Черкасского оказывали астраханский воевода, боярин Григорий Сунчалеви́ч Черкасский, который приходился ему дядей, а также воевода и боярин Михаил Алегукович Черкасский, который занимал очень высокое место в российской иерархии и был его двоюродным братом.

Каспулат Муцалович имел особые заслуги в стабилизации взаимоотношений России с Калмыцким ханством и организации совместной борьбы кабардинцев и калмыков в борьбе против Крыма¹⁷⁸. Во многом этому благоприятствовали его родственные отношения с ханом Аюкой¹⁷⁹.

Царское правительство поручало руководство главными наступательными операциями объединенных войск на юге страны в 1670-х годах Каспулату Муцаловичу Черкасскому. В июне 1674 года ему было указано «итти на его, великого государя, службу с своими узденями и с калмыцкими улусными людьми на крымские улусы и на Азов»¹⁸⁰. Оно было получено им на пути в Москву, и сразу же отправившись в приволжские степи, Каспулат Муцалович сформировал совместный отряд с правителем калмыков Аюкою¹⁸¹. Двумя колоннами отряд двинулся в сторону Крыма. В августе, объединившись с донскими казаками атамана Корнилы Яковлева, было принято решение о походе на турецкую крепость

Азов. «А в том походе было с князем Касбулатом Муцаловичем узденей его 159 человек, калмыков 5000, великого государя ратных людей и донских казаков 3000 человек»¹⁸². 1 сентября 1674 года на подступах к Азову объединенный отряд Каспулата Муцаловича разгромил высланный против него полторатысячный турецкий отряд. Успешно начатые действия были прерваны вестью из Кабарды о том, что некоторые кабардинские владельцы хотят «разорять ево, князя Каспулатово владение, уйтить в Крым»¹⁸³.

В 1675 году, усмирив враждебных ему кабардинских феодалов, Каспулат Муцалович выехал в Москву, куда он был вновь вызван. По прибытии князь был принят А. С. Матвеевым, руководителем Посольского приказа. Был выработан план большого похода на Крым силами кабардинских, калмыцких, терских, астраханских и уфимских ратных сил под командованием К. М. Черкасского. Кабардинский князь хорошо знал театр предстоящих военных действий. Он полагал, что над крымцами «чинить промысел» лучше: «1-е – весною, как вода вскроется, а трава еще не вырастет, и в то время бывает в Крыму великая во всем нужда, а им над ними промысел чинить способно; 2-е время зимою в декабре месяце перед рождеством, когда бывают морозы великие, и теплые места, где перелазить в тепло нельзя, замерзнут, а в Крыму по тому же бывает великая нужда, кони их от стужи зело худы и противиться им будет не на чем»¹⁸⁴. Правительство обращало внимание, что основная масса крымских сил находится на Украине, многие «отягчаны осадами» в Польше, поэтому в Крыму «большое малолюдство»¹⁸⁵. Было принято решение использовать удобное стечение обстоятельств. В августе Каспулат Муцалович с отрядом в 800 всадников выступил в направлении Крымского полуострова. По пути он завернул в Запорожскую Сечь, где к отряду присоединились запорожские казаки под предводительством атамана Ивана Серко. 23 сентября объединенные силы кабардинской конницы, калмыков и казаков перешли Гнилое море – Сиваш и на «зарю на крымские улусы были» и громили их. Возвращался отряд через Перекоп, где во время прорыва из Крыма в степь произошел бой: «Три султана Крымских с ратными людьми пришли на нас ... и мы бой им дали и их побили»¹⁸⁶. В конце сентября князь Каспулат Муцалович с «ратными людьми, и с калмыками, и с запорожскими казаками, и с крымских улусов пришли к Запорогам все в целости»¹⁸⁷.

Усиление российских позиций в борьбе за Украину привело к обострению русско-турецких отношений, вылившихся к лету 1677 года в большую войну. Сводный полк К. М. Черкасского в составе кабардинцев, кумыков и калмык, в количестве 3800 человек принимал активное участие в сражениях под Харьковом, Чугуевым, Чигириным в передовых частях русской армии¹⁸⁸. Летом 1679 года отряды Каспулата Муцаловича вновь на Украине и сражаются с крымцами на реке Береклейке¹⁸⁹. В ноябре 1679 года следует новый царский указ «О посылке на Украину кабардинского отряда князя Каспулата Муцаловича Черкасского для охраны переправ через Днепр»¹⁹⁰.

Заслуги К. М. Черкасского перед Россией были исключительно высоки и соответственно оценены царским правительством. За крымский поход ему сшили «ферязь бархатную с аламами, а чтобы вышить аламы жемчугом, посылали к иноземцам, и принимала их сама царица Наталья Кирилловна; шили в государственной мастерской...». Одного жемчуга закупили «на 658 рублей на 28 алтын на 2 деньги». В числе подаренных вещей были кафтаны, шапка соболья, особо расписанное оружие, денег 300 рублей, соболей на 200 рублей¹⁹¹. Высокие награды и жалование получили многие из узденей (дворян) К. М. Черкасского¹⁹². В декабре 1678 года Каспулат Муцалович получил жалованную грамоту от царя Федора Алексеевича¹⁹³. Князь получил право кроме Терского города поставить свой «городок» (видимо, подворье с иммунными правами. – К. Д.) в Астрахани¹⁹⁴, право беспошлинного провоза любых товаров в русские города и самое главное – право сбора в свою пользу таможенных пошлин в Терском городе. Заслуги К. М. Черкасского способствовали в свое время дальнейшему возвышению Михаила Алегуковича Черкасского. В царском указе 1676 года (после известного крымского похода К. М. Черкасского. – К. Д.) есть положение: «А брата ево стольника князя Михайла Алегуковича сына Черкасского взять с воеводства из Великого Новгорода к Москве и о том и в грамоте великого государя ко князю Каспулату Муцаловичу написать...»¹⁹⁵.

Российское правительство в 1679 году поручило К. М. Черкасскому вести предварительные переговоры с крымским ханом относительно мирного договора между Россией и Турцией. Его положение в этих дипломатических событиях, по мнению Я. Ахмадова, более соответствовало роли независимого государя, чем главы автономного феодального «лена» в системе Терского города¹⁹⁶. В начале 1681 года в Бахчисарае был заключен мирный договор, по условиям которого Турция признала за Россией левобережную Украину вместе с Киевом. Но этого уже не суждено было увидеть Каспулату Муцаловичу Черкасскому (умер в декабре 1680 года), сделавшему очень много на военном и дипломатическом поприще в деле окончательного воссоединения Украины с Россией.

В послевоенные годы российское правительство сооружает «Новую» (Изюмскую) укрепленную черту, южнее Белгородской, которая прикрывала Слободскую Украину. Тем самым российская граница медленно, но последовательно продвигалась в южном направлении, к Северному Кавказу¹⁹⁷.

Как мы видим, кабардино-русские отношения в XVII веке развивались в сложных международных и внутривнутриполитических условиях. Османская Турция и Крымское ханство делали неоднократные попытки, используя внутривнутриполитическое положение в Кабарде, оторвать последнюю от дружественных отношений с Россией. Исторические факты свидетельствуют, что эти старания не увенчались успехом и в условиях политической альтернативности Кабарда, в конечном итоге, выбрала союзнические отношения с Москвой.

Изменения геополитической обстановки на Северном Кавказе и адыго-русские отношения в XVIII в.

В конце XVII – начале XVIII века северокавказские народы, как и прежде, оставались в орбите международных интересов Османской Турции, Ирана и России, но в соотношении указанных стран произошли определенные изменения. Тяжелое экономическое и политическое положение вывело на определенный период из реальной борьбы Иран. Сложившаяся ситуация благоприятствовала османам, которые пользуясь ослаблением своего давнего противника, стремились вытеснить шаха из закавказских владений, Дагестана и через активизацию действий Крымского ханства против адыгов хотели утвердиться в кавказском регионе. Эти планы стали особо актуальными после поражения исламской экспансии в Европе и в последних войнах с Россией¹⁹⁸.

Азовские походы России в 1695–1696 году привели к падению важнейшего плацдарма османо-крымской агрессии против русских, украинских и адыгских земель. Присоединение Азова к России по Константинопольскому договору 1700 года значительно повышало влияние последней на кавказские народы и особенно на Кабарду. В стремлении России укрепиться на Черном море и побережье Каспия отмеченные моменты вносили новые возможности. Но Керчь и Еникале все еще были турецкими укреплениями и мешали продвижению русского флота в черноморский бассейн¹⁹⁹.

Поэтому Петром I был задуман план создания общеевропейской коалиции против Турции, к которой он планировал привлечь и Кабарду. Хотя не удалось организовать антитурецкий военный блок и внешнеполитический курс России сместился с юга на запад, российское правительство учитывало имевшуюся в регионе пророссийскую ориентацию и предпринимает усилия в использовании северокавказцев в обеспечении безопасности своих южных границ.

С самого начала XVIII века спор из-за Кабарды между Россией и Турцией принял особо острый характер²⁰⁰. В ответ на укрепление русских позиций в Азове Турция неоднократно пыталась оккупировать Кабарду в 1705–1708 годах. По ее прямому указанию огромное войско крымского хана вторглось сюда в 1708 году и потерпело сокрушительное поражение. «Никогда не слышано было такого избиения», – писал османский историк Фундуклу. В сообщении Г. И. Головину молдавского господаря Михайло Раковицы об этих событиях давалась такая оценка: «хан какой срам, урон и напасть воспринял от черкезов, есть дело сие достойное слышанию, естли напредь сего от кого иного о сем вы не слыхали истинно, что уж пострадал то, чего или никогда или от веку не видел Крым ...»²⁰¹. Несмотря на такой исход крымские ханы не оставляли своих агрессивных планов в отношении Кабарды и неоднократно в течение последующих десятилетий пытались взять реванш.

Весной 1711 года Османская Турция оказалась в состоянии войны с Россией. Кабардинцы обратились к азовскому губернатору с предложением совместных действий против Крыма. Был вы-

работан план разгрома Кубанской Орды: с севера – русскими полками под командованием П. М. Апраксина, с юга – адыгами и со стороны Тамани – десантом с Азовского флота²⁰².

В этот период, чтобы подорвать турецкое и иранское влияние на Северном Кавказе, Петр I направил в Кабарду и Дагестан кабардинского князя Александра Бековича-Черкасского, который убедил кабардинских князей принять участие на стороне России в назревавшей войне с Турцией²⁰³. Правительство Петра I обещало за такое содействие принять на выгодных условиях Кабарду в состав России на правах отдельного княжества. В грамоте Петра I кабардинскому народу от 4 марта 1711 года были изложены договорные начала предлагаемого союза: «...и мы, великий государь наше царское величество, то ваше желание приемлем милостиво и изволяем вас к себе в подданство и оборону принять. Только желаем, дабы вы показали к нам нынче свою службу и верность против салтана турецкого и хана крымского, которые против нас войну всчали, наруша мир несправедливо против данных многих обещаний. И ежели будете у нас в подданстве, то не токмо с вас никаких податей требовать не будем, но и погодное вам жалование давать определим, как то получает от нас подданной наш Аюка-хан и как вы прежде сего бывали у предков наших в подданстве и получали у них жалованье...»²⁰⁴. Условия союза, предлагаемые российским правительством, отвечали интересам кабардинского общества и являлись продолжением политико-правовой традиции во взаимоотношениях сторон с середины XVI века. Со своей стороны, кабардинскими князьями были выдвинуты следующие требования: «оставить» и «не забыть» кабардинцев в случаях заключения Россией мирного трактата с Турцией; не давать Кабарду «в разорение и оборонить от неприятеля»; не посылать кабардинцев в дальние походы на службу: наделять погодным жалованьем²⁰⁵. Таким образом, князю А. Бековичу-Черкасскому удалось заключить очередной договор, закрепленный с обеих сторон присягой. Он обеспечивал кабардинцам покровительство со стороны России, военно-политическое сотрудничество с которой укрепило бы российские позиции на Кавказе. Давая определение политике Петра I в отношении Кабарды, С. К. Бушуев считал, что петровская дипломатия стремилась парализовать турецкое влияние в Кабарде и консолидировать ее как государственную единицу в составе России²⁰⁶.

Летом 1711 года в ходе кубанского похода кабардинские отряды атаковали Крым с востока, оказывая значительную поддержку воеводе П. М. Апраксину, наступавшему с севера. 20 октября этого же года кабардинцы нанесли поражение войску Мурад-Салтана, «побили 359, да полон взяли 40 человек, а других потопили и лошадей взято многое число»²⁰⁷. Указанные действия сковывали значительное количество османо-крымских войск на Кубани и тем облегчали положение русской армии на главном театре военных действий в ходе русско-турецкой войны 1711 года. Османское правительство выступило с резкой угрозой в адрес Кабарды: «Ка-

бардинские владельцы князя Черкасские, чего ради вы московскому государю войску пристав, наших подданных кубанских жителей разорили и войско их разбили, если бы вы, и мы бы [в] разорении не были, для чего вы на своего государя и на веру свою руку подняли. Ныне вы придите и принесите повинную, и отпустится ваша пригрешение и не разоритесь до конца, и во всякой будете милости. А буде того не учините, и в нашей воли не будете, князей ваших и узденей ни едина до вас не спасется»²⁰⁸.

Заключение невыгодного для России Прутского мира предусматривало возвращение Азова Турции. В договоре ничего не говорилось о Кабарде, но Россия, связанная им и продолжающейся Северной войной, не могла официально выполнять свои обещания перед кабардинцами, не рискуя обострить вновь свои отношения с Османской Портой.

В 1712 году вместе с Александром Бековичем-Черкасским в Москву прибыло кабардинское посольство. Многие из приехавших получили награды. Петр I прислал кабардинскому народу грамоту, в которой благодарил за службу и отмечал его храбрость. Кабарде вновь была обещана помощь на случай нападения Турции и Крыма. Специальное указание об этом было послано и астраханскому губернатору Артемию Волинскому²⁰⁹. Многочисленные обращения кабардинских владельцев к царскому правительству с просьбой о помощи являются свидетельствами чрезвычайного положения Кабарды в связи с усилением агрессии Крыма²¹⁰. Поступали они и в адрес князя А. Бековича-Черкасского²¹¹. Александр Бекович представил царю специальный проект, предусматривающий необходимость привлечения северокавказских народов на русскую сторону и формирования единого фронта против турецко-крымской агрессии на Кавказе. Он рекомендовал с этой целью ввести русские войска в Кабарду и Северный Дагестан²¹². В мае 1714 года Петр I одобрил эти предложения и предписал Сенату продумать вопрос о том, «каким образом лучше при нашей стороне удержать» северокавказских владетелей²¹³.

Неоднократно после этого кабардинские и русские отряды выступали против общих врагов. Но часто бывало, что Россия не успевала оказывать своевременную помощь Кабарде. Это происходило во многом и из-за того, что военный гарнизон в Астрахани находился далеко. Так, весной 1720 года огромное крымское войско разорило большинство кабардинских селений и принудило население отказаться от дружественных связей с Россией.

Крымский хан Саадат-Гирей во главе 40-тысячного войска предъявил Кабарде ультиматум, содержащий следующие пункты: возобновить плату дани Крыму и признания подданства Порте Оттоманской; выдача «4000 ясырей за бесчестье» прежнего хана, разбитого в Кабарде; плата за все военные трофеи, захваченные у крымцев²¹⁴.

Для обсуждения создавшегося положения в Большой Кабарде был созван Большой Совет (Хасэ) с участием представителей всех сословий кабардинского общества. Он выдвинул компромиссное

решение, о возобновлении платы дани Крыму и выдачи «за бесчестье хана 1000 ясырей», но и поставил крымцам жесткое требование: границу Кабарды «реку Кубань не переходить», «а ежели пойдет к их жилищам, то ничего не дадут, только будут борониться, пока живота их не станет»²¹⁵.

Вопрос об отношениях с Крымским ханством расколол правящую элиту Большой Кабарды – княжеские рода Атажукиных и Мисостовых во главе с верховным князем Исламбеком заняли капитулянтскую позицию, а род Джамбулатовых (Жамболатовых) во главе с Арсланбеком Кайтукиным выступили сторонниками активной борьбы с крымцами. Крымский царевич Салих-Гирей, чьим аталыком были Мисостовы, организовал заговор с целью истребления прорусски настроенных кабардинских князей. Описанные события привели к окончательному расколу Большой Кабарды на два политических лагеря, которые по местам своего территориального расположения получили в русских документах условные названия «баксанской» и «кашкатавской» партий. Это было логическое завершение междоусобной борьбы княжеского дома Кайтукиных, в которой к борьбе за политическое лидерство и лучшие земельные угодья в последней четверти XVII века тесно вплелся в начале 20-х годов XVIII века и вопрос о внешнеполитической ориентации.

Однако уже летом того же года кабардинские князья во главе с князем Арсланбеком Кайтукиным вместе с донскими казаками храбро сражались против Крыма. Между тем угроза неприятельского нашествия постоянно сохранялась. Кабардинские князья постоянно добивались от Петра I возобновить на р. Терек город, который бы служил целям обороны от нападений Ирана, Турции и Крымского ханства.

В вопросе о Кабарде российское правительство в начале 1720-х годов оказалось в трудном положении: с одной стороны на юге необходимо было поддерживать мир в условиях войны со шведами, с другой – оно не хотело терять свое влияние на Центральном Кавказе, прерывая традиционное военно-политическое сотрудничество с кабардинцами. Отсутствие юридических прав открыто заступаться за нее при наличии определенных обязательств и серьезных планов в ней толкало русскую дипломатию, по мнению Е. Н. Налоевой, на сложную, двойственную игру, когда она старалась всячески рассеять сомнения Порты о вмешательстве в дела кабардинцев и в то же время постоянно обнадеживая последних обещанием защиты от неприятелей²¹⁶.

После успешного завершения Северной войны Россия вплотную приступила к присоединению прикаспийских владений Кавказа. Накануне, чтобы нейтрализовать Турцию, Петр I заключил с ней договор, по которому Кабарда была признана сферой влияния Крыма²¹⁷. Грамота от 20 марта 1722 года и премория турецкому послу 24 мая 1724 года, в которых была оформлена указанная позиция, являлись «тонким дипломатическим ходом, призванным скрыть истинные цели России на Кавказе, где в то время происходили сложные события»²¹⁸.

В начале 1720-х годов вследствие ослабления Сефевидского Ирана, стала реальной угрозой поглощения ее кавказских владений Турцией. Установление турецкого господства на Каспии создавало прямую угрозу восточным рубежам России. Изменения в расстановке сил соперничающих держав привели к тому, что острые столкновения переместились из Кабарды в Прикаспий. В июле 1722 года русские войска высадились на побережье Дагестана. Активное участие в этом походе приняли кабардинские князья Арсланбек Кайтукин и Асланбек Келеметов со своими отрядами. В составе регулярной русской армии находилось воинское формирование, возглавляемое князем Эльмурзой Бековичем-Черкасским. В этот период на реке Сулаке была заложена крепость Святой Крест, куда были переведены гарнизон и жители Терского города. Это значительно укрепляло российские позиции в крае. В русском лагере на Сулаке Петр I заключил с князем Арсланбеком Кайтукиным договор о взаимной помощи, несмотря на существующее русско-турецкое соглашение²¹⁹.

В заявлениях А. Кайтукина на имя российского государя от 19 и 22 сентября 1722 года ставился ряд принципиальных вопросов, от решения которых зависел юридический статус Кабарды и дальнейшее развитие кабардино-русских отношений. Кабардинский князь, ссылаясь на историческое прошлое, что Кабарда с «древних лет» находится под протекцией России, считал рубежом османо-крымского влияния среди адыгов реку Кубань, «а по сю сторону – вашего величества»²²⁰. Исходя из этого, он считал: «Понеже у вашего величества с турками вечной мир заключен, – и притчина, как турки, так и хан до нас не имеют... Однако ж татарские народы нас зело теснят и обижают, от чего в конечном разорение пришли»²²¹. Кайтукин просил Петра I, чтобы российская сторона заявила решительный протест османскому правительству по поводу крымских нападений на Кабарду. Далее, он ставил вопрос о необходимости переселения кабардинцев на Терек из-за постоянной крымской угрозы. В случае агрессии крымцев, князь просил «помочи себе калмык и донских казаков для переселения поданных своих от Баксана на реку Терек... и дать ему послушной указ о том к ним»²²². Следующий вопрос, поднятый А. Кайтукиным, касался наследственного права кабардинских князей на княжение в Терках²²³. Со времен последних Сунчалеевичей в конце XVII – начале XVIII века на право княжения над нерусским населением Терского города начали претендовать кумыкские феодалы. Царь обещал, что «О правлении на Терках впредь рассмотрение учинено будет и, яко принадлежащее им, отдана будет одному из них, кабардинским владельцам». Последний вопрос касался «погодного жалованья кабардинским князьям» в соответствии с грамотой Петра I еще от 4 марта 1711 года. Вероятно, наряду с финансовой стороной кабардинская знать в данном случае преследовала политическую задачу – поднятие своего престижа среди других северокавказских владетелей. Хотя на все вопросы, поставленные Арсланбеком Кайтукиным, были получены положительные отве-

ты, основная цель об официальном объявлении Кабарды под защитой и покровительством России не была достигнута. Российское правительство боялось осложнений на международном уровне и ограничивалось пока решением прикаспийской проблемы²²⁴. В последующем пророссийская партия в Кабарде во главе с Арсланбеком Кайтукиным, испытывая большой урон от крымских походов, обращаясь неоднократно к российскому правительству, не получила от него никакой реальной помощи, кроме заверений дружественного расположения²²⁵.

Политический кризис в российском руководстве после смерти Петра I, а также заступление на крымский престол Давлет-Гирея II, с которым был заключен Арсланбеком Кайтукиным династический союз, изменили внутривластную раскладку сил в Кабарде и ослабили значительно ее связи с Россией. С конца первой четверти XVIII века Кабарда становится вновь ареной ожесточенной междоусобной борьбы, в которую вовлечены две внешнеполитические силы – российская и османо-крымская. Для российского государства главная задача была достигнута. Оно сформировало свою программу в отношении Кавказа, предполагавшую распространение влияния в основных направлениях: от Азова до Кубани, от Астрахани к центральным шелковым путям Ирана. По заключению авторитетных специалистов, фактически Петербургский договор, заключенный осенью 1723 года между Россией и Ираном и подводивший итог военным мероприятиям Петра I на юге, отражал эту программу²²⁶.

В начале 30-х годов XVIII века государственная консолидация Ирана и укрепление его позиций в международных делах, привели к возвращению ему Россией некоторых прикаспийских территорий. Во многом это было результатом дипломатических промахов А. И. Остермана, пытавшегося привлечь на сторону России нового властителя Ирана Надир-шаха. Рештский договор 1732 года, оформивший новую политическую ситуацию на Кавказе, был воспринят Турцией как ослабление российского влияния в регионе. Она активизировала свои действия и через Крымское ханство усилила натиск на народы Северо-Западного и Центрального Кавказа²²⁷. В сентябре 1731 года специальное заседание «Тайного совета» с участием императрицы Анны Иоанновны обсуждало кабардинские дела и приняло решение о взятии Кабарды «под защиту России», а также оказании ей военной помощи. Через русского резидента И. И. Неплюева был выражен протест османскому правительству по поводу многочисленных нападений крымского хана и кубанского сераскира на кабардинцев²²⁸. Турецкая сторона настаивала, что «обе Кабарды – Большая и Малая – суть турецкие, принадлежащие ханам крымским», и пыталась уже тогда провести идею «нейтрализации» Кабарды, чтобы иметь здесь свободу действий²²⁹. Российская сторона представила Порте историческую справку «О Кабарде Большой и Малой, о пребывании их в протекции, или же в подданстве Российской империи», подготовленную Коллегией иностранных дел²³⁰. Таким образом, в начале первой трети XVIII века

русско-турецкие противоречия по Кабарде приобретают особо острый характер.

В 1731–1733 годах крымский хан совершает регулярные нападения на кабардинцев. Несмотря на угрозы и различные обещания Турция не смогла привлечь Кабарду на свою сторону. Не давала результатов и политика исламизации населения, которая с самого начала XVIII века была возведена в ранг государственной политики Турции и осуществлялась через крымских ханов.

Летом 1733 года отряд русских войск под командованием атамана Краснощекова направился с Дона в крепость Святой Крест. Узнав об этом, крымское войско атаковало русских. Последние стали обороняться, но неприятель превосходил их силой. Тогда русский отряд обратился за помощью в Кабарду. Через три дня к месту столкновения подошло кабардинское войско во главе с князем Боматом Кургокиным и крымцы спешно отступили²³¹.

Бесцеремонное вторжение 80-тысячного крымского войска в Кабарду в августе 1735 года положило начало русско-турецкой войне 1736–1739 годов. Учитывая многочисленное превосходство врага над кабардинцами и российскими силами региона, на первом этапе по плану генерала В. Я. Левашова было принято тактическое решение о признании кабардинцами формального протектората Крыма²³². После удачных дипломатических переговоров кабардинских князей М. Кургокина и К. Атажукина с находившемся в родстве им наследником калмыцкого хана Дондук Омба, который вернулся из Крыма и занял пророссийскую сторону, объединенные усилия кабардинцев, русских и калмыков позволили начать наступление на Крым.

Генерал В. Я. Левашов сообщал в июне 1736 года в Астрахань, что «кабардинцев в первом кубанском походе было: баксанской партии 1500 человек, кашкатавской – 500». Кроме них был отряд Малой Кабарды. В ходе войны кабардинские формирования ходили в поход против закубанских татар, участвовали во взятии Азова и сыграли важную роль в деле охраны от неприятеля новой крепости Кизляр. С весны 1738 года отряды князей М. Кургокина и К. Алеева сдерживали натиск крупной ногайской орды мурзы Мусы с остатками наврузовцев и западных адыгов²³³.

В ходе военной кампании 1738–1739 годов в Кабарду были возвращены абазинцы, насильственно увиденные на Кубань еще ханом Саадет-Гиреем. На территории проживания бесленеевцев и темиргоевцев укрепилось российское влияние²³⁴. В августе 1739 года объединенное войско кабардинцев и калмыков под командованием Арсланбека Кайтукина разбили крымское войско на Лабее: «тех татар разбили и погнали ... много до смерти побито ... и в полон взято ..., а салтана Кази-Гирея раненого до смерти побили ж...»²³⁵.

Война закончилась Белградским договором 1739 года. За всю историю русско-турецких противоречий впервые специальная статья договора затрагивала спорный вопрос о Кабарде. Шестой пункт договора гласил: «О обеих Кабардах, т.е. Большой и Малой – и кабардинском народе со обеих соглашенность, чтобы быть тем

Кабардам вольными и не быти под владением ни одной, ни другой империи, а токмо за барьеру между обеими империями служить имеют. И что от другой стороны Блистательной Порты туркам и татарам в оные не вступать и оных не беспокоивать також и от Всероссийской империи оныя в покое оставлены будут. Но что, однакож, по древнему обыкновению браны будут во Всероссийскую империю от них, от кабардинцев, для спокойного их пребывания аманаты. Оттоманской Порте токоже позволяется для такой же причины брать от них также аманатов. А ежели помянутые кабардинцы притчину жалобы подадут одной или другой державе, каждой позволяется наказать»²³⁶. Как мы видим, предоставляемая Кабарде «независимость» была не более чем фикцией, сделавшей Кабарду беззащитной перед любой агрессией. Договор не только не урегулировал, но еще больше обострил русско-турецкое соперничество из-за Кабарды. Эти державы, выступая как бы гарантами «независимости» Кабарды, получали теперь право контроля над внутренним положением кабардинцев и их внешними связями.

И после заключения указанного договора Кабарда постоянно вовлекалась в борьбу между Россией – с одной стороны, Турцией и Крымом – с другой. Они сюда засылали своих агентов, которые для привлечения на свою сторону раздавали подарки и деньги феодальной знати. В 40–50-х годах XVIII века османы совершали разорительные набеги на западных адыгов, добываясь дани и политического вассалитета. Отдельные народности, например темиргоевцы, вынуждены были признавать номинальную зависимость от крымцев, но не соглашались выплачивать регулярную дань пленниками и лошадьми и называли это подарками²³⁷. Современник этих событий французский консул в Крыму К. Пейсонель свидетельствовал, что крымские ханы «делали страшные усилия, чтобы покорить совершенно эти народы»²³⁸. Османы и крымцы пытались насильственно насадить в Западной Черкесии мусульманство, но в массе своей адыги оставались полуязычниками-полухристианами. В середине XVIII века бесленеевцы, темиргоевцы, абазыны, шапсуги и бжедуги занимали враждебную османам и крымцам позицию и изъявляли желание вступить в русское подданство. 28 июня 1747 года, по данным русских документов, «...от крымского хана отложились темиргоевцы, абазыкеи (абадзехи. – К. Д.), бжедуги, сапсыки (шапсуги. – К. Д.), убыхи, которые временно бывают ему послушны и, объединившись с другими народами, готовы были оказать сопротивление хану»²³⁹. Несмотря на важность стратегического положения западных адыгов, российское правительство воздерживалось от переговоров о подданстве черкесов во избежание «явного с Портой Оттоманскою нарушения дружбы»²⁴⁰. То же самое можно сказать о турецкой стороне, которая вынуждена была считаться с укреплением российских позиций на Северо-Западном Кавказе. Когда в начале 1760-х годов крымский хан Крым-Гирей добивался разрешения Стамбула на разработку серебряных и золотых рудников на Кубани и присылки к нему необходимых специалистов, великий визирь Нишанди Хамза Хамид-паша

в своей резолюции отметил: «Эта страна не находится в османской территории, а принадлежит черкесам, которые согласно договору между Россией и Турцией автономны». Разработка месторождений, по его мнению, будет означать «...вмешательство во внутренние дела черкесских племен, противоречит статьям мирного договора, ухудшит отношения между двумя странами»²⁴¹.

В 40–50-х годах XVIII века обстановка на Северном Кавказе оставалась сложной и «во многом зависела от кабардинских князей, у которых были наиболее широкие внешние связи с Россией, Крымом, Турцией и даже с Персией»²⁴². Изменение юридического статуса Кабарды неминуемо отразилось бы на зависимых от кабардинских князей горских народах: Осетии, Ингушетии, Балкарии и Карачае.

Российская дипломатия учитывала фактор сюзерено-вассальных отношений Кабарды с горскими народами и проявляла гибкость в общении с последними. Коллегия иностранных дел в инструкции своему консулу в Крыму В. Никифорову указывала, что «кабардинский народ, почитаемый в тамошней стороне за превосходно храбрый, был всегда предметом ревностного старания ханов крымских иметь оный себе подчиненным. Нужда в этом для них превеликая; кабардинцы имеют еще и тамошних горцев многих в свое послушание, поэтому мог бы он старание свое распространить о приобретении уже в свое подданство и других горских народов, а тем сделать себя сильным и во всех горах»²⁴³. Многочисленные документы и специальные исследования показывают, что Россия отрицательно относилась к неконтролируемым междоусобицам кабардинских феодалов, считая, что они дают повод крымскому хану для вмешательства в кабардинские дела и наносят вред русским интересам на Северном Кавказе²⁴⁴.

В 1742 году в Петербург прибыло кабардинское посольство, которое заявило, что Кабарда не порывает с Россией и, как и прежде, будет вместе с ней бороться против общего врага. Русское правительство, понимая важность вопроса, продолжало уделять Кабарде пристальное внимание. Благодаря ее активному вмешательству были предотвращены угрозы нашествия на кабардинцев иранского шаха в 1744-м и крымского хана в 1755 году. Она также посылала в Кабарду своих представителей для примирения враждующих княжеских группировок²⁴⁵.

Россия стремилась укрепить свои позиции в Кабарде и на Северном Кавказе не только военно-политическими связями, но и экономическими предприятиями. В 60-е годы XVIII века на Кавказ, в том числе и в Кабарду, начинают завозиться различные товары. Российское правительство отменило пошлину, которую уплачивали кабардинцы и кумыки при продаже своих изделий и скота в Кизляре. Но торговля не носила в тот период таких масштабов, чтобы влиять на политическую ситуацию, которая существенно обострилась после строительства на кабардинских землях крепости Моздок (1763), что вызвало резкое недовольство кабардинских князей. Они осознали, что крепость, являясь форпостом

царизма, будет ограничивать их политическую независимость. С момента основания Моздока сюда начали бежать кабардинские крестьяне, чтобы, приняв христианство и российское подданство, получить свободу. На многочисленные требования кабардинских феодалов выдать беглецов и срыть крепость, царское правительство отвечало отказом, и часть кабардинской верхушки в результате этого заняла антирусские позиции²⁴⁶. Князья начали нападать на укрепления, возводимые на кабардинской земле. В такой обстановке Турция и Крым стремились привлечь их на свою сторону. Во время очередной русско-турецкой войны 1768–1774 года, многие знатные кабардинские князья: Джанхот Татарханов, Касай Атажукин, Джанхот Сидаков, Карамурзины и знатные дворяне Куденетовы и Тамбиевы со своими подвластными поддерживали Россию. Против другой части феодалов, уклонившихся от русского подданства, в 1769 году была направлена военная экспедиция во главе с генералом Медемом. Но при всех обстоятельствах кабардинское зависимое население отказывалось занимать протурецкую или прокрымскую ориентацию. Так астраханский губернатор сообщал начальству, что «черный (т.е. трудовой. – К. Д.) народ о подданстве Крыму и слышать не хочет»²⁴⁷.

Кабардинцы принимают активное участие в военных действиях в Прикубанье против турецких войск. Когда летом 1774 года турецко-крымское войско вторглось в Кабарду, оно было разбито объединенными силами кабардинцев и российских войск.

Русское правительство считало необходимым «владельцев тамошних, которые к здешней стороне усердствовали, предохранять и подкреплять искусным образом от поисков тех из них, которые имели мысли противные»²⁴⁸. Успеху русской политики в исследуемый период (конец 1730-х – начало 1770-х) способствовало ясное понимание политической ситуации в регионе, учет конъюнктуры, вмешательство в междоусобную борьбу для подчинения ее своему контролю, в условиях конфронтации и военного противостояния с Турцией и Крымом, умение гибкими мерами воздействия добиваться поддержки значительной части кабардинского общества. Четкое представление обо всем этом дает обширная записка кизлярского капитана М. Гостотти, представленная в Коллегию иностранных дел и предлагавшая анализ будущей политики царизма в Кабарде. Отмечая особое положение Кабарды на Северном Кавказе, когда даже «независимые горские народы во всем следуют великой Кабарде», он считал необходимым «привести ныне Кабарду в такое состояние, чтобы впредь, а особенно в этой войне, можно было некоторым образом ее принудить ко всему, что нам угодно и потребно, и чтобы ненадобно было опасаться каких-либо с ее стороны хлопот и беспокойств на границах»²⁴⁹. Как показывают специальные исследования, предложения капитана Гостотти были учтены российским правительством при подготовке многих решений по «кабардинскому вопросу»²⁵⁰.

Так, в докладе Коллегии иностранных дел Екатерине II, в июле 1771 года, который являлся программой будущего экономи-

ческого и политического освоения центральной части Северного Кавказа, признавая Кабарду ведущей силой в регионе, отмечалась необходимость введения ее территории в состав Российской империи. Коллегия полагала «повиновением кабардинцев своевольство и всех тамошних варваров воздерживать», чтобы «повиновение их» было «с собственно их пользою соединено». А чтобы «они с охотой вникали в должности подданства, как к независимости привыкшие», им необходимо оказывать «снисхождения», но только такие, каковые «с пользою и безопасностью кизлярской стороны совместны»²⁵¹.

В результате Кючук-Кайнарджийского мира (1774) Турция признала Кабарду как окончательно состоящую в подданстве России. Результаты войны и вышеназванный договор обеспечивали России свободу действий на Северном Кавказе и значительное укрепление ее южных рубежей. Договор укрепил русское влияние среди горских народов Северного Кавказа. Например, с укреплением российских позиций в Кабарде балкарские таубии и осетинские феодалы надеялись освободиться от политической зависимости кабардинской феодальной знати. Царское правительство поощряло эти настроения и использовало их для подрыва мощи кабардинских князей, разрешая им взимать подати только с тех соседних народов, которые не присягнули на верность России. Несмотря на то, что в последней четверти XVIII века интересы кабардинской господствующей верхушки и царской администрации часто сталкивались, а в Кабарде набирало силу антиколониальное движение, кабардинское общество неизменно выступало союзником России, когда вопрос касался международных проблем того времени. Это очередной раз проявилось в период русско-турецкой войны 1787–1791 годов, в которой кабардинские отряды сражались на стороне русской армии. С заключением же в 1798 году русско-турецкого договора кабардинский вопрос перестал существовать как международная проблема.

ИНСТИТУТ ВЫЕЗДА АДЫГСКИХ КНЯЗЕЙ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РОССИЙСКИМ ГОСУДАРСТВОМ

Адыгская аристократия и традиция политического сотрудничества Москвы с нерусскими элитами

Правящая элита в феодальную эпоху являлась наиболее динамичной частью общества, которая всегда была подвижна любым влияниям извне, любым трансформациям, «наводимым» даже кратковременными отношениями с более развитой цивилизацией¹.

Составной частью гибкой и прагматичной политики московских правителей в «собирании русских земель» и освоении новых тер-

риторий в XV–XVIII веках было сотрудничество с лояльными нерусскими элитами. Кооптация местных политических, экономических и даже религиозных элит в областях, являвшихся объектом устремлений или даже завоеванных Московским государством, по мнению специалистов, представляет собой давнюю стратегию, воспроизводящую частью византийскую и частью монгольскую традицию. Она применялась с большим успехом в XIV–XV веках по отношению к татарской феодальной знати Золотой Орды и наследовавших ей Крымского, Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. С тех пор кооптация элит стала константой российской дипломатии в мусульманском мире².

Специальные исследования показывают, что любая элитарная группа или класс местного общества могла стать объектом кооптации – кочевая или земельная аристократия, торговцы, различные служители, интеллектуальная элита и т.д. В различные исторические периоды российская администрация в разных регионах вступала в контакт и обхаживала все эти группы³. Так, раньше других стали попадать в состав российской правящей знати представители татарской аристократии, связавшие свою судьбу с Москвой. По мнению А. Каппелера, они как бы предвосхитили позднейшую русскую практику кооптировать иноземные элиты и передавать им комплиментарные, престижные функции⁴.

Кооптация являлась сложной стратегией, которая проявлялась в самых разнообразных формах. Она предполагала предоставление экономических и политических преимуществ отдельным лицам, социальным группам и даже целым этническим общностям; делегирование власти местному правителю, который становится представителем российского суверена; культурную и языковую ассимиляцию с обращением или без обращения в православие; даже матримониальную (брачную) стратегию – практику, неизвестную монголам, но широко применявшуюся византийцами⁵.

Проблема синтеза правящих элит Российского многонационального государства в дооктябрьский период еще не стала предметом специального научного изучения в отечественной историографии. На наш взгляд, определенный интерес в решении отмеченной научной темы представляет традиция выезда на службу, которая в эпоху средневековья приобрела у правящих элит многих народов, в том числе адыгов, законченную форму, стала системой и оформилась как институт⁶.

Известно, что институт выезда на службу для изучаемой эпохи был универсальным явлением и получил широкое распространение на Ближнем Востоке, в Западной и Восточной Европе, включая Московское государство. Адыгская правящая знать практиковала выезды на службу к правителям Египта, Золотой Орды, Османской Турции и Крымского ханства, Грузии, Речи Посполитой и Российского государства⁷. Известный западный исследователь Пол Хенце считает, что сколь ни были адыги привержены своим традициям, «черкесские мужчины всегда были готовы ринуться в более широкий мир в качестве воинов..., египетские мамлюки были боль-

шей частью черкесами..., а традиция воинской службы в южных землях сохранялась ими до XVIII века включительно»⁸. Причины выезда адыгской знати на службу в другие государства были следующие: в первую очередь, военно-аристократический образ жизни, целиком посвященный воспитанию военного духа; неразвитость государственных институтов и соперничество ведущих княжеских родов за верховное княжение, получить которое было легче, имея поддержку извне; возможность найти больший простор, чем у себя дома, где царил полная феодальная анархия и не сложилась централизованная государственная власть⁹.

Население многочисленных адыгских княжеств делилось на сословия, связанные жесткими иерархическими отношениями. На вершине феодальной лестницы стояли князья (*пши*), которые считались «естественными и прямыми покровителями народа». Многочисленные княжеские династии вели свое происхождение от единого родоначальника – легендарного Инала, объединившего всю Черкессию.

Адыгская историография, предания арабо-турецкой письменной традиции и русские письменные источники позволяют говорить о двух точках зрения на время правления князя Инала. Согласно одной, он правил в VIII веке, согласно другой – на рубеже XIV–XV веков¹⁰.

Во всех памятниках устной и письменной традиции князь Инал рисуется идеальным правителем, долго и мудро управлявший адыгами. Он был удачлив в войнах, проводил активную внутреннюю и внешнюю политику. Его реформы по внутреннему управлению адыгской конфедерацией, введение института 40 судей и др. способствовали дальнейшей консолидации адыгской общности. Князь Инал присоединил к адыгам родственных им абхазов и абазин. Предания говорят о «раздорах» и «смутах» в адыгском обществе, которые в конечном итоге привели к переселению потомков князя Инала на Северный Кавказ.

Князь Инал, вероятно, личность историческая, происходившая от легендарного Кеса. Отцом его предания называют Хурофатлая. В пользу этого определенным аргументом служат родословные князей Черкасских (потомки князя Идара), составленные в Москве на рубеже XVI–XVII вв. Например, в них князь Темрюк Идаров – верховный князь Кабарды середины XVI века и будущий тесть царя Ивана IV (Грозного) обозначается как праправнук князя Инала.

Существует и арабо-турецкая версия, согласно которой интересующая нас личность и мамлюкский султан ал-Ашраф Сайф ибн Инал из черкесов, правивший в Египте с 1453-го по 1461 год, одно и то же лицо. Мамлюкскому султану многие предания приписывают длительные странствия, в результате которых он оказался на Северном Кавказе*, в районе Таманского полуострова и

* Адыго-абхазская топонимика сохранила места, связанные с князем Иналом. Местом его резиденции называется район к югу от Кизилташского лимана на Тамани; место погребения *Инал-кьуба* в абхазском обществе Псху в верховьях р. Бзыби. В Кабарде, в Зольском районе, недалеко от горы Кинжал располагается гора Инала.

считают его предком адыгских аристократов. Анализ широкого круга источников позволил С. Х. Хотко сделать вывод, что мамлюкский султан Инал правил благополучно и умер своей смертью в Каире в возрасте 80 лет¹¹.

После смерти Инала его сыновья Жанхот, Минболат, Беслан, Унармес и Кирмиш разделили Черкессию на уделы: «один из них остался в Хегаке, другие поселились в Кемиргое, а остальные ушли в Кабарду»¹². Потомки Инала правили жанеевцами и хегаками (Зановы), темиргоевцами (Болотоковы), хатукаевцами (Хатукоевы или Керкиноковы), бесленеевцами (Коноковы), кабардинцами (Казыевы, Идаровы, Шогенуковы, Мисостовы, Жамболатовы, Бекмурзины, Атажуковы, Гиляхстановы, Таусултановы и др.). Бжедугами и махашевцами правили представители самостоятельных княжеских династий, происходивших по преданию от четырех братьев – Черчана (бжедугами-черченеевцами), Химиша (бжедугами-хамышеевцами), Богорсоко (мохашевцами) и Бастеко (частью бжедуггов, осевшей у Черного моря на реке Вепсне)¹³.

Многочисленное адыгское дворянство (*уорк*) делилось на потомственное (*тлекотлеши* и *диджинуго*) – «великих» княжеских вассалов и служилое (*беслан-уорки*, *уорк-шаотлугусы* и *пшикеу*). Первая группа дворян в европейских документах часто обозначается как «благородные», в русских – как «именитые». Они, как и князья, могли поступать на службу к «оттоманскому падишаху, крымскому хану или московскому царю». Беслан-уорки и пшикеу были обязаны непосредственной вассальной службой своим князьям, за что получали «дворянский подарок» (*уорктын*), состоявший из крепостных крестьян, скота, ценного оружия и пр. На таких же основах строились отношения между уоркшаотлугусами и их сеньорами – тлекотлешами и диджинуго. Традиционное обычное право адыгов гарантировало любому уорку возможность разрыва вассальных отношений со своим сюзереном, что однако редко случалось. Выработанный веками рыцарский моральный кодекс «*уэркъ хабзэ*» осуждал такой разрыв. Адыгское дворянство являлось той силой и опорой, на которой держалась политическая власть и авторитет князей.

Дж. Интериано, автор конца XV – начала XVI века писал: «Благородному подобает лишь править своим народом и защищать его, да заниматься охотой и военным делом»¹⁴. В этом плане Черкессия не претерпела каких-либо кардинальных изменений в течение трех последующих столетий. По-прежнему, военно-политическая деятельность составляет все содержание жизни князей и дворян¹⁵.

«Ни к каким другим занятиям они не были способны и считали для себя величайшим унижением и несчастьем, если бы роковая судьба заставила их заняться чем-нибудь другим»¹⁶. Военно-аристократический образ жизни правящей элиты средневекового адыгского социума оказал определенное влияние на феодальную знать соседних народов. «Кабардинское феодальное общество, по мнению специалистов, было многочисленным, воинственным, со стро-

гими правилами воинской чести, которым следовало подчиняться и которые в известной степени можно сравнивать с японским «бусидо»¹⁷.

Выезжие адыги легко вписывались в структуру соседних государств и, выполняя в основном военно-командные функции, оставили заметный след в истории многих стран. Учитывая, что адыгская масса вплоть до конца XVII века оставалась языческой с элементами христианства и мусульманства, у мигрантов не было какого-либо религиозного барьера, и они быстро адаптировались в любой конфессиональной среде. Шанталь Лемерсье-Келькеже считает, что более старшие представители княжеских родов оставались на Кавказе, тогда как более молодые отправлялись в чужие края искать удачи. «Некоторые направлялись в Бахчисарай или Стамбул, другие в Москву или даже в Польшу и Литву. Те, кто оставался в Кабарде или служил султану и крымскому хану, становились мусульманами, тогда как те, кто служил царю, принимали православие»¹⁸.

В процессе сближения адыгских народов с Россией со второй половины XVI века позитивную роль сыграла деятельность Черкасских – княжеских родов, сложившихся из выезжавших на русскую службу представителей адыгской аристократии. С этого времени они в ранге служилых князей¹⁹ влились в состав правящего класса Московского государства, и многие из них заметно проявили себя на политическом и военном поприще. Наиболее известными были кабардинские Черкасские (Темрюковичи, Камбулатовичи, Сунчалеевичи, Бековичи) – потомки сыновей кабардинского князя Идара, которые после женитьбы царя Ивана IV на Марии Темрюковне в 1561 году стали во множестве выезжать на службу в Москву. Кроме того существовали ветви Черкасских, которые принадлежали другим адыгским этническим подразделениям – бесленеевцам и жанеевцам, а именно Ахамашуковы, Егуповы и Чюмаховы Черкасские²⁰.

Выезды на царскую службу в Москву происходили в строгом соответствии со специальными правилами. Решение об отправке принимал специальный совет пши-уорков – Хасэ. Обычно в число выезжающих попадали молодые княжичи 16–20 лет. Отъезжанта сопровождала свита в составе ближнего узденя (къуэдз), воспитателя (быфыкъуэадэ), телохранителей (пшэрыхъ)²¹.

Так, вместе с Михаилом (Салнуком) Темрюковичем и его двоюродными братьями Семеном (Уардацао) и Федором Жилеговичем в опричнине служили «ближние уздени» братья Даутоковы (Таутоковы). По переписным книгам 1577–1578 годов в одной Коломне в 54 бывших посадских черных дворах жили «черкашене», которых академик М. Н. Тихомиров считал «кабардинцами», сопровождавшими Михаила Темрюковича и его сестру Гуашэней (Марию)²². Или в 1626 году князь Каншао Битемрюкович просился в Москву для крещения вместе со своими людьми в 139 человек, в т.ч. 112 уорков, которые «с ним садились на конь».

В Москве выезжих князей царю представляли ответственные

чины Посольского приказа и кто-нибудь из влиятельных родственников. На первой аудиенции у царя рассматривалось прошение выезжего князя и определяли его в один из монастырей сроком на шесть недель, в течение которого его готовили к обряду крещения²³.

К середине XVI века, когда начался процесс выезда адыгских князей в Москву, сформировался совершенно новый состав русской аристократии, включавшей в себя фамилии бывших великих и удельных князей. Они претендовали на особое положение в государстве, потеснив старую московскую боярскую верхушку (в основном нетитулованную). Меняется в этой связи и состав Боярской Думы. Стремясь удержать свое преимущественное положение в государстве, этот слой, по мнению А. Н. Медушевского, консолидировался и сумел оградить себя на довольно долгое время особой системой гарантий – местничеством.

В дооктябрьской и новейшей отечественной историографии о местничестве писали многие. Так, по мнению авторитетнейшего ученого А. А. Зимина, порядок назначения на думные, а также другие высшие судебные-административные и военные должности, определялся положением феодала на сословно-иерархической лестнице. Он считал, что эти традиции восходили к начальным этапам создания Русского государства. «Он зависел от знатности «рода» (т.е. происхождения) и от «службы» данного лица и его предков великому князю»²⁴. Как видим, суть местничества «состояла в том, что все высшие должности военной и административной службы с помощью особого счета распределялись в соответствии с наследственной родовитостью претендентов»²⁵.

А. А. Зимин обращал внимание, что первоначально местничество носило служилый, а не родовой характер, и только со времен боярского правления, когда служилые князья вошли в Думу, они сравнивались с верхушкой старомосковской аристократии и также включились в систему местнических отношений²⁶.

Черкасские, кооптируясь в среду российской высшей знати, оказываются в составе боярской аристократии, которая заседала в Думе и принадлежала к потомкам князей-рюриковичей или гедиминовичей (князья Воротынские, Мстиславские, Голицыны, Куракины) и старинных московских боярских родов (Романовы, Морозовы, Шереметьевы, Шеины, Салтыковы). Кабардинские Черкасские заняли высокое положение в государственном управлении, руководя многочисленными приказами, а также командные должности в русской армии. Они состояли в тесных родственных отношениях с царствующими династиями и ведущими боярскими родами.

Их привилегированное положение состояло в том, что в бояре они выходили минуя чин окольничего и являлись ближними боярами, в отсутствие царя нередко замещая его в столице.

При всех царях – от Ивана IV (Грозного) до Петра I по два представителя рода Черкасских входили в Боярскую Думу: при Иване IV – Михаил Темрюкович и Семен Ардасович; при Федоре Иоановиче и Борисе Годунове – Борис Камбулатович и Василий

Карданукович; при Михаиле Федоровиче Романове – Иван Борисович и Дмитрий Мамстрюкович; при Алексее Михайловиче – Яков Куденетович и Григорий Сунчалеевич; при Петре I – Михаил Алегкувич и Михаил Яковлевич. Со смертью великого канцлера Алексея Михайловича Черкасского в 1742 году фактическое присутствие Черкасских в российском руководстве прекратилось.

В Дворцовой тетради 1550-х годов и в Списке чинов 1588–1589 годов, дающих наиболее полную картину состава служилых князей, в этом ранге называют следующих лиц: Борис Камбулатович Черкасский, Андрей Васильевич Трубецкой, Афанасий Шейдяков, Роман и Василий Агишевич Тюменские, Михаил Никитич Одоевский, Василий Карданукович Черкасский, Иван и Дмитрий Михайлович Воротынские²⁷.

М. Е. Бычкова обращала внимание, что кабардинские Черкасские, называясь служилыми князьями, в качестве земельных владений получали лишь вотчины²⁸.

С. П. Мордовина в свою очередь прослеживает как царское правительство переводит на положение служилых князей иностранных выходцев, но это не сопровождалось их непрямым наделением уделами, а поместья, которые им жаловались в разных уездах, «не идут в сравнение с владениями Мстиславских и Глинских»²⁹.

В период наибольшего расцвета сословно-представительной монархии в России в XVII веке представителей рода Черкасских в составе российской правящей верхушки насчитывалось 7–8 человек³⁰. К 1700 году они были самыми богатыми землевладельцами России, имея в своем распоряжении 12 032 крестьянских дворов и опережая далеко представителей других 33 родов, входивших в Думу³¹.

Иерархия правящей аристократии во второй половине XVII века, по свидетельству Г. К. Котошихина, располагалась следующим образом: князья Черкасские, Воротынские, Трубецкие, Голицыны, Хованские, Морозовы, Шереметевы, Одоевские, Пронские, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровские, Буйносовы, Хилковы и Урусовы. На следующую ступень социальной иерархии Котошихин поместил «роды, меньше тех, которые бывают и в окольных и в боярах: князей Куракиных, кн. Долгоруковых, Бутурлиных, кн. Ромодановских, кн. Пожарских, кн. Волконских, кн. Лобановых, Стрешневых, Пушкиных, Измайловых, Плещеевых, Львовых. Роды ж, которые бывают в думных дворянах и в окольных и из честных родов и из средних, и из дворян: и те роды больше той части не доходят. Есть потом и иные многие добрые и высокие роды, только еще в честь не пришли, за причиною и за недослужением»³².

Обнаруженные автором в «Дворцовых разрядах» многочисленные «местнические дела» свидетельствуют, что «сословная честь» Черкасских была достаточно высокой в иерархической структуре российского феодального общества³³. А. И. Маркевич полагал, что установление местнической чести выезжих лиц вполне зависело от правительства, которое все-таки стремилось при этом сообразоваться с честью лица в той земле, откуда оно выезжало³⁴.

Известно, что большинство генеалогических легенд из родо-

словных российских аристократов (потомков князей Рюриковичей и Гедеминовичей), а также выезжих аристократов из числа нерусских народов выводили часто происхождение своих родов из-за рубежа. Все они отражали одну тенденцию – закрепить знатность происхождения и давность службы представителей рода при дворе великих князей (московских, тверских и т.д.). Не стали исключением и представители рода Черкасских. Этногенетическое предание об их царском происхождении от мамлюкского (египетского) султана Инала вошло в их генеалогические росписи и получило признание правящей верхушки российского общества. Указанный момент нашел свое отражение и в гербе Черкасских, где изображена чалма с пером, надетая на золотую корону.

В многочисленных местнических спорах (кн. Б. К. Черкасского с В. В. Голицыным; В. К. Черкасского с А. И. Голицыным; Д. М. Черкасского с А. И. Голицыным, Ф. Н. Куракиным, Б. М. Лыковым, Н. И. Одоевским, М. Б. Шеиным; И. Б. Черкасского с И. М. Воротынским, В. П. Морозовым; М. А. Черкасского с М. А. Голицыным; Я. К. Черкасского с Г. Г. Ромодановским и др.) судебные дела за редким исключением выиграны Черкасскими. Например, в 1632 году кн. Б. М. Лыков не захотел быть вторым воеводою после кн. Дм. М. Черкасского (за 30 лет князь Лыков привык быть самостоятельным воеводой – «ходить со своим набатом»). После разбора местнического спора «государь царь и великий князь Михайло Федорович указали боярину князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому на боярина князя Бориса Лыкова доправить бесчестье оклад князя ... 1200 рублей; и деньги на боярине Борисе Лыковы взяты и по их государеву указу отданы боярину князю Дмитрию Мамстрюковичу...»³⁵

А. Н. Медушевский показывает, что хотя с отменой местничества древность рода и знатность происхождения перестали играть прежнюю роль, однако в среде боярства они сохранили свое значение. И считает, что с помощью родственных связей между родами крупные бояре обеспечивали свое положение в Думе, составляя замкнутую группу, не допускающую в свой состав новых людей. Этой группе была присуща определенная психология, традиция поведения, отношение к реформам³⁶. По своим основным параметрам приведенная характеристика совпадает с определением элиты, сформулированным Р. Миллсом в новейший период: «Элита в большей или меньшей степени сознает себя как социальный класс, и члены ее ведут себя по отношению к своим иначе, чем по отношению к членам других классов. Они благожелательно относятся друг к другу, принимают друг друга, заключают между собой браки, стремятся к тому, чтобы действовать и думать, если не совместно, то по крайней мере одинаково»³⁷.

Несмотря на формирование в России в петровский период нового правящего класса и связанной с ним бюрократии и размывание традиционного слоя старой аристократии, представители рода Черкасских все еще занимают высокое положение в государстве. Со второй половины XVIII века число ветвей рода Черкасских в

России начинает постепенно сокращаться. Так, ветвь кн. Ахамашуковых-Черкасских пресеклась на рубеже XVII–XVIII века; Егуповых-Черкасских – в начале XIX века.

Отдельного и специального изучения требует вопрос о трансформации образа жизни, психологии и быта адыгских горских князей различных поколений в представителей высшей русской феодальной верхушки. Особое значение при этом будут иметь, на наш взгляд, духовные завещания представителей рода Черкасских. Имеющееся в нашем распоряжении духовное завещание Дмитрия Мамстрюковича Черкасского³⁸ позволяет прийти к выводу, что политическое, идеологическое и социокультурное сближение представителей адыгской правящей аристократии с русской, тесные личные и матримониальные отношения и унифицирующее воздействие христианства быстро ослабляли, размывали традиционное самосознание адыгской выезджей знати.

Кабардинские Черкасские на российской службе

Темрюковичи. Солтан был младшим сыном Темрюка Идаровича. В октябре 1558 года, в возрасте 17–18 лет, он приехал в Москву. Царь Иван IV велел его крестить (в крещении Михаил) и учить грамоте³⁹. Можно смело сказать, что Михаил Темрюкович стал первым кабардинцем, получившим высокое для того времени образование в России.

В 1559 году Михаил начинает свою военную службу на южных, самых беспокойных пограничных рубежах России, подвергавшимся нападениям со стороны Крыма⁴⁰. В феврале 1563 года Черкасский участвует во взятии важной польско-литовской крепости Полоцка. Царь Иван IV посылает его в Москву с известием о «полоцкой» победе, где Темрюкович передает от государя послания и подарки митрополиту Макарию, царице Марии Темрюковне (своей сестре), царевичам Ивану и Федору⁴¹.

Михаил Темрюкович Черкасский при Иване Грозном стоял на самых высоких ступенях государственной власти. В 1567 году князь Михаил, когда ему было около тридцати лет, стал боярином⁴², первым из когорты кабардинских князей, ставших русскими боярами и принимавшими самое активное участие в становлении, укреплении и преобразении России. «Фактически сын главного князя Кабарды Темрюка Идарова Михайло Черкасский стал первым человеком в государстве после самого царя. Сидел первым в Боярской Думе и при перечислении думных списков назывался всегда первым»⁴³. В России еще в течение долгого времени жила память о том, что «князь Михайло Темрюкович Черкасский тогда был человек великий и временный, и управы было на него добиться неможно»⁴⁴.

В 1571 году крымский хан Давлет-Гирей прорвался к Москве, захватил российскую столицу и сжег ее, огромное число людей было убито и взято в плен. Царь бежал в сторону Ярославля, а

малочисленное войско опричников во главе с Михаилом Черкасским не смогло остановить 120-тысячное войско крымских татар. При отходе к Серпухову князь Михаил Темрюкович с наспех собранными войсками пытался перехватить Давлет-Гирея, но ему это не удалось⁴⁵.

Он был вызван в Александрову слободу и здесь был казнен якобы за измену. Произошло это в июне 1571 года. Вскоре Иван IV снимает с Михаила Темрюковича обвинение в измене, фактически посмертно реабилитировав своего сподвижника и ближайшего родственника.

Дмитрий Мамстрюкович Черкасский приходился родным племянником князю Михаилу Темрюковичу⁴⁶. Впервые в чине стольника он упоминается в документах при царе Борисе Годунове, после 1598 года⁴⁷. В период «смутного времени» начала XVII столетия князь Дмитрий Черкасский «отъехал» к Лжедмитрию II, вероятно, поверив в то, что тот настоящий царевич Дмитрий, сын Ивана IV⁴⁸.

В 1612 году при освобождении Москвы от иноземных захватчиков и сторонников Лжедмитрия II, Дмитрий Мамстрюкович Черкасский был ближайшим сподвижником воеводы Дмитрия Михайловича Пожарского⁴⁹. Затем, возглавляя полки русских ратников, князь Дмитрий Черкасский участвовал в освобождении от лжедмитриевцев и польско-литовских войск городов Углича, Вязьмы, Дорогобужа и других⁵⁰. Когда же войско, во главе с ним, захватило крепость Белую на подступах к Смоленску, царь Михаил наградил Дмитрия Мамстрюковича особым знаком в шесть «золотых»⁵¹. В 1618 году он участвовал в боях под Можайском, в результате которых поляки были отброшены от Москвы⁵².

За свою верную службу Дмитрий Черкасский в 1619 году был пожалован в бояре⁵³. Вскоре после этого ему поручили возглавить Казанский приказ, ведавший всеми восточными землями, а также и Сибирский приказ⁵⁴. В 1633 году Дмитрий Черкасский был назначен первым воеводой полка, направленного к окруженному поляками Смоленску. Поход закончился заключением мира в пользу России⁵⁵.

Дмитрий Мамстрюкович умер в Москве в 1651 году, потомства после него не осталось.

Камбулатовичи. В 1578 году младший брат Темрюка Идаровича Камбулат – к тому времени князь-валий Кабарды – приезжает с посольством в Москву. С ним приехал и его сын Карашай, которого по просьбе отца оставили в России, на службе. Карашай вскоре крестили, дав ему имя Борис⁵⁶.

Князь Борис Камбулатович Черкасский занимал различные воинские должности. В 1582 году он становится воеводой Большого полка в Новгороде⁵⁷, затем находился на воеводстве в Серпухове. В 1591 году Черкасский – первый воевода Большого полка в Туле. В том же году он сыграл важную роль при отражении нашествия 100-тысячного войска крымского хана Казы-Гирея, пытавшегося захватить Москву. Ратники Бориса Камбулатовича, нанося противнику удары, преследовали его до Серпухова⁵⁸. Тогда царь награ-

дил Бориса Камбулатовича особым знаком отличия – «золотым корабельником», прообразом российского ордена⁵⁹.

В 1592 году племяннику Темрюка Борису Черкасскому был пожалован боярский сан⁶⁰. В девяностые годы за ним закрепляется репутация одного из самых видных и опытных российских военачальников. Английский автор Флетчер в работе «О государстве Русском», говоря о военных деятелях России, пишет: «Большим воеводой или генералом бывает теперь, обыкновенно, в случае войны, один из следующих четырех: князь Федор Иванович Мстиславский, князь Иван Михайлович Глинский, князь Черкасский и Трубецкой. Все они знатны родом»⁶¹.

Когда в 1598 году царь Борис Годунов находился в походе против крымского хана Казы-Гирея, Борис Камбулатович оставался при «царице и царевице водить Москву»⁶².

Князь Борис Камбулатович Черкасский был женат на Марфе Никитичне Романовой, племяннице первой жены Ивана Грозного и сестре боярина Федора Никитича, который впоследствии стал патриархом Руси Филаретом⁶³. У Бориса и Марфы было трое детей: сын Иван и дочери Ирина и Ксения.

Борис Камбулатович как государственный деятель России высшего ранга присутствовал на всех посольских приемах⁶⁴, на заседаниях Боярской Думы, где числился первым. Это был человек большого ума, высокого авторитета и заслуженной в боях ратной славы.

Вскоре Борис Камбулатович попадает в немилость к царю Борису Годунову, в связи с тем, что его родственники братья Романовы, претендовали на царский престол. Все Романовы подверглись репрессиям. В 1599 году Борис Камбулатович также был схвачен по обвинению в злоумышлении на жизнь царя Годунова. И этого человека, несмотря на знатность происхождения и высокие звания подвергали пыткам, его держали «на цепи и в железзах, пытали на дыбе»⁶⁵. Потом, по указу Бориса Годунова, Черкасский с женой Марфой Никитичной и дочерьми Ириной и Ксенией был сослан на север.

Там в 1601 году, в районе Белоозера и умер кабардинский князь и российский боярин Борис Камбулатович Черкасский.

Сын Бориса Камбулатовича Иван при избрании Бориса Годунова на царский престол поставил свою подпись на соборном определении за него, но это не избавило его от преследования со стороны Годунова, ведь он был ближайшим родственником бояр Романовых⁶⁶. Ивана Борисовича, как и двоих его родных дядей Романовых, лишают всех прав и поместий и отправляют в ссылку.

После смерти отца Ивану Борисовичу разрешили вернуться в Москву. Но служить Годунову Черкасский не стал. Жил он в родовом имении, находившемся в подмосковном Останкино, возвращенном Годуновым Черкасским⁶⁷.

Князь Иван Черкасский был активным участником борьбы с Лжедмитрием II, командуя одним из трех полков русского войска⁶⁸. А в 1612 году он, как и его близкий родственник Дмитрий

Мамстрюкович, участвовал в освобождении Москвы от иноземных захватчиков.

В феврале 1613 года на Земском соборе на российский престол был избран 17-летний Михаил Федорович Романов. Основатель новой династии молодой царь Михаил приходился двоюродным братом Ивану Борисовичу Черкасскому. Надо сказать, что Ивана Черкасского некоторые прочили в цари, еще больше сторонников было у Дмитрия Мамстрюковича: ведь он был внуком Темрюка, тестя Ивана Грозного, а Иван Борисович являлся внуком родного брата Темрюка, мать его – Марфа Никитична – племянница первой жены Ивана Грозного.

О днях коронации нового царя в разрядной записи есть такая пометка: «А на завтра царского постановления был государь в Золотой палате и пожаловал боярством князя Ивана Борисовича Черкасского»⁶⁹.

Иван Борисович за большие заслуги в обороне рубежей России и ее столицы неоднократно награждался царем «золотыми»: за период с 1613-го по 1619 год он дважды был отмечен знаками в шесть «золотых», став в то время единственным из военачальников, удостоенным таких наград⁷⁰. В последующие годы Иван Борисович полностью посвящает себя государственной службе, содействуя строительству и укреплению Российского государства. Он стоит во главе приказов: Стрелецкого, Иноземного, Казенного двора и Большой казны, возглавлял Аптекарский приказ.

В 1633 году умер патриарх Филарет, отец царя и дядя Ивана Черкасского, фактически стоявший у кормила власти в государстве. С этого времени и до конца жизни князь Иван Борисович Черкасский становится главой российского правительства: в Боярской Думе он «сидел» всегда первый и «читывался первым»⁷¹. В 1638 году царь Михаил назначил Черкасского командующим армией, предотвратившей нашествие на Русь крымского хана.

Иван Борисович от имени Российского государства неоднократно вел переговоры с иноземными послами: турецким, персидским, голштинским и другими. Иностранные путешественники, побывавшие в те времена в Москве и встречавшиеся с Иваном Борисовичем, представляют его «знатнейшим государственным советником», «великим вельможей при великокняжеском дворе»⁷².

Ивану Борисовичу за его военную и государственную службу царь пожаловал огромные поместья, и он становится одним из крупнейших феодалов России, имевших более 20 тысяч десятин земли и более 15 тысяч крепостных крестьян. «В 1636–1637 гг. только четверо бояр, и среди них Дмитрий Пожарский и Иван Черкасский, владели от 1 до 3 тысяч крестьянских дворов, пожалованных царем за верную службу»⁷³.

Выдающийся государственный и военный деятель России Иван Борисович Черкасский умер в 1642 году и похоронен рядом со своим отцом боярином Борисом (Карашаем) Камбулатовичем в Московском Новоспасском монастыре.

Внук Камбулата Идарова, сын старшего князя Кабарды Куде-

нета, Урускан приходился двоюродным братом боярину Ивану Борисовичу Черкасскому. Приехав на службу в Россию в 1624 году Урускан был крещен и получил имя Яков. Крестным отцом его был родной дядя царя Иван Никитич Романов. Через год Яков Куденетович уже «сидит» первым в Золотой палате, среди стольников на «первом месте»⁷⁴. Спустя год, в 1626-м, он «сидит» на жениховском месте до прихода государя во время бракосочетания царя Михаила с Евдокией Стрешневой⁷⁵ (таков был обычай в те времена). Яков Куденетович Черкасский выполнял и различные дипломатические поручения. Среди лиц, окружавших нового царя Алексея Михайловича, боярин (с 1644 г.) Яков Куденетович был одним из самых выдающихся и влиятельных людей, пользовавшихся его особым доверием. Известно, например, что при коронации Алексея Михайловича (28 сентября 1645 г.) Яков Черкасский «...первым перед государем ходил и вино наряжал на государевом столе»⁷⁶.

В истории России в то время был период, известный как «морозовщина». Процветали коррупция, взяточничество, произвол. Политика царского воспитателя Морозова наносила огромный ущерб стране. Яков Куденетович слыл неподкупным и честным человеком, он придерживался передовых взглядов и не случайно, что стал одним из тех, кто открыто выступил против всесильного временщика. Но Морозов тогда оказался сильнее, и князя Черкасского отправили в почетную ссылку воеводой в один из северных городов.

В июне 1648 года москвичи, возмущенные произволом и лихованием Морозова, подняли восстание. Морозов бежал из Москвы в дальний монастырь. Царь выслал к восставшим своего дядю Никиту Ивановича Романова и князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского с духовенством. Они «царским словом» обещали москвичам отстранить от всех дел боярина Морозова и его приспешников. На этом договорились, и восстание прекратилось.

Антиморозовские выступления москвичей позволили Якову Куденетовичу вернуться в Москву. Он возглавил правительство царя Алексея Михайловича. В этой должности Черкасский пробыл несколько месяцев, до возвращения в Москву боярина Морозова, который вновь возвышается при царском дворе. Благодаря его проискам, Черкасский был отстранен от всех должностей и всякой службы. Но вскоре царь поставил его главой Стрелецкого приказа, а несколько позже – Иноземного⁷⁷.

По обращению гетмана Украины Богдана Хмельницкого, Земский собор 1 октября 1653 года постановил принять Украину в состав России и начать войну за украинские и русские земли. Яков Куденетович назначается первым воеводою Большого полка, направленного к Смоленску⁷⁸. Гетман Великого княжества Литовского Радзивилл, стремясь задержать продвижение рати Черкасского, внезапно 2 августа 1654 года нанес ночной встречный удар, но русское войско отбило нападение врага, и Черкасский начал его преследование. В результате успешного наступления был за-

нят очень важный стратегический пункт – Орша⁷⁹. Развивая успех наступления, 7 августа Яков Куденетович в районе города Шклова полностью разгромил войско гетмана Радзивилла⁸⁰. В результате этих побед над противником через две недели Черкасский взял город-крепость Смоленск, в те же дни ему удалось овладеть и важной Дубровинской крепостью⁸¹.

В следующем, 1655 году Яков Куденетович вновь нанес поражение Радзивиллу и гетману Польши Гансевскому и 29 июля вступил в город Вильно⁸². Развивая успешное наступление, в августе он взял Гродно и Ковно⁸³.

В 1656 году войско под командованием князя Черкасского, ведя боевые действия в Прибалтике, овладело крепостью Динабургом, как и другими важными пунктами, и осадило город Ригу, которую взять не удалось в силу различных причин⁸⁴. В 1663 году, когда возобновились военные действия, Яков Куденетович в районе городов Мглинь и Кригедом нанес поражение королю Польши Яну Казимиру⁸⁵.

В июле 1664 года князь Черкасский внезапно был отозван в Москву. Причиной стали неудачное наступление (предатель сообщил об этом врагу) и интриги при дворе. В армию Яков Куденетович больше не вернулся.

Вклад князя Якова Куденетовича Черкасского в укрепление и расширение русского государства и строительство вооруженных сил огромен. Он был одним из богатейших людей России. Имел многие вотчины в различных районах страны, десятки тысяч десятин земли и около 50 тысяч крепостных крестьян⁸⁶.

От брака с княгиней Евдокией Семеновной Прозоровской Черкасский имел двоих сыновей и двух дочерей. Скончался Яков Куденетович 8 июля 1666 года. Похоронен, как и все представители рода Черкасских, в Новоспасском монастыре.

Сын Якова Куденетовича Черкасского – Михаил в 1680 году был назначен стольником к малолетнему царевичу Петру Алексеевичу⁸⁷. С тех пор он входил в круг его ближайшего окружения, что определило и дальнейшую службу Михаила Яковлевича Черкасского.

В течение нескольких лет он был на воеводстве в важном пограничном городе Новгороде, где внес весомый вклад в укрепление северо-западных границ России, за что в 1697 году царь пожаловал Михаилу Черкасскому боярский сан⁸⁸.

Царь Петр I придавал огромное значение восточным регионам страны, лежавшим за Уралом. Необходимо было начать реализацию богатейших минеральных и природных ресурсов Сибири – этого отдаленного и сурового края, поставить его на службу для укрепления мощи России и ее защиты.

Управлять огромным и почти неизведанным сибирским краем в 1697 году был направлен Михаил Яковлевич Черкасский. В помощники – «товарищи» ему был назначен его старший сын Петр Михайлович. Со свойственной ему энергией воевода Сибири Михаил Черкасский с сыном сразу же по прибытии в Тобольск при-

нялся изыскивать руды, строить железоплавильные и оружейные заводы, прокладывать дороги и строить населенные пункты⁸⁹. Армия и флот Петра I стали получать из Сибири орудия, отливавшиеся «по науке» (по чертежам). Сибирь стала пополнять казну драгоценными металлами, а также направлять в центр богатое сырье. Царь очень высоко отзывался о деятельности боярина Михаила и его помощника – молодого стольника Петра Михайловича Черкасских.

Когда же в Сибири умер сын Михаила Яковлевича Черкасского Петр, в сентябре 1702 года помощником к нему был прислан его младший сын – стольник Алексей⁹⁰, в возрасте 22 лет. Отец и сын успешно вели дела в Сибири.

В становлении и укреплении Российского государства и армии, в осуществлении планов и замыслов царя Петра, отец и сыновья Черкасские сыграли весьма заметную роль, за что удостоились от него высоких похвал: «...за приумножение и неусыпное исполнение государственных дел...»⁹¹

Боярин Михаил Яковлевич Черкасский умер в 1712 году.

Вернувшись с отцом из Тобольска, Алексей Михайлович Черкасский продолжал государственную службу. Род Черкасских еще с XVI века, со времен Ивана Грозного, вошел в число знатнейших родов в России⁹², и поэтому было вполне естественным, что князь Алексей Черкасский породнился с царем, женившись на его двоюродной сестре Агриппине Нарышкиной. Но брак их завершился драматически: трое малолетних детей умерли один за другим, за ними ушла из жизни и Агриппина Львовна. Алексей Михайлович женился второй раз на юной княжне Марии Юрьевне Трубецкой⁹³.

Князь Алексей Михайлович Черкасский достиг самого высокого положения в России в 30-х – начале 40-х годов XVIII века, входил в число самых высокопоставленных и влиятельных людей Российского государства.

При Петре I, по возвращении из Сибири, Черкасский назначается начальником городской канцелярии и обер-комиссаром Петербурга, ведая вопросами строительства в новой столице России. Затем царь назначает его губернатором Сибири. При Екатерине I Алексей Михайлович член Сената. При Анне Иоанновне Алексей Михайлович в числе троих высших сановников входил в Кабинет министров при императрице⁹⁴, а в 1741 году получил должность великого канцлера России, в ведение которого входила вся международная политика страны и сношения с иностранными государствами⁹⁵. В правление Анны Иоанновны Черкасский был удостоен орденов св. Андрея Первозванного и св. Александра Невского.

В должности великого канцлера Черкасский оставался и при императрице Елизавете Петровне, дочери великого Петра I, пришедшей к власти в ноябре 1741 года. Это в то время посол Франции в России Шетарди, уезжая на родину, давал совет своему преемнику «держаться Черкасского, который безукоризненно честный и разумный ... и притом пользующийся доверием Императрицы»⁹⁶.

Великий канцлер князь Алексей Михайлович Черкасский скончался в ноябре 1742 года. Его похоронили в Москве, в Новоспасском монастыре.

Сунчалеевичи. Седьмой сын кабардинского князя Сунчалаея Канкlicheвича Сунчалей выехал в Москву в 1642 году и поступил на русскую службу под именем Григория.

Жизнь Григория Сунчалеевича Черкасского в России была весьма насыщенной, заполненной многими событиями. Первоначально Григорий Черкасский нес службу в основном при царском дворе и непосредственно при царе: «...во время походов царских и на богомолье он ездил рындой с государевым сайдаком и находился в комнате у государя; во время торжественных обедов у царя вина наряжал; среди стольников он показан во всех случаях на первом месте»⁹⁷. С 1655 года Григорий Сунчалеевич был направлен первым воеводой к «горским черкасам» и астраханским татарам.

В феврале 1657 года царь Алексей Михайлович произвел князя Черкасского в бояре. С тех пор он занимает среди сановников одно из высших мест, что видно и из того, что царь в свое отсутствие оставил его «Москву ведать»⁹⁸. В июне 1660 года князь Григорий Сунчалеевич направляется первым воеводой в Астрахань⁹⁹. Здесь раскрылась его очень важная роль посредника между русским правительством и народами Кавказа.

При воеводстве Григория Сунчалеевича к кабардинским оружейникам, известным тогда мастерам, из Москвы в Астрахань присылались группы «ребят иноземных для учения дела булатных сабельных полос и для учения панцырного дела»¹⁰⁰. А в Москву Григорий Черкасский, по прямому запросу из Оружейной палаты, направил Калибада, Бада и других «черкас панцырного дела, самых добрых мастеров, да булатного сабельного дела сварщиков же самых добрых мастеров»¹⁰¹. Эти меры, конечно же, диктовались потребностью страны в оружии, ведь Россия вела войны с Крымом, Швецией, Польшей.

За свою активную государственную деятельность в период пребывания на воеводстве в Астрахани, князь Григорий Черкасский был награжден царем «золотым» — в то время очень высоким знаком отличия.

Несколько лет Григорий Сунчалеевич находился на воеводстве в Царицыне, где очень много сделал для укрепления этого пограничного города-крепости.

В дошедших до нас источниках говорится, что Григорий Черкасский присутствовал на свадьбе царя Алексея Михайловича и Натальи Нарышкиной. Через год, когда крестили наследника престола, которому было четыре дня (4 июня 1672 года), он был «за столом у государя по случаю крещения царевича Петра Алексеевича»¹⁰².

Входя в круг высшей политической элиты России с 1657-го по 1666 год, Григорий Сунчалеевич «сидел» в Боярской Думе вторым после своего троюродного дяди Якова Куденетовича Черкасского.

В октябре 1672 года у себя в имении при неизвестных обстоятельствах боярин Григорий Сунчалеевич Черкасский был убит одним из своих узденей.

Впервые имя Михаила (Алея) Алегуковича Черкасского встречается в русских документах в 1664 году, когда он после приезда из Кабарды на службу в Россию был крещен и принят царем Алексеем Михайловичем. Вскоре он занял высокое положение в России. Михаил Алегукович был воеводой Новгорода, затем участвовал в русско-турецкой войне 1676–1681 годов. Д. Н. Бантыш-Каменский в своем «Словаре достопамятных людей Русской земли», изданном в 1836 году, пишет: «Князь Михаил Алегукович в 1679 году предводительствуя многочисленным войском, удержал турок и татар от вторжения на Украину, нанес последним значительный урон под Киевом»¹⁰³. В том же, 1679 году Михаил Алегукович получает боярский сан.

Князь Михаил Алегукович Черкасский был одним из тех прогрессивных деятелей России, кто в начале 1682 года принял решение об отмене изжившего себя старинного закона местничества, в связи с чем назначение людей на государственные и военные должности отныне должно было происходить, прежде всего, исходя из ума и деловых качеств представителей дворянских и княжеских родов. Это способствовало одной из основ предстоявших в недалеком будущем грандиозных реформ Петра I.

Считаем нужным подчеркнуть, что сам Михаил Алегукович – человек, понявший вредность и пагубность местничества, базировавшегося исключительно на основе родовитости, сам принадлежал к одной из самых высокородных российских фамилий.

В России в XVII веке было 16 «первостепенных» и 15 «второстепенных» родов, из которых 20 были княжескими. Знатность и родовитость определялись по месту, занимаемому родом среди этой 31 фамилии. Известный историк С. М. Соловьев в своей работе «Чтения и рассказы по истории России» приводит этот список в следующем порядке: «1. Черкасские. 2. Воротынские. 3. Трубецкие. 4. Голицыны. 5. Хованские. 6. Морозовы. 7. Шереметевы. 8. Одоевские. 9. Пронские. 10. Салтыковы. 11. Шеины. 12. Репнины. 13. Прозоровские. 14. Буйносовы. 15. Хилковы. 16. Урусовы.

15 второстепенных фамилий: 1. Куракины. 2. Долгорукие. 3. Бутурлины. 4. Ромадановские. 5. Пожарские. 6. Волконские. 7. Лобановы. 8. Стрешневы. 9. Баратынские. 10. Милославские. 11. Сукины. 12. Пушкины. 13. Измайловы. 14. Плещеевы. 15. Львовы.»¹⁰⁴

Весной 1682 года в Москве произошло восстание стрельцов, поддержавших сводную сестру малолетнего царевича Петра Софью, стремившуюся к власти. Она в то время была провозглашена правительницей России при царевичах Петре и Иване. В этой сложной ситуации Михаил Алегукович занимал твердую позицию поддержки Петра I. Вот как описывает этот период академик Н. Г. Устрялов: «Сильною опорой служили им доблестный боярин Михаил Алегукович Черкасский, неустрасимый в боях, уже убежденный

сединами... Муж чести и правды, он жестоко осуждал все действия любимцев Софии»¹⁰⁵.

Михаил Алегукович Черкасский был одним из тех государственных и военных деятелей России, благодаря которым «потешные батальоны» Петра I превратились в первые регулярные полки русской армии, с помощью которых он и победил в борьбе с Софьей за престол. В связи с этим заметим, что сын Михаила Алегуковича Андрей Черкасский стал одним из первых офицеров Преображенского полка, выросшего из «потешного войска».

1695 год. Неудачно завершился первый Азовский поход армий Петра I. Взять турецкую крепость не удалось. Одной из главных причин этого было то, что во главе армии стояло коллективное командование – «Консилий». Противоречивость и несогласованность действий его членов пагубно отразилась при штурме Азова.

Петр I проводит спешно подготовку для второго Азовского похода. Укрепляется сухопутная армия, строятся боевые корабли. Михаил Алегукович в то время внес деньги на строительство двух таких судов. Об одном из кораблей Черкасского царь Петр отзывался как «об одном из лучших»¹⁰⁶.

Естественно, что тогда был поднят вопрос о назначении главнокомандующего российскими сухопутными войсками во время второго Азовского похода. В результате, 14 декабря 1695 года по предложению Петра I на заседании Совета первым генералиссимусом России был «избран» боярин князь Михаил Алегукович Черкасский.

Об этом говорится в ряде источников. Вот что свидетельствует А. Г. Брикнер в книге «Иллюстрированная история Петра Великого», в которой приводятся сведения по «Дневнику генерала Патрика Гардона»: «Важным явился вопрос о главном начальствовании. Нельзя было и думать поручить начальство «Консилию», как в 1695 году, вопрос был решен еще 14 декабря того же года (1695-го). Петр пригласил Гардона на Совет, на котором присутствовали также Лефорт и некоторые другие лица... Сначала генералиссимусом был избран князь Черкасский, которого по его болезни впоследствии заменил боярин Шеин»¹⁰⁷.

В 1698 году, когда в Москве был подавлен антипетровский стрелецкий мятеж, боярин Михаил Алегукович Черкасский входил в число ближайших лиц Петра I, расследовавших все обстоятельства мятежа.

О князе Михаиле Черкасском с уважением отзывался Иоанн Корб, секретарь посольства «Священной Римской империи», встречавшийся с ним в Москве. В его «Дневнике поездки в Московское государство», в разделе «О боярах и главных министрах Московских», сказано: «Князь Михаил Алекукович Черкасский, достоуважаемый по своим летам и характеру; честностью непорочной жизни и своею почтенною сединой, князь Черкасский заслужил всеобщую любовь. В бытность нашу в Москве, царь [Петр], отправляясь в Азов, назначил князя Черкасского своим наместником...»¹⁰⁸

Михаил Алегукович Черкасский, прожив долгую жизнь, умер в 1721 году.

Один из внуков князя Михаила Черкаского – Александр Андреевич Черкасский дослужился до чина генерал-поручика и кавалера ордена св. Александра Невского. Другой внук – генерал-аншеф (полный генерал) Петр Борисович Черкасский был генерал-губернатором Москвы, кавалером ордена св. Александра Невского. Он жил в районе Кремля, в центре Москвы, там где ныне находятся Большой и Малый Черкасские переулки.

Бековичи-Черкасские. Важную роль в истории России конца XVII – начала XVIII века играли кабардинские князья сподвижники Петра I Михаил Яковлевич, Михаил Алегукович, Алексей Михайлович Черкасские. К числу ближайших помощников Петра относятся и Александр Бекович Черкасский (родственник Черкасских), прочно вошедший в историю русской и мировой картографии как автор первой научной карты Каспийского моря¹⁰⁹.

Род князей Бековичей-Черкасских представляет собою ответвление рода кабардинских (черкесских) князей, ведущих свое происхождение от Инала¹¹⁰. Основателем их «русской» ветви стал Александр Бекович.

Прадед Александра Бековича Казы Пшеапшоков в июне 1614 года «дал шерть» – присягу на верность России¹¹¹. В связи с попыткой персидского шаха Аббаса I склонить кабардинцев на свою сторону в том же году Казы вновь «шертовал» в Терском городе, где заявил, что от «Руси со всеми своими узденями неотступны навеки, а к шах-Басу они ехати и служить ему не хотят»¹¹².

У Казы Пшеапшокова было пять сыновей – Хатохшоко, Шолох, Джамбулат, Мисост и Ислам. Его внукам и правнукам суждено будет играть главенствующую роль в политической и общественной жизни Кабарды, в то время как Идаровичи-Темрюковичи со временем отойдут на второстепенные роли¹¹³. У Джамбулата Казыева было три сына. Младший из них Бекмурза имел шестерых сыновей: Татархана, Шевлоха, Давлет-Гирея, Батоко, Кайсина и Эльмурзу. По имени отца они назывались Бекмурзиными, а затем и Бековичами. В русских документах детей Бекмурзы называли Бековы. В сообщении кабардинского посла от 3 декабря 1720 года в Коллегию иностранных дел князь Саадат-Гирей Салтаналиев (двоюродный брат Бековичей) сообщал, что князья Кабарды в залог своей верности России всегда «давали они в аманаты в Терек» своих сыновей. Среди аманатов, названных послом, имена тех, кто находился в Терках во второй половине XVII века, среди них «в четвертых Султан-Алей Жембулатов [отец посла и родной дядя Бековичей], в пятых Шавлах Беков, в шестых – Давлетгирей Беков, именованного во крещении князя Александра Бековича»¹¹⁴.

Самые ранние сведения об Александре Бековиче мы находим в документах, где говорится о передаче власти в Терской крепости бывшим воеводой Иваном Борисовичем Мартыяновым своему приемнику «стольнику и полковнику и воеводе» Афанасию Ивановичу Козлову. При передаче был составлен «рописной список»,

где отмечалось, что в крепости находились аманаты от князей Кабарды и владетелей Эндеры, от уцмия Кайдацкого и шамхала Тарковского. «В аманатных избах аманатных мурз: кабардинской Давлет-Гирей, андреевской Чугук, хайдацкой Амир, тарковской Хамбек»¹¹⁵.

Это первое упоминание о Давлет-Гирее Бековиче датируется 24 маем 1689 года. Таким образом, Александр Бекович Черкасский мог появиться в Москве не ранее 1690 года и, естественно, что он не мог быть «... одним из первых молодых дворян, начавших службу в «потешных войсках», созданных Петром в селе Преображенском»¹¹⁶. Согласно «Истории лейб-гвардии Преображенского полка», изданной в 1883 году, узнаем, что уже «с 1689 года преображенские потешные получают наименование полка»¹¹⁷.

Есть несколько версий, касающихся появления Давлет-Гирея в Москве. Наиболее распространенные из них: 1) что его выкрали и вывезли в Москву и 2) что вдова Петра Эльмурзовича Черкасского – Анна Васильевна Черкасская (урожденная Нагая) вызвала в Россию Давлет-Гирея и как за внуком супруга своего «укрепила» за ним свое родовое имение. Однако есть и третья, более убедительная версия, которую выдвинул писатель-историк О. Л. Опрышко. Суть ее – «на основании сопоставления документов и генеалогических связей того времени обстоятельства приезда Давлет-Гирея в Москву мне представляются так, – пишет Опрышко. – В 1690 или в 1691 году юный Давлет-Гирей приехал на службу в Россию, как это делали до него уже многие его дальние родственники. Его скорее всего вызвали сюда по указанию российского правительства – терский воевода мог получить приказ отправить его в Москву «к государю» с целью воздействовать затем через него на Джамбулатовых, часть которых ориентировалась в тот период на Крым. Среди сторонников крымского хана был тогда и отец Давлет-Гирея – Бекмурза»¹¹⁸.

Эта версия, на наш взгляд, более правдоподобна, если исходить из того, что в Москве Бекович поселился не у Анны Васильевны Черкасской, являющейся по мужу его троюродной бабушкой, что должно было бы произойти, если бы его «вызвала» с Терека она. Давлет-Гирей жил в доме известного государственного деятеля России боярина Бориса Алексеевича Голицына, бывшего воспитателя Петра I в его детские годы, «где обучался русскому языку, латыни и различным наукам»¹¹⁹. То, что Давлет-Гирей, ставший после крещения Александром, оказался в доме Голицыных, не было случайностью – пишет О. Л. Опрышко. «Дело в том, – продолжает он, – что, как явствует из книги «Род князей Голицыных», вышедшей в Петербурге в конце прошлого века, двоюродная сестра Бориса Алексеевича – Евдокия Ивановна в 1670 году вышла замуж за сына Петра Эльмурзовича – Михаила. Брак их оказался недолгим, через несколько лет супруг ее скончался. Вторым мужем Евдокии стал князь Андрей Камбулатович Черкасский, потомок родного брата Темрюка – Камбулата. К моменту приезда Давлет-Гирея в Москву этот человек, оказавшийся его

шестиюродным дедом, был еще жив. А так как у кабардинцев, как и у других горских народов, родство, даже самое отдаленное, всегда весьма почиталось, то, скорее всего, именно Андрей Камбулатович обратил внимание на Бековича и на правах родственника взял его в свой дом. И это тем более вероятно, что детей у супругов Черкасских не было»¹²⁰.

Видимо, после смерти своего мужа, Евдокия Ивановна Черкасская поселила Александра Бековича в доме двоюродного брата, где он вместе с сыновьями Бориса Голицына и получил необходимое воспитание и образование. С 1694 года Александр значится прапорщиком Преображенского полка¹²¹. Безусловно, что малоизвестный Александр Бекович мог оказаться среди гвардейцев-преображенцев благодаря протекции Бориса Алексеевича Голицына. Вне всякого сомнения и то, что царь Петр узнал Александра Бековича через Голицына, часто бывая в его доме.

Одновременно с Александром Бековичем проходил службу в Преображенском полку и князь Андрей Михайлович Черкасский.

Очень интересное упоминание об Александре Бековиче-Черкасском оставил секретарь австрийского посольства Иоганн Корб: «С целью блеснуть своим гостеприимством, он (Голицын) приказал своим сыновьям прислужить... господину послу; к ним присоединил молодого черкесского князя, недавно еще тайно похищенного у своих родителей... В выражении лиц Голицыных видна скромность, в чертах же черкеса – благородство и твердость духа, отличающие воина по происхождению»¹²². В дальнейшем связь Александра Бековича с семьей Голицыных укрепила его браком с дочерью Б. А. Голицына – княжной Марфой Борисовной.

Начиная с 1700 года Россия вела многолетнюю войну со Швецией за возвращение захваченных ранее шведами земель и выход к Балтийскому морю. Девизом политики Петра стали слова: «России нужна вода». Путь к этой воде на западе, а потом и на востоке прокладывал для России и Александр Бекович Черкасский. Как офицер Преображенского полка он участвовал в первых кровопролитных боях под Нарвою. Он, безусловно, находился при осаде и взятии Нотебурга, Ниеншанца, Нарвы (1704 г.) и Митавы¹²³.

Среди молодых офицеров русской армии, которых Петр I отправлял за границу для изучения военного и морского дела, был и Бекович. По одним данным, он был отправлен Петром I в Голландию в 1707 году. «Бекович был за границей для изучения наук, и в особенности мореплавания»¹²⁴, – пишет О. Л. Опышко, ссылаясь на журнал «Московитянин». По другим данным, «в 1708 или 1709 г. Черкасский был послан Петром I в Голландию для обучения морским наукам»¹²⁵.

В 1710 году султан Османской империи, настраиваемый шведским королем Карлом XII, объявил войну России. В связи с вступлением в войну Турции, русское правительство решило искать поддержку у горских народов Кавказа, подвергавшихся частым набегам и грабежам со стороны турецких и крымских войск. В сложившихся условиях союз с Кабардой, занимавшей важное стра-

тегическое положение на Северном Кавказе, имел для России первостепенное значение¹²⁶. Начинаются усиленные дипломатические переговоры между князьями Кабарды и представителями русского правительства, среди которых был и поручик Александр Бекович. Об этом мы узнаем из грамоты Петра I, направленной им 4 марта 1711 года кабардинским князьям, где он пишет, что «доносил нам, великому государю, брат ваш Александр, который в службе нашей обретається»¹²⁷.

Снабженный царской грамотой и личными указаниями Петра, князь Александр Бекович-Черкасский отправился в Кабарду, куда добрался 27 июня 1711 года.

Дипломатической миссии князя Бековича-Черкасского русское правительство придавало исключительно важное значение. Об этом свидетельствуют: «Письмо государственного канцлера Г. И. Головкина казанскому губернатору П. М. Апраксину об оказании содействия посланному в Кабарду князю А. Б. Черкасскому»¹²⁸, а также письмо в Ямской приказ, где «великий государь указал послать для своих, великого государя, нужнейших дел на Терек князя Александра Бековича Черкасского; а от Москвы до Казани и до Астрахани, и до Терека, и от Терека назад до Москвы дати ему сухим путем 30 подвод ямских, а водным путем против подвод суды с кормщиками и гребцы»¹²⁹.

Главная цель миссии Бековича Черкасского была воспрепятствовать враждебным действиям против России кубанских татар – подданных турецкого султана, которые враждовали не только с Россией, но и с Кабардой. Зная об этой вражде, Петр I стремился привлечь кабардинцев в качестве союзников в борьбе с «кубанцами». С этой целью и был направлен в Кабарду с царской грамотой Александр Черкасский¹³⁰.

По пути следования Черкасский побывал у калмыцкого хана Аюки и вел с ним переговоры об участии его отрядов в походе против ногайцев¹³¹ (Аюка был кабардинский зять – его жена дочь Муцала Сунчалеевича Черкасского – сестра знаменитого Касбулата Черкасского). Выполняя царское поручение, Александр Бекович после прибытия в Кабарду в июне 1711 года обратился с письмом-призывом к кабардинским владельцам, где говорил о необходимости объединения в борьбе против турецкого султана и крымского хана¹³². После переговоров с кабардинскими князьями он доносил Петру, что «они рады служить великому государю всею Кабардою»¹³³.

К концу лета кабардинское войско было готово к походу. Возглавили его двоюродный дядя Александра Бековича Атажуко Мисостов, двоюродный брат Асланбек Кайтукин, и его родной брат Татархан Бекмурзин. Общее руководство походом осуществлял Александр Бекович Черкасский, который перед выступлением принял присягу на верность русскому царю от всех князей, участвовавших в походе.

В августе кабардинское войско вступило на земли «кубанских» татар. 30 августа оно встретилось с превосходящими силами крым-

цев, во главе которых был один из крымских царевичей. «И... войска Нурадына салтана, в котором было пятнадцать тысяч, мы били боем и рубили саблями, в который поход ходили на Кубань с братом нашим князем Александром Бековичем»¹³⁴, – писали кабардинские князья царю Петру I. Враг был полностью разгромлен «и того войска Нурадына салтана, несколько побили до смерти, иных в реке потопили, а сам он Нурадын салтан, даже насилу ушел»¹³⁵. После успеха в бою войско углубилось в Прикубанье. Но Бекович ждал вестей от Апраксина, с которым совместно действовали калмыки и казаки. Он хотел с ним договориться о совместных действиях – Апраксин мог бы нанести удар по крымцам в Закубаньи с северо-востока, а кабардинцы – с юго-востока, и тогда «ни один бы татарин на Кубани не остался»¹³⁶. Однако Апраксин не выполнил ранее данного обещания и повернул назад.

Около года пробыл Александр Бекович Черкасский на Северном Кавказе. События на Кавказе отражены в его письмах Ф. М. Апраксину¹³⁷, содержание которых свидетельствует о способности Бековича трезво оценить стратегическую обстановку и настойчивость в защите интересов России. Тогда, будучи на Северном Кавказе, князь Черкасский занимался и установлением прочных связей с Дагестаном, а также выяснением местонахождения рудных и других природных богатств края¹³⁸.

Весной 1714 года Черкасский вновь выступает как политический деятель, он пишет донесение Петру I, где высказывает свои мысли об обстановке на Северном Кавказе и как следовало бы действовать там России, чтобы народы этого обширного и стратегически важного края «не допустить под руку турецкую, но... привести под область свою». Далее он сообщает, что из Порты через крымского хана к «вольным князьям», имеющим владения близ гор, между Черным морем и Каспийским, направлены были посланцы, с целью склонить их на свою сторону, за что каждый бы из них получил от султана всякие «милости» и «жалование». В Кабарде миссия турецких эмиссаров не имела успеха. Отсюда они направились к владельцам Дагестана «и некоторых из них приклонили к своему желанию через дачу» подарков.

Александр Черкасский в своем «Доношении» предупреждает Петра об опасных последствиях того, если Турции удастся подчинить Дагестан – то при возникновении военных действий дагестанцы «могут не малую силу показать, понеже оный народ лучше к войне кроме регулярного войска». В то же время в донесении Черкасского проходит мысль о том, что укрепление российских позиций на Кавказе принесет пользу как самой России, так и местным народам, и сделать это будет не сложно, «понеже тот народ вольный». Напоминает он и о тех связях, которые существовали, когда шамхал и другие владельцы Дагестана «детей своих в аманаты давали»¹³⁹. По сути дела «Доношение» Бековича-Черкасского было проектом мирного присоединения Северного Кавказа к России.

Получив проект Александра Бековича, Петр I передал его Се-

нату для выполнения. Но осуществить проект не удалось, хотя «О призыве горных народов прилагаетца при сем Сенату указ, дабы о том учинили по вашему предложению»¹⁴⁰, – сообщал Петр Беквичу-Черкасскому.

Одновременно с активными действиями в направлении Балтийского и Черного морей, наблюдается усиление внимания русского правительства к Каспийскому морю. К этому времени Петр I располагал информацией, что прикаспийские страны богаты различными полезными ископаемыми. Знал он и о золотых россыпях на реке Амударье. Петр намеревался сделать Россию посредницей в торговых делах между Востоком и Европой.

Знатный туркмен Ходжа Нефес рассказывал русскому царю, что близ «Еркета, в реке Аму-Дарье», находят золотой песок, и что раньше эта река впадала в Каспий и якобы осталось ее старое русло.

Не откладывая Петр I решил направить на Амударью экспедицию. Было решено послать две экспедиции – одну через Сибирь от Тобольска вверх по Иртышу, а вторую – через Среднюю Азию, т.е. через Хивинское и Бухарское ханства¹⁴¹.

Вторую экспедицию было поручено возглавить поручику лейб-гвардии Преображенского полка Александру Беквичу Черкасскому, получившему от Петра I «собственноручные пункты», или инструкции. Даны были указания и воеводе казанскому П. С. Салтыкову, где предписывалось «дать князю Черкасскому, отправленному для некоторого нужного дела, о котором сам объявит, в Астрахань и далее на Каспийское море тысячи полторы воинских людей, пять тысяч рублей денег на все расходы и сверх того исполнять без замедления все другия требования князя Черкасского»¹⁴².

Александр Беквич Черкасский сразу же выехал через Казань в Астрахань. Здесь он начал расспрашивать местных жителей, заезжих купцов, бывших невольников о восточном побережье Каспийского моря и реке Амударье. Одновременно готовилась флотилия – Черкасский надеялся отправиться в плавание до наступления холодов. В Астрахани он даже «сыскал таких людей, которые знают оную реку, называют Аму-Дарья, сказывают, что не малая река, падает в озеро, называемое Аральское море, которое имеет расстояние от Каспийского моря четырнадцать дней ходу; иные сказывают будто малый приток есть из озера в море Каспийское, такомо такого человека нет который видел, сказывают, что видели»¹⁴³.

Подготовительные мероприятия к экспедиции были закончены к концу октября 1714 года. Флотилия состояла из тридцати судов, на которые было посажено 1650 человек регулярной пехоты¹⁴⁴. С морскими и другими командами всего было 1877 человек.

7 ноября флотилия Беквича-Черкасского вышла в море, но непогода и ранний в этих местах лед не позволили ему дойти до Гурьева и 3 декабря он вынужден был, потеряв 3 судна, вернуться в Астрахань¹⁴⁵.

По возвращению в Астрахань немедленно начались пригото-

ления к экспедиции следующего года. По приказу царя в Казань были присланы корабельные мастера, которые приступили к строительству новых судов: «понеже нынешней весны надобны те скампаеи будут от лейб-гвардии г. капитану князю Черкасскому»¹⁴⁶.

Однако работы по подготовке экспедиции пришлось на время прервать. В начале 1715 года около 30 тысяч «кубанских» татар напали на калмыков, стоявших станом под Астраханью. Превосходя калмыков более чем в три раза, татары разгромили их и убили более трех тысяч человек.

Это событие, судя по известию Иакинфа (Бачурина), в дальнейшем имело чрезвычайно печальные последствия для экспедиции Черкасского в Хиву: «Кубанский Султан-Гирей в начале 1715 г. нечаянно напал при Астрахани на хана Аюка и захватил собственные его кибитки со всем имуществом. Самый Аюка со всем семейством едва спасся, уходя к отряду российских войск, которых князь Александр Бекович-Черкасский вывел из Астрахани к реке Богде для прикрытия хана. Сии войска стояли в строю, когда кубанские татары проходили мимо их, и хотя хан просил Бековича стрелять в них, но князь отказал ему в том под предлогом, что без царского указа не может учинить сего. Злобствующий хан тотчас же придумал средство отомстить Бековичу. Он тайно известил хивинского хана, что сей князь под видом посольства идет в Хиву с войском, и хивинцы по сему известию скрытно приготовились к встрече Бековича»¹⁴⁷.

Вскоре Александр Бекович выехал в Кабарду, чтобы взять там некоторых преданных ему людей, которых ему хотелось иметь возле себя во время опасного похода в глубь Средней Азии¹⁴⁸. Весной он уже в Астрахани и вторично 25 апреля 1715 года выходит в море. Экспедиция вновь отправилась к Гурьеву, куда вскоре благополучно прибыла. В том году Черкасский предпринял разведывательную экспедицию вдоль восточного побережья Каспийского моря.

Бекович дошел до мыса Тюб-Караган на полуострове Мангышлак и высадился на берег. Здесь он продолжает свои расспросы, касающиеся Амударьи, и возможно ли ее повернуть в старое русло. Ответы он получал утвердительные. Туркмены, на которых Александр Бекович произвел большое впечатление, назвавшись своим мусульманским именем Давлет-Гирей (по персидски «покоритель владений»), сообщали, что стоит только прокопать канал верст около двадцати и река снова потечет в Каспийское море. Черкасский попросил туркмен дать ему проводника, который мог показать дорогу к тому месту, где следует прокопать ров. Они предложили Ходжу Нефеса, того самого, который был в Петербурге и сообщил Петру I сведения о золоте на Амударье и о том, что когда-то эта река впадала в Каспийское море¹⁴⁹.

Вместе с Ходжой Нефесом от мыса Тюб-Караган на разведку в сторону Амударьи были отправлены несколько членов экспедиции.

Сам же Александр Черкасский отплыл в сторону залива Кра-

сные воды, производя по пути картографические съемки. У южной части полуострова Мангышлак находился мыс Песчаный, омываемый с юга водами залива (этот залив был еще в 1718 году назван заливом «Александр-бай» по имени князя Бековича – ныне залив Александра Бековича-Черкасского)¹⁵⁰. Проплыв около 300 верст, корабли Бековича стали у входа в залив Кара-Богаз-Гол (Черная Пасть). Несмотря на предупреждения туркменов, что еще никто из тех, кто пытался пройти в залив, не возвращался обратно, туда смогли проникнуть русские мореплаватели во главе с князем Черкасским. Потом, пройдя на юг еще около 150 верст, флотилия Бековича вошла в Красноводский залив.

Тем временем Ходжа Нефес и его спутники добрались до земляного вала, находившегося в нескольких верстах от Амударьи, он и был принят за плотину, которой, как считалось, хивинцы отвели реку от ее старого русла. Отправившись в обратный путь, они добрались до залива Красные воды.

Александр Бекович послал вторую группу на разведку от залива Красные воды к долине, уходившей к Амударье, о которой сообщили Ходжа Нефес и его спутники. Через несколько дней посланные люди вернулись, так как проводники-туркмены не захотели двигаться дальше, опасаясь хивинцев. Но они сообщили, что видели долину, идущую от Каспия в сторону Амударьи.

Бекович был убежден в том, что им найдено старое русло реки Амударьи. 4 августа 1715 года он доносил Петру: «На сей стороне Каспийского моря сыскали несколько гаваней, которых в других картах не описуют; только рек мало. Сего августа 3 числа доехал на места званием Актом, где текла Аму-Дарья – река в Каспийском море. Ныне в том нет воды, понеже ни в ближних местах; для некоторых причин она река запружена плотиною на урочище Харакас, от Хивы в четырех днях езды. От той плотины принуждена течь она река в озеро, которое называется Аральское море»¹⁵¹.

Александр Черкасский морем проплыл еще далее на юг до персидского побережья, производя по пути необходимые наблюдения. От берегов Персии, посчитав, что задача экспедиции выполнена, взял курс на Астрахань. Пройдя за все время плавания более 3000 верст, 9 октября 1715 года флотилия возвратилась в Астрахань.

Воспользовавшись имевшимися у начальника астраханской морской команды «чертежами» западного побережья Каспия, и советуясь со специалистами, плававшими ранее в тех местах, Бекович наносит на свою карту «Кавказский берег». В результате его самоотверженной работы на свет появилась первая карта Каспийского моря, данные которой соответствовали действительности или же приближались к ней.

Эта карта Бековича-Черкасского впервые в истории географии дала правильные очертания Каспийского моря и прежде всего его восточной части, что стало громадным шагом в картографировании Каспия¹⁵².

Получив донесение и материалы экспедиции Петр I вызвал к себе Александра Бековича. Их встреча состоялась в Либаве, где в феврале 1716 года находился царь. Высоко оценив результаты экспедиции князя Черкасского и воздавая должное его заслугам, Петр I производит его в чин капитана гвардии.

14 февраля 1716 года царь подписал именной указ Сенату о направлении князя Александра Черкасского в новый Каспийский поход¹⁵³. Летом того же года Бекович, выполняя указ Петра I выехал в Астрахань. Здесь он убедился, что корабли для экспедиции необходимо делать заново. Постройку судов он поручил поручику Александру Ивановичу Кожину. Было построено 69 парусных судов различных типов и размеров¹⁵⁴.

В море вторая экспедиция Черкасского вышла в сентябре 1716 году. Заложив по пути две крепости (одну на Мангышлакском полуострове, вторую в заливе, известном впоследствии как Александр-бай). Александр Бекович прибыл в конце октября к Красноводскому заливу и заложил здесь крепость. К февралю 1717 года он вернулся в Астрахань. Главную задачу – закладку крепостей на восточном берегу Каспия, он выполнил.

Александр Черкасский собирал сведения о странах Средней Азии, ведь вынашивался план по открытию «водного пути» в Индию. Посланцы Бековича-Черкасского должны были обследовать огромные пространства между Аральским и Каспийским морями и Хивой, «какие здесь есть реки», куда текут, им предписывалось узнавать о местах добычи золота на Амударье. Все это было очень трудно, их жизням угрожали опасности, но каждая из таких групп приносила ценные географические сведения о Средней Азии, и организация таких групп – заслуга Александра Черкасского.

После возвращения в феврале 1717 года Бековича-Черкасского в Астрахань сразу же начинается подготовка к самому главному итоговому этапу всей экспедиции – сухопутному походу в Хиву. В то время Александр Бекович получил неблагоприятные сообщения от послов, находившихся в Хиве. Предвидя, что воинственный хан Шир-Газы может не пойти навстречу мирным предложениям Петра I, он написал письмо царю, в котором спрашивал, как ему поступать в таком случае¹⁵⁵. Петр ответил: «Трудись неотложно, по крайней мере исполнить по данным вам пунктам, а ко мне не отписывайся для указов понеже как и сам пишешь, что невозможно из такой дальности указу получать»¹⁵⁶. Это говорит о том, что царь полностью доверял Александру Черкасскому и полностью на него полагался, раз давал такую самостоятельность.

В марте 1717 года подготовка к экспедиции была закончена. Александр Бекович морем добрался до Гурьева, куда пешим путем подошли пехотинцы и казаки – участники экспедиции, и отсюда в июне 1717 года отряд вышел в путь. Перед самым выступлением в поход, Бекович узнал страшную весть – утонули его жена и две дочери, провожавшие его на судне в море, а затем возвращавшиеся в Астрахань.

Отряд Черкасского насчитывал около двух тысяч человек.

18 августа, когда они стояли лагерем на реке Карагачи, подошло хивинское войско до 20 тыс. человек. Спешно были построены укрепления и удалось отбить атаки. Почему хивинцы напали на русский отряд? Впоследствии одной из причин этого назвали то, что хан Аюка как будто бы дал задание своим людям, которые тайно ушли из русского лагеря, сообщить хивинцам, что под видом посольства русские якобы идут завоевывать Хиву.

Хивинцы нападали на лагерь, а хан Шир-Газы присылал послов и приглашал Александра Бековича Черкасского к себе на переговоры, уверяя при этом, что нападения произошли без его повеления. На третье приглашение Бекович ответил согласием. Он отправился в хивинский лагерь в сопровождении офицеров, 700 драгун и казаков. После переговоров хан целовал Коран, заявляя, что князю Черкасскому и его людям гарантируется безопасность.

Затем Бекович-Черкасский по приглашению хана направился в Хиву. В двух днях пути от Хивы, хан Шир-Газы вторично встретился с Александром Черкасским и сообщил, что русский отряд с целью определения на постой и снабжения провиантом необходимо разделить и направить в разные селения Хивинского ханства. Александр Бекович, поверив Шир-Газы, опрометчиво на это согласился¹⁵⁷.

Как только русский отряд был разъединен, хивинцы окружили каждую из его частей и неожиданно напали, уничтожив большую часть людей, а некоторых пленив. «И как разобрав служилых людей, отвели далее и пред шатром хивинского хана вышедши наперед казнили князь Михайлу Зоменова (Симонова), да и астраханца же дворянина Кирьяка Економова, а потом вывели узбеки из палатки же господина князя Черкасского и платье с него сняли, оставили в одной рубашке и стоячего рубили саблею, и отсекали у них троих головы»¹⁵⁸.

Из Хивы удалось вернуться только немногим участникам экспедиции. Гибель отряда Александра Бековича-Черкасского имела роковое значение для крепостей, построенных им на восточном берегу Каспийского моря. В сложившихся условиях удержать их было невозможно, и они были оставлены русскими. Однако экспедиции Бековича-Черкасского имели огромное значение – в первую очередь, как масштабная разведка среднеазиатского региона, что весьма впоследствии облегчило дальнейшие шаги российской политики в восточном вопросе¹⁵⁹.

Большую роль экспедиции кабардинского князя Бековича-Черкасского сыграли в деле расширения научных сведений о странах Средней Азии, изучении Каспийского моря и развитии отечественной картографии.

Самый младший из сыновей Бекмурзы Джамбулатова, Эльмурза, как и его знаменитый брат Александр, бесповоротно встанет на сторону России и всю жизнь посвятит служению и защите интересов российского государства. Впервые увидев своего брата во время его приезда в Кабарду в 1711 году, он много интересного узнал о России, ее людях и до конца жизни старший брат

был для него примером верности долгу, служения родине и России.

В 1719 году Эльмурза Черкасский, давно желавший побывать в России, где многие годы жил Александр, выезжает в Россию. К этому времени ему было лет двадцать с небольшим. О его молодости говорит то, что ни на одном документе или письме нет подписи Эльмурзы и его имя не называется. Побывав в Москве у своих племянников – сыновей Александра Бековича, он отправился в Петербург и «2 июля 1720 года в Коллегии иностранных дел пред министрами, на алкоране, к шерти приведен был»¹⁶⁰.

Здесь он впервые узнал подробности о гибели своего старшего брата Александра Бековича-Черкасского. Весной 1721 года Эльмурза Бекович и прибывший после него в Петербург кабардинский посол Саадатгирей Салтаналиев (двоюродный брат Бековичей) вернулись в Кабарду. Они привезли с собой грамоту с заверениями о помощи России кабардинцам в борьбе с крымцами¹⁶¹.

В январе 1722 года Эльмурза Черкасский вновь приезжает в Москву, с целью поступить на военную службу. Ему удалось получить аудиенцию у Петра I, который пожаловал младшему Бековичу звание поручика российской армии¹⁶².

К этому времени победоносно завершилась Северная война и царь принял решение готовиться к Персидскому походу. 13 мая 1722 года Петр I выехал из Москвы и водным путем двинулся к Астрахани. В свите царя находился и поручик Эльмурза Черкасский¹⁶³. По прибытии флотилии в Астрахань в июне был «опубликован» манифест, который предназначался для распространения среди народов Северного Кавказа – «для показания причин сего военного похода всем народам, до каковых то писалось».

В Кабарду с манифестом был отправлен Эльмурза Бекович – с наказом кабардинским князьям прийти со своими людьми для службы в русском войске. В своих «Материалах для новой истории Кавказа» П. Г. Бутков писал: «Кабардинские владельцы ознаменовали преданность свою к государю тем, что два владельца их, один Большой Кабарды, князь Эльмурза Черкасский (меньшой брат князя Александра Бековича, рода Жамболатова, фамилии Бекмурзиной) и Малой Кабарды, Таусолтанова рода Асламбек Кеметов [Келеметов], добровольно предстали к государю 6 августа с людьми своими и служили»¹⁶⁴.

Чтобы закрепиться во вновь приобретенном крае, было принято решение построить здесь новую крепость Святой Крест¹⁶⁵. Петр I сам выбрал для нее место. Крепость строили в 1723 и 1724 годах.¹⁶⁶ Сюда из Большой и Малой Кабарды переселяются к 1727 году «до 300 фамилий, которые состояли в команде одного Эльмурзы Бековича»¹⁶⁷.

В слободе, основанной в полуверсте от крепости «населенная черкесами и другими горцами», начальство было поручено Эльмурзе Черкасскому.

Летом 1724 года была выделена команда во главе с полковником Лицкиным из гарнизона крепости Святой Крест, которая была

направлена «в Кабарду для принятия и препровождения Вахтанга»¹⁶⁸. Вахтанг VI, царь Картли, терпел гонения от турок и персов и поэтому принимает решение уехать в Россию. Военской команде необходимо было сопровождать Вахтанга VI до Святого Креста, что они и сделали, прибыв с ним в крепость в двадцатых числах августа 1724 года. Одним из помощников полковника Лицкина был Эльмурза Бекович Черкасский.

В 1726 году командующим войсками в Прикаспийских областях и на Кавказе был назначен фельдмаршал В. В. Долгоруков – бывший гвардейский командир Александра Бековича Черкасского. Встретив в крепости Святой Крест младшего брата своего бывшего подчиненного, т.е. Эльмурзу, он отнесся к нему очень внимательно. По его протекции младший Бекович был произведен в подполковники «за верную службу его Российской империи»¹⁶⁹. А вскоре – 21 января 1731 года Эльмурза производится в полковники – «отныне за нашего полковника надлежащим образом признавать и почитать» его, говорилось в царском указе¹⁷⁰.

В сентябре 1731 года крымское войско двинулось по направлению к Кабарде. Обеспокоенный комендант крепости Святой Крест направляет крымцам свое послание, требуя отказаться от нападения на кабардинцев. Послание это в Прикубанье отвез полковник Эльмурза Черкасский.

В 1732 году скончался старший князь Кабарды Ислам Мисостов. На совете (хасэ) князей старшим князем Кабарды «Татарханбек Бекмурзин сын определен по выбору всех кабардинских владельцев, по старшинству лет, по обычаю их, старшим владельцем на место умершего... владельца Ислам-бека Мисостова»¹⁷¹. Таким образом старшим князем Кабарды становится Татархан Бекмурзин (Беков) родной старший брат погибшего Александр-Бековича и полковника Эльмурзы Черкасского. Этим самым значительно укрепляются позиции сторонников России. При содействии генералов Д. Ф. Еропкина и Г. Дугласа русскому правительству удалось примирить кабардинских князей и один из самых могущественных князей Кабарды Асланбек Кайтукин в 1732 году вернулся со своими подвластными из Крыма в Кабарду. Следует отметить, что Татархан и Эльмурза Бековичи приходились Асланбеку Кайтукину двоюродными братьями. Способствовал примирению в междоусобице кабардинских князей и зять Магомеда Кургокина (Атажукин род) калмыцкий хан Дондук-Омбо¹⁷².

В 1735 году на основании Ганджийского договора все русские войска отводятся из Прикаспия. Была оставлена и скрыта крепость Святого Креста, где тринадцать лет нес службу кабардинский князь Эльмурза Бекович-Черкасский. Генерал Левашов основал в том же году на Тереке новую крепость – Кизляр. Она находилась в 60 верстах от моря. Генерал Левашов стянул сюда драгунские и пехотные полки, а также направил сюда и терских казаков, которые были сведены в один корпус и названы Терским кизлярским казачьим войском.

Это Терское Кизлярское войско разноплеменное и разноязыч-

ное, поселено было у Кизляра, в его предместье, и подчинено на правах войскового атамана полковнику Эльмурзе Бековичу Черкасскому¹⁷³.

Весной 1736 года начинается новая русско-турецкая война. В ней активно на стороне России приняли участие кабардинцы. Бомат Мисостов из Атажукина рода и Кульчука Талостанов из Малой Кабарды со своими узденями находились в российских войсках при взятии Азова¹⁷⁴.

В первом Закубанском походе, имевшем целью отвлечь силы неприятеля, участвовал двухтысячный отряд кабардинской конницы во главе с лидерами Баксанской партии – Магомедом Кургокиным и Кашкатавской – Асланбеком Кайтукиным. Из них около 100 человек приняли участие в осаде Азова и его взятии¹⁷⁵.

В следующем 1737 году, в связи с разразившейся эпидемией чумы, кабардинцы не смогли участвовать в боевых действиях. Однако Кизлярское казачье войско в этот год трижды ходило в походы на крымцев под командованием Эльмурзы Черкасского¹⁷⁶. Русско-турецкая война закончилась поражением Турции. Кабардинцы в этой войне активно участвовали на стороне России.

В то время вновь активизирует свою деятельность в Прикаспии Персия. Обстановка на Северном Кавказе становится тревожной. Надир-шах, усилив свои позиции в Закавказье, обращает взоры на территорию севернее Терека и на Кабарду. В связи с этим в Кабарду срочно был направлен «для политических сношений с горцами и кабардинцами» грузинский царевич, генерал-поручик Бакар Вахангович, племянник кабардинских князей Кончоко и Адильгеря Гиляхстановых. Полковник Эльмурза Бекович Черкасский вместе с группой офицеров сопровождает его в Большую и Малую Кабарду и участвует в переговорах с владельцами Кабарды. Пропаганда среди последних в пользу России шла настолько успешно, что в том же году они прислали в Москву Магомеда Сидаква, одного из представителей рода Мисостовых, для участия в коронационных торжествах императрицы Елизаветы Петровны¹⁷⁷.

В 1744 году Эльмурзе Бековичу Черкасскому было присвоено звание генерал-майора. В этот период в Кизляре побывал шотландец Джон Кук, он встречался с генералом Эльмурзой Черкасским и другими кабардинцами, которых тогда в Кизляре было довольно много. Он даже назвал ее «столицей Черкесии». Говоря о кабардинцах, он писал: «Те, которые находятся под защитой русских, управляются собственными князьями, главный из которых называется Бекович. Он генерал-майор иррегулярных войск русской армии; но он никогда не получал приказа покинуть Черкесию, где, как думают, он может принести большую пользу империи»¹⁷⁸. Присвоение звания генерала Эльмурзе Черкасскому вызвало чувство гордости у его родственников. Его родные племянники – Мисост и Джанхот Татархановы, Инал и Кази Кайсиновы, а также двоюродный племянник – Хамурза Асланбеков (Кайтукин) в письме, отправленном в Петербург в 1744 году, писали, что «до окончания жизни... обязуемся... по присяжной нашей должности верно

служить» России, «так как родственники наши князь Александр Бекович и генерал-майор Эльмурза Бекович... службу свою верно и беспорочно продолжали» и далее сообщали, что «родственник» их Кургоко Татарханов «службу свою показал как верноподданному надлежит» и с отрядом генерала де Медема участвовал в боях на Кубани при отражении набега крымцев¹⁷⁹. Таким образом, пример братьев Бековичей, верно служивших России, способствовал тому, что представители этого рода шли по их пути.

В начале 1760 года из Петербурга в Кизляр пришло предписание сформировать из северокавказских горцев ополчение и вместе с терскими казаками под общим командованием генерала Эльмурзы Бековича Черкасского отправить в русскую армию, действовавшую в Пруссии против Фридриха II. Ополчение уже было на марше, дошло до Черкаска (на Дону), но в связи с прекращением военных действий, последовавших со смертью Елизаветы Петровны, вернулось назад¹⁸⁰.

Кизляр был местом удивительного смешения народов, где в мирном соседстве и взаимопонимании жили русские, кабардинцы, ногайцы, кумыки, чеченцы, ингуши, армяне, грузины. Все это способствовало установлению между ними дружеских отношений и веротерпимости; они вместе участвовали в борьбе против общих врагов. Во главе этого многоязычного войска стоял кабардинец, командир Кизлярского иррегулярного войска генерал-майор Эльмурза Бекович Черкасский. Российское правительство, заинтересованное в службе князя и его узденей, как и других горцев, щедро наделяло его землей. Эльмурза Черкасский имел на реке Кизлярке «пашенной земли – 1831 четвертей, сенных покосов – 40 четвертей»¹⁸¹. Эльмурза Бекович Черкасский, как и его старший брат капитан лейб-гвардии Преображенского полка Александр Бекович всю свою жизнь служил России, много сделал в деле ее сближения с народами Северного Кавказа.

Эльмурза Бекович Черкасский имел восемь сыновей. Самые младшие Алмас, Прусхан и Бекмурза после смерти отца были взяты родственниками в Россию и их судьба неизвестна. Остальные пятеро пойдут по стопам своего отца и станут военными.

В 1763 году генерал Эльмурза Черкасский выехал в Россию, чтобы засвидетельствовать свое «почтение» новой императрице Екатерине II и заверить ее в дальнейшей верной службе, а главное попытаться обеспечить будущность своих многочисленных сыновей. В этот приезд в Москву он последний раз встретился со своими племянниками – сыновьями Александра Бековича Черкасского – Александр Александровичем (старшим) и Александром Александровичем (младшим) Бековичами-Черкасскими. Также, как и отец, они стали офицерами. Александр Александрович (Большой) получит чин полковника. Его младший брат Александр Александрович (Меньшой) вышел в отставку в чине бригадира¹⁸².

Александр Александрович (старший) сыновей не имел. У бригадира Александра (младшего) было четыре сына, но только второй сын Петр выбрал военное поприще и в чине полковника умер

бездетным. Сын Дмитрия Александровича (третьего из сыновей Александра) Петр Дмитриевич Бекович-Черкасский, родившийся в конце XVIII века, достиг высокого положения – был Симбирским губернатором, имел чин действительного статского советника (генерал-майора). Два его двоюродных брата Василий и Федор Николаевичи продолжали традицию Бековичей-Черкасских по службе в русской армии. Эти доблестные офицеры участвовали в Отечественной войне 1812 года и в заграничном походе русской армии, дойдя до Парижа в 1814 году¹⁸³.

В тот приезд в Россию в 1763 году Эльмурза Бекович Черкасский из Москвы отправляется в Петербург, где будет принят в Военной коллегии и получит аудиенцию у императрицы. Весной 1764 года генерал Черкасский вернулся в Кизляр, а осенью 1765 года он получил Указ Екатерины II, касавшийся дальнейшей судьбы его детей. Теперь Эльмурза Черкасский мог быть спокоен за будущность своих сыновей.

В конце 1765 года генерал-майор Эльмурза Бекович Черкасский умер. Похоронен он был на родовом кладбище Бекмурзиных, находившемся в Кабарде близ нынешнего селения Чегем II.

Старшие из его сыновей уже прочно стояли на ногах. Темир-Булат был капитаном иррегулярных войск в Кизляре, самый старший Давлет-Гирей (незаконнорожденный – тума – т.е. Эльмурза «прижил его с простою черкесскою девкою») – имел чин ротмистра. Еще в 1756 году, когда началась Семилетняя война, императрица Елизавета издала указ, чтобы из кумыков, кабардинцев и других горских народов собрать «до 500 охотников, которые были по их обыкновению к воинским действиям исправны...» и их «отправить к войскам нашим, к Смоленску». Коменданту Кизляра приказывалось поручить формирование отряда «находящемуся в Кизляре нашему генерал-майору князю Эльмурзе Черкасскому и сыну его Темир-Булату, которому и командиром у них быть»¹⁸⁴. Третий сын Эльмурзы Инал также состоял на военной службе и имел чин поручика.

Заручившись поддержкой своих старших братьев – «исправляющего должность начальника Кизлярского иррегулярного войска и аульных татар» секунд-майора Темир-Булата и поручика Инала – Казбулат Эльмурзович в 1768 году принял христианство. В крещении ему было дано имя Александр, а отчество – Николаевич (в честь Николая Алексеевича Потапова, генерал-майора, его крестного отца). После смерти в 1775 году секунд-майора Темир-Булата начальником над «аульными татарами» был назначен его брат Александр Николаевич Бекович-Черкасский (Казбулат Эльмурзович). Капитан Александр Бекович-Черкасский отличился в 1785 году при обороне Кизляра от войск шейха Мансура и вскоре производится в чин подполковника. В 1790 году ему присваивается чин полковника, и он назначается на должность, которую занимал его отец, – командиром Терского Кизлярского войска. С этой должности, прослужив 35 лет в русской армии, Александр Николаевич в 1804 году вышел в отставку.

Его старший брат – поручик Инал Бекович-Черкасский недалеко от Моздока основал селение «Кожиковское», где со своими подвластными нес службу и «через... места кои... им заняты... не могли прорываться неприятельские партии»¹⁸⁵. Мамет-Гирей самый младший из сыновей Эльмурзы Черкасского, оставшихся в Кизляре, служил в российской армии и имел чин секунд-майора.

Запadooадыгские Черкасские на российской службе

После выезда бесленеевского князя Маашука Канукова на русскую службу он принял крещение, получив имя Иван. Начало его службы совпало с сообщением русского посланника в Крыму Федора Загряжского о намерении хана «быти на государевы украинны»¹⁸⁶. Иван Грозный направил в Тулу татарского царевича Тохтамыш и князя Маашука со своими людьми и указал «впред им быти в передовом полку». Разряды свидетельствуют, что князя Маашук Кануков и Сибок Кансауков (в крещении Василий) в 1558 году находились на службе в Вышегороде¹⁸⁷. Осенью этого года активизировались военные действия в Ливонии. Князь Иван Маашук во главе передового полка был направлен в Псков и оттуда предпринял наступление к городу Раковору¹⁸⁸. В результате успешной военной кампании в этот период восточная часть Эстонии была присоединена к России.

В конце 50-х – начале 60-х годов XVI века усиливается совместная борьба Московского государства и адыгов против военной экспансии крымского хана и Турции. Удачные действия русских войск против Крыма и Турции в 1558–1559 годах со стороны Днепра и Дона под руководством Дмитрия Вишневецкого и Данилы Адашева способствовали обращению западных адыгов в Москву с просьбой, чтобы царь «дал бы им воеводу своего в Черкассы и велел бы их всех крестити»¹⁸⁹. В 1560 году «в Черкассы» был отправлен князь Дмитрий Вишневецкий с Иваном Маашуком и жаневским князем Сибком Кансауковым¹⁹⁰. Объединенные войска русских и адыгских князей в течение 1560–1561 года осуществили ряд крупных набегов на Крым, что вызвало беспокойство в Турции и Литовском княжестве.

О последующей деятельности Маашука Канукова источники ничего не сообщают. Гораздо позже составленный во второй половине XVIII века «Синодик по убиенным во брани» сообщает о его смерти в борьбе с турками: «Благоверному князю Амашуку Черкасскому, убиенному от нечестивых турков за православную веру, вечная память»¹⁹¹. Можно предполагать, что это произошло до 1562 года, так как давнишний соратник Маашука Канукова по установлению и упрочнению русско-адыгских связей Сибок Кансауков был вынужден в 1562–1565 годах поддерживать мирные отношения с Крымом и уже не выступал в тесном союзе с бесленеевцами¹⁹². Вероятно, гибель бесленеевского князя послужила впоследствии одной из причин разобщенности в действиях западноадыгских владельцев.

В русских документах имеется известие о выезде из Константинополя в 1550-х годах в Москву к Ивану Грозному князя Ага-Маашукова Черкасского, очевидно сына бесленеевского князя Маашука¹⁹³. По мнению Е. Н. Кушевой, этот выезд был обусловлен двумя причинами. Во-первых, обращением адыгов с просьбой о подданстве к Москве, причем одним из инициаторов выступал Маашук Кануков. Во-вторых, неблагоприятной ситуацией, сложившейся в то время для адыгов, служивших при турецком дворе. Дело в том, что примерно к 1552 году турецкий султан Сулейман казнил наследника престола Мустафу и его малолетнего сына по подозрению в измене. Мать Мустафы была черкешенкой и происходила из бесленеевцев¹⁹⁴.

В делах тайного приказа есть упоминание о крещении «черкасского мурзы Агамашукова» и испомещении его во Ржеве¹⁹⁵. Родословная роспись сообщает, что он получил имя Петр¹⁹⁶. Об успешной службе Петра Ахамашукова имеется ряд сообщений. Судя по разрядным записям, он в 80-х годах XVI века принимал активное участие в войнах со Швецией. «А 94 году сентября сыскано в разряде: Государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси по свейским вестем указал послати на непослушника своего на свейского короля рать зимою. Бояр и воевод по полкам: в правой руке боярам и воеводам Иван Васильевич Годунов, да воевод кн. Петр Ахамашуков Черказской»¹⁹⁷. Боярский список 1588–1589 года упоминает его в числе лиц, которые должны были выступить с государем в поход на Новгород¹⁹⁸.

Наверное, он считал свое положение в среде высшей русской феодальной знати достаточно прочным, если в апреле 1602 года осмелился вступить в местнический спор с Федором Ивановичем Басмановым и его сыном¹⁹⁹. В 1604 году в чине стряпчего Петр Ахамашуков со своими людьми был в составе русского войска, посланного против самозванца Лжедмитрия²⁰⁰. Спустя два года он получил назначение в Сибирь («на Березов»), где находился до конца 1607 года²⁰¹. Дворцовые разряды 1614 года содержат сведения о том, что Петр Ахамашукович Черкасский сидел воеводою в Галиче, откуда был вызван в Москву и направлен в Алатырь²⁰².

Как и другие западноадыгские Черкасские, представители рода Ахамашуковых получили за службу поместья. У Петра Ахамашукова таким поместьем было село Терехова Гора в Желогостицкой волости, которое включало 891 четверть пашни²⁰³. Это был сравнительно большой для того времени поместный оклад, не претерпевший каких либо изменений на протяжении всей службы: в 1614/15 годах Петр Ахамашуков имел тот же оклад, что и до «московского разорения» – «700 четвертей земли, денег 60 рублей»²⁰⁴. Умер он в 1615 году и погребен в Симоновском монастыре²⁰⁵.

Первые записки о сыне Петра Ахамашукова в дворцовых разрядах относятся к 1614 году, когда Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский был послан воеводою в Воронеж²⁰⁶. В 1615 году он стольник и воевода «у Арбатских ворот» в Москве²⁰⁷. 20 авгу-

ста этого же года вместе с боярином Ф. И. Шереметьевым был послан царем в Псков «промышлять над королем и над немецкими людьми»²⁰⁸. Оттуда направлен воеводою в Сибирь²⁰⁹. В 1616 году в чине стольника присутствовал на приеме государем английских послов²¹⁰. Спустя год вместе с Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским послан по царскому указу «промышлять над литовскими людьми» на Волоку²¹¹. Находясь с другими воеводами в «большом полку» под Можайском, Василий Ахамашуков выиграл местнический спор с Иваном Колтовским²¹². Летом 1618 года вновь обострились русско-польские отношения. Королевич Владислав, претендовавший на московский трон, двинулся с войсками в глубь страны и, заняв Дорогобуж, Вязьму, оказался в Можайске. Сюда срочно были направлены русские войска во главе со стольниками и воеводами Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским и Василием Петровичем Ахамашуковым Черкасским²¹³. В июле в этих сражениях Д. М. Черкасский был ранен и отправлен в Москву.

В 1619 году В. П. Ахамашуков-Черкасский от имени царского двора часто посылается с различными поручениями к наместникам. Когда он был отправлен в Псков к боярину и наместнику Ф. И. Шереметьеву, то ему было «велено передать государево жалование слово сказать и о здоровье спросить боярина Федора Ивановича Шереметьева с товарищи»²¹⁴. За это на него бил челом и участвовал в местническом споре боярин и князь Данило Иванович Мезецкий. Последний проиграл данное дело. В 20-х годах XVII века, исполняя обязанности стольника, князь Василий Петрович часто присутствовал на различных царских приемах («прием турецких, кызылбашских посланников», «именины царицы» и т.д.)²¹⁵.

Особо важным в названный период являлась его деятельность на Вяземском рубеже в качестве посла «для всяких расправных дел и для межевания от Литовского рубежа»²¹⁶. Так, в 1622–1623 годах Василий Ахамашуков возглавил русское посольство на переговорах с Польшей и Литвой²¹⁷. Переговоры, или «посольский съезд», проходили между Вязьмой и Дорогобужем на реке Поляновка. В дипломатической переписке между Россией и Польшей за 1622 год говорилось: «Исполняя бояре данное вельможами (т.е. польскими вельможами. — К. Д.) обещание, отправили 20 августа на съезд стольников, князь Василия Петровича Ахамашукова-Черкасского, Никиту Васильевича Вышеславцова, да дьяка Афанасия Истомина»²¹⁸. Стороны заключили мирное соглашение, согласно которому, «чтоб с обе стороны делати по мирному договору и ссоры б и обид никому ни от ково не было и мирного поставленья вперед не нарушити»²¹⁹.

С февраля 1624 года князь Василий Петрович был назначен псковским воеводой. Здесь ему приходилось решать многие важные вопросы, связанные с русско-шведскими взаимоотношениями²²⁰. Оттуда в 1624 году он был направлен воеводой опять в Вязьму, где пробыл до конца 1627 года²²¹. С сентября 1629-го по июль 1632 года Василий Петрович числится по разрядам воеводой в Двинской области, а также в Архангельске²²². 6 августа 1635 го-

да Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский был пожалован вторым думным чином, существующим в Русском государстве из стольников он стал окольничим и вошел в состав Боярской Думы²²³.

Положение В. П. Ахамашукова-Черкасского еще более упростилось в среде русской феодальной верхушки. По данным, которые содержатся в публикации Я. Е. Водарского, состояние князя Василия Петровича росло по мере продвижения по службе. Если в 1638 году он имел 44 двора, то в 1647 году их было уже 181²²⁴. С этого времени Василий Ахамашуков входит в число особо близких к царю лиц. Дворцовые разряды сообщают, например, что 2 июня 1636 года и 1 марта 1638 года князь и окольничий Василий Петрович «был за столом у государя на именинах царевича Ивана Михайловича» и «царицы и великой княгини Евдокии Лукьяновны»²²⁵. Конечно, такая близость была не по душе представителям отдельных боярских фамилий. В 1641 году Иван Клепиков-Бутурлин «бил челом государю на окольничего на князя Василия Ахамашукова-Черкасского, что ему меньше его быть не вместно»²²⁶.

В 1642–1643 годах князь Василий Петрович – окольничий и воевода в Пскове и принимает здесь датского королевича Вальдемара²²⁷. В августе 1644 года присутствует на приеме государем «бухарских послов» и черкесских князей»²²⁸. На свадьбе царя Алексея Михайловича разряды называют В. П. Ахамашукова-Черкасского в числе лиц, которые «у государя были в чинах»²²⁹. В феврале 1649 года он участвует в приеме иерусалимского и палестинского патриарха Наисия²³⁰. Последняя запись о Василии Петровиче относится к 1651 году, когда он вел переговоры с литовскими посланцами²³¹. С кончиной князя Василия Петровича (1652) угасла ветвь князей Ахамашуковых-Черкасских²³². В указанной выше родословной говорится: «Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский был при царе Михаиле Федоровиче всеа России околничим и умре бездетен....»²³³.

* * *

Жанеевский князь Чугук, или Ацымгук, выехавший на русскую службу в июне 1557 года, приходился родным братом Сибоку Кансаукову и дядей Кудадеку, то есть Александру Черкасскому. Приняв крещение, князь Чугук получил имя Иван²³⁴. В основе фамилии княжеского рода Егуповых лежит русская транскрипция (Егуп, Ягуп) адыгского имени Якъуб. О деятельности Ивана Егуповича Черкасского сохранилось мало сведений. Известно, что начав службу, он получил поместье во Ржеве²³⁵. Это было село Холмец в волости Старый Туд, которое включало 681 четверть пашни²³⁶. Помимо него, он владел поместьем и в Шелонской Пятине – «44 выти в двух погостах», то есть около 500 четвертей пашни²³⁷. Боярский список 1588–1589 годов называет Ивана Егупова-Черкасского в числе лиц, которые должны прибыть в войско для участия в походе на Новгород²³⁸. Последний раз он упоминается в разрядах 1598 года.

Князь Никита Егупов-Черкасский в чине стряпчего числился со своими людьми в составе русского войска, посланного против самозванца в 1604 году²³⁹. Упоминается он и в боярском списке 1606–1607 годов²⁴⁰. В период коронования царя Михаила Федоровича (1613) князь Никита Иванович был пожалован чином стольника²⁴¹. Спустя четыре года он стольник и воевода в Ливнах²⁴². Записи в разрядах за 1619–1629 годов говорят о службе Никиты Ивановича «стольником у государя»²⁴³. В то же время, в 1626 году он был направлен воеводою в Переяславль-Рязанский²⁴⁴. По царскому указу в марте 1630 года князь Никита Иванович находился на «государевой службе в Украинном разряде»²⁴⁵. До октября 1630 года, возглавляя передовой полк, он находился в Дедиловском уезде²⁴⁶. Из-за этого назначения на князя Никиту Ивановича Егупова-Черкасского «били челом государю воеводы о местах: Федор да Григорий Пушкины да князь Иван Лобанов»²⁴⁷. Местнический спор решился в пользу Егупова-Черкасского.

Сохранился интересный документ – «Список з грамоты слово в слово», который дан был царем Михайлом Федоровичем воеводам князю Никите Ивановичу Егупову-Черкасскому и Ливонтию Агафоновичу Извольскому в период их службы в передовом полку в Дедилове²⁴⁸. В 1631 году князь Никита Иванович присутствует на приеме шведского посла Антона Монира²⁴⁹. В 1632–1634 годах он направлен воеводою в Томск²⁵⁰. Существует отрывок «Томского статейного списка стольника и воеводы князя Никиты Егуповича Черкасского с товарищи», где говорится о донесении к нему от Якова Тухачевского «с дороги с Кеи реки»²⁵¹. Сведения разрядных дел полностью подтверждают характеристику князя Никиты Ивановича, которая содержится в родословной: «Князь Никита при государе царе и великом князе Михайле Федоровиче всеа России был в стольниках, и во 138 году был на Дедилове полковым воеводою да в 141 году был в Сибири в Томском городе воеводою, и тому свидетельствуют наказы и грамоты»²⁵².

Сын Никиты Ивановича – Михаил, по свидетельству родословной, «при самодержце был в стольниках»²⁵³. Сохранилось несколько грамот конца 40-х – начала 50-х годов XVII века, составленных князем Михаилом Никитичем Егуповым-Черкасским в бытность его костромским воеводой²⁵⁴. Документы позволяют характеризовать князя Михаила Никитича как типичное должностное лицо феодального государства, который пунктуально добивался своевременно-го поступления уездных налогов в царскую казну.

О последующих потомках княжеского рода Егуповых-Черкасских имеется сообщение лишь родословной росписи. «А у князя Михаила Никитича сын князь Иван у великого государя царя и великого князя Иоанна Алексеевича всеа великия и малыя и белыя России самодержца в комнате, а у князя Ивана дети: князь Алексей, князь Иван, князь Василий, князь Михайло, князь Федор, князь Петр, и князь Алексей, и князь Иван, и князь Василий у благоверной государыни царицы и великой княгини Прасковьи Федоровны в стольниках»²⁵⁵. Разрядные материалы не содержат сведений об

указанных лицах²⁵⁶. Судя по родословному справочнику В. П. Долгорукова, княжеский род Егуповых-Черкасских прекратил существование в середине XVIII века.

* * *

Родоначальник княжеского рода Чюмаховых-Черкасских (русская транскрипция адыгского имени Шумахуэ) Тахта-Мурза, выехав в Москву в 1557 году, принял крещение под именем Андрея²⁵⁷. Он получил поместье в Дубенской волости Ржевского уезда – село Ванино с 450 четвертями пашни. По-видимому, у него были еще и другие поместья²⁵⁸. Его имя встречается в разрядных делах под 1586 год: «... по вестям посланы на Тулу в прибавку головы из Серпухова князь Андрей Черкасский, да Иван Гусь Милюков»²⁵⁹. Боярский список 1588–1589 годов упоминает князя Андрея Чюмахова и его сына Петра в числе участников предстоящего царского похода на Новгород²⁶⁰. Как видно из росписи русского войска, посланного против самозванца в 1604 году, отец и сын, находясь со своими людьми в передовом полку, принимали активное участие в боях с Лжедмитрием I²⁶¹. В 1605 году князь Петр Андреевич в чине стольника направлен в Новгород-Северский²⁶².

В период с 1606-го по 1607 год князь Андрей Чюмахов являлся сторонником Василия Ивановича Шуйского. В боярских списках этих лет напротив его имени стоит отметка о том, что он «сказался болен» и не прибыл в войско²⁶³. Однако в разрядных делах сохранилась запись о том, что «лета 7114-го году государь царь и великий князь Василий Иванович всеа Руси быть боярам и воеводам под Елцом... в сторожевом полку князь Михайло да князь Андрей Чюмахов»²⁶⁴. Как свидетельствуют источники, князь Андрей и его сын Петр находились в составе войска под командованием царского брата И. И. Шуйского и участвовали в боях под Калугой во время восстания Болотникова. В феврале-марте 1607 года князь Андрей был еще в сторожевом полку²⁶⁵.

На данном этапе успех сопутствовал восставшим, которые приняли попытку освобождения Калуги из осады. С этой целью из Тулы двинулся крупный отряд во главе с А. А. Телятевским. На встречу им были посланы царские полки под командованием князя Б. Татеева²⁶⁶. В начале мая 1607 года произошло крупное сражение на реке Пчельне (юго-восточнее Калуги). Восставшие наголову разбили царские войска. Разрядная запись гласит: «Того же году посланы были воеводы на Пчелну против воровских людей, в передовом полку воевода князь Михайло Петрович Борятинский и боярина князь Борис Татеева и князь Ондreja Черкасского на Пчелне убили»²⁶⁷. Родословная же говорит о гибели в этом сражении не Андрея, а его сына Петра²⁶⁸. Сведениями о других представителях княжеского рода Чюмаховых-Черкасских автор не располагает.

Таким образом, представители рассмотренных нами западно-адыгских княжеских родов при выезде на русскую службу полу-

чали дворянские чины, а не звание служилых князей, как кабардинские Черкасские. Им были положены высшие поместные оклады. Хотя они назначались на почестные должности, редко сразу становились первыми воеводами, однако все имели воеводские чины. По приведенным местническим делам видно, что «сословная честь» западноадыгских Черкасских была достаточно высокой в иерархической структуре феодального общества.

ВОСТОЧНЫЕ АДЫГИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИИ С НАРОДАМИ КАВКАЗА

Кабарда во взаимоотношениях России с народами Северного Кавказа

Северный Кавказ является одним из самых многонациональных регионов в нашей стране. Здесь проживают десятки народов, каждый из которых обладает древней и самобытной культурой, уникальным историческим опытом, пронесенным сквозь столетия. Полиэтничность является существенным фактором, оказывающим непосредственное влияние на основные тенденции общерегионального развития.

Полиэтничность на Северном Кавказе имеет вековые корни, а межнациональные контакты всегда составляли важнейшую сторону этнической истории народов региона.

Кавказ на протяжении всей истории играл роль своеобразного моста между Восточной Европой и Передней Азией. Главный Кавказский хребет является непреодолимым препятствием для иноземных нашествий с юга и с севера. Горные хребты служили условными этническими и политическими границами.

Наука объединила коренные народы Кавказа и их языки в отдельную группу, включающую автохтонные народы, – это иберийско-кавказская языковая семья. Ученые-лингвисты полагают, что начиная с глубокой древности можно говорить о некотором генетическом родстве языка таких народов, как адыго-абхазы, грузины, чеченцы, ингуши и дагестанцы. Археологи считают, что окончательный распад кавказского этнолингвистического единства на три группы этнических общностей – западную (абхазо-адыгскую), восточную (нахско-дагестанскую) и южную (картвельскую) в основном завершился к середине IV тыс. до н. э.

С III тыс. до н. э. на основе рудных богатств края возникло и расцвело местное производство бронзы – это майкопская, дольменная, кобанская и каякентско-харачоевская культуры, создатели которых являются предками коренных народов Северного Кавказа.

С эпохи раннего железа (I тыс. до н. э.) и в период раннего средневековья определенную (но не решающую) роль в процессе становления кавказских народов сыграли периодические миграции и проникновение в данный регион массы ираноязычных (ким-

мерийцы, скифы, сарматы, аланы) и тюркоязычных (болгары, авары, кипчаки) племен. Таким образом, в результате этих процессов в эпоху раннего и позднего средневековья на Северном Кавказе складываются адыгская (кабардинцы, адыгейцы, черкесы), осетинская, балкаро-карачаевская, вайнахская (чеченцы, ингуши) и дагестанская этнические группы племен. Уже с этих далеких времен начинают формироваться элементы определенной северокавказской общности. Сходство условий жизни в горах и предгорьях выработали у народов, даже разных по происхождению, сходные черты в хозяйстве и бытовом укладе. Здесь наблюдается последовательная смена примерно одинаковых или сходных орудий труда, оборонительных сооружений, средств передвижения. Зарождаются общие элементы духовной и материальной культуры – складываются нартский эпос, одинаковые семейные обычаи, многие элементы одежды, которые позже составили основу общекавказского костюма.

Являясь связующим мостом между Азией и Европой, данный регион всегда являлся ареной столкновения и переплетения политических и экономических интересов различных государств и народов. Общность внешнеполитических интересов приводила к тому, что северо-кавказские племена периодически сообща противостояли внешней угрозе как в период арабского, так и позже монголо-татарского нашествия. Частые миграции и военные столкновения приводили и к тому, что среди северо-кавказских народов растворялись и ассимилировались пришлые этнические группы. Очень показателен в этом плане адыгский этнос. В разные времена в адыгской среде растворились определенные группы греков, ираноязычных и тюркоязычных племен, древних славян и армян. Адыгское население сумело тем не менее сохранить свою этническую самостоятельность. В периоды агрессии мощных кочевнических объединений (гуннов, сарматов, монголов, позже крымских татар) адыги, покидая насиженные места, уходили в предгорные и горные зоны (как впрочем и вайнахские племена). В одной книге невозможно охватить всю сложную и пеструю картину этнической эволюции различных районов Северного Кавказа вследствие притока разновременных волн иноязычного населения. Внешнеполитические события, связанные с перемещениями аланов, гуннов, монголо-татар, вызвали перемещения кавказских этнических групп, и они явились определенными историческими рубежами не только в политической жизни, но и в дальнейшем этногенезе автохтонов Северного Кавказа.

XVI–XVIII века являются важнейшим этапом в истории северокавказских народов. Это период непрерывающейся внутренней и внешнеполитической борьбы, обусловленный дальнейшим развитием феодальных отношений горских народов и столкновением интересов Османской Порты, Крымского ханства, Персии и Российского государства в этом значимом в стратегическом отношении регионе.

К середине XVI века кабардинская господствующая верхушка

контролировала значительные районы Северного Кавказа. Кабардинские населенные пункты располагались на равнине и предгорьях с Большого Зеленчука, Пятигорья до Сунжи по правому берегу Терека. Стремление феодалов Кабарды к дальнейшему распространению своей власти на восток столкнулось в бассейне р. Сунжи и нижнего течения Терека с интересами северодагестанских владетелей – кумыцкого шамхальства, стремившегося также к расширению сферы своего влияния в регионе. Занимая плоскостные и предгорные земли Центрального и Восточного Кавказа, имея более благоприятные условия хозяйствования, кабардинцы, кумыки, лакцы сформировали более сложные и устойчивые социально-политические структуры феодального типа по сравнению с теми народами, которые жили в горах сельскими общинами в Горном Дагестане и Чечне, отдаленных местах Осетии и Ингушетии, Балкарии и Карачая.

Самым острым вопросом во взаимоотношениях северокавказских народов во все времена являлся вопрос о земле. И всегда горцы пользовались любым удобным случаем для переселения на равнину или на плоскость. В XVI–XVIII веках ингуши, чеченцы, осетины, балкарцы и карачаевцы еще не вышли из труднодоступных горных мест на равнину, занятую населенными пунктами кабардинцев. Но уже с конца XVI века небольшая часть аккинцев-вайнахов оказалась связанной с русским Терским городом, около которой возникло небольшое поселение «служилых окочан». В XVIII веке чеченские поселения продвигаются по Сунже и ее притокам, приходя в соприкосновение с поселениями терских или гребенских казаков. Поселения малокабардинских феодалов подходили к выходу из Дарьяльского ущелья, сталкиваясь с осетинами-тагаурцами за право контроля над перевальными путями в Грузию. Вплоть до второй половины XVIII века основная масса горских народов оставалась в труднодоступных горных ущельях. Хотя горы были богаты летними пастбищами и удобны для обороны, здесь очень трудно было зимой содержать скот (главное богатство горцев), а малоземелье и бездорожье ограничивали возможности экономического обмена и других связей с соседями. В этом заключалась главная причина экономических трудностей для горских народов, и поэтому они часто попадали и находились в зависимости от тех, кто владел предгорьем и равнинными землями.

Еще задолго до Кючук-Кайнарджийского договора 1774 года, т.е. до того, как царизм начал направлять процесс выселения горских народов на плоскость, многие из представителей ингушской, осетинской, балкарской и карачаевской знати, пользуясь личными и аталыческими связями с кабардинскими князьями, начали самостоятельно выселяться с гор.

К середине XVI века относится начало формирования русского населения Северного Кавказа. Желая избавиться от крепостной неволи, на Кавказ бежали люди с Дона, Волги, Украины и других мест. Их всех постепенно стали называть одним именем – «казаки», что означало «вольные люди». Многие казачьи поселения

располагались на склонах гор, т.е. на «гребнях», поэтому они вошли в историю и как гребенские и как терские казаки. До последней четверти XVIII века общее количество русского населения на Северном Кавказе было незначительным.

На взаимоотношения северокавказских народов и казачества между собой в XVI–XVIII веках свой отпечаток наложила сложная феодальная эпоха, в условиях которой они протекали. Как и между всякими соседними народами средневековья здесь случались и военные столкновения, захватывались пленные, угонялись скот и табуны лошадей. Но повседневная жизнь протекала не в стычках и войнах, а в мирных и добрососедских отношениях. Положительную роль в развитии этих отношений играли традиционные обычаи гостеприимства, аталычества и куначества, бытовавшие у северокавказских народов.

Наиболее важные и спорные вопросы внутренней и внешней жизни между народами Северного Кавказа (согласованность внешнеполитических действий, заключение мира, дипломатические переговоры, переселения населенных пунктов, земельные тяжбы) выносились на решение традиционных «законодательных» институтов, таких, как «Хасэ», «Тере», «Мехкеме», «Нихас», «Княжеские съезды», «советы выборных стариков» или на специальные третейские суды. Свою работу они осуществляли на основе народных обычаев – адатов, а с конца XVIII века – норм шариата. Хотя во многих случаях феодальные владельцы Северного Кавказа решали свои вопросы вооруженным путем (например в 1566, 1589, 1641 гг. и т.д.), из их среды выходили общественные деятели, как мудрец и дипломат Джабаги Казаноко, который на рубеже XVII–XVIII веков призывал отказаться от феодальных набегов как средства решения различных спорных вопросов и ратовал за мирные и союзнические отношения между соседними северокавказскими народами.

Значительную роль в стабилизации этнополитических отношений играли торгово-экономические связи. Чаще они приобретали формы натурального обмена. Осетины сбывали соседям скот, шерсть, сукно в обмен на ткани, железо и прочие изделия. Кабардинцы вели торговлю медом, воском, просом, бурками и седлами. Соседние горские народы и казаки всегда охотно покупали у кабардинцев лошадей местной породы и холодное оружие. Из Дагестана горская феодальная знать получала шелковые и бумажные ткани, сафьян, дорогое оружие, медную посуду и различные ювелирные изделия. Дальнейшему развитию обменной торговли в крае способствовало возникновение Терской крепости, а позже Кизляра и Моздока. Транзитная торговля через эти города способствовала развитию связей между народами региона, заимствованию друг у друга различных хозяйственных навыков: так, садоводство Дагестана оказало влияние на его развитие у кабардинцев, а в Дагестане благодаря кабардинцам большое распространение получило пчеловодство. Взаимовлияние наблюдается между народами и в области различных ремесел.

Возникновение совместных поселений различных групп северокавказских горцев вело к дальнейшему развитию межнациональных отношений. Как было отмечено выше, близ Терской крепости возникли Черкесская, Окоцкая, Татарская и Новокрещенская слободы, жители которых несли совместно военную службу и вели хозяйство. В дагестанских селах Баташ-юрт, Байрам-юрт, Эндери жили кабардинцы; в Аксае – чеченцы; аварское село Ансалта, по преданию, считается основанным чеченцами, а чеченский Ишха-аул – аварцами; в Девлетгиреевской деревне в Чечне жили кабардинцы и чеченцы; в Турлове, возле Татартупа и других местах Кабарды совместно с кабардинцами проживали дагестанцы, чеченцы и ингуши. Длительное проживание рядом горцев и казачества благоприятствовало взаимовлиянию культур, быта и хозяйства. Одним из результатов этого процесса стало улучшение техники обработки земли, заимствование друг у друга сельскохозяйственных культур. Общение сказывалось и в быте горцев, в который проникала русская домашняя утварь, посуда, постепенно менялся тип жилища. Русское население перенимало некоторые стороны жизни, быта горских народов: традиционные черкеска и бурка стали одеждой терского и кубанского казачества; заимствовали элементы вооружения, искусство верховой езды, блюда национальной кухни и т.д.

В культуре общения северокавказских народов и казачества в прошлые века особую роль сыграл кабардинский вариант адыгского этикета. Он был проникнут духом рыцарской чести и жесткой дисциплины, скромности и толерантности. В общекавказском этикете он занимал и занимает особое место. По мнению грузинского ученого Н. Рехвиашвили, «выработанный и строго соблюдаемый адыгскими племенами этикет был принят в качестве единой нормы поведения почти всеми кавказцами». Чеченский исследователь С. И. Дакхильгов, говоря о заимствовании вайнахами адыгского этикета, указывал, что «про благородного человека вайнахи говорили: он благороден как черкес; гордого мужчину называли гордым кабардинцем».

Освещение межнациональных отношений на Северном Кавказе в прошлом не будет полным без учета русско-северокавказских связей в XVI–XVIII веках. В силу географического положения и политической роли в регионе Кабарда и кабардинский вопрос оказались в этот период одним из важных компонентов восточной политики России. Последняя ставила целью выход и утверждение в бассейнах Каспийского и Черного морей. С другой стороны, социально-экономическая и политическая жизнь народов Северного Кавказа, протекавшая в условиях феодальных междоусобиц и борьбы с внешними врагами, диктовала необходимость сближения с Россией, в условиях которого они могли ликвидировать последствия междоусобных войн и политически консолидироваться. Таким образом, это был прогрессивный и эпохальный процесс, одинаково выгодный для обеих сторон.

Несмотря на то, что интересы правящей элиты северокавказ-

ских народов часто сталкивались, в периоды внешних агрессий они, как правило, выступали совместно против иноземных захватчиков. Исторические факты свидетельствуют, что Кабарда и другие горские народы в XVI – 70-е годы XVIII веков являлись своеобразным щитом и барьером против османо-крымской и персидской агрессии на южнорусские земли. «Нужно заметить, – писал в прошлом веке Н. Грабовский, – что в описанный период, когда Россия не имела еще достаточной силы, чтобы поддержать на Кавказе свое владычество, кабардинцы стояли на стороне последней совершенно добровольно и оказывали помощь русским из простого чувства дружелюбия, не требуя за это никакого возмещения и не пользуясь, в свою очередь, в трудных обстоятельствах помощью со стороны русских войск». И даже в условиях начинавшейся колониальной политики и набиравшего силу освободительного движения народы Северного Кавказа все еще неизменно выступали союзниками России, когда вопрос касался международных проблем.

* * *

Дружеские взаимоотношения между Кабардой и народами Дагестана имеют многовековую историю. Особенно прочными они становятся с середины XVI века, когда через посредство кабардинских мурз в более тесные контакты с Россией вступают дагестанские владельцы. Сразу после присоединения в 1556 году Астрахани сюда прибыли «гости» из Дербента, шамхальства и других владений Дагестана¹. Строительство Терского городка (Тюменского острога) в 1588 году способствовало тесным политическим и экономическим контактам Русского государства и Дагестана. По мнению профессора В. Г. Гаджиева, наличие русских войск и крепости не позволяло туркам расширять агрессию на Северном Кавказе и в Дагестане. Это поднимало престиж России и усиливало ориентацию народов региона на Москву².

С конца XVI века регулярно представители Аварии, Лакии, Кумыкии, Табасарана, Дербента, Кайтага посещали Терский город и Астрахань с просьбами о «покровительстве», а также по торговым делам³. Русско-дагестанские связи росли и крепили в XVII веке, в течении которого из Дагестана в Москву прибыло 18 посольств. В 1610 году в Терском городе приняли присягу на верность Русскому государству кумыцкие князья Гирей, Эльдар и Сурхай, Махди Аварский, Алибек Казикумухский, Сурхай Карабудагский и Буда-чи Эрпелинский. Москва постоянно оказывала помощь представителям дагестанской феодальной знати, которые придерживались русской ориентации. Так, в 1615 году терские воеводы оказывали содействие Гирею Тарковскому в его борьбе с Султан-Махмутом Эндерейским. Последнему дали понять, что он может быть принят в русское подданство, если на то будет согласие Гирея и кабардинского князя Сунчалая Черкасского⁴. В 1616 году установил связи с Терским городом уцмий Рустем-хан⁵.

Документы показывают, что на протяжении XVII века при посреднической роли кабардинских князей в подданство России были приведены крупные владельцы Дагестана. Особую роль в улучшении русско-дагестанских и кабардино-дагестанских отношений в этот период сыграл известный кабардинский князь Сунчалей Канклычевич Черкасский. «В течение XVII века Сунчалей и его потомки, пользуясь покровительством кабардинских князей, вошедших в круг московской феодальной знати, и поддерживая непосредственную связь с Посольским приказом, оказывали значительное влияние на решение вопросов, касающихся народов Северного Кавказа»⁶.

В 30-х годах XVII века эндерейский владетель Султан-Махмут, обращаясь в Москву с просьбой принять его в российское подданство, писал, что «Сунчалей великому князю и белому царю холоп*, а нам он друг, а до каких мест Сунчалей будет, и мы до тех мест шерть учиним»⁷. Кайтагский же правитель Рустем-хан по данному вопросу обращается с грамотами и к царю и к Сунча-лею⁸. В 1634 году благодаря содействию кабардинского князя Шолоха Сунчалеевича Черкасского были проведены переговоры между терскими воеводами и эндерейским феодалом Султан-Махмутом и кумыкским шамхалом Ильдаром⁹. Спустя четыре года терский воевода И. О. Хохлов доносил в Посольский приказ, что с помощью Муцала Сунчалеевича Черкасского «учинили шерть» Сурхай Мурза Тарковский, Казаналп-Мурза Эндерейский, Чупан-Мурза Казикумухский, Салтанбек Карабудагский и др.¹⁰ Влияние Муцала Сунчалеевича среди дагестанских владельцев было особо значительным. Благодаря этому в 1645 году на реке Аксай принесли присягу на верность русскому правительству тарковский шамхал Сурхай, кумыцкий правитель Кадыр и около 150 дагестанских узденей¹¹.

В большинстве случаев сами дагестанские владельцы требовали, чтобы к ним для участия в переговорах, касающихся их взаимоотношений с Русским государством, приезжали влиятельные кабардинские князья, которые находились на службе в Терском городе. Так, эндерейский мурза Ахматхан Магдеев в 1648 году считал, что успех решения вопроса о переходе его владений в подданство России будет зависеть от участия в нем князя Камбулата Пшемаховича Черкасского¹². В своем письме к терским воеводам он писал, что «как де Камбулат-мурза к ним приедет, они де перед ним тебе, великому государю, на куране шерть учинят на том, что им быть у тебя, великого государя, со всем своим владением в вечном неотступном холопстве и аманата на Терек пришлют с ним Камбулатом»¹³. Отписка астраханского воеводы И.П. Пронского в Посольский приказ в 1653 году свидетельствовала о переговорах узденей кабардинского мурзы Тонжехана Арасланова с дагестанским шамхалом Сурхаем и эндерейским

* Подобная формулировка в русских документах XVI–XVII веков имела в виду службу, подданство.

мурзой Казаналпом и о возвращении их владений в русское подданство¹⁴.

Долго и безуспешно велись переговоры между терскими воеводами и джегутанским владельцем Ахматханом Махтеевым. Последний отказывался вести их и писал, что «он де русским князьям не верит, а будет де придет к нему Касбулат-мурза Черкасский и Казаналп-мурза и с ним договорятца, и он даст аманата им на руки»¹⁵. В 1658 году эти переговоры были успешно завершены. Как видно из приведенных документов, посредническая роль Кабарды во многом способствовала сближению и присоединению народов Дагестана к России в XVI–XVII веках. В последней трети XVII века, вплоть до начала XVIII века, Кабарда и Дагестан оставались для России важнейшим стратегическим плацдармом, обеспечивающим связь по наиболее удобным путям с народами Закавказья¹⁶.

В конце XVII – начале XVIII века северокавказские народы оказались в орбите международных интересов Турции, Ирана и России. Русское правительство твердо отстаивало свои интересы в этом регионе, что было непосредственным образом связано с необходимостью обеспечения военно-политической и экономической безопасности страны на юге. Особое значение приобретало утверждение России на Каспийском море. Это дало бы возможность вести всю европейскую торговлю с Востоком через русскую территорию.

Для решения этой задачи Петр I предпринял ряд дипломатических шагов. В 1700 году он приказал астраханскому губернатору Мусину-Пушкину «завести дружественные и торговые сношения с дагестанскими горцами»¹⁷. Для того, чтобы подорвать турецкое и крымское влияние на Северном Кавказе в 1711 году в Кабарду и Дагестан был направлен кабардинский князь, офицер русской гвардии Александр Бекович Черкасский¹⁸. Он призывал горских владельцев «собрать войска свои, итти на Крым или на Кубань и на иные татарские места и чинить над ними поиск»¹⁹. В этой ситуации Турция и ее союзник Крымское ханство стремились разобщить народы Дагестана и Кабарды, противопоставить их друг другу. Например, осенью 1712 года кабардинские владельцы доносили князю А. Б. Черкасскому о попытках крымского хана склонить дагестанских владельцев Салтана Мамута и Альдигирея Тарковского к совместному нападению на Кабарду для приведения кабардинцев в подданство Крымскому хану²⁰.

В мае 1714 года Петр I предложил Сенату рассмотреть вопрос, «каким образом горных народов к нашей стороне приклонить». На рассмотрение Сената было вынесено «Доношение» князя Бековича Черкасского, в котором давалась картина турецких происков на Северном Кавказе и, в частности, в Кабарде и Дагестане, и предлагалось, не упуская времени, присоединить прикаспийские области к России²¹.

В сложившейся обстановке, когда северокавказские народы оказались в сфере межгосударственных интересов различных держав, Россия продолжала укреплять свои связи с Кавказом.

Проводимая ею политика приносила положительные результаты. В 1717–1719 годах к России с просьбой о принятии в подданство обратились тарковский шамхал Магомед-бег Аликпачев²². С аналогичными просьбами выступали в этот период аксаевские, костековские владетели, кайтагский уцмий и др.²³. В августе 1720 года кабардинские князья во главе с Асланбеком Кайтукиным сообщали Петру I о совместных боевых походах с донскими казаками²⁴. Учитывая близость неприятеля, они предлагали русскому царю «построить на реке Терек город, который служил бы целям обороны от нападения Ирана, Турции и Крымского ханства»²⁵.

В отличие от Турции и Ирана, стремившихся разжечь национальную вражду и натравить кавказские народы друг на друга, Россия, укрепляя свои связи с Дагестаном и Кабардой, одновременно принимала меры, направленные на то, чтобы они жили в мирном согласии. Например, русское правительство требовало от дагестанских владельцев не допускать никаких нападений на Кабарду: «дабы никакой противности и никаких нападений братьям нашим [т. е. кабардинцам] не чинили»²⁶.

После победоносного завершения Северной войны Россия вплотную приступила к присоединению прикаспийских территорий Кавказа. 27 июля 1722 года Петр I во главе русских войск высадился в Аграханском заливе. Реакция наиболее крупных владетелей Кабарды и Дагестана на появление русских войск в 1722 году во главе с Петром I на Каспийском побережье была различной.

Дауд-бек и Сурхай, опасаясь активных действий царских властей против них, стали более активно добиваться протекции Турции. Часть владетелей, находясь под покровительством России, готова была оказывать содействие Петру I.

Отдельные феодалы, как эндерейский правитель Айдемир, выступавшие против русских войск, были разбиты. Остальные северокумыкские владетели – аксаевский, костековский шамхал Адиль-Гирей, а также некоторые кабардинские князья выразили готовность быть на русской службе. «6 августа, – пишет Н. А. Сотапов, – на Сулаке 100-тысячную русскую армию встречали шамхал Адиль-Гирей, аксаевский владетель Султан-Махмуд и кабардинский князь Арсланбек Кайтукин»²⁷.

По указанию Петра I на реке Сулаке была заложена крепость Святой Крест, куда были переведены гарнизон и жители города Терки. Строительство крепости, завершенное к 1724 году, значительно укрепило русские позиции в присоединенном крае. В сентябре 1723 года между Россией и Ираном был подписан договор, согласно которому шах «уступил» России прикаспийские территории. Это привело к обострению русско-турецких отношений. Турция усилила антирусскую пропаганду среди горских народов. Она стремилась поднять на выступления отдельных феодалов, обещая им всяческую поддержку. Еще в декабре 1722 года турецкие послы потребовали в Петербурге прекращения военных действий против лезгин и вывода русских войск из Дагестана, а также прекратить покровительство кабардинским владельцам «Ислам-бею

и Арслан-бею»²⁸. Но все попытки Турции помешать укреплению русско-северокавказских отношений оказались безуспешными. В 1727 году были окончательно разграничены владения России и Турции на Кавказе, которые еще были утверждены условиями Константинопольского договора 1724 года.

Осложнение внутреннего и международного положения России в 30-е годы XVIII века в значительной степени отразилось на ее восточной политике. После тринадцатилетнего владения она была вынуждена уступить каспийские области Ирану. Такое решение вызвало сожаление у сторонников России на Кавказе. Но русское правительство, связанное различными договорами с Ираном и Турцией, все же продолжало оказывать поддержку и помощь кавказским народам в их борьбе с внешними агрессорами.

С начала 20-х годов XVIII века ведущее место в кавказской политике России занял Дагестан. Ослабление отношений с Кабардой, в связи с демаршем Турции, отразилось и на решении царского правительства в 1722 году признать эти земли под влиянием Крыма²⁹. Вместе с тем, когда коллегия иностранных дел в своем указе от 11 мая 1733 года уведомляла командующего войсками, расположенными между Курю и Тереком, В. Я. Левашова о предполагаемом прохождении крымских войск через Кабарду и Дагестан в Иран, то ему приписывалось в соответствии с указом от 4 апреля 1733 года при приближении крымских войск пытаться убедить их командование не проходить через русские владения. В противном случае применить оружие³⁰.

Разгром иранских полчищ Надир-шаха в 1724 году усилил тяготение феодалов Дагестана к России. Под влиянием этого процесса, а также внешнеполитических обстоятельств, большинство владетелей Дагестана стремилось заручиться ее поддержкой.

По мнению профессора Н. А. Сотавова, к середине XVIII века обстановка на Северном Кавказе была такова, что наряду с Кабардой важное место во внешнеполитических планах держав-соперниц (России, Османской империи) по-прежнему занимал Дагестан³¹. В 1750-1751 годах шамхал Тарковский «искал быть под покровительством России», преемник его шамхал Муртазали в 1764 году «уверял Российский двор в своем к оному усердии». В 1753 году владетель Аварии Магомед-Мусохан «просил о принятии его в Российское подданство». Немного ранее Маметхан-Сурхай, владетель Казикумухский, также просил о «принятии его в Российское подданство». В 1757 году к России с просьбой о подданстве обратилось Андийское общество³². Русское командование на Кавказе оказывало помощь сторонникам российской ориентации. Так, в 70-х годах XVIII века благодаря этому значительно возвысился кубинский Фатали-хан³³.

В 60-70-х годах XVIII века Россия продолжала успешно укреплять свои позиции на Кавказе. На реке Сулак было намечено возобновление крепости Святой Крест³⁴. Успехи России в войне с Турцией в 1768-1774 годах благоприятно сказались на положении русско-кавказских взаимоотношений. Еще больше способствова-

ло сближению горцев с русским народом заключение выгодного для России и кавказских народов Кючук-Кайнарджийского договора. В одном из документов этого периода говорилось: «Владельцы Малой Кабарды и кумыкского народа этим известием (т.е. заключением Кючук-Кайнарджийского договора.— К. Д.) были обрадованы»³⁵. В. Г. Городищев отмечает, что «присоединение Кабарды и продвижение России на Кавказ способствовали дальнейшему развитию и укреплению экономических и политических связей Дагестана с Россией»³⁶.

Создание в XVIII веке на Северном Кавказе крупных русских военно-административных центров Кизляра и Моздока, а также укрепленных линий значительно усилило позиции Русского государства в этом регионе. Одновременно это ослабило власть кабардинских и кумыкских феодалов над другими соседними горскими народами, которые находили теперь надежную поддержку со стороны русских властей³⁷.

Взаимоотношения народов Дагестана и Кабарды часто осложнялись феодальными распрями господствующей верхушки. В 1712 году кумыкские владетели аксаевский Султан-Махмуд и тарковский Адиль-Гирей предприняли нападение на Кабарду³⁸. Они пытались вытеснить кабардинских владетелей из Терского города. Шамхал Адиль-Гирей неоднократно обращался к русскому правительству с просьбой о предоставлении ему права владения над всеми мусульманами, живущими в Терском городе. В 20-х годах XVIII века интересы дагестанских и кабардинских феодалов сталкивались также из-за влияния в Чечне.

Кабардинские владетели не собирались уступать в этой борьбе и, в свою очередь, обращались за поддержкой к русскому правительству. В январе 1723 года кабардинский князь Асланбек Кайтукин в письме Петру I просил разрешить кабардинцам жить на Тереке. Он писал: «Из давних лет отцы Вашего Величества и деды нашим позволяли жить в Терках, а кумыкам тут никогда жить позволено не было, покорно просим, дабы по-прежнему наследству быть из наших родственников на Тереке, а что бы кумыкам тут присутствия не было»³⁹. Кабарда занимала важное место в кавказской политике России, поэтому вопрос о влиянии в Терском городе был решен в ее пользу.

Кабардинские и дагестанские феодалы часто вмешивались во внутренние междоусобные распри той или иной стороны. В апреле 1782 года для разбора спорных дел аксайских владетелей с гиркеевцами был послан князь Александр Эльмурзович Бекович-Черкасский, который в этот период был предводителем Кизлярского дворянства⁴⁰. Но в целом взаимоотношения народов Дагестана и Кабарды развивались в мирном русле и определялись добрососедскими отношениями. Особенно это проявлялось в период тяжелых для горцев испытаний, когда они совместно, при поддержке России, выступали единым фронтом против внешних захватчиков.

В 80–90-х годах XVIII века Турция и Иран предпринимали, как и раньше, энергичные меры для разжигания вооруженной борьбы

горцев против России под религиозными лозунгами. С этой целью в июне 1790 года в Кабарду прибыл турецкий чиновник от сераскира Батал-паши⁴¹. Через три года здесь появился другой турецкий агент – «дервиш Фрез-оглы, который привез фирман султана Сулеймана к кабардинским и дагестанским владельцам, эфендиям, хаджиям и ко всем, обитающим от Черного моря до Дербента, магометанским народам»⁴². Султан сообщал, что Турция потребовала от России отказа от Крыма и Кабарды, и в случае несогласия намерена объявить русским войну. Накануне нашествия иранского шаха Ага-Мухамед-хана на Закавказье весной 1795 года, турецкий султан обращался с призывом к владельцам Кабарды и Дагестана, чтобы они «вошли в сношение с Ага-Магомед-ханом и чтобы они были бы готовы к войне с Россией»⁴³.

В августе 1785 года кизлярский гарнизон, в состав которого входили терские казаки, дагестанцы, кабардинцы и другие жители города, под руководством коменданта, кабардинского князя Александра Эльмурзовича Бековича-Черкасского отразил нападение шейха Мансура⁴⁴.

Учитывая беспокойную обстановку, в 1786 году на Центральном Кавказе были организованы «военные команды», в которые наряду с русскими войсками вошли воинские формирования горцев⁴⁵. Так, в русских войсках под командованием генерала Горича (кабардинца по происхождению) находились 36 князей и 5 тысяч воинов-кабардинцев⁴⁶.

Воинские формирования из Дагестана и Кабарды, входя в состав русского корпуса, особо проявили себя в 1790 году, когда на Северном Кавказе была разбита 30-тысячная турецкая армия во главе с Батал-пашой⁴⁷. В штурме крепости Анапы отличились отряды кабардинцев под командованием князя Атажуко Хамурзина. Правительство отметило ряд кабардинцев и дагестанцев наградами и чинами⁴⁸. Так, дагестанцы Гирей-хан Чепалов, Муртузали Ахматханов, Ибрагим Албюрю Аджиев, Али Алхасов, два узденя эндерейских – Даций Таймасханов получили чин капитана, а Хамза Алишев – чин подполковника⁴⁹.

Усиление феодальной эксплуатации горских народов в XVIII веке вызвало обострение классовой борьбы на Северном Кавказе. В описываемый период одним из самых распространенных видов такой борьбы на Северном Кавказе являлись побеги в русские населенные пункты (Кизляр и Моздок). Как показывают многочисленные документы⁵⁰ и специальные исследования, посвященные этому вопросу⁵¹, основная масса беглых крестьян выходила из Кабарды и Кумыкии.

Особенно интенсивный характер побеги приняли в конце 40-х – начале 50-х годов XVIII века⁵². Царское правительство, в зависимости от своих интересов, то заигрывало с «черным народом», то оказывало поддержку горским феодалам⁵³.

70–80-е годы XVIII века характеризовались совместными выступлениями кабардинцев, кумыков, чеченцев и ингушей на протяжении всей Кизлярской линии⁵⁴. Часто многие из кабардинцев,

укрываясь от своих феодалов, находили убежище в Дагестане. Например, кизлярский комендант А. Куроедов в своем рапорте от 14 июля 1781 года доносил астраханскому губернатору генерал-майору Ф. И. Фабрициану о бегстве в Аксайскую деревню, принадлежавшего кабардинскому владельцу Анфоке Таусултанову подвластного Батырбека Казчиева⁵⁵.

Побеги крестьян, их мирные трудовые контакты способствовали образованию совместных поселений, в которых проживали представители народов Дагестана, Кабарды и Балкарии.

В «Записке о кабардинцах», которая в 1755 году была составлена из различных материалов для Коллегии иностранных дел, говорилось: «В числе многих иноплеменных народов, с давнего времени зашедших для жительства в Дагестан, поселялись и черкесы, известные в России под названием кабардинцев, живущие в северной стороне тех гор от Черного моря до Кубани и верхней части реки Терек»⁵⁶.

Выше отмечалось, что поселение со смешанным населением образовалось в слободах близ крепости Святого Креста. Один из крупных историков XVIII века И. И. Голиков в своем многотомном труде сообщает об этом следующим образом: «по возвращении же к начавшейся крепости Святого Креста определил перевести в оную как гарнизон и жителей Терских, так и поселившихся у оного из населения Кабарды черкас»⁵⁷. И.И. Голиков, опираясь на документы того времени, приводит и более подробные сведения, которые очень интересны: «Сих Черкес или Черкас переведено до 300 семей, которые поселены в полуверсте от крепости Святого Креста, и селение их названо Ахочинская слобода; над ними поставлен из их же народу начальник именем Эльмырза, который состоял под ведением коменданта сея крепости»⁵⁸.

Совместные поселения кабардинцев и дагестанцев возникали в слободах вокруг Кизляра, Моздока, а также во многих станицах, расположенных на Тереке. Как уже говорилось, часто поселенцами таких населенных пунктов становились представители зависимого населения, которые скрывались от гнета владельцев. На взаимное переселение из Кабарды и Дагестана влиял и бытовавший у горцев обычай кровной мести. В Кабарду и Балкарию, как и в другие населенные пункты Северного Кавказа, так же регулярно выходило из Дагестана большое количество кустарей-ремесленников. По мнению профессора Г. Х. Мамбетова, именно таким образом оказались в Кабарде и Балкарии предки Кумыковых, Губачиковых, Махатаевых, Эндиевых, Хаджиевых, Шамхаловых, Иразовых, Казанчиевых и других⁵⁹. Особенно многонациональными в XVIII веке были населенные пункты Малой Кабарды. Здесь только в одном селении Турлове находилось 64 кумыкских дворов с населением 266 душ обоего пола⁶⁰. Вполне вероятно, что и сам населенный пункт был основан аварскими феодалами Турловыми. В свою очередь, в Дагестане до сегодняшнего дня сохранились фамилии Черкесовых, Чегемовых, Азнауровых, Боташевых, Тамбиевых, Кабардиевых и других, предки которых когда-то выехали

из Кабарды и Балкарии⁶¹. Усиление неповиновения горцев феодалам привело к тому, что в конце XVIII – начале XIX века беглые крестьяне из Кабарды и Кумыкии образовали около Татартупа поселение из 30 дворов⁶². Возникновение таких населенных пунктов способствовало установлению и укреплению дружественных связей между горскими народами.

В XVIII веке происходило дальнейшее укрепление торгово-экономических связей Дагестана, других народов Северного Кавказа и России. Через территорию Дагестана проходил важный торговый путь, который связывал Закавказье и Иран с Северным Кавказом, Ногайской степью, далее с Крымом и Азовом, а также с Астраханью и волжским путем⁶³. Торговля на этих путях находилась в руках дербентских и армянских тезиков, а также русских купцов. Одним из развитых районов Дагестана в торгово-экономическом отношении являлась Кумыкия. Здесь существовали такие крупные центры, как Эндерей, Тарки, Чир-юрт, Аксай, Буйнак и другие, в которых шла оживленная торговля местных жителей с персидскими, закавказскими, русскими и черкесскими купцами⁶⁴.

Кабарда была издавна связана торговыми путями с Дагестаном. Главный из них пролегал через Терский городок «в кумыцкие земли до Таркова», а оттуда через Кайтагское владение в Дербент и Шемаху⁶⁵. Другой путь шел через Сунженский перевоз, освоенный еще в 1590 году, и связывал Кабарду с Тарковским шамхальством и Эндерейским владением⁶⁶.

В XVIII веке важными центрами торговли между Кабардой и Дагестаном стали крепость Святого Креста и Татартуп. Например, каждый год в начале весны собирались базары недалеко от Татартупа, на границе с Кабардой, и в течение нескольких дней здесь шел обмен продуктами и ремесленными изделиями⁶⁷. Особой статьей в кабардино-дагестанских торговых отношениях являлись знаменитые кабардинские скакуны. Только за три дня мая 1746 года дагестанцы «пригнали из Кабарды в Аксайскую деревню с 400 лошадей». Как показывают документы, дагестанские владельцы регулярно приобретали лошадей в Кабарде⁶⁸.

Транзитная торговля, которая шла через Дагестан, способствовала дальнейшему развитию здесь торгово-денежных отношений. Во многом этому содействовали мероприятия Петра I, стремившегося к налаживанию широкой торговли с Востоком. В 1723 году он учредил в Астрахани специальное «торгующее в Персию купечество», которое просуществовало до 1762 года⁶⁹. Спустя год Петром I был издан указ, согласно которому разрешалось вывозить из России в Дагестан «железо, свинец, порох, а также беспошлинный провоз и свободная продажа вина, табака, хлебных и мясных припасов». Горцы могли торговать скотом в Дербенте, крепости Святого Креста и других местах «новой провинции». Местным торговым людям предоставлялись льготы, к их услугам были русские купеческие суда⁷⁰.

После укрепления русского влияния в Кубинском ханстве и возвышения Фатали-хана, придерживавшегося русской ориентации,

Екатерина II в 1765 году дала указание русским судам, идущим из Астрахани к персидским портам, заходить в Дербент⁷¹.

Из Астрахани в Дербент привозили: ткани, медь и медную посуду, гвозди, замки, топоры, иглы, проволоку, сундуки, бумагу, стекло, мыло, хрустальную посуду, сахар, муку, различные краски и др. Из Дербента в Астрахань поступали шерсть, фрукты, марена, шелк-сырец, рыбные продукты, скот и другие товары⁷². Все эти мероприятия способствовали дальнейшей ориентации населения Дагестана на Россию.

Значительную роль в укреплении торгово-экономических связей между самими северокавказскими народами, а также Кабарды и Дагестана с Россией сыграли города Кизляр и Моздок. О масштабах торговых операций в этих городах свидетельствуют размеры пошлин, которые взымались с продуктов и товаров горцев. Так, в 1762 году с товаров, привезенных в Кизлярскую пограничную таможенную «из Кабарды, из грузинских городов и из горских деревень», пошлинный сбор составил 2508 рублей 86 копеек, а в 1763 году – 2986 рублей 55 копеек; сбор с отвозимых в эти места товаров составил в 1762 году – 2717 рублей 72 копейки, а в 1763 году – 2241 рубль 27 копеек⁷³.

Русское правительство рассматривало торговлю с северокавказскими народами как одно из важнейших средств распространения своего влияния в этом крае. Ф. Феодаева справедливо считает, что именно этим можно объяснить издание указа от 23 октября 1760 года, разрешающее ввоз на Кавказ к кабардинцам, кумыкам, осетинам «как подданным России холст и другие предметы, вывоз которых в Иран был временно закрыт»⁷⁴.

Высокие пошлины, которыми облагалась торговля в Кизляре и Моздоке, вызывали недовольство среди горцев. Они неоднократно обращались к правительству с просьбой о снижении или вообще отмене пошлин⁷⁵. Русская администрация в связи с этим работала на протяжении 1764 – начала 1765 года ряд проектов, которые предусматривали дальнейшее развитие торговли с кабардинцами и кумыками⁷⁶. С 1764 года, на основании указа, они освобождались от уплаты пошлин в Кизляре, как при покупке товаров так и при продаже своих изделий⁷⁷. Важное значение для развития торговли России с Дагестаном сыграл поход русских войск в 1775 году в Южный Дагестан, в ходе которого были предприняты шаги для обеспечения безопасности торгового пути. По неполным данным, оборот торговли через Кизляр только с 1777-го по 1780 год составил 687 130 рублей. В то же время тайные перевозки, совершавшиеся по кизлярскому пути из России на юг, минуя таможенную, «составляли более миллиона рублей в год»⁷⁸.

Дагестан торговал с Кабардой и другими горскими народами традиционными товарами: солью, металлической и медной посудой, котлами, дорогим оружием, ювелирными изделиями, фруктами и т. д. При посреднической роли дагестанских купцов горская знать могла приобретать и восточные товары: шелковые ткани, сафьян и др.⁷⁹ Кабардинцы вели торг скотом, продуктами земледелия и

пчеловодства. В материалах Коллегии иностранных дел говорилось: «...а богатство в избытках от того занятия получаемых, как то в масле коровьем, меду, овчинах, в сукнах и бурках тамошнего изделия, кои привозили из Кабарды купцы их в знатном количестве в Кизляр, Астрахань и Черкасск, куда пригоняли также на продажу равно и в другие места, лошадей во множестве, рогатой скот и овец стадами»⁸⁰. Торговые люди из Кабарды и Дагестана проводили совместные торговые операции. Например, в 1748 году шесть кабардинцев, три кизлярских и несколько кумыкских купцов (из эндереевских, аксайских и других деревень) ездили к закубанским черкесам «для купечества». Ими было закуплено большое количество товаров «которое было на пяти арбах»⁸¹.

Тесные торгово-экономические связи между Кабардой и Дагестаном приводили к заимствованию друг у друга различных хозяйственных занятий, ремесел и т.д. Например, садоводство, достигшее в Дагестане значительного развития, оказало влияние на его развитие у кабардинцев. В свою очередь, благодаря кабардинцам в Дагестане большое распространение получило занятие пчеловодством. По народному преданию, кабардинцы учились в Дагестане организации шелководства и производству шелковых изделий. С этой целью сюда переселились кабардинские дворяне Ислам и Каншауа со своими подвластными и прожили в окрестностях Темир-Хан-Шуры почти 15 лет⁸². Такое взаимовлияние наблюдалось и в области ремесла, особенно в ювелирном производстве. Дагестанские ювелиры пользовались кабардинским орнаментом, так называемым «чаргас-накыш» (черкесский узор)⁸³.

В расширении торгово-экономических связей с горцами была весьма заинтересована русская администрация. В 1780 году на Моздокской линии – в Ставрополе, Георгиевске и Моздоке соорудили амбары и лавки для торговли с кабардинцами. Были также приняты меры к расширению шелкового казенного завода, основанного на Тереке (выше Червленской станицы) купцом Сародонниковым еще в 1735 году⁸⁴.

В конце 80-х годов XVIII века торговля между жителями Дагестана и Кабарды получила свое дальнейшее развитие. В этот период население Дагестана получило возможность ездить в Кабарду по «русской» стороне р. Терек без уплаты пошлины⁸⁵.

Таким образом, укрепление торгово-экономических и политических связей Дагестана с Кабардой, Балкарией и другими северокавказскими народами, а также дальнейшее развитие дружественных связей с Россией в XVIII веке способствовали росту производительных сил в крае, стабилизации экономики, социальных отношений и внешней безопасности дагестанских обществ.

* * *

Военно-политический союз Кабарды и России, сложившийся в середине XVI века, сыграл важную роль в установлении политических и экономических связей чеченцев и ингушей с русским

народом. Во второй половине XVI века в Притеречье существовали казачьи поселения, были также построены русские крепости (Терский город – 1567 г. и Сунженский острог – 1651 г.), жители которых имели тесные контакты с местным горским населением, в том числе и с вайнахскими обществами. Эти связи носили разносторонний характер и хорошо отражаются в русских документах XVI–XVII веков⁸⁶.

Установившиеся в этот период прочные связи Кабарды с Русским государством оказали положительное влияние в ориентации горских обществ Чечни и Ингушетии на Россию. Например, владельцы аккинцев-ауховцев, многие из которых служили в Терском городе, под влиянием кабардинских князей Сунчалеевичей (Черкасских) обращаются в конце XVI – начале XVII века к русскому правительству с просьбой о «подданстве». В 1605 году во время поездки кабардинского князя Сунчала Канклычевича в Москву его сопровождал известный окоцкий владделец Батай Ших-мурзин⁸⁷. Другой вайнахский владделец Салтан-мурза, обращаясь к терским воеводам, писал, что слышал от узденей и брата своего Ших-мурзы Окоцкого, что «кабардинские все князи били челом в службу государю вашему, а яз ныне хочу государю ж служить по свою смерть, кака государю вашему служил брат мой Ших-мурза Окоцкий»⁸⁸. В русских документах XVII века называются имена многих окочан, которые служили в Терском городе: Кохостров Бийтемирев, Айбирь-мурза Костров (или Кохостров), Чербаш Давруков, Чербаш Айбеков и другие⁸⁹.

Успешная деятельность князей Сунчалеевичей (Черкасских) по распространению русского влияния среди горских обществ находила высокую оценку в Москве⁹⁰. В 1614 году Сунчалей Канклычевич был пожалован царем Михаилом Федоровичем за службу «княжим именем, велел ему быть над Окочаны надо всеми и над Черкасы, которые государю на Тереке служат, князем, судить и в ратном строении и во всяких делах ведать... и на свою государеву службу с ними самому князю Сунчалею ходить и в поход их з государевыми людьми... посылать»⁹¹.

В октябре 1640-го – июне 1641 года из Терского города в Москву отправились посланцы Келемета (Кельмамета) Черкасского – уздень Румуков и окоченец Чербаш⁹². Спустя шесть лет терский воевода В. А. Оболенский сообщал в Посольский приказ о приведении чеченцев в русское подданство князем Муцалом Сунчалеевичем Черкасским – «... в прошлом де во 154 году ехали из Мичкиския земли ясычные мичкизеня с ясаком в твою государеву отчину в Терский город ... а тех де, государь, мичкизень по твоему государеву указу призвал он, князь Муцал, под твою государеву высокую руку в вечное неотступное холопство...»⁹³

С момента своего основания Терский город стал центром экономической и политической жизни на Северном Кавказе. Поселение «служилых окочан», возникшее рядом с крепостью, постепенно увеличивалось. В челобитной терских окочан, датированной 1616 годом, говорится: «Вышли, государь, мы холопы твои из

Акоз и Мичкиз в твою вотчину – в Терский город»⁹⁴. Со временем население Окоцкой слободы стало увеличиваться. В ней кроме вайнахов в XVII – начале XVIII века проживали черкесы и представители других горских народов⁹⁵. Например, в материалах, собранных П. Г. Бутковым, отмечалось: « В полуверсте от крепости (т. е. Терского города) слобода Охочинская, населенная черкесами и другими горцами, оставшимися в магометанстве. Их при крепости Терки в Икоцкой слободе, в 1721 году оставалось немного, но со временем похода Петра Великого в Дербент явились к услугам его из Большой Кабарды рода Жамбулатова фамилии Бекмурзиной владелец Эльмурза Бекович, князь Черкасский, родной меньшей брат князя Александра Бековича Черкасского, а из Малой Кабарды Таусултанова рода Асламбек Кельметов, то в сей слободе находилось уже в 1727 году до 300 фамилий»⁹⁶.

В XVIII веке на территориях современных Чечни и Ингушетии существовали ряд независимых друг от друга обществ. В плоскостной Чечне находились общества Качкалык, Герменчук, Чеченское, Алдинское, Гехинское общества. В горной зоне Чечни существовали общества: Акъхи, Махъии, Нохч-Мох, Чебарлой, Шарой, Шатой, Чанъты, Терлой, Пешхой, Шекарой, Майсты. В Ингушетии выделялись локальные группы джейраховцев, царинцев, галашевцев, назрановцев, мецхальцев, хамосинцев, венпинцев⁹⁷.

В этот период политические и экономические связи между кабардинцами и вайнахскими обществами становятся более тесными. Во многом это было связано с процессом переселения чеченцев и ингушей в предгорья и на плоскости. Одним из главных направлений вайнахской миграции, значительно расширившей этническую территорию этого народа на север, явилось переселение в Тарскую долину и бассейн реки Камбилеевки⁹⁸. Эти переселения были вызваны экономическими причинами, необходимостью в получении пригодной для обработки земли и пастбищ на весеннее время.

Постепенно образовались смешанные поселения, в которых проживали кабардинцы, чеченцы, ингуши. Ингушская народная песня о «князе Мисосте и Сурхо Адиевиче» повествует об основании кабардинским князем Мисостом аула на правом берегу Терека «на земле ингушей»⁹⁹. В Кизляре в квартале Новокрещеных жили ногойцы, кумыки, кабардинцы, чеченцы, ингуши. В Окочирском – кумыки, в Черкесском – кабардинцы¹⁰⁰.

В проектах о таможенных привилегиях для горских народов, составленном кизлярским комендантом Н. А. Потаповым в 1764 году, упоминаются «гораздо зажиточные люди из кабардинцев, осетин, киштинцев и других наций»¹⁰¹. В 1747 году жители общества и одноименного аула Герменчук пригласили на княжение офицера русской службы Давлет-Гирея Черкасского¹⁰². В том же году жители деревни Чебутли согласились быть в российском подданстве в «ведомстве князя Давлет-Гирея». За этим последовали присяги Алдинского общества и аула Шали¹⁰³. Не позднее 50-х годов XVIII века Давлет-Гирей Черкасским было основано поселение выше Чер-

вленного городка на правом берегу Терека, которое в дальнейшем было известно как Давлет-Гиреевская деревня¹⁰⁴. Из письма шибутских старейшин князю Эльмурзе Черкасскому от 5 июля 1764 года видно также, что Давлет-Гирею Черкасскому были подвластны как равнинные герменчукские и алданские старшины и «простой народ», так и шибутские старейшины¹⁰⁵. Кабардинцы обладали большим влиянием в Карабулаке. В 1771 году количество карабулаков – «подданных» владельца Муртаз-Али-Хаджи составляло 300 дворов, да и те зачастую ориентировались на кабардинских князей¹⁰⁶. В свою очередь, значительное количество чеченцев и ингушей проживало в кабардинских селах. В начале XIX века, по сведениям К. Ф. Сталя, в Малой Кабарде в одном селении Псыдаха насчитывалось 664 чеченца (166 дворов), а в селах Гайтиев и Эльджаруков 416 ингушей (164 двора). В управлении Малой Кабарды состояли также чеченские поселения – Кажаква и Мизиюрт¹⁰⁷. Для защиты «от врагов жители чеченского села Чулькиюрта пригласили кабардинского князя Мулдара и с тех пор село стало носить его имя»¹⁰⁸.

Совместная жизнь горцев в различных населенных пунктах способствовала укреплению дружбы этих народов и установлению разносторонних связей с Россией. В этом отношении особо благодатную почву находили торговые связи. Так, с октября 1748 года правительство разрешило пропуск «быков, коров, рыбы... постоянного товару» из Кизляра в Герменчук, где княжил Давлет-Гирей Черкасский¹⁰⁹. Его подвластные получили право свободного проезда в гребенские городки. В прошении жителей деревни Чебутли, в котором они изъявляли желание быть в «ведомстве князя Давлет-Гирея» отмечалось: «...дабы им с купечеством в город Кизляр, Гребенские городки тако в Андреевскую, Аксайскую и прочие деревни ездить под защищением было свободно»¹¹⁰.

По мнению Ш. Б. Ахмадова, главные торговые пути, по которым чеченцы и ингуши поддерживали экономические связи с Россией и соседними народами Северного Кавказа и Закавказья, являлись сухопутные магистрали. Один из торговых путей начинался от г. Астрахани и пролегал через степь в Терский городок, а оттуда шел в город Тарки, находящийся на земле кумыков. Другая дорога вела от г. Тарки до Сунженского городка, затем шла вверх по реке Сунже и через владения малокабардинских феодалов уходила в Восточную Грузию. Ш. Б. Ахмадов считает, что существовала и более древняя дорога, которая шла от берегов Черного моря и генуэзских колоний через земли западных адыгов, карачаевцев, кабардинцев и далее по Тереку через территорию Юго-Западной Чечни в Дербент и страны Востока¹¹¹.

Как видим, все пути пролегли через город Терки или шли по реке Терек. Н. П. Гриценко отмечал: «Терек в свое время сыграл почти ту же роль для народов Северного Кавказа, как и Волга для Среднего и Нижнего Поволжья. Терек являлся связующим звеном русского и кавказского народов»¹¹². С момента своего основания Кизляр и Моздок стали главными пунктами обменной тор-

говли на Северном Кавказе. В Моздоке кроме ежедневной городской торговли, понедельник и суббота являлись постоянными базарными днями, а с 25 апреля и с 19 сентября ежегодно в течение недели здесь организовывались большие ярмарки, куда доставлялись товары со всего Северного Кавказа¹¹³.

Торговля чеченцев и ингушей с соседними горцами и русским населением носила в основном меновой характер. Терские казаки торговали солью, рыбой, домашними холстами, овощами и фруктами, а горцы – медом, скотом, бурками, башлыками, колесами и другими изделиями домашней промышленности.

Большое место в торговле чеченцев занимал сбыт леса и таких изделий, как бочарные доски, обручи, таркалы¹¹⁴. Порой объем этой меновой торговли достигал значительных размеров. Так, в 1751 году не был пропущен через Терек для торговли чеченец Кичин с товаром на двадцати арбах¹¹⁵. В донесении узденей князя Эльмурзы Бековича Черкасского Бамата Усеинова, Курман-Али Менькишева на имя кизлярского коменданта отмечалось, что они в 1759 году ездили для торговли в Малую и Большую Кабарду, имея при себе 24 рубашки из холста, перевозка которых вместе с пошлиной обошлась им в 12 рублей¹¹⁶.

Часто, чтобы избежать уплаты таможенных пошлин, чеченцы и ингуши везли свои товары в Кабарду, а оттуда уже в другие районы¹¹⁷. В ноябре 1764 года состоялось решение правительства «о дозволенной торговле в Кизляре кабардинцам беспошлинно собственными изделиями и продуктами»¹¹⁸. Оно имело определенные ограничения, но все-таки способствовало дальнейшему развитию торгово-экономических связей в крае. Под воздействием этого решения чеченцы и ингуши, в свою очередь, ходатайствуют о привилегиях в торговле с Россией. «Когда мы удостоены будем... принятия по-прежнему в вечное подданство, – писали старшины Большой Чечни и Аджи-аула на имя кизлярского коменданта в 1781 году, – то это должно позволить нам не возвратно проезжать для торгу в Кизляр, Моздок и прочие Российские места и никаких обид не чинить и принимать нас везде так, вечно и верноподданных»¹¹⁹.

В 1743 году «начальный чеченский владелец Айдемир верно-сти службы засвидетельствовал России и обещал в случае приближения неприятеля выступить против него»¹²⁰. А в апреле 1744 года руководители Осетинской духовной комиссии сообщали в канцелярию Синода, что «чеченский владелец Айдемир с племянниками своими Алибеком и Султаном получают от Ея Императорского Величества жалование и с Россиею в союзе, для чего и сына его имеется в Кизляре аманатом»¹²¹.

Как было уже сказано выше, благодаря усилиям Давлет-Гирея Черкасского в 1747–1748 годах в российское подданство вступили Герменчук, Чебутли, Шали, Алди и другие чеченские общества. В 1756 году «старейшины и прочей народ» этих обществ «учинили присягу, просили, чтоб под протекцию России приняты были»¹²². С 1756 года другие вайнахские общества тоже ставят вопрос о принятии их в подданство России¹²³. Чеченские владельцы Арсланбек,

Бартыхан и Магомед Айдемировы в письме к кизлярскому коменданту И. Л. фон Фрауендорфу в 1756 году, ссылаясь на пример кабардинских владельцев, обращались с ходатайством принять их на русскую службу¹²⁴. В тот период в подданство России вступили и карабулаки. В 1762 году в присутствии официального российского представителя решение об этом было принято на массовом сходе двадцати двух старейшин, которые представляли восемь наиболее крупных фамилий¹²⁵.

В 1768 году для приведения принятия присяги в Чечню из Кизляра был направлен ротмистр Адиль Черкасский. В его донесении кизлярскому коменданту Н. А. Потапову говорилось: «Все старшины и народ, вследствие вашего превосходительства письма и моего объяснения согласно объявили, что они... надеются на высочайшую Ея Императорского Величества милость и благоволение, имеют состоять в прежней верности своей и данную от себя при Червленском горячем колодце присягу навсегда сохранять будут без нарушения, в подтверждении которой, собравшись в мечети, весь народ через алкуран выговаривал, что оне во всякой верности к Российской стороне быть имеют и не только Алисолтану последовать не хотят, но ежели настоящий их владелец Росланбек Айдамиров на какие-либо предерзости поступит, то и его за владельца не считать и с ним не будут сообщаться...

А бывшие в собрании при нас чеченские и алдынские старейшины... сказали, что они Россию весьма довольны...»¹²⁶

В феврале 1770 года 24 ингушских старейшины, «присланные от всего народа их общества» в Кизляр, изъявили «усердное желание поступить в вечное... подданство» России¹²⁷.

Кизлярский комендант А. М. Куроедов в донесении к князю Г. А. Потемкину говорил о большой работе, проведенной капитаном князем Бековичем-Черкасским и подпоручиком Зориным — «достойных и справных офицеров» в выработке и проведении церемонии договорного оформления вхождения в состав России части чеченских обществ, подписанного 21 января 1781 года¹²⁸. Четвертый пункт текста договора гласил: «Быть нам старейшинам и всему народу с верноподданными кумыками, кабардинским, осетинским народами в добром согласии, так как одной державы и Отечества, и ни под каким видом неприятельских дел не начинать какие произойти могут»¹²⁹.

Кабардинцы не раз выступали совместно с чеченцами и ингушами против своих феодалов и внешних врагов. Горские трудовые массы всегда находили друг у друга поддержку и надежную защиту в случае необходимости. Находили общий язык друг с другом и феодалы. Например, Давлет-Гирей Черкасский сообщал в своем письме кизлярскому коменданту о том, что чеченский владелец Расланбек Айдемиров просил его возвратить «непослушных чеченцев», которые ушли от него в Кабарду¹³⁰.

В 1760 году восстали крестьяне Герменчукской деревни, которые были недовольны произволом князя Давлет-Гирея Черкасского. Давлет-Гирей и его сын Бамат пытались при поддержке рус-

ских властей восстановить свою власть над Герменчукской и Шалинской чеченскими деревнями. П. Г. Бутков пишет, что «они (т.е. крестьяне этих деревень) не только не согласились, но и слышать о таком праве Бамата не захотели»¹³¹.

Многие кабардинские владельцы, противостоя политике самодержавия, уходили со своими подвластными в Чечню и Ингушетию. В начале XIX века здесь находились кабардинские феодалы Алмаксид Мударов, Адиль-Гирей Атажуков и другие. По официальным данным в Чечне до 1809–1810 годов проживало свыше 160 семейств из Кабарды¹³².

Ингушский и чеченский народы всегда оказывали братскую помощь кабардинцам в их борьбе с турецко-крымскими вторжениями. Профессор Г. Х. Мамбетов на основе анализа русских документов XVII века приводит многочисленные примеры (в 1615, 1619, 1641, 1646, 1651, 1675, 1678 и т. д.) совместных выступлений горцев по охране пограничных рубежей России, их активного участия в дипломатических мероприятиях по улучшению взаимоотношений Русского государства с другими горскими народами¹³³. В 1640–1670 годах объединенные отряды чеченцев, ингушей и кабардинцев, возглавляемые Муцалом Сунчалеевичем и Казбулатом Муцаловичем Черкасскими совместно с русскими войсками нанесли ряд поражений крымскому ханству. Это значительно стабилизировало политическую обстановку в южных районах России¹³⁴.

Совместная борьба против общих врагов имела место и в XVIII веке. В 1736 году, затем в 1787–1791 годах, кабардинцы совместно с чеченцами и ингушами принимали активное участие на стороне России в войнах против Турции и Крыма¹³⁵.

* * *

Издавна народы Северного Кавказа – кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, абазины, черкесы, чеченцы, ингуши и дагестанцы поддерживали между собой тесные экономические, политические и культурные связи.

Ближайшими соседями кабардинцев были осетины. «Общность социальных интересов являлась одной из основ мирных отношений между крестьянскими массами Осетии, Кабарды и Балкарии», их связывали и «общие экономические интересы. Они между собой вели торговлю, часто вступали в брачные отношения»¹³⁶.

В сообщении кабардинских князей Магомеда Атажукина, Адильгирея Гиляхстанова и кумыкского феодала Хамзина, сделанного в ноябре 1743 года, в Коллегию иностранных дел говорилось: «Шестой народ Дюгор, седьмой народ Сюрдюгор. Живут в горах по вершинам реки Урюха и двух ближайших рек против Малой Кабарды расстоянием от деревни владельца Альдигирея Гиляксанова день езды и с тою Малою Кабардою постоянно имеют мир и некоторую малую кабардинцам дают и дань и взаимно между собою женятся, дюгоры и сюрдюгоры на кабардинках, и кабардинцы на их дочерях»¹³⁷.

Тесное и постоянное общение между народами Кабарды и Осетии диктовалось прежде всего вопросами экономического порядка. В первую очередь, это был вопрос о земле. В памяти народа сохранились сведения, что осетины-дигорцы совместно с балкарцами пользовались обширными горными пастбищами под названием «Харес». Они не раз вместе противостояли попыткам социальных верхов Дигории, которые пытались превратить эти земли в свою собственность¹³⁸.

В XVIII веке предгорная равнина нынешней Северной Осетии, находилась во власти кабардинских феодалов. У входа в Дигорское ущелье были владения кабардинских князей Мударовых, у входа в Куртатинское ущелье, где ныне с. Дзуарикау находилось владение под именем Барукино, которое принадлежало крупному кабардинскому князю Гиляхстанову. Далее к западу от Барукино лежали владения – Кубатей-кабак, Эльтохов-кабак, Камбекуков-кабак, Тузаров-кабак и другие¹³⁹. Осетины могли пользоваться землями предгорной равнины только с согласия кабардинских князей. Решение проблемы малоземелья было жизненно важным для осетинского народа. В донесении архимандрита Пахомия в апреле 1755 года говорилось, что осетины «живут внутри горах весьма тесно и неисправно и для своего пропитания подлая люди (крестьяне. – К. Д.) не имеют пашенной земли, где сеять хлеба и прочее»¹⁴⁰.

Многие осетинские владельцы на определенных договорных условиях с кабардинскими князьями выселялись на плоскость. В результате этого возник ряд дигорских селений: Туганово – ныне с. Дур-Дур, Караджаево – ныне с. Хазнидон, Кет, Карагач и др.¹⁴¹ Как отмечал Б. В. Скитский, «особенно выгодным было расположение земель Тагиатов, владевших главным путем, связывающим Северный Кавказ с Закавказьем – Дарьяльским ущельем, а также дигорцев, ведущих торговлю с Закавказьем и Кабардой»¹⁴².

В хозяйственной жизни осетин все большую роль начинало играть земледелие. Русский офицер Л. Л. Штедер, направленный правительством в Осетию в 1781 году писал: «... в садах они разводят, по примеру кабардинцев, бобы, турецкий маис, редьку, огурцы и большое количество обыкновенного зеленого табака. Всем этим они торгуют с Моздоком. Они хорошо обрабатывают поля и обменивают излишки на скот у кабардинцев»¹⁴³.

Если учитывать изолированность горной части Осетии в XVI–XVIII веках, то становится понятным особое значение ее связей с Кабардой. Последняя вела регулярно оживленную торговлю с Россией, Крымским ханством, Турцией. О размерах этой торговли, например, даст представление такой факт – в 1747 году из Кизляра в Кабарду прибыл караван русских купцов в числе более 100 человек¹⁴⁴. Поэтому Осетия, хотя и не имела в первой половине XVIII века непосредственных широких связей с Россией, могла через территорию Кабарды поддерживать торговые контакты с проезжими русскими купцами и гребенскими казаками. Чаше эти операции протекали в форме натуральных обменов. Осетины обменивали в

Кабарде свои продукты сельского хозяйства и изделия кустарной промышленности, получая взамен ткани, соль, изделия из железа, хлеб и др. Г.-Ю. Клапрот в работе «Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг.» писал: «Дигорцы не могут обходиться без Кабарды, получая оттуда соль, а в неурожайные годы – просо, а неурожай в их возвышенной стране обыкновенное явление»¹⁴⁵.

Дальнейшему развитию обменной торговли между Кабардой, Осетией и Россией способствовало основание городов-крепостей Кизляра (1736 г.) и Моздока (1763 г.). Русское правительство, заинтересованное в экономическом освоении Северного Кавказа, содействовало переселению в эти населенные пункты горцев, как владельцев, так и зависимых от них крестьян. Например, в 1764 году в Моздоке насчитывалось 116 кабардинских семей¹⁴⁶. Известно, что здесь кузнечным ремеслом занимались преимущественно осетины и черкесы¹⁴⁷. В окрестностях Моздока возникло совместное поселение кабардинцев и осетин, относящихся к этнической группе «цайта». Они владели вместе с жившими здесь армянами и грузинами земельным участком № 141, который занимал большую территорию от Терека до Сунжи¹⁴⁸. Переселенцам предоставлялось право беспошлинной торговли, свободного обмена своих продуктов на мануфактуру, соль, железо и прочие товары.

Все большее втягивание горцев в торговлю с Россией приводило к постепенному переходу меновой торговли в денежную, способствовало выходу из замкнутости натурального хозяйства этих народов.

В существующей исторической литературе довольно подробное освещение получил вопрос об определенной зависимости ряда горских народов, в том числе и осетин, от князей Кабарды. По мнению Б. В. Скитского, суть этих отношений сводилась к тому, что осетинские феодалы стремились получить в лице кабардинских князей и их вассалов покровительство и защиту, за что должны были нести известные повинности. Но сеньоро-вассальные отношения между кабардинской и осетинской господствующей знатью не являлись определяющими во взаимоотношениях двух соседних горских народов. Кабарду и Осетию в рассматриваемый период связывали тесные политические связи, которые в немалой степени предопределили укрепление политических, экономических и культурных связей осетинских обществ с Россией в XVIII веке¹⁴⁹.

Присоединение Осетии к России явилось закономерным процессом, в котором немаловажную роль сыграла огромная предварительная работа, проведенная Осетинской духовной комиссией. По мнению М. М. Блиева, российское правительство стремилось превратить ее в инструмент, с помощью которого пыталось реализовать свои планы на Центральном Кавказе¹⁵⁰. Комиссия, развернув свою деятельность с 1745 года, опиралась на поддержку кабардинских князей. Еще до ее отправки в Осетию канцлер А. П. Бестужев-Рюмин предложил воспользоваться услугами таких влиятель-

ных кабардинских князей, как Магомед Атажукин и Адильгирей Гиляхстанов, которые могли обеспечить безопасность миссионеров¹⁵¹. В декабре 1744 года Синодом были выданы членам духовной комиссии рекомендательные письма к кабардинским владельцам Адильгирею Гиляхстанову, Мудару Жангерову и Батырмирзе Мударову¹⁵².

В начале мая 1745 года кизлярский комендант князь В. Оболенский сообщал в Синод о пропуске миссионеров в Кабарду¹⁵³. Здесь члены комиссии остановились у кабардинского князя А. Гиляхстанова, у которого находились несколько дней. Архимандрит Пахомий в своем донесении сообщал, что, «... владелец Альдигирей нас принял с почтением..., а по трех днях поехал с нами и провел нас даже в свое Татартупское владение..., и 15 мая повел нас оный князь Альдигирей к Осетии»¹⁵⁴. «Татартупское владение» князя А. Гиляхстанова благодаря своему географическому расположению играло важное военно-стратегическое и торговое значение в крае. Поэтому его владелец являлся одним из наиболее влиятельных северокавказских феодалов в середине XVIII века.

О том, что Осетинская духовная комиссия получала с самого начала существенную поддержку со стороны кабардинцев свидетельствует и такой примечательный факт, как основание миссионерского учреждения («подворья») на территории Малой Кабарды при «Баруковом кабаке»¹⁵⁵. В 1765 году Турция выразила протест, указав, что расположение Осетинского подворья в Кабарде противоречит условиям Белградского договора¹⁵⁶.

Русские документальные материалы XVIII века, в которых отражаются русско-осетинские отношения, показывают, что кабардинские владельцы играли в них регулярную активную посредническую роль. Поручик Осетинской духовной комиссии А. Бибирюлев в декабре 1747 года доносил в Синод об отправлении из Кизлярской крепости конвоя для препровождения архимандрита Пахомия из Осетии в Кизляр и о возможной помощи со стороны князя Адильгирея Гиляхстанова в присылке туда же игумена Николая и его брата Кайхосро Махотелова¹⁵⁷.

С просьбами о содействии и помощи руководители комиссии обращались и к владельцам Большой Кабарды, в частности к влиятельному князю Магомеду Кургокину¹⁵⁸.

В упрочении русско-осетинских отношений важную роль сыграла поездка представителей осетинских обществ в Петербург в середине XVIII века. Их посольство на пути следования в Кизляр остановилось в Малой Кабарде у узденей Анзоровых¹⁵⁹.

Материалы переговоров первого осетинского посольства с русским правительством хорошо отражают состояние кабардино-осетинских взаимоотношений в XVIII веке. В записи беседы, прошедшей 29 октября 1751 года между статс-секретарем и советником Коллегии иностранных дел В. М. Бакуниным и осетинскими старшинами, входившими в посольство, был затронут вопрос о внешнеполитическом положении Осетии. В ней говорилось: «... они со всеми кабардинскими владельцами, а паче с Альдигиреем Ги-

ляксановым издавна имеют дружбу и соседство, и во время неприятельских на Кабарду приходов оные владельцы малолетних своих детей для лучшего охранения присылают к ним в Осетию. И поэтому они от кабардинцев опасений не имеют»¹⁶⁰. Как на своего главного противника, от которого терпят урон, послы указали на Крымское ханство¹⁶¹.

Посольство пыталось в переговорах решить вопрос о переселении осетин на плоскость, в связи с чем осетинские старшины просили содействия правительства России о переходе их селений на предгорные равнины Центрального Кавказа по течению рек Фиагдон и Ардон, «выше кабардинских Али Мурзиных и Анзоровых деревень от 10 до 15 верст»¹⁶². Учитывая тогдашние сложные взаимоотношения России с Турцией, русское правительство не могло удовлетворить просьбу осетин о переселении на плоскость. Им были даны лишь льготы в отношении торговли в Кизляре и Астрахани, в частности, они были освобождены от торговых пошлин, и в Кизляре им выдавались «кормовые деньги»¹⁶³.

Канцлер А. П. Бестужев-Рюмин считал, что в развитии русско-осетинских отношений важное значение будет играть дальнейшее покровительство осетинам со стороны кабардинских князей. 29 января 1752 года он обратился с посланием к известному владельцу Малой Кабарды князю Адильгирею Гиляхстанову. В нем говорилось: «...оные осетины по ближнему их с вами соседству через ваше владение в Кизляр для торгов и прочих своих нужд ездить имеют, ...я вам рекомендую и впредь с оными жить в дружбе и в добром согласии, и в случае их проезда давать им до городка Червленного проводников...»¹⁶⁴ Архимандрит Пахомий, возглавляющий Осетинскую духовную комиссию, в свою очередь, предлагал в случае положительного решения вопроса о переселении определить к осетинам «для надзирания князя черкесского Елимирзы (т. е. Эльмурзы Бековича-Черкасского) генерала сын ротмистр Довлат-Гирей...»¹⁶⁵

Представители осетинских владетелей, видя, что правительство России в сложившейся ситуации не может решить вопрос об их переселении на плоскость, начали самостоятельно, пользуясь личными связями с кабардинскими феодалами выходить со своими селениями из горных ущелий. Донесение архимандрита Пахомия свидетельствовало об этом следующим образом: «...один из дигорских владельцев, в Кашкатове, живший в Кабарде, и у тамошнего кабардинского князя Кисина сына Каззы друг был одному дигорскому владельцу, у одного Каззы взял сына и привез во свое жилище и потом поселился на ровном своем месте, где малая текущая река именуемая Дурдурый, промеж двумя текущими реками Урас, Хвас и Урас-Донс»¹⁶⁶.

Подводя итоги русско-осетинских отношений в 50–60-е годы XVIII века, М. М. Блиев пришел к выводу, что эти связи приобрели в тот период разносторонний характер как в экономическом, так и в политическом плане. Возможность решения в перспективе такого важного вопроса, как наделение землей на плоскости, рож-

дало у осетин большие надежды в укреплении их экономического положения. Хотя юридически не было еще возможным обеспечение внешней безопасности Осетии, сам факт установления русско-осетинских отношений и их развитие в 50–60-е годы XVIII века создавали для осетин благоприятную обстановку.

В этом отношении, по мнению М. М. Блиева, определенное значение также имели попытки русского правительства привлечь кабардинских князей к «охране» Осетии¹⁶⁷.

Основание в 1763 году г. Моздока значительно усилило военнополитические позиции России в этом регионе. Это обеспечивало утверждение русского влияния не только на Северном Кавказе, но и давало возможность более прочных связей с Грузией. Во всех этих процессах Кабарда по-прежнему продолжала играть весьма положительную роль.

Как показывают документы, в описываемое время малокабардинскому владельцу Асланбеку Талостанову за налаживание отношений с осетинами, «живущими на дороге в Грузию», русское правительство определило ежегодное жалование¹⁶⁸.

Кабардинцы оказали значительную помощь геологическим экспедициям в Осетию, организованным правительством России в 60-е – начале 70-х годов XVIII века. Коллегия иностранных дел испытывала затруднения в организации разведки залежей цветных металлов на ее территории из-за сложных политических событий. В рескрипте, направленном ею астраханскому губернатору Н. А. Бекетову в декабре 1767 году, говорилось: «Щастливая только война с Портою Оттоманскою, начинаемая когда либо со здешней стороны по важным причинам или с ее стороны объявляемая по каким-либо намерениям может облегчить предприятие горных работ как в Осетии, так потом и в других тамошенных местах. Ибо для того надобно будет при воспоследуемом мире употребить все старание выговорить в здешнее подданство кабардинский народ как в тамошней стороне знатнейшим почитаемой и примеру которого и другие следуют»¹⁶⁹.

Одним из членов первой геологической экспедиции ротмистр А. Киреев в докладной записке от 21 июля 1768 года о поездке в Осетию писал: «... во-первых, заехали в жилище Малой Кабарды владельца Росломбека Таусултанова, но, не получа ево в доме, явились той же Кабарды ко владельцу Ботоке Таусултанову, коим приняты ласково, и под провожением ево проезжали во осетинское подворье. А оттуда в Куртатинский уезд, где оной владелец Боток остался...»¹⁷⁰

Следующая экспедиция в Осетию была направлена в 1771 году под начальством ротмистра А. Батырева и горного мастера А. Кирхнера. Сопровождали экспедицию кабардинские уздени Давлатуко и Ботоко Анзоровы, Мисост Дыкинов¹⁷¹. Рапорт Батырева от 2 декабря 1771 года о результатах его экспедиции в Осетию наглядно раскрывает ту большую роль, которую играли кабардинские владельцы в налаживании и упрочении русско-осетинских отношений. Члены этой экспедиции были задержаны куртатинским

влиятельным осетинским феодалом Бахтыгиреем Есиевым, у которого осенью 1769 года в стычке с военной командой казаков был убит брат.

В этой сложной ситуации, когда работа экспедиций могла прерваться, в переговоры с Б. Есиевым вступил Ботоко Анзоров. В указанном документе говорится: «Почему он (т. е. Анзоров. – К. Д.), поехав к нему, и уговаривал и чрез то не стал препятствовать, потому что оной узденъ убитому казаками доводился в емчекстве и при том же он, объявляя тому старшине Есиеву, что де о сем нечаянном убийстве Россия поныне не ведает, ныне как он, так де и я о сем главной команде донести имеем может и оставлен монаршескою милостию не будешь. А оной узден Ботока в сем нужном случае услужил и впредь а Российской стороне служить в нужных необходимых случаях будет»¹⁷².

Таким образом, благодаря усилиям кабардинского первостепенного узденя Б. Анзорова экспедиция смогла продолжить свою работу.

В результате успешного завершения для России войны с Турцией (1768–1774 годов) был заключен Кючук-Кайнарджийский договор, который ликвидировал все препятствия политического характера в деле присоединения Осетии к России. Это стало возможным благодаря 21 статье договора, согласно которой был ликвидирован так называемый «нейтралитет» Кабарды. Учитывая существовавшую определенную связь осетин с кабардинцами, русское правительство считало уже решенным вопрос присоединения Осетии к России.

В своем рапорте правительству астраханский губернатор отмечал: «Как Кабарда почитает осетинский народ своим подданным, то и оный, с нею соединенный, подлежит к здешней стороне»¹⁷³.

Глава Коллегии иностранных дел России Н. И. Панин сообщал князю Г. А. Потемкину, что осетины «с управлением Кабардинского народа губернатором астраханским находятся в связи и соответствии неразрывных, и дело имея с одним народом, надобно иметь уже и с другим»¹⁷⁴. Таким образом, в 1774 году основная часть Северной Осетии вошла в состав России, что имело объективно прогрессивное значение для политической, экономической и культурной жизни осетинского народа¹⁷⁵.

Тесные связи между соседними горскими народами обусловили возникновение союза трудовых масс. Кабардинские, балкарские и осетинские крестьяне выступали сообща против своих угнетателей в лице господствующей знати. Это наглядно проявилось в период восстания дигорских крестьян в 1781 году. К восстанию примкнули «черкесы» и балкарцы, а также отряд абрека Бекба (Бецба). Л. Л. Штедер, очевидец этих событий, в сообщениях генералу Фабрициану писал, что Бекба «принес присягу вместе с дигорцами, объединился с общинниками и требует принесения формальной присяги в верноподданстве. Он служил с большим усердием на пользу России»¹⁷⁶.

Соседние горские народы неоднократно выступали совместно против иноземных захватчиков. В 1770 году была создана «Горская команда» из кабардинцев и осетин в количестве 206 человек¹⁷⁷. Она вошла в состав военного гарнизона Моздока, и в период русско-турецкой войны приняла в ней активное участие.

Кабардинцы и осетины вместе с русскими войсками участвовали 3 июня 1774 года в сражении под Моздоком против крымско-турецкого войска¹⁷⁸. В 80-х годах по указу Г. А. Потемкина были созданы боевые команды из кабардинцев, осетин и ингушей¹⁷⁹. Приказ Потемкина от 26 декабря 1786 года устанавливал относительно Кабарды: «Обе Кабарды должны составлять общество военное, по примеру прочих легких войск. Князьям и узденям отворяется путь по службе их». В Большой Кабарде предполагалось организовать 6 сотен, в Малой Кабарде – 3 сотни¹⁸⁰.

Под командованием генерал-майора Горича (кабардинца по происхождению) эти команды приняли активное участие в русско-турецкой войне 1787–1791 годов, впоследствии они служили «с отличием и против шведов»¹⁸¹. Большое количество особо отличившихся из числа горцев были представлены к награждению. Среди особо отличившихся первый владелец кубатийский Кирман Кубатиев, которому был присвоен чин секунд-майора, владелец Айтек Туганов и старшина Кайтук Байгириев были пожалованы в капитаны¹⁸².

Одним из важнейших последствий присоединения Осетии к России являлось возникновение осетинской письменности, распространение грамотности и усвоение осетинами русского образования и культуры¹⁸³. Во многом этому способствовала деятельность Осетинской духовной комиссии. 24 апреля 1775 года астраханский губернатор П. Н. Кречетников отмечал: «Как уже от 2 декабря 1774 года Вашему Императорскому Величеству реляциею моею донесено, что, сами Малой Кабарды два владельца Кайтука и Келемет Ахловы, и потом все осетинские старшины двадцать человек письменно просили Осетинское подворье возобновить и в том строении помогать обещались защищением от разных нападений и сами вышед из гор, около оногo поселитца»¹⁸⁴.

В заключение укажем, что «в истории взаимоотношений кабардинского, русского и осетинского народов благотворными были результаты культурного взаимоотношения, которые прослеживаются в материальной и духовной культуре каждого из них»¹⁸⁵.

* * *

Адыго-абазинские отношения своими корнями уходят в глубь веков. В своих исследованиях абазинского языка А. Н. Генко писал: «Термин абадзе или абаза очень древнего происхождения... и имеет собирательное значение: так назывались представителями черкесских (адыгских) племен все племена абхазские, объединяющиеся общностью языка и культуры и жившие к югу от черкесов, главным образом в горных долинах Причерноморья... На основе

этого-то черкесского термина абаз... с XVIII века упрочился русский термин «абазин»¹⁸⁶. Абазинское население северных склонов Кавказского хребта (тапанты и шкарауа), переселившееся сюда до XVI века, рано вошло в орбиту политического и культурно-языкового влияния кабардинцев¹⁸⁷.

Абазины в пределах Северного Кавказа упоминаются в русских и турецких источниках середины XVII века¹⁸⁸. Л. И. Лавров приводит сведения об одном из абазинских племен – дудуруковцах в пределах Северного Кавказа, относящиеся к 70-м годам XVI века¹⁸⁹.

И. Л. Дебу, основываясь на преданиях кабардинцев и абазин, писал, что река Кубань отделяла абазинцев от кабардинского народа¹⁹⁰.

В «Истории адыгейского народа» Ш. Б. Ногмов отмечает, что легендарный предводитель кабардинцев Инал* оказывал «особые милости» князьям Аше и Шаше, а первая его жена была дочерью «славного... абазинского князя Ашева»¹⁹¹.

Живя рядом, кабардинцы и абазины часто выступали совместно против внешних врагов и помогали друг другу в тяжелые времена. Например, в период нашествия аварского хана, кабардинцы побеждают врага, прибегнув «под защиту абазинцев и бесланеевцев»¹⁹². В середине XVI века северокавказские абазины вместе с адыгами обратились к русскому царю за помощью в борьбе против агрессии турецко-крымских войск. Прибывшие в Москву к царю Ивану IV «черкасские государи князи Маашук-князь да князь Иван Езболуков да Танашук князь били челом, чтобы их з землями взял к себе в холопи, а от крымского царя оборонил»¹⁹³. В 1555 году в Москву «приезжал «Тутарык-князь, Езболуев княжий сын», здесь он крестился, «и в крещении Тутарыку дали имя князь Иван»¹⁹⁴. Е. Н. Кушева и Ч. Э. Карданов считают, что Иван Езболуев был абазинским князем¹⁹⁵. По мнению Е. Н. Кушевой, именно Тутарык упоминается под именем абазинского мурзы Додоруко «в родословной Черкасских князей», составленной в XVII веке¹⁹⁶.

Впоследствии внук Додорука (Тутарык) Кази был крещен под именем Василия Кардануковича Черкасского, и остался в России. Он женился на дочери влиятельного боярина Ивана Мстиславского. В 1598 году Василий Карданукович был возведен в боярский сан.

В одном из документов за 1591 год упоминается, что князя Борис (Хорошай) Камбулатович и Василий Карданукович Черкасские встречали посланцев Мамстрюка Темрюковича Черкасского в Москве, где ему «они помогли купить и подарили в общей сложности 36 панцырей»¹⁹⁷.

Князь Василий Карданукович участвовал в Ливонской войне, а также возглавлял полк во время отражения нашествия крымского хана на Москву в 1591 году. Многие годы он нес охранную службу на южных рубежах страны, был воеводой в Смоленске и Пе-

* Л. И. Лавров считает, что есть основания предполагать, что родоначальник всех кабардинских князей Инал происходил из абазин (Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 46–47).

реяславле-Рязанском. В 1607 году он был убит сторонниками Лжепетра¹⁹⁸.

Ш. Б. Ногмов, говоря об отношениях кабардинцев и абазин, писал, что они «жили в мире и согласии»¹⁹⁹.

Как и у всяких соседей, между кабардинцами и абазинами не все было так гладко, как писал Шора Ногмов, но в основном он прав, так как кабардинцы и абазинцы в течение длительного времени живя рядом приходили друг другу на помощь, часто выступали совместно против общих врагов, вступали в родственные отношения и т. д. Еще в 1570 году, когда крымские войска под предводительством царевича Алди-Гирея вторглись в Закубанье, напав на «баазытских черкесов»²⁰⁰, которые, по мнению Е. Н. Кушевой, являются абазинами, им на помощь приходил кабардинский князь Темрюк. В этом бою Темрюк Идаров – старший князь Кабарды был ранен, а два его сына Мамстрюк и Булгайрук попали к крымцам в плен²⁰¹. Несмотря на большие потери, кабардинцы и абазинцы заставили отступить Алди-Гирея. После того, как в 1571 году хан Давлет-Гирей совершил поход на Москву и сжег ее, в связи с активизацией турецко-крымского давления на Северный Кавказ, наступает временное ослабление кабардино-русских и абазино-русских связей²⁰².

В то же время взаимоотношения кабардинцев и абазин продолжали укрепляться. В 1614 году родной брат боярина Василия Кардануковича Черкасского Алкас Кардануков вместе с Кулмурзой Кайтукиным (двоюродный брат Кази Пшеапшокова) ездили в Терки в качестве личных представителей Кази Пшеапшокова с прошением на имя царя Михаила Федоровича о присылке ратных людей против «недругов» Кази²⁰³.

В следующем 1615 году, как упоминает документ, предупредить Кази Пшеапшокова о походе крымского хана на адыгов приезжал уздень абазинского князя Арзубека²⁰⁴.

Взаимоотношения кабардинцев и абазин вытекали из сложного комплекса отношений между Россией, Крымским ханством и народами Северного Кавказа. Будучи союзниками, они в зависимости от политической ситуации иногда занимали противоположные стороны. Известны случаи и набегов друг на друга²⁰⁵.

Абазинцы Северного Кавказа вместе с адыгами вели многовековую борьбу с крымской агрессией, но не всегда могли противостоять экспансии ханов и их вассала Малого Ногай и вынуждены были временами подчиняться диктату. Так, в отписке Терского воеводы от 6 августа 1616 года, где говорится о приготовлениях крымского хана к походу через Северный Кавказ в Закавказье в числе народов, участвовавших в этом походе, упоминаются и абазинцы²⁰⁶.

Но в целом в борьбе с турецко-крымской агрессией абазинцы, как и кабардинцы, ищут поддержки и покровительства Москвы.

Удаленность абазин от русских пределов препятствовала тогда установлению прочных связей с Русским государством, которые во многом зависели от позиции Кабарды, находившейся между абазинами и ближайшими русскими укреплениями²⁰⁷.

В 1634 году абазинский князь (мурза) Кумургука Отлепшукин

Лоов в Терской крепости сообщал: «брат его большой Цека-мурза абазинской владелец, с ними, з братьею своею 12 человек, и с со всеми своими абазинскими людьми... прислали ево, Кумургуку, бити челом тебе, государю... чтобы ты, государь, их пожаловал, велел им, Цеке з братьею, и со всеми своими людьми быть под твоею государевою высокою рукою»²⁰⁸.

Отношения кабардинцев и абазин, как мы отмечали, периодически осложнялись. Одной из причин этого, наряду с другими, была феодальная раздробленность обоих народов, и различные политические ориентиры феодальных группировок. Турецкий султан и крымский хан, недовольные укреплением русско-кабардинских связей, настраивали против сторонников русской ориентации на Северном Кавказе шамхала Тарковского, а также группировку кабардинских князей, придерживавшихся крымской ориентации. Москва, в свою очередь, оказывала прорусски настроенным феодалам существенную помощь²⁰⁹.

О раздробленности абазин свидетельствует тот факт, что на верность России в 1634 году присягал только один абазинский князь — Лоов Кумургуко. Но уже в 1643 году абазинские князья Хачмка Джантемиров, Сарали Лоов, Казый Доруков, Кансох Бибердов, Алкас Бегишев и Джаным вместе с кабардинскими князьями Алегуко и Хатохшоко (Атажуко) присягнули на верность России²¹⁰. Здесь следует добавить, что кабардинские князья Алегуко Шогенуков и Хатохшоко Казиев после разгрома своих противников в Малкинской битве 1641 года, боясь последующих нападений феодальной группировки, которую поддерживало русское правительство, ушли «за Кубань реку под Абазы»²¹¹.

Некоторые абазинские князья находились в феодальной зависимости от князей кабардинского рода Кайтукиных. Поэтому, когда Алегуко и Хатохшоко, чтобы дать присягу России приехали в Терский город из абазинских земель, где скрывались от своих противников, их сопровождали и абазинские владетели. Можно сказать, что абазинские князья присягнули России под влиянием и при непосредственном участии кабардинских князей²¹².

Точное время установления зависимости абазин от кабардинцев неизвестно. Кабардинские фольклорные источники утверждают, что абазин покорил Хатохшоко (Атажуко) Мисостов*. Л. И. Лавров приводит другое предание, относящееся к середине XVIII века, о том, что их покорили князья Чегенук и Казии**, жившие в начале XVII века²¹³.

Вероятнее всего установление зависимости абазин от кабардинцев было все же длительным актом. Возможно, намек на какую-то форму их зависимости мы находим в документах за 1643 и 1652 годы, в которых говорится о принесении шерти Алегуко Шогенуковым²¹⁴. К такой версии можно склониться, если исхо-

*Хатохшоко Мисостов — сын Мисоста Казиева, внук Кази Пшеапшокова. Жил во второй половине XVII века.

** Чегенук и Казии — старшие сыновья Пшеапшоко Кайтукина.

доть из расчета распределения подарков после принятия им шерти. Если подобное предположение справедливо, то началом установления вассальной зависимости абазинских князей от кабардинских можно считать 40–50 годы XVII века. Этот процесс зашел довольно далеко, но к концу XVIII века так и не был до конца оформлен. Причина здесь в том, что раздираемая внутренними противоречиями, вызванными феодальными междоусобицами и находившаяся под угрозой постоянных вторжений, Кабарда, не имевшая оформленного государственного аппарата, не могла в полном объеме вести длительную борьбу за окончательное подчинение абазин.

Впервые в письменных источниках о зависимости абазин от кабардинцев упоминается в прошении князя Большой Кабарды Магомед Атажукина (сын уже упомянутого Атажуки Мисостова) императрице Анне Иоанновне от 5 марта 1731 года, где он писал: «имеется ж при реке Кубань деревня наша, в которой живет народ абазинский»²¹⁵.

Во время беседы в Коллегии иностранных дел Магомед Атажукин (он был послом от кабардинских феодалов в российской столице) говорил, что «абазинский народ из древних лет еще у предков их, кабардинцев, во владении были»²¹⁶. В качестве давнего местожительства абазин Атажукин указал левую сторону реки Баксан, где до 1723 года находилось, по его утверждению, 800 абазинских дворов, которые могли бы выставить 2000 воинов²¹⁷.

Крымско-турецкая агрессия, вне всякого сомнения, была одной из важнейших причин переселения части абазин с реки Кубани ближе к кабардинцам, к реке Баксан. К. Ф. Дзамихов и Ш. Ш. Хуранов, ссылаясь на сообщения И.А. Гюльденштедта о том, что абазины платят дань Большой Кабарде «потому что народы Большой Кабарды прежние свои жилища, отступая далее на восток к Баксану и Тереку, им уступили», считают, что их переселение сюда произошло во второй половине XVII века²¹⁸.

Продвижение к Баксану и союз с кабардинцами способствовали более успешному противостоянию крымской агрессии, этим можно объяснить и то, что между абазинскими и кабардинскими феодалами устанавливается неравный союз, в котором первые фактически становятся зависимыми от вторых. На наш взгляд, в основе этого союза лежало договорное начало «за уступленную территорию».

Сохранились скудные и довольно поздние данные о характере этой зависимости. Кабардинские феодалы требовали ежегодно по барану с каждого абазинского двора. Кроме того, абазины были обязаны содержать у себя на всем готовом княжеских представителей²¹⁹.

В 1743 году кабардинский князь Магомед Атажукин, в бытность его вторично послом в Петербурге, утверждал, что «теми абазинскими шестью деревнями еще прадед их Кази владел»²²⁰. Об этом есть подтверждение в записи, составленной в Коллегии иностранных дел, где говорится «об абазинах, их местожительстве и подданстве»²²¹.

В это можно верить, если иметь ввиду, что в 1720 году крым-

ские татары и ногайцы захватили на реке Баксан 200 абазинских дворов и, переселив в Закубанье, превратили их в подданных крымского хана²²². Они были возвращены в 1738 году во время русско-турецкой войны кабардинскими князьями Магомедом Кургокиным и Кара-Мурзой Алеевым, совместно с калмыцким ханом Дондук-Омбо, которые, совершив поход за Кубань, «завоевали ногайцев и перевели на реку Куму шесть абазинских селений»²²³.

Ведя борьбу за независимость, абазины всегда вынуждены были учитывать военно-политическую обстановку и прибегали к тактике лавирования. Когда в 1745 году на абазинские селения напал кубанский сераскир с целью взятия у них ясака, то ему объявили, что абазины подданные российские, «а ведомства владельца Арслан-бека Кайтукина» отказались платить дань. Тогда произошел бой на реке Лабее, со стороны сераскира были убиты 100 ногайских воинов и мурза Кагай Сыртланов. Абазины также понесли большие потери, погиб абазинский владелец Касай Лоов и 80 его знатных узденей²²⁴.

При более благоприятной обстановке абазины оставались в «старых своих жилищах», т.е. на левобережье верхней Кубани, и пытались не признавать зависимости от кабардинских феодалов, которые такие попытки всячески стремились пресекать.

В 1748 году Турция жаловалась в Петербург на кабардинцев, которые укрывают у себя абазинских беглецов из Закубанья и сами «сильно уводят и внезапно на Кубань побегами» причиняют вред турецким подданным²²⁵. В ответ на «жалобу» Турции России, кабардинские князья сообщили русскому правительству, что «абазинский народ точно издревле наш, и деды и прадеды их нам были послушны, и хану крымскому никакого до них дела нет»²²⁶.

Эти «жалобы» турок были очередным поводом для их вмешательства в дела кабардинцев, которые после Белградского мира 1739 года получили «независимость»; кабардинские же феодалы считали, несмотря на превращение реки Кубань в границу, абазинцев своими подданными и поэтому переходили границу, которую без них установили во время заключения мирного договора в 1739 году. Так, в 1764 году «баксанские владельцы отъехали за Кубань, ради усмирения и приведения под свою власть подвластных им абазинцев, алтыкесек называемых»²²⁷.

Абазины (тапанта) обитали как по реке Куме, так и по обеим берегам Кубани, что являлось источником многих дополнительных споров между Россией и Турцией. Российское правительство решительно отвергало притязания крымского хана на абазинцев-алтыкесек. При этом пресечены были старания хана Арслан-Гирея распространить свою власть и на Кабарду. Россия указала турецкому правительству, «что кабардинцы, как древние покровители абазинцев, при заключении Белградского договора получили подтверждение прежних своих прав; следовательно, притязания крымского хана на абазинцев нарушают свободу кабардинцев»²²⁸.

Абазины, особенно тапанта, тяготились зависимостью от кабардинских князей и искали случая с помощью России освобод-

диться от этого зависимого положения. Но абазинский вопрос был частью другого, более важного в то время для России – кабардинского. В силу этого и политика России в отношении абазинов зависела от событий вокруг Кабарды²²⁹.

В 1767 году кто-то из абазин (тапанта) убил кабардинского князя, последние немедленно предприняли меры и стали разорять абазин. В такой ситуации абазины (тапанта), не получая поддержки от России, ищут ее у крымского хана²³⁰. В 1774 году в лагере крымского хана на реке Малке находились тапантовцы и другие абазины. Этот поход не имел успеха, но нас в данный момент интересует позиция некоторых абазинских феодалов, которые, не находя поддержки у России в борьбе с кабардинскими феодалами, стали на сторону Крыма, который, в свою очередь, использует их в борьбе с Россией.

После Кючук-Кайнарджийского договора 1774 года Россия создает укрепленную линию от Азова до Моздока. Через десять лет возникают русские укрепления по соседству с абазинами: Прочный Окоп и Преградный Стан, а также ряд редутов: Невинномысский, Убеженский, Григориполис и Темишбек²³¹.

Политика генерала Фабрициана, заключавшаяся в том, чтобы воспрепятствовать кабардинским князьям взимать дань с абазин, как независимых от кабардинцев, была недолгой. В 1785 году русское командование на Кавказе поддержало решение кабардинской знати (встреча состоялась на реке Гунделен) и вынесло решение, подтверждавшее зависимость от нее абазин²³².

В 1786 году абазины «по неудовольствию на кабардинцев» бежали в Северный Карачай. Царские войска, посланные в погоню за ними, в тот раз не смогли вернуть беглецов²³³.

В русско-турецкой войне 1787–1791 годов на Северо-Западном Кавказе активно действовал отряд в девять кабардинских сотен под командованием Ивана Горича Большого (Бегидова) – кабардинца по происхождению. На сторону России перешли и некоторые абазинские и бесланевские владельцы с их подвластными²³⁴, принимавшие участие в войне с Турцией. Надо думать, что это произошло не без влияния кабардинских князей.

В 1788 году большое кабардинское ополчение, уже насчитывавшее 5000 всадников, «покорило злодейских [непокорных] бабехерских владельцев», а затем «злодейских горских башильбайцев»* за набеги, производимые на Кабарду и перевело их на правый берег Кубани. Эту операцию осуществил Иван Горич Большой²³⁵.

В декабре этого же года, узнав, что отряд турок совместно с 300 абазинами, имея при себе две медных пушки, следует к Суджук-кале, генерал Горич, «взяв с собою кабардинских князей премьер-майоров Атажуку Хамурзина, Ислама Сидак Боматова, секунд-майоров Араслан-бека и Кучука Такмазовых (эти двое брагунские владельцы. – К. Д.), Беслама Касаева, Исмаила Темрюк

* Бабехерские – искаженное басхечские, т.е. абазинские; башильбайцы, масыльбеевцы – абазины шкораяу.

Аджиева (предполагаем, что это Измаил Атажукин – пермонтовский Измаил-бей. – К. Д.), бес чинов князей Кургоку и Мурзу Карамурзиных... с 500 лутчими панцирными наездниками погнался вслед неприятелей, догнав за рекою Лабой, подрался, отбил у оных две неприятельских шестифунтовых пушек»²³⁶. Пленные абазины были возвращены на прежние места.

Но зависимость от кабардинских князей продолжала вызывать недовольство абазин. И в 1789 году наиболее крупный абазинский феодал Сарали (Сарал-Ипа) Лоов вновь бежал за Кубань²³⁷.

Желая взять реванш за поражение от русских войск на Дунае, Турция активизирует свою деятельность на Кавказе. Трапезундский Батал-паша с большим войском двинулся из Анапы на восток в район Пятигорья. Несмотря на превосходство в военной силе, турки были разгромлены на Кубани. Абазины не поддерживали турок, а наоборот, при отступлении нападали на них. Многие турки попали тогда к ним в плен.

Ранее бежавшие за Кубань абазинские феодалы Джамбулат и Сарали Лоовы тогда же попытались увести с реки Кумы своих подданных, но встретили с их стороны сопротивление²³⁸. Не имели они желания вновь войти в подчинение кабардинским князьям. Чтобы усмирить абазин, феодалы Кабарды в 1796 году организовали вооруженный поход на реку Куму, но русские войска отразили их нападение²³⁹.

В конце 1799 – начале 1800 годов кабардинский князь Адиль-Гирей Атажукин бежал к закубанским абазинам (дудуруковцы) и увел силой живших на Куме абазин²⁴⁰.

Необходимо отметить, что военные столкновения между абазинами и кабардинцами касались прежде всего феодальной знати. Это были столкновения отдельных группировок князей и уорков (дворян), чаще всего за влияние, подвластных и т. д. Часто в эту междоусобицу вмешивались Крым, Турция, Россия. В этих непрекращающихся междоусобных войнах страдали в основном простые люди.

Многовековые связи абазин и кабардинцев, какими бы сложными они порой не бывали, в конечном итоге сблизили эти народы. Этому во многом способствовало и то, что оба народа генетически родственны, принадлежат к абхазо-адыгской языковой группе²⁴¹.

С укреплением позиции России на Северном Кавказе и особенно в конце XVIII века зависимость абазин от кабардинских феодалов сильно ослабевает. В этот период часть абазинских аулов переселяется в Кабарду. Был и обратный процесс, многие кабардинцы, недовольные колониальными действиями русской администрации на своей Родине, уходят за Кубань, надеясь найти там лучшую долю.

Кабарда и развитие русско-грузинских отношений

Издавна во внешнеполитических связях Грузии важное место занимали северокавказские народы, в частности кабардинцы. Грузины, являясь их непосредственными соседями, поддерживали с ними тесные экономические, политические и культурные контак-

ты. Как показывают исторические источники, начиная с XVI века взаимоотношения Грузии и Кабарды были обусловлены общностью политических интересов – с одной стороны, они диктовались борьбой против ирано-турецких захватчиков, с другой – оба народа стремились к сближению с Россией. Учитывая, что именно через Кабарду, которая занимала центральное положение на Северном Кавказе, пролегал путь из Грузии в Россию, становится понятным огромное значение кабардино-грузинских связей в развитии русско-грузинских отношений.

Возникновение с конца XV века враждебного окружения в лице Турции, Ирана и Крымского ханства сблизили Грузию и Кабарду и обусловили их взаимную тягу к России. С 1557 года и на протяжении XVI–XVII веков кабардинские и грузинские посольства совместно представляли в Москве интересы своих народов. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные документальные материалы²⁴² и специальные исследования, посвященные русско-кабардинским, грузино-русским и грузино-кабардинским взаимоотношениям²⁴³.

Особенно тесными были связи между Восточной Грузией (Картли и Кахети) и Кабардой. Прибывшее летом 1557 года в Москву кабардинское посольство, обращаясь за покровительством к московскому царю и прося его о помощи в борьбе с врагами, заявило, «что с кабардинскими черкасы в одной правде и в заговоре иверский князь и вся земля Иверская (Кахети. – К. Д.) и государю с ним же бьют челом, чтоб государь царь и великий князь их потому же пожаловал, как и тех всех»²⁴⁴.

Документы Посольского приказа отражают большую роль, которую сыграл в развитии связей с Кахети во второй половине XVI века один из первых кабардинских дипломатов Хуршит. В этот период он служил при кахетинском дворе и принимал активное участие в переговорах с Россией в 1586 году²⁴⁵. Спустя год, Хуршит сопровождал русских послов Р. Биркина и П. Пивова в Грузию. 27 июля 1587 года по пути в Кахети посольство прибыло в Кабарду, где ему было оказано всяческое содействие кабардинским князем Алкасом²⁴⁶. В 1589 году упомянутый кабардинский владетель оказывал содействие посольству Семена Звенигородского и Торха Антонова в Кахети.

Правительство кахетинского царя Александра придавало важное значение дружественным взаимоотношениям с Кабардой, успешное развитие которых способствовало налаживанию благоприятных связей с Россией. Учитывая, что наиболее удобные пути сообщения проходили через территорию кабардинцев, кахетинские послы обратились в 1598 году к русскому правительству с просьбой о построении военной крепости на границе между Грузией и Кабардой²⁴⁷.

Контакты Кабарды с Западной Грузией (Имеретия) обеспечивались через «Анзорову Кабарду», непосредственно граничившую с грузинскими областями, и через территорию Балкарии. В мае 1650 года в Имеретию к царю Александру и поселившемуся у

него кахетинскому царю Теймуразу I было направлено русское посольство во главе с Н. Толочановым и А. Иевлевым для ведения переговоров. Русские послы прошли путь из Большой Кабарды, поднимаясь по рекам Псыгансу и Черек вверх по ущелью. Преодолев перевал Гезевцек, посольство вышло в Имеретию. Среди балкарских феодалов, оказавших содействие русско-грузинским переговорам в 1650 году, в документах упоминаются Айдабулла, Алибек, Бута, Хабим, Чеполов²⁴⁸. Путь, проходивший по рекам Псыгансу и Черек через ущелье, стал постоянно использоваться русскими и грузинскими посольствами. Например, в 1655 году через территорию Кабарды и Балкарии в Имеретию прибыло русское посольство во главе с В. Жидовиным и Ф. Прошиным²⁴⁹. Они привезли денежные средства («...600 ефимков, много соболей...»), выделенные русским правительством кахетинскому царю Теймуразу I в его борьбе с иранскими захватчиками.

Важное значение во взаимосвязях Грузии с Северным Кавказом и Россией имели пути, проходившие через Дарьяльское ущелье и Мамисонский перевал. Путь от Москвы до Грузии различные посольства совершали обычно в один конец за 3–4 месяца, если им не мешали какие-либо обстоятельства. Как свидетельствуют документы, «одна дорога, или скорее тропа из России шла через кавказские горы в Восточную Грузию, Кахетию, куда из города Терки через землю шамхала можно было добраться за 14 дней; а другая такая же тропа шла через Кабарду и спускалась в среднюю Грузию, Карталинию, через Ксанское или Арагвское ущелье, — эта последняя дорога была менее опасна»²⁵⁰.

В XVIII веке важное значение приобрел путь через Дарьяльское ущелье, известный впоследствии как Военно-Грузинская дорога. Когда в 1733 году русское правительство предложило Вахтангу VI представить письменно свои соображения о путях из России в Грузию, по которым могли выступить войска, картлийский царь назвал две дороги: одна — через Шемаху и вторая — через «Хеви», ущелье, в котором брал свое начало Терек. Давая характеристику второму пути, Вахтанг VI писал: «Другою дорогою, которою течет Терек река, Хевинскою, от черкесского князя Хазы (Кази. — К. Д.), коему дается Ея Императорского Величества жалование, до которого от гребенских казаков в сутки езда, а от Хазы до Чимита верст с тридцать»²⁵¹.

По указанным выше дорогам из Грузии в Малую Кабарду можно было попасть за несколько дней²⁵². Наиболее благоприятным для сообщений между Грузией, народами Северного Кавказа и Россией являлось летнее время²⁵³. С 1774 года, когда были упразднены Арагвское и Ксантское эриставства, стало более свободным движение через Дарьяльское ущелье.

Известный грузинский историк В. Н. Гамрекели в специальном исследовании, посвященном торговым связям Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке, дал обстоятельное описание главной и наиболее известной горной дороги, так называемой Военно-Грузинской²⁵⁴. Им делается вывод, что «это кратчайший и самый

удобный из всех горных путей, связывавших Тбилиси с Притеречьем, с предгорной равниной центрального и северо-восточного Северного Кавказа»²⁵⁵.

Говоря о политических связях Грузии, Кабарды и России в XVI–XVIII веках, надо указать на роль института проводничества в этих взаимоотношениях. По мнению В. Н. Гамрекели, который отвел этому вопросу специальное место в своем исследовании, проводничество являлось феодальным институтом, имевшим форму покровительства, подарков, услуг по взаимности²⁵⁶.

Обильный документальный материал XVIII века, связанный с этой традицией, относится к кабардинским феодалам. На дорогах, ведущих из Грузии в Россию и обратно, они обеспечивали безопасность государственных деятелей, посольств и различных должностных лиц. Известно много случаев, когда проирански и протурецки настроенные горские феодалы нападали на членов русских и грузинских посольств. В таких ситуациях последние всегда находили неизменную поддержку со стороны кабардинцев. Так, в 1653 году они защитили внука кахетинского царя Теймураза Николая, в 1680-х годах – имеретинского царя Арчила, в 20-х годах XVIII века – картлийского царя Вахтанга VI и т.д.

В первой трети XVIII века на этом поприще заметной фигурой был кабардинский владделец Адильгирей Гиляхстанов. Так, в 20-е годы, во время перехода Вахтанга VI со свитой через перевал в Дигорском ущелье, он был задержан осетинами. Когда об этом сообщили А. Гиляхстанову, он выехал в тот район «и, когда дигоры его, Аддигирея, увидели, немедленно разошлись и царя грузинского оставили в покое»²⁵⁷. Вахтанг VI, будучи в Петербурге в 1725 году, рекомендовал русскому правительству выдавать жалование кабардинским владельцам «Казы, Канчо, Аддигирею», через владения которых проходила дорога в Грузию²⁵⁸. Другой малокабардинский владделец Асламбек Талостанов за налаживание отношений с осетинами, живущими на дороге в Грузию, получал от русского правительства ежегодное жалование²⁵⁹. Можно обратиться и к более поздним документам. В апреле 1760 года генерал-майор И. Л. Фрауендорф в донесении к астраханскому губернатору А. С. Жилину о прибытии грузинского царя Теймураза на границу с Россией, сообщал, что при нем для препровождения находился князь Малой Кабарды Батоко Алиев с сыном и свитой в 100 кабардинцев²⁶⁰. За заслуги, оказанные Грузии и России, многие кабардинцы получали вознаграждения от русского правительства и грузинских царей. Часто им выдавались различного рода жалованные грамоты, дающие право на владение имением и зависимым населением²⁶¹.

Хотя на протяжении XVI–XVII веков связи России с Грузией расширялись и крепились, русское правительство в этот период не могло оказывать военной помощи грузинам в их борьбе за свою независимость. Поэтому эти взаимосвязи носили характер дипломатической, а в некоторых случаях финансовой поддержки Грузии со стороны России. В XVIII веке внешние связи и взаимоотно-

шения России с народами Северного Кавказа и Грузии приобретали новый качественный характер. К этому времени Россия выработала новый политический курс в своей восточной политике, и, в частности, по отношению к Кавказу. Если в XVI–XVII веках она ограничивалась укреплением своих позиций на Северном Кавказе и особенно в Кабарде, то теперь сложившаяся международная обстановка требовала ее присутствия в Закавказье.

В этот период на Ближнем Востоке произошла определенная перегруппировка сил. Феодалные распри и удары афганских племен привели к значительному ослаблению Сефевидской империи. Турция, пользуясь создавшимся положением, стремилась захватить иранские владения на Кавказе. Россия, которая успешно решила в начале XVIII века прибалтийскую проблему, могла активизировать свою восточную политику. С этой целью русское правительство во главе с Петром I организовало поход в Прикаспий, который должен был воспрепятствовать захвату этих территорий Турцией и Ираном и завершиться присоединением к России Дагестана и других районов Восточного Кавказа. В этой борьбе на стороне России активное участие приняли кавказские народы, подвергавшиеся постоянной угрозе со стороны Турции и Ирана.

Русские власти довольно отчетливо представляли, что от позиции, занимаемой кабардинскими владельцами, во многом зависит безопасность коммуникационных связей России с Грузией. В инструкции надворному советнику князю Мауравову от 27 мая 1769 году говорилось: «...Большой Кабарды владельцы, имеющие во всех горских народах инфлюэнцию, считают их себе подвластными, а важные причины были и теперь настоях сих владельцев не раздражать. Вы можете получить обстоятельное известие от кизлярского коменданта о состоянии и обстоятельствах всех тамошних народов, о взаимном их соответствии, о сопряжении их дел и с грузинскими и о здешних в рассуждении их правилах; но без сомнения, ни жители Малой Кабарды, ни осетинцы в проезде вашем с архиереем никакого препятствия не сделают, а охотно вас от места до места проводят и всякое способствование делать будут, к чему однако же кизлярский же комендант подготовить их должен»²⁶².

О большой роли Кабарды в связях России с Грузией говорит и тот факт, что в апреле 1775 года астраханский губернатор П. Кречетников предлагал в Малой Кабарде построить «город» для защиты «лутшей дороги в Грузию»²⁶³.

В первой четверти XVIII века Турция совершила ряд опустошительных походов в Центральное Предкавказье с целью закрепления в Кабарде (1707, 1720). Она стремилась захватить Хевско-Кабардинскую дорогу, которая являлась важной стратегической коммуникацией, соединявшей Грузию с Россией и игравшей важную роль в борьбе России против Турции и Крымского ханства²⁶⁴. В 1729 году грузинский царь Вахтанг VI известил генерал-фельдмаршала В. В. Долгорукова о планах турок построить крепость на Северном Кавказе, в частности, «в Хеви... близ Кабарды и Чече-

ня». Он писал: «...мое мнение на сие вам доношу, что которые места они требуют под крепости, то место, где Кази бывает, которому от Его Императорского Величества определено жалование. И ежели места оне получают и крепости поставят, то по здешней стране чачан, зурзун, гличви и лезгинцы у них будут. А с той стороны все осети, Большая и Малая Кабарда Черкесская, Крым и Кубань, все сообщатся и их будут. И ежели сие так сделается, то я чаю не без обиды российскому государству будет»²⁶⁵.

Учитывая эти предостережения, русское правительство решило прежде всего укрепить свои позиции в Кабарде. Было принято решение предупредить кабардинцев о намерениях Турции, о грозящей им опасности с ее стороны²⁶⁶. В данной ситуации Россия решила уделить особое внимание влиятельным кабардинским владельцам Исламбеку Мисостову и Кази Минбулатову. Причем указывалось: «... помянутой Кази живет в самом ущелье, где проход в Грузию, и тавлинцы в его послушании. Иною дорогою, кроме того ущелья, никак проче не можно. И когда посылаемые от нас провожатых от помянутого Кази, понеже живущие в том ущелье, все ему послушны»²⁶⁷. Генерал-фельдмаршал В. В. Долгоруков выделял две основные причины, ради которых России было необходимо усилить свое влияние в Кабарде; так как «... и сначала и нынче кабардинцы весьма желают быть в нашей протекции»²⁶⁸. Одновременно Россия стремилась с помощью Кабарды воздействовать на лезгин, чтобы как-то воспрепятствовать их набегам на Грузию.

В 30-х годах XVIII века российско-турецкие противоречия в отношении Кабарды и Дагестана настолько обострились, что привели к войне между указанными державами. Русская дипломатия в этот период пошла на определенное сближение с Ираном, чтобы иметь в лице последнего союзника или заручиться его нейтралитетом. В декабре 1734 года С. Голицын на конференции с Хулефом Мирзой Кафи – представителем иранского правительства, сообщил ему о намерении крымских и кубанских татар напасть на Кабарду, чтобы, пройдя через Северный Кавказ, соединиться с Сурхай-ханом и произвести нападение на Иран. Представитель иранского правительства выразил надежду, что Россия может помешать турецким планам²⁶⁹.

В 1735 году Россия и Иран заключили Ганджинский договор, по которому Россия признала власть персидского шаха над Дагестаном. Заключенное соглашение, а также политика, проводимая Россией по отношению к Северному Кавказу, Грузии, вызывали раздражение Турции и обусловили ее разрыв с Петербургом. Правительство России в спешном порядке начало усиливать свои военные укрепления на Северном Кавказе. В Кабарду был направлен грузинский царевич Бакар Вахтангович, состоявший в родственных отношениях с кабардинскими владельческими семьями²⁷⁰.

В сложившейся ситуации Грузия по-прежнему настойчиво обращалась к России с просьбой о возведении крепости на кабардинской территории. Так, в 1739 году кутаисский митрополит Ти-

мофей Габашвили, являющийся имеретинским послом в России, напоминал в одном из своих писем вице-канцлеру А. И. Остерману о том, что имеретинский царь Александр просил, чтобы «на пути от российской империи к милетийскому царству между обоими подданными российскими Кабардами горских черкес на реке Терках близ вершин построить российскую крепость, чрез которую крепость все тамошние российские подданные черкесские и горские народы в совершенном подданстве утверждены быть и всякие касающиеся до российской империи от милетийского царства ведомости пересылаться»²⁷¹. Готовясь к отъезду из России в Имеретию, митрополит Тимофей, опасаясь происков турецкой агентуры на Северном Кавказе, ходатайствовал перед русским правительством, чтобы находившийся на русской военной службе полковник Эльмурза Бекович Черкасский специально написал своим родственникам в Кабарду об обеспечении безопасности его проезда²⁷².

Русско-турецкая война 1736–1739 годов развязала руки Ирану, стремившемуся разрешить проблему Закавказья и Северо-Восточного Кавказа в свою пользу. Надир-шах имел далеко идущие планы. С покорением Грузии и Дагестана он намеревался захватить Кабарду и выйти к Волжско-Астраханской водной магистрали, создавая непосредственную угрозу южным границам России²⁷³. Таким образом, сложившаяся политическая ситуация требовала объединения усилий России, Грузии и народов Северного Кавказа и выступления единым фронтом против турецкой и иранской экспансий.

Грабительская эксплуатация Грузии в период господства иранцев привела к экономическому упадку страны. В Восточной Грузии было введено новое административное деление, насаждались иранские порядки управления и налоговая система. Грузинский социально-политический строй («картвелоба») заменялся иранским («кызылбашоба»). Сельское и городское хозяйство были значительно подорваны. Грузия, и в особенности Картли, подверглась беспощадному грабежу²⁷⁴. По сведениям грузинского историка XVIII века Папуна Орбелиани, в Картли в 1741 году начались выступления против иранцев. Возглавлял их эристав Шанше Эристави. Шах отобрал у него эриставство и передал его карталинскому наibu (наместнику края) Гиви Амилахвари (Амилахори). Последний возглавил освободительную борьбу в Картли в 1742–1745 годах. Гиви Амилахвари придерживался в своих действиях российской ориентации. Как свидетельствует П. Орбелиани, значительную помощь ему оказывали черкесы и осетины²⁷⁵. Восстание под руководством Г. Амилахвари служило общим интересам антииранской борьбы кавказских народов и способствовало подрыву широких захватнических намерений Надир-шаха (подчинение Дагестана, нападение на Россию и т.д.). По мнению Д. И. Ломидзе, оно во многом содействовало успеху глубоко продуманной политики Теймураза II, его воцарению в Картли и восстановлению суверенитета картлийского царства²⁷⁶.

Междоусобия, охватившие Иран после смерти Надир-шаха в 1747 году, значительно ослабили его позиции на международной арене. В то же время, в этот период Турция упрочила свое положение в Западной Грузии и Картли, она наводняла своими агентами Кабарду и Дагестан, стремясь их настроить против России. Все это приводило к дальнейшему обострению русско-турецких отношений.

40-е годы XVIII века ознаменовались существенными изменениями и во внутривнутриполитической жизни Грузии. Через многие годы, почти сто лет спустя, в Восточной Грузии престол заняли христиане-монархи: в Картли – Теймураз II, в Кахети – Ираклий II. Указанный факт сыграл важную роль в деле сплочения и организации народных масс в борьбе за свою независимость. Ослабление Ирана позволило восточно-грузинским царям установить свое покровительство над Ереванским и Нахичеванским ханствами²⁷⁷.

Цари картлийский Теймураз II и кахетинский Ираклий II в своей борьбе с иранцами, а также владельцы пограничных с востоком Грузии ханств (Ганджинского, Ереванского и Нахичеванского) в 40-х – начале 50-х годов XVIII века начинают проводить политику широкой опоры на вооруженные силы Кабарды. В 1750 году ганджинский хан Шеверди, по сообщениям источников, обратился за помощью к Ираклию II. Объединенное войско грузин и северокавказских горцев выступило из Тбилиси в феврале 1750 года. Оно нанесло жестокое поражение персам в Самшадиле. После чего, по словам П. Орбелиани, «царь отпустил черкесского повелителя, дал много чего ему и его войску, а также войску потусторонних осетин и отправил в свои страны»²⁷⁸. Ираклий II вновь воспользовался помощью кабардинцев в 1751 году, когда он одержал блестящую победу над владельцем Тавриза Азат-ханом, совершившим поход на Ереван²⁷⁹.

Особое значение для Восточной Грузии имела поддержка, оказываемая ей Кабардой в борьбе с Чар-Белаканами, которая являлась очагом постоянных набегов на грузинские земли. Прибывшее в ноябре 1752 году в Москву совместное карталийско-имеретинское посольство просило содействия русского правительства в борьбе с дагестанскими феодалами. Послы добивались присылки в Грузию вооруженного отряда казаков или же военных отрядов из Кабарды²⁸⁰. Подчеркивая на переговорах значение вооруженной помощи кабардинцев для грузин, один из послов – кахетинский князь С. Макашвили отмечал, что дагестанские феодалы, узнав о привлечении грузинскими царями черкесов, были повергнуты в страх, решив, что последние были посланы русским правительством, и оно взяло под свою защиту Грузию²⁸¹.

П. Орбелиани писал об одном из таких совместных походов против сторонников Ирана: «сразились, одержали над леками большую победу..., преследовали их до подножия горы Орбодзли; возвратились с победой и большой добычей черкесы и грузины»²⁸².

Неустойчивая международная обстановка, отсутствие собственных достаточных сил для отпора внешним агрессорам обуславливали неоднократное обращение грузинских царей к северокав-

казским народам, в частности, к кабардинцам. Особенно часто Ираклий II обращался к князьям Малой Кабарды. Его успехи в борьбе с врагами вызывали тревогу правящих кругов Турции, которые считали их плодом помощи со стороны России.

В 1752 году возникла угроза нашествия хана Шеки-Шервана Аджи-Чалаба на Грузию. В связи с этим в Кабарду было направлено грузинское посольство во главе с Мерабом Зедгинидзе²⁸³. Ответное посольство из Кабарды в Грузию возглавляли малокабардинские дворяне Тахушино Качбекинов и Догжи Качажоков²⁸⁴. Результаты переговоров были положительными.

Ввиду вражеской угрозы Ираклий II направился в сторону Кабарды и остановился в Хеви²⁸⁵. Сюда, в Арагвское ущелье, подошло войско из Кабарды, к которому присоединились осетины (тагаур-картаули). Источники называют разные цифры о количестве кабардинского войска – от двух до четырех тысяч человек²⁸⁶. Пока объединенное войско горцев во главе с царем Ираклием II двигалось к Картли, враг успел уже занять грузинские земли от Шамшадилу до Алгети²⁸⁷. Тогда царь Теймураз II собрал кахетинцев и карталинцев и напал на противника, стоявшего лагерем в Байдаре. Неприятель начал отступать. Решающее сражение произошло на р.Загли на границе Казах-Шамшадилу. В нем особенно отличились кизикские крестьяне и кабардинское войско²⁸⁸. Вообще надо отметить, что грузинские источники, повествуя об этих событиях, выделяли храбрость и высокие боевые качества кабардинцев. П. Орбелиани писал: «Обратили в бегство сына Аджи-Чалаба и хана ганджинского, врезались черкесы (в ряды противника) и, как кошек, рубили кизилбашей, сын правителя Большой Черкесии (Кабарды) по имени Керуко вторгся в ряды кизилбашских войск с таким видом, словно шел на пир. Он проявил такую львиную отвагу, что и перехвалить его нельзя. Там и все черкесское войско сражалось доблестно и хорошо поработало мечом»²⁸⁹.

Таким образом, благодаря умелой политике, энергичным военным действиям Теймураза II и Ираклия II, а также помощи, оказанной Грузии со стороны Кабарды и других горских народов, коалиция проиранских ханств, угрожавшая юго-восточным границам Картли – Кахети, была разгромлена.

Россия в этот период не могла оказывать реальной помощи Грузии в ее борьбе за независимость. Как видно из послания императрицы Елизаветы Петровны в марте 1754 года Теймуразу II и Ираклию II, русское правительство, ограниченное в своих внешнеполитических действиях условиями Белградского мира, не могло также официально санкционировать помощь Грузии и со стороны Кабарды²⁹⁰. В этих условиях Ираклий II начинает самостоятельно через своих эмиссаров вербовать военные отряды в Малой Кабарде. Об этом поступают сообщения в Коллегию иностранных дел от капитана О.Туманова в июле 1754 года и в мае 1755 года²⁹¹. Военные отряды кабардинцев приняли активное участие в борьбе с хунзахским повелителем Нурсалбегом, который подвергал бесчисленным нападениям Картли и Кахети в 1754–1755 годах²⁹². Тей-

мураз II решил совершить поездку в Россию, чтобы придать новый импульс русско-грузинским отношениям. 30 апреля 1760 года генерал-майор И.Л. Фрауендорф в письме к астраханскому губернатору А.С. Жилину сообщал о прибытии грузинского царя на русскую границу. По его словам, грузинского царя сопровождал князь Малой Кабарды Батоко Алиев²⁹³. В Петербурге Теймураз II просил у русского правительства военной или финансовой поддержки, а также предлагал совершить совместный поход против Ирана²⁹⁴. Но переговоры оказались бесплодными. На данном этапе внешнеполитические интересы России и Грузии не совпадали. По мнению Т. Д. Боцвадзе, «Россия, которая на Северном Кавказе и в Прикаспии на протяжении всего отмеченного периода фактически осуществляла оборонительную политику как в отношении Турции, так и в отношении Ирана, не могла, естественно, откликнуться решительно на внешнеполитические запросы Грузии, поскольку эта последняя требовала от нее открытого выступления против Турции и Ирана»²⁹⁵.

После смерти Теймураза II в 1762 году картлийский престол перешел к его сыну, царю Кахети Ираклию II. В результате этого политического акта завершилось объединение Картли и Кахети. В 60-х годах XVIII века в числе наиболее острых среди внутренних и внешнеполитических проблем Восточной Грузии оставалась по-прежнему угроза со стороны проиранских феодалов Дагестана. Прапорщик Дж. Мангов сообщал, что летом 1762 года в Тифлис прибыл малокабардинский князь Батоко с многочисленным отрядом²⁹⁶. Упомянутый князь был «свойственником» покойному царю Теймуразу II. Кабардинцы приняли активное участие в войне с Джаром²⁹⁷. Ираклию II удалось нормализовать в этот период отношения с Джаром и Дагестаном, также были заключены договоры с Турцией и Ираном.

Но, несмотря на мирную передышку, международное положение Восточной Грузии оставалось неустойчивым. Об этом свидетельствовало и сообщение ротмистра А.Киреева кизлярскому коменданту в июле 1768 года, где говорилось о намерении Ираклия II построить дорогу через Куртатинское ущелье. С этой целью грузинским царем были направлены эмиссары к осетинским старшинам и владельцам Малой Кабарды, которых намеревались привлечь для осуществления данного мероприятия. А. Киреев писал: «Но один кресченной старшина Андрей, а по их названию Алегук, секретно мне сказывал, что хотя он, Ираклий, и призывает их якобы для совету о проложении новой дороги к безопасному проезду караванам, но, как он примечает, и у них есть известие, что перситской Векиль Керим-хан и с ним высланной из России грузинской князь Александр Бакаров приближаются с войском к Тефлизу для заставления со стороны Керим хана Тефлиза оному князь Александру Бакарову. То Ираклий будучи от сего в опасности, якоже все тефлиские жители имеют большую склонность к князь Александре, видно желает проложит такую дорогу при неудачливом ему времени оную сам с фамилию укритца во осетин-

ския пределы и по призыву ево старшины и Малой Кабарды владельцы ехать к нему, Ираклию, намерены ...»²⁹⁸.

Русско-турецкая война 1768–1774 годов и ее итоги ознаменовали новый этап во взаимоотношениях Кавказа с Россией. Кавказские народы приняли в ней активное участие, видя в то время в России свою покровительницу. В тех условиях грузинские цари Ираклий II и Соломон I надеялись с ее помощью добиться освобождения Грузии. Чтобы сделать более реальным участие грузин в войне с Турцией, русское правительство направило к ним в 1769 году военный отряд. В последующем русские военные силы в Грузии наращивались и пробыли здесь до 1772 года. Кабарда в этот период оказывала всяческое содействие в налаживании русско-грузинских отношений. Кабардинские князья способствовали беспрепятственному прохождению русских войск в Грузию²⁹⁹.

В то же время кабардинские владельцы по-прежнему, как это было и ранее, обеспечивали безопасность грузинских дипломатических миссий, направлявшихся в Россию. В январе 1769 года кизлярский комендант Н. А. Потапов рапортовал о посольстве имеретинского митрополита Максима в Петербург. Он писал: «Сверх того упросил я Малой Кабарды владельца Росланбека Таусултанова, бывшего у меня в приезде, чтобы он, охранив их, взял на свое попечение, которой по усердию своему на то согласился и вслед за ними от меня отправился...»³⁰⁰.

Кючук-Кайнарджийский мирный договор, заключенный в 1774 году между Россией и Турцией, фактически не обеспечил независимость Грузии. Вместе с тем на основании 21-го параграфа договора был решен вопрос о присоединении Кабарды к России. Но в целом, по справедливому мнению исследователей, договор 1774 года «не только обеспечил России влияние на Северо-Западном и Центральном Кавказе, но и дал ей надежный ключ к проникновению в Закавказье»³⁰¹. По словам Т.Д. Боцвадзе, «отныне начался необратимый процесс присоединения Грузии к России»³⁰².

После заключения Кючук-Кайнарджийского мира русское правительство отводит Кабарде особое место в своей политике по отношению к Грузии. Астраханский губернатор П. Кречетников в своем донесении на имя императрицы от 24 апреля 1775 году обращал внимание на необходимость устройства поселения около Татартупского городища в Малой Кабарде, как очень удобного в географическом и стратегическом плане населенного пункта, откуда можно было влиять на грузинские дела. В частности, он писал: «Сей же город лежит в самом сердце гор, прикрывает Малую Кабарду от Большой и делает лутчую дорогу в Грузию, то и неоспоримо, что Малая Кабарда будет совсем в наших руках, да и Большая в лучшее по соседству обуздание неминуемо придет. Тогда ближней способ возмеем и о Грузии помыслить, как ей быть, и от терпимых ею несносных от разных народов разорений охранить, ибо от Татартупа до Меретинских границ только два дня езды, бесприкословное есть дело, что сие предприятие важного труда и прилежания требует»³⁰³.

Конец 70-х – начало 80-х годов XVIII века было периодом относительного благополучия для Грузии. Во многом это стало возможным благодаря политике царя Ираклия II. Он изыскивал различные пути для быстрого экономического возрождения страны и стремился провести прогрессивные реформы в Картли-Кахетинском царстве. Среди мероприятий, осуществлявшихся в стране, важное место занимал вопрос об организации регулярной грузинской армии – «мориге джари» («дежурное войско»). С этой целью Ираклий II дважды (в 1778 и 1782 годах) предпринимал попытку переселения кабардинцев в Грузию³⁰⁴. Он предполагал расселить их в опустошенных нашествием врагов провинциях Картли и использовать как основную боевую силу в «дежурном войске». Но, как видно из документов, Россию никак не устраивала деятельность Ираклия II по переселению кабардинцев³⁰⁵.

В конце 70-х годов XVIII века внутривосточное положение Восточной Грузии осложнилось. Оно было вызвано новыми проектами Ирана. Иранский правитель Керим-хан Зенд готовил в 1778–1779 годах большой поход против Грузии. Он привлек к этому дагестанских феодалов, а также внука Вахтанга II царевича Александра Бакаровича, претендовавшего на грузинский престол и ориентировавшегося на Иран. Внезапная смерть Керим-хана сорвала этот поход. Александр Бакарович пытался найти поддержку среди северокавказских горцев и направился в Кабарду. Однако он здесь не получил никакой помощи и удалился в Дагестан³⁰⁶.

Начиная с 80-х годов XVIII века международная ситуация на Востоке существенно изменилась. По мнению Т. Д. Боцвадзе, Грузия в этот период оказалась перед неизбежной альтернативой: «или с одной стороны быть поглощенной Турцией и Ираном, или оказаться под властью дагестано-джавских феодалов, или же с другой стороны, вступить под протекторат царской России»³⁰⁷. Выбор был остановлен на последнем. В 1783 году между Россией и Грузией был заключен Георгиевский трактат. Окончательное юридическое оформление процесса присоединения Грузии к России было достигнуто в 1801 году. Оно было предопределено внутренним социально-экономическим положением Грузии, сложной международной обстановкой и явилось логическим завершением многовековых исторических связей грузинского и русского народов.

Как и прежде, все это время контакты между обоими государствами осуществлялись через Кабарду. В 1783 году Ираклий II вновь предложил построить дорогу через Главный Кавказский хребет (по Дарьяльскому ущелью) и военную крепость у его северных склонов, т.е. на границе с Кабардой³⁰⁸.

Таким образом, подводя итоги, надо сказать, что в течение XVI–XVIII веков роль Кабарды являлась существенной во взаимоотношениях Грузии с Россией. Она «явилась тем связующим звеном, посредством которого Грузия, – как отмечает Т. Д. Боцвадзе, – смогла вырваться из указанного окружения (т.е. Турции, Крымского ханства и Ирана. – К. Д.), сблизиться и в конечном итоге связать свою судьбу с Россией, а через нее установить связи с Западной Европой»³⁰⁹.

Изучение династических связей между представителями господствующей знати различных народов является существенным и важным моментом в исследовании истории развития политических взаимоотношений в эпоху феодализма. Применительно к нашей теме можно с уверенностью констатировать, что определенную роль в укреплении грузино-кабардинских отношений сыграли родственные связи феодальной аристократии Грузии и Кабарды. Вахушти Багратиони сообщал, что в 60-х – 70-х годах XVI века имеретинский царь Георгий II, мегрельский и гурийский владетели были женаты на трех сестрах – кабардинских княжнах³¹⁰.

Как свидетельствуют грузинские источники, обычно кабардинских княжон, выходявших замуж и уезжавших в Грузию, сопровождали дворяне. Последние тоже оседали на новых местах. Как указывают документы, именно таким путем оказались в Грузии предки князей Черкезишвили, дворян Пастамлишвили, которые в 1563 году сопровождали кабардинскую княжну, жену Георгия II³¹¹. В конце 30-х годов XVII века сын мегрельского владетеля Левана II Дадияни взял в жены дочь кабардинского владетеля Алегуки Шогенукова. В статейном списке посла Елчина говорилось: «Мая в 1-й день пришел Левонтья царя посланник из Олегукиной Кабарды, имя ему Тавей, а с ним, от Олегуки пришел посол ко царю Левонтью, а имя ему Ельбуздук; договорились послы с царем Левонтью и взять у Олегуки за сына своего дочь, а дать ему, Левонтью царю, Алигуки 100 душ ясырю, да 100 серебряных сосудов, да 100 золотых платей, да 100 кобылиц, 100 быков, 100 пищалей, на том у них и договор стал»³¹². Русские исторические акты конца XVII века сообщают о том, что дочь малокабардинского князя Кульчуки Килимбетова была замужем за братом имеретинского царя Арчила Вахтанговича³¹³.

Как отмечалось выше, политические связи Грузии и Кабарды особенно тесными были в XVIII веке. Укреплению этого союза служил брак картлийского царя Вахтанга VI, женатого на дочери кабардинского князя Гиляхстанова. По словам П. Г. Буткова, кабардинскую княжну в Грузии любовно называли «солнцеподобно сияющей царицей Русудан»³¹⁴. Исторические документы свидетельствуют, что летом 1724 года во время переселения Вахтанга VI из Грузии в Россию, он был гостеприимно принят в Кабарде родственниками жены, которые с почетом проводили его до русских границ³¹⁵.

Династические браки между представителями господствующей знати Грузии, Кабарды и Балкарии прослеживаются на всем протяжении XVIII века. В июле 1781 года Ираклий II в своем письме генерал-майору Ф. Фабрициану писал: «Вы изволили прописать в своем письме о сродственнике нашем – Малой Кабарды владельце Келемете Ахлове, что вы по просьбе нашей во всем сделали ему удовольствие. За сие приношу нашу благодарность; да и впредь прошу не оставлять нашей просьбы»³¹⁶. В исторической литературе есть сведения о родственных отношениях между балкарскими феодалами Урусбиевыми и сванскими князьями Дадешкелиани.

Надо отметить, что браки заключались не только между пред-

ставителями господствующей знати Грузии, Кабарды и Балкарии, но и в среде трудовых масс. Многие грузины, уходя от феодалов в ходе классовой борьбы, находили убежище в Кабарде. Такие примеры приводятся в записке русского капитана Языкова в 1770 году: «Причина же непослушности та: ежели винной узнает, что ево хотят поймать, то уходит в Кабарду, в Абхазию и к туркам»³¹⁷. Судя по документам, многие грузины, оказавшиеся в ходе различных войн в Дагестане, затем различными путями попадали к кабардинским феодалам. Оказавшись в Кабарде, они обзаводились семьями и оставались жить здесь³¹⁸.

Грузины и кабардинцы, проживая в одних и тех же населенных пунктах, перенимали друг у друга навыки ведения сельского хозяйства, различных ремесел и совместным трудом способствовали росту производительных сил края. Особенно компактными поселениями, в которых совместно проживали кабардинцы и грузины, в XVIII веке были города Кизляр и Моздок, где поселялись многие выходцы из Грузии, уходившие от угрозы иранского и турецкого порабощения. По мнению В. Н. Гамрекели, «значение грузинского населения в истории Притеречья XVIII века усугубляется тем, что Кизляр и Моздок были важнейшими политико-административными и торговыми центрами, и относительно цивилизованными пунктами Притеречья, и основными стратегическими базами России на Северном Кавказе. Следовательно, грузинские поселения легли конструктивными элементами в важнейших, решающих пунктах Притеречья»³¹⁹.

Значительное влияние на внешнеполитические связи Кабарды с Грузией в XVIII веке оказывали торговые взаимоотношения. Издавна кабардинцы поставляли в Грузию продукцию скотоводческого хозяйства, знаменитых кабардинских лошадей, изделия домашней промышленности (бурки, черкески, башлыки, седла). Из товаров грузинских торговых людей особым спросом у горцев пользовались соль, железо, ткани, порох, зерно и т.д.

В одном из памятников устной традиции кабардинцев говорится о том, что они ездили в «Куржи» (Грузию) и привозили оттуда ткани³²⁰. В феврале 1732 года кабардинский владелец Магомед Атажукин, находившийся в Петербурге в качестве посла, в беседе с вице-канцлером А. И. Остерманом говорил: «... свинцу во владении их нет, а покупают свинец у российских и крымских купцов, а порох – у грузинских и тавлинских народов»³²¹. Торговые связи с Кабардой и другими горскими народами имели для Грузии настолько важное значение, что грузинские правители освободили привозимые с Северного Кавказа товары от пошлинного обложения – «по древним обычаям кабардинцы, лезгины и осетинцы», «освобождены издревле от пошлин»³²². Торговля велась в населенных пунктах, которые находились по Военно-Грузинской дороге: Жинвали, Душети и Ананури. Центрами традиционных торговых сделок кабардинцев с грузинами являлись Рача и села Сванетии³²³. Позитивную роль в развитии торгово-экономических связей Грузии с Кабардой играло грузинское население Притеречья. С осно-

ванием городов Кизляра и Моздока, значительно увеличился объем посреднической торговли между Грузией и Россией, которая осуществлялась через Северный Кавказ. В 1760 году по Дарьяльской дороге было перевезено товаров на сумму около 160 тысяч рублей, спустя восемь лет товарооборот возрос до 400 тысяч рублей³²⁴. По мнению исследователей, рост товарооборота, усилившийся в связи с началом русско-турецкой войны 1787–1791 годов, имел и важные политические результаты: постепенное расширение русско-грузинских торговых связей способствовало ослаблению экономических взаимоотношений Грузии с Ираном³²⁵. Из Грузии поступали, особо имевшие спрос в Притеречье, хлопчатобумажные ткани, шелк-сырец, меха. Из Кабарды, Моздока и Кизляра в Грузию завозились, как было сказано, лошади, а так же предметы вооружения, домотканые шерстяные материалы и т. д. В источниках содержится много примеров посещения торговыми кабардинскими людьми Грузии. Так из рапорта капитана Языкова графу Н. И. Панину от 19 декабря 1770 года видно, что в беседе с имеретинским царем выяснилось, что в Имеретии бывали кабардинцы «несколько человек» — «для торгу»³²⁶.

Заинтересованность проявлялась и в совместных торговых операциях. Например, в октябре 1781 года был составлен вексель, данный совместно кабардинским узденем и моздокским грузином армянскому купцу о получении им в заем 660 рублей³²⁷. Объем торговых сделок был значителен и носил различные формы³²⁸. Из показаний, данных купцом Т. Георгиевым в январе 1783 года, видно, что «... будучи с армянинами Абелою Григорьевым и Степаном Махитаровым в Большой и Малой Кабардах по промыслу своему купили 302 лошади, которых гнали для продажи в Грузию»³²⁹.

Особое значение торгово-экономических связей Кабарды и городов Притеречья с Грузией состояло в том, что они обеспечили последней транзитную торговлю с Россией. Посредством этого сюда попадали не только русские, но и западноевропейские товары. Указанные процессы содействовали оживлению экономической жизни в Грузии, росту северокавказского торгового оборота и укреплению торгово-экономических связей Грузии и народов Северного Кавказа с Россией.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО АДЫГОВ И РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В БОРЬБЕ С КРЫМСКИМ ХАНСТВОМ

Совместная борьба адыгских феодальных княжений и России с Крымским ханством в середине XVI — конце XVII века

Особенности географического положения народов Кавказа определяли их специфическое место в международной жизни исследуемой эпохи. С одной стороны, тесные контакты со странами и народами Восточной Европы включали народы Кавказа в кон-

текст восточноевропейской политики. С другой – Закавказье с самого начала становится ареной разгорающейся османо-иранской борьбы. В интересах господства в Закавказье, как турки, так и персы (иранцы), стремились утвердиться на Северном Кавказе. Тем самым наряду с другими северокавказскими народами адыги оказались в сфере политических интересов Турции, Ирана и России¹.

Вассальная зависимость от Турции укрепила позиции Крымского ханства, что создало большую угрозу на несколько столетий для народов как России, так и Северного Кавказа.

Крымские татары, подталкиваемые турками, стали претендовать на власть над всеми народами, которые раньше находились под игом Золотой Орды, на правах «правопреемника». Трудными и полными драматизма оказались претензии Порты и Крымского ханства на господство над народами Северного Кавказа, и в первую очередь над адыгскими народами².

«В самом начале 90-х годов XV века крымский хан Менгли-Гирей собрался в поход против адыгов»³. Это был первый поход в серии отраженных многочисленных походов на адыгов с целью их покорения, хотя первая попытка была предпринята турками для оказания давления на черкесов при помощи крымских ханов еще в 1484 году⁴.

Несмотря на утверждение османо-татарских хроник, покорить адыгов Менгли-Гирею не удалось, как, впрочем, и всем последующим ханам и их военачальникам. Начиная с его похода разворачивается многовековая самоотверженная борьба адыгов за свою свободу и независимость против Крымского ханства, за спиной которого стояла могущественная Турция⁵, которая активно использует войска крымских татар, определив им роль проводника своей агрессивной политики в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе.

Здесь следует отметить, что связи крымских ханов с Русским государством установились еще до подчинения Крыма османами. Вплоть до падения Большой Орды – главного соперника Крыма Менгли-Гирей поддерживал с Русью дружеские отношения. В основе русско-крымского союза лежали общие интересы борьбы с Ордой и ее союзником – Великим княжеством Литовским⁶.

Можно сделать вывод, что все свои действия, включая и военные, крымский хан Менгли-Гирей и великий князь Московский Иван III согласовывали, о чем довольно подробно пишет в своей «Истории России с древнейших времен» историк С. М. Соловьев. В частности, в договоре, заключенном ханом Менгли-Гиреем и Иваном III, есть такой пункт: «Быть нам везде заодно, другу другом быть, недругу недругом»⁷.

Для народов Северного Кавказа XVI век был наиболее сложным: они теперь вели борьбу с новыми противниками – крымскими татарами и турецкими янычарами.

В течение всего XVI века шли непрерывные войны между Турцией и Ираном, в ходе которых Кавказ играл все большую роль, поскольку его территория имела важное стратегическое значе-

ние для обеих воюющих сторон. Несмотря на все их попытки подчинить горцев Северного Кавказа влиянию Порты, они упорно отстаивали свою независимость и оказывали сопротивление турецко-крымской агрессии⁸. В этих условиях дело защиты родной земли от посягательств со стороны крымских ханов и турецких султанов стало главным делом и для всех народов Северного Кавказа⁹.

Проникновение Турции на Кавказ с каждым годом усиливалось. Обладание им давало бы Порте огромные преимущества перед Ираном, да и поставило бы Россию в крайне невыгодное положение. Укрепившись на Северном Кавказе, турки могли взаимодействовать с Казанским и Астраханским ханствами, а также влиять на ногайцев, кочевавших в среднем и нижнем течении Волги. Они захватили бы все важнейшие торговые пути, ведущие в Среднюю Азию, Закавказье и Иран.

Туркам удалось, не без труда, создать на Черноморском побережье свои опорные пункты – впоследствии крепости (Сухум, Суджук, Темрюк и др.), которые становятся центрами работорговли, ставшей одним из важнейших источников государственного дохода Турции. «Начиная с XVI века турки и крымский хан ежегодно вывозили с кавказского побережья более 12 тысяч рабов»¹⁰. Большая часть их была из адыгских (черкесских) племен.

В 1502 году в Венеции вышла книга Джорджо Интериано, геноуэца, побывавшего во второй половине XV века в Черкесии. Она было посвящена адыгам и называлась «Быт и страна зихов, именуемых черкесами...» Вот некоторые строки из этой книги: «... черкесы постоянно воюют с татарами, которые окружают их почти со всех сторон»¹¹. Это свидетельство очевидца и современника событий убедительно доказывает, что с самого начала своего становления Крымское ханство вело планомерную борьбу за покорение Черкесии.

Выше были отмечены достаточно ясные геополитические интересы Турции и Ирана к региону Кавказа. К этому следует добавить, что в течение нескольких столетий на Северном Кавказе, и в частности Черкесии, сталкивались интересы этих крупнейших в то время восточных держав. К ним следует добавить и Россию, которая между войнами на Западе и с тремя ханствами (Казань, Астрахань и Крым), вглядывалась в южном направлении. Каждая из этих стран ставила перед собой конкретную цель – утвердиться на Центральном и Западном Кавказе.

Задолго до появления на Северном Кавказе русских черкесы нанимались на службу к крымскому хану. Многие из них стремительно продвигались по служебной лестнице и играли заметную роль в политической жизни Крыма и Турции¹². Другим источником появления черкесов в Крыму и Турции было рабство, о чем мы уже упоминали. Доминиканский монах Джованни Лукка, живший некоторое время в Крыму (Каффе), в своих воспоминаниях, касаясь вопроса взаимоотношения черкесов с Крымом, отмечал: «Черкесы часто с последней (с татарами. – К. Д.) сражаются, так как

не проходит года, в который бы татары, привлекаемые главным образом красотой рабов из этого народа, не произвели на их страну какого-нибудь набега, чтобы наловить последних»¹³. Таким образом, мы можем сказать, что определенные контакты у черкесов сложились с Турцией раньше, чем с Россией. Еще в XV веке мусульманство стало проникать на Центральный Кавказ, в частности в среду восточных черкесов (кабардинцев). Первоначально оно находило распространение лишь среди знати. К тому времени адыги исповедовали свои древние верования, соблюдая при этом немало культовых обрядов, унаследованных от христианства.

Противостояние двух могущественных вер внесло новые сложности в жизнь адыгов, что и отметил Р. Трахо: «С середины XVI века Черкесия вступает в (новую) эпоху своей истории: христиане* окружены вместе с Грузией со всех сторон мусульманским тюрко-монгольским миром, обе страны ищут союза с Москвой и устанавливают дружеские отношения с ней»¹⁴.

У адыгских феодалов бытовал обычай аталычества, суть которого заключалась в том, что родители поручали воспитание своих детей той или иной семье из своих подданных или своим кунакам (этот обычай переняли некоторые другие северокавказские народы). Многие крымские ханы проходили школу аталычества у черкесов, где женились на дочерях адыгских князей и дворян. Известный историк XVIII века Д. К. Кантемир, хорошо знакомый с состоянием дел в Крымском ханстве, писал: «Их страна является школой для татар, из которых каждый мужчина, который не обучался военному делу или хорошим манерам в этой школе, считается «теняком», то есть несостоящим, ничтожным человеком. Сыновья крымских ханов в тот момент, когда они увидели свет, отсылаются к черкесам на воспитание и обучение, они всегда изобретают что-нибудь новое в своих манерах или оружии, в которых татары подражают им так пылко, что черкесы могут быть названы французами в отношении татар»¹⁵.

У адыгских аталыков воспитывались практически все юные татарские ханычи, многие из которых были женаты на черкешенках и кабардинках. У хана Давлет-Гирея старшая жена (большая царица) была кабардинка Аишеатме Салтане, дочь князя Тарзатыка, о котором есть упоминание в материалах КРО за 1556 год¹⁶. Имеются сведения в этих материалах и ряде других публикаций и о сыне Тарзатыка¹⁷, о чем мы скажем ниже. Младшей женой Давлет-Гирея также была черкешенка. Об этом упоминает Е. Н. Кушева¹⁸. Этот список очень широк и его можно продолжать долго. Таким образом, в жилах многих крымских ханов текла черкесская кровь, знали они обычаи и язык адыгов, усвоенные в годы аталычества.

Политическая раздробленность приводила к постоянным междоусобицам не только между различными феодалами, но и внутри самих же адыгских феодальных семей, усугубляемым постоян-

* Р. Трахо считал черкесов христианами.

ным вмешательством во внутренние дела адыгов Крымского ханства. «Всякий, кому не хватает сил собственных подданных, обращается за помощью к дружественному владельцу; дело доходит до того, что когда один из противников одерживает верх над другим, побежденный прибегает к подкупу крымского хана, «обещая ему 200 или 300 рабов; тот более чем охотно пользуется случаем и тотчас собирает 40 или 50 тысяч воинов, с которыми идет к позвавшему владельцу»; противник, видя это, для «лучшего исхода решает сойтись с ханом на стольких-то невольниках», затем хан в своих целях выступает «посредником» в примирении сторон¹⁹. Видимо, в связи с этим, пишет А. М. Некрасов в своей работе «Международные отношения и народы Западного Кавказа», «к крымскому хану обратился один из черкесских князей, прося поддержки войском». Значит, тогда адыгскому феодалу помощь крымцев понадобилась в междоусобной борьбе с другими феодалами. Такие случаи впоследствии были частыми²⁰.

С установлением вассальной зависимости Крыма от Турецкой империи, постройкой ряда крепостей на черкесском берегу Черного моря, в устье Дона, на Таманском полуострове создавалась возможность походов турецко-крымских войск в Закавказье через Северный Кавказ. Опорным пунктом Крыма становится в первую очередь Тамань, которая являлась с того времени «главным местом переправы крымцев в пределы черкесские»²¹.

Здесь следует отметить, что черкесы (адыги) служили в Крыму и часто выступали против своих соплеменников в период походов крымцев и турок на адыгов, что, впрочем, в средние века было обычным явлением. Как пример приведем один документ XVI века. «Сын турецкого Махмет салтан кафинской сее весны посылал ратью людей своих на Черкасы триста человек, да двести Черкас с ними ж ходили, которые у кафинского служат; а царев Муртозин сын (Мамышек. — К. Д.) с Азовскими казаки с ними ж ходили вместе на Черкасы; и Черкасы турков всех и Черкас тех кафинского салтана людей побиили; а Муртозин сын утек, а людей у него много побиили»²². В одном из писем в Москву сын крымского хана Бахадыр-Гирей писал «ино ежегодная у нас война с Черкасы»²³.

Особенно мощное наступление Крыма и Турции на землю адыгов наблюдается в конце 30–40-х годов XVI века, и связано это было с успехом Ирана в Закавказье, где в 1538 ему удалось захватить Ширван и вплотную приблизиться к территории Северного Кавказа²⁴. Таким образом, активизация крымско-османских походов была призвана противопоставить успехам Ирана расширение влияния Крыма и османов на Северном Кавказе. Наиболее крупные походы были совершены в мае – июне 1539 года и в 1545 году. Этот последний поход был наиболее широкомасштабным наступлением на землю адыгов. Русский гонец в Крыму Беяк Кийков в октябре 1545 года сообщал в Москву, что: «царя в те поры в Крыме не было, ходил на Черкас на дальних на Хабартку (Кабарду. — К. Д.) Пятигорских»²⁵. Из этого же сообщения узнаем, что хан Сахиб-Гирей ходил на адыгов в тот год дважды – весной и

осенью, в первом случае на западных адыгов «ближних Черкас», а во втором случае на «дальних» – т. е. кабардинцев²⁶. В том году застигнутые врасплох кабардинцы (дело было осенью, когда основная масса мужского населения находилась на сельскохозяйственных работах) понесли большой урон.

Такой же опустошительный поход был совершен Сахиб-Гирем в Кабарду и в следующем 1546 году²⁷, а также в 1547 году²⁸. Однако все эти походы крымских ханов не привели к закреплению их власти в Кабарде²⁹.

Частые походы крымцев на Черкесию (включая Кабарду), разорения, грабежи и захват многих людей привели к тому, что часть кабардинских владетельных князей стала искать контакты с северным соседом – Россией. Ее успехи в борьбе с Казанью, Астраханью, а также с Крымом приводят к тому, что ряд адыгских князей обращается к русскому царю с просьбой «принять их на службу»³⁰. В 1552 году в Москву отправляется первое посольство черкесов. Главный вопрос, который они здесь поднимают, связан с просьбой вступить за них и «от крымского царя оборонить»³¹. Историк генерал В. А. Потто писал: «Слава покорителя Казани пронеслась далеко за пределы тогдашней Руси, – пятигорские черкесы первые послали в Москву свою депутацию, явившуюся к царю в том же 1552 году. Она просила от лица всей пятигорской земли принять ее в подданство и дать ей защиту и помощь против крымского хана. Крымцы встревожились»³².

Пытаясь отвлечь русские войска от Волги (район Астрахани), крымские татары решили нанести упреждающий удар по российским землям в направлении Москвы. Узнав об этом, Иван IV (Грозный) в августе 1553 года выступил с ратью им навстречу «и взял с собой черкасских князей, чтобы дать им случай выказать на деле свое усердие и верность. Едва войска дошли до Коломны, как пришло другое известие, что хан пошел на черкасов. Новая опасность заставила кабардинских князей покинуть Московский стан и спешить домой на защиту родины...»³³. Так начинается совместная борьба адыгов и Русского государства с вассалом Оттоманской Турции – Крымским ханством. Началом этой совместной борьбы следует считать середину XVI века.

Из «Сочинения» А. Курбского узнаем, что в 1555 году хан ходил на «землю черкасов пятигорских», куда тот направлялся «со всеми силами»³⁴. На помощь адыгам подошли русские войска, которые в битве с отборной армией хана потеряли две тысячи ратников. Ценой этих жертв угроза разорительного вторжения в Черкесию была снята. Давлет-Гирей вынужден был приостановить поход на адыгов. В следующем «1556 году хан Давлет-Гирей собрался с огромной армией на Украину, однако, введя всех в заблуждение, двинул свои войска на Кабарду, где успели оперативно к его нашествию подготовиться, и Давлет-Гирей не решился вступить в Кабарду, а ушел в Крым, получив известие о появлении около Азова русского войска»³⁵.

В том же году, осенью, видимо, по заранее согласованному

плану, по крымским владениям были нанесены одновременные удары с запада и востока. Украинские казаки Д. Вишневецкого взяли штурмом Ислам-Кермень³⁶, а «з другой стороны черкасы пятигорские взяли два города Темрюк и Тамань, а приходил черкасской Таздруй-князь да Сибок-князь з братьею, которые были у царя и великого князя на Москве»³⁷. Уточним, что Таздруй, известный как Тарзатык-мурза был тестем крымского хана, а его сын Татар-мурза служил вначале у своего зятя – крымского хана, а затем перешел на службу к царю Ивану IV³⁸.

Один за другим в эти годы от кабардинцев и западных адыгов в Москве побывали два посольства – 1555-м и 1557 году, которые вновь продемонстрировали решение значительной части адыгов ориентироваться на Русское государство³⁹. Адыгским посольствам в Москву скорее всего предшествовали какие-либо первоначальные переговоры. Можно предположить, что до этого контакты адыгов с Москвой были установлены через ориентировавшихся на Русь ногайских правителей⁴⁰, которые были в родственных отношениях с старшим князем Кабарды Темрюком Идаровым (князья Измаил и Тинехмат, астраханские царевицы Бекбулат и Саин-Булат). «Россия сразу же после вступления адыгов с ними в контакт стала оказывать ей помощь в борьбе с Крымом»⁴¹. Это лишний раз подтверждает, что между Россией и частью адыгских феодалов, которые искали контакты с ней, складывается военно-политический союз. В подтверждение версии о военно-политическом союзе сошлемся на известного историка М. Н. Тихомирова, писавшего: «Признание кабардинцев «холопами» русского царя и их служба русскому государству не означали, однако, включение Кабарды в государственные границы и не повели к назначению в Кабарду русской администрации, как это было признано необходимым в отношении Казанского и Астраханского ханств»⁴².

Феодальная раздробленность Кабарды вела к тому, что в дальнейшем далеко не всегда все феодалы всех кабардинских владений считали себя подданными Москвы. Но с 1557 года связи кабардинцев с Россией уже больше никогда не прерывались⁴³.

Находившийся в перемирии с Москвой (срок истекал в 1562 году) польский король Сигизмунд-Август весьма был встревожен из-за мероприятий, проводимых Москвой против Крыма, и в первую очередь ее политикой на Северном Кавказе. Уже в 1560 году он предупреждал Давлет-Гирея об опасности военного союза России с Кабардой: «поразумети можешь, якими причинами и на черкасы пятигорские (царь Иван IV. – К. Д.) ходить, хочети их себе приторнути и сповиновати, абы их противу тоби, брату нашему, обернул...»⁴⁴.

Вступив в военно-политический союз с Кабардой, русское правительство сразу же стало прилагать все усилия к тому, чтобы организовать активные действия черкесов против Крымского ханства. В январе 1558 года кабардинский посол в Москве Канклыч Кануков отправился в Кабарду с предложением к князю Темрюку Идарову «собрався, итти всем ко князю Дмитрию (Вишневецкому. – К. Д.) же на пособь, и из Черкас им итти ратью мимо Азова»⁴⁵.

К 1560 году Иван IV и его окружение, разрабатывая политику в отношении Крыма, особое место в ее реализации отводило адыгам. Уже в 1561 году русские отряды с участием кабардинских воинов предприняли отдельные действия против Крыма⁴⁶. Однако осложнения в Ливонской войне не дали возможности России использовать выгоды положения для нанесения решительного удара по Крыму. Этот момент решили использовать Турция и Крым, так как там считали, что тогда русским было не до Кабарды, тем более, что часть кабардинских князей ориентировалась на Крым. Но Москва, понимая значение Кабарды на Северном Кавказе, старается сохранить связи со своим новым союзником и оказывает ей помощь.

Расширению политических и военных связей Русского государства с Кабардой значительно способствовала и женитьба Ивана IV в 1561 году на младшей дочери кабардинского князя Темрюка Идарова. «Сей поступок, – как отмечал историк С. Броневский, – произвел по тогдашним обстоятельствам весьма выгодное для России сближение с ней горских народов, наипаче кабардинцев»⁴⁷.

Кабардинцам в борьбе с тарковским шамхалом, которого поддерживали и подстрекали Турция и Крым, оказала помощь в 1560 году русская рать во главе с астраханским воеводой И. С. Черемисиновым, которая предприняла поход на Тарки «по неправдам шевкаловым». Шамхал бежал в горы⁴⁸.

Протурецкая политика некоторых дагестанских феодалов в Москве была хорошо известна. Шамхал «вел захватническую политику по отношению к горским владельцам и всячески мешал их усилению, старался лишить их поддержки русских царей, так как в этом он видел усиление своих соперников (кабардинских князей. – К. Д.)»⁴⁹.

В связи с тем, что периодические походы русских отрядов были недостаточны для защиты интересов кабардинских князей, придерживавшихся русской ориентации и ведущих постоянную борьбу с протурецки и прокрымски настроенными феодалами, в 1567 году по их просьбе была поставлена первая русская крепость недалеко от «перевоза» через Сунжу (близ впадения Сунжи в Терек)⁵⁰.

В Крыму очень были обеспокоены сближением кабардинцев во главе с Темрюком Идаровым с Москвой и появлением в Кабарде русской рати. Крымский хан незамедлительно реагирует на это, и уже осенью 1567 года его огромная армия во главе с тремя царевичами, которая первоначально, чтобы ввести в заблуждение русское правительство, двинулась на российские «окраины», повернула с Дона на «Черкасы». «Отлучая черкас от Москвы, всю землю черкасскую воевали и жгли и жены и дети имали и животину и овцы пригнали»⁵¹. Царевичи приводили такие цифры: «полону взяли больше 20 тысяч, что было животны и овцы, то все отгоняли»⁵². Е. Н. Кушева, ссылаясь на донесения русских послов в Крыму по данным, которые они получили частным путем, сообщает другие сведения в связи с этим походом: «что черкасов деи царевичи не извоевали и в загонах деи у них (т.е. царевичей) много людей побито»⁵³.

Из всего сказанного становится очевидным, что главным проводником турецкой политики на востоке Европы являлся крымский хан. Турецкие султаны пытались установить свое влияние на Северном Кавказе прежде всего через Крым⁵⁴.

Однако, как показывали происходившие события, крымские ханы явно не справлялись с поставленными им султаном в отношении Северного Кавказа задачами. Турция любым путем решила вытеснить русских с низовьев Волги и, используя вооруженные силы, нанести удар по южным окраинам России, тем самым выключить из этого региона и Иран. С военной точки зрения, как пишет профессор Н.А. Смирнов, Астрахань, как место удара, была выбрана совершенно правильно⁵⁵.

Летом 1569 года начинается война Турции против России. Надо отметить, что это была первая война в череде войн между этими державами. Огромная объединенная 130-тысячная турецко-крымская армия во главе с Касим-беем выступила в поход на Астрахань. Главными причинами похода были: «астраханскую дорогу отперети», а город, построенный на Тереке (Терки. – К. Д.), «оставити». Этому походу Турция и Крым придавали огромное значение, ставя его целью нарушить связь России с Кавказом и Средней Азией, вытеснить русских с Предкавказья и нижнего течения Волги, что дало бы Турции и Крыму колоссальные стратегические преимущества в дальнейшей борьбе с Ираном и Россией⁵⁶. Однако тщательно подготовленный «поход закончился неудачно и в его разгроме приняла участие и кабардинская конница»⁵⁷.

Астрахань взять не удалось, и Касим-беем пришлось готовиться к зимовке. Однако, как отмечал Н. А. Смирнов, янычары и другие турецкие войска отказались оставаться на зиму в низовьях Волги⁵⁸. К Астрахани стягивались русские войска и войска их союзников. Первым сюда подошел князь Серебряный с 30-тысячным войском, за ним «подошел Иван Дмитриевич Бельской, имея 100 тысяч; с ним же идут ногайские племена». 26 сентября турки сожгли все, что было под Астраханью, и двинулись в обратный путь. Турецкие войска шли от Волги до Азова целый месяц. Крымский хан вел турок «кабардинской дорогой» по безводным местам (по так называемой «Можарской дороге»). Ссылаясь на Ш. Б. Ногмова, В. Б. Вилинбахов писал, что во время отступления турецко-крымской армии ее атаковала и нанесла значительный урон кабардинская конница во главе с Темрюком и его сыновьями. Кабардинцы «без труда разбили утомленных неприятелей, взяли богатую добычу и много пленных»⁵⁹.

Источники отмечают, что отступление стоило туркам во много раз больших потерь, чем сама война. В результате лишь одна треть турок добралась к 24 октября до Азова. Остатки турецких войск были погружены на морские суда и отправлены в Каффу, но во время шторма многие суда были разбиты и значительное количество людей утонуло. Как свидетельствует русский посол в Турции И. П. Новосильцев, в Константинополь вернулось не больше 700 человек из турецкого войска⁶⁰.

Когда кабардинские отряды Темрюка Идарова громили отступавшие крымско-турецкие войска, крымский царевич Адиль (Алди)-Гирей неожиданно воспользовался удобным моментом и совершил нападение на западных адыгов. С небольшим отрядом Темрюк бросился им на помощь. Бой был ожесточенным. Темрюка Идаровича тяжело ранило, а два его сына Мамстрюк и Булгайрук попали в плен*. Но Адиль-Гирей, понеся большие потери, не рискнул двинуться в глубь Черкесии и вынужден был отступить в Крым⁶¹.

Наличие русских отрядов на Тереке и военный союз с кабардинцами помешали распространить начатую Турцией в 1569 году войну за захват низовьев Волги и Астрахани на весь Северный Кавказ⁶². Таковы в основном были итоги первой русско-турецкой войны 1569 года.

В начале 70-х годов, в связи с неудачами в Ливонской войне и сложностями в международных отношениях, русское правительство отозвало свои войска из Кабарды, а возведенное укрепление было срыто. На некоторое время связи России с Кабардой прерываются. «Эти годы были тяжелыми для Кабарды, которая подвергалась частым набегам со стороны крымских татар»⁶³. Однако срытие Терской (Сунженской) крепости не означало отказа Русского государства от дружеских взаимоотношений с Кабардой. Это было временной уступкой Порте⁶⁴.

Дальнейшее укрепление взаимоотношений Кабарды и России относится ко времени длительной ирано-турецкой войны, которая вспыхнула в 1578 году. Воспользовавшись ее началом, кабардинский «большой князь» Камбулат Идаров обращается к Москве с просьбой о помощи, «где просит, чтобы царь оборонил их от крымского хана и от иных недругов их»⁶⁵. Русское правительство оказало экстренную помощь. Для строительства новой крепости был послан воевода А. Новосильцев со стрельцами — «со многими людьми»⁶⁶.

В это время крымский калга Адиль-Гирей двинулся через Северный Кавказ в Прикаспий. Кабардинские князья и воевода Л. Новосильцев пропустили его через Кабарду. Затем, когда потрепанные в боях с персами крымские отряды возвращались назад, они были наголову разбиты кабардинцами и русскими стрельцами Новосильцева⁶⁷.

К этому времени относится и призыв царя из Москвы к двум наиболее влиятельным кабардинским князьям, чтобы: «Мамстрюк-мурза с Казы-мурзою с Шикапшуковым, шли на нашу службу, а взяли бы есте с собой черкес до трехсот человек и были б есть в Астрахани к Семену дню, а из Астрахани бы вам пойти ... на нашу Украину прити к Темрюкову до заморозков»⁶⁸. В этой грамоте князьям Мамстрюку Темрюкову и Казы Пшеапшокову предлагалось двинуть свои отряды к южным границам России для несения пограничной службы, чтобы крымцы не прорвались неожиданно

* Позже Мамстрюку удалось вырваться из плена и вернуться в Кабарду.

во внутренние районы России. Таким образом, можно говорить, что тесные контакты Кабарды и России, прерванные в 1570–1571 годах, восстанавливаются с 1578 года после посещения Москвы старшим князем Кабарды Камбулатом Идаровым⁶⁹.

Россия в борьбе с Крымом и Турцией действует теперь, как и раньше, сообща с кабардинцами. «Вскоре представился и новый случай нанести сильное поражение турецкому войску, следовавшему, – как пишет Н. Ф. Смирнов, – из Дербента в Крым для низложения мятежного хана Магомет-Гирея. Эту миссию султан возложил на правителя Ширвана Осман-пашу, который со значительными силами двинулся осенью 1583 года на Сунжу, чтобы оттуда через Северный Кавказ проникнуть в Крым через Темрюк и Тамань»⁷⁰. По пути его следования «ребенцы и кабардинцы подстерегли [пашу] у переправы Сунжи, напали, завязался сильнейший бой. Осман-паша сумел прорваться, – пишет А. А. Новосельский, – переправиться через Терек, но его три дня преследовали казаки и кабардинцы. Осман-паша расположился лагерем у горы Бештау, но и здесь он под ударами не удержался и с жалкими остатками бежал»⁷¹.

В дальнейшем турки и крымские татары продолжали предпринимать попытки пройти через Северный Кавказ в Закавказье.

В 1593 году был подготовлен большой поход крымским ханом на Терский городок. Во главе войск был поставлен царевич Муборек-Гирей. Узнав об этом походе, кабардинские князья подготовились и царевич не решился двинуть свои войска на Терский городок, хотя силы его были весьма значительные. В материалах КРО приводится по этому случаю следующий документ: В распоряжение Муборек-Гирея турки дали 18 пушек, «велено было двинуться янычарам из Кафы, да ногаям Казыева улуса, да черкасам, которые за турским (имеются ввиду западные адыги. – К. Д.)»⁷². В дальнейшем, как отмечает Е. Н. Кушева, взаимоотношения Кабарды с Крымом еще более осложнились⁷³.

В течение почти всей первой половины XVII века продолжалась турецко-иранская война. Главным театром военных действий был Северо-Восточный Кавказ. Многочисленные попытки армии крымских татар проникнуть в Закавказье предпринимались по северокавказскому пути (этот путь проходил через Черкесию и Кабарду). Подобное происходило в 1606, 1608, 1616, 1635 годах. Например: «В 1607–1608 годах крымский хан Кизи-Гирей проводит всю зиму в Черкесии, стараясь вовлечь ее в орбиту Турции или привлечь на свою сторону»⁷⁴. Все эти походы сопровождались разрушениями, тяжелыми боями, уничтожением поселений и уводом тысяч пленных, скота и т. д. Эти времена для черкесов были наиболее тяжелыми. Фактически Черкесия вынуждена была одна вести неравную борьбу с превосходящими силами Крымского ханства, которому часто на помощь приходили турки. По этому поводу Р. Трахо писал: «После смутного времени интерес Москвы к Кавказу пал. За все время до Петра Великого не видно ни одного политического или военного акта между двумя странами»⁷⁵.

Однако верность отдельных кабардинских князей России сохранилась. И утверждение историка Р. Трахо мы бы назвали слишком категоричным и не отражавшим в полном объеме русско-кабардинские отношения этого периода. Ведь главное то, что верность определенной части кабардинских князей и дворян Русскому государству была особенно важна для России в силу того, что после всех неурядиц «смутного времени» Москва не имела уже былой возможности уделять достаточное внимание Северному Кавказу. Но благодаря им сохраняла здесь свое влияние. В 1615 году за верную службу и большие заслуги в укреплении связей России с другими народами Северного Кавказа Сунчалей Канклычевич Черкасский был пожалован русским царем княжеским титулом⁷⁶.

В 1616 году турецкий султан решает предпринять новый поход через Северный Кавказ во владения Ирана. Первыми двинулись через Кабарду крымские татары. Появление Джанибек-Гирея в Кабарде подтолкнуло Большую Ногайскую Орду примкнуть к крымцам. В этом походе приняло участие 3 тысячи крымцев и 9 тысяч ногайцев Иштерекова улуса⁷⁷.

Походы в Кабарду были предприняты и в 1619, 1629, 1631 годах⁷⁸. Они преследовали главную цель – привлечь кабардинцев на сторону Крыма, а попутно сопровождались грабежами населения и разорением земель. Крым и Турция упрекали своих сторонников в Кабарде (а таких в среде кабардинских феодалов было немало) в измене, в переходе на позицию московского царя, что действительно они вынуждены были делать в силу различных экстраординарных обстоятельств.

В 1639 году Османская империя потерпела поражение в борьбе с Ираном, однако походы и опустошительные набеги на Черкесию и Кабарду крымских ханов продолжались⁷⁹. В 1640 году 14-тысячная армия Крыма совершила зимний поход на земли черкесского князя Аджикумука, однако ему удалось дать достойный отпор захватчикам⁸⁰.

С начала 40-х годов начинается особенно энергичный нажим Турции и крымского хана на Северный Кавказ и на всю южную границу Русского государства. В той ситуации Кабарда продолжает соизмерять свою политику с Россией, выступая как ее союзник. Осенью 1645 года крымские татары подошли к Черкасску на Дону и осадили город. На помощь донцам двинулись 3000 «охочих людей» (из Серпухова, Тулы, Воронежа, Ельца и других городов). Из Астрахани выступил воевода князь Семен Пожарский. К нему присоединились 1200 терских казаков и кабардинцев, которых возглавлял князь Муцал Сунчалеевич Черкасский⁸¹.

Военные действия развернулись близ Азова⁸². Крымский калга Нурадин-Гирей, «сидевший» на Кубани, быстро подошел сюда с 7000 всадников, где, соединившись с турецким пашой Мустафой-беем, у которого было 3000 человек, совершил нападение на российские войска. Первый и наиболее сильный удар врага пришелся на терских казаков и кабардинцев князя Муцала и «учинил он, князь Муцал, с ними бой»⁸³ и «бился долгое время»⁸⁴ и при

помощи подоспевших отрядов Пожарского к вечеру противник был отброшен, понеся большие потери. «Казалось бы, — пишет В. А. Потто, — что после больших потерь, понесенных обеими сторонами, военные действия должны были приостановиться. Задача наша была исполнена. Черкасск освобожден, и если мы не пошли на Перекоп, как желал царь Алексей Михайлович, зато разбили враждебные нам татарские улусы, да и самим крымцам нанесли большие потери. Но казаки не хотели возвращаться домой; им не давала покоя мысль, что татары, заставшие их врасплох, будут похваляться своими успехами...»⁸⁵.

Собрав около 6000 стрельцов, казаков и кабардинцев, князя Пожарский и Черкасский пошли вслед крымцам. 7 августа 1646 года объединенный отряд неожиданно напал на лагерь калги Нурадин-Гирея. Татары, не ждавшие нападения, были разгромлены. Сам Нурадин едва успел ускакать⁸⁶.

Эта военная акция, в которой активную роль играли кабардинцы во главе с Муцалом Черкасским, не только защитила донских казаков, но и сорвала намеченный противником поход на Русь. Стамбул был вынужден отдать приказ хану Ислам-Гирею держаться оборонительной тактики, прекратить нападения на русские «украины»⁸⁷.

Как пишет Я. З. Ахмадов, «северокавказские князья, в особенности кабардинские, не раз выражали желание принять (и принимали, как видели выше. — К. Д.) участие в боевых действиях на Дону и под Крымом совместно с русской армией»⁸⁸.

Однако турки при помощи Крыма в 50–60-х годах XVII века не оставляли надежду на покорение северного и центрального районов Кавказа, и в первую очередь Кабарды. Эмиссары Турции и Крыма вели большую подрывную пропаганду в среде кабардинских феодалов. Натравливали одних на других, оказывали военную помощь одним против других, использовали родственные связи и т. д.

Князьям Большой Кабарды Алегуко Шогенукову и его двоюродному брату Хатохшоко Казиеву (внуки знаменитого Пшеапшоко Кайтукина) была направлена царская грамота быть готовым выступить против крымского хана. Однако князья в ответ сообщили, что «выставить 1 тысячу ратных людей» им «мочи нет», но обещали оказать русским войскам всякое содействие⁸⁹.

Это объяснялось тем, что женой крымского хана была сестра Хатохшоко (Атажук), которая приехала домой в Кабарду из Крыма в 1653 году «на плач своего брата Ислама-мурзы*»⁹⁰. С нею тогда прибыл в Кабарду воинский отряд, имевший задание, кроме охраны крымской царицы, собрать здесь ясак (дань). Учитывая политическую ситуацию Алегуко, Хатохшоко и другие кабардинские князья не решились противиться крымцам и разрешили им увести 130 человек в плен вместе с большим числом захваченных лошадей, панцирей, оружия, скота и другого имущества⁹¹.

Русские власти убеждали кабардинских князей не позволять

* Ислам Казиев — младший сын князя Большой Кабарды Казы Пшеапшокова.

посланникам крымского хана собирать ясак. Но добиться этого оказалось не так легко. Объясняя свою нерешительность, кабардинские князья обычно говорили, что «ни они сами, ни их деды, ни прадеды», не считают себя подданными крымского хана, но платят хану ясак «на всякий раз душ по двадцать, по тридцать, так как опасаются разорения их кабаков»⁹².

Как мы уже отмечали, ссылаясь на Р. Трахо, Русское государство уже не могло уделять должного внимания Северному Кавказу, связанное обороной западных и юго-западных рубежей, а также неурядицами в самой России. Это полностью развязало руки крымским ханам, тем более, что в их грабительских намерениях им способствовали усиливавшиеся феодальные распри внутри самой Кабарды.

В 1671 году крымский хан с значительными силами вторгся в Кабарду, где хозяйничал более восьми месяцев. Но кабардинцы, не желая подчиняться ему и не имея возможности выступить открыто против татар, снялись с насиженных мест и ушли «в горы и в крепкие места и с собой все побрали». Крымцам досталось всего 50 заложников и они вынуждены были, произведя огромные разрушения, уйти⁹³.

В 1672 году Турция нанесла поражение Польше и с этого времени узловым вопросом внешней политики Русского государства становится борьба с Турцией. После перехода гетмана Дорошенко в подданство Османской Порты последняя заявила свои претензии на всю Украину⁹⁴.

Война с Турцией стала неизбежной и Россия начала к ней готовиться. Но сначала необходимо было нейтрализовать ее союзника – Крымское ханство. В июне 1674 года князю Касбулату Черкасскому было велено «идти на его, великого государя, службу с своими узденями и с калмыцкими улусными людьми на крымские улусы и на Азов»⁹⁵. На основании этого царского решения калмыцкий хан Аюка выделил для участия в походе «улусных своих людей 7000 человек»⁹⁶.

Две колонны воинов – Касбулата Муцаловича Черкасского и калмыков двинулись к Перекопу.

Выйдя к Черкасску, Касбулат встретился с донским атаманом Корнилой Яковлевым и выработал с ним план совместного похода. В материалах КРО говорится, что атаман Яковлев «и с ним, князь Касбулатом, виделся и о промыслу над неприятели меж собою говорили, и, договорясь, накануне Семеня дни ходили для промыслу, под Азов»⁹⁷. Объединенный отряд Касбулата Черкасского разгромил на подступах к Азову полуторатысячный турецкий отряд «...и с турками прибылыми людьми был бой, и на том бою азовцев и турков побии, и стада конские и скотские отогнаны многие...»⁹⁸.

В это время отряд крымских татар совершил поход в Кабарду, – «ево князь Касбулатовых, узденей и черкасских мурз побивают и кабаки, которыми он князь Касбулат, владел, отняли и хотят разоря его, князь Касбулатово владенье, уйти в Крым»⁹⁹. Касбулат

срочно возвращается в Кабарду и изгоняет крымцев. А в 1675 году он уже выехал в Москву, где по его плану намечается новый поход на Крым. В августе того же года князь Касбулат Черкасский уже повел отряд к Перекопу. О событиях, связанных с тем походом, мы уже писали в разделе, где касались Сунчалеева колена князей Черкасских.

Эти два похода на Крым Касбулата Муцаловича были безусловно прелюдией к большим военным действиям, которым предстояло развернуться в ближайшие годы¹⁰⁰.

Русско-турецкая война 1676–1681 годов являлась одним из важных этапов борьбы русского народа против иноземных завоевателей, в частности Турции, начавшей ее с целью завоевания Украины. В этой войне русского и украинского народов против Оттоманской Порты сражались отряды кабардинских воинов во главе с видным военачальником XVII века кабардинским князем Касбулатом Муцаловичем Черкасским. Под его командованием так же находились терские и гребенские казаки¹⁰¹. Касбулат Черкасский со своим полком участвовал в боях под Чигирином, у Харькова и Чугуева, охранял переправы через Днепр у Киева¹⁰².

В. Н. Сокуров, посвятивший специальную статью взаимоотношениям Кабарды и Крыма в конце XVII – начале XVIII веков пишет, что «следствием неудачных действий татар в войне с Россией явилась смена на ханском престоле в 1678 году»¹⁰³. Новый хан Мурат-Гирей изменил название своего титула, ввел в него добавления и стал именоваться государем «Кабардинских и горских черкас правой и левой стороны»¹⁰⁴. Разумеется, что это вызвало протест со стороны русского правительства. Именно в это время оно сделало попытку начать переговоры о мире через кабардинского князя К.М. Черкасского¹⁰⁵.

Князь Касбулат Черкасский, лично знакомый с крымским ханом, известный в России, на Кавказе и в Крыму, принимает активное участие в подготовке предварительных переговоров о мире России с Крымом и Портой. В октябре 1678 года он послал к крымскому хану Мурат-Гирею своих доверенных людей – трех кабардинских уорков (дворян) с предложением от своего имени снестись с султаном на счет заключения мира с Россией¹⁰⁶.

Хан принял предложение кабардинского князя Черкасского о его посредничестве между Турцией и Россией. Однако в тот раз ханом по требованию султана были выдвинуты явно неприемлемые для России условия мира¹⁰⁷. Но в 1680 году в урочище близ Терской крепости Касбулат Муцалович Черкасский встретился с крымским послом мурзой Батыршой, направленным в Кабарду с полномочиями от турецкого султана для ведения переговоров с доверенным лицом русского правительства – князем Черкасским. Через него от имени султана и было доведено до Москвы «чтобы великий государь изволил с турецким султаном и крымским ханом быть в мире и дружбе»¹⁰⁸.

В результате длительных и непростых переговоров миссии русских послов В. Тяпкина и Н. Зотова, которые успешно использова-

ли ценные сведения, добытые Касбулатом Черкасским, русско-турецкая война завершилась в январе 1681 года заключением Бахчисарайского договора, по которому Турция признала воссоединение Левобережной Украины и Киева с Россией, а запорожских казаков – русскими подданными¹⁰⁹.

Отношения России с Кабардой в XVII веке развивались в сложной международной обстановке. Но упрочившись в тот период, они имели большое значение для кабардинского народа, способствовали укреплению боевого сотрудничества кабардинцев и русских и закреплению позиций России на Кавказе, а заодно ослаблению крымских ханов.

«Претензии Стамбула и Бахчисарая по дальнейшему усилению своего присутствия на Северном Кавказе были ослаблены, – отмечает Я. З. Ахмадов, – но не прекращены»¹¹⁰. Здесь он приводит в подтверждение своего вывода следующее: «Известно, что в 1683–1684 гг. сравнительно небольшие группы (до 1,5 тыс. человек) «горских черкас», а также ногайцев и азовцев участвовали как в действиях крымских мурз в Польше, так и в периодически повторяющихся набегах турецких подданных (азовских татар) на русские пограничные земли»¹¹¹.

Несмотря на определенный успех в закончившейся русско-турецкой войне, противостояние России и Крыма продолжалось, и предыдущие сведения подтверждают, что определенная часть черкесов (в основном это были западно-адыгские племена) находилась под влиянием Крыма и поддерживала их в военных действиях и набегах, осуществляемых в различных направлениях.

Россия, вступив в антитурецкую коалицию европейских государств, уже в мае 1687 года отправляет огромную армию в поход на Крым. Впервые за два века османской агрессии Русское государство смогло поставить на повестку дня задачу разгрома Крымского ханства, ликвидации последних остатков ордынской зависимости¹¹².

Обе стороны, т. е. Крым и Россия стали вербовать себе сторонников на Северном Кавказе. Крымский хан обращался к тарковскому шамхалу с призывом принять участие в войне с русскими, но получил отказ. Подобные же отказы последовали и от кабардинских князей. Более того, в 1688 году крымский сераскир Казы-Гирей даже воевал в Кабарде¹¹³.

Влияние Крыма несколько возрастает после неудачного (1687 г.) похода русской армии под командованием В. Д. Голицына на Крым. Крымцы использовали неудачи русского похода в пропагандистских целях, применяя подкуп и даже угрозы. Это дало свои результаты. В 1689 году во время второго похода В. Д. Голицына на Крым, один из принцев дома Гиреев привел на помощь к Селим-Гирею около 50 000 кумыков, черкесов и ямансадаков (ногайцы)¹¹⁴. Цифры эти, безусловно, преувеличены, но они показывают, что определенные неудачи России в период первого похода на Крым подорвали ее престиж в среде северокавказских народов. При этом скажем, что царская администрация не смогла привлечь ка-

кие-либо серьезные силы из северокавказцев для участия во втором походе на Крым. В состав войска В. Д. Голицына было привлечено с Терков всего 222 человека, из них 100 служилых горцев¹¹⁵.

Определенную роль в политике Крыма играли и торговые связи, которые татары старались использовать для своего влияния в Кабарде. Большую долю вывоза, пишет В. Н. Сокуров, составляли кабардинские лошади, которые были известны не только на Кавказе, но и далеко за его пределами. А крымские татары были постоянными покупателями этих лошадей¹¹⁶.

Об этом есть упоминание и у послов В. Тяпкина и Н. Зотова, которые были в Бахчисарае с миссией подготовки мирного договора в 1680–1681 годах. Они встречались в Крыму с кабардинцами «много число с продаными табуны конские»¹¹⁷. Кабардинцы же закупали здесь различные ткани, кожаные изделия, женские украшения, посуду, оружие и т. д.¹¹⁸

Однако, поддержав Крым в тот раз, северокавказцы не всегда были с ним в дальнейшем. Так, когда в 1691 году ханом Саадат-Гиреем была предпринята попытка двинуть татарскую конницу в Венгрию, то «они (крымцы. – К. Д.) заодно с ногаями, черкасами и кумыками согласились совсем не оказывать ему (хану. – К. Д.) повиновения и послушания»¹¹⁹. Это подтверждает мысль о шаткости крымско-османского влияния среди горских народов Северного Кавказа, которое в зависимости от международного положения то усиливалось, то ослабевало. Впрочем, это относилось и по отношению к России.

В 1699 году в Черкесии в доме бесленеевского князя Темир-Булата был убит крымский царевич калга Шахбаз-Гирей. Поступили сведения, что он отравлен, а по другой версии, его убили восставшие черкесы. Подозрение пало на хана Давлет-Гирея, который с помощью черкесских отрядов разбил своих противников. Но смута не прекратилась. Брат убитого калги, Каплан-Гирей, под предлогом мести совершил несколько разорительных набегов на горские земли¹²⁰.

Роль военно-политического сотрудничества с Россией в отражении крымского натиска на адыгов в начале XVIII в. — 1770-е гг.

На исторические судьбы народов Северного Кавказа в XVIII веке в еще большей степени, чем прежде, оказывала влияние сложная международная обстановка. Первая половина этого столетия в истории кабардинского народа была отмечена продолжавшейся борьбой с усиливавшейся крымско-турецкой агрессией¹²¹.

Усиление агрессии было связано с внутренними событиями в Турецкой империи, повлекшими за собой общую активизацию внешней политики. Оставаясь одной из сильнейших военно-феодальных держав, она усиливает свою военно-политическую экспан-

сию на Кавказе и на Юге России в связи с приходом к власти представителя наиболее агрессивных кругов турецких феодалов – султана Ахмеда III (1703–1730 гг.). С самого начала правления он встал на путь завоеваний. При нем была построена крепость Еникале, т. е. Новая крепость на берегу Черного моря, сильно укреплена Керчь. Эти мероприятия были проведены пользовавшимся большим влиянием на государственные дела Османской империи Черкес-Осман-пашой (по происхождению черкес. – К. Д.), который занимал пост капудан-паши – командующего всеми морскими силами Османской империи¹²².

Ахмед III разослал своих эмиссаров в кавказские страны – Дагестан, Ширван, Кабарду, Черкесию и другие с целью проведения активной антирусской пропаганды. Одной из ближайших задач султан ставил возврат Азова. Потеря Турцией в предыдущей войне Азова и появление русского военного флота в Азовском море заставили ее особенно усиленно добиваться захвата Северного Кавказа и подчинения своей власти кумыков, кабардинцев и черкесов¹²³.

Н. А. Смирнов отмечает: «Северный Кавказ был нужен Турции как опора для ее захватнической политики и противодействия росту русского влияния на Кавказе. Не случайно в XVIII в. спор из-за Кабарды между Россией и Турцией принял острый характер»¹²⁴.

Такая политика Турции побудила к всплеску агрессивной активности крымских и ногайских мурз. Крымские ханы вновь чуть ли не ежегодно стали совершать разорительные походы в Кабарду. Поводом для этого, как говорилось выше, стало то, что еще в декабре 1699 года в Бесланях был убит крымский калга Шахбаз-Гирей¹²⁵. Эта должность была ему пожалована по требованию султана Турции, вопреки желанию крымского хана Давлет-Гирея. Убийство было организовано недовольными таким назначением старшими братьями Шахбаз-Гирея.

В 1700 и весной 1701 года в адыгские земли приходил с войском младший брат убитого Шахбаз-Гирея Каплан-Гирей, якобы для мести за убитого брата, а на самом деле для сбора дани, захвата невольников и грабежей¹²⁶.

В 1702 году по приказу турецкого султана был смещен хан Давлет-Гирей – это привело к восстанию в Крыму и на Кубани против Порты. Восстание было подавлено, а смещенный хан укрылся в Кабарде¹²⁷. Султан потребовал от нового хана Салам-Гирея направить 60 тысяч татар на кабардинцев¹²⁸. Летом 1703 года этот поход состоялся, во главе крымских войск стоял калга Газы-Гирей¹²⁹.

Используя народные предания кабардинцев, Ш. Б. Ногмов в своей «Истории адыгейского народа» писал: «Хан принуждал их принять магометанскую веру, умертвил древних шогенов*, палки их разбросал, а книги истребил огнем... Войско свое хан расположил по квартирам, в каждый дом по четыре человека, велел кор-

* Шогены – священники.

мить и поить их и лошадей, в каждом ауле поставил по одному мулле для обучения народа исламу и взял несколько княжеских детей к себе в аманаты»¹³⁰. Стремясь принудить кабардинцев к покорности, татары насильно забирали у них как дань юношей и девушек.

Вступив на престол в 1704 году, Газы-Гирей сразу же отправил в Кабарду калгу Менгли-Гирея с отрядом сейменов – ханской гвардии. Его задачей был сбор ясыря и попытка перевода кабардинских поселений за Кубань¹³¹. Однако калга потерпел поражение.

Кабардинский народ оказывал активное сопротивление крымцам. Непосильные поборы вызвали всеобщее восстание кабардинцев. Поводом к нему послужило, по словам Ш. Б. Ногмова, пренебрежительное отношение крымского паши по отношению к князю Кургоко Хатохшокову (Атажукину)¹³².

По требованию султана Ахмеда III крымский хан Каплан-Гирей (с 1707 г.) вторгся в пределы Кабарды. В том походе хана поддерживал правитель Каффы. Об этом крупном нашествии крымцев писали многие авторы: Энгельберт Кемпфер, Анри де ла Матрэ, Мехмед Фундуклулу, Дмитрий Кантемир, Ксаверио Главани, Иоган Густав Гербер, Симеон Броневский, Шора Ногмов и другие.

Особое место среди этих и более поздних авторов занимает Ш. Б. Ногмов, «который выявил и опубликовал, правда в своем пересказе, основные фольклорные памятники о борьбе кабардинцев с крымско-турецкой агрессией»¹³³.

В ходе нашествия Каплан-Гирея произошла Канжальская битва – самое значительное событие за почти трехсотлетнюю борьбу кабардинского народа с крымско-турецкими захватчиками. Она имела большое политическое значение, как для кабардинцев, в первую очередь, так и других народов Северного Кавказа.

В исторической литературе приводятся различные цифры о количестве крымского войска. В. Н. Сокуров, посвятивший Канжальской битве специальную статью, говорит, что оно состояло из «20–30 тысяч человек, куда входили как крымские, так турецкие и ногайские отряды»¹³⁴. Эти данные приводятся В. Н. Сокуровым на основании сведений, содержащихся у И. Хаммера (1831 г.) в «История Османского государства» и письма кабардинского князя Татархана Бекмурзина¹³⁵.

Татархан Бекмурзин – старший сын Бекмурзы Джамбулатова и брат Александра Бековича Черкасского – сподвижника Петра I. Следует отметить, что Бекмурза Джамбулатов в конце XVII века ушел в Крым (где в это время с ним, видимо, находился его старший сын) и приводил в Кабарду крымские войска. «Когда кабардинские владельцы жили в Пяти Горах, и тогда ушел от них Эльмурзы Бековича (который ныне обретается при крепости Святого Креста) отец Бек-Мурза в Крым, оттуда приходил он, Бек-Мурза с крымским Шахбаз-Гирей ханом для взятия их пятигорских владельцев»¹³⁶.

Следует отметить, что утверждение В. Н. Сокурова о том, что Бекмурза стал князем-валием после Кургоко Хатохшокова –

ошибочно. Очередным князем-валием в то время был провозглашен двоюродный брат Кургоко – Ислам Мисостов, а после его смерти в 1732 году – Татархан Бекмурзин¹³⁷.

Говоря о численности крымского войска, В. Н. Сокуров не берет во внимание то, что это был самый крупный поход крымских ханов и то, что ряд авторов, современников Канжальской битвы и более позднего периода, приводят другие цифры. Например, А. де ла Мотре, который называл цифру в 100 тысяч человек, Дмитрий Кантемир, хорошо сведущий в турецких и крымских делах, говорил о 95 тысяче человек, а в сообщениях господаря Молдавии Михайло Раковица, а также кабардинских князей в 1769 году шла речь о 40 тысячах крымцев. В «Истории Кабардино-Балкарской АССР» и «Истории народов Северного Кавказа» указывается, что одних только убитых в этой битве было более 30 тысяч человек. Если же иметь в виду, что в 1703 году в походе на Кабарду, который возглавлял калга Газы-Гирей, принимало участие 40 тысяч человек, в чем у нас нет основания сомневаться, так как эту цифру приводит участник похода Ферран, то поход самого хана, имевшего более широкие задачи, не мог осуществляться с меньшим количеством войск. Точную цифру, мы считаем, нет возможности назвать, но, на наш взгляд, все же с учетом всех данных и того, что в ходе этого похода произошло несколько кровопролитных боев и что в Крым вернулось немногим более 5 тысяч человек, а погибло как мы уже отметили более 30 тысяч человек, то войско крымского хана никак не могло быть менее 40 тысяч человек¹³⁸.

Поход крымцев начался весной 1708 года. Нашествие это не оказалось для кабардинцев неожиданным. Об этом они были предупреждены заранее, когда крымские войска были еще на Кубани, и поэтому отправили в горы жен, детей и стариков, имущество, скот. Кабардинцы, ожидая неприятеля, стали готовиться к обороне. Татары же, «пройдя границу, остановились у подножья высокой горы, раскинув в продолговатой равнине нечто вроде лагеря, наиболее опасные подступы которого были защищены шестью орудиями»¹³⁹.

Кабарда тогда не располагала артиллерией, да и собрать все войско вряд ли удалось, учитывая, что часть феодалов придерживалась прокрымской ориентации и феодальные распри были постоянными и неутихающими. Открытое сражение было опасно для кабардинцев. «В это время черкесы (кабардинцы), делая вид, что испугались этой огромной армии, разгласили повсюду, что хотят мира, и убедили в этом даже пленных татар и ногайцев, которых отправили с письмом к хану»¹⁴⁰. То есть кабардинцы приняли попытку с помощью переговоров избежать сражения. Однако, когда «глава кабардинский Курчук-бей (Кургоко Атажукин. – К. Д.) прислал к хану послов с предложением увеличения дани ясырем и драгоценными вещами, только с условием не трогать их, но мирные предложения были отвергнуты»¹⁴¹. Каплан-Гирей требовал от кабардинцев повышенной дани, заявив: «Меньше трех тысяч пленных я не беру», и дал срок привода пленных.

Кабардинцы решили дать сражение, ибо другого выхода у них не было. Была применена хитрость, о которой сообщает Ш. Б. Ногмов¹⁴². В молниеносной ночной атаке кабардинцы разгромили войска крымского хана, в панике оставшиеся татары отступили. Отступавших крымцев кабардинцы настигли у реки Гунделен и довершили доселе невиданный разгром. Об этом упоминает в своей «Истории» и Ш. Б. Ногмов¹⁴³. Из многотысячной армии Каплан-Гирея в Крым вернулось, как отмечалось, только несколько тысяч человек, а из отряда каффинского паши «возвратилось в Крым всего человек тридцать»¹⁴⁴.

Разгром кабардинцами огромной, хорошо подготовленной и оснащенной артиллерии крымской армии был столь сокрушительным, что вызвал большой резонанс как в Османской империи, так и в Европе и России. Господарь Молдавии Михайло Раковица сообщал российскому канцлеру Г. И. Головкину: «Хан какой срам, урон и напасть воспринял от черкезов, есть дело сие достойное слышанию, если наперед сего от кого, иного о сем вы не слыхали истенно, что уж пострадал то, чего или никогда или от веку не видел Крым, так что из старшины крымской и из шеринбеев очень немного спаслося, також и из яман сайдаков первый мурза и з другими убиты. Насилу хан жив ушел, а татары его, и что ни было с ним привезено, все досталось в руки черкезам. Сим крымцам погибель и напасть случилась оттого, что неприятели на них в ночи внезапно и неначаянно ударили, и для того с ханства скинули сего хана турки»¹⁴⁵.

В Крыму на ханский престол вместо Каплан-Гирея был поставлен Давлет-Гирей. Крымские же мурзы, оправдывая свое поражение в Кабарде, уверяли в Константинополе будто в той битве на стороне кабардинцев были калмыки и астраханские казаки, т.е. победа одержана с помощью России¹⁴⁶. Новый крымский хан Давлет-Гирей, не считаясь с предупреждениями России, подстрекаемый Портой, совершает непрерывные набеги на Северный Кавказ, что приносило его народам разорения и неисчислимые бедствия¹⁴⁷.

Поражение крымского войска в Кабарде в 1708 году было выгодно России. Воевавший с ней шведский король Карл XII не мог уже в этих условиях привлечь к себе на помощь крымское войско, что было важно в условиях многолетней Северной войны.

Горские народы, и в первую очередь адыги, не могли одни противостоять агрессии османских султанов и крымских ханов. В силу этого многие адыгские феодалы «стремились под его царского величества высокодержавную монаршескую руку поддаться, и тем себя и подданных своих из-под ига султана турецкого и от налог и разорения хана крымского освободить»¹⁴⁸.

В марте 1711 года царь Петр I обращается с грамотой к кабардинскому народу и владельцам, где писал: «Только желаем, дабы вы показали к нам ныне свою дружбу и верность против салтана турецкого и хана крымского, которые против нас войну начали, наруша мир несправедно против данных многих обещаний»¹⁴⁹. На Кубань отправляется 9-тысячный военный корпус под

командованием генерала П. М. Апраксина, а на Терк в Кабарду со специальной миссией – особый уполномоченный царя офицер гвардии Александр Бекович Черкасский¹⁵⁰.

Александр Черкасскому удалось убедить часть кабардинских князей принять участие в русско-турецкой войне. Был организован поход кабардинской конницы на Кубань, где они разгромили крымцев, «что де августа 30 числа у горских черкес с кубанцами, которыми командовал Нурадин салтан, был бой, на котором оных кубанцев черкесы побили 359, да в полон взяли 40 человек, а других потопили в реке Кубану»¹⁵¹.

В 1712 году крымский хан предпринимает несколько попыток склонить дагестанских владельцев к совместному нападению на Кабарду, ставя перед собой цель «привести» кабардинцев в подданство Крыма. Об этом сообщил А.Б. Черкасский. Затея крымского хана провалилась¹⁵².

Несмотря на занятость в Северной войне, Петр I не забывает о Северном Кавказе, о чем говорит направление сюда Александра Бековича, а затем и отправление кабардинским князьям грамоты с благодарностью за храбрые действия на Кубани¹⁵³. Со своей стороны через посла Али-Мурзу Алеева кабардинцы заверили азовского губернатора Ф. М. Апраксина, что кабардинцы и черкесы в любой момент готовы будут предоставить России до 15 000 войска, «конницы, оружейных», а с «работными людьми» тысяч тридцать или больше, «и те-де работные люди к войне заобычны ж и всегда будут в готовности»¹⁵⁴.

В 1717 году кабардинский князь Атажука Мисостов вместе с другими владетельными князьями обращается с письмом к Петру I с просьбой выдавать «жалование» за службу, защищать от врагов и возвращать беглых крестьян¹⁵⁵. Царь ответил на это письмо специальной грамотой, где сообщал о направлении им «жалованья», «о помощи войсками при нападении на них врагов»¹⁵⁶. И в 1719 году Петр I отвечает на очередное обращение князей Кабарды с просьбой о защите. В грамоте, отправленной с кабардинским послом Салтан-Али Абашевым он писал, что «в нужном случае вам от нашествия неприятельского крымского и кубанских и татарских орд вспоможение чинить и до разорения не допустить»¹⁵⁷.

Непрекращавшиеся набеги крымских и кубанских татар, активизация Турции, получившей назад Азов после Прутского договора, способствовали еще большему сближению России с кабардинскими князьями, об этом говорят и приведенные выше документы.

Между тем угроза крымско-турецкой агрессии на Кабарду нарастала. В начале 1720 года крымский хан Саадат-Гирей отправил в Большую Кабарду своих посланцев с требованием прекратить всякие сношения с Россией и присягнуть Турции и Крыму. Получив отказ, он вторгся в Кабарду¹⁵⁸.

Огромная 40-тысячная крымская армия во главе с самим ханом Саадат-Гиреем разорила и уничтожила много кабардинских селений. Хан потребовал выдачи четырех тысяч «ясырей» и возмещение убытков, понесенных татарами во время неудачного

похода Каплан-Гирея в 1708 году. Хан провозгласил старшим из кабардинских князей Ислама Мисостова*, лидера протурецки настроенной части кабардинской знати¹⁵⁹.

Сторонники русской ориентации, несмотря на угрозы и бесчинства, творимые татарами, отвергли все домогательства и укрылись в труднодоступном горном районе Кашкатау. А тем временем «пожгли у них ханские войска деревни и около оных хлеб на поле несжатый и сено в стогах»¹⁶⁰. Не подчинившись хану, кабардинцы, находясь в крайне тяжелом положении, вновь обратились за помощью и поддержкой к России. В Петербург был послан посол от кабардинского князя Асланбека Кайтукина, возглавлявшего борьбу с крымским ханом и его сторонниками. Послу Саадатгирею Салтаналееву поручалось сообщить, что если Россией не будет оказана срочная помощь кабардинцам, то им придется «поддаться» крымскому хану, так как они своими силами далее сопротивляться не могут. Князя просили также построить на Терек крепость (в районе урочища Бештамака)¹⁶¹.

Русское правительство отреагировало на эту и другие просьбы кабардинских князей об оказании помощи (письмо князя Батоко Бекмурзина Черкасского)¹⁶². Астраханский губернатор А. П. Волынский в 1721 году двинулся с небольшим отрядом на Терек. Его появление здесь подняло престиж кабардинских князей, придерживавшихся русской ориентации¹⁶³.

Следует отметить, что все же в тот раз кабардинцы сами сумели изгнать крымских татар со своей земли.

Хан, конечно же, не мог успокоиться, пока не отомстит Кабарде за предыдущие неудачи крымцев. Вот что пишет Ксаверио Главани об очередном походе крымских татар в Кабарду: «В 1723 году крымский хан Каплан-Гирей хотел обязать провинцию Кабарду (автор ошибочно считает Кабарду провинцией Крыма. — К. Д.), самую значительную из всех, давать ему большее число рабов, чем было установлено (после 1708 года Кабарда вообще перестала платить что-либо крымским ханам. — К. Д.). Народ взялся за оружие, произошло кровопролитное сражение, татары были разбиты наголову, сам хан едва успел спастись и потерял даже свои сапоги: в битве легло более 5000 татар, в том числе многие мурзы и дворяне»¹⁶⁴.

Турция и крымский хан продолжали сеять рознь в Кабарде. Это проявилось и в том, что в 20-х годах XVIII века среди кабардинских князей возникли феодальные междоусобицы, имевшие роковые последствия. Асланбек Кайтукин в междоусобной борьбе с владельцами родов Атажукина и Мисостова обратился за помощью к кубанскому султану Бахты-Гирею, присягнув ему и отдав в жены свою дочь¹⁶⁵. Тот, опираясь на силу крымского хана, разорил Большую Кабарду и стал принуждать кабардинских князей покориться его власти, требовал их переселения на Кубань¹⁶⁶.

* Ислам Мисостов — сын Мисоста Казиева, внук Кази Пшеапшокова, умер в 1732 году.

В 1729 году в Кабарде вновь появился из-за Кубани султан Бахты-Гирей. С. Броневский описал картину сражения кабардинцев с крымцами, которые не могли смириться с тремя поражениями подряд. Приведем фрагмент из его описания: «В 1729 году с намерениями взять рабов приходил кубанский сераскир Бахты-Гирей, который был убит в бою с кабардинцами и много людей потерял. С этого времени избавились черкесы (вернее кабардинцы. – К. Д.) от постоянной дани, которую обязаны были ежегодно платить крымскому хану мальчиками и девицами моложе 20 лет»¹⁶⁷.

Однако на этом далеко не завершается борьба адыгского народа против Порты и ее вассала крымского хана. В 1730 году по требованию султана Ахмеда III был смещен крымский хан Саадат-Гирей. На его место был поставлен Каплан-Гирей. Боясь кровавых репрессий, сын свергнутого хана царевич Салих-Гирей бежал в Кабарду к своему тестю Исламу Мисостову¹⁶⁸.

На следующий год 7-тысячный отряд крымцев подошел к границам Кабарды, это был авангард крымского войска, а основные силы до «двухсот тысяч с ханским сыном» во главе шли следом¹⁶⁹. Крымцы предъявили ультиматум – выдать беглого Салих-Гирея, как и тех, кто ранее убил Дели-Салтана и Шабат-Гирея во время их набега на Кабарду, а за «кровь» двух убитых салтанов дать выкуп из расчета по одному ясырю от каждого двора Большой Кабарды¹⁷⁰.

Не испугавшись врага, кабардинцы организовали оборону, а заодно обратились к русскому правительству за помощью. Правительство Анны Иоанновны, учитывая стратегическое значение Кабарды, решило взять кабардинцев под защиту России. Эта позиция оказала огромное влияние на Турцию и крымские войска были отозваны из Кабарды.

Видимо, не последнюю роль в их уходе сыграло и то, что из крепости Святого Креста выступили главные силы русского корпуса «о чем уведав, крымцы и кубанцы, убоясь оных, тотчас от Кабарды назад пошли»¹⁷¹.

Россия, оказывая помощь Кабарде, действовала часто совместно с кабардинскими отрядами против Крымского ханства, но «нужно заметить, – писал Н. Ф. Грабовский, – что в описанный период времени, когда Россия не имела еще достаточной силы, чтобы поддержать на Кавказе свое владычество, кабардинцы стояли на стороне последней совершенно добровольно и оказывали помощь русским из простого чувства дружелюбия, не требуя за это никакого возмездия и даже не пользуясь, в свою очередь, в трудных обстоятельствах помощью со стороны русских войск»¹⁷².

Все это говорит о том, что кабардинцы в основном рассчитывали на свои силы в борьбе с Крымским ханством и помощь России в данный момент была явно недостаточной, тем более, что в 30-е годы XVIII века Кабарда становится ареной ожесточенной борьбы между Турцией и Россией. Вице-канцлер А. И. Остерман писал верховному визирю Турции в ноте от 12 апреля 1736 года: «И в 1731, 1732 годах... на древний российский народ и поддан-

ных кабардинцев не токмо от татар, но и от самих турков и азовских бешлеев такие же неприятельские нападения, убиением и пленением многочисленных подданных российских, разорением и опустошением сел и деревень, отогнанием лошадей и скота и грабежом пожитков, учены и произведены»¹⁷³. Но и все это трудное время кабардинцы оставались верными России.

В 1733 году «при походе с Дону на Сулак Ивана Фролова с донской командою, крымцы ... оную донскую команду окружили и взяли в плен атамана Фролова. А команду несколько дней при Куме содержали в осаде и могли бы ее взять, но кабардинцы, получа о том известие, всеми силами выходили к тем казакам на помощь и их оборонили, а потом и атамана Фролова из полону выручили»¹⁷⁴.

В том же году на реке Куме полуторатысячный казачий отряд Краснощекова столкнулся с татарами, возвращавшимися с нагребленным добром из Дагестана. С татарами были казаки-некрасовцы и десять тысяч калмыков хана Дондук-Омбо. Фактически окруженному Краснощекову рассчитывать было не на кого. Однако появление кабардинского князя Магомеда (Бомата) Кургокина с отрядом привело к спешному отступлению неприятеля. Кургокину удалось уговорить своего зятя Дондук-Омбо, который незамедлительно увел всех татар, калмыков и некрасовцев¹⁷⁵.

Неоднократные вторжения крымских отрядов в районы Северного Кавказа и вопрос о Кабарде вскоре стали одним из непосредственных поводов к русско-турецкой войне 1735–1739 годов. В манифесте, отправленном в Турцию 12 апреля 1736 года, говорилось об объявлении войны. В ответ султан решил двинуть войска в Кабарду. 15 мая 1736 года крымский хан выступил в поход с 60-тысячным войском и артиллерией¹⁷⁶. В конце августа, увеличив свою армию до 80 тысяч человек, Каплан-Гирей вступил в Кабарду. Российские власти, чтобы ослабить Крым, решили спешно вернуть в пределы России Дондук-Омбо. Учитывая, что он с 1731 года находился в пределах Крыма, его возврат представлялся проблематичным. Однако шурин Дондук-Омбо кабардинский князь Магомед (Бомат) Кургокин и его родственник Касай Атажукин, используя свое родство, уговорили Дондук-Омбо вернуться в Россию и вступить в войну с Крымом с 20-тысячным войском¹⁷⁷.

Тогда же русское правительство обратилось к кабардинским владельцам с предложением, чтобы «собрався с своими военными людьми и совокупясь с отправленными... на кубанскую сторону с донскими казаками, старшиною Иваном Краснощековым, шли на Кубань и на тамошних татар и на протчих турецких подданных нападения чинили, и оных до того не допускали, чтобы они при осаде от наших войск Азова не лишались»¹⁷⁸.

О дальнейших боевых действиях в этой войне и участии в ней кабардинцев мы уже писали, когда рассматривали кабардино-калмыцкие взаимоотношения.

Необходимо сказать, что в 1737 году в Кабарде вспыхнула чума,

но тем не менее султан бросил сюда отряды ногайского мурзы Мусы и остатки племен Навруз-Улу. Все лето и осень 1737 года охваченная чумой Кабарда оборонялась от них¹⁷⁹.

Асланбек Кайтукин, ставший старшим князем Кабарды в 1737 году, в 1739-м совершил поход во главе калмыцкой и кабардинской конницы на Кубань. В этом походе он нанес сокрушительное поражение «кубанским» татарам. Используя момент, летом 1739 года крымские татары совершили ответное нападение на Кабарду, «во главе их стоял Фети-Гирей салтан», с ним были и кубанские татары во главе с султаном Казы-Гирем. Они угнали из Кабарды «две-сти тысяч овец, семь тысяч коров... и в полон 500 душ»¹⁸⁰.

Объединенные силы кабардинцев и пришедших им на помощь калмыков во главе с Асланбеком Кайтукиным настигли отходившего врага у реки Лаба. Казы-Гирей имел большое преимущество в военной силе и поэтому решил дать бой. Однако он не учел мощи кабардинской и калмыцкой конницы. Кайтукин и калмыки «тех татар разбили и прогнали. Много до смерти побито... и в полон взято... а салтана Казы-Гирея раненого до смерти побили ж»¹⁸¹.

Русско-турецкая война закончилась в 1739 году подписанием Белградского договора. Согласно ему Кабарда, как Большая, так и Малая были признаны независимыми, «нейтральными»¹⁸². Однако после заключения Белградского договора ни Турция, ни крымский хан вовсе не намеревались оставлять Кабарду в покое. Ведь в заключительной части его 6-й статьи говорилось, что если кабардинцы «причину жалобы подадут одной или другой державе, каждой позволяется наказать»¹⁸³, то есть давалось право, используя междоусобицы, вмешиваться во внутренние дела Кабарды.

Превращение «Большой и Малой Кабарды» в «буферную зону» между Крымом и Турцией с одной стороны и Россией с другой не соответствовало интересам самой же Кабарды. Россия будет по-прежнему брать от кабардинцев «для спокойного их пребывания аманатов; то же позволяется «для такой же причины» Оттоманской Порте»¹⁸⁴. Фактически Кабарда становилась беззащитной перед лицом крымско-турецкой агрессии. Отдельным князьям — активным участникам междоусобной войны, такое положение полностью развязывало руки и вместо того, чтобы использовать предоставленную независимость для объединения Кабарды в единое государство, они разоряли ее. Можно сказать, что несмотря на предоставившуюся возможность, кабардинские феодалы не прекратили междоусобиц ради объединения Кабарды, что могло в корне изменить будущее всего адыгского народа.

Этот «нейтралитет», или мнимая «независимость» не соответствовала интересам кабардинского народа. Обрывались веками установившиеся экономические и политические связи с Россией. Уступчивость России в кабардинском вопросе объяснялась международной обстановкой, сложившейся вокруг Российского государства. Французский флот вошел в Балтийское море, был решен вопрос о важном союзе между Швецией и Турцией. Шведские войска были переброшены в Финляндию. Однако эта «уступка» в

вопросе Кабарды была временной и по утверждению Н. Ф. Грабовского, главной целью России оставалось утверждение своего владычества в Кабарде и невозможность вследствие «противоречия интересам России» кабардинцам оставаться свободными¹⁸⁵.

После 1739 года Турция, чтобы показать, что она официально находится в стороне от кабардинских дел более чем это было ранее, перепоручает кабардинские дела крымскому хану, который стал действовать в этот период по отношению к Кабарде более самостоятельно. Россия, как отмечал Н. Ф. Грабовский, «по крайней мере на первое время, держалась строго заключенного условия, и когда в следующем 1740 году кабардинцам грозил кубанский сераскир, наше правительство не признало возможным защитить их и решило, что если бы кабардинцы обратились с просьбой о войске для помощи им, то уклоняться молчанием и разными причинами»¹⁸⁶.

Формально же, пытаясь показать видимость соблюдения условий Белградского договора, русское правительство фактически никогда не упускало своих видов на Кабарду, тем более, что большинство кабардинских князей по-прежнему придерживались русской ориентации. В начале 40-х годов в связи с нависшей угрозой со стороны иранского шаха Надира, угрожавшего Северному Кавказу, русское правительство вошло в сношение с кабардинскими князьями, хотя это и нарушало условия договора 1739 года, стремясь «расположить» их к России¹⁸⁷.

В 40-х годах в Кабарду с полномочиями правительства направлялся грузинский царевич генерал-поручик Бакар Вахтангович, состоявший в близком родстве с некоторыми кабардинскими владельческими князьями. От имени русского правительства он обратился к ним с призывом о подготовке к совместной обороне против предполагаемого похода Надир-шаха. Пропаганда Бакара Вахтанговича была небезуспешной, что подтверждается отправкой в Москву посла Магомеда Сидаква*, князя из рода Мисостовых, для участия в коронации императрицы Елизаветы Петровны¹⁸⁸.

Русское правительство внимательно следило за событиями на Северном Кавказе. Активизируя свою деятельность по примирению враждовавших кабардинских феодалов, оно направляет в Кабарду своих эмиссаров – бригадира Петра Кольцова с отрядом в 400 солдат, за ним были посланы майоры И. Барковский и П. Татаров. Помимо основной своей миссии, эти эмиссары внимательно изучали Кабарду, как один из важнейших театров военных действий в случае войны с Турцией и Ираном. А в 1744 году геодезист Степан Чичагов составил первую подробную карту Большой и Малой Кабарды¹⁸⁹.

* Послом в России был Магомед Атажукин из Мисостовского рода (АВГР, Кабардинские дела, 1742, д 7, л. 206). Значит, Магомед Сидаква не кто иной, как Магомед Атажукин. Об этом есть прямое указание и у П. Г. Буткова. В «Материалах для новой истории Кавказа» (Ч.1. С. 297) он пишет: «Джанхот Сидаква – посол ко двору в 1769 г. – сын Магомета Сидаква – бывшего послом-депутатом в Петербурге в 1743 г.».

Тем временем крымцы вновь напали на Кабарду, о чем в Москву в экстренном порядке доносил комендант Кизляра князь В. Е. Оболенский. В этом бою Асланбеку Кайтукину удалось разбить кубанского сераскира и «на реке Лабе и с ним, сераскиром, и с командою своею учинили бой, на котором де бою убили со стороны сераскировой Большого Ногаю мурзу Касая Сыртканова да со сто человек»¹⁹⁰.

Не имея возможности прямого вмешательства в кабардинские дела правительство России направляет кабардинским князьям послания, в которых предлагает те или иные способы для примирения враждовавших между собою феодалов, стремясь при этом, чтобы недовольная сторона не обращалась за помощью к Турции и Крыму. О том, что Россия придавала большое значение вопросу о Кабарде свидетельствуют обращения к ним императрицы Елизаветы Петровны (грамоты, указы) и канцлера А. П. Бестужева-Рюмина¹⁹¹.

Междоусобица тем временем продолжалась, и, как правило, Кашкатавскую партию поддерживал крымский хан, а Баксанскую — Россия.

В июле 1747 года произошло вновь столкновение между крымцами и кабардинцами, о чем кабардинские князья сообщили кизлярскому коменданту князю В.Е.Оболенскому¹⁹². В 1749 году крымцы вновь приходили в Кабарду «для взятия... ясырей», с ними «приехал владелец Мамбет»¹⁹³.

Между тем активно проводится на дипломатическом уровне борьба за влияние в Кабарде между Турцией и Крымом, с одной стороны, и Россией — с другой. В конце 40-х годов крымский хан Селим-Гирей неоднократно «жаловался» на кабардинцев, принимавших к себе беглецов из Прикубанья. При этом кубанский сераскир сам всячески старался, по приказу крымского хана, подчинить себе кабардинцев. Присутствие же в Кабарде И. Барковского и П. Татарова крымцами было расценено, как активная вербовка в Кабарде добровольцев для войны против Швеции и Пруссии¹⁹⁴.

В 1750 году из Петербурга направляется турецкому правительству протест в связи с постоянным вмешательством кубанского сераскира в кабардинские дела. В записке, врученной резидентом А. И. Неплюевым туркам, он писал от имени русского правительства: «Сверх всего уведомляется о кабардинских делах что эмиссары сераскир султана кубанского беспрестанно в делах того от обеих сторон независящего народа мешаются, возбуждают их ссоры и подбивают оных в Оттоманскую область перейти с разрешением о разрыве»¹⁹⁵. В том же 1750 году Турции была передана нота о «желательности невмешательства хана крымского и сераскира кубанского в кабардинские дела», где отмечают, что крымский хан и кубанский сераскир «не перестают под разными предложениями в кабардинские дела мешаются, употребляя иногда ласкания, а иногда угрозу и силу к приведению тамошних жителей к тому, чтоб оставя свое отечество к ним перешли, на то несклонных из жилищ выгоняют, иных берегут в неволю, других грабят, и все в непорядок приводят»¹⁹⁶.

В 1753 году И. Барковскому и П. Татарову удалось временно примирить враждовавшие кабардинские феодальные группировки, что дало сразу же повод крымцам и туркам обвинить Россию во вмешательстве в дела Кабарды и ведение агитации с целью склонения кабардинцев вступить в российское «подданство»¹⁹⁷.

Действительно, значительная часть кабардинских князей все больше и больше начинает тяготеть к России, и уже в 1758 году они добровольно приняли участие в походе русских войск в район Прикаспия для восстановления нормальных связей России с Закавказьем¹⁹⁸.

Однако вскоре русско-кабардинские отношения вступили в полосу серьезных затруднений. Положение на Северном Кавказе осложнилось вновь разгоравшейся борьбой между Россией, с одной стороны, и Турцией и Крымом – с другой, вновь вспыхивает феодальная борьба между князьями теперь уже Большой и Малой Кабарды, не затухала междоусобица между представителями Кашкатавской и Баксанской партий.

Полагая, что укрепить позиции России на Кавказе одними военными мероприятиями нельзя, царское правительство обращает внимание на развитие экономических связей с Кавказом. Расширяется ввоз на Кавказ различных товаров.

Тогда же с помощью генерала Эльмурзы Бековича Черкасского было сформировано ополчение из северокавказских горцев для отправления в русскую армию, которая действовала в Пруссии. Поход не состоялся по ряду причин. Но это говорит о сближении России и различных феодальных кругов Северного Кавказа, несмотря на проблемы, возникавшие в связи с недовольством определенной части феодальной Кабарды, вызванным благосклонным отношением России к князьям, обратившимся к правительству за помощью и разрешением переселиться в местечко, называемое кабардинцами Моздок^{*199}.

Российские власти стали активно поощрять переселение кабардинцев в Моздок. В декабре 1762 года был издан указ, по которому кабардинцу, переселившемуся в район Моздока и принявшему христианство, выдавалось единовременное пособие – для узденей по 40, а нежелавшим креститься – по 30 рублей, крестьянам же от 5 до 10 рублей. Это увеличило выход жителей Кабарды в Моздок, и здесь стали возникать кабардинские поселения.

Подобное обстоятельство вызвало недовольство кабардинских феодалов, чем сразу же воспользовались прокрымские элементы. «Крымский хан не применул обратиться к кабардинцам с новым посланием, обещая им поддержку в борьбе против русских на Тереке»²⁰⁰.

Очень скоро Моздок превращается в сильно укрепленную военную крепость, став важнейшим форпостом в колониальной политике России на Кавказе, которая стала претворяться в жизнь с приходом к власти императрицы Екатерины II. «Для поселения и

* Моздок – в переводе с кабардинского «дремучий лес», или «глухой лес».

моздокских укреплений у кабардинцев было взято значительное количество земли, что стеснило их и вызвало недовольство»²⁰¹.

Кабардинцы, не добившись в своих требованиях упразднения крепости Моздок, начали совершать нападения на небольшие русские укрепления²⁰².

Это, собственно говоря, и привело к тому, что во время русско-турецкой войны 1769–1774 годов некоторые кабардинские феодалы выступили на стороне Турции и Крыма, но «черный народ» о подданстве Крыму и слышать не хотел²⁰³. Турция при помощи Крыма делала все возможное, чтобы «привлечь на свою сторону племена кавказские и приготовить из этого элемента силу против русских»²⁰⁴.

Большая же часть кабардинских князей подтвердила свою русскую ориентацию в начавшейся войне. Вот что сообщал переводчик Ш. Чополов в Кизляре, куда его направил кабардинский князь Джанхот Татарханов: «Кабардинские владельцы Касай Атажукин с фамилией, Джанхот Сидаков с братьями, Кази Кайсинов с братьями, Ниятша и Муса Карамурзины, Маматкирей Алимурзин с сыном, и прочие, также уздени Куденетовы и Тамбиевы и народ все в подданство к Ея Императорского Величества преклонились и присягали»²⁰⁵.

А такие князья как «Мисост Боматов с детьми, Хамурза Росланбеков с детьми, Ельбуздука Канаматов с детьми, Джамбулат Кайтукин с сыном, Кильчука Кайсинов с детьми, Ислам и Батыргирей Аджигиреевы, Магмат Батокин с узденями и холопьями в небольшом числе...»²⁰⁶ выступили на стороне турецко-крымской коалиции. Против них генерал де Медем применил силу. Заняв выгодную позицию в урочище Эшкокон, кабардинцы оказали упорное сопротивление. Однако силы были неравны и последние потерпели поражение²⁰⁷.

Несмотря на то что, как мы уже отмечали выше, большинство кабардинцев было на стороне России, некоторые представители царской администрации на Северном Кавказе относились к кабардинцам, мягко говоря, отрицательно, рассматривая их всех как потенциальных противников. Не учитывая всей сложности обстановки в Кабарде, они своими мероприятиями нередко воссоставляли кабардинских князей и народ против России²⁰⁸.

С 70-х годов XVIII века колониальный характер политики России становится доминирующим в отношениях с Кабардой. Наиболее полно об этой политике можно узнать из «Представления» капитана М. Гостотти в Коллегию иностранных дел о действиях кабардинских феодалов в период русско-турецкой войны (1769–1774 гг.), где излагалось его мнение о той политике, которую следует проводить царскому правительству в Кабарде²⁰⁹.

По сути дела, предложения Гостотти легли в основу всей последовавшей политики царизма в отношении Кабарды, что нашло свое отражение в «Грамоте императрицы Екатерины II кабардинским владельцам», где, с одной стороны, утверждалось их право

на возвращение беглых, с другой – им отказывалось в срытии Моздока²¹⁰.

Эта грамота была встречена в Кабарде очень сдержанно. Тогда генералу Медему из Петербурга даны были инструкции с предписанием действовать осторожно, но твердо и в интересах России поддерживать существование в Кабарде двух равносильных партий²¹¹.

Тем временем российские войска овладели Перекопом и ворвались в Крым. 1 ноября 1772 года Селим-Гирей заключил с Россией договор «о вечном союзе и дружбе». В статье 3-й договора говорилось о положении Кабарды: «До войны настоящей бывшие под властью крымского хана все татарские и черкесские народы, томанцы и некрасовцы по-прежнему имеют быть во власти хана крымского. Большая же и Малая Кабарды состоят в подданстве Российской империи»²¹².

В Турции этот договор был встречен крайне негативно. В Кабарду из Турции были направлены агенты с предложениями заключить военный союз. Султан вновь объявляет крымским ханом Давлет-Гирея. В начале июня 1774 года многочисленная крымско-турецкая армия во главе с самим Давлет-Гиреем вступила в Кабарду. Решительное столкновение российской армии с его войском произошло в урочище Бештамак, а затем на реке Гунделен. В двух сражениях Давлет-Гирей был полностью разгромлен и изгнан из Кабарды²¹³. Кабардинцы, несмотря на изменение политики России по отношению к Кабарде, в те дни без колебаний выступили вместе с российскими войсками.

10 июля 1774 года, после успехов русского оружия на других театрах военных действий, Турция вынуждена была заключить в Кючук-Кайнарджи (болгарская деревушка) мирный договор. По этому договору «обе Кабарды – то есть Большая и Малая, по соседству с татарами, большую связь имеют с ханами крымскими; для чего принадлежность их императорскому российскому двору должна предъявлена быть на волю хана крымского». Здесь имелось в виду то, что по договору между Крымом и Россией от 1 ноября 1772 года Большая и Малая Кабарда были окончательно признаны состоящими в «подданстве» России, что уже не допускало вмешательства Турции в дела Кабарды²¹⁴.

21-я статья фактически решала вопрос о политическом статусе Кабарды, т. е. Большая и Малая Кабарда признавались частью Российской империи²¹⁵.

После Кючук-Кайнарджийского договора Кабарда наряду с другими народами Центрального Предкавказья стала втягиваться в сферу политической и государственной жизни России. Российский царизм, начав проведение колониальной политики на Северном Кавказе, отныне стремится превратить этот район в территорию, способную связать Россию с Закавказьем²¹⁶, что претворялось в жизнь жесткими военными методами.

**АДЫГИ И УПОРЯДОЧЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
С КОЧЕВЫМИ НАРОДАМИ СТЕПНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ**

**Кабардинская правящая элита и политика России
по отношению к Ногайской Орде**

Взаимоотношения Кабарды с Ногайской Ордой прослеживаются начиная с конца XV века, когда они часто наносили совместные удары Большой Орде, окончательно подорвавшие позиции последней в Предкавказье. К середине XVI века в связи с усилившейся агрессией крымских ханов в волжском бассейне Россия активизирует свою внешнеполитическую деятельность в этом регионе. В целях усиления своего влияния в Поволжье Россия идет на сближение с Ногайской Ордой, находившейся во враждебных отношениях с Крымским ханством, имевшим влияние на Казань и Астрахань.

К середине второй половины XVI века с Ногайской Ордой устанавливаются дипломатические отношения, а «вслед за присоединением Астрахани и всей Волги»¹, они становятся постоянными.

К этому времени относятся и более частые контакты адыгов с Ногайской Ордой. Один из могущественных князей Кабарды Темрюк Идаров, придерживавшийся русской ориентации, выдает свою среднюю дочь Малхуруб за сына князя Ногайской Орды Тинехмата². Измаил (отец Тинехмата) так же, как и Темрюк, придерживался прорусской ориентации. В середине XVI века в Ногайской Орде вспыхнула междоусобная война между различными группировками ногайских феодалов. Среди всех противников князя Измаила самым активным и наиболее опасным был в последние годы его жизни его внучатый племянник Кази-мурза, сын Ураки³.

Кази-мурза в этот период основал свой Казиев улус, или как его называли по-другому – Малую Ногайскую Орду. Кази «предпочел обосноваться с уведенными им из Орды улусами между Кабардой и Азовом в номинальном подданстве турецкого султана. В то же время Кази-мурза сумел обеспечить устойчивые отношения с крымским царем Давлет-Гиреем»⁴.

Кази также ищет контакты для сближения с черкесскими племенами после того, как его Орда начинает кочевать на Северном Кавказе, «другой постоянной поддержкой Казы стали его новые соседи черкесы, с которыми он породнился, женившись на черкесской княгине»⁵. Женой князя Малой Ногайской Орды Кази Уракова стала дочь одного из князей Кабарды Пшиапшоко Кайтукина⁶.

Таким образом, оба князя – как Большой, так и Малой Ногайской Орды – в период наиболее тяжелых междоусобных войн ищут поддержку среди черкесских князей и укрепляют свои связи с черкесами женитьбой на дочерях наиболее сильных кабардинских князей. О том, что их выбор не случаен, говорит то, что ногайцы, придерживавшиеся прорусской ориентации, рождаются с феодальной знатью Кабарды, ориентирующейся также на Москву, а Кази

берет в жены дочь князя, стоящего на прокрымских позициях. В 1561 году русский князь Иван IV (Грозный) женился вторым браком на младшей дочери Темрюка Идарова Гошаней. С Темрюком Россия находилась в союзе с 1557 года, а после смерти в 1563 году Измаила, когда Тинехмат стал князем (ханом) Большой Ногайской Орды, отношения Ивана Грозного с князем Большого Ногай становятся дружескими.

Иван IV поддерживал родственные отношения с Малхуруб, средней сестрой Гошаней (Марии Темрюковны). Между московским царем и княжеской четой из Большого Ногай велась активная переписка. Так, 6 июля 1565 года Иван Грозный отправил к князю Тинехмату, его братьям и мурзам с письмом и дорогими подарками «к Тинехматовой княжне Черкасской и Малхуруб-княгине»⁷. Сохранились и письма Малхуруб на имя царя Ивана IV и к своей сестре Гошаней. Наверное, в орбиту внимания русского царя Мария Темрюковна могла попасть по рекомендации как Измаила, хана Ногайской Орды, так и астраханского царевича Бекбулата, женатого на старшей дочери Темрюка Идарова княгине Алтынчач. 15 июля 1561 года, когда в Москву приехала царская невеста Гошаней Темрюковна, «вместе с княжною же приехали ко царю и великому князю брат ее Темрюков же княжой сын Доманук-мурза, да Бекбулат-царевич...а за Бекбулатом Темрюкова же княжая дочь Алтынчач-царица. А Бекбулат-царевич приехал с сыном Саин-царевичем, приехали государю служить»⁸.

Таким образом, Иван Грозный, женившись на Гошаней Темрюковне, становится родственником ногайского князя и астраханского царевича, а также верховного князя Темрюка Идарова, которые имели большое влияние в Поволжье и на Северном Кавказе. Был создан мощный плацдарм для борьбы с Крымским ханством, охране южнорусских и восточных границ от вторжения крымцев и других кочевых племен. Этот союз способствовал укреплению позиций в Прикаспии, давал возможность активизировать борьбу с Турцией и Персией за Северный Кавказ.

«Сближение Кабарды и других горцев с Россией имело для них прогрессивное значение, ибо этим делалась попытка подрыва влияния султанской Турции и Крымского ханства на горцев Кавказа. Сближение с Россией для горцев было большим подспорьем в борьбе с Турцией»⁹.

В Кабарде так же, как и в Ногайской Орде, во второй половине XVI века происходили мощные феодальные столкновения в рамках междоусобной войны. И кабардинские, и ногайские феодалы активно вмешивались в эту борьбу, выступая на стороне своих родственников. «Крымский царь да Казы-мурза да некоторые черкесы, которые Казиевой жене племя, и они три их соединились»¹⁰. Измаил, а затем и Тинехмат многократно жалуются царю на Казы-мурзу и его преемников. В жалобах они указывают, что некоторые черкесские племена предоставляют убежище малюгайцам и часто действуют с ними заодно. Вот что пишет в одном из своих сообщений князь Большой Ногайской Орды: «Верь тому,

что с крымским царем Казы-мурза соединился. Да и тому верь, что Юсуфовы княжие дети и Тохтар-мурзу с Казы-мурзою соединился. И как мы похотим воевати Казы-мурзу, и он от нас убегает к черкасам»¹¹. Далее он пишет: «А черкасы в твоей воле, чтоб тебе к ним приказати, то сам ты гораздо ведаешь»¹². В ответных письмах русский царь сообщает о предпринятых мерах против Казы-мурзы Уракова: «А о Казы-мирзе есле я в Черкасы приказали, велели над ним промышляти»¹³.

Впрочем, московская дипломатия в этом деликатном вопросе предпочитала действовать осмотрительно, и Казы-мурзе через князя Темрюка снова предложено было поступить на «царское жалование», т.е. на русскую службу: «И мы с тем своим послом (отправленным «к Темрюку князю в Черкасы») к Казию-мурзе свое жалованное слово приказали. И только похочет Казы нашего жалованья и мы тогда крепко промысел учиним, чтоб тебе, другу нашему, от него покой был. А будет же нашего слова не послушает, и мы тогда обуслося с тобой, другом своим, свою рать на него пошлем, и его с тех мест велим згонити»¹⁴. Как видим из этого письма, русский царь поручает старшему князю Кабарды дипломатическим путем привлечь на русскую службу князя Малой Ногайской Орды Кази Уракова и помирить его с князем Большой Ногайской Орды. Но разногласия между феодалами двух ногайских орд оказались столь глубокими, что дипломатическая миссия кабардинского князя Темрюка Идарова закончилась безрезультатно. Незадолго до своей смерти Измаил договорился с князем Темрюком предпринять совместные действия против Казы, который поддерживал против Темрюка другого черкесского князя Шогенука¹⁵. Как сообщает уже после смерти Измаила его сын и преемник князь Тинехмат (22 декабря 1563 года), «отец мой князь с Темрюком князем договорились были, на вселе. Хотели оттоле Темрюк князь, и от селе отец мой князь, хотели Казыя воевати. И мы, даст бог, на весне как от тебя к нам весть будет, с Темрюком князем соединимся. А от тебя дать будет и мы Казия учнем воевати»¹⁶. Поход этот со смертью в конце 1563 года князя Измаила, по-видимому, не состоялся. Кази Ураков пережил своего противника. Малая Ногайская Орда, возглавляемая им, продолжала и после смерти Измаила воевать с его потомками. Активную помощь ему в этом оказывали феодалы Кайтукинского и других кабардинских родов, придерживавшихся крымской ориентации. Кази погиб весной 1577 года во время похода в Кабарду¹⁷.

Тинехмат следовал в ногайско-русских отношениях традициям своего отца Измаила. Он успешно укреплял Орду, без особой надобности не шел на столкновения с соседями, и не случайно в период его правления значение Большого Ногай в просторных поволжских степях растет¹⁸. Этому способствовала и большая поддержка со стороны Ивана IV, которого Тинехмат во всем слушался и ставил в известность и о важных и даже незначительных делах, вплоть до того, где должна кочевать Орда в том или ином году: «на сее зимы по Яику ли мне велишь зимовать или по Волге»¹⁹.

Во многих письмах он напоминает о родственных отношениях и о своей преданности: «...А что нам с тобой лишь себя не отступным быти, тому пособство есть. А пособство тому твоя и моя жены обе одного отца дочери не отступлению нашему. И в том способствовало будет того для, в нашей земле только два человека у одного человека женятца: и те два человека как одного человека детьми учиняться...»²⁰. Отец Тинехмата Измаил сразу же после женитьбы Ивана IV на Гошаней Темрюковне также часто напоминал русскому царю о его и своих родственных связях с кабардинцами и, используя этот аргумент, просил различную помощь, в основном военную. Приведем фрагмент грамоты Измаила к русскому царю: «Крымский царь да Казый-мурза, да некоторые черкасы...тебе и мне ратные недруги. А и яз сего году с тестем с Темрюком гораздо еслея договорился, что нам обеима за один быте не на друзей... Только бы ты прислал людей Казыя воевати»²¹. Тинехмат во многих письмах затрагивает вопросы, касающиеся его семейных дел, что подтверждает близость к русскому царю князей Большой Ногайской Орды. «Да бью челом, что сын мой большой Оргмагмет (на иных листах Ургмагмет. – К. Д.) мирза Темрюку князю в племенах. И только почтишь и ты б к нему посла прислал»²². В переписке с ногайскими князьями русский царь называет Темрюка тестем. «А что еси поговорил с тестем моим с Темрюком князем, и мы ныне к тестю своему Темрюку послали посла своего...И ты б с тестем с моим Темрюком князем о своих делах обослался, как нам против недругов стоять»²³. После смерти Тинехмата князем Большой Ногайской Орды становится его младший брат Урус (Юнус), правивший Ордой двенадцать лет – с 1578-го по 1580 г. При нем Орда слабеет. «Ногайцы из полноправных соседей постепенно переходят в разряд простых наемников, живущих подачками из Москвы, и к концу XVI века совершенно теряют бывшее значение»²⁴.

Улучшилось положение только при князе Иштереке. Иштерек был сыном князя Тинехмата и княгини Малхуруб. Он избегал междоусобных войн, пресекал столкновения внутри правящего княжеского рода.

Некоторому восстановлению экономики Большой Орды во многом способствовали льготы, предоставленные ей Россией. «Пожаловали, – говорится в документе, того периода, – мы вас, для нынешние ваши скудости, с ваших базаров, как учнете торговати в нашей царской отчине, в Астрахани, с ваших лошадей и с товаров наших царских пошлин на нынешний год имати не велики, и имети б вам нашу высокою рукою в тишине и в покое, и улусы б свои полнили по-прежнему»²⁵.

Укрепив свои позиции в Орде и в какой-то мере подняв экономику, Иштерек приступает к завоеванию Казиева Улуса (Малые Ногаи). «Чтоб от моря Черного до Каспийского и далее на Восток и Север, не было в степях иной Орды Ногайской, кроме иштрековой, верной царю Московскому»²⁶.

Кроме названной амбициозной причины, походы князя Иште-

река были продиктованы и тем, что воины Малого Ногай систематически тревожили своими набегами Большой Ногай, жителей южных районов России и Кабарды.

Иштерек вменял себе в заслугу перед московским правительством неоднократные походы против казыевцев, кочевавших в степных просторах между Азовом и Кубанью и дальше на восток до низовий Терека и Каспийского моря²⁷.

Ногайские князья, находясь в номинальной зависимости от Москвы, фактически старались воспользоваться военными затруднениями Москвы в последние годы царствования Ивана Грозного, и в особенности в период смутного времени. Частенько они сами участвовали в грабительских набегах на московские окраины, нередко даже в союзе с крымцами. Однако после великого разорения и смуты, которая случилась в первые годы княжения Исмаила (1556–1559), Большая Ногайская Орда как военно-политическая сила не имела уже той былой мощи, которая была в период правления Юсуфа и дальше. Говоря о людских ресурсах, А. Д. Гераклитов в своей работе «История Саратовского края в XVI–XVIII вв.» писал: «В первой половине XVI века она могла без труда выставить до 300 тысяч воинов. О военной силе небольшой части Орды свидетельствует число войск князя Юсуфа, который мог один снарядить 12-тысячное войско»²⁸.

Однако князю Иштереку так и не удалось покорить Малую Ногайскую Орду, его походы, наоборот, сильно ослабили Большую Орду и окончательно разорили ногайцев-кочевников²⁹. Слабость Большой Ногайской Орды выяснилась при первых столкновениях с появившимися здесь калмыками в 1630 году. Нашествие калмыков для ногайцев имело катастрофический финал. Вот как об этом писал П. И. Иванов: «Конец существования Больших Ногаев в качестве самостоятельной территориально-политической единицы был связан с появлением в долине Яика и низовьях Волги калмыков в начале второго десятилетия XVI века и окончательным их укреплением в этих районах в начале 80-х годов того же столетия»³⁰.

В материалах кабардино-русских отношений много упоминаний о ногайцах, впрочем, как и в преданиях кабардинцев содержатся сведения о ногайцах. В основном они относятся к Казиеву Улусу, непосредственно кочевавшему рядом с Кабардой³¹.

В отписке терского воеводы А. И. Хворостина в Посольский приказ в сентябре 1589 года отмечено: «Да Мамстрюк же, государь, да Хотов, да Камбулатовы дети Очекан да Куденек (кроме Козлара Хотова Анзора все Идаровичи. – К. Д.) привозили к нам, холопам твоим, тамку с кумыцких людей и с ногайских, а имели сказывают, на Сунже на перевозе... И к нам, государь, в Терский город ногайские и кумыцкие люди не приезжают. И тех, государь, ногаев Казиева улусу, которые с кумыки торгуют, терские казаки, которые остались на Тереке, громят»³². Из этого документа видим, что кабардинские князья Идаровичи, совместно с казаками, нападали на ногайцев Казиева улуса. Что, впрочем, постоянно делали и ногайцы Малого Ногай совместно с кабардин-

цами крымской ориентации по отношению к тем, кто придерживался русской ориентации. Впрочем, необходимо отметить, что частенько ногайские мурзы из Большой Орды меняли ориентиры и участвовали в походах во владения как князей Казыевой и Шолоховой Кабарды, так и Малого Ногай – Казиева улуса³³.

В самом начале XVII века в 1600–1601 годах сыновья Темрюка Идарова Домануко и Мамстрюк, как было уже отмечено нами, были убиты Казы Пшеапшоковым. И, боясь мести, он бежал в Бесланю и жил там три года³⁴. Бежал Казы в Бесланю под крыло кочевавшей здесь Малой Ногайской Орды, с которой у него были тесные контакты. Это неудивительно, если вспомнить, что женой основателя улуса Казы была его родная сестра, а убил он двух братьев Малхуруб – жены князя Большого Ногай Тинехмата. Князем Большой Ногайской Орды в это время был Иштерек – родной племянник Домануко и Мамстрюка. К концу XVI – началу XVII веков Казиев улус действовал агрессивно на юге России и в Поволжье. Эти разорительные походы вынудили князя Большого Ногай совершить военный поход на Северный Кавказ, в частности на Кабарду, «проходили на Казиевы кабаки Шепшуковы ногайцы Иштерекова улуса (Большая Ногайская Орда) и взяли у казиевых черкас украдом робят и жонок»³⁵. При отпоре ногайцам Большой Орды на стороне кабардинского князя Казыя Пшеапшокова выступали ногайцы Малой Орды во главе с Алей-мурзой, Касай-мурзой и другими.

В ноябре поход ногайцев Иштерекова улуса на Казиеву Кабарду повторился. Вот что по этому поводу отписывал терский воевода Н. Д. Вельяминов в Посольский приказ: «И в прошлом, государь, в 124-м году ноября в 11 черкасский Шолох князь и сын ево Хорошай-мурза, собрався с кумыцким с Будацевым сыном Ерпельсково с Мамет-мурзою и с ногайскими людьми с Каракал-Мамет-мурзою да с Ыштерековым сыном с Мамет-мурзою и их улусными людьми, на черкассово на Казия-мурзу Пшепшукова войною приходил и его, Казыя, убил и братьев ево и узденей многих людей побили и кабаки их выжгли, и бой у Казы-мурзы с ногайскими людьми был. И на том де бою убили ногайских немногих людей, а Каракел-Мамет-мурза з бою съехал жив и ныне в Ногайх. И в прошлом, государь, во 124-м году били челом тебе, великому государю, и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси, Кумыцкой Гирей-князь, да кабардинские казиевы братья Шепшуковы Кул-мурза Канукин, да Клыч-мурза Енсохов, Черегуко-мурза Езбузлуков с узденями своими о твоих государевых ратных людях на кабардинсково на Шолоха-князя и на сына ево на Хорошай-мурзу, чтоб им ево, Шолоха и Хорошай повоевати и кровь брата своего Казы-мурзы отмети»³⁶. В этом нападении ногайцев, организованном Шолохом и Хорошаем Тапсоруковыми, погибли, кроме Казы Пшеапшокова, и его близкие родственники: князя Анфоко Шогенуков – родной племянник, Инармас Асланбеков (зять Мамстрюка Темрюковича), Акъсак Кайтукин, Докшука Шансохов – двоюродные братья.

Из всего сказанного видно, что группировка кабардинских князей во главе с Темрюком и его преемниками, установив связи с ногайскими ханами Большой Орды, закрепляют их брачными узами. Используя этот союз, они ведут решительную борьбу с обосновавшимся под боком Кабарды Казиевым улусом (Малая Ногайская Орда) и вмешивающимся в дела Кабарды на правах зятя и родственников непримиримого врага Темрюка – Пшеапшоко Кайтукина, чьи владения лежали близко к местам кочевья Малого Ногай. Русское правительство активно, как мы уже отмечали, поддерживало первую союзную группировку³⁷.

Летом 1616 года из Кабарды в Терский город пришла весть о том, что в Кабарду пришло сообщение от шурина крымского хана Хакеча (бесланевский князь Хагяша Каноков. – К. Д.), что хан идет «с великою ратью на казылбазского на Обоз-шахи (Абас I)»³⁸. В этом сообщении отмечалось, что вместе с крымцами идут «с ногайским з Бай-мурзою с Ураковым. А с ним да, государь, с крымским, идут турецкие наши и ногайские князья и мурзы со всеми своими ногайскими людьми»³⁹. В Кабарде крымского хана встречали племянник Казы Пшеапшокова Алегуко Шогенуков, Хорошай – сын Шолоха Тапсорукова, Хабыза Хотов (Анзоров), а также Салтан-Магмут-мурза Кумыцкий. Сообщалось также, что среди воинов крымского хана отозванные из набега на Русь 10 тысяч ногайских людей⁴⁰.

Как видим, в этом походе крымского хана готовились принять участие свыше 10 000 ногайцев из Малого Ногай, а также кабардинские феодалы из Казиевой (Кайтукиной) и Шолоховой Кабарды, имеющих очень тесные связи с Казиевым улусом.

В 1619 году Алегуко Шогенуков, князь из Казиевой Кабарды, принес шерть (присягу) в Терском городе. Терский воевода Н. Д. Вельяминов по этому поводу сообщал: «И после шерти, государь, черкаской Алегука-мурза били челом тебе, великому государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси, кабардинские мурзы Алегука-мурза Шогенукин, да Мулдаз-мурзав Алкасов, да Ахлов-мурза Айтеков и многие кабардинские мурзы, чтоб тебе, великому государю, их кабардинских мурз пожаловати, велети их, кабардинским мурзам, с твоими государствами с ратными людьми ногайских мурз воевати. И они де, кабардинские мурзы, все со многими городскими людьми ногайских мурз воевати и улусы их разоряти ради, чтоб им, кабардинским мурзам, недружба своя отомстити и кровь им отлити Казыя-мурзы Шепшукова»⁴¹. Вельяминов советует поддержать кабардинцев, дабы ногайцы не стали кочевать в сторону Крыма. В Терках в то время рядом с кабардинцами жили и ногайцы, – «толмач, государь. Данилко Подолинин мне, холопу твоему, сказал: Видел де, государь, он в Кумыках терского жильца ногайского татарина Имаруку, который ездил с Терка в Ногаи торговати»⁴². Эти ногайцы оказывали большую услугу, сообщая различные сведения.

Кабардинские феодалы, придерживавшиеся русской ориентации, совместно с русскими отрядами принимали участие в походе

дах на Малую Ногайскую Орду. Воевода Терского города М. И. Волынский 4 августа 1623 года отписывал в Посольский приказ: «И будучи, государь, на Терке Каншов-мурза тебе, государю, служил. В прошлом во 129 году воевода Микита Вельяминов да я, холоп твой Баимко, послал голов, а с ними ратных людей на твоих государевых непослушников Малово Ногаю Казыева улусу Исюфова родства на ногайских людей. И в том, государь, посылке Каншов-мурза с уздени своими тебе, государь, служил, с ногайскими людьми бился явство но и ногайских людей побил»⁴³. Такие же сообщения делаются относительно и других кабардинских князей и мурз, в частности, относительно Араслана (Аслана) Баборукова⁴⁴. Крепкие связи налаживаются, как мы узнаем из челобитной кабардинского князя Барука Арасланова в 1631 году, с Малой Ногайской Ордой у князя Шолоха Сунчалеевича Черкасского, а также с Алегуко Шогенуковым. Часто, угнав скот друг у друга, кабардинские феодалы отгоняли его в Ногаи. «Да побежали в Ногаи от нево, от князь Шолоха, люди ево 6 человек. А свели те ево люди у нас, холопей ваших, 6 лошадей, 2 аргамака – цена 40 рублей, да 4 кони ногайские – цена 50 рублей»⁴⁵.

Через ногайцев из Малой Орды крымские ханы поддерживали связи с кабардинскими феодалами, через них пересылались подарки, осуществляли подкуп и организовывали походы, нападения и т.д. Среди узденей кабардинских князей было немало ногайцев. «Да за ним же, Мурал-мурзою, живет двором, ногайскова Кудоват-мурзы племянник Бу-мурза. По сказку жены ево поехал в Большой Ногаи»⁴⁶.

Эти люди, бывая в Ногаях, сообщали разные сведения и были связующим звеном между Малым Ногаем и Казыевой Кабардой, а также между Большим Ногаем, Терской крепостью и той частью Кабарды, которая была в союзнических отношениях с Россией и Большим Ногаем.

В 1641 году произошла Малкинская битва между войсками князей Казыевой Кабарды Алегуко Шогенукова и Хатохшоко Казыева (внуки от двух старших сыновей Пшеапшоко Кайтукина. – К. Д.) и князьями прорусской ориентации во главе с Калеметом Куденетовичем Черкасским. Эта битва произошла в отместку за разорительный поход войск Казыевой Кабарды «на Шолохову и на Кельмаметову Кабарду и повоевали и побили. Да... с Малым Ногаем подсылкою убили Кельмаметова дядю родново Мулдар-мурзу Алкасова»⁴⁷. В битве на Малке на стороне Черкасских выступали казаки, регулярные войска, расположенные в Терском городе, во главе со стрелецким головою Артемием Шишмаревым, ногайцы Большой Орды во главе с Солтаном-мурзою, кумыцкий Айдемир-шевкал, а также воины Шолоховой Кабарды во главе с Ильдаром Ибаковым «пошли по своей вере мстить кровью Мулдарову Малому Ногаю, а государевых ратных людей взяли с собою»⁴⁸. Битва закончилась полным разгромом объединенных войск во главе с Калеметом Черкасским, ногайским мурзою Солтаном и стрелецким головою Артемием Шишмаревым. В этом разгроме не-

малую роль сыграли отряды из Малого Ногай. Алегуко и Хатохшоко «...накупили на нево (Кельмамета Куденетовича Черкасского. – К. Д.) татарина Малого Ногаю»⁴⁹.

Таким образом, находясь в союзе с разными группировками кабардинских князей, ногайцы часто воевали друг с другом, и эти столкновения происходили в разных местах, в данном случае на территории Кабарды. Среди спасшихся с поля битвы бегством значатся и ногайские мурзы Салтаниша Аксаков да Хорошай Чюбитмамметов. О том, что князья из Казыевой Кабарды свои действия согласовали, свидетельствует фрагмент отписки Терского воеводы С. И. Шаховского в Посольский приказ: «и мы, холопи твои, посылали к Алегуке и в Малый Ногай с листы, чтобы они полоненных людей отпустили в Терский город»⁵⁰. Однако пленные не были отпущены – за них потребовали выкуп, а сами они, опасаясь последующих нападений, ушли вместе с кабаками. «Покочевали де Алегук и Ходождук мурзы Казиевы с своими людьми с старых своих кочевых мест в сход к Малому Ногаю...»⁵¹.

Когда в начале 40-х годов XVII века известные кабардинские князья Будачей и Муцал Сунчалеевичи Черкасские подверглись опале, а затем и ссылке, одним из пунктов обвинения была и предполагаемая их связь с Малым Ногаем. «...Что вы, собрався Шолоховою да с Казыевою Кабардами и Малово Ногаю Касая-князя з детьми, приходили на них и на их кабаки и хотели их добить до смерти»⁵².

По возвращении из ссылки в 1642 году Муцалу Черкасскому поручается привести к шерти Казыеву Кабарду и попытаться сделать это и с Малым Ногаем. Эту дипломатическую миссию кабардинский князь Муцал Сунчалеевич Черкасский выполнил блестяще, использовав свое влияние на Хотокшуко Казыева и Алегуко Шогенукова, которые были в союзе с Малой Ногайской Ордой и имели на князей и феодалов ногайских большое влияние. «Алегуко и Ходошдук мурзы к нам писали и приказывали, что Малово Ногаю мурзы, которые с ним во единстве, Ураковы и Урмаматовы и Шейдяковы и Казыевы дети, договорясь положились во всем на них, Алегуку и Ходошдуку мурз, тебе, великому государю, послужили и правду свою тем явку учинили, тех мурз Малово Ногаю привели под ивою государскую высокую руку в холопство по прежнему и приехали б они, с Алегуко и Ходошдукою мурзами, потому ж не опасаясь ничего, и аманатов бы с собою привезли добрых, детей своих от прямых жен»⁵³.

20 мая 1643 года приехал в Терки Алегуко Шогенуков и на другой день обговорил все вопросы, накопившиеся со времен Малкинской битвы и ухода Казыева рода из Кабарды. Все спорные вопросы между Казыевой Кабардой и Малыми Ногаями, с одной стороны, и русским правительством в лице терской администрации – с другой, были сняты. Алегуко Шогенуков шертовал от имени всей Казыевой Кабарды и «Малой ж Ногай Ураковы половины к мурзам, которые в единачестве с кабардинскими с Алегукою да с Ходошдукою мурзами, к Алей-мурзе Хорошееву, да к Дувай-мурзе Калмурзину з братьею, да к Асланбек да к Так-

будде да к Кобек да к Урак мурзам Каспулатовым, за которых тебе, великому государю, душу свою и правду дал кабардинской Алегук-мурза Шагануков на Терке перед нами, холопами твоими, на куране шерть учинил»⁵⁴. Кабардинским князьям Алегуко и Хотокшуко было предложено вернуться на прежнее место жительства, т.е. в Большую Кабарду, а «Малого Ногай мурзы с улусы своими перейдут кочевать ближе к Терскому городу»⁵⁵.

Муцал Сунчалеевич Черкасский неоднократно впоследствии напоминал о своих заслугах в делах, связанных со сближением России с Малым Ногаем. «Наши недруги Шолоховы и Идаровы и Онзореевы (Анзоревы) Кабарды... хотят нас разорити погубити до конца, не навидя и зляся тому, что я, холоп твой, призвал кабардинских Олегуку и Ходошдуку мурз з братею и Малой Ногай под твою государеву высокую руку в холопство...»⁵⁶.

На Северном Кавказе в 30–40-х годах появляются, как мы отмечали выше, калмыки, в борьбе с которыми кабардинцы выступали совместно с ногайцами и регулярными войсками, находившимися в Терской крепости, а также в Астрахани, «...пришли под черкасские кабаки и под Малой Ногай многие калмыцкие воинские люди и приступали к кабакам их жестокими приступы, и в кабаки их вошли».

...Кабардинские и ногайские мурзы, с ратными своими людьми калмыцких кабаков своих выбили вон многих калмыцких людей побили... А было де с теми тайсами калмыцких людей... 10 500 человек, а ушли де, государь, с того бою от черкас и от Малово Ногаю тысячи с полгоры или з две врознь пеши, а лошади и животину всею у них отбили кабардинские и Малово Ногаю улусные люди»⁵⁷.

Таким образом, на протяжении длительного времени кабардинцы и ногайцы вели совместную борьбу против внешних врагов, что отвечало интересам обоих народов. Кабардино-ногайские отношения в рассмотренный период развивались в обстановке противостояния Османской Турции и ее вассала Крымского ханства, с одной стороны, с другой – Русского централизованного государства за влияние в Предкавказье. Русское правительство, вступая в междоусобную борьбу кабардинских и ногайских феодальных группировок, разъединяло их и использовало в своих интересах. Династические связи и военное сотрудничество кабардинской и ногайской феодальной знати, придерживающихся прорусской ориентации, значительно облегчали Русскому государству оборону своих южных рубежей от Крымского ханства и способствовали выполнению определенных задач восточной политики русского правительства.

Союзнические отношения политических элит Кабарды и Ногайской Орды складывались в целях разрешения внешнеполитических и региональных проблем на основе баланса сил и интересов этих этнополитических общностей. Они возникали и распадались в зависимости от конкретных условий текущего момента, и в XVI–XVII веках наличие объективных социально-политических интересов субъектов отношений зачастую были обусловлены двумя факторами стратегического партнерства – «прорусского» и «османо-крымского».

Кабарда и Россия во взаимоотношениях с Калмыцким ханством: от столкновений к сотрудничеству

Продвижение Русского государства по волжскому пути привело к возникновению разносторонних связей с ногайцами, где доминирующими для России, как мы отмечали выше, были политические. Вступив в вассальные отношения с Россией к середине 50-х годов XVI века, Орда затем раскололась, и часть ее попала под влияние Крымского ханства и Турции. Это подталкивало Россию к укреплению своего влияния на Большую Ногайскую Орду, однако внутри Большой Орды шла ожесточенная междоусобная борьба феодалов, ослаблявшая ногайцев⁵⁸.

Таково было положение в Нижнем Поволжье в степях к востоку от Волги, когда здесь появляются калмыки*. Калмыками в русских источниках стали называть ойратов, пришедших к границам России из глубинных районов Азии. Первое упоминание о них мы встречаем в указе Ивана IV от 30 мая 1574 года на имя Строгановых⁵⁹.

Продвигаясь на запад и расселяясь (кочуя) по Приволжью, калмыки пытались (и небезуспешно) взять под свой контроль торговые пути между Русским государством и Средней Азией. Расселение калмыков на берегах Волги открыло для них путь на Северный Кавказ, где они пришли в тесное соприкосновение с адыгским этносом, обитавшем на равнинных и в предгорных районах Центрального Кавказа. В родословном списке торгоутовских нойонов** сказано: «В 1623 году (русское летоисчисление) Хо-Орлек с шестью сыновьями своими прибыл на берега широкой матушки-реки Ичжил (Волга) и поселился»⁶⁰.

Первая документально зафиксированная встреча кабардинцев с калмыками произошла в начале 1632 года в Москве. Здесь 25 января кабардинские князья Калемет Куденетович, Бурук и Тонжечан Араслановы, Каншов Битемрюков, а также калмыцкие послы Тайгуш, Угурлы, Тайзи и Шони «государю челом ударили лошадьми. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу те лошади, которыми государю царевичу князю Олексею Михайловичу челом ударили черкасские мурзы и калмыцкие послы, на аргамачье конюшне ценены»⁶¹.

К тому времени относится усиление давления калмыков на Ногайскую Орду. Под натиском калмыков ногайцы вынуждены были откатываться на правый берег Волги. Московское правительство опасалось, что уход их лишит окраинные уезды России столь необходимого заслона. Оно предпринимает меры к тому, чтобы вернуть ногайцев на левобережье Волги. Встреча русского царя в январе 1632 года с калмыцкими послами затрагивала этот важный

* «Калмыки, ныне при р. Волге сидящие, имеют одно происхождение с Монголами, одну религию и один язык». (Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста. 1969. С. 50.).

** Нойон — князь, повелитель, предводитель.

вопрос. Однако пребывание Ногайской Орды на левобережье Волги не устраивало калмыков⁶². Остро нуждаясь в кочевьях и пастбищных территориях, они все больше теснили ногайцев, принуждая их к переселению в западном направлении. Не чувствуя себя в безопасности даже на правобережье Волги, некоторые из них откочевали на Дон⁶³.

В начале 1644 года отряды калмыков перешли Волгу и продвинулись на юго-запад. Часть их войска подошла к Теркам, а основные силы перешли реку Терек и вступили на территорию Кабарды. Но кабардинцы и ногайцы, собрав значительные силы, разбили калмыков⁶⁴.

По этому поводу терский воевода М. Волынский «отписывал» в Посольский приказ: «Кабардинские и ногайские мурзы, с ратными своими людьми калмыцких людей побили. А убили де, государь, у калмыцких людей начальных их людей большово Урлюка-тайсу* да детей ево Гирейсана-тайсу да Иргентень-тайсу, да Жельдень-тайсу, да в полон в языцах взяли живых дву тайс – Илгердея-тайсу, а другому имени не упомнит, а с ними в языцах калмыцких и етисанских людей взяли больше тысячи человек. А было де с теми тайсами калмыцких людей и етисанских и янбуйлутцких мурз и улусных их воинских людей 10500 человек, а ушли де, государь, с того бою от черкас и от Малово Ногаю тысячи с полторы или з две врозь пеши, а лошади и животину всю у них отбили кабардинские и Малово Ногаю улусные люди»⁶⁵.

Взаимоотношения кабардинцев с калмыками, как видим, начались с военных столкновений. Следует отметить, что кабардинский князь Муцал Сунчалеевич Черкасский, несший службу в Терках, преследуя калмыков, отступавших к Астрахани, захватил несколько пленных. От них он узнал, что калмыки после победы над кабардинцами и ногайцами намеревались двинуться на помощь своему другому отряду, находившемуся в районе Терского города. Таким образом, разгром калмыков в Кабарде предотвратил их нападение на Терский город. В сражении с калмыками кабардинские князья выступили вместе и в этом одна из причин их победы. Роль Муцала Черкасского в разгроме калмыцкого войска, неожиданно напавшего на Кабарду и угрожавшего Терскому городу, в Москве была по достоинству оценена. Грамота об утверждении его князем над «нерусским» населением Терского города, которую он добивался с 1636 года, наконец была ему прислана в 1645 году⁶⁶.

Начиная с этого времени район Пятигорья становится опасным из-за нападений крымских татар, ногайцев и калмыков. Их частые набеги вынуждали кабардинцев держаться ближе к горам, в случае опасности они скрывались в ущельях («в крепкие места»)⁶⁷.

В 1647 году Алегую Шогенуков и Хатохшоко Казыев обращаются с грамотой к царю с просьбой об освобождении из тюрьмы в Астрахани ногайца Шагин-мурзы. Из этого послания узнаем, что калмыки вновь напали на Кабарду в период между 1645–1647 го-

* Тайса (тайша) – крупный феодал.

дами. Вместе с калмыками были кумыкский владетель Казаналп и князя Малой Кабарды (это первое документальное упоминание названия Малая Кабарда)⁶⁸. «Казаналп с калмыки соединился и ссылался послы и гонцы, чтоб с ними заодно животишка наши пограбить и нас побити и детей наших и жон в полон поймать. И большою милостью, и вашим государевым счастьем и бережением, тех недругов мы побиили»⁶⁹.

Отступая, калмыки увели с собой женщин, детей и скот, который успели захватить. Среди пленных оказались жена и дети ногойского мурзы Шагина. «И он для жены и детей и сам поехал в Калмыки, да на другой год те ж калмыки пришли опять войною, а Шагин-мурзу привели с собою ж. И мы большею милостью и вашим государским счастьем тех калмыков побиили. А ныне тот Шагин-мурза з братом и с уздени в Астрахани в тюрьме. Пожалуй, государь, вели их для нашего челобитья из тюрьмы освободить и дать их нам»⁷⁰.

Калмыки, несмотря на разгром в 1644 году, не все ушли за Волгу, а в течение последующих лет продолжали нападать на Кабарду и уже не одни, а со своими кавказскими союзниками – кумыкскими и малокабардинскими феодалами.

Князя Талостановы (Эльдар и Келемет Ибаковы), враждующая с Казыевой Кабардой, в своей междоусобной войне вступают в союз с появившимися на Северном Кавказе калмыками, с помощью которых они пытаются захватить владения Алегуко и Хатохшоко (Казыева Кабарда). Калмыки также были заинтересованы в контактах с кабардинскими князьями, имевшими тогда на Северном Кавказе значительное влияние. Русское правительство неодобрительно относилось к передвижениям калмыков в западном направлении и установлении их военных связей с отдельными северокавказскими владельцами. Из Москвы неоднократно поступали в Астрахань указы, запрещающие калмыкам кочевать в междуречье Волги и Яика, а ходатайства калмыцких властей – о разрешении кочевать по Волге около Астрахани неизменно отклонялись русскими властями⁷¹. В ответной грамоте из Москвы Алегуко Шогенукову и Хатохшоко Казиеву царь объявлял, что за их службу «жалуем, милостиво похваляем»⁷². Насчет Шагин-мурзы вопрос также был решен, он был переведен из тюрьмы на аманатный двор, однако сообщалось, что он «с калмыками ссылался и мирился, что он повез было из Казыевой Кабарды в калмыки тайшины Урлюковы да Киресановы да Серсиевы кости и пепел»⁷³.

Общий курс политики царского правительства по отношению к калмыкам в 20–40-х годах XVII века был жестким. Это заставило калмыков в начале 50-х годов XVII века брать «шерстные» обязательства «кочевать бы им, калмыцким людям, с улусы своими в летнее и зимнее время за рекою Яиком в прежних своих дальних кочевных местах, и на Ногайскую степь через Яик и к реке Волге к твоей государевой отчине к Астрахани во ближние места без твоего государева указа кочевать не ходить»⁷⁴.

В 1655–1657 годах правительство резко изменяет позицию по

вопросу о кочевьях. Это было связано с рядом переговоров с калмыками и окончательным оформлением перехода тайшей в русское подданство.

В шертной записи от 4 февраля 1655 года калмыцкие послы Дурхан-Тархан, тайша Серен и Чокула от имени тайши Дайгина [сын тайши Хо-Орлека – Урлюка] брали на себя обязательства: «... 1. Быть у Великого государя в вечном послушании... 6. Государевых городов, сел, деревень и улусов не жечь... 7. Где Государь укажет, быть тайшам и улусным людям на государственой службе вместе с государевыми ратными людьми... 8. Государевых людей Русской, Татарской и Черкасской полон и их животы, которых в прошлом и в нынешнем [1655 г.] взяли мы, калмыцкие люди, и изменники Ногайские и Едисанские и Енбулущие татары под Астраханью и под Темниками и под иными государевыми городами, собрать всех и отдать в Астрахань... 11. Государевых людей русских и татар и черкас полоняников присылать тайшам из улусов своих всех в Астрахань»⁷⁵.

Весной 1655 года из Москвы воеводам поволжских городов Астрахани, Казани и других были отправлены грамоты, где указывалось: «Улусам их велено кочевать по Волге по Ногайской стороне, и по Алтубе, и по Белужью или близко наших городов, где они кочевать похотят»⁷⁶.

Наконец, в царской грамоте от 6 июля 1657 года пределы кочевий калмыков были определены следующим образом: «Кочевать по Крымской стороне до Царицына, а по Ногайской стороне по Самару»⁷⁷.

При дипломатическом посредничестве кабардинского князя Касбулата Муцаловича Черкасского 8 июня 1661 года был подписан договор между Россией и калмыцкими тайшами. Первый пункт «шерти», которую калмыки дали в шатре «пред» дьяком Иваном Гороховым и князем Касбулатом Черкасским, гласил: «Идти войною ратным нашим калмыцким людям нынешнего [1661] года с 11 июня на Крымские улусы и с Крымским ханом в миру и соединении не быть, а Великого Государя с людьми быть в вечном миру и соединении и вспоможения им везде чинить неоплошно»⁷⁸. В пятом пункте этого документа прямо сказано, что «Великого Государя люди лиха нам чинити не станут и в том, по договору верился нам Касбулат мурза Черкасский»⁷⁹.

Значит, калмыки видели в Касбулате Муцаловиче гаранта выполнения условий договора, что говорит о большом авторитете у них этого кабардинского князя.

Большие надежды в связях с калмыками, которые русским правительством возлагались на князя Касбулата Муцаловича Черкасского и его родного дядю воеводу Григория (Сунчалая) Сунчалеевича Черкасского, оправдались. Отметим и тот факт, что родная сестра Касбулата, а Григория Сунчалеевича племянница Абайхан Муцаловна была замужем за тайшой Аюкой⁸⁰ (впоследствии первый калмыцкий хан в 1673–1724 гг. – К. Д.).

Эти родственные отношения и известность Касбулата Черкас-

ского среди калмыков были учтены царским правительством. «К. М. Черкасский в рассматриваемое время неизменно выступал посредником между русскими властями и калмыцкими тайшами. Он ревностно и последовательно проводил в жизнь получаемые от правительства указания. Участие К.М. Черкасского в ведении посольских дел с калмыками всегда приносило русской стороне положительные результаты»⁸¹.

Авторитет Касбулата среди князей и мурз Северного Кавказа, а также терских и астраханских воевод, был огромен. Его хорошо знали не только на Кавказе, в Астрахани, на Дону, в Поволжье и Крыму, но и в Москве – как в Посольском приказе, так и при царском дворе. Вот выдержка из грамоты царя Алексея Михайловича Касбулату по поводу очередного удачного похода на неприятеля: «А служба твоя и радение у нас, великого государя ... никогда забвенны не будут»⁸².

Почти за десять лет до того, как Степан Разин возглавил восстание, в 1661 году Касбулат Черкасский вместе с ним был у калмыков с дипломатической миссией – они вели переговоры о совместном походе на крымского хана⁸³.

Если при принесении калмыками шерты в июне 1661 года, как мы уже знаем, одну из главных ролей со стороны русского правительства исполнял кабардинский князь Касбулат Муцалович Черкасский, то в декабре того же года, когда калмыцкий первенствующий тайша Шукур-Дайчин (сын Урлюка, погибшего в Кабарде в 1644 г.) и его сын Пунцук (Манчак), отец первого калмыцкого хана Аюки, вновь шертовали России – присягу у них принимал младший брат отца Касбулата, боярин и первый воевода Астрахани князь Григорий (Сунчалеи) Сунчалеевич Черкасский. «В году темур-укер [1661 г.] Дайчин с сыном Пунцуком отправился в поход и вместе с русскими войсками воевал крымских татар. Взятую в этом походе добычу (олзо) он обещал отправить Цаган-Хану (Белому хану или Царю), в чем при астраханском воеводе князе Бековиче [имеется в виду Григорий Сунчалеевич Черкасский] дал шерть Пунцук»⁸⁴.

Так вот в шертной записи, сделанной 9 декабря 1661 года, говорится: «На съездах и на урочище Берекете [около Астрахани] с боярином и воеводою князем Григорием Сунчалеевичем Черкасским Бековичем договорился Пунцук в следующем...»⁸⁵, и далее идут статьи договора.

Шерты, данные в 1661 году в июле и декабре калмыками, еще более укрепили их позиции в районе Волги. Русское правительство в свою очередь сделало шаг в разрешении проблемы кочевий для калмыков. Для них открываются степи Придонья. Здесь, на наш взгляд, вновь большую роль сыграли дядя и племянник Черкасские. Ведь Григорий Сунчалеевич, будучи первым воеводой в Астрахани, – самом южном тогда русском городе – оказывал большое влияние на политику в этом регионе. Роль же Касбулата Муцаловича заключалась в том, что будучи широко известным на Дону и в Москве он мог повлиять на принятие такого решения с

учетом того, что этот регион был объектом непрекращающихся нападений крымских татар, и донцам не всегда удавалось их сдерживать. Поэтому разрешение кочевать здесь воинственным калмыкам должно было преследовать и оборонительные цели охраны южных границ Российского государства. В то время цели русского правительства, донских казаков, а также кабардинцев, на которых часто нападали крымские татары, совпадали.

Уже со следующего года калмыки начинают кочевать по обоим берегам Дона. Из отписки астраханского воеводы князя Г. С. Черкасского видно, что царские власти не ограничивались пассивной ролью в вопросе о кочевьях для калмыков. Разрешение кочевать им там или здесь сменяются теперь настойчивыми призывами, обращенными к калмыкам, чтобы они кочевали именно на правой, обращенной к Крыму, стороне Волги⁸⁶.

Эти документальные сведения подтверждают наши выводы, что Россия была заинтересована в появлении между Астраханью и Доном калмыков, располагавших мощным войском. Военные походы в Крым и оборонительные мероприятия намного удобней было проводить из приволжских и придонских степей, чем из-за Волги. И неслучайно в декабре 1664 года тайша Мончак получил царскую грамоту, которая «похваляла» калмыков за то, что они перешли на «нагорную сторону Волги»⁸⁷. По этому поводу П. С. Преображенская писала: «Размещение калмыцких кочевий на правобережье Волги создавало заградительный кордон от нападений с юга на русские пределы»⁸⁸.

Согласно росписи, подписанной 16 июня 1661 года Мончаком на основании шерти от 8 июня тайша Дайчин должен был отправить в поход на крымского хана 5 тысяч человек. Мончак, Маншик и Дара вели отряды по одной тысяче человек, а остальные тайши по 500 человек⁸⁹. Это значило, что Русское государство в лице калмыков получает сильного союзника на юге, способного оградить от нападений крымских татар и при необходимости способного нанести по Крыму молниеносное нападение силами многотысячной конницы. Еще в конце 1660 года астраханский воевода Г. С. Черкасский сообщал в Посольский приказ, что «по многие посылки» «помня, они тайши [Дайчин, Мончак и Маншик] твой великого государя указ и повеление и по наговору Касбулат-мурзы Черкасского отправили свои войска на Крым, Азов, Темрюки, Табан, Больших и Малых ногаев, на всех на тех, которые к крымскому хану голдуют»⁹⁰.

Зимний поход на Крым калмыков, о котором сообщал Г. С. Черкасский, был удачным, только у ногайского мурзы Навруза «четыре тысячи языря взяли»⁹¹.

Согласовывали свои действия с калмыками через посредство астраханского воеводы Григория Черкасского и донские казаки. Так, в марте 1661 года к калмыкам были отправлены Федор Бузан и Степан Разин⁹². Посланцы донского атамана Корнилы Яковлева обговаривали с калмыками конкретный план похода против крымских и ногайских мурз. И в мае Григорий Сунчалеевич получает

согласие калмыков на совместный поход на ногайских мурз Каракасая, Салтанаша, Ислама, намеревавшихся перейти кочевать в Крым. Это стало возможным благодаря совместным усилиям донских казаков во главе со Степаном Разиным и Касбулатом Черкасского.

Уже в начале августа 1661 года Касбулат Муцалович прибывает в Астрахань с тысячей калмыками. 13 августа объединенные калмыцкие, кабардинские и казачьи отряды во главе с Касбулатом Черкасским отправились на Терек.

Таким образом, калмыки в интересах России проводят целый ряд активных военных выступлений. Русское правительство, начиная с 60-х годов XVII века, уже доверительно относится к калмыцким тайшам и признает их заслуги, в знак чего в 1664 году им отправляется русское военное знамя. Это значит, что калмыцкое войско признается составной частью русской армии⁹³.

Выдающуюся роль в налаживании русско-калмыцких отношений и начале их совместного боевого сотрудничества сыграли, как мы уже отмечали выше, кабардинские князья, находившиеся на русской службе, боярин и воевода Астрахани Григорий Сунчалеевич Черкасский и его родной племянник, князь над «нерусским» населением Терской крепости Касбулат Муцалович Черкасский, являвшийся особым представителем правительства России для связи со ставкой калмыцкого правителя⁹⁴.

Астраханский воевода Григорий Черкасский тесно был связан с авторитетным калмыцким тайшой Мончаком. Это он, когда в Калмыкию прикочевала большая группировка Конделека-Убаши и Даяна-Омбо, имел с ними и с Мончаком встречу у Сарпинских озер и настоял на объединении прибывших улусов с улусами Мончака под непосредственным его управлением и властью⁹⁵.

Мончак (Пунцук) «умер около 1664 года, поруча по себе правление калмыцкого народа старшему своему сыну Аюке»⁹⁶.

Аюка продолжил политику своего отца, став союзником России, как и отец. В период восстания Степана Разина часть калмыков примкнула к нему. В мае — июне 1670 года пришли под Самару «многие воинские люди, калмыки и изменники башкиры ... и под городом дальние надолбы разгромили». В середине июня «объявились изменники башкирцы и калмыки и в Казанском уезде»⁹⁷.

Надо отметить, что во время разинского восстания часть калмыков (до 15 тысяч кибиток) бежала из калмыцких улусов к Астрахани, но на них напали Казыевы ногайцы и увели с собой на Кубань в подданство крымского хана. «Тогда калмыцкий хан Аюка сам двинулся через Большую Кабарду к верховьям Кубани, разгромил Казыевы улусы, собрал с них дань, а бежавших калмыков увел обратно на Волгу. Касбулат со своими подвластными узденями и уорками помогал калмыцкому хану»⁹⁸.

После этого «в 1672 году на Касбулата обрушились все сторонники крымской ориентации. Причиной было то, что Касбулат поддерживал калмыцкого хана Аюка»⁹⁹. Касбулат Муцалович Черкасский призвал к себе «калмыков хана Аюки и вместе с терски-

ми казаками опустошил владения своих противников»¹⁰⁰, которые убили его брата Кантемира.

В 1673 году по приказу Касбулата Черкасского отряд его узденей совместно с калмыками «промышляли» под Азовом. Калмыки приняли участие в октябрьской осаде Азова и Каланчинских башен¹⁰¹ (вместе с ними были и кабардинцы, посланные Касбулатом).

«В это время, — пишет О. Л. Опрышко, — сам князь с калмыцким тайшою Аюкой находился в походе на ногойского мурзу Каракаса, потому что он [Каракасай-мурза] беспрестанно приходит под Терек, русских людей и князь Касбулатовых узденей бьет и берет в полон многих». Касбулат Муцалович и Аюка нанесли тогда значительный урон агрессивному мурзе, надолго отбив у него охоту нападать на терские земли¹⁰².

Летом 1674 года по указанию из Посольского приказа Касбулат Муцалович занялся организацией похода в Приазовье. Сопровождаемый отрядом в сто пятьдесят узденей он прибыл к хану Аюке. «В калмыцкие улусы приехал июня в 24 день. И по твоему ... указу, я холоп твой, Аюкаю-тайше говорил многожды с великим прилежанием, чтоб, он Аюкай-тайша, служа тебе, великому государю, твоему царскому величеству, сам и с иными тайши и с улусными людьми шел на твою великого государя [службу] на турецкие войска и на крымские юрты нынешним летним временем»¹⁰³.

Семь тысяч воинов выделил тогда под командование кабардинского князя Касбулата Черкасского хан Аюка. Около двух тысяч калмыков были направлены к Перекопу, а остальных через степи Касбулат привел к донским казакам. Вместе с атаманом Корнилой Яковлевым Касбулат Муцалович в Черкасском казачьем городке обсудили план совместных действий против крымцев, в котором принимали участие и регулярные войска полковника Григория Косагова. «А в том походе [на Азов] было с князем Касбулатом Муцаловичем узденей ево 150 человек, калмыков 5000, великого государя ратных людей и донских казаков 3000 человек»¹⁰⁴.

Этот совместный поход казаков, кабардинцев и калмыков был успешным. Вместе с кабардинским князем Касбулатом в том походе участвовал знаменитый калмыцкий найон Мазан-батыр¹⁰⁵.

В марте 1675 года Касбулату Черкасскому была отправлена грамота из Посольского приказа с предписанием договориться с калмыками о совместном походе против Крыма. Грамота призвала «нашего величества подданному князь Касбулату Муцаловичу Черкасскому, нам, великому государю послужить, собрався с уздени своими и с окоцкими и едисанскими мурзы и с татары и з гребенскими казаки и взяв из Астрахани наших, великого государя, ратных людей, с Терки ити к калмыцкому Аюкаю и к Солом-Сереню тайшам в улусы и по прежнему и по сему нашему, великого государя, указу, наговоря их о том накрепко... [для] промыслу под Азов»¹⁰⁶.

Касбулат к этому времени «с поспешанием»¹⁰⁷ двигался к Москве. Через Казань, Владимир он в июне прибыл в Москву где

состоялись его переговоры в Посольском приказе о предполагавшемся походе против Крыма. В августе Касбулат Черкасский двинулся с небольшим отрядом на Крым, и 23 сентября объединенные силы кабардинской конницы, калмыков и казаков перешли Гнилое море и ворвались в Крым¹⁰⁸.

В этом походе принимал участие Мазан-батыр, «с которым было 1000 человек разных улусных калмыков; он хотя и был в малолетстве; однако ж, служа Великому Государю, перелез через Дон и вместе с князем Касбулатом Черкасским, с атаманом Серком Иваном и с запорожским войском ходил для промысла на крымские юрты через Гнилое море за Перекоп. В этом походе были они у Каменного моста, сбили заставы, которые были поставлены Крымскими салтанами, побили многих Крымских людей, пожгли села и деревни и взяли шатры и бунчики, а на обратном пути на Перекопе был у них бой с 3 салтанами, искавшими пресечь их дорогу; тогда они взяли в плен Батыршу мурзу Мансурова и иных татар»¹⁰⁹.

В похвальной грамоте о службе калмыков того времени говорилось: «Калмыки в прежних походах с боярином и воеводами всегда бывали вместе до схода с неприятелями и до удара, а в отводе от неприятелей и до совершении службы никогда и не бывали»¹¹⁰.

И в дальнейшем кабардинцы и представители других народов Северного Кавказа вместе с калмыками принимали активное участие в войнах, которые вела Россия. В 1676 году Касбулату Черкасскому вновь поручается двинуться с калмыками к Киеву на помощь запорожскому войску, которое вело тяжелые бои против нашествия турецко-крымских войск. Касбулат Муцалович сражался с турецкими янычарами и крымской конницей под Киевом, в Запорожье, у Чигирина и Чугуева. Объединенный отряд Касбулата Муцаловича, куда входили русские, кабардинцы, калмыки, окочане-ингуши, ногайцы, кумыки, астраханские и терские татары, показал себя в этой кампании грозной силой, наводившей страх на турок и крымцев¹¹¹.

Стараясь установить контроль над внешнеполитическими связями калмыков, Россия требует от них новой шерти. Аюка ее дал в январе 1677 года, однако он не всегда относился строго к принятым на себя обязательствам, как его отец, и нарушал их. Бывали случаи, когда он с калмыками совместно с крымскими и азовскими мурзами совершал набеги на русские окраины и города. Например, в 1680 году был совершен такой набег на Пензу. Совершал он набеги и на Дон, и на населенные пункты по Волге. Все это встревожило русское правительство. Боясь, что Аюка пойдет на союз с крымским ханом, оно вновь прибегло к посреднической помощи Касбулата Черкасского. Кабардинскому князю удалось убедить Аюку сохранить верность России и не прельщаться на посулы со стороны турецкого султана, крымского хана и азовского паши¹¹². Об этом князь Черкасский сообщил в Посольский приказ в 1681 году. Тогда Аюка сообщил в Москву, что он про-

должает сохранять данную им шерть и не склонен мириться с крымцами. Это была последняя встреча Касбулата со своим давним и испытанным соратником по многочисленным походам калмыцким ханом Аюкой¹¹³.

В период правления Аюки в Калмыкии повысился авторитет ханской власти, хотя возникали и междоусобные смуты. Случались и бегства улусных людей, что было связано с усилением феодальной эксплуатации. Это способствовало образованию калмыцких поселений на Харьковщине, Дону и в других местах. Донские атаманы, хорошо зная о высоких боевых качествах калмыков, и сами привлекали их на Дон. В 1694 году в донском войске насчитывалось около 600 калмыков¹¹⁴. Во время комплектования армии для второго Азовского похода в 1696 году она была пополнена как донскими казаками, так и калмыками. Хан Аюка послал под Азов «ратных людей три тысячи человек в большой полк к боярину и воеводе к Алексею Семеновичу Шеину»¹¹⁵.

В многолетней Северной войне (1700–1721 гг.) калмыки принимали самое активное участие в составе русской армии¹¹⁶.

В 1711 году в Кабарду была направлена грамота Петра I, который, зная о многолетних дружеских, родственных и военных связях Кабарды с Калмыкией, предлагает кабардинцам: «и ежели будете у нас в подданстве, то не токмо с вас никаких податей требовать не будем, но и погодное вам жалование давать определим, как то получает от нас подданной наш Аюка-хан и как вы прежде сего бывали у предков наших в подданстве и получали у них жалование; и укажем вам вспомогать ему, Аюке-хану, с калмыки и донским и яицким и гребенским казакам»¹¹⁷.

Кабардинские князья в своей постоянной борьбе с крымскими и «кубанскими» татарами часто просили помощи у калмыцких феодалов. В донесении кабардинских владельцев о победе над войском Нурадина-султана в сентябре 1712 года они писали Петру I: «Ныне просим у вас, великого государя, милости, буде крымцы или кубанские татары, такие и иные недруги наши станут нам какие озлобления и обиды чинить, или на нас войною учнут приходить, чтоб здесь в стороне Аюка-хан с калмыки своими и терские казаки нам в такое время всякое вспоможение чинили»¹¹⁸.

По поручению кабардинских князей Султан-Али Абашев, посол к царю, в 1712 году по пути в русскую столицу заезжал к калмыцкому хану Аюке с целью выяснения судьбы капитана лейб-гвардии Александра Бековича Черкасского, «и он, Султан, у Аюкай-хана был и видел ево, и спрашивал о Бековиче; и Аюкай хан отвечивал, что он об нем никакого известия не имеет, жив ли или убит. И уже трижды посылал он, Аюкай-хан, в Хиву посланцев своих, но ни от которых известия никакого не имел»¹¹⁹.

Офицер лейб-гвардии Преображенского полка, активный участник Северной войны, кабардинский князь Александр Бекович Черкасский был хорошо знаком с ханом Аюкой. Еще в 1711 году, когда он по заданию Петра I следовал на Кавказ для привлечения горцев к борьбе с кубанскими татарами, он заезжал к калмыцко-

му хану и вел с ним переговоры об участии его отрядов в походе против ногайцев¹²⁰.

Кабардинский посол Абашев в Посольском приказе при расспросных речах сообщал и о калмыках: «О калмыках слышно было князьям кабардинским, что Чандершап [сын Аюки] с войском своим идет во многом собрании, желая соединиться с [кубанским султаном] Бахты-Гиреем и напасть на города российские. И приехал было до Гумы (Кума. – К. Д.) реки и кабардинские князья, Исламбега (Ислам Мисостов – старший князь Кабарды, умер в 1732 году. – К. Д.)... И он Ислам-бег, сказал ему Чандершапу, что ежели он соединится с кубанцы и з Бахты-Гиреем, то они черкасские князья, будут на него писать к его царскому величеству... А ежели он, Чандершап желает ехать для разорения кубанцев, то и они, черкасские князья, будут ему в том помогать и пойдут с ним вместе. И он Чендершап, выслушав такие Исламбековы речи, ничего не сказал, и не доехав на Кубань, возвратился назад»¹²¹.

Это вызвало временное недоверие со стороны Петра I и русского правительства к Аюке, хотя совсем скоро, во время организации Персидского похода, царь уже предусматривал активно использовать калмыков. С этой целью укреплялись не только политические, но и экономические связи России и Калмыкии. Были отменены пошлины на калмыцкие товары и т. д. Петр I по пути следования в Астрахань в июне 1722 года недалеко от Саратова встречался с ханом Аюкой, где даже вручил ему почетную золотую саблю. Калмыки снарядили конное войско, которое также, как и кабардинская конница, принимало участие в Персидском походе Петра I.

Академик П. Г. Бутков в своих «Материалах» писал: «От хана Аюки, с коим государь лично виделся в Саратове, в проезд свой к Астрахани, взято было 7 тыс. калмыков». К этому времени хан Аюка закрепляет свои родственные связи с кабардинской феодальной знатью, женив своего внука Дондук-Омбо на сестре Магомеда Кургокина (Атажукина), являвшегося троюродным братом лейб-гвардии капитана Александра Бековича Черкасского и Асланбека Кайтукина. В период встречи Петра I и Аюки в Саратове в свите царя был и недавно произведенный в поручики Эльмурза Черкасский – младший брат Александра Бековича Черкасского.

Дондук-Омбо, встретившись в Саратове со своим «сродственником» Эльмурзой, одарил его луком со стрелами, шелковым халатом и обещал помогать кабардинцам «в обороне» от крымского хана¹²².

«Кабардинские владельцы ознаменовали преданность свою к государю тем, что два владельца их, один Большой Кабарды, князь Эльмурза Черкасский (меньшой брат князя Александра Бековича, рода Жамбулатова, фамилии Бекмурзиной) и Малой Кабарды, Таусултанова рода Асламбек Кемметов [Келеметов] добровольно предстали к государю 6 августа с людьми своими и служили»¹²³.

На карте Персидского похода, опубликованной в шестом томе

«Советской Военной Энциклопедии», вышедшей в 1989 году, стрелками указан путь кабардинских отрядов, и надпись «Арслан-бек мурза Черкасский» (вне всякого сомнения, это глава Кашкатавской партии, двоюродный брат Эльмурзы Черкасского – Арсланбек Кайтукин*). Он, как старший по возрасту, видимо, возглавил объединенные отряды из Малой и Большой Кабарды. Имя еще одного участника Персидского похода называет в своей книге «Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского Государства в 1793 и 1794 годах» русский академик Петр-Симон Паллас, побывавший в Кабарде. В составленной им генеалогии кабардинских князей он отметил против фамилии Касая Атажукина следующее: «... Касай служил при Петре Великом во время его Персидской компании»¹²⁴.

Находясь уже на Сулаке, Петр I издал указ об оказании помощи кабардинскому князю Арсланбеку Кайтукину. Указы в связи с этим были направлены калмыцкому хану Аюке и донским казакам, что вызывалось просьбой, высказанной Кайтукиным при его личной встрече с Петром I¹²⁵.

После смерти Аюки обстановка в Калмыцком ханстве осложнилась. Между претендентами на ханский престол развернулась борьба, за каждым из которых стояли группировки феодалов¹²⁶. Например, вдова Аюки, Дармабала, в чьих руках временно оказалась фактическая власть, решила сделать ханом Дондук-Омбо – внука и воспитанника Аюки, за которого она собиралась выйти замуж¹²⁷ (ханше Дондук-Омбо родственником не приходился).

В то же время Дондук-Омбо, добивавшийся ханства, намеревался, в случае провала своих планов, откочевать на Кубань, ближе к родственникам по жене – кабардинцам¹²⁸.

Наместником Калмыцкого ханства русское правительство провозгласило Черен-Дондука (сына Аюки). Все недовольные стали группироваться вокруг Дондук-Омбо, который не оставил надежды добиться для себя ханства. В 1731 году императрица Анна Иоанновна пожаловала Черен-Дондука в ханы. После этого Дондук-Омбо стал готовиться к вооруженной борьбе с ханом. В ноябре 1731 года его 10-тысячная армия разбила ханское войско и захватила 15 тысяч кибиток. Правительство вступилось за хана, и тогда Дондук-Омбо ушел на Кубань с 11 тысячами кибиток¹²⁹.

В этот период случалось, что отдельные отряды калмыков нападали на Кабарду вместе с кубанскими татарами. Об этом кабардинцы сообщали в Петербург, и в связи с этим 6 сентября 1732 года последовала грамота императрицы калмыцкому хану Черен-Дондуку, где говорилось: «Понеже известно нам, великой государыне, учинилось, что подданные наши калмыки, з Бакты-Гирей солтановыми братьями соединясь, приходят на кабардинцев, сего ради, мы, великая государыня, наше императорское величество тебе, подданному нашему, повелеваем, дабы ты, поддан наш, всем

* Арсланбек Кайтукин – один из самых знаменитых кабардинских князей XVIII века. Старший князь Кабарды в 1737–1746 годах.

калмыцким владельцам и зайсангам учинил заказ крепкой, чтоб никто из них калмык с крымцами и кубанцами и сами одни на оных кабардинцов не ходили и обид им никаких отнюдь не чинили¹³⁰.

Из Петербурга последовали претензии к Турции ввиду того, что «изменника калмыцкого владельца Дондук-Омбо с Кубани в наши земли не высылают»¹³¹. Имелось в виду – выслать Дондук-Омбо с Кубани, куда он ушел после столкновений с русской администрацией, поддержавшей Черен-Дундука. Ведь он стал опасен России, так как теперь часто действовал вместе с крымцами. «В июле 1733 года русского войска с Дону, с сыном Краснощекова шло 1650 человек, в одном дне пути от дудукова улуса Крымского хана сын, шедший тогда с Сулаку, отогнавши аулы с Некрасовым, проведав о Краснощекове, поехал против него с некрасовцами и туда же явился с 10 т. Дондук-Омбо и с крымцами соединился, имел с собой и пушки. Осадив Краснощекова повыше Можара, бились с ним 2 суток, на третьи пришел кабардинский владелец Мамбет [Бомат] с 4 т. и стал говорить, что русское войско идет на Сулак, а не на тебя, и ежели ты за татар станешь драться, то я за русских. Дондук отошел, и крымцы тоже»¹³². Следует вспомнить, что Бомат (Магомед) Кургокин был шурином Дондук-Омбо и тот выполнил его требования.

К кочевавшему на Кубани Дондук-Омбо бежали многие калмыки из различных улусов, подвластных хану Черен-Дондуку. Силы Дондук-Омбо за счет этого постоянно росли. В то время назревал вооруженный конфликт между Россией и Турцией, и русское правительство нуждалось в калмыцкой военной силе. Но ее можно было использовать только тогда, когда во главе ханства встанет сильный и авторитетный правитель. В связи с этим в Петербурге возникло решение во главе Калмыкии поставить Дондук-Омбо. Хан Черен-Дондук был заменен энергичным и наделенным способностями военачальника Дондук-Омбо. В ноябре 1735 года он принес присягу на верность России.

Неоднократные вторжения крымских отрядов в районы Северного Кавказа и вопрос о подданстве Кабарды вскоре стали непосредственным поводом к русско-турецкой войне 1735–1739 годов. В ноте от 12 апреля 1736 года вице-канцлер А. И. Остерман извещал верховного визиря Турции о том, что крымцы и турки совершали постоянные нападения на кабардинцев и на «российский народ»¹³³.

Во время этой войны кабардинские князья остались верными России и принимали активное участие в военных действиях¹³⁴.

Русское правительство в полной мере использовало в начавшейся войне вооруженную силу калмыков и отборные отряды кабардинцев. Когда началась война, кабардинцы решительно стали на сторону России и действовали против «кубанских» татар вместе с донскими и терскими казаками и сорокатысячным отрядом кочевых калмыков под начальством Дондук-Омбо. Часть же кабардинцев Баксанской партии и малокабардинцы во главе с князьями Магомедом Кургокиным и Кельчуко Талостановым при-

мали участие в осаде и взятии крепости Азова в июне 1736 года. «Но главной заслугой кабардинцев в эту войну было то, что кабардинцы оберегали весь кизлярский край и сообщение между Кизляром и Астраханью от набегов кубанцев»¹³⁵.

Дондук-Омбо выдвинул на татар 20 тысяч своих воинов, нанеся поражение им и Малому Ногаю. Затем калмыки с подошедшими отрядами кабардинских князей, терских и донских казаков зажали в горах остатки татарских войск и заставили их сдаться. «10 тысяч кибиток» Малого Ногаю приняли тогда российское подданство¹³⁶.

Все эти мероприятия лишили азовских турок возможности получать подкрепления с Кубани, так как дорога к Азову была наглухо перекрыта калмыками, кабардинцами и казаками. За свои заслуги Дондук-Омбо был щедро одарен, а в марте 1737 года его пожаловали ханским титулом¹³⁷.

В походах 1736 года Дондук-Омбо имел большой успех и взятая им добыча была неимоверно большой: «Калмыки на свою часть достали 20 т. лошадей, сверх рогатого скота и овец»¹³⁸. Активно содействовали калмыкам в этой кампании терские казаки и кабардинская конница. Вот что по этому поводу писал П. Г. Бутков: «Да еще двоекратно те же казаки на Кубани доходили до черных лесов под командою князя Эльмурзы Черкасского. Тогда и оставшихся на Кубани татар разорили и их конские табуны все взяты были»¹³⁹.

Вплоть до заключения Белградского мира кабардинцы вместе с казаками, а также с калмыками Дондук-Омбо многократно несли и «пикетную службу и сторожевую службу», очень важную в тот период¹⁴⁰.

В этих событиях, как свидетельствует документ, участвовало 1500 человек из Баксанской партии и 500 человек из Кашкатавской во главе с Асланбеком Кайтукиным (Кашкатавская партия) и Магомедом (Боматом) Кургокиным – шурином Дондук-Омбо. Участниками их были так же Батоко и Кайсин Бековичи – братья Александра Бековича и Эльмурзы Черкасских¹⁴¹.

Летом 1736 года к осажденному Азову подошли «баксанской партии рода Атажукина, старшего владельца сын Бамат Мисостов и Малой Кабарды Таусултанова рода владелец Кильчук с своими узденями. Все они находились при взятии Азова»¹⁴².

Таким образом, в русско-турецкой войне 1736–1739 годов принимала участие многотысячная калмыцкая конница и отборная дворянская кабардинская конница. Эта грозная кавалерия внесла существенную лепту в победу России в этой кампании.

О действиях калмыков на Кубани мы уже сказали, и когда «на Кубани мало оставалось дела, то 4 тыс. калмык под начальством сына Галдан-Норма 30 июня присоединились к армии графа Лесси, которая вошедши в Крым по переправе на плотках чрез Генический канал и в брод чрез Сиваш 25 июля овладела Карасубазаром, опустошила знатную часть Крыма»¹⁴³.

Что касается кабардинцев, то «весь период войны, да и позже на протяжении нескольких десятилетий кабардинцы несли сторо-

жевую службу очень важную и этим оказывали большую помощь русским войскам». Академик П. Г. Бутков в своих материалах писал: «Служба их, не безважная, состояла в том, что весь кизлярский край и лежащая между Астраханью и Кизляром дорога никакими набегами обеспокоена не была, поелику кабардинцы не допускали неприятеля проходить чрез те места»¹⁴⁴

Несмотря на полыхавшую русско-турецкую войну, междоусобная борьба среди кабардинских феодалов продолжалась, и калмыцкому хану Дондук-Омбо, имевшему большое влияние на кабардинских князей, часто приходилось вмешиваться и мирить их¹⁴⁵. В 1737 году он помирил двух наиболее могущественных князей Большой Кабарды – своего шурина Магомеда Кургокина и Асланбека Кайтукина.

Важным событием 1738 года было возвращение абазинцев в Кабарду, насильственно переселенных еще в 1721–1722 годах ханом Саадат-Гиреем. В ходе этой акции два кабардинских князя Магомед Кургокин и Кара-Мурза Алеев «вместе з Дондук-Омбо купно следовали на Кубань, Мусу-Мурзу и абазинских черкес завоевали... И тако о сем да будет вам известно, ибо служим мы Ея Императорскому Величеству с Дондук-Омбо вместе...»¹⁴⁶.

Весной 1739 года кабардинцы с добровольно к ним присоединившимися калмыками совершили поход на Кубань. Ими руководил Асланбек Кайтукин. В декабре он сообщал в Петербург, что с «калмыцким ханом» Омбо «ходили за реку Лабу. И на вершину реки Хевз ходили. Пять тысяч безлайских аулов, да бегбайских две тысячи аулов взяли...»¹⁴⁷

Летом того же года, когда крымцы, неожиданно напав на Кабарду, угнали большое количество скота и захватили многих пленных, на помощь кабардинцам вновь пришли калмыки¹⁴⁸. 20 августа 1739 года А. Кайтукин повел объединенные силы кабардинцев и калмыков на противника, который был настигнут на реке Лабе и разбит¹⁴⁹.

Женой Дондук-Омбо (второй), как мы уже отмечали, была кабардинская княжна – Джан (Жан) Кургокина, сестра одного из авторитетнейших князей Кабарды Магомеда Кургокина – Атажукина. Ханша Джан сыграла довольно заметную роль в калмыцкой истории 30–40-х годов XVIII века.

Хан Дондук-Омбо умер в 1741 году и сразу же в Калмыкии начинается борьба за ханскую власть. Ханша Джан намеревалась посадить на престол своего сына Рандула. Вдова Аюки Дармабала также включилась в борьбу, пытаясь провести в ханы своего сына Галдин-Данжина. Русское правительство поддержало наиболее желанного для него кандидата на ханский престол – внука Аюки Дондук-Даши. Междоусобица была кровопролитная. Джан при помощи командующего ханским войском тайши Бодонга разгромила улус Галдан-Данжина, а его и некоторых приближенных по ее приказу убили. Для прекращения междоусобной борьбы в Калмыцкую степь был введен русский отряд, взявший под защиту улусы Дармабалы и ее убитого сына. Джан так и не смогла захватить их владения. Усобицы продолжались¹⁵⁰.

Дондук-Даши с этого времени становится самым сильным из калмыцких тайшей претендентом на власть, и если бы ему удалось захватить богатые улусы Джан, тогда ему не был бы страшен ни один из калмыцких владельцев. В сентябре 1741 года русским правительством в лице астраханского губернатора он провозглашается наместником Калмыцкого ханства. Ханша Джан выступила против, и тогда правительство распорядилось ее арестовать. По этому поводу у П. Г. Буткова читаем: «при всем том вдова Дондук-Омбо, ханша Джан... по беспокойству своему и несогласию с некоторыми владельцами в начале 1742 года с частью улуса мужа ея отъехала в Кабарду»¹⁵¹.

В декабре 1742 года вице-канцлер российского правительства А. П. Бестужев-Рюмин предложил кабардинскому послу Магомеду Атажукину отправить нарочного к кабардинским владельцам с требованием выдать в Кизляр скрывавшихся в Кабарде калмыков, оставленных там ханшей Джан для переговоров с персидскими представителями¹⁵².

1 июня 1743 года Магомед Атажукин представил в Коллегию иностранных дел ответ кабардинских владельцев. Магомед Кургокин (брат ханши Джан) и Касай Атажукин от имени кабардинских князей за «верные службы и исполнение по указу отдачею калмыцкого хана Дондук-Омбина двух сыновей, и просят, дабы за службы отца их, ханши Джан вины отпущены и со всеми детьми ее в отечество отпущены и собственные улусы хана Дондук-Омбина им пожалованы были»¹⁵³. Князья также просили дать охрану ханше Джан и ее сыновьям. В связи с тем, что Джан не удалось вовлечь в борьбу за власть в Калмыкии кабардинских феодалов и, учитывая заслуги их и их предков перед Россией, просьба князей была удовлетворена.

В конце 1743 года ханша Джан Кургокина вместе с детьми была отправлена в Петербург, где приняв «святое крещение» стала Верой Дондуковой. От нее и ее детей вела свою родословную известная российская фамилия Дондуковых-Корсаковых. Сыновья Джан после крещения получили имена—Алексей, Иона, Петр и Филипп. Императрица Елизавета Петровна подарила ей особняк на Фонтанке¹⁵⁴.

С этого времени Петербург (правительство) взял твердую линию на ограничение ханской власти в Калмыкии.

Русское правительство, не желая каких-либо осложнений между калмыками и кабардинцами в связи с деятельностью ханши Джан, посылает через подполковника Спицына грамоту Дондук-Даши. Суть ее была в том, чтобы запретить нападение на Кабарду калмыков и отгон отсюда скота. Спицын же обращался к Дондук-Даши с просьбой — если к нему по пути домой заедет кабардинский посол князь Магомед Атажукин, быть с ним «поласковее». Дондук-Даши отвечал, что «с кабардинцами он, наместник, в миру и согласии быть желает, и калмык с ними ни до каких ссор под жестоким штрафом, допускать запретил, а ежели де кабардинской владелец Магомет Атажукин ко мне заедет, то оной так мною

принят будет, как и напредь сего жили с ним и в дружбе, ибо де оного владельца отец и другие сродники всегда бывали при деде и отце моих»¹⁵⁵.

Встреча Дондук-Даши с Магомедом Атажукиным состоялась в апреле 1744 года. Прошла она в дружественной обстановке и все недоразумения между калмыками и кабардинцами были устранены. Это была важная встреча для русского правительства и ее удачное завершение отвечало политическим интересам России, так как «калмыки простирались от Волги до Калауса, все прочее пространство до реки Кубани и Азовского моря было в руках или кабардинцев или крымских поданных»¹⁵⁶. Однако жесткие рамки, в которые был поставлен правительством Дондук-Даши, вызвали недовольство калмыков, за которым последовали их набеги на русские поселения, самовольное перекочевывание за Волгу на ее восточный берег. Полковник Спицын по этому поводу доносил в Коллегию иностранных дел, что часть феодалов калмыцких во главе с наместником находятся «во вредительских замыслах»¹⁵⁷. В результате подобных политических осложнений Дондук-Даши ханом был утвержден только в 1758 году. А начиналось его наместничество в очень хороших отношениях с русскими властями, которые, собственно говоря, и выдвинули его из многих претендентов.

Калмыцкие наместники в первой половине XVIII столетия пользовались у русского правительства большим доверием, особенно это доказывается тем, что «кабардинские владельцы и князья других горских народов очень часто прибегали к ним с просьбами о заступничестве»¹⁵⁸ и по другим важным для них проблемам.

Например, калмыцкий наместник Дондук-Даши в грамоте к астраханскому губернатору Брилкину писал: «Меня просит [Асланбек Кайтукин] чтоб я у Вас исходотайствовал, того ради Вас и прошу: «из подданных Ея Императорского Величества единомерных людей ежели одному велеть на прежнем, лучшем месте быть, а таковому же его родственнику в худом месте жить, то может один за недовольство почитать. Прежде Татищева* не в равной мере обои содержаны были, имели несогласие и что оное бесполезно, к Татищеву многократно я писал, а ныне мое мнение о них обоих в равной мере содержать, надеюся, что полезнее быть может»¹⁵⁹.

Это грамота показывает, что Дондук-Даши был в курсе всех кабардинских дел и всегда старался повлиять на них в критические моменты. Главным в его политике было стремление примирить враждующие стороны. Калмыцкому наместнику, а затем и хану, Дондук-Даши и после смерти Асланбека Кайтукина, последовавшей в 1746 году, неоднократно приходилось общаться с кабардинцами. Так, в «Актах, относящихся к истории Войска Донского» читаем: «От наместника ханства Калмыцкого Дондук-Даши посланы были в Большую Кабарду с бывшим у него тогда кабардинским

* В. Н. Татищев – государственный деятель и известный русский историк, в 1741–1745 годы астраханский губернатор.

владельцем Хан-мурзою Арсланбековым (сыном Асланбека Кайтукина. – К. Д.) от 40 до 50 человек калмык»¹⁶⁰.

В 1761 году умер Дондук-Даши и наместник ханства – малолетний его сын Убаши вступил в управление над калмыцкими улусами. Его права попытался оспорить Цебек-Дорджи, сын Галдан-Нормо, внук Дондук-Омбо, но поняв бесполезность своих притязаний решил вернуть дедовские улусы. Однако его опередила ханша Джан – Вера Дондукова, которая добилась подтверждения передачи Богуцхуровского улуса из бывших владений Дондук-Омбо своим детям и разрешения им вернуться в степь. Это событие произошло в самом начале царствования Екатерины II. Она «возвратила улус и титул хана» Алексею Дондуковичу – самому старшему из сыновей Дондук-Омбо и ханши Джан. В 1762 году он приехал в Поволжье и на протяжении двадцати лет вплоть до своей кончины правил улусом Богу-Цохур, Ионе уже не довелось стать калмыцким ханом...»¹⁶¹

Воцарение Екатерины II резко изменило внешнюю политику России по отношению к Кавказу. При ней русское правительство, заручившись, если не прямой поддержкой, то согласием Европы приступило к выработке внешнеполитической колониально-завоевательной концепции, после чего вплотную приступило к осуществлению планов покорения Кавказа¹⁶². В тот период определенная роль отводилась калмыкам, которые приняли участие в русско-турецкой войне 1768–1774 годов, особенно на первом ее этапе. Следует отметить и то, что уже в основанном в 1763 году Моздоке калмыки находились в «охранном войске» – «причем, в 1766 году находилась здесь драгунская команды и 1 тыс. калмыков»¹⁶³.

Начиная с этого года Моздок усиленно укреплялся, так как в предстоявшей войне с Турцией он должен был играть ключевую роль на Северном Кавказе в силу своего стратегического положения. В той войне окончательно решалась и судьба Большой и Малой Кабарды, являвшихся «нейтральными землями» по условиям Белградского договора 1739 года. В самой же Кабарде часть феодалов ориентировалась на Турцию, другая – на Россию. Спустя годы В. А. Потто писал: «С самого начала правления Екатерины II царский двор показал, что Россия намерена очень серьезно заняться Кавказом и спешные работы в Моздоке были только началом той великой программы, на выполнение которой потребовалось целое столетие и миллионы материальных жертв»¹⁶⁴.

С началом войны с Турцией на Кавказе действовали два корпуса – «один в Грузии под командованием графа Тотлебена, другой на Кубани, под командою генерал-майора Медема»¹⁶⁵. В первом корпусе было 300 калмыков, но их главные силы находились у генерала де Медема и состояли из всего калмыцкого войска при наместнике Убаши¹⁶⁶. На другом участке фронта находились также калмыцкие воины – под командою «генерал-аншефа графа Румянцева двадцать тысяч калмыков»¹⁶⁷.

Весной 1769 года, выполняя приказ об активизации военных действий на Кавказе, калмыцкие войска Убаши в количестве 20 ты-

сяч всадников вместе с казаками перекрыли все подступы к Моздоку. Небольшой отряд кабардинцев – противников возведения Моздокской крепости и имевший цель напасть на нее, наткнулся на это войско и вступил с ним в бой. Большинство из них погибло в той неравной схватке.

После боя основные силы генерала Медема соединились с калмыцким наместником и стали лагерем у горы Бештау, на территории Кабарды¹⁶⁸. 6 июня 1769 года он отправил против кабардинцев Волжский казачий полк атамана Савельева, эскадрон гусар и три тысячи калмыков с двумя орудиями под общим командованием князя Ратиева. В районе реки Эшакон, выше нынешнего Кисловодска, завязался жестокий бой. Вот что по этому бою рапортовал де Медем: «Кабардинцы дрались отважно... Только один князь Мисост Боматов (сын Магомеда Кургокина и родной племянник калмыцкой ханши Джан. – К. Д.), младший из всех князей по летам, скрылся в горах и успел собрать вокруг себя значительную партию»¹⁶⁹.

Излишнюю инициативу проявил в то лето калмыцкий наместник Убаши под давлением своего воинства, уже привыкшего к захвату добычи: не согласовав свои действия с Медемом, он совершил набег на Кубань. Генерал сделал ему резкий выговор за своеволие. Наместник ханства «осерчал» и увел свое войско на Волгу, а затем, в начале 1771 года, и подвластные ему «28 тыс. кибиток»^{*} перекочевали в Китай¹⁷⁰.

Разлад с калмыками генерал Медем почувствовал сразу. Лишившись столь мощной поддержки в лице калмыцкой конницы, временами доходившей до 40 тысяч, русские войска вынуждены были перейти к оборонительным действиям.

Конфликт Убаши с Медемом был лишь поводом, а причины ухода основной массы калмыков в Китай лежали намного глубже. Усиливалась российская колонизация в Нижнем Поволжье. Начиная с первых десятилетий XVIII века в этот регион устремляются русские поселенцы, в связи с усилением крепостнического гнета. В первой половине XVIII века устраивается Царицынская оборонительная линия. Для ее охраны в 1731–1732 годах сюда переселяются более двух тысяч семей донских казаков, положивших начало Волжскому войску»¹⁷¹. В Калмыцкой степи были поставлены и другие форпосты, предназначенные для обороны от набегов кочевников и вместе с тем ставшие возможными очагами калмыцкой оседлости. Все это облегчало царским войскам колонизацию правобережья Волги.

В создании этих форпостов в Калмыцкой степи участвовал и российский канцлер, князь Алексей Михайлович Черкасский. В 1742 го-

^{*} Считают, что с Убаши откочевало в Джунгарию 30 909 кибиток, а в России, у Волги осталось 11 198 кибиток (Новолетов М. Калмыки. СПб., 1884. С. 46–47; Пальмов Н. Н. Очерк истории калмыцкого народа за время пребывания в пределах России. Астрахань, 1922. С. 76). По другим сведениям – 12 800 кибиток осталось в пределах России (Бюлер Ф. Б. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы // Отечественные записки. 1846).

ду он дал распоряжение о постройке выше Астрахани Енотаевской крепости, которую в том же году стали возводить¹⁷².

Астраханский губернатор В. Н. Татищев еще в 1743 году представил правительству проект создания системы городов, населенных казаками, для охраны движения по Волге и содействия мерам по распространению оседлости среди калмыков. Проект этот превратить полностью не удалось, но тем не менее он вызвал недовольство у верхушки калмыцкой знати. Калмыки уже видели, что Россия разворачивает широкий план колонизации степи, что и подтолкнуло их выступить против мер, ограничивавших их передвижение, права и свободу. Следствием этого и стало то, что в 1771 году (как уже отмечалось нами) большая часть калмыков покинула Поволжье и откочевала в Китай¹⁷³.

19 октября 1771 года Екатерина II издала указ о ликвидации Калмыцкого ханства. А после подавления Пугачевского восстания, в котором участвовала часть оставшихся калмыков, Калмыкия была превращена в одну из внутренних провинций Российской империи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный в данной работе исторический материал позволяет прийти к следующим выводам и обобщениям.

Адыгский этнополитический ареал исследуемой эпохи представлял собой масштабный и стратегически важный элемент этнополитической карты Северо-Западного и Центрального Кавказа, простираясь от побережья Черного моря на западе до пределов Дагестана на востоке. Кабарда в нем занимала обширную восточную часть – от верховьев Кубани до устья Сунжи. Территориальная локализация, высокий уровень социально-экономического и общественно-политического развития объективно вовлекали адыгов в многообразные связи с народами степного Предкавказья на севере, с горскими народами Кавказа на востоке и юге. Четко это прослеживается на примере Кабарды, которая выступала в XVI–XVIII веках как крупный феодальный политический центр, тесно связанный с иноязычной периферией. Она имела прочные горизонтальные связи со всеми северокавказскими образованиями, Грузией, кочевыми народами степного Предкавказья. С другой стороны, за исключением феодальных образований Дагестана, Кабарда находилась в отношениях вертикальной связи в форме сюзеренно-вассальных с соседними горскими феодальными обществами. На них распространялась власть кабардинских князей, которые не только к собственным кабардинским землям и их населению, но и по отношению к соседним феодальным владениям выступали как верховные правители и защитники, за что получали налоги в форме периодических натуральных выплат.

Социально-политический строй адыгских княжений характеризуется весьма сложившимися структурами феодального типа.

Здесь существовала развитая социальная иерархия, но отсутствовала политическая централизация. Вместе с тем феодальная раздробленность сочеталась с наличием институтов, осуществлявших функции политического регулирования общественных дел (Хасэ, старшее княжение («верховный князь»). Таким образом, даже раздробленные – Кабарда, Жанэ, Бжедугия, Темиргой, Бесленей, Хатукай и др. сохраняли для окружающего мира образы особых социально-политических образований, отдельных «земель» или «стран»: «жаженские черкесы», «безленейские черкесы», «пятигорские черкесы», «кабардинские черкесы» или «Кабардинская земля», «Кабардинская Черкасская земля», «Кабардинское княжество», «Кабартыйское паньство», «Пятигорское государство», «Западная Черкассия» и т.д.

В этом смысле они должны рассматриваться не только в качестве объектов, но и субъектов политических отношений, завязывавшихся внутри северокавказского региона и вокруг него в XVI–XVIII веках.

С конца XV – начала XVIII века возник своеобразный силовой треугольник в лице Османской Турции и ее вассала Крымского ханства, Сефевидского Ирана и Московского государства (впоследствии России). Иногда это соотношение приобретало форму четырехугольника, когда в отдельные исторические периоды Крымское ханство проводило самостоятельную политику и благодаря своему географическому положению и военному потенциалу играло важную роль в исторических судьбах стран Восточной Европы.

В указанных международных отношениях были задействованы и другие европейские государства. Так, в XVI–XVIII веках особую заинтересованность к складывающейся внешнеполитической ситуации в регионе и направлению ее в выгодном для себя ключе проявляли Польско-Литовское и Австрийское государства. Только в середине XVIII века в этих делах особо активной становится роль Англии и Франции.

С XVI до первой половины XVIII века доминирующим процессом в рамках указанного противостояния в регионе было ирано-турецкое соперничество, сопровождавшееся войнами и периодическими переделами сфер влияния. В этот период Российское государство в большей степени играло на этих противоречиях и не могло в силу ограниченных возможностей в военном и экономическом плане выступать как полноправный соперник указанных держав, но оно постепенно укрепляло свое влияние в кавказском регионе с помощью военно-союзнических отношений с правящей знатью кавказских народов, и в первую очередь с адыгами, которые имели самостоятельные государственные структуры с собственной исторической традицией и легитимной правящей аристократией.

Внутреннее и внешнее положение адыгской этнополитической общности, интересы восточной политики России и общая заинтересованность в борьбе с турецко-крымской агрессией обусловили сближение адыгов с Московским государством к середине XVI века. Исходя из конкретного содержания дошедших до нас факти-

ческих материалов, прежде всего, жалованно-договорных грамот и «шертных» записей, можно определить суть установившихся отношений как своеобразный взаимовыгодный военно-политический союз между адыгскими княжениями и Российским государством. Это была собственная политическая инициатива жанеевцев, бесленеевцев, кабардинцев и абазин в лице наиболее влиятельной группировки господствующей аристократии. Адыгские посольства 1552, 1555 и 1557 годов в Москву положили начало официальному сближению с Россией и явились актами сознательного и самостоятельного выбора предков современных адыгейцев, кабардинцев и черкесов, которые осознавали свои жизненные интересы и ориентировались в реальной обстановке, складывающейся вокруг адыгских земель. То есть, это был оптимальный исторический выбор в условиях угрозы порабощения со стороны более опасных тогда, чем Россия, агрессивных соседей в лице Крымского ханства и стоявшей за ним Османской Турции.

Этот выбор был в определенной степени обусловлен и исторической традицией: Северо-Западный Кавказ с его адыгским населением, в отличие от Восточного Кавказа, на протяжении длительного исторического времени был приобщен к историко-политическим и историко-культурным процессам, протекавшим в Причерноморье, и имел давние связи со славянским миром. «Начиная с контакта, который установили между собой племена Северного Кавказа и племена катакомбной культуры южнорусских степей еще в эпоху бронзы, через сложные и противоречивые взаимоотношения древних кавказцев со скифо-сарматским ираноязычным миром, позднее – адыгов и касогов с Тмутараканьской Русью, и кончая тесными узами связей Кабарды с Московской Русью XVI века – таков длительный, выдержавший испытание временем и обстоятельствами, опыт развития связей одного из крупнейших этнических массивов Северного Кавказа с русским народом»¹.

Если рассматривать взаимодействие адыгской и русской сторон с XVI века не просто в качестве государственно-политических единиц, а в качестве «сложных социальных субъектов», можно говорить об общности интересов и принципиальном стадийном сходстве социоцивилизационных (феодалных) систем, сделавшее возможным их «взаимопонимание».

Весь исследуемый период (середина XVI – 70-е годы XVIII века) наполнен непрерывными посольствами – адыгскими (в большинстве случаев кабардинскими) и российскими, которые по сути дела играли своеобразную роль дипломатических представительств. Содержание кабардинских посольств было различным: просьбы о военной помощи, об определении жалования, о беспопыльном провозе товаров и т.д., позже – о возвращении беглых крепостных, срытии военных укреплений, возводимых на кабардинских землях и т.д.

Со второй половины XVI века адыго-русские отношения стали частью проблемы русской политики на Востоке и, в частности, на Кавказе. Бесспорно, что сближение и союзнические отношения

адыгов с Россией привели к значительным изменениям в межкавказских, а также в русско-турецко-крымских взаимоотношениях. Хотя на протяжении XVI–XVIII веков адыги и Россия выступали совместно против турецко-крымской агрессии, это не дает основания говорить, что в те времена адыгская элита являлась послушным орудием в руках царского правительства. То есть очевидно, что оформившийся таким образом союз с Россией не прервал линию независимости политического развития адыгской общности, не ограничил ее самостоятельности в решении своих внутренних и внешнеполитических вопросов.

Имеется много свидетельств проведения адыгской аристократией собственного внешнеполитического курса, основной целью которого являлась оборона своих владений от внешней агрессии. И этот курс по своей направленности совпадал, в конечном итоге, с интересами России на Юге и таковым оставался до начала колониальной политики царизма на Кавказе.

В отечественной историографии широкий резонанс получила в свое время теория «добровольного присоединения» или «вхождения» различных народов в состав Российского централизованного государства. Оценка характера адыго-русских отношений с середины XVI века тоже составная часть этого процесса. В постсоветский период была выдвинута концепция о военно-политическом союзе Кабарды с Россией. И таким образом, в исторической литературе 1920–1990 годов встречаются самые различные оценочные понятия: «завоевание», «вхождение», «добровольное присоединение», «военно-политический союз». Определенные трудности и неоднозначность существующей терминологии вызваны, на наш взгляд, тем, что, изучая различные исторические аспекты проблемы, они не рассматривались в политико-правовом контексте исследуемой эпохи. Поэтому выяснение юридической природы кабардино-русского договора 1557 года и политико-правового содержания адыго-русских взаимоотношений XVI–XVIII веков будет неправильным без учета значения ключевых понятий «сюзеренитет», «протекторат», «подданство», «покровительство», «вассалитет» и «холопство» в европейской и российской международно-правовой практике.

В XVI–XVIII веках европейская теория и практика международного права различали, прежде всего, два вида зависимости – сюзеренитет и покровительство. В первом случае верховная власть принадлежит сюзерену, а вассал сидит на его земле «по соглашению» с ним. Здесь право верховной собственности на землю неразрывно связано с обладанием политической властью, что является непреложной формулой феодальной эпохи. Но в этих условиях положение вассала может оставаться суверенным, если налицо внутрисполитическая и внешнеполитическая автономия. Формы покровительства были более многообразны, чем формы сюзеренитета – данничество, вассалитет (но только по форме, т.е. инвентура, служба против «всех и каждого» и т.д.), просто союзник в неравноправном договоре о покровительстве. При «покрови-

тельстве» мог иметь место союз, в котором слабая сторона (протее) в поисках защиты от врагов связывала себя с сильной (протектором), согласившейся защитить ее, беря на себя ряд обязательств как данничество, близкое к вассальному по форме до обязательств военной помощи и ограничении своей внешней дееспособности.

Классики европейского международного права (Ж. Боден, Г. Гроций и др.) различали абсолютно независимые (суверенные) государства и государства, связанные неравноправными союзными договорами. Они отмечали, «что одна сторона обязана оказывать поддержку власти и величию другой стороны», ибо в дружбе между неравными сторонами на долю «сильнейшего выпадает больше чести, на долю слабейшего – больше обязанностей оказывать содействие первому»². В известном труде Э. Ваттеля четко разграничиваются субъекты международного права: а) государства, находящиеся под покровительством, б) государства-данники и в) вассальные государства³. Он обращал внимание, что «подчиненное на некоторых условиях» государство может еще оставаться субъектом международного права, но в форме ограниченной суверенности, если его внешняя дееспособность не ликвидирована полностью. Ваттель специально оговаривает, что если покровитель не требует от протее отказа от прерогатив верховной власти, ограничиваясь требованием уплаты дани, предоставления войск, даже разделения общей с протектором судьбы во всех войнах, то протее остается независимым.

Благодаря указанным и другим авторам в международно-правовой практике XVI–XVIII веков сложилась так называемая феодальная концепция «свободы». Она заключалась в совокупности прав верховного законодательства и управления (суд, сбор налогов и т.д.) внутри общества и право войны и мира (т.е. заключение договоров и союзов вовне). Если государство (народ, этнополитическая общность) сохраняет за собой вышеуказанные права и обязывается только к определенным услугам, обусловленным договором, то такой народ считается «зависимым» и «подданным», но остается «свободным» и «примкнувшим», а не «подчиненным». «Подданным» в собственном смысле протее становится при инкорпорации, но даже в этом случае подданство было договорным, условным, нарушение его протектором возвращало протее статус независимости.

Вассалитет – самая известная форма государственного устройства средневекового общества, в основе которого лежало договорное начало, связывающее представителей господствующего класса. Необходимо учесть тот факт, что вассалитет в эту эпоху не только форма коммандации – покровительства, но и форма подчинения слабого сюзерена сильному путем насилия или угрозы применения силы, или отдавшегося на прекарных началах под покровительство сильного. При всех видах зависимости вассалитет основан на условном землевладении, на признании за сюзереном права на верховную собственность в отношении земель вас-

сала, следовательно, отныне он источник власти вассала, фелония последнего ведет к потере власти. Вышеуказанное позволяет сделать вывод, что институт покровительства и институт вассалитета покоятся на совершенно противоположных началах⁴.

Международная правовая практика Российского государства выработала в течение второй половины XVI века ряд видов зависимости государств. С момента покорения Казани (1552) любой вид и форма зависимости толкуется Москвой как «холопство» и «подданство» на манер золотоордынской дипломатии. Известный историк В. В. Устюгов писал, что политика московского правительства по отношению к нерусским народностям была вполне определенной и достаточно суровой – все население вновь присоединенных территорий (Казанское ханство, Башкирская земля, Сибирское царство и др.) облагалось ясаком⁵.

С середины XVI века из всех «новоприбылых государств», которые служили Москве, статус Кабарды был особый. Она находилась «в службе и обороне», что означало покровительственный характер союза 1557 года. Он не укладывался в обычные нормы сюзеренитета, принятого на Востоке с его ярко выраженной формой «покорности и условности инвеституры». Хотя по форме договор и был наделен атрибутами вассалитета, установившиеся отношения были защитно-покровительственные, исключавшие прекарные начала и базирующиеся на признании взаимных прав и обязанностей. Кабарда «служит», но служит будучи «в обороне». Москва обязана ее оборонять, в противном случае договор может быть расторгнут. Даже после перестройки российской дипломатии в начале XVIII века на европейский лад и заимствования многих западноевропейских терминов и понятий, в грамоте Петра I «кабардинским владельцам и всему кабардинскому народу» (март 1711) говорится: «...изволяем вас к себе в подданство и оборону принять».

Вступление Кабарды в подданство оформлялось международным договором, форма которого была специально выработана в Посольском приказе. Оригинал договора 1557 года не сохранился, до нас дошли только те его части, которые были использованы при составлении общерусского летописного свода. Косвенным свидетельством имевшей место в 1557 году «шертной» («клятвенной») присяги – «тхъэрыуэ-псальэ» («договор» или «соглашение» на кабардинском языке. – К. Д.) со стороны кабардинского посольства являются памятники устной традиции, приводимые Ш. Б. Ногмовым в «Истории адыгейского народа»: «Память союза и дружества с русскими сохранилась по настоящее время в нашем народе; и теперь еще пословица говорит: тхаго Цар-Иван хоттуа, т.е. присяга, которая перед царем Иваном»⁶.

Кабардино-русский договор 1588 года состоял из двух частей – «шертной» («клятвенной записи») и «жалованной грамоты с золотой печатью», которая приравнивалась к dokonчальной грамоте. Указанный и последующие кабардино-русские договоры (как и кахетинско-русский договор 1587–1589 гг.) обусловили складыва-

ние в русском праве нового вида договора – договор об учинении в подданстве, призванный регулировать отношения между вступающими в зависимость от Москвы государственными образованиями, которые сохранили внутреннюю автономию и имели ограниченную внешнеполитическую дееспособность. Основные формулы шертных записей и жалованных грамот кабардинских князей содержали военно-политические обязательства, связывающие суверенные стороны. Они носили оборонно-наступательный характер. В посылаемых в Кабарду грамотах цари, Посольский приказ и Коллегия иностранных дел, терские и астраханские воеводы требуют «показать службу», «служить». На кабардинских князьях лежат, прежде всего, военные обязательства в виде платы за «защиту и покровительство», а также приведение других северокавказских владельцев в российское подданство. В отличие от других «новоприбылых» в анализируемых публично-правовых актах нигде не говорится о плате «за защиту и покровительство» в форме «ясака», «дани» или «поминока». Таким образом, наличие защитных отношений, основанных на полной договоренности сторон и не выходящих за пределы союза, рождало новую форму взаимоотношений, принципиально отличных от сюзеренно-вассальных. Кабарда, с точки зрения указанной практики, оставалась суверенной – в отношении с Крымским ханством она выступала внешне как данник, откупающийся от набегов, а в отношении Российского государства, с чьей стороны получало покровительство, как клиент, берущий на себя обязательства, аналогичные вассальным по форме («клятва верности», служба и обязанность «вассала» по отношению к «сеньору»).

Стереотипность «шерти», а тем более факт составления их образцов в Посольском приказе, ни в коей мере не снижают их научную и практическую ценность, как пытаются представить отдельные авторы. Наоборот, они свидетельствуют о том, какое значение придавала центральная власть документальному оформлению актов подданства. Периодическое возобновление присяг при восшествии на престол каждого нового царя в России или избрании нового верховного князя в Кабарде являлось показателем прочности, а главное, продолжительности этих сложившихся отношений. Такого рода практика имела место не только на Северном Кавказе или в Поволжье, но и в самой центральной России.

Встречающееся в летописных известиях и актовых документах понятие «холопство» в правовой практике Москвы второй половины XVI века по отношению к Кабарде надо трактовать как подданство, своеобразное и условное. Кабардинская правящая элита, именую себя в грамотах иногда «холопами» следовала существующей в то время российской приказной терминологии и использовала это понятие в признательность российской стороне за согласие покровительства. Обстоятельную характеристику «холопства» в понимании правящего российского двора XVI–XVII веков дает Г. Котошихин: «...а ис тех государств обычай писатися к царю себя низити, а его высити, а называтися холопами его, яко и в

иных государствах обычай писати господина к господину отдаючи себя слугою повольным, а то не есть правда... А землей царь (российский. — *К. Д.*) не владеет... Кабардинская земля, Черкасские и горские князья по его (т.е. царя. — *К. Д.*) подданством»⁷.

Как мы видим, «холопство» действительно в правоотношениях Кабарды с Россией приравнялось к подданству в форме зависимости. «Принятие подданства, или, вернее, признание своего служебного положения по отношению к русскому царю со стороны того или иного феодала еще не является, — писал М. Н. Тихомиров, — показателем того, что вся страна, в которой жил этот феодал, вошла в состав России»⁸. О полном подданстве, т.е. инкорпорации Кабарды в состав России, на наш взгляд, можно говорить только по отношению к XIX веку.

В изучении характера и политико-правового содержания кабардино-русских отношений многое дает посольский обряд обеих сторон, ибо в XVI–XVIII веках международное право отражало и закрепляло градацию в достоинстве и ранге государств, учредив целую систему дипломатического церемониала, которому придавалось исключительно важное значение. Московский двор был особенно щепетильным в посольских делах и добивался признания за собой ранга первостепенной державы. При нем в XVI–XVIII веках существовало два посольских обряда: один применялся в отношении западноевропейских и ряда азиатских государств (Иран, Турция, Крымское ханство) и был основан на началах взаимного признания равенства, другой — в отношении владельцев малых азиатских государств. В этой связи большой интерес представляет прием и отпуск кабардинских послов во второй половине XVI–XVIII вв.⁹ Анализ показывает, что в отношении кабардинских послов, в основном, применяется более или менее стабильный протокол. Кабардинские посольства, как и посольства многих независимых держав Запада и Востока, удостоивались «встречи» на основных этапах своего пребывания в России; «честь» сидеть на скамье, «что и литовским послам»; «быти у руки царя», «быти у стола царя» и т.д. Если взять посылку русских послов в Кабарду, мы увидим среди них дипломатов разных рангов: от послов («сынов» боярских, дворян «думных» или «окольных»), «а с ними товарищи дьяки») до «посланников» и «гонцов». Протокол «приема и отпуска» кабардинских послов позволяет считать Кабарду в определенной зависимости от России «...отец мой мне приказывал слово твое на голове держати и тебе служить», — писал Федору Ивановичу один из кабардинских князей. Приведенная формула в восточной дипломатической практике означала зависимое положение. Но в то же время «посольский обычай» дает основание ставить Кабарду в ряд субъектов международного права и она не считается составной частью Российского государства в XVI–XVIII веках.

Поэтому мы предлагаем при трактовке кабардино-русского договора 1557 года применять понятие «договор о покровительстве», при котором имел место военно-политический союз.

Вся совокупность данных по политической истории Кабарды

XVI–XVIII веков, рассмотренная в работе, подводит к выводу, что внутренние феодальные усобицы теснейшим образом были связаны с внешней ориентацией Кабарды и с политикой Российского государства по отношению к ней. Враждующие феодальные группировки по разным поводам обращались к российскому правительству за помощью.

Изучение феодальных столкновений в исследуемый период приводит к выводу, что они возникали между ведущими княжескими родами и семьями, оспаривавшими друг у друга право на «старшее княжение», нередко в нарушение обычая, а также на земельные владения и подвластное население. С другой стороны, это не привело к консолидации и политической централизации Кабарды и не обеспечило однозначной ее ориентации на Россию. Развитие процессов феодализации, изменение соотношения сил различных княжеских фамилий, их междоусобная борьба, осложняемая вмешательством не только России, но и Крыма и Турции, приводят к распаду Кабарды на Большую и Малую и одновременному обособлению ряда феодальных «уделов». Такая тенденция затрудняет для российского правительства осуществление четкой и последовательной линии в кабардинских делах. Если во второй половине XVI века крупные феодальные фамилии в борьбе за первенство выступают сплоченно, то для XVII–XVIII веков характерна ожесточенная борьба внутри княжеских родов между отдельными семьями. Феодальные группировки нередко объединяют представителей разных частей Кабарды и разных княжеских линий. В этой обстановке обычай избрания «старшего князя» не только не способствовал объединению, но и приводил к углублению раздоров. Поэтому уже в XVII веке российское правительство вынуждено отказаться от практики выдачи жалованных грамот на великокняжескую власть в Кабарде.

Вместе с тем, заинтересованное в укреплении своего влияния в Кабарде и на Кавказе в целом, российское руководство нередко играло роль примирителя, давая местным народам указания «не ожесточить» соперников и не оттолкнуть их от российского подданства. Особенное внимание уделялось в Москве Большой Кабарде, находившейся вдали от Терского города и испытывавшей сильное давление сторонников Крымского ханства. Такая политика давала свои плоды. В сложнейшей и динамичной обстановке середины XVI – 70-х годов XVIII века прорусская ориентация большей части кабардинских владений оставалась постоянным фактором, влиявшим на ее внутреннее и внешнее положение.

Преемственность кабардино-русского сотрудничества в исследуемый период во многом была обеспечена деятельностью двух групп кабардинской феодальной аристократии. В первую очередь, следует отметить кабардинских князей Черкасских, служивших по Терскому городу, среди которых особую роль сыграли Темрюковичи и Сунчалеевичи. На протяжении длительного периода они служили посредниками в сношениях российского правительства не только с Кабардой, но и с владельцами и народами Северного

Кавказа. Они находили постоянную поддержку у другой группы кабардинских князей, которая выехала в Россию и стала известна здесь как Черкасские, влилась в состав московской феодальной знати и заняла высокое положение в системе государственной и военной администрации.

Адыго-русские отношения в XVI–XVIII веках во многом способствовали выполнению задач восточной политики России в таких ее составных частях, как борьба с турецко-крымской агрессией, закрепление Российского государства в бассейне реки Терек и на Центральном Кавказе, установление тесных связей с Грузией.

Особое место во взаимоотношениях адыгов с Россией занимала проблема Крымского ханства. Крымско-татарская агрессия против адыгов явилась, на наш взгляд, важнейшим фактором, обусловившим их сближение с Россией. История как адыгской этнополитической общности, так и России на протяжении XVI–XVIII веков наполнена остротой борьбы за обеспечение безопасности своих границ против Крымского ханства и стоявшей за ним Османской Турции. В ответ на сближение и развитие адыго-русских отношений интенсивность набегов крымских ханов на адыгские земли менялась и становилась весьма частой. Если бы Крымское ханство и Османская Турция овладели адыгскими землями, это серьезно подорвало бы влияние России на Юге. Значит, союз адыгов с Россией против Крыма и Турции отвечал насущным потребностям обеих сторон. И поэтому адыгские походы на Крым часто были самым тесным образом скоординированы с действиями российских войск. Объединенные отряды кабардинцев, западных черкесов и казаков (терских, донских, запорожских) создавали постоянные угрозы Крымскому ханству, сковывая его значительные силы, что во многом облегчало задачу обороны южнорусских границ. Крупные поражения Крымского ханства от адыгов (черкесов) в рассматриваемый период неоднократно имели колоссальный резонанс во всей Восточной Европе.

Союзнические отношения политических элит Кабарды, Ногайской Орды и Калмыцкого ханства складывались в целях разрешения внешнеполитических и региональных проблем на основе баланса сил и интересов этих этнополитических общностей. Они возникали и распадались в зависимости от конкретных условий текущего момента, и в XVI–XVIII вв. наличие объективных социально-политических интересов субъектов отношений зачастую были обусловлены двумя факторами стратегического партнерства: «прорусского» и «османо-крымского».

С первой четверти XVIII века в государственно-политической системе России происходит принципиальный модернизационный сдвиг. Возникает государство квазисовременного типа, выступающее как один из имперских центров в европейском «концерте» держав.

По мере решения Россией задачи западного направления своей внешней политики и укрепления ее территориального, военно-экономического потенциала, она начинает проявлять прямое участие в переделе сфер влияния в кавказском регионе в свою пользу.

С прикаспийского (персидского) похода Петра I можно, на наш взгляд, говорить об открытых столкновениях России с Ираном, а в ходе многочисленных русско-турецких войн с 1730-х годов – с Османской Турцией и начале фактических территориальных приобретений на Кавказе. Для набирающей мощь России становится реальной в будущем цель установления полного военно-политического контроля над Северным Кавказом как важным геополитическим регионом.

Международные договоры – Белградский (1739) и Кючук-Кайнарджийский (1774) – напрямую затрагивали интересы адыгов, которые выступали уже не как суверены и субъекты международного права во второй половине XVI–XVII вв., а как объекты указанных международных соглашений.

По мнению авторитетных востоковедов С. Ф. Орешковой и Н. Ю. Ульяченко, специально исследовавших историю формирования границ России и Турции, «...действительно к этому времени активно происходивший тогда раздел мира между ... державами привел к тому, что в международном праве и международных договорах многим народам отводилась роль пассивных объектов... Об их собственных правах и интересах вспоминали лишь в случаях споров между самими ... державами»¹⁰.

Таким образом, с эпохи модернизации России меняется и ее политика по отношению к кавказскому региону. С этого времени утрачивается принципиальное стадийное сходство социоцивилизационных (феодалных) систем адыгов и России, делавшее ранее возможным их «взаимопонимание».

Давая обобщенную оценку характера адыго-русских отношений, речь необходимо вести о длительном, противоречивом, не всегда поступательном процессе политического взаимодействия и сближения. Как важнейший аспект национального политического опыта можно выделить постоянное и интенсивное воздействие внешнего фактора на этнополитическое развитие адыгов и периодически возраставшую необходимость кардинального выбора между различными политическими альтернативами. И, начиная с середины XVI века до второй половины XVIII века, центральное место в ситуациях политической альтернативности занимали отношения не с Османской Турцией или Крымом, а с Российским государством.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Эйдельман Н. Я. Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С. 41.

² Лубский А. В. Классическая парадигма исторического исследования // История: научные поиски и проблемы (Памяти доктора исторических наук, профессора А. П. Пронштейна). Ростов-на-Дону, 2000. С. 27–62; Мининков Н. А. Принципиальная основа исторического иссле-

дования // Там же. С. 62–72; Смоленский Н. И. Проблемы теоретического плюрализма // Новая и новейшая история. 1998. № 1. С. 8–9.

³ Боров А. Х. Историческая наука Кабардино-Балкарии: к постановке теоретико-методологических проблем // Вестник Кабардино-Балкарского госуниверситета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 2. Нальчик, 1996. С. 83–92; Он же. Условия и возможности применения синергетического подхода в историческом адыговедении // Мир этноса (аспекты и методы исследования). Нальчик, 1999. С. 58–96; Боров А. Х., Дзамихов К. Ф. Россия и Северный Кавказ (Современный политический опыт в историческом контексте) // Полис. М., 1998. № 3. С. 192–204.

Историография проблемы. Анализ источниковой базы

¹ Лызлов А. Скифская история. Изд. 2. М., 1787. Ч. 2. С. 9, 49, 53, 57.

² Манкиев А. И. Ядро Российской истории. М., 1799. С. 232–233, 250.

³ Там же. С. 471.

⁴ Татищев В. Н. История Российская. Т. 1–7. М., 1962–1968. Т. 1. С. 241, 278–324; Т. 2. С. 75–76; Т. 6. С. 229, 247–248, 270–271; Он же. Лексикон Российский, исторический, географический и гражданский // В. Н. Татищев. Избранные произведения. Л., 1979. С. 302–303.

⁵ История Российская от древнейших времен. Сочинена князем Михайлом Щербатовым. Т. 1–7. СПб., 1974–1805. Т. 1. С. 38, 226, 307–308; Т. 2. С. 9, 509; Т. 5. Ч. 1. С. 429–430; Ч. 2. С. 27, 53–60, 66–67, 76–77, 153, 177, 180–181, 213, 331, 290–291, 315–316 и т.д.; Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1–12. СПб., 1816–1829. Т. 1. С. 171–172; Т. 2. С. 20–21; Т. 8. С. 226–227, 240, 252, 354; Т. 9. С. 37, 46, 116, 139–140, 179, 187–188.

⁶ Броневский С. М. Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. Т. 1–2. М., 1823.

⁷ Там же. Т. 1. С. 89–158; Ч. 2. С. 87–115.

⁸ Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, раз. 2, оп. 2, № 1, л. 1–321 об.

⁹ Броневский С. М. Исторические известия о сношениях России с Персией, Грузией, черкесами и другими горскими народами со времен царя Ивана Васильевича Грозного до восшествия на престол Императора Александра I. СПб., 1996.

¹⁰ Там же. С. 21–61.

¹¹ Там же. С. 61–100.

¹² Соловьев С. М. Истории России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3. Т. 6.

¹³ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 1–3. СПб., 1869; Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889.

¹⁴ Там же. С. СХV.

¹⁵ Дубровин Н. Ф. История войн и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871; Потто В. А. Кавказская война (в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях). СПб., 1899; Два века терского казачества. Владикавказ, 1912; Попко И. Д. Терские казаки со стародавних времен.

Вып. 1. Гребенское войско. СПб., 1880; *Грабовский Н.* Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 9. Тифлис, 1876; *Берже А. Б.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. СПб., 1882. Кн. 1; *Юдин П. Л.* Мурза Сунчалей Янглычевич // Русский архив, 1913, № 2; *Он же.* Верность кабардинцев русскому престолу в эпоху Смутного времени. Владикавказ, 1913; *Он же.* Очерки Смутного времени на Кавказе // Записки Терского Общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 4; *Караулов М. А.* Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912; *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Турции до начала XVIII века. СПб., 1887.

¹⁶ *Грабовский Н.* Присоединение к России Кабарды... С. 125.

¹⁷ Там же. С. 126.

¹⁸ *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Турции; *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1–4. СПб., 1863–1868; *Перетяткович Г.* Поволжье в XV и XVI вв. М., 1877.

¹⁹ *Атажукин Из.* Краткое описание жителей горских Черкес; Записка о жителях Кавказа, Большой и Малой Кабарды // *К. Ф. Дзамихов.* Адыги: вехи истории. Нальчик, 1994. С. 72–102; *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994; *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1992; *Кудашев В.* Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913.

²⁰ *Кудашев В.* Исторические сведения... С. 6.

²¹ *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Сочинение в 9 томах. М., 1987. Т. 1. С. 50.

²² Там же. Т. 5. С. 42.

²³ Там же. С. 43, 47.

²⁴ Там же. С. 178–179.

²⁵ *Покровский М. Н.* Внешняя политика (1814–1917). Сб. статей. М., 1919.

²⁶ *Покровский М. Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сб. статей. М., 1923.

²⁷ *Покровский М. Н.* Внешняя политика России в XX веке. М., 1926. С. 11.

²⁸ *Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов. Вып. 1. М.; Л., 1933. С. 605.

²⁹ *Ванаг Н. Н.* Краткий очерк истории народов СССР. Ч. 1. М.; Л., 1931. С. 29.

³⁰ *Драбкина Е.* Национальный и колониальный вопрос в царской России. М., 1930. С. 5.

³¹ Там же. С. 4.

³² *Любавский М. К.* Обзор русской колонизации с древнейших времен до XX века. М., 1996. С. 391–427.

³³ Там же. С. 393.

³⁴ Там же. С. 394.

³⁵ *Скитский Б. В.* «Холопий вопрос» и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды (1739–1779). Владикавказ, 1930.

³⁸³ *Кокиев Г. А.* Борьба кабардинских феодалов за власть в первой

половине XVIII в. // *Революция и горец*. 1929. № 9. С. 41–47; Он же. К истории междоусобной борьбы кабардинских князей // *Ученые записки Северо-Кавказского горского НИИ*. 1930. № 2; Он же. Распад Кабарды на Большую и Малую и установление отношения с соседними народами // *Социалистическая Кабардино-Балкария*. 1940. № 285–287; Он же. Методы колониальной политики России на Северном Кавказе в XVIII в. // *Известия Юго-Осетинского НИИ краеведения*. Вып. 1. Сталинир, 1933. С. 179–225; Он же. Русско-кабардинские отношения в XVI–XVIII вв. // *Вопросы истории*. 1946. № 10. С. 44–59; Он же. Из истории сношений России с Кавказом в IX–XIX вв. // *Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института*. Нальчик, 1946. Т. 1. С. 33–81; Он же. Краткий исторический очерк Кабарды // *Кабардинская АССР*. Нальчик, 1946; Он же. Малокабардинские поселения в XVI–XVIII вв. // *Ученые записки Кабардинского НИИ*. Нальчик, 1947. Т. 2. С. 19–47; Он же. Русско-кабардинские отношения в XVI в. // *Ученые записки Кабардинского НИИ*. Нальчик, 1948. Т. IV. С. 25–64; Он же. Сношение России с народами Северного Кавказа // *Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа*. Махачкала, 1982. С. 98–128.

³⁷ Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVIII вв. // *Ученые записки МГУ*. М., 1946. Т. 1–2; Он же. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях в XVI–XVIII вв. Нальчик, 1948; Он же. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958.

³⁸ Смирнов Н. А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях... С. 117.

³⁹ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л., 1948.

⁴⁰ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. 5. С. 150.

⁴¹ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962; Он же. Российское государство в XV–XVII вв. М., 1973; Базилович К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства: вторая половина XV в. М., 1952; Устюгов В. В. Башкирское восстание 1662–1664 // *Исторические записки*. М., 1947. Т. 24. С. 30–110; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960; Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978; Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина. М., 1977; Он же. В канун грозных потрясений. М., 1986; Он же. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV–первой трети XVI в. М., 1988; Он же. Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. М., 1978; Пронштейн А. П. Методика исторического исследования. Ростов-на-Дону, 1970; Дружинина Е. И. Кучук-Кайнарджийский мир 1774 года (Его подготовка и заключение). М., 1955; Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963; Он же. К вопросу о роли турецко-крымской дипломатии в политической жизни Восточной Европы конца XV–XVI вв. // *Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма*. Кишинев, 1973. С. 150–156; Он же. К вопросу о характере политического сотрудничества Османской империи и Крымского ханства в Восточной Европе в XVI–XVII вв., по данным Э. Челяби // *Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв.* М., 1979. С. 299–314; Скрынников Р. Г. Иван Грозный.

М., 1983; Он же. На страже московских рубежей. М., 1986; Он же. История Российская. IX–XVIII вв. М., 1977; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987; Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. М., 1975; Она же. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986; Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984; Юзефович Л. А. Как в посольских обычаях ведется. М., 1998; Мордовина С. П. Служилые князья в конце XVI в. // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1970. Т. 28; Водарский Я. Е. Правящая группа светских феодалов в России в XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVII вв. М., 1975; Рогожин Н. М. Око всей великой России; Дела посольские // Око всей великой России. Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII вв. М., 1989.

⁴² Нечкина М. В. К вопросу о формуле «наименьшего зла» (письмо в редакцию) // Вопросы истории. 1951. № 4.

⁴³ Кумыков Т. Х. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957; Бушуев С. К. Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956.

⁴⁴ Бушуев С. К. Из истории русско-кабардинских отношений. С. 41.

⁴⁵ Там же. С. 46.

⁴⁶ Невская В. П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. Черкесск, 1956; Алексеева Е. П., Калмыков И. Х., Невская В. П. Добровольное присоединение Черкесии к России (к 400-летию юбилею). Черкесск, 1956; Аутлев М., Зевакин Е., Хоретлов А. Адыги. Майкоп, 1957; Бербекоев Х. М. 400 лет вместе с народами России // Коммунист. 1957. № 10; Фадеев В. В. Основные этапы в развитии русско-кавказских связей // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Серия историческая. Нальчик, 1960. Т. 17. С. 33–81; Вилинбахов В. Б. Совместные русско-кабардинские военные действия (со второй половины XVI до 1791 года) // Сборник статей Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1959. № 14.

⁴⁷ Истории Кабарды с древнейших времен до наших дней. М., 1957; Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957.

⁴⁸ Блиев М. М. К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России // Вопросы истории. 1970. № 7. С. 43–56; Он же. Историография проблемы присоединения народов Северного Кавказа к России // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Грозный, 1982. С. 241–248.

⁴⁹ Крикунова Е. О., Павлова И. М. К истории взаимоотношений между Кабардой и другими народами Кавказа в XVII веке (документы) // Ученые записки Кабардино-Балкарского гос. пед. института. Нальчик, 1957. Вып. 13. С. 77–113.

⁵⁰ Тотоев М. С. Кабардино-балкаро-осетинские отношения в XVI–XVIII вв. // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1966. Т. 25; Мамбетов Г. Х. К вопросу о взаимоотношениях Кабарды и Балкарии с Чечней и Ингушетией в XVI–XVIII вв. // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1970. Вып. 4; Он же. Взаимоотношения кабардинцев и балкарцев с народами Дагестана в XVI–XVIII вв. // Взаимоотношения Дагестана с народами Северного Кавказа. Махачкала, 1957; Он же. Взаимоотношения Кабар-

ды и Балкарии с соседними народами (в XVI–XVIII вв.) // История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 176–195; Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством. Нальчик, 1996.

⁵¹ История Дагестана. Т. 1–4. М., 1967–1969; История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1–2. М., 1967; История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. М., 1959; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. Ставрополь, 1967; Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1–2. Грозный, 1967–1972; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (Вторая половина XVI – 30-е годы XVII в.). М., 1963; Блиев М. М. Присоединение Северной Осетии к России. Орджоникидзе, 1959; Он же. Осетинское посольство в Петербурге, 1749–1752 гг. Орджоникидзе, 1961; Он же. Русско-осетинские отношения (40-е годы XVIII – 30-е годы XIX в.). Орджоникидзе, 1970; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Он же. Из истории великой дружбы // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975; Гриценко Н. П. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный, 1975; Боцвадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношении России с Грузией. Тбилиси, 1964; Карданов Ч. Э. Из истории отношений между адыгскими народами и Россией в XVI в. Нальчик, 1972; Он же. У истоков дружбы. Нальчик, 1982; Гарданов В. К. Присоединение Северного Кавказа к России // Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1; Ахмадов Я. З. Из истории чечено-русских отношений // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975. Т. 2; Он же. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией: Автореферат диссертации кандидата исторических наук. Махачкала, 1977; Байбулатов Н. К., Блиев М. М., Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России // История СССР. 1980. № 5; Блиев М. М. О некоторых вопросах истории взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией в XVI–XIX вв. // Ученые записки СОГПИ. Орджоникидзе, 1967. Т. 27. Вып. 1; Котиков С. Б. К вопросу о присоединении Ингушетии к России // Известия Чечено-Ингушского института истории, языка и литературы. Грозный, 1972. Т. 9. Вып. 1; Налоева Е. Дж. К вопросу о политическом положении Кабарды в начале XVIII века // Ученые записки КБГУ. Вып. 40. Нальчик, 1969; Саламов А. А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с великим русским народом (XVI – начало XX в.) // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1963. Т. 3. Вып. 1; Сокуров В. Н. Внешнеполитическое положение Кабарды в последней четверти XVII – первой четверти XVIII в.: Автореферат диссертации кандидата исторических наук. М., 1977; Он же. О характере русско-кабардинских политических связей в 70-х гг. XVII в. // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1976. Вып. 10; Тавакелян Н. А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1968. № 2; Тогошвили Г. Д. Грузино-осетинские взаимоотношения в период присоединения Северной Осетии к России // Сборник СОНИИ. Вып. 31. (История). Орджоникидзе, 1976; Феодаева Ф. З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVII – начале XIX в.: Автореферат диссертации кандидата исторических наук. Махачкала, 1971; Моков Б. М.

Феодалные группировки, междоусобная борьба в Кабарде в XVII в. и отношение к ней русского правительства //Сборник научных работ аспирантов. Нальчик, 1965. С. 63–86; Он же. Кабардино-русские отношения в XVII в.: Автореферат диссертации кандидата исторических наук. Нальчик, 1999.

⁵² Месхия Ш. А., Цинцадзе Я. З. Из истории русско-грузинских взаимоотношений X–XVIII вв. Тбилиси, 1958; Накашидзе Н. Т. Грузино-русские отношения в первой половине XVII в. Тбилиси, 1988; Пайчадзе Г. Г. Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII в. Тбилиси, 1970; Мачарадзе В. Г. Материалы по истории русско-грузинских отношений второй половины XVIII в. Тбилиси, 1968; Гамрекели В. Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1977; Преображенская П. С. Калмыки в первой половине XVII в.: принятие калмыками (торгоутами и дербетами) русского подданства: Автореферат диссертации кандидата исторических наук. М., 1963; Она же. Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х гг. XVII в. //Записки Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории. Элиста, 1960. Вып. 1; Она же. Добровольное вхождение калмыков в состав Русского государства //Очерки истории Калмыцкой АССР. М., 1967; Кичиков М. Л. К истории образования Калмыцкого ханства в составе России //Записки Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории. Элиста, 1962. Вып. 2; Устюгов Н. В. Калмыцкое ханство в период правления Аюки //Очерки истории Калмыцкой АССР. М., 1967; Беликов Т. И. Участие калмыков в войнах России М., 1960; Эрдниев Ц. Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста, 1985; Митиров А. Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. М., 1998; Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л., 1974; Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х, Сикалиев А. И. Ногайцы. Черкесск, 1988; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

⁵³ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963.

⁵⁴ Кушева Е. Н. Северный Кавказ и международные отношения XVI–XVII вв. Обзор материалов русских архивов //Исторический журнал. 1943. № 1. С. 60–68; Она же. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. //Исторические записки. М., 1950. Т. 34. С. 236–287; Она же. Присоединение Кабарды к России и его историческое значение //История Кабарды с древнейших времен до наших дней. М., 1957.

⁵⁵ Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.

⁵⁶ Гаджиев В. Г. Вхождение Дагестана в состав России //Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в. Махачкала, 1988. С. 16–34.

⁵⁷ Блиев М. М. Русско-осетинские отношения (40-е годы XVIII – 30-е годы XIX в.). Орджоникидзе, 1970.

⁵⁸ Там же. С. 376.

⁵⁹ Как это было... (Штрихи к истории концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России). Подгот. Н. И. Цихотская, В. В. Черноус //Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Ростов-на-Дону, 1990. № 2. С. 68–74.

⁶⁰ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984. С. 316.

⁶¹ Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 50-е годы XX в.). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2–3 октября 1979 г. Грозный, 1982.

⁶² Национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность // Вопросы истории. М., 1989. № 5.

⁶³ Российское многонациональное государство: формирование и пути исторического развития. Материалы совещания // История и историки. М., 1995. С. 6–167.

⁶⁴ Крикунов В. П. Историки должны быть выше национальных обид // Вопросы истории. М., 1989. № 5. С. 41–42; Новосельцев А. П. Правдиво отображать историю народов нашей страны // Вопросы истории. М., 1989. № 5. С. 54–56.

⁶⁵ История и историки. М., 1995. С. 6–48.

⁶⁶ Там же. С. 49–141.

⁶⁷ Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских отношениях в XVIII в. М., 1991; Якубова И. И. Северный Кавказ в русско-турецких отношениях в 40–70-е годы XVIII в. Нальчик, 1993; Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990; Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М., 1987; Ахмадов Я. З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988; Некрасов А. М. Международные отношения и народы западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. М., 1990; Орешкова С. Ф., Ульченко Н. Ю. Россия и Турция (проблемы формирования границ). М., 1999.

⁶⁸ Дзидзоев В. Д. Национальная политика: уроки опыта. Владикавказ, 1994; Он же. Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ, 1995; Дзидзоев В. Д., Мальбахов Б. К. Страницы истории кабардино-осетинских отношений в XVIII – XIX вв. // Вопросы политологии, истории и социологии. Владикавказ, 1998. Вып. 1. С. 68–81; Гутнов Ф. Х. Средневековая Осетия. Владикавказ, 1993; Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). Нальчик, 1996; Гугов Р. Х. Кабарда и Балкария в XVIII в. и их взаимоотношения с Россией. Нальчик, 1999.

⁶⁹ Мамбетов Г. Х. 1557 год – присоединение или военно-политический союз? // Сборник статей молодых ученых и аспирантов. Майкоп: Меоты, 1993. С. 5–24; Мальбахов Б. К., Эльмесов А. М. Средневековая Кабарда. Внутренние и внешние аспекты истории. Нальчик, 1994; Мальбахов Б. К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова. Нальчик, 1998; Дзамихов К. Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик, 1994; Он же. Адыги и Россия. Формы исторического взаимодействия. М., 2000.

⁷⁰ Дзамихов К. Ф. Адыги и Россия. С. 110–123.

⁷¹ Описи Царского архива и архива Посольского приказа 1614. М., 1960.

⁷² Зимин А. А. Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. М., 1978. Ч. 1–3.

⁷³ Опись Царского архива и архива Посольского приказа 1614. С. 36, 29, 40, 43.

⁷⁴ Зимин А. А. Государственный архив России XVI столетия: Ч. 2. С. 473.

⁷⁵ Сокуров В. Н. Кабардинские грамоты XVI–XVII вв. // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 162–201.

⁷⁶ Полиевктов М. А. Из переписки Северо-Кавказских феодалов XVII в. // Академику Н. Я. Марру. М.; Л., 1935. С. 745–755; Бушуев П. П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государства в 1586–1612 гг. М., 1976. С. 369–371.

⁷⁷ Путешествия русских послов XVI–XVII вв. С. 222; Полиевктов М. А. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию (1650–1652). Тифлис, 1926. С. 119.

⁷⁸ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах (в дальнейшем: КРО). М., 1957. Т. 1. № 28, 34, 49, 54, 61, 140, 219.

⁷⁹ Там же. № 289, 69, 88, 100, 208, 236.

⁸⁰ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 294.

⁸¹ КРО. Т. 1. С. 107, 325.

⁸² Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 294.

⁸³ КРО. Т. 1. № 33, 52, 63, 70, 80, 83, 86, 89, 92–94, 98–99, 103–105, 112–113, 114, 121 и др.

⁸⁴ Дела Ногайские. Кн. 1 за 1489–1509 // Сборник Русского исторического общества (в дальнейшем: РИО). Т. 41. СПб., 1884; Ногайские дела. Кн. 2–4 за 1533–1556 // Продолжение Древней Российской Вивлиофики. СПб., 1791. Ч. 7; 1793. Ч. 8–9; Малиновский А. Ф. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1863. Т. 5; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией. Т. 2 (1508–1521). Под ред. Г. Ф. Карпова и Г. Ф. Штендмана // РИО. Т. 95. СПб., 1895; Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Под ред. Ф. Лашкова. Симферополь, 1891; Бантыш-Каменский Н. Н. Реестр по делам Крымского ханства с 1474 по 1779 г. Симферополь, 1893; Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма (Издал с приложениями В. Д. Смирнов). СПб., 1881; Веселовский Н. И. Погрешности и ошибки при издании документов по сношению русских государей с азиатскими владельцами. СПб., 1910; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией // Труды Восточного отделения императорского археологического общества. СПб., 1890–1898. Т. 20–22; Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 1–4. М., 1894–1902; Кологривов С. Н. Материалы для истории сношений России с иностранными державами в XVII в. СПб., 1911; Книга Посольская Метрики Великого княжества Литовского. Изд. М. Оболенским и И. Даниловичем. Т. 1. М., 1843; Переписка между Россиею и Польшею по 1700 г., составленная по дипломатическим бумагам Н. Н. Бантыш-Каменским. Ч. 1 (1487–1584); Памятники дипломатических сношений Московского государства с Поль-

ско-Литовским. Т. 2 (1533–1560). Изд. подгот. Карпов Г. Ф. // РИО. СПб., 1887. Т. 59; Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 1 (Собр. г-м А. А. Лишним). Новочеркасск, 1894; Донские дела Посольского приказа с 1594 по 1663 гг. // Русская историческая библиотека (в дальнейшем РИБ). Кн. 1. Т. 18. СПб., 1898; Кн. 2. Т. 24. СПб., 1906; Кн. 4. Т. 29–30. СПб., 1909; Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578–1613 // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1888. М., 1889. Кн. 3; Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869. Ч. 1–3; Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 гг. (Под ред. М. И. Броссе). СПб., 1861; Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии (Под ред. А. А. Цагарели). СПб., 1891. Т. 1; Джанашивили М. Г. Известия грузинских летописей и источников о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (в дальнейшем: СМОМПК). Тифлис, 1897. Вып. 22.

⁸⁵ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 1 (1612–1628). СПб., 1850; Т. 2 (1628–1645). СПб., 1851; Т. 3 (1645–1670). СПб., 1852; Т. 4 (1676–1701). СПб., 1855; Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7124). М., 1907; Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901; Голицын Н. Н. Указатель имен личных, упоминаемых в Дворцовых разрядах. СПб., 1912; Акты Московского государства, изданные императорской Академией наук. Под ред. Н. А. Попова. Т. 1; Разрядный приказ. Московский стол (1571–1634). СПб., 1890. Т. 2 (1635–1659). СПб., 1894; Разрядный приказ. Опись столбцов дополнительного отдела (начало XVI–1711 гг.). Под. ред. А. А. Новосельского. М., 1950.

⁸⁶ Барсуков А. П. Воеводы Московского государства XVII в. (по правительственным актам). СПб., 1897; Он же. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства с XVII столетия. СПб., 1902; Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и Роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1–2.

⁸⁷ Местнические дела. 1563–1605 гг. Собр. и изд. Н. П. Лихачевым. СПб., 1894; Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 1. С. 96, 322, 324, 393, 630, 710, 886; Т. 2. С. 124, 128, 170, 256, 269, 350, 443, 679; Т. 4. С. 120, 647; Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российские касающиеся (в дальнейшем: ДРВ). Изданная Н. Новиковым. Изд. 2-е. М., 1788. Ч. 14. С. 487, 490.

⁸⁸ РГАДА, ф. 20, Столпцы Московского стола, № 751, столпик 3, л. 19, 21.

⁸⁹ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих (Бархатная книга). М., 1787. Ч. 2.

⁹⁰ КРО. Т. 1. Приложения. С. 383–387.

⁹¹ Государственная публичная библиотека. Собрание Вяземского, Ф. 141; См. Описание рукописей П. П. Вяземского. М., 1902. С. 142–143; Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. М., 1975. С. 61–63, 186–187.

⁹² РГАДА, ф. 210, оп. 18, д. 117; *Дзамихов К.Ф.* К генеалогии западноадыгских Черкасских княжеских родов в XVI–XVII вв. // *Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Ростов-на-Дону, 1990. № 2.*

⁹³ Государственный архив Ставропольского края, ф. 53, д. 85, л. 1–118.

⁹⁴ *Кашкин Н. Н.* Столпцы князей Черкасских. СПб., 1902. С. 10–11; *Полиевктов М. А.* Из переписки северокавказских феодалов 17 в. // *Академику Н.Я. Марру. М.; Л., 1935. С. 745–755.*

⁹⁵ *Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1 (1688–1701). СПб., 1887; Т. 2 (1702–1703). СПб., 1889; Т. 3 (1704–1705). СПб., 1893; Т. 4 (1706). СПб., 1900; Т. 7 (январь–июнь 1708). Вып. 1. Петроград, 1918; Вып. 2. М.; Л., 1946; Т. 8. Вып. 1 (июль–декабрь 1708). М.; Л., 1948; Вып. 2. М.; Л., 1951; Т. 9. Вып. 1 (январь–декабрь 1709). М.; Л., 1950 и др.*

⁹⁶ *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. СПб., 1840. Т. 5; *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. СПб., 1873–1875. Т. 1–2; *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886–1887. Т. 1–2.

⁹⁷ *Савелов Л. М.* Родословные записки (Опыт родословного словаря русского древнего дворянства). М., 1906–1909. Вып. 1–3; *Петров П. Н.* История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1; *Барсуков А.* Обзор источников и литературы русского родословия. По поводу книги П. Н. Петрова «История родов русского дворянства». Приложение к 54-томному изданию записок Императорской Академии Наук. СПб., 1887; *Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи. Составитель гр. Алексей Бобринский. Ч. 1. СПб., 1890; Списки титулованным родам и Лицам Российской Империи. СПб., 1892.*

⁹⁸ *Городские восстания в Московском государстве XVII в. (Сб. документов. Сост. и примечание К. В. Базилевич). М.; Л., 1936; Анпилов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. М., 1967; *Восстания в Москве 1682 г. (Сб. документов). М., 1976; Водарский Я. Е.* Правящая группа светских феодалов в России в XVII в. // *Дворянство и крепостной строй России XVI–XVII вв. М., 1975; Мордовина С. П.* Служилые князья в конце XVI в. // *Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1970. Т. 28.*

⁹⁹ *Русский биографический словарь (в дальнейшем: РБС). СПб., 1905. Т. 9. С. 175–224.*

¹⁰⁰ *Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 1 (1334–1598); Т. 2 (1598–1613); Т. 3 (1613–1645); СПб., 1841; Т. 4 (1645–1676); Т. 5 (1676–1700); СПб., 1842; Акты, относящиеся к истории Южной и западной России. Т. 1 (1361–1598). СПб., 1863; Т. 4. (1665–1668). СПб., 1896; Акты XVI–XVIII вв., извлеченные А. Н. Зерцаловым. М., 1897; Акты Московского государства, изданные императорскою Академией наук (под ред. Н. А. Полова). Т. 1 (1571–1634). СПб., 1890; Т. 2 (1645–1659). СПб., 1894; Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606–1610 гг.). Собрал и редактировал А. М. Гневушев. М., 1914; *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. Ч. 1–5. М., 1811–1894; Юзефович Т.* Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869.*

- ¹⁰¹ Частично этот материал опубликован в КРО. Т. 1. С. 3–13.
- ¹⁰² Полное собрание русских летописей (в дальнейшем: ПСРЛ). Т. 20. Ч.1. С. 563.
- ¹⁰³ Там же. Т. 29. С. 240.
- ¹⁰⁴ Там же. Т. 13. Вторая половина. С. 343–344.
- ¹⁰⁵ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 237.
- ¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 13. Вторая половина. С. 398–399.
- ¹⁰⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1981. Т. 2. Ч. 1. С. 191.
- ¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. 14. С. 28, 46.
- ¹⁰⁹ Богданов А. П. Летописные и публицистические источники по политической истории России конца XVII в. М., 1983. С. 68–71; Чистякова Е. В., Богданов А. П. Да будет потомкам явлено. Очерки о русских историках второй половины XVII в. и их трудах. М., 1988. С. 82.
- ¹¹⁰ Исторические песни XIII–XVI вв. М.; Л., 1960. С. 123–287; Соколова В. К. Русские исторические песни XVI в. (эпохи Ивана Грозного) // Славянский фольклор. М., 1951.
- ¹¹¹ Памятники культуры. Новые открытия. М., 1976. С. 31–37.
- ¹¹² Тихомиров М. Н. Российское государство в XV–XVII вв. М., 1973. С. 389–391.
- ¹¹³ Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 50, 90–91, 147, 182; КРО. Т. 1. С. 387–389.
- ¹¹⁴ КРО. Т. 1. № 72–79.
- ¹¹⁵ Там же. Т. 2. № 52, 63, 93, 119, 134, 201, 256.
- ¹¹⁶ Полиевктов М. А. Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935; Зевакин Е. С. Западный Кавказ в известиях европейских путешественников и писателей XIII–XVIII вв. // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М., 1946. Вып. 1; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. (в дальнейшем: АБКН). Нальчик, 1974.
- ¹¹⁷ Сенай Мехмед. История Ислам-Гирея III. Варшава, 1971.
- ¹¹⁸ Петербургское отделение Института востоковедения АН, ф. 50 (В. Д. Смирнов), д. 220.

*Исторический и пространственно-демографический контекст
русско-адыгских связей*

- ¹ Алексеева Е. П. Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов (черкесов) // Труды Черкесского НИИ. Черкесск, 1954. Вып. 2. С. 243–235.
- ² Славяне в Крыму и на Тамани // Крымская правда. 1952. 31 мая; Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
- ³ Лавров Л. И. Адыги в раннем средневековье // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1955. С. 45.
- ⁴ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1982. С. 80–81.
- ⁵ Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 100–101, 123.
- ⁶ Полное собрание русских летописей (в дальнейшем: ПСРЛ). М., 1962. Т. 1. С. 65.
- ⁷ ПСРЛ. Т. 2. С. 53.

⁸ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 426.

⁹ Гадло А. В. Восточный поход Святослава // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 59–60.

¹⁰ Левченко М. В. Очерки русско-византийских отношений. М., 1956. С. 254; Гадло А. В. Указ. соч. С. 64–65 и др.

¹¹ Сахаров А. Н. Восточный поход Святослава и «записка греческого топарха» // История СССР. 1982. № 3. С. 92–93; Калинина Т. М. Сведения Ибн-Хаукаля о походах Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. М. 1976. С. 100.

¹² Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 48–49.

¹³ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. Л., 1944. С. 87.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. С. 146–147.

¹⁵ Шахматов А. А. Указ. соч. С. 423–460; Приселков М. Д. Митрополит Иларион – в схиме Никон – борец за независимую русскую церковь (эпизод из начальной истории Киево-Печерского монастыря) // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 188–210; Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 82–93 и др.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 21. СПб., 1908. С. 68; Т. 22. СПб., 1911. С. 369.

¹⁷ Ногмов Ш. Б. Указ. соч. С. 82–84.

¹⁸ Редкие источники по истории России. М., 1977. С. 72.

¹⁹ Там же. С. 74–75, 154–156; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI века. М., 1988. С. 214–223.

²⁰ ПСРЛ. Т. 1. С. 147–148.

²¹ Рыбаков Б. А. Из истории культуры древней Руси. М., 1984. С. 201–207.

²² ПСРЛ. Т. 1. С. 166.

²³ Мавродин В. В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X–XIV вв. // Ученые записки Ленинградского пединститута. Л., 1938. Т. 11. С. 251; Насонов А. Н. Тмутаракань в истории Восточной Европы в X в. // Исторические записки. 1940. № 6. С. 96–97.

²⁴ Монгайт А. Л. О границах Тмутараканского княжества в XI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 55–56.

²⁵ Алексеева Е. П. Указ. соч. С. 233.

²⁶ Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX вв. М., 1998. С. 14.

²⁷ Кокиев Г. А. Сношения России с народами Кавказа // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и народами Кавказа. Махачкала, 1982. С. 110–111.

²⁸ Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. 1938. Т. 3. С. 128.

²⁹ Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887; Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами. М., 1948.

³⁰ Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI века). М., 1990. С. 36–53.

³¹ Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. Указ. соч. С. 128.

³² Некрасов А. М. Указ. соч. С. 42.

³³ Там же.

³⁴ Цит. по Некрасов А. М. Указ. соч. С. 52.

³⁵ Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV – начало XVII в. М., 1955. С. 827.

³⁶ Дзамихов К. Ф., Иваноков Н. Р. Мехмед Синай «История Ислам Гирея III». К историко-лингвистической характеристике неизвестной крымской хроники XVII века // Актуальные проблемы общего и кавказского языкознания. Нальчик, 1997. С. 111–114.

³⁷ Сборник Русского исторического общества (в дальнейшем: РИО). Т. 41. С. 111–112.

³⁸ Брун Ф. К. Черноморье. Одесса, 1879. Т. 1. С. 214–216; Лавров Л. И. К истории русско-кавказских отношений XV в. // Ученые записки Адыгейского НИЯЛИ. Майкоп, 1957. Т. 1. С. 17–26; Некрасов А. М. Указ. соч. С. 66–67.

³⁹ Некрасов А. М. Указ. соч. С. 67.

⁴⁰ РИО. Т. 41. С. 279.

⁴¹ Смирнов В. Д. Указ. соч. С. 338.

⁴² РИО. Т. 41. С. 357, 381.

⁴³ Там же. Т. 95. СПб., 1895. С. 144.

⁴⁴ Там же. С. 516–517, 607.

⁴⁵ Некрасов А. М. Указ. соч. С. 88.

⁴⁶ Там же. С. 101.

⁴⁷ История России. С древнейших времен до конца XVIII в. Т. 1. М., 1996. С. 407.

⁴⁸ Дзамихов К. Ф. К характеристике русских письменных источников по истории Кабарды (XI – конец XVIII в.) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984. С. 7–9.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 20. СПб., 1910. Ч. 1. С. 413.

⁵⁰ Продолжение Древней российской вивлиофики (в дальнейшем: ПДРВ). СПб., 1793. Ч. VIII. С. 229.

⁵¹ Там же.

⁵² Некрасов А. М. Указ. соч. С. 104–105.

⁵³ Кушева Е. Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. // Исторические записки. М., 1950. Т. 34. С. 254; Она же. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII в.). М., 1963. С. 201–202; Некрасов А. М. Указ. соч. С. 106–108.

⁵⁴ Смирнов В. Д. Указ. соч. С. 421.

⁵⁵ Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. 2. С. 15.

⁵⁶ Хенце П. Черкесское сопротивление (на английском языке) // Северо-Кавказский барьер. Лондон, 1992. С. 67.

⁵⁷ См: Полиевктов М. А. Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935; Зевакин Е. С. Западный Кавказ в известиях европейских путешественников и писателей XIII–XVIII вв. // Краткие сооб-

щении Института этнографии АН СССР. Т.1. М., 1946; Алексеева Е. П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI–XVII вв. Черкесск, 1957; Кушева Е. Н. Племена Северо-Западного Кавказа. XVI–XVII вв. по документам русских архивов // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961; Она же. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963; Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX вв.). М., 1967; Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. М., 1974; Покровский М. В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX в. Краснодар, 1989; Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М., 1990; Бижев А. Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х годов XIX в. Майкоп, 1994.

⁵⁸ Гарданов В. К. Указ. соч. С. 19.

⁵⁹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 53.

⁶⁰ Джимов В. М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. Майкоп, 1986. С. 10.

⁶¹ Некрасов А. М. Указ. соч. С. 28–29.

⁶² Челяби Эвлия. Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып.2. С. 63.

⁶³ Волкова Н. Г. Указ. соч. С. 15–44.

⁶⁴ Гарданов В. К. Указ. соч. С. 27–41; Бижев А. Х. Указ. соч. С. 64–74.

⁶⁵ Алексеева Е. Н. Указ. соч. С. 27–28.

⁶⁶ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа. С. 143–144.

⁶⁷ Волкова Н. Г. Указ соч.; Лавров Л. И. «Обезы» русских летописей // Советская этнография. 1946. № 4.

⁶⁸ КРО. Т. 2. С. 361.

⁶⁹ Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С.78.

⁷⁰ Гарданов В. К. Указ. соч. С. 38–41; Меретуков М. А. Семья и брак у адыгских народов. Майкоп, 1987. С. 42–43.

⁷¹ Думанов Х. М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Нальчик, 1990. С. 23.

⁷² КРО. Т.2. С. 318.

⁷³ Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством. Нальчик, 1996. С. 180–228.

⁷⁴ КРО. Т. 1. С. 16–17.

⁷⁵ Там же. С. 384–387.

⁷⁶ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 95.

⁷⁷ Бгажноков В. Х. Образ жизни адыгской феодальной знати // Из истории Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 82–83.

⁷⁸ КРО. Т. 2. С. 318.

⁷⁹ Материалы Я. М. Шарданова по обычному праву кабардинцев в первой половине XIX века (Составитель Х. М. Думанов). Нальчик, 1986.

⁸⁰ Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 172–180.

⁸¹ Думанов Х. М. Указ. соч. С. 31–35.

⁸² АВПРИ, ф. 115, Кабардинские дела, оп. 1, д. 6, л. 58–251 об.; КРО. Т. 2. С. 227.

⁸³ Кажаров В. Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. Нальчик, 1994. С. 250–251.

⁸⁴ АВПРИ, ф. Кабардинские дела 1747 г., д. 6, л. 43.

⁸⁵ Там же, 1752 г., д. 6, л. 23.

⁸⁶ Там же, 1762 г., д. 3, л. 18–20.

⁸⁷ КРО. Т. 2. С. 114–115.

⁸⁸ Налоева Е. Дж. К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды первой половины XVII в. // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1972. Вып. 6. С. 73–741.

⁸⁹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1904. Т. 13. 1-я половина. С. 259.

⁹⁰ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 214.

⁹¹ Путуридзе Г. В. Эвлия Челяби как историк // Восточная филология. Тбилиси, 1972. С. 208–228; Анчабадзе Г. З. Книга путешествия Э. Челяби как источник по истории горских народов. Тбилиси, 1975. Автореферат канд. дисс.; Григорьев А. П. Книга путешествия Эвлии Челяби – источник по истории Крыма XII–XVIII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1974. Вып. 3. С. 19–28.

⁹² Греков И. Б. К вопросу о характере политического сотрудничества Османской империи и Крымского ханства в Восточной Европе в XVI–XVII вв. (по данным Э. Челяби) // Россия. Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 305–306.

⁹³ Челяби Эвлия. Указ. соч. С. 50–78.

⁹⁴ Пейсонель К. Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы, и карачаевцы в известиях европейских авторов XII–XIX вв. М., 1974. С. 202.

⁹⁵ Беннигсен А. Народное движение на Кавказе в XVIII в. («Священная война Шейха Мансура» (1785–1791 гг.). Мало известный период и соперничество в русско-турецких отношениях). Махачкала, 1994. С. 76.

⁹⁶ Щербина Ф. А. Указ. соч. Т. 2. С. 13.

⁹⁷ Кубанский сборник. Екатеринодар, 1903. С. 244.

⁹⁸ Бижев А. Х. Указ. соч. С. 70.

⁹⁹ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 102.

¹⁰⁰ Кажаров В. Х. Указ. соч. С. 41.

¹⁰¹ КРО. Т. 2. С. 294.

¹⁰² Гарданов В. К. Указ. соч. С. 142–143.

¹⁰³ Хенце П. Указ. соч. С. 69.

¹⁰⁴ Лавров Л. И. Стихийные бедствия на Северном Кавказе до XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1984. В. 8. С. 65–72.

¹⁰⁵ Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф. Указ. соч. С. 220–228.

*Адыги в системе геополитических и этнополитических
взаимоотношений на Кавказе*

¹ Кушева Е. Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе... С. 240–241.

² Очерки истории СССР (конец XV – начало XVII в.). М., 1955. С. 666.

- ³ Там же. С. 351.
- ⁴ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 13.
- ⁵ Кушева Е. Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе... С. 241.
- ⁶ Там же. С. 248–249.
- ⁷ Смирнов Н. А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях в XVI–XVIII вв. М.; Л., 1948. С. 18–19.
- ⁸ Российский государственный архив древних актов (в дальнейшем: РГАДА), ф. Ногайские дела, кн. 4. л. 91.
- ⁹ Дзамихов К. Ф. Этнические элиты Кабарды и Ногайской Орды в XVI–XVII вв.: конфликты и сотрудничество // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик, 1999. № 2. С. 100–108.
- ¹⁰ Некрасов А. М. Указ. соч. С. 112.
- ¹¹ ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. СПб., 1904. С. 228.
- ¹² ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. С. 228.
- ¹³ Там же. С. 259.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 267–277.
- ¹⁷ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа... С. 210–211.
- ¹⁸ ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. С. 283–284.
- ¹⁹ Дзамихов К. Ф. К генеалогии западноадыгских Черкасских княжеских родов в XVI–XVII вв. // Известия Северокавказского научного центра высшей школы. Ростов н/Д., 1990. № 2.
- ²⁰ ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. С. 284.
- ²¹ Там же. С. 320.
- ²² Там же. С. 324.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа... С. 218.
- ²⁵ ПДРВ. Ч. X. С. 75–88.
- ²⁶ История Адыгеи (С древнейших времен до конца XIX века). Майкоп, 1991. С. 89.
- ²⁷ Кушева Е. Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе. С. 263.
- ²⁸ Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1983. С. 206.
- ²⁹ ПСРЛ. Т. 13. Вторая половина. С. 332.
- ³⁰ РГАДА, ф. 123, кн. 10, л. 57 об.; РИО. Т. 71. С. 94, 156; Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 235; Кабардино-русские отношения (в дальнейшем: КРО). М., 1957. Т. 1. С. 9.
- ³¹ ПСРЛ. Т. 29. С. 274–275.
- ³² Там же. Т. 13. Вторая половина. С. 313; Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в. (в дальнейшем: РДО). Махачкала, 1988. С. 151–152.
- ³³ ПСРЛ. Т. 13. Вторая половина. С. 324, 330.
- ³⁴ Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 80.
- ³⁵ РГАДА, ф. Крымские дела, кн. 10, л. 59–59об.
- ³⁶ КРО. Т. 1. С. 13.

³⁷ Дзамихов К. Ф. Военно-политическое сотрудничество Кабарды с Русским государством в памятниках устной традиции // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. Сухуми, 1999. С. 34–35.

³⁸ Милуков М. Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 263; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа... С. 237–239.

³⁹ Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством. Нальчик, 1996. С. 140–146.

⁴⁰ КРО. Т. 1. С. 13.

⁴¹ Там же. С. 14–15.

⁴² Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа... С. 243–244.

⁴³ Ахмадов Я. З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988. С. 25.

⁴⁴ Новосельский А. А. Указ. соч. С. 27.

⁴⁵ Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН (в дальнейшем: Архив ИГИ КБНЦ), ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 6, 10, 13; РГАДА, ф. Крымские дела, кн. 13, л. 49–50.

⁴⁶ РГАДА, ф. Крымские дела, кн. 13, л. 71об.–74.

⁴⁷ КРО. Т. 1. С. 14–15, 16–17, 18–20; Садиков П. А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. М., 1947. № 22. С. 144–147.

⁴⁸ Садиков П. А. Указ. соч.; Кушева Е. Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе. С. 281–282; Бурдей Г. Д. Русско-турецкая война 1569 г. Саратов, 1962. С. 248.

⁴⁹ Новосельский А. А. Указ. соч. С. 25.

⁵⁰ КРО. Т. 1. С. 27–28.

⁵¹ Там же. С. 396.

⁵² Там же. С. 31.

⁵³ История народов Северного Кавказа. М., 1988. Т. 1. С. 334.

⁵⁴ История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 118–119.

⁵⁵ КРО. Т. 1. С. 34–35.

⁵⁶ Там же. С. 50–51.

⁵⁷ Новосельский А. А. Указ. соч. С. 14, 19–20.

⁵⁸ Лашков Ф. Ф. Крымские шертные грамоты XVI–XVII вв., хранящиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел // Труды VIII Археологического съезда в Москве. Т. 2. С. 196.

⁵⁹ Сокуров В. Н. Институт выезда на службу у черкесов // Эльбрус. Нальчик, 1999. № 1. С. 117.

⁶⁰ КРО. Т. 1. С. 51.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 52–54; Броневский С. М. Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доняне (Подготовка текста к изданию И. К. Павловой). СПб., 1996. С. 87–88.

- ⁶⁶ КРО. Т. 1. Док. № 31–34.
- ⁶⁷ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1. С. 66–72; Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX вв. С. 115–120.
- ⁶⁸ Там же. С. 69–72.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ КРО. Т. 1. С. 56.
- ⁷¹ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 134.
- ⁷² Там же. С. 122–123.
- ⁷³ КРО. Т. 1. С. 59.
- ⁷⁴ Там же. С. 65.
- ⁷⁵ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа... С. 278.
- ⁷⁶ Там же. С. 276.
- ⁷⁷ КРО. Т. 1. С. 65–66.
- ⁷⁸ Новосельский А. А. Указ. соч. С. 41.
- ⁷⁹ РГАДА, ф. Сношения России с Турцией, кн. 3, л. 288об. – 296; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 2. (1533–1560). Изд. подг. Г. Ф. Карпов // Русское историческое общество (в дальнейшем: РИО) СПб., 1887. Т. 59. С. 449; Броневский С. М. Исторические выписки. С. 44–45; КРО. Т. 1. С. 71.
- ⁸⁰ Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М., 1958. С. 54.
- ⁸¹ Лашков Ф. Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI–XVII вв. Симферополь, 1891. С. 106.
- ⁸² РГАДА, ф. Сношения России с Крымом, 1673–1674 г., оп. 3, д. 207, л. 1–4.
- ⁸³ Там же, 1679–1680 г., ед. хр., 61, л. 58–58 об., 63–65.
- ⁸⁴ АБКИЕА. С. 54.
- ⁸⁵ РГАДА, ф. Сношения России с Крымом, 1673–1674 г, оп. 1, ед. хр. 58, л. 161–189 об.
- ⁸⁶ КРО. Т. 1. С. 68–69.
- ⁸⁷ Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 61.
- ⁸⁸ Очерки истории СССР XVII в. М., 1955. С. 461.
- ⁸⁹ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 453–456, 476.
- ⁹⁰ Там же. С. 350; КРО. Т. 1. С. 385.
- ⁹¹ РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1640, № 1, л. 230–247; КРО. Т. 1. С. 192–197.
- ⁹² Белокуров С. А. Указ. соч. С. 553–561.
- ⁹³ Акты времен правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.). М., 1914. С. 169, 177; Новосельский А. А. Указ. соч. С. 47–48.
- ⁹⁴ Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 68.
- ⁹⁵ Очерки истории СССР XVII в. М., 1955. С. 919.
- ⁹⁶ Смирнов Н. А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях. С. 26.
- ⁹⁷ Смирнов В. Д. Указ. соч. С. 225, 247, 347–398.

⁹⁸ История народов Северного Кавказа. М., 1988. Т. 1. С. 336; Документальная история образования многонационального государства Российского. С. 138–140.

⁹⁹ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 528.

¹⁰⁰ КРО. Т. 1. № 44–48; Юдин П. Мурза Сунчалей Янглычевич (один из деятелей Смутного времени) // Русский архив. М., 1913. № 2.

¹⁰¹ Акты исторические. СПб., 1841. Т. 3. № 248, 257, 269; Документальная история образования многонационального государства Российского. С. 140–156.

¹⁰² КРО. Т. 1. С. 84–85; Белокуров С. А. Указ. соч. С. 558.

¹⁰³ Кушева Е. Н. Северный Кавказ и международные отношения XVI–XVII вв. // Исторический журнал. М., 1943. № 1. С. 67.

¹⁰⁴ Веселовский Н. И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1892. Т. 2. С. 223, 262, 381; СПб., 1898. Т. 3. С. 125; КРО. Т. 1. С. 88; Документальная история образования многонационального государства Российского. С. 151–152.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ КРО. Т. 1. С. 89, 162.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же. С. 90.

¹⁰⁹ Новосельский А. А. Указ. соч. С. 89–91.

¹¹⁰ КРО. Т. 1. С. 97–98.

¹¹¹ Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 83.

¹¹² Моков Б. М. Феодалные группировки, междоусобная борьба в Кабарде в XVII в. и отношение к ней русского правительства // Сборник научных работ аспирантов. Нальчик, 1965. С. 63–86.

¹¹³ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа... С. 303.

¹¹⁴ КРО. Т. 1. С. 58.

¹¹⁵ Акты исторические. СПб., 1842. Т. 4. С. 160.

¹¹⁶ КРО. Т. 1. С. 49–50, 73, 84–85, 106, 165.

¹¹⁷ Там же. С. 384–387.

¹¹⁸ Там же. С. 80–81.

¹¹⁹ РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1616–1617, б./№, л. 76; РГАДА, ф. Крымские дела, кн. 13, л. 49–50; Архив ИГИ КБНЦ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 55–58.

¹²⁰ КРО. Т. 1. С. 102–103.

¹²¹ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 137.

¹²² Архив ИГИ КБНЦ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 95–96; Акты Московского государства. Под ред. Н. А. Попова. Т. 1. Разрядный приказ (1571–1634). СПб., 1890. С. 210–211; Новосельский А. А. Указ. соч. С. 143; Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 85.

¹²³ КРО. Т. 1. С. 384–385.

¹²⁴ Моков Б. М. Указ. соч. С. 76–78.

¹²⁵ КРО. Т. 1. С. 179–180, 210, 203–205.

¹²⁶ Там же. С. 153.

¹²⁷ Там же. № 99, 103, 104, 117; Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук. Т. 2 (1635–1659). СПб., 1894. С. 50–53; Архив ИГИ КБНЦ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 185–187.

¹²⁸ КРО. Т. 1. С. 181.

- ¹²⁹ Там же. С. 182.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² Там же. С. 190.
- ¹³³ Кушева Е. Н. Северный Кавказ и международные отношения. С. 68.
- ¹³⁴ Архив ИГИ КБНЦ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 146–148.
- ¹³⁵ Там же, л. 169–173; Акты XVI–XVIII вв., извлеченные А. Н. Зерцаловым. М., 1897. С. 75–80; КРО. Т. 1. С. 143–145, 183, 209–213.
- ¹³⁶ Архив ИГИ КБНЦ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 149–153; КРО. Т. 1. С. 205.
- ¹³⁷ Там же, л. 106.
- ¹³⁸ КРО. Т. 1. С. 240.
- ¹³⁹ Архив ИГИ КБНЦ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 167; КРО. Т. 1. С. 241.
- ¹⁴⁰ КРО. Т. 1. С. 198–199, 207, 222–223, 226–227.
- ¹⁴¹ Там же. С. 227.
- ¹⁴² Там же. С. 250.
- ¹⁴³ Там же. С. 249.
- ¹⁴⁴ История народов Северного Кавказа. Т. 1. С. 338; Моков Б. М. Указ. соч. С. 83.
- ¹⁴⁵ КРО. Т. 1. С. 152; Новосельский А. А. Указ. соч. С. 219.
- ¹⁴⁶ РГАДА, ф. Ногайские дела, 1646, № 4, л. 221–224; ф. Кабардинские дела, 1646, № 1, л. 155–161.
- ¹⁴⁷ Смирнов В. Д. Указ. соч. С. 527; Новосельский А. А. Указ. соч. С. 333.
- ¹⁴⁸ РГАДА, ф. Сношения России с ногайскими татарами, 1647, д. 1, л. 327, 346–351; КРО. Т. 1. С. 270–273.
- ¹⁴⁹ Орешкова С. Ф., Ульченко Н. Ю. Россия и Турция (проблемы формирования границ). М., 1999. С. 62–63.
- ¹⁵⁰ Смирнов В. Д. Указ. соч. С. 247, 347–348, 717.
- ¹⁵¹ Архив ИГИ КБНЦ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 91–92.
- ¹⁵² Новосельский А. А. Указ. соч. С. 387.
- ¹⁵³ Российская историческая библиотека (в дальнейшем: РИБ). Кн. 1. Т. 18. С. 569; Кн. 2. Т. 24. С. 615–619, 913–917; Кн. 4. Т. 29. С. 17, 44, 442, 877; Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 1 (Собр. г-м А. А. Лишиным). Новочеркасск, 1894. С. 22, 54; Сухоруков В. Д. Историческое описание Земли Войска Донского // Дон. Ростон на Дону, 1989. № 1. С. 147; № 3. С. 144; № 4. С. 150; № 5. С. 135–136, 142–144; 1989. № 6. С. 136–138, 146, 150–151; № 7. С. 145, 148–153.
- ¹⁵⁴ Архив ИГИ КБНЦ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 89–90; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа. С. 316.
- ¹⁵⁵ Челяби Эвлия. Книга путешествия в Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. Вып. 2. С. 28.
- ¹⁵⁶ Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 1. С. 42–43; Лашков Ф. Ф. Указ. соч. С. 106.
- ¹⁵⁷ Новосельский А. А. Указ. соч. С. 345–347.
- ¹⁵⁸ Воссоединение Украины с Россией (Документы и материалы). М., 1954. Т. 2. С. 46.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 329.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 361.
- ¹⁶¹ Там же. С. 508.

- ¹⁶² Там же. С. 483.
- ¹⁶³ Там же. С. 485.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 508.
- ¹⁶⁵ Барановский Б. Кавказ и Польша в XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 249–251.
- ¹⁶⁶ КРО. Т. 1. С. 6, 15, 393–394; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа. С. 212, 217.
- ¹⁶⁷ Барановский Б. Указ. соч. С. 259; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа. С. 146.
- ¹⁶⁸ Акты исторические. Т. 4. С. 291–292, 301–302; КРО. Т. 1. С. 322–325; Архив ИГИ КБНЦ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 267–269.
- ¹⁶⁹ КРО. Т. 1. С. 320–321.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 320.
- ¹⁷¹ РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1658, ед. хр. 1, л. 1–2.
- ¹⁷² Там же, ф. Ногайские дела, 1662, ед. хр. 1, л. 1–41.
- ¹⁷³ Там же, л. 23–27.
- ¹⁷⁴ Там же, ф. Сношения России с Крымом, 1672–1674, оп. 1, ед. хр. 58, л. 168 об.; Сокуров В. Н. О характере русско-кабардинских политических связей в 70-х гг. XVII в. // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1976. Вып. 10. С. 8.
- ¹⁷⁵ КРО. Т. 1. С. 181, 334–335, 345.
- ¹⁷⁶ РГАДА, ф. Сношения России с Крымом, 1672–1674, оп. 1, ед. хр. 58, л. 168 об.; Сокуров В. Н. Указ. соч. С. 8.
- ¹⁷⁷ КРО. Т. 1. С. 329.
- ¹⁷⁸ Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 1. С. 70–72; Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф. Указ. соч. С. 52–59.
- ¹⁷⁹ РГАДА, ф. Калмыцкие дела, 1661, д. 4, л. 8, 14; Архив ЛОИИ, ф. Астраханской приказной палаты, 1681, д. 8360, л. 1–10; Беликов Т. И. Калмыки в борьбе за независимость нашей родины. Элиста, 1965. С. 18.
- ¹⁸⁰ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственного его Императорского Величества канцелярии. Т. 3 (1645–1670 гг.). СПб., 1852. С. 915, 1015; КРО. Т. 1. С. 336.
- ¹⁸¹ Дворцовые разряды. Т. 3 (1645–1670 гг.). С. 1388, 1372–1374; Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 1. С. 70–72; КРО. Т. 1. С. 337–342.
- ¹⁸² КРО. Т. 1. С. 337–342.
- ¹⁸³ Там же. С. 344.
- ¹⁸⁴ Там же. С. 348–349.
- ¹⁸⁵ Дворцовые разряды. Т. 3 (1645–1670 гг.). С. 1433–1434; Там же. С. 349.
- ¹⁸⁶ КРО. Т. 1. С. 353.
- ¹⁸⁷ Там же.
- ¹⁸⁸ Там же. С. 369–371; Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф. Указ. соч. С. 58–59.
- ¹⁸⁹ КРО. Т. 1. С. 370–371.
- ¹⁹⁰ РГАДА, ф. Калмыцкие дела, 1679, д. 1, л. 11–12; Лихачев Е. К. М. Черкасский // Русский биографический словарь (в дальнейшем: РБС). СПб., 1905. С. 216–217.

- ¹⁹¹ РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1675, д. 1, л. 382 об., 431 об., 434, 487 об.; КРО. Т. 1. С. 359.
- ¹⁹² КРО. Т. 1. С. 354–355, 356–357, 368–369.
- ¹⁹³ Архив ИГИ КБНЦ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 297–299; КРО. Т. 1. С. 364–365.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 360.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 360–361.
- ¹⁹⁶ Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 159.
- ¹⁹⁷ Там же. С. 160.
- ¹⁹⁸ Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVII веке. М., 1991. С. 38–45.
- ¹⁹⁹ История России с начала XVIII до конца XIX века. Отв. редактор А. Н. Сахаров. М., 1996. С. 85–91; Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984. С. 15–19; Орешкова С. Ф., Ульченко Н. Ю. Россия и Турция (проблемы формирования границ). М., 1999. С. 24–29.
- ²⁰⁰ История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 160–161; История народов Северного Кавказа. Т. 1. С. 407–411.
- ²⁰¹ Исторические связи народов СССР с Румынией в XV – начале XVIII века. М., 1970. Т. 3. С. 298–299.
- ²⁰² Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.) М., 1990. С. 81.
- ²⁰³ Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф. Указ. соч. С. 66–67.
- ²⁰⁴ РГАДА, ф. 115, Посольский приказ, Кабардинские дела, 1711, д. 1, л. 1–1 об.; КРО. Т. 2. С. 3.
- ²⁰⁵ РГАДА, ф. Кабинет Петра, I отд., оп. 3, кн. 13, ч. 1, л. 1036–1037.
- ²⁰⁶ Бушуев С. К. Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956. С. 79.
- ²⁰⁷ КРО. Т. 2. С. 6.
- ²⁰⁸ Там же. С. 13.
- ²⁰⁹ РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1719, д. 2, л. 36–43 об.; Броневский С. М. Исторические выписки о сношении России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими со времен Ивана Васильевича доняне. СПб., 1996. С. 48–49, 74–75.
- ²¹⁰ РГАДА, ф. 115, 1714, д. 1, л. 1–1 об.; КРО. Т. 2. С. 13–22.
- ²¹¹ РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1714, д. 1, л. 1–3.
- ²¹² Лысцов В. П. Персидский поход Петра I (1722–1723). М., 1951. С. 100–101.
- ²¹³ История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 163–164.
- ²¹⁴ Архив внешней политики России (в дальнейшем: АВПРИ), 1720, ф. Крымские дела, д. 1, л. 96.
- ²¹⁵ Там же.
- ²¹⁶ Налоева Е. Е. К вопросу о политическом положении Кабарды в начале XVIII века // Ученые записки КБГУ. Нальчик, 1969. Вып. 40. С. 22.
- ²¹⁷ АВПРИ, 1722, ф. Крымские дела, д. 6, л. 8–12.
- ²¹⁸ Налоева Е. Н. Указ. соч. С. 28.
- ²¹⁹ Броневский С. М. Исторические выписки. С. 48–49, 68–69, 74–75.
- ²²⁰ АВПРИ, 1722, ф. Крымские дела, д. 3, л. 18.
- ²²¹ Там же, ф. Сношения России с Персией, д. 13, л. 113.

- ²²² Там же, д. 7, л. 124.
- ²²³ Там же, ф. Крымские дела, д. 3, л. 18.
- ²²⁴ Налоева Е. Н. Указ. соч. С. 33.
- ²²⁵ АВПРИ, ф. Сношения России с Персией, 1723, д. 5, л. 23–26.
- ²²⁶ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 17.
- ²²⁷ Там же. С. 19.
- ²²⁸ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1731, оп. 1, д. 1, л. 13–14 об.
- ²²⁹ Там же. С. 23.
- ²³⁰ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1730–1733, д. 1, л. 25–32; Документальная история образования многонационального государства Российского. С. 161–166, 166–170; КРО. Т. 2. С. 72–76, 77–78, 147–151.
- ²³¹ Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф. Указ. соч. С. 211.
- ²³² История народов Северного Кавказа. Т. 1. С. 429.
- ²³³ Там же. С. 432.
- ²³⁴ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1739, д. 1, л. 15, 24–25.
- ²³⁵ Российский государственный военно-исторический архив (в дальнейшем: РГВИА), ф. ВУА, оп. 1, д. 47, л. 90.
- ²³⁶ Полное собрание законов Российской империи (в дальнейшем: ПСЗ). СПб., 1830. Т. 10. № 7900. С. 899–900.
- ²³⁷ РИО. Т. 48. С. 517–518.
- ²³⁸ АБКИЕА. С. 199.
- ²³⁹ Земля адыгов. Под ред. проф. А. Х. Шеуджена. Майкоп, 1996. С. 67.
- ²⁴⁰ РИО. Т. 48. С. 518; Документальная история образования многонационального государства Российского. С. 178–188.
- ²⁴¹ Земля адыгов. С. 70–71.
- ²⁴² Блиев М. М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в). Орджоникидзе, 1970. С. 171.
- ²⁴³ РИО. Т. 48. С. 513.
- ²⁴⁴ Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 2. Ч. 2. С. 685–694; КРО. Т. 2. Раздел 2. С. 101–276; Якубова И. И. Северный Кавказ в русско-турецких отношениях в 40–70-е годы XVIII века. Нальчик, 1993.
- ²⁴⁵ КРО. Т. 2. Раздел 2; Дзамихов К. Ф. Кабарда в системе международных отношений XVIII века // История Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1995. С. 100–101; Дневник майора Татарова, веденный в Кабарде в 1761 г. // В. Д. Кобяков. Указатель географического, статистического, исторического и этнографического материала в «Ставропольских губернских ведомостях». Первое десятилетие (1850–1859). Тифлис, 1879. С. 168–224.
- ²⁴⁶ КРО. Т. 2. № 162–164, 167–170, 173–179; Дзамихов К. Ф. Кабарда в системе международных отношений XVIII века. С. 101–102.
- ²⁴⁷ Акты Кавказской археографической комиссии (в дальнейшем: АКАК). Тифлис, 1866. Т. 1. С. 82.
- ²⁴⁸ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1770, оп. 115/1, д. 2, л. 10.
- ²⁴⁹ КРО. Т. 2. С. 296–297.
- ²⁵⁰ Якубова И. И. Указ. соч. С. 106–107.
- ²⁵¹ Там же. С. 106.

*Институт выезда адыгских князей как форма политического
взаимодействия с Российским государством*

¹ Ронин В. К. Судьба знати – судьба этноса: германизация славянской знати в Восточных Альпах и между Эльбой и Одером (IX–XIII вв.) // Элита и этнос Средневековья. М., 1995. С. 113.

² Lemerchie Zuelguejay Ch. Cooptation of the Elites of Kabarda and Daghestan in the Sixteenth Century // The North Caucasus Barrier. The Russian Advance towards the Muslim World. L., 1992. P. 18–44. Каппелер Андреас. Россия. Многонациональная империя (возникновение, история, распад). М., 1996. С. 18–53.

³ Lemerchie Zuelguejay Ch. Op. cit. P. 18.

⁴ Каппелер А. Указ. соч. С. 21.

⁵ Lemerchie Zuelguejay Ch. Op. cit. P. 18.

⁶ Дзамихов К. Ф. К вопросу о социокультурном синтезе правящих элит адыгов и России // Нелокальные краевые задачи и родственные проблемы математической биологии, информатики и физики. Тезисы международной конференции. Нальчик, 1996. С. 32–33.

⁷ Дзамихов К. Ф. Адыги – вехи истории. Нальчик, 1994. С. 41–57; Хотко С. Х. Черкесские (адыгские) правители Египта и Сирии в XIII–XVIII вв. Майкоп, 1995. С. 113–131; Сокуров В. Н. Институт выезда на службу у черкесов // Эльбрус. Нальчик, 1999. С. 97–119; Дзамихов К. Ф. Западная Черкесия, Крымское ханство и Речь Посполитая: характер политических взаимоотношений в XVII веке // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время. Тезисы конференции 30–31 мая 2000 г. Пятигорск, 2000. С. 50–53; Хафицэ М. Разбросаны адыги по белому свету. Нальчик, 2000.

⁸ Henze P. B. Circassian Resistance to Russia // The North Caucasus Barrier. The Russian Advance towards the Muslim World. L., 1992. P. 69.

⁹ Сокуров В. Н. Указ. соч. С. 97–98.

¹⁰ Кабардинский фольклор (Вступительная статья, комментарии и словарь М. Е. Талпа). М.; Л., 1936. С. 140–144, 594–595, 628–629; Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1982. С. 65; Гадло А. В. Князь Инал – адыго-кабардинских родословных // Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 25–33; Он же. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994. С. 23–26, 73, 75, 151–152; Хотко С. Х. Указ. соч. С. 213.

¹¹ Хотко С. Х. Указ. соч. С. 213.

¹² Ногмов Ш. Б. Указ. соч. С. 96.

¹³ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 156–160; АКАК. Т. 2. С. 949.

¹⁴ Интериано Дж. Быт и страны зихов, именуемых черкесами // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов (в дальнейшем: АБКИЕА). Нальчик, 1974. С. 49.

¹⁵ Бгажноков Б. Х. Образ жизни адыгской феодальной знати // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 78–104.

¹⁶ Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1904. Т. 3. Ч. 2. С. 12.

¹⁷ Lemerchie Zuelguejay Ch. Op. cit. P. 26.

- ¹⁸ Там же. С. 26–27.
- ¹⁹ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI веке. М., 1986. С. 73.
- ²⁰ Дзамихов К. Ф. К генеалогии западноадыгских Черкасских княжеских родов в XVI–XVII вв. // Известия СКНЦВШ. 1990. № 2. С. 58.
- ²¹ Сокуров В. Н. Указ. соч. С. 104–105.
- ²² Тихомиров В. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 149.
- ²³ Сокуров В. Н. Указ. соч. С. 105.
- ²⁴ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI века. М., 1988. С. 296.
- ²⁵ Медушевский А. Н. Формирование государства: власть и сословия // Политическая история. Россия – СССР – Российская Федерация. М., 1996. С. 61–62.
- ²⁶ Зимин А. А. Указ. соч. С. 304.
- ²⁷ РГАДА, ф. 20, Столпцы Московского стола, № 751, столпик 3, л. 19, 21.
- ²⁸ Бычкова М. Е. Указ. соч. С. 73.
- ²⁹ Мордовина С. П. Служилые князья в конце XVI века // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1970. Т. 28. С. 327–328.
- ³⁰ Водарский Я. Е. Правящая группа светских феодалов в России в XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI – XVII вв. М., 1975. С. 76–77, 78–79, 103, 107.
- ³¹ Там же. С. 107.
- ³² Цит. по: Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 96–97.
- ³³ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной его Императорского величества канцелярии. Т. 1 (1612–1628). СПб., 1850. С. 96, 322, 324, 393, 630, 710, 886; Т. 2 (1628–1645). СПб., 1851. С. 124, 128, 170, 256, 269, 350, 443, 679; Т. 4 (1676–1701). СПб., 1855. С. 120, 647; ДРВ. XIV. С. 487, 490.
- ³⁴ Маркевич А. И. История местничества в Московском государстве в XV–XVII вв. Одесса, 1888. С. 444.
- ³⁵ Дворцовые разряды. Т. 2. С. 269; Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 7. С. 65–66.
- ³⁶ Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 94.
- ³⁷ Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959. С. 34.
- ³⁸ Духовное завешание князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасско-го. М., 1907; Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII века). Нальчик, 1996. С. 285–288.
- ³⁹ ПСРЛ. Т. 13. 2-я пол. С. 312–313.
- ⁴⁰ Тычино Н. Черкасский, князь Михаил (до крещения Салтанук) Темрюкович // РБС. Т. 9. С. 218.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. С. 219.
- ⁴³ Опрышко О. Л. Указ. соч. С. 62.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Тычино Н. Указ. соч. С. 218.
- ⁴⁶ КРО. Т. 1. С. 383–384.

- ⁴⁷ Бенешевич В. Черкасский, князь Дмитрий Мамстрюкович //РБС. Т. 9. С. 210.
- ⁴⁸ Карамзин Н. М. Указ. соч. Калуга, 1993. Т. 12. С. 492.
- ⁴⁹ Бенешевич В. Указ. соч. С. 211.
- ⁵⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Т. 8. С. 670.
- ⁵¹ Опришко О. Л. Указ. соч. С. 101.
- ⁵² Соловьев С. М. Указ. соч. Т. 9. С. 106–107.
- ⁵³ Бенешевич В. Указ. соч. С. 211.
- ⁵⁴ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 338.
- ⁵⁵ Бенешевич В. Указ. соч. С. 212.
- ⁵⁶ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 258–259.
- ⁵⁷ Бенешевич В. Черкасский, князь Борис Канбулатович //РБС. Т. 9. С. 195.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Опришко О. Л. Указ. соч. С. 104.
- ⁶⁰ Бенешевич В. Указ. соч. С. 196.
- ⁶¹ Опришко О. Л. Указ. соч. С. 104.
- ⁶² Бенешевич В. Указ. соч. С. 196.
- ⁶³ Бенешевич В. Указ. соч. С. 196; Соловьев С. М. Указ. соч. Т. 8. С. 394.
- ⁶⁴ Бенешевич В. Указ. соч. С. 196; Опришко О. Л. Указ. соч. С. 104.
- ⁶⁵ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 356; Соловьев С. М. Указ. соч. Т. 8. С. 394; Бенешевич В. Указ. соч. С. 196.
- ⁶⁶ Соловьев С. М. Указ. соч. Т. 8. С. 394; Бенешевич В. Черкасский, князь Иван Борисович //РБС. Т. 9. С. 212.
- ⁶⁷ Соловьев С. М. Указ. соч. Т. 8. С. 394, 396; Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 356.
- ⁶⁸ Бенешевич В. Указ. соч. С. 213.
- ⁶⁹ Морозова Л. Е. Указ. соч. С. 38.
- ⁷⁰ Бенешевич В. Указ. соч. С. 214.
- ⁷¹ Там же. С. 215.
- ⁷² Опришко О. Л. Указ. соч. С. 109.
- ⁷³ Опришко О. Л. Указ. соч. С. 110; Бенешевич В. Указ. соч. С. 215.
- ⁷⁴ Бенешевич В. Черкасский, князь Яков Куденетович //РБС. Т. 9. С. 220.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Опришко О. Л. Указ. соч. С. 112.
- ⁷⁷ Бенешевич В. Указ. соч. С. 221.
- ⁷⁸ РГАДА, Гос. архив, Разряд 27, 86, ч. 1, л. 233.
- ⁷⁹ Вилинбахов В. Б. Указ. соч. С. 90.
- ⁸⁰ РГАДА, Гос. архив, Разряд Новгородский стол, ст. 212, л. 107–108; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1889. Т. 14. С. 5.
- ⁸¹ Там же, Разряд 27, № 86, ч. 1, л. 382; Разряд Новгородский стол, ст. 212, л. 55–56; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 14. С. 6.
- ⁸² Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 14. С. 772–773.

- ⁸³ Вилинбахов В. Б. Указ. соч. С. 94.
- ⁸⁴ РГАДА, Гос. архив, Разряд 27, № 86, ч. 3, л. 55.
- ⁸⁵ Бенешевич В. Указ. соч. С. 223; Опришко О. Л. Указ. соч. С. 116.
- ⁸⁶ Опришко О. Л. Указ. соч. С. 118.
- ⁸⁷ Тычино Н. Черкасский, князь Михаил Яковлевич // РБС. Т. 9. С. 219.
- ⁸⁸ Водарский Я. Е. Правящая верхушка светских феодалов в России в XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVII–XVIII вв. М., 1975. С. 103; Тычино Н. Указ. соч. С. 219.
- ⁸⁹ Тычино Н. Указ. соч. С. 219–220.
- ⁹⁰ Там же. С. 219.
- ⁹¹ Павлов-Селиванский Н. Н. Черкасский, князь Алексей Михайлович // РБС. Т. 9. С. 184.
- ⁹² Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 266–267.
- ⁹³ Павлов-Селиванский Н. Н. Указ. соч. С. 183.
- ⁹⁴ Миних Б. Х. Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи // Безвременье и временщики. Л., 1991. С. 50.
- ⁹⁵ Миних Б. Х. Указ. соч. С. 64; Опришко О. Л. Указ. соч. С. 126.
- ⁹⁶ Павлов-Селиванский Н. Н. Указ. соч. С. 193.
- ⁹⁷ Бенешевич В. Черкасский, князь Григорий Сунчалеевич // РБС. Т. 9. С. 209.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 295; Бенешевич В. Указ. соч. С. 209.
- ¹⁰⁰ Левашова В. П. Белореченские курганы // Труды ГИМ. 1953. Вып. 22. С. 89.
- ¹⁰¹ РГАДА, ф. Оружейная палата, д. 7849, л. 1–4.
- ¹⁰² Бенешевич В. Указ. соч. С. 210.
- ¹⁰³ Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. М., 1836. Т. 5. С. 254–258.
- ¹⁰⁴ Соловьев С. М. Чтение и рассказы по истории России. М., 1989. С. 266–267.
- ¹⁰⁵ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. С. 391–393.
- ¹⁰⁶ Тычино Н. Черкасский, князь Михаил Алегукович // РБС. Т. 9. С. 217.
- ¹⁰⁷ Вопросы истории. 1988. № 5. С. 147; Опришко О. Л. Указ. соч. С. 163.
- ¹⁰⁸ Корб И. Дневник секретаря посольства императора Леопольда I к царю Петру I в 1691, 1699 гг. М., 1868. С. 339.
- ¹⁰⁹ Кумыков Т. Х. Предисловие к книге В. Б. Вилинбахова «Александр Черкасский – сподвижник Петра I». Нальчик, 1966. С. 3 – 4.
- ¹¹⁰ Общий гербовник дворянских Родов России. СПб., 1792. Т. 2. С. 9.
- ¹¹¹ КРО. Т. 1. С. 80.
- ¹¹² Там же. С. 88.
- ¹¹³ Опришко О. Л. Через века и судьбы. Нальчик. 1982. С. 9.
- ¹¹⁴ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1720–1721 гг., д. 5, л. 114.
- ¹¹⁵ Акты исторические. СПб., 1842. Т. 5. № 180/11. С. 315–317.
- ¹¹⁶ Вилинбахов В. Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. С. 140.
- ¹¹⁷ Опришко О. Л. Указ. соч. С. 12.

- ¹¹⁸ Там же. С. 13–14.
- ¹¹⁹ Вилинбахов В. Б. Указ. соч. С. 140.
- ¹²⁰ Опрышко О. Л. Указ. соч. С. 14.
- ¹²¹ История лейб-гвардии Преображенского полка, 1683–1883. СПб., 1883. Т. 4. С. 37.
- ¹²² Корб И. Дневник. С. 79.
- ¹²³ Опрышко О. Л. Указ. соч. С. 17–18.
- ¹²⁴ Там же. С. 18.
- ¹²⁵ Платонов С. Ф., Куракин Б. И., Прозоровский А. П. (1697–1720 гг.) // Доклады Академии Наук СССР. М., 1929. № 12. С. 236–243.
- ¹²⁶ Вилинбахов В. Б. Александр Черкасский – сподвижник Петра I. С. 14.
- ¹²⁷ РГАДА, ф. Посольский приказ, Кабардинские дела, 1711 г., д. 1, л. 1.
- ¹²⁸ Там же, д. 3, л. 5.
- ¹²⁹ Там же, д. 3, л. 1.
- ¹³⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. 11. Вып. 1. С. 122–123.
- ¹³¹ Комаров В. В. Персидская война 1722–1723 гг. Русские вести. 1867. № 4. С. 557.
- ¹³² РГАДА, ф. Посольский приказ, Кабардинские дела, 1711 г., д. 1, л. 2–3.
- ¹³³ Комаров В. В. Указ. соч. С. 557.
- ¹³⁴ РГАДА, ф. Посольский приказ, Кабардинские дела, 1711 г., д. 1, л. 21.
- ¹³⁵ Там же.
- ¹³⁶ Там же. С. 22.
- ¹³⁷ Центральный государственный архив военно-морского флота, ф. 233. Дела графа Апраксина, д. 12, л. 554–555, 561–562, 565–568.
- ¹³⁸ Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 103.
- ¹³⁹ Русско-дагестанские отношения XVII – первой половины XVIII в. Махачкала, 1958. С. 223–225.
- ¹⁴⁰ РГАДА, Кабинет Петра I, фонд 9, отд. 1, кн. 56 (д. 10–11).
- ¹⁴¹ Княжецкая Е. А. Судьба одной карты. М., 1964. С. 14.
- ¹⁴² Материалы Военно-ученого архива Главного штаба (в дальнейшем ВУА). СПб., 1871. Т. 1. С. 196–201.
- ¹⁴³ Соколов А. П. Описи Каспийского края с начала восемнадцатого века по настоящее время // Записки Географического департамента. СПб., 1852. Кн. 10. С. 3.
- ¹⁴⁴ Голосов Д. Поход в Хиву в 1717 г. // Военный сборник. 1861. № 10. С. 310.
- ¹⁴⁵ Материалы ВУА. Т. 1. С. 420.
- ¹⁴⁶ Материалы для истории русского флота. СПб., 1867. Т. 4. С. 251.
- ¹⁴⁷ Иакинф (Бачурин). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1838. С. 384–386.
- ¹⁴⁸ Вилинбахов В. Б. Александр Черкасский – сподвижник Петра I. С. 29.
- ¹⁴⁹ Княжецкая Е. А. Указ. соч. С. 18–19.
- ¹⁵⁰ Опрышко О. Л. Указ. соч. С. 44.
- ¹⁵¹ Берх В. Н. Собрание писем императора Петра I к различным лицам с ответами на оные. СПб., 1829. Т. 2. С. 359–360.
- ¹⁵² Опрышко О. Л. Указ. соч. С. 49–50.
- ¹⁵³ Голосов Д. Указ. соч. С. 313.

- ¹⁵⁴ Княжецкая Е. А. Указ. соч. С. 27.
- ¹⁵⁵ РГАДА, Кабинет Петра I, фонд 9, отд. 2, д. 29, л. 26, 29–37, 40–44, 46–47, 49–51, 53, 56–57.
- ¹⁵⁶ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Эрмитажное собрание. № 476 (л. 207–211).
- ¹⁵⁷ Записки императорского Русского географического общества. 1853. Т. 9. С. 325, 334.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 327.
- ¹⁵⁹ Иллерицкий В. Экспедиция князя Черкасского в Хиву // Исторический журнал. 1940. № 7. С. 40–51.
- ¹⁶⁰ Любимов С. В. Князья Бековичи-Черкасские (Материалы для родословной) // Сборник статей, посвященных Л. М. Савелову. М., 1915. С. 48.
- ¹⁶¹ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1720–1721 гг., д. 5, л. 134–135.
- ¹⁶² Опришко О. Л. Указ. соч. С. 109–110.
- ¹⁶³ Там же.
- ¹⁶⁴ Бутков П. Г. Указ. соч. С. 21.
- ¹⁶⁵ Вилинбахов В. Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. С. 131.
- ¹⁶⁶ Бутков П. Г. Указ. соч. С. 33–34.
- ¹⁶⁷ Опришко О. Л. Указ. соч. С. 121.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 129–131.
- ¹⁶⁹ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1730 г., д. 2, л. 4–7.
- ¹⁷⁰ Опришко О. Л. Указ. соч. С. 142.
- ¹⁷¹ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1731 г., д. 2, л. 166.
- ¹⁷² Там же, дела 1730–1733 гг., д. 1, л. 32; Опришко О. Л. Указ. соч. С. 148–149.
- ¹⁷³ Потто В. А. Указ. соч. Т. 2. С. 45.
- ¹⁷⁴ Опришко О. Л. Указ. соч. С. 151.
- ¹⁷⁵ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1736 г., д. 3, л. 6.
- ¹⁷⁶ Потто В. А. Указ. соч. Т. 2. С. 53; Опришко О. Л. Указ. соч. С. 154.
- ¹⁷⁷ Грабовский Н. Указ. соч. С. 118.
- ¹⁷⁸ Кук Д. Путешествия и странствия по Российскому государству, Татарии и по части Персидского Королевства // АБКИЕА. С. 176.
- ¹⁷⁹ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1744 г., д. 1, л. 58–58 об.
- ¹⁸⁰ Бутков П. Г. Указ. соч. С. 261–262.
- ¹⁸¹ Опришко О. Л. Указ. соч. С. 179.
- ¹⁸² Любимов С. В. Указ. соч. С. 48–49.
- ¹⁸³ Там же. С. 50–53; Опришко О. Л. Указ. соч. С. 211–212.
- ¹⁸⁴ Опришко О. Л. Указ. соч. С. 180.
- ¹⁸⁵ Там же. С. 195.
- ¹⁸⁶ Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1865 г.) М., 1901. С. 191.
- ¹⁸⁷ См.: Там же. С. 203.
- ¹⁸⁸ См.: ПСРЛ. С. 312.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 320.
- ¹⁹⁰ Там же. С. 324.
- ¹⁹¹ Цит. по: Бычкова М. Е. Указ. соч. С. 178.
- ¹⁹² См.: Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 221–223.

¹⁹³ См.: Кушева Е. Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. // Исторические записки. М., 1950. Т. 34. С. 255–256.

¹⁹⁴ См.: Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 150–151, 204.

¹⁹⁵ См.: Русская историческая библиотека. Т. 22. С. 63 (В дальнейшем: РИБ).

¹⁹⁶ РГАДА, ф. 210, оп. 18, д. 117, л. 1.

¹⁹⁷ Синбирский сборник. Часть историческая. М., 1844. Ч. 1. С. 190.

¹⁹⁸ См.: Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и Роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Вып. 1. С. 125.

¹⁹⁹ См.: Синбирский сборник. Часть историческая. С. 145.

²⁰⁰ См.: Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и Роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Вып. 2. С. 91.

²⁰¹ См.: Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства с XVII столетия. СПб., 1902. С. 209.

²⁰² Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1 (1612–1628). С. 148–150, 153. (В дальнейшем: ДР.)

²⁰³ См.: Мордовина С. П. Служилые князья в конце XVI в. // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1970. Т. 28. С. 339.

²⁰⁴ Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук / Под ред. Н. А. Попова. СПб., 1890. Т. 1. С. 143.

²⁰⁵ См.: Мордовина С. П. Указ. соч. С. 339.

²⁰⁶ См.: ДР. Т. 1. С. 146.

²⁰⁷ Там же. С. 177.

²⁰⁸ Там же. С. 186–187.

²⁰⁹ Там же. С. 194.

²¹⁰ См.: ДР. Т. 1. С. 221.

²¹¹ Там же. С. 286, 308.

²¹² Там же. С. 232.

²¹³ Там же. С. 231.

²¹⁴ Там же. С. 393–395.

²¹⁵ Там же. С. 512, 521, 563–566, 580, 582 и др.

²¹⁶ См.: ДР. Т. 1. С. 733, 858, 937.

²¹⁷ Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Вып. 1. С. 151–152, 294–295, 351.

²¹⁸ Переписка между Россией и Польшею по 1790 г., составленная по дипломатическим бумагам Н. Н. Бантыш-Каменским. СПб., 1861. Ч. 1 (1487–1584 гг.). С. 45.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ См.: Опись архива Посольского приказа 1626 г. С. 178–179.

²²¹ См.: ДР. Т. 1. С. 954.

²²² См.: ДР. СПб., 1851. Т. 2 (1628–1645). С. 92; Барсуков А. П. Указ. соч. С. 209.

²²³ См.: ДР. Т. 2. С. 474–457.

²²⁴ См.: Водарский Я. Е. Правящая группа светских феодалов в России XVII в. Приложение № 1 // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVII вв. М., 1975. С. 70–107.

- ²²⁵ ДР. Т.2. С. 509, 562.
- ²²⁶ Там же. С. 656.
- ²²⁷ Там же. С. 688, 714.
- ²²⁸ Там же. С. 737.
- ²²⁹ ДР. СПб., 1852. Т. 3 (1645–1670). С. 78.
- ²³⁰ ДР. Т. 2. С.113.
- ²³¹ Там же. С. 236.
- ²³² См.: Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской Империи/Составитель гр. Алексии Бобринский. СПб., 1890. Ч. 1. С. 539.
- ²³³ РГАДА, ф. 210, оп.18, д. 117, л. 1–1 об.
- ²³⁴ Там же.
- ²³⁵ РИБ. Т. 22. С.63.
- ²³⁶ Там же.
- ²³⁷ См.: Мордовина С. П. Указ. соч. С. 340.
- ²³⁸ См.: Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и Роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Вып.1. С. 125.
- ²³⁹ Там же. Вып 2. С. 90.
- ²⁴⁰ Там же. Вып. 1. С.253.
- ²⁴¹ Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской Империи. ДР. Т.1. С. 415, 539.
- ²⁴² ДР. Т.1. С.267, 347; Барсуков А. П. Указ. соч. С. 209.
- ²⁴³ ДР. Т.1. С.415, 610, 681.
- ²⁴⁴ Там же. С. 710.
- ²⁴⁵ Там же. Т. 2. С. 123.
- ²⁴⁶ Там же. С. 123–124.
- ²⁴⁷ ДР. Т. 2. С. 124–125.
- ²⁴⁸ РГАДА, ф. 210, оп.18, 117, л. 2–2 об.
- ²⁴⁹ ДР. Т. 2. С. 209.
- ²⁵⁰ Там же. С. 296–297.
- ²⁵¹ См.: Разрядный приказ. Опись столбцов дополнительного отдела (нач. XVI в. – 1711 г.) /Под. ред. А. А. Новосельского. М., 1950. С. 41.
- ²⁵² РГАДА, ф.210, оп.18, 117, л. 1–1 об.
- ²⁵³ ДР. Т. 2. С. 936; Т. 3. С. 282–292.
- ²⁵⁴ См.: Каталог древнерусских грамот, хранящихся в отделе рукописей Госуд. Публ. б-ки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (1647–1660 гг.). Л., 1960. Вып.5. С. 32, 37, 40.
- ²⁵⁵ РГАДА, ф.210, оп. 18, д. 117, л. 1 об.
- ²⁵⁶ Исключением является Иван Михайлович Егупов-Черкасский. Разрядная запись за сентябрь 1683 г. говорит о том, что он «стольник у государя». См.: ДР. СПб., 1855. Т. 4 (1676–1701). С. 243.
- ²⁵⁷ РГАДА, ф.210, оп. 18, д. 117, л. 1.
- ²⁵⁸ См.: Мордовина С. П. Указ. соч С. 339–340.
- ²⁵⁹ Местнические дела 1563–1605 гг. / Собр. Н. П. Личаев. СПб., 1894. С. 80–81.
- ²⁶⁰ См.: Боярские списки последней четверти XVII в. и Роспись русского войска 1604 гг. М., 1979. Вып. 1. С. 255.
- ²⁶¹ См.: Там же. Т. 2. С. 30, 90, 91.
- ²⁶² Белокуров С. А. Разрядные записи за смутное время (7113–7124 гг.). М., 1907. С. 71.

²⁶³ Боярские списки последней четверти XVI – начала XVIII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Вып. 1. С. 255.

²⁶⁴ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 117.

²⁶⁵ Там же. С. 157.

²⁶⁶ Там же. С. 44.

²⁶⁷ Там же. С. 86, 144.

²⁶⁸ РГАДА, ф.210, оп. 18, д. 117, л. 1–1 об.

*Восточные адыги во взаимоотношениях России
с народами Кавказа*

¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 340.

² Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 75.

³ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX века (Сборник документов под ред. В. Г. Гаджиева). (В дальнейшем: РДО). М., 1988. С. 8–11; Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1961. Т. 2. С. 152–153.

⁴ РДО. С. 152–153.

⁵ Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 178–179.

⁶ История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 188.

⁷ РДО. С. 59, 67–70, 151–154.

⁸ КРО. Т. 1. С. 153.

⁹ РДО. С. 88.

¹⁰ Там же. С. 117–119.

¹¹ Там же. С. 146–149.

¹² КРО. Т. 1. С. 261–270.

¹³ Крикунова Е. О., Павлова И. М. К истории взаимоотношений между Кабардой и другими народами Кавказа в XVII веке // Ученые записки КБПИ. Нальчик, 1957. Вып. 13. С. 91–94.

¹⁴ Там же. С. 92.

¹⁵ Там же. С. 97–100, 100–103.

¹⁶ Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991. С. 37.

¹⁷ Исторические сведения о местах, на которых основан город Петровск // Кавказ. 14 декабря 1869. № 147.

¹⁸ РГАДА, ф. Посольский приказ, 1711 г., д. 3, л. 1–5.

¹⁹ Там же, д. 1, л. 2–3.

²⁰ Там же, Кабардинские дела, 1712 г., д. 1, л. 32–34.

²¹ РДО. С. 223.

²² История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 339.

²³ Там же.

²⁴ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1720–1721 гг., д. 5, л. 91–94.

²⁵ Там же.

²⁶ Мамбетов Г. Х. К истории взаимоотношений кабардинцев с народами Дагестана в XVI–XVIII веках // Ученые записки КБНИИ. Нальчик. 1967. Т. 25. С. 50.

²⁷ Сотавов Н. А. Указ. соч. С. 59.

²⁸ Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958. С. 67.

- ²⁹ Сотавов Н. А. Указ. соч. С. 43.
- ³⁰ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1730–1733 гг., д. 1, л. 41об.
- ³¹ Сотавов Н. А. Указ. соч. С. 127.
- ³² Гаджиев А.-Г. С. Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. Махачкала, 1964. С. 10.
- ³³ История Дагестана. Т. 1. С. 375–380.
- ³⁴ Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX века. Махачкала, 1957. С. 352.
- ³⁵ АКАК. С. 89.
- ³⁶ Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 140.
- ³⁷ Мамбетов Г. Х. Указ. соч. С. 51.
- ³⁸ История Дагестана. Т. 1. С. 388.
- ³⁹ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1723 г., д. 1, л. 11.
- ⁴⁰ РДО. С. 170–171.
- ⁴¹ Грабовский Н. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // ССОКГ. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 171.
- ⁴² Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 1–3. С. 226.
- ⁴³ Там же. С. 297.
- ⁴⁴ Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 141–142.
- ⁴⁵ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 206–207; Ч. 3. С. 198.
- ⁴⁶ Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 158; История Кабарды. М., 1957. С. 64.
- ⁴⁷ История Дагестана. Т. 1. С. 399.
- ⁴⁸ КРО. Т. 2. С. 375–378.
- ⁴⁹ Цит.: Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 158–159.
- ⁵⁰ КРО. Т. 2. С. 308–309, 323, 349–350, 352, 353–354.
- ⁵¹ Скитский Б. В. «Холопий вопрос» и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды (1739–1779 гг.). Владикавказ, 1930. С. 6; Беров Х. Ж. Побег горских крестьян в русские поселения на Северном Кавказе в 50–60-е годы XVIII века // Проблемы общественно-политического развития и классовой борьбы в России в XVII–XVIII веках. М., 1983. С. 44–63.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 148–159.
- ⁵⁴ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 57; Потто В. А. Указ. соч. Т. 2. С. 105–127.
- ⁵⁵ Феодаева Ф. З. Из истории классовой борьбы в Северном Дагестане во второй половине XVIII века // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала. 1970. Вып. 6. С. 159–160.
- ⁵⁶ РДО. С. 137.
- ⁵⁷ Голиков И. И. Деяния Петра Великого. М., 1789. Ч. 8. С. 268.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Мамбетов Г. Х. Указ. соч. С. 28; Гашимов Ч. М. О совместных поселениях горцев Дагестана и Северного Кавказа (XVI–XVIII века) // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1970. Вып. 6. С. 83.
- ⁶⁰ Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский календарь. Тифлис, 1900. Вып. 21. С. 190.
- ⁶¹ Гашимов Ч. М. Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа. Махачкала, 1982. С. 84.

- ⁶² Мамбетов Г. Х. Указ. соч. С. 28.
- ⁶³ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 41.
- ⁶⁴ Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX века. С. 159.
- ⁶⁵ Мамбетов Г. Х. Указ. соч. С. 29.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Гашимов Ч. М. Указ. соч. С. 61.
- ⁶⁸ Там же. С. 71.
- ⁶⁹ Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 383.
- ⁷⁰ История Дагестана. Т. 1. С. 353.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1742–1769 гг., оп. 115/2, д. 3, л. 416–416 об.
- ⁷⁴ Феодаева Ф. З. К вопросу о развитии русско-дагестанских торговых отношений во второй половине XVIII века // Ученые записки ИИЯиЛ. Махачкала, 1964. Т. 14. С. 159.
- ⁷⁵ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1761 г., д. 6, л. 35; 1762 г., д. 1, л. 7–11.
- ⁷⁶ Там же, 1762 г., д. 15, л. 406–408; 1763–1777 гг., оп. 115/2, д. 12, л. 590–591.
- ⁷⁷ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 10; АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1762–1777 гг., оп. 115/2, д. 7, л. 89–90.
- ⁷⁸ История Дагестана. Т. 1. С. 391.
- ⁷⁹ Там же. С. 353.
- ⁸⁰ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1775 г., оп. 115/2, д. 1, л. 2 об., 27–30.
- ⁸¹ Там же, 1748 г., д. 4, л. 8.
- ⁸² Мамбетов Г. Х. Указ. соч. С. 34.
- ⁸³ Там же; Кавказское оружие (буклет). Внешторгиздат, № 644Р.
- ⁸⁴ Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 119.
- ⁸⁵ Феодаева Ф. З. Вопросы о торговых пошлинах в русско-дагестанских отношениях // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1972. Вып. 3. С. 133–134.
- ⁸⁶ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 59–60.
- ⁸⁷ Юдин П. Л. Мурза Сюнчалей Янгальчев // Русский Архив. М., 1913. № 2. С. 152.
- ⁸⁸ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1. С. 150.
- ⁸⁹ РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1616 г., д. 6/№, л. 27; Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 81.
- ⁹⁰ Юдин П. Л. Указ. соч. С. 160.
- ⁹¹ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 81.
- ⁹² Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 156.
- ⁹³ Крикунова Е. О., Павлова И. Н. К истории взаимоотношений между Кабардой и другими народами Кавказа в XVII веке // Ученые записки КБПИ. Нальчик, 1957. Вып. 13. С. 83.
- ⁹⁴ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 554.
- ⁹⁵ РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1640 г., д. 1, л. 230–247.
- ⁹⁶ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 77.

⁹⁷ Ахмадов Я. З. К вопросу о социальном строе и общественно-политической обстановке в Чечено-Ингушетии в XVIII веке // Вопросы истории классовых образований и социальных движений в дореформенной Чечено-Ингушетии (XVI – нач. XX в.). Грозный, 1980. С. 58.

⁹⁸ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XX в. М., 1974. С. 192.

⁹⁹ Скитский Б. В. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа. // Известия Чечено-Ингушского НИИИЯЛ. Грозный, 1959. Т. 1. Вып. 1. С. 157.

¹⁰⁰ Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809. С. 22; Русско-осетинские отношения в XVIII веке (В дальнейшем: РОО). Орджоникидзе, 1976. Т. 1. С. 51.

¹⁰¹ АВГРИ, ф. Кабардинские дела, 1761 г., д. 15, л. 407–408.

¹⁰² Ахмадов Я. З. Политическое взаимоотношение Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XIX века // Взаимоотношение народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XIX века. Грозный, 1981. С. 64.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 258–259.

¹⁰⁵ Ахмадов Ш. Б. К вопросу о социальных отношениях в Чечено-Ингушетии в XVIII веке // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XIX – начало XX в.). Грозный. С. 54–55.

¹⁰⁶ Айтберов Т. М., Ахмадов Я. З. Из истории классовых отношений и антифеодальной борьбы карабулаков в XVIII веке // Вопросы истории классовых образований и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – начало XX в.). Грозный, 1980. С. 48.

¹⁰⁷ Сталь К. Р. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский календарь. Тифлис, 1900. Вып. 21. С. 91–92.

¹⁰⁸ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XX в. С. 184–185.

¹⁰⁹ Ахмадов Я. З. Политическое взаимоотношение Чечено-Ингушетии с Россией. С. 65.

¹¹⁰ Волкова Н. Г. Указ. соч. С. 184–185.

¹¹¹ Ахмадов Ш. Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVI – начале XIX века // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XIX века. Грозный, 1981. С. 76–77.

¹¹² Мамбетов Г. Х. К вопросу о взаимоотношениях Кабарды и Балкарии с Чечней и Ингушетией в XVI–XVIII веках // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1970. Вып. 4. С. 21–22.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Саламов А. А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом // Известия ЧИНИИ. Грозный, 1963. Вып. 1. Т. 3. С. 27.

¹¹⁵ Скитский Б. В. Указ. соч. С. 176.

¹¹⁶ Ахмадов Ш. Б. Экономические связи чеченцев и ингушей... С. 91.

¹¹⁷ Там же. С. 89.

¹¹⁸ КРО. Т. 2. С. 237.

- ¹¹⁹ Ахмадов Ш. Б. К вопросу о классовой борьбе в Чечено-Ингушетии в XVIII веке // Вопросы истории классообразований и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии. С. 67–68.
- ¹²⁰ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984. С. 68.
- ¹²¹ РГИА, ф. 796, оп. 26, д. 373, л. 43–43об.
- ¹²² Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 24.
- ¹²³ РОО. Т. 1. С. 393–451.
- ¹²⁴ Оразаев Г. М., Ахмадов Я. З. К истории политических связей чеченского феодального владения с Россией в XVII–XVIII веках. Публикация источника // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII – начало XX века). Грозный. 1983. С. 35–36.
- ¹²⁵ Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный, 1979. С. 41–42.
- ¹²⁶ Там же. С. 43.
- ¹²⁷ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 28.
- ¹²⁸ Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Указ. соч. С. 44.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ Ахмадов Ш. Б. К вопросу о классовой борьбе... С. 71–72.
- ¹³¹ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 302.
- ¹³² АКАК. 1870. Т. 4. С. 844–845.
- ¹³³ Мамбетов Г. Х. К вопросу о взаимоотношениях Кабарды и Балкарии с Чечней и Ингушетией. С. 40–43.
- ¹³⁴ Исаева Т. А. Военно-политический союз народов Северного Кавказа в борьбе с турецко-иранской агрессией (вторая половина XVI–XVIII века) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII – начало XX века). Грозный. 1983. С. 47–50.
- ¹³⁵ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 205–208; Потто В. А. Указ. соч. С. 48.
- ¹³⁶ Тотоев М. С. Кабардино-балкарско-осетинские отношения в XVI–XVIII веках // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1966. Т. 25. С. 36.
- ¹³⁷ РГАДА, ф. 199, оп. 348, д. 7, л. 1–4.
- ¹³⁸ Тотоев М. С. Указ. соч. С. 142.
- ¹³⁹ Там же. С. 141–142.
- ¹⁴⁰ РОО. Т. 1. С. 37.
- ¹⁴¹ Тотоев М. С. Указ. соч. С. 141.
- ¹⁴² Скитский Б. В. Осетия в период феодальной раздробленности (XII – середина XVIII века) // Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. Т. 25. С. 294.
- ¹⁴³ Тотоев М. С. Указ. соч. С. 141.
- ¹⁴⁴ История Северо-Осетинской АССР. М., 1959. Т. 1. С. 48–49.
- ¹⁴⁵ Тотоев М. С. Указ. соч. С. 142.
- ¹⁴⁶ Ларина В., Бешанова И. Моздок. Исторический очерк. Орджоникидзе, 1970. С. 12.
- ¹⁴⁷ Ларина В. Очерк истории городов Северной Осетии. Орджоникидзе, 1960. С. 53.
- ¹⁴⁸ Калоев Б. А. Моздокские осетины. Хозяйство и хозяйственный быт // Кавказский этнографический сборник. М., 1980. Вып. 7. С. 67.
- ¹⁴⁹ Скитский Б. В. Указ. соч. С. 299–300.

- ¹⁵⁰ РОО. Т. 2. Орджоникидзе, 1984. С. 10.
- ¹⁵¹ АВПРИ, ф. Осетинские дела, 1743–1752 гг., оп. 128/11, д. 3, л. 103–104.
- ¹⁵² РГИА, ф. 796, оп. 26, д. 373, л. 79.
- ¹⁵³ Там же, л. 182.
- ¹⁵⁴ Там же, л. 219об.; КРО. Т. 2. С. 133–134.
- ¹⁵⁵ РОО. Т. 2. С. 10, 137, 142, 163.
- ¹⁵⁶ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 25.
- ¹⁵⁷ РОО. Т. 1. С. 118–120.
- ¹⁵⁸ РОО. Т. 1. С. 201–202.
- ¹⁵⁹ Блиев М. М. Русско-осетинские отношения (40-е годы XVIII в. – 30-е годы XIX в.). Орджоникидзе, 1970. С. 120.
- ¹⁶⁰ РОО. Т. 1. С. 304.
- ¹⁶¹ Там же.
- ¹⁶² Там же. С. 303.
- ¹⁶³ История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. С. 131.
- ¹⁶⁴ АВПРИ, ф. Осетинские дела, 1743–1452 гг., оп. 128/11, д. 3, л. 288.
- ¹⁶⁵ РОО. Т. 1. С. 379.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 378.
- ¹⁶⁷ Блиев М. М. Русско-осетинские отношения ... С. 180–181.
- ¹⁶⁸ Тогошвили Г. Д. Грузино-осетинские взаимоотношения накануне и в период присоединения Северной Осетии к России // Сборник трудов СОИЭЯиЛ. Орджоникидзе, 1976. Т. 31. С. 114.
- ¹⁶⁹ РОО. Т. 2. С. 123.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 182.
- ¹⁷¹ Там же. С. 247, 248, 249, 262.
- ¹⁷² Там же. С. 249.
- ¹⁷³ Там же. С. 339.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 394.
- ¹⁷⁵ История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. С. 136–137.
- ¹⁷⁶ РОО. Т. 2. С. 397.
- ¹⁷⁷ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 32.
- ¹⁷⁸ История Кабардино-Балкарской АССР... М., 1967. Т. 1. С. 170.
- ¹⁷⁹ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 68.
- ¹⁸⁰ Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 76–78.
- ¹⁸¹ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 207.
- ¹⁸² КРО. Т. 2. С. 375–378.
- ¹⁸³ История Северо-Осетинской АССР... Т. 1. С. 136–137.
- ¹⁸⁴ РОО. Т. 2. С. 354; КРО. Т. 2. С. 310.
- ¹⁸⁵ Тотоев М. С. Кабардино-балкарско-осетинские отношения... С. 151; Скитский Б. В. Осетия в период феодальной раздробленности. С. 302.
- ¹⁸⁶ Генко А. Н. Абазинский язык. М., 1955. С. 78.
- ¹⁸⁷ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVII – начале XX века. С. 65.
- ¹⁸⁸ КРО. Т. 1. С. 224, 227, 232.
- ¹⁸⁹ Лавров Л. И. Абазины. Историко-этнографический очерк // КЭС. М., 1955. Т. 1. С. 13, 14.

- ¹⁹⁰ Дебу И. Л. О Кавказской линии и присоединенном Черноморском, или вообще замечания о поселенных полках, ограждающих кавказскую линию, и о соседственных горских народах. СПб., 1829. С. 121.
- ¹⁹¹ Ногмов Ш. Б. Указ. соч. С. 30.
- ¹⁹² Там же. С. 74–75.
- ¹⁹³ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. 1-я пол. С. 228.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 259.
- ¹⁹⁵ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 155; Карданов Ч. Э. Из истории отношений между адыгскими народами и Россией в XVI веке. Нальчик, 1972. С. 25.
- ¹⁹⁶ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 155; Она же. Из истории сношений западных адыгов и северокавказских абазин с русским государством в XVI–XVII веках // Труды КЧНИИ. 1964. Вып. 4. Серия историческая. С. 139.
- ¹⁹⁷ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. С. 237.
- ¹⁹⁸ Бенешевич В. Черкасский, князь Василий Карданукович // РБС. СПб., 1905. Т. 9. С. 196; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 155.
- ¹⁹⁹ Ногмов Ш. Б. Указ. соч. С. 63.
- ²⁰⁰ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 155.
- ²⁰¹ КРО. Т. 1. С. 22–23.
- ²⁰² Абазины. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1989. С. 17.
- ²⁰³ КРО. Т. 1. С. 82.
- ²⁰⁴ Там же. С. 90.
- ²⁰⁵ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 2.
- ²⁰⁶ КРО. Т. 1. С. 93.
- ²⁰⁷ Абазины. Историко-этнографический очерк. С. 17.
- ²⁰⁸ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 156.
- ²⁰⁹ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 114.
- ²¹⁰ КРО. Т. 1. С. 224.
- ²¹¹ Там же. С. 208.
- ²¹² Там же. С. 217–234.
- ²¹³ Ногмов Ш. Б. Указ. соч. С. 105; Лавров Л. И. Абазины. С. 10.
- ²¹⁴ Дзамихов К. Ф., Хуранов Ш. Ш. Из истории взаимоотношений абазин и кабардинцев в XVI – первой половине XIX века // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1985. С. 67.
- ²¹⁵ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1731–1732 гг., д. 2, л. 115.
- ²¹⁶ Там же, л. 131об.
- ²¹⁷ Там же.
- ²¹⁸ Дзамихов К. Ф., Хуранов Ш. Ш. Указ. соч. С. 68.
- ²¹⁹ Дебу И. Л. Указ. соч. С. 126; Ногмов Ш. Б. Указ. соч. С. 160–162; Макаров Т. Племя Адыге // Кавказ. 1862. С. 22.
- ²²⁰ КРО. Т. 2. С. 152.
- ²²¹ Там же. С. 188.
- ²²² Там же. С. 27–28.
- ²²³ Там же. С. 97.
- ²²⁴ Там же. С. 129.
- ²²⁵ Там же. С. 138.
- ²²⁶ Там же. С. 164.
- ²²⁷ Очерки истории Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1967. Т. 1. С. 260.

- ²²⁸ Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. С. 82.
- ²²⁹ Абазины. Историко-этнографический очерк. С. 20.
- ²³⁰ Там же.
- ²³¹ Толстов В. История Кубанского казачьего войска. Тифлис, 1900. С. 62–63.
- ²³² Бутков П. Г. Указ. соч. С. 163–164.
- ²³³ Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1911. Т. 1. С. 400–401.
- ²³⁴ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. С. 457.
- ²³⁵ РГВИА, ф. 52, оп.1/194, д. 2. С. 120, л. 2–3.
- ²³⁶ Там же, л. 206 – 3.
- ²³⁷ Волконский Н. А. Кавказ в 1787–1799 гг. // Кавказский сборник. 1890. Т. 14. С. 65–66.
- ²³⁸ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 227; Зисерман А. История 80 пехотного Кабардинского полка. СПб., 1881. С. 197–200.
- ²³⁹ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 547.
- ²⁴⁰ Грабовский Н. Указ. соч. С.180; АКАК. Т.1. С. 720.
- ²⁴¹ Дзамихов К. Ф., Хуранов Ш. Ш. Указ. соч. С. 70.
- ²⁴² Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского архива Министерства иностранных дел (1578–1613). М., 1889. Вып.1; Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 гг. СПб, 1861; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т.1–2.
- ²⁴³ См. подр. библиографию: Боцвадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси, 1974. С.7–11; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI в. – 30-е годы XVII в.). М., 1963.
- ²⁴⁴ КРО. Т.1. С.5.
- ²⁴⁵ Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч.1. С.217–218.
- ²⁴⁶ Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями... С.2.
- ²⁴⁷ Белокуров С. А. Указ.соч. С.324–327.
- ²⁴⁸ Азаматов К.Г., Рехвиашвили И. Истоки уходят в прошлое // Кабардино-Балкарская правда, 1982 г., 18 октября.
- ²⁴⁹ Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями... С.61.
- ²⁵⁰ Цагарели А. А. Сношения России с Кавказом в XVI–XVIII вв. СПб., 1891. С.27.
- ²⁵¹ АВГРИ, ф.Сношения России с Турцией, 1733, д.1, л.1–4.
- ²⁵² Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сборник документов. 1742–1762 гг. Т.1. С.38.
- ²⁵³ Там же.
- ²⁵⁴ Гамрекели В. Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1977. Ч.2. С.26–48.
- ²⁵⁵ Там же. С.27.
- ²⁵⁶ Там же. С.40.
- ²⁵⁷ Русско-осетинские отношения. Сборник документов. Орджоникидзе, 1976. Т.1. С.39.

²⁵⁸ Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. С.107–108.

²⁵⁹ Тогошвили Г. Д. Грузино-осетинские взаимоотношения накануне и в период присоединения Северной Осетии к России // Сборник трудов Северо-Осетинского института истории, экономики, языка и литературы. Орджоникидзе, 1976. Т.3. 1. С. 114.

²⁶⁰ Мачарадзе В. Г. Материалы по истории русско-грузинских отношений второй половины XVIII в. Посольство Теймураза в Россию. Тбилиси, 1968. Ч.2. С.236–237.

²⁶¹ См.: История Осетии в документах и материалах (с древнейших времен до конца XVII в.). Цхинвали, 1962. Т.1. С.104.

²⁶² Грамоты и другие исторические документы 18 столетия, относящиеся к Грузии / Под редакцией А. А. Цагарели. СПб., 1891. Т.1 (с 1768 по 1774 гг.). С.43.

²⁶³ Архив ИГИ КБНЦ, ф.1, оп.1, д.12, л. 346.

²⁶⁴ Вилинбахов В. Б. Совместные русско-кабардинские военные действия (со второй половины XVI в. до 1791г.) // Сборник статей КБНИИ, Нальчик, 1959. Т.14.

²⁶⁵ Цит.: Пайчадзе Г. Г. Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII в. Тбилиси, 1970. С.159.

²⁶⁶ КРО. Т.2. С.40–41.

²⁶⁷ Там же. С.40.

²⁶⁸ КРО. Т.2. С.40–41.

²⁶⁹ Пайчадзе Г. Г. Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII в. Тбилиси, 1970. С.174.

²⁷⁰ Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XVIII вв. М., 1958. С.79.

²⁷¹ Пайчадзе Г. Г. Указ. соч. С.226.

²⁷² Там же. С.233.

²⁷³ Боцвадзе Т. Д. Указ.соч. С.54.

²⁷⁴ История Грузии. Тбилиси, 1962, Т.1. С.346–347.

²⁷⁵ История Осетии в документах и материалах... Т.1. С.71–77.

²⁷⁶ Ломидзе Д. И. Восточная Грузия в 1735–1749 гг. («Кызылбашоба»). Автореф. Тбилиси, 1986. С.20.

²⁷⁷ Сургуладзе А. Прогрессивные последствия присоединения Грузии к России. Тбилиси, 1982. С. 26–27.

²⁷⁸ История Осетии в документах и материалах... Т.1. С.71–77.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Пайчадзе Г. Г. Указ. соч. С.246–247.

²⁸¹ Там же.

²⁸² Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Т.1. С. 7.

²⁸³ История Осетии в документах и материалах... С.71–77.

²⁸⁴ КРО. Т.2. С.179.

²⁸⁵ История Осетии в документах и материалах... Т.1. С.77.

²⁸⁶ Бутков П. Г. Указ.соч. Ч.1. С.391; Кикодзе Г. Ираклий II. Тбилиси, 1948. С.65.

²⁸⁷ История Осетии в документах и материалах... Т.1. С.241–242.

²⁸⁸ История Грузии. Тбилиси, 1962. С.359.

- ²⁸⁹ История Осетии в документах и материалах... Т.1. С.71–77.
- ²⁹⁰ Пайчадзе Г. Г. Указ. соч. С.258.
- ²⁹¹ Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. С.134–135, 141–142.
- ²⁹² История Осетии в документах и материалах... С.71–77; Тогошвили Г. Д. Из истории грузино-вайнахских политических взаимоотношений // Труды Чечено-Ингушского НИИ. Грозный, 1964. Т.5. Вып.1. С.152.
- ²⁹³ Мачарадзе В. Г. Материалы по истории русско-грузинских отношений второй половины XVIII в. Ч. 2. Тбилиси, 1968. С.236–237.
- ²⁹⁴ Там же. С.91, 189.
- ²⁹⁵ Боцвадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. С.58.
- ²⁹⁶ Мачарадзе В. Г. Материалы по истории русско-грузинских отношений второй половины XVIII в. Ч. 2. Тбилиси, 1968. С.551–554.
- ²⁹⁷ Там же.
- ²⁹⁸ РОО. Т. 2. С.183.
- ²⁹⁹ Грамоты и другие исторические документы 18 столетия, относящиеся к Грузии. Т.1. С.35.
- ³⁰⁰ Там же. С.26.
- ³⁰¹ Боцвадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. С.67.
- ³⁰² Там же.
- ³⁰³ Архив ИГИ КБНЦ, ф.1, оп.1, д.12, л.346.
- ³⁰⁴ КРО. Т.2. С.334, 342.
- ³⁰⁵ Там же.
- ³⁰⁶ Маркова О. П. Феодальная реакция на прогрессивную политику единодержавия в Грузии (выступление князя Александра Грузинского, 1766–1783) // Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси, 1966. С.373–374.
- ³⁰⁷ Боцвадзе Т. Д. Указ.соч. С.74.
- ³⁰⁸ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ.соч. С.53.
- ³⁰⁹ Боцвадзе Т. Д. Указ.соч. С.4.
- ³¹⁰ Вахушти Багратиони. История Грузии. 1913. С.292–293.
- ³¹¹ Джанашвили М. Г. Известия грузинских летописей и источников о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып.22. С.56.
- ³¹² Путешествия русских послов XVI–XVII вв. (Статейные списки). М.;Л., 1954. С. 222.
- ³¹³ Акты, исторически собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1842, Т. 5. С. 402, 405.
- ³¹⁴ Бутков П. Г. Указ.соч. Т. 1. С. 505.
- ³¹⁵ История Осетии в документах и материалах... С.67; Джанашвили М. Г. Указ. соч. С.63.
- ³¹⁶ Межкавказские политические и торговые связи Восточной Грузии (конец 60-х – начало 90-х гг. XVIII в.). Документы и материалы. Тбилиси, 1980. С.52.
- ³¹⁷ Грамоты и другие исторические документы 18 столетия, относящиеся к Грузии. Т. 1. С.192.
- ³¹⁸ Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. С. 271–272.
- ³¹⁹ Там же. С. 95.

- ³²⁰ Кабардинский фольклор. М.; Л., 1936. С. 332.
³²¹ КРО. Т.2. С.55.
³²² АКАК. Т. 1. С. 481; Гамрекелли В. Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968, Ч.1. С.28.
³²³ Азаматов К., Рехвиашвили И. Указ.соч.
³²⁴ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ.соч. С.30.
³²⁵ Там же.
³²⁶ Грамоты и другие исторические документы 18 столетия, относящиеся к Грузии. Т.1. С. 81.
³²⁷ Межкавказские политические и торговые связи Восточной Грузии... С.55.
³²⁸ Там же. С.188.
³²⁹ Там же. С. 63.

Военно-политическое сотрудничество адыгов и Российского государства в борьбе с Крымским ханством

- ¹ Некрасов А. М. Указ. работа. С. 3.
² История народов Северного Кавказа... С. 270.
³ Сборник Русского исторического общества (в дальнейшем: РИО). СПб., 1884. Т. 41. С. 111.
⁴ Трахо Р. Черкесы. Нальчик, 1992. С. 22.
⁵ История народов Северного Кавказа... С. 270.
⁶ Агаджанов С. Г., Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 22.
⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн.3. Т. 5. С. 83–84.
⁸ Вилинбахов В. Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1977. С. 34.
⁹ Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М., 1958. С. 20.
¹⁰ Там же. С. 21.
¹¹ Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопамятное повествование // АБКИЕА. С. 50.
¹² Хатко С. Х. Черкесские мамлюки. Майкоп, 1993. С. 136–143.
¹³ Лукка Дж. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов и мингрелов и грузин // АБКИЕА. С. 70.
¹⁴ Трахо Р. Указ. соч. С. 23.
¹⁵ Кантемир Д. К. История роста и упадка Оттоманской империи // Аталиков В. М. Страницы истории. Нальчик, 1987. С. 139.
¹⁶ ПСРЛ. Т. 13. 1-я пол. СПб., 1904. С. 276–277.
¹⁷ Там же. С. 283 – 284.; Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 26–27.
¹⁸ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М., 1963. С. 206.
¹⁹ Асколи'д Э.Д. Описание Черного моря и Татари, составил доминиканец Эммидио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татари и пр. // АБКИЕА. С. 63.
²⁰ Некрасов А. М. Указ. соч. С. 71.
²¹ Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 338.

- ²² РИО. Т. 41. С. 357.
- ²³ Там же. Т. 95. С. 516.
- ²⁴ Некрасов А. М. Указ. соч. С. 103.
- ²⁵ РГАДА, ф. 123, кн. 9. л. 15об. – 18.
- ²⁶ Некрасов А. М. Указ. соч. С. 107.
- ²⁷ Там же. С. 108–109.
- ²⁸ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 187.
- ²⁹ Некрасов А. М. Указ. соч. С. 110.
- ³⁰ Там же. С. 112.
- ³¹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 228.
- ³² Потто В. А. Два века Терского казачества. Т. 1. С. 4.
- ³³ Там же. С. 4–5.
- ³⁴ Курбский А. Сочинения // Русская историческая библиотека (В дальнейшем: РИБ). Т. 31. С. 60.
- ³⁵ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 271; Вилинбахов В. Б. Указ. соч. С. 39–40.
- ³⁶ Там же. С. 40.
- ³⁷ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 276–277.
- ³⁸ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 201.
- ³⁹ Там же. С. 202–206, 231–233.
- ⁴⁰ Некрасов А. М. Указ. соч. С. 112.
- ⁴¹ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 203–204.
- ⁴² Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 516.
- ⁴³ Вилинбахов В. Б. Указ. соч. С. 41.
- ⁴⁴ Книга посольская Метрика Великого Княжества Литовского. М., 1843. Т. 1. № 120. С. 384.
- ⁴⁵ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 228.
- ⁴⁶ Вилинбахов В. Б. Указ. соч. С. 44–45.
- ⁴⁷ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 2. С. 80.
- ⁴⁸ Лавров Л. И. Из этнографических находок Дагестанской экспедиции. Сборник музея антропологии и этнографии. 1957. Т. 17. С. 379.
- ⁴⁹ Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1957. С. 150.
- ⁵⁰ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 405; Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 243–244.
- ⁵¹ Вилинбахов В. Б. Указ. соч. С. 50.
- ⁵² КРО. Т. 1. С. 16–17.
- ⁵³ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 247–248.
- ⁵⁴ Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. С. 89.
- ⁵⁵ Там же. С. 103.
- ⁵⁶ Там же. С. 100–115; Вилинбахов В. Б. Указ. соч. С. 54–55.
- ⁵⁷ Вилинбахов В. Б. Указ. соч. С. 55.
- ⁵⁸ Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. С. 113.
- ⁵⁹ Вилинбахов В. Б. Указ. соч. С. 55.
- ⁶⁰ Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. С. 115.
- ⁶¹ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1. С. XVIII; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 318–319.
- ⁶² Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М., 1958. С. 31.

- ⁶³ Вилинбахов В. Б. Указ. соч. С. 58.
- ⁶⁴ История народов Северного Кавказа... С. 319.
- ⁶⁵ Вилинбахов В. Б. Указ. соч. С. 59.
- ⁶⁶ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Ч. 1. С. 941–944.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ РГАДА, ф. Кабардинские дела, д. 1, л. 1об.
- ⁶⁹ Белокуров С. А. Указ. соч. Вып. 1. С. LXXXVII.
- ⁷⁰ Смирнов Н. А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях. Нальчик, 1948. С. 20.
- ⁷¹ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л., 1948. С. 33–34.
- ⁷² КРО. Т. 1. С. 68–69.
- ⁷³ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 285.
- ⁷⁴ Трахо Р. Указ. соч. С. 31.
- ⁷⁵ Трахо Р. Указ. соч. С. 31.
- ⁷⁶ КРО. Т. 1. С. 404; Белокуров С. А. Указ. соч. С. 554–555.
- ⁷⁷ РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1616 г., л. 70–73; История народов Северного Кавказа... С. 322.
- ⁷⁸ История народов Северного Кавказа... С. 322.
- ⁷⁹ Мальбахов Б. К., Эльмесов А. М. Указ. соч. С. 207.
- ⁸⁰ Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. С. 49.
- ⁸¹ КРО. Т. 1. С. 207, 273.
- ⁸² Новосельский А. А. Указ. соч. С. 380.
- ⁸³ Донские дела. СПб., 1906. Т. 2. С. 908–909.
- ⁸⁴ КРО. Т. 1. С. 275.
- ⁸⁵ Потто В. А. Указ. соч. Т. 1. С. 72–73.
- ⁸⁶ Вилинбахов В. Б. Указ. соч. С. 82.
- ⁸⁷ Ахмадов Я. З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988. С. 108.
- ⁸⁸ Там же. С. 109.
- ⁸⁹ История народов Северного Кавказа... С. 325.
- ⁹⁰ Там же; Белокуров С. А. Указ. соч. Вып. 1. Ч. 3. С. 251–256, 391–405.
- ⁹¹ История народов Северного Кавказа... С. 325.
- ⁹² Там же; Белокуров С. А. Указ. соч. С. 253, 255–256.
- ⁹³ История народов Северного Кавказа... С. 325–326.
- ⁹⁴ Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. С. 112–113.
- ⁹⁵ КРО. Т. 1. С. 342.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Там же. С. 344.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Вилинбахов В. Б. Указ. соч. С. 95.
- ¹⁰¹ История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 1. С. 130–131.
- ¹⁰² РГАДА, ф. Калмыцкие дела, 1679 г., д. 1, л. 11–12, 40–41, 99–102, 301–305; ф. Разрядного приказа Белгородский стол, ст. 1157, л. 75–77; История Кабардино-Балкарской АССР... С. 130–131.
- ¹⁰³ Сокуров В. Н. Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в

конце XVII – начале XVIII века // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1976. Вып. 10. С. 32.

¹⁰⁴ РГАДА, ф. Сношения России с Крымом. 1679–1680 гг., д. 61. л. 58–58 об., 63–65.

¹⁰⁵ Сокуров В. Н. Указ. соч. С. 33.

¹⁰⁶ РГАДА, ф. Разрядного приказа Белгородский стол, ст. 1205, л. 315–316; История Кабардино-Балкарской АССР... С. 131; История народов Северного Кавказа... С. 354–355.

¹⁰⁷ Вельяминов-Зернов В. В. Материалы для истории Крымского ханства. СПб., 1864. С. 632, 634; РГАДА, ф. Сношения России с Крымом, 1879 г., д. 7, л. 6–10.

¹⁰⁸ Сокуров В. Н. Указ. соч. С. 33; РГАДА, ф. Калмыцкие дела, 1679 г., д. 1, л. 431.

¹⁰⁹ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 3. С. 144.; История народов Северного Кавказа... С. 355; Сокуров В. Н. Указ. соч. С. 33.

¹¹⁰ Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 162.

¹¹¹ Лашков Е. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Симферополь, 1891. С. 198.

¹¹² Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 163.

¹¹³ Юдин П. Калмыки в борьбе с Турцией // Русский архив. М., 1915. С. 166; Умаханов М.-С. К. Взаимоотношение феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVIII в. Махачкала, 1973. С. 200.

¹¹⁴ Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 623.

¹¹⁵ Архив ЛОИИ, ф. 178, оп. 1, д. 11058, л. 1–2; Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 164.

¹¹⁶ Сокуров В. Н. Указ. соч. С. 34.

¹¹⁷ Записки Одесского общества истории и древностей. 1850. Т. 2. Отд. 2. С. 569.

¹¹⁸ Гарданов В. К. К вопросу об экономическом развитии Кабарды в XVIII веке // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. 1965. Т. 23. С. 100.

¹¹⁹ Смирнов В. Д. Указ. соч. С. 633.

¹²⁰ Там же. С. 668–669.

¹²¹ История Кабардино-Балкарской АССР... С. 130–131.

¹²² Хатко С. Х. Указ. соч. С. 145.

¹²³ Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. С. 58.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Смирнов В. Д. Указ. соч. С. 669–670; Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. С. 144.

¹²⁶ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 161; Сокуров В. Н. Указ. соч. С. 34.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Крылова Т. К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. М. 1941. Т. 10. С. 257–258.

¹²⁹ Смирнов В. Д. Указ. соч. С. 704.

¹³⁰ Ногмов Ш. Б. Указ. соч. С. 143.

¹³¹ Смирнов В. Д. Указ. соч. С. 9.

- ¹³² Ногмов Ш. Б. Указ. соч. С. 145.
- ¹³³ Сокуров В. Н. Канжальская битва и ее отражение в кабардинском фольклоре // Актуальные вопросы Кабардино-Балкарской фольклористики и литературоведения. Нальчик, 1986. С. 48.
- ¹³⁴ Сокуров В. Н. Указ. соч. С. 55.
- ¹³⁵ Архив ЛОИИ, ф. 83, карт. 247, л. 1–1об.
- ¹³⁶ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1731–1732 гг., д. 2, л. 132.
- ¹³⁷ Там же, ф. Кабардинские дела, 1731–1732 гг., д. 2, л. 166.
- ¹³⁸ Мотрэ де ла А. Путешествие господина А. де ла Мотре в Европу, Азию и Африку // АБКИЕА. С. 124; Кантемир Д. К. Указ. соч. // В. М. Аталиков. Страницы истории. Нальчик, 1987. С. 140; История народов Северного Кавказа... С. 407; История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 161; Архив ИГИ КБНЦ, ф. 1, оп. 1, д. 7, л. 64–68; Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII вв. М., 1970. Т. 3. С. 298–299; КРО Т. 2. С. 153; Ферран. Путешествие из Крыма в Черкессию, через земли ногайских татар в 1709 г. // АБКИЕА. С. 110.
- ¹³⁹ Ногмов Ш. Б. Указ. соч. С. 146; Мотрэ де ла А. Указ. соч. С. 124.
- ¹⁴⁰ Мотрэ де ла А. Указ. соч. // АБКИЕА. С. 124.
- ¹⁴¹ Смирнов В. Д. Указ. соч. С. 10–11.
- ¹⁴² Ногмов Ш. Б. Указ. соч. С. 147.
- ¹⁴³ Там же.
- ¹⁴⁴ РГАДА, ф. Сношения России с Турцией, 1708 г., д. 2, л. 437.
- ¹⁴⁵ Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. М., 1970. Т. 3. С. 298–299.
- ¹⁴⁶ РГАДА, ф. Сношения России с Турцией, 1708 г., д. 2, л. 434, 356, 437.
- ¹⁴⁷ История народов Северного Кавказа... С. 408.
- ¹⁴⁸ РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1711 г., д. 1, л. 2.
- ¹⁴⁹ Там же, д. 1, л. 1об.
- ¹⁵⁰ История Кабардино-Балкарской АССР... С. 162.
- ¹⁵¹ РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1711 г., д. 3, л. 20об.
- ¹⁵² Там же, 1712, д. 1, л. 32–34.
- ¹⁵³ КРО. Т. 2. С. 11–13.
- ¹⁵⁴ Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 42.
- ¹⁵⁵ РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1717 г., д. 6/№, л. 1–4.
- ¹⁵⁶ Там же, ф. Кабардинские дела, 1718 г., д. 1, л. 32–33.
- ¹⁵⁷ Там же, ф. Кабардинские дела, 1719 г., д. 1, л. 29; КРО. Т. 2. С. 22.
- ¹⁵⁸ История Кабарды. М., 1957. С. 58.
- ¹⁵⁹ История Кабарды. С. 58; История Кабардино-Балкарской АССР... С. 164; История народов Северного Кавказа... С. 410.
- ¹⁶⁰ Там же; АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1720–1721 гг., д. 5, л. 112 об.
- ¹⁶¹ Там же, д. 5, л. 112–115; История Кабарды. С. 58–59.
- ¹⁶² АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1721 г., д. 1, л. 4.
- ¹⁶³ История Кабардино-Балкарской АССР... С. 165.
- ¹⁶⁴ Главани К. Описание Черкессии // АБКИЕА. С. 158.
- ¹⁶⁵ Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. С. 69.
- ¹⁶⁶ Там же.
- ¹⁶⁷ Броневский С. Указ. соч. С. 83.
- ¹⁶⁸ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1730–1733 гг., оп. 1, д. 1, л. 65.

- ¹⁶⁹ Там же, оп. 1, д. 1, л. 7–8, 13, 14.
- ¹⁷⁰ История народов Северного Кавказа... С. 427.
- ¹⁷¹ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1731–1732 гг., д. 2, л. 215.
- ¹⁷² Грабовский Н. Присоединение к России Кабарды и борьба за ее независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 118.
- ¹⁷³ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 1. С. 374.
- ¹⁷⁴ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1748 г., д. 6, л. 19.
- ¹⁷⁵ Потто В. А. Исторический очерк кавказских войн. Тифлис, 1899. Т. 1. С. 41; Бутков П. Г. Указ. соч. С. 363 – 364.
- ¹⁷⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 45, л. 47.
- ¹⁷⁷ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1734 г., д. 2, л. 4–5; д. 3, л. 1, 2, 20–21; Бутков П. Г. Указ. соч. С. 184–185; Байов А. К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны, война с Турцией в 1736–1739 гг. СПб., 1906. С. 209.
- ¹⁷⁸ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1736 г., д. 1, л. 9 об.; КРО. Т. 2. С. 82.
- ¹⁷⁹ История народов Северного Кавказа... С. 431.
- ¹⁸⁰ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1739 г., д. 1, л. 15.
- ¹⁸¹ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 47, л. 90.
- ¹⁸² ПСЗРИ. Т. 10. № 7900. С. 899–904.
- ¹⁸³ Юзефович Т. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869. С. 19.
- ¹⁸⁴ Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. С. 77.
- ¹⁸⁵ Грабовский Н. Указ. соч. С. 121.
- ¹⁸⁶ Там же. С. 120.
- ¹⁸⁷ Вилинбахов В. Б. Указ. соч. С. 169.
- ¹⁸⁸ Грабовский Н. Указ. соч. С. 120; АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1742 г., д. 7, л. 110–111, 215–220, 224.
- ¹⁸⁹ История Кабардино-Балкарской АССР... С. 168.
- ¹⁹⁰ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1745 г., д. 3, л. 15об.; КРО. Т. 2. С. 129.
- ¹⁹¹ Там же, ф. Кабардинские дела, 1742 г., д. 7, л. 210–211, 236; Там же, 1744 г., д. 4, л. 1–8; Там же, 1745 г., д. 5, л. 94–95, 103–104. 1747, д. 2, л. 5–7, 1749 г., д. 1, л. 2–3.
- ¹⁹² Там же, ф. Кабардинские дела, 1747 г., д. 8, л. 41об – 43.
- ¹⁹³ Там же, ф. Кабардинские дела, 1749 г., д. 4, л. 118–119.
- ¹⁹⁴ Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. С. 81.
- ¹⁹⁵ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1750 г., д. 3, л. 21об.
- ¹⁹⁶ Там же, ф. Кабардинские дела, 1750 г., д. 3, л. 30–30об.
- ¹⁹⁷ Грабовский Н. Указ. соч. С. 122–123; Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 81; История Кабардино-Балкарской АССР... С. 168.
- ¹⁹⁸ Вилинбахов В. Б. Указ. соч. С. 170; Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 85.
- ¹⁹⁹ Там же. С. 84–85; Вилинбахов В. Б. Указ. соч. С. 170–171; История Кабардино-Балкарской АССР... С. 168–169; РГАДА, ф. Госархив. разряд XXIII, д. 7, л. 1–5; АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1759–1765 гг., д. 5, л. 91–96.
- ²⁰⁰ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1759–1765 гг., д. 5, л. 91–96; История Кабардино-Балкарской АССР... С. 169.

- ²⁰¹ Вилинбахов В. Б. Указ. соч. С. 171.
- ²⁰² Скитский Б. В. «Холопий вопрос» и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды (1739–1799 гг.). Владикавказ, 1930. С. 25.
- ²⁰³ АКАК. Т. 1. С. 82.
- ²⁰⁴ Джевдет-паша. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Османской империи с 1192 по 1202 г. хиджри // Русский архив. 1888. Т. 1. С. 572.
- ²⁰⁵ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, оп. 115/2. 1768–1776, л. 400.
- ²⁰⁶ Там же.
- ²⁰⁷ АКАК. Т. 1. С. 83.
- ²⁰⁸ Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. С. 95–96.
- ²⁰⁹ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1770 г., д. 1, л. 6–19.
- ²¹⁰ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 313–322.
- ²¹¹ Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 102.
- ²¹² Там же. С. 103.
- ²¹³ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 170–171; Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 104.
- ²¹⁴ Там же. С. 105; История народов Северного Кавказа... С. 441–442.
- ²¹⁵ АВПРИ, ф. Сношения России с Турцией, оп. 89/9, д. 1723, л. 67–70.
- ²¹⁶ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 44.

*Адыги и упорядочение отношений Российского государства
с кочевыми народами степного Предкавказья*

- ¹ Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках. М., 1877. С. 328.
- ² Продолжение Древней Российской Вифлиофики. СПб., 1801. Т. 9. С. 44.
- ³ Жирмундский В. М. Тюркский героический эпос. Л., 1974. С. 411.
- ⁴ Там же. С. 483.
- ⁵ Там же. С. 484.
- ⁶ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (втор. пол. XVI – 30-е годы XVII в.). М., 1963. С. 236.
- ⁷ Опрышко О. Л. По тропам истории. Нальчик, 1990. С. 70.
- ⁸ ПСРЛ. Т. 8. 2-я половина. СПб., 1906. С. 333.
- ⁹ Тотоев М. С. Взаимоотношения горских народов с первыми русскими поселенцами на Северном Кавказе. Извест. СОНИИ. 1948. Т. 12. С. 143–144.
- ¹⁰ Продолжение Древней Российской Вифлиофики. Т. 10. С. 266–267.
- ¹¹ Там же. С. 118–119.
- ¹² Там же. С. 124–125.
- ¹³ Там же. С. 166.
- ¹⁴ Там же. С. 280.
- ¹⁵ КРО. Т. 1. С. 385.
- ¹⁶ Продолжение Древней Российской Вифлиофики. Т. 11. С. 47.
- ¹⁷ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 15–16.
- ¹⁸ Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. Ногайцы. Черкесск, 1988. Т. 2. С. 27.
- ¹⁹ Перетяткович Г. Указ. соч. С. 298.

- ²⁰ Продолжение Древней Российской Вифлиофики. Т. 10. С. 44–45.
- ²¹ Там же. С. 266–267.
- ²² Там же. С. 104.
- ²³ Там же. СПб., 1793. Т. 11. С. 284.
- ²⁴ *Герасимов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов; Москва, 1923. С. 114.
- ²⁵ *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. СПб., 1824. Т. 11. С. 41.
- ²⁶ *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 84.
- ²⁷ *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 58–59; ПСРЛ. Т. 11. С. 50–51.
- ²⁸ *Герасимов А. А.* Указ. соч. С. 111.
- ²⁹ *Калмыков И. Х.* и др. Ногайцы. С. 27.
- ³⁰ *Иванов П. И.* Очерки истории каракалпаков. Труды Института востоковедения АН СССР. М.; Л., 1935. Т. 7. С. 31.
- ³¹ *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 129–133.
- ³² РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1589, д. 3, л. 3; КРО. Т. 1. С. 59.
- ³³ КРО. Т. 1. С. 79–89.
- ³⁴ *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. С. 350.
- ³⁵ КРО Т. I. С. 30 (лист 12).
- ³⁶ КРО. Т. I. Комментар. № 208. С. 406; РГАДА, ф. Кабардинские дела, д. 6/№, л. 95–96.
- ³⁷ См.: *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (2 половина XVI–30-е годы XVII в.). М., 1963. С. 236–237.
- ³⁸ РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1616, д. 6/№, л. 16; КРО. Т. I. С. 93.
- ³⁹ Там же, л. 17; КРО Т. I. С. 93.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ РГАДА, ф. Сношения России с ногайскими татарами, 1619, д. 6/№, л. 10.
- ⁴² Там же, д. 1, л. 10.
- ⁴³ РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1623, д. 1, л. 9.
- ⁴⁴ КРО Т. I. С. 105.
- ⁴⁵ РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1631, д. 8, л. 59.
- ⁴⁶ Там же, д. 1, л. 237.
- ⁴⁷ Там же, ф. Кабардинские дела, 1542, д. 1, л. 94.
- ⁴⁸ Там же, л. 94.
- ⁴⁹ Там же, ф. Кабардинские дела, 1641, д. 1, л. 82.
- ⁵⁰ Там же, л. 152.
- ⁵¹ Там же, ф. Кабардинские дела, 1642, д. 1, л. 117.
- ⁵² Там же, ф. Кабардинские дела, 1641, д. 2, л. 376.
- ⁵³ Там же, ф. Кабардинские дела, 1643, д. 1, л. 325.
- ⁵⁴ Там же, л. 333.
- ⁵⁵ Там же, л. 334.
- ⁵⁶ Там же, л. 360.
- ⁵⁷ Там же, ф. Кабардинские дела, 1644, д. 1, л. 154.
- ⁵⁸ *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVIII века. М.; Л., 1948. С. 13–17, 27–28, 31–40, 55–65, 76, 88–96, 138–149.

- ⁵⁹ Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 54.
- ⁶⁰ Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969. С. 26.
- ⁶¹ РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1631 г., д. 7, л. 8.
- ⁶² Новосельский А. А. Указ. соч. С. 225–226.
- ⁶³ Очерки истории Калмыцкой АССР. М. 1967. С. 109.
- ⁶⁴ Там же. С. 109–110.
- ⁶⁵ РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1644 г., д. 1, л. 154; КРО. Т. 1. С. 243.
- ⁶⁶ Там же, 1645 г., д. 6/№, л. 147–156; КРО. Т. 1. С. 261.
- ⁶⁷ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая пол. XVI – 30-е годы XVII века). Москва, 1963. С. 93.
- ⁶⁸ РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1648 г., д. 3, л. 488; КРО. Т. 1. С. 286.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же, л. 490–491; КРО. Т. 1. С. 287.
- ⁷¹ РГАДА, ф. Ногайские дела, 1649 г., д. 1, л. 115–117, 140; ф. Калмыцкие дела, 1650 г., д. 1, ч. 1, л. 5, 13, 21–23, 123–128, 149–150, 152–154; 1651 г., д. 4, л. 1–5; 1653 г., д. 1, л. 13–47, 50. Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 111.
- ⁷² РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1648 г., д. 3, л. 500; КРО. Т. 1. С. 295.
- ⁷³ Там же, л. 501.
- ⁷⁴ РГАДА, ф. Ногайские дела, 1649 г., д. 1, л. 113. См. также: ф. Калмыцкие дела, 1650 г., д. 1, ч. 1, л. 7; 1650 г., д. 2, л. 3, 10. Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 111.
- ⁷⁵ Полное собрание законов Российской империи (В дальнейшем: ПСЗРИ). Т. 1. № 145. Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. С. 58.
- ⁷⁶ РГАДА, ф. Калмыцкие дела, 1655 г., д. 1, л. 3. Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 112.
- ⁷⁷ Там же, 1657 г., д. 2, л. 57. Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 112.
- ⁷⁸ ПСЗРИ. Т. 1. № 300.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. С. СХL; Сукунов Х. Х., Сукунова И. Х. Черкешенка. Майкоп, 1992. С. 12; Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 116.
- ⁸¹ Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 116.
- ⁸² КРО. Т. 1. С. 329.
- ⁸³ Мальбахов Б. К., Эльмесов А. М. Средневековая Кабарда. Нальчик. 1994. С. 153.
- ⁸⁴ Калмыцкие историко-литературные памятники... С. 59–60.
- ⁸⁵ ПСЗРИ. Т. 1. № 316. Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. С. 60–61.
- ⁸⁶ РГАДА, ф. Крымские дела, 1663 г., д. 1, л. 132–143, л. 229–232; 1664 г., д. 2, л. 31, 39.
- ⁸⁷ РГАДА, ф. Калмыцкие дела, 1664 г., д. 9, л. 12–13.
- ⁸⁸ Преображенская П. С. Из истории русско-калмыцких взаимоотношений в 50–60х гг. XVII в. // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1960. Вып. 1. С. 49–54.
- ⁸⁹ Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 120; ф. Калмыцкие дела, 1660, д. 4, л. 78–81.

- ⁹⁰ РГАДА, ф. Калмыцкие дела, 1661 г., д. 1, л. 118–200, л. 2–8.
- ⁹¹ Там же, л. 113–117.
- ⁹² Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. М., 1954. Т. 1. № 3. С. 27.
- ⁹³ Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 125.
- ⁹⁴ Там же. С. 132.
- ⁹⁵ История калмыцких ханов (анонимная). Перевод Ю. Лыткина. Астрахань, 1862. С. 10 – 11; Бакунин В. М. Описание истории калмыцкого народа // Красный архив. 1939. № 3. С. 194; РГАДА, ф. Калмыцкие дела, 1663 г., д. 1, л. 235 – 236.
- ⁹⁶ Бакунин В.М. Указ. соч. С. 194.
- ⁹⁷ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 1. № 120, 121.
- ⁹⁸ Потто В. А. Два века Терского казачества. Владикавказ, 1912. Т. 1. С. 87–88.
- ⁹⁹ Мальбахов Б. К., Эльмесов А. М. Средневековая Кабарда. С. 155.
- ¹⁰⁰ Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII в. Т. 1–2 // Ученые записки МГУ. М., 1946. Вып. 94. С. 129.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Опрышко О. Л. По тропам истории. Нальчик, 1990. С. 141.
- ¹⁰³ КРО. Т. 1. С. 337.
- ¹⁰⁴ РГАДА, ф. Калмыцкие дела, кн. 3, л. 184. КРО. Т.1. С. 342.
- ¹⁰⁵ Там же, л. 182.
- ¹⁰⁶ Там же, 1675 г., д. 3, л. 57.
- ¹⁰⁷ Там же, 1675 г., д. 4, л. 194.
- ¹⁰⁸ Вилинбахов В. Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1977. С. 97.
- ¹⁰⁹ ПСЗРИ. Т.1. № 613. Собрание Государственных грамот и договоров. М., 1826. Ч. 5. № 100. С. 326–327.
- ¹¹⁰ ПСЗРИ. Т.1. № 614.
- ¹¹¹ РГАДА, ф. Разрядного приказа, Белгородские столбцы, ст. 1464, л. 457–477, ст. 1157, л. 75–77; Смирнов Н. А. Указ. соч. Т. 2. С. 153–154.
- ¹¹² Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 141; ф. Калмыцкие дела 1681 г., д. 1. л. 1–19.
- ¹¹³ РГАДА, ф. Калмыцкие дела, 1681 г., д. 1, л. 3–5. КРО. Т. 1. С. 367.
- ¹¹⁴ Маслоковец Н. Статистическое описание кочевья донских калмыков. Новочеркасск, 1874. С. 14.
- ¹¹⁵ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т.1. С. 335.
- ¹¹⁶ Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 156–161.
- ¹¹⁷ РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1711 г., д. 1, л. 1–1об. КРО. Т.2. С.3.
- ¹¹⁸ Там же, 1712 г., д. 1, л. 23. КРО. Т. 2. С. 310.
- ¹¹⁹ Там же, 1718 г., д. 1, л. 26 об. КРО. Т. 2. С. 19.
- ¹²⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. 2. Вып. 1. С. 121–123; Комаров В. В. Персидская война 1722–1723 гг. Русские вести. 1867. № 4. С. 557.
- ¹²¹ РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1718 г., д. 1, л. 27–27 об. КРО. Т. 2. С. 19.
- ¹²² Опрышко О. Л. Через века и судьбы. Нальчик, 1982. С. 111.

¹²³ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. I. С. 21.

¹²⁴ Опрышко О. Л. Указ. соч. С. 118; АБКИЕА. С. 217.

¹²⁵ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1722 г., д. 1, л. 8–11; д. 3, л. 14, 19. КРО. Т. 2. С. 33–34.

¹²⁶ Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань, 1929. Ч. 3–4. С. 171–181.

¹²⁷ Бакунин В. М. Описанные истории калмыцкого народа // Красный архив. 1939. № 3. С. 210–211; Пальмов Н. Н. Указ. соч. С. 121–122.

¹²⁸ Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 187.

¹²⁹ Бакунин В. М. Указ. соч. С. 250–253.

¹³⁰ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1731 г., д. 2, л. 326. КРО. Т. 2. С. 76.

¹³¹ Там же, 1730–1733 гг., д. 1, л. 41. КРО Т. 2. С. 78.

¹³² Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 363–364.

¹³³ Там же. С. 374.

¹³⁴ Вилинбахов В. Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. С. 165.

¹³⁵ Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 9. С. 119; Попко И. Терские казаки с стародавних времен. СПб., 1880. Вып. 1. С. 108; Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1990. С. 54; Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 184–185, 191.

¹³⁶ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 186.

¹³⁷ Там же. С. 199.

¹³⁸ Там же. С. 201–202.

¹³⁹ Там же. С. 202.

¹⁴⁰ Байов А. К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны, война с Турцией в 1736–1739 гг. СПб., 1906. Т. 1. С. 208–209; Попко И. Указ. соч. С. 104–105.

¹⁴¹ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1736 г., д. 3, л. 6. КРО. Т. 2. С. 85; Опрышко О. Л. Через века и судьбы. С. 151.

¹⁴² Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 191.

¹⁴³ Там же. С. 202.

¹⁴⁴ Там же. С. 203.

¹⁴⁵ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1740 г., д. 1, л. 37, 39.

¹⁴⁶ Там же, 1738 г., д. 2, л. 1. КРО. Т. 2. С. 96–97.

¹⁴⁷ История народов Северного Кавказа с древнейших времени до конца XVIII в. М., 1988. С. 432; АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1739 г., д. 1, л. 15.

¹⁴⁸ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1739 г., д. 1, л. 24–25.

¹⁴⁹ История народов Северного Кавказа... С. 432; ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 47, л. 90.

¹⁵⁰ Пальмов Н. Н. Очерк истории калмыцкого народа за время пребывания в пределах России. Астрахань, 1922. С. 48–49.

¹⁵¹ Бутков П. Г. Указ. соч. С. 29.

¹⁵² АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1742 г., д. 7, л. 56–57.

¹⁵³ Там же, 1742 г., д. 7, л. 110.

¹⁵⁴ Опрышко О. Л. Через века и судьбы. С. 159.

¹⁵⁵ АВПРИ, ф. Кабардинские дела, 1742 г., д. 7, л. 297. КРО. Т. 2. С. 116.

- ¹⁵⁶ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 292.
- ¹⁵⁷ Пальмов Н. Н. Указ. соч. С. 54.
- ¹⁵⁸ Материалы для истории Кавказского края. Указатель статистических, исторических и этнографических материалов в «Ставропольских Губернских Ведомостях». Тифлис, 1879. С. 124.
- ¹⁵⁹ Материалы для истории Кавказского края. Указатель географический. С. 126.
- ¹⁶⁰ Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Новочеркасск, 1894. Т. 1. С. 667; Т. 2. Ч. 2.
- ¹⁶¹ Опрышко О. Л. Указ. соч. С. 159.
- ¹⁶² Мальбахов Б., Эльмесов А. Первая жертва Кавказской войны // Литературная Кабардино-Балкария. 1994. № 3. С. 183.
- ¹⁶³ Бутков П. Г. Указ. соч. С. 516.
- ¹⁶⁴ Потто В. А. Два века Терского казачества. Т. 2. С. 85.
- ¹⁶⁵ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 518.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 519.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 469.
- ¹⁶⁸ АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 83; Беликов Т. И. Калмыки в борьбе за независимость нашей родины в XVII, XVIII и первой четверти XIX в. Элиста, 1965. С. 87–96; Потто В. А. Указ. соч. Т. 2. С. 88–89.
- ¹⁶⁹ Потто В. А. Указ. соч. С. 90.
- ¹⁷⁰ Лавров А. И. Кавказ после Великого Петра // Покоренный Кавказ: «Родина». 1904. С. 181.
- ¹⁷¹ Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 5. С. 5.
- ¹⁷² Попов Н.А. В.Н. Татищев и его время. М., 1861. С. 311–315.
- ¹⁷³ Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 212–218.

Заключение

- ¹ Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1947. С. 174.
- ² Bodin Jean. Les six livres de la Piepublique. 1608; Гроций Гуго. О праве войны и мира. М., 1957. Кн. 1. Гл. 3.
- ³ Ваттель Эмер де. Право народов. М., 1960. Кн. 1. Гл. 1, 12, 16.
- ⁴ Советская историческая энциклопедия (в дальнейшем: СИЭ). Т. 2. С. 1004–1005.
- ⁵ Устюгов В. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. М., 1947. Т. 24. С. 30.
- ⁶ Ногмов Ш. Б. Указ. соч. С.143.
- ⁷ Котошихин Г. О. Россия в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 27, 40.
- ⁸ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 518.
- ⁹ Юзефович Л. А. Как в посольских обычаях ведется. М., 1998. С. 29–31, 97–100, 117–119; Рогожин Н. М. Око всей великой России; Дела посольские // Око всей великой России. Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII вв. М., 1989. С. 28, 47–50.
- ¹⁰ Орешкова С. Ф., Ульченко Н. Ю. Указ. соч. С. 59.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2007 г. исполнилось 450 лет со времени кабардинского посольства 1557 г. в Москву, положившего начало процессу сближения народов современной Кабардино-Балкарии и всего Северного Кавказа с Российским государством. Привлечение к этому событию широкого общественного внимания, утверждение в общественном сознании глубокого понимания его огромного исторического и политического значения было чрезвычайно важно для окончательного преодоления негативных явлений и тенденций в социально-политической ситуации на Северном Кавказе.

Историки давали различные интерпретации содержания и значения акта 1557 г. Возможно, и дальше будут продолжаться научные дискуссии о его конкретном политическом смысле в терминах феодального «договорного права», о наличии или отсутствии изначально одинакового и однозначного толкования этого акта обеими сторонами и т.п. Но если оценивать это историческое событие с позиции не только XVI века, но и наших дней, то главные его аспекты представляются бесспорными.

Прежде всего, это была собственная политическая инициатива Кабарды в лице наиболее влиятельной группировки господствующей феодальной элиты. Иными словами, сближение с Русским государством было актом сознательного и самостоятельного выбора наших предков, основанным на понимании своих жизненных интересов и на трезвой оценке реальной обстановки, складывающейся вокруг Кабарды.

Оформившийся в 1557 г. союз с Русским государством не прервал линию независимого политического развития Кабарды, не ограничил ее самостоятельности в решении внутренних и внешнеполитических вопросов. Напротив, он укрепил ее позиции и способствовал повышению ее политического веса в регионе.

В свете последующего политического развития те взаимные обязательства, которые были приняты на себя политическими верхами России и Кабарды в 1557 г., рассматриваются иногда как недостаточное правовое основание вхождения Кабарды в состав Российского государства. Но они открыли собой эпоху прочного, хотя порой и трагически неоднозначного соединения исторических судеб России и Кабарды, России и всех адыгов, России и народов Северного Кавказа. Сегодня Северный Кавказ представляет собой часть общероссийского социально-политического пространства. Одновременно он является областью устойчивого взаимодействия разных этносов, культур и цивилизаций. С одной стороны, эти особенности объективно сформированы всем ходом предшествующей истории, с другой – они принципиально неустранимы и в дальнейшем будут сохранять свое доминирующее значение для народов региона и для России в целом.

Исследование истоков союза и единения, опыта совместного развития многочисленных народов в составе Российского государства имеет важнейшее значение в научном и общественно-политическом плане. Этим вопросам посвящена данная работа.

КАБАРДА И РОССИЯ: ИСТОКИ СОЮЗА И ЕДИНЕНИЯ

ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО КАБАРДЫ В ЭТНОСОЦИАЛЬНОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА XVI–XVII ВВ.

Территория и население

К XV–XVI вв. в основных чертах складывается современная этническая карта Северного Кавказа. На северо-западе весь район Прикубанья и Причерноморья до Сочи занимают адыги, которых многие народы называют «черкесами». На Центральном Кавказе на значительной части плоскости и в предгорьях размещаются восточные адыги – кабардинцы. Их соседями стали близкородственные абазины. В высокогорной зоне жили карачаевцы, балкарцы и осетины. На Северо-восточном Кавказе были расселены вайнахи (чеченцы и ингуши) и многочисленные народы Дагестана. Здесь же, на Тереке, с XVI в. начало формироваться гребенское казачество¹.

Адыгская этнополитическая общность четко делилась на две группы: Западную и Восточную. Граница между Западной (Закубанской) и Восточной Черкесией (Кабардой) проходила от Эльбруса на север по Пятигорью до верховьев Кумы. Источники XVI–XVIII вв. позволяют выделить в различные периоды до 18 этнотерриториальных подразделений адыгов, среди которых наиболее значительными были: «вольные», или «демократические» черкесы – шапсуги, натухайцы и абадзехи; «аристократические» – убыхи, жанеевцы, бжедуги, кемиргоевцы, хатукаевцы, махашевцы, егерухаевцы, бесленеевцы, кабардинцы².

Территория феодальной Кабарды являлась восточной частью Черкесии и включала предгорье и равнину от Кумы до ее впадения в Соляные озера, простиравшуюся до устья Терека на востоке. На юге кабардинские земли вплотную примыкали к Большому Кавказскому хребту и включали районы проживания горских народов³.

Как специфическую особенность территориальной и политической организации исторической феодальной Кабарды XV–XVII вв. необходимо отметить ее полиэтнический характер: сюда входила

как этническая территория кабардинцев, так и территория соседних горских народов (балкарцев, карачаевцев и абазин, части осетин, чеченцев и ингушей), находившихся в вассальной зависимости (по терминологии той эпохи, «в подданстве») от кабардинских князей. В различные времена под влиянием внешних факторов (чаще крымских, ногайских и калмыцких нападений) и феодальных междоусобиц исторические документы фиксируют подвижность кабардинских населенных пунктов. Например, временные уходы с Кумы и Пятигорья или перемещения между Тереком и Сунжей не означали, что эти районы переставали быть кабардинскими. Надо отметить, что на протяжении XVI – 70-х гг. XVIII в. в ходе распространения русского влияния в бассейне р. Терек восточная граница Кабарды сместилась с устья р. Сунжи до впадения последней в р. Терек⁴.

Динамика естественного движения и общая численность адыгского населения для XVI–XVIII вв. устанавливается по косвенным и фрагментарным данным, содержащимся в исторических материалах. В них отсутствуют прямые сведения о таких важных демографических параметрах, как рождаемость, смертность, брачность, соотношение полов и т.д., характерных для западнохристианских обществ этого же периода. Анализ письменных источников позволяет выделить и учитывать такие критерии, как тип и состав адыгской нуклеарной семьи; количество выставляемого адыгами конного дворянского войска; численность крымских войск, участвовавших в походах на адыгские земли. Все это дает возможность выстроить картину функциональной связи народонаселения с численностью войска, вывести коэффициент их пропорционального соотношения. При оценке общей численности адыгов берется за основу объем и особенности базово-креационного или жилищно-поселенческого пространства, где адыги проживали постоянно, сохраняя этническую общность. Материально-ресурсное пространство Черкесии на протяжении XVI–XVIII вв. оставалось относительно постоянным и достигало 180 тыс. кв. км. Население Западной Черкесии к середине XVIII в. оценивается специалистами не менее чем в один млн человек, Кабарды – свыше 350 тыс. Отмечается устойчивость демографического состояния адыгской общности в рассматриваемый период⁵. Она обеспечивалась следующими факторами:

а) постоянным сокращением численности населения от набегов крымских татар; феодальными междоусобицами; имевшими место крупными эпидемиями и неурожайными годами;

б) достаточно высокой плотностью населения, сравнительно благоприятной средой обитания и здоровым образом жизни, которые способствовали стабильному воспроизводству населения.

Результатом сосуществования перечисленных факторов стал, на первый взгляд, парадоксальный демографический процесс: компенсация неестественной убыли населения воссозданием его прежнего количества. Для большинства традиционных средневековых феодальных обществ был характерен едва заметный рост числен-

ности населения. Поэтому неизменность количества жителей Черкесии на протяжении нескольких столетий является вполне закономерной. Изменение этой тенденции в сторону невосполнения населения произошло с конца XVIII в., когда адыгская общность подверглась колониальной экспансии самодержавия и пережила в Кабарде небывалую по своим масштабам эпидемию чумы.

Социально-политический строй

Первое упоминание термина «Кабарда» встречается в источнике середины XV в. Он приводится у венецианца Иосафато Барбаро в форме «Кевертей» уже как устоявшееся название восточных адыгов. Имеются основания считать, что первоначально название «Къэбэрдей» (Кабарда) относилось к одному из феодальных уделов восточной части адыгов и служило только в качестве его географического обозначения. Этот удел или историческая Кабарда, по представлению самих кабардинцев, соответствует той территории, которая значительно позднее стала обозначаться в русских источниках как Большая Кабарда. Таким образом, с самого начала этот термин обозначал территорию, а не жителей, ее населяющих, которые продолжали называть себя по-прежнему – адыгэ. На протяжении XVI–XVII вв. русские и зарубежные источники используют понятия, рисующие для окружающего мира образ особого социально-политического образования, распространившего свое влияние во всем регионе: «Кабардинская земля», «Кабардинская Черкесская земля», «Кабардинское княжество», «Пятигорское государство», «Пятигорские черкесы» и т.д.⁶

На протяжении XV–XVII вв. общественная эволюция не внесла существенных изменений в общественный строй адыгов.

Население Кабарды, как и других адыгских княжений, делилось на сословия, связанные жесткими иерархическими отношениями. На вершине феодальной лестницы стояли князья (пши), которые считались «естественными и прямыми покровителями народа». Многочисленные княжеские династии вели свое происхождение от единого родоначальника – легендарного Инала, объединившего всю Черкессию⁷.

Адыгская историография, предания арабо-турецкой письменной традиции и русские письменные источники позволяют говорить о двух точках зрения на время правления князя Инала. Согласно одной, он правил в VIII веке, согласно другой – на рубеже XIV–XV вв.⁸

Во всех памятниках устной и письменной традиции князь Инал изображается идеальным правителем, долго и мудро управлявшим адыгами. Он был удачлив в войнах, проводил активную внутреннюю и внешнюю политику. Его реформы по внутреннему управлению адыгской конфедерацией, введение института 40 судей и др. способствовали дальнейшей консолидации адыгской общности. Князь Инал присоединил к адыгам родственных им абхазов и

абазин. Предания говорят о «раздорах» и «смутах» в адыгском обществе, которые в конечном итоге привели к переселению потомков князя Инала на Северный Кавказ.

Князь Инал, вероятно, личность историческая, происходившая от легендарного Кеса. Отцом его предания называют Хурофат-лая. В пользу этого определенным аргументом служат родословные князей Черкасских (потомков князя Идара), составленные в Москве на рубеже XVI–XVII вв. Например, князь Темрюк Идаров – верховный князь Кабарды середины XVI в. и будущий тесть царя Ивана IV (Грозного) – обозначается в них как правнук князя Инала.

После смерти Инала его сыновья Жанхот, Минболат, Беслан, Унармес и Кирмиш разделили Черкесию на уделы: один из них остался в Хегаке, другие поселились в Кемиргое, а остальные ушли в Кабарду. Потомки Инала правили жанеевцами и хегаками (Зановы), кемиргоевцами (Болотоковы), кабардинцами (Казыевы, Идаровы, Шогенуковы, Мисостовы, Жамболатовы, Бекмурзины, Атажуковы, Гилястановы, Таусултановы и др.). Бжедугами и махосевцами правили представители самостоятельных княжеских династий, происходивших, по преданию, от четырех братьев – Черчана (бжедугами-черченеевцами), Химиша (бжедугами-хамышеевцами), Богорсоко (махосевцами) и Бастеко (частью бжедугов, осевшей у Черного моря на реке Вепсне)⁹.

Многочисленное адыгское дворянство (уорк) делилось на потомственное (*тлектлеши* и *диджинуго*) – «великих» княжеских вассалов – и служилое (*беслан-уорки*, *уорк-шаотлугусы* и *пшикеу*). Первая группа дворян в европейских документах часто обозначается как «благородные», в русских – как «именитые». Они, как и князья, могли поступать на службу к «оттоманскому падишаху, крымскому хану или московскому царю». Беслан-уорки и пшикеу были обязаны непосредственной вассальной службой своим князьям, за что получали «дворянский подарок» (уорктын), состоявший из крепостных крестьян, скота, ценного оружия и пр. На таких же основах строились отношения между уорк-шаотлугусами и их сеньорами – тлектлешами и диджинуго. Традиционное обычное право адыгов гарантировало любому уорку возможность разрыва вассальных отношений со своим сюзереном, что, однако, редко случалось. Выработанный веками рыцарский моральный кодекс «уэркъ хабзэ» осуждал такой разрыв. Адыгское дворянство являлось той силой и опорой, на которой держалась политическая власть и авторитет князей.

Дж. Интериано, автор конца XV – начала XVI века, писал: «Благородному подобает лишь править своим народом и защищать его, да заниматься охотой и военным делом»¹⁰. В этом плане Черкесия не претерпела каких-либо кардинальных изменений в течение трех последующих столетий. Военно-политическая деятельность по-прежнему составляла все содержание жизни князей и дворян¹¹.

Социально-политический строй адыгских княжений характеризуется вполне сложившимися структурами феодального типа. Здесь

существовала развитая социальная иерархия, но отсутствовала политическая централизация. Вместе с тем феодальная раздробленность сочеталась с наличием институтов, осуществлявших функции политического регулирования общественных дел: верховный князь («пщышхуэ», «пщыуалий»), сословно-представительное собрание («хасэ») и высшая судебная инстанция («хей»).

Историческая традиция неизменно говорит о том, что Кабарда первоначально находилась под властью одного князя. Единочалье сохранялось приблизительно до начала XVI в., когда произошло разделение страны между потомками князя Инала. Под номинальной властью «пщышхуэ» – «верховного князя» к XVI в. оформились четыре княжеских удела: собственно «Къэбэрдей» во главе с князем Бесланом Джанхотовым, «Идарей», «Талъостаней» и «Джылахъстаней», возглавляемые соответственно князьями Идаром, Талъостаном и Джылахъстаном. На рубеже XVII в. произошло размежевание Большой и Малой Кабарды. В дальнейшем Малая Кабарда функционировала как самостоятельное политическое образование, состоявшее из княжеских уделов двух ветвей рода Клехстана – Мударовых и Ахловых – и удела рода Талостана¹².

Русские источники конца XVI–XVII вв., опубликованные в сборнике «Кабардино-русские отношения», четко показывают, что верховного кабардинского князя избирали на «сове́те» всей кабардинской земли с соблюдением «ряда», т.е. очередности между отдельными княжескими линиями, возводившими свой род к легендарному Иналу. В. Х. Кажаров специально рассмотрел в динамике полномочия и функции хасы во взаимосвязи с властью верховного князя – «пщышхуэ». Пщышхуэ возглавлял исполнительную власть, председательствовал на хасе и в верховном суде, осуществлял надзор за выполнением их решений, пресекал нарушения, организовывал взимание пошлыны и налогов. Одновременно верховный князь выступал в роли главнокомандующего объединенными вооруженными силами. Верховный князь избирался пожизненно. После его смерти политическая власть наследовалась по боковой линии – братьями. Если в рамках данного княжеского рода не оказывалось претендентов на великокняжескую власть, то Большая хасэ проводила выборы «пщышхуэ», избирая кандидата из другого княжеского дома Иналовичей¹³.

Документы рисуют картину ожесточенной и кровопролитной борьбы между претендентами на великое княжение, которые часто обращались за поддержкой к другим государствам. В XVI – первой половине XVII в. особую роль в этих процессах играли Русское государство и Крымское ханство. Политическая раздробленность, сопровождавшаяся постоянными княжескими междоусобицами, вела к перманентной дезинтеграции политической системы и оставалась сущностным признаком адыгского феодализма, начиная с XV в.¹⁴

Особенностью государственно-политического устройства этого периода являлась также совмещенность военной организации и социальной структуры традиционного адыгского общества. Эта

особенность обуславливалась активной геополитической зоной, в которой проживали адыги. Нестабильность региона, постоянные «внешние» вызовы привели к высокой степени развития военной организации с чрезвычайно развитыми формами тактических способов ведения военных действий, когда практически все части совокупной культуры общества военизируются. Такая высокая степень развития военной организации определяла в данных условиях способность этноса к биоэтническому выживанию. В этом процессе участвовала вся система общественных связей, и все социальные ниши в той или иной степени были заполнены элементами военной организации. Но, в конечном итоге, адыги не создали централизованной системы государственно-политического устройства. Наиболее развитые феодальные структуры и соответствующая им политическая организация существовали в Кабарде. В адыгских феодальных княжествах господствующий класс организуется политически в основанную на договорно-служебных отношениях феодальную иерархию. Расчлененной форме земельной собственности соответствует раздробленная структура власти. Здесь закрепляется так называемая ацентрическая система, которой присуща «консервативная» и «дезинтегрированная» структура, не имеющая сколько-нибудь развитого центрального комплекса и аппарата государственной регуляции автономных социальных организмов. Тенденции государственной централизации в Кабарде и других адыгских княжествах XV–XVII вв. не просматриваются. Развитие адыгских феодальных обществ сводилось к бесконечному воспроизводству одних и тех же социальных образцов, исключая самообновление и движение к прогрессу.

Этнополитические связи исторической Кабарды

Государственно-политический строй феодальной Кабарды считается наиболее типичным для всей группы адыгских «аристократических» этнополитических образований. Она, в отличие от западноадыгских княжеств, являлась полиэтническим государственным образованием, куда входили собственно кабардинский политический центр и иноязычная периферия (абазины, карачаевцы, балкарцы и определенная часть осетин, ингушей и западных чеченцев). Кабарда в XVI–XVIII вв. имела прочные горизонтальные связи со всеми северокавказскими политическими образованиями, Грузией, кочевыми народами степного Предкавказья. С другой стороны, за исключением феодальных образований Дагестана, Кабарда находилась в сюзеренно-вассальных отношениях вертикальной связи с названными выше соседними горскими феодальными обществами. На них распространялась власть кабардинских князей, которые по отношению не только к собственно кабардинским землям и их населению, но и к соседним феодальным владениям выступали как верховные правители и защитники, за что получали налоги в форме натуральных выплат.

К середине XVI века кабардинская господствующая верхушка контролировала значительные районы Северного Кавказа. Кабардинские населенные пункты располагались на равнине и предгорьях с Большого Зеленчука, Пятигорья до Сунжи по правому берегу Терека. Стремление феодалов Кабарды к дальнейшему распространению своей власти на восток столкнулось в бассейне р. Сунжи и нижнего течения Терека с интересами северодагестанских владетелей – шамхальства, также стремившегося к расширению сферы своего влияния в регионе. Занимая плоскостные и предгорные земли Центрального и Восточного Кавказа, имея более благоприятные условия хозяйствования, кабардинцы, кумыки, лакцы сформировали более сложные и устойчивые социально-политические структуры феодального типа по сравнению с теми народами, которые жили в горах сельскими общинами в Горном Дагестане и Чечне, отдаленных местах Осетии и Ингушетии, Балкарии и Карачая¹⁵.

Самым острым вопросом во взаимоотношениях северокавказских народов во все времена являлся вопрос о земле. И всегда горцы пользовались любым удобным случаем для переселения на равнину или на плоскость. В XVI–XVII вв. ингуши, чеченцы, осетины, балкарцы и карачаевцы еще не вышли из труднодоступных горных мест на равнину, занятую населенными пунктами кабардинцев. Но уже с конца XVI века небольшая часть аккинцев-вайнахов оказалась связанной с русским Терским городом, около которого возникло небольшое поселение «служилых окончан». В XVIII веке чеченские поселения продвигаются по Сунже и ее притокам, приходя в соприкосновение с поселениями терских и гребенских казаков. Поселения малокабардинских феодалов подходили к выходу из Дарьяльского ущелья, сталкиваясь с осетинами-тагаурцами за право контроля над перевальными путями в Грузию. Вплоть до второй половины XVIII века основная масса горских народов оставалась в труднодоступных горных ущельях. Хотя горы были богаты летними пастбищами и удобны для обороны, здесь очень трудно было зимой содержать скот (главное богатство горцев), а малоземелье и бездорожье ограничивали возможности экономического обмена и других связей с соседями. В этом заключалась главная причина экономических трудностей для горских народов, и поэтому они часто попадали в зависимость от тех, кто владел предгорьем и равнинными землями¹⁶.

Еще задолго до Кючук-Кайнарджийского договора 1774 года, т.е. до того, как царизм начал направлять процесс выселения горских народов на плоскость, многие из представителей ингушской, осетинской, балкарской и карачаевской знати, пользуясь личными и аталыческими связями с кабардинскими князьями, начали самостоятельно выселяться с гор.

Таким образом, природно-экологические особенности Северного Кавказа и связанные с ними основы хозяйственно-экономической деятельности плоскостного и горного населения, наряду со спецификой этнодемографической ситуации в регионе, обу-

сложили системный характер этносоциальных отношений, сложившихся задолго до XVIII в. и связывавших кабардинцев со многими народами Северного Кавказа.

Обладание значительным фондом плоскостных земель, необходимых для нормального функционирования земледелия и отгонного скотоводства, основных отраслей экономики народов региона, а также превосходство социальной организации кабардинцев, по мнению З. А. Кожева, ставило горские общества Центрального Кавказа в довольно жесткую экономическую и политическую зависимость от последних¹⁷. Учитывая, что вассалитет был основным структурообразующим институтом кабардинского общества, он становится главным регулятором взаимоотношений между феодальной знатью Кабарды и соседними горскими народами.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО КАБАРДЫ И РОССИИ В XVI—XVII вв.

Исторические предпосылки сближения Русского государства и адыгских княжеств (конец XV—XVI вв.)

Со второй половины XV века вокруг кавказского региона возник своеобразный силовой треугольник в лице Османской Турции и ее вассала – Крымского ханства, Сефевидского Ирана и Русского государства. Результатом складывания устойчивой, но разновекторной структуры международных отношений вокруг региона стало усложнение спектра внешних воздействий на внутренние социально-политические процессы. Интенсивность и плотность воздействия отдельных держав на те или иные части региона была неодинаковой. С определенными оговорками можно утверждать, что Иран имел тесное взаимодействие с южным Дагестаном, Турция и Крым – с Черноморским побережьем Кавказа, а Россия имела постоянные контакты с центральным Кавказом, прежде всего с Кабардой, и отчасти с северным Дагестаном через Терский город. Складывание вокруг региона такой равновесной системы международных отношений означало появление реальных альтернатив политического поведения для северокавказских этнополитических образований той эпохи. Возможность маневрирования, выбора союзников позволяла им во взаимоотношениях с несравненно более могущественными государствами выступать в качестве самостоятельных политических субъектов¹⁸.

Во второй половине XV века международная ситуация в Восточной Европе существенно изменялась. Это было связано с распространением на данный регион захватнических замыслов Османской Турции. Особой внешнеполитической активностью отличалась политика османских султанов по отношению к Северному Причерноморью, где в 1475 году ими были захвачены последние ге-

нуэзские колонии с центром в Кафе¹⁹. В этот период окончательно под властью султанов оказалось и Крымское ханство, которое после распада Золотой Орды являлось самостоятельной политической единицей. Проникновение османского влияния в Северное Причерноморье сразу же сказалось на адыгских народах, первыми попавших в сферу интересов султанов и крымских ханов.

Для крымских ханов набеги на соседние земли – русские, адыгские, украинские, литовские – были важнейшим источником богатств. Во время регулярных походов захватывалось имущество, скот и многочисленные пленные для продажи в рабство. Постоянный приток добычи был одной из основ экономики Крымского ханства и определял могущество его господствующего класса – татарских феодалов²⁰.

С начала XVI века начинается серия османо-иранских войн за господство на Ближнем Востоке. Войны султанов с шахами Сефевидского Ирана длились с перерывами в XVI – XVII веках. Одним из главных театров военных действий было Закавказье, на которое претендовали обе стороны. Исключительно важное значение для султанов имело обладание северокавказским путем, связывавшим османские владения в Причерноморье с Закавказьем. Путь шел через земли адыгов и Дагестан к Дербенту.

Иранские шахи, в свою очередь, стремились укрепить свои позиции в Дагестане. Таким образом, османо-иранская борьба на Северном Кавказе непосредственно влияла на политику обеих государств в этом регионе.

Как показывают специальные исследования²¹, проникновение османов на Северо-западный Кавказ, территорию, населенную адыгами, начинается одновременно с подчинением Крымского ханства. Уже во второй половине 1475 года османы захватили Тану, Матрегу, Копу. А. М. Некрасов на основе скрупулезного анализа сочинений османских историков XV века Мехмеда Нешри («Зеркало мира»), Ибн Кемаля («История дома османов»), Турсун-бека («История Мехмеда-завоевателя») приходит к выводу, что османы в 1475 году ограничивались захватом крепостей и не предпринимали походов вглубь адыгских земель. Центром османских владений на Северо-восточном побережье Черного моря стала Кафа, где с этого времени находился султанский наместник. О характере османских походов на адыгские земли подробное представление дает упоминавшийся труд Ибн Кемаля: «По приказу государя – завоевателя мира люди победоносного войска прошли горы, во множестве пересекли Черное море и достигли страны черкесов. В этой стране каждый день храбрецы своими острыми мечами снимали головы мятежникам, тщетно боровшимся против газиев; изрубив на куски тех нечестивцев, бросали их на съедение воронам; опустошив находящиеся на побережье области, хлынули в тот край, подобно океанской волне. В каждом селении страны черкесов пленили по 50–100 красавиц, обратили в рабство множество пленников. Пришедшие в ту страну храбрецы неожиданно нанесли удар, устроили охоту, собрав добычу. Захватив Кубу,

которая является одной из знаменитых крепостей, со всеми окружающими землями, разгромили владения черкесов, очистили саблём ту страну, уничтожив бунтовщиков. Присоединив к Кубе также и Анабу, уничтожили врагов, испытывавших ненависть к находившимся в тех краях сыновьям ислама и татарам. С покорением указанных краев, вырвав у мира неверных много областей, возвысили в тех краях знамя истиной веры Мухаммеда. Для поднимающихся на газават та земля стала передним краем...»²².

Приведенный материал свидетельствует, что важнейшим средством укрепления крымско-османского влияния среди западных адыгов было насильственное распространение ислама. Адыги в этот период оставались полуязычниками, среди которых были сильные христианские культы греческого толка.

Со второй половины XV века наблюдается активный интерес и представителей рода Сефевидов к проникновению на Северный Кавказ, а именно в бассейны Терека и Кубани. В этот период Сефевиды являлись еще только правителями г. Ардебилля и небольшой прилегающей к нему территории, а не всего иранского государства. Речь идет о четырех походах в промежутке между 1459 и 1488 гг. главы ордена сафавия шейха Джунайды Сефевиды и его сына Хаыдара Сефевиды. Богатый эпиграфический материал, опубликованный Т. М. Айтберовым, позволяет считать главной задачей отмеченных походов «...ведение священной войны с неверными черкесами» и рассматривать их как первоначальное звено в начавшемся османо-иранском противоборстве за сферы влияния на Северном Кавказе²³.

Постоянным объектом ирано-турецкого соперничества был контроль над связывающими Европу с Азией традиционными торговыми путями, по которым шла караванная торговля шелком и пряностями. Войны Османской империи с Ираном одновременно имели и религиозную окраску, так как господствующей религией в Иране был ислам шиитского толка, османские же султаны исповедовали суннизм. На протяжении всего XVI века шиизм представлял для османских властей и значительную внутреннюю опасность, поскольку в Анатолии, особенно восточной, он был весьма распространен и стал лозунгом борьбы с османским владычеством.

События 70-х годов XV века открывают серию завоевательных крымско-османских походов на земли адыгов, участие в которых крымских войск с этого времени становилось регулярным.

В конце XV века главным опорным пунктом Османской Турции на черкесском берегу стала крепость Тамань, для укрепления которой были использованы крепостные сооружения прежней генуэзской колонии Матреги. В 1519 году с крымской стороны Кубанского лимана близ берега Азовского моря турками была построена крепость Темрюк²⁴. Походы крымских и турецких войск на черкесов совершались именно со стороны Таманского полуострова. Войска чаще всего перевозились на кораблях через Керченский пролив. В зимнее время, судя по источникам, переходили они по льду²⁵.

В конце XV века и Русское государство, и адыги активно участвовали в борьбе с Большой Ордой. Они непосредственно не контактировали в этой борьбе и не координировали своих действий, однако их интересы объективно совпадали. Русь в это время заключила антиордынский союз с Крымским ханством. Об адыгском факторе как значительном в борьбе с Ордой говорит донесение русского посла в Крыму Василия Ромодановского в Москву. Посол убеждал крымского хана Менгли-Гирея отправить войско на Литву²⁶.

На рубеже XV–XVI веков возобновляется крымско-османское наступление на адыгов. Осенью 1498 года состоялся крымский поход на западноадыгские земли. Опорным пунктом походов становится вновь отстроенная на месте Матреги крепость Тамань, которая являлась с этого времени «главным местом переправы крымцев в пределы черкесские». В свою очередь, русские посольские книги по взаимоотношениям Руси с Крымом и Ногаями фиксируют разгром османов адыгами в 1501 году дважды²⁷.

Во втором десятилетии XVI века происходит первое открытое османо-иранское столкновение. Одновременно с этим возобновляется крымско-османское наступление на адыгские земли. Несмотря на неоднократные разгромы крымско-османских войск, последние проводили интенсивные мероприятия по усилению своего влияния среди причерноморских адыгов, на землях которых были построены османские крепости. По-видимому, многие адыгские правители сочли в это время более безопасным переход под сюзеренитет Крыма, полагая, что это гарантирует им защиту от грабительских набегов. Теперь они должны были откупаться от ханов богатыми подарками²⁸.

В 20-х годах XVI века определенная часть западных адыгов сохраняет установившуюся номинальную зависимость от Крымского ханства. Однако уже в начале 30-х годов крымские правители возвращаются к политике наступления против адыгов. В указанный период отмечается резкий перелом и в русско-крымских отношениях. Так, в июне-июле 1521 года русские земли подверглись нападению огромного крымского войска. Нашествие было самым большим со времени похода хана Ахмада в 1480 году. Грабежу подвергся самый центр страны, ближайшие к столице села и монастыри. По времени это совпало с переворотом в Казани: московский ставленник, касимовский хан Шах-Али был свергнут, трон занял Сахиб-Гирей, младший брат крымского хана Мухаммед-Гирея.

Как мы видим, и на Руси, и у адыгов была общая проблема, которая вызывалась крымско-османской агрессией.

Новый этап агрессии крымских ханов в союзе с ногаями был вызван активизацией внешнеполитической деятельности адыгов, в частности, вмешательством кабардинцев в астраханские дела в 1530-х годах²⁹.

В 1533–1536 годах османы осуществили широкое наступление на Иран, захватив обширные территории. Сефевидское государ-

ство не могло противостоять натиску османов, но, как только наступала мирная передышка, само вело завоевательные войны в Закавказье. В 1538 году войска шаха, захватив Ширван, оказались в непосредственной близости к Дербенту, который являлся ключевым местом на северокавказском пути от Черного моря до Каспийского.

В этот период на крымский престол османами был поставлен Сахиб-Гирей, бывший казанский хан. Турецкий султан оказал ему крупную военную помощь, предоставив тысячу янычар, а также пушки и пищали. Период правления Сахиб-Гирея характеризуется агрессивной наступательной политикой Крыма против адыгов и Руси. В мае-июне 1539 года крымцы численностью 40 тысяч человек, среди которых были и турецкие янычары, совершали поход от Тамани через Кубань, от горы Тхаб вдоль горы Эльбрус, где воевали против жанеевцев, кемиргоевцев, бесленеевцев. Возможно, они дошли и до Кабарды. С самого начала эта экспедиция была санкционирована султаном Сулейманом I, который, кроме подчинения адыгов, хотел освободить для османо-крымских войск путь на Дагестан и Закавказье. Через несколько месяцев после возвращения из Черкесии, осенью 1539 года, крымский хан организовал нападение на Русь³⁰.

В 1540-х годах предпринимаются новые широкомасштабные наступления на адыгов и Русь. За один только 1545 год крымское войско дважды ходило воевать в Черкесию – весной на западных адыгов, осенью – на кабардинцев. Поводом для похода на жанеевцев послужил отказ жанеевского князя Кансаука прислать султану в подарок невольников.

В походах на Русь и Черкесию крымцы широко применяли артиллерию и пищали, предоставленные османами. Например, именно с помощью артиллерии Сахиб-Гирей рассеял жанеевское войско. Успешность крымских походов объясняется не только отсутствием аналогичного огнестрельного оружия у адыгов. Главной причиной, на наш взгляд, является несогласованность действий различных адыгских народностей (в 1545 году жанеевцы выставили 10 тысяч войска, а крымцев было в несколько раз больше). Уже с этого периода в различных письменных источниках находит отражение междоусобная борьба в адыгских княжествах, когда представители враждующих сторон просили помощи в Крыму. В 1551 году, по данным Реммал-хаджи, состоялся поход Сахиб-Гирея на хатукаевцев и бжедугов, по возвращении из которого он был убит. Престол занял присланный из Стамбула Давлет-Гирей.

Таким образом, можно сказать, что на протяжении всего рассмотренного периода давление на адыгские народы со стороны крымского хана и османских султанов неуклонно усиливалось. Оно брало начало с 70-х годов XV века и к середине XVI века выросло в крупномасштабное наступление. Исследование этого периода исключительно важно для понимания исторических предпосылок складывания прорусской ориентации адыгов. Можно сделать чрезвычайно важный для адыгской историографии вывод: с конца XV века

основные цели внешней политики Руси и адыгов объективно сближались в борьбе с Большой Ордой и Крымским ханством. Это сближение в конечном счете и подготовило почву для состоявшихся в 50-х годах XVI века русско-адыгских переговоров. Дошедшие до нас материалы показывают, что в Москве достаточно отчетливо представляли картину противостояния адыгов крымско-османской агрессии, примерный объем военно-человеческих ресурсов Черкесии и, конечно, военно-стратегическое положение адыгских земель на Северном Кавказе. Адыги, в свою очередь, осознавали значительное укрепление Русского государства, представлявшего силу, способную противостоять наступлению крымских ханов и османских султанов.

Западные адыги: от попыток сближения с Русским государством к установлению крымского доминирования

С XVI до конца XVII в. доминирующим процессом в рамках противостояния держав в регионе было ирано-турецкое соперничество, сопровождавшееся войнами и периодическими переделами сфер влияния. Русское государство поначалу не включалось напрямую в военно-политическое противоборство с другими державами, но реализовало политику, позволившую ему постепенно наращивать влияние и укреплять свое присутствие на Северном Кавказе. Успехи Русского государства с середины XVI в., связанные с переходом под его контроль Нижнего Поволжья, установлением союзных отношений Москвы с частью правящей элиты ногаев и адыгов, вызывали озабоченность Османской Турции и ее вассала – Крымского ханства. На протяжении длительного времени (с середины 70-х гг. XV в.) в адыгской и русской истории взаимоотношения с Крымом приобретают характер перманентной военно-политической конфронтации и становятся ведущим фактором их внешней политики. В этих условиях происходит объективное сближение сил, враждебных Крыму.

С момента первых политических контактов (1552 г.) начался длительный исторический процесс, закончившийся окончательным включением Северного Кавказа в состав Российской империи. В рамки этого периода уместились противоречивые события: политическое и военное сотрудничество в борьбе с общими врагами, покровительство, с одной стороны, и служба – с другой; внутренние кризисы и временные отступления в развитии отношений, а в последующем – военно-колониционный натиск и вооруженное сопротивление.

Вместе с тем на этом длительном историческом отрезке прослеживается определенная направленность эволюции русско-кавказских отношений и выделяются несколько крупных этапов, которые различаются объемом, характером и интенсивностью установившихся связей.

В 1552, 1555 гг. господствующая феодальная верхушка отдельных адыгских княжений (Жанетия, Беспаней) через официальные посольства обратилась за помощью и покровительством к Московскому государю, что положило начало официальному сближению с Россией. Оно явилось актом сознательного и самостоятельного выбора наших предков. Показательно, что настойчивые обращения адыгов к Москве следовали за покорением Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханств. После этих побед Русское государство уже могло рассматриваться как союзник и покровитель, способный оказать вооруженную помощь в борьбе с общим врагом. Этот выбор был в определенной степени обусловлен и исторической традицией: северо-западный Кавказ имел давние связи со славянским миром. Академик Б. А. Рыбаков на основе изучения адыгского эпоса, славянских сказаний и византийских источников полагает, что в северо-западной части Кавказа в середине I тыс. н. э. находились значительные массы славян, которые сохраняли эпические сказания о событиях в Причерноморье и на Дунае, а впоследствии они растворились среди протоадыгских племен и привнесли в эту среду русский эпос. А тесные контакты предков современных адыгов с Тмутараканской Русью в XI в. являются общеизвестными.

Первое известие об обращении адыгских (черкесских) правителей в Москву дошло до нас в Никоновской летописи, в которой говорится, что в ноябре 1552 г. «приехали к государю царю и великому князю черкасские князи Маашук-князь да князь Иван Езбозлуков до Танашук-князь бити челом, чтобы их государь пожаловал, вступился в них, а их з землями взял к себе в холопи, а от крымского царя оборонил»³¹. Возглавлявший посольство князь Маашук Кануков был беспланеевским владельцем, а Иван Езбозлуков – абазинским. Они просили принять адыгов и абазин в русское подданство и оказать помощь в борьбе с Крымским ханством.

Известия о начале русско-адыгских переговоров вызвали гнев крымского хана Давлет-Гирея, считавшего Черкесию своей вотчиной. Планируемый на лето 1553 г. крымский поход на Русское государство не состоялся. Вместо этого крымское войско двинулось на Черкесию, разгромило владения отца Ивана Езбозлукова князя Албоздуга, захватив его самого в плен.

В Москве в ожидании крымского похода Иван IV, собрав значительные силы, куда вошли и представители черкесского посольства, ожидал врага у Коломны. После известий о крымском набеge на Черкесию посольство было отпущено на родину. С адыгскими князьями был послан боярский сын Андрей Щепотьев для выяснения на месте подлинных намерений адыгов.

1554 год прошел под знаком ожидания крупного похода Давлет-Гирея на Русское государство. Однако хан и на этот раз был вынужден идти на черкесов.

В августе 1555 года в Москву прибыло адыгское посольство. Оно возглавлялось жанеевскими князьями – Сибоком, его сыном

Кудадеком и братом Ацымгуком, а также абазинским князем Тутарыком Езбозлуковым. Андрей Щепотьев свидетельствовал царю, что черкесы «дали правду всюю землею»³².

Посольству было оказано большое внимание. Предложения о союзнических отношениях в борьбе с Крымом, поставленные адыгскими дипломатическими посольствами, встретили в Москве с большим интересом. Здесь уже имели реальное представление о том, какие крымские силы на себя регулярно оттягивали адыги. Царь пожаловал его «великим своим жалованием» и черкасским князьям «во свои им земли учинил отъезд и приезд добровольный»³³. Тутарык и Кудадек по их челобитию были крещены, получив соответственно имена Ивана и Александра. Западным адыгам, которые обязались служить Русскому государству, была обещана помощь против крымского хана, но в отношении Турции Иван IV не дал каких-либо гарантий. По итогам переговоров были оформлены союзнические отношения ряда западноадыгских княжеств (жанеевцев, бесленеевцев, возможно, и кемиргоевцев) с Москвой. Адыгские князья могли свободно «отъезжать», т.е. служить и другим государям. Союзнические отношения не предусматривали включения Черкесии в государственные границы Русского государства. Понятие «холопство» не означало вхождения черкесов в число российских подданных.

Установление тесных политических связей Российского государства с адыгами было использовано Москвой в дипломатических целях. В 1555 г. в наказе русскому гонцу к польскому королю предписывалось сообщить о приезде черкесских князей в Москву, вступлении их в российское подданство и данных ими обязательствах ежегодно платить дань в 1 тыс. аргамаков, а в случае войны выставлять 20-тысячную конницу.

Установление дружеских отношений Москвы с западными адыгами, страдавшими в первую очередь от крымцев, создавало для Русского государства выгодную позицию в будущих отношениях с Крымом. Поэтому сразу при получении известий о крымском походе на Северный Кавказ в 1555 г. было принято решение о посылке на «крымские улусы» 13-тысячного войска во главе с И. В. Шереметьевым, чтобы отвлечь татар от своих новых союзников и от Астрахани. Это событие стало первым зафиксированным фактом осуществления на практике соглашения адыгов и Русского государства о взаимной помощи в борьбе с Крымом.

В 1556 г. крымский хан «пошел был на Черкасы на пятигорские», но получил известие о появлении на Днепре под Ислам-Керменом русского отряда воеводы Ржевского и вернулся в Крым. Осенью этого года черкесские князья Сибок Кансауков и Таздруй захватили Темрюк и Тамань³⁴.

Действия русских войск со стороны Днепра и адыгов – с Таманского полуострова принесли конкретные результаты в военных действиях против Крыма. Установившиеся дружеские взаимоотношения ряда адыгских княжеств с Русским государством препятствовали замыслам османского султана в отношении Северо-Кав-

казского региона, по которому крымские ханы обычно шли с войском в Закавказье, где Порты вела войну с Ираном. Е. Н. Кушева полагает, что, наряду с взятием Казани и Астрахани русскими, приведенные события в Западной Черкесии были в числе причин, побудивших султана Сулеймана к заключению мира с шахом Тахмаспом³⁵.

Османь и крымцы вскоре смогли вернуть утраченные крепости. Но их силы были теперь скованы в Западной Черкесии и на Днепре. В Ногайской Орде к власти пришел Исмаил, придерживающийся промосковской позиции. Все это благоприятствовало окончательному разгрому и включению в состав русских владений Астраханского ханства. На данном этапе не был реализован план создания большой антимосковской коалиции, в которой Крымское ханство стало главной ударной силой.

В 1557 г. жанеевские и бесланеевские князья во главе с Сибком и Маашуком, уступая нажиму противников, были вынуждены покинуть родину и выехать в Москву. Здесь они крестились – Сибок под именем Василия, а Маашук под именем Ивана – и были приняты на службу. С этого времени ведет свое начало институт «выезжих» адыгских князей в Москву. В том же 1557 г. названные адыгские князья со своими людьми были направлены в составе русского войска в Ливонию, где принимали участие в военных действиях под Псковом, Раковором, Дерптом, Мильтемом, Аллусте и т.д. Обычно они воевали в составе передовых полков³⁶.

Политическая позиция большей части населения Западной Черкесии в 1557–1559 гг. в целом была нейтральной. Адыги оставались враждебными османам и крымцам, а определенные круги черкесского общества не поддерживали линию Сибока и Маашука.

В конце 1550-х годов намечается новый этап русско-черкесского взаимодействия против Крыма. Создаются условия для проведения широких антикрымских акций с Днепра, с Дона и из Западной Черкесии. Реализация антикрымских акций была возможна только при условии нейтралитета со стороны Польско-Литовского государства. Иван IV и его окружение намерены были продолжать военно-политическое давление на Крым и в условиях начавшейся в январе 1558 г. Ливонской войны.

Удачные действия русских войск в 1558–1559 гг. со стороны Днепра и Дона под руководством воевод Дмитрия Вишневецкого и Данилы Адашева способствовали обращению западных адыгов в Москву, чтобы царь «дал бы им воеводу своего в Черкасы и велел бы всех крестити». В 1560 г. в Черкесию был отправлен князь Дмитрий Вишневецкий с Иваном-Маашуком и жанеевским князем Сибоком Кансауковым. Им было велено «промышляти над Крымским царем»³⁷.

Как мы видим, определенная часть черкесской элиты рассчитывала, опираясь на союзнические отношения с Москвой, сохранить свое независимое существование от Крыма и Турции. Вопрос о крещении должен был укрепить позиции промосковской партии западноадыгской знати.

Скоординированные военные действия русских и адыгских отрядов в течение 1560–1561 гг. позволили осуществить ряд удачных операций против крымцев и османов. Так, в начале 1561 г. объединенный отряд спустился по Дону мимо Азова, овладел несколькими крепостями и достиг Кафы. Османы на двадцати галерах поспешили на помощь татарам, но потерпели поражение и вернулись в Константинополь³⁸. Все это вызвало беспокойство в Турции и в Польско-Литовском государстве. Польский король Сигизмунд-Август прямо указывал крымскому хану на опасность союза Москвы с западными адыгами. Он неоднократно побуждал Давлет-Гирея к набегам на адыгские и русские земли. И, как известно, именно совместные действия польского короля и крымского хана привели к постепенной утрате Москвой своих позиций в Западной Черкесии.

После смерти царицы Анастасии Романовны в августе 1560 г. у царя Ивана IV созрел план – в политических интересах России заключить брак с одним из царствующих домов Европы или одним из адыгских княжеских домов. Это свидетельствовало о важном значении, придаваемом Москвой сохранению и упрочению связей с многочисленными адыгскими княжествами. В царской семье браки были делом не частного, а политического характера, они подчинялись династическим целям.

Свадебные посольства были отправлены: в Польшу сватать сестру короля Сигизмунда-Августа; в Швецию – сватать одну из дочерей короля Густава; в «Черкасы у черкасских князей дочерей смотрети и привести к Москве». В Кабарду были отправлены к верховному князю Темрюку Идарову посол Федор Вокшерин и подьячий Семен Мякинин. В Западную Черкесию к жанеевскому князю Сибоку (Василию) отправился посол Борис Сукин³⁹.

Известно, что только сватовство в Кабарде увенчалось успехом. Вскоре князь Дмитрий Вишневецкий, с которым царское правительство связывало особые надежды на укрепление русских позиций в Западной Черкесии (может быть, даже в форме создания им здесь особого вассального княжества под покровительством Москвы), отъехал к королю Сигизмунду-Августу. Через него приглашались на службу «до великого княжества Литовского» и «князи Черкасские, которые этого пожелают». Откликнувшись на это приглашение, сын князя Сибока Александр и сын князя Тазрута (Камбулата) Гаврила Черкасские, жанеевские князья, находившиеся на московской службе, отъехали в «Литву». Здесь к этому времени служил их близкий родственник – «Сибоков брат». Описанные события, безусловно, являются следствием политики польского короля и усиливавшегося натиска Крымского ханства на Западную Черкесию. В конце 1562 г. уже известные нам князья Сибок и Кануко прислали в Крым Сибокова брата Чубука «на Черкасское государство царевича просити»⁴⁰.

В переговорах с московскими послами в Крыму в 60-х гг. XVI в. западные адыги делятся на тех, кто находится под влиянием Турции, и на «царевых», т.е. находящихся под влиянием крымского

царя или хана. Понятие «всей Черкасской земли», употреблявшееся западноадыгскими посольствами в 50-х гг., постепенно было утрачено. Жанеевцы и другие западноадыгские подразделения, жившие недалеко от Таманского полуострова, признали номинальную зависимость от Крыма и Турции. Но основная часть населения Западной Черкесии сохранила самостоятельность.

Русско-кабардинское политическое сотрудничество во второй половине XVI в.

К середине XVI в. в Кабарде, являвшейся восточным пределом Черкесии, сложилась крайне неблагоприятная внутривнутриполитическая обстановка, которая была вызвана междоусобной борьбой удельных княжеств. Ситуацией пользовались внешние враги, активизировавшие военные действия против кабардинцев. Необходимость военной защиты от Османской Турции, Крымского ханства, шамхальства Тарковского и ногаев, а также представителей княжеского дома Кайтукиных, придерживавшихся прокрымской ориентации, заставила верховного князя Темрюка Идарова обратиться к московскому царю Ивану IV. Кабардинское посольство во главе с Канклычем Кануковым, прибывшее в Москву летом 1557 г., просило помощи против шамхала. Кабарда, в лице своих представителей, предлагала строить будущие взаимоотношения на тех же условиях, что между Русским государством и западноадыгским государством и западноадыгскими князьями-жанеевцами и беспленеевцами. Одновременно кабардинское посольство выступало от имени восточногрузинских царств – Картли и Кахетии («Иверской земли»), которые при посредничестве кабардинцев пытались установить политические контакты с единоверным русским государством⁴¹. В этом же году в Москву с просьбами о защите и покровительстве прибыли посольства из шамхальства и Тюменского княжества, чьими соперниками в регионе выступала Кабарда.

В 1558 г. князь Темрюк Идаров прислал в Москву сына Салнука (Салтанука), который был крещен под именем Михаила, обучен при царском дворе русской грамоте и стал одним из видных бояр. Его братья Доманук, Мамстрюк, Булгайрук тоже неоднократно бывали с различными поручениями в русской столице в 1560-х гг.

Османо-крымская ориентация шамхала и его вражда с союзными Москве кабардинцами не устраивали царское правительство. Уже в 1560 г. воевода И. С. Черемесинов совершил из Астрахани морской поход на шамхала, который был вынужден покинуть свою резиденцию в Тарках и временно прекратить набеги на кабардинские владения⁴².

В 1561 г. Иван Грозный закрепил политические взаимоотношения с Кабардой и с князем Идаровым женитьбой на его дочери Гуашэней, в крещении – Марии Темрюковне.

В эпоху средневековья, когда в международных отношениях государство персонифицировалось в лице государя, особое зна-

чение имели династические браки: они часто скрепляли межгосударственные договоры. В данном случае брак Ивана IV и Марии Темрюковны имел большие последствия для истории русско-кабардинских отношений.

«Сей поступок, – указывал С. Бронеvский, – был ли он следствием пристрастия или политических вычетов, произвел, по тогдашним обстоятельствам, весьма выгодное для России сближение горских народов, наипаче кабардинцев, которые в походах царя Ивана на Лифляндию, Польшу, против крымских татар отправляли службу наряду с российскими войсками и храбростью, им свойственной, много способствовали его победам»⁴³. Русский посол Афанасий Нагой сообщал хану Давлет-Гирею, что после брака царь «Темгрюка князя и землю Черкасскую пожаловал, велел ему служить, и ныне Темгрюк князь и Черкасская земля в государя нашего воля»⁴⁴.

Взаимоотношения Кабарды с Россией оформляются присягами («шертью»). Нельзя сказать, что промосковская позиция Идаровичей отражала намерения и политические интересы всей правящей кабардинской элиты. Большой группе кабардинской знати во главе с Темрюком Идаровым противостояла группировка во главе с князем Пшеапшоко Кайтукиным, которая ориентировалась на Крым.

А определенная часть кабардинской феодальной знати, по всей вероятности, проявляла готовность к политическому маневрированию между Москвой и Бахчисараем, стремясь использовать складывающиеся обстоятельства для дальнейшего сохранения своего суверенитета.

В это трудное для Кабарды время князь Темрюк Идаров проявил себя мудрым и дальновидным государственным деятелем. За десятилетие с 1558 по 1567 гг. в ответ на посольства Темрюка Идарова в Москву в Кабарде шесть раз побывали русские послы и посланники, и четыре раза ему была оказана сильная военная помощь, в которой особое значение имели стрельцы – ратные люди «с вогненным боем»⁴⁵. В своей внешней политике князь Темрюк Идаров, враждуя с дагестанским шамхалом, установил дружественные отношения с Грузией. В борьбе с Крымским ханством и его союзницей Малой Ногайской Ордой Темрюк опирался на князей Большой Ногайской Орды, с которым был связан родственными отношениями. Установление союзнических отношений Кабарды (прежде всего – Идаровой Кабарды) с Москвой сделало верховного кабардинского князя Темрюка Идарова тем правителем среди Иналовичей, с которым хотели установить связи не только многие кабардинские удельные князья, но и правители соседних государств.

В 1562–1563 годы Темрюк Идаров вместе с русскими воеводами совершил ряд крупных походов против кабардинских князей во главе с Пшеапшоко Кайтукиным и его союзником шамхалом Будаем. Одновременно эти походы способствовали обеспечению беспрепятственных связей Кабарды и России с Грузией через пе-

ревалы Центрального Кавказа. Благодаря внешней и внутренней политике Темрюка Идарова Кабарда стала более консолидированной и утвердила свой авторитет в кавказском крае и за его пределами. Свидетельством этого является заявление русского посла в Турции И. П. Новосильцева, что земля князя Темрюка Идарова простирается «по Терке по реке и до моря»⁴⁶.

В 1567 году по просьбе Темрюка Идарова, которому противостояли, с одной стороны, князья Кайтукины, с другой — шамхал, был поставлен русский город в устье Сунжи — притока Терека⁴⁷. Со стратегической точки зрения место для постройки русского города на Северном Кавказе в 1567 году было выбрано исключительно удачно, потому что оно перекрывало и контролировало пути сношений Крыма и Турции через Северный Кавказ и через Астрахань со Средней Азией, а также с шамхальством. Кабардинские князья, противники русской ориентации, еще в 1564 году обращались к крымскому хану по поводу недопустимости возведения русских укреплений во владениях Темрюка Идарова: «Если там будет поставлен город, то не только им пропасть, но и Тюмень и Шемкал будут за Москвою»⁴⁸.

Крымцы сознавали себя объединяющим центром всех татар (в том числе Больших Ногаев и казанских людей), а также определенной части «горских» черкесов, которые просили заступничества и принятия мер против постепенного утверждения русских на Тереке.

Постройка русского города вызвала резкое обострение русско-крымских отношений. Хан Давлет-Гирей дал понять на переговорах с русскими послами, что в этом вопросе он никогда не пойдет на уступки. И вскоре, осенью 1567 года, три крымских царевича совершили поход на адыгов.

Необходимо отметить, что в 1550–1560-х гг. в Крыму оказались представители многочисленных черкесских князей, настроенных против союзников Москвы на Северном Кавказе. Они вместе с казанской эмиграцией из татарской знати, ногайскими мурзами, враждебными Исмаилу, составили влиятельный общественный слой, кровно заинтересованный в борьбе с Русским государством.

А между тем отношения между османами и персами оставались в тот период весьма напряженными, и северокавказские пути сохраняли свое стратегическое значение для проникновения в Закавказье. В турецкой и крымской дипломатической переписке второй половины XVI века неоднократно перед русской стороной ставится вопрос, как сделать для себя безопасной дорогу через Кабарду⁴⁹.

С этим же вопросом был связан большой, но неудачный поход крымско-турецких войск на Астрахань в 1569 году, имевший целью «открыть» дорогу Турции в Закавказье и в Ширван, в обход Северного Кавказа по Дону, через Переволоку в Волгу и Каспийское море. Предполагалось наладить связи Турции с мусульманскими странами Средней Азии. Наряду с отмеченными мотивами, поход должен был положить предел распространению влияния

Москвы на Предкавказье. В 1570 году кабардинское войско во главе с Темрюком Идаровым пришло на помощь абазинам, которые подверглись нашествию крымского царевича Адиль-Гирея. В решающем сражении на реке Ахупсе Темрюк был смертельно ранен, а его сыновья Мамстрюк и Биберюк (Булгайрук) пленены. После смерти царицы Марии Темрюковны, а позже и ее отца, царь Иван IV придавал важное значение сохранению союзнических отношений с Кабардой. Он неизменно поддерживал княжеский дом Идаровых. Получив известие о битве на Ахупсе и пленении братьев, царь для их вызволения послал в Бахчисарай Богдана Шапкина. Сведений о том, что князей Мамстрюка и Биберюка выкупила русская сторона, в документах Посольского приказа нет. Благодаря усилиям родственников, судя по документам 1578, 1580–1590-х годов, Мамстрюк опять оказался в Кабарде и последовательно занимал пророссийскую ориентацию⁵⁰.

Борьба кабардинцев против крымско-турецких сил и их военно-политическое сотрудничество с Москвой продолжались и в последней трети XVI века. Политику Темрюка Идарова продолжил его брат Камбулат, ставший верховным князем. В 1578 году он прибыл в Москву во главе посольства от Идаровых, Кайтукиных и Таусултановых. Оно било челом «ото все черкаские Кабарды» и предложило строительство русского города в устье Сунжи и присылку на Терек воеводы и стрельцов⁵¹. В том же году воеводой Новосильцевым город был поставлен, хотя позже, после обострения отношений с Крымом, он был снесен. Но фактически русский контроль над северокавказским путем продолжал сохраняться.

Общая международная обстановка, переговоры персидского правительства с русским по вопросу о совместной борьбе с Турцией, регулярный обмен посольствами с Кабардой и Грузией – все это позволяло Российскому государству расширять свое влияние в регионе, что, в конечном итоге, имело большое значение в совместном противостоянии адыгов и русских османо-крымскому натиску. В январе 1588 года кабардинское посольство во главе с Мамстрюком и Куденетом, представлявшими, по их заявлению, «всю кабардинскую землю», подтвердило русское подданство кабардинцев. Кабардинское посольство оформило «шертную запись на верность Кабардинской земли Русскому государству»⁵².

Шертные грамоты (как и крестоцеловальные для христианских стран, например, Грузии) содержали присягу («шерть») нехристианских (азиатских и кавказских) владетелей (татарских, ногайских, кабардинских, дагестанских, вайнахских, калмыцких) на верность России. Эта практика имела место с конца XV до начала XVIII века. Долгое время взаимоотношения Москвы с Крымским ханством и Ногайской Ордой тоже оформлялись в виде шертных записей. Проекты последних могли исходить как с одной, так и с другой стороны.

Указанный выше договор 1588 года предусматривал, что кабардинская феодальная знать во главе с верховным князем Кам-

булатом Идаровым вступает в подданство русского царя и получает от него защиту против недругов.

Наряду с шертной записью политико-правовые взаимоотношения сторон оформлялись выдачей царем Федором Ивановичем кабардинскому князю Камбулату Идарову и всей кабардинской земле «царской жаловальной з золотой печатью» грамоты. Она была договорной и повторяла основные положения шертной присяги.

В 1588–1589 годах по просьбе кабардинского посольства был поставлен новый русский город в устье Терека, на одном из его протоков – Тюменьке, откуда легче было связываться с Астраханью.

Документы конца 80-х годов XVI века позволяют говорить об окончательном складывании в ходе междоусобной борьбы двух основных феодальных партий, ориентировавшихся на русскую и османо-крымскую внешние силы⁵³. Княжескому дому Идаровых противостояли Кайтукины и Таусултановы. Посольства от них приезжали в Москву порознь. В шертные записи, оформлявшие эти переговоры, вносились по просьбам кабардинской стороны формулы о помощи «ратными людьми» в борьбе с «недругами» против тех «черкаских князей», которые служат «крымскому и шевкальскому». Каждое из кабардинских удельных княжеств имело собственные интересы и пыталось благодаря своим связям с Русским государством или Крымом усилить свои позиции. Феодальная борьба в Кабарде, если только противоборствующие группировки обращались к российской стороне и подтверждали российское «подданство», или же к Крымскому хану, была выгодна правительствам этих государств. Это давало в их руки инструмент для закрепления своего политического влияния на Центральном Кавказе.

Летом 1589 года терский воевода А. И. Хворостинин отписал в Посольский приказ о смерти кабардинского князя Камбулата Идарова и о борьбе между мурзами за княжение. В августе скоропостижно скончался князь Асланбек Кайтукин⁵⁴. В Кабарде был съезд, и на место верховного князя заступил Янсох Кайтукин. Можно говорить об установлении в Кабарде к концу 1589 года преобладающего влияния князей прорусской ориентации.

В этот период проявляется стремление кабардинских князей к овладению контролем над переправами у слияния Сунжи с Терком, для чего они пытаются учредить здесь заставы и взимать пошлины с проезжающих⁵⁵.

Русское правительство, выполняя неоднократные просьбы грузинского царя Александра, предпринимает шаги к тому, чтобы обезопасить дорогу через шамхальство в Кахетию. Весной 1591 года планируется совместный поход терских воевод с князем Григорием Засекиным и кабардинских князей, для чего царская грамота отправляется к Мамстрюку Идаровичу⁵⁶. В 1580–1590-х годах русское присутствие на Северном Кавказе, как и союзнические отношения с кабардинцами и другими горскими владельцами, по справедливому мнению Е. Н. Кушевой, было еще более прочным, чем в 60-х годах XVI века⁵⁷. Результатом этого стало закры-

тие для османских войск дороги к Дербенту, что значительно подняло престиж России и усилило ориентацию северокавказских народов на Москву. Свои успехи в регионе русское правительство стремилось сделать достоянием международной дипломатии. Именно в начале 1590-х годов в полный титул русского царя было внесено добавление: «государь Иверские земли Карталинских и Грузинских царей и Кабардинские земли черкасских и горских князей... государь». Но фактически Кабарда XVI–XVIII вв. никогда не включалась в большой царский титул. Москва не могла расценивать историческую Кабарду как часть подвластного населения или территории, в отличие от бывших казанских владений, территорий астраханских и сибирских татар, перечисленных в большом титуле.

Усиление русского влияния в Предкавказье вызвало резкое обострение отношений Турции и Крыма с московским правительством. В 1592–1594 годах во время нахождения в Турции русских послов Г. Нащокина и А. Иванова, прибывших к османскому двору с мирными предложениями, им было сделано резкое заявление: «ходили государя вашего люди в Кабардинскую землю на шевкала-князя, а шевкал служит государю нашему... город де в Черкасах государя вашего люди поставили... А на Терке де и по Дону государь ваш поставил новых четыре города и государя нашего людям в Темиркапе (т.е. Дербенте) дорогу отняли»⁵⁸. Великий визирь Синан-паша в письме к царю Федору Ивановичу обозначил целый ряд претензий по поводу построения городов на Тереке и в Кабарде, нападения донских казаков на Азов, контактов Москвы с грузинским царем Александром и требовал сведения с Дона казаков и даже возвращения Астрахани и Казани. Во время переговоров с османцами и крымцами русские дипломаты пользуются аргументацией об «исконной» принадлежности «пятигорских черкес» России. Она в форме легенды была создана в недрах Посольского приказа и доказывала, что адыги-черкесы в давние времена являлись не кем иным, как рязанцами, переселившимися на Кавказ, но позже, при Иване IV, вступившими в русское подданство; по их челобитию и даже для их «бережения» был поставлен «в Кабардинской земле на Терке город, что без города быть черкесам невозможно»⁵⁹. Эта версия стала широко использоваться в дипломатических документах, несмотря на то, что в Стамбуле и Бахчисарае она не производила должного эффекта.

Турецкая и крымская дипломатия, в свою очередь, пыталась тоже обосновать «подданство» адыгов мусульманским государствам.

В конце XVI века турецкий султан и крымский хан попытались организовать большой поход на Северный Кавказ для взятия Терского города и покорения черкесов. В Керчь было переброшено 18 пушек. Крымский царевич Мубарек-Гирей должен был объединить янычар Анатолии, Кафы и определенную часть причерноморских черкесов. Была опасность посылки крымского войска на Россию. Но начавшиеся вскоре военные действия в Европе в ходе австро-турецкой войны за обладание Венгрией, смерть Мубарек-Гирея отвлекли османо-крымцев от северокавказских проблем.

Политико-правовое оформление русско-кабардинских отношений второй половины XVI века

Важным общественно-политическим и научным моментом проблемы складывания Российского многонационального государства является определение времени и критериев того, когда то или иное национально-государственное образование стало частью Российского государства. В исторической науке разработаны определенные критерии, правда, они достаточно условны и не могут быть применены ко всем территориям: 1) обозначение территорий в высшей государственной символике; 2) отнесение данной территории к компетенции внутреннего, а не внешнеполитического ведомства; 3) выплата налогов в общероссийскую казну; 4) распространение действия общероссийского законодательства и учреждение российской администрации на присоединенных территориях.

Таким образом, можно обозначить четыре основных критерия: государственная символика, компетенция ведомств, налоги и законодательство.

С середины XVI века из всех национальных окраин, которые взаимодействовали с Москвой, Кабарда имела особый статус. Она находилась «в службе и обороне», что означало покровительственный характер союза 1557 года. Он не укладывался в обычные нормы сюзеренитета, принятого на Востоке, с его ярко выраженной формой «покорности и условности инвеституры». Хотя по форме договор и был наделен атрибутами вассалитета, установившиеся отношения были защитно-покровительственными, базирующимися на признании взаимных прав и обязанностей. Кабарда «служит», но служит, будучи «в обороне». Москва обязана ее оборонять, в противном случае договор может быть расторгнут. Даже после перестройки российской дипломатии в начале XVIII века на европейский лад и заимствования многих западноевропейских терминов и понятий, в грамоте Петра I «кабардинским владельцам и всему кабардинскому народу» (март 1711 г.) говорится: «...изволяем вас к себе в подданство и оборону принять».

Вступление Кабарды в подданство оформлялось международным договором, форма которого специально была выработана в Посольском приказе. Оригинал договора 1557 г. не сохранился, до нас дошли только те его части, которые были использованы при составлении общерусского летописного свода. Косвенным свидетельством имевшей место в 1557 году «шертной» («клятвенной») присяги — «тхъэрыуэ-псалъэ» («договор» или «соглашение» на кабардинском языке) со стороны кабардинского посольства являются памятники устной традиции, приводимые Ш. Б. Ногмовым в «Истории адыгейского народа».

Кабардино-русский договор 1588 года состоял из двух частей — «шертной» («клятвенной записи») и «жалованной грамоты с золотой печатью», которая приравнивалась к докончальной грамоте. Указанный и последующие кабардино-русские договоры (как и кахетинско-русский договор 1587–1589 гг.) обусловили складыва-

ние в русском праве нового вида договора – договор об учинении в подданстве, призванный регулировать отношения между вступающими в зависимость от Москвы государственными образованиями, которые сохранили внутреннюю автономию и имели ограниченную внешнеполитическую дееспособность. Основные формулы шерстных записей и жалованных грамот кабардинских князей содержали военно-политические обязательства, связывающие суверенные стороны. Они носили оборонно-наступательный характер. В посылаемых в Кабарду грамотах цари, Посольский приказ и Коллегия иностранных дел, терские и астраханские воеводы требуют «показать службу», «служить». На кабардинских князей возлагались прежде всего военные обязательства в виде платы за «защиту и покровительство», а также приведение других северокавказских владельцев в российское подданство. В отличие от так называемых «новоприбылых» в анализируемых публично-правовых актах нигде не говорится о плате «за защиту и покровительство» в форме «ясака», «дани» или «поминок». Таким образом, наличие защитных отношений, основанных на полной договоренности сторон и не выходящих за пределы союза, рождало новую форму взаимоотношений, принципиально отличных от сюзеренно-вассальных. Кабарда с точки зрения указанной практики оставалась суверенной.

Здесь необходимо специально оговорить, что не следует абсолютизировать и осовременивать, как указывают профессиональные историки, значение шерстных договоренностей XVI или XVII вв., принимать их за неукоснительные обязательства для всех сторон (северокавказских, ногойских, калмыцких владельцев и Москвы), по аналогии с международными пактами новейшего времени. На основе документальных источников русско-кабардинских отношений можно заключить, что шерть действовала, во-первых, официально – пока были живы или находились у власти заключившие ее правители; во-вторых, фактически – пока сохранялась политическая обстановка, вызвавшая ее заключение.

В изучении характера и политико-правового содержания адыго-русских отношений многое дает посольский обряд обеих сторон, ибо в XVI–XVII веках международное право отражало и закрепляло градацию в достоинстве и ранге государств, учредив целую систему дипломатического церемониала, которому придавалось исключительно важное значение. Анализ источников показывает, что в отношении адыгских послов применялся более или менее стабильный протокол.

«Посольский обычай» дает основание ставить Кабарду в ряд субъектов международного права – она не считается составной частью Российского государства в XVI–XVII веках.

Встречающееся в летописных известиях и актовых документах понятие «холопство» в правовой практике Москвы второй половины XVI в. по отношению к Кабарде и другим адыгам надо трактовать как подданство, своеобразное и условное. Но понималось оно обеими сторонами в разное время по-разному.

Изначально имело место неодинаковое прочтение договорных обязательств горцами и самодержавной властью. Шертные грамоты (присяги), оформлявшие подчинение горских народов царю, понимались Москвой как «вечное подчинение», не допускавшее никакого отхода или отделения, которые в последнем случае трактовались как «измена». «Москва с ее патримониальным мышлением, характерным для оседлых народов, — считает А. Капеллер, — выводила из этого претензии на свое полное господство на территории соседей, на их объединение под своим началом». Со своей стороны, северокавказские «партнеры» Москвы рассматривали свои отношения с Россией как союзнические, что охотно закреплялось в шертных договорах и присягах, предполагавших взаимные обязательства. В их глазах было естественным право на смену коалиций и союзников.

Кабардинская правящая элита, именуя себя в грамотах иногда «холопами», следовала существующей в то время российской приказной терминологии и использовала это понятие в признательность российской стороне за согласие покровительства. Обстоятельную характеристику «холопства» в понимании правящего российского двора XVI–XVII вв. дает Г. Котошихин. По нему, понятие «холопство» в правоотношениях Кабарды с Россией приравнивалось московской стороной к подданству в форме зависимости. Но и в этом случае «принятие подданства или, вернее, признание своего служебного положения по отношению к русскому царю со стороны того или иного феодала еще не является, — как отмечал М. Н. Тихомиров, — показателем того, что вся страна, в которой жил этот феодал, вошла в состав России». О полном подданстве, т.е. инкорпорации Кабарды в состав России, можно говорить только по отношению к XIX в.

В XVI в., как и в последующие столетия (вплоть до завоевания в ходе Кавказской войны), на адыгов не распространялось российское законодательство — положения Судебников, царских указов, боярских и соборных приговоров и т.д. Вместе с тем адыги с 1580-х гг. причислялись к статусу «новоприбылых», и со второй половины XVI в. русский царь стал номинально называться «государем кабардинских горских черкасских князей...». Но фактически адыги (черкесы) и Кабарда не включались в большой царский титул, и Москва не расценивала их как часть подвластного населения, что, например, имело место в отношении завоеванных Астраханского, Казанского и Сибирского ханств. Правящие верхи Российского государства и Кабарды общались и имели официальные взаимоотношения только через государственные структуры, представляющие внешнеполитическую сферу: в XVI–XVII вв. — Посольский приказ, в XVIII в. — Коллегия иностранных дел. Между этими государственными образованиями сохранились таможенные барьеры, и представители кабардинской феодальной знати, вывозя свою продукцию в Россию (породистых лошадей, холодное оружие и др.) или закупая там необходимые товары (огнестрельное оружие, предметы роскоши), всегда платили пошлины.

Таким образом, все вышесказанное, а также основные критерии подданства, разработанные в отечественной историографии, позволяют при трактовке кабардино-русского договора 1557 года применять понятие «договор о покровительстве», при котором имели место союзнические отношения.

В дальнейшем динамика развития кабардино-русских отношений (XVII–XVIII вв.) была часто противоречивой – от союзнических отношений к вассально-подданническим.

Русско-кабардинские отношения в XVII веке: внутренние кризисы и временные отступления

В начале XVII века Северный Кавказ стал приобретать все возрастающее значение в международных отношениях. Я. Ахмадов считает, что в политике таких государств, как Россия, Иран и Османская империя, северокавказский регион с народами, его населяющими, занял немаловажное место и как выгодный плацдарм для ведения военных действий, и как источник материальных и людских ресурсов⁶⁰.

Несмотря на сложную международную обстановку и в России, и на Северном Кавказе, кабардино-русские отношения в XVII веке развивались в большей степени за счет Идаровой Кабарды. Кабардинские отряды совместно с гарнизонами Астрахани и Терского города участвовали в военных действиях против дагестанского шамхала. Кабардинские владельцы берут под свой контроль стратегически важную дорогу в Грузию. Уже к 1604 году населенные пункты кабардинцев располагались в Дарьяльском ущелье: князь Айтек овладел «дорогой в горах к Сонской земле»⁶¹.

Внутреннее положение Кабарды в начале 1600-х годов осложнялось междоусобной борьбой князей. Так, Казый Пшеапшоков со своими сторонниками добился гибели двух сыновей Темрюка Идарова – Доманука и Мамстрюка, «зазвав их к себе меду пить, держав их у себя два дня скованными и на третий день убили»⁶².

Гибель Темрюковичей побудила их двоюродных братьев Куденета Камбулатовича и Сунчалей Янглычевича спастись от «недругов» уходом в Терский город. С 1603 года князь Сунчалей по решению из Москвы стал служить и остался со своими детьми в Терском городе. В дальнейшем потомки Сунчалей неизменно получали царскую поддержку.

Терский город в этот период был не только крепостью, но и центром политических и экономических связей России с Северным Кавказом и Закавказьем. Возле него постепенно возникали поселения северокавказцев. За рекой Тюменкой образовалась Заречная (или Черкасская) слобода, укрепленная острогом. Принявшие крещение и служившие в городе горцы обосновались в слободе Новокрещенской. От притеснений кумыкских мурз сюда переселились окохи (акухи), племенное подразделение вайнахов, которые образовали Окоцкую слободу⁶³. Согласно переписи 1640 го-

да, в Черкасской слободе насчитывалось более 1000 дворов кабардинцев, одних дворянских (уоркских или узденских) семей, зависимых от князя Муцала Сунчалеевича, было 175 дворов⁶⁴.

После неудачного похода Ивана Михайловича Бутурлина в 1604–1605 годах в Тарки положение Терского города как опорного пункта России в регионе сильно осложнилось. Терские воеводы вынуждены были сжечь Сунженский острог, а его гарнизон перебросить в Терский город. События на Кавказе совпали с началом Смутного времени, что во многом ослабило русские позиции в Предкавказье. Для мусульманских держав увеличивались благоприятные условия воздействия на политические процессы в северокавказском регионе⁶⁵.

Для османов и крымцев особенно важным было сохранение господства на северо-восточном берегу Черного моря, и особенно на Таманском полуострове, прикрывавшем Азов⁶⁶. Турецкие гарнизоны находились в Анапе, Тамани, Темрюке и крепости Копыл на Кубани, построенной в 1607–1608 годах крымским ханом Казы-Гиреем⁶⁷. Степень зависимости от османов и крымцев различных западноадыгских подразделений в разное время была неодинаковой: в большей степени это касалось Жанэ, живших на Тамани. По отношению к другим зависимость была чисто номинальной. От крымских набегов адыги были вынуждены откупаться данью, которая чаще по настоянию ханов уплачивалась невольниками. В XVII – начале XVIII века черкесская дань каждому из вновь вступающих на престол крымских ханов состояла из 300 невольников⁶⁸.

Несмотря на «смуту», связи Кабарды с Россией не прервались. Определенная часть кабардинских владетелей сохранила дружеские отношения с Москвой. В декабре 1605 года в Москве побывал кабардинский князь Сунчале Янглычевич. Лжедмитрий I принял его и дал «жалование». В 1609 году посол старшего кабардинского князя Шолоха Тапсарукова Кардан Индароков пытался проехать в Москву, но попал туда лишь в 1614 году после занятия престола Михаилом Романовым⁶⁹. В 1608 году в Терский город дали аманатов известные кабардинские князья Шолох, Казы, Айтек, Янсох, Идар⁷⁰. В 1613 году в Астрахани обосновался сторонник уже погибшего тогда Лжедмитрия II атаман А. И. Заруцкий. Он попытался поднять казаков и «кабардинских князей и черкес итти на Русь войною», а также захватить Терский город и расправиться со сторонниками М. Романова. В этот период большую поддержку терским воеводам оказывал князь Сунчале Янглычевич⁷¹, который вместе с воеводой П. Головиным сформировал отряд из терских казаков, кабардинцев и окочан и отправил в Астрахань, где они храбро сражались против Заруцкого⁷².

Благодаря активной посреднической деятельности Сунчалея в Терском городе большая часть феодальных владетелей Кабарды и Дагестана присягнула на верность новому русскому правительству. В Кабарде, например, приняли присягу на верность России старший кабардинский князь Шолох Таусултанов, князья Гиляхстановы (Клехстановы), Алдаровы (Айдаровы) и Казы Пшеапшоков.

Эти заслуги были высоко оценены русским правительством. В 1615 году царь Михаил Федорович выдал жалованную грамоту и назначил Сунчалея главным над всеми слободами, расположенными под Терским городом. Он получил право правления над ними, а также суда и военного предводительства⁷³. Е. Н. Кушева считает, что такого рода жалованными грамотами рядом с воеводами и подчиненными ему русскими людьми на Тереке создавалось «особое вассальное княжество, несколько напоминающее владения касимовских царей»⁷⁴. Документы показывают, что, в отличие от других удельных княжеств, здесь власть и собственность в дальнейшем переходят по прямой линии потомкам Сунчалея Янглычевича – его старшему сыну Шолоху, умершему бездетным; второму сыну Муцалу, затем Каспулату Муцаловичу, впоследствии их близкому родственнику Салтан-беку Канбулатовичу. Со смертью последнего в начале XVIII века своеобразное вассальное княжество прекратило свое существование. Огромное количество документов показывает, что на протяжении всего XVII века Сунчалеевичи оказывали большое влияние на терских воевод, по отношению к которым держались независимо. Они выступали посредниками в переговорах терских воевод с различными северокавказскими владельцами. В условиях непрекращавшихся межфеодалных войн, когда враждующие группировки обращались к терской администрации за поддержкой ратными людьми «с вогненным боем», часто от протекции Сунчалеевичей зависело решение вопроса. По сути, они были прямыми проводниками российской политики в регионе.

Сохранявшееся в течение XVII века влияние Москвы в Кабарде и на северокавказском пути давало большое преимущество России во взаимоотношениях с Турцией, Крымом и Ираном. За счет этого значительно облегчалось решение восточного вопроса русским правительством. В первой половине XVII века турецко-персидские войны продолжались, и шли они с перевесом Ирана. В первые десятилетия XVII века шах Аббас постепенно вытеснил османов из Восточной Грузии, Азербайджана и Дербента. Он первым из иранских правителей предпринял попытку захвата Дарьяльского прохода и завоевания «многих кабардинских мест, которые подошли к Иверской земле близко»⁷⁵. Шахские войска намеревались пройти через земли князей Алкасовых и Айтековых. Малокабардинский князь Мудар Алкасов, чьи владения располагались при выходе из Дарьяльского ущелья, вступил в вассально-подданические отношения с шахом. Вероятно, он рассчитывал на иранскую помощь в борьбе с другими кабардинскими феодалами. Он ездил в 1614–1615 годах в «Кызылбаши», вернулся оттуда «с шаховыми людьми» и начал укреплять свои кабаки «надолобами», чтобы «перенять грузинскую дорогу», «а шах басовым бы людям тою дорогою ездити было бесстрашно»⁷⁶.

Напротив, князья Айтек и Шолох удалились в горы к князю Кази. Несмотря на предпринятые усилия, шахские войска не смогли выйти на северокавказскую плоскость.

В ходе ирано-турецких войн в XVII столетии, как и в предыдущую эпоху, северокавказский путь оставался важнейшим для прохождения крымских войск. В сообщении терского воеводы, датированном весной 1615 года, говорится о том, что «турский царь» собрал «ратных турецких и крымских многих людей» и хочет идти на шаха Аббаса: «а итти де турецкому царю из Азова подом на Бесланей, а от Бесланей на Кабарду, а ис Кабарды Османовскою старою дорогою подле гор мимо Горячего колодезя через Суншу, а от Сунши мима Тарков, а от тарков на шах Аббасов на город... на Дербень»⁷⁷. В Кабарду различным владельцам были направлены султанские грамоты и жалование. Но кроме Кази Пшеапшокова, никто не выразил согласия на поддержку «турского»⁷⁸. В сложившихся условиях основная масса кабардинской знати и их подвластного населения оставалась в «русском подданстве»: «и ныне де у кабардинских князей и мурз и у черкас положено на том: как Крымский царь и царевици пойдут на шах Баса мимо их Кабардинскую землю и захочет их имати с собою или под свою руку захочет их приводити, и им де с ним не хаживати и под его рукою не бывати, а бежати... хотят от него все в горы...»⁷⁹. Ни один из предполагавшихся в 1606, 1608, 1616, 1629 и 1637 годах походов крымских войск в Закавказье не состоялся сухопутным северокавказским путем. Каждый раз турецкое правительство перевозило крымцев морским путем в Синоп. И главными факторами того, что крымские войска не могли пользоваться северокавказским путем, являлись наличие сильного гарнизона Терского города и союзнические отношения Кабарды и части северокавказских владельцев с Россией.

Московское правительство предпринимало шаги к возобновлению прежних дружеских отношений с Большой Ногайской Ордой. В этих делах определенное место отводилось Кабарде. В 1613 году орда во главе с князем Иштереком кочевала в «Черкасских горах» и была разбита кабардинцами, поэтому ногайцы были вынуждены отойти в степные кочевья между Терекон и Астраханью. Отправленный к Иштереку послом Иван Кондырев считал, что дипломатическим путем с ногайцами не договориться. На его взгляд, их необходимо «войною смирить», для чего надо направить горских черкесов и донских казаков, которые «втопчут их в море»⁸⁰.

К 1619 году на Северном Кавказе сложилась антиногайская коалиция горцев, чьи экономические интересы нарушались вследствие занятия ногайцами притеречных степей. Многие известные кабардинские князья, например, Алегуко Шогенуков, приводивший в 1616 году крымцев в Кабарду, а также Мудар Алкасов и Ахлов Айтеков (чьи владения находились в Дарьяльском ущелье), просили русской помощи. Кабардинцы обратились за помощью даже к западноадыгским народностям⁸¹. В последующем (1619–1620 гг.) Большая Ногайская Орда распалась в ходе междоусобиц, значительно ослабела и вынуждена была примириться с Россией и перекочевать из Предкавказья в Поволжье⁸².

В начале XVII века произошло разделение Кабарды на Большую и Малую, что еще больше дезинтегрировало политически различные феодальные владения. По-прежнему в Большой Кабарде наибольшее влияние имели княжеские дома Кайтукиных, а в Малой Кабарде – Гиляхстановых и Таусултановых. По сравнению с XVI веком, когда крупные феодальные фамилии в междоусобной борьбе выступали сплоченно, теперь наблюдается тенденция раскола феодальных семей одного княжеского рода. С 20-х по 60-е годы XVII века в Большой Кабарде лидирующее положение занимали князья, двоюродные братья Алегуко Шогенуков и Хотокшуко Казиев. Они после долгих лет ожесточенной борьбы возглавили группу родственных феодалов.

Документы конца XVI – начала XVII века позволяют считать, что феодальные столкновения между ведущими княжескими родами (например, Идаровичами и Кайтукиными) происходили в большей степени за право на «старшее княжение», когда в нарушение обычая (не «по ряду») отдельные княжеские фамилии пытались удержать верховную власть. С 30-х годов XVII века документы, наряду с борьбой за старшее княжение, постоянно отмечают борьбу феодальной знати за населенные пункты («кабаки») и подвластное население, особенно за «лучших кабацких узденей», т.е. дворян, владеющих землями и зависимым населением.

С самого начала становления кабардино-русских отношений российское правительство столкнулось в Кабарде с ожесточенной борьбой феодальных группировок. Москва через терских воевод вмешивалась в нее, часто пользуясь челобитиями кабардинских князей о предоставлении ратных людей на «недругов». Обещание поддержки или реальная военная помощь одним феодальным группировкам против других являлись действенным инструментом политики на Северном Кавказе. Отношение Посольского приказа к вопросу междоусобной борьбы в Кабарде было неоднозначным: в одних случаях терским воеводам давались указания поддерживать состоявшиеся примирения враждующих сторон при условии сохранения ими прорусской ориентации, в других – посылались категорические приказания о недопущении примирения любыми способами. На этом этапе главное содержание политики Российского государства по отношению к Кабарде состояло в том, чтобы удержать кабардинские владения в сфере своего влияния и не допустить их союза с османской Турцией и Крымским ханством.

Кабардино-русские отношения в XVII веке, как и прежде, оформлялись на основе феодальной присяги – шерти. Задача приведения «под царскую руку», т.е. к «подданству» возлагалась Посольским приказом на терских воевод и кабардинских князей пророссийской ориентации – чаще это были Черкасские из рода Идаровых. Присяги закреплялись выдачей «закладов», т.е. аманатов (заложников) в Терский город, где они содержались под охраной. По количеству наличествующих заложников от Кабарды и других северокавказских владений в аманатских дворах Терского города можно было судить о степени русского влияния в регионе. Рос-

сийские власти в лице терских воевод стремились в качестве аманатов иметь детей непосредственно дающих присягу владельцев. Часто ее нарушение они видели в том, что князья и мурзы давали в аманаты детей «не от прямых жен и в дядьках с ними присылали холопей, а не родственных людей и не узденей». Вопросу об аманатах обе стороны – и русская, и северокавказская – придавали очень важное значение.

Вмешательство русского правительства в такой важнейший внутривластный вопрос, как выборы «старшего» князя, и попытки не «саянать на княжение» без «государева указа» встречали отпор в Кабарде и еще больше обостряли междоусобицы кабардинских княжеских родов. Попытки России утверждать «старшего» или «верховного» князя в Москве путем выдачи царской грамоты на княжение в Кабарде не привели к ожидаемым результатам, и постепенно со второй половины XVII века царское правительство отказывается от этой практики.

В XVII веке продолжают острые противоречия между феодальными родами Идаровичей и Казиевичей; с последними часто в союзе выступают и Шолоховы. Терские и астраханские воеводы помогают «ратными людьми» Идаровым. В 1614 году в Терском городе подтвердили свои отношения с Москвой и принесли присягу царю Михаилу Романову представители ведущих кабардинских княжеских родов: Шолох Тапсаруков, Мудар Алкасов и Айтековы – из Малой Кабарды; Куденет Камбулатович и Нарчов Езбузлуков (Идаровичи); Казы Пшеапшоков (Кайтукины)⁸³. Учитывая, что позиция Идаровичей была последовательно прорусской, царское правительство стремилось обеспечить через них свое влияние в Шолоховой и Казиевой Кабарде.

В 1615 году князь Шолох Тапсаруков в союзе с ногайцами и кумыками ходил походом на Казы Пшеапшокова. Казы был убит, и через два года его родственники Дадарука и Кулмурза Канукины, «да Казиева дети Шепшуковы с Черкасскими ж с Шолоховыми племянники з Беком да с Сурбеком, с Пыштыными детьми, мирятца, чтобы им быти межсобя в соединенье по-прежнему»⁸⁴. Хроника междоусобной борьбы развивалась стремительно. В 1621 году «Казиевы дети и племянники, сложась с Шолоховыми племянники с Сугурбеком и со всеми Шолоховыми кабаками», напали на владения князя Куденета Камбулатовича и его братьев и разгромили их кабаки. Конкретная раскладка в противоборствующих лагерях часто приводила к тому, что бывшие враги оказывались в одной группировке. Например, князь Сунчалей Янглычевич вместе с русскими войсками в 1622 году ходил против Казиевых, Шолоховых, Пыштовых, Ибакиных, у которых воевал «кабаки их и по полем хлеб и сена пожгли»⁸⁵. Царское правительство, поддерживая Идаровых, старалось с их помощью получать периодические подтверждения русского подданства князей Большой Кабарды. Пророссийские князья после указанных походов сообщали, что «...под твою государскую высокую руку в холопство их привели и аманаты на Терек у них взяли».

На складывание феодальных группировок, их неустойчивый характер часто влияли особенности традиционных общественных институтов адыгов. Например, наряду с институтом аталыческих связей важное влияние на эти процессы оказывал институт родственных отношений «благъагъэ». Так, князья Сунчалеевичи из Идаровых сблизилась со своими кровными врагами после того, как Шолох Сунчалеевич, а после него брат Муцал вступили в брак с сестрой князя Алегуки Шогенукова. Кабардинское феодальное общество XVI–XVIII веков придавало большое значение институту родственных отношений и в плане внешнеполитических связей. В конце XVI века князь Шолох Тапсаруков, разъясняя своим дворянам невозможность его содействия русскому посольству в Кахетию, указывал, что он не может отстать «от Крымского и Шевкальского кумыков», «а в Крыму де у меня две дочери и многой мой род и племя; а в Шевкалах у Кумыках таково же»⁸⁶. Брачные узы на определенный период могли усилить позицию той или иной мусульманской державы в отдельных уделах Кабарды. Например, крымский царевич Шагин-Гирей, чье имя несколько десятилетий не сходило со страниц русских дипломатических документов и который вместе с братом Магомет-Гиреем был активно задействован в крымских, персидских, турецких и черкесских делах 1616–1640-х годов, на пути из Ирана походом через Северный Кавказ в Крым в апреле 1623 года женился на сестре Алегуки Шогенукова и усилил тем свое влияние в Казыевой Кабарде⁸⁷.

Уже в первой половине XVII века Идаровичи, получая неизменно поддержку российского правительства, все же постепенно утрачивают прежние позиции. Они не выступают уже консолидированно. В результате феодальных столкновений их владения и зависимое население значительно сокращаются.

В 30-х годах XVII века у князя Нарчова Езбузлукова с братьями и детьми оставалось только «7 кабаков, а в них 70 человек узденей»; у наследников Камбулата Идарова, бывшего верховного князя – «4 кабака небольшие, узденей в них с 30 с 5 человек»; к Будаچهю Сунчалеевичу перешли кабаки Мамстрюки и Домануки Темрюковичей – кабаков 11, «а людей в них 250 человек с лишком, oprичь черных люди добры»⁸⁸.

Влияние Казыевых в Большой Кабарде в 30–40-х годах XVII века настолько усилилось, что Сунчалеевичи вынуждены были считаться с изменившимися обстоятельствами⁸⁹. Тем более, что кабаки Будачея и Алегуки Сунчалеевичей находились вблизи Казыевой Кабарды. В многочисленных наказах терским воеводам и кабардинским служилым князьям царское правительство проявляло большую заинтересованность в приведении к шерти Казыевой Кабарды. Серьезным фактором, окончательно определившим раскладку политических сил и взаимоотношения близких родственников Сунчалеевичей и Куденетовичей, явился захват в конце 1630 года Нарчовым Езбузлуковичем, Кельмаметом и Ильдаром Куденетовичами кабацких узденей, принадлежавших Сунчалеевичам⁹⁰. Все это привело к примирению бывших кровных врагов (Сунчалее-

евичей и Казыевых) и окончательно рассорило близких родственников. Князь Кельмамбет Куденетович жалуется царю Михаилу Федоровичу на Шолоха Сунчалеевича и просит поддержки в борьбе с противниками⁹¹. Обращения такого рода во множестве поступают в Посольский приказ в конце 1630 – начале 1640-х годов⁹².

Апеллируют к царской власти и князья Казыевой Кабарды, которые летом 1640 года в грамоте Алегуки Шогенукова «с родственниками» царю Михаилу Федоровичу высказывают обиды на ущемление их прав в содержании аманатов и даче жалования в сравнении с Идаровичами. Князья настаивают на своем независимом положении в решении внутривосполитических вопросов, когда право «сильного» традиционно приводит к подчинению остальных: «...у нас искони у отцов наших и у дедов меж нами, черкасы повелось: за сердце друг друга побивают досмерти»⁹³. Они в ультимативной форме ставят вопрос перед российской властью об определении ею своей позиции в ходе междоусобной борьбы: «А только вы, государь, учнете их жаловать лутче нас, и мы будем в холопстве мусульманскому государю»⁹⁴. То есть, если царская власть как высший сюзерен и в качестве третейского судьи не разрешит феодальный спор, то князья Казыевой Кабарды оставляют за собой право выбора внешнеполитической ориентации.

В грамоте 1640 года Алегуко Шогенуков говорит о праве Дмитрия Мамстрюковича решать, кому он хочет передать отцовские кабаки, полученные им в наследство в Кабарде⁹⁵. В ответной грамоте Посольского приказа российская власть указывает на неправомочность передачи решения вопроса о наследовании кабаков Мамстрюка его сыну. Московская власть считала, что раз Дмитрий Мамстрюкович – служилый князь, то и его вотчинные земли, и право распоряжения ими принадлежат государю⁹⁶.

В сложившейся исторической ситуации Россию, заинтересованную в дальнейшем укреплении своего влияния в Кабарде и в регионе, не устраивала независимая позиция князей Казыевой Кабарды, и она по-прежнему оказывает поддержку Идаровичам. Вышеуказанное обращение мурз Казыевой Кабарды к Дмитрию Мамстрюковичу могло состояться при посредничестве породнившихся с Алегуко Шогенуковым князя Муцала Сунчалеевича с братьями. После событий конца 1630 – начала 1640-х годов князья Муцал и Будачей были обвинены Москвой «в воровстве и измене» и подвергнуты опале. Е. Н. Кушева излагает другую версию причины изменения отношения российских властей к Сунчалеевичам. Она считает, что влиятельное положение этих князей на Северном Кавказе вызвало к ним в тот период особое внимание со стороны персидских шахов. С разрешения Москвы князь Муцал выдал в 1636 году за шаха Сефи свою сестру. Но обнаруженная в 1640 году переписка Муцала с шахом, которую первый старался скрыть, была сочтена за измену и вызвала обширное следственное дело. В ходе расследования был вскрыт ряд злоупотреблений Сунчалеевичей, что привело к ссылке Муцала и его брата Будачей в Вологду и Галич⁹⁷. Расспросные речи в Сыском приказе Муцала

и Будачей Черкасских в апреле 1641 года позволяют установить еще другое обвинение – им вменялось предупреждение князей Казыевой Кабарды о готовящемся против них походе воеводы Т. Аладына⁹⁸. Позже, в августе 1642 года, по ходатайству Дмитрия Мамстрюковича Черкасского следствие было прекращено. Муцал и Будачей получили прощение и были отпущены в Кабарду⁹⁹.

В конечном итоге, как мы видим, в политическую борьбу различных кабардинских феодальных групп была втянута не только вся Кабарда, феодальные образования Дагестана и Ногайской Орды, но и Крымское ханство и Российское централизованное государство. На стороне Сунчалеевичей выступали Казыевы с Малыми Ногаями. На стороне Куденетовичей оказались терские ратные люди во главе со стрелецким головой Артемием Шишмаревым, малокабардинские князья Мудар Алкасов, Илдар Ибаков с братьями, Большие Ногаи во главе с Салтанашем Аксаковым и Хорошаем Чюбюрмамметевым, кумыцкий Айдемир-шевкал с братьями. Кульминации вышеописанное противостояние достигло в июле 1641 года в ходе кровопролитной битвы на р. Малке («Балк»), которая закончилась крупным поражением Куденетовичей. Она стала кульминацией борьбы различных ветвей княжеского дома Идаровых за вотчинные владения¹⁰⁰.

В дальнейшем продолжают острые противоречия между удельными княжествами Шолоховой, Мударовой и Анзоровой Кабарды с одной стороны, с другой – Казыевыми и Сунчалеевичами, чьи владения располагались в Большой Кабарде.

Столкновения интересов кабардинских феодалов происходили не только в самой Кабарде, но и среди служилых князей и мурз в Терском городе. Малокабардинские князья Гиляхстановы («Келехстановы») в челобитной обвиняли Сунчалеевичей в том, что они «во всех государевых службах и с полков и с уздени нашими выбывают, и многих наших узденей называют своими узденями»¹⁰¹. Если в Малкинской битве Илдар Ибаков принимал участие на стороне пророссийской группировки, выступающей против Казыевых, то некоторое время спустя его брат Келмаммет Ибаков уходит от подданства России и уезжает в Крым. По возвращению оттуда он «соединачась с Канбулатом-мурзою Черкасским да с Казый-мурзою Мударовым да с Козларом с Созоруком, посылали де к твоему государеву непослушнику к Ондреевскому к Казаналпумурзе, чтоб он к ним приехал на съезд и, договорясь, шол бы с ним войною на Нарчово-князя Черкасского воевать ево кабаки»¹⁰². В результате действий Келмаммета Ибакова в 40-х годах XVII века Малая Кабарда стала постепенно выходить из-под контроля России и укреплять связь с Крымом.

В этих условиях для российского правительства важное значение имела проблема возвращения Казыевой Кабарды на прежнюю территорию и приведения ее к шертной присяге. Для достижения этого выгодно были использованы родственные отношения Сунчалеевичей с князем Алегуко Шогенуковым. После длительных переговоров Муцалу Сунчалеевичу удалось договориться о приезде

князей Казыевой Кабарды в Терский город¹⁰³. Российская сторона осознавала, что удачное решение данной проблемы значительно ослабило бы крымское влияние в регионе. Усилия Посольского приказа, терских воевод и служилых князей Сунчалеевичей увенчались успехом. Лидеры князей Большой Кабарды вместе с вассальными абазинскими и ногайскими мурзами дали шерть за себя, всех родственников и за ногайских мурз, и обязались перейти на прежние свои места ближе к Терскому городу. Переселение состоялось к августу 1644 года, когда князья Казыевой Кабарды перешли «с улусы своими по Куме-реке подле старого своего кочевья, от Терского города всего в четырех днищах»¹⁰⁴.

Активизация российской политики в Кабарде вызвала беспокойство Османской Турции и Крымского ханства. Последнее неоднократно угрожало кабардинским князьям и пытались воспрепятствовать их переселению с Кубани в Пятигорье: «...и будет де они, Алегука и Хотождука мурзы, письма его (т.е. крымского хана) не послушают... и он де крымский царь, придет на них с ратными людьми войною и их развоюет»¹⁰⁵.

В 1645 году, после смерти царя Михаила Федоровича, терские воеводы приводили к присяге новому царю Алексею Михайловичу население Терского города, нерусских слобод, а также кабардинских и дагестанских владельцев. С этой миссией в Кабарду прибыли стрелецкие головы Иван Кошкин и Борис Малыгин. В Малой Кабарде присягнули России Шолоховы, Мударовы, Ахловы и Анзоровы; в Большой – Муцал Сунчалеевич с племянниками и феодальная группировка во главе с Алегуко Шогенуковым¹⁰⁶. Эти присяги для кабардинской правящей элиты не являлись обязательством, которому они следовали. При изменении политической обстановки и складывании соответствующей конъюнктуры они были готовы признать верховенство османского султана или крымского хана.

В рассматриваемый период в войнах, которые приходилось вести России, она получала реальную помощь от Кабарды. Во время Смоленской войны (1632–1634 гг.) кабардинские князья со своими дружинами участвовали в походе против Малых Ногаев, откуда крымский хан черпал свои основные силы¹⁰⁷. В 1645–1646 годах они вновь вместе с русскими войсками, возглавлявшимися князем С. Р. Пожарским, воевали против крымцев и их союзников – азовских татар. Особо отличился терский отряд князя Муцала Сунчалеевича, который в составе 1200 человек в боях на Дону и под Азовом в силу своих боевых качеств использовался как авангард русской армии. Успехи, достигнутые в ходе совместных действий, позволили сорвать очередной поход крымцев на Россию¹⁰⁸.

По мнению В. Д. Смирнова и А. А. Новосельского, следствием описанных событий стало смещение крымского хана Магмет-Гирея и казнь кафинского Ислам-паши¹⁰⁹.

Вместе с тем, в отличие от служилых князей Черкасских, князья Большой Кабарды часто отказывались от военной поддержки

российских интересов на Кавказе. Разногласия возникли в 1645 году после обращения царского правительства поддержать крымский поход¹¹⁰. Аналогичная ситуация возникла и в 1654 году. После решения Переяславской рады и воссоединения Украины с Россией резко изменилась ситуация как в Восточной Европе, так и в Причерноморье. Обострение отношений с Польшей, чьим союзником выступало Крымское ханство, требовало от Москвы решительных действий по укреплению южных рубежей и организации антикрымских действий со стороны Дона и Северного Кавказа.

К середине XVII века Северо-Западный Кавказ по-прежнему имел стратегическое значение для многих государств Восточной Европы: России, Османской Турции и Крымского ханства, Речи Посполитой. На протяжении рассматриваемого периода положение, степень влияния и политика перечисленных стран в Западной Черкесии менялись, как менялась и ориентация западноадыгских народностей. Эти вопросы во всем их разнообразии и сложности подлежат специальному изучению с привлечением обширного круга источников (русских, восточных, европейских, памятников адыгской устной традиции).

Как и в предыдущий период, Османская Турция и Крымское ханство пытались установить свое господство в Западной Черкесии. Для османов и крымцев особенно актуальным было сохранение влияния на северо-восточном берегу Черного моря, и особенно на Таманском полуострове, прикрывавшем Азов. Турецкие гарнизоны находились в Анапе, Тамани, Темрюке и крепости Копыл на Кубани. Степень зависимости от османо-крымцев различных западноадыгских народностей в разное время была неодинаковой: в большей степени это касалось Жанэ, живших на Тамани¹¹¹. По отношению к другим эта зависимость была чисто номинальной. Историк XVII века Гезар-Фенн писал: «Крайний предел черкесов, обитающих в Таманском округе, куда назначаются от высокой державы (т.е. Турции) судьи, составляют черкесы-жанэ; у них еще действуют постановления шариата. Брать у них невольников не позволительно. А от жанэ вплоть до черкесов Кабарды это места войны: брать у них полоняников позволительно»¹¹².

Отдельные западноадыгские народности стремились восстановить отношения с Россией. В августе 1643 года верховный кемиргоевский («кумургейский») князь Мурзабек Канмурзин прислал в Терский город своего младшего брата Базруку, однако в этот период Москва не могла влиять на ситуацию в Западной Черкесии¹¹³.

Адыги, жившие вблизи турецких крепостей Темрюка и Тамани, обозначались в русских документах как «темрюцкие» и «таманские» черкесы. Они часто были вынуждены принимать участие в военных мероприятиях османов и крымцев. Например, в июле 1647 года азовский бей Мустафа с азовскими, ногайскими и крымскими татарами и темрюцкими черкесами осаждал Черкасский городок¹¹⁴. Особенно много таких упоминаний в «донских» делах, которые, кроме военных действий в районе Азова, дают картину

выполнения «темрюцкими» и «таманскими» черкесами определенных повинностей (предоставление подвод, заготовка дров и т.д.)¹¹⁵.

Стамбул и Бахчисарай предпринимали неоднократные попытки привлечения населения Западной Черкесии в крупные походы на Польшу, Украину, Россию и Иран. Иногда они добивались своих целей. По свидетельству Эвлия Челяби, в 1641 году по призыву беглербея Кафы Бекир-паши в осаде Азова принимали участие адыги: шегачи, жанеевцы, мамхеговцы, бжедуги, хатукаевцы и бесленевцы¹¹⁶. В русских документах имеются многочисленные примеры участия западных адыгов в антикрымских акциях донских казаков¹¹⁷.

В 1644–1645 годах наблюдается совпадение турецких и крымских интересов в усиленном спросе на полон, вылившийся в набеги на Россию и Западную Черкесию. Поход нового крымского хана Ислам-Гирея на адыгов произошел в декабре-январе 1643–1645 годов, на русские земли – в декабре 1645 года¹¹⁸.

В конце 1640-х годов возник союз между Крымом и запорожскими казаками во главе с Б. Хмельницким, что привело к новой раскладке политических сил в Восточной Европе. В водоворот этих международных событий оказалась вовлечена и определенная часть Западной Черкесии. Крымцы и запорожцы пытаются привлечь черкесов к борьбе с Речью Посполитой. Летом 1648 года на казацкой раде в Чигирине присутствуют черкесские послы. Уже весной и летом 1650 года крымский хан Ислам-Гирей просит Б. Хмельницкого принять участие в походе крымских татар на черкесов. Согласно существующему между крымцами и запорожцами соглашению, Б. Хмельницкий в июле отправил против черкесов 3 000 казаков, которых возглавили сын гетмана и генеральский есаул Д. Лисовций. Они пришли на р. Миус, где простояв до начала августа, получили известие от хана, что черкесы покорились¹¹⁹.

Москва внимательно следила за этими событиями. Речь Посполитая, в свою очередь, намеревалась использовать черкесов Западного Кавказа в своих политических интересах. В XVII веке имелся определенный опыт политической разведки поляков в регионе. Осенью 1620 года под видом купцов Черкесию посетили дипломаты Абгарович и Серебкович, которые привезли от «черкесских ханов» некие обещания военной помощи в борьбе с Крымом. Через 4 года польские агенты вели в Крыму переговоры с находящимися здесь черкесскими сановниками по вопросу военной помощи против Турции. В конце 30-х годов XVII века активную деятельность развернул на Северном Кавказе польский агент Шомберг, который погиб в стычке с горцами. В 1640-х годах в Черкесии находился польский военный инженер Сабастьян Адерс, тщательно изучавший возможности использования местных жителей в войне с Турцией. В период национально-освободительного восстания на Украине, в середине XVII века, когда Хмельницкий пытался использовать военную помощь черкесов, на Северный Кавказ несколько раз посылались польские агенты, литовские татары Минбулатович и Шухманцев, с целью парализовать дипломатическую акцию Киева¹²⁰.

Польское руководство, поддерживая в XVI–XVII веках тесные отношения с Крымом, постоянно указывало крымским ханам на опасность для ханства дружбы московского царя с «пятигорскими черкесами»¹²¹. Польша, испытывающая потребность в высокопрофессиональных вооруженных силах, стимулировала военную эмиграцию с Кавказа, особенно с территории адыгов. Широко практиковался институт выезда адыгской аристократии на службу в Польско-Литовское государство. Судя по документам, в исследуемый период здесь хорошо были известны роды князей Пятигорских и Черкесских, а в польско-литовском войске служили отряды конницы – так называемые «пятигорские хоругви». Их заслуги в борьбе с османами, татарами и особенно со шведами были велики. Специалисты считают возможным говорить о влиянии черкесского военного искусства на польское¹²². Многочисленные источники утверждают, что Речь Посполитая всегда пользовалась возможностью политического влияния на адыгские дела и складывавшуюся вокруг Северо-Западного Кавказа международную обстановку.

Русско-польская война требовала усиленного производства холодного оружия, для чего Москва обратилась к опыту «черкесских», т.е. кабардинских мастеров панцирного и сабельного дела. В 1660 году такие мастера уже работали в Астрахани и обучали учеников. В 1661 году был получен в Астрахани указ о присылке в Москву «черкас панцирного дела самых добрых мастеров да булатного сабельного дела сварщиков самых добрых мастеров»¹²³.

Россия выступила с обращением к князьям Большой Кабарды и союзным им ногайцам выставить трехтысячную конницу¹²⁴. Последние ответили отказом, сославшись на то, что сами нуждаются в военной помощи¹²⁵. В Кабарде в это время находились крымские представители, существовала угроза нашествия калмыков. В сложившейся ситуации кабардинские князья маневрировали в выборе союзников, что позволяло им во взаимоотношениях с противоборствующими в регионе государствами проводить свою самостоятельную (суверенную) политику.

В сложившихся условиях российское правительство предпринимает действия по переводу кабардинских населенных пунктов из Пятигорья на Баксан¹²⁶. Астраханский губернатор Григорий Сунчалеевич Черкасский отправил специальное посольство в составе Семена Ищеина, князя Каспулата Муцаловича и его дядьки Бикши Алеева в Большую Кабарду и Малую Ногайскую Орду, где послы были приняты верховным кабардинским князем Хотокшуко Казиевым. Ответное посольство прибыло в Астрахань в августе 1662 года, с согласием на условия российского правительства в обмен на защиту от «недругов»¹²⁷. В грамоте, подписанной князьями Казиевыми – Хотокшуко, Джамбулатом и Мисостом, а также Темирбулатом Алегуковым, говорится о стремлении поддерживать отношения с Российским государством¹²⁸. Привлечение части Малой Ногайской Орды к сотрудничеству с Россией, предотвращение ее консолидации с Крымом существенно меняло соотно-

шение сил в регионе и значительно облегчало московскому правительству оборону своих южных рубежей.

Внутриполитическая обстановка в Большой Кабарде в 1660–1670-х годах оставалась нестабильной. После смерти Алегуко Шогенукова и Хатокшоко Казиева междоусобная борьба привела к разъединению групп родственных феодалов Казиевой Кабарды, которые целое столетие (с середины XVI века до 1650-х годов) выступали совместно против Идаровых. Документы свидетельствуют о вражде Мисоста Казиева с сыновьями Алегуки Шогенукова. Противоречия идут еще дальше, в среде самих Казиевых, о чем свидетельствует отказ Мисоста Казиева в 1675 году дать шерть «за племянников своих, за Бекмурзу з братьями Жанбулатовых детей»¹²⁹.

И в дальнейшем политика России на Северном Кавказе осуществлялась традиционными методами, путем систематического приведения феодальных владельцев к шертной присяге на «подданство», за что последние получали жалование и подарки. К началу 70-х годов XVII века по таким признакам в российском подданстве, помимо служилых князей Черкасских, состояли известные кабардинские князья: Мисост Казиев, Адильгирей Хотокшонов, Тенгизбей Алегуков, Куцмимурза Хапыков, Бекмурза и Кайтуко Джамбулатовы, Алчагыр Исламов и Клычуко¹³⁰.

Обострение русско-турецких отношений в 1670-х годах из-за Украины привело к необходимости организации целого ряда военных мероприятий против турок и крымцев в 1672–1673, 1674–1676, 1677–1678 и 1679–1689 годах со стороны Предкавказья и Дона. Самое деятельное участие в них принимали кабардинцы и казаки под руководством Каспулата Муцаловича Черкасского.

После смерти отца в 1661 году князь Каспулат, получив царскую грамоту и княжение над нерусским населением Терского города, продолжил традицию в деле укрепления связей Кабарды и других северокавказских народов с Россией. В Москве высоко оценивали воинский опыт кабардинского полководца и неизменно приглашали в Посольский приказ для обсуждения предполагаемых военных кампаний на южных рубежах государства. В одной из грамот царя Алексея Михайловича по поводу очередного удачного похода Каспулата Муцаловича говорилось: «...а служба твоя и радение у нас, великого государя... никогда забвенны не будут»¹³¹.

Известную поддержку военно-политической деятельности Каспулата Муцаловича Черкасского оказывали астраханский воевода, боярин Григорий Сунчалеевич Черкасский, который приходился ему дядей, а также воевода и боярин Михаил Алегукович Черкасский, который занимал очень высокое место в российской иерархии и был его двоюродным братом.

Каспулат Муцалович имел особые заслуги в стабилизации взаимоотношений России с Калмыцким ханством и организации совместной борьбы кабардинцев и калмыков против Крыма¹³². Во многом этому благоприятствовали его родственные отношения с ханом Аюкой¹³³.

Царское правительство поручало руководство главными наступательными операциями объединенных войск на юге страны в 1670-х годах Каспулату Муцаловичу Черкасскому. В июне 1674 года ему было указано «итти на его, великого государя, службу с своими узденями и с калмыцкими улусными людьми на крымские улусы и на Азов»¹³⁴. Послание было получено им на пути в Москву; сразу же отправившись в приволжские степи, Каспулат Муцалович сформировал совместный отряд с правителем калмыков Аюкою¹³⁵. Двумя колоннами отряд двинулся в сторону Крыма. В августе, после объединения с донскими казаками атамана Корнилы Яковлева, было принято решение о походе на турецкую крепость Азов. «А в том походе было с князем Касбулатом Муцаловичем узденей его 159 человек, калмыков 5000, великого государя ратных людей и донских казаков 3000 человек»¹³⁶. 1 сентября 1674 года на подступах к Азову объединенный отряд Каспулата Муцаловича разгромил высланный против него полторатысячный турецкий отряд. Успешно начатые действия были прерваны вестью из Кабарды о том, что некоторые кабардинские владельцы хотят «разоря ево, князя Каспулатово владение, уйтить в Крым»¹³⁷.

В 1675 году, усмирив враждебных ему кабардинских феодалов, Каспулат Муцалович выехал в Москву, куда он был вновь вызван. По прибытии князь был принят А. С. Матвеевым, руководителем Посольского приказа. Был выработан план большого похода на Крым силами кабардинских, калмыцких, терских, астраханских и уфимских ратных сил под командованием К. М. Черкасского. Кабардинский князь хорошо знал театр предстоящих военных действий. Он полагал, что над крымцами «чинить промысел» лучше: «1-е – весною, как вода вскроется, а трава еще не вырастет, и в то время бывает в Крыму великая во всем нужда, а им над ними промысел чинить способно; 2-е время – зимою в декабре месяце перед рождеством, когда бывают морозы великие, и теплые места, где перелазить в тепло нельзя, замерзнут, а в Крыму по тому же бывает великая нужда, кони их от стужи зело худы и противитись им будет не на чем»¹³⁸. Правительство обращало внимание, что основная масса крымских сил находится на Украине, многие «отягчаны осадами» в Польше, поэтому в Крыму «большое малолюдство»¹³⁹. Было принято решение использовать удобное стечение обстоятельств. В августе Каспулат Муцалович с отрядом в 800 всадников выступил в направлении Крымского полуострова. По пути он завернул в Запорожскую Сечь, где к отряду присоединились запорожские казаки под предводительством атамана Ивана Серко. 23 сентября объединенные силы кабардинской конницы, калмыков и казаков перешли Гнилое море – Сиваш и на «заре на крымские улусы были» и громили их. Возвращался отряд через Перекоп, где во время прорыва из Крыма в степь произошел бой: «Три султана Крымских с ратными людьми пришли на нас... и мы бой им дали и их побии»¹⁴⁰. В конце сентября князь Каспулат Муцалович с «ратными людьми, и с калмыками, и с запорожскими казаками, и с крымских улусов пришли к Запорогам все в целости»¹⁴¹.

Усиление российских позиций в борьбе за Украину привело к обострению русско-турецких отношений, вылившихся к лету 1677 года в большую войну. Сводный полк К. М. Черкасского в составе кабардинцев, кумыков и калмыков, в количестве 3800 человек принимал активное участие в сражениях под Харьковом, Чугуевым, Чигириным в передовых частях русской армии¹⁴². Летом 1679 года отряды Каспулата Муцаловича вновь на Украине и сражаются с крымцами на реке Береклейке¹⁴³. В ноябре 1679 года следует новый царский указ «О посылке на Украину кабардинского отряда князя Каспулата Муцаловича Черкасского для охраны переправ через Днепр»¹⁴⁴.

Заслуги К. М. Черкасского перед Россией были исключительно высоки и соответственно оценены царским правительством. За крымский поход ему сшили «ферязь бархатную с аламами, а чтобы вышить аламы жемчугом, посылали к иноземцам, и принимала их сама царица Наталья Кирилловна; шили в государственной мастерской...». Одного жемчуга закупили «на 658 рублей на 28 алтын на 2 деньги». В числе подаренных вещей были кафтаны, шапка соболья, особо расписанное оружие, денег 300 рублей, соболей на 200 рублей¹⁴⁵. Высокие награды и жалование получили многие из узденей (дворян) К. М. Черкасского¹⁴⁶. В декабре 1678 года Каспулат Муцалович получил жалованную грамоту от царя Федора Алексеевича¹⁴⁷. Князь получил право, кроме Терского города, поставить свой «городок» (видимо, подворье с иммунитетными правами. — К. Д.) в Астрахани¹⁴⁸, право беспошлинного провоза любых товаров в русские города и самое главное — право сбора в свою пользу таможенных пошлин в Терском городе. Заслуги К. М. Черкасского способствовали в свое время дальнейшему возвышению Михаила Алегуковича Черкасского. В царском указе 1676 года (после известного крымского похода К. М. Черкасского. — К. Д.) есть положение: «А брата ево стольника князя Михайла Алегуковича сына Черкасского взять с воеводства из Великого Новгорода к Москве и о том и в грамоте великого государя ко князю Каспулату Муцаловичу написать...»¹⁴⁹.

Российское правительство в 1679 году поручило К. М. Черкасскому вести предварительные переговоры с крымским ханом относительно мирного договора между Россией и Турцией. Его положение в этих дипломатических событиях, по мнению Я. Ахмадова, более соответствовало роли независимого государя, чем главы автономного феодального «лена» в системе Терского города¹⁵⁰. В начале 1681 года в Бахчисарае был заключен мирный договор, по условиям которого Турция признала за Россией левобережную Украину вместе с Киевом. Но этого уже не суждено было увидеть Каспулату Муцаловичу Черкасскому (он умер в декабре 1680 года), сделавшему очень многое на военном и дипломатическом поприще в деле окончательного воссоединения Украины с Россией.

В послевоенные годы российское правительство сооружает «Новую» (Изюмскую) укрепленную черту, южнее Белгородской,

которая прикрывала Слободскую Украину. Тем самым российская граница медленно, но последовательно продвигалась в южном направлении, к Северному Кавказу¹⁵¹.

Как мы видим, кабардино-русские отношения в XVII веке развивались в сложных международных и внутривнутриполитических условиях. Османская Турция и Крымское ханство делали неоднократные попытки, используя внутривнутриполитическое положение в Кабарде, оторвать последнюю от дружественных отношений с Россией. Исторические факты свидетельствуют, что эти старания не увенчались успехом и в условиях политической альтернативности Кабарда, в конечном итоге, выбрала союзнические отношения с Москвой.

ЛИЦА ЭПОХИ

Алкасов Мудар
(последняя
четверть
XVI в. – 1640)

Малокабардинский князь, правнук основателя малокабардинского княжеского рода Гилястана (Джиляхстана). Шури́н персидского шаха Аббаса I. В политической жизни Кабарды и Северного Кавказа в первые десятилетия XVII в. играл заметную роль в связи с тем, что через его территорию по Дарьяльскому ущелью проходил единственный путь в христианскую Грузию. Сестра

Алкасова Бабахупс была женой верховного князя (пши-уалия) Кабарды (1616–1624 гг.) Куденета Камбулатовича, чей сын Яков, брат Борис и племянник Иван – всесильные бояре – в разные годы занимали важнейшие посты в Российском государстве. Алкасов – один из активных участников феодальных междоусобиц. В 1640 г. Алегуко Шогенуков и Атажуко Казиев напали на владения Алкасова и убили его.

**Атажукин
Кургоко**
(? – 1709/10)

Верховный князь (пши-уалий) Кабарды (конец XVII в. – 1709/10 гг.), заметная фигура в политической истории Кабарды с последней четверти XVII по первое десятилетие XVIII в. Сторонник союза с Россией. В период его правления произошла Канжальская битва (1708) – «самое значительное событие в истории многовековой борьбы кабардинского народа с крымско-турецкими завоевателями: оно положило конец

крымско-турецкой зависимости». Это событие имело большое значение для народов Северного Кавказа. Кабардинский народ под руководством Атажукина не только защитил свою Родину и сохранил политическую самостоятельность, но и разрушил планы Турции и Крыма относительно выхода к Каспийскому морю и утверждения своей власти на Центральном Кавказе. О Канжальской битве и связанных с ней событиях писали в разное время многие

авторы. Многие эпизоды этой битвы сохранились в памяти народа в виде преданий и историко-героических песен: «Крымцы и Кабарда», «Мщение Кургоки Атажукина», «Предание о свержении кабардинским народом ига крымских татар».

**Атажукин
Магомед**
(известен и как
Сидаков Магомед)
(последняя
четверть XVII в. –
1745 г.)

Князь из кабардинского рода Мисостовых. Его дед Мисост Казиев был родоначальником княжеского рода Мисостовых. Будучи старшим племянником верховного князя (пши-уалия) Кабарды Исламбека Мисостова (1719–1732 гг.), он имел большое влияние в Кабарде. В целях дальнейшего укрепления связей Кабарды с Россией в феврале 1732 г. прибыл в Петербург в составе депутации из Кабарды с грамотой императрице Анне Ивановне и с упоминанием о службе кабардинцев России со времен Ивана Грозного. Эту грамоту подписал и Атажукин вместе с другими влиятельными князьями из баксанской партии. В феврале 1732 г. ему дал аудиенцию вице-канцлер А. И. Остерман. Атажукин дважды бывал на приеме у российской императрицы: 5 марта и 2 июля 1732 г. и получил ее грамоту к кабардинским князьям с обещаниями, «что мы вас, яко верных своих подданных, содержим в нашей склонной милости и защите». С Атажукиным был направлен также ответ на прошение кабардинских феодалов, подписанный канцлером графом Головкиным и вице-канцлером Остерманом. Атажукин играл заметную роль в баксанской группировке феодалов Большой Кабарды. Он был принят новой императрицей России Елизаветой Петровной (28 ноября 1743 г.) и по ее указу был награжден золотой и серебряной медалями за свои дипломатические труды. Последний раз имя Атажукина упоминается в документах за декабрь 1745 г.

**Джамурзин
Алкас**
(около середины
XVI – начало
XVII в.)

Малокабардинский князь из Джилыхстанова рода. Внук основателя рода (Джилыхстана), Джамурзин был одним из могущественных северокавказских феодалов на стыке XVI–XVII вв. Его владения располагались на пути, ведущем из Астрахани в Дагестан и Грузию, что давало ему особые преимущества. Во внешней политике он часто выступал в интересах Грузии, ведь его родная сестра была матерью царя Кахети Александра. В 1586–1587 гг. и 1589–1590 гг. вместе с грузинскими послами к русскому царю Джамурзин отправил и своих посланников. Эти посольства Джамурзин сопровождал через Северный Кавказ до Астрахани, обеспечивая их охрану. Также сопровождал он и русские посольства, следовавшие через его владения в Грузию в последующие годы.

Джамурзин сыграл значительную роль в налаживании русско-грузинских, а также русско-северокавказских отношений. Однако, будучи активным участником междоусобиц с группировкой

прокрымски настроенных князей, он в зависимости от ситуации вынужден был менять свою позицию. Джамурзин – один из немногих князей Кабарды, кто некоторое время придерживался проиранской ориентации, что было неслучайным, так как персидский шах Аббас I являлся его зятем. Немаловажно было и то, что ближайшие соседи Джамурзина – шамхал и другие владельцы – имели довольно тесные контакты с Ираном. Стратегическая важность владений Джамурзина и неутрачиваемая борьба адыгских феодалов вынуждали его искать сильных политических союзников. Эти союзы закреплялись династическими браками. Кроме шаха и кахетинского царя, его зятем был один из старейших представителей Идарова рода Куденет Камбулатович Черкасский, взявший в жены дочь Джамурзина – Бабасупх.

**Джиляхстанов
Адилгерий**
(конец XVII в. –
1752)

Старший сын кабардинского князя Джиляхстана Татарханова. Был лидером малокабардинских князей, придерживавшихся прорусской ориентации. Джиляхстанов сыграл важную посредническую роль в налаживании дружеских отношений северокавказских народов с Россией, а также России с Грузией. Его авторитет на Северном Кавказе был огромен: располагая мощной дружиной (вместе с братьями он мог выставить четырехтысячную конницу), Джиляхстанов являлся гарантом стабильности в районе прохода с Северного Кавказа через Дарьяльское ущелье в Закавказье. Его сестра Русудан была женой царя Картли. Джиляхстанов и его брат Канчоко – «грузинскому царю Вахтангу – шурия [шурины]; живут при горах в Малой Кабарде и через их владения лежит тракт в Грузию». Русское правительство неоднократно обращалось к Джиляхстанову с просьбами в оказании различных услуг и всегда находило понимание со стороны этого кабардинского феодала, владения которого были расположены на важном военно-стратегическом и торговом пути. Отряды Джиляхстанова неоднократно оказывали военную помощь грузинам – так было в 1750 г., 1751 г., а в 1752 г. полуторатысячный отряд, направленный в Грузию, возглавил его младший брат Канчоко Джиляхстанов.

**Идаров
Камбулат**
(? – 1589)

Верховный князь (пши-уалий) (старший) Кабарды (1578–1589 гг.). Младший брат князя Темрюка Идарова, при котором сложился военно-политический союз Кабарды и России. Камбулат Идаров, став верховным князем (пши-уалием) Кабарды, продолжил политику союзничества с Россией, которую проводил его старший брат. В 1578 г. в Москву прибыло кабардинское посольство, возглавляемое Идаровым. Посольству был оказан пышный прием. Это было связано в первую очередь с тем, что с 1571-го по 1578 г. в Кабарде верховными кня-

зьями были представители феодальной группировки, ориентирующейся на Турцию и Крым, а теперь Россия вновь обретала союзника в лице Кабарды, находящейся в самом центре Северного Кавказа. Идаров получил от Ивана Грозного «жалованную грамоту с своею золотою печатью», в которой говорится, что «в нашем жалованье всей Черкасской земле быти». Там же царь указал, чтобы кабардинские князья направили отряд всадников на Украину для участия в Ливонской войне. В том же 1578 г. Иван IV, выполняя просьбу Идарова, прислал в Кабарду ратных и мастеровых людей, и крепость на Тереке (снесенная в 1571 г. под давлением Турции) была восстановлена на старом месте, у впадения р. Сунжи в Терек.

Под руководством Идарова в эти годы силами кабардинцев, казаков и представителей других народов организуется прочная оборона южных рубежей России от вторжения врагов извне или прохода их через Северный Кавказ. В 1583 г. во время попытки прохода турецкого войска Идаров поручил его задержать своему племяннику Мамстрюку Темрюковичу, который с отрядом, состоящим из кабардинцев и казаков, разгромил османов. После этого в течение долгого времени путь через Северный Кавказ был закрыт для врагов России. В 1588 г. царь Федор Иванович присылает грамоту Идарову. В ней говорится о помощи Кабарде: «взяли в свое царское жалование под свою царскую руку и хотим вас держати всю Черкасскую землю под своею крепкою рукою [в службе и обороне] и защищати вас хотим ото всяких ваших недругов». Идаров был политиком, хорошо понимающим необходимость союза с Россией, на которую он, как и его старший брат Темрюк, опирался в борьбе с непокорными феодалами, придерживающимися прокрымской ориентации.

В истории кабардинского народа имя выдающегося общественно-политического деятеля Темрюка Идарова олицетворяет собой события эпохальной важности. Он был крупным реформатором, предпринявшим конкретные практические шаги по объединению раздробленных адыгских земель, а также являлся инициатором заключения военно-политического союза между Кабардой и Россией в середине XVI в. Темрюк

приходился праправнуком родоначальнику кабардинских князей — легендарному Иналу. В преданиях и песнях, посвященных Темрюку Идарову, он описывается как отважный воин, который утверждал «справедливость и законы рыцарской чести своего народа». В сложное и трудное для Кабарды время, когда страну раздирали феодальные противоречия и она регулярно подвергалась нападениям внешних агрессоров, Идаров проявил себя как мудрый и дальновидный государственный деятель. Будучи верховным кабардинским князем, он правильно оценил сложную внутреннюю и внешнюю обстановку, в условиях которой к середине XVI в. ока-

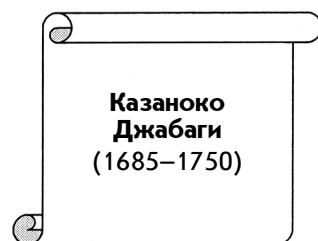
залась Кабарда. Его сторонники из числа феодальной знати поняли, что объединить разрозненные кабардинские земли и устранить угрозу внешней опасности можно, только имея такого сильного и надежного союзника, как Россия.

С момента тесного сближения и заключения союза между Кабардой и Россией (1557 г.) Темрюк Идаров, опираясь на русские военные отряды, проводил различные мероприятия для государственного объединения адыгских земель. Связи Идарова с Москвой и русским правительством стали особенно прочными после женитьбы на его дочери Гуашэней (Марии) царя Ивана Грозного (1561 г.). Он установил дружественные связи и с Грузией. Так, кабардинское посольство 1557 г. представляло в Москве и интересы «Иверской земли», т.е. Грузии.

В борьбе с Крымским ханством и его союзницей Малой Ногайской Ордой Темрюк опирался на князей Большой Ногайской Орды. Две его старшие дочери Алтынчач и Малхуруб были замужем за ногайскими князьями Бекбулатом и Тинехматом, которые выступали за союз с Россией. В 1562–1563 гг. Идаров вместе с русскими воеводами совершил ряд крупных походов, возглавляемых Пшеапшоко Кайтукиным, против кабардинских князей, придерживавшихся турецко-крымской ориентации. Одновременно эти походы способствовали обеспечению беспрепятственных связей Кабарды и России с Грузией через перевалы центральной части Кавказского хребта.

По инициативе Темрюка Идарова для укрепления безопасности Кабарды в бассейне р. Терек были построены русские военные укрепления. Благодаря внешней и внутренней политике, проводимой Идаровым, Кабарда стала более консолидированной и утвердила свой авторитет на Северном Кавказе и за его пределами. Свидетельством этого является заявление русского посла в Турции И.П. Новосильцева, что земля князя Идарова, верховного князя Кабарды, простирается «по Терке реке и до моря». В 1570 г. кабардинское войско во главе с Темрюком пришло на помощь абазинам, которые подверглись нашествию войска крымского царевича Адиль-Гирея. В сражении на р. Ахупсе Темрюк был ранен, а два его сына Мамстрюк и Биберюк (Булгайрук) попали в плен. Эта битва послужила темой старинной кабардинской песни, записанной еще в начале XIX в. известным просветителем Ш. Б. Ногмовым. Темрюк Идаров скончался от полученных ран в 1571 г.

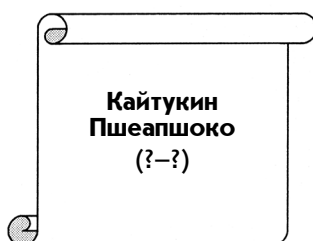
Выдающийся общественный и политический деятель Кабарды, гуманист, мыслитель, реформатор и дипломат. Его имя осталось запечатленным в преданиях и сказаниях многих северокавказских народов. Казаноко родился в 1685 г. на правом берегу Баксана, в районе современного селения Заюково. Он принадлежал к феодальному сословию и был уорком. Устное народное творчество кабардинцев свиде-

тельствует, что Казаноко с детства отличался любознательностью и проницательным умом. Достигнув зрелого возраста, он стал главным советником верховного князя Кабарды Асланбека Кайтукина. Казаноко хорошо знал народные обычаи и традиции, был широко образованным для своего времени человеком. Вся его деятельность была направлена на решение важнейших вопросов внутренней и внешней политики Кабарды. Казаноко выступал в защиту интересов простых людей. Народные предания рассказывают о нем, как о мудром и справедливом судье, который неизменно оказывался сторонником обездоленных и угнетенных. «То, что делает большинство, – говорил он, – есть закон; то, что большинство говорит, и есть правда, всегда прав народ» (Нэхъыбэм ящӕр хабззещ, нэхъыбэм жалӕр пӕжщӕ, бӕр сыт щыгъуш захуэщӕ). Казаноко придавал важное значение вопросам воспитания и улучшения нравов в обществе. Он выступал против обычая кровной мести, за равноправие женщин с мужчинами, предлагал уменьшать калым.

Особой заслугой Казаноко являлась деятельность, направленная на защиту Родины от иноземных захватчиков и на прекращение феодальных распрей. Всю свою жизнь он являлся убежденным сторонником союза с Россией. Обладая большим умом и дипломатическими способностями, Казаноко неоднократно участвовал в переговорах между Кабардой и Россией. Имеются документальные свидетельства того, что Казаноко принимал участие в выработке Сулакского соглашения между Петром I и верховным князем Кабарды Асланбеком Кайтукиным в 1722 г. в Прикаспии. Позже он ездил в столицу в составе кабардинского посольства, которое заключило договор о совместной борьбе с Крымским ханством. Казаноко постоянно выступал против междоусобных столкновений различных княжеских группировок, призывал отказаться от феодальных набегов как средства решения различных вопросов. Он ратовал за мирные и союзнические отношения между соседними северокавказскими народами.

Общественная деятельность Казаноко была посвящена служению своему народу, его будущему. «Человек и в малом и в большом должен творить для будущего», – говорил он. Умер Джабаги Казаноко в 1750 г. и, по преданию, похоронен в сел. Казанокей. Памятник, установленный на его могиле, в конце XIX в. был перевезен в Нальчик, в садик Свободы, где стоит и поныне.

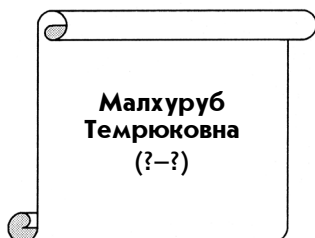

Кабардинский князь из рода Кайтукиных, старший сын Кайтуки Беспанова, он возглавлял феодальную группировку кабардинских князей, ориентирующуюся в своей политике на Турцию и ее вассала – Крымское ханство. Начиная с середины XVI в. – лидер борьбы с Темрюком и Идаровичами за верховную власть в Кабарде.

В 1563 г. группировка князей во главе с Кайтукиным вынудила старшего князя

Темрюка Идарова бежать из Кабарды в Астрахань. На помощь своему тестю пришел русский царь, который «послал в Черкасы Пятигорские Семенова сына Плещеева». С Плещеевым «в Кабарду пришли 500 стрельцов и 500 казаков». Темрюк использовал эту военную силу против наиболее могущественного и влиятельного противника – Кайтукина. «И Темрюк со государскими людьми недругом своим недружбу повел и в свою волю их привел, и воевал Шепшуковы улусы». Однако Кайтукин уже в 1565 г. нанес ответный удар по Темрюку Идарову и «Темрюку-князю пришли многие тесноты от черкас, и ему непослушны во всем». Посланные стрельцы разоряют владения Кайтукина.

Частая помощь Москвы Темрюку Идарову приводит к тому, что Кайтукины во главе с Пшеапшоко еще теснее сближаются с Крымом, где надеются получить поддержку и помощь в борьбе против Идарова рода. В 1566 г. происходит сражение между князьями Идарова рода во главе с Темрюком, поддержанным царскими войсками, и князьями из Кайтукина рода. Победу одержал Темрюк Идаров. Несмотря на то, что борьба между княжескими группировками продолжалась, то затухая, то вновь разгораясь, Пшеапшоко Кайтукин уже перестал играть ту активную роль, которая ему принадлежала в борьбе с родом Темрюка Идарова.

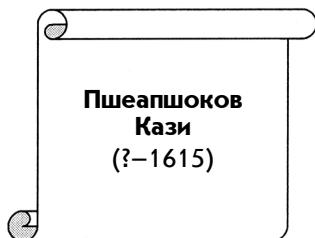
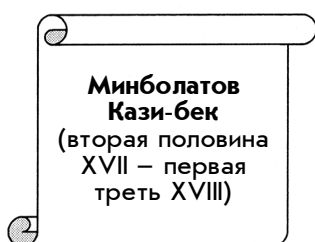

**Малхуруб
Темрюковна
(?–?)**

Средняя дочь верховного князя (пшиуалия) Кабарды Темрюка Идарова. Малхуруб была выдана замуж за Тинехмата, сына хана Большой Ногайской Орды Измаила. Союз с Большой Ногайской Ордой, располагавшей огромной по тем временам силой, дал старшему князю Кабарды Темрюку сильного союзника в борьбе с удельными князьями. После смерти хана Измаила, последовавшей в 1563 г., во главе

ханства становится муж Малхуруб. Это укрепляет отношения России с Большой Ногайской Ордой, так как Иван IV и Тинехмат были женаты на родных сестрах. В свою очередь их тесть Темрюк Идаров с помощью могущественных зятей активизирует борьбу с удельными княжествами в Кабарде. Между московским царем и ханской четой из Большого Ногай ведется переписка. Так, 6 июля 1565 г. Иван IV направляет письмо с послами к Тинехмату и «к Тинехматовой княжне Черкасской, к Малхуруб-княжне». Сохранились и ответные письма Малхуруб на имя царя Ивана IV и к своей сестре Гуашаней (Марии – жене Ивана Грозного). Установившийся союз между Россией, Большой Ногайской Ордой и Кабардой стал мощным объединением для борьбы с Крымским ханством, охраны южнорусских и восточных границ от вторжения крымцев и других кочевых племен. Этот союз способствовал укреплению позиций России в Прикаспии, давал возможность активизировать борьбу с Турцией и Крымом на Северном Кавказе. Можно говорить о том, что в становлении русско-ногайских и кабардино-ногайских отношений определенную роль сыграла сред-

няя дочь Темрюка Идарова. В 1590 г. ханом Большой Ногайской Орды стал сын Малхуруб и Тинехмата – Иштерек, который продолжил политику своих родителей.

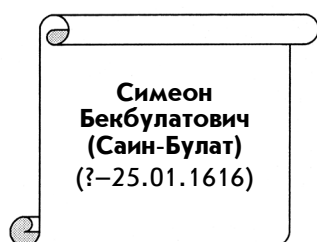

Малокабардинский князь из Джиляхстанова рода. В конце XVII – первые десятилетия XVIII в. пользовался известностью и влиянием среди северокавказских народов, а также грузин. Это объясняется тем, что Минболатов владел землями, ведущими в глубину Кавказских гор, и полностью контролировал Дарьяльское ущелье. Его поселения стояли на месте, которое ныне известно как Казбеги.

Один из влиятельных феодальных владельцев Кабарды последней четверти XVI – первого десятилетия XVII в. Кази Пшеапшок – второй сын Пшеапшоко Кайтукина, возглавлял после своего отца группировку феодалов, ведущих борьбу с Идаровичами. Придерживался прокрымской ориентации. Разорение Кайтукина рода, совершенное Темрюком Идаровым в 1566 г. с помощью

русских войск, не прошло бесследно. Кайтукины постепенно оправились от жестокого разорения и к концу XVI в. вновь вышли на ведущие роли в борьбе с Идаровичами. И главная заслуга в этом принадлежала энергичному и воинственному Кази Пшеапшокову. В 1600–1601 гг. он убивает двух наиболее авторитетных князей из Идарова рода – Домануко и Мамстрюко Темрюковичей. С этого момента позиции Кайтукиных в Кабарде усиливаются, а Идаровичей ослабевают. Однако Пшеапшок находился в постоянной тревоге, так как ожидал мести, и ушел с подданными в Бесланею. Бесланея, находившаяся под влиянием Крыма, постоянно подвергалась грабежам с его стороны. Этой участи не избежали и кабардинцы во главе с Казием. Он решил вернуться в Кабарду, но для этого необходимо было помириться с Идаровичами-Черкасскими. И такая возможность появилась. Старший сын Сунчалей Канклычевича (Идаров род) женился на родной племяннице Пшеапшокова – Пархань Шогенуковой. Затем через посредничество Сунчалей кабардинские князь Шолох Тапсаруков (верховный князь (пши-уалий) Кабарды с 1609 г. по 1616 г.) от имени Талостанова рода, Кази Пшеапшок (от Кайтукина рода), Мудар Алкасов (от Джиляхстанова рода) и Куденет Камбулатович и Нартшао Елбуздукович от имени рода Идаровых (Черкасские) дали шерть (присягу) на подданство России. Это событие знаменательно тем, что все княжеские роды Кабарды одновременно подтвердили свое подданство России (1614 г.). Пшеапшок показал себя человеком, политически дальновидным. Об этом говорит его переориентация на Россию после Смутного времени. Несмотря на совместную шерть России, междоусобица среди кабардинских князей

продолжалась. Пшеапшоков погиб в сражении (ноябрь 1615 г.), в котором войско Шолоха Тапсарукова, верховного князя Кабарды, нанесло поражение Кайтукиным.

Сын астраханского царевича Бекбулата и старшей дочери верховного князя (пшиуалия) Кабарды Темрюка Идарова – Алтынчач. Внук Темрюка Саин-Булат впервые появился в Москве летом 1561 г., находясь в свите своей тетки Гуашаней – невесты Ивана IV. После свадьбы Ивана IV и княжны Гуашаней (Марии) он остался в Москве. После смерти отца он унаследовал Касимовское ханство. Саин-Булат был известен как смелый воевода и отважный воин. Он был активным участником Ливонской войны. В 1574 г. Иван Грозный, вновь восстановив опричнину, отмененную им за несколько лет до этого, «отказался» от российского престола, оставив себе лишь опричнину, а титул «Великого князя всея Руси» передал вызванному из Касимова Саин-Булату. Царь все продумал заранее: он и так вызывал слишком много неприязни уцелевшей от разгула опричнины знати и даже церкви. Нужна была другая, во всем послушная рука, которая по указанию Грозного могла претворить в жизнь задуманные им дела. По желанию царя касимовский хан Саин-Булат был крещен и получил имя Симеон. Он стал, таким образом, номинально новым царем на Руси. Далеко не случайно, что именно Саин-Булат, внук кабардинского князя Темрюка Идарова, оказался на русском престоле. Во-первых, сыграла роль его близость с Черкасскими, родственниками Ивана IV. Во-вторых, будучи ханом в Касимове, Саин-Булат-Симеон имел определенный опыт государственного управления (очень ограниченного). В-третьих, он воспитывался при дворе и царь знал его возможности, взгляды, характер и т.д. В-четвертых, царь показывал этим шагом свое отношение к татарам, тем самым привязывая к себе татар и в других регионах проживания, а также демонстрировал соседним государствам свое терпимое отношение к магометанству. Будучи полностью человеком Ивана Грозного, Симеон должен был «править» и «правил» страной, четко проводя в жизнь все политические замыслы и указания Ивана IV. Со второй половины 1576 г. Иван IV вновь «государь всея Руси». «Низложенный» Симеон был направлен царем на княжение в Тверь, с титулом «Великого князя Тверского», где и княжил двадцать лет до 1596 г. В дальнейшем он подвергался преследованиям со стороны оказавшихся на русском престоле Бориса Годунова, Лжедмитрия, Василия Шуйского. Был ослеплен и насильно пострижен в монахи под именем Стефан. Внук кабардинского князя, племянник русской царицы, астраханский царевич, касимовский хан, «великий князь всея Руси» и царь в 1574–1576 гг., Симеон Бекбулатович умер в Кирилло-Белозерском монастыре глубоким старцем в январе 1616 г.

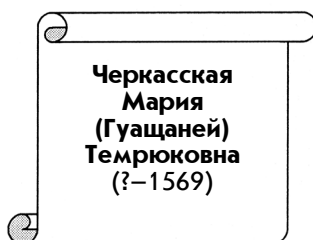
**Черкасская
Желегоша**
(около 1585 –
около середины
XVII в.)

Жена кабардинского князя Сунчалая Канклычевича Черкасского. С 1603 г. вместе с мужем жила в основанной им Черкасской слободе рядом с Терским городом. Князьями над нерусским населением Терков, кроме ее мужа Сунчалая, были ее сыновья Шолох и Муцал Сунчалеевичи, а также внук Касбулат Муцалович и правнук Адильгирей Касбулатович. В доме у Черкасской побывал в 1636 г. секретарь голштинского посольства Адам Олеарий, о чем он написал в своей книге «Описание путешествий в Московию и через Московию в Персию и обратно». Ее дочь Увжугта стала женой наследника престола Персии Аббаса II. В 1640 г. вспыхнула ссора между сыновьями Сунчалая и сыновьями Куденета Камбулатовича, являвшимися троюродными братьями. Черкасская была обвинена в подстрекательстве сыновей и попытке покушения на Кельмамета Куденетовича. Ее вместе с младшим сыном Сунчалеем Сунчалеевичем сослали в Астрахань. Вмешательство в 1642 г. известного воеводы и боярина Дмитрия Мамстрюковича Черкасского – троюродного дяди братьев Сунчалеевичей – помогло княгине и ее сыновьям получить «государево прощение».

**Тапсаруков
Шолох**
(?–1616)

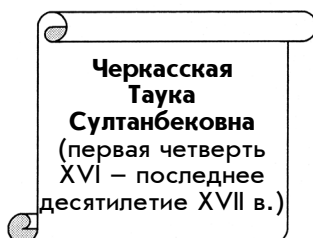
Кабардинский князь из рода Талостановых. По одним данным, с 1597-го по 1616 г., а по другим, с 1609-го по 1616 г. – верховный князь (пши-уалий) Кабарды. Начиная с 70-х годов XVI в. и до самой смерти он играл важную роль в политической жизни не только Кабарды, но и всего Северного Кавказа. Шолох Тапсаруков придерживался крымской ориентации, был в близких родственных отношениях с шамхалом Тарковским. Противостоял Идаровичам, придерживавшимся русской ориентации. Шолох Тапсаруков, человек умный и дальновидный, поняв, что Россия активизирует свое присутствие на Северном Кавказе, в феврале 1589 г. отправил послов Бикана и Лана в Москву. Они от имени Шолоха Тапсарукова просили царя, «чтоб государь их пожаловал, взял под свою царскую руку и во оборону от их недругов, а они [Талостанов род] государю учнут служить». В июле 1589 г. началась война России со Швецией, и царь послал грамоту Камбулату Идаровичу и Мамстрюку Темрюковичу, в которой предлагалось выставить отряд всадников «о двуконь». Тогда же была послана грамота с аналогичным предложением и Тапсарукову. Князь Шолох Тапсаруков оказывает поддержку русским послам, проходившим через его владения в Грузию. Феодалная междоусобица в Кабарде принимает тем временем все большие масштабы. Самое активное участие в ней принимает Шолох Тапсаруков. Нуждаясь в союзниках, Шолох Тапсаруков – сторонник крымской ориентации – предпринимал в то же время усилия для

нормализации отношений и с Москвой. С этой целью в 1609 г. он отправил к царю Василию Шуйскому посла, который из-за событий Смутного времени только в 1614 г. был принят новым царем Михаилом Романовым. В 1614 г., после относительной стабилизации положения в России, кабардинские князья во главе с Шолохом Тапсаруковым дают присягу «на сохранение своего подданства России». Как указано выше, это был первый случай в истории кабардино-русских отношений, когда представители всех кабардинских княжеских родов, несмотря на глубокие и непримиримые противоречия между собой, совместно дали шерть русскому царю. Шолох Тапсаруков, умерший в 1616 г., как и все предыдущие верховные князья, не смог объединить Кабарду под единой властью; наоборот, укрепляя свою личную власть, он способствовал дальнейшему расширению и углублению междоусобиц в Кабарде.

Русская царица, вторая жена Ивана IV Грозного (1561 г.), третья и младшая дочь верховного князя (пши-уалия) Кабарды Темрюка Идарова. После смерти жены Ивана Грозного Анастасии встал вопрос о втором его браке. Обстоятельства сложились так, что в поле зрения сватов попала младшая дочь кабардинского князя Темрюка Идарова. 15 июня 1561 г. княгиня Гуащаней была привезена в Москву. Царь

«княжне Черкасской велел быти на своем дворе, смотрел и полюбил». Вскоре Гуащаней была крещена и названа Марией, а 21 августа 1561 г. царь Иван IV сочетался вторым браком с Марией Темрюковной. Этот брак способствовал укреплению позиции России на Центральном Кавказе, имевшем важное значение после присоединения Казани и Астрахани и являвшемся непосредственным выходом Русского государства к границам территорий горских народов Северного Кавказа. Сразу после свадьбы в Кабарду было отправлено посольство, которое привезло «жалованную грамоту» русского царя – первую грамоту, выданную владельцам Кабарды. Этой грамотой закрепляется военно-политический союз России и Кабарды. После этого Темрюк часто стал пользоваться в борьбе с недругами военной помощью своего венценосного зятя. У Марии Темрюковны и Ивана родился сын Василий, который скончался в младенчестве. Умерла Мария Темрюковна 1 сентября 1569 г.

Кабардинская княжна, жена Алегуки Сунчалеевича и мать боярина Михаила Алегуковича Черкасского. Была женщиной умной, пользовавшейся большим уважением не только в Кабарде, но и на всем Северном Кавказе. О ней хорошо знали в Москве. Живя в Терском городе, она вела переписку как с сыном, так и с разными учреждениями, по различным вопросам

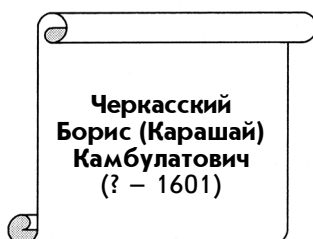
обращалась в Москву с ходатайствами. К Черкасской обращались за помощью казаки, служители церкви, зная, какое влияние имеет ее сын в Москве. При участии Тауки Султанбековны решались многочисленные межнациональные споры, а также происходило освобождение из плена русских людей. Находясь в Терской крепости, Черкасская вела активную деятельность, связанную с укреплением русско-кавказских взаимоотношений, а также с охраной пограничных рубежей на юге России.

**Черкасский
Алексей
Михайлович
(1680–1742)**

Князь. Великий канцлер (10.11.1740–4.11.1742). Младший сын боярина Михаила Яковлевича Черкасского. Будучи стольником, он в течение восьми лет (1702–1710 гг.) находился в Сибири, помогая отцу управлять этим огромным краем. С 1710 г., как сведущий в строительных делах, управлял городской канцелярией строений Санкт-Петербурга. С 1714 г. он стал обер-комиссаром столицы, и на этом посту мно-

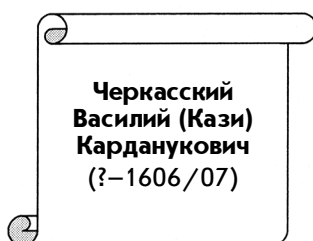
го сделал для организации грандиозного строительства в новой столице России. В 1719 г. был назначен губернатором Сибири, где с энтузиазмом продолжил начатое еще отцом и старшим братом дело освоения необъятного края. Петр I с похвалой отзывался о деятельности Черкасского, так как его «дела шли успешно и с великой пользой» для государства. В мае 1724 г. за безупречную службу он был пожалован чином статского советника. Пробыв в Сибири более пяти лет, в Петербург вернулся вскоре после смерти императора Петра Великого. Екатерина I произвела его в действительные статские советники и назначила сенатором, в 1727 г. – в тайные советники (3-й класс). При императрице Анне Ивановне князь Черкасский сразу занимает высокое положение. Он – один из двенадцати членов восстановленного Сената. 23 марта 1730 г. сенатор Черкасский был награжден высшим орденом империи св. Андрея Первозванного, а 30 августа этого же года был пожалован орденом св. Александра Невского. Через год (1731 г.) Черкасский стал действительным тайным советником (2-й класс Табели о рангах). В ноябре 1731 г. был образован Кабинет Министров в составе Остермана, канцлера Головкина и Черкасского. Таким образом, Черкасский достиг самых высоких ступеней власти. Роль и политическое влияние его в России были огромны. 10 ноября 1740 г. Черкасский был назначен великим канцлером России – министром иностранных дел. С этого времени основным занятием его становятся международные дела Российской империи. Черкасским были подписаны трактат о союзе с Пруссией (1740 г.), трактат оборонительного союза России и Англии (1741 г.), конвенция между Данией и Россией о снабжении кораблей, идущих из России, и многие другие документы. В ноябре 1741 г. А. М. Черкасский составил манифест о вступлении Елизаветы Петровны на российский престол и форму ее присяги. При дочери Петра I авторитет его достиг огромных высот. Находясь на коронации Елизаветы Петровны в

Москве (1742 г.), Алексей Михайлович Черкасский заболел. Скончался он в начале ноября 1742 г.

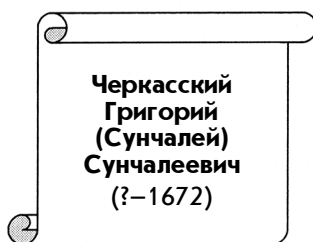
Князь. Боярин (1592 г.). Двоюродный брат второй жены Ивана IV Марии Темрюковны. В 1578 г. приехав с кабардинским посольством в Москву, Карашай, сын старшего князя Кабарды Камбулата Идаровича, остался здесь на службе. Вскоре он был крещен под именем Борис. В 1582 г. Черкасский – воевода Большого полка в Новгороде. Был также воеводой в Серпухове и первым воеводой Большого полка

в Туле. В 1591 г. войска под командою Бориса Черкасского и др. воевод разбили 100-тысячное войско крымского хана Казы-Гирея, пытавшегося захватить Москву. Начиная с этого времени, за племянником Темрюка закрепилась репутация одного из самых видных и опытных военачальников России. Английский автор Флетчер в работе «О государстве Русском» писал: «Большим воеводой или генералом бывает теперь, обыкновенно, в случае войны, один из следующих четырех: князь Федор Иванович Мстиславский, князь Борис Камбулатович [Черкасский], князь Иван Михайлович Глинский и Трубецкой. Все они знатны родом». В 1598 г. царь Борис Годунов, отправляясь в поход против крымского хана, оставил Черкасского «при царице и царевиче ведать Москву». Таким образом, он был не только первым воеводой в Москве, но и замещал царя во время его отсутствия. Черкасский присутствовал на всех посольских приемах, на заседаниях Боярской думы числился первым. Однако, несмотря на огромные заслуги, он попал в немилость к царю-временщику Борису Годунову, в связи с тем, что брат Марфы Никитичны Романовой – жены Бориса Черкасского – Федор Романов претендовал на русский престол. Когда начались репрессии против Романовых, их зять Черкасский был схвачен (1599 г.) и подвергнут пыткам. После этого с женой и двумя дочерьми был сослан на Север. Вместе с семьей Черкасского находился его пятилетний племянник Михаил Романов, сын Федора Никитича. Благодаря заботам семьи Черкасского, был спасен будущий царь Михаил Федорович, основатель династии Романовых. Борис Камбулатович Черкасский умер в ссылке на Белоозере в 1601 г.

Князь. Боярин (1598 г.). По имеющимся данным, происходил из абазинских мурз. Выехал в Москву во второй половине XVI в. В 1582 г. – первый «воевода правой руки в московском войске, сосредоточенном в Новгороде против шведов». На протяжении нескольких лет он служит на берегу Оки, охраняя русскую границу от набегов крымцев и ногайцев. С 1586 г. по 1588 г. занимает здесь должность воеводы пере-

дового полка, с 1589 г. он – первый воевода сторожевого полка, первый воевода полка левой руки в Кашире. В 1591–1592 гг. – первый воевода передового полка в Туле. С 1592-го по 1599 г. Черкасский вновь на Оке первый воевода полка левой руки, а затем и воевода Большого полка, прикрывавших южные границы русского государства от нападений крымских татар и ногайцев. В Москве Черкасский участвует и в дипломатических мероприятиях во время приемов зарубежных посланников. С 1604 г. по 1605 г. он воевода в Смоленске, а в 1603–1604 гг. – в Астрахани. Василий Черкасский – участник Собора (1598 г.), призвавший на царствование Бориса Годунова. Тогда же он был пожалован боярским саном. Служил Черкасский и самозванцу Лжедмитрию I, который в своем проекте государственной рады в 1605 г. определил ему место в совете среди первого класса бояр. Вступление на престол Василия Шуйского заставило князя Черкасского оставить службу и удалиться в свое поместье. Убит он был в 1606 г. восставшими крестьянами, выступавшими под руководством Ивана Болотникова.

**Черкасский
Григорий
(Сунчалей)
Сунчалеевич
(?–1672)**

Князь. Боярин (1657 г.). Младший (седьмой) сын кабардинского князя Сунчалея Канклычевича – «старого присяжника России». Выехав на службу в Москву в 1642 г., он очень быстро занял заметное положение при дворе. С 1655 г. он первый воевода среди горских черкесов и астраханских татар. Став боярином, занимал одно из высших мест среди российских сановников – царь в свое отсутствие оставлял его

«Москву ведати». С 1660 г. он становится первым воеводой в Астрахани. При Черкасском по запросу Оружейной палаты были отправлены в Москву партии «черкес панцирного дела, самых добрых мастеров, да булатного сабельного дела сварщиков». Некоторое время Григорий Сунчалеевич служил Царицынским воеводой. Ему поручались важные дипломатические дела России, связанные с многочисленными горскими и кочевыми народами (ногайцы, калмыки). С поставленными задачами он всегда справлялся успешно. Род Черкасского был одним из авторитетнейших на Северном Кавказе, а его отец, два старших брата Шолох и Муцал, а затем племянник Касбулат Муцалович последовательно правили в очень важном для России и Северного Кавказа южном форпосте, в Терках. Власть над «нерусским» населением в Терках и прилегающих районах, а затем и казаками, принадлежала этому семейству. Деятельность Черкасского по укреплению границ в бытность его воеводой в Астрахани и Царицыне получила высокую оценку правительства, он был награжден царским «золотым» знаком – предвестником российских орденов. Григорий Сунчалеевич Черкасский – участник свадьбы царя Алексея Михайловича и Натальи Нарышкиной и крестин Петра Алексеевича (Петра I). О важности роли, которую он играл в русском государстве, свидетельствует и то, что в Боярской Думе он «сидел» вторым.

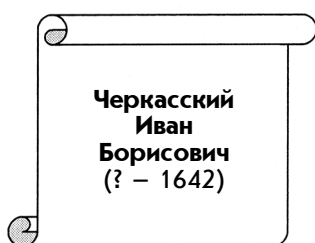
**Черкасский
Дмитрий
(Каншао)
Мамстрюкович
(? – 1651)**

Князь. Боярин (1619). Внук кабардинского князя Темрюка Идарова и родной племянник царицы Марии Темрюковны и боярина Михаила Темрюковича Черкасских. Впервые его имя упоминается в документах при царе Борисе Годунове на стыке XVI и XVII вв. В это время он имел звание стольника. При освобождении Москвы и Руси от иностранных захватчиков и сторонников самозванного царя Лжедмитрия II Черкасский был ближайшим сподвижником Д. М. Пожарского, и в 1612 г. вместе с ним участвовал в освобождении Москвы от поляков. Вскоре он освобождает от сторонников Лжедмитрия Углич и ряд прилегающих к нему населенных пунктов и монастырей. В следующем году воевода Черкасский освобождает от польско-литовских войск Вязьму и Дорогобуж, а также крепость Белую, находящуюся на подступах к Смоленску. В 1618 г. ему удалось разбить войска польского королевича Владислава под Можайском и отбросить поляков от Москвы. За ратные заслуги и верную службу Черкасский в 1619 г. был пожалован в бояре. В этом же году он возглавил приказ Казанского дворца, который ведал всеми восточными землями. В 1633 г. Дмитрий Черкасский стал первым воеводой полка, прибывшего к окруженному поляками Смоленску. Осада Смоленска была снята, и был заключен выгодный для России мир с Польшей. В течение последующих нескольких лет Черкасский являлся первым воеводой на южных рубежах России. В Боярской думе он всегда «сидел» на первых местах, сперва с Иваном Борисовичем (1619–1642 гг.), а затем с Яковом (Урусканом) Куденетовичем (1642–1651 гг.) Черкасскими, своими троюродными братьями. Заслуги военачальника и государственного деятеля России Черкасского были огромны. Он пользовался известностью и уважением в стране. Об этом говорит и то, что Д. М. Черкасский выдвигался большим количеством сторонников на царский престол. Дмитрий Мамстрюкович отказался выставлять свою кандидатуру и сделал все возможное, чтобы царем был избран Михаил Романов.

**Черкасский
Домануко
Темрюкович
(?–1600/01)**

Князь. Старший сын верховного князя (пши-уалия) Кабарды Темрюка Идарова. Старший брат Мамстрюка и Солтанука (Михаила). Он постоянно находился с отцом, а затем с дядей Камбулатом (верховный князь (пши-уалий) 1571–1589 гг.) в Кабарде. Видимо, это было связано с необходимостью, в случае, если с верховным князем (пши-уалием) что-либо произойдет, взять «старшинство» среди князей Кабарды. Это было очень важно, тем более, что междоусобица расширялась и углублялась, а на должность валия претендовали и князья из других княжеских группировок. В июне 1561 г. Домануко Черкасский сопровождал свою младшую сестру Гуашчаней, не-

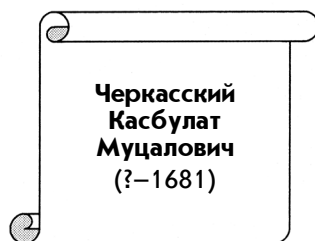
весту Ивана Грозного, в Москву, где принял участие в ее свадьбе. Первую царскую грамоту, а с ней и многочисленные подарки от Ивана IV в Кабарду в сентябре 1561 г. привез Домануко. В 1563 г. он вместе с отцом вынужден был бежать из Кабарды в Астрахань, преследуемый врагами – князьями, которые придерживались антирусской позиции. Вместе со стрельцами Темрюк и Домануко вернулись в Кабарду и разбили своих противников. Домануко Темрюкович всю свою жизнь верой и правдой служил Русскому государству, являясь одним из проводников его политики в Центральном Предкавказье. Он с оружием в руках защищал южные границы России. По поручению российского правительства выполнял и важные дипломатические поручения в сношениях России с народами Северного Кавказа. Погиб в начале XVII в. (1600 или 1601 г.).

Князь. Боярин (1613 г.). Сын Бориса Камбулатовича Черкасского, при избрании Бориса Годунова на царский престол поставил свою подпись на соборном определении за него. Однако это не избавило его от преследования со стороны Годунова, как ближайшего родственника бояр Романовых. Он был лишен всех прав (1599 г.) и имущества и в цепях отправлен в ссылку (Вятка). В 1601 г. ему разрешили жить в

Нижнем Новгороде. Годунов, пытаясь вернуть на службу стольника Черкасского, вернул его в Москву, но служить Годунову Иван Борисович отказался и жил в родовом имении, находившемся в подмосковном Останкино. В такой обстановке Черкасский поддержал Лжедмитрия I, выдававшего себя за сына Ивана IV, погибшего царевича Дмитрия, хотя хорошо знал, что это самозванец Григорий Отрепьев. Когда на Руси появился Лжедмитрий II, князь Иван Борисович стал активным участником борьбы с ним. Русское войско для борьбы с Лжедмитрием II было разделено на три полка. Одним из них командовал князь Черкасский. В 1612 г. он активно участвует в освобождении Москвы от иноземных захватчиков. На Земском соборе (февраль 1613 г.) на русский престол при активном содействии Ивана Борисовича и Дмитрия Мамстрюковича Черкасских был избран 17-летний Михаил Федорович Романов. Основатель новой царской династии России, царь Михаил был двоюродным братом Ивана Черкасского. О коронации нового царя в разрядной записи есть такая помета: «А на завтра царского постановления был государь в Золотой Палате и пожаловал боярством князя Ивана Борисовича Черкасского». В трудные годы после Смутного времени он был одним из самых активных участников укрепления власти молодого царя. В 1618 г. Черкасский, командуя Большим полком, разбил войска претендента на русский престол польского королевича Владислава на подступах к Москве. Он возглавлял важнейшие приказы (предшественники министерств): Стрелецкий, Иноземный, Казенного двора и Большой казны; также им был организован Аптекарский приказ. После смерти Филарета, отца

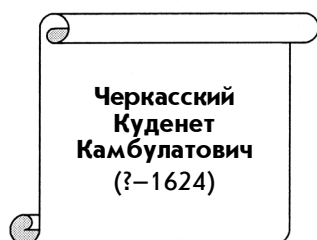
царя Михаила (1633 г.), до конца жизни (1642 г.) Черкасский становится фактически главой правительства: в Боярской думе он «сидел» всегда первый и «читывался первым». Во время различных торжеств князь Черкасский возлагал на голову царя шапку Мономаха. Выдающийся государственный и военный деятель России, происходивший из кабардинских князей, всесильный боярин Иван Борисович Черкасский умер в 1642 г.

Князь. Старший сын Муцала Сунчалеевича Черкасского впервые упоминается в русских документах в 1648 г., в связи с пышным приемом, устроенным в Москве при царском дворе кабардинским князем Муцалу (в то время – главному союзнику России в расширении и укреплении влияния и позиций России на Северном Кавказе) и его сыну и наследнику Касбулату. Уже в 1651 г. Касбулат Черкасский вместе

с братом Кантемиром в составе отряда из кабардинцев, ногайцев, ингушей и казаков под командованием Муцала более двух недель держали оборону Сунженского острога от персидских и шамхальских войск. В 1661 г. после смерти отца Черкасский получил от царя Алексея Михайловича «Жалованную грамоту на княжение над нерусским населением Терского городка». В 1662 г. он со своим отрядом оказал помощь донским казакам в отражении натиска крымского хана. В 1668 г. по инициативе Касбулата Муцаловича решено было перенести Терский городок (Терки) на новое, более удобное место (Копань). Он принимал активное участие в подавлении восстания (1667–1671 гг.) под руководством Степана Разина, с которым был хорошо знаком и с которым неоднократно вместе ходил в походы против врагов, нападавших на южные границы России. Ему удалось принять необходимые меры, чтобы пожар восстания не перекинулся на Северный Кавказ. С помощью Черкасского и его отряда в 1670 г. от разинцев была освобождена Астрахань. Касбулат Муцалович командовал отрядом из гребенских казаков и кабардинцев при штурме Азова в 1674 г. В 1675 г. он с отрядом в 800 всадников, вместе с запорожским атаманом Иваном Серко, форсировав Гнилое море (Сиваш), ворвался в Крым. Разбив отряды «трех султанов», через Перекоп они возвратились в Запорожье. К. М. Черкасский со своим отрядом, состоящим из кабардинцев, терских и гребенских казаков, оконченцев, калмыков, ногайцев и кумыков, активно участвовал в русско-турецкой войне 1676–1681 гг. Отряд кабардинского князя неоднократно осаждал крепость-город Чигирин, где укрывались сторонники Турции. Война требовала от страны огромных ресурсов, и тогда русское правительство стало искать пути мирных переговоров с Турцией. В этом важном деле одной из ключевых фигур становится прославленный в ратных сражениях кабардинский князь Касбулат Черкасский. Он успешно выполняет полученные инструкции из приказа Казанского дворца. Пока шла подготовка мирных

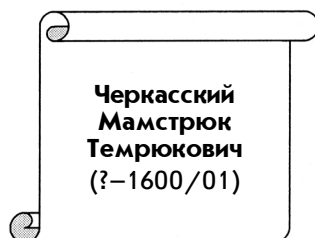
переговоров, отряд Черкасского участвовал в битве на реке Береклейке и походе под Валуйки. Затем он обеспечивал надежную охрану важной переправы через Днепр. В 1680 г. Касбулат Муцалович добился заметных успехов в своей дипломатической деятельности. К нему в Терки был направлен посол крымского хана (Батырша) с положительным ответом на мирные инициативы России, доведенные до Турции и ее союзника Крыма усилиями князя Черкасского. В 1681 г. между Турцией и Россией был заключен мирный договор.

Старший сын верховного князя (пши-уалия) Кабарды (1578–1589 гг.) Камбулата Идарова. Один из авторитетнейших князей Кабарды и Северного Кавказа в последней четверти XVI – первой четверти XVII в. Как его дядя Темрюк Идаров и отец Камбулат, он был сторонником русской ориентации. С 1589 г., когда верховным князем (пши-уалием) стал Асланбек Кайтукин, сторонник крымской ориентации, Куденет

Черкасский вместе с двоюродными братьями Мамстрюком и Домануко Темрюковичами возглавлял феодальную группировку, противостоящую старшему князю Кабарды и его сторонникам. В 1588 г. был вместе с Мамстрюком принят в Москве царем Федором Ивановичем, который обещал предоставить военную помощь, а также построить крепость для их поддержки. В начале XVII в. после вероломного убийства двоюродных братьев Куденета Мамстрюка и Домануко, совершенного лидером прокрымской группировки кабардинских феодалов Казием, он, спасаясь от преследований, покинул Кабарду и вместе с двоюродным племянником Сунчалеем Канклычевичем поселился в Терском городке. Здесь в течение длительного времени находился на службе, охраняя южные границы Русского государства. С 1616-го по 1624 г. Куденет Черкасский – верховный князь (пши-уалий) Кабарды, последний из Идаровичей (Черкасских), кто становился таковым. Будучи верховным князем (пши-уалием), вместе с Сунчалеем Канклычевичем он проводил политику в интересах русского правительства в Кабарде и среди горских народов. В Москве хорошо знали и ценили Куденета Камбулатовича. Младший брат его Борис (Карашай), находясь в России, стал крупным воеводой и боярином (1592 г.). Родной его племянник – Иван Борисович Черкасский достиг в России самых высоких постов, будучи фактическим главой правительства царя Михаила Романовича. Сын Куденета Черкасского Яков (Урускан) стал одним из крупнейших полководцев XVII в. в России, боярином (1645 г.). Внук – Михаил Яковлевич – был боярином (1697 г.), сподвижником царя Петра I, губернатором Сибири (1697–1710 гг.). Оставил свое имя в истории России и правнук Куденета Черкасского – Алексей Михайлович, который был губернатором Сибири (1719–1724 гг.), кабинет-министром (1731–1740 гг.) и, наконец, канцлером (министром иностранных дел) Российской

империи (1740–1742 гг.). Куденет Камбулатович Черкасский и его потомки – яркие представители кабардинской феодальной аристократии, вписавшие свои имена в историю русско-кавказских отношений, показавшие пример верного служения долгу и своей Родине.

Князь. Второй сын верховного князя (пшиуалия) Кабарды Темрюка Идарова. Впервые приезжал в Москву в 1565 г. и оставил неизгладимое впечатление в памяти русского народа. Причиной стало не только то, что его младшая сестра Мария (Гуащаней) была женой царя Ивана IV, а младший брат Михаил (Солтан) – всесильным воеводой. Его пребывание в России нашло отражение в русском фольклоре в виде

сказаний и многочисленных вариаций исторической песни о нем, что вдохновило впоследствии М. Ю. Лермонтова на целую поэму. В преданиях Мамстрюк Темрюкович называется любимым царским шурином. За сюжетом многочисленных вариантов популярной песни о Мамстрюке стоит эпизод, имевший место в дни пребывания его в Москве. В песнях упоминается борьба Мамстрюка с русским борцом. Кирибеевич в поэме «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова, несомненно, является собирательным образом братьев царицы Марии – Мамстрюка и опричника Михаила. В тот приезд в Москву Черкасский просил царя Ивана IV от имени отца своего оказать военную помощь для борьбы с непокорными кабардинскими феодалами. В 1570 г. Мамстрюк в одном из сражений попал в плен к крымскому хану. Царь Иван Грозный предпринимал большие усилия для его освобождения. В 1578 г. Черкасский получил грамоту от Ивана IV, в которой царь призывал его на службу с отрядом в 300 всадников для участия в Ливонской войне. В 1583 г. Мамстрюк Темрюкович, командуя объединенными силами из кабардинцев, терских и гребенских казаков, разбил турецкого полководца Осман-пашу. В дальнейшем все попытки Турции и Крыма провести свои войска через Северный Кавказ терпели крах и заканчивались их разгромом кабардинцами и казаками, которыми командовал князь Черкасский. В этом и заключалась, в основном, служба князя Мамстрюка – он прикрывал южные границы России от набегов извне. Часто он выполнял и дипломатические миссии, которые ему поручали в Москве. Контакты с народами Дагестана, Грузии, вайнахами осуществлялись в то время исключительно через Мамстрюка Черкасского – одного из могущественных князей Северного Кавказа. «И ты б, Мамстрюк..., нас послов до Грузинской земли проводил», – обращались к нему русские послы. В 1590–1591 гг. во время похода на шамхала воеводы Григория Засекина Черкасский попал в плен и «всякую нужду терпел, но от царского жалования не отстал». Вырвавшись из плена, он до конца жизни служил России. Могу-

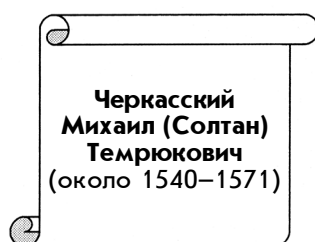
щественный князь Мамстрюк Черкасский, наводивший страх на увязших в междоусобицах кабардинских феодалов, был предательски убит Казием Пшеапшоковым, пригласившим его с братом Домануко якобы для урегулирования мирным путем давних споров.

**Черкасский
Михаил (Алей)
Алегукович
(?–1712[1721?])**

Князь. Боярин (1679 г.). Впервые сведения о нем в русских документах встречаются с 1664 г. В этом году он был крещен и принят царем Алексеем Михайловичем. Черкасский быстро и довольно успешно продвинулся по службе и вскоре стал воеводой в Новгороде. Он участвовал в русско-турецкой войне 1676–1681 гг. Об этом есть свидетельство в словаре Д. М. Бантиш-Каменского «Достопамятные люди Русской

земли» (М., 1983. – Т. 5. – С. 524–528), где отмечается, что «князь Михаил Алегукович в 1679 г., предводительствуя многотысячным войском, удержал турок и татар от вторжения на Украину, нанес последним значительный урон под Киевом». Должность воеводы он занимал и в других городах, в том числе в Москве. Михаил Черкасский был одним из тех прогрессивных деятелей России, кто в 1682 г. принял активное участие в решении вопроса об отмене изжившего себя старинного закона местничества, в связи с чем назначение людей на государственные и военные должности отныне должно было происходить прежде всего с учетом ума и деловых качеств. Это стало одной из основ предстоящих в недалеком будущем грандиозных реформ Петра I. В период восстания стрельцов (1682 г.), поддержавших царицу Софью, сводную сестру Петра I, стремившуюся к власти, Черкасский занял твердую позицию поддержки малолетнего Петра I и, как писал историк XIX в. Н. Г. Устрялов, «сильною опорой служили им [сторонникам Петра I] доблестный боярин Михайло Алегукович Черкасский, неустрашимый в боях... муж чести и правды». Михаил Черкасский – один из тех, кто стоял у истоков преобразования «потешных» батальонов Петра I в настоящие боеспособные полки. После неудачного Азовского похода (1695 г.) сразу началась подготовка следующего похода на Азов, в то время важный стратегический пункт Турции на южных рубежах России. Черкасский лично внес деньги на строительство двух боевых кораблей. Петр I отозвался об одном из тех кораблей, как «об одном из лучших». Когда встал вопрос о назначении главнокомандующего второго Азовского похода, то было решено «избрать» на эту должность князя и боярина Черкасского как генералиссимуса, т.е. единого командующего всеми войсками. Это решение было принято 14 декабря 1695 г. на заседании царского совета по предложению самого Петра I. В «Дневнике» генерала Патрика Гордона, опубликованном в середине XIX в. на немецком языке, сказано, что вопрос был решен «еще 14 декабря этого же года (1695 г.). Генералиссимусом был избран князь Черкасский, которого по его болезни впоследствии заменил боярин Шеин». Не возглавив русские войска

во втором Азовском походе по причине болезни, Михаил Черкасский тем не менее в это время играл важнейшую роль: «царь [Петр I], отправляясь в Азов, — сообщал в «Дневнике» дипломат И. Корд, — назначил князя Черкасского своим наместником». Черкасский — один из ближайших сподвижников Петра I в его великих преобразованиях — умер, по одним источникам, в 1712 г., а по другим — в 1721 г.

Князь. Боярин (1567 г.). Первый из славной плеяды кабардинских князей на русской службе, известных как князья Черкасские, младший сын верховного князя (пши-уалия) Кабарды Темрюка Идарова, первым наладившего твердые политические связи с Русским государством. Он прибыл в Москву в 1558 г., был крещен под именем Михаил и сразу же определен учиться грамоте (является первым кабардинцем, получившим образование в России). В составленной в 70-х годах XVI в. истории России, известной как Лицевой летописный свод, в котором иллюстрируются важнейшие события и эпизоды русской истории, около двух десятков иллюстраций посвящено связям и сношениям России с Черкесией (это говорит о важности, которую придавала Россия наметившимся контактам с западными черкесами (адыгейцами) и пятигорскими черкесами (кабардинцами). Одна из этих миниатюр посвящена Михаилу Черкасскому. На ней отмечены сцены приезда, крещения и обучения молодого кабардинского князя. Еще до приезда в Москву Черкасский имел навыки в военном деле, полученные в походах, которые он совершал вместе с отцом и старшими братьями. И это он с успехом продемонстрировал в первом своем походе, когда возглавляемые им ратники в 1559 г. разгромили большой конный отряд татар на южных, самых беспокойных границах России. В 1561 г. Михаил Темрюкович стал шурином царя Ивана IV. С этого времени он — один из всемогущих сановников Русского государства. В 1563 г. князь Черкасский участвовал в штурме Полоцка, освобожденного от польско-литовского войска. В 1564 г. он женился на дочери боярина В. М. Захарьина-Юрьева, а сосватал ему невесту сам царь Иван IV, состоявший с Захарьиными-Юрьевыми в родственных отношениях (через первую жену). Некоторые историки необоснованно приписывали Михаилу и его младшей сестре Гуащаней (Марии) — второй жене Ивана IV — идею создания опричнины в стране, хотя для этого нет достаточных оснований. Черкасский возглавил все опричное войско. Фактически сын верховного князя Кабарды Темрюка Идарова Михаил Черкасский стал первым человеком в государстве после самого царя. Он сидел первым в Боярской думе, и при перечислении думных списков назывался всегда первым. Однако он также попал под опричный террор. Михаил Черкасский многое сделал для укрепления централизованной власти в России.

**Черкасский
Михаил
Яковлевич**
(?–28.06.1712)

Князь. Боярин (1682 г.). Сын выдающегося полководца и государственного деятеля Якова (Урускана) Куденетовича Черкасского. В 1680 г. он был назначен стольником к малолетнему царевичу Петру Алексеевичу – Петру I. В 1685 г. направлен воеводой в стратегически важный пограничный Новгород (1685 г.), где успешно нес службу в течение нескольких лет. Петр I придавал огромное значение восточным владениям, богатейшие ресурсы которых необходимо было начать разрабатывать для укрепления мощи России. Управлять Сибирским краем в 1697 г. был направлен боярин Михаил Черкасский. Губернатор Сибири, он со своим помощником – старшим сыном, стольником Петром по прибытии в Тобольск развернул работы по изысканию руд, строительству железоплавильных и оружейных заводов. В 1702 г. на смену умершему за год до этого сыну Петру в помощники к Черкасскому был направлен его младший сын, стольник Алексей. Благодаря Черкасскому и его сыну армия и флот регулярно получали из Сибири различное вооружение, боеприпасы, корабельный лес, а казна – золото, серебро, другие драгоценные металлы, пушнину. Строительство новой Петровской России, а также постоянные войны делали освоение Сибири одной из важнейших задач государственного строительства России. По заданию Петра I Черкасский расширяет и углубляет работы по освоению сибирских просторов: здесь строятся города, кирпичные, лесопильные, медеплавильные заводы, соляные копи. В становлении и укреплении русской армии и государства Черкасский с сыновьями сыграл поистине выдающуюся роль. Петр I хорошо понимал значение той работы, которую осуществляли в Сибири отец и сыновья Черкасские, и в одном из посланий, благодаря их, писал: «...за приумножение и неусыпное исполнение государственных дел, приумножение денежных доходов и хлебных запасов, беспристрастное и бескорыстное управление, учреждение железных заводов для отливки пушек, мортир, гаубиц, за делание в Тобольске фузей, тесаков и других оружий..., а также за отыскание в Сибири селитры и за верность и усердие в службе...». В 1710 г., после 13 лет губернаторства в Сибири, Михаил Яковлевич Черкасский вернулся в столицу. Этот крупный государственный деятель, столь много сделавший по освоению огромных восточных просторов России, умер в 1712 г.

**Черкасский
Муцал
Сунчалеевич**
(ок. 1608–1661)

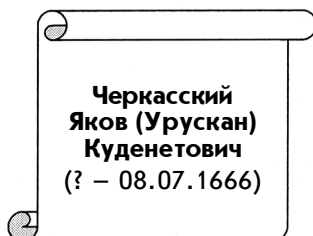
Князь. Официально в должность князя «над нерусским населением Терского города» (Терки) он вступил в 1645 г. (неофициально, т.е. без грамоты царя руководил этим населением с 1636 г.). Активный участник обороны южных рубежей России от крымских татар, он командовал отрядом в 1200 терских казаков и кабардинских узденей, которые в 1645–1646 гг. вместе с русски-

ми войсками в Приазовье разгромили многотысячные крымские и ногайские отряды. Это было первое (после Ливонской войны) совместное выступление кабардинцев вместе с русскими войсками против внешних врагов. В 1651 г. Михаил Черкасский разбил отряды шамхала Тарковского и эндереевского владельца Казаналпа, союзников Ирана, напавших на оборонительный Сунженский острог. Многие северокавказские владельцы присягнули на верность России под влиянием Черкасского. В 1642–1643 гг. он был в Иране, где встречался с шахом Аббасом II, который был женат на его младшей сестре Увжугте, и передал ему царскую грамоту. По поручению царского правительства ему удалось убедить кабардинских князей Алегуко Шогенукова и Хатакшоко Казиева, покинувших Кабарду после Малкинской (1641 г.) битвы и ушедших со своими людьми в верховья Кубани, вернуться в родные места. Москва высоко ценила Михаила Черкасского, придавая огромное значение его деятельности на благо России на Кавказе. В одном из источников он был назван «старым и верным московским присяжником».

**Черкасский
Сунчалей
Канклычевич
(? – 1624)**

Князь. Внук Желегота – младшего брата знаменитых князей Кабарды Темрюка и Камбулата Идаровых. После смерти Ивана IV, укрепляя позиции России на юге, правительство царя Федора Ивановича принимает решение образовать на Терской окраине особое воеводство. В 1588 г. в Тюменском владении кабардинского князя Канклыча в устье Терека, вблизи протока Тюменки, была поставлена военная крепость-город Терки. На основании этого в титул русского царя и было включено дополнение: «Государь Кабардинской земли, черкасских и горских князей». Сунчалей Черкасский, в наследном владении которого была поставлена крепость Терки, основал здесь Черкесскую слободу. В 1603 г. он прибыл с небольшим отрядом узденей в Москву. Причиной поездки послужило резкое обострение обстановки в Кабарде и убийство двух его двоюродных дядей Мамстрюка и Домануко Темрюковичей противниками Черкасских, князьями Кайтукиными. Царь Борис Годунов с почетом принимает Черкасского в Грановитой палате и дает ему право постоянно жить в Терках. Князь Сунчалей активно участвует в укреплении Терской крепости, важного форпоста России в этом регионе, а также расширении сферы влияния Москвы на Кавказе. Со своим отрядом под начальством русских воевод он принимает участие в походе на Дагестан в 1604–1605 гг. В период осложнения политической обстановки (Смутное время), когда некоторые феодалы активизировали деятельность, направленную против России, Черкасский сохранил верность присяге и союзническому долгу, что не позволило турецким войскам захватить Терскую крепость и укрепиться на южных границах России. Сунчалей Канклычевич и его двоюродный дядя Куденет Камбулатович Черкасский (верховный князь (пши-уалий)

Кабарды в 1616–1624 гг.) в период нахождения на юге казачьего атамана Ивана Заруцкого, сторонника Лжедмитрия II, выступили против него. Сунчалеи с отрядом в 700 терских казаков и кабардинских воинов сумел блокировать Астрахань, где засели мятежники. Таким образом, во многом благодаря действиям Черкасского, Северный Кавказ не был втянут в мятеж, а наоборот, его владетели немало способствовали быстрому подавлению мятежа. Молодой царь Михаил Романов по достоинству оценил верность кабардинских князей России в период Смутного времени. В 1615 г. Сунчалеи Черкасский был пожалован русским княжеским титулом, и ему было вменено управлять терскими черкесами и всем «нерусским» населением Терков. Впоследствии его власть распространилась и на казаков, живущих в Терках. Черкасский исполнял и дипломатические поручения Русского правительства. При непосредственном участии Сунчаля в 1614–1615 гг. многие феодалы Кабарды, Дагестана и других народов Северного Кавказа наладили отношения с Россией. Под влиянием Черкасского присягу на верность России в эти годы принесли могущественные кабардинские княжеские роды – Джилыхстановы, Таусултановы, а также Казий Пшеапшоков (Кайтукин). В 1619 г. присягнул России и могущественный князь Большой Кабарды Алегуко Шогенуков. Умер Сунчалеи Черкасский в 1624 г. Два его сына поочередно княжили в Терках, неся нелегкую пограничную службу, и активно участвовали со своими узденями в военных мероприятиях, проводимых Россией в этом регионе.

Князь. Боярин (1645 г.). В 1624 г. приехавший служить в Россию Урускан Черкасский был крещен и получил имя Яков. Сын верховного князя Кабарды Куденета Камбулатовича имел в Москве могущественных покровителей. Его двоюродным братом был всеильный Иван Борисович Черкасский, троюродным – Дмитрий Мамстрюкович Черкасский, а его крестным отцом стал родной дядя царя Иван Никитович Ро-

манов. Яков Черкасский сразу получил чин стольника. Он быстро занял высокое положение при царском дворе – об этом свидетельствует то, что он уже в 1625 г. «сидит первым в Золотой Палате, среди стольников». В 1626 г. он «сидит на жениховском месте во время бракосочетания царя Михаила» (до прихода государя – таков был обычай в те времена). Получив военный и дипломатический опыт еще в Кабарде, Черкасский вскоре выдвигается в число наиболее опытных военачальников и влиятельных государственных деятелей России. Он становится одним из надежных и выдающихся сподвижников царя Алексея Михайловича. При коронации царя Алексея «...первым перед государем ходил». После восстания в Москве в 1648 г., когда ослабла власть воспитателя царя боярина Морозова, Черкасский возглавил правительство Алексея Михайловича. Однако Морозов был возвращен из ссылки, и

Яков Куденетович на время отошел в тень. Но через несколько месяцев он уже стоял во главе Стрелецкого приказа (вооруженные силы), а немного позже возглавил Иноземный приказ (иностранные дела). В 1653 г. Черкасский стал первым воеводой Большого полка, двинувшегося к Смоленску навстречу польско-литовской армии в начавшейся войне за воссоединение Украины с Россией. В августе Черкасский разбил армию гетмана Великого княжества Литовского Радзивилла и занял Оршу. Продолжая наступление, он занял Шклов, освободил Смоленск и овладел крепостью Дубровинской. В 1655 г. Черкасский вновь разбил гетмана Литвы Радзивилла и гетмана Польши Гансевского и занял в июле Вильно, а в августе Гродно и Ковно. На следующий год (уже в Прибалтике) Яков Черкасский овладел Динабургом и осадил Ригу. В 1663 г., когда вновь возобновились военные действия, он в районе городов Мглинь и Кригедом нанес поражение королю Польши Яну Казимиру. Вклад Якова Куденетовича Черкасского в укрепление и расширение Русского государства, а также в развитие вооруженных сил огромен.

**Шогенуков
Алегуко**

(последняя
четверть
XVI – около
1654–1655)

Один из самых влиятельных кабардинских феодалов первой половины XVII в. После смерти своего дяди Казия Пшеапшокова (1616 г.) он более сорока лет возглавлял мощную группировку феодалов Большой Кабарды. Был сильной и целеустремленной личностью, сыграл значительную роль в истории феодальной Кабарды, что нашло свое отражение и в адыгском устно-поэтическом наследии. Политические пристрастия Шогенукова менялись и зависели от складывавшейся ситуации в регионе. На протяжении нескольких десятилетий он являлся одной из главных фигур в феодальной междоусобице, где главными его оппонентами были Идаровичи (Черкасские). В 1619 г. Шогенуков впервые появился в Терской крепости. В обострившейся межфеодальной борьбе молодой лидер Кайтукина рода старался заручиться покровительством русского царя. К 1620–1621 гг. Шогенукову уже удалось сколотить сильную коалицию против Идаровичей (Черкасских). В то время в Кабарде Идаровы уже потеряли ведущие позиции, а их место заняли Кайтукины во главе с Алегуко Шогенуковым. Постепенно при царском дворе начинают понимать это и осознавать важную роль Шогенукова в событиях, происходивших в Кабарде. Напоминая Кайтукиным о их «провинностях», Москва, тем не менее, была готова взять их вновь под свое покровительство на определенных условиях. В 1640 г. Шогенуков обращается к царю Михаилу Федоровичу с грамотой, в которой четко представляется позиция Кайтукиных. Они выражают свое желание сотрудничать с Россией, подчеркивая свое несогласие с тем, что Москва продолжает строить отношения с феодалами Кабарды, в основном опираясь на представителей рода Идаровых (Черкасских). В Москве к позиции Шогенукова отне-

Один из самых влиятельных кабардинских феодалов первой половины XVII в. После смерти своего дяди Казия Пшеапшокова (1616 г.) он более сорока лет возглавлял мощную группировку феодалов Большой Кабарды. Был сильной и целеустремленной личностью, сыграл значительную роль в истории феодальной Кабарды, что нашло свое отражение и в адыгском устно-поэтическом наследии. Политические пристрастия Шогенукова менялись и зависели от складывавшейся ситуации в регионе. На протяжении нескольких десятилетий он являлся одной из главных фигур в феодальной междоусобице, где главными его оппонентами были Идаровичи (Черкасские). В 1619 г. Шогенуков впервые появился в Терской крепости. В обострившейся межфеодальной борьбе молодой лидер Кайтукина рода старался заручиться покровительством русского царя. К 1620–1621 гг. Шогенукову уже удалось сколотить сильную коалицию против Идаровичей (Черкасских). В то время в Кабарде Идаровы уже потеряли ведущие позиции, а их место заняли Кайтукины во главе с Алегуко Шогенуковым. Постепенно при царском дворе начинают понимать это и осознавать важную роль Шогенукова в событиях, происходивших в Кабарде. Напоминая Кайтукиным о их «провинностях», Москва, тем не менее, была готова взять их вновь под свое покровительство на определенных условиях. В 1640 г. Шогенуков обращается к царю Михаилу Федоровичу с грамотой, в которой четко представляется позиция Кайтукиных. Они выражают свое желание сотрудничать с Россией, подчеркивая свое несогласие с тем, что Москва продолжает строить отношения с феодалами Кабарды, в основном опираясь на представителей рода Идаровых (Черкасских). В Москве к позиции Шогенукова отне-

слись отрицательно, вновь поддержав Идаровых. Это еще сильнее обострило отношения между феодальными группировками в Кабарде. В ответ на нападение группировки Шогенукова на владения Идарова рода и их союзников в 1641 г., Идаровы во главе с Келеметом Черкасским организуют ответный поход на Кайтукиных. В сражении, состоявшемся 17 июля 1641 г. у р. Малки, сторонники Идаровых, а вместе с ними стрельцы, были разбиты дружиной Шогенукова, в составе которой находились и карачаевцы, живущие в Приэльбрусье. Опасаясь мести, Алегуко Шогенуков с подвластными ему людьми уходит за Кубань. После Малкинской битвы главной задачей администрации Терской крепости становится возвращение в подданство Москвы Шогенукова и его подвластных. В 1644 г. Муцалу Сунчалеевичу удается уговорить своего шурина Шогенукова подтвердить шерть Москве. В 1648 г. Шогенуков и его уздени начинают получать «жалование» из Москвы. Шогенуков сумел объединить под главенством своего рода значительную часть Большой Кабарды и оставался политическим сторонником Российского государства. Последние сведения о нем мы находим в документах середины 60-х годов XVII в.

К ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КАБАРДИНО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ XVI—XVII ВЕКОВ

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

1550—1590-е гг.

1553 г., январь 1-март 2. Посольство от московских бояр к панам радам Литовским с Никитою Сущевым

А нечто вспросят про Астрахань и Никите говорити: тому три годы минуло, как Астрахань взяли государя нашего казаки; а царь астраханской Ямгурчей из Астарахани ушел бы в Черкасы, да из Черкас присылал государю нашему бити челом, чтоб его государь пожаловал посадил опять на Астрахани. И государь его пожаловал.

Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 59. С. 375—376.

1554 г., сент. 6-дек. 14. Посольство от царя Ив. Васильевича к королю Сигизмунду Августу с сеунчем сына боярского Федора Васильевича Вокшерина

... и после того, как велел его (т.е. Крым. — К. Д.) государь воевати своим холопом Черкасом Пятигорским, то вам, чаю ведомо ж. И нечто молвят: а Черкасы почему государя вашего холопи? И Федору говорити: Черкасы государей наших старинные холопи, а бежали с Резани, а тому два года, как сопасились, приезжали бити челом государю князи черкасские сами, Бугашик, да Танашук, да князь Иван; и государь наш их пожаловал, и они ныне

все служат государю нашему, и как им государь велит, и они так и делают.

Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 59. С. 449.

1555 г., июля 30-ноября 13. Переписка литовских панов Рад с московскими боярами о продолжения перемирия

[Память наказная Савлуку (Турпеев, митрополичий сын боярский, был послан в Литву от митрополита)].

А не одна та земля к государю приложилася: язъ поехал сюды, а к государю приехали черкасские князи Пятигорские: а наперед сего приезжали к государю князи черкасские Алкпыч князь Езбузлуков сын княжой и иные князи ото всех бити челом, чтоб их государь пожаловал, и посылал к ним посла своего Ондreja Щепотева, и Ондрей у них был и всю землю к правде привел. И прислали, все согласясь, к государю бити челом Сибока князя, а Цимгука князя и иных князей; и Сибок князь з братьею и с своими лучшими людьми, человек их со сто; били челом и том же, чтобы их государь с всею землею взял за себя и дань на них положил имати на всякой год по тысяче аргамаков, да ходити князем на всякие государевы службы, а с ними людем их быти на войну по двадцати тысяч. А шавкальской царь и тюменской князь прислали к государю своих послов, дань жо на себя кладуд и на службы на государевы ходити хотят с государевыми воеводами вместе; и язъ поехал, а государь ещо им своего жалованья не сказал, поколку с них дани имати и колких их людем на службу ходити с государевыми людьми вместе. А вспросят Савлука: сколь далече те земли от государя вашего украинь? И Савлуку сказати: от Рязани до Черкас пятнадцать день ходу, а Шавкальская земля и Тюменская земля порядку с Черкасскою землею и с Астороханскою, а Асторохань вам ведомо, что государя ж нашего; а Черкаси сошлись с крымскими улусы, а от Крыма подле море с Астороханью и Шевкалы и с Тюменью с одново...

Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 59. С. 480.

(Из кратких летописных записок эпохи опричнины)

1566 г. В лето 7074-го году. Великий государь царь и великий князь Иван Васильевич Московский и всея России самодержец учинил у себя на Москве опричнину, перешел из Кремля города из двора своего переверзся жити на Неглинку реку на Воздвиженскую улицу, на Арбат, на двор князь Михайловской Темрюковича, и изволил Государь на том дворе хоромы себе строити царские и ограду учинити, все новое ставити. Такожде повелел и в слободе ставити город и двор свой царский, и князем своим и бояром и дворяном велел в слободе дворы ставити и избы разрядные и почал государь в слободе житии князь великий Иван Васильевич со всеми бояры своими, а к Москве стал приезжати з бояры своими на время как ему годно...

Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 226.

1558, февр. 19-мая 3. Посылка от царя Ив. Васильевича к королю Сигизмунду Августу с грамотою Романа Васильевича Олферьева

...а ныне казанские люди и астраханские люди многие и черкасы Пятигорские многие пошли войною на Ливонскую землю; а послал государь наш на Ливонскую землю рать свою за их многие неправды...

И ныне государь наш послал на крымского князя Дмитрия Вишневецкого со многою ратью, да и черкасом кабартинским и ногайским мурзам многим.

...а с ним (т.е. Вишневецким. – К. Д.) велел сниматися нагайским мирзам многим со многими людьми, да черкасским князем Пятигорским, Ташбузруку з братьею, и со всеми Черкасы, и сняв-ся, вместе велел над крымским промышляти...

Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 59. С. 542–543.

1559, мая 11-августа 27. Посольство от царя Ивана Васильевича к королю Сигизмунду Августу Романа Пивова.

А впросят, сколько черкас пятигорских у царя и великого князя? И Роману молвити: у государя нашего на Москве живут Абеслинские, а Машик с братьею, да Джанские князи Сибок с братьею, а с ними людей их тысяч с пять; а кабартинские князи живут на своих улусах, а большого князя Темрюков сын Булгайрук живет у государя нашего.

Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 59. С. 584.

(Выдержки из «Ногайских дел», опубликованных в древней российской вивлиофике)*

Грамоты из ногайской земли государю от Данила Губина (1535 г.)

...а Кошум Мырза, и Мамай Мырза, и Смаил Мырза, и Келмагмет и Урак и все мелкие мурзы собравшие людей, сказали, пошли Черкасс воевать. О они, Государь, стояли в заставе от Крыму береглися всю зиму.

Древняя Российская Вивлиофика. СПб., 1791. Ч. VII. С. 244.

(1559 г.) апрель 25 день. Ногайские послы Темир с товарищи вместе с государевыми послами Петром Савиным и Семеном Малцовым с Москвы поехал

Речь Петра Совина к Исмаилу князю:

А в Черкасы есми в Пятигорские сее зимы послал князя Дмитрия Вишневецкого, да Черкасских князей Амашика, да Сибока з братьею, и многих своих людей с ними послал. А велел если им в Черкасскую сторону со всеми Черкасы Крымскому недружбу делати, и над Крымом промышляти, сколько мочно.

* Они относятся к наиболее ранней группе источников, характеризующих кабардино-русские отношения 1550–1560-х гг.

(1560 г.) 28 мая, ногайские послы в Москве

От Исмаила князя:

А в Черкасы крепкое слово свое прикажи; занже Казыево пристанище у них. А Юсуфову княжому сыну пристанище учинилось Шавкал.

(1560 г.) 27 июня, послы государю от Исмаила

А в Шавкалы есми рать свою на своих недругов и на твоих послал же. И Кабардинскому князю и людям всем кабардинским велел есми ити на Шевкалы со своими людьми вместе...

(1561 г.) август. Грамота к Исмаилу князю

А о Казы мирзе есмя в Черкасы приказали велели над ним прмышляти...

А что еси писал к нам Ибряим мирзины и Ак мирзины жены велети тебе отдати того для что Ибряим мирза и Ак мирза ныне у тебя, и Ибраим мирза и Ак мирза поимали наши Аргамаки и кони, которые вели к нам из Черкас. И тыб им велел наши Аргамаки и кони отдати в Асторохань нашим воеводам.

(1562 г.) января 11 день. Грамота от Исмаила

И похочешь с того промежка Казыя согнати; и ты б послал людей тысячи три или две да шесть сот стрельцов. Чтобы пришли они по той стороны Волги против наших мест, пришли бы вы Юне месяце, и нам бы весть учинили. И мы к тем твоим людям пристанем. И на Казыя пойдем; ож даст Бог, и возмем. А с весны ранее посылай в Черкасы. И будет Казый мирза у них в руках, и ты его вели имать...

(1562 г.) 5 октября. Речь посла от Исмаила

Что его недруг Казы мирза и Черкасы, и Исмаил князь хочет их воевати. И царь бы и великий князь прислал ему тысячу стрельцов. А к Черкасом бы Царь и великий князь послал от себя грамоты, что Черкасы царю и великому князю послушны, и его болши слушают, чтобы Черкасы стали с ним на Казыя с одного, и Казыя воевали. А повоюет Казыя; и он от то леваж на царя и великого князя не друга и на своего недруга и Крыма пошлет воевати...

(Примерно 1562 г.) Грамота от Исмаила князя, привезенная Иштереком Бактерековым

Пущи нам Крыма Казый мирза недруг. И как с того промежка Казый мирза сойдет, и Крымской митят на мне. Буди удаецца, и язь Крым возьму; а не удаецца, и язь за Перекоп людей не выпущу.... И ты пришли многую рать и стрельцов. Пристоял бы еси о том, как бы его с того промежка згонити и похочю сам Казыя воевати. И он стоит в крепостных местех. А надежа ему на Черкасы в крепостях, избывает не дасть ся взятии, толко на помочь людей не будет и стрельцов, и он не дасться взяти...

А Казы мирза пущи Крыма недруг мне. И похочю его воевати

и он с Черкасы соединачился. А места крепки, без пушек и без пищалей взятии его не можно...

(1562 г.) 15 декабря. Грамота от Исмаила Ивану Грозному

Крымской царь, да Казый мирза да некоторые черкасы, которые Казыевой жене племя, и он три их соединачился, да тебе и мне ратные недруги. А и язык сего году с тестем твоим с Темрюком гораздо есмь договорились, что нам обема за один быти на не Другов, и з други дружитися за один же. И то тебе ведомо буди.

(1562 г.) декабрь. Выписка из посольства ближнего дворянина Михайла Колупаева сына Приклонского к Исмаилу князю

Что Казый мирза посылал х Крымскому царю дву мирз рати просити, а хочет Асторохань воевати.

А хоти и придет, и наших людей в Асторохани столко есть, как против Крымских людей стояти. И что еси поговорил с тестем моим с Темрюком князем, и мы ныне к тестю своему к Темрюку послали посла своего ближнего своего человека Семена Степановича Ярцова о всех наших делах с ним поговорити. И ты б с тестем с моим с Темрюком князем о своих делах обослался, как нам против своих недругов стояти. Да что уложите, и тыб тогда ко мне о своих делах приказал...

Продолжение Древней Российской Вивлиофики. СПб., 1795. Ч. X.

(1563 г.) 22 декабря. Из грамоты ногайского князя Исмаила царю Ивану IV

Всего христьянства Государю, что обрели отец мой и язык другу и брату моему Великому князю Белому царю от Исмаилева княжово сына от Тинехмата князя челобитье.

...А что нам с тобою меж себя не отступным быти, тому пособство есть. А пособство тому твоя и моя жены наши обе одного отца дочери не отступлению нашему. И в том пособство будет, того для, в нашей земле толко два человека у одного человека женятца; и те два человека как одного человека детми учинятца, так говорят...

...А Крыма нам воевати не мочно за Казыем, того для, как мы пойдем на Крым, и он придет на наши дома. Толко бы Казый с промежка сшел и Крымской бы минять на нас был, как ни иметца что-бы еси Казыя с промежка згонил. А Черкасскому князю Шигапсуку пособляет, а Темрюка князя обидит Казый же. А отец мой князь с Темрюком князем зговорились были, на весне хотели от толе Темрюк князь, а от селя отец мой князь хотели Казыя воевати. И мы даст Бог на весне как от тебя к нам весть будет, с Темрюком князем содиначимся. А от тебя рать будет и мы Казыя учнем воевати.

Грамота к Царю и великому князю и к Царице и Великой княгине от Тинехматовы княжие от Малхуруб княгини Черкасской

Божью милостию Царю и Великому князю Ивану Васильевичу всея Руси Государю Белому царю послужение волново человека

от великие Малхуруб Царевны рукою в лоб челом молвя, да Гошевне царице поклон молвя слово то.

Мы здесь здорово живем, а и вы бы на многие времена в счастье были.

А мы и день и ночь зятя своего Белого царя и твое родимые свое благотворные и светлость еси очей моих, и веселство еси сердца моего, и радость еси души моей родимоя Гошевне Царица. И мы хотим того, чтобы оба вы здоровы были. А вы со государем своим Белым царем оба вас поговоря нас себе богомолным племянем назвав милость свою учинив многое жалованье свое учините, вы ведаете Государи есте. А сего году вы свое жалование учинив прислали. И мы здѣ перед друзи и недрузи своими честны, и лица наши бѣли учинились вашим счастьем, а вас бы Бог миловал. И после бы сего от сего дни почан свыше бы того жалованье учинив за все бы перед други и недруги нашими нас честных учинили и лица бы наши белы были.

Государи есте, вы ведаете. А тем есте своим нынешним жалованьем перед Государем мужем моим и перед Государем Свекром моим, и нашими служилыми людми и передо всеми лице мое бело и честно учиним есте. И после сего свыше того свое жалованье учинив за все перед други и недруги нашими лице наше бѣло и честно нас учините. Государи есте, вы ведаете. Чтобы веселому сердцу вашему ведомо было жалованье ваше, что есте прислали к нам, шуба соболья, две шубы горностаины, две шубы хрептовы бельи, три шубы облячны, шапка черна, поставь сукна то нам дал. А о прочь того иного нет. Ведомо бы было. Други нам и не други есть. Жалованье прибавите, государи есте. Вашим счастьем хотим казну скопить, злата и серебра много пожалуετε, вы ведаете. Да еще челобитье мое то. И милдешь моя в полон взята. А въселъ де она в Коротаеве в Салтыкех. А полонянке той имя Янѣдевлет, а держит дей уъ у себя что живет у Аракчея, да Яналея Казанец Дирбышем зовут. Толко еъ сыскав отпустишь, Государь еси. Послала есми к вам здоровья отведати Имилдеша своего Бекбаша не так бы еси его смотрили, как иных людей, почишь его гораздо, Государь еси, ты ведаешь. Молвя грамоту написала. А которого есте своего человека к нам прислали, и мы его чтили как вас смотря; а он нас не потому чтил как вас смотря, чтоб ведомо было, написали есмя. Да еще челобитье мое то. Только пожалуετε меня себѣ племянем назовете и выб пожаловали посла ко мне прислали особново. Еще слово то. Друг и недруг мне есть, только будет ко мне прямое ваше жалованье, и вы бы пожаловали десят сот рублей денег. Только пожалуετε слуги наши, которые от нас отъехали, опять к нам хотят ехать, и недруг мой другом хочет бытии, передо всеми ими лице мое бело учините, Государи есте, вы ведаете. Еще вам ведомо буди Ивану Безсонову дала есми два аргамака, смотря его, как и вас смотря чтила есми. А он меня не почтил, и не дал мне ничего, Государи ести, вы ведаете...

А се позади у грамоты писано: Князя у Белового Царя челобитье мое то. А Гошеня бы Царица мое челобитье сказала. Кото-

рой сю грамоту написал Молла мой, чтобы ему свое жалованье учинили. Друг и недруг нам есть, лице мое бело учините. А он мой Молла особой опричь иных. Так бы въедали.

А что мне свое государское жалованье учините, и вы тому человеку прикажите, ково к нам пришлете, Государи есте; молвя челобитная писана...

Продолжение Древней Российской Вивлиофики. СПб., 1801. Ч. XI.

1564 г. 19 октября. — О присылке к царю Ивану Васильевичу из Ногайской Орды Михайла Петрова

С ними приехали к государю гонцы от Тинехмата..., от Тинехматовы княжой Малхуруб княгини Черкасской Илгам Бергутьев...

...С Богданом Шепяковым, от Тинехматовы княжие от Малхуруб княгини Черкасской посол Баисамак Алеманов, от неже к Царице посол Сатым Игибирдеев и людей с ними 23 человека, и 63 лошади.

От Тинехмата князя:

...Да бью челом, что сын мой большой Ормагмет (на иных местах Урмагмет) мирза Темиргуку князю в племянах. И только почтишь, и ты бы к нему посла прислал. Четыре у меня жены...

Письмо от Тинехматовой княжой Малхуруб княгини Черкасской

Всего Христьянства Государю зятю нашему Белому царю от волного человека Царицы многом много поклон молвя, в то еси земле ты здоров был на многие лета, и на многие месяцы. Лица нашего светлости еси. А очей наших зраки еси. Здзсь живучи твоего здоровья хотим, легкой поминонок наш конь. Хотя будет и худ, и тыб за добро взял чего у тебя нет. А шерстью конь гнед. Чтобы зять наш Белой Царь много жалованье свое нам учинил. Твоим здоровьем не без казны есмя, а от злата и от серебра у нас есть. А на ъству запасу и на питье и медубъ еси пожаловал. Слуг у меня много, и убогих многоже. Чтоб еси нам пожаловал прислал пять сот рублей денег пожаловал бы еси.

А шестьдесят семей у меня Базарцов есть, да шестьдесят семей от нас не отхожих наших людей есть. И они надежду держати у нас же хотят. Мы надежду имеем от Бога и улусом Государя от Белово царя надежи нам много, что бы нам пожаловали много. А человек мой, которой послан, зовут его Байсамаком, Карачъй наш доброй, гораздобъ его почтил. Только нас почтишь, и тыб его почтил. Только нас почтишь, и тыб шубы добрые и однорятки добрые по прежнему смотриль.

А здесе Богомолец есмя Ябкей, писана грамота.

Продолжение Древней Российской Вивлиофики. СПб., 1801. Ч. XI.

Письмо от Урус мирзы

...Отца моего княжой Мулла Янкыдыр ныне у брата моего у Тинехмата князя, а брата моего Мулла Ишимъ Абызь у меня бью челом, чтоб его богомолца холопа твоего пожаловал.

(1565 г.) в мае месяце Царь Иван Васильевич ногайских грамот слушав приговорил, в Ногайскую Орду послать посольством детей боярских, а именно... к княгине Малхуруб Черкасской, Василья Иванова сына Вышеславцова;

А в Черкассы к Якшисаат мирзе, к Казы мирзе и к Ислам Газы мирзе сына боярского и служилых татар Государь тогда послать не велел для того, что они к Государю в своих Грамот хъ писали не вежливо, и в то же время изъ Астрахани Государевы воеводы князь Василей Барбашин съ товарищи доносили, что Казы мирзины люди приходили к Астрахани, и стада отогнали. Тогда же прислал к Государю из Астрахани Мамстрюк мирза Темгрюков сын княжий людей своих Тамбу Здрука Сикунова да Шабыча Арсланва с товарищи четырех человек, которые тоже сказали.

Примечание к документу:

Василей Вышеславцов Тинехматовой жене Малхуруп княгине Черкасской в речах имел говорить сие: что Государь к ней свое жалованье посылает, а Царица и Великая Княгиня Марья ее так же жалует.

(1565 г. март) Из Москвы отпущены ногайские послы, с которыми посланы государевы послы.

А к Тинехмат князю в грамоте велено отписать:

...А что приехала Асанак мирзина княгиня Тахтамышева Царевича, да Бекбулатова царевичева сестра ко Государю да ис племянем с Алтынчанъ Царицею видетись, да и с племянником Саинбулатом, и ту княгиню пригоже Государю пожаловати, что братье ее родные Государю служили и головы положили...

А что другая княгиня Дюнгеман Бек Булатова жена приехала, а там называлась Тинехматовъ княгине Черкасской племя, а здьесе она самаже Тинехматове княгине племянем ся не называет. И тебе отпустити и платейцо ей дати лехкое...

Продолжение Древней Российской Вивлиофики. СПб., 1801. Ч. XI.

(Запись о Марии Темрюковне)

Здесь по порядку следовало быть второй свадьбе царя и великого князя Ивана Васильевича; но как описания оной не отыскано, по сему за нужное суждено сообщить только, что царя и Вел. Кн. Ивана Васильевича вторая супруга была Мария Темрюковна дочь Черкасского кн. Темрюка Айдаровича, ради красоты своея заступившая место первыя супруги, которые отец не задолго пред тем подвергнулся в подданстве к царю, и единый сын и едина дочь его должны были быть залогом верности его. Они были окрещены в Москве, и сыну дано имя Михайло, а дочери Марья. Время бракосочетания не ближе можно определить, из Дженкинзонова второго путешествия в Персию. (собр. Российских повестей, V ч. стр. 451), как в 1561г. августа 20 числа; ибо когда Дженкинзон прибыл в Москву, тогда намерялся Царь сочетаться браком с оною княжною. При том то подтверждается и сим, что когда в

1563 году взял Царь-град Полоцк, о взятии оногo послал в Москву с радостным известием нарочного вестника к супруге своей Марье Темрюковне и к брату ея Боярину Михайлу Темрюковичу, в 1568 году, уповательно, что брат и сестра его кончили жизнь свою несчастным случаем. Она погребена также в Вознесенском монастыре, но дня ее кончины в монастырских известиях не показано...

Древняя Российская Вивлиофика. М., 1790. Ч. XIII.

1560 г. Посольство Ивана IV в Польшу

... Послам предоставлен выбор: большую ли Анну, или меньшую, Катерину (сестры польского короля – К. Д.), требовать в супружество, по разведении «которая из них моложе, красивее, здоровее и плотнее», коих и портреты испросить для Государя, с тем, что которая понравится Государю, о той и договор учинен будет в Москве с Польскими послами; а дабы сие дело тайно было, то дьяк Шапкин к присяге приведен ни кому о сем не открывать.

Переписка между Россиею и Польшею по 1700 гг., составленная по дипломатическим бумагам Н. Н. Бантыш-Каменским. (1487–1584). Ч. 1. С. 111.

(Выписки из Местнических дел)

...В том же 70 году, как Государь Царь и Великий князь Иван Васильевич всеа Руси стоял в Можаяску, а готовил свой Государев поход под Полатеск, и были у Государя Рынды от Москвы до Можаяска: у большово саадака князь Михайло Темрюкович Черкасской, у большово копья князь Александр Черкасской...

Лета 7071 поход Государя Царя и Великого князя Ивана Васильевича – всеа Руси к Полоцку, и были у Государя Рынды: с большим саадаком князь Михайло Темрюкович Черкасской с другим саадаком князь Борис Васильевич Серебряной, с третьим саадаком князь Иван Иванович Лыков.

Лета 7076 Государь Царь и Великий князь Иван Васильевич всеа Руси на весну расписал воевод: в большом полку князь Михайло Темрюкович Черкасской, в сторожевом полку боярин Захарья Иванович Плещеев, да Окольный Василий Иванович Умного-Колычов.

Местничество. Дела, собранные действительным членом П. И. Ивановым // Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей Российских / Под ред. Погодина. М., 1838. Т. II. С. 263, 280, 283.

1560 г. — Из наказа польского короля Сигизмунда Августа послу в Крым Скумину Тшикевичу

Господар мой, божью милостью великий господар велел тебе брату своему говорити: Тот неприятель наш и твой, брата нашего, князь великий московский, маючи з нами и панствы нашими до певных врочных лет перемирье, в землю Ифлянтскую, которая есть у в обороне нашей войско свое всылаючи, кровопролитье и шкodu чинить, иную землю пустошить. А мы через присягу нашу в перемирье стережем войск своих с панства нашего великого

князства в землю его слати до вышстья перемирья, а так иж есьмо на жаданье твое, брата нашего, чинечи, вспоминков Магмет-Киреевских тебе поступили, ты бы, брат наш, приязнь свою противно нам водле обетницы своее через послов твоих вчиненое оказал; а сее теперешнее весны по траве, ничим не вымовляючи-се на конь свой узседчи в землю московскую з войском своим тягнул и неприязни над неприятелем нашим // и своим з божью помощью доводил, и нехайбы ся обетница твоя царская нам на всем выполнила, яко я еси обещал и до нас усказывал; што естли брат наш учиниш, владчность приязни своее окажешь, и потому познаем твою братскую, к нам уставичную приязнь, за чим и нам вдячно будет для тебе, брата нашего; чинити, и слуг твоих верных наделяти и подокончанью правити, видечи твою зычливую приязнь брата нашего, а их верную службу.

Господар мой, божью милостью великий государ, велел тебе, брату своему, говорити:

Естлиж ты, брат наш, за якими великими причинами, сам бы, особую своею не пошел, ты бы сына своего Магмет-Кирея-Кгалку царевича з войском своим послал и неприязни над неприятелем доводил бо есьмо и ему богатырь сольтановых в поминков поступила, для того же он обец не землю неприятельскую шкодити и воевати обещал, бое естли бы воеводы з войском совим противно тебе отправил але хотя бы и сам особую своею у войску был тогды с тое стороны от поля силы великое мети не может, иж великое войско до Ифлянт обернул, про то и малыми людьми можешь шкодити тому неприятелю. А теперешнему часу и погоды таковое не омешкивал бы еси, брат наш; бо естли он успокоить границы свои от земли Ифлянское, немается где инде обернути, только // на твое Панство. А с того лацно порозумети мошешь, якими причинами и на черкасы пятигорские заходить хочечи, их собе пригорнути и сповиновати, абы их противно тебе, брату нашему обернул, и яко во всих иных речах так и в том маеть пан Скумин, цару его милости мовити, справуючисе водле науки на посельстве ширей и достаточной на письме ему деное, нижли абы царское войско шло без всякого омешканья, то з великою пильностью маеться домовляти; а естли толмач, посла у ворде не зоставши, сам то справовати бует, тогды тажеж с пильностью мовити маеть Галеѣятом всим, або которому поручит Скумин, абы при нем царь; або сам пошел, або царевича з людьми в землю неприятельскую, доводечи неприязни, послал.

РГАДА. Литовская метрика. Оп. 2. Т. 591, л. 210—211.

Книга Посольская Метрики Великого княжества Литовского. Т. 1. М., 1843. С. 184—185.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 1—3.

Повесть о свершении большия церкви Никитского монастыря. 1564 г.

И приказал государь царь и великий князь игумену обители тоя ждати себе на освящение церкви и со святейшим Афанасием мит-

рополитом и с благоверною царицей новопросвященною Мариною и с благоверным царевичем Иванном, по Пасце шестые недели... Благочестивый ия царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси и соблаговерною царицей Мариною, и со своим сыном благородным благоверным царевичем Иванном, и с братом своим благоверным князем Владимиром Андреевичем, и со всем свои царским синклитом, князьями и бояры, всеюшного слушав, и на заутрени первую статью сам благочестивый царь пел и божественная литургия слушал и крестным пением с своею станицею... Последи же благоверного царя Ивана Васильевича, его благоверная царица Мария тако же молебнов слушала у Христова мученика Никиты переславского чудотворца и милостынею братию доводяше от своего царския ризницы. Игумен же обители тоя соборне молебны пел и благоверную царицу со священники и со клирицы, и со всею бритиею по обычаю царьскому проводил до врат монастырских. Благоверная же царица и великая княгиня Мария во вратах монастырских учала наказывать игумену и всей братии и молебно глаголати сокрушенным сердцем, чтоб-де есте молили всемилостива Бога и пречистую его мать пречистую Богородицу и великих чудотворцев русских Петра и Алексея и Ионы и преподобных чудотворцев Сергия и Никона, и Никиту переславского чудотворца, о здравии благочестиваго царя Ивана Васильевича всеа Руси самодержца и о нашем здравии, и о благоверных царевичех Иванне и Феодоре и впредь бы есте молили Бога и пречистую его мать, и великих чудотворцев русских, и преподобнаго чудотворца Никиту, чтоб наш господь Бог даровал плод чреву в наследие царствия нашего, и о долголетствии нашем, и о чадах наших. И паки молили бы есте господа Бога и пречистую его мать, и всех святых о устроении землем, и о тишине, и о мире всего православнаго христианства. И по наказу своего царьскаго обычая благословение восприим благоверная царица Мария от игумена обители тоя и мир подав игумену и всей братии и вдая благоверная царица путному шествию за благоверным царем. Игумен же и вся братия вельнею радостью обвеселяшеся и о наказе благоверных царицы, что в новейшем сосуде излияся такова благодать Христова, новоизбранное семя благочестия, и воздаши слава богу о всем, и угодником ея великим чудотворцем, и преподобному чудотворцу Никите, что в сия времена такова благочестия сподобилася своим ушами слышати и очима видети. И пошел Государь благоверный царь Иван из Переяславля, и с благоверною царицей, и с сыном своим благоверным царевичем Иваном в новую Александровскую слободу.

Опубликовано в кн.: Тихомиров М. Н. Российское государство в XV—XVII вв. М., 1973. С. 389—391.

1567 г. октябрь. — Грамота крымского царевича Адиль-Гирея царю Ив. Васильевичу с требованием снести Терский город

...Адиль-Кирей царевичево слово великому князю, брату нашему Ивану Васильевичу. Поклон заповеди честное с любовью

слово то. Наперед сего вольного человека отца моего в царех величайшего // великого царя величество к тебе честные ярлыки свои посылал о дружбе и о миру, чтоб меж вас дружба и доброе дело было. А и яз человека своего посылал с честным своим ярлыком, чтоб доброму делу быти. И от тебя и по места отвестья подлинно и не бывало. Слышел есьми, что на Терке город ставишь, и брат мой Магмет-Кирей – царевич да и яз ходили того досмотрити правда ли то, и мы то видели, что то правда. И мы Кабарту повоевали, а взяли полону больше двадцати тысяч да животных и овец много взяли и вся наша рать наша навоевалась. И ныне только того города велишь снести, а Хандыкеревых подручных земель людей не истеснишь // а людей своих уймешь, а к нам ротную и шертную грамоту пришлешь и яз вольного человека отца своего величеству гораздо учну печаловатца и пособствовать о том учну, чтоб меж вас доброму делу быти. А что присылал прежним нашим наперед сего казну, и та тебе казна давать и только по тем речем не хошь быти, которые в сем ярлыке написаны, и ты бы отца моего царевих послов отпустил в Путивль, а твоих бы послов наперед взяли и розменилася. А послы меж нас чем виновати, чтоб нам послы розмениться, а рота на тебе останетца, и потом кому что бы даст то и будет. С сем своим ярлыком послал есьми посла своего Исака // с тяжелым поклоном с лехким поминком и ты б принял с любовью молвя. Ярлык писан лета 975-го месяца.

Писано в Бакчесарае.

РГАДА. Посольский приказ. Сношения России с Крымом. Кн. № 13, лл. 77–78 об.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 6–7.

1567 г. ноябрь 21. — Из «списка» русского посла в Крым Афонасья Федоровича Нагова

Лета 7076-го ноября в 21 день. Сказали Офонасью и Федору и Микифору толмачи Собаня Рязанов да Нагай Сеундюков: приехали дел ко царю к Девлет Кирею ис Тюмень от тюменского князя Токлуя сын его Маметь Мурза да от тюменского же мурзы от Атяка сын его Тюгей мурза бити челом царю, что московской государь в черкасах на Терке горд поставил, и нам дел от него пробыти не мочно.

А шевкал деи московскому государю послал служить внука своего с великими поминки, а сам деи бьет челом, а хочет быти в его воле, а мы деи бьем челом тебе, чтоб за нас ты вступился.

РГАДА. Посольский приказ. Сношения России с Крымом. Кн. № 13, лл. 161 об. — 162.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 10.

1567 г. декабря 20. — Приговор Боярской Думы и царя Ивана Васильевича о посылке поминок крымскому хану Девлет Гирею

И декабря 20 день бояре князь Иван Дмитриевич Бельской да князь Иван Федорович Мстиславской и все бояре о крымской посылке говорили — Посылати ли з гонцом в Крым ко царю поминки

или не посылати, что царь ко царю и великому князю писал в своей грамоте, не велит царь и великий князь с Терки реки з (3 ?) города снести и Магметь Киреевских поминков к нему не пришет, каковы посыланы с Аппак Азеем, и он в миру со царем и великом князем быти не хочет.

А Офонасей Нагой писал ко царю и великому // князю, что было у царя слово от царевичев и ото всея земли, что царю со царем и великом князем миритися не велят, что взял два юрта бусурманских да немцы взял, ино деи царю поминки дает хотя короля извоевати. И как извоюет и крымскому юрту от него не пробыти, казанцом деи шубы давал, и тем бы шубам крымцы не радовались, после деи того Казань взял. И Офонасей бы ту Сулешеву службу до государя своего царя и великого князя донес, да и сам царь Офонасью говорил, на которых поминках царь и великий князь ссылаетца и Мурат-мурзу хочет взять, а после того хочет посылати поминки лехче тех. И яз деи не токмо Мурат-мурзу завоюю и сына своего не пощажу, а свой сором покрою. А будет деи царь и великий князь на Терке реке город ставит, и мне деи давай гору золоту и яз не помирюсь.

И бояре поговорили, что поминковко царю з гонцом не посылати, каковы посланы с прежними гонцы, с Лукою Новосильцовым и с Семеном Алябьевым, потому что сам царь то Офонасью изъявил, что со царем и великим князем без Магмет-Киреевских поминков и для города Терки миритися не хочет, да и того для б поминков не послати, что царь прислал гонцов своих, Алея с товарищи а за ними прислал воинских людей на Северские места, да то положили на государскую волю. //

А поговорили чтоб послати поминков ко царю против его поминка, что прислал ко царю и великому князю аргукак.

Да писал царь ко царю и великому князю о запросе и дву кречатех, и бояре поговорили вречат послати а о другом, как государь произволит.

А от царевича Ивана ко царю о поминке положили на государеву волю. И царь и великий князь боярского приговору слушал и приказал послати в Крым з гонцом на триста рублей царю, и калге, и царевичем большим, и царицам и князем немногим, которым пригоже имянным, чтоб со царем дела не порвати. А в запрос от государя послати ко царю кречат, а от царевича ко царю в запрос послати Чеглич.

РГАДА. Посольский приказ. Сношения России с Крымом. Кн. № 13, лл. 83 об. — 85.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 11.

1568 г. янв. 19. — Грамота из Посольского приказу русскому послу в Крым А. Ф. Нагому о порядке ведения переговоров с крымским ханом Девлет-Гиреем

От царя великого князя Ивана Васильевича всеа Руси в Крым послу нашему Офонасью Федоровичу Нагово да Федору Андреевичу Писемского.

Писали есте к нам с Лукою Новосильцовым да с Семеном Олябьевым как ся у вас наше дело делало, да и списки есте тамошних дел к нам прислали, и нам те дела ведомы. А Девлет Кирей царь с своим гонцом с Алеем писал к нам в своей грамоте, что он преж того писал к нам о Казани и о Асторохани, потому тех юртов у нас просил, что те юрты от прежних лет мусульманство было и поминки б нам к нему потому // присылати, как посыланы к дяде его, к Магмет Кирею царю, с Аппак Азеем, и с Терки бы наш город снести вместе. И только мы с Терки бы наш город снести велети. И только мы с терки город снести велим, и Магмед Киреевские поминки к нему пришем, и он не своей правде и роте быти хочет. А шефкальцы мусульманы, а от прежних его и по ся места ему с черкасы ссылки были. И турскому салтану черкасы подручны были. А не похотим так, и нам бы его послав, которые у нас, Янболдуя с товарищи, к нему отпустить и убытка им не учинити, а он по тому ж вас без убытков к нам отпустит и гонца б его Але/я/ отпустить. А наперед бы нам гонца своего к нему прислати. И мы г Давлет Кирею послали гонца своего Исто-му // Осорина з грамотою, а какову есьмя ко царю грамоту послали, и мы с тое грамоты послали к вам список. И как Истома Осорин о же даст бог в Крым приедет и о том есьмя ИстOME наказали, чтоб ему велети стати у вас и вы б г Девлет Кирею царю шли, а Истома б шел с вами вместе. И царю бы есте говорили, что пишет к нам Девлет Кирей царь о Казани и Асторохани чему сстатись невозможно. И будет царь похочет с нами в дружбе и в любви в крепкой быти, и он бы те дела оставил, которым сстатись невозможно. А что есть у нас юрт мусульманской Касимов городок в Мещере, на котором юрте был Шигалей царь, а после его дочь осталась, и похочет с нами в дружбе и в любви быти, и брат бы наш Девлет Кирей // царь прислал к нам сына своего царевича или внука своего, и мы его на том юрте устроим, и дочь Шигалея царя за него дадим и учнем его честно держати по тому ж как и Шигалея царя преж того, в которой чести держали есьмя, и на недругов бы наших был с нами заодин. А нечто царь учнет говорити или Сулеш или которые ближние царевы люди, что мы на Терке город поставили, а черкесы подручны турскому салтану, и тот бы с Терки нам город снести велети, и вы б говорили – город есьмя на Терке реке поставити велели по Темгрюкову княжому челобитию, что есьмя его пожаловали, взяли дочь его за себя, и которые чаркасы были ему послушны, и те черкасы многие досады и убытки юрту его поделали, и того для велели есьмя город поставити на его земле беречися ему от своих недругов. И будет вперед те черкасы с Темгрюком князем помирятца на его воле, и черкасом от того города ни которого убытка не будет. А что к нам пишет Девлет Кирей царь, что роту и шерть порушили, мы, а не он, и посла своего Мурат мурзу к нам не послал, и о том бы есте царю говорили: как мы преж того перед его гонцом Ащибашем правду учинили на чем нам с ним братом моим в крепкой дружбе и в любви быти, и о тех о всех делех к нему есьмя

писали с тобою, с Федором Писемским с Ащибашем вместе, и на той правде и ныне стоим, ино он, брат наш, тогда ж свою правду порушил, приходил к городу Рязани и на рязанские // места, а после того приходил на наши украинны на Болховские места, ино то знатно хто правду порушил. А ныне присылал к нам гонца своего Алея з грамотами, а за ними приходили на наши украинны на Северские места Исмаил мирза, Аигозя мирза, Колкоман мирза с воинскими людьми и нашим украинным людем убытки поделали. И вы б о том царю говорили – похочет с нами в дружбе быти, как есьмя к нему писали с Истомою Осориным и сына своего царевича или внука похочет к нам отпустить, и он бы прислал к нам своих великих послов, которые бы меж нас крепкую дружбу и любовь могли зделати и вас бы с ними ж вместе отпустил, а наперед бы тебя, Федора, и гон//ца нашего Истому к нам с тем отпустил, что он царевича к нам и послов своих к нам отпускает и которой срок учинит царевичу и послом своим, и вам с ними вместе быти на сем реку и мы к тому ж сроку посла его Янболдуя с товарищи и своего посла Федора Игнатъевича Салтыкова Морозова с поминки на Сели реку пришем каковы поминки посылали есьмя к Саип Кирею царю со князем Александром Кашиным вместе с Сулешем князем...

Писан на Москве лета 7076-го генваря 19 день.

РГАДА. Посольский приказ. Сношения России с Крымом. Кн. № 13, лл. 101 об. – 108 об.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 12–15.

1568 г. январь. — Из наказной памяти Посольского приказа русскому гонцу и крымскому хану Девлет-Гирею Осорьину

А нечто вспросят Истомы как ныне государь ваш с литовским, и ИстOME молвити. Государя нашего украинные люди, из Литовские земли не выходя, воюют и города в Литовской земле ставят.

А нечто учнут спрашивать. Истому о Казани, и ИстOME говорити. — О Казани что и го//ворити Казань государя нашего во всей государской воле, церкви в городе и архиепископа учинил и по уездом многие церкви поставлены и в городе и на посаде все русские люди живут и по селом многие русские люди живут, и иные города в Казанской земле поставлены. А многие земли пожаловал государь, раздавал княжатам и детям боярским помещиком и поместья и укрепии по христианскому закону.

А нечто учнет царь или которые князи учнут говорити про Азторохань, и ИстOME говорити. — Азторохань водчина государя нашего, устроил ее государь как тому юрту неподвижну быти.

А нечто вспросят об Нагаех и ИстOME говорити: нагайской Тинехмат князь и Урус мирза Исмаилевы дети з братьею и с пле//мянники государю нашему служат и послы и гости ко государю нашему безпрестанно ходят, а государя нашего гости и всякие люди из Нагаи не выходя в Нагаях живут, торгуют, и правду Тинех-

мат князь Исмаилев сын з братьею и з детьми и с племянники государю нашему учинили на том, что им з государя нашего слова ни в чем не выступити, что им государь наш велел делати, то им и делати. А которые нагайские мирзы государю нашему служат в Московском государстве, а живут по городом и помесья и ясаки им подаваны и на государские службы ходят в головах, Абреим мурза, Эль мурза Исуповы дети княжие Темир мурза, Безан мурза Уразлыевы дети // да Амангазы мурза, да Досы Магмет мурза Шиидюковы дети княжие, да Юносовы дети княжие и иные многие мырзы нагайские. А ныне ко государю нашему на войну ж пришли из Нагаи Асанаковы дети Кошумова Караул мурза да Юрыш мурза и иные мирзы со многими нагайскими людьми, а просились на государя нашего недруга на литовского короля и государь наш в Литовскую землю воевати их отпустил.

А нечто впросят Истому чего для царь и великий князь на Терке реке велел город поставити, и Истоме говорити: государь наш царь и великий князь Темгрюка – князя Айдаровича Черкасского пожаловал, взял у него // за себя дочь его, государыню нашу царицу и великую княгиню, и Темгрюк князь присылал бить челом государю нашему, которые черкасы ему были послушны и те учили ему многие убытки делати, и государь бы пожаловал на его земле велел для его недругов город поставити. И государь наш на том месте велел город поставити для Темгрюкова челобитья, чтоб ему от своих недругов жити безстрашно.

Да проведывати Истоме про Калгу Магмет Кирея царевича и про Адыл Гирея царевича, что ходили они на черкас и которых князей черкасских кабаки воевали, и не было ли им // в том походе какова изрону, и будет им изрон каков был и многим ли людем каков изрон был.

И как ныне турской // салтан со царем крымским и с Кизыл башем и с угорским и с литовским и с чешским и со всеми пограничными суседы, с которыми в миру и с которыми в розмирье...

Да и про крымского царя ему проведати, как его салтан турской держит, и нет ли какова салтанова на крымского царя гневу и будет каков гнев на царя есть и что его, гнев, и что про то крымской царь умышляет...

...Да и того ему проведывати из Нагаи от Тинехмата князя и от беглых мурз нагайских, которые стоят на поле меж черкас и Азова от Казыя с товарищи о каких делех присылка была ко царю и что царев приказ к Тинахмату князю и зделка меж их какова есть ли. Да и про Девлетки // реева царева сына, про царевича Мурат Казы ему проведати, которого для дела царь сына своего х Казыю в улусы отпустил и на чем Казыю о том договор был, чего для того царевича Казыю у себя держати, и что его умышление, и многих ли людей царь со царевичем х Казыю отпустил, да что проведает и ему то все себе записать.

РГАДА. Посольский приказ. Сношения России с Крымом. Кн. № 13, лл. 127 об. — 133.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 19–23.

1569 г. мая 10. — Из статейного списка русского посла в Крым А. Ф. Нагова о сообщении тарковского шевкала относительно согласия его на постройку русского города у р. Овечьи Воды

Мая 10 день Сказали Офонасью, и Федору, и Ивану, и Микифору Толмачи Петр Иваков да Собаня Резанов, да Нагай Сеундюков, да Лысой Разгозин: приехали деи ко царю из Шевкал от Шевкала посол его Бекбулат, а прежде сего была на Москве в гонцах. А писал деи ко царю прислал деи ко мне царь и великий князь посла своего, а про//сит деи у меня реки Овечьих вод, а хочет деи город поставити. И яз деи ему Овечьи воды дал. А не дати деи было ему не мочно, против деи его не устояти ж. А как деи поход твой к Асторохани будет, и яз деи посла его встречу, к тебе пришло. А из Тюмень деи от Тюменского князя Тюченя итак мурзина сына приехал ко царю посол его Адабай, а писал деи ко царю, дяди де моего Токлюя князя Тюменского не стало и Землею деи полюбили меня, и яз деи ныне сел на княженье.

РГАДА. Посольский приказ. Сношения России с Крымом. Кн. № 13, лл. 249—249 об.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 24.

1569 г. декабрь. — Из наказной памяти, данной в посольском приказе русскому гонцу в Турции И. П. Новосильцеву, об ответе на вопрос о причине постройки Терского города

...А нечто вспросят Ивана чего для царь и великий князь на Терке реке велел город поставити, и Ивану говорити: государь наш царь и великий князь Темгрюка князя Айдаровича Черкас//кого пожаловал, взял у него за себя дочь его, государыню нашу царицу и великую княгиню, и Темрюк князь присылал бити челом государю нашему, которые черкасы ему были послушны, и те учили ему многие убитки делати, и государь бы пожаловал на его земле велел для его недругов город поставити для Темгрюкова челобитья, чтоб ему от своих недругов жити безстрашно. И государь наш по Темгрюкову княжому челобитью того для и город велел поставити.

РГАДА. Посольский приказ. Сношения России с Турцией. Кн. № 2, лл. 25 об. — 26.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 25.

1570 г. декабрь. — Грамота царя Ивана Васильевича старшей жене хана Девлет Гирея Айшебрат Масалтан о посылке ей жалованья для поездки в Мекку

Божиею милостию царя и великого князя Ивана//Васильевича всея Руси Аишефит Масалтан царице слово наше то.

З брата моего з Девлет Киреевым царевым гонцом з Бором человека своего Асана з грамотою к нам прислала еси, а в грамоте своей к нам писала еси, что молвя нашей семье твоим отцом один братья были, нас и тебя побольши богу надобно было помянуть было ей чернеческое книга евангелие, да в её б место мы здоровы были, больши нас твое сердце болело, отцы ваши одны братья были, воля богу для того нас навещати самого холопа Асана послала

еси приехав ко мне у нас просите, то и вы ркли были в Меку ехати для того у меня на дорогу на обиход пособ прошаешь, пожаловать//бы яз не сказал к Меку на обиход прислал как бог даст, сего б походи холопом не оставить, в Меку б на обиход прислать.

И мы грамоту твою вычли и вразумели гораздо и что еси писала в нашей царице и великой княгине, что божиим судом от здешнего света в покой преставился, а отцы ваши братья были, и ты хочешь итти в Меку и нам бы о том не молить, дать тебе на обиход на твой. И в нашем законе христьянском обычай и по смерти тело розлучаетца, а душа от любви духовного совета не отлучаетца. А мы спамятуя свою царицу и великую княгиню Марью и по смерти с кровных её беречи и жаловати и вперед ради есьмя, а для//прошения твоего послали есьмя к тебе с своим гонцом з Богданом Шапкиным 300 рублей, так бы еси ведала.

Писан в слободе лета 7079-го декабря месяца.

РГАДА. Посольский приказ. Сношения России с Крымом. Кн. № 13, лл. 384 об. — 386 об.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 26.

1584 г. июня ранее 5. — Грамота царя Федора Ивановича турецкому султану Мураду о поселении на Тереке беглых волжских казаков и о сыске захваченных ими турецких послов

Писал еси к отцу нашему, блаженные памяти к великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси с купцом своим с Мал//мудом, что преж всего посылал еси гонцом своих Мустофу да Магмеда для своего дела з грамотами к железным воротам, к воеводе вашему Мукасаман паше, и на поле их нагайские люди громили. И они были у нагайских людей поутекали, и на Терке их наши беглые казаки взяли и отвели в наше государство. И нам бы тех ваших гонцов в нашем государстве сыскать велети отдать вашему купцу Малмуду, и мы тех твоих, брата нашего, людей сыскивати велели. А на Терке живут все воры беглые казаки; а мы людей своих на Терку не посылаем с тех мест, как писал к отцу нашему к великому государю князю Ивану // Васильевичу всея Руси брат наш, крымской Магмет Кирей царь, чтоб отец наш тот город для тебя, брата нашего, велел разорити и людей своих свести. А крымской Магмет Кирей царь о Терском городе просячи у отца нашего писал, чтоб отцу нашему, блаженные памяти великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси тот город Терской сметать велели. И отец наш, великий государь, царь и великий князь для тебя, брата нашего, и для брата нашего Крымского Магмет Кирея царя тогды ж тот город велел разорить и воевод своих и людей всех с Терки свести велел и вперед из Астрахани на Терку людей своих посылати не велел.

Писана государства нашего дворе града Москвы лета от создания миру 7092-го июля месяца.

РГАДА. Посольский приказ. Сношения России с Турцией. Кн. № 2, лл. 254—256.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 30—31.

1572 Апреля 29. Из Соборного определения о браке царя Иоанна Васильевича

...потому же Царь и Великий князь приложил совокупитися ко второму браку и поять за себя из Черкас Пятигорских девицу, и крести ю, и нарече во святом крещении Марию, и с тою осьм лет жил, и также вражиим злокозньством отравлена бысть и на мно-
зе болезни многоразличны скорби претерпев ко Господу отъиде;

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. СПб., 1856. Т. 1 (1594—1598). С. 329.

1585 г. позднее июля 22. — Грамота русского посла в Турцию Бориса Петрова сына Благово из Азова в Посольский приказ

Государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии холоп твой Бориско Благой челом // бьет.

Посылал еси, государь, меня, холопа своего, для своего государева дела к турскому к Мурат-салтану, и я, холоп твой, зимовал в Кафе, а ис Кафы, государь, отпустил меня в Костомон к Асман-паше марта в 2 день. А в Костоном, государь, приехал я марта в 5 день и у Асман-паши, государь, был. И Асман-паша говорил мне, холопу твоему, о терском деле, как на него приходили терские казаки и о терских казаках, чтоб тебе, государю, с Терки велеть казаков свести всех, чтоб ему проход был в Кизыл-баши безстрашен. А ис Костомона, государь, отпустил меня, холопа твоего, Асман-паша во Царьгород марта в 26 день, а во Царьгород приехал апреля в 8 день.

И апреля в 20 день // велел, государь, царь мне быти у себя. И яз, холоп твой, был у царя и от тебя, от государя, поклон правил и речь говорил и грамоту подал. А назаутрее велели, государь, мне быти паши у себя, и я, холоп твой, у пашей был, и паши, государь, говорили мне, холопу твоему, которые речи я, холоп твой, говорил от тебя, от государя, турскому, и те твои государевы речи турскому добре учинились любы, и хочет с тобою, з государем, быти в великой дружбе и в любви и к тебе, к государю, ныне посылает со мною, холопом твоим, о братстве и о любви своего посланника с тем, чтоб и вперед меж вас, государей, была дружба и любовь братская. Да тебе ж бы, государю, велети с Терки из Дону от Азова // казаков всех свести. А турской против того хочет унять крымсково царя и Казыев улус и азовских и белгородцких людей всех, чтоб не ходили на твои, государевы, украины с войною ни один человек. Да со мною ж, холопом твоим, говорил в розговоре пристав Ромодан-чеуш, что писал к тебе, к государю, турской в своей грамоте с чаушом. — Слух дошел до турсково, что крымской Малмечь-Киреев-царев сын Мурат-Кирей-царевич поехал к тебе, к государю. И турской писал, чтоб тебе, государю по его прошению того царевича турскому велел отдать.

И майя в 18 день велел, государь, мне царь у себя быти на отпуске, и яз, холоп твой, у царя был и того дни царь меня, холопа

твоего, отпустил, // а со мною, холопом твоим, послал к тебе, к государю, посланника своего Ибраим-чауша, которой был у меня, у холопа твоего, в приставех. И жил я, холоп твой, во Царегороде 9 недель, а из Царягорода поехал июня в 12 день. Да к тебе ж, к государю, послал Асман-паша з грамотою человека своего Ибраима, да и ото всех пашей к тебе, к государю, грамоты с чайшом есть ж.

А в Кафу, государь, пришли июнь в 21 день. А как я, холоп твой, приехал в Кафу, и назавтрее, государь, пришли ко мне, холопу твоему, на двор из утра рано черкаские князья со многими черкасы с великим шумом, а говорили мне, холопу твоему, что донские казаки поимали меж турского городов меж Керчи и Банлысарая на море черкас многих // рыбных ловцв, а иных побили досмерти, а те де казаки тебе, государю, служат, и мы де либо сами помрем, или тебя со всеми людьми побьем. И я, холоп твой, велел им говорити, чтоб они шли к паше, а яз к паше о том прикажу, чтоб паша велел мне с собою видетися. И того дни я, холоп твой, у паши был, и паша, государь, говорил мне, холопу твоему. – Посылает турской на службу в Кизылбаши черкасских князей с черкасы, а ныне те черкаские князи приходят ко мне с великим шумом, что им не мочно итти на службу для того, что твои государевы донские казаки, пришед блиско Керчи, поимали на море черкас многих, а иных побили досмерти, а тем черкаским князем в полону у казаков братья и племянники. И то добро ли так донские // казаки делают, чего преж сего николи не бывало, чтоб столь далеко от Дону приходя к турского городом да так воровать, людей в полон имати и досмерти побивати. И черкасы ныне говорят, чтоб мне тебя здесь позадержати, а о том послать к турскому во Царьгород грамоту, и я тебя здесь задержать не смею. И мне бы, холопу твоему, оставить в закладе тех черкасех твоего государева подьячего да толмача доброго, а мне, холопу твоему, ехати в Азов и тех черкас сыскати у казаков. А как сыщу, и они тотчас за мною, холопом твоим, подьячего и толмача пришлют. А не оставишь де подьячего да толмача, оно де самому здесь жити. И я, холоп твой, говорил паше, что на Дону живут воры, беглые люди, // бес твоего государева веленья и не слушают никою, и мне до казаков какое дело, яз был во Царегороде у турского и мне почему ведать, что казаки воруют, и того подлинно не водомо, донские ли казаки своровали или литовские казаки. И он бы сам того велел сыскати подлинно, а мне не токмо что твоего государева подьячего толмача оставити, ни одного своего человека не оставлю. А у него меня, холопа твоего, паша в Кафе держал, и то ведает паша. А которое дело меж вас, государей, доброе сделалось, и то дело малым делом рыбаки испорти он, паша. А яз в Кафе здесе жить готов. И паша, государь, говорил мне, холопу твоему, что мне в Кафе жить нечего для, и мне бы, холопу твоему, ехать в Азов, а здесе одиночно // оставить подьячего да толмача, а не оставлю яз подьячего да толмача, и мне де взяти у тебя сильно дву человек из твоих государе-

вых людей. И я, холоп твой, говорил паше, что мне никак ни одного человека не оставливать. И жил я, холоп твой, в Кафе две недели. А на поезде, государь, взял у меня з двора сильно твоего, государева, кречетника Григорья Лихачова да толмача Алики Бишшева, а меня, холопа твоего, тотчас отпустили в Азов. И я, холоп твой, поехав в Азов ис Кафы июля в 3 день и ехали, государь ис Кафы до Азова две недели, а в Азов, государь, июля в 22 день.

Да перебежал, государь, з Дону от казаков из-Ыванова юрта Ртищева бусурман Малметем зовут, а бывал донский ж казак, а сказывал, государь, толмачю Байгильдею Исеневу, что на Дону весть учинилась про меня, холопа твоего, что яз иду назад к тебе, к государю, а со мною идут армяня и отобрались де, государь, на Дону донские атаманы Гаврило Глумов да Лука Царев казак, а с ними пятьсот человек казаков, а дожидаятца, государь, меня, холопа твоего, а хотят громити. Да и азовскому князю те речи тот бусурман сказывал же. И чауш, государь, по тем речем со мною, холопом твоим, из Азова ити блюдетца и живет в Азове, а меня, холопа твоего, из Азова не пустят же. А велит, государь, азовской князь и чауш с казаки ссылатца, чтоб донские казаки все дали мне, холопу твоему, правду перед нами, чтоб им нас пропустить // и проводить к тебе, к государю, безо всякие зацепки. И чауш, государь, со мною к тебе, к государю, и пойдет, а только, государь, атаманы со мною не укрепятца и веры не дадут, и чауш, государь, к тебе, государю, идти не хочет, а писати хочет к турскому, а мне, холопу твоему, до тех мест жити здесе в Азове. И я, холоп твой, послал на Дон к донским атаманом донского атамана, которой был взят в полон, Михайла Елкина да Ивана Логовского, а велел им говорить, чтоб оне однолично по твоей, государеве, грамоте, которая к ним прислана со мною, меня, холопа твоего, и турсково посланника до тебя, до государя, проводили совсем здорово.

А что, государь, з донскими атаманами будет договор, и я, холоп твой, о том впе//ред к тебе, ко государю, о всем отпишу подлинно, вышед на Дон.

РГАДА. Посольский приказ. Сношения России с Турцией. Кн. № 2, лл. 325—330 об.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 32—36.

1588 г. — Грамота турецкого султана Мурада царю Федору Ивановичу с требованием возвращения турецкого посла в Дербент Мустафы, захваченного казаками

Гамаюна подражателя Мурат салтанова величества слово.

В великих князех величайшему Христова закона правителю, крестьянские страны соблагодателю, московскому королю Федору в добром пребыванье быти в веки.

И как ся нашего величества грамота до вас дойдет, и будит вам ведомо и напедер сего, как был в железных воротех наш большой везирь Асман паша и от нашего величества посланы были к нему капучеи наши Мустофа да Ибрагим. И как они пошли ис Кафы на

Нагаи и пришли на Терку, и в то время пришли на них русские казаки // да дорогу у них отняли, и Ибрагим де у них утек, а Мустофу де взяли, а назвали его лазучником и отвели де его к вам. И нам то учинилось ведомо, что он у вас и по ся места, к нашему величеству он не прислан. И как ныне ся наша честейшая грамота до вас дойдет, и вам бы его с нашим с сущим и избраннейшим гостем с Малмудом да с чаушом нашим с Хатилем к нам отпустить велети.

Писана грамота лета 996-го апреля месяца.

РГАДА. Посольский приказ. Сношения России с Турцией. Кн. № 2, л. 504–504 об.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 37.

Выписки из статейного списка посольства Павла Волка и Мартина Сумского

Лета 7100-го апреля в 25 день государь царь и великий князь Федор Иванович всея Руси велел Ратману Михайловичю Дурову встретити литовского посланника Павла Волка по можайской дороге у дровяново двора у реки у Москвы.

Божиею милостию великий государь и великий князь Федор Иванович всеа Руси самодержец, владимерский, московский, новгородский, царь казанский, царь астраханский, государь псковский и великий князь князь смоленский, тверский, югорский, пермский, вятский, болгарский и иных, государь и великий князь Новгорода Низовские земли, резанский, ростовский, ярославский, белоозерский, удорский, обдорский, кондинский и всея Сибирские земли и северные страны повелитель и государь Иверские земли грузинских царей и Кабардинские земли черкасских и горских князей и иных многих государств государь и обладатель, велел тебя о здоровье спросити – здорово ль еси дорогою ехал.

А нечто Ратмана посланник спросит про новоприбылые государства, которые учинилися под государевою рукою, и как которые государства зовут, и какая с них государю дань идет, и заволжская Орда больших Ногай ныне в государеве ли воле и Ратману говорити: новоприбылые государства учинилися под государевою рукою: бухарской Абдулла царь, иверской Александр царь з братьею своею з грузинскими цари, юргеньчской Азим царь, изюрской Абдул Амин царевич, Черкасская Кабардинская земля, Янсох князь со всеми мурзами, кумыки, Окуки Барагуни, Абаза Ерпели и Мучкизы и Тюмени, Чорной князь Аварской, а дань с тех своих государств дают какие узоречья в котором государстве у них есть, то те государи с своих государств к великому государю нашему, к его царскому величеству, дань и присылают. А куды государь велит им на своего недруга самим ити или братью свою и детей с ратными людьми послати, и они во всей государеве воле послушны.

А Ногайская Орда заволжская и другие ногаи – Казыев улус, во всей государеве воле под его царскою рукою учинилися навеки неотступно, и многие ногайские мурзы у государя служат на Москве во всем, как его прирожденные холопи. А на которого своего недруга велит государь итти ногайским мурзам с ратными

людьми, и они безо всякого ослушанья готовы и ходят скольким государь велит итти. А ногайским ратных людей Большие За волжские орды и Казыева улуса сядет на конь отборново люду до ста тысяч, а с новоприбылыми государствы сядет на конь до двухсот тысяч лутчего выборново люду, oprичь русские рати.

Писан в Вислице лета божия нарoждения 1592-го месяца генваря в 28 день.

А се список с королевы з другие грамоты з гонцом его с Мартыном Сумским

От наяснейшего и великого государя Жигимонта Третьего, божиею милостию короля польского и великого князя литовского, русского, прусского, жемоитского, мозовецкого, лифлянского и иных, королевства Шведцкого, Кготцкого, Вандальского власного дедича и пришлого короля и великого князя финлянского и иных, божиею милостию великому государю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси, владимерскому, казанскому, московскому, астраханскому, псковскому, тверскому, югорскому, пермскому, вятцкому, болгарскому и иных, ведомо нам той же в году прошлом 1590-м приходили люди твои, казаки донские войною над перемирье и вечное докончанье в землю Темрюкчю князей Черкасских над рекою Кубою, недалеко от Азова, и взяли в полон князя Тытерка, князя Пишмофтука, князя Салтана, князей черкасских братью дворянина и ротмистра нашего князя Темрюка Семеновича Черкасского, а на чаемся без ведомости и повеленья твоего, поймавши и в вязенье тяшком по ся места держат, а без окупы пустить их не хотят. И просил нас дворянин и ротмистр наш князь Темрюк Семенович Черкасской, чтоб мы о том лист наш причинный до тебя, великого государя, и великого князя Федора Ивановича всеа Руси писати велели. И мы на челобитье дворянина и ротмистра нашего князя Темрюка Семеновича Черкасского хотим тебе, чтоб ты, великий государь и великий князь Федор Иванович, для нас и для нашего хотенья тех братью княж Темрюковых всех людей невинных сыскати и из везенья выпустити велел. А то нам от тебя за честь будет, для того нароком послали есмь до тебя с сем листом нашим гонца нашего Мартына Сумского, и ты б при том гонце нашем помененных князей черкасских сыскати и при нем вольно до отчины их отпустили велел, а через него нам о том отписал и отпустил его к нам с тем, что они уже сысканы и выпущены.

Писан у Вислицы лета божияго нарoженья 1592-го месяца февраля в 8 день.

Писан в Вильне лета от нарoждения сына божияго 1592-го месяца февраля 15 дня.

А се грамота к слуге и конюшему боярину к Борису Годунову ото Льва Сапеги з гонцом с Мартыном Сумским.

Наяснейшего и великого государя Жигимонта Третьего, божиею милостию короля польского и великого князя литовского, русского, прусского, жемоитского, мозовецкого, Ифлянтского и

иных и королевства Шведцкого, Кготцкого, Вандальского наблезшего дедича и пришлого кроля и великого князя финлянского иных от пана рады и канцлера его королевские милости великого княжества Литовского, старосты, Слонивского, Ясвоинского, Марковского, Ретовского, Мядельского и Сумского Льва Ивановича Сопеги, божію милостию великого государя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси, владимирского, московского, новгородского, казанского, астраханского, псковского, тверского, югорского, пермьского, вятцкого, болгарского и иных, шурина его милости государскому конюшему слуге, боярину и дворовому, наместнику казанскому и астраханскому Борису Федоровичу Годунову. Бил челом великому государеву нашему Жигимонту Третьему, божію милостию королю польскому и великому князю литовскому, ротмистр и дворянин его королевские милости князь Темрюк Семенович Черкасский, абы его королевская милость, великий государь нам, до его милости, великого государя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси государя вашего лист свой государевский причинный писати рачил о том, что в году прошлом 1590-м приходили люди великого государя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси государя вашего казаки донские войною над перемирье и вечное докончанье в землю князей черкасских Темрючскую над рекою Кубою, недалеко от Азова, и взяли в полон князя Тычерка и князя Пишмафтука и князя Салманука, князей Черкасских братью дворянина и ротмистра его королевские милости князя Темрюка Семеновича Черкасского, а снят без ведомости и повеленья государя вашего, поймавши их у везенью тяжком по ся места держат, а без окупы пустити их не хотят, о чом его королевская милость, государь наш, до его милости великого государя вашего лист свой государский писати и гонца своего Мартына Сумского послати рачил жадаючи абы братью князя Темрюка Семеновича сыскав добровольно выпустити велел, и ты б ся в том до его милости великого государя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси, государя вашего, причинился, чтоб великий государь и великий князь Федор Иванович всеа Руси великому государю, божію милостию королю его милости и великому князю Жигимонту Третьему любовь свою в том показал, а тех князей Черкасских на меданье его королевские милости добровольно выпустил, а я те ж тым же способом на жеданье в твоём будет пригож до великого государя нашего причинитися хочу. А с тым ся доброй приязни твоей зарецаю.

Писан в государствия нашего двора царствующаго града Москвы лета от создания миру 7100-го мая месяца. А се грамота от государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси к Жигимонту королю з гонцом его Мартыном Сумским.

Присылал еси к нам гонца своего Мартына Сумского з грамотою, а в грамоте своей писал еси к нам, что ведомо вам учинилось — приходили де наши люди, донские казаки, войною в город Темрюк Черкасских князей, над рекою Кубою, недалеко Азово, и взяли в

полон князя Тытерка, да князя Пшимофтука, да князя Салтана, братью вашего дворянина и ротмистра князя Темрюка Черкасского и поймав их и пося места держат у себя в полону, и без окупы пустить их не хотят. И бил челом вам дворянин ваш и ротмистр, князь Темрюк, чтоб вы до нас, до великого государя послали. И вы за челобитьем дворянина и ротмистра вашего князя Темрюка хотите того, чтобы мы, великий государь, для тебя, великого государя, Жигимонта короля, тех братью княж Темрюковых всех сыскати, и ис полону выпустити велел, и вы то от нас примете в любовь. И при вашем бы гонце при Мартине тех князей Черкасских велети нам сыскав до их отчины отпустить. И про тех черкасских князей про Темрюкову братью в наших государствах нам про них ведомо нет, и нигде они в наших государствах не объявились. А те казаки донские воры, живут под Азовом на Дону, бегаючи из нашего государства, и с азовскими и с черкасскими людьми живут в миру и в розни без нашего повеленья. А ныне для тебя, Жигимонта короля на Дон послали есмь, а велели про тех черкасских князей на Дону сыскивать, и будет которого черкасского князя на Дону у казаков сыщут и мы того черкасского князя отпустить велели в их отчину в Темрюк город.

Писан государства нашего дворе царствующего града Москвы лета от создания миру 7100-го мая месяца.

РГАДА. Ф. 79, кн. 22, лл. 16 об.— 72.

Опубликовано: Анпилов Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., 1967. С. 34—40, 52—59, 75—77.

1593 г. май. — Грамота турецкого паши Синана Б. Ф. Годунову с требованием возвращения захваченных казаками и др. пленных, уничтожения Терского и Сунженского острогов и...

Христову веру верующему месийского закона и в великих величайшему везирю Борису Годунову.

В добром пребыванье быти вовеки. Истинное извещение присылал есте счастливого и вы / / сочайшего государя нашего к высочайшим дверем посла Григорья, чтоб грамоты ходили без урыву. Как государя вашего отца не стало и королевство свое отказали сыну, и они присылали к счастливейшего и чеснейшего государя нашего к счастливым дверей посла своего о дружбе, а писали, чтоб на обе стороны ходили без задержанья и с ним посылали от высочайших дверей ис чеушей Ибрагим-чеуша, и его тогда поздержали за тем, что литовские люди дорого не дали и ходили на Литву и несколько городов поимали. И после присылал шах Аббас человека своего Гадибека и ему ответ учинили и вскоре присылал Бутакбека, просячи ..., чтоб ему двли стрельцов пеших и с нарядом ... бою. А изначала счастливым государем нашим в дружбе будучи и вперед похотя / / быть и его не против и наряду не дав вскоре с отказною грамотою отпустили. А на Терку и в Асторохань писали к воеводам, которые ратные люди живут в Дербени, и в Шамахеи, и в...и с ними в дружбе быть заказали. Да великие места достигшего от крымского от Казы Гирея царя о делех посылан был Усейн-мирза, и его взяли волские казаки, прежнюю

дружбу порушили. Да в вашу ж сторону ходил царевич Мурат Кирей, и как его присили, он в то время не прилучился, отъезжал в Шевкалы, а как приедет, и его хотели прислать и его не стало, и та дружба ведома. А которые казаки живут на Дону, Азову и иным местом, только учнут тесноту чинить, и на них пошлют рать и их велят побить, крымскому царю и азовским и белгородским князем велят на них итти, что от них украинным людем теснота чинитца, // а они приходя извещают о том. И грамота государя нашего счастливого и высочайшего порога послана.

А что писали есте в грамоте, что желательною мыслью в дружбе быти хотите и от вашии стороны только дружба утвердитца и здешние люди в покое пребывающие только потому ж в покое учнут пребывать и от нашии стороны потому ж дружба во единение будет.

Да в прежние лета из Дербени шли и в то время на бою взяли в полон дворянского причету Асаном зовут, и ныне они в Асторохани в крепости, да ехали дорогою два капычея добрых, одного зовут Мустофою, и их казаки взяли. И от вашей стороны, оприч полонения, нет добра. Да казаки ж ваши, пришед под Азов, Азов воевали и взяли больша ста тридцати человек, побили, а иных в полон // поимали, и иную многую тесноту починили. И под государевы под Азовом, которые в покое были, давали под теми места по Дону и на устье Дону под посадом сегде словет. Да в ведомом месте на реке Черкаской князь живет, да на Маначи, да под посадом под Бузуком, да на Терке, да на Сунше Остроги поделали, да на море блиско Дербени на Кулзомском море города поставляли, да на усть реки Сунши, где впала Сунша в Терку, тот остроги поделили. И под счастливыми государствами под Дербенью несколько времени стоят в Дербень и в-ыные места, которые ходят туды и сюды, и тем людем шкоту чинят и побивают, то подлинно ведомо.

И по государя нашего величества Гамаюна де грамоте тех дворян и капычеев, которые у казаков в руках, мусульманов опростайте и казаков // уймите, а под которыми под именными места поставленные, и из тех бы дорога была отворена нашим людем и от дружбы бы есте были неподвижны, а от нышние страны, опричь добра, ничего не увидите и государства ваши и города от мусульманские рати в покое здоровы будут. И аж даст бог от сех мест вперед, как ваш большой посол у нас будет и всякое дела сверша отворотити его приговорено. А только тех поиманных в дружеское время не пришлете и дороги и тех городов и острогов дороги не отворотите нашим людем и от нас дружбы не будет и царю крымскому ходить на ваши земли.

А з Гамаюновыми грамотами посланы от высочайших дверей Резванчеуш и от старых гостей Магмуд, и как они у вас будут, и вам бы их, в той стране не задержав, вскоре совсем к счастливым дверем отпустить порадеть.

Писана грамота 1001-го в месяце в Шабане, а по-руски в мае. РГАДА. Посольский приказ. Сношения России с Турцией. Кн. № 3, лл. 185 к. об. — 185 н.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 38—40.

1593 г. май. — Грамота турецкого султана Мурада царю Федору Ивановичу с требованием возвращения пленных

Суций Гумаюн государь Мурат-салтан царь.

В великих величайшему, месийского закона // правителю и крестьянскую веру проставляющему и крестьянских стран обладателю и многие войска направляя и государства мужественно исправляющему, московскому царю и великому князю Федору Ивановичу в добром пребыванье быти вовеки.

Как сие наше, честнейшего Гамаюна, писание дойдет, и буди ведамо от великого бога милостию устроенному и великого желанья обретшаго к нашего величайшим к сщасливым дверем присылали есте всю страну к нам з желательною мыслью с послы своими любительную грамоту и о том нам извещаючи, чтоб вперед дружба была во всяких делах неподвижно без урыву. А которые к нашему величеству з дружелюбием не присылают и от наших от прежних в обычае у нас ведетца, так которые к нам ведомые ни присылают, и мы тем о дружелюбие способствуем и честь воздаем по своему государству // и у вас только желательное есть в дружбе неподвижно быти. Преж сего взяты в полон в вашу страну Магметь-чеушов сын Билля, да черкасских князей Фергат с сыном, да Кабанов сын, да Симауком зовут.

И как сие наше Гумаюново писанье дойдет, и вам бы тех всех сыскав здорово прислати с нашим с вернейшим с Резван-чеушом. А однолично бы вам тех наших, которые при нас бывали Магмедева чеушова сына и иных, которые ни есть в вашей стране в полону, сю страну по здорову прислати и вперед бы вам быти с нашим величеством в крепкой дружбе и, опричь добродетели, ничего нам не делати.

РГАДА. Посольский приказ. Сношения России с Турцией. Кн. № 3, лл. 275 об. — 276 об.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 41.

1600—1630-е гг.

Документы, опущенные в сб. С. А. Белокурова «Сношения России с Кавказом» (М., 1889. — Ч. 1).

На Терку государева жалованья послати: Сююнч-Алей Мурзе Янглычеву послати шуба на соболях, камка цветная, пугвицы серебряны, — 30 рублей, шапка — 5 рублей.

Кабардинским черкасом:

Солоху князю, Казый мурзе Шекшюкову послати им против Сююнч-Алея ж по шубе по 30 рублей, да по шапке, по 5 рублей шапка. Ибек-мурзе послати шуба на соболях, под камкою, с пугвицы, — 20 рублей, да шапка 3 рубли. Атек мурзе да Мурдар мурзе, карашай мурзе Шолохову сыну, да двум Додорукам да Калканютину Казыевым братьям, всего 7 человеком, по шубе по 15 рублей, да по шапке, по 2 рубли шапка. Алкашю да Топтаслану по шубе под камками, на хрептех на белых, по 10 рублей шуба, да по шапке, по пол — 2 рубли шапка. (л. 11)* Да на запас посла и тех

* Вверху лл. 11-го написано другим почерком: «и всего на Терку послати на 253 р., отписать, вместе и прислать(?)».

же кабардинских князей племянником и де тем 10 сукон по 2 руб., 10 цки бельи хрептовые по 3 руб., 10 однорядок, по 3 рубли однорядка, да 20 шапок, по рублю шапка или 20 нагавиц* по полтине нагавицы, да 2 постава сукна, по 14 аршин постов.

Князю Куденеку** Канбулатову, с пуговицы серебряны, – по 30 рублей, да шапка 5 рублей***. Алею мурзе да Каитуку мурзе Мамстрюковым детем по шубе по 25 руб., да по шапке 5 р., да Мануковым двум сыном, Язбузлуковым 3-м сыном, всего 7 человеком по шубе, да по шапке, по 2 рубли шапка.

Да на Терке ж в оманатех от кабардинских черкес: от Солоха князя племянник ево Суркай Ибаков сын, от Казыя мурзы Шекшюкова брат ево Яны мурзы Канукин, от Мурдара мурзы сын ево Казы мурза,...

Приезд в Москву грузинского посла архимандрита Кирилла Ксаноопула и подъячего Саввы вместе с возвращавшимся посольством Ив. Аф. Нащокина и Ив. Леонтьева. 7111 / 1603 августа – 7112 / 1604 апреля 28

(Груз. дела, 1603 г. окт. – 1604 № 1, лл. 7–9; 1603 г. дек. 3 – 1604 май, №2, все дела, кроме лл. 13, 17, 18, 66, 173 и 234)

...для посольские встречи у Сонских щелей с ними были вместе кабардинские черкасы Ибака мурза Солохов княжей брат, Хорошай мурза Солохов сын, Аитек мурза з братьею, Куденет мурза Канбулатов з братьею, а провожал твоих государевых послов до Сунщинского острогу и до Терского города Шимахут-мурза Канбулатов да Кеншов мурза Езбузлуков с уздени. И мы, х.т., кабардинских мурз, которые тебе, государю, служат и до Терка твоих государевых послов провожали, на Терке их кормили и поили, и дав им твое государево жалованье за посольскую встречу, отпустили в Кабарду...

Чтения в обществе истории и Древностей Российских при Московском университете 1918 г. / Под заведованием С. А. Белокурова. М., 1918. Кн. I. С. 286–291.

(Сношения с иноземцами 1608 г.)

...он с ними помиритца и станет у Астрохани кочевать. А писал де то Иштерек князь их оманывая, чтоб у них выманить людей своих, а от тебя, государя, он неотступен и правды своей не порушит. Да из Астрохани ж де, государь, писали Янарослан мурза Урусов да канай мурза Тинбаев мимо князя и мурз у улусным людем грамоту будто Рострига жив, а их велели посадить на Нагайской орде на княжение и им бы то было ведомо, что они их люди и прислать бы им под них лошади, а в их де, государь Нагайских людах есть двенадцать человек, которые дружат тем вором Ярославну и Конаю; про то де Иштерек князь у себя проведал. Да в той ж, государь, грамоте писал к нам, холопом твоим, Чин Али

* Было: «по нагавицам» .

** Зачеркнуто: «мурзе», дальше: Алею да Кутуму.

*** Было: «20 р. да шапка 3 р.».

молла, что перед Михайловым приездом Соловцова приехали к ним в Нагаи ис Крыму пять человек, а сказали, что Крымской царь Казы Гирей зимует ныне в городе в своем Кубане, что поставил на реке на Кубе блиско Черкасы, и приводил де, государь, он к шерти шевкалы и Кумытцких людей и Черкас на Турского имя. А как де снег сойдет, и он со всеми Кумыки и с Черкасы и с Турскими людьями идет на Кизылбаского, а прогнав де Кизылбаского хочет идти к Астрохани, а к Иштереку де, государь, в Нагаи хочет Крымской царь прислати послов своих за грамотою, и послы де еще к Иштереку не бывали, а с чем приедут, и он тогды к нам, холопом твоим, отпишет.

А Прокофья, государь, Враского посылали мы, холопи твои, в Нагаи, потому что Иштерек князь и все мурзы и улусные люди его знают, и мы, холопи твои, велели ему в Нагаях всяких вестей проведати и Иштереку и Мурзам и твоих государевых делех говорить, а что, государь, Прокофей Враской о тових государевых делех Иштереку и мурзам говорили и что каких вестей в Нагаех проведали, и тому принес к нам, холопом твоим, написав розговорные речи своею рукою, и мы, холопи твои, с тех речей списав список послали к тебе, государю. А Иштерек, государь, князь и все мурзы кочуют около Царицына блиско по Волге вверх и вниз, а Каракел Мамет мурза с улусом и иные многие мурзы кочуют на Царицынском острову. Да присылали к нам, холопом твоим, Иштерек князь и мурзы для твоего государева дела на Царицын послов своих и пишут о твоем государеве царском жалованье против прежнего, как им из Астрохани твое государево жалованье платье посылалось, а нам, холопом твоим, давати им нечего: в твоей государеве казне платья нет, а торговые люди все вверх поехали, а которые немногие остались на Царицыне, и у тех никаких товаров нет, да и роспись к нам, холопом твоим, не прислана, кому как в Нагаи твое государево жалованье посылалось.

Список розговорным речем с переводчикова с Прокофьева доезду Враского, как он послан был в Нагаи с Царицына к Иштереку князю и к мурзам...

...что де преж сего Урус и князь Тинехмах князь были родные братья и промеж де их какая была рознь и после де их промеж Урусова сына Яраслана и промеж Тинехматова сына ево Иштерека князя какая сабля ходила и кровопролитье было. Только бы де царь Борис ему Иштереку князю не дал света видеть, и ево бы де Иштерека князя давно не было, а прежде того с ним Иштереком князем Урмаметевы дети княжие единомышленны, а нынеча де Урмаметевы дети сложась за Байтерек мурзыными детьми побивают тех хто с ним Иштереком князем единомышленны: убили дей они Исупова родства Казый мурзу; и он де Иштерек князь того и ждет с ча(с) на час, борзо ли промеж ево Иштерека князя и промеж Урмаметевых детей станет сабля ходить, тако де и он Иштерек князь по своей правде к великому государю надежен на царскую милость. Да Иштерек ж князь говорил, как де, ож даст Бог, государю ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. Астрохань Бог

поручить, и над ним де Иштереком тако государь смилуетца изведет Ярославна и мурзу и Единсаньское и Келейчиское родство и юртовских татар, которые ему государю изменили, и он де Иштерек князь готов будет к царьскому велению, хотя де ему государь велит в юртах сесть, и он де и с ызбами своими сядет в юртах, а юрты де он Иштерек князь великому государю ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. зделает полны. Да Прокофью ж сказывал Иштерек князь, что сказывали де ему Иштереку князю торговые люди тезики бухарцы, что послал де был к боярину и воеводе к Федору Ивановичю Шереметеву на Бальчик в городок Юргенской царь Арап посла своего Мусохази о том, что де он Юргенской царь Арап станет посылать в городок на Бальчик своих торговых людей и товары, и боярин бы де и воевода Федор Иванович Шереметев велел их людем дать повольной торг, а боярин и воевода Федор Иванович Шереметев по государеву указу пошел под Царицын, и у нас в кагал пронесся тот слух, что боярин и воеводы Федор Иванович Шереметев с товарищи пошел на Русь, и тот де Мосахазин с Нарынь-песков поворотился со всем назад в Юргеч, и нынеча де слыша то, что Божьею милостью и государя ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. счастьем Царицын город взяли, и на весну де от Юргенского Арапа царя посол к боярину и воеводе к Федору Ивановичю будет.

Да Прокофью же велел проведывать в Нагаех всяких вестей и турских и крымских и нет ли с Турским царем и с Кумыки и с Черкасы у Иштерека ссылки. И ему Прокофью сказывал Чин Алей Иштереков абыз, что прислал де к Иштереку князю Кабардинской Казы мурза Шепшуков человека своего для того, что де он Иштерек князь в прошлом году прислал калын за его Казы мурзину дочь сыну своему Мамет мурзе, и ему де Иштереку князю сее зимы прислать сына своего Мамет мурзу женитца на его Казый мурзине дочери у них в Кабарде. Иштерек де князь отпустил в Казы мурзину Черкашенина х Казыю в Кабарду, а с ним писал, что де у него Иштерека с Казыем сватовство было на том, что де бы ему Казыю дочь свою прислать к ним в Нагайские улусы с людьми своими, а свадьбе де было быть у него Иштерека в улусех, на том де Иштерек к нему, Казыю, в прошлом году и калын послал, и он бы де Казы мурза слово свое поминал, а дочь свою прислал к нему в улусы, как их улусы перелезут Волгу на Крымскую сторону. Да тот же Казыев тотарин сказывал Иштереку князю в роспросе, что Крымской царь Казы Гирей по Турского царя повелению ставит город на Можарском городище блиско Терки, и тот де город немного не доделан, делают де ево восемьдесят мастеров, а поставят де город, хочет Крымской царь с турскими и с кумыцкими людьми приходити под Терек, а ис под Терка под Астрохань. Да тот же де черкашенин сказывал Иштереку князю в роспросе, что де поехал к Турскому царю бити челом Кумыцкой Сурка щелкал, что де Кизылбаской шах Абас взял Шамаху и нынеча де ближитца как их Кумыцкой земле, и он де Турской царь от Кизылбасково шах Абаса оборонил, и будет их от шаха Абаса

не оборонить, и они де, все кумыцкие князи и мурзы со всеми своими кумыцкими людми, станут бити челом Кизылбаскому шах-Абасу, и нынеча де Турской собрався пошол на Кизылбасково, а прогнав де Кизылбаскова с тое стороны хочет посылать пашей своих с турскими людьми под Терек, а ис под Терка под Астрохань. Да Прокофей же проводывал всякими мерами в Ыштерековых улусных людех, хто ему з знати, нет ли в Ыштереке князе какой шатости и с астороханскими людьми ссылки, и в Ыштереке князе нет никоторой шатости и с астороханскими людьми ссылка не бывала. Да Прокофью ж, сказывал Иштереков княжой тотарин Аскова родства Усеин, что велели де на сем месяце Новобурлацкова родства тотаровя дву человек русских людей, а того де он не ведает где их взяли, а отняли де тех дву человек у тех тотар Янмамемуртин Маметев и хочет де тех русских людей присевть к нему Прокофью. И Прокофей говорил Иштереку князю, чтоб он Иштерек послал к Янмамет мурзе человека своего, чтобы он, Янмамет мурза, тех русских людей прислал к нему Прокофью для роспросу, что они за люди и где взяты. И Иштерек князь того ж часу послал к Янмамет мурзе человека своего, чтоб Янмамет мурза тех русских людей привел сам к нему Иштереку и к Прокофью для роспросу. И того ж дни в вечеру часу в третьем ночи Иштерек князь велел ему Прокофью быть у себя наодине, и говорил Иштерек князь Прокофью, что слышел де он Иштерек князь про тех русских людей, что то люди государевы, а не изменники, и как де завтра Янмамет мурза тех русских людей привезет и будут де мурзы все на съезде, и ты...

Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая — 1610 г. 17 июля). М., 1914. С. 169, 176—177.

1614 г. августа 18. — Грамота из Посольского приказа кабардинскому мурзе Казыю Шепчукову с родственниками, предписывающая им принести шерть на подданство

Бога всеми владеющего милостию от великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца:...(п.т.) Казый-мурзе Шепчукову з братьею и з детьми и с племянники наше царское повеленье и милостивое слово то.

Писали есьмя к вам прежде сего в нашей царской грамоте как вы уведав про нас, великого государя, что мы, великий государь, по веле и милости всемогущего бога и по племяни прежних великих государей царей росийских, а по челобитию и по избранию всяких чинов людей всего нашего великого Росийского государства учинились мы, великий государь, на наших великих и преславных государствах Росийского царствия великим государем царем и великим князем всеа Русии самодержцем и вы тому порадовались и учинились под нашу царскою высокою // рукою в нашем царском жалованье и в повеленье и нашему царскому величеству служите и прямите. И мы, великий государь, слыша про вашу правду и к нам, великому государю, прямую службу и раденье в том вас похволили и ныне похваляем. А как наша отчина

Астарахань от воров и изменников наших очиститца, и мы, великий государь, вас пожалуем нашим царским жалованьем. И ныне божиею милостию, а нашим царским счастьем и бояр и воевод наших и всяких наших ратных людей службою наша отчина Астарахань от воров изменников наших от Ивашка Зарутцкого с товарищи очистилось и учинилось под нашею царскою высокою рукою попрежнему. А вора Ивашка Зарутцкого и воров, которые к нему пристали, наши ратные люди побили живых многих поимали и многих в воде потопили, а Ивашка ушел не со многими воры на Еик. И боярин наш и воеводы князь Иван Никитич Одоевской с товарищи из нашей отчины из Астарахани послал за воров за Ивашком Зарутцким с товарищи з голлвами многих наш ратных людей и где такому вору и изменнику нашему Ивашку Зарутцкому ни бегати, а от нашей царские высокие руки укрытись негде. А к вам, Казый-мурзе Шепчукову з братьею и з детьми и с племянники послали мы, великий государь, за вашу к нам великому государю и ко всему нашему Московскому государству службу и раденье с нашим царским милостивым словом и з жалованьем дворянина нашего Дмитрея Семеновича Погожево. И как дворянин наш Дмитрий Семенович Погожей на Терку // приедет, и вы б, Казый-мурза, з братьею и з детьми и с племянники ехали в нашу отчину на Терку нам, великому государю, перед дворянином нашим перед Дмитрием Погожим правду дали, на Куране шерть учинили, что нам, великому государю, жити и прямити и быть под нашею царскою высокою рукою навеки неотступным и наше жалованье у него взял, и видя нашу царскую к себе милость и жалованье вперед нам, великому государю, ты, Казый-мурза Шепчуков, з братьею и з детьми и с племянники служили и прямил на наше царское жалованье были во всем надежны. А мы, великий государь, тебя, Казый-мурзу, з братьею и з детьми и с племянники учнем держати в нашем царском милостивом жалованье и в повеленье свыше прежних великих государей царей российских предков наших, смотря по вашей службе. И вы б однолично на наше царское жалованье были нажежны и нашему царскому величеству вперед служили неослабно.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1614 г. Д. № 5, лл. 52–54. Отпуск.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 42–44.

1614 г. позднее июня 5. — Выписка, сделанная в Посольском приказе по отписке астраханских воевод, с перечислением кабардинских и кумыцких князей и мурз, принесших шерть на службу царю Михаилу Федоровичу

И нынешнего 122-го июня в 5 день писал ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси боярин и воевода князь Иван Никитич Одоевской с товарищи, а к ним писал с Терки Василей Хохлов, что кабардинские и кумыцкие князи и мурзы, услышав про государя, что учинился на Московском государстве, обрадовались и по своей вере правду дали, шертовали и

государю служат и прямят: Терской жилец Сюнчалеи-князь Янглычев, Гирей-князь з братьею, Алибек-князь Казыкумытцкой, Суркай-князь карабудатцкой, Маметхан-мурза з братьею таркаловской и иные кумытцкие князи с уздеными, Солох-князь кабардинской, Казы-мурза Шепшуков, Аитес-мурза Алкасов Мурдай-мурза с уздени.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1614 г. Д. № 3, л. 1.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 45.

1616 г. не ранее июля 19. — Отписка терского воеводы П. Ф. Приклонского в Посольский приказ о намерениях крымского хана и ногайских татар итти против Персии и Терского города и о присылке служилых людей из Астрахани

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твой Петрушка Приклонской челом бьет.

В нынешнем, государь в 124-м году июля 11 день прислал ис Кабарды на Терек от Гирей-князя терской жилецкой окочанин Тавбура Ураков, которой был послан с Терки нарошно для вестей в Кабарду. А в роспросе мне, холопу твоему, сказал: — Послал де ево из Кабарды на Терек кумуцкой Гирей-князь нарошно с вестями для поспешенья о двуконь. И он де, Тавбура, ис Кабарды прибежал прибежал на Терек в зей день. А велел де ему Гирей-князь сказати, что крымской де царь идет войною на кизылбашково на Оббаз-шаха, а с ним де с крымским царем идут многие нагайские люди. А итти, государь ему, крымскому царю, через Кабардинскую землю подле гор через Османовщину, а преж де ему крымскому царю быти войною под Терьской город вскоре. А умысл де, государь, у нево, у крымсково царя, что прежде взяти Терьской город, а взяв Терьской город, воевати Кумыцкую землю. А подымают де ево, крымсково царя, кумыцкие // Алибеков сын казыкумыцкого Салтан-Магмут-мурза да Нуцал-мурза шевкалов сын з братьею.

Да нынешнего ж, государь 124-го году июля в 19 день приехал ис Кабарды на Терек Каншов-мурза Ебузлуков, а в ропросе мне, холопу твоему, сказал, что нагайские де люди кочуют с Каракел-Маметем-мурзою по Маначе в песках, а иные на Башмачаке к Асторохани, а Оскакел Мамет де мурза да Алей-мурза Каракил Маметов брат пошли на Русь на Украинные места войною, а с ним нагайские люди пошли многие казыева улуса. А умысл, де, государь, у нагайских людей у Каракил Маметя з братьею, что хотят приходить войною под Терской город, как поспеет сабанная пора жнитва. А крымскому де, государь, царю одноконечно итти войною на кизылбашково на Оббаз шаха на сем лете вскоре. А от крымсково де царя приходил посол к абазинским черькасом, а говорил де им, чтоб оне шли с ним, с крымским царем вместе на кизылбашьсково на Оббаз-шаха. И абазинские де черькасы крымскому царю сказали, что им с ним на кизылбашкого на Оббаз-шаха итти невместно, потому что боятца оне черькасково ж ка-

бардинсково Шолоха-князя и сына его Хорошая-мурзы. А ему де // крымскому царю одноконешно итти на Османовщину, а быти ему войною под Терьской город. И по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу писал я холоп твой в Асторохань к твоим государевым воеводам ко князю Ондрею Хованскому с товарищи, чтоб оне из Астарахани на Терек для осадного времени пороху и свинцу и твоих государевых ратных людей на прибавку прислали вскоре. И воеводы, государь, князь Ондрей Хованской с товарищи прислали на Терек на перемену голове стрелецкому Богдану Износкову голову стрелецково Мисюря Товарищева с приказом, а голове Богдану Износкову на Терке велели пожити для того пока места крымские вести поминуютца. А прибыль // ных людей на Терек для осадного времени ещо не присылавали. А Богданова, государь, приказу Износкова стрельцы многие померли, а иные от голоду и от нужи розбежались. А на Терке, государь, твоих государевых ратных людей мало, в осадное время от приходу крымского царя и нагайских людей сидети не с кем. А о том мне, холопу своему, что ты, государь, укажешь.

На л. 22.

Отметка: О вестях.

Помета: чтена.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1616 г., д. 6/№, лл. 22–25.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 46–49.

1616 г. октября 6. — Отписка терского воеводы П. Ф. Приклонского о самовольном походе «для добычи» Сунчалея Янглычева вместе со стрелецким головою Вышеславцовым по р. Терек

Государю царю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси холоп твой Петрушка Приклонской челом бьет.

В нынешнем, государь, в 124-м году августа во 2 день поехал, государь, с Терка для добычи самовольством Сунчалея князь Янглычев. А с собою, государь, взял голову стрелетцкого Луку Вышеславцова с конными стрельцы. А ехати де ему, Сунчалею, по Терке вверх до Холопья городища. А на Терек, государь, приходят вести многие крымские и кумытцкие и черкаские и ногайские о приходе войною под Терской город. А я, холоп твой, без твоего, государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, указу ево, Сунчалея, розгневить не смею, что ево по таки вестям для добычи с Терка не пустити. И нынешнего, государь, 124-го году августа в 5 день Сунчалея князь Янглычев прислал от себя ис походу с Сухово Терка ко мне, холопу твоему, узденя своего Фысура Дашова, а велел мне сказать, что крымской де царь со многою ратью идет ис Крыму х Кабарде и пришел блиско Пяти Гор, а того, государь, Сунчалея князь не ведает, куды крымскому царю // итти, на кизылбашсково ли Абаз шаха или под Терской город войною. А умышляют, государь, и в походы ево,

Сунчалаея, подбивают ведомые воры терской конной* сотник стрелетцкой Мосей Пиминов да толмач Ивашко Ногаев. И многое, государь, от них на Терке дурно чинитца: приезжают, государь, на Терек к твоей царской милости к жалованью многие иноземцы, и тот Мосей Волошанин и толмач Ивашко Ногаев многие вести иноземцом сказывают, и том твоему, государеву делу чинитца поруха великая. И о том бы тебе, государю, и о Сунчалеевых самовластных для добычи поездках и о отпуске твоих, государевых, ратных людей велети мне, холопу своему, свой царской указ учинить, пущали ево Сунчалаея князя вперед для добычи, или нет.

Помета: Отписать, чтоб его не пускали, да и к Сююнчалаею отписать, чтоб вперед так не делал и в вестевую пору не ездил.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1616 г. Д. № 1, лл. 10–11.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 50–51.

Выписки из рукописи Московского архива Министерства Иностранных дел: Копии Грузинских дел о сношениях Московских государей с царем Иверской земли Теймуразом и переводы с грузинских документов

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холоп твой Петрушка Приклонской челом бьет. В нынешнем, Государь, во 124-м году апреля в 4 день приехали, Государь, на Терек ис Кабарды Терской новокрещеный Тихонко Сигунов да Терской жилецкой черкашенин Токшока Паштуков а в роспросе мне, холопу твоему, сказали, что приказывал де с ними ко мне холопу твоему на Терек ис Кабарды кабардинской Тоуслан мурза Домануков что был де он Тоуслан мурза в Нагаех у Иштерека мурзы и при нем де при Тоуслане пришли из Литвы в Нагаи к ногайским мурзам литовские послы а говорили де, Государь, нагайским мурзам чтоб они нагайские мурзы с литовскими людьми шли под Московское Государство войною и нагайские де мурзы тем литовским послам сказали что им по Крымской стороне пройти нельзя потому что не пропустит де их крымской царь а по нагайской де стороне пойти и их не пропустят калмыцкие люди да нагайские же де, Государь, люди сказали тем же литовским послам толко де захотим и мы де пройдем калмыки войною а прежде пойдем под Терской город чево де городу не сделаем и мы де конские стада да и животинные отары отгоним да тот же Тихонко новокрещен и черкашенин Токшока приехав на Терек мне, холопу твоему, сказали что при них де при Тохшоке и при новокрещене приехали ис Крыму в Кабарду х Казыеве братье Шепшукова и к детям ево от крымского царя крымской татарин да нагаятин а прислал де Государь их ис Крыму крымской царь к нагайскому к Ишереку князю нарошно как де ногайские люди – Казыя мурзу погромили и Ищерек де х Крымскому царю посылал брата своего а с ним де послано было ногайских людей двести человек и он

* Слово «конной» повторяется дважды.

де крымской царь Ищерекова брата засадил у себя и тех де ногайских людей которыя приехали с ним двести человек велел всех побити для того что отлил де кров Казыеву а к Ищереку князю крымской царь приказал чтоб он Ищерек князь со всеми своими ногайскими людми были готовы против его стояти а хочет де крымской царь на нагайских людей идти войною и хочет Казыеву кров отлити ими нагайских людей.

На обороте: Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русий.

Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (в дальнейшем: ОР РГБ). Ф. С. А. Белокуров (23), лл. 4 об. — 6.

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твой Петрушка Приклонской челом бьет

В нынешнем Государь, в 124-м году били челом тебе Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии кумыцкой Гирей князь да кабардинские мурзы Кулмур Зakanукин сын да Клыч-мурза Янсохов сын да Четегука мурза Етбулуков сын с уздени своими о ратных людех чтоб тебе Государю его Гирея князя и кабардинских мурз пожаловати велели им дати с Терка своих Государевых ратных людей с вогненным боем на недруга их на кабардинского на Шолоха князя и на сына его на Харашай мурзу для того, чтоб им отлити кров кабардинского ж Казыя мурзы Шепшукова. И я, холоп твой, по твоему Государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по Гирееву прошенью и по их кабардинских мурз к тебе к Государю челобитью послал с Терка в Кабарду на их недруга на Шолоха князя и на сына его Пахарай (?) Мурзу голов стрелецких Луку Вышеславцова да Григорья Федорчукова а с ними сотников и пятидесятников и стрелцов и казаков конных и пеших пятьсот человек взяв и Гирея князя и у кабардинских мурз и в твоих Государевых ратных людех в Терской город аманаты Гереа племянника Алпачева сына уцмий Алибекова племянника Казы-Кумыцкого Магамет бека Мурзу Алибекова внука Тютю уцмий князя Каиздацкого дядку Баклыя кабардинского Шогонукина сына Черегуку мурзу а с твоими государевыми ратными людьми на Шолоха князя и на сына его на Хорошая мурзу собрався с своими с ратными и к кумыцкими людьми Гирей князь пошел вместе и мая государь в 15 день писали ко мне холопу твоему ис Кабарды на Терек ис под Шолоховых кабаков головы стрелецкие Лука Вышеславцов да Григорей Федорчуков с терскими с конными стрелцы с Назарком Филипповым да с Филатком з Болдырем майя ж де Государь в 8 день приехал от шах Баса к Гирею князю в Кабарду узден его Борак Осанов а в роспросе де Государь ему сказал что шах Бас Кызылбашской посылал рат свою в Грузи войною и Грузинскую де землю шах Басовы ратные люди повоевали взяли де у Грузинского царя Теймураза затем и людей грузинских в затеми всех вырубили и жон и детей живых де грузинских людей шах Абас имат не велел никакова человека а кто де ратных его людей взял грузин-

ского человека жива и тех де людей своих шах Абас за то многих казнил смертною казнью а царя де грузинской Теймураз из земли своей бежал не ведомо куды. Да тот же Гиреев узден Барак Осанов сказывал Гирею князю: пришла де Государь к шах Абасу весть, что посылает де на него турецкой царь крымского царя с ратью к грузинскому царю на помочь а велел де ему крымскому царю с ратью итти на шах Абаса через Кабарду и через Кумыцкую землю и к нему де государь к Гирею князю шах Абас приказывал с тем же с его узденем з Бараком Осановым чтоб он Гирей князь и иные кумыцкие князи которые с ним с Гиреем в дружбе собрався с своими ратными с кумыцкими людьми пришли к нему к шах Абасу против Крымского царя на помочь да ему же де Государь Гирею князю и Кабардинским князем и мурзам велел шах Абас говорити тому ж Бараку Осанову чтоб и кабардинские князи и мурзы собрався с своими с ратными людьми с кабардинскими черкасы пришли к нему к шах Абасу на помочь а собрався де Государь с ратью Гирею князю и иным кумыцким и кабардинским князем и мурзам велел быти всем в Дербен а в Дербене де у него быти крымскому царевичю Шангирею которой служит ему Шах Абасу а с ним де будет Шах Абасовы рати пятьдесят тысяч а велел де Шах Абас Гирею князю с крымским царевичем с Шан-Гиреем быти вместе а из Дербени де Государь крымскому царевичю и Гирею князю с шах Абасовою ратью идти на Алмановщину мимо Кумыцкую землю и ждати де ему крымского царя стоя на Алмановщине для того, чтоб ему крымского царя с ратью к грузинскому царю на помочь в шах Басову землю войною не пропустит да шах Бас же де кизилбашской к Гирею князю приказал с узденем с его з Бараком толко де он Гирею князь с ратными своими людьми не поидет к нему против крымского царя на помочь и шах Бас де наперед хочет перво послати рат свою из Дербени войною на него на Гирея князя и хочет де он его повоевати и кабаки его совсем разорити. Да Гирей де князь сказывал ему Луке как де поидет крымской царь с ратью мимо кабардинскую землю и он де будет наперед под Терской город и я холоп твой по твоему Государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по крымским вестем об людях писал с Терки в Асторохан. К твоим государевым воеводам ко князю Ондрию Андреевичю Хованскому...

ОР РГБ. Ф. С.А. Белокуров (23), лл. 6 об. — 9 об.

(1618 г.) (Выписки из дворцовых разрядов)

Того же году послал Государь под Можайск с столником и воеводами с князь Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским да с князь Васильем княж Петровым сыном Ахамашуковым-Черкасским в товарищах Ивану Александрову сыну Момоту-Колтовскому. Да в Можайске указал Государь быть с боярином и воеводою с князь Борисом Михайловичем Лыковым в товарищах столнику князь Григорью княж Васильеву сыну Тюфякину да князь Федору княж Иванову сыну Волконскому-Мерину.

А велел быти воеводам под Можайском по новой росписи: в большом полку столник и воеводы князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасской, да князь Василей княж Петров сын Ахамашуков, да князь Федор Мерин-Волконской; в другом полку боярин и воеводы князь Борис Михайлович Лыков да Иван Колтовской, да Григорей Волуев. Иван Колтовской бил челом на князь Василья Ахамашукова. И князь Федор Волконской-Мерин бил челом Государю, что веле-но ему быть на его государевой службе в третьих товарищах, с боярином с князь Борисом Михайловичем Лыковым, а Ивану Колтовскому в третьих с стольником с князь Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским, а толко велит государь в сход идти ко князю Дмитрею Мамстрюковичю Черкасскому и ему князь Федору, менши быть Ивана Колтовского не можно. И Государь велел обоих отставить.

Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1850. Т. I (1612—1628 г.). С. 323—324.

(1619 г.)

В другоряд ездил к митрополиту Филариту Никитичю от Государя со с здоровьем князь Иван Борисович Черкасской.

И боярин князь Данило Иванович Мезецкой бил челом Государю, что, по государеву Указу послан он князь Данило в посольство, и наказ ему государев дан, и грамоты писались от Государя боярину Федору Ивановичу Шереметеву да к нему, князь Данилу, именно; а ныне в наказе у князь Василья Черкасского написано: велено государеву жалованное слово сказать и о здоровье спросить боярина Федора Ивановича Шереметева с товарищи, а он князь Данило именно не написан, и тем его князь Василей Черкасской обесчестил; а князь Василью мочно быть менши меня князь Данило. И про то указу не было; а князь Данило больше того не бил челом.

Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1850. Т. I (1612—1628 г.). С. 393—394.

1617 г. между марта 8 и июня 16. — Отписка терского воеводы Н. Д. Вельяминова в Посольский приказ о предполагаемом походе крымского хана против Персии и Терского города, о недостатке служилых людей для обороны и др.

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холоп твой Микитка Вельяминов челом бьет.

В нынешнем, государь, во 125-м году сентября в 12 день приехал, государь, ко мне, холопу твоему, на Терек кумытцкого Гирея-князя брат Уцмей-мурза Алпачов и привез ко мне, холопу твоему, от Гирея-князя грамоту, писана по татарски. И на Терке, государь, переводчиков нет, перевести было некому, И я, холоп твой, для нужды велел перевести на Терке на тезицком дворе

тезику с твоим государевым толмачом. А в переводе, государь, пишет: крымской де царь со многими с терскими и с крымскими с ратными людьми и з горскими черкасы идет на кизыбашьсково на Обаз-шаха. А итти де ему крымскому царю подле гор Османовскою дорогою. И мне б, холопу твоему, послати твоих государевых царевых и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси ратных людей на реку на Суншу, а ему б Гирею-князю, собрався с своими с кумытцкими с ратными людьми притти тут же на Суншу. А с ним де с Гиреем будет крымской Шан-Гирей-царевич, которой служит кизылбазьскому Абаз-шаху, с шахабасовыми с ратными людьми, и стати ему с твоими государевыми с терскими с ратными людьми вместе, и ему б // крымсково царя не пропустить. А по реке, государь, по Сунше земля твоя государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси. А в прежних, государь, полех на реке на Сунше стоял твой государев город и были твои государевы ратные люди без съезду. А твой государев царев и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси на Терке указ есть кумытцькому Гирею-князю твоих государевых царевых и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси ратных людей для обереганья давати ведено. И к нему к Гирею князю от тебя государя твоя государева жаловальная грамота о ратных людех прислана ж. А против, государь, крымсково царя я холоп твой твоих государевых ратных людей послати не смею, потому что твоего государева указу о походе крымсково царя на Терке нет, и с ним з Гиреем стояти против царя не смею ж. А пропустить государь, без твоего государева указу через твою государеву землю крымсково царя не смею же. И для, государь, договору я, холоп твой, к Гирею-князю посылал сына боярсково Степана Савина, а сына Борисова да подьячего да толмача, а велел ему Гирею-князю говорити, чтою он Гирей-князь шол с своими с кумытцкими с ратными людьми на Суншу преж крымсково царя приходу, а твои государевы ратные люди готовы. А бу//дет с ним з Гиреем-князем пойдет Шан-Гирей-царевич с кизылбазьскими с ратными людьми, и ему б Гирею-князю с кумытцкими с ратными людьми стати с твоими государевыми людьми на Сунше вместе, а которые шахабасовы ратные люди, и тем бы стояти особно на другой на верхней дороге реки Сунши, а с твоими з государевыми с ратными людьми не сходиться, а меж себя о всяких делех ссылку чинити. А будет Шан-Гирей-царевич похочет быти под твоею царьскою высокою рукою, и ему б Шан-Гирею тебе великому государю дати шерть и стояти с твоими государевыми с ратными людьми вместе, а кизылбазьским ево людем стояти особно. А по твоему государеву наказу велено мне, холопу о всяких ратных делех говорити с Сунчалеем-князем Янглычевичем Черкасским. И нынешнего ж, 125-го году сентября в 24 день сын боярской Степан Савин сын Борисова и подьячей и толмач от Гирей-князя приехали, а с ними приехал Гиреев уздень Томолдука да Шан-Гирей-царевича крымсково, которой служит кизылбазьскому Абаз-шаху человек ево Ибреим и привезли ко

мне, холопу твоему грамоту, писана по парсовски. И я, холоп твой, тое Шан-Гирееву грамоту велел перевести тезику ж и твоим // государевым толмачом. А в переводе, государь, пишет, что крымской царь идет на кизылбазшьсково на Обаз-шаха, и мне б холопу твоему прислати твоих государевых ратных людей с снарядом на реку на Суншу, чтоб крымсково царя погромить и в Кизылбазшьскую землю не пропустить, а он де Шан-Гирей-царевич с кизылбазшьскими людьми будет на Сунше ж. А к тебе к великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси к Москве хочет послати посла своего. И я холоп твой послал на Суншу з головами стрелецкими твоих государевых ратных людей, а велел стояти на Сунше на нижнем перевозе, а с ними велел Гиреевым ратным людям быти вместе, а с кизылбазшьскими людьми вместо не сходиться, а о всяких ратных делах меж себя чинити им ссылка, а стояти велел крепко и осторожно и крепости починя. А для, государь, того не велел я, холоп твой, твоим государевым ратным людям с кизылбазшьскими с ратными людьми стояти вместе, чтоб крымскому царю не знатно было, что твои государевы ратные люди с кизылбазшьсково ратью стоят сопча, и чтоб ему крымскому царю через твою государеву землю дороги не наложити и под Терской город не притти... Да в нынешнем, государь, во 125-м году ноября в 9 день приехал ис Кабарды на Терек черкаской Тазрыт мурза Домануков. А в розпросе мне холопу твоему сказал про крымсково царя, что крымской де царь дошел бы до кумиргинских черкас и поворотился для того, что многие де от него ратные люди розбежались, что не стало конского корму для осеннего походу, и им самим стал голод. И крымской де царь ныне стоит на Кубе в пустом городе что отец ево поставил. А на весну де, государь, как снег сойдет, и ему крымскому царю итти на кизылбазшьсково на Обаз-шаха, а идти де ему подле гор Османовскою дорогою, а одноконешно де ему крымскому царю приходити войною под Терской город да черкаской ж Тазрат-мурза мне холопу твоему сказывал // что черкаские де Казыева братья Шепшукова, Додорука да Кул мурзы Канукины да Олегука и Перегука Шаганукины, да Казыевы дети Шепшукова с черкасскими ж с Шолоховыми племянники з Беком да с Сурбеком с Пыштыными детьми мирятца, чтоб им быти меж себя в соединенье попрежнему. А те, государь, черкаские Пыштыны дети Бек да Сурбек от тебя великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси отступили и шерть сою преступили, и стояли против твоих государевых ратных людей с Шолохом-князем заодин. Да нынешнего ж, государь, 125-го году ноября в 12 день приехал ис Кумык Зорош-мурза Салтанеев племянник Тюменсково. А в розспросе мне холопу твоему сказал, что крымской де царь стоит на Кубе в новом пустом городе, что отец ево поставил, а на весну де, государь, как снег сойдет, собрався итти крымскому царю на кизылбазшьсково на Обаз-шаха и приходити повною под Терский город и над Терским городом промышляти. Да нынешнего ж, государь,

125-го году ноября в 23 день приехал ис Кумык на Терек князя Сунчалаея Черкасского уздень Чепанко Алеев. А в розспросе мне, холопу твоему, сказал: слышел де он Чепан в Кумыках у кумытцких людей, что турсково царя Сайдар/-паша с турскими с ратными людьми у кизылбазшьсково у Обаз-шаха взял город Шарвань, а под другой де город под Фарбат пошел с ратными людьми со многими. И послал де был Сайдар-паша через Кумытцкую землю против крымсково царя скороходов. И скороходы де пришли в Кумыки и сведали, что крымской царь воротился назад и на кизылбазшьсково не пошел. И оне де прислали весть к Сайдар-паше, а сами де ныне те скороходы живут в Кумыках у Андеишевкала. А на весну де, государь, одноконечно крымскому царю, как снег сойдет, итти войною на кизылбазшьсково на Обаз-шаха, а прежде ему приходит под Терской город. Да нынешнего ж, государь, 125-го году декабря в 1 день приехал на Терек ис Кабарды Мамстрюковской уздень Чока. А в розспросе мне, холопу твоему, сказал, что крымской де царь пошел бы на кизылбазшьсково на Обаз-шаха, и от него де крымсково царя ратные люди розбежались, и он де поворотился назад и стал де в пустом городке на Кубе-реке, что отец ево поставил. И писал де от себя крымской царь к турскому царю, чтоб к нему прислал ратных людей с кем итти на кизылбазшьсково на Обаз-шаха, потому многие ратные люди от него розбежались, а с ним остались люди невеликие, и ему де с теми людьми на кизылбазшьсково итти незъзе. И турской де царь // прислал х крымскому царю дву паш со многими с ратными людьми, а у него де у крымсково царя умысл, чтоб ему преж кизылбазшьсково походу повоевалти нагайских людей и отлити кровь черкассково Казыя-мурзы Шепшукова. А подымает да на нагайских людей крымсково царя кабардинские Смаилев брат Хотова Хабыш, а для де того за крымсково царя дал дочь свою да за нею 200 ясырей черкасских. И нагайские де мурзы, сведав про то, прислали х крымскому царю послов своих для того, будет ему на шах Абаса надобны ратные люди, и оне де ему хотят дати на шах Абаса ратных людей 3000 человек. И крымской де царь у нагайских мурз ратных людей взяти не хочет, а хочет нагайских людей воевати и животину у них отгнати для того, чтоб ему с ратными людьми в зиму тем прокормиться. А на весну де, государь, как снег сойдет, итти ему крымскому царю на кизылбазшьсково на Обаз-шаха. А итти ему подле гор Османовскою дорогою, а одноконечно де ему приходит под Терской город и над Терским городом промышляти... Да декабря, государь, в //17 день черкасской закладной Яным-мурза Канукин, которой сидит на Терке в оманатах, мне холопу твоему сказывал, что черкасские Пыштыны дети Бек да Сурбек мирятца с черкески-ми ж с его з братьею с Кулом и з Додорукою Канукиными детьми да с Олегукою и с Черегукою с Шаганукиными детьми, чтоб им по-прежнему быти в соединение. А те, государь, Пыштыны дети Бек и Сурбек тебе государю изменили и от твоей царской милости жалованья отступили, против твоих государевых ратных людей

стояли с Шолохом-князем заодно... Да нынешнего ж, государь, 125-го году марта в 8 день приехали в Терской город из роз// ездз сверх Терка голова конных стрельцов Лука Вышеславцев да сын боярской Степан Савин сын Борисова. А в розспросе мне, холопу твоему, сказали: слышали де они в гребенях у вольново казака у Ивашка Хлыновца, был де он Ивашко в гребенях под снежными горами и слышел де он, что крымской царь вышел и стоит на степи, а збираетца со многими с ратными людьми, /ит/ти де ему крымскому царю на кизылбазшьсково на Обаз-шаха, а идти де /ему подле / гор Османовскою дорогою... под Терской город и над Терским городом промышляти. Да при нем же при Ивашке при Хлыновце пришел в Мерезинские кабаки от грузинсково царя Теймураза чернец, а говорил де, что послал ево горужинской Теймураз-царь х крымскому царю для того чтоб ему грузинскому царю Теймуразу сойтися с крымским царем. А итти де ему с крымским царем на кизылбазшьсково на Обаз-шаха вместе подле гор Османовскою дорогою. А для де того крымской царь стоит на степи дожидаетца конского корму, а как де конской корм поспеет, и ему тотчас итти на кизылбазшьсково на Обаз-шаха и над Терским городом промышляти хочет. А на Терке, государь, твоих государевых ратных людей мало, и те все конечно бедны, наги и боси и голодни, многие люди помирают голодною смертию, а иные от голоду и от нужи бредут розно. И в приход, государь, крымсково царя на Терке теми людьми сидети не с кем. И о том мне, холопу своему, как укажешь.

Вестовая в Посольский приказ.

Отметка о подаче: 125-го июня в 16 день привез терской сотник стрелецкой Васка Надобный.

Помета: Отписать, чтоб и вперед вести всякия про турского и про крымского и про грузинского и про кизылбазшьсково всякими мерами проводывал, и для чего шах в русские города с товары ездити не велел, и для чего государевых послов человека в Грузи послал, да и всякие вести проводывал. А кумыцких князей, которые не под государевою рукою, привел под государеву руку, и Салтан Магмута привел, говоря с Сююнчалеем и советовал з Гиреем по прежнему государеву указу, как о том писано к прежним воеводам. А писать отписки порознь о всяких делех, про ногай себе, а про шаха с турским себе, а про крымского себе, а про кабардинских себе, а про кумытцких себе, а в одну отписку всех вестей не мешать, а то розобрать не мочно.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1616—1617 гг., лл. 70—93.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 52—60.

1620 г. — Грамота из Посольского приказа кн. Шолоху с товарищами об отпуске на Терек его посла Кардана и с требованием о присылке к Москве «одного из своей братьи»

Бога всеми владующаго милостию от великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца

владимерского, московского, ноугородского, царя казанского, царя астороханского, царя сибирского, государя псковского, и великого князя смоленского, тверскаго, югорского, пермского, вятского, болгарского и иных государя и великого князя Новгорода низовские земли, черниговского, резанского, ростовского, ярославского, белоозерского, лифлянского, удорского, обдорского, кондинского и всеа Северные страны повелителя и иных многих государств государя и обладателя Солоху-князю кабардинскому з братьею и з детьми и с племянники наше царское повеление // и милостивое слово то.

Как по воле всемогущего бога и по племяни великих государей царей и великих князей российских, предков наших, и по избранию и по челобитью наших великих российских государств всяких чинов всего множества людей, учинилися есьмя на наших великих и преславных Российских государствах великим государем царем и великим князем всеа Руси самодержцем, и изведали нашему царскому величеству нашего царского величества приказные люди отписали к нам из наших вотчины ис Казани боярин наш и воевода князь Иван Михайлович Воротынской с товарищи, что живет в Казани посол ваш Кардан и бил челом нашему царскому величеству, чтоб нашему царскому величеству велеть ему быти в нашем царствующем граде Москве, видеть наши царские очи. И мы, великий государь, ведая деда нашего, великого государя царя // и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и сына ево, дяди нашего, слаженные высокославные памяти великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси самодержца жалованье к прежним кабардинским князем и к тебе, Солоху-князю, и хотя тебя, Солоха-князя, ныне потому ж держать в нашем царском жалованье под нашею царскою высокою рукою во обороне ото всех твоих недругов, наши царские очи послу твоему Кардану дали видеть и пожаловав ево нашим царским жалованьем отпустили к тебе. И ты б, Солох-князь, и все кабардинские князи и мурзы, видя к себе нашу царскую милость и жалованье были под нашею царскою высокою рукою навеки неотступны и нам, великому государю, // служили и прямили потому ж, как служили прежним великим государем царем и великим князем российским, прародителем нашим. А мы, великий государь, тебя, Солоха-князя и всех кабардинских князей и мурз учнем жаловать, держать в нашем царском милостивом жалованье и в призьенье и ото всех наших недругов во обороне и в зачищенье, и нашим царским жалованьем учнем вас жаловати, смотря по вашей службе, свыше прежнего.

А наперед сего послали есьмя на Терек наше жалованье к тебе, Солоху-князю, // и к иным кабардинским князем и к мурзам з дворянином нашим з Дмитрием Семеновичем Погожевом. И вперед вас нашим царским жалованьем жаловать учнем, смотря по вашей службе. И вы б, видя к себе наше царское жалованье прислали к нашему царскому величеству из братьи своей или из детей, кого пригож, видети наши царские очи и на твоём к себе

жалованье и на нашу бы есте царскую милость во всем были надежны.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1620 г. Д. № 1, лл. 4–8. Отпуск.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 61–63.

1622 г. между августа 14 и декабря 8. — Отписка астраханского воеводы С. В. Прозоровского с товарищами в Посольский приказ о походе кн. Сунчалей Янклыковича Черкасского с терскими служилыми людьми против мурз Казыевой Кабарды

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Ру/сии/ холопи твои Сенька Прозоровской, Ортюшка Измайлов, Васька Яко/влев/, Васька Мартемьянов челом бьют.

В прошлом, государь, в 133-м го/ду/ августа в 16 день писали мы, холопи твои, к тебе, к государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси, с астраханцем сыном боярским с-бываном Севергиным, что, государь, по твоему государеву цареву и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси указу послали мы, холопи твои, из Астарахани степью с князь Сунчалеевым сыном Янклычевича Черкасского с Солохом голову стрелецкого Миню Грязева, а с ним, государь, его да Ондреева приказу Хохлова конных 500 человек стрельцов да голову юртовских татар Кураку Новокрешенова, а с ним, государь, юртовских татар да старых и новых едисанов 1500 человек, а велели, государь, им с твоими государевыми ратными людьми со князь Сун/че/леевым сыном с Солохом итти на Терек вместе и на Терке, государь, сходитца ствоими государевыми ратными людьми. А как, государь, они на Терек придут и с терскими ратными людьми сойдутца, и мы, холопи твои, велели головам говорить князю Сунчалей, чтоб, государь, он по твоему государеву указу на недругов своих, на Казымурзиных и на Шолоховых и на Пыштовых и на Ибакиных братью и детей и на племянников и на их кабаки шел не мешкая, чтоб, государь, т/вои/м государевым ратным людем на Терке мотчанья /не/ было. Да как, государь, князь Сунчалей с Терка на недругов своих пойдет, и они б, государь, с твоими государевыми ратными // людьми с ним на недругов его на Казымурзиных и на Шолоховых и на Пыштовых и на Ибакиных братью и на детей и племянников шли и над ними б, государь, по твоему государеву указу промышляли и их воевали. А будет, государь, похочет князь Сунчалей итти на иных своих недругов на черкасских и на кумыцких и на окоцких людей и мы, холопи твои, головам Мине и Кураке с твоими государевыми ратными людьми с Сунчалеем князем на них ходить не велели. А будет, государь, Казымурзины и Шолоховы и Напыштовы и Ибакины братья и дети и племянники послыша на себя поход со князь Сунчалеем твоих государевых ратных людей тебе, государю, добьют челом и с князь Сунчалеем в своих недружбах примирятца и розделяютца и в Терской, государь, город дадут заклады и в твоей государеве милости укрепятца, и мы, холопи твои, головам Мине и Кураке с твоими государевыми

ратными людьми на них ходить и их воевать не велели. А что, государь, у голов у Миня Грязева и у Кураки Новокрещенова в походе над теми князь Сунчалеевыми недруги какова промыслу учинитца и как, государь, головы ис походу в Астарахань придут, и что, государь, в роспросе нам, холопом твоим, скажут, и мы, холопи твои, к тебе, к государю, отпишем.

И в нынешнем, государь, в 131-м году сентября в 4 день писал к нам, холопом твоим, князь Сунчалеи Янклычевич Черкасской с астраханским сотником стрелецким з Дмитрием Горожанкиным, что по твоему государю царю и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу ходил он с твоими государевыми ратными людьми на твоих государевых // непослушников, а на своих недругов на Казыевых и на Шанукиных детей и на их кабаки. И августа де, государь, в 11 день божиею милостию и твоим государевым царем и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси счастьем пришед он с твоими государевыми ратными астраханскими и терскими людьми в Казымурзины и в Шанукины кабаки твоих государевых непослушников черкас многих побили и кабаки их и на пашнях хлеб всякой и сена пожгли, а достальные, государь, с Лягукою-князем с Шанукиным сыном да с ним Казыевы дети ушли в горы и он де, государь, Сунчалеи-князь, и головы посылали к ним говорить, чтоб государь тебе, великому государю добили челом, вины свои принесли и были под твоею царского величества высокою рукою и тебе, великому государю, правду дали, шерть на Куране учинили, и в Терской бы, государь, город заклады дали, а вы, великий государь. их пожалуешь, велишь им быть под своею царского величества высокою рукою. И Казыевы де, государь, и Шанукины дети тебе, великому государю, добили челом и вины свои принесли и на своей правде шерть учинили и в Терской государь город заклады дали Казыевы братья и дети Казыева большого сына Атакшуку-мурзу да с ним 10 человек узденей лутчих людей. А Шанукины, государь, братья и дети брата своего Янсохова сына Ильмурзу да с ним узденей 8 человек на том, что, государь, им быть под твоею царского величества высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным, и те, государь, заклады он, Сунчалеи-князь, послал в Терской город а Шолоховы де, государь, и Пыштовы и Ибакины братья и дети и племянники тебе, великому государю, добили ж челом // и вины свои принесли и заклады в Терской город дали ж, что, государь, им быть под твоею царского величества высокою рукою навеки неотступным, так ж как, государь, были под вашею царского величества высокою рукою отцы их и с ним, с Сунчалеем-князем, в недружбах своих помирились. И он де, государь, Сунчалеи-князь, голов Миню Грязева и Кураку Новокрещенова с твоими государевыми ратными людьми отпустил в Астарахань, а головы, государь, Миня Грязев и Курака Новокрещенов писали к нам, холопом твоим, то ж, что князь Сунчалеи писал к нам, холопом твоим.

И августа, государь, в 14 день головы Миня Грязев и Курака Новокрещенов с твоими государевыми астраханскими русскими

ратными людьми и с юртовскими тотары и с едисаны в Астарахань пришли здорово.

На л. 82 об.:

Отметка о подаче: 131-го декабря в 8 день с астраханцом с-Ываном Кольцевым.

Помета: Чтена. В столп.

РГАДА. Посольский приказ. Сношения России с ногайскими татарами. 1622 г. Д. № 1, лл. 82–85.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 64–67.

1623 г., сентября 12. — Грамота из Посольского приказа терскому воеводе С. И. Волынскому с товарищем о регулировании количества кабардинских и кумыцких посольств в Москву и о размерах выдаваемого проездного жалованья

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси на Терек воеводам нашим Степану Ивановичу Волынскому да Баиму Федоровичу Болтину.

Отпускаете к нам к Москве с Терки черкасских и кумыцких мурз бити челом, а с ними отпускаете узденей многих людей по 10-ти и по 15-ти и по 20-ти и больши и корм... даете мурзам и узденем денежное [жалованье и] питье великие, а как приедут к Москве и они нам бьют челом о корме... прибавке и только им нашего жалованья... корму на москве не прибавить... и тем оскорбить, а прибавить нельзя потому, что вы даете им в дорогу корму и питья много.

И как к вам ся наша грамота придет, а которые будет черкасские и кумыцкие мурзы живут на Терке, а учнут проситися к нам к Москве, и вы б их спрашивали о чом они к нам к Москве хотят ехать бити челом. Да будет которые скажут, что едут бити челом о нашем жалованье о годовом и о денежном о прибавке себе и узденем и о своих службах, а преж того будет они на Москве бывали и вы б говорили, чтоб они о том приносили к вам челобитные, а вы о том // о всем отпишете к нам к Москве, а им для того... далеко путь дальней, и о таких бы... делех мурз, которые наперед того к нам не пускали... Куденека-князя детей и Сунча-лея князя ...ми, а писали об их челобитье хто...учнет бити челом к нам к Москве ...шими делы, и мы вам потому велим указ учинити, а которые будет мурзы учнут к нам проситца о великих наших делех, или которой кабардинской и кумыцкой князь или мурза учнут проситца вновь, которых преж сего на Москве не бывал, а служба их к нам есть и вы б таких отпускали, а с ними отпускали узденей немногих человеки по 3 и по 4 и по 5-ти человек. А с лутчим с самым со князем или с мурзы человек до осьми и по большой мере до 10-ти. А больши б есте того с мурзами узденей не отпускали и корм им давали в дорогу и в роспись писали невеликой, лутчему мурза алтына по 4 и по большому по 5-ти ...ным по гривне и по 3 алт. ...етья алт. А самым меньшим ... алт, смотря по человеку. А узденем лутчим по алтыну, а иным по че... А питья мурзам по 3 чарки, а лутчим по 4 спричь Куденека князя

детей и Сунчалаея // князя детей, а узденем лутчим вина по чарке или по 2, а иным узденем питья не давали для того чтоб мочно было им нашего жалованья по их челобитью прибавити корму и питья на Москве. А наперед бы есте об них, которых к нам отпустите писали к нам к Москве которого мурзу к нам отпустите и о каких делах и сколько с ним узденей и по чему корму в дороге велите давать и в проезжих грамотах велели людей и корм писать имянно чтоб нам о том было ведомо наперед их приезду. А будет которые... учнут приезжать на Терек... и вы б их принимали смотря... в которых нашему делу чает... и на приезде им давали наше жалованье им и узденем, чтоб их те... государские милости не отогнать... нашим бы есте годовым жалованьем их и узденей без нашего указа не верстали, чтоб в том нашей казне лишних убытков не было опричь лутчих мурз, которых будет к нам служба и смотря по делу оскорбить не пригож. А хто каков мурза приедет и сколько с ним людей и о чем ево челобитье к нам и вы б о том и про службы их писали к нам к Москве в Посольской приказ, и мы по тому указ велим учинить, а в которых будет мурзах к нам прибыли и службы не чаять, и вы б таких // потеша нашим приезжим жалованьем отпускали назад, а им сказали, что вы об них и о их службе отпишете к нам, а без нашего б есте указа в Терской город... не принимали и того опасались чтоб черкасские и кумытцкие люди умножася над Терским... обманом не учинили... есте делали розсматри... то б мурз, которые учнут искати... милости не отогнать, а нашей бы казне лишних убытков не было и к нам бы есте о всем писали по часту, а которые мурзы Сунчалаея князь з детьми и иные живут у Терского города и нам служат и вы б к тем ласку и привет держали и их нашим жалованьем обнадеживали и службы их смотрили и о всем делали как бы нашему и земскому делу было прибыльнее, а ся б наша грамота у вас всегда была памятна, чтоб и вперед воеводам делать по сему нашему указу.

Писан на Москве лета 7132-го сентября в 12 день.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1623 г. Д. № 1, лл. 97–100.

Отпуск. края документа истлели.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 68–70.

1627 г. ранее апреля 14. — Отписка терского воеводы В. П. Щербатого с товарищами в Посольский приказ о живущих в Черкасских слободах безьявочных и о жалобах служилых людей на узденей терских мурз

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои Васька Щербатой, Степанко Татищев челом бьют.

Приезжают, государь, на Терек ко князь Шолоховым узденем и х Канву и к Боруке и х Татархану мурзам и их узденем в слободы всякие иноземцы и живут у них в слободах безьявочно многое время. И которое, государь, дурно учинится в тех приезжих

безъявочных людях, И нам бы, холопам твоим, от тебя, государя, в опале не быть. Да на их ж, государь, узденей, приходят к нам, холопам твоим, многие ратные и всякие жилецкие люди и бьют челом тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, в ночном насильстве и татьбе. А под суд нам, холопам твоим, те уздени не даются, ставятся сильны. И о том нам, холопам своим, как укажешь.

На л. 208 об.:

Отметка о подаче: 135-го апреля в 14 день с терским сотником с-бланом Мордвиновым.

Помета: Отписать на Терек чтобы воли не давали чьи люди воруют, и они б тех мурз призывали и в улусы писали чтоб таких воров держали, а сами б жили в остереганье и воров бы в острог и в ком чаят дурна не пускали и от воровства как мощно унимали и сами б от дурна остерегались и воров бы потачки не бывало и барышей бы и поминоков не имали, а добрых бы и которых государю служат оберегали и от государя не отогнали и напрасно ни с чем не приметывались и держали б к ним ласки. А в городе б и в остроге лишних иноземцов, в ком не чаят добра, не было и не держали, только будет иноземцов много, а русских людей мало, и тут какому добру быть надобно в том остерегатца и себя б не потерять и сами б ни за каким дурном и за корыстью не ходить ведают. они сами хто не делает дурно тем не пробывает над астраханскими воеводами и дьяки, которые делали дурно и не по государеву указу, что над ними зделалось, а они только учнут так делать не по государеву указу и станут свои [прихоти], и им коково государева жалованья ждать однолично б жили и делали все по государеву указу и сами за дурном ни за каким не ходили и воровали и своим людем воли не давали, а добрых от государевы милости не отгоняли.

РГАДА. Посольский приказ. Сношения России с ногайскими татарами. 1627 г. Д. № 1, л. 203.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 71–72.

1627 г. позднее апреля 14. — Грамота из Посольского приказа терскому воеводе В. П. Щербатову с товарищами о надзоре за приезжающими в Черкасские слободы

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси на Терек воеводам нашим князю Василью Петровичу Щербатову да Степану Лазаревичу Татищеву.

В нынешнем во 135-м году апреля в 14 день писали есте к нам с терским сотником стрелецким с-бланом Мордвиновым, что приезжают на Терек ко князь Шолоховым узденем и х Кашову и к Боруке и х Тархану мурзам и их узденем в слободы всякие иноземцы и живут у них в слободах безъявочно многое время и многое от них дурно и насильство и всяким людем чинитца а вас де ни в чем не слушают. Да на их же де, узденей приходят к вам многие ратные и всякие жилецкие люди бьют челом в ночном

насильстве и в татьбе, а под суд де вам те уздени не даютца, ставятца сильны, и о том бы вам велеть указ учинити.

И как к вам ся наша грамота придет, и вы б тем приезжим людям, которые иноземцы приезжают ко князь Шолоховым и Ханшову и к Боруке и к Тархан мурзам и их узденем воли ни в чем не давали, а чьи люди что своруют // или хто на них нам побьет челом, и вы б тех мурз призывали к себе и им говорили с великим укреплением, а в улусы писали чтоб они жили под нашею высокою рукою сами в послушанье, а приезжих безымянных людей у себя безъявочно не держали и воровать им не велели, да и самим бы вам жити в великом остереганье и ото всякого дурна и воров в ком чаят дурна в острог не пушати и от воровства ково мочно унимати и воли никому не давати и корысти от них не примати, а добрых и которые нам прямо служат, и тех бы естя оберегали и от нас их ничем не отгоняли и напрасно к ним ничем не приметявалися, а держали бы естя к ним во всем ласку. А в городех у вас лишних иноземцов, в ком не чаят добра, не было и не держать отнюдь некоторыми мерами, а только будет иноземцов много, а русских людей мало, и тут какому добру быть и вам бы однолично // в том во всем остерегатца, чтоб себя не потерять, а самим бы отнюдь ни за какое дурно не приниматца и за корысть бы не ходити, а ведаете вы сами хто дурно ни делает и им не пробывает над астороханскими воеводами и над дьяки, которые делали дурно и не по нашему указу что над ними зделалось, то вам ведомо. А вы будет только станете так же плутать, что и астороханские воеводы и дьяки, а не по нашему указу, забыв наше крестное целованье ганяясь за своими корыстями и учнете делать по своим прихотям, и вам каково от нас жалованья ждать. И вам бы однолично все делать по нашему указу и сами б вы за дурном ни за которым не ходили ...? и своим людям воли ни в чем и над иноземцы не давали и все б естя делали с великим остереганьем, чтоб однолично иноземцов всяких от нашые царские милости не оттогнуть, // чтоб всем быти под нашею государскою высокою рукою.

На листе 204 над текстом: Справлена з белою.

РГАДА. Посольский приказ. Сношения России с ногайскими татарами. 1627 г. Д. № 1, лл. 204–206. Черновик.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 73–74.

**1623 г. ранее августа 4. — Отписка терского воеводы С. И. Во-
лынского и товарищами в Посольский приказ об отправлении к
Москве кабардинского мурзы Барука Арасланова**

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси холопи твои Степашко Воынской, Баймко Болдин челом бьют.

В прошлом, государь, во 129-м году кабардинского Алкаса-князя брат Араслан-мурза да дети ево Барука, да Тархан, да Желов мурзы, похотя твоей государевы милости к себе, оставя в Кабарде... свои кабаки и братью свою и ясачных своих людей, выехали

на твое великого государя имя и били челом тебе, государю, на службу, да с ними узденей их двадцать... человек, и учили жити в Терском городе. И по прежнему твоему, государеву, указу Араслана-мурзу и детей ево Барука да Тархана твоим государевым денежным и хлебным жалованьем верстали. А оклад Араслану-мурзе учинен по тридцать рублей, детям ево Баруке-мурзе двадцать рублей, Тархану-мурзе восемь рублей. А третей, государь, Араслана мурзы сын Желогов мурза // не верстан. Да узденей, государь, их верстали пять человек, а оклад им учинен по пяти рублей. А хлебного жалованья мурзам и узденем их оклад учинен против денег. И будучи, государь, на Терке Араслан-мурза и дети его Барука да Тархан тебе, государю, служили. В прошлой, государь, во 129 год воевода Микита Вельяминов да я, холоп твой, Баймко посылали, а с ними ратных людей на твоих государевых непослушников Малово Нагаю, Казыева улусу, Юсуфова родства ногайских людей. И в той, государь, посылке Барука и Тархан мурзы Араслановы дети и с уздени своими были. И тебе, государю, служили, с нагайскими людьми бились явственно, и нагайских людей побивали. Да в прошлом, государь, во 130-м году посылали мы, холопи твои, на твоего государева изменника на кабардинского Алегуку-мурзу Казыева голову, а с ними ратных людей. И в той, государь, посылке Барука и Тархан мурзы и с уздени своими были и тебе, государю служили и с кабардинскими людьми бились и их побивали. Да в прошлом же, государь, во 130-м году по твоему государеву указу князь Сунчалеи Янглычевич Черкасской, а с ним ратные люди ходил на твоих государевых изменников, а на своих недругов, на Алегуку-мурзу Казыева з братьею, и в том, государь, походе Барука и Тархан мурзы с уздени своими были и тебе, государю, служили на боех, и с кабардинскими людьми бились явственно, и многих мужиков побивали. И с Терка для, государь, вестей и для иных государевых дел в Кабарду и... Баруку и Тархана и узденей... побивали.

И в прошлом, государь, во 130-м году Араслана-мурзы не стало, а дети ево Барука да брат его меньшей били челом тебе, государю, чтоб нам, холопом твоим, их отпустить к тебе, государю, к Москве видети твои царские очи и бити челом о своих делах. И мы, холопи твои, Баруку-мурзу да брата ево меньшово Желогота к тебе, государю, отпустили, а с ними узденей их 12 человек.

И в нынешней 131 год Баруке-мурзе и узденем его пяти человеком, которые верстаны, твое государево денежное жалованье дано оклад их сполна. Да Барука ж, государь, мурза бил челом тебе, государю, чтоб нам, холопом твоим, ему, Баруке, для московского подъему дати твое государево денежное жалованье вперед на 132-й год. И мы, холопи твои, Баруке-мурзе вперед на 132-й год для московского подъему дали твое государево денежное жалованье оклад его сполна, а узденем его... А в приставех, государь, послали терского сына боярского Ивана Ерофеева, толмача Семейку Иванова и корм в дорогу и подводы дали, да и в Казанской, государь, дворец мы, холопи твои, о том писали.

На л. 12 об. отметка о подаче: 131-го августа в 4 день с терским жильцом с Фаобеем Волошениновым.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1623 г. Д. № 1, лл. 12–15.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 75–77.

1628 г. апреля 5. — Грамота из Посольского приказа кн. Пшимах Канбулатовичу Черкасскому о посылке ему жалованья и с похвалой его службе по разведке залежей серебряной руды

Божию милостию от великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца и многих государств государя и обладателя Пшимаху-князю Канбулатовичу Черкасскому наше царское милостивое слово и повеленье.

Ведомо нам, великому государю, что ты, князь Пшимах Канбулатович, нам великому государю служишь и прямишь и о наших делах промышляешь и непослушников наших под нашу царскую руку приводишь. Да приезжал к нам, великому государю, видети наши царские очи и бить челом о своих делах каншов-мурза Битемрюков, и будучи он на Москве в Посольском приказе сказывал дьяком нашим, что поехал де он, Каншов-мурза, к нам к Москве, поговоря с тобою, Пшимахом-князем, объявити нам, великому государю, что проведали ты, Пшимах-князь, и он, Каншов-мурза. В Кабарде землю словес Абаста, а родитца в той земле руда серебряная // и меденая многая. И только мы, великий государь, произволим послать для той руды, и нам, великому государю, в том будет прибыль, а для береженья надобны наши ратные люди, чтоб тем людем, которые для того дела будут быть безстрашными.

И мы, великий государь, тебя, Пшимах-князя Канбулатовича, видя твою службу к нам, великому государю, и промысл и раденье похваляем, что ты нам, великому государю, служишь правдою и радеешь и промышляешь и непослушников наших под нашу царскую руку приводишь. И вперед бы еси нам, великому государю, служил и прямил, как начал, так и совершал, а мы, великий государь, и вперед учнем тебя держати в нашем царском жалованье и в милостивом призьенье, и от недругов твоих в обороне.

А о которых делах присылал еси к нам, великому государю, челобитную, и мы, великий государь, по той твоей челобитной велели есмя сыскать дворянину нашему Ондрею Петровичу Совину и по сыску велим указ наш учинить. И о той // серебряной руде указ наш и мастера к тому делу посланы на Терек с воеводы нашими со князем Иваном Ондреевичем Дашковым да з Богданом Приклонским, а велено им тем нашим делом промышлять, советуя с тобою, со князем Пшимахом.

А к тебе, Пшимаху-князю, за твою к нам службу послали есмя нашего жалованья с воеводы ж нашими со князем Иваном и з Богданом — шубу отлас золотной на соболех да шапку лисью черну. И ты б, Пшимах-князь, наше жалованье у них взял и, видя к себе наше жалованье, нам, великому государю, служил и радел и нашим делом промышлял, воеводы нашими советовал, чтоб

милостию божиею и вашим раденьем и промыслом токое великое дело объявилось. А только то дело сыщется и прибыль нам в том будет, и мы, великий государь, тебя Пшимаха-князя, пожалуем нашим великим жалованьем.

Писан на Москве лета 7136-го апреля в 5 день.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1625 г. Д. № 2, лл. 52–54. Отпуск.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 78–79.

1628 г. декабря 26. — Челобитная рудознатцев С. Фрича и Г. Герольта об увеличении жалованья во время их пребывания в Терском городе

Перевод с письма, что прислали ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси с Терка рудознатцы в нынешнем во 137-м году марта в 20 день.

Всехпресветлейший и непобедимый и милостивейший великий государь царь Михаил Федорович всеа Руси! Вашему царскому величеству наша бедных иноземцов всегда готовая служба во всяких мерах вперед.

Потом вашему царскому величеству мы вкоротке объявляем, что мурза Каншов Бетемрюков по вашему царского величества милостивому повеленью, как мы в прошлом году на Терек приехали, и он в Черкаские горы с людьми своими ездил и там три месяцы побыл, потом оттоле назад на Терек приехал и привез с собою светлые руды, которая свинец в себе имеет, и отдал ту руду воеводам терским князю Ивану Андреевичу Дашкову да Богдану Приклонскому, и воеводы дали и велели нам ту руду испытать. И мы при них и при том мурзе Каншове всяких руд пытали и нашли, что в той руде ничего иного нет, кроме свинцу, а изо ста на сто тое руды будет пятьдесят пять фунтов чистого свинцу вытоплено и кажется, что в той же руде не от велика и серебра будет, и та наша скаска чаем от воевод к Москве будет писана. // А где тот мурза Каншов тое руду добыл, тово нам, иноземцом, неведомо, потому что мы с ним туды не ездили, а были мы в то время на Терке для водяного дела, чтоб свежая вода привести к городу, и мы чаем по сем то наше дело перед великим днем доделати.

А по скаске мурзы Каншова, как он в Розряде воеводам при нас сказывал, и он говорил, что он ту руду в горах по розным в шести или в семи местех нашол, и сказывал, что там на дву верстах около тех мест воды и дров, кое нужно к такому делу, надобно есть много, только к тому месту проход добре узок, в ряд одной лошади итти, а худо таково версты с четыре, а ход и путь добре страшен, потому что черкасы не хотят того, чтобы в их места ходили, и побивают людей до смерти камением. И про то воеводы к вашему царскому величеству будут писати.

Да тот же мурза Каншов сказывает, что жильцы тутошных мест ту руду переплавливают и свинец про свой обиход ис того делают, ино тому мочно верить, потому что тут руда богата свинцом, а будет только в глубину начнется копати, может вперед прибыль-

нее быти, // потому что бывает часто на таких местех или недалеко от того места серебряная руда и меденая. А для того, что мы сами на тех местех не были, не можем мы подлинно сказать про такую руду будет ли прибыли или нет, потому что первой великой денежной убыток учнет ставитца на железные снасти, також и на работные люди в наймах и в-ыных надобных статьях в таких дальних местех. А что наша работа и ведомство, мы во всем сердечно радеем и с раденьем готовы работою своею доказать, что лише нам мочно смиренно и безстрашно там быти и то в ва его царского величества в милостивой воле. А мы, бедные иноземцы, готовы высокоименованному вашему царскому величеству нашу работу и ведомством и нашими головами, сколько нам бог милости подаст, ради служить.

И бьем челом подданственно вашему царскому величеству, ваше бы царское величество нас, бедных иноземцов, милостиво призрили для того, что здесь на люди платье и всякой запас при такой тяжелой службе и дальнем пути лишнее надобет, а всякой естественной запас сюды приходит с Руси, хлеб, вино и всякой запас здесь дорог. И мы бьем челом вашему царскому величеству //, ваше б царское величество нас для ради такой тяжелой службы пожаловал, велел бы нам своего государева годового жалованья, также и корму и питья велел прибавить. А здесь нам питья немного дают да и то все худое, и приказал бы милостиво, чтоб нам договорные месячные деньги и корм по все месяцы до/вали, так же бы и дров нам давали, чтоб нам живот свой с покоем воздержати. И еще бьем челом вашему царскому величеству, ваше б царское величество прислал к нам письменной наказ и повеленье по чему нам вперед держатися и жити. А мы ради вашему царскому величеству служить.

По сем предаем мы ваше царское величество и з государынею царицею и со благородною царевною в сохранение всемогущего бога, да подаровал бы бог вашему царскому величеству смиренное и многолетное царствие.

Писано на Терке декабря в 26 день лета по рождестве Христове 1628 году.

В-ысподи написано: Бедные иноземцы вашего царского величества радетьельные холопы Самойло Фритск, Ганс Геролт, да плотник Юрьи Бем, которой вашему царскому величеству многие лета служил, а ныне с нами послан.

Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (в дальнейшем: НИА СПб ИИ РАН). Колл. Гамеля, д. № 29, лл. 1–4. Перевод. Док. ветхий.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 80–83.

1628 г. декабря 26. — Челобитная рудознатцев С. Фрица и Г. Герольта об увеличении жалованья, о назначении к ним дополнительных переводчиков при работе по устройству водопровода в Терском городе

Перевод с челобитной, что прислали рудознатцы Самойло Фрик да Анца Арольт в нынешнем во 137-м году марта в 25 день.

Всехпресветлейшему и непобедимому, милостивому, великому кесарю и государю царю Михаилу Федоровичю всеа Руси. Вашему кесарскому величеству буди наша, бедных иноземцов, радельная служба в трех городех во вся времена всегда готова.

По вашему кесарскому величеству милостивому указу прошлого году мы отпущены с Москвы и июля в 19 день в кесарской город в Астарахань пришли. И твои государевы воеводы того города стольник и воевода князь Юрьи Федорович Буиновос Ростовской да Семен Иванович Волынской, да дьяки Степан Караулов да Григорей Нечаев перед собою нам велели быть и приказали нам по вашему кесарскому милостивому указу досмотрити по городу, где что надобно поделати по стене и по башням и по иным местам, и что к тому надобно для поделки по нашему разуму. И мы в те поры куда сын боярской да подъячей нас водили, которые у нас приставены были, в городе и за городом с раденьем высмотрили. И тому мы воеводам // письменной ответ дали, что наша мысль и как тому делу учинити помочь и поделати и имеем надежду, что они о том вашему кесарскому величеству известили.

А оттоле воеводы августа в 8 день отпустили на Терек. А в Терек мы пришли августа в 21 день с несчастьем и с страхованьем после тово несколько дней. И с месяц как мы на Терек пришли терские воеводы князь Иван Ондреевич Дашков да Богдан Герасимович Приклонской нам сказали, чтоб нам по вашему кесарского величества указу досмотрити как бы свежую воду из быстрые реки под Терек город привести. И мы того с раденьем смотрили. И по осмотру тое воды в старое место к Изларю реке и к Тюменке реке привести нельзя, потому что те старые реки далеко ж постошли, а вода из Быстрые реки от них отошла и тот ход песком завалило и прутьем заросло и лет з двадцать вода не бывала. О том ответ и малой чертеж воеводам давно дали. И для того мы с раденьем дозирали и нашли, что городу Терку воды дополна весною мочно привести, а что старой воевода князь Василей Федорович Щербатой хотел воду привести и почал бы делати, однако не осталось весною и водополье немного воды // привел и то вскоре опять высохло, как в жаркое время добре надобно было. И о том мочно толмача Ивана Кашпирова спросить, он изустно известит.

А воеводы нам приказали то дело на себя взяти и воду в Соленую реку привести. И то мы на себя взяли. И сперва нам октября в 31 день для того дела дано з девяносто человек, а на другой неделе нам людей прибавили, дали нам полтретьяста человек, и стали ныне копати притяжливо, и для стуж и морозов доле того делати немочно было. И ноября в 14 день людей ропустили до тех мест, как бог тепло даст. А только б нам столь скоро, как мы сюда приехали, людей дали и мы б уж воду привели. имеем надежду как тепло будет то дело з божиею помощью в десять недель совершити, только нам по нашему прошенью пятьсот или шестисот человек к делу дадут, а за нашим раденьем на станет, хотя, хотя мы по ся места болезнь претерпели.

Потом мы еще вашему кесарскому величеству не можем утати, что нам еще, сверх того переводчика и толмача, еще два толмача добре надобны, потому что два толмачом с пятью или с шестьюсот человеки... говорить, чтоб дело // скоро шло. А те дела свкоре совершити надобно. А ныне же у нас есть некоторой молод человек, которой у нас года с три пожил и языку нашему понимает, а родина ево на Москве, а имя ему Карп Романов сын Теслоф. И к тому б еще другово нам дали и тово б пожаловати притив иных толмачей.

А мы, иноземцы, ради с своей доли вашему кесарскому величеству своим ведомством служить. И бьем челом вашему кесарскому величеству, чтоб ваше кесарское величество был до нас милостив. А для того, что здесь на людей платье и иное надобье много исходит, а всякой запас сюды с Руси приходит и здесь то дорого, бьем челом того ради вашему кесарскому величеству, чтоб ваше кесарское величество для таково дальнего пути и тяжелой службы наше жалованье и корм и поденное питье прибавил, потому что здесь нам дают по немногу да и то все худое. И о том бы милостивно приказали, чтоб наше жалованье и корм вдруг ежемесяц нам давали, что нам живот свой содержать. А преж сего нам, где мы на вашей кесарской службе были и ездили куды //, готовые подворья и дрова были, а ныне мы то дорого покупаем, и бьем челом, чтоб нам дрова про нашу нужу давали. И еще бьем челом вашему кесарскому величеству, чтоб ваше кесарское величество прислал к нам письменой наказ, по чему нам вперад делать и с раденьем все совершать. А мы ради вашему кесарскому величеству радетельно служить.

По сем молит всемогущему богу за ваше кесарское величество и за государыню царицу и за благородную царевну, також и за вашего кесарского величества государя отца святейшего патриарха и за вашу государскую мать о многолетном здравье, чтоб бог подаровал вашему кесарскому величеству многолетное мирное владенье.

Писано на Терке, месяца декабря в 26 день лета от рождества Христова 1628-го.

В-ысподи написано: Бедные иноземцы вашего кесарского величества радетельные слуги Самойло Фрич да Яганс Геролд, да плотник Юрьи Бем, которой вашему кесарскому величеству давно служил, а ныне с нами сюда послан. //

НИА СПб ИИ РАН. Колл. Гамеля, д. № 33, лл. 1–5. Перевод. Док. ветхий.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 84–87.

Спор князя Лыкова с князем Черкасским

140-го [1632]1 года в апреле бил челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси и отцу его государеву великому государю Святейшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всея Руси боярин КНЯЗЬ Дмитрий Мамстрюкович Черкасский на боярина на князя Бориса Михайловича Лыкова. Ска-

зана ему боярину князю Дмитрию Мамстрюковичу Государева служба на их Государева недруга на Польского и на Литовского короля, а с ним в товарищах боярину князю Борису Михайловичу Лыкову, и боярин-де князь Борис Михайлович с ними ся князем Дмитрием в товарищах не хочет, а говорит будто им князем Дмитрием люди владеют и тем его бесчестит.

И государь царь и Великий князь Михайло Федорович всея Руси и отец ево государев великий Государь Святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всея Руси указали боярину князю Андрею Васильевичу Хилкову да дьяку Михаилу Данилову допросити боярина князя Дмитрия Мамстрюковича, при ком боярин князь Борис Лыков ему говорил, что с ним быти не хочет и что им люди владеют.

И апреля во 26 день князь Андрей Васильевич Хилков да дьяк Михайло Данилов боярина князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского допрашивали: бил он челом государю царю и Великому князю Михаилу Федоровичу и... на боярина на князя Лыкова Борис Михайловича, что будто он говорил, что тобою люди владеют, и в товарищах с тобою быти не хочет; и он бы боярин князь Дмитрий сказал, при ком князь Борис про то говорил.

И Дмитрий Мамстрюкович Черкасский говорил: и то им государем и самим ведомо, что князь Борис Лыков им государем в прошлом году и ныне бил челом, что с ним со князем Дмитрием в товарищах быти не хочет, и тем его князя Дмитрия обесчестил; а он князь Дмитрий на их государеву службу готов; и они б Великий государь ево князя Дмитрия пожаловали велели ему на князя Бориса Лыкова, что он ево своим челобитьем опозорил и в товарищах быти не хочет, дати оборонь.

И майя во 27 день Государь царь и великий князь Михайло Федорович велели князю Борису Лыкову сказати: в прошлом в 139 году ему велено на службу; и наряжался он на государеву службу год, а как службе время дошло, что итти на службу, и он князь Борис для своей бездельной гордости и упрямства и не прямой службы бил челом на боярина Дмитрия Мамстрюковича Черкасского, что ему князю Борису на государевой службе быти с ним невозможно, что у боярина князя у Дмитрия Мамстрюковича нрав тяжелый и прибыли, как ему быти с боярином, в государевом деле нечаает, и тем своим гордостным бездельным челобитьем и упрямством службу свою отказал, и боярина Дмитрия Мамстрюковича обесчестил, и в государевой службе учинил многую смуту.

И государь царь и великий князь Михайло Федорович указали боярину князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому на боярина князя Бориса Лыкова доправить бесчестье оклад князя... 1200 рублей; и деньги на боярине Борисе Лыкове взяты, и по их государеву указу отданы боярину князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому.

Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 7. С. 65–66.

Челобитье подано князем Черкасским именно тогда, как ему с Лыковым было сказано в поход к Дорогобужу и к Смоленску, и когда уже они сделали смотр ратным людям.

См: Очерки русской истории XVII в. М., 1979. Ч. 2. С. 16.

(1630 г.) (Выписки из местнических дел)

И у сказки били челом государю воеводы о местех:

А Федор да Григорей Пушкины били челом Государю в отечестве на князь Никиту Егупова-Черкасского да на князь Ивана Лобанова: князь Никите де Егупову-Черкасскому велено быть, на Дедилове, в передовом полку, а мне Федке велено быть в Резанском розряде в передовом же полку, на Михайлове, а мне Гришке велено быть, в Пронску, в сторожевом полку, а князь Ивану Лобанову велено быть в береговом розряде в сторожевом полку, на Крописне; и нам де менши князь Никиты и князь Ивана быть не вместно; с князь Никитиным отцом и никто в нашу версту не бывал...

Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1850. Т. I (1612—1628 г.). С. 124.

1631 г. июля 20. — Отписка терского воеводы В. И. Туренина с товарищем в Посольский приказ об отпуске к Москве мурзы Барука и Тонжехана Араслановичей Черкасских

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои Васька Туренин, Сенька Волконской челом бьют.

Июля, государь, в 20 день пришел к нам, холопом твоим, в съезжую избу Барука-мурза Арасланов сын Черкасской и подал нам, холопом твоим известную челобитную на князь Шолоха Черкаскова. И мы холопи твои та ево челобитную, подклея под сю отписку, послали к тебе к государю к Москве. А велели, государь, подать в Посольской приказ дияком. А того, государь, Баруку-мурзу з братом ево отпустили к тебе ж, к государю, к Москве. А с ним, государь, отпустили терского сына боярского Дмитрея Могутова да толмача Карпа Володимерова и в Асторохань к воеводам писали, чтоб ево Баруку отпустили не задержав. //

На л. 247 оборот: Отметка о подаче.

140-го декабря в 31 день с терским сыном боярским с Микитю Могутовым.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1630 г. Д. № 3, л. 247.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 88.

Отписка Белгородскаго воеводы об отсылке в Москву языков татар, взятых на бою, с приложением их роспросных речей, и роспрос татар на Москве

Белгородский воевода, князь Михаил Козловский, в отписке, полученной в Розряде 23 июля, доносил, что посланный в погоню за татарами, возвращавшимися из Руси с полоном, стрелецкий и

казачий голова Иван Кобыльский, догнав татар в трех стах верстах от Белгорода за Донцом на р. Береке, побил их, полон отгромил и взял в полон восемь человек; распрося пленных, воевода послал их вместе с распросными речами в Москву с Иваном Кобыльским.

Помета: «Чтена. Выписати сеунщика». «Июля в 25 день государь, царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси сех татарских распросных речей слушал и указал тех языков татар питати, а к пытке указал государь ехати боярину, князю Данилу Ивановичу Мезецкому да дьяку Михаилу Данилову».

Пыточные речи.

И боярин, князь Данила Иванович Мезецкой, да дьяк Михаила Данилов языков татар у пытки спрашивали порознь и питати велели: много ль их всех татар ныне в войне было, и все ли они одного улусу, или иных, и которых улусов с ними татарове были, и азовцы с ними были ль, и которыхы они места воевали, и не будут ли ныне за ними на государевы украины иных воинских людей, и от их товарищей, которые с бою утекли и которые были под Валуйкою, поворотки в Русь не чаят ли, и сей весны крымской царь Ишен-Гирей в черкесех в войне был ли, и сколько с ними было крымских людей и Казыева улусу и иных улусов, и много ль черкас побито, или черкасы многих ли крымских людей побили, и Хентемир-мурза с царем в черкесех был ли, и ныне крымской царь и калга в Крым ль, и зачем государевых послов не розменять, и Турскаго царя каторги в Крым для чего приходили, и где ныне старый крымской царь Джанби-Гирей, и не быть ли ему опять на Крыму, и ныняшняго царя и калгу крымские люди любят ли, и на государевы украины ныне крымскаго царя и калги и крымских людей походу не чаять ли, или крымскому царю и калге поход будет в Литву, — чтоб они про все сказали подлинно, правду.

И татарове в роспросе и питаны накрепко говорили:

Татарин Кубаско Резенов в роспросе у пытки и питан накрепко говорил, что он Казыева улусу, Азамет-мурзы кочеванья; а пошли де они в Русь в войну, тому больше дву месяц, из Казыева улусу восемьдесят шесть человек, да к ним же в дороге пристало Азовцов, а сколько Азовцов и всех их было, того не ведает. И перелезши де Донец, разделились на двое: их восемьдесят четыре человека пошли под Белгород и воевали Белгородский уезд, а достальные пошли под Валуйку, а где они из под Валуйки пошли, того не ведает; и воевав они Белгородский уезд, пошли было из Руси вон, и их сошли государевы люди и побили. А пошли де они в Русь утаясь от мурз, украдом, для добычи, а мурзы им на Русь в войну ходить не велят, и после де себя они иных воинских людей на государевы украины приходу и поворотки от товарищей своих в Русь не чает, и они де ходили украдом. Да нынешней де весны ходил крымской царь Мамет-Гирей в Горские черкасы для дани, а они де нагайцы в черкесех с крымским царем были ж, а сколько с царем крымским нагайских людей было, того не ведает; и сперва с приходу крымской царь черкас побил, а после Горские черкасы его, крымскаго царя, побили, а многих ли черкас крымской

побил, а черкасы крымских людей побили, того не ведает. А Хен-темир-мурза с братьею с царем в черкасах был же, а калга, Шен-Гирей был в Крыму. Да слышал он от своей братьи, что Хен-темир-мурзу из Крыму выгнали, а где выгнали и за что, того не ведает. А Турской де царь послал морем в каторгах лес и каменья и велел от литовской стороны город ставить, а в котором месте, того не ведает. И крымского царя и калги ныне на государевы украины и больших воинских людей приходу не будет, а хотели де крымской царь и Шен-Гирей сего лета идти в Литву воевати, да по их поход на Русь не хаживали.

Татарин Токчурайко Доинчаров в роспросе у пытки и пытан накрепко говорил: пошло де их из Нагая из Казыева улуса сто двадцать человек, да к ним же пристало на дороге Азовцов пятьдесят четыре человека, а промышленники де у них были Казыева ж улуса татарове Стургуйко да Каторгунко и было их в Белгородских местех восемьдесят четыре человека. Да сей весны ходил крымский царь в Горские черкасы для дани, что ему черкасы дани платить не почали, а с царем в черкасах было людей крымских татар три тысячи человек, да их нагайцев Казыева улуса две тысячи, а он, Токчурайко, в том походе был же, и сперва крымской царь с приходу у черкас кабак взял и черкас побил, а под другим кабаком и самого его царя черкасы побили; и был крымской царь в черкасах в войне два месяца и пришел к себе в Крым, тому месяца с три. А про государевых послов сказал, что крымской царь, пришед из черкас, государевых послов хотел отпустить, а для чего замешкал, того не ведает. А на государевы де города в войну крымской хан, и калга и воинские большие люди не будут, а поговаривали, что было крымскому хану и калге идти в войну в Литву, а по их поход на Русь царь и Шен-Гирей никуда в поход не бывали, а были у себя в Крыму. Да слышал он у себя в улусе, что Кантемир-мурзу с братьею из Крыму выгнали, а за что выгнали и где он ныне и ссылка у крымского царя с турским о чем есть ли, и где ныне прежний крымский царь Джанби-Гирей и будет ли нынешнему крымскому царю Мамет-Гирею от турского царя перемена, того не ведает; только де в Крыму нынешнего царя Мамет-Гирея и калги Шен-Гирея служилые и всякие черные люди мало любят да и сам де царь и Шен-Гирей от турского царя поторапливаются.

Агамайко Култеков в роспросе у пытки и пытан говорил, что было их в войне под Белым городом восемьдесят четыре человека, все одного Казыева улуса, а сколько под Валуйкою было, того не ведает. Да сей де весны по первой траве крымской царь ходил в Горские черкасы для дани, что прежде сего черкасы давали ему дань, а ныне давать не почали; а было де в Горских черкасах с царем людей крымских татар три тысячи человек, а Нагайцев Казыева улуса две тысячи, всего пять тысяч. И сперва с приходу царь у черкас кабак взял и черкас побил, а сколько побил того не ведает; а он, Агамайко, в том походе с царем был же. А как царь пришел под другой кабак, и его черкасы самого побили, а побито крымских и нагайских татар добре много. Да в

том же походе в черкасах Мансырова родства Кантемиров брат Салмаш-мурза умыслом, а не на бою, убил де черкашенина, а тот де черкашенин крымскому Мамет-Гирею царю дядька, а как того черкашенина звали, и того не ведает; и был де крымской царь в войне в черкасах два месяца, а пришел к себе в Крым тому третий месяц, а Шен-Гирей с царем в том походе не был, а был у себя в Крыму. Да как де царь шел из войны из черкас и говорил про государевых послов, что он, пришед из походу, государевых послов отпустит; и с дороги де не дошед Крыму, Мансырова родства Кантемир-мурза Дивеев с братьею и с своими татары от крымского царя отложился и пошли к турецкому к Белугороду, что на Дунае, и за тем де ныне у крымского царя государевым послом отпуску и розмены вскоре не будет, что у них Мансырова родства с Кантемир-мурзою рознь, да и для того, что его в Горских черкасах побили; нешто де чаять розмены и государевым послом отпуску как у крымского царя с Кантемир-мурзою что сделается и по-прежнему в совете будут. А отложился де Кантемир-мурза с братьею от крымского царя, боясь его, царя и Шен-Гирея, что брат его Кантемиров убил его царева дядьку. И по их на Русь походе крымской царь и Шен-Гирей были в Крыму и войны им и больших воинских людей на государевы украины никак не будет. А прежний де крымской царь, Джанби-Гирей, ныне во Царегороде; а будет нынешнему крымскому царю Мамет-Гирею от Турского царя перемена и ссылка у крымского царя с турецким царем о чем есть ли, того не ведает; только де нынешний царь Мамет-Гирей и Шен-Гирей от турецкого поторапливаются, а в Крыму де его, Мамет-Гирея, служилые всякие и черные люди едва ли любят.

Салтанайко Иселметев, Бердагулко Аллатарев в роспросе у пытки и пытан говорили про крымского царя, что сей весны крымской царь ходил в войну в Горские черкасы, а для чего ходил и много ль с ним крымских и нагайских татар в том походе было, того не ведают; а Шен-Гирей де был у себя в Крыму. Да слышали ж они от своей братии от татар: как де царь был в черкасах, и учинилась де у них побранка с Кантемир-мурзою, что Кантемиров брат убил в черкасах крымского царя дядьку, а как звали, того не слышали; и Кантемир де мурза, пришед из похода из Горских черкас и отстав от крымского царя, и с братьею пошел в турецкие города к Белугороду на Дунай. А государевых де послов из Крыму по ся места не отпустят, потому что у крымского царя с Кантемир-мурзою рознь. А на государевы де украинные города крымской царь, и Шен-Гирей и большие воинские люди никак не будут; а они де пошли утаясь у мурз, украдом, а не посылкою, для добычи. Да Бердагулко ж сказал про кочеванья мурз; Косай-мурза кочует к черкасом, а служит государю, а Ураковы и Момаевы мурза кочуют близко ж его, а служат крымскому царю, и переезды меж ними бывают. А больше того и про прежнего крымского царя, Джанби-Гирея, где он ныне, и про ссылку у крымского с турецким и с кизильбашским не ведает.

Телзебайка Самаров в роспросе у пытки и пытан говорил, что

он татарин Казыева улуса, а не Астраханской жилец; была у него в Больших Нагаях жена, и он приезжал в Большой Нагай для жены и, проведая, что жена его умерла, приехал опять к себе в Казиев улус. А тому де месяца с три, как собрався татарове Казиева улуса охотники пошли в Русь для добычи, и он пошел с ними ж; и в Белогородском уезде пришли на них государевы люди и их побии. Да сей де весны, как крымской царь Мамет-Гирей ходил в Горские черкасы, и его в черкасах побии, а где, и в которых местех, и многих ли побии, и для чего государевым послом розмены нет, и про прежнего крымского царя, где он ныне, и нынешнему царю будет ли перемена и про ссылку у крымского с турским и с кизильбашским не ведает.

Янгилдейко Елболдин, Коркутко Ишмаматов в роспросе у пытки и пытаны говорили, что пошли они из своих улусов все вместе, а пошли украдом, собою, для добычи, а иные за ними воинские люди в Русь в войну будут ли, того не ведают, нечто де будет также, что и они украдом пойдут. А про крымского царя сказали теж речи, что и товарищи их сказывали, а больше того ни про что не ведают».

Приказная помета: «Те языки татарове с пытки вкинути в тюрьму».

Акты Московского государства, изданные императорской Академией наук / Под ред. Н.А. Попова. Т. 1; Разрядный приказ. Московский стол (1571–1634). СПб., 1890. С. 209–212.

1640–1660-е гг.

1641 г. апреля 10. — Расспросные речи в Сыском приказе Будадея и Муцала Сунчалеевичей Черкасских по обвинению в предупреждении мурз Казиевой Кабарды о готовящемся против них походе воеводы Т. Д. Аладына

И апреля в 10 день боярин князь Борис Олександрович Репнин и окольничей князь Федор Федорович Волконской и думной дьяк Михайло Данилов спрашивали Будадея да Муцала мурз против роспросных речей Тимофея Оладына и князя Ивана Хилкова и Тимофея Оладына з Будацеем и с Муцалом мурзами с очей на очи ставили.

В роспросных речех Тимофея Оладына написано. — // Князю Ивану Хилкову ты, Муцал, брат названой, а мать твоя, Муцалова, ему, князю Ивану, мать названая. А как по государеву указу он, Тимофей, ходил в Кабарду з государевыми людьми кабаков выводить, и князь Иван де Хилков з дьяком з Григорьем Углевым того ж дни, которово дни он с Терки пошел, был у тебя, Муцала, и у матери твоей и сидели до пятова часу ночи, и отпустил он, князь Иван, и ты, Муцал, тою ночью тебя, Будадея-мурзу, к Олуге-мурзе с вестью, что государевы люди идут на них для выводу кабаков и они б над государевыми людьми поиск учинили. //

И ты, Муцал-мурза, скажи: князь Иван тебя братом, а мать твою матерью называл ли? И как по государеву указу Тимофей Оладын з государевыми людьми ходил в Кабарду для выводу кабаков и князь Иван Хилков з дьяком з Григорьем Углевым тово

ж дни, которово дни он с Терки пошел, у тебя и у матери твоей были ль и до пятово часу ночи сидели ль и отпустили ль Будачей-мурзу с вестью к Олегуке з братьею, что государевы люди идут на них, и они б над государевыми людьми поиск учинили, и ты, Будчей-мурза, к Олегуке-мурзе с тою вестью ездил ли? //

И Муцал-мурза в роспросе говорил: – Дай господи государь здоров был на многие лета. У Тимофея де братьи много а ...бы де и ему таков же брат был, каков ему князь Иван. А он, Муцал, князя Ивана братом не назывывал и мать ево сыном и князь Иван мать ево матерью не называли ж и он у них промеж их таких слов не слыхал. А как Тимофей Оладьин з государевыми людьми пошел в поход и князь Иван Хилков был у них в вечере, а поехал от них в другом часу ночи, а дьяка Григорья Углева с ним не было, а был со князем Иваном боярина князя Ивана Борисовича // человек Камкул черкашенин. А тово ль дни князь Иван у них был, которово дни Тимофей с Терк/а/ пошел или назавтрее, тово он не упомнит. А брата ево, Будачей, в то время у них и не было и князя Ивана он и не видал. И к Олегуке с вестью он, Муцал, брата своево в то время как князь Иван у них был не отпускавал.

А Будачей-мурза в роспросе говорил. – Дай господи государь здоров был на многие лета. Солгать де про то не умеет князь Иван Хилков // у матери ево был, только он, Будачей, в то время тут не был, и князя Ивана он не видал. А бил челом он в съезжей избе воеводам до Тимофеева отпуску и после Тимофеева отпуску князю Ивану Хилкову, чтоб ево отпустили в Кабарду для тово, что у них в каб[а]ках их никово не было. А как Тимофей Оладьин в поход пошел и после Тимофеева отпуску 2 недели спустя бил челом он князю Ивану, чтоб он отпустил ево в Кабарду, а Тимофей // в те поры и до Кабарды дошел. И князь Иван сказал: как де себе хотите, а Тимофей де з государевыми ратными людьми пошел. И он, Будачей, в Кабарду в свои кабаки и поехал, а государевы люди с Тимофеем Оладьиным до ево Будачеевых и до Алегукиных кабаков не дошли. А как он в свои кабаки приехал и государевы люди воротились назад, и в то время он с Олегуком и с Ходождуком з братьею не видался и у них не бывал. А кабаки ево, Будачеевы, от Олегукиных кабаков, где Олегука сам живет, верст з 20, а иные Олегукины кабаки к ево кабакам и ближе подошли, а про то он никак не солжет и на князя Ивана не затеет, хотя князь Иван головы их ищет князь Иван к Олегуке с ним ничево не приказывал и сам он у Олегуки не был // и с ними не видался покаместа государевы люди воротились назад. А жил он все тут в своих кабаках, потому что у него тут же найдети. И после тово с Олегукою и часто видался, а про государевых людей у него с ним никакова розговору не бывало, одна на нем голова. А пошел Тимофей ис Кабарды зимою, а он приехал на Терек летом и жил все на Терке.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1641 г. Д. № 2, лл. 339–346.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 146–148.

1641 г. между августа 2 и сентября 14. — Отписка астраханского воеводы Н. И. Одоевского с товарищами в Посольский приказ о бое отрядов кумыкских, кабардинских и ногайских мурз с отрядами мурз Казыевой Кабарды и малой Ногайской Орды на р. Балке

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои Никитка Одоевской, Никитка Мезецкой, Олешка Дуров, Первушка Неронов челом бьют.

В нынешнем, государь, во 149-м году июля в 30 день приходил в съезжую избу нагайской Касай-мурза Казыев сын Байтереков и сказывал нам, холопом твоим. — По присылке де, государь, Келмамет-мурзы Куденетовича Черкаского нагайские Солтанаш-мурза Аксаков да брат ево Хорошай-мурза Чюбармамбетев, собрався с улусными своими людьми, ходили войною на кабардинских мурз на Алегука да на Атагожука и на казыевских мурз, а с ними де, государь, было улусных их людей с 1000 з 200 человек. И к нему де, х Касаю, прибежал Саин-мурзы Иштерекова улуса татарин Аскаго родства Сучи Маметкулов и сказывал де, государь, ему, Касаю, что он был с Солтанаш-мурзою Аксаковым у Келмамет-мурзы Черкаского, да с Келмаметем же де, государь, было твоих государевых ратных русских людей, терских детей боярских и стрельцов и гребенских казаков с 500 человек, да окоцкие черкасы, да кумыцкие Айдемир-мурза да Канза Алыб-мурза Солтамамутовы, да кабардинские Семиз-Илдар-мурза да Келмамет-мурза Ибаковы, а с ними ратных людей с 3000 с 500 человек. И как де, государь, они пришли под Кабарду, и в то же время кочевали казы/евские мурзы Солтан-мурза князь Касаев сын Исламов з братьею и с улусными своими людьми под Кабардою в урочище Ить-Алмаса, и Келмамет де мурза Куденетович послал в загон в урочище Ить-Алмас ратных русских людей и черкас, а сколько человек послал, того де подлинно он не ведает, а сам Келмамет-мурза з достальными ратными людьми остался назади. И твои де государевы ратные люди казыевские улусы многие поимали и конские и животинные стада отогнали. И того же де, государь, дни пришли на Келмамет-мурзу Куденетовича и на твоих государевых ратных людей кабардинские Алегук да Атагожук мурзы з братьею и казыевские мурзы с улусными своими людьми по смете тысячи з 2 и больше, и на том де, государь, бою убили Келмамет-мурзу Куденетовича, да кумыцкого Айдемир-мурзу Солтамамутова, да Семиз-Илдара да брата ево Келмамента мурз Ибаковых, да голову стрелецкого Ортемья Шишмарева и твоих государевых ратных людей и кумык и черкас и нагайских татар многих побили и поимали и розгоняли. А з бою де, государь, ушли кумыцкой Казан Алыб-мурза один да нагайские Солтанаш-мурза Аксаков да Харашай-мурза Чюбар Мамбетев с немногими людьми.

Да августа, государь, во 2 день приехал в Астарахань из нагайских улусов астраханской сын боярской Федор Юдин да толмач Офонька Борисов и сказывали нам, холопом твоим. — Приказывал де с ними Солтанаш-мурза Аксаков к нам, холопом твоим. —

Присылал де к ним, нагайским мурзам, Келмаммет-мурза Куденетович Черкасской узденей своих Девоня с товарищи. – Сее де весны приходили Алегука и Атагожука с черкасы и казыевские мурзы с улусными своими людьми на ево, Келмамметевы кабаки войною, и ево Келмамметевы, кабаки повоевали и дядю ево, Мундара, обманом убили досмерти. // И по твоему государеву указу они, нагайские мурзы, с своими улусными людьми шли с ним, Келмамметем, на твоих государевых непослушников на Алегука да на Атагожука и на Казыевских мурз князь Касаевых детей войною, а с ним де, Келмамметем, будут твои государевы терские ратные люди и черкасы и кумыки. И он де, Салтанаш-мурза да брат ево Хорошай-мурза Чюбар Маметев собрали улусных своих людей 1200 человек и ходили с Келмамметем-мурзою Черкасским. Да сним же де, государь, с Келмамметем, было твоих государевых терских ратных людей голова стрелецкой Ортемей Шишмарев с приказом да терские дети боярские и терские и гребенские казаки человек с 500 и больше. Да с ним же де, государь, были кумыцкой Шевкал Айдемир-мурза Солтамахмутов с кумыцкими людьми да черкасские мурзы Семиз-Илдар да Келмаммет Ибаковы да Татархан-мурза Арасланов с черкасы. И всего де, государь, с Келмаммет-мурзою Куденетовичем Черкасским было ратных людей тысячи с 4. И пришли де, государь, они на реку Балх, и с того урочища Келмаммет послал ратных людей в урочище Ит-Алмас на казыевские улусы, и Казыевские улусы многие поимали и побили. А Келмаммет де Куденетович и все мурзы и голова стрелецкой на реке Балху остались с небольшими людьми. А Казыевские де Солтан-мурза з братьею утекли в Кабарду к Алегуке-мурзе да к Отогожуке-мурзе, а они де в то время были в зборе. И над другой де, государь, день Алегука и Атагожука с черкасы и казыевской Солтан-мурза з братьею и с улусными своими людьми пришли на Келмамметя безвесно. А с ними де, государь, ратных людей было тысячи з 2 и больше. И на том де, государь, бою Келмаммет-мурзу Куденетовича Черкасского и шевкала Айдемир-мурзу и Семиз-Илдара и Келмамметя Ибаковых и терского голову стрелецкого Ортемья Шишмарева побили досмерти, и твоих государевых ратных многих людей и кумык и черкас и их нагайских людей многих побили и в полон поимали, а он де, Солтанаш-мурза, // з братом своим с Хорошаем-мурзою с того бою утекли с немногими людьми. А прибежали де они с того бою к себе в улусы до ево, Федорова, приезду за 2 дни.

Да с ним же де, Федором, приказывал к нам, холопом твоим, Солтанаш-Мурза, шертовал де он тебе, великому государю, у Волги, что ему, Солтанаш-мурзе з братьею, и с улусными своими людьми быти у тебя, великого государя, в холопстве и ни с которыми ордами не ссылатца и кочевати блиско твоей государевы отчины Астарахани, и он де, Солтанаш-мурза, ныне учинился в большой ссоре и недружбе з горскими с Алегукою да с Атагожукою мурзами и с казыевскими с Солтан-мурзою Касаевым з братьею и з детьми и с племянники и с их улусными людьми. И тебе

б, великому государю, их, нагайских мурз, пожаловать, велеть из Астарахани послать своих государевых ратных людей на недругов их на Алегуку-мурзу з братьею и на казыевских мурз, а только мы, холопи твои, без твоего государева указу твоих государевых ратных людей на Алегуку-мурзу з братьею и на казыевских мурз, не пошлем, и он, Солтанаш-мурза, пошлет из мурз или из улусных своих людей к тебе, великому государю, к Москве бити челом о ратных людех, // и нам бы, холопом твоим, того мурзу или улусных ево людей отпустить к тебе, великому государю, к Москве.

Да Федор же Юдин и толмач нам, холопом твоим, сказали. — Послал с ними Солтанаш-мурза к нам, холопом твоим, улусного своего человека Бурлатцкого родства Марпыя, и тот де татарин на дороге разболелся и остался в нагайских улусах у Касай-мурзы Байтерекова, а листа де с ним не было. // А приказывал де к нам, холопом твоим, Солтанаш-мурза с тем татаринном то ж, что с ним, Федором.

И мы, холопи твои, писали к Солтанаш-мурзе, что без твоего государева указу нам, холопом твоим, твоих государевых ратных людей на кабардинских черкас и на казыевцов послати с ними нельзе, а будет они пошлют бити челом тебе, великому государю, к Москве мурзу или улусных своих лутчих людей, и мы, холопи твои, того мурзу и улусных людей к тебе, великому государю, к Москве отпустим в станице, а он бы, Чюбар Мамбет-мурза з братьею и з детьми и с племянники и со всеми улусными своими людьми шли кочевать под твою государеву отчину под Астарахань в ближние места в Мочаги, для того чтоб их, нагайских мурз, и улусы их от приходу всяких воинских людей твоим государевым ратным людем уберечь было мочно.

На л. 112 об.:

Отметка о подаче: 150-го сентября в 14 день с астороханским сыном боярским с Михайлом Гавриловым.

Помета: Государю чтена.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1641 г. Д. № 1, лл. 112—117.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 149—153.

1641 г. августа 20. — Расспросные речи в Терской приказной избе терского окоченина Бикши Алеева о его поездке в Казыеву Кабарду с листом от терских воевод

И августа в 20 день приехали в Терской город ис Кабарды терской окоченин Бикша Алеев да новокрещен Сидорко Семенов, а в роспросе сказали.

Листы де, что с ними посланы из Терского города х кабардинским к Алегук мурзе з братьею и Малого Нагаю к Салтан мурзе и они де им те листы отдали, а против де того письма те кабардинские и Малово Нагаю мурзы с ними, з Бикшею и с Сидором листов в Терской город не послали, а приказали словом: не сами де они приходили войною на Келмаметя мурзу Куденетовича Черкасского, приходил де на них Келмаметь мурза Куденетович сам,

и они де от себя боронились, а которые де государевы ратные люди взяты у них в полон, и они де без окупы их не отпустят, потому что де им того в правду не поставя и вины своей перед государем тем не покрыть, да и черные де их люди в том не послушают, тех полоненных людей без окупы не отпустят же.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1642 г. Д. № 1, л. 99.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 154.

1641 г. сентября 12.* — Челобитная кн. Бабасупхи с жалобой на разорение мурзами Казыевой Кабарды и с просьбой о защите от них

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом раба твоя князь Куденетовская женишка Бабасупхица Черкаскова.

В прошлом, государь, во 148-м году били челом тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси детишка мои Келмаметко да Илдарко мурзы в обидах своих на князь Сунчалеевых детей на Будаچهя да на Муцала з братьею, что по их, государь, наговору Алегука да Хотогжука з братьею и Малова Ногаю Солтан-мурза Касаев сын з братьею, приход с своими ратными людьми, кабачишка наши развоевали и выжгли, а меня, рабу твою и з детишками полонили и узденишек наших со всеми нашими животишки в полон поимали и перевели к себе в Кабарду. И ты, государь, детишек моих пожаловал, велел итить на свою государеву службу твоему государеву воеводе князь Дмитрею Горчакову с ратными людьми на тово Алегуку и на Хотогжуку мурз Казыевых з братьею, чтоб он, Алегук и Хотогжук, по твоему государеву указу кабачишка наши и меня, рабу твою, и з детишками от себя ис Кабарды выпустил. И он, Алегук и Хотогжук, по наговору недругов наших князь Сунчалеевых детей Алегуки с товарищи твоего государева указу не послушали и кабачишков наших и меня, рабу твою, от себя не выпустили. И твой государев воевода князь Дмитрий Горчаков с твоими государевыми ратными людьми на них, Алегуку и Хотогжуку, ходил и меня, рабу твою, и кабачишка наши от нево, Алегуки и от Хотогжуки, вывел за боем и перевел в Шелохову Кабарду к Илдару-мурзе Ибакову.

И в прошлом, государь, во 149-м году, умысля князь Сунчалеевская жена кнеиня Желегоша з детьми своими, с Олгук-мурзою Сунчалеевым, посылки, наговорили племянника своего роднова Кафыр-кумыцкова Чючелова-мурзу и послали в Казыеву Кабарду к Алегуке и х Хотогжуке, а велели**, государь, на сынишка моево Келмаметка закупить воровских людей, чтоб известь. И по ее, государь, умышленью Алегук и Хотогжук и сын ее Алегук с тем Чючелов-мурзою закупили Малова Ногаю татарина Чанкирейка и прислали ево в нашу Кабарду и велели сынишка моево

* Датируется по времени подачи в Терской съезжей избе (там же, л. 160).

** В тексте «велела».

Келмаметка убить. И в то, государь, время сынишка мой отъехал в Терской город х твоим государевым воеводам для твоего государева дела. И тот племянник ее с тем татаринцом по их наученью приехал х брату моему родному к Мундару-мурзе Алкасову в Кабарду и заводом тово брата моего убили, рняясь тому, что он тебе, государю, служил и на твоих государевых непослушников на Олгук и на Хотогжук мурз стоял заодно ж с сынишком моим с Келмаметком. А в которое, государь, время сынишко мой Келмамет был в Терском го//роде и по ее ж кнеине Желегошину веленью, и по наговору сына ее Алегуки князь Сунчалеева Олгук да Хотогжук Казыевы з братьею и Малова Ногаю мурзы, собрався с своими ратными людьми, и он, Олгук-мурза князь Сунчалеев сын, с своими будачеевскими и с терскими муцаловскими уздени приходили на нашу Кабарду и многих, государь, у нас людей побили и в полон поимали и конские стада и кобылицы и животину всю отогнали. И в том, государь, их приходе убили уздени наши у нево, Алегуки князь Сунчалеева, Муцалова узденя Бишкина брата Бакая и тела ево привезли в Терской город. И слыша, государь, то сынишка мой Келмаметка в Терском городе бил челом тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, а твоим государевым воеводам князь Семену Ивановичю Шаховскому с товарищи в съезжей избе подал челобитную, чтоб ты, государь, ево пожаловал против прежнова своего государева указу, велел дать своих государевых ратных людей, чтоб кабакишка наши от недругов наших оберечь и перевести, где ты, государь, указал. И твои государевы воеводы князь Семен Иванович Шаховской с товарищи по твоему государеву указу сынишки моему Келмаметку дали твоих государевых ратных людей для обереганья кабакишков наших. Да в то ж, государь, время пришли к сынишку моему х Келмаметку в Кабарду андеевской Айдемир-шевкал со многими с кумыцкими мурзы, да кабардинские мурзы Илдар Ибаков з братьею, да Казый Мундаров, да Ахлов Аитеков с своими ратными людьми, ведая обиду и неправду того Олгук и Хотогжук мурз Казыевых з братьею, к сынишку моему, и плаков по брате моем по Мундаре Алкасове и даговарясь пошли на твоих государевых непослушников на Малой Ногай, а то оне тебе, государю, учинились непослушны, а кабакишка наши воюют беспрестанно. И милостию божиею и твоим государевым счастьем сынишка мой Келмаметка и Айдемир-шевкал с товарищи своими Малова Нагаю многих людей побили. И в то ж, государь, время и по присылке с Терка кнеини Желегоши и по наговору сына ее Алегуки князь Сунчалеева, Олгук Шагонуков да Хотогжук Казыевы з братьею, собрався с своими ратными людьми, и он, Олгука князь Сунчалеев сын, с своими будачеевыми и с терскими муцаловыми уздени, которые в то время были у них в Кабарде, пришли на сынишка моего и на твоих государевых ратных людей с тылу, в то время как были все люди в розъезде, и Айдемир-шевкала и сынишка моего Келмаметка и Илдара Ибакова и многих кумыцких и кабардинских мурз и твоих государевых рат-

ных людей побили, а иных разогнали и в полон поимали и многих запродали в горы и х крымскому царю послали в подарках, а ин/ых/, государь, у себя держат в великой неволе и по се число. А как, государь, сынишка мой пошел с ратными людьми, а кнеиня Желегоша послала в той же рати узденя своево Иналучку Маленькова и приказала, государь, ему узнав какое безлюдное время учинит Алегук да Хотогжук мурзам да Алегук-мурзе князь Сунчале//еву ведамо и Иналучка Маленькой рассмотрев тово как государевы ратные люди, побив Малой Ногай, розъехались по законам, и он, государь, в то время отъехал к Олгук и х Хотогжук мурзам и к Олгук-мурзе князь Сунчалееву и учинил им ведамо, что ратные люди все в розъезде. И по той, государь, ево весте Алегук и Хотогжук Казыевы и Алегук-князь Сунчалеев сын с своими ратными людьми на сына моего и на твоих государевых ратных людей пришли и их побили и меня, рабу твою разорили да скончаныя.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня, рабу свою, вели, государь, от своих государевых непослушников, а от наших недругов от Алегук и от Хотогжук мурз з братьею и от кнеини Желегоши и от детей ее меня, рабу свою, оберечь и в убийстве сынишка моего и в моем, государь, конешном разоренье свой царьской указ, чтоб мне, рабе твоей, и с последним своим сынишком, живучи в твоей государевой отчине в Терском городе, от недругов своих в конец не погинуть.

Царь государь, смилуйся.

На лл. 161 об. – 163 об. по склейкам рукоприкладство на языке турки.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1641 г. Д. № 1, лл. 161–163.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 155–159.

1641 г. августа 30. — Лист терского воеводы С. И. Шаховского с товарищами мурзам Казыевой Кабарды и Малой Ногайской орды о выкупе пленных

Божиею милостию великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца и многих великих и преславных государств государя и обладателя, ево царского величества, от воевод от князь Семена Ивановича Шаховского да от Савы Потаповича Нарбекова да от диака от Григорья Углева кабардинским Алегук да Ходождук мурзам з братьею, да Малова Нагаю Салтан мурзе да Навруз мурзе з братьею.

Писали мы к вам которые государевы ратные люди у вас полонены живы и чтоб вы их прислали в Терской город и вы тех людей в Терской город не прислали, а просите за них окуп. И мы было положили то на волю божью и без государева указу окупать их не хотели. И били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси Терского города служилые русские люди и новокрещены и окочены и тотары, у которых поиманы братья и дети и племянники, чтоб государь их пожаловал, велел отпустить их с Терка к вам в Кабарду и в Нагай выкупать

племя свое и те государевы русские люди и иноземцы для выкупу племяни своего к вам отпущены Тугаш Теребердеев с товарищи. И как они к вам приедут, и вам бы Алегук и Ходождук и Салтан и Навруз мурзы тех государевых людей, которых вы поимали, отдавать без выкупу будет вы похотите // великому государю вину свою покрыть, а будет без выкупу не отдадите, и вы велите имать окуп недорогою ценою попроча к себе государскую милость.

А что вы к нам приказываете и пишете свои неправды на нас полагаете и на всякую неправду бог и великий государь судья и разсмотритель.

К сему листу государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии печать Терского // города воевода князь Семен Иванович Шаховской приложил.

Лета 7149-го августа в 30 день.

РГАДА. Кабардинские дела. 1642 г. Д. № 2, лл. 103–105. Копия.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 160–161.

Между 1641 г. ноября 15 и 1642 г. февраля 16. — Отписка терского воеводы С. И. Шаховского с товарищами в Посольский приказ об отправлении в Астрахань кн. Желегоши*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии холопи твои Сенька Шаховской, Савка Нарбеков, Гришка Углев челом бьют.

В нынешнем, государь, во 150-м году ноября в 13 день в твоей государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте ис Посольского приказу за приписью диака Григорья Львова писано к нам, холопом твоим, а велено княж Сунчелеву княгиню Желегошу с Терка послать в Астрахань морем с приставом, а людей ей с собою взять жонку или девку, и в дорогу, государь, ей велено дать на корм сколько пригож, как бы ей в дороге мочно сытой быть без нужи. А в Астрахань от тебя, государя, к боярину и воеводам ко князю Никите Ивановичу Одоевскому с товарищи о том писано.

И по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу мы, холопи твои, княж Сунчелеву княгиню Желегошу да с нею жонку, узденскую жену, дав им корм в дорогу на неделю 35 алтын послали в Астрахань на стругу с приставом с сотником стрелецким с-бываном Кондратьевым ноября в 15 день, а в провожатых, государь, послали с нею до Астрахани терских стрельцов 100 человек.

На л. 19 об.:

Отметка о подаче: 150-го февраля в 16 день с астраханским станичником с-бываном Гороховым.

Помета: Государю чтена. Взять к делу.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1642 г. Д. № 1, л. 19.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 162–163.

* На лл. 20–22 того же дела отписка астраханских воевод о прибытии кн. Желегоши в Астрахань.

(1642 г.) (Выписка из местнических дел)

Того же месяца апреля в 17 день сказал думной разрядный дьяк Иван Гавренев боярину князь Ивану Андреевичу Голицыну: был государь при иноземцах в золотой полате, и ты князь Иван в ту пору хотел сесть выше боярина князь Дмитрея Мамстрюковича Черкасского, и называл его своим братом, и тем ты его боярин князь Дмитрея Мамстрюковича Черкасского безчестил: боярин князь Дмитрей Мамстрюкович человек Великой и честь их старая, и в прежних летах блаженные памяти при Государе Царе и Великом князе Иване Васильевиче всеа Руси дядя его, боярин князь Михайло Темрюкович Черкасской, был в великой чести и бывали с ним многие; и за боярина князь Дмитрея Мамстрюковича Черкасского безчестье, велел Государь тебя князь Ивана Голицына послать в тюрьму. А отводил в тюрьму Петр Лихарев.

Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1851. Т. II (1628—1645 г.). С. 679.

Дело по челобитным Муцала мурзы Черкасского на стольника князя И. А. Хилкова и дьяка Г. Углева, «по заводу» которых казаки погромили торговых людей и его узденей, ехавших из Дербента в Терский город. 1642 г.

Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичу всея России бьет челом холоп твой, Муцалка Черкасский. Жалоба, государь, мне, холопу твоему, на твоего государева стольника на князь Ивана Андреевича Хилкова да на дьяка Григорья Углева. В прошлом государь, в 148 году, ехали в твою государеву отчину в Терский город, торговые тезики из Дербней, да и мои, холопа твоего, Муцалковы людишки ехали с теми же торговыми тезиками с моими животишки и с своими товары; и как будут они у перевозу на Быстрой реке, и у того, государь, перевозу тех торговых тезиков и моих, холопа твоего, людишек по его князь Иванову заводу, и по заводу дьяка Григорья Углева, и по наказной их памяти, казаки погромили и товары и всякие животы поимали все, а в наказной государь у них памяти было написано: велено им казакам Кумыцкую и Кабардинскую дороги заставить и по тем дорогам велено им всяким проезжим людям, кто теми дорогами поедет, большую тесноту чинить и грабить, а как, государь, тех торговых тезиков и моих, холопа твоего, людишек казаки пограбили, и я, холоп твой, бил челом тебе государю, а ему князь Ивану в съезжей избе говорил, чтобы за теми казаками послать ратных людей, и он князь Иван, норов им ратных людей не послал, а послал к ним одного Терского сына боярского Игнатия Прохорова, да с ним пять человек стрельцов, да моего узденишка, и те, государь, казаки того моего узденишка хотели убить до смерти, насилу у них ушел. И по его, государь, того погрому он князь Иван Хилков да дьяк Григорий Углев прислали съезжия избы толмача Ивашка Иванова к тем погромным людям просить трехсот рублей денег, а ялись им тот погромный живот сыскать весь,

а, ссыскав, отдать, и в тех, государь, в трехсот рублях, взяли у тех погромленных людей заклады, ссуды серебряные, и шелк, и платья, а положили тот заклад у него, толмача Ивашка. И я, холоп твой, Муцалка, слыша, хотел о тех своих животах тебе, государю бити челом, и он, князь Иван, сведав то, что хочу я, холоп твой о тех своих животах тебе, государю, бити челом, те их заклады велел тому толмачу Ивашку отдать им назад, а животов, государь, погромленных ничего не отдал, взял, государь, у казаков те погромленные животы, а поделился он теми погромленными животами с дьяком с Григорьем Углевым, а моих животишков и узденишек моих товару взято на пятьсот рублей. Милосердный государь, царь и великий князь Михайла Федорович всея России! Пожалуй меня, холопа своего, вели государь мне в тех моих погромленных животишках и узденишек моих в товар, что по его князь Иванову заводу и дьяка Григорья Углева казаки взяли живота моего и узденишек моих товару на пятьсот рублей, свой царский указ учинить. Царь, государь смилуйся! На обороте помета думного дьяка Гавренева: «150 г. апреля в 18 день, государь пожаловал, велел дать на него суд боярину князю Борису Александровичу Репнину, да окольничему князю Федору Федоровичу Волконскому, да диаку Григорью Ларионову».

И 150 г. апреля в 18 день, государь, царь и великий князь Михайла Федорович всея России, слышав Муцаловы челобитныя Черкасского, пожаловал его, Муцала, велел ему на князя Ивана Хилкова в его Муцалове иску дати суд, а судить князя Ивана с Муцалом указал государь боярину князю Борису Александровичу Репнину, да окольничему князю Федору Федоровичу Волконскому, да диаку Григорью Ларионову; и окольничий князь Федор Волконский в нынешнем во 150 же году в мае послан в Путивль для межеваго дела.

И 150 же августа в 9 день, государь, царь и великий князь Михайла Федорович всея России указал Муцалу мурзе Черкасскому иску своего искати на князе Иване Хилкове перед одним боярином пред князем Борисом Александровичем Репниным да перед диаком перед Григорьем Ларионовым.

И по приказу боярина князя Бориса Александровича Репнина Муцалу мурзе Черкасскому да князю Ивану Хилкову велено быти к суду августа в 10 день.

И князь Иван Хилков бил челом боярину князю Борису Александровичу Репнину, что ему к суду августа в 10 день не успеть и ему б дать сроку на два дни, чтобы ему к суду поизготовиться, и князю Ивану Хилкову и Муцалу мурзе Черкасскому велено к суду быть готовым августа в 12 день.

И августа в 12 день, говорил боярину князю Борисе Александровичу Репнину да дьяку Григорью Ларионову Черкасского мурзы Муцалов пристав Патрикей Исупов, что велел ему Патрикею боярин князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский объявить, что племянник его Муцал мурза Черкасский со князем Иваном Хилковым в его князь Иванове доле помирился, и до князя Ивана Хилкова в

его Муцалове иску дела ему Муцалу нет, а на дьяка на Григорья Углева племянник его Муцал мурза в своем иску учнет бить челом государю с особою челобитною.

И боярин князь Борис Александрович Репнин ту Патрикееву сказку Исупова велел записать, а к боярину ко князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому боярин князь Борис Александрович Репнин приказал с Патрикеем же Исуповым, чтобы боярин князь Дмитрий Мамстрюкович племянника своего Муцала мурзы со князем Иваном Хилковым прислал мировую челобитную.

И августа в 19 и в 23 день, бил челом государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея России Муцал мурза Черкасский и подал три челобитныя, а в челобитных пишет.

Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичу всея России бьет челом холоп твой Муцалка Черкасской. Бил я челом тебе государю на стольника на князь Ивана Андреевича Хилкова да на дьяка Григорья Углева в иску своем в пятисот рубрах в том, как ехали из Дербеней торговые тезики гилянцы и дербенцы да и мои холопа твоего Муцалковы людишка, и тех государь торговых людишек на перевоз у Быстрой реки по их заводу и по наказной их памяти тех торговых тезиков и моих людишек казаки погромили, а взяли государь у тех моих людишек по их заводу и по наказной памяти живота моего на пятьсот рублев; и ты государь пожаловал меня холопа своего, велел на него князь Ивана Хилкова и на дьяка Григорья Углева дати свой государев суд, и князь Иван Хилков, не ходя со мною, холопом твоим, в суд, помирился в половине иску моего в двусот в пятидесять рубрах, а дьяка государь Григорья Углева нынеча на Москве нет, живет на твоей государеве службе в Терском городе, а нынча ты государь указал его Григорья переменить, а меня, холопа своего, указал с Москвы на Терек отпустить. Милосердный государь, царь и великий князь Михайла Федорович всея России! пожалуй меня холопа своего, вели государь мне дать на того дьяка Григорья Углева свою государеву грамоту против прежнего моего челобитья, как я холоп твой бил челом тебе государь в иску своем на князь Ивана Хилкова и на него Григорья, вели государь мне, холопу своему, указать на него Григорья в том моем иску свой государев суд воевод, в котором городе я, холоп твой, его, Григорья съеду, и по своему государеву Уложению вели то наше судное дело вершить. Царь, государь смилуйся! На обороте помета думного дьяка Гавренева: «150 г. августа в 13 день, государь пожаловал, велел на него дать суд в Астрахани».

Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичу всея России бьет челом холоп твой Муцалка Черкасской. Бил я челом тебе государю на стольника на князь Ивана Хилкова да на дьяка Григорья Углева в погромных своих животах, что по их заводу и по наказной их памяти казаки взяли живота моего на пятьсот рублей, и ты государь пожаловал, указать нам, холопам своим, суд дать, и я бил челом тебе государю, что стольник Иван Андреевич Хилков, не ходя со мною, холопом твоим, в суд, помирился половине иску моего в двухсот пятидесять рубрах, а дьяка государь

Григорья Углева на Москве нет, живет на твоей государеве службе в Терском городе, а нынеча государь по твоему государеву указу велено его переменить, и я бил челом тебе государю, чтобы ты государь пожаловал меня, холопа своего, велел мне на него Григорья в тех моих погромных животах дати свой государев суд, в котором городе я холоп твой его Григорья съеду, и против государь того моего челобитья пожаловал ты государь, указать дати на него Григория суд в Астрахани своему государеву стольнику и воеводе князю Федору Андреевичу Телятевскому с товарищи. Милосердный государь, царь и великий князь Михайла Федорович всея России! Пожалуй меня, холопа своего, вели государь мне в тех моих погромных животах дати на него Григорья свой государев суд в том городе, где я холоп твой его Григорья съеду, и вели государь тому нашему судному делу по своему государеву Уложению вершенья учинить. Царь, государь смилуйся, пожалуй! На обороте помета думного дьяка Гавренева: «150 г. августа в 19 день, государь пожаловал, велел ему дать на дьяка Григорья Углева по городам, где его не съедеть, и боярину князю Борису Александровичу Репнину да окольничьему князю Федору Федоровичу Волконскому, да дьяку Григорью Ларионову учинить по сему государеву указу».

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всея России бьет челом холоп твой Муцалка Черкасской. Милосердный государь, царь и великий князь Михайла Федорович всея России! Пожалуй меня, холопа своего, вели государь меня и братью мою ведать мимо Посольскаго приказа и думного дьяка Федора Лихачева, где ты государь укажешь, потому государь, что у него не дружба с дядею с нашим с боярином с князь Дмитрием Мамстрюковичем. Царь, государь смилуйся! На обороте помета думного дьяка Гавренева: «150 г. августа в 21 день, государь пожаловал, велел их ведать боярину князю Борису Александровичу Репнину, да окольничьему князю Федору Федоровичу Волконскому, да дьяку Григорью Ларионову».

По делу об ограблении разных вещей казаками у людей Муцалка Черкасского грамота по городам стольникам нашим и воеводам изготовлена 150 г. августа в 24 день и отослана к боярину ко князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому, а в ней написано...И по нашему указу Муцалу мурзе Черкасскому на дьяка на Григорья Углева в его иску в двусот в пятидесять рубрах велено суд дати, в котором городе Муцал мурза дьяка Григорья Углева встретит, и в которых в наших в понизовых городех Муцал мурза Черкасской дьяка на Григорья встретит, учнет Муцал мурза Черкасской на дьяка на Григорья Углева в своем иску бить челом, и вы б воеводы наши у Муцалки мурзы сю нашу грамоту взяли и против сей нашей грамоты Муцалу мурзе Черкасскому на дьяка на Григорья Углева в его Муцалове иску в двусот в пятидесять рубрах дали суд...

Акты XVI — XVIII вв. Извлечены А. Н. Зерцаловым. М., 1897. С. 75—80.

1642 г. марта 31.* — Отписка терского воеводы С. Н. Шаховского с товарищами в Посольский приказ о содержании в тюрьме сына Алегуки Шаганукова Велчизбия и об уменьшении ему жалованья

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои Сенька Шаховской, Савка Нарбеков, Гришка Углев челом бьют.

В нынешнем, государь, во 150-м году ноября в 13 день в твоей государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте ис Посольского приказу за приписью диака Григорья Львова писано к нам, холопом твоим, что в прошлом во 149-м году июля в 12 день писали к тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, мы, холопи твои, к Москве, что бил челом тебе, государю, Кемамет-мурза Куденетович Черкасской на твоих государевых изменников, а на своих недругов на Алегука да на Хотогжука мурз з братьею Казыевых о своих о многих обидах. Да тот же де Алегук-мурза з братьею взял к себе в кабаки Нарчова-князя детей дву сынов и розослал по дальним кабакам в горы и держит их в великой тесноте, а тово де, государь, Алегукин сын сидит в Терском городе в аманатах, а корм емлет большой и чтоб ты, государь, ево, Келмаметя-мурзу, пожаловал, велел того Алегукина сына против ево неправды посадить в такую ж тесноту, как он, Алегук, держит у себя Нарчевовых детей в великом утеснение и велети б нам у него твоего государева жалованья корму убавить, чтоб он, Алегук-мурза, пожалев своих аманатов познался и в своих винах тебе, великому государю, добили челом, и ты, государь, указал нам, холопом своим, того Алегукина сына посадить в нарочную тюрьму и беречи // накрепко, чтобы не ушел. А корму ему указал ты, государь, давать по алтыну на день до тех мест, покаместа отец ево Алегука в своих винах перед тобою, великим государем, исправитца и добьет челом.

И по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу мы, холопи твои, тому Алегук-мурзину сыну велели в Кремле городе зделать нарочную тюрьму и посадили ево в тое тюрьму ноября ж в 20 день и велели у него быть для береженья сыну боярскому и караульщиком и велели ево беречь накрепко, чтоб он ис иурьмы не ушол, а корму, государь, ему велели давать по твоему государеву указу по алтыну на день. И с тем, государь, Алегукиным сыном мама да кормилица, а та, государь, мама Алегуке сестра по роду. И бил челом тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, тот аманат Алегук-мурзы сын, а нам, холопом твоим, подал челобитную, и мы, холопи твои, тое ево челобитную послали к тебе, государю, к Москве под сею отпискою. А корму, государь, против твоего государева указу по алтыну на день ноября с

На л. 30 об.:

* Датируется на основании отписки терских воевод (там же, лл. 28–29). 1-го числа не взяли и ныне не емлют до твоего государева указу против своего челобитья.

Отметка о подаче: 150-го мая в 14 день с терченином с Васильем Вышеславцевым.

Помета: Государю чтена. Государь пожаловал, велел Алегукину сыну давать корму по осьми денег на день, а мамке ево и работнице по 3 деньги человеку на день, а держать до указу по-прежнему в крепости.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1642 г. Д. № 1, лл. 30–31.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 164–166.

1642 г. между мая 12 и июля 1. — Отписка астраханского воеводы Н. И. Одоевского с товарищами в Посольский приказ о поездке в Крым кабардинского мурзы Кельмамеля Ибакова с просьбой дать войска для борьбы против мурз Казыевой Кабарды

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои Никитка Одоевской, Никитка Мезецкой, Олешка Дуров, Первушка Неронов челом бьют.

В нынешнем, государь, во 150-м году мая во 12 день приехал в Асторохань с Терка Келмамеля-мурзы Куденетовича Черкасского матери уздень Шагасан Тарибердеев, а в роспросе нам, холопом твоим, сказал. —

Тому де ныне месяца з 2 приезжал ис Крыму крымской табунной голова Сюлейман-ага к черкасскому к Семиз Алдарову брату х Келимбеть-мурзе в кабаки. А приказывал де с тем табунным головою нынешней крымской царь х Келимбеть-мурзе, чтоб он приехал к нему в Крым, а что де его Келимбеть-мурзы прошение у него будет, и он де крымской царь прошение его исполнит. И Келимбеть-мурза Черкасской ис кабака своего х крымскому царю с крымским табунным головою с Сюлейменем в Крым поехал тому ныне с месяц. А слышел де он, Шигасан, от черкас, что Келимбеть-мурза поехал х крымскому царю просить ратных людей на недругов своих на Алегуку-мурзу и на казыевских мурз, для того, чтоб ему отомстить кровь // братьи своих трех человек мурз Семиз Илдара да Суркая, а третьему он имяни не упомянул. А побили де, государь, тех мурз Келимбетева братью Алегука да казыевские мурзы с своими людьми в те ж поры, как они убили Келмамеля-мурзу Куденетовича. А за нынешним де крымским царем Семиз Илдарова брата Келимбеть-мурзы сестра родная.

На л. 204 об.:

Отметка о подаче: 150-го июля в 1 день с астороханским сыном боярским с Яковом Третьяковым.

Помета: Государю чтена.

РГАДА. Посольский приказ. Сношения России с ногайскими татарами. 1640 г. Д. № 1, лл. 204–205.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 167–168.

1642 г. августа 20. — Запись приема в Посольском приказе кн. Муцала Куденетовича Черкасского, возвращенного из ссылки

150-го, августа в 20 день. Указал государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси быти у себя, государя, на дворе

Муцалу-мурзе княж Сунчалееву сыну Черкаскому на отпуске. А явить мурзу государю и речь ему говорить указал государь дяку Григорью Львову.

И того ж дни Муцал-мурза у государя был. А посылан по него и в город с ним ехал пристав ево Патрекей Исупов. А лошадь под мурзу послана в государевы конюшни, а сказана от боярина от князя Бориса Олександровича Репнина. А как он приехал в город, и он с лошади сошел у рундука против Казенного двора и шел на Казенной двор в Печатной приказ. А стрельцы в то время были в городе без пищалей. А как Муцал мурза вошел в полату в Печатной приказ, и диак Григорей Львов встав с ним корошевался и велел ему сесть и дожи[дался] с ним присылки//, как итти ко государю, от боярина от князя Бориса Олександровича Репнина. А как боярин князь Борис Олександрович сказал про мурзу государю, и велел государь мурзе итти к себе, государю. И он шол ко государю с Казенного двора рундуком, да вверх середнюю лесницую.

А государь ж царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси в то время был в столовой избе на своем государском месте, и на нем, государе, был охабень бояринной в нарядном цветном да шапка горлатная. А бояре были в чистом платье и в шапках бархатных, а дворяне и приказные люди в чистом же платье.

А как Муцал-мурза вошел ко государю в-ызбу и явил его государю челом ударить диак Григорей Львов//, а молил. – Великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси самодержец и многих государств государь и облаадатель ваш царского величества подданной Муцал мурза княж Сунчалеев сын Черкаской вам, великому государю, челом ударил и на вашем царском жалованье челом бьет.

И государь пожаловал, велел Муцала мурзу спросить о здорье. И дяку Григорью молить. – Муцал-мурза! Царское величество жалует, спрашивает о здоровье.

И мурза бил челом на государеве жалованье.

А после того велел государь мурзе говорить речь дяку Григорью Львову. И по государеву указу диак Григорей молил.// – Муцал-мурза! Великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси самодержец и многих государств государь и обладатель велел тебе говорить: приезжал еси к нашему царскому величеству к Москве бить челом нам, великому государю, о своих делех и по нашему царского величества указу за свои вины и за ссорные дела сослан ты был в нашей царской опале. И мы, великий государь, по прошенью сына нашего благоверного царевича князя Алексея Михайловича тебя Муцала мурзу// пожаловали, велели из опалы взять к Москве. Да нам же, великому государю, бил челом боярин наш, а твой, Муцал-мурзы, дядя князь Дмитрий Мамстрюкович Черкаской, чтоб нам, великому государю, тебя пожаловать, велеть отпустить на Терек. А ты, Муцал-мурза, нашему царскому величеству вперед учнешь служить и будешь в нашем государском повеленье и в вечном холопстве з братьею своею и з детьми и с племянники по-прежнему, и

брата воего Алегуку-мурзу Черкаского и Будаичеву жену, и детей ево, и кабаки ис Кабарды у Алегуки и у Ходождука-мурз Казыевых возмешь на Терек. А самих Алегуку и Ходождуку-мурз Казыевых з братьею приведешь под нашу государскую высокую руку, и будут они в нашем государском повеленье и вечном холопстве. И хотя нашему царскому величеству ты, Муцал-мурза, службу свою совершенной показать на том нам, великому государю, правду дал на куране шерть учинил //, и мы, великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси самодержец, по челобитью боярина нашего, твоего, Муцал мурзы, дяди, князя Дмитрея Мамстрюковича тебя, Муцала-мурзу, пожаловав нашим царским жалованьем, на Терек отпустить велели. И как ты, Муцал-мурза, будешь на Терке, и ты б, видя к себе нашу государскую милость и жалованье и помня свою правду и шерть нам, великому государю, и сыну нашему благоверному царевичу князю Алексею Михайловичю служил и прявил и во всем добра хотел, и брата своего Алегуку мурзу и Будаичеву жену и детей и кабаки их ис Кабарды на Терек взял, и был бы ты, Муцал-мурза, з братьями своими и з детьми и с племянники и со внучаты под нашею царского величества высокою рукою в вечном холопстве неотступно. Так же бы еси и Алегуку, и Ходож//дука мурз Казыевых з братьею и з детьми, и с племянники и иных наших непослушников под нашу государскую высокую руку привел, и во всем нам, великому государю, и сыну нашему благоверному царевичу князю Алексею Михайловичю служил и нашим делом, о чем к тебе наше царского величества повеленье будет, промыслил и радел и добра хотел по своей правде и шерти. А мы, великий государь, учнем тебя держать в нашем царском жалованье и в милостивом призьенье и от недругов ваших во обороне и в защищенье, смотря по вашей службе. //

А после того велел государь дьяку Григорью Львову явити мурзе свое государево жалованье.

И дьяк Григорей Львов явил мурзе государево жалованье, а молил. — Муцал-мурза! Великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси самодержец и многих государств государь и обладатель жалует тебя своим государским жалованьем: кубок серебрян золочен, шубу отлас золотной на соболех, пугвицы серебряны, шапку лисью, 40 соболей да 30 руб.

А узденем явить государево жалованье от казны, а молить. — Мурзины люди! Царское величество жалует вас своим государским жалованьем от своей царского величества, казны.

И после того пожаловал государь, подал мурзе меду красного в ковше в серебряном в золоченом, а в другом ковше пожаловал государь меду белого. И пожаловал государь мурзу к руке и велел дьяку Григорью Львову сказати ему свое государево жалованье, в стола место корм, и отпустить его на подворье.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1642 г. Д. № 2, лл. 1—8.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 169—173.

**1642 г. декабря 30.* — Отписка терского воеводы М. П. Во-
лынского с товарищами в Посольский приказ об освобождении
мурзы Айдара Елбузлуковича Черкасского с узденями**

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа
Русии холопи твои Михалко Волынской, Ефимко Самарин, Васька
Атарской челом бьют.

В прошлом, государь, во 150-м году августа в 30 день в твоей
государеве грамоте ис Приказу Сыскных дел за приписью думного
диака Михайла Данилова писано к нам, холопом твоим, а велено
Айдару-мурзе Елбузлукову сыну Черкасскому быть в съезжую избу
и сказати нам ему, что ты, великий государь царь и великий князь
Михайло Федорович всеа Русии, пожаловал, велел ему с уздени
своими жити на Терке и в кабаках своих попрежнему. И он бы,
Айдар-мурза, тебе, великому государю, служил и твоих государе-
вых непослушников под твою государскую высокую руку приводил
и был в твоём государском повеленье навеки неотступен. А ска-
зав ему твое государево жалованье велети б нам, холопом твоим,
ево, Айдара-мурзу, с уздени освободить и велеть ему на Терке и
в кабаках жить по-прежнему, как он наперед сего на Терке живал.
А как Айдару-мурзе твое государево жалованье скажем, и о чем
ево к тебе, государю, челобитье или иные какие речи будут, и нам,
холопом твоим, о том велено отписать к тебе, государю, к Москве.

И по твоему государеву указу велели мы, холопи твои, Айда-
ру-мурзе Елбузлукову быть в съезжую // избу и твое государево
жалованье сказали ему, что ты, великий государь царь и великий
князь Михайло Федорович всеа Русии пожаловал ево, Айдара-мур-
зу, велел ему с уздени своими жить на Терке и в кабаках своих
по-прежнему, и он бы, Айдар-мурза, тебе, великому государю,
служил и твоих государевых непослушников под твою государь-
скую высокую руку приводил и был в твоём государском повеле-
нье навеки неотступен. А сказав ему твое государево жалованье,
велели мы, холопи твои, ево, Айдара-мурзу, с уздени освободить
и велели ему на Терке и в кабаках жить попрежнему, как он
наперед сего на Терке живал.

И Айдар-мурза Елбузлуков нам, холопом твоим, сказал, что
он твой государев холоп вековечной и служить тебе, государю,
рад душею своею, и твоих государевых непослушников под твою
государскую высокую руку приводити готов, и будет в твоём
государском повеленье навеки неотступен.

На л. 20 об.:

Отметка о подаче: 151-го марта в 7 день с терским сотником
стрелецким с Романом Лихачевым.

Помета: Государю чтена. А в приказе у боярина у князя Бори-
са Александровича Репнина такова ж.

*РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1643 г.
Д. № 1, лл. 20—21.*

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 174—175.

* Датируется на основании отписки терских воевод (там же, лл. 15—16).

Государева грамота боярину, князю Ив. Б. Черкасскому о турских, крымских, нагайских и азовских вестях

От царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Руси на Тулу бояром нашим и воеводам, князю Ивану Борисовичу Черкасскому с товарищи. В нынешнем, в 146 году мая в 2 день, писали к нам с Терки стольник и воеводы наши, князь Василий Ромодановский с товарищи, с терским станичником, с сотником стрелецким, с Алексеем Бредихиным про турския, про крымския, и про нагайския и про азовския вести; и по нашему указу с тое терской отписки, какову о тех вестях к вам прислали в посольской приказ, и с крымскаго царя грамоты, какову он прислал к Касаю князю, посланы к вам для ведома списка слово в слово, запечатав в столбец, писан на Москве лета 7146-го, мая в 3 д.

Список с отписки, какову отписку прислали к государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси к Москве с Терка стольник и воеводы, князь Василий Ромодановский с товарищи, с терским станичником, с сотником стрелецким, с Алексеем Бредихиным, в нынешнем, во 145 году, мая во 2 день.

Государю ... бьют челом Васька Ромодановский, Ивашко Бестужев, Каллистратко Жохов. В нынешнем, в 146 году, генваря в 20 день приехали к нам на Терек из Идареевой Кабарды Келамет мурзы Куденековича, да Будачея мурзы черкасских уздени Инжарука да Блишука в Азакмыш с товарищи; а в роспросе, государь, перед нами сказали: тому де дней с 5, прислал крымской салтан в Казыеву Кабарды Долегук мирзы и к Хотокжук и в малый Ногай к Касаю князю с детьми, и в Шелохову Кабарду к Илдару Ибакову с братьею послов своих, а с ними де прислал крымский царь ко всем к ним листы и жалованья, платья золотныя и кубки. И мы для проведыванья подлинных вестей посылали в Казыеву Кабарду к Олегаук и к Хотокжук и в Шелохову Кабарду к Илдару Ибакову с братьею и в малый Ногай к Касаю князю сына боярского Василья Вышеславцева и служилых людей, а в Кумыки, государь, в Андрееву деревню и в Тарки и к Уцмею Кайдацкому посылали мы сына боярского Безсона Неголова, а с ним толмача и служилых людей, а велели мы им проведывать всяких вестей подлинно: крымский царь послов своих и листы с послами своими к ним и жалованье прислал ли, и что в листах своих к ним писал и словесно приказывал? И февраля, государь, в 1 день приехали из Казыевы Кабарды от Алегуки с братьею и из Шелоховы Кабарды от Илдара Ибакова и из малаго Ногая от Касая князя сын боярской Василий Вышеславцев и толмач, а в роспросе перед нами сказали: были де они в кабардах и в малом Ногае и про всякия, государь, вести, про турскаго царя, и про крымскаго и про большой Ногай, проведывали, и Алегука и Хотокжука и Илдар Ибаков и малаго Ногая Касай князь ему, Василью, и толмачу сказали, что крымский царь послов своих, и листы и жалованье, платья золотныя и кубки к ним с послами своими прислал, и словесно де, государь, к ним приказывал, а велел им быть к себе, а ратным де людям их владенья велел быть готовым; а идти де, государь, ему

на весну под Азов, и о всем де у него с ним договор будет под Азовом; да под Азов же де, государь, будут турецкие люди морем каторгами. И крымской де царь с турецкими людьми под Азовом, оставя ратных людей, сам де хочет идти на Русь; а турецкий де царь с воинскими людьми на весну собирается, а куды де, государь, турецкому царю идти, про то они не ведают. Да сын боярский же, Василий Вышеславцов и толмач сказали: слышали де они в Кабардах и в малом Ногае ото многих людей, что де от крымского царя и в Кумыки в Андрееву деревню и в Тарки к Уцмею Кайдацкому послы и листы и жалованье, платье и кубки, присланы ж, а Андреевский де салтан Магмут ныне в Крыму у крымского царя; а просит де он, салтан Магмут, у крымского царя под Терской город ратных людей; и говорил де салтан Магмут крымскому царю: «только де крымской царь даст ему, салтану Магмуту, под Терской город ратных людей, и с ним де, с салтан Магмутом, будут под Терской город горские и кумыцкие князи и мурзы со всеми людьми готовы». Да февраля ж, государь, в 3 день приехали из Кумык из Андреевы деревни и из Тарков и от Уцмея сын боярский Безсон Неголов да толмач, а в роспросе перед нами сказали те ж всети, что и сын боярский Вышеславцов. Да февраля ж, государь, в 18 день приехал к нам на Терек из малаго Ногай от Касая князя с братьею внук его родной Арасланбек-Мурза Каспулатов сын, а с ним улусные люди; и мы велели ему, Арасланбек-мурзе быть в съезжей избе. И Арасланбек в съезжей избе подал нам от Касая князя два листа, а сказал: «лист де, государь, касая князя к нам, а другой де лист, что прислал к Касаю князю и к сыну его к салтану мурзе крымский салтан Гирей, и дед де его Касай князь и дядя его салтан мурза по своей к тебе, великому государю, службе и правде тот лист крымского царя с ним, Арасланбеком, прислали к нам»; а Касаев, государь, лист, что писан к нам, велели мы перевести. И в листу, государь, своем Касай князь к нам писал и Арасланбек мурза нам вестей сказал: прислал де к Касаю князю крымский царь посла своего Кадыша-агу с товарищи, а с ним к Касаю князю и к сыну его к салтану лист, а в листу, государь, крымский царь писал и с послом своим, с Кадышем-агою словесно к ним приказывал, чтобы он, Касай князь, прислал к нему, царю, сына своего салтана для подлинного договору, а ратным своим людям малаго Ногай велел быть к весне готовым, а идти де на весну крымскому царю под Азов, и о всем де, государь, у крымского царя договор будет под Азовом. Да к Касаю ж де, государь, князю и к салтану мурзе приказывал крымский царь словесно с послом своим, с Кадышем-агою, что де под Азов же будут ныне на весну турецкие люди морем каторгами, а он де, крымский царь, под Азовом с турецкими людьми, оставя своих ратных людей, сам хочет идти на Русь. Да Касаю ж де, государь, князю и салтану мурзе сказывал крымского царя посол Кадышага, что де и турецкий царь собирается на весну с воинскими людьми, а куда де, государь, ему идти, про то они не ведают. А Касай де князь и сын его салтан мурза крымскому царю отказали: «хо-

лопи они твои, великаго государя», и в аманаты салтан сына своего в твою, государеву вотчину, в Терской город дали, а к нему де, к крымскому царю, он салтан мурза ехать не хочет. И по тем, государь, вестям, февраля в 19 день, послали мы сына боярского, Андрея Молхокова с товарищи в Казыеву Кабарду к Алегуке мурзе и к Хотокжуке и в малый Ногай и в Шелохову Кабарду к Илдару Ибакову с братьею, а велели, государь, им говорить, чтоб они, Алегука и Хотокжука и Шелоховы Кабарды Илдар с братьею тебе, великому государю, службу свою показали и правду свою совершенну учинили, крымского царя листы, что прислал к ним с своими послами и словесно к ним приказывал, те листы присали и про всякие вести про турского и про крымского и про Азов словесно с ним к нам приказали подлинно; а как, государь, сын боярский Андрей Молхоков из Казыевой Кабарды и из Шелоховой и из малаго Ногай приедет, и что нам про всякия вести и крымского государя про листы скажет и мы к тебе, государю ... отпишем. А который, государь, лист прислал к нам с мурзами и с улусными людьми Касай князь, что де тот лист прислал к нему крымский царь, и мы тот лист послали к тебе, государю... с сею отпискою. Да февраля, государь, в 21 день писали к нам из Шелоховой Кабарды терский сын боярский Родион Горбатов с товарищи; послан он, Родион, от нас в Шолохов Кабарду к Илдару Ибакову с братьею и к Козларом к Иналуке Хотову с братьею для договору аманатного дела и для проводывания вестей про турского и про крымского и про большой Ногай; и при нем де, Родионе, приехал в Казыеву Кабарду к Алегуке-мурзе с братьею и Шелоховы Кабарды к Козларом к Иналуке Хотову с братьею от салтана Магмута Андреевского уздень его Тагатовка с товарищи, а вестей, государь они им сказали: прислал де их из Крыму к ним салтан Магмут Андреевский, и приказывал де, государь, с ними салтан Магмут к Алегуке мурзе с братьею, что де они, Алегука с братьею к крымскому царю не ездили, а ждали бы крымского царя в Кабарде с своими людьми, а к Козларом, государь, Иналуке Хотову с братьею приказывал салтан Магмут же, чтоб де они совсем шли в крепкия места, в горы, для того что де крымскому царю и турским людям и большому Ногаю идти вскоре мимо их кабардов под Терек и под Астрахань; а он де, салтан Магмет, под Терек и под Астрахань будет с крымским царем. И по тем, государь, вестям только будет под Терской город приход воинских людей, и в Терском, государь, город твоих государевых служилых людей мало, и в осадное, государь, время осады нам укрепить не кем; а по твоему государеву указу велено на Терек быть конному приказу да пешим двум приказом полным, по 500 человек в приказ, да по твоему государеву указу велено быть на Терке астраханским годовальщикам стрельцом полному приказу, 500 человеком, и на Терке, государь, по стрелецким в конном приказе 296 человек, да в двух пеших приказах 589 человек. И из того, государь, числа терских стрельцов конного приказу побито на море от воровских казаков, и от кумычан и от черкас, и померло и

розбежалось 41 человек, да в двух, государь, пеших приказах побитых, и померло и розбежалось 92 человека, а на лице, государь, стрельцов ныне на Терке в конном приказе 250 человек, да в двух пеших приказах 497 человек; да астраханских, государь, стрельцов, терских годовальщиков, было на лицо 466 человек, и из того, государь, числа беглых, и мертвых, и побитых и слободчиков, и оставлено в Астрахани 70 человек, а ныне их на лицо 396 человек, а вновь, государь, на Терке стрельцов прибрать не откуда; а которые, государь, и старые стрельцы, и те бредут розно, что им твоего государева жалованья хлебных запасов за астраханскою недосылкою на прошлые годы добавить и на нынешний на 146 год дать нечего. А твоего государева денежного жалованья терским служилым людям другой половины марта с 1-го числа нынешнего 146 года дать нечего за астраханскою недосылкою, а твоих государевых запасов кладового хлеба в житницах нет ни одной чети. Да за рекою, государь, за Тюменкою около черкасских слобод был преж сего сделан в острога место плетень, и тот, государь, плетень сгнил, а хотя, государь, около черкасских слобод плетень и устроить по прежнему, и в приход, государь, больших воинских людей черкасом и татаром в том плетеном остроге без твоих государевых служилых людей русских сидеть будет нелзе, а нам послать служилых людей будет к ним в осаде некого. А на городскую, государь, сторону в острог, oprичь мурз и их лучших узденей немногих, пустить черкас и татар нелзе, потому что чаять от них шатости и дурна большого. Да февраля, государь, в 23 д. писал к нам из малаго Ногай Кемамет Куденекович да Муцалмурза черкасские: приехал де, государь, при них из Крыму малаго ногаю Арасланбек мурзы Каспулатова сына улусу, татарин Хорошай, послан де, государь, был татарин в Крым для проводыванья вестей про крымского и про турского и про большой Ногай; и при нем де, Хорошае, пришли в Крым 7 пашей, а с ними де, государь, пришло турских людей 70 000 конных, а пешие де, государь, турецкие люди каторгами морем под Азов будут вскоре; а большого де, государь, Ногай мурз и улусных людей крымский царь взял к себе в Крым, а велели де им быть с собою, а сам де крымский царь и турецкие люди и большой Ногай хочет из Крыму идти вскоре, а куда де, государь, ему, крымскому царю и турецким людям и большому Ногаю идти, того он не вдает; а что де, государь, в малом Ногае и в кабарде про турского и про крымского и про большой Ногай каких вестей вперед объявится, и они де, государь, Келмамет и Муцал на Терек будут вскоре, а Келмамет, государь, мурза и Муцал мурза поехали в малый Ногай и в Кабарду для своих дел не на большое время».

Перевод с татарского письма, что писал крымский богатырь Гирей царь к Касаю князю. Богатырь Гиреево царевое слово.

Большому карачею нашему Касаю князю и ближнему карачею нашему салтан мурзе, обоим вам с честью и с любовью сю нашу любительную грамоты и повеленье наше послав, вам объявляем: которую есте грамоту к нам послали, и до нас та грамота

дошла и служба ваша и карачейство нам любительна и ведома, и только велит Бог, и мы с вами о добре поговорим. И отцом нашим и дедом вы всякое добро делали, и вам за то от нас наше жалованье будет Магметева закону людям во всяком месте помощь и служба от нас будет, тому подлинно верьте. Ныне люди наши пошли вскоре и время то не случилось, что к вам о кочевье и о бытѣ вашем некоторого слова вам о том не умели приказать, а с весны рано пойдем под Азов; и как Бог даст нам Милость свою, и к вам наше жалованье будет, как от дедов и от отцов наших бывало, да и свѣше дедов наших к вам наше жалованье будет. А вам бы прямым сердцем своим к повеленью нашему ухо свое держать, и как будет время, и вы по своему сердечному прошенью все свои слова переговорите по своему жалованью, слово свое исполните; а под Азов дорога наша будет подлинно, и в нашем бы повеленьи быть бы вам крепко и неподвижно, и где ныне вы живете, на котором месте и вам бы мнѣня себе никакого не держать тут жить, холопи вы наши и карачеи, и на нашу б службу, опоясався, вам, готовым быть, и к нам бы ухо свое вам держать. А только похотите с нами поговорить и карачейство свое нам объявить и салтан мурзу похотите только с Алиюком князем к нашим благосчастливым дверям прислать, и он доброе наше слово по вашему жалованью услышит и наше жалованье будет. Так вам буди ведомо, с тем грамота в Бакчисарае писана. А в печати у грамоты написано: богатырь Гирей, государь. Салмамет Гиреев, царев, сын.

Акты Московского государства, изданные императорской Академией наук / Под ред. Н.А. Попова. СПб., 1894. Т. II (1635–1659). С. 50–53.

(Донские дела)

...прислали его к вам все братья его Иштерековы, что хотят они быть под нашей царскою высокою рукою по-прежнему и шертывал вам тот Саип мурза по своей мусульманской вере, за всех Иштерековых мурз на том что им идти через Дон на Нанайскую сторону и быть под нашею царскою высокою рукою, а вы, атаманы и казаки, велели войсковому атаману от войска дать руку, что вам в те поры, как они через Дон перелезут, шкоты им никакие не учинить. И по нашему указу атаман Антипа Устинов с товарищи, пожаловав нашим царским жалованьем, отпущены к вам, атаманом и казаком, на Дон с нашею грамотою до Воронежа на подводах, а с Воронежа прежняго атамана Григорья Шатрова и Антипу Устинова с товарищи велено отпустить на Дон водяным путем в судах, да с ними ж велено послать с Воронежа к вам, атаманом и казаком, на Дон сто пуд зелья ручного, да сто ж пуд зелья пушечного, да сто пятьдесят пуд свинцу. И в нынешнем же 146 году, апреля в 14 день писали есте к нам с войсковым атаманом с Михайлом Татариновым с товарищи, что марта в 1 день ходили из Азова Донские казаки на Миюс, и на Миюс приходили на них Болшого Нагаю татарова и к ним приступали, и донские де

казаки взяли в те поры нагайских татар десять человек и привели к вам в Азов: а в распросе те нагайские татары сказали вам, что турецкой царь велел каторгам и мелким судам, и крымскому царю, и нагайским и мансуровым мурзам и горским черкесам со всеми ратными людьми быти готовым к весне и идти под Азов; а вам, атаманом и казаком, из города из Азова стреляти будет не чем, зелейная казна у вас нет, а пушек и всякого мелкого наряду много, только стрелять не чем, и хлебного де запаса у вас нет же; а Донской войсковой атаман Михайло Татарин с товарищи нам били челом, чтоб нам, великому государю, вас пожаловати, велети вам и зелье и о свинцу и о хлебных запасах указ учинить. Да вы ж нам писали, что пришли к Азову нагайские три мурзы: Чубан мурза, да Саин(?) мурза да Шайтемир мурза Иштереков с женами и с детьми и с черными своими людьми, и пришед близко Азова, стали за Доном на Донецком острову, и вы, атаман и казаки, наймущая свою братью казаков и суды, велели тех трех мурз с их черными людьми и со всеми их животы перевезть Дон, на Нагайскую сторону; а перевезчи их мурз, велели вы им всем приехать в город и честь им учинили для того, чтобы они обратились и были под нашею царскою высокою рукою в холопстве по-прежнему, и корм им дали и...

...пороховою казною и свинцом. И мы, великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, вас, атаманов и казаков, за вашу службу жалует, милостиво похваляем и хотим вас держать в нашем царском милостивом жалованьи по-прежнему и смотря по вашей службе, и станичников ваших, атамана Павла Федорова с станицею, пожаловав нашим царским жалованьем, велели отпустить на Воронеж; а с Воронежа к вам на Дон с нашим царским жалованьем и с милостивым словом к вам, атаманом и казаком, и ко всему Донскому Войску, послали дворян наших. Ждана Кондырева, да Михайла Шишкина да подъячего Кирила Аноиногенова, а с ними послали к вам наше царское жалованье: сто поставов сукон настраоилоу, пять тысяч рублей денег, да хлебных всяких запасов три тысячи чети, триста ведр вина, двести пуд зелья ручного, сто пуд зелья пушечного, двести пуд свинцу, да на парусы десять тысяч аршин халстов, да для судовые поделки пятьсот пуд железа, пятьсот пуд смолы, двести пуд конопати. Да мы ж, великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, указали есмя Крымскаго царя, за его многия неправды и что в правде своей и шерти не стоит, послати в наши украинные города бояр наших и воевод с ратными со многими людьми и, прося у Бога милости, велели над крымскими людьми промышляти, сколько Бог помочи подаст, и в Астарахань послали есмя по нынешнему зимнему пути столника нашего и воеводу князя Семёна Романовича Пожарского да писменных голов, Алексея Хрущёва, Родиона Костяева, а велели ему с астаранскими и терскими дворянами и детьми боярскими, и стрелецкими головами, и стрельцами, и с гребенскими и терскими казаками, и с охочими русскими людьми, и с иноземцы, с черкасскими, с кумыцкими

князи и мурзы и с их узденями, и со кочены (?), и с новокрещены, и с нагайскими, и с едисанскими, и с юртовскими мурзы, и с табунными (?) головами и со всеми их улусными людьми, собрався идти на Дон, а с Дону, сослався с вами, атаманы и казаки, и разобрався с людьми, идти степью на Крымского Ислам-Гирея царя, и на калгу, и на нурадына, и на их крымские юрты и над ними промышляти, сколько Бог помочи подаст, а кош велели ему оставить на Дону для береженья близко ваших казачьих городков. И по нашему указу столник наш и воевода князь Семен Пожарский с товарищи с Москвы в Астарахань отпущены, а с Дону указали вам, атаманом и казаком, всему Донскому Войску, советовав с воеводою нашим со князем Семеном Пожарским и с письменными головами, и украинных и других городов охочих людей, у которых крымские царевичи и воинские мурзы и татаровя поимали отцов, и матерей, и братью, и сестер, и жен и детей и били челом, чтоб итти к вам, на Дон, и с вами идти в Крым и свои обиды и грубости крымским людем отомстить; и наши государские грамоты в Астарахань и на Терек к воеводам нашим, и к черкасским, и к кумыцким, и к нагайским, и к едисанским, и к юртовским князем и мурзам и к улусным их людям с нашим указом посланы, а велено им всем идти на крымскаго царя юрты с столником нашим и воеводою со князем Семеном Пожарским, и с писменными головами и с ратными нашими людьми вместе и, прося у Бога милости, над ними промышляти, сколько милосердый Бог помочи подаст. И вы б, атаманы и казаки, видя к себе государскую милость и жалованье, нам, великому государю, служили и прямили, и во всем добра хотели в правду и службу свою совершенно показали, над крымскими и нагайскими людьми, которые послушны крымскому царю, промышляли с нашим, царскаго величества, воеводою со князем Семеном Романовичем Пожарским с товарищи и с нашими ратными людьми вместе по прежнему нашему указу, как о том к вам, атаманом и казаком, писано в нашей грамоте преж сего станичники вашими, с Иваном Бирюковым с товарищи. И как столник наш и воевода князь Семен Пожарский с нашими ратными русскими людьми, и с черкасскими, и с горскими и с кумыцкими князи и мурзы и с их уздени, и с нагайскими и с едисанскими мурзы и с татарскими улусными людьми на Дон придут и учнут стоять у ваших казачьих городков, и вы б к черкасским, к горским и к кумыцким князьям и мурзам, и к нагайским и к едисанским и к их улусным людем держали ласку, и привет и береженье, и с ними в чем не задирались, чтоб им от вас, атаманов и казаков, никакого дурна, безчестья и тесноты ни в чем не было, а будет от кого им, черкасским, и горским, и кумыцким князьям и мурзам, и нагайским и едисанским мурзам и татаром и их улусным людем учинится от кого какое безчестье или обида, и вы б тем людем, за их воровство, наказанье чинили, а промышлять бы вам над крымскими людьми, советовав с воеводою нашим со князем Семеном Пожарским и с писменными головами вместе, смотря по тамошнему делу, как лучше. А с турскими людьми, по

прежнему нашему указу, задору не чинили и послов бы наших и турских, как из Царь-города придут на Дон, приняли и к нем, великому государю, к Москве отпустили, по прежнему на...

Акты, относящиеся к истории Войска Донского. (Собр. г-м А. А. Лишиным). Новочеркасск, 1894 г. Т. I. С. 22, 42–43.

1644 г. не позднее января 18. — Челобитная мурзы Будаচেя Сунчалеевича Черкасского

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом холоп твой Будачейка Черкасской.

Матери, государь, моей торговой человек Надур Сеинь Шамшадыумов у астроханского тотарина у трухменца Агвшова Тобуна у Таудака да у брата ево у Курмав Сеита женился на сестре их на родной Корочаче и за ту их сестру человек наш Надур Сеинь Шамшадыумов ему, Тоудак, и брату ево Курмань Сеиту дал по нашей вере калыму 100 рублей денег. И тое, государь, сестру свою он, Тоудак, да Курмень Сеит с человеком с нашим на Терек не пустят и денег, государь, калыму 100-а рублей назад не отдадут.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, ему, Тоудак, да Курман Сеиту сестру свою отдати на Терек. А будет сестры своей на Терек на отдадут, и оне б отдали калым 100 рублей денег назад.

Царь государь, смилуйся.

На л. 1 об. помета: 152-го генваря в 18 день. Дати государева грамота, велеть сыскать, будет калыму 100 рублей взял и он бы дочь свою отпустил.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1644 г. Д. № 2, л. 1.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 176.

1644 г. ранее июня 27. — Отписка терского воеводы М. П. Во-лынского с товарищами в Посольский приказ о следствии по поводу убийства узденя кабардинского мурзы Ахлова Айтекова Созорука узденем мурзы Канбулата Черкасского Каспулатом

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопы твои Михалко Воынской, Ефимко Самарин, Васька Атарской челом бьют.

В нынешнем, государь, в 152-м году сентября в 5 день приходил в съезжую избу к нам, холопом твоим, Муцал-мурза княж Сунчелеев сын Черкасской и извещал словесно. — Приехал де к нему, Муцалу, ис Кабарды от Ахлова-мурзы Айтекова уздень Созорука в гости и шол де слободою Канбулата-мурзы Черкасского, и в той де слободе застрелил ево, Созоруку, из лука Канбулата-мурзы Черкасского уздень Каспулат и он де, Созорука, ранен лежит болен. А за што де ево застрелил, того де он, Муцал, не ве-дает. И бил челом тебе, государю, чтоб ты, государь, ево, Муцала, пожаловал, велел про то убийство сыскать.

И по твоему государеву указу посылали мы, холопы твои, х

Канбулату-мурзе Черкасскому астараканского сотника стрелецкого терского годовальщика Ондreja Болкова да толмача Сеньку Трофимова и велели Канбулату-мурзе говорить, чтобы он, Канбулат, убийца узденя своего Каспулата прислал к нам, холопом твоим, в съезжую избу к роспросу.

И того же, государь, числа приходил в съезжую избу Канбулат-мурза Черкасской//. И мы, холопи твои, Канбулату-мурзе говорили. – Для чего ево, Канбулата-мурзы, узденя Каспулат застрелил кабардинского Ахлов-мурзина узденя Созоруку? И чтоб он, Канбулат, по челобитью к тебе, государю, Муцала-мурзы Черкасского узденя своего Каспулата, которой застрелил ево Муцалова гостя Созоруку, велел поставить перед нас, холопей твоих, в съезжую избу к роспросу.

И Канбулат-мурза нам, холопом твоим, сказал. – Застрелил де узденя ево Каспулат кабардинского Ахлова-мурзы узденя Созоруку за свою недружбу, потому что де убили в Кабарде прошлые зимы 151-го году дву ево Каспулатовых братьев он, Созоруку, сынымы уздени. А о кою де пору ево застрелил, и в ту де пору ево, Канбулата, дома не было. И застрелил де тот узденя не по ево наученью. И того де он узденя своего к роспросу поставит в съезжую избу.

И сентября же, государь, в 6 день приходил в съезжую избу Канбулат-мурза Черкасской вдругоряд и мы, холопи твои, говорили ему, Канбулату, чтоб он узденя своего, Каспулата, которой убил Ахлова узденя Созоруку, прислал к роспросу в съезжую избу. И Канбулат-мурза нам сказал, что де ему убийца узденя своего Каспулата в город к роспросу не давывать.

И сентября ж, государь, во 8 день приходил в съезжую избу Муцал-мурза Черкасской и бил челом тебе, государю, а нам, холопом твоим, подал // челобитную на Канбулатова узденя Каспулата, чтоб ты, государь, ево пожаловал, велел ево, Каспулата, поставить к роспросу в съезжую избу.

И мы, холопи твои, посылали х Канбулату-мурзе Черкасскому голов стрелецких Олексея Ростопчина да Бориса Малыгина, а с ними толмачей многжды и велели говорить, чтоб он, Канбулат-мурза, узденя своего Каспулата, которой застрелил Ахлова узденя Созоруку, прислал в съезжую избу. И Канбулат-мурза з головами приказывал к нам, холопом твоим, те ж речи, что ему узденя своего Каспулата к роспросу в съезжую избу не давывать, а едет де он, Канбулат-мурза, к тебе, государю, к Москве и того де узденя своего Каспулата он емлет с собою и в том де убийстве над ним волен ты, государь.

Да сентября же, государь, в 9 день приходил в съезжую избу Муцал-мурза Черкасской и сказал нам, холопом твоим, что тот Ахловы Кабарды узденя Созорука, которого застрелил Канбулатов узденя Каспулат, от ево Каспулатова убийства и от раны умер, и подал нам, холопом твоим, он, Муцал-мурза, на Канбулата-мурзу Черкасского 2 челобитные в том же убийстве что убил узденя ево Каспулат кабардинца Созоруку.

Да того ж, государь, числа пришед в съезжую избу били челом // тебе, государю, кабардинского Ахлова-мурзы Айтекова уздени Хашоха да Мафец с товарищи 3 человека, а нам в съезжей избе подали челобитную Канбулата-мурзы Черкаского на узденя на Каспулата в убойстве того ж Ахлова узденя Созоруки.

И мы, холопи твои, Муцала-мурзы Черкаского 3 челобитные да Ахлова-мурзы челобитную послали к тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси к Москве мы под сею отпискою.

На л. 109 об.:

Отметка о подаче: 152-го июня в 27 день с терским сотником стрелецким Федором Борисовым.

Помета: Государю чтена. Послати государева грамота, велеть в том дати суд и сыск. И сыскать велеть прежние государевы указы как в таких делах росправу чинили прежние воеводы, да потому ж меж ими государев указ и росправу учинити в правду, чтоб вперед о том от них государю челобитья и докуки не было.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1644 г. Д. № 1, лл. 109—112.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 177—180.

1644 г. — Запись в Посольском приказе

В нынешнем 152 году писали ко государю к Москве с Терка воеводы Михайло Волынской с товарищи, что они свестясь с Муцалом мурзою Черкаским посылали к кабардинским к Олегуке и Ходождуке мурзам детей боярских и писали к ним многжды, чтоб они в своих неправдах исправились и вины свои ко государю принесли и были б под государевою рукою в холопстве по-прежнему и для договору отпускал он, Михайло, таварыща своего Ефима Самарина. И Муцал мурза // Черкаской для договору ездил и Алегуку мурзу уговорили и в Терской город призвали и к шерти привели и учинился Алегук мурза з детьми и з братьею и с племянники и со всем своим владеньем под государевою рукою в холопстве.

И по государеву указу к ним, воеводам, написана грамота з государевым жалованьем с похвалою. А другая государева грамота написана к Муцалу мурзе Черкаскому с похвалою ж. //

А в прошлом 145-м году писали ко государю к Москве с Терка стольник и воеводы князь Василей Ромодановской с товарищи, что они да Келмамет мурза Куденетович Черкаской призвали под государеву руку в холопство Казыева улусу Касая князя Исламова з детьми и з братьею и с племянники и Касай князь государю добил челом и шерть учинил и аманата на Терек дал.

И к ним, воеводам, писано в государеве грамоте, что Касай князь з братьею и с племянники государю добил челом // и правду дал, шерть учинил и аманаты в Терской город дал, и то зделалось милостию божиею и ево царским и детей ево благоверных царевичей князя Алексея Михайловича и князя Ивана Михайловича счастьем, а их ко государю службою и раденьем. Да им же де велено Келмаметю мурзе Куденетовичю Черкаскому сказать, что они

о его службе писали к его царскому величеству, что он государю служил и Касая князя под ево царскую руку учинили. И он, великий государь, за его службу похваляет и он бы и вперед ему великому государю служил и на ево царское жалованье был надежен.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1644 г. Д. № 1, лл. 209—212.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 181—182.

1645 г. ранее марта 24. — Челобитная мурз Татархана и Тонжехана Араслановых о следствии по поводу нападения гребенских казаков на их людей

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьют челом холопи твои Татарханко да Тонжеханко мурзы Араслановы.

В прошлом, государь, во 151-м году ехали ис Кабарды в твою государеву отчину в Терской город дворовые наши людишка и задворные узденишка с 30 человек з женами и з детьми и з запасишком нашим. И как, государь, будут оне на Сунше-реке против Холопя городища гребенских городков с Чернова и з Белой и з Гремячей атаманы Андрей да Пимин да Олтух со всеми своими станицами, да терскова, государь, казачья ж атамана Курдюковы станицы казаки Байтерек да Евлаш с товарищи по наученью казачья ж атамана Федора Шевеля тех людишек наших побили, а иных з женами и з детьми в полон поимали. Да на том же, государь, погроме взяли 100 быков да 60 телег запасу. И мы, холопи твои, о том погроме били челом тебе, государю, а на Терке твоим государевым воеводам Михаилу Петровичю Волынскому с товарищи в съезжей избе подали челобитную, что он про то велел сыскать, а по сыску указ учинить. И твои государевы воеводы Михайла Петрович Волынской с товарищи сыску и указу нам в том не учинили, потому что с тех воровских атаманов и казаков побрали оне посулы большие, да мамку нашу з дочерью.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, про тот погром, что оне, воровские атаманы и казаки, погромили людишек наших, сыскать терскими и гребенскими атаманы и казаками, а по сыску свой государев указ учинить, как тебе, государю, бог известит.

Царь государь, смилуйся пожалуй.

На л. 504 об. помета: 153-го марта в 24 день. Государь пожаловал, велел про то сыскать и по сыску свой государев указ учинити своим государевым новым терским воеводам.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1644—45 гг. Д. № 5, лл. 504.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 183—184.

1645 г. не позднее мая 10. — Челобитная мурзы Канбулата Пशिмаховича Черкасского о защите его от Муцала Сунчалеевича Черкасского с братом

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа

Русии бьет челом холоп твой Канбулатко-князь Пшмахин сын Черкасской.

Жалоба, государь, мне / на / Сунчалеевых детей Черкасского на Муцала да на Алегуку.

В прошлых годах бивал челом тебе, великому государю, дядя мой князь Куденет Ибак[алеев], князь Пшмаха, что все наша братья черкаские и кумыцкие князи и мурзы, возненавидяли нас, холопей твоих, за то, что мы, холопи твои, слу/жим/ тебе, великому государю, прямою правдою и отводили оне нас, холопей твоих, от твоей царской милости всякими теснотами и угроживали разореньем и смертным убийством. И мы, холопи твои, никакие их страсти и смертного убийства не боялися и от твоей государьской милости всегда были неотступны, во всем /пря/мили и служили тебе, великому государю, и впредь я, холоп твой, служить рад прямою правдою до смерти живота своего, как служил дядя мой и отец. В прошлом, государь, во 149-м году теми их грозы хотенья их совершилось, дядю моего родного Мундар-мурзу Алкасова и брата моего родного Келмамет-мурзу Черкасского их заводом и промыслом убили до смерти. А ныне он, Муцал да Алегука, похваляютца на меня, холопа твоего, всяким умыслом смертным убийством и теснотами и иными лихими делы, хотя меня, холопа твоего, погубить такж, что и дядю моего Мундара и брата моего Келмамента.

Да в прошлом же, государь, во 151-м году посылал я, холоп твой, ис Кабарды ис кабачишков своих в Терской город к твоим, государевым, воеводам узденишек своих Идаручку да Фынчка для твоего государева дела. И как те мои узденишка будут на Кизларе-реке, а он, Алегука, с уздени своими стоял на Кизларе-реке, дожидался брата своего, Муцала, а ехал с Терка к себе в Кабарду, и тех, государь, моих узденишек он, Алегука, перемал и посажал в железа и держал их скованных трои сутки и посылал с Кизлар-реки на Терек к брату своему, к Муцалу, уздени своего, а велел ему про них сказать и допросить, что над ними велит учинить. И по его, государь, Муцалову приказу он, Алегука, не водя их на Терек к твоим государевым воеводам, и тех моих узденишек казнил смертною казнью.

Да в прошлом жа, государь, во 151-м году как приезжал я, холоп твой, в Терской город андреевского Казаналп-мурзы с аманаты и жил на Терке, и в те поры узденишка мой Шаганучка выходил гулять за Черкасскую слободу, а он, Алегука, за ту ж слободу выезжал с пищалью неведомо для чего и, увидев того моего узденишка, за ним гонял и по нем ис пищали стрелял и тот мой узденишка ушел от него на двор. И я, холоп твой, о всем о том их насильстве и озорничестве и во всяком их к себе утеснение бил челом тебе, государю, а в Терском городе в съезжей избе твоим государевым воеводам Михаилу Петровичю Волынскому с товарищи извещал словесно, а оне, Муцал и Алегука, приезжали тут жа в съезжую избу и перед твоими государевыми воеводы при стрелецких головах и при детях боярских и при всяких людех по-

хвалялись на меня, холопа твоего, и на узденишек моих и впредь смертным убийством и иными лихими делы и всякими бездельными умыслы и заводы, а твои государевы воеводы в том их во всем ко мне утеснение и похвальных словах твоего государева указу мне, холопу твоему, ничего не учинили.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, не дай, государь, мне от них в конешной гибели и в разоренье быть, вели, государь, про все про то сыскать своими государевы воеводы и стрелецкими головами и детьми боярскими и всею своею государевою отчиною Терским городом, а по сыску свой государев милостивой указ учинить, как тебе, великому государю, бог известит, чтоб мне, холопу твоему, будучи пот твоею царьскою высокою рукою, в своем одиночестве и безсеме́йстве от них не погину́ть и ото всех своей братии в вечном позоре и безчестье не быть и каба́чишков своих не отбыть. А я, холоп твой, кроме бога да тебя, великого государя, ни от кого помощи себе не ищу и иного государя себе не знаю, во всем надежу имею на тебя, государя.

Царь государь, смилуйся.

На л. 671 об. помета: 153-го мая в 10 день. Государь пожаловал, велел про то сыскать и написать в свой государев наказ терским новым воеводам.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1644 г. Д. № 5, л. 671.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 185–187.

Декабрь-январь 1644–1645 гг. (выдержка из крымской хроники)

Слава Аллаху наивысшему (хан Ислам-Гирей III) уже в начале своего правления соизволил дать всему народу радость против тех, которые угнетают народ и, отодвинув тех, которые по-тирански обходились с богатыми этого мира. Продукт этого такой – что когда перед тем сабли татарских воинов на долгое время перестали было сечь, это уже в начале войны (с неверными), благодаря его великолепному уму, которую равняет он (птице) Humd (?), сабли их набрали обороты. Результатом же успеха его монаршего множились и увеличивались с месяца на месяц и из года в год героические дела (татарских войск) и везде наблюдался триумф и победа.

Как раз подошла была зима и появилась возможность экспедиции монарха на земли черкесские. Первого декабря того года светлейший, наделенный качествами Александра (Великого) счастливый хан его высочество в счастье и достоинстве, в фортуне и успехе повел сам собственной особой свое победами помеченные штандарты хосоровские на черкесов и кухестан (восточная часть Черкесии – прим., см. 128 сн.).

Была острая (холодная) зима и жестокий мороз, и реки, протекающие поперек пути. Замерзшие, так на седьмой день от минуты его выступления из столицы высокого султаната

дела его пошли так успешно, что невозможно их выразить и описать между Керчью и Таманью находятся проливы Черного моря шириной в 12 миль. Иногда войска мусульманские, имея огромное количество кораблей бывали не в состоянии преодолеть и переправиться через них даже в течение 20 дней. Благодаря фортуна монарха – владельца наисчастливейшего, повелением Аллаха наивысшего та глубь морская замерзла и стала твердой как халцедон, поэтому перешли как если бы по огромному мосту из железа булатного, навешенным над морем. Словом, дорога одного месяца была пройдена в течение недели. Большие реки и безграничное море, которые представляют собой преграды в пути, были скованы льдом, потому вся соседняя страна стала как бы открытой пустыней.

Набрано потому всякого добра, детей и женщин черкесов, которые в большом количестве живут в заблуждении (не в исламской религии), маленьких детей, крепких и сильных мужей, бесчисленное количество девушек, подобных гуриям, а также без числа и конца молодежи, подобных пажам. Потом в течение 12 дней собрано и объединено среди добыч ханских ненужное количество девиц луннолицых, а также красивых лицом молодых для дарения их Порте султанов с поколения Османа. Я.... этот достиг потом райско красивого Бахчисарая.

Один из эмиров черкесских (пщы), известный муж по имени Хакчимук (сн. Хаджимук) из племени Жанэ. Война с ним велась до времен Багадыр Гирея и, несмотря на определенное смягчение напряжения при Махмед-Гирее IV (1641–1644) и тогда не совсем угасла. Как свидетельствует турецкий историк Наими Хаджимун (?) после вступления на престол Ислам-Гирея III поспешил к нему с уверением его о своей верности и даже пригласил его к себе, но пал, однако, жертвой интриг своего черкесского соперника, который в глазах Ислам Гирея III имел, может, то преимущество над Хакчумаком, [что в предыдущей фазе того спора внутричеркесского и черкесско-татарского не прибегал под опеку Порты и ненавистного татарам представителя его в Крыму кафинского паши].

[Хачумок] оказывал раньше сопротивление определенное Порте Чингизитов, однако, которые несколько раз пытались отомстить ему, не были в состоянии сделать это. Этот раз сгорел он в огне гнева Кахермана, а в жизни его наступил мрак и завершилось время его жизни. Другими эмирами черкесскими тогда овладел такой страх, что те пши черкесские, которые еще со времен покорения Тимур хана ни перед кем не склоняли головы, как все беи разных племен и народов, которые находились у подножия Эльбруса и до Баб-Эль-Хандида (известная плотина, мощная стена между Черным морем и морем Каспийским, известное под названием Демир Капу), жители всего Дагестана стали захваченными. Бия челом о сам центр счастья – высокий порог Хакана, предлагали они подданство и послушание. Все принесли также дары, на что они были способны, а также бесчисленное количество женщин и молодых невест.

Словом, вынеся одним приговор, других приласкав, провел хан ту зиму в стране черкесов. Весной (1645) же счастьем освещенный, отправился в обратный путь и с огромным количеством девушек как перл, а также молодых как луна и (...) в здраве и успехе соизволил осесть в Бахчисарае, столице своего прекрасного султаната.

Мехмед Сенай История Ислам-Гирея III. Варшава, 1971. (Перевод с польского Н. Р. Иванокова).

1645 г. ранее мая 30. — Отписка терского воеводы М. П. Во-лынского с товарищами в Посольский приказ о недостатке денег для покупки кн. Муцалом Сунчалеевичем Черкасским лошадей «под царское седло»

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои Михалко Воынской, Ефимко Самарин, Васька Атарской челом бьют.

В нынешнем, государь, в 153-м году октября в 22 день в твоей государеве грамоте ис Посольского приказу за приписью диака Григорья Львова писано к нам, холопом твоим, что указал ты, государь, Муцалу-мурзе Черкасскому на себя, государя, купить два аргамака или два жеребца аргамачьи самые добрые и чтоб были молоды, которые б под твое царское седлогодились, по здешней цене и прислать к тебе, ко государю, к Москве. А деньги на тое лошединую покупку указал ты, государь, дать из своих государевых терских доходов. И твоя государева грамота о том к нему послана. И по твоему государеву указу как Муцал-мурза лошади купит, и нам, холопом твоим, за те лошади деньги велено ему дать из твоих государевых терских доходов, и поговоря с ним, Муцалом, прислати те лошади к тебе, ко государю, к Москве с кем пригож, и в дороге, государь, к тем лошедем велено держать береженье великое и корм овес и сено до Москвы давать, как им мочно сытим быть. А как те лошади Муцал-мурза купит, и сколько за них денег дадим, и с кем те // лошади к тебе ко государю пошлем, и о том велено нам, холопом твоим, отписать к тебе, ко государю, к Москве в Посольской приказ.

И по твоему государеву указу мы, холопи твои, говорили Муцалу-мурзе Черкасскому, чтоб он купил на тебя, государя, два аргамака или два жеребца аргамачьи самые добрые. И Муцал-мурза Черкаской нам, холопом твоим, сказал, что он твоим государевым делом промышлять рад.

И только, государь, Муцал-мурза Черкаской добудет купить на тебя, государя, аргамаки или жеребцы аргамачьи, и нам, холопом твоим, на тое лошединую покупку ему, Муцалу-мурзе, денег дать нечево, в твоей государеве казне денег нет. И о денежной казне мы, холопи твои, писали к тебе, ко государю, в сей же станице в особой отписке, а в Астарахань, государь, к боярину и воеводам ко князю Борису Олександровичю Репнину с товарищи о деньгах на лошединую покупку писали ж. И из Астарахани государь, на лошединую покупку на Терек денег не прислано.

И о том вели, государь, нам, холопом своим, свой государев указ учинить.

На л. 84 об.:

Отметка о получении: 153-го мая в 30 день подал терской Микита Золотарев.

Помета: Государю чтена. Послать государева грамота велеть те деньги на лошединую покупку дать ис тех денег, что останутца у ружников и у рочников, а деньги на них посланы, а будет тех остаточных денег столько не будет, и достальные деньги велеть дать ис терских изо всяких доходов.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1645 г. Д. № 1, лл. 84—85.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 188—189.

1646 г. июня 7. — Отписка терского воеводы В. А. Оболенского с товарищами в Посольский приказ об участии кн. Муцала Сунчелеевича Черкасского и мурз Казыевой Кабарды в переводе кочевий части татар Малой Ногайской орды к Терскому городу

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси холопи твои Венедикто Оболенской, Одинко Беклемишев, Алешка Иевлев челом бьют.

В нынешнем, государь, в 154-м году декабря в 20 день писали к тебе, ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси, мы, холопи твои, к Москве с терским станичником с Семеном Ищеиным, что Малово Нагаю Ураковы половины Дувай-мурза Канмурзин да Кучюк-мурза Азаматов да Аллагуат-мурза Абдулов з братьею и з детьми и с племянники и с улусы своими кочуют под Кабардою с князь Касаевыми детьми с Салтаном и с Наврузом мурзами вместе. И по твоему государеву указу их, мурз, и улусных их людей голова стрелецкой Борис Малыгин с товарищи на куране привел к шерти. А тое же де, государь, Ураковы половины Алей мурзы Хорошаева з братьею и з детьми и с улусы их в Кабарде с теми нагайскими мурзами нет. А сказывали де ему, Борису, про того Алей-мурзе з братьею князь Касаевы дети Салтан // и Навруз-мурзы и Ураковы половины Дувай-мурза Канмурзин з братьею, что они от них откочевали к Азову.

И мы, холопи твои, писали в Кабарду к Алегуке-мурзе княж Сунчелееву сыну Черкасскому да к Алегуке и к Ходождук мурзам Казыевым, чтоб они тебе, государю, послужили от себя, послали к Алей-мурзе Хорошаеву з братьею и их призвали ис под Азова кочевать под Терской город к себе в Кабарду. И князю Муцалу Сунчелеевичю Черкасскому о том мы, холопи твои, говорили, чтоб он тебе, государю, послужил и тем твоим государевым делом порадел, к брату своему к Алегуке-мурзе Черкасскому и к Алегуке и к Ходождук мурзам Казыевым писал и приказывал накрепко неоплошно, чтоб однолично ево, Алей-мурзу з братьею, ис под Азова призвать под твою государеву высокую руку под Терской город. И с того, государь, числа мы, холопи твои, к ним,

мурзам, о том же потому ж посылали и писали с служилыми людьми и твоим государевым делом промышляли, сколько милосердый бог помочи подал.

Да генваря, государь, в 19 день приехал в Терской город ис Кабарды Алегуки-мурзы Шаганукова сын Темирбулат-мурза, а привез в аманаты на перемену // учинены заставы крепкие, стоят твои государевы русские ратные люди, и они б отнюдь от них не опасались, а шли со всеми своими улусы однолично под Терской город не опасаяся того.

И наговаривали, государь, их на то всякими мерами, и наговоря и приведчи к шерти отпустили их в Кабарду. И в Нагаи февраля в 29 день. А с Терка, государь, с ними поехал в Кабарду князь Муцал Сунчелеевич Черкасской и мы, холопи твои, с ним, со князем Муцалом, послали в Кабарду терского сына боярского Игнатъя Прохорова. И с ними Малово Нагаю Ураковы половины к Алей-мурзе Хорошаеву да х Кучук да к Юсуп мурзам Азаматовым з братьею и з детьми и с племянники писали, чтоб они помня душу свою и правду и шерть и вашу к себе государскую милость и жалованье были под твоею царского величества высокою рукою попрежнему в холопстве и из дальних мест с улусы своими шли кочевать под твою государеву отчину под Терской город в Кабарду на прежние свои кочевья и правду б тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси, дали за себя и за братью свою и за детей и за племянников за все свое владенье и за всех своих улусных людей ныне на Куране шертовали // брату своему Темир-Солтану-мурзе брата же своего родново Тенгизбея-мурзу Алегукина сына. И мы, холопи твои, аманата ево переменили и говорили им, Темир-Булату и Темир-Салтану-мурзам, чтоб они по своей правде и по шерти отца своего Алегуку-мурзу и дядю свою Ходождука и Мысоста мурзу наговаривали, чтоб они из дальних мест пришли с улусами своими ближе к Терскому городу, и Малой Нагай Салтана и Навруза мурз княж Касаевых з братьею и с улусами своими потому же призвали кочевать с собою ж вместе к Терскому городу, и Ураковы половины Алей-мурзу Хорошаева з братьею и з детьми ис под Азова и ис под Крыму из дальних мест призывали под твою государеву высокую руку в холопство попрежнему к себе ж в соединенье на прежние свои кочевья под Терской город. А от недругов им своих от калмыцких людей и от татар опасатца нечево, что они, калмыцкие люди, от Терского города кочуют в самых в дальних местах по Яику и по Енбе. И по твоему государеву указу от Астарахани на Волге на перелазах от тех калмыцких и от нагайских людей // перед князь Муцалом Сунчелеевичем Черкаским и перед сыном боярским перед ним, Игнатъем Прохоровым.

И князю Муцалу Сунчелеевичю Черкаскому мы, холопи твои, о том говорили ж накрепко, чтобы и он тем твоим государевым делом порадел и промышлял и призывал кабардинских и нагайских мурз с улусы их ближе к Терскому городу. И к Алегуке и к Ходождуке мурзам Казыевым мы о том писали ж, и сыну бояр-

скому Игнатью Прохорову потому ж мы, холопи твои, приказали радеть и промышлять неоплошно всякими мерами, сколько бог помочи подаст.

И марта, государь, в 10 день писал к нам, холопом твоим, з дороги князь Муцал Сунчелеевич Черкасской с узденем своим с Мурзакулом Ашегукиным, что де марта ж в 6 день встретили ево, князя Муцала, едут из Малово Нагаю из Ураковы половины от Алей-мурзы Хорошаева, да от Кучюк да от Юсуп мурз Азаматовых на Терек в послах 2 человека улусные их люди Тююш да Доин Чурач, и сказывали ему в роспросе, что де мурзы их откочевали было от Терского города, побраняся з братьею своею и убояся калмыцких людей, а ныне, вспомня // к себе твою государьскую милость и свою прежнюю шерть, из дальних мест с улусы своими пришли на прежние кочевья ближе к Терскому городу. И послали де их они, мурзы, в Терской город переговорити о твоём государеве деле и о аманате с нами, холопи твоими. И он де, князь Муцал, их поворотил с собою в Кабарду, что он о том с мурзами учнет говорить сам.

И мы, холопи твои, писали ко князю Муцалу Сунчелеевичу Черкасскому, чтоб он однолично тем твоим государевым делом радел и промышлял и, приведчи их к шерти, взять бы у них в аманаты с их Ураковы половины от начальных их людей, у Алей-мурзы Хорошаева или от иных мурз у кого пригоже, смотря по тамошнему делу, кому б было в том мочно верить. И к ним, к мурзам, о том мы, холопи твои, писали же, чтоб они правду свою перед тобою, великим государем, совершенно учинили, дали аманата прямо начальным людям. И сыну боярскому Игнатью их на то наговаривать велели. //

И апреля, государь, в 25 день князь Муцал Сунчелеевич Черкасской и терской сын боярской Игнатей Прохоров приехали в Терской город и сказывал нам, холопом твоим. — Князь Муцал Сунчелеевич Черкасской, что он Темир-Булата и Темир-Салтана мурз Алегукиных детей проводил под Кабарду до Пяти Гор и ис под Пяти Гор их отпустил в Кабарду, и листы, что мы, холопи твои, писали в Кабарду и в Малой Нагай Ураковы половины к Алей-мурзе Хорошаеву з братьею послал с уздени своими с-Ышмаметком с товарищи, и словесно по твоему государеву указу им, мурзам, говорити приказал, чтоб они, мурзы, против наших, холопей твоих, листов твой государев указ исполнили и приехали на съезд к нему, ко князю Муцалу. И те де уздени Ишмаметко с товарищи под Пети Горы к нему, ко князю Муцалу, ис Кабарды и из Малово Нагаю от мурз с вестью не бывали. И он де, не дождавсь тех своих узденей, Ишмаметка с товарищи, ис под Пети Гор поехал в Терской город.

А сын боярской Игнатей Прохоров // в роспросе нам, холопом твоим, сказал те ж речи, что и князь Муцал Сунчелеевич Черкасской говорил нам, холопом твоим, в съезжей избе.

И июня, государь по 7-е число те князя Муцала Сунчелеевича Черкасского уздени Ишмаметко с товарищи ис Кабарды и из Ма-

лого Нагаю на Терек не бывали ж. А как, государь, они приедут, и что нам, холопом твоим, в роспросе скажут, и мурзы Малово Нагаю против наших, холопей твоих, листов отпишут, и о том мы, холопи твои, к тебе, ко государю, отпишем тотчас.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1646 г. Д. № 1, лл. 233–240.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 190–195.

1646 г. ранее июня 13. — Отписка терского воеводы В. А. Оболенского с товарищами в Посольский приказ о покупке кн. Муцалом Сунчалеевичем Черкасским лошадей для царской конюшни

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси холопи твои Венедикто Оболенской, Одинко Беклемишев, Алешка Иевлев челом бьют.

В нынешнем, государь, во 154-м году октября в 18 день блаженные памяти отца твоего государева в государеве царе и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте ис приказу Казанского дворца за приписью диака Пятово Спиридонова писано к нам, холопом твоим, на Терек, что в прошлом во 152-м году по вашему государеву указу велено на Терке князю Муцалу Сунчалеевичю Черкасскому купить на тебя, государя, 2 аргамача или 2 жеребца аргамачьи самые добрые, а деньги, государь, на тое лошединую покупку велено дати из терских доходов. И в прошлом, государь, во 153-м году писали к вам, государем, с Терка воеводы Михайло Волынской с товарищи, что на Терке денег в твоей государеве казне нет и по вашему государеву указу писано от вас, государей, в Астарахань к боярину и воеводам ко князю Борису Александровичю Репнину с товарищи, а велено им на тое лошединую // покупку послати из Астарахани на Терек денег 200 рублей. И как, государь, они из Астарахани те деньги пришлют к нам, холопом твоим, те деньги велено держать в твоей государеве казне на расход лошединой покупки, а которого, государь, числа и с кем именем те деньги из Астарахани присланы будут, и нам, холопом твоим, о том велено отписать к тебе, ко государю, в приказ Казанского дворца.

И в прошлом, государь, во 153-м году апреля в 7 день в вашей государеве грамоте из Посольского приказу писано ж на Терек к прежним воеводам, к Михайлу Волын//скому с товарищи, а велено купить на вас, государей, ему ж, князю Муцалу, жеребцов аргамачьих и иноходцов добрых молодых и рослых, которые бы под ваше государское седло пригодились сколько мочно, а денег, государь, на тое лошединую покупку велено прислати из Астарахани 500 рублей. И из тех денег велено давати князю Муцалу Черкасскому на лошединую покупку и те покупные лошади писати на роспись в шерсть и в лета и в приметы имянно и те лошади и роспись прислать к вам, государем, к Москве в Казанской дворец. И по той вашей государеве грамоте в прошлом же во 153-м году боярин и воеводы князь Борис Александрович Репнин с товарищи прислали из Астарахани на Терек на тое лошеди-

ную покупку 500 рублей денег и те деньги 500 рублей воеводы Михайло Волынской с товарищи отдали на лошединую покупку князю Муцалу Черкасскому и по твоему государеву указу говорили мы, холопи твои, князю Муцалу Сунчелеевичю Черкасскому, чтоб он твоим государевым делом радел и лошедьми промышлял без мотчанья. И князь Муцал Черкасской нам, холопом твоим, // сказал, что в прошлом во 153-м году при прежних воеводах посылал он, князь Муцал, в Кизылбаши для лошединые покупки узденя своего, Черкеса Алеева, и уздень де ево, Черкес, был в Кизылбашех и в кизылбашских де городех в Дербени и в Шамахе и в Тевризе и в-ыных городех и в кумыцкой земле и в Кайдаках и в Буйняках и в Тарках и в Ондреевой деревне таких лошедей, жеребцов аргамачьих и иноходцов добрых, которые б под твое государево седло пригодились купити на тебя, государя, не сыскал. А ныне он же, князь Муцал Черкасской, посылает де на тебя, государя, купити жеребцов аргамачьих и иноходцов добрых в Кизылбашскую ж землю дятку своего Бикшу Алеева с товарищи, а в Кабарду в Черкасы и в Кумыцкие земли для тое же лошединые покупки на тебя, государя, купити послал он, князь Муцал, узденей своих добрых. А как, государь, он, князь Муцал, лошеди на тебя, государя, купит и что за те лошеди по цене даст денег и каковы лошеди в шерсть и в лета и в приметы будут, и мы, холопи твои, де лошеди и роспись тотчас пошлем к тебе, ко государю, к Москве закрепя я, холоп твой, Олешка своею рукою.

На л. 112 об. отметка о подаче: 154-го июня в 13 день с терченином с Семеном Ищеиным.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1646 г. Д. № 1, лл. 112—115.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 196—198.

1646 г. ранее сентября 29. — Челобитная кн. Муцала Сунчелеевича Черкасского с жалобой на уклонение мурзы Тотархана Арасланова от службы и др.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси бьет челом и являет холоп твой Муцалко Черкасской на Таттархана-мурзу Арасланова.

В прошлом, государь, во 154-м году по твоему государеву указу прислана в твою государеву отчину в Терской город к твоим государевым воеводам ко князю Венедикту Ондреевичю Оболенскому да ко Одинцу Михайловичю Беклемишеву да к дьяку к Олексею Иевлеву твои государевы жалованные грамоты ко мне, холопу твоему, и к иным к моей братье к горским и х кумыцким и х кабардинским х князем и мурзам. А как по твоему государеву указу твои государевы грамоты присланы на Терек, и я, холоп твой, в то время был на твоей государеве службе в Кабарде, а он, Тотархан-мурза Арасланов в то время был в твоей государеве отчине в Терском городе. И к нему, государь, х Тотархану-мурзе Арасланову твоя, государева, грамота на Терек прислана ж и твои государевы воеводы князь Венедикт Ондреевич Оболенской с

товарищи по твоему государеву указу ему, Тотархану-мурзе Арасланову, преж меня, // холопа твоего, твою государеву грамоту, которая к нему прислана, подали для того, чтоб твоему государеву делу мешканья не было и был бы он, Тотархан мурза, с своими уздени на твою государеву службу готов. И он, государь, Тотархан-мурза Арасланов, взяв твою государеву грамоту у твоих государевых воевод у князь Венедикта Андреевича Оболенского с товарищи и держал у себя на Терке 3 недели. А как я, холоп твой, по твоему государеву указу приехал с твоей государевы службы ис Кабарды в твою государеву отчину в Терской город, и которая, государь, твоя государева грамота прислана на Терек ко мне, холопу твоему, и твои государевы воеводы князь Венедикт Андреевич Оболенской с товарищи ту твою государеву грамоту мне, холопу твоему, в твоей государеве съезжей избе подали, и я, холоп твой, приняв твою государеву грамоту по твоему государеву указу учал строитца на твою государеву службу. А он, государь, Тотархан мурза Арасланов, видя такую твою государеву дальнюю службу и не хотя тебе, государю, служить поехал // из твоей государевы отчины из Терского города в Кумыки в Ондрееву деревню и в Тарки, а твою государеву грамоту, которая к нему, Тотархану-мурзе прислана, взял с собою. И как приехал в Ондрееву деревню и в Тарки, и которые, государь, ему Тотархан-мурзе в Ондрееве деревне и в Тарках кумыцкие мурзы сручны, и он, государь, ту твою государеву грамоту им, мурзам, прочитал и их, мурз, словесно наговаривал, чтоб они, мурзы, на твою государеву службу не шли, и они, государь, ондреевские и тарковские мурзы по ево, Тотарханову, наговору на твою государеву службу не пошли. И жил, государь, он, Тотархан мурза, за тем делом в Ондрееве деревне и в Тарках долгое время и твоему государеву делу шкоту многую починил. А как, государь, он, Тотархан-мурза, приехал из Ондреевы деревни и ис Тарков в твою государеву отчину в Терской город, а я, холоп твой, на твою государеву службу в те поры совсем сстроился и за ним я, холоп твой, стоял в твоей государеве отчине в Терском городе 3 дни. А как выехал я, холоп твой, на твою государеву службу // ис Терского города с твоими государевыми ратными людьми и с своими уздени, и я, холоп твой, отъехал от города с 60 верст и на дороге дожидался ево, Татархана-мурзу, 5 дней, и он, государь, ко мне не бывал и своим заводным делом держал меня, холопа твоего, в твоей государеве отчине на Терке и на степи ненавидя и рнясь тому, что видя мою к тебе, ко государю, службишка. А как я, холоп твой, по твоему государеву указу пошел на твою государеву службу и он, Татархан-мурза, после меня, холопа твоего, выехал от города верст с 60 и послал от себя людей своих Большо-во Нагаю к мурзам к Ямгурчею мурзе Янмамметеву з братьею и приказал он, Татархан мурза с людьми своими, чтоб Ямгурчей-мурза з братьею прислали к нему людей своих и отогнали у него, Татархана, ево конской табун нарочно. И он, государь, Ялгурчей-мурза з братьею по ево, Тотарханову, приказу и заводному делу

людей своих прислали и лошади у него, Татархана, отогнали. И после, государь, того он, Татархан-мурза, поворотил назад в Терской город // и являл твоим государевым воеводам князю Венедикту Ондреевичю Оболенскому с товарищи на меня, холопа твоего да на Чебана мурзу Ищерекова, бутто Чебан-мурза Ищереков тебе, государю, изменник и у нево, Татархана-мурзы, отогнал лошади и на твою государеву службу он, Чебан-мурза Ищереков, ево, Тотархана-мурзу, не пустил. И опосле, государь, тех ево Тотархановых явок ночью тайком Ялгурчей мурзы Ялмаметева улусные люди те ево, Тотархановы, отгонные лошади к нему привели по ево, Тотарханову, приказу.

Да как, государь, пошел на твою государеву службу Большого Нагаю Ялгурчей-мурза Ялмаметев и он, государь, Тотархан мурза Арасланов, науча ево, Ялмурчег-мурзу, на меня, холопа твоего, чтоб он, Ялмурчег мурза, посоветов с Солтанашем мурзою и иными мурзами меня, холопа твоего, на твоей государеве...

Большово ж Нагаю к Ялмаметю-мурзе Тинмамметеву да к сыну ево к Ялгурчею-мурзе Ялмамметеву, чтоб они Большого Нагаю мурзы собрався с своими улусными людьми пришли под твою государеву отчину по Терской город без меня, холопа твоего, на мои улусные людишка грабежом, и он, государь, Ялмаметь-мурза да сын ево Ялгурчей-мурза по ево, Татарханову, заводу под твою государеву отчину под Терской город собрався с своими улусными людьми приходили и на мои улусные людишка били и многих моих улусных людишек побили и переранили и в полон жон их и детей поимали и животинные стада и конские табуны многие отогнали. И ныне, государь, тех моих улусных людишек, жон их и детей и животинные стада и конские табуны они Большого Нагаю мурзы держат у себя.

А как, государь, по ево, Тотарханову заводу приходил Большого Нагаю Ялмаметь-мурза Тинмамметев с сыном своим с Ялгурчег-мурзою под твою государеву отчину под Терской город и на мое улусные людишка, // и в те, государь, поры, которые улусные мои людишка не успели уйтти к твоей государеве отчине к Терскому городу и пошли вверх по Терку реке х казачьим городкам, и он, государь, Тотархан-мурза, послал от себя людей своих к ондреевскому х Казаналпу-мурзе Солтамамутову, чтоб он, Казаналп-мурза с воими людьми выехал вверх по Терку реке и тех моих розгонных улусных людишек побил и поимал. И он, государь, Казаналп мурза Солтамамутов по ево, Тотарханову, заводу на тех моих улусных розгонных людишек с своими людьми ходил и тех моих людишек побил же и жон их и детей в полон поимал и животинные стада и конские табуны многие поимал жа. И ныне он, Казаналп мурза, тех моих улусных людишек и животинные стада и конские табуны держит у себя ж, а мне, холопу твоему, не отдает.

А как, государь, приходили по ево Тотарханову заводу Большого Нагаю Ялмаметь-мурза Тилмамметев с сыном своим с Ялгурчег-мурзою на мои улусные людишка, а в те, государь, поры

кочевал под твоею государевою отчиною под Терским // городом Большого Нагаю Бимурза Ищереков да Чебан-мурза Ищереков неподалеку моих улусных людишек, и он, государь, Ялмаметь-мурза Тилмаметев, с сыном своим с Ялгурчеем-мурзою бил на Бий-мурзу да на Чебан-мурзу Ищерековых и на моих улусных людишек. И в то, государь, время он, Татархан мурза Арасланов к ним, к Ялмаметю мурзе да к Ялгурчею мурзе, с своими уздени из твоей государевы отчины ис Терского города на помощь выезжал. И от того, государь, твои государевы воеводы князь Венедикт Ондреевич Оболенской с товарищи ево, Татархана-мурзу, унимали, чтоб он с уздени своими к Ялмаметю-мурзе не ездил и с Чебан-мурзою не дрались. И он, государь, Татархан-мурза, тоих государевых воевод не послушал, на бой к ним Большого Нагаю к Ялмаметю-мурзе Тилмаметеву да к сыну ево к Ялгурчей-мурзе ис твоей государевы отчины из Терского города с уздени своими на помощь выезжал и с ними стоял заодно и з Бий и с Чебан-мурзами бился и моих улусных людишек многих побил и переранил и жон их и детей к себе поимал и животинные // стада и конские табуны многие отогнал и ныне, государь, держит у себя.

Да он жа, государь, Татархан-мурза Арасланов как являл на Чебан-мурзу Ищерекова в твоей государеве съезжей избе и называл ево, Чебана-мурзу, изменником, и назвав, государь, ево изменником опосле он, Татархан-мурза, с ним с Чебаном-мурзою, неведомо почему промеж собою по нашей бусурманской вере шерть дали и мне, холопу твоему.

И людишкам моим от такова их разоренья и смертного убойства и от заводного Татарханова замыслу стало жить невозможно. А как, государь, мне, холопу твоему, впредь будет куды твоя государева служба, и мне, холопу твоему, от ево, Татарханова, заводнова замыслу и насильства и смертного убойства с ево советники на твое государевы службы выезду не будет, потому что и впредь на меня, холопа твоего и на людишек моих он, Татархан-мурза Арасланов, с своими советники хвалятца такими своими злыми // замыслами, хотят меня, холопа твоего, погубить до смерти и достальных людишек моих до конца разорить.

Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мое челобитье и явку записать и вели, государь, подклея под отпискою послать к себе, к государю, к Москве, чтоб мне, холопу твоему, от ево, Татарханова, заводного дела и от ево советников похвальных слов и смертного убойства впредь в конец не погинути и твоей царской службы не отбыть*.

Царь государь, смилуйся.

На л. 20 об. отметка о подаче: 155-го сентября в 29-й день подал князь Муцал Сунчалеевич Черкасской.

* Татархан Арасланов в свою очередь 12 октября 1646 г. подал челобитную с жалобой на грубое обращение со стороны кн. Муцала, называвшего его в съезжей избе изменником (Сношения России с ногайскими татарами. 1647 г. Д. №1, л. 31; Кабардинские дела. 1646 г. Д. № 1, лл. 46–48).

В результате расследования в 1647 г. мурзы Нарчов, Канбулей и Тотархан были признаны виновными и по распоряжению Посольского приказа получаемое ими жалованье было убавлено на одну четверть. Однако указ не был полностью введен в действие, так как еще до получения грамоты в Терском городе Нарчов умер, Тотархан же, поехавший к Москве для оправдания, так же умер в пути / Сношения России с ногайскими татарами. 1647 г. Д. № 1, лл. 319–326, 343–345/.

РГАДА. Посольский приказ. Ногайские дела. 1647 г. Д. № 1, лл. 20–29.

Датируется на основании отписки терских воевод, к которой приложена (там же, л. 19).

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 199–205.

Между 1646 г. октября 1 и 1647 г. февраля 17. — Отписка терского воеводы В. А. Оболенского с товарищами в Посольский приказ о возвращении мурзы Канбулата Пшимаховича Черкасского с товарищами в Терский город

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси холопи твои Венедикто Оболенской, Одинок Беклемишев, Алешка Иевлев челом бьют.

В прошлом, государь, во 154-м году июня в 9 день писали к тебе, ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси, мы, холопи твои, что по твоему государеву указу пошли на твою государеву службу Татархан да Тонжахан мурзы Араслановы с уздени своими, да с ними ж пошли на твою государеву службу Канбулата мурзы Черкасского и Бислян мурзы Битемрюкова уздени и тотаровя. А хто с ними на твою государеву службу пошли жаловальных узденей их и нежаловальных людей и кочевных тотар и им имянные списки послали к тебе, ко государю, к Москве мы, холопи твои, под отпискою.

И после, государь, того июня ж в 20 день Канбулат мурза Черкасской, да Татархан да Тонжахан-мурзы Араслановы приехали в Терской город и, пришед в съезжую избу, нам, холопом твоим, сказали, что де Канбулат мурза Черкасской // ехал ис Кабарды в Терской город, а Татархан де и Тонжехан мурзы с ним, Канбулатом, встретились за Кизларом и пошли была на твою государеву службу, и из-за Кизлару де поворотились с ним, Канбулатом, в Терской город а на твою государеву службу не пошли. А зачем де, государь, оне не пошли, и о том подали нам, холопом твоим, 2 челобитные за абызовою рукою.

И те их челобитные мы, холопи твои, послали к тебе, ко государю, к Москве под сею отпискою в Посольский приказ.

Отметка о подаче: 155-го февраля в 17 день с терским сотником стрелецким с Семеном Волковым.

Помета: Государев указ о том наперед сево послан.

РГАДА. Посольский приказ. Ногайские дела. 1647 г. Д. № 1, лл. 13–14.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 206–207.

1647 г. января 23. — Память из Разрядного приказа в Посольский приказ об уменьшении жалованья ногайским татарам за неучастие в действиях полка Пожарского против крымских войск

Лета 155-го генваря в 23-й день. По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу память дьяком думному Назарью Чистого да Алмазу Иванову.

В прошлом во 154-м году по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу послан был на государеву службу на Дон стольник и воевода князь Семен Пожарской для поиска на крымские и на нагайские улусы, а с ним велено быть в походе астраханским и терским головам и дворяном и детем боярским и князем и мурзам и татаром и всяким служилым руским людем и иноземцом.

И во 154-м году августа в 1 день писал ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси з Дону стольник и воевода князь Семен Пожарской. — Июля де в 6 день на утренней зоре приходил крымской царевич Низт-Гирей-Нурадын с крымскими и с темрюцкими // и с казыевскими татары и азовской Мустофа-бей со всеми азовскими людьми под Черкасской казачей городок по нагайской стороне на князь Муцала Черкасского и на Бимурзу Иштерекова. И князь Муцал Чераской с своими уздени и с черкасы и он, князь Семен, з государевыми рускими людьми и с татары и донские атаманы и казаки с теми царевичи и с их воинскими людьми бились, и божиею милостию и пречистые богородицы помощию и государевым царевым и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси счастьем татар многих побили и языков поимали. А астраханской Бимурза Иштереков своими // улусными людьми на том бою не был, побежал к Астрахани.

Да июля ж де в 8-й день, сведав нагайские и юртовские мурзы и табунные головы и едисанские табунные ж головы и их улусные люди, что будет крымской царь к Дону вскоре з государевы службы побежали все в Астрахань, а иные мурзы на государеву службу к стольнику и воеводе ко князю Семену Пожарскому с улусными своими людьми не бывали, а иные, приехав на государеву службу, в полку стольника и воеводы у князя Семена Пожарского с улусными своими людьми не были.

И государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси указал тем астраханьским, нагайским и едисанским и юртовским мурзам и табунным головам за ту их вину учинить выговор з большим вычетом. Да у тех же у астраханьских, у нагайских и у едисаньских и юртовских мурз и у табунных голов за ту их вину указал государь убавить своего государева годового жалованья и поденного корму четверть // их окладов. А указал государь о том свой государев указ послать в Астрахань к боярину и воеводам ко князю Федору Семеновичю Куракину с товарищи ис Посольского приказу. А хто имяны астраханские и нагайские и едисанские мурзы и табунные головы с улусными своими людьми государевы службы з Дону ис полку от стольника и воеводы от князя Семена Пожарского побежали и которые мурзы на госуда-

реву службу не бывали, а иные и пришед на государеву службу на Дон в полку у князь Семена Пожарского не были, и что кому тем мурзам государева годового жалованья денежные оклады, и по скольку тем мурзам давано государева денежного жалованья поденного корму, и тому послана к вам в Посольский приказ роспись под сею памятью за дьячьёю приписью.

И по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу дьяком думному Назарью Чистого да Олмазу Иванову о тех астраханских, о нагайских и о едисанских и о юртовских мурзах и о табунных головах велети учинити по государеву указу.

РГАДА. Посольский приказ. Ногайские дела. 1646 г. Д. № 4, лл. 180—183.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 208—210.

1647 г. между февраля 8 и марта 27. — Отписка терского воеводы В. А. Оболенского с товарищами в Посольский приказ о сообщении кабардинских мурз относительно предполагающегося прихода крымских и турецких войск под Азов

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси холопи твои Венедиктко Оболенской, Одинок Беклемишев, Алешка Иевлев челом бьют.

В нынешнем, государь, во 155-м году февраля в 2 день прислали к нам, холопом твоим, на Терек кабардинские Алегука да Ходождука мурзы Казыевы узденей своих четырех человек Гукетя с товарищи и приказали к нам, холопом твоим, с ними, что де, государь, крымские и азовские ратные люди в зборе, а однолично де они будут под Терской город вскоре, а турского де, государь, царя чают приходу самоу в Азов свкоре ж, а из Азова де, государь, куды ему поход будет, и того не ведомо.

Да с ними ж, государь, приехали ис Кабарды князя Муцала Сунчелеевича Черкаского уздень Оджука и в роспросе, государь, нам, холопом твоим, сказал те ж речи, что и Алегукины и Ходождукины уздени.

И мы, холопи твои, те вести о прибылых астраханских ратных людех писали в Астарахань к боярину и воеводам ко князю Федору Семеновичю Куракину с товарищи февраля ж в 8 день.

Отметка о подаче: 155-го марта в 27 день с астраханским стрельцом с Сенькою Микифоровым.

Помета: Марта в 29 день. Государь указал и бояря приговорили послать к Алегуке государеву грамоту, а в грамоте написать. — То дело не збытное и статчи тому нельзя, а хотя будет и так, и царское величество учнет своих украинских городов и людей оберегать как сильный бог помочи подаст. А они б, Алегука, государю, б служил сам, против недругов государевых ходил и людей своих посылал, а государь ево пожалует за ево службу и за кровь своим государевым жалованьем.

РГАДА. Посольский приказ. Сношения России с Ногайскими татарами. 1647 г. Д. № 1, л. 232.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 211—212.

1647 г. марта 31. — Грамота

Копия с отпуску

Божиею милостию от великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси самодержца и многих государств государя и обладателя кабардинским Алегуке да Ходождук мурзам Казыевым.

В нынешнем во 155-м году марта в 27 день писали к нам великому государю, к нашему царскому величеству, с Терка наши царского величества воеводы князь Венедикт Оболенской с товарищи, что февраля в 2-й день прислали вы к ним на Терек узденей своих четырех человек Гунетла с товарищи и приказали вы с ними, что крымские и азовские ратные люди в зборе будут под Терской город вскоре. И мы, великий государь, вас, Алегуку и Хотождуку мурз, за вашу службу, что вы нам, великому государю, служите и с вестями присылаете, милостиво похваляем. А то дело незбытное и сстатца тому нельзя. А хотя будет и так, и мы, великий государь, наше царское величество учнем своих городов и людей оберегать как всемилостивый бог помочи подаст. А вы б, Алегука и Хотождука мурзы, по своей к отцу нашему, блаженные памяти великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси и к нам, великому государю, правде и шерти нам, великому государю, нашему царскому величеству, служили сами, на недругов наших.

РГАДА. Посольский приказ. Ногайские дела. 1647 г. Д. № 1, л. 233.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 213—214.

1647 г. ранее апреля 28. — Челобитная узденей Муцала Сунчалеевича Черкасского Тагапсо Казыева с товарищами

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси быют челом холопи твои князь Муцала Сунчалеевича Черкасского Тагапсоцко Казыев сам пят с товарищи.

Присланы мы, холопи твои, с языки ис под Азова, как побии царевичем. И тем, государь, путем мы съехать не успели. И ныне мы, холопи твои, били челом тебе, государю, об отпуске, и по твоему государеву указу нас, холопей твоих, отпустить велено и корму твоего государева жалованья нам не указано.

Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, нас пожаловать своим государевым подорожным кормом до Терек, как прежде сего бывало твое государево жалованье нашей братьи.

Царь государь, смилуйся.

На л. 238 об. помета: 175-го апреля в 28 день.

Выписать.

РГАДА. Посольский приказ. Ногайские дела. 1647 г. Д. № 1, л. 238.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 215.

1647 г. марта 29

Марта ж в 29 день государь указал и бояре приговорили послать к Алегуке государеву грамоту, а в грамоте написать — то

дело неизбытное и статца тому нельзя, а хоть будет и так и царское величество учинит своих государевых городов и людей оберегать как всесильный бог помочи подаст. А он бы, Алегука, государю служил, сам на недругов государевых ходил и людей своих посылал, а государь ево пожалует за ево службу и за раденье своим государевым жалованьем.

РГАДА. Посольский приказ. Ногайские дела. 1647 г. Д. № 1, л. 233.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 216.

1648 г. ранее июня 15. — Отписка терских воевод в Посольский приказ

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси холопи твои Венедикто Оболенской, Одинко Беклемишев, Алешка Иевлев челом бьют.

В нынешем, государь, во 156-м году генваря в 24 день писали к нам, холопом твоим, из Астарахани боярин и воеводы князь Федор Семенович Куракин с товарищи, что в нынешнем же де во 156-м году декабря в 24 день прислали к нам в Астарахань с Крымские стороны из Мочаков астараханские сотники стрелецкие Тимофей Стрюков да Степан Глатков, которые с твоими государевыми ратными людьми стоят в нагайских улусех на Крымской стороне в Мочаках для обереганья нагайских улусов и конских их табунов от приходу всяких воинских людей с стрельцами с Ерофейком Михайловым с товарищи взятых языков казыевских татар 6 человек да нагайские Элмурза Кейкуват Ялмаметев да Урус мурза Чюбермаметев да Мурзабек мурза Юнусов с улусными своими людьми привели казыевских же пяти человек татар, а взяли тех // казыевских татар на бою в языцах под Астараханью в ближних местех на урочище Ажигоже под нагайскими конскими табунами. А в роспросе де, государь, им те взятные языки казыевские татаровя сказались Навруз мурзина улусу князь Касаева сына Исламова Аского родства Байгужайка Шабан Бабаев да Телгирбайко Тлевкабылов да Малгытцкого родства Кокбирюйка Койбаев да юзского родства Кожегелдейко Элимбетев да Кобен мурзина улусу Каспулатова Арчайского родства Дюсембейко Салдыков да Асного родства Калмаметко Борлаков да Айтемир мурзина улусу Аблина сына князь Касаева внука Кипчатцкого родства Доюлгулко Келжеев да Чалмурзина улусу Абдулова Каракипчатцкого родства Баубечко Аллабердеев да Аллагуват мурзина улусу Абдулова Наймаского родства Аллабердейко Калмаметев да Шатемир мурзина улусу Абдулова Найманского родства Шидячейко Ярышев да Аллагуват мурзина улусу Азаматова Богаданского родства Арсланко Эримбетев, а мурзы де их казыевские с улусы своими // кочуют ныне за Терским городом под Кабардою на урочище Урак Сате, от Терского города в четырех днищах, и холопи де они твои, государевы, и аманаты де мурзы их дают от себя в Терской город. А ныне де сидят в омонатех от их казыевских мурз в Терском городе Арсланбек мурзин сын Яузан

мурза. И нынешние де осени вышли казыевские Навруз мурза князь Касаев с товарищи с улусными своими людьми, да ис Кабарды Темирбулат мурза Алегук мурзин сын Черкасского с кабардинскими черкасы всех с 3000 человек и учали стоять на заставе на реке Куме блиско Пяти Гор на урочище Чапчаклы позади Терского города, для того что опасаютца де они под Кабарду и под свои казыевские улусы приходу войною калмыцких людей, и тому де декабря по 24-е число 15 ден. послали казыевские мурзы, Навруз мурза князь Касаев с товарищи от себя з заставы казыевских же молодых мурз дву человек, Навруз мурза князь Касаев сына своего Игитемир мурзу да Чалмурзу Абдулова, да с ними ж улусных людей 104 человека к реке к Волге // для языков и для проводыванья вестей, что калмыцкие люди с твоими государевыми астраханскими людьми в миру ль и в которых местех калмыки ныне кочуют, для того что де казыевские их мурзы с улусными своими людьми и кабардинцы приходу на себя калмыцких людей гораздо опасаютца. И нам бы, холопом твоим, по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу послать от себя с Терка к Наврузу мурзе в улусы и велеть в Навруз мурзиных улусех князь Касаева сына Исламова проводить, подлинно ли Навруз мурза сына своего и тотар к реке Волге и в нагайские в улусы для проводывания вестей для языков посылал. И только будет он, Навруз мурза, тебе, великому государю, послушен, и ему пристойно было о вестях про калмыцких людей писати к ним, к боярину и воеводам ко князю Федору Семеновичу Куракину с товарищи в Астрахань, и по твоему б государеву указу они про калмыцкие вести, что у них ведомо было к нему отписали и ково мы, холопи твои, с Терка к Наврузу мурзе от себя в улусы пошлем и что к нам Навруз // мурза от себя отпишет или словесно про посылку сына своего прикажет и про всякие вести, что у нас, холопей твоих, на Терке ведомо будет, и нам бы, холопом твоим, по твоему государеву указу о том о всем велеть к ним в Астрахань отписать. И генваря ж, государь, в 29 день писали к нам, холопом твоим, из Молова Нагаю Навруз мурза князь Касаев да Арасланбек мурза Каспулатов з братьею, что они, мурзы, з братьею и з детьми и с племянники и со всем своим владеньем у тебя, великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси под твоею царскою высокою рукою учинились в холопстве и против своей шерти стоят в правде и что писали мы, холопи твои, к ним наперед того с Терка, чтоб им от калмыцких людей быти опасным. И они де убоясь калмыцких людей приходы посылали он, Навруз мурза, сына своего Игитемир мурзу, да Абдул мурзина сына Чалмурзу, а с ними людей своих 100 человек для проводыванья калмыцких людей, и которые кочуют под Астраханью Елмаметь мурзины люди и у них конские стада отогнали Чебана мурзы Ищерекова люди и которые тотаровя ис под Астрахани за теми своими отгонными пошедьми ездили в погоню, и их люди попались им навстречу и их людей розогнали и Игитемир мурзу и Чал мурзу ра-

нили, и на розгоне их многих людей те татаровя переимали. И будет тех их людей, что есть живых и нам бы холопом твоим об них в Астарахань отписать, а те де их люди ездили не для воровства, проводывать калмыцких людей. И мы, холопи твои, в Астарахань к боярину и воеводам ко князю Федору Семеновичю Куракину с товарищи о тех казыевских татарех, что у них поиманы, писали, чтоб они по твоему государеву указу тех казыевских взятых татар прислали из Астарахани в Терской город. А как они их на Терек пришлют, и мы, холопи твои, тех татар с Терка отошлем // в Малой Нагай к Навруз мурзе князь Касаеву з братьею. И из Астарахани, государь, боярин и воеводы князь Федор Семенович Куракин с товарищи к нам, холопом твоим, писали, что в Астарахани тех казыевских взятых татар видят в тюрьме 9 человек, а 2 человека умерли, и о тех де, государь, взятых казыевских татарех писали они к тебе, ко государю, о указе. И в нынешнем же, государь, во 156-м году мая в 1 день писали к нам, холопом твоим, кабардинские Алегука да Ходождука мурзы Казыевы да князь Касаевы половины Навруз мурза князь Касаев сын з братьею о тех же взятых казыевских татарех, которые поиманы в Астарахани, чтоб нам, холопом твоим, однолично об них в Астарахань отписать и из Астарахани их взяв прислать к ним в улусы, а которых де твоих государевых русских людей где их люди не емлют, и они де их сыскивая отсылают назад. И мы, холопи твои, о тех их татарех в Астарахань к боярину и воеводам ко князю Федору Семеновичю Куракину с товарищи писали ж, чтоб они по твоему государеву указу тех татар казыевских, которые у них в Астарахани поиманы прислали к нам, холопом твоим, в Терской город. И из Астарахани, государь, боярин и воеводы князь Федор Семенович Куракин с товарищи тех казыевских татар мая по 5-е число на Терек не присылавали. И о том нам, холопом своим, вели свой государев указ учинить.

На л. 224 об. отметка о подаче: 156-го июля в 15 день с терским сотником стрелецким с Томилом Ищеиным.

РГАДА. Посольский приказ. Сношения России с ногайскими татарами. 1648 г. Д. № 1, лл. 224—231.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 217—221.

1648 г. июня 25. — Память из приказа Казанского дворца в Посольский приказ

Лета 7156-го июня в 25 день. По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу память дьяку Алмазу Иванову.

В нынешнем во 156-м году июня в 17 день в приказ Казанского дворца к боярину ко князю Алексею Никитичю Трубецкому да к дьяком к Лариону Лопухину да к Томилу Перфильеву в памяти за твоею Алмазовою приписью написано велети б отписать в Посольский приказ Малого Нагаю Шагин-мурза да брат ево с уздени в Астарахани сколь давно посажены в тюрьму и в каком деле и в приказе Казанского дворца в росписях, каковы присланы из Аста-

рахани в нынешнем во 156-м году Малого Нагаю Шагина-мурзы в тюремных сидельцах не написано, а написан в тюремных сидельцах Малого Нагаю Карашаим-мурза да брат ево Белек-мурза да их улусной человек Карашаим-мурзина улусу Найматцкого родства Елетко Надыров, а по отпискам из Астарахани боярина и воеводы князя Бориса Олександровича Репнина с то // варыщи взяты они на степи в языцах и посажены в тюрьму за то, что они з государевыми изменники и непослушники с калмытцкими людьми ссылались и мирились и повезли было ис Казыева улусы в калмыки Таишины Урлюковы да Кересановы да Сереневы кости и пепел не бив челом о том государю и государевых нагайских татар на крымской степи и всяких государевых астраханских и четноярских служилых людей побивали и грабили, да и в роспросе в астрахани они, мурзы, сказали то ж, что они з государевыми изменники и непослушники с калмыцкими людьми ссылались и мирились и повезли было ис Казыева улусу в калмыки Таишины кости и пепел да калмыцкого полону, которой калмытцкой полон поимали они в те поры как в прошлом во 152 году зимою в кабардинских горах Алегук мурза и он, Карашаим-мурза з братьею и з детьми, и с-ыными мурзы побили Урлюка Тайшу з братьею и з детьми и с калмыки и с языки поимали с 100 человек и больши на розмену // за казыевской свой за взятой ясырь, которой ясырь взяли калмыцкие тайши Лаузан да Салжин с калмыки в прошлом во 152 году наперед того в осень на кочевьях их, как они, мурзы, кочевали по договору Алегук-мурзы Черкаского, а ево, Карашаимова, тестя на Кубане-реке не бив челом государю о том, потому что де они, казыевские мурзы, и преж сего о таких делех государю не бивали челом и обрасца у них такова не бывало, а полону де их казыевского в калмыки взято сестра ево Карашаимова, да жена да 3 снохи да 3 дочери да сын ево ж Чюра мурза да улусных их людей с тысячею дворов, а под Черным Яром побили они на рыбном промыслу шти или 7-ми человек русских людей, и то де зделали татарове молотчие люди // с калмыки без их ведома и в том они перед государем виноваты, а в-ыных де они местех нигде русских людей не побивали и в полон не имывали и ни под которые города не прихаживали. А в те поры под Астрахань пришли проведать калмытцких людей для розмены полоном.

На л. 497 под текстом: О Карашаим мурзе отказать.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1648 г. Д. № 3, лл. 494–497.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 222–223.

1648 г. между июля 27 и октября 21. — Отписка терского воеводы В. А. Оболенского с товарищами в Посольский приказ о посредничестве мурз Казыевой Кабарды Алегуки Шогенукова с товарищами в размене пленных между астраханскими служилыми людьми и ногайскими татарами

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа

Русии холопи твои Венедиктко Оболенской, Одинок Беклемишев, Алешка Иевлев челом бьют.

В нынешнем, государь, во 156 году мая в 5 день писали к тебе, ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси, мы, холопи твои, что посылали мы для твоих государевых астраханских полоненных людей х кабардинским к Олегуке-мурзе Шаганукову да к Ходождуке-мурзе Казыеву твоих государевых терских служилых людей и к ним писали, чтоб оне, Алегука и Ходождука-мурзы, послали от себя для тех твоих государевых людей х казыевским татаром и в Азов и велели их привести к себе в Кабарду. И как их к ним в Кабарду привезут, и они бы к нам, холопом твоим, отписали, и мы к ним для обмена тех твоих государевых людей казыевских татар, которые в Астарахани сидят в тюрьме, Баубечка Багышева с товарищи, пришлем. И они б, Алегука и Ходождука, тебе, государю, послужили // тех твоих государевых людей обменяли.

И апреля, государь, в 30 день писал к нам, холопом твоим, на Терек астраханец сын боярской Григорей Ростопчин, что де ево, Григорья с товарищи, четырех человек привезли из Азова казыевские татаровя для розмены в Кабарду к Олегуку-мурзе. А кабардинские, государь, Алегука да Ходождука-мурзы Казыевы приказали к нам, холопом твоим, что они по нашей присылке для сыску астраханца Григорья Ростопчина с товарищи посылали в Азов и, сыскав их, из Азова привезли к себе в Кабарду.

И мы, холопи твои, писали в Астарахань к боярину и воеводам ко князю Федору Семеновичю Куракину с товарищи, чтоб они казыевских татар, которые в Астарахани в тюрьме, Баубечка Багышева с товарищи, прислали к нам, холопом твоим, в Терской город, а мы их для розмены твоих государевых астраханских полоненных людей / Григорья Ростопчина с товарищи / отошлем тех татар в Кабарду к Олегуке да к Ходождуке мурзам и велим тем твоим государевым полоненым людям учинить розмену.

И июля, государь, в 10 день писали к нам, холопом твоим, из Астарахани боярин и воеводы князь Федор Семенович Куракин с товарищи и прислали казыевских татар, которые сидели в Астарахани в тюрьме, Баубечка Багышева с товарищи шти человек. И мы, холопи твои, тех татар послали с Терка к Алегуке-мурзе в Кабарду с терским сотником стрелецким с Микиткою Золотаревым с товарищи, и с ним к Олегуке и к Ходождуке мурзам писали и словесно приказывали, чтоб они, Алегука и Ходождука, по твоему государеву указу велели тех казыевских татар взять, а твоих государевых русских людей астраханцев, сына боярского Григорья Ростопчина да трех человек стрельцов, розменя, прислали в Терской город // с ним, Микитою, вместе.

И сотник стрелецкой Микита Золотарев с товарищи ис Кабарды в Терской город приехали, а с собою привезли твоих государевых астраханских полоненных русских людей, сына боярского григорья Ростопчина да стрельцов Тимошку Тударыка да Микитку Чалпыка да Бориска Федорова. И сказал он, Микита, нам, холо-

пем твоим, что он тех казыевских тотар, которые были с ним, Микитою, посланы в Алегукиной Кабарде на розмену твоим государевым руским людем, отдал и розменя твоих государевых русских людей, астараханца сына боярского Григорья Ростопчина да трех человек стрельцов, ис Кабарды привез на Терек. И мы, холопи твои, ево, Григорья Ростопчина, и трех человек стрельцов с Терка отпустили в Астарахань июля в 27 день. И к боярину и воеводам ко князю Федору Семеновичю Куракину с товарищи о том писали ж.

На л. 89 об.:

Отметка о подаче: 157-го октября в 21 день с терским стрельцом со Фролком Григорьевым.

Помета: Государю чтена.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1648 г. Д. № 1, лл. 89–92.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 224–226.

1648 г. июля 28. — Грамота из Посольского приказа терскому воеводе В. А. Оболенскому с товарищами о достройке в Терском городе двора мурзы Канбулата Пшимаховича Черкасского

От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси на Терек стольнику и воеводам нашим князю Венедикту Андреевичю Оболенскому да Одинцу Михайловичю Беклемишеву, да диаку нашему Алексею Иевлеву.

Бил нам челом канбулат Пшимахович Черкасской. — В прошлых де годах бил челом отцу нашему, блаженные памяти великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси брат ево Келмаметь-мурза Черкасской, чтоб он, государь, пожаловал ево, указал ему на Терке построить хоромы. И по указу отца нашего великого государя брату ево хоромы поставлены до верхов, и с тех де мест и по се число хоромы стоят недовершены. А которым де их братье мурзам и после указаны дворы построить на Терке, и тем де дворы построены. И нам бы ево пожаловать, велели ему те хоромы достроить совсем в отделку.

И как к вам // ся наша грамота придет, и вы б Канбулата-мурзу Черкасского брата Келмаметя-мурзу Черкасского хоромы велели достроить. А во что то хоромное строенье станет, и вы б о том отписали к нам, к Москве, а отписку велели отдать в Посольском приказе диаком нашим думному Михаилу Волошенинову да Алмазу Иванову.

Писан на Москве лета 7156-го июля в 28 день.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1648 г. Д. № 1, лл. 24–25. Отпуск.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 227.

Между 1648 г. сентября 10 и 1649 г. апреля 21. — Отписка терского воеводы Оболенского и др. в Посольский приказ об обнаружении в Кабарде земли, годной для изготовления селитры

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа

Русии, холопи твои Венедикто Оболенской, Одинко Беклемишев, Алешка Иевлев челом бьют.

Ведомо нам, холопом твоим, учинилось, что в черкасской в алегукиной Кабарде Казыева есть земля во многом месте, а годитца де та земля в селитренное дело. И мы, государь, холопи твои, расспрашивали про ту землю, тое Алегукиной Кабарды, многих приезжих знающих черкас, что есть ли в той, Алегукиной Кабарде, земля, которая б годилась в селитренное дело. И те, государь, презжие черкасы, которые знают, нам, холопом твоим, сказывали, что де в Алегукиной Кабарде такая земля есть, которая годитца в Селитренное дело.

И в нынешнем, государь, во 157-м году сентября в 10 день приехал из Астарахани на Терек тезик шемахинец мурза шихсаев и сказался нам, холопом твоим, что он селитренного дела мастер и мы, холопи твои, того тезика мурзу для подлинного ведома тое селитренные земли посылали с Терка в тое Алегукину Кабарду Казыева досматривать и велели ему тое земли проведать, что подлинна ли та земля в селитренное дело годитца, и много ль тое земли будет; и для опыту велели ему мурзе той земли привести к себе в Терской город. И тот тезик мурза из Алегукиной Кабарды в Терской город приехал и привез к нам, холопом твоим, тое селитренной земли и сказал, что де та земля в селитренное дело годитца и в деле де ис той земли селитра будет самая добрая, и той де селитренной земли в Алегукиной Кабарде гороздо много, и тое, государь, селитреную землю послали к тебе, ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, мы, холопи твои, запечатав твоею, государевою, Терского города печатью.

Указ послан ис Казанского дворца.

На л. 6 об.:

Помета: В Казанском дворце такова ж и о том справитца, что по ней будет государев указ.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1649 г. Д. 6/№, лл. 6—7.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 228—229.

1648 г. июня 18-июля 7. — Реляция П. Ласка, посланца А. Киселя к Богдану Хмельницкому, о казацкой раде, состоявшейся 19 июня в Чигирине, о присутствии на раде русских бояр и черкесских послов и о развертывании борьбы украинского народа против польской шляхты

...27 июня он остановился в Чигирине у Хмельницкого, который находится там с конем и вооруженной силой; при нем 10 000 войска и 74 орудия.

В день Св. Петра и Павла, 29 июня была рада.

В тот же день, на той же раде были черкесские послы, предлагая прийти к Хмельницкому с 7 тыс. войска, приняты с благодарностью, но как будут отправлены еще неизвестно. В тот же день на эту же раду прибыли бояре из Москвы; или от самого

царя, или от думных панов. ...Вероятно, Москва хочет знать что делается.

Хмельницкий потом сказал за столом: «Мы не вороги царству Московскому, нас не нужно бояться». На обеде у него присутствовали черкесские послы и московские и тот же отец Ласко.

Библиотека Львовского филиала ЦНССР; 25/ III, лл. 85–87.

опубл. Жерела, т. 12, стр. 66.

Воссоединение Украины с Россией (документы и материалы). М., 1954. Т. 2. С. 46.

1648 г. декабря 1—1649 г. июля 28. — Из дела о пребывании в Москве иерусалимского патриарха Паисия и его переговорах, которые он вел по поручению Б. Хмельницкого

...А как патриарх вшел ко государю на крыльцо, и по государеву указу патриарха встретили; вышел ис проходные палаты, сшед с рундука, против средние лестницы, окольничей князь Василий Петрович, Ахамашуков-Черкасской.

Воссоединение Украины с Россией (документы и материалы). М., 1954. Т. 2. С. 97.

1650 г. январь-ноябрь 12. — Из статейного списка Г. Волкова и В. Огаркова, русских послов в Крым, о сношениях Богдана Хмельницкого с крымскими татарами

...Да он же, Маметша князь, сказывал, что калга царевич идет на черкас на деревню Бестеней потому, что они учинились непослушны, дани царю и ему не прислали...

Воссоединение Украины с Россией (документы и материалы). М., 1954. Т. 2. С. 329.

1650 г. мая 14. — Письмо крымского хана Ислам-Гирея Б. Хмельницкому с просьбой принять участие в походе татар против черкес и быть посредником в примирении крымской орды с донскими казаками (перевод с польского письма, что писал крымской царь к Богдану Хмельницкому, гетману войска запорожского)

Список с подлинного листа крымского царя хана.

Милостивый пане гетмане запорожский, приятелю мой, службы мой вручаю вашей милости. Извещаю тебя подлинно: хотели есмя итти на донских казаков, и просил если у нас войска нашего и в том воля божия, что есте не прислали, и мы также измешкали в походе нашем. А ныне до черкас буду, имеючи свои дела, и ты нам изготови 5000 человек черкасов. А будет невозможно и ты 4000, чтоб были с полным оружием своим воинским. А то войско пришлите к нам с наместником вашим, а нам о том тотчас пришлите весть, и мы по той же вести твоей своим войском выходити будем. А чтоб меньше 4000 войска не было, а ис той горсти людей твоих ни один человек не убудет, не войска вашего прошу на ту службу мою сами ставьтеса подлинно. А ведаешь сам, что великая было вам нужда пришла, и мы с нашим войском конным и пешим днем и ночью давали есми вам помочь. И по милость бо-

жией за нашим поможением, много есте добра учинили. И вы ныне также на службу ставьтеся с охотою и подлинно придите, наипаче прошу тую малую горсть людей войска своего, а я с тем войском вашим и нашим посылаю брата своего салтана калгу. А итти им Черным шляхом аж до самых черкас, а какого от себя пошлешь наместником в войску, и прикажи ему имянно: как придет к Дону, чтоб послал казаков своих к донским казаком — хотят ли они с нами миритца и побрататца, и о том бы прислати брату моему салтану калге старшины свои, которые б умели с нами зговоритися и с нами приятство укрепить. — А мы готовы с ними правдою приятство и любовь укрепить. Вручаюся милости и любви вашей.

Писан в Бухлаю. 1650-го (года) мая в 14 день

А внизу припись: Вашей милости желательный приятель Ислам-Гирей, хан царь крымский.

Воссоединение Украины с Россией (документы и материалы). М., 1954. Т. 2. С. 361.

1649—50 гг. — Отписка терских воевод

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси холопи твои Федька Куракин, Андрюшка Литвинов Мосальской, Ивашко Песков челом бьют.

В нынешнем, государь, во 157-м году августа в 15 день сказывали нам, холопом твоим, в съезжей избе астраханские юртовские татарские табунной голова Юзей Тлешев да сотник Кашкара Абызов, слышали де государь, они в улусех своих от татар, что де нагайские Тинмамметевы мурзы Ямгурчей мурза Кейкуват Янмамметев сын з братьею своею и з детьми и с племянники и едисанские молодые мурзы с улусными своими людьми нынешнего лета вскоре хотят итти войною на крымскую сторону на нагайских на Чебан мурзу Ищерекова з братьею и з детьми и с племянники и к нему де, Кошкаре, приезжали едисанской Сююн мурза Янаев да нагайские Ислам мурза Чюбар Мамбетев да Солтанаш мурзин сын прошали у него в тот поход лошадей, да Имамедимин де мурза Алеев сын Урусов присылал к нему человека лошадей же в поход просить и он де им лошадей не дал. И мы, холопи // твои, посылали из Астрахани к едисанским к Алею мурзе Урусову да к Янмамметю мурзе Янаеву сыну Тинбаеву з братьею и з детьми и с племянники в улусы сына боярского Степана Кутаринова да толмача Михаила Гарасимова, а к нагайским к Ямгурчею мурзе Кейкуват Янмамметеву з братьею и з детьми и с племянники в улусы посылали сына боярского ж Якима Бахмурова да толмача Ивашка Мокеева и велели им едисанским и нагайским мурзам говорити, чтоб они, сами мурзы, на нагайских, на Ищерековых и на Яштеревых мурз, на Чебана мурзу з братьею и з детьми и с племянники войною без твоего государева указу самовольством не ходили и улусных своих людей не посылали и молодых бы мурз от того уняли и чтоб государь им Чебана мурзу з братьею и с улусными людьми тем от твоей государские милости не отгонити, а на себя

б в том твоего государского гнева и опалы не навести. И сын боярской Степан Кутаринов да толмач приехав из едисанских улусов сказали нам, холопом твоим, что де, государь, едисанские мурзы Урусовы и Тинбаевы увидя к себе о том присылку сказали им, что де они твоему государеву указу послушны, без твоего де государева указу на Чебана мурзу не пойдут. А сын боярской же Яким // Бахмуров да толмач Ивашко Мокеев приехав из нагайских улусов сказали нам, холопом твоим, нагайские де Ямгурчей мурза з братьею своею и с племянники и с улусными своими людьми из улусов своих со степи пошли до их приезде неведомо куды, а чаят де на Чебана мурзу Ищерекова з братьею и с племянники и на улусных их людей пошли войною и мы, холопи твои, призвав в съезжую избу Бимурзу Ищерекова о том ему говорили, что отпускаем мы, холопи твои, ево в Терской город для договору з братьею ево с-Ищерековым и с Яштерековыми мурзы и с своими улусными людьми, чтоб их призвать к твоей государеве отчине к Астарахани на прежние их кочевья. А ныне Ямгурчей мурза с улусными людьми чаят пошли на братью ево Чебана мурзу з братьею и Бимурза нам, холопом твоим, сказал, чтоб де ево отпустить не замешкав. И как де он, Бимурза, приедет на Терек вскоре и Ямгурчей де мурза братье ево и с племянником и улусным их человеком чаят не учинит шкоты никакие и мы, холопи твои, Бимурзу на Терек отпустили, а о отпуске ево писали к тебе, // государю, подлинно в сей же станице в-ыной отписке. Да августа ж, государь, в 31 день приехал из едисанских улусов в Астарахань едисанской Янмамет мурза Янаев Тинбаев и мы, холопи твои, велели ему быть в съезжую избу и говорили ему, Янмамет мурзе, что по твоему государеву указу в прошлом во 156-м и в нынешнем во 157-м годах говорили им, едисанским и нагайским мурзам, мы, холопи твои, многожды и приказывали накрепко, чтоб они на нагайских мурз на Чебана мурзу Ищерекова з братьею сами войною без твоего государева указу самовольством не ходили и улусных своих людей не посылали, тем бы их, Чебана з братьею, и с улусными людьми от твоей государские милости не отгнали. И они, едисанские мурзы, в те поры били челом тебе, государю, а нам, холопом твоим, сказали, что де они без твоего государева указу на Ищерековых и Яштерековых детей войною не пойдут. А в нынешнем во 157-м году хотели они, едисанские мурзы, с улусными своими людьми итти с нагайским с Ямгурчей мурзою Кейкуват Янмаметевым з братьею и с племянники и с улусными их людьми на Чебана мурзу Ищерекова з братьею самовольством // без твоего государева указу тайным обычаем, а нагайские Ямгурчей мурза Кейкуват Янмаметев з братьею и с улусными своими людьми на Чебана мурзу войною пошли и то они учинили не делом, мимо твоего государева указу. А они, едисанские мурзы, по какому делу и с кем по ссылке на Чебана мурзу Ищерекова з братьею с Ямгурчеем мурзою з братьею войною итти хотели и едисанской Янмамет мурза Янаев нам, холопом твоим, сказал: в нынешнем де, государь, во 157-м году в

августе месяце присылал де к ним, едисанским мурзам, к Алею мурзе Урусову и к нему, Янмамету мурзе з братьею и з детьми и с племянники, в едисанские улусы нагайской Ямгурчей мурза Кейкуват Янмаматов людей своих дву человек и приказывали с ними прислал де к нему, к Ямгурчею мурзе, и к отцу ево х Кейкувату Янмамету мурзу в улусы с Терка князь Муцал Сунчалеевич Черкасской человека их же Доюнка с письмом и словесно приказывал, как де он, князь Муцал, был в Астарахани и он де с ним, // с Ямгурчеем, в Астарахани помирился и договорились де на том, что ему у Чебана мурзы Ищерекова з братьею и с племянники просить своих и ево, Ямгурчеевым, улусных людей и животных, которые он животы приходя на него, князь Муцала, и на Ямгурчею мурзу поимал и с Чебаном мурзою з братьею и с племянники ево, Ямгурчею мурзу, хотел он, князь Муцал, помирить. И как де он, князь Муцал, в нынешнем во 157-м году приехал из Астарахани на Терек и с Терка де посылал он к Чебану мурзе Ищерекову людей своих многижда, чтоб он, Чебан мурза, з братьею своею и с племянники // ки и с улусными людьми шел к твоей государеве отчине к Астарахани на прежние свои кочевья и с ним бы, князь Муцалом, и с Кейкуват Янмамет мурзою Тилмаматовым и с сыном ево с Ямгурчей мурзою з братьею и с племянники во всем помирились и улусных людей и жон их и детей и лошади и животину, которые у них взяты в войне друг другу отдали. И он де, Чебан мурза, ево князь Муцала не послушал, с ним, с князь Муцалом, и с ними с Кейкуват Янмамет мурзою и сыном ево с Ямгурчей мурзою не миритца и улусных их людей и жон и детей и лошадей и животину не отдает, и чтоб де он, Ямгурчей мурза, з братьею и з детьми и с племянники и с улусными своими людьми и з друзьями своими шел к нему, х князь Муцалу, а у него де, у князь Муцала, которые есть друзья Казаналп да тарковской Суркай-шевкал и кабардинские черкасские Алегука да Ходожьдука мурзы и казыевские мурзы князь // Касаевы дети з братьею и з детьми и с племянники и с улусными людьми терские и гребенские казаки и он де, князь Муцал, с ним, Ямгурчеем, з братьею ево и з детьми и с племянники и з друзьями своими пойдет на Чебана мурзу войною вместе и чтоб де они, едисанские мурзы, Урусовы и Тинбаевы дети Алей мурза и он, Ялмамет мурза з братьею и з детьми и с племянники и с улусными своими людьми шли с ним, с Ямгурчеем мурзою, з братьею ево и с племянники и с улусными людьми и с князь Муцалом Черкасским и с черкасскими и с казыевскими мурзы на Чебана мурзу вместе и они де, едисанские мурзы, Алей мурза и он, Янмамет мурза, з братьею своею и з детьми и с племянники и с улусными людьми с Ямгурчей мурзою на Чебана мурзу итти хотели для того, что // у них учинен договор друг другу помогать. И как де по твоему государеву указу прислали мы, холопы твои, к ним, едисанским мурзам сына боярского и толмача, чтоб они на Чебана мурзу с Ямгурчеем мурзою без твоего государева указу не ходили, и они де едисанские мурзы с Ямгурчеем мурзою на Чебана мурзу не пошли и в

том ему отказали, что они без твоего государева указу идти не смеют. И мы, холопи твои, велели проведать в Анагайских улусех астраханскому сотнику стрелецкому Онтипе Голочелову, которой у них стоит на заставе, Ямгурчей мурза Кейкуват Янмамметев з братьею своею со всеми своими улусными людьми пошли на Чебана мурзу Ищерекова войною и сотник стрелецкой Онтипа Голочелов писал к нам, холопом твоим, что де Ямгурчей мурза з братьею и с племянники и с улусными своими воинскими людьми пошли на Чебана мурзу Ищерекова з братьею, а улусные де ево немногие люди и жены их и дети остались в кочевных своих прежних местех, и что, государь, у Ямгурчег с Чебаном учинитца, и мы, холопи твои, о том к тебе, государю, отпишем.

На л. 250 об. отметка о подаче: 158-го.

РГАДА. Посольский приказ. Сношения России с ногайскими татарами. 1649 г. Д. № 1, лл. 250—258.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 232—237.

1650 г. ранее ноября 24. — Отписка астраханских воевод в Посольский приказ

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси холопи твои Ивашко Голицын, Сенька Пожарской, Стенька Чернышев, Ивашко Песков челом бьют.

В нынешнем, государь, во 159 году сентября в 21 день писали к нам, холопом твоим, в Астарахань с Терка стольники и воеводы князь Михайло Щетинин с товарищи, в прошлом де, государь, во 158 году августа в 15 день писали они к нам с сотником стрелецким с Ондреем Андреевым по крымским вестям о твоих государевых астраханских о прибыльных ратных людех и мы, холопи твои, к ним ратных людей не послали, а писали к ним про крымские вести, что у нас, холопей твоих в Астарахани было ведомо, что крымских ратных людей ис Крыму походу никуды не было. И в нынешнем де государь, во 159 году сентября в 10 день прислал к ним на Терек ис Кабарды Канбулат мурза Черкасской узденей своих Иналучка с товарищи и с ними приказывал, что де крымские ратные люди идут по ссылке Большого Нагаю Чебана мурзы з братьею и их улусных людей под Терской город и хотят де Чебана мурзу з братьею и с улусными людьми взять ис под Терка в Крым, а с крымскими де людьми идет под Терек и для Чебана мурзы з брат / /ьею Малого Нагаю Ураслан бек мурза Каспулатов с своими людьми и чтоб нам, холопом твоим, по твоему государеву указу прислать из Астарахани к ним для обереганья Терского города твоих государевых астраханских ратных людей конных и пеших вскоре, чтоб в приход воинских людей под Терской город было кем Терской город уберечь и нагайского Чебана мурзу з братьею и с улусными людьми в Крым не упустить. И мы холопи твои, из Астарахани на Терек твоих государевых астраханских ратных людей не послали и потому в нынешнем же, государь, во 159-м году сентября в 23 день приехали в Астарахань с Царицына по подписной челобитной помолитися в Троецкой монастырь дон-

ские казаки из городка Голубых Федор Григорьев Лазарев да Дмитрий Иванов Касамовец да Марко Назарьев Лебедеянец, а в роспросе нам, холопом твоим, про вести сказали: в прошлом де, государь, во 158 году перед Госпожиным говеньем приходил на Дон под Черкасской городок запорожского гетмана Богдана Хмельницкого сын да с ним гетман Дементей, // а с ними запорожских черкас тысяч з 10 конных и стояли недели с 3 за рекою Аксаем на Крымской стороне, от Черкаского городка верстах в дву или мало больши и сказывали де атаманом и казаком в Черкасском городке выходцы ис Крыму и от запорожских черкас, которые выходили ис полону их же донские казаки, что де тех запорожских черкас подымал крымской царь и хотел де крымской царь с воими ратными людьми вместе с теми запорожскими черкасы приходить войною на них, донских казаков под Черкасукой городок и запорожские де черкасы дожидались крымского царя недели с 3 и поставлены де у них были 2 срока как им сойтитца и крымской де царь с своими ратными людьми на те сроки к запорожским черкасом не бывал, а зачем крымской царь не бывал, того не ведомо, да и судовых де ратных людей янычан ис терских городов, ис Кафы да ис Тамани да ис Керча паши присылали к Азову с 300 ушкулов х крымскому ж царю на помочь, и стояли де, государь, те судовые ратные люди в Азове, дожидались крымского ж царя приходу и у черкас де у конных, которые были запасы, и они де те свои запасы на степи стоя приели. Да к ним же де присылал Богдан Хмельницкой из Запорог гонцов и Госпожине дни, что де на него, Богдана, подымаютца войною ляхи и по той де присылке Богданов сын и гетман Дементей со всеми своими запорожскими черкасы от Дону пошли в Запороги. И как де запорожские черкасы от Дону пошли в Запороги и из Азова де и судовые ратные люди на ушкулах все пошли в свои // городы, а с азовскими де людьми они, донские казаки, ныне в миру, а не в войне, и по их де з Дону в Астарахань поезд крымских ратных людей никуды войною походу не было. И мы, холопи твои, по тем донских казаков вестям твоих государевых астраханских ратных людей на Терек не послали ж и для того, что в твоей государеве грамоте за приписью твоего государева дияка Алмаза Иванова писало к нам, холопом твоим, по твоему государеву указу велено нам, холопом твоим, к нагайским к Чебану мурзе Ищерекову з братьею послать сына боярского да толмача добрых, а с ними к ним от себя отписать и словесно приказать, чтоб они были на твою государскую милость надежны и кочевали бы с улусы своими под Терским городом где пригож и для веры аманаты б от себя в Терской город дали. И мы, холопи твои, по твоему государеву указу сентября в 26 день подали к Чебану мурзе з братьею астраханца Богдана Пятину да толмача Федюшку Алексеева и подлинно о том писали к тебе, государю, в особой отписке. И октября, государь, в 5 день приехал к нам, холопом твоим, в Астарахань с Терка степью астраханской юртовской татарин Янтуга-//нова табуна Танатарова Кошумбетко Келимбетев Конуратского родства, а в роспросе нам,

холопом твоим, сказал: в прошлом де, государь, во 158 году в апреле месяце отпущен он из Астарахани на Терек для долгового взятку и на Терке де он жил у Терского города в Окоцкой слободе. И в нынешнем де, государь, во 159 году после Семеня они посылали на Терек кабардинской Алегука мурза Черкасской да казыевской Навруз мурза княж Касаев людей своих с вестью, что де казыевские мурзы Шейдякова родства княж Касаевы половины с улусными своими людьми збираютца в улусех своих многие и хотят идти на выручку и для переводу через реку Терек нагайского Чебана мурзу Ищерекова с улусы ево. И по тем де вестям стольник и воеводы князь Михайло Щетинин с товарищи послали с Терка на урочище на Царев Перевоз терченина Фадея Волошенинова с твоими государевыми рускими ратными людьми с терскими с конными и с пешими стрельцы, а с черкасы де и с окочены и с терскими татары пошел князь Муцал Черкасской, и по смете де русских ратных людей и иноземцов вышло з 2000 // с 500 человек опроче терских казаков и казаки де с ними есть же. А в Терском де городе после того походу остались немногие люди. А он де, Кошумбетко в том походе был же и князь Муцал де и Фадей с терскими ратными людьми пришли к Цареву Перевозу переже казыевских мурз и татар, а у Чебана де, государь, мурзы для переходу через реку Терек и Салы изготовлены были у Царева перевозу, а сам де Чебан мурза с улусы своими в ту пору кочевал на урочище Аксае, от Царева Перевозу вл днище и князь Муцал де и Фадей с терскими ратными людьми пришед остановились у Царева Перевозу и учали дожидатца из твоей государевы отчины из Астарахани твоих государевых ратных людей против терской отписки, что о ратных людей с Терка стольники и воеводы князь Михайло Щетинин с товарищи к нам, холопом твоим, писали и после де, государь, князь Муцалова и Фадеева приходу на четвертой день ехали к Цареву Перевозу // от Казыевские рати передовые подъезщики казыевские Урак мурза Каспулатов, Чебана мурзы шурин, да Нарткирей мурза Арсланбеков, Чебанов же зять, а с ними 60 человек татар и тех де, государь, казыевских мурз и татар всех князь Муцал и Фадей с терскими ратными людьми переимали и послали их в Терской город, а про достальных де казыевских мурз, которые с улусными своими людьми пошли были для выручки и на встречу к Чебану мурзе, слышел он, что их за боем з дороги с урочища Курая воротили в улусы их Алегука мурза кабардинской да Навруз мурза княж Касаев с своими людьми и на повороте многих де казыевских // татар и побивали и к перевозу де казыевская рать не бывала. А Чебан де мурза услыша к перевозу приход князь Муцала Черкасского с твоими государевыми ратными людьми отошел от Аксая за Койсу под Тарки, а князь Муцал де Черкасской и терченин Фадей Волошенин с твоими государевыми терскими ратными людьми по ево Кошумбетков в Астарахань поезд стоят у Царева Перевозу, а поехал де он в Астарахань от перевозу тому пятой день. А как де он, Кошумбетко с твоими государевыми терскими ратными людьми был у

перевозу и князь Муцал де Черкасской посылал к ондреевскому // х Казаналпу мурзе, чтоб он с своими людьми с ним с князь Муцалом шол на Чебана мурзу войною и Казаналп де князь Муцалу приказал, что де он без твоего государева указу и без твоих государевых астраханских ратных людей с ним, с князь Муцалом на Чебана мурзу не идет. Да он же де слышел на Терке, что де нынешняго лета на Чечене твоих государевых терских служилых и всяких людей рыбных ловцов многих тарковские люди побили и в полон поимали и лотки рыбные многие перекололи и тому де, государь, он с 17 при нем приехали на Терек присыльщики кизылбашенин да тарковец для договору о том, которых де твоих государевых терских людей тарковские люди на Чечене на рыбной ловле сего лета поимали живых, и тех де людей они собрали и на Терек отдадут, а за побитых де они станут платить. И по ево де с Терка // поезд те присыльщики были в Терском городе, а от ково де они присланы и хто имяны, тово де он не ведает. И по роспросным, государь, речам астраханского татарина казыевских к Чебану мурзе присыльщиков передних людей князь Муцал и Фадей Волошенин переимали, а достальных людей, которые шли на выручку черкаские мурзы многих побили и за боем воротили мы, холопи твои, на Терек к стольнику и воеводам ко князю Михайлу Щетинину с товарищи писали чтоб они вперед проведав подлинно про приход крымских и азовских ратных людей к нам, холопом твоим, о прибавочных твоих государевых ратных людей отписали мы, холопи твои твоих государевых ратных людей к ним на Терек пришлем. А что у нас, холопей твоих, вперед, о том о всем и про Чебана мурзу ведомо будет и о том к тебе, государю, мы, холопи твои, отпишем вперед с-ыными твоими государевыми делы.

На л. 49 об.:

Отметка о подаче: 159-го ноября в 24 день с астраханским стрельцом с Сенькою Москвитиним.

Помета: В Казанском дворце такова ж и государев указ у них.

РГАДА. Посольский приказ. Сношения России с ногайскими татарами. 1650 г. Д. № 1, лл. 49–58.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 238–244.

1651 г. января 16 — августа 20. — Из статейного списка русских послов в Крым И. Елякова и Т. Кузьмина о сношениях Б. Хмельницкого и польского короля с крымским ханом

...Февраля в 17 день нурадын Казы-Гирей царевич пошел с воинскими людьми к черкасом к гетману к Б. Хмельницкому на помощь против польских и литовских людей, а ис Крыму с ним пошли 2 человека мурз — Перекопский князь да Алказ, мурза черкасской, да ближние ево нурадыновы люди. А про воинских людей сказывали посланником полоняника, что ис Крыму пойдет с ним небольшое, потом приказал де нурадыну Ислам-Гирей царь: будет черкасы поляком, будут сильны, и он бы де, нурадын, прислал к нему о том с вестью...

По государству цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Руси указу велено посланником Ивану и подъячему Тимофею, как придут в первые улусы, и им проведывать, где ныне Ислам-Гирей царь и калга и нурадын, в Крыме ль, или в Литве... А крепок ли будет на Крыме Ислам-Гирей царь, и не чаять ли ему перемены, и нет ли у них с калгою какие розни и междоусобья, и нынешнего лета царев поход на польскую и на литовскую землю был ли, и что они в Польше учинили... И с Крымским царем запорожских черкас у гетмана как договоренось, что им на недругов стояти заодно...

И х крымскому царю запорожских черкас гетман отпустил на горских ли черкас или куды инуды, и скольких человек, и хто у них полновники...

...А с крымским царем у запорожских черкас меж себя договоренность, что им быть заодно и на недругов стоять вместе.

А письма и большого подкрепленья в том меж ими нет, да х крымскому же царю Богдан Хмельницкой нынешним летом прислал сына своего с воинскими людьми на горских черкас, и крымские татарова на горских черкас з Богдановым сыном Хмельницкого войною не пошли. А нынешнего лета у царя и у калги и у нурадына з запорожскими черкасы на Московское государство войны не чаять.

Воссоединение Украины с Россией (документы и материалы). М., 1954. Т. 2. С. 483–485.

Духовное завещание князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского

Во имя Отца и Сына и Святого Духа сей азе раб Божий духовную целым своим умом и разумом а душу свою приказываю брату своему Боярину Князю Якову Куденетовичу Черкасскому да отцу своему духовному спаскому Протопопу Силу. И как судом Божьим меня не станет и приказчиком моим пожаловать, похранить мое грешное тело у Спаса на Новом, где родители мои лежат, а в кладу дать по моей душе грешной к Спасу на Новое шестьсот рублей денег, да в Симонов монастырь дать по мне и по Царю Симеону Бекбулатовичу двести рублей да сорокоусту раздать на сорок храмов да нищим в милостину раздать на третины и на девятины и на полусорочины и на сорочины двести рублей, да отцу своему духовному спаскому Протопопу Силу челом сто пятьдесят рублей денег да после своего живота благославляю брата своего Боярина Князя Якова Куденетовича Божиим милосердием образ Спаса обложен серебром отказываю брату своему Боярину Князю Якову Куденетовичу выслуженные свои вотчины в Суздальском уезде село Васильевское з деревнями да села же Васильевскова поместные деревни и починки и пустоши, что Государь мне пожаловал велел продать в вотчину и после своего живота то е купленную вотчину со всяким угодые отказываю брату своему Боярину Князю Якову Куденетовичу за долг за две тысячи за тридцать за семь рублей да в Клинском уезде выслуженные и купленные вотчины сельца Новое на реке Волге з деревнями и с пусто-

шым и со крестьяны... и те выслуженные и купленные вотчины после своего живота отказываю брату своему Боярину Князю Якову Куденетовичу и ему теми вотчинами владеть и мою душу помянуть до своего живота, а как Бог по душу сошлет брата моего Боярина Князя Якова Куденетовича, а после его останутся дети и ему после своего живота те вотчины отказать детям своим, а будет после его живота детей не останется, и ему те вотчины отказать в род, а что моя выслуженная вотчина в Нижегородском уезде села Панина, да села Золина, да село Лесуново з деревнями и с пустошами и с починки и со крестьяны и з бобыли и та вотчина продана брату моему Боярину Князю Якову Куденетовичу да что я взял по свой живот и по племянники Князь Григория Сунчалеевича из Воскресенского монастыря, что на Тверской улице, в Московском уезде пустошь Мясищево на строение и я на тои пустоши построил три двory крестьянских да после моего живота построить на ти пустоши двор монастырской, а на дворе поставить избу да клеть и двор огородить и ворота поставить и тое деревню Мясищево после моего живота отдать в Воскресенский монастырь, а племяннику моему Князю Григорию Сунчалеевичу до тое деревни дела нет потому, что не он ее строил, а что в вотчинах моих в селах и в деревнях вся кова хлеба и то продать и... после же своего живота отказываю брату своему Боярину Князю Якову Куденетовичу большие стоилы с лошади, что на Москве... в селе Васильевском жеребцы аргамачьи припускные и литовские и ногайские и кобылицы аргамачьи и литовские и ногайские старые и молодые и жеребятка пяти и четырех и трех и двух лет и селетки и ношевые мерины и в селе Новом служивые кони и кошевые мерины, а росписи лошадям взять у приказчиков кому лошади приказаны да племяннику своему Князю Григорию Сунчалеевичу отказываю после своего живота двор свой, что в Белом городе, а что на хоромное строение и на всякое дворовое же строение в Московском уезде в Филиппове в деревнях лес вырочен и тот лес перевезть хоромной и всякой дворовой ис Филиппова с Москве и хоромы на дворе построить и всякое дворовое строение а что Государь меня пожаловал огородным местом за Чертолскими Вороты под Хомовниками и о том огородном месте племяннику моему Князю Григорию Сунчалеевичу и Государю бить челом, чтоб тем огородным местом Государь его пожаловал, да людям моим после моего живота служивым и всяких чинов мелким дать воля хто куды похочет, а кобалы им выдать, а наделу им выдать хто по чему жалование имал годовое, а будет жалованию годовому срок дойдет и им сверх наделу и жалования годовое выдать, а которые казенные люди служивые и мелкие и им тоже наделу дать по чему кому что доведется, да что есть у людей моих хором на моем дворе, что в городе и на загородных дворах и те хоромы с места им отдавать, да после своего живота отказываю сыну своему крестному Князю Семену Андреевичу Урусову чепь золотая...да князь Ивану Арослановичу после своего живота отказываю из больших лошадей лошадь моего седла, дя Боярину

Борису Ивановичу Морозову отдать заемного хлеба...а у духовной сидели окольничей Князь Иван Иванович да Стольник Князь Петр Григорьевич Рамодановские, а сию духовную писал по приказу Государя своего Боярина Князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского человек Ганка Савельев лета 7158 году декабря в 28 де у подлинной духовной написано тако отец духовной Протопоп Сила руку прилож, и к ней приложена красная печать.

На обороте написано тако:

Велел подписать и за своею святительскою рукою запечатать и отдать брату его и приказчику души его Боярину Князю Якову Куденетовичу Черкасскому, а список за своею святительскою рукою велел оставить в своей Патриаршей Казне, а что на тое изусную умершаго Боярина Князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского бил челом святейшему Иосифу Патриарху племянник его родной Князь Григорий Сунчалеевич Черкасской, что он вотчины свои все не жалуючи его оттказал брату своему Боярину Князю Якову Куденетовичу Черкасскому не против государева указу и соборного уложения мимо его племянника родного и чтоб тои духовной видя его умершаго Боярина князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского не свидетельствовать и не печатать и в тех бы служеных и купленных вотчинах велеть по правилом святых апостол и святых отец и по государеву указу и соборному уложению указ учинить и о вотчинах родовых и выслуженных и купленных по правилом святых апостол и святых отец и по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всея Руси указу и соборному уложению в поместном приказе и ся изустная и список подписана и запечатана лета 7160 год декабрь в 5 день.

Духовное завещание князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского. М., 1907.

«Столпцы князей Черкасских»

От княгини Тауки Солтонбековны сыну моему князю Михайлу Алегуковичу благословение. Буде, свет мой, здрав на многия лета со всем своим благодатным и праведным домом. А про меня похочешь ведать, и я на Терке, декабря в 15 день, дал Бог, жива. Да послала я к тебе грамотки дьяка Киприяна Уланова за своею печатью: и ты, свет мой, побей челом великим государем, чтоб великие государи пожаловали его, велели с Терка отпустить его к Москве до перемены иного дьяка, и о поиску за службу его великих государей жалованием – чином. А служба его перед великим государи была в приход к Терку неприятельских воинских людей: в осаде сидел и великим государям служил, в городе над караулы по вся дни и ночи смотрил и от всякие шалости осадных людей берег и государскою милостью обнаде живал.

Засим тебе от меня благословение.

(На обороте): Отдать ся грамотка на Москве боярину князю Михайлу Алегуковичу Черкасскому.

Опубликовано в: Кашкин Н. Н. Столпцы князей Черкасских. СПб., 1902.

1650—1651 гг. О приезде узденей кн. Муцала Черкасского с товарами

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси бьет челом холоп твой Муцалко Черкасской.

Послал я, холоп твой, узденишек своих к Москве, а с ними товаренко всякое послал продать для ради своей нужи.

Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, не вели, государь с таго моего товаренку своих государевых пошлин имать для моей работишки.

Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На л. 26 об. помета: 159-го апреля в 23 день. Государь пожаловал, велел выписать сколько доведетца пошлин взять и наперед сего такие пошлины им отдаваны ль и доложить себя, государя.

И в Посольском приказе выписано.

В прошлом во 158-м году августа в 30 день писали ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси с Терка воеводы князь Михайло Щетинин с товарищи, что бил челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси князь Муцал Черкасской, а им в съезжую избу принес челобитную, а в челобитной ево написано, чтоб ево государь пожаловал, велел отпустить к себе, ко государю, к Москве узденей ево Казыя Табурина да Шейдяка Дербышева бити челом ему, государю, о своих делех.

И они де князь Муцала Черкасского узденей, дав им государево жалованье в дорогу корм и питье, примерясь к прежним отпуском, отпустили ко государю к Москве, а в приставех с ними велели быть до Москвы сыну боярскому Любиму Халезову, да для толмачества терскому вожу Федьке Иванову, которых они послали ко государю к отписками и сметными // списки, и подводы от Терка и корм до Москвы велено им давать. А государева жалованья поденного корму давано им в дороге до Москвы по 10 денег да питья по 3 чарки вина человеку, да вопче обоим полведра пива на день.

А на Москве тем узденем корм и питье велено давать против дорожного ж.

А как те уздени приехали к Москве и у тех узденей ис таможи досматривали товаров и по досмотру те товары переписаны, а что каких товаров и что им цена, и что с тех товаров доведетца взять пошлин, и тем товаром ис таможи в Посольский приказ прислана роспись, а в росписи пишет. //

Роспись князь Мусала Сунчелеевича Черкасского товаром.

В 12 таях 1743 ансыря шолку рясково, 194 дараг кормазинных, 80 дараг гиянских, 14 юфтей сафьянов с одним сафьяком.

Цены всему товару 4242 рубли, а довелось взять с тех товаров государевых таможенных пошлин 128 рублей 9 алтын 4 деньги. //

И государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси князь Муцал Черкасской бьет челом — послал де он узденей своих к Москве, а для своей нужи послал с ними продать

товару, и государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси пожаловал бы ево, не велел с того ево товару для ево работы своих государевых пошлин имать.

А как в прошлых годах во 139-м, и во 140-м, и во 156-м году приезжал ко государю к Москве князь Муцал Черкасской и как уздени ево приезживали одни и бывали ль у них товары и пошлины с них имаваны ль, и того в Посольском приказе в их приездах не сыскано.

А как князь Муцаловы и матери ево уздени приезживали к Москве одни и с Москвы отпускиваны на Терек, и им государева жалованья корм и питье на Москве и в дорогу даван и суды и гребцы даваны.

На лл. 26–30 по склейкам помета: 159-го июня в 28 день. Государь пожаловал князь Муцала Черкасского за ево службы, тех пошлин имать не велел.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1650–1651 гг. Д. 6/№, лл. 26–30.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 245–247.

1651 г. ранее марта 30. — Отписка терского воеводы М. И. Щетинина с товарищами в Посольский приказ

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси холопи твои Мишко Щетинин, Ивашко Олябьев, Кузька Патрекеев челом бьют.

В прошлом, государь, во 158-м году августа в 14 день писал к нам ис кабаков своих князь Муцал Сунчелеевич Черкасской, что прошлом де во 158-м году августа в 5 день приезжал к нему в кабаки ево из Малого Нагаю князь Касаевы половины Урак-мурза Каспулатов и сказывал ему, что де ис Крыму крымской царевич Нурадын-Солтан со многими крымскими ратными людьми и с ляхи идет войною под Терек. И он де, князь Муцал, слыша те вести и посылал от себя в Кабарду к кабардинским Олегуке-мурзе Шегонукову да к Ходождуке-мурзе Казыеву узденя своего Убжука для подлинного проводыванья тех крымских вестей. И августа ж де, государь, в 9 день тот ево уздень Убжука от кабардинских от Алегуки да от Ходождуки мурз к нему приехал, а с тем де ево узденем с Обжукою кабардинские Алегука и Ходождука мурзы к нему приказали, что де те крымские ратные люди идут на них и на их кабаки и под Терской де город будут подлинно.

Да в нынешнем, государь, во 159-м году сентября в 10 день прислал в Терской город ис Кабарды Канбулат-мурза Черкасской узденей своих Иналучка самово третья и с ними к нам, холопом твоим, приказал словесно, что де крымские ратные люди идут по ссылке Большого Нагаю Чебана-мурзы з братьею и их улусных людей под Терской город и хотят ево, Чебана-мурзу // з братью // ею и с улусными людьми взять ис под Терка в Крым. А с теми де крымскими людьми идет под Терек и для Чебанмурзы з братьею Малого Нагаю Арасланбек-мурза Каспулатов с своими нагайскими людьми, и по тем вестям в Астарахань к боярину и воеводам

ко князю Ивану Андреевичю Голицыну с товарищи мы, холопи твои, о прибыльных людех писали с сотники стрелецкими с Ондреем Ондrejaновым да с Ываном Володимеровым да с юртовскими татары с Маимбетком да с Турсунком в розных числах, и в Малой, государь, Нагай княж Касаевы половины к Арасланбеку-мурзе Каспулатову з братьею посылали мы, холопи твои, с Терка терских юртовских татар Мурат казыйка да Бессомка, и с ними к Арасланбеку-мурзе з братьею писали сентября ж в 10 день чтоб он, Арасланбек-мурза, по твоему государеву указу стоял в правде и в шерти своей твердо и х крымским ратным людем не приставал и для Чебана-мурзы з братьею и их улусных людей не приходил и тем бы на себя твоего государьского гневу не навел. А князю Муцалу Сунчелеевичю Черкасскому в съезжей избе мы, холопи твои, о том говорили, чтоб он, князь Муцал, с терскими ратными людьми ехал по Терку реке на Царев брод и на Покидов, и как нагайской Чебан-мурза з братьею и с улусными людьми учнет через Терек на перелазех переходить и им бы ево Чебана через // Терек не перепускать, чтоб он от твоей государьской высокие руки не отступил и в Крым не отшел.

И князь Муцал с твоими государевыми терскими ратными людьми по Терку реке на Царев брод и на Покидов сентября в 14 день выехали, и сентября ж в 21 день встретились с ним, князь Муцалом, и с терскими ратными людьми Малого Нагаю Урак-мурза Каспулатов да Арасланбеков сын Нарткирей-мурза, проехав в Царев брод к Терскому городу, а не доезжая Кизлару, а с ними сорок девять человек татар их, да с ними же, четыре человека терских татар, которые были посыланы от нас, холопей твоих, с Терка в Малой Нагай с листом. А сказали они, терские татаровя и нагайские мурзы, ему, князю Муцалу, что едут они из Малого Нагаю с листом с Терской город. И он де, князь Муцал, послал от себя с ними для обереганья в провожатых сына своего Кантемира да сына боярского Семена Толмачева с служилыми людьми. И то ж, государь, числа нагайские Урак-мурза Каспулатов да Арасланбеков сын Нарткирей-мурза в Терской город приехали, а с ними татар их сорок девять человек. И мы, государь, их, мурз с людьми, велели поставить в Терском городе на дворах за караулом. И того ж, государь, числа прислали они, мурзы, с Аталыком своим к нам, холопом твоим //, в съезжую избу лист от Арасланбека-мурзы. А писал к нам, холопом твоим, в листу своем Арасланбек-мурза, что они, мурзы со всеми своими улусными людьми искони вечные твои великого государя неотступные холопи и по шерти в слове своем стоят и твоим де государевым людем нигде от них дурна никакова нет, а большого де Нагаю им до Чебана-мурзы дела нет, а только б де им до Чебана какое дело было и худая мысль, и он бы де Арасланбек брата своего Урака-мурзу и сына своего с листом от себя в Терской город не отпустил, а будет де государь крымской хан учнет куды подиматца, а им мурзам какой тесноты не учинит, и они де с вестью пришлют к нам, холопом твоим, тотчас. И мы, государь, тем мурзам велели давать поденной корм.

И октября государь в 5 день князь Муцал Сунчелеевич с ратными людьми пришел в Терской город, и мы, государь, князь Муцала Сунчелеевича и голов Фадея Волошенинова да воина Голикова и детей боярских Семена Толмачева да Василья Вышеславцова с товарищи и пятидесятников стрелецких Федьку Мандура с товарищи допрашивали по приезде Урака да Нарткирея мурз. И в допросе в съезжей избе они нам, холопом твоим, сказали. — Съехались де они с терскими тотары, которые посылаемы были от нас, холопей твоих, в Малой Нагай с листом, и с нагайскими мурзы // и терские де тотаровя и ногайские мурзы сказали им, что они едут в Терской город к твоей государьской милости с листом, а с собою де они, мурзы, везли листовского полону пять ясырей. И мы, холопи твои, тех ясырей велели поставить для роспросу в съезжую избу, и мурзы тех ясырей прислали в съезжую избу с аталыком своим, а сказал тот аталык, что де привезли мурзы тех ясырей в заречные черкасские слободы в подарки. И мы, холопи твои, тех ясырей спрашивали, и они, государь, нам, холопом твоим, сказались, что они православные христианские веры литовского половину. И мы, холопи твои, не хотя тех ясырей отдать в бусурманскую веру, а приказали к ним, мурзам, чтоб они сказали тем ясырем цену и велели тех ясырей из воли терским жителям людям окупать, и тех ясырей терские жителям люди окупали из воли. И тех мурз велели мы взять в съезжую избу, и в съезжей избе перед собою мы, холопи твои, велели им на куране шерть подкрепить на том, что им быть под твоею государьскою высокою рукою в вечном неотступном холопстве //. И приветчи к шерти и дав им твое государево жалованье сукна и корм против прежних ево Ураковых приездов, с Терка отпустили их в Малой Нагай. И они, мурзы, в заречных слободах у князя Муцала Сунчелеевича и у Канбулатовой кнеини Черкаского у Кандыды жили многое время.

А к тебе, ко государю, станицу мы, холопи твои, отпустили со всякими твоими государевы дела до ево Уракова на Терек приезде в прошлом во 158-м году августа в 30 день, а после станицы вскоре об ево Уракове приезде к тебе ко государю отписать нам, холопом твоим, было не с кем.

На л. 114 об.: отметка о получении: подаче: 159-го марта в 30 день с терским сотником стрелецким с Петром Протасовым.

РГАДА. Посольский приказ. Сношения России с нагайскими татарами. 1651 г. Д. № 1, лл. 114—119.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 248—251.

1653 г. ранее января 19. — Отписка астраханских воевод

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси холоп твой Ивашко Пронской челом бьет.

В нынешнем, государь, во 161 году октября в 27 день писали ко мне, холопу твоему, с Терка стольник и воеводы Василей Волынской с товарищи сентября де в 28 день слали они ис Терского города кабардинского Алегуку мурзу Шегонукова до Кабарды

проводить терского конного сотника стрелецкого Михаила Молчанова де толмача Ивашка Дмитриева, а с ними служилых людей 20 человек, да Михайлу деи толмачю в Казыеве Кабарде велели они взять по договору Алегуки мурзы в аманаты на перемену ево, Алегукину, сыну Гизбею мурзе из Джанбулат мурзиных детей Казыева от прямые жены большово сына, а будет де Алегука мурза з братьею не походят Джанбулатова большово сына в аманаты дать, а похотят дать середнего или меньшово ево сына иметь не велели. Да ноября, государь, в 19 день писали ко мне, холопу твоему, // с Терка стольнки ж и воеводы Василей Волынской с товарищи ноября де в 8 день писал к ним в Терской город ис Казыевы Кабарды сотник стрелецкой Михайло Молчанов Алегуки мурзы Шегонукова с татары с Чагирком с товарищи: в нынешнем же де во 161 году в ноябре месяце приехали ис Крыму в Бисленей горские люди и сказывали де бисленейскому князю, что крымские 2 солтана со многими ратными людьми выехали к Азову, а ратных де людей с ними большое собрание збирано де со свякого двора крымского владенья по конному человеку. И крымской де царь проводил тех сотников с ратными людьми сам от Крыму 3 днища, а куды тем крымским людям и на которые твои государевы города войною итти, того де не ведомо. И они де, Василей с товарищи, по тем вестям писали в Казыеву Кабарду к сотнику стрелецкому к Михайлу Молчанову с теми ж Алегукины татары, чтоб он про приход крымских людей // и про Чебана мурзу и про всякие вести проводывал и с вестями присылал в Терской город твоих государевых служилых людей. А как почает крымских царевичей с ратными людьми приходу под Терской город и под Астарахань, и он бы с теми вестями ехал сам в Терской город наспех, а Алегуки де мурзы татаровя Чагирко с товарищи в роспросе им сказали то ж, что и сотник Михайло Молчанов к ним писал. Да тот же де Алегукин татарин Чагирко им сказал: которых де улусных людей князя Муцала и черкасских мурз и табунного головы Чебан мурза ис под Терского города взял, и тех де их улусных людей многие объявились в Малом Нагае у Навруз мурзы княж Касаева да у Арасланбека мурзы Каспулатова з братьею и они де, Василей с товарищи, о тех улусных людех писали, х кабардинским // к Алегуке да к Ходождуке мурзам, чтоб они помня к себе твое государево милостивое жалованье Малого Нагаю мурзам говорили, чтоб они терских улусных людей, которых взял ис под Терского города Чебан мурза Ищереков сыскав у себя в улусех прислали под Терской город, а им, мурзам, за то будет твоя государева милость большая. А в Малой де Нагай к Наврузу и к Арасланбеку мурзам з братьею они писали ж. Да тот же де татарин Чагирка подал им лист, а сказал, что тот лист прислали к ним кабардинской Алегук мурза да Малого Нагаю Урак мурза Каспулатов, и они де тот лист велели перевести и с того листа список послали ко мне, холопу твоему в Астарахань. И я, холоп твой, с того списка с переводу список послал к тебе, государю, под сею отпискою с станичником с сыном боярским с Яко-

вом Чибикиным и велел подать в Посольском приказе твоим государевым дьяком, думному Михайлу Волошенинову да Алмазу Иванову да Ондрею Немирову.

На л. 2 об. отметка о подаче: 161-го генваря в 19 день с астраханцом с Яковом Чибикиным.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1653 г. Д. № 1, лл. 2–5.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 252–254.

1653 г. марта 25. — Сказка в Терской приказной избе сунженских и терских стрельцов и астраханских годовальщиков об осаде Сунженского острога

161-го марта в 25 день. Приехав в Терской город ис Сунчинского острогу сказали в приказной избе стольнику и воеводам Василью Семеновичю Волынскому да Ортемью Олексеевичю Шапилову да дьяку сунчинские стрельцы Иванова приказу Яцына пятидесятники Петр Заварза да Сава Федоров и месечники терские стрельцы и астаразанские годовальщики, пятидесятники Семен Ондреев, Кузьма Васильев, Микита Евланпеев, Семен Вентов 104 человека.

В нынешнем во 161-м году марта в 7 день пришли кумыцкие ратные и кизылбашские люди, тарковской Суркай-шевкал и ондреевской Казаналп-мурза и все кумыцкие владельцы со мнигими кумыцкими и кизылбашскими ратными людьми под Сунчинской острог, и мы, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси служили з головою и с сотником и с Русханом-мурзою и с казаки и от тех кумыцких и кизылбашских ратных больших людей в Сунчинском остроге в осаде сидели марта // с 7-го числа да марта ж по 18 число. И божиею милостию и пречистой Богородицы помощью и заступленьем, а праведнаго государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси счастием, на приступех и на вылосках кумыцких и кизылбашских ратных многих людей побили человек з 200 и больши в розных числех. А с нами сидели в осаде черкасской Урусхан-мурза Янсохов с своими узденями и с черными людьми человек з 20, да барагунской Ильдар-мурза Куденетов з братьями и с узденями и с черными людьми 500 человек да нас, стрельцов и терских казаков, 212 человек. А их, кумыцких и кизылбашских ратных людей приходило тысяч з 20 и больши. И приступали жестокими приступы, и зделали они, кумыцкие люди, за Сунчею рекою против Сунчинского острогу в стрельбище и меньши острог, и башню поставили выше Сунчинского острогу, и наряд на башню взвели, и в Сунчинской острог стреляли. А сверху Сунчи реки от лесу к Сунчинскому острогу привели дровяную сеченую гору выше Сунчинского острогу, от острожной стены // сажен с 15, длиною во весь Сунчинской острог, и приготовили нефти, чтоб по тем дровам, зажегши, поливать. Да сверху Терка реки в малое стрельбище от острожной стены поделав поставили туры, и около их покопали рвы, и из-за них стреляли по городу и по нас из наряду из мелко-

во ружья. А с четвертую сторону с острову с Терка реки, что против Сунчинского острогу на песку в ближнее стрельбище, поставили туры и из-за них стреляли по городу и по нас, и воду у нас отняли.

А как мы сидели в осаде и государю служили и с ними бились, и барагунской Илдар-мурза з братьею тайным обычаем, утаясь от нас, с карагацким Чеполовым-мурзою и с родною своею сестрою, а с ево, Чеполовою, матерью, ссылался, и выслал к ним, утаясь нас, брата своего родного, Амурхата, да с ним 10 человек узденей. А на другой день он, Илдар, и сам з братьею своею и с узденьями ис Сунчинского острогу вышел вон в их кумыцкую рать. А нам было ево, Илдара, з братьею и с узденьями укрепить и удержать не в мочь, потому // нас сидело в Сунчинском остроге немного и нам было усидеть от таких больших ратных людей не с кем. И мы, поговоря с Русханом-мурзою и з головою и сотником и с казаками, видя ево, Ильдарову, измену, взяв в Сунчинском остроге государев наряд, пушки да достальное зелье и свинец, и церковные книги и колокола, пометав свои статки и животишка, потому что нам стало не в мочь, чтоб государева казна, пушки, порох и свинец, книги и колокола не пропало и нам бы напрасно вконец не погинуть, и божиею милостию и пречистой богородицы помощью и заступленьем, а праведнаго государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии счастием с пушки, и с порохом и с свинцом приехали в Терской город сквозь их кумыцких и кизылбашские заставы дал бог здоровы.

А сказку писал сунчинской подьячей Петрушко Казаков.

А назади у подлинной сказки написано: К сей скаске пречистенской поп Петр Григорьев вместо пятидесятников и рядовых стрельцов Иванова приказу Яцына, Петра Левонтьева сына Заварзы да Савы Федорова с товарищи, которые грамоте не умеют, по их челобитью руку приложил.

РГАДА. Посольский приказ. Кумыцкие и тарковские дела. 1651 г. Д. № 1, лл. 270—274. Список.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 255—257.

1653 г. марта 25. — Сказка

161-го марта в 25 день сказали на Терке в приказной избе стольнику и воеводам Василью Семеновичю Волинскому, Артемью Алексеевичю Шапилову, диаку Кузьме Патрекееву терские атаманы и казаки розных городков, кои сидели в осаде в Суншинском остроге Верхнего Черленого станишной атаман Иван Павлов да Аристова городка атаман Герасим Тимофеев да Нижнего Черленого войсковой ясаул Иван Кукля да Шевелева городка Василей Иванов да Шадрина городка Иван Шадра да Ищерского городка Степан Ищерской и все рядовые казаки 108 // человек.

В нынешнем во 161-м году марта в 7 день пришли под Суншинской острог кумыцкие и кизылбашские ратные люди, тарковской Суркай-шевкал и ондреевской Казаналп мурза и все кумыцкие владельцы со многими кумыцкими и кизылбашскими людьми, и

мы государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси служили з головою и стрельцами вместе и от тех кумыцких и кизылбашских ратных людей в осаде сидели марта с 7-го числа да марта ж по 18 число и божиею милостию и пречистой богородицы помощью и заступленьем, а праведнаго государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси счастием на приступех и на выlosках кумыцких и кизылбашских ратных многих людей человек з 200 и больши побили в розных числах. А с нами сидели в осаде черкасской Урусхан мурза Янсохов с своими узденями и с черными людьми человек з 20 да барагунской Илдар мурза Куденетов з братьями и с узденями и с черными людьми 500 человек, да нас, казаков и стрельцов, 212 человек, их, кумыцких и кизыл/башских ратных людей приходило тысяч з 20 и больши и приступали жестокими приступы и зделали они, кумыцкие ратные люди, и кизылбашские за Суншею рекою против Суншинского острогу в стрельбище и меньши острог и башню послали выше Суншинского острогу и наряд на башню взвели и в Суншинской острог стреляли. А сверху Сунши реки от лесу к Суншинскому острогу привели дровяную сеченую гору выше Суншинского острогу от острожной стены сажен с 15, длиною во весь Суншинской острог и приготовили нефти, чтоб по тем дровам зажегши поливать. Да сверху Терка реки в малое стрельбище от острожной стены поделав поставили туры и около их поклали рвы и из них стреляли по городу и по нас из наряда из мелкокаружья. А с четвертую сторону с острову с Терка реки, что против Суншинского острогу на песку в ближнее стрельбище, поставили туры и из-за них стреляли по городу и по нас и воду у нас отняли.

А как мы сидели в осаде и государю служили и с ними бились, и барагунской Илдар-мурза з братьею тайным обычаем, утаясь нас, с карагацким Чеполовым мурзою и с родною своею сестрою, а с ево, Чеполовою, матерью сыпался и выслал к ним утаясь нас, брата своею родного, Умархата, да с ним 10 человек узденей. А на другой // день он, Илдар, и сам з братьею своею и с узденями и со всеми черными людьми из Суншинского острогу вышел вон в их кумыцкую рать. А нам было ево, Илдара, з братьею и с узденями укрепить и удержать не в мочь, потому что нас сидело в Суншинском остроге немного и нам было усидеть от таких кумыцких и кизылбашских ратных больших людей не с кем, и мы поговоря с мурзою и з головою и сотником и с стрельцы, видя ево, Илдарову, измену, взяв в Суншинском остроге государев наряд, пушки и достальное зелья и свинец, и церковные книги и колокола, пометав свои статки и животишка, потому что нам стало не в мочь, чтоб государева казна, пушки, порох и свинец, книги и колокола, не пропало и нам бы напрасно вконец не погинуть. И божиею милостию и пречистой богородицы помощью и заступлением, а праведнаго государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси счастьем з государевою казною проехали в Терской город сквозь их кумыцких и кизылбашские заставы дал бог здорово.

А скаску писал суншинской подьячей Петрушка Казаков.

А назади у подлинной скаски написано: К сей сказке Благовещенского монастыря игумен Иона вместо терских атаманов и казаков всех станиц руку приложил.

РГАДА. Посольский приказ. Кумыцкие и тарковские дела. 1651 г. Д. № 1, лл. 275–278. Копия.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 258–260.

1653 г. между мая 15 и июля 10. — Отписка астраханского воеводы И. П. Пронского в Посольский приказ о приезде жены крымского хана в гости в Кабарду к своему брату Ходождуке Казыеву

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси холоп твой Ивашка Пронской челом бьет.

В нынешнем, государь, во 161 году мая в 15 день писали ко мне, холопу твоему, с Терка стольник и воевода Василий Волынской с товарищи. — Мая де во 2 день приехал ис Казыевы Кабарды в Терской город Канбулата-мурзы Черкаского уздень Магаматка, а в роспросе им в приказной избе сказал. — Посылал де ево с Терка в Казыеву Кабарду Канбулат-мурза для своего дела х кабардинским мурзам, к Алегуке Шегонукову да к Ходождуке Казыеву. И как де он, Магаматка, приехал в Казыеву Кабарду, и при нем де, Магаматке, приехала ис Крыму к Ходождуке мурзе Казыеву сестра ево родная, а крымского царя жена, на плач брата своего Ислама-мурзы, а с нею де приехал крымской ага да 20 человек людей. А сколько де ей в Кабарде у брата своего жить, тово он не ведает.

А как де он, Багаматка, ис Кабарды приехал в Малой Нагай, и при нем де, Магаматке, из Малого Нагаю многие татаровя с кошами своими пошли в Крым, а мурзы при нем в Крым ниhto не пошли. Да он же де, Магаматка, слышел в Малом Нагае от татар, что крымские де люди нынешняго лета идут войною литовского короля под городы, а царь де крымской с ними пойдет ли или царевичев пошлет, того он не ведает. А Чебан де мурза Ищереков с улусными людьми кочует ныне под Азовом.

На л. 7 об.:

Отметка о подаче: 161-го июля в 10 день с астраханским стрельцом з Гришою Васильевым.

Помета: Чтена.

РГАДА. Посольский приказ. Кабардинские дела. 1653 г. Д. № 1, л. 7.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 261–262.

1653 г. позднее мая 20. — Отписка астраханского воеводы И. П. Пронского в Посольский приказ о бое отряда терских служилых мурз с кумыкскими войсками

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси холоп твой Ивашка Пронской челом бьет.

В нынешнем, государь, во 161-м году мая в 20 день писали ко

мне, холопу твоему, с Терка стольник и воеводы Василий Волынской с товарищи. – В нынешнем де во 161-м году апреля в 11 день ведомо им учинилось, что Тарковской Суркай-шевкал послал от себя нагайских татар человек з двесте и больши под Терской город и пол астраханские улусы для языков и для отгону конских и животинных стад. И они де тем вестям, призвав в приказную избу князя Муцала Сунчалеевича да Канбулата-мурзу Черкасских, говорили им, чтоб они тебе, государю, службу свою показали для поиска тех воровских татар выехали вверх по Терку реке с твоими государевыми служилыми людьми в Кизларской острог, а на Царев брод и на иные перелазы, где пристойно посылали б они от себя проезжие станицы почасту, чтоб на перелазех на Терке реке над татары поиск учинить. Ди им же де князю Муцалу и Канбулату-мурзе говорили они, чтоб они послали от себя улусных своих татар под кумыцкое владенье для языков, чтоб про кумыцкие вести было ведомо. И князь Муцал де Черкасской с сыном своим с Канбулатом-мурзою и с узденями своими того ж числа пошел в Кизларской острог, да с князь Муцалом же де послали они окоцкого Чепая-мурзу Костровова // да конного приказу сотника стрелецкого Михаила Молчанова с терскими новокрещены и с конными стрельцы и с окочены, да табунного голову Тлева Тугашева с татары, да с ним же князь Муцалом посланы Танжехана-мурзы Арасланова уздени, а Танжехан де мерза в те поры был болен.

И апреля в 19 день писал к ним князь Муцал Сунчалеевич Черкасской, что он с твоими государевыми ратными людьми приехал в Кизларской острог и посылал от себя узденя своего Шейдячка да с ним десять человек улусных своих татар для языков за Терек реку на кумыцкую сторону под кумыцкое владенье. И апреля де в 17 день уздень ево Шейдячка с татары к нему князь Муцалу приехал, а в роспросе ему сказал, ездили де они в Кумыки под Ондрееву деревну и божиею де милостию и твоими государевым царевым и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии счастьем взяли в языцех меж Казаналпова и Чеполовова владенья Карахасая мурзы улусного татарина Кучючка и привели того татарина к нему, князь Муцалу.

А в роспросе де ему тот татарин сказал, что он Каракасаев улусной татарин Минского родства, а поехал де было он да с ним дватцать человек каракасаевых же татар для добычи под Терской город и он у товарищев своих // остался и ехал за товарищи своими и ево де взяли на дороге князь Муцаловы люди межу Казаналпова и Чеполовова владенья, да тот же де татарин сказал, что поехали де каракасева татаровя и тарковские тугунчи под Малой Нагай и под Терской город и под Астрахань многие люди, розделясь человек по сту и больши.

И он де, князь Муцал, по тем татарским роспросным речам послал от себя вверх по Терку реке на Царев брод и на иные перевозки в подъезд о дву конь узденей своих, и те де ево подъезчики приехав сказали ему, что де они наехали сакму с кумыцкой стороны через Терек реку против Царева броду на Черкасскую

сторону, и по той Сакме ездили, а по смете де по Сакме будет воинских татар человек з двесте и больши. И он де, князь Муцал, по тем вестям с твоими государевыми ратными людьми пошел от Кизларского острогу вверх по Терку реке на урочище на Кучюкову, и приехав на то урочище на верхнюю из голов послал от себя на Царев брод окоцкого Чепая-мурзу да с ним терских новокрещен и окочен и своих и Танжехан-мурзы Арасланова узденей, и велел де им стоять в крепких местах по Терку реке у Царева броду, чтоб учинить над теми воинскими татарами поиск.

Да апреля ж де в 21 день писал к ним князь Муцал Сунчалевич Черкасской, что приехал де к нему // с Царева броду Чепай-мурза с твоими государевыми служилыми людьми и сказал ему, что де он, Чепай-мурза, с твоими государевыми служилыми людьми стоял на Цареве броду, и тарковские де татаровя пришли к Цареву броду с степи и учинили с твоими государевыми служилыми людьми бой, и божиею де милостию с твоим государевым царем и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии счастьем тех татар многих побили и в языцах взяли дву человек татар.

И апреля де в 23 день князь Муцал Черкасской с твоими государевыми терскими ратными людьми пришел в Терской город, а в приказной избе сказал им то ж, что и в отписке своей к ним писал.

Да князь Муцал же де привел к ним взятых двух человек татар да третьего взятого ж татарина, которой взят на Кумыцкой стороне меж Казаналпова и Чеполова владенья, и они де, Василей с товарыщи, тех татар, которые взяты в языцах, расспрашивали и пытаться велели накрепко.

И в роспросе де и с пытки то татаровя сказались им улусные Чебана-мурзы Ищерекова Канмычком да Мамбетком зовут, Тогунчиева родства, а как де изменил тебе государю Чебан-мурза, отошел ис-под Астарахани кочевать в Тарки, а ис-под Тарков де пошел в Терскому городу и их де татар осталось в Тарках у Суркай-шевкала Кипчатцкого да Тогунчиева да Найманского родства изб триста // и в нынешнем де во 161-м году в апреле месяце, а которого числа того не упомянут, послал их ис Тарков Суркай-шевкал под Терской город и под Астарахань в Мочаки под улусы тарковских татар человек з двесте и больши для языков и для отгону конских и животных табунов. А перешли де они Терек реку с Кумыцкие стороны на Черкасскую сторону на Цареве броду, и поехали де они под Астарахань в Мочаки, и как де они будут на урочище на Алабуге и встретились де с ними два человека астраханских татар, и они де за ними гоняли одного татарина взяли, а другой ушел. А ехали де те татаровя из Астарахани на Терек с отписками и они де, взяв татарина и отписки поворотились назад к себе в Тарки, и как де они будут у Белово озера и с ними де встретились Малого Нагаю татаровя, которые шли в Астарахань с торгом, и у них де Малого Нагаю с татарами был бой и з бою де они тарковские татаровя пошли в Тарки и у Терка де реки блиско Царева броду пришли на них твои государевы терские

служилые люди и учинили с ними бой, и тарковских де татар твои государевы люди многих побили и ево, Калмычка, сама друга взяли в языцех.

Да они ж Калмычко да Мамбетко да Кучючко сказали, что у тарковского де Суркай-шевкала и у Казаналпа-мурзы в зборе ратных людей ныне нет //, а которые де кизылбашские ратные люди были под Суншинским острогом, и те кизылбашские ратные люди пошли к хану в Дербень. А про ссылку де они у шевкала и у Казаналпа-мурзы с крымским царем и с Чебан-мурзою и из Дербену де хану с ратными людьми куды идти, и про то и про иные де ни про какие вести они не ведают.

Да били де челом тебе государю Терского города служилые люди новокрещены и окочения и князь Муцала черкасского и Танжехана-мурзы Арасланова уздени, которые были посланы от князь Муцала на Царев брод с Чепаем-мурзою Костровым, чтоб ты, государь, их пожаловал велел о их службе отписать и послужной список послать ко мне, холопу твоему, в Астарахань. И они, василей с товарищи, послужной список прислали ко мне, холопу твоему, в Астарахань за рукою дьяка Кузьмы Патрекеева. И я, холоп твой, стою их послужного списка послал к тебе государю в приказ Казанского дворца список, а терской послужной список за рукою дьяка Кузьмы Патрекеева велел я, холоп твой, оставить в Астарахани в твоей государеве в приказной избе.

РГАДА. Посольский приказ. Сношения России с нагайскими татарами. 1653 г. Д. № 1, лл. 39—44.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 263—266.

1657, мая 17. — Грамота царя и великого князя Алексея Михайловича на Дон с изъявлением казакам похвалы за осадное сиденье в Черкасском городке и отражение крымских мурз с их союзниками таманцами и друг, и за доставление вестей о намерениях калмыков отложиться от государя и заключить союз с крымским ханом для взаимных действий против городов Московского государства и донских городков; о разведывании дальнейших намерений крымцев и калмыков и о доставлении вестей о том

От царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия, и Малыя и Белыя Росии самодержца, на Дон, в нижние и верхние юрты.

В нынешнем во 165 году, мая в 9 день, писали есте к нам, великому государю, с станичники своими, с атаманом с Прохором Ивановым с товарищи, что в феврале месяце приходили к вам на Дон, к Черкасскому городку крымские мурзы со многими людьми, а с ними таманцы, и черкасы горские, и кабардинцы, и Малого Ногаю, и темрюцкие и азовцы и вы от них сидели в осаде не малое время. Да к нам же, великому государю, писали вы, что многие крымские, и нагайские и азовские выходцы в распросех вам сказали: пришел де в Азов калмыцкой посол и из Азова пошел наскоро к хану Крымскому, а слышали де они, выходцы, в

Азов от турских людей, для де того калмыцкой посол к хану Крымскому пошел, что они под наше, царского величества, высокою рукою быти не хотят, а хотят де сложиться с крымским ханом и, утвердятся миром, хотят приходить заодно под наши, Московскаго государства, города и к вам на Дон – на Черкасской и на иные городки, и то нам, великому государю, по вашей отписке ведомо. И мы, великий государь, вас, атаманов и казаков, за вашу службу и за осадное крепкое сиденье и что о бусурманских замыслах к нам, великому государю, пишете, жалует, похваляем. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б про то проводывали подлинно: калмыцкой посол в Азов приходил и к Крымскому хану пошел, для ли того, чтобы им соединиться с крымскими людьми и что у них в том меж себя учинено, и где ныне Крымской хан – в Крыму хан – в Крыму ли или куды выступил, и будет выступил, и куды ево поход чаять и нечаять ли его походу на наши, царского величества, украинные города. Да что о том проведаете, и вы б к нам, великому государю, о том отписали в легких нарочных станицах, а сами от татарских приходов жили с великом береженьем. А буде крымские, и нагайские, или калмыцкие или азовские люди придут на вас войною, и вы б против их стояли и промыслы над ними чинили, сколько милосердный Бог помочь подаст, и к нам, великому государю, о том о всем писали, а посылали бы есте к нам, великому государю отписки и станичников, буде у вас от мороваго поветрия здорово, разведав подлинно и в правду; а будет в которых местех моровое поветрие было ли или ныне есть, и вам бы к нам, великому государю, станиц до зимы отнюдь не посылатъ, а писать о вся...»

Акты, относящиеся к истории Войска Донского (Собр. г-м А. А. Лишиным). Новочеркасск, 1894. Т. I. С. 53–54.

Письмо шамхала Тарковского Сурхая к астраханскому воеводе князю Г. С. Черкасскому

Около 1660 г.

Перевод с кумыцкого письма, что пишет к боярину и к воеводе ко князю Григорию Сунчалеевичу Черкасскому Суркай шавкал Тарковский.

Благодатному, храброму, милостивому, исконному брату нашему, великого государя воеводе князю Григорию Сунчалеевичу Гирей хан, шавкалов сын, с любовью покланяется. Потом слово мое то – С тобою у нас сходство не внове, при предках наших повелось; вами Русь познали, а мать твоя княгиня мне мать названная; головы наши и дома были заодно, и по вашему слову аманатов в Русь давали. А как Терский город погибал, в то время и я сам был городом и караулом, да и ныне берегу. Учинился было холопством, да и в Терском городе несколько недобрых воевод перебывало, о чем мы говорили, того не учинили. Узденей наших, товарищей наших люди бежали в Терский город, и они их крестили, нам не отдали. И караван наш терские казаки погромили, и мово человека 100 тюменов живота взяли и донским ка-

закам продали, мы у них выкупали. Многие животы у нас погромили и поимали. Меж вами шерть была издавно; терским воеводам говорили, шерть нарушили, шерть стала на них. А шерть была наша: а московских русских людей нам у себя неволею не держать, им иных наших холопей не примать и не держать. Перед отцом моим Гиреем и при дяде Ильдар-хане, как была честь нам и детям нашим, того не чинили. Много нам грубости чинили. А Терский город и ныне оберегаю, великому государю служу. А ему великому государю учинился холопом, хотячи кумыцкую землю в целости соблюсти. И ныне божием изволением, великого государя повелением приехал ты всю украину, в Астрахань, служить государю. И божиею милости вельми твоему здоровью и пришествию мы обрадовались, и хвалу богу воссылаю. А ныне у сына моего Казбулата с Магометовыми детьми учинилась ссора и убийства. И приехал ко мне, и я ту кровь утолить велел и замирил. А с тобою голова моя и дом мой заедино, а не врозь, на то Бог свыше зритель. Великому государю служу, а отлучили нас и кумычен терские воеводы. А про мои слова скажет тебе сын мой Казбулат, а я желаю твоему здоровью, а которые наши дела будут с сей стороне, и вам бы от писать, и твое слово будет исполнено, а терские воеводы нашего челобитья государю не доносят, и грабежного взятого живота моего и убекских [убеглых] холопей не отдают, дружбы не чинят, и листов наших государю не доносят.

Дела Кумыцкие: (около) 1660 г. № 2. Перевод с письма от Тарковского Сурхая Шевкала к астраханскому воеводе князь Григорию Черкасскому о бережении города Терек; о невыдаче оттуда узденей и о унятии терских казаков от нападения.

Опубликовано в книге: Академику Н. Я. Марру. М.;Л., 1935. С. 754—755.

1661 г. ранее декабря 21. — Запись в Оружейной палате о посылке грамоты в Астрахань о высылке черкасских оружейников

Послать государева грамота в Астарахань к боярину, чтоб из горо[дов] мастеров прислал на время, которые бы умели пансыри делать и которые сабли куют черкаские и заколывают, а корм бы им дал большой, чтоб им государю послужить, учеников выучить. А как учеников выучат их отпустить с Москвы тотчас.

Послать грамота с... мурзою князь Ханаевым.

РГАДА. Оружейная палата. Ст. № 7849, л. 5.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 267.

1661 г. апреля 24. — Грамота из Оружейной палаты астраханскому воеводе Г. С. Черкасскому с товарищами о приглашении в Москву черкасских оружейников

От царя и великого князя Алексея Михайловича /т./ в нашу отчину в Асторохань боярину и воеводам нашим князю Григорью Сунчелеевичу Черкасскому, да окольничему Василью Семеновичу Волинскому да стольнику Андрею Яковлевичу Дашкову, да дьяком нашим Павлу Сишановскому да Петру Ковелину.

Указали мы, великий государь, в Асторохани тебе, боярину, и воеводам нашим, князю Григорью Сунчелеевичу с товарищи призвать и прислать к нам, великому государю, черкас пансырного дела самых добрых мастеров да булатного сабельного дела сварщиков, самых же добрых мастеров.

И как к вам ся наша великого государя грамота придет, и тебе б боярину и воеводам нашим князю Григорью Сунчелеевичу с товарищи призвать милостиво и прислать к нам, великому государю, к Москве черкас пансырного дела мастеров да булатного сабельного дела сварщиков самых добрых же мастеров. А скольких человек тех мастеров призвав к нам, великому государю, пошлете, и тебе б боярину и воеводам нашим князю Григорью Сунчелеевичу с товарищи их мастеров нашею государьскою милостию обнадежить: как они будут у нас, великого государя, на Москве, и мы, великий государь, их, мастеров, пожалуем, великим учинить свое государево годовое денежное жалованье и корм большой. А в дорогу там мастером указали мы, великий государь, дать поденного корму, пансырного дела мастеру по 8 алтын по 2 деньги, а булатного сабельного дела сварщику по 5 алтын.

А которого числа и с кем именем тех местеров пошлете, и вы б о том к нам, великому государю, отписали, а отписку велели подать и мастером явиться в оружейной полате окольничему и оружейничему нашему Богдану Матвеевичу Хитрово да стольнику нашему Афонасию Ивановичу Нестерову, да дьяку нашему Богдану Арефьеву.

Писан на Москве лета 7169 апреля в 24 день.

РГАДА. Акты исторические. Т. IV, № 155.

Архив ИГИ КБНЦ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 268—269.

1662 г., апреля 24. — Грамота царя и великого князя Алексея Михайловича на Дон с изъявлением похвалы казакам за поход с воеводою Яковом Хитрово под Каланчинския башни, за посылку низовых казаков и татар в Крым для языков и за доставление вестей о том; с посылкою жалованья и о продолжении действий над Крымом с князем Каспулатом Сунчелеевичем Черкасским, калмыцкими татарами и запорожским атаманом Брюховецким

От царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, на Дон, в нижние и в верхние юрты, атаманом и казаком, Осипу Петрову и всему Войску Донскому.

В нынешнем во 170 году, апреля в 1 день, писали к нам, великому государю, вы, атаманы и казаки, с станичники своими, с атаманом с Родионом Осиповым с товарищи, что февраля в 25 день ходили вы, атаманы и казаки, с воеводою с Яковом Хитрово и с нашими ратными людьми под Каланчинские башни, для языков и подлинных вестей, и под теми башнями, на казачьем ереке, на заставном карауле, взяли татарина. Да феврал ж в 24 день посылали вы, атаманы и казаки, низовых казаков и татар под Крым, для языков же и подлинных вестей, и те ваши посыльщики под Перекопью на бою взяли татарина ж; и тех взятых татар не посла-

ли к нам, великому государю, за тяжелыми ранами, а что вам те взятые татарове в распросе сказали, и нам, великому государю, по отписке нашей известно. Да марта в 8 день посылали вы, атаманы и казаки, под городок, которой поставлен на Донце, для языков, и те ваши посыльщики взяли под городком крымского тартина и прислали его к нам, великому государю, с станичники своими. И мы, великий государь, вас, атаманов и казаков, за вашу службу жалует, милостиво похваляем. Да били челом нам, великому государю, вы, атаманы и казаки, что служите нам, великому государю, всякие наши службы, и мы, великий государь, вас, атаманов и казаков, за вашу службу и радение пожаловали, велели к вам нашего, великого государя, жалованья с станичники вашими, с атаманом с Родионом Осиповым с товарищи, послати денег 2000 рублей. Да указали мы, великий государь, быти в нашей, великого государя, службе на Царицыне князю Каспулату Сунчалеевичу Черкасскому, а с ним воеводам нашим со многими ратными конными и пешими людьми; а велено им, ссылаясь с подданными нашего царского величества калмыцкими тайши и с воеводы, которые ныне на Дону, и с вами, атаманы и казаки, и с подданными нашего царского величества с запорожскими черкасы, над Крымом и над крымскими улусы промысл чинити, сколько милосердый Бог помощи подаст. И как к вам ся наша, великого государя, грамота придет, и вы б, атаманы и казаки, видя нашу, великого государя, к себе премногую милость и жалованье, нам, великому государю, служили и со князем Каспулатом Сунчалеевичем Черкаским и с воеводы, которые с ним, князем Каспулатом Сунчалеевичем, и которые на Дону с нашими ратными людьми, также и с нашим, великого государя, подданным войка Запорожского с кошевым гетманом с Иваном Брюховецким ссылаясь, над Крымом и над крымскими улусы, прося у Бога милости и у Пречистыя Богородицы и у всех святых помощи, промысл чинили, сколько милосердый Бог помощи подаст. А наш, великого государя, указ Каспулату Сунчалеевичу Черкасскому, и в воеводам нашим, и к кошевому гетману к Ивану Брюховецкому и к калмыцким тайшам о том послан. А станичников ваших, атаман Родиона Осипова с товарищи, пожаловав нашим, великого государя, жалованьем, указали отпустить к вам на Дон.

Писан на Москве, лета 7170, апреля в 24 дон.

Акты, относящиеся к истории Войска Донского (Собр. г-м А. А. Лишиным). Новочеркасск, 1894. Т. I. С. 70–72.

1662 г., октября 15. — Грамота царя и великого князя Алексея Михайловича на Дон с изъявлением похвалы казакам за успешные переговоры их посыльщиков с калмыцкими тайшами, за поход в степь для языков, за бой с азовцами и под Калачинскими крепостями, поставленными Крымским ханом, за прорытие Казачьяго ерика и поход на море и о доставлении вестей о результате этого похода

От царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, на Дон, в нижние и в верх-

ние юрты, атаманом и казаком, Корнилу Яковлеву и всему Войску Донскому. В нынешнем во 170 году писали к нам, великому государю, вы, атаманы и казаки, с станичники своими, с атаманом с Леонтьем Пушкинским с товарищи: в прошлом во 169 году посылали вы, атаманы и казаки, с Дону своих донских казаков Федора Будана да Степана Разина к калмыцким тайшам, и те ваши посылщики в войско к вам пришли, да с ними ж пришли на нашу, великого государя, службу, на Дон, калмыцких воинских людей с 500 чел. с астраханцом с Андреем Нарманским с товарищи; да с теми ж калмыцкими людьми прислал Казбулат мурза Черкасской узденя своего Абжуку. И вы, атаманы и казаки, с нашими, великого государя, ратными и с калмыцкими людьми ходили в степь для языков, и из Азова...

Акты, относящиеся к истории Войска Донского (Собр. г-м А. А. Лишиным). Новочеркасск, 1894. Т. I. С. 72.

1664 г., 8 ноября. — Запись о приеме в Посольском приказе кабардинского мурзы Алея Олегуковича Черкасского (названного после принятия им христианства Михаилом).

173-го, ноября в 8 день великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович указал быти у себя, великого государя, новокрещену князю Михаилу Алегукову сыну Черкасскому.

А как он войдет к великому государю в полату и явити его великому государю челом ударить думному дьяку Алмазу Иванову.

А молить — великий государь и великий князь Алексей Михайлович новокрещен князь Михайло Черкасский вам, великому государю, челом ударил и на вашем царском жалованье челом бьет. И великий государь пожалует ево к руке и велит ево спросить о здоровье думному дьяку Алмазу Иванову.

А после того думный дьяк говорить ему речь и скажет великого государя жалованье. А молить — князь Михайло, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович велел тебе говорить, познав ты истинную нашу православную христианскую веру греческого закона, бил челом нам, великому государю, чтоб мы, великий государь, пожаловали велели тебя крестить в православную христианскую веру. И мы, великий государь, пожаловали тебя в православную христианскую веру по твоему челобитью крестить велели, и ты б в православной христианской вере был крепок и обещанье свое как обещался во святом крещении помнил всегда, соблюдал непорочно и нам, великому государю, служил и прямил и на наше государское жалованье был надежен, а мы, великий государь, учнем тебя держати в нашей царской милости и в жалованье. А что ты познал истинную православную христианскую веру добрым своим изволением крестился и мы, великий государь, за то тебя милостиво похваляем и жалует тебя нашим царским жалованьем.

Шуба атлас з золотом на соболях, шапка лисья, кубок... стак... братина... ковш серебряной. Отлас золотной, бархат гладкой, 2 отласа гладких, 2 камки... камка... 40 соболей, денег 150 руб.

Царское ж величество жалует тебя с своей государской коношней жеребец со всем конским нарядом, да своего, государе-

ва, жалованья велел тебе оклад учинить поместной 1200 чети, денег 150 руб. и велел тебе быть у себя, великого государя...Да сказать в стола место корм и отпустить на подворье.

АВПРИ. Ф. Кабардинские дела. 1664 г. Д. 6/№, л. 3—6.

1670—1690-е гг.

1675, сентября 6. — Отписка государю царю и великому князю Алексею Михайловичу донских атаманов и казаков о походе под Азов и об одержанной победе

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, холопи твои, донские атаманы и казаки, Корнилко Яковлев и все Войско Донское, челом бьют. В прошлом, великий государь, во 182 году, в разных месяцах и числах ходили мы, холопи твои, под Азов для поиска над неприятели и для ведомости азовских вестей во многие походы, и августа в 11 день побрали мы на Калачинском острове, на переправах, многих татар, а иных, государь, побили и русский полон отбили; а сказывали нам, что были они в русских городех и громили твои, великого государя, украинные городы. А которые, государь, браны азовские люди прежде сего и после, и те нам, холопем твоим, сказывали, которые де каторги приходили к Азову для обереженья с воинскими людми, и они де починевали у города худыя места, и башни и роскаты и пошли за море августа в 22 день. А будут ли они еще к Азову или нет, про то неведомо; а иных, государь, крепостей по се число нигде не ставили. Да в прошлом же 182 году, августа в 28 день, по твоему, великого государя указу пришел к нам на Дон князь Каспулат Муцалович Черкасской с черкесы, и с калмыцкими мурзами и с ратными людми на твою, великого государя, службу, и мы, холопи твои, служа тебе, великому государю, ходили на твою, государеву, службу под Азов с ним, с князем Каспулатом Муцаловичем и с калмыцкими и ратными людми сообща, конная и пешая. Да с ними ходили твоего, царского величества, столник и полковник Григорий Иванович Косагов с твоими, великого государя, ратными людми, и были под Азовым в нынешнем во 183 году, сентября в 1 день, и Божиею милостию и твоим, великого государя, счастием, многих азовских людей побили, и языков поимали, и скот отогнали и многих людей христианские веры из неволи выручили. А воего царского величества от столника и воеводы князя Петра Ивановича Хованского с товарищи пришли к нам, холопем твоим, передовые люди сентября в 5 день. А со взятым языком послали мы, холопи твои, к тебе, великому государю, к Москве атамана своего Петра Билдина, а с ним рядовых казаков: Алексея Раскащика, Михайла Андреева, Павла Григорьева, Гавриила Григорьева, Данилу Яковлева, Еремея Игнатьева, Петра Юдина, Петра Никитина, Семена Андреева, Григория Чубарова, да татарина Есипулдайка, а станичники отпущены сентября в 6 день.

Акты, относящиеся к истории Войска Донского (Собр. г-м А. А. Лишиным). Новочеркасск, 1894. Т. I. С. 90—91.

О приеме царем и великим князем Михаилом Федоровичем черкесских мурз

Того же дни у Государя Царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси на дворе в золотой полате Черкасские Коншева Мурзы с товарищи на отпуске были и Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси Черкасские Коншева Мурзы с товарищи челом ударили, и государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси Черкаского Коншева мурзу с товарищи жаловал была им подача меда, а у подачи дано им Государева жалованья платья Коншева мурзы посольского приказу по памяти и по росписи за приписью дьяка Савы Романчюкова велено изготовить шуба соболью под камкою пугвицы серебряны в 25 рублей, шапка лисья в 7 рублей. А по Государеву имянному приказу дана ему шуба камочка желта...

Кологривов С. Н. Материалы для истории сношений России с иностранными державами в XVII в. СПб., 1911. С. 59.

(Выписки из Дворцовых Разрядов)

7182 г. (1673). Декабря в 25 день, на Рождество Христово...

Того ж дни послал Государь, на Саратов, на встречу к князю Каспулату Муцаловичу Черкасскому, с своим государевым жалованьем, с милостивым словом и о здоровье спрашивать, столника князь Федора княж Андреева сына Хилкова. И указал Великий Государь князь Каспулату Муцаловичу Черкасскому ехать к себе Великому Государю, к Москве по прежнему своему государеву указу.

7183 г. (1674 г.) Сентябрь. Того же числа пригнал гонец из Астрахани, от околничего от Ивана Михайловича Милославского с товарищи, с тем, что князь Булат Муцалович Черкасский перешел под Царицын с Калмыки, а с ним калмыков 2000 и пошел под Азов...

7184 г. (1675 г.) Майя в 4 день, писал к Великому Государю из Черкасских городов етман Иван Серик, что вышли из Крыму хан Крымской, и царевичи, и Народын со всею Ордою и везырь Турской, а в Крыму оставили только старых и молодых, и хотят иттить собравшись под Киев. И чтоб Великий Государь изволили прислать своих государевых бояр, и воевод, и ратных людей на помощь и Шляхту Смоленскую к боярину к князь Григорью Григорьевичу Ромодановскому с товарищи, да чтоб Великий Государь указал иттить под Киев же, против Крымских же людей, Булату Муцаловичу Черкасскому с калмыки и с товарищи, с его государевы столники и воеводы.

7185 г. (1675 г.) Того же году, Майя в 6 день, указал Великий государь послать боярину князь Михайлу Юрьевичу Долгорукову да думному дьяку Григорью Караулову на встречу, нарочно выбрав из столников или из стряпчив, с милостивым словом, и с жалованьем и своею Великого Государя грамотою князь Булату

Муцаловичу Черкасскому, и велено ему сказать, чтоб он опять воротился к себе с дороги и собрався с Калмыки и с государевыми столники, и воеводы и с ратными людьми, пошел против крымского хана, и царевича Калги, и народына, и Крымских людей и Турских тотчас, не мешкав. А что учиниться милостию Божиею, и их государским счастьем и его службою и раденьем, и о том ему велено отписать к Великому Государю и прислать от себя нарочно; и сколько с ним пойдет Калмык и государевых ратных людей всех будет, и ему велено тоже отписать для ведомства обо всем подлинно. А будет ратных государевых людей мало, и ему велено тоже отписать; а кого от себя станет посылать с какими государевыми делами и с отписки, и им велено явиться приехавши к Москве, в приказ Казанского дворца, боярину князю Михайлу Юрьевичу Долгорукову да думному дьяку Григорью Караулову с товарищи...

(1675 г.) Того же году, июня в 3 день, приехал к Великому Государю, к Москве, князь Касбулат Муцалович Черкасской, да с ним выехал к Великому Государю мурза Нагайской да его же уздени Черкасы; а поставлен за Москвою рекою на Телятевском дворе и узденям его отведены подле него же двory посадских людей; а мурзе Нагайскому отведен двор за Москвою же рекою.

Того же году прислан нарочно из походу к боярину к Артемону Сергеевичу Матвееву да к думному дьяку посолского приказу Григорью Богданову с товарищи конюх; а указано ему боярину Артемону Сергеевичу Матвееву ехать самому на двор к князь Касбулату Муцаловичу Черкасскому и велено ему сказать, чтоб он ехал, по указу Великого Государя в поход на Воробьеву гору к руке и с узденями своими с Черкасы.

А сказав ему князь Касбулату Муцаловичу указ Великого государя, указано ему боярину самому быть тотчас, не мешкав в походе к себе, Великому Государю; да ему же указано боярину Артемону Сергеевичу Матвееву прислать вместе с князь Касбулатом Муцаловичем в поход же к руке мурзу Нагайского.

Того же году, июня в 4 день, по указу Великого Государя, поехал с Москвы в поход к Великому Государю на Воробьеву гору к руке князь Касбулат Муцалович Черкасской, да с ним мурза Нагайской да его уздени Черкаские. А лошади под ними даны, по указу Великого Государя, с его государевы конюшни со всем нарядом; а послал те лошади, Великий государь по присылке и по памяти из Посолского приказу боярина Артемона Сергеевича да думного посолского дьяка Григорья Богданова с товарищи, яселничей Федор Яковлевич Вышеславцев до дворянин Дмитрей Кузмин сын Булгаков да дьяк Андрей Черной к нему к князь Булату Муцаловичу, да к мурзе нагайскому да к узденям с столповым прикащиком со всем нарядом; да перед ним же ехали в поход государева конюшенного чину 30 человек, на лошадях Великого же Государя, а за ним ехали уздени его и Черкасы горские, которые с ним приехали, человек с пятьдесят...

А как Великий Государь указал ему князь Касбулату Муцало-

вичу и мурзе Нагайскому быть к себе Великому Государю к руке, в шатры, и по него был послан, по указу Великого Государя посолский дьяк Емельян Украинцов. А как князь Касбулат Муцалович и мурза были у Великого Государя у руки, и его объявлял Великий Государь боярин Артемон Сергеевич Матвеев; и к руке их ставил к Великому Государю он же. И службу его многую чел думной дьяк посолского приказу Григорей Богданов, как он Великому государю служил, и Астрахань и Терки очистил, и воров и изменников и богоотступников Стенку Разина и с братом его Фролом побил наголову и совсем их разорил и с товарищи.

А как Великий Государь их жаловал к руке князь Касбулата Муцаловича, и мурзу Нагайского, и узденей и Черкас, и его Великого Государя держал под руку и стоял с правой стороны боярин князь Юрья Алексеевича Долгоруково; да по обе же стороны стояли столники и ближние люди. Да его ж Великий Государь князь Касбулата Муцаловича пожаловал, велел о здоровье спросать боярину Артемону Сергеевичу Матвееву и велел ему сесть, оприченно бояр, на особой скамье, а скамья была покрыта ковром золотным; а сидел против Великого Государя, где садятся царевицы при Великом Государе, а не с бояры. Да его ж Великий Государь жаловал за его службу медом красным, а с ковшом являлся столник князь Василей Васильевич Голицын; а как он ковш меду, Великое Государево жалованье, выпил, и его объявлял Великий Государь он же столник князь Василий Васильевич; да ему же государево жалованье дано, за его ж службу: кубок, да шубу золотную на соболях в двести рублей, да шапку горлатную, да 40 пар соболей до 100 рублей денгами; да ему ж государево жалованье сказано, вместо стола, что жалует Великий Государь от своего Великого Государева стола яствою и питьем. А объявлял ему Великого Государя жалованье, питье и яству, боярин же Артемон Сергеевич Матвеев. Да его же узденям пожаловал Великий Государь, указал дать свое государево жалованье из своей государевой казны, из посолского приказу, боярину Артемону Сергеевичу Матвееву да думному дьяку Григорью Богданову, за их службу: соболи, и сукна и денежное жалованье по указу; и им дано Великого Государя жалованья по шубе, да по шапке, да по сапогам да по 5 рублей денег. Да ему ж Великий Государь указал князь Касбулату Муцаловичу боярину Артемону Сергеевичу Матвееву да думному дьяку посолскому Григорью Богданову с товарищи и его узденям давать поденные кормы, против своего ж государева указу, покамест ему с Москвы отпуск будет.

(1675 г.) Того же годы посланы, по указу Великого Государя, грамоты по всем городам и воеводам: на которой город придет князь Касбулат Муцалович Черкасской, и ему указано давать, по указу Великого Государя, корм и подводы, не мешкав. А указ Великого Государя послан из посолского приказу, от боярина от Артемона Сергеевича Матвеева да от думного дьяка Григорья Богданова с товарищи.

(1675 г.) Того же году пожаловал Великий Государь князь Касбулату Муцаловичу Черкасскому свое государево жалованье: органы да два кречета; а органы велено ему отослать из посольского приказу боярину Артемону Сергеевичу Матвееву да думному дьяку Григорью Богданову.

А кречеты посланы к нему, по указу Великого Государя; с соколники, а посылал, по указу Великого Государя, с кречетами соколников столник и ближней человек Алексей Петров сын Салтыков.

Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной его Императорского Величества канцелярии. Т.3 (1645—1670 гг.). СПб., 1852. Т.4 (1676—1701 гг.). СПб., 1855.

1682 г., сент. 2. — Известное письмо о князьях Хованских

Ц.г. и в.к. Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу в В. и М. и Б. Р. // с. извещают московский стрелец да два человека посацких людей на воров, на изменников, на боярина князя Ивана Андреевича Хованского да на сына ево князя Андрея Ивановича: на нынешних неделях призывали они нас к себе в дом девяти человек исхотного чина да пяти человек посацких людей и говорили, чтобы мы помогали им достигнути царства Московского, и чтобы мы научали свою братью, чтоб ваш царский корень извести и чтоб прийти большим собранием из невест в город, и называть вас, в.г. еретическими детми, и убить вас, государей обоих и царицу Наталию Кириловну, и царицу Софию Алексеевну, и патриарха, и властей, а на одной ты царевне князь Андрею женитца, а достальных бы царевен постричь и розослать в дальние монастыри; до бояр побить одоевских троих, Черкасских двоих, Голицыных троих, Ив. Мих. Милославского, Шереметьевых двоих и иных многих людей из бояр.

РГАДА. Ф. 179, оп. 2, д. 205, лл. 97 об. — 98.

Восстание в Москве 1682 г. (Сб. докум.). М., 1976.

Не ранее конца 1683 г. — Записная книга Разрядного приказа за 15 мая — конец дек. 1682 г.

Лета 7190-го мая в 15 день была на Москве смута: приходили в Кремль солдаты Матвеева полку Кравкова да стрельцы всех приказов с копы и з бердыши и с ружьем, а пушкар с пушки, и, вшед в Кремль, стреляли из ружья и побили боярских людей и лошадей многих, а иных переранили. И пришед к Красному крыльцу, стали во всем своем ополчении. И по указу в. г. выходил к ним боярин князь Иван Андреевич Хованский // и спрашивал их: для чего вам так приход? И они боярину все говорили будто изменяют в г. г. бояре и чтоб государя царевича и великого князя Иоанна Алексеевича оказали. И боярин те их речи в. г. извещал.

И в. г. и государыня царица и государь царевич и светейший патриарх к ним выходили к ним на Красное крыльцо. А к ним вниз посылали уговаривать бояр князь Михайла Алегуковича Черкас-

ского, на нем и кофтан изодрали, князь Ивана Андреевича Хованского, Петра Васильевича Шереметьева Большого // князь Василья Васильевича Голицына. И они били челом в. г. и бояром, извещали, чтоб в. г. им указал выдать бояр князь Юрья Алексеевича Долгоруково, князь Григорья Григорьевича Ромодановского, князь Михаила Юрьевича Долгоруково, Кирила Полуехтовича Нарышкина, Артемона Сергеевича Матвеева, Ивана Максимовича Языкова да боярина и оружейничего Ивана Кириловича Нарышкина, постельничего Алексея Тимофеевича Лихачова, // казначея Михаила Тимофеевича Лихачова, гашника Семена Ивановича Языкова, думных дьяков Лариона Иванова, Григорья Богданова, Данила Полянского, Аверкея Кирилова, спальников Афонасья, Льва, Мартемьяна, Федора, Василья, Петра Нарышкиных...

И в. г. указал им сказать, что их у него, в. г. никого нет в Верху. И они пошли все вверх с ружьем в ево в. г. хоромы и к государыне царице, и к государю царевичу, и к государыням царевнам // и искала в хоромех и везде. И взяв бояр Артемона Сергеевича Матвеева кинули ево с Краснаго крыльца на копья, князь Григорья Григорьевича Ромодановского, взяв у патриарха, убили же против Посольского приказа протозаном; а князь Михаил Юрьевича Долгоруково с Верху же кинули на копья; а Ивана Максимовича Языкова, изловя на Микитцкой и приведши к Орхангелу, изрубили же за час до вечера один полк...

А князь Юрья Алексеевича Долгоруково на его дворе, кинув с крыльца больнаго, четвертовали и положили на площади против его двора; а Лариона Иванова и сына ево Василья, и полков // ника Андрея Дохтурова и Григорья Горюшкина изрубили же; да начальнаго человека Богдана... Спаса с Верху к собору и на копья; а Офонасья Нарышкина, сыскав у Спаса к Верху в церкви, что у государыни царицы, под престолом, бив, кинули на копья же. И тела их всех снесли в Спасския ворота на Красную площадь к Лобному Месту и там над ними наругались же. И, сшед с Верху, Судной и Холопей приказы разорили, вынесши, всякия письма изодрали. Да, не зная, стольника Федора Петрова сына Салтыкова в государевых мастерских сенех изрубили же, а чаели его быть Нарышкиным. // А Петра Фомина сына Нарышкина убили за Москвою рекою.

А назавтрея того дни мая в 16 день приходили также на Постельная крыльцо с ружьем. И выходили к ним говорить государыни царевны, чтоб они, помня кресное целованья, так к ним в дом их государев не приходили с невежеством. И они били челом против прежнего же челобитья. Да они же били челом, чтоб им выдали дохтуров Степана жида да Яна. И великий государь указал им их выдать — думнаго дьяка Аверкея Кирилова, дохтура Яна да Степанова сына. И они // их убили же, а тех всех, о которых они в. г. били челом, простили. А Ивана Нарышкина и Степана дохтура государыни царевны упросили до утрея, а того дни их не сыскали. И они пошли два...приказа в Немецкую слободу и Степана дохтура, сыскав в нищенцком образе, привели в Верх и отдали за караул.

И майя в 17 день приходили на Постельное же крыльцо также и к ним выходили государыни царевны же и изволили им говорить, чтоб они для их государского многолетнего здоровья боярина Кирилу Полуехтовича Нарышкина и дохтура Степана простили. И они боярина Кирилу Полуех // товича простили, а чтоб ево постричь; а тех бы выдали, и хотели итить в Верх. И в. г. их указал выдать. И они, взяв их, Ивана Нарышкина и Степана дохтура, повели в застенки в Константиновскую башню и пытали, и после пытки изрубили их в части, и череп Ивана Нарышкина на копье взоткнули.

И майя в 18 день приходили же всех приказов выборные люди без ружья и били челом в. г. и государыням царевнам, чтоб бояри на Кирилу Полуехтовича Нарышкина указал в. г. постричь. И в. г. указал ево постричь в Чю // дове монастыре, а на постригании указал в. г. быть боярину князь Семену Андреевичу Хованскому да окольничему Кирилу Осиповичу Хлопову; и, постригши ево, сослать в Кирилов монастырь; а во инах имя ему Киприян.

А в те три дни, как они приходили со всем ружьем, как побили татар, били в набат и в барабаны. А которых побитых домов их людей и всяких чинов грабили их дома, и они, и они, их хватая, казнили же и меж себя положили, что ничьих домов не грабить. // И майя в 19 день били челом в. г. об заслуженных денгах, салдаты и стрельцы и пушкари со 154-го году; и тех денег надобно 240 000 рублей. Да их же в. г. пожаловал на человека по 10 рублей. И в. г. указал те денги збирать со всего государства и суды серебряные брать, а ис тех судов указано делать денги. Да они же били челом в. г. которые побиты бояре и думные люди и животы // их побраны на в. г., и чтоб в. г. указал те животы оценить и, оценив, отдавать им же.

И майя в 20 день били же челом в. г., чтоб в. г. указал сослать в сылки постельничего Алексея Тимофеевича Лихачова, окольничего Павла Петровича Языкова, чашника Семена Ивановича Языкова, думного дворянина Микиту Ивановича Акинфиева да думных диаков Григорья Богданова, Данила Полянского да спальников Степана Ловчикова, Лва // да Мартемьяна, да Федора, и иных роду всех Нарышкиных, Андрея Матвеева да стельников Петра Меньшова Лапухина, Василья Бухвостова, Юрья Лутохина, и ево постригли, и полковников прежних, на которых били челом.

Майя в 26 день нарекли государя царевича и великого князя Иоанна Алексеевича всеа России на царства.

Того же числа били челом великим государем люди боярские разных домов о свободе, чтобы им быть безкабально, и воровские составные челобитные подносили. // И в. г. указали их ловить стрельцам и приводить, и приводя, их пытать и казнить, а иных бить кнутом за их воровское составное челобитье. И велено у всяких чинов, у людей их всяких чинов иметь скаски про воровскую составную, челобитную и промысл и хто про то ведает за руками тех людей.

Того же году июня в 5 день была тревога во всех приказах, а взымали в то число боярских людей. А в приводе оне сказали, будто собрались боярския // люди в Марьинской роще и хотят

рубить стрелецкия приказы. И в тое тревогу была стрельба во всю ночь везде из всякого ружья. А наутрея их, пытав, казнили за их воровство.

Того же году июня в 13 день привели Адышевской земли царевича Матвея Дедионова сына, и он доводил на бояр на князь Никиту Ивановича и сына ево князь Якова Никитича и на боярина и на дворецкого князь Василья Федоровича Одоевских, будто они говорили, что стрельцов вешать // и казнить и рубить; да с ним посадцкой человек ерославец.

И июня в 14 день указали в. г. их пытать. И они с пытки, винулись, что бояр тем поклепали, а ерославец говорил с пытки, что будто хотел и Москву зажигать. И за тот их воровской состав казнили.

Того же числа, пытав по челобитью стрельцов, казнили стольника Степана Янова да Матвея Вешнекова пытали же.

Того же числа били челом в. г. чтоб на Красной площади сделать им // столб. И по их челобитью тот столб зделан. Того же числа по указу в. г. даны им жалованные грамоты салдатом и стрельцам; и посадцким людем, и чернослоботцам, а велено звать стрельцов надворною пехотою, а стрельцами не называть; на том столбе подписано против тех в. г. грамот.

И с того числа немногие дни были без стрельбы, а во всех слободах стреляли из ружья.

И августа в 20 день был в походе приклеян на воротех лист в Коломенском, // а в том листе было написано, что изменники бояре князь Иван и князь Андрей Хованские промышляют над в. г. всякое дурна и хотели быть на Московском государстве, да они же хотели убить светейшего патриарха Иоакима и восхитить на соборную и апостальскую церковь да они же хотели побить бояр князь Никиту Ивановича, князь Якова Никитича, боярина и дворецкого князь Василья Федоровича Одоевских, князь Михаила Алегуковича, князь Михаила Яковлевича Черкасских, // князь Василья Васильевича, князь Андрея Ивановича, кравчаго князь Бориса Алексеевича Голицыных, боярина и оружейничаго Петра Васильевича, Бориса Петровича Шереметьевых, Ивана Михайловича Милославского и иных многих бояр.

И 191-го году сентября в 1 день в. г. к Москве на действа не ходили, а велели быть ему, князь Ивану Хованскому. И он ослушался и на действа не ходил. // И сентября в 3 день пошли в. г. в поход в Звенигород и оттуды к Троице.

И сентября в 16 день в селе Воздвиженском измена их через переметныя многия письма объявилось, и посылана по ним в. г. грамота.

И сентября в 17 день посылан по указу в. г. в село Пушкино для князь Ивана Хованского боярин князь Михайла Ивановичь Лыков, а с ним стольники и стряпчие, и дворяне московские, // и жильцы, и люди боярские; и ево, князь Ивана, изловя под Пушкиным, а сына ево в деревне против Братовшины князь Андрея, привезли к в. г. в село Воздвиженское. И как ево привезли, и в то время сидели бояре и окольничие, и думные люди все на площади

против церкви. И чел ему князь Ивану, и сыну ево князь Андрею наказ и измену ево думной диак Федор Шеклавитов. И за их измену указали в. г. казнить смертью, и, ответши их головы отсекли, и погребать их у церкви не указали. // И после обедни сведав сын ево князь Иван да племянник ево князь Федор, которые жили у них, в. г. в комнате, измену свою побежали не походу. И князь Федора изловили, а сын ево князь Иван ушел к Москве и прибежал к Москве час ночи, а их казнили до вечера за час; и прибежав он, князь Иван, к Москве в полки, сказал, будто боярин князь Михайла Иванович Лыков, собрался з боярскими людьми изрубили без указу в. г. отца его и брата и, пришед к Москве, будто хочет рубить надворную пехоту всех. И пушки и пороховую казну всю розабрали во все полки по себе и с Москвы // никоно не пропускали, и хотели итти к в. г. в поход и стоять за них, изменников; да к ним же не пристали стремянной да выборной полки. А которые были на Москве бояре и дворяне, и всяких чинов государева двора, и люди боярские и они их хотели рубить. И к ним в полки посылан з грамоты в. г. стольник Петр Петров сын Зиновьев; они грамот учинились непослушны. И в. г. того же числа пошли к Троице и во все города указали послать для ратных людей грамоты.

И сентября в ... * день приезжал к Троице в Сергиев монастырь Иларион, митрополит Суздальский и Юрьевский, а с ним были выборные от всех полков; и они к в. г. прихаживали с повинною. И в. г. и государыни царевны изволили сидеть на Успенской паперти и вины им пожаловали, простили и указали им, привести князя Ивана сына Хованского князь Ивана же, а полками били челом, чтобы им писатца стрельцами ж.

И октября в ... день привезли выборные всех полков к в. г. поход князь Ивана Хованского скована в телеге.

И октября в ... день указали в. г. казнить смертью ево, князь Ивана; и в том пожаловали, смертью казнить ево не указали, а велели ево сослать в ссылку в Сибирь.

И октября в ... день сказали всех полков, будто Павлов сын Языкова Иван приезжал на кароулы и сказывал, будто бояря идут с полки к Москве, и Хованских убил князь Михайла Лыков с людьми боярскими, и они ево привезли вместе окована Троице с Хованским, оковав.

И октября в ... день смутились за Московую рекою Павлов приказ Бохина. И в. г. указали болши у них ружье обобрать. И они к в. г. приходили с плахою в город и с топором и вину свою принесли в. г. и в. г. выслали к ним боярина Петра Михайловича Солтыкова да окольничего Кирилу Осиповича Хлопова, да думнава дьяка Феодора Шекловитого, и в. г. пожаловали, велели им вина отдавать; а кои стрельцы беголи по слободе и говорили, что де пора опять завадить по-старому, итти в город, и их в. г. указали казнить смертью. А в ыные месецы до году была же осторожность во всех полках; и пущих заботчиков казнили, а иных, пытав, сослали в ссылки.

РГАДА. Ф. 156, д. 147. Подлинник, лл. 37–50.

Восстание в Москве 1682 г. (Сб. докум.). М., 1976.

ПОВЕСТЬ О ЖЕНИТЬБЕ ИВАНА ГРОЗНОГО НА МАРИИ ТЕМРЮКОВНЕ

В лето 7072-го повелением царя Ивана Васильевича ходил из Свияжска царь Шихалей Касимовской Волгою-рекою на стругах под Астрахань, на Кутумовской остров, с силою многою. А в те поры Астрахань была дерновая, в верх 9 сажен. А мурза был в то время черкасов горских в Астрахани Теврюг Юнгичь. И много Шахалей, царь касимовский, ратовался со астраханцы, и ничево не починил, лишь московские сил и казанские много потерял.

И пишет мурзе черкаскому Шихалей: «Теврюг Юнгичь! Поко-рися грозному и сильному царю государю нашему Ивану Васильевичу. Он тебя, государь наш, не ведаешь чем пожалует. Аз и царь, да ему, государю, покорен и слуга его волный». Мурза же глаголет Шихалею: «Царю Шихалей! Отпиши царю своему Ивану Васильевичу: еще однородную мою и прекрасную и любезную дщерь Марию Теврюговну поимет за себя царицею, то с нею и до устья реки Волги, до моря, и в верх по Яику и с черкасы поклонюся ему, государю».

Сея слышав, царь Шихалей Касимовской отряжает посланника своего из Астрахани в царствующи град Москву ко царю Ивану Васильевичу, дав ему грамоту, сице написанну: «Грозному, и страшному, и сильному, и великому государю, нашему царю и великому князю Ивану Васильевичу. Холоп твой Шихалей, царь касимовской, пад на землю, прेमного челом бьет твоему царьскому пресветлому величеству. По твоему великому страшно приказу из Свияжска-города с великою московскою силою и казанскою в Златой Орде на Кутумовском острове под градом Астраханью елико с воинством мужествовав, и Астарахани не взял. А взять ея не мочно, потому что стоит на воде и крепче Казанского царствия. И того града Астарахани мурза черкасов горских Теврюг Юнгичь мне, холопу твоему царю Шихалею, написал письмо за своею рукою руским языком, буде царь Иван Васильевич поимал за себя дщерь мою любезнейшую в царицу себе, аз-де Астраханью и то усть реки Волги, до моря Хвалынского и по морю улусами черкасскими, и в верх по реке Яику, и людми, которые во всей моей Золотой Орде черкасы горские живут, поклонюся ему и грамоту дам на всю свою державу до века. И тебе, великому государю Ивану Васильевичу, как бог известит в размышление твоём, мне, холопу твоему, о всем опиши и царствуй вовеки». Сию грамоту отписа царь Шихалей и посла скоро, повелевая в пять дней к Москве пригнать, а с Москвы в пять дней же. И той же царь Шихалей послал в Казань, повелев запасов и казны прислать скоро.

Приехав же скороходец в московское государство пред царя Ивана Васильевича всея Росии в самый господьственный день Воскресения Господня, еже есть велик день христов, в три час дни и обрете его, государя, стояща, в соборной церкви Успения пресвятыя Богородицы, слушающа божественную литоргию на цар-

ском своем месте. Круг же ево бояре и князи стояху, и дядюшка его Никита Иванович Романов близ его стоял. Преосвященный Филипп – митрополит со властью служаще божественную литургию. И причастися царь от руку ево святого тела и крове Христа, Бога нашего, и паки ста на царском своем месте. Борзоходец же прииде пред царя и паде о церковный помост, а грамоту от царя Шихалея выше главы своея держа. И паки, встав, поклонися второе и третье до земли и отдает грамоту в руке ево.

Царь же прием грамоту и узре печать Шихалея, царя касимовского, радостен бысть. И, отслушав божественную службу, поиде в полату свою. И взяв ево, дядюшка Никита Иванович Романов под руку ево, и прочии велможи во царские палаты с ними же идяху. И сяде он на своем царском перстоле, распечатав грамоту, и учал ея смотреть. И, посмотря, велел грамоту писать царю Шихалею, имуще писание сицево: «Великий во царех и сильный в сильных и страшный в страшных всеа великия Росии и славенские земли казанския обдержатель, царь и великий князь Иван Васильевич, самодержец северных страны, верному моему слуге Шихалею, царю касимовскому и казанскому, радоватися. Приях писание твое и прочтох пред вельможами моими и похвалихом тщание твое, еже к моему пресветлому величеству, и неизменную твою службу, еже о моей державе страждеши. Пишу к тебе скоростию: ежи еси в грамоте своей ко мне писал, буди по глаголу твоему; только образ ея написав, пришли со устроением лепоты лица ея в златом одеянии в видь удобь доброту ея и отчима светлость. И не опишиши во всей доброте ея и лепоте и подменный образ, в место ея иной, не напиши. И не поругайся моему царскому пресветлому величеству, и не восприими нужная себе и горчайшая смерти».

Сия написав, царь Иван Васильевич, и подпечатав перстнем своим любезнейшим, на нем же сам написан, и даде сия борзоходцем, повеле скоро ехать к Шихалею в Златую Орду, еже Астрахань именуется. Вскоре послании с писанием царевым прибегоша во Астрахань и отдаша Шихалею. Царь же прием послание от царя Ивана Васильевича, распечатав и прочет, радостен бысть. И поиде к мурзе Теврюгу Юнгичю и прочет перед ним вся, елика отписа к нему царь. Теврюг же радостен бысть и светел, рече Шихалею: «На три дни дай сроку – образ написан будет любезнейшая моя дщери Марии, не подобает бо никому же прежде царя на цареву дщерь и царицу зрети. А образ ея написан будет, никому же не показан будет, разве тебе единого царя Шихалея». И повеле царь Шихалей воинству своему твердо и опасну, и оружну быти.

Минувшим же трием днем звание прииде царю Шихалею в полаты Теврюговы. И поиде царь и с ним сто человек от воинства его храбрых людей. И прииде в полату, иде же образ написан Марии Теврюговны. Царь же, пад перед образом ея, сице рече: «Господине Теврюге! Аще сицевая доброта дщери твоя, а наша великия государыни Марии Теврюговны, то государю нашему царю и великому князю Ивану Васильевичу любима будет, а нас, он государь, за сие великое дело жаловать станет, а сия дщерь твоя

с ним, государем, царствовать в велицей славе станет». Теврюг же рече Шихалею: «Иди и зри на дочь мою». Царь же рече: «Не возможно никому от слуг царевых на царицу прежде царева видения зрети, но уверения ради да увижу». И поведоша царя Шихалея в полату, иде же она сидяше на престоле висоце.

Царь же поклонися ей и возре на ея, и удивися. И не мног час размышляя о лепоте ея лица и доброте возраста ея. И рече: «Достойна сия красота государю нашему, царю Ивану Васильевичу, с ним царствовать в пресветлом его величестве и государстве». И паки Шихалей паде на землю и поиде ис полаты. И приемлет образ написанный и посылает его к царю Ивану Васильевичу в радости велицей. И даде борзоходцем, повеле скоро отвести.

Царевна же Мария Теврюговна за своею печатью посла с ними же, борзоходцы, ларец злат, а в нем ширинка златотканная с камением драгим жемчюгом великим. Царь же Шихалей образ лица ея и лепоты в той же ларец положи и устрои его утврдо, и запечатав златым своим гербом, и вскоре повеле гнати к царю к Москве. И грамоту посла с тем же борзоходцы, сице написано: «Грозному и сильному царю Ивану Васильевичу. Слуга твой Шихалей-царь рабское поклонение творит твоему пресветлому царскому величеству до лица земнаго. По твоей государевой грамоте все повеление твое исполних и о чем ты, великий государь повелел еси прислал к тебе, и вся наказанная тобою твердо снабдех и испытах со опасением, и послах в руке твои. Царствуй, государь, вовеки и навеки».

Прибегоша же послании в царствующий град Москву от царя Шихалея и приидоша в полату пред царя Ивана Васильевича. И, падше, поклонишася ему и поставиша пред него златый ларец. Царь же, распечатав ларец и отверзе его и поиде с ним в ложницу свою с дядею своим Никитой Ивановичем Романовым. И изем образ писанный, его же Шихалей – царь прислав из Златые Орды, царевны Марии Теврюговны. И удивился доброте ея и лепоте лица ея. И рече дяде своему Никите Ивановичу: «Видиши ли лепоту и доброту сию пресветлую? В выборе у меня велможных детей благообразных дев болши 100 было, а одна не судит половиною сиевыя красоты и доброты, некоторая из них не судит».

Посем разогнув ширинку и виде в ней вещи зело мудры и дивны. И удивился зело сиевому премудрому делу царь, и многия часы размышляя, в недоумении велицем бе камению драгому и жемчюгу крупному. И повеле изнести из сокровищ своих драгия своя вещи и камения многоцветныя, и повеле с ними сложити – и не обретеса ни един проиву присланных, еже царь Шихалей присла из Астрахани.

И посем царю Ивану Васильевичу в похотение прииде, ежи пояти за себя великую государыню Мирию Теврюговну. И посла по митрополита Филиппа всеа Росии, да приидет к нему в полату. Митрополит же Филипп скоро прииде к нему. И советовав с ним царь много, и поведи хотение свое, рече: «Благослови мя, честный отчет». Митрополит же повеле ему по воли его быти и благослови его честным крестом маия в 7 день в 3 час дни. Царь же

митрополиту великий духовный праздник сотвори и угости, и дары великия даде, и с честью его проводи в патриархию его.

И скоро повеле воеводам своим и князем пред собою стати. И избра от них 12, и воинства 24 тысячи московских стрелцов, и девиц благообразных 24, и жен велможских 30, и княгинь и вдов избра 50. Воеводам же даде одеяние злато и девам и вдовам, и женам летники златыя, и всему воинству одеяние цветное и, просто рещи, всех наряди в золоте. И посла их к Шихалею, царю касимовскому, в Астрахань в самый день ангела своего мая в 8 день на память святого апостола Иоанна Феолога. И твердо им заповеда, да в 6 недель от Москвы станут в Астрахани. На Коломне же стругов взять повеле 120, уготованы бо быша повелением царевым. И тако поиде сила от Коломны Окою рекою день и ночь безпрестанно. И ехаша да Казани пять на десять дней. И тамо с луками казанских татар взяша 2000 человек, оружия в Свияжске взяли двести пушек, казны пороховые взяли шестьсот пуд. И тако поиде московская сила в Астрахань Волгою-рекою повелением царя Ивана Васильевича. И ехаша 4 недели.

И приехаша в Астрахань в 5 час ночи-такое царю повелевшу. И не доехав да Астрахани 3 версты, весть послаша к царю Шихалею, яко «Сила идет московского царя, а с нею 12 воевод, силы же с ними 26000 и жен, и дев 104, по царицу Марию Теврюговну». Царь же Шихалей радостен зело бе о таком великом деле и повеле из оружия стреляти на мног час. Приехаша же в Астрахань послани от царя Ивана Васильевича июня в 30 день на память святых апостолов 12. Наутри же в 1 день июля воеводы с царем Шихалеем, девицы, вдовы и жены, вси в златом одеянии, — с град силою мною, больши 4000, внидоша во Астрахань.

И по башням и по воротам повеле царь Шихалей московской силе стати со всеоружеством своим, сами же поидоша в палаты царевны. Исходит мурза Теврюг Юнгичь и спрашивает о царстве здравии. Воеводы же поведаша, яко: «Здрав есть государь наш грозный и сильный царь Иван Васильевич, и царствует в радости велицей». И принесоша ему порфиру от царя и венец, и возложиша на главу ему, и поклонилася ему. Он же противу им поклонися, рече: «Многа лета государю царю Ивану Васильевичу и з градом сим, и со всею Златою Ордою. И аз после любезнейшая своя дщери Марии Теврюговны выду из града сего вон, за реку за Яик, и тамо себе жилище починю до смерити своя, и улус починю на оной стране реки Яика».

Внидоша же послании в полаты Теврюговы и узреша дщерь его, великую государыню Марию Теврюговну, сидящу на престоле превознесение злате, и сама златотканными одеждами оболчена, и от драгих камени светится вся полата, от красоты ея. И, падше, поклонилася ей вси послании от царя Иоанна Васильевича и даша ей венец и перстень царев злат. Она же, встав со престола своего и облобызав венец и перстень, и паки сидя на престоле своем. Брат же ея Машрюк стоя подле ея на правой стране, мати же ея подле ея сидяще, на ином престоле. И рекоша послании: «Госпоже цари-

це! Время створите повеленное нам». Она же повеле им прибыти до заутри и угостити любезно, и всех их высала из полаты своея.

И призва к себе Шихалея, повеле ему устроить три корабля. И вся сокровища драгия в ковчегах и ларцах, и сундуках повеле в них ис полат своих износить. И наполниша два корабля златом и серебром, и камением драгим, и ризами многоценными, и одеяниями драгими и завесами заморскими, третий же корабль – всяких питей заморских и запасов, и рыб всяких, и икор, и хлеба, и мяс, и, просто рещи, всего на путное шествие настави. Воинству же московскому – всякому человеку на себя запасу повеле брати, елико сила может.

И призва к себе воевод московских, отдаст им град весь Астрахань и з жителями его. Отцу же своему рече: «Батюшка мой Теврюг Юнгичь! После меня и часу не живи во граде сем, поедь амо же хочещи. Мене же, любезнейшую свою дочь, прости». И охапися с ним, и плакася на мног час, та же с материю своею, последнее целование восприем, плака же ся. И поклонися им до земли. Посем прислании от царя Ивана Васильевича девицы подхватиша ею на руках своих и несоша во уготованный ей корабль иже взят в Казани повелением московского царя, в нем же казанский царь на реке Волге шествие и утешение, и веселие примаше. Подобен орлову летанию чердак у корабля, весь стеклян вылит, верх же златом устроен. И брата ея присного Масрюка с нею в корабли остави, и лехких людей гребцов 12 человек в корабли ея устрои, и девиц 15 лепых пред нею стояти повеле, сам же Шихалей-царь с воинством московским и воеводами по обе страны корабля царицы плываху, гребуще день и ночь. И тако пустишася от Астрахани месяца июля в 2 день.

Посла же из Астрахани Шихалей к великому государю царю Ивану Васильевичу посланника своего, скороходца з грамотою: «Великий и грозный над цари царь Иван Васильевич, многолетствуй в радости и царству вовеки! Для твоя царския светлости и утехи пустилися с царевною из Астрахани июля в 2 день во втором часу дни. И оставил я в Астрахани шесть воевод, а с ними силы 50000 стрелцов. А мурза и царь черкасов горских Теврюг Юнгичь выступил с черкасы, и 2000 с ним с женами и детьми поехали за реку Яик к морю Хвалынскому, а городом Астраханью поклонился тебе, великому государю царю Ивану Васильевичу, дщерю свою великою государынею царевною Мариною Теврюговною, и всею Золотою Ордою. И ныне мы, государь, твоим пресветлым величеством, идем Волгою-рекою, по милости великаго бога здравы, в радости. А силы со мною, холопом твоим, дватцеть тысяч, а пушек с нами 66, а пороху сто пуд, а лушников, гордых стрельцов с луками из Казани татар, 2000 человек. И идут они по обе стороны реки Волги в великом управлении опасны».

Сия слышав, царь возрадовался зело, что бог без крови Астраханское царство под Московскую державу поручил и покорил. И абие совет творит самодержец со святителем Филиппом, митрополитом всея Росии, да повелит преосвященному митрополиту

Гурию Казанскому и Свияжскому просветити святым крещением царевну Марию Теврюговну. Митрополит же повеле по воли его быти, рек: «Царю великодержавный! Воля господня да будет и твоя! Яко же хочещи, твори».

И повеле царь скоро ехать вельможе своему во град Казань, а с ним сто человек стрельцов, легких людей. Написа же грамоту к Гурию, первосвятителю Казанскому, имеюще писание сие: «От царя и великаго князя Ивана Васильевича, московского и новгородского, и казанского и астраканьского, и всеа великия России, и северныя страны самодержца, во град Казань преосвященному Гурию, архиепископу Казанскому, радоватися и молити за общаго нашего владыку и бога за спасение наше. Пишу я к твоей кротости и советом великаго архиерея преосвященного Филиппа, митрополита всеа России, да пресветиши святым крещением, яко же лепо по правилом святых апостол и святых отец, астраканскую царевну, великую княгиню Марию, и с великою честью отпустиши ея ко мне, дав свое благословение. Лепоты же и доброты ея телесныя да не даси в видение многим. Ты же, архиерею великий, и восприемник ей будучи. Старейшую же от вдов, иже с нею, избери в восприемницы ей, иже тебе Бог известит. Купель же избери пространну или повели зделати вскоре древодельцем. А крести ея за подсолнешником со всем освященным собором. И всем воеводам казанским повели изыти на стретение ей с великими похвалами, а даров, что в Казани оставлено от нашего величества в ларьцах, камок и бархатов, и отласов, и участков золотых в казне моей царской, все ей в дары отдайте. Царю же Шихалею повели твердо и опасно о ней имети попечение и до самого нашего великаго царствующаго града Москвы. А на месте, на берегу Волги-реки, вели построить началным града часовню в 5 часов и украси ея чудными иконами, и в ней крести любезнейшую мою царицу Марию. И единому от велмож и князей доброты ея не покажи, толко ты, святителю Гурие, и восприемница будте. В корабль же и с корабля вели изводить со страхом, чтобы порухи и злохитрия никакова не было. А кто, невежа, неискуство какое починит, велю царю Шихалею смерти предать. Пожалуй, великий и честный архиерею Гурие, сотвори наше повеление и спасайся о господе».

Приидоша же посланнии в Казань и архиепископу послание царево вдавши и благословение от него приемше. Он же вопроши о цареve здравии. И прочет писание и, яко же лопе, порадовался. И посла по началных града. И приидоша. Прочет пред ними послание царево. Они же, слышавше, падоша на землю, отздравствоваша царю и архиепископу. И во всем по повелению цареву исполняху.

Повелеша древодельцем часовню строить, иконописцем же подписывать под шатром на часовне лета, день, и месяц, и повеление царево, и коего ради дела часовня состроена бысть — тако архиепископ Гурий повеле сотворити во удивление прежде будущим родом. Посем иконами украси и подписа в ней в ней стеном писмом. И тако состроиша часовню июля в 20 день на память святого пророка Илии. В осмое лето царства государя царя и

великого князя Ивана Васильевича, в 4-е лето по взятии Казани и по усмирении татар, в 20 лето возраста его построена часовня она, в ней же крещена великая государыни, царя Ивана Васильевича сожителница, царица Мария Теврюговна, астраханского черкасского царя Теврюга дщи.

Вельможа, иже от царя прислан ко святителю Гурию с писанием, повеле воеводам дати воинства ему 1000 стрелцов ехать на стретение великия государыни к Шихалею, царю касимовскому, с писанием от царя, емеюще послание сицево: «Превысочайшей мой и любезнейшей, и величайшей царице и государыне всея великия Росии Марии радоваться, а о путном великом, животу при скорбном пути горести не имети: в веселии безмерном царствия моего радоваться со мною имаши во славе велицей. А и аз, великий во царех, о твоей пресветлой доброте и лепоте возраста твоего в велицей скорби и в тузе-печали есм, не вем, како дождатися и насладитися доброты твоея. Того ради, любезнейшая моя, велико тщание и скорость велех творити о тебе. Еще же и писание послах о тебе в Казань первосвятителю Гурию, еже просветити тебе святым крещением и всяко промышление о тебе творити. Ты же во всем его, яко отца, послушай. У святого же крещения ни единому от человек не вели стояти. Часовня же устроена на крещение твое, вели ея затворити. Святителя же Гурия ни в чем не срамляйся, яко отца своего. От воевод же дары прими против величества своего, вели им со страхом предстоять. Неискусных и невежей вели царю Шихалею смерти предать, сама же в великую печаль не вдавайся, но радуйся паче, яко от царствия в царствие идиши. И потом мир ти, любезнейшая моя». Еще вписа царь Шихалею: «Блюда мужественно и снабди крепко, и опасение чини твердо. Аще твоим небрежением что неискусно учинится над любезнейшею моею, глава твоя отсечена да будет».

Прием же велможа у казанских князей 1000 воинов, елико многии во стретение царице поезде и обрете их на устье реки Камы. И, приехав, vele пристати не доезжая поприща единого, и пойде пешь и с воинством до царицына корабля, ему же недалеко от берега гребущу. И, пад пред ним, поклонися трижды велможа же в златом одеянии и отдает послание Шихалею-царю. Он же, прием его, поклонися. И присташа ко берегу. Воинство же все на берегу круг стаха вооружени. И нача царь Шихалей прочитати писание от царя Ивана Васильевича, еже выше написано, единой царице. Она же, слышавши сие, возрадовашеся радостью великою, еже сподобитися ей святого крещения.

И тако поехала во град Казань. И, недоезжая три поприща, повеле воинству всему изо оружия всякого стреляти, яко и солнца в дыму не видети, и гласа не слышать. Воинства же с царем Шихалем от Астрахани шестьдесят тысяч. Князи же казанстии, слышавше царицино пришествие, идоша противу ея во сретение в златых одеяниях, 12 князей, — тако бо повелено от самодержца держати град Казань. И паки падши пред кораблем и лежаху на мног час. Царица же от великия радости испущаще слезы и радо-

вашея душею, видяще по велению сожителника своего царя Ивана Васильевича честь ей воздаему противу достоинства ея величества. И приехала до часовни, и присташа ко берегу. И устроиша исходы ис корабля, и город поставиша выбойчатой, еже сама царица из Астракани с собою везе, и окружиша часовню в него. И никому не повеле в него входить, разве архиепископа Гурия.

Архиепископ же по чину церковному нача глаголати молитвы оглашенные и благослови ея, и поклонися. Царица же святителю поклонися до земли и глаголет ему: «Сотвори мя, честный отче, христиану, яко желает душа моя». Святитель же поведает ей вся, елика сотвори в Казани. И како Казань взя, и вся ей о цари поведает: и обычай его, и нрав — вся ей сказа. Она же радовашеся о всем, яко же святитель сказа. И посем святитель Гурий повеле уготовати купель и воды налитя ея. И нача действовати над водою, яко же повелевает молитвосло. Царицу же повеле ввести в часовню и открыти ся низу, и во единой ризе стояти, всех же предстоящих ей извести ис часовни, токмо восприемницу ея остави. И сам святитель действоваше един — тако бо царю повелевшу. И просвети ея святым крещением, и проводи ея в корабль ея.

Воеводы же принесоша дары, яко же повеле им царь. И, приемша у них, повеле им от питей своих покой дать велий. Святителю же Гурию даде много злата и сребра на соделание честным сосудом, камок же и бархатов даде на священныя ризы. И, прием благословение от него, рече: «Отче великий архирею Гурии! Моли за мя богу, грешную». Святитель же отпусти с нею чудотворныя образы, устроены златом и с камением светлым. И повеле вести ея к Москве, царю же Шихалею повеле твердо и опасно имети о ней попечение, яко же царь повеле. Шихалей повеле воинству остаться в Казани 20000, в Свияжске 20000 же, с собою же повеле итти до Касимова 20000. И тако, богу им поспешествующу, вскоре приидоша в царствующий град Москву месяца августа в 15 день на праздник пресвятыя богородицы, честнаго ея успения. Крещена бысть великая государыни в Казани Гурием-архиепископом месяца июля 22 день на память святыя Марии Магдалины в 19 лето возраста своего.

Вестники же к царю Ивану Васильевичу приидоша и поведоша ему пришествия великия царицы Марии. Он же радостен бысть зело и повеле всем бояром своим и князям, и воинству своему изыти во стретение ея, и корету свою царскую извести и привести ея скоро. Привезоша же послании без всякого медления великую царицу введоша ю во светлую полату. И державу ея жены велможские под руке ея. Царь же сидя на престоле своем.

Царица же повеле подсолнешник сняти с себя и поклонися пред образом всех бога трижды, и паки паде пред царем и поклонися ему дважды. Царь же зря на нея и во изумлении велицем бе, дивяся красоте лица ея и доброте тела ея. И рече: «Блаженна сия красота, яко в велицей радости веселится имаши». Ем ю за руку ея и посади на престоле своем подле себя. И любезно облобызася, и всем велможам повеле поклонитися ей. Они же падоша на

землю пред нею. По всем повеле царь нянькам своим вести в светлицу ея и нарядити в порфиру и венец, сам же нарядися во одеяние светло и венец возложи на главу свою.

И посла по митрополита Филиппа. И вскоре митрополит прииде. И рече ему царь: «Отче честный! Совекупи мене законным браком с любезнейшею моею». И повеле извести пред митрополита. Изведоша же ея, она же поклонися ему. Митрополит же благослови ея честным крестом, рече царю Иоанну: «Радуйся царю великодержавный и честный самодержче, яко обрел еси сожителницу себе подобну величеству твоему, обрел еси сокровище себе, полно камении драгих и чюдных! Величайся с сею красотою во многолетном здравии вовеки». И поклонися царю и царице до земли, и повеле итти царю с царицею в соборную церковь пресвятыя Богородицы честнаго ея Успения. Митрополит же повеле всему собору облещися во священнический чин, сам же во всю священную одежду облечися. И нача священная почину действовать, яко же правила повелевают: сотвори прежде обручение, потом венчание и повеле начати священником божественную литоргию. И прияша царь и царица святое причащение от руку его. И по отпущте проводи их митрополит с чюдотворными иконы в царския его полаты, и, молебная совершив, возвратися в митрополию свою. Царь же многи дары митрополита одари и весь священний собор.

И нача с царицею своею царь и великий князь Иван Васильевич, с великою княгинею Мариею Теврюговною царствовать любезно. Сокровища же ея, их же из Астракани привезе, повеле с великим утверждением и снабдением пред себя поставить. И тако град Астрахань покорена бысть сим делом, яко же о ней zde писано есть. Царя же Шихалея многими одарив дарми: даде ему град Казань в снабдение его и в веселие и Астраханью ему же повеле, Шихалею, владети и попечение о нем творити.

И тако поживе царь Иван Васильевич с царицею своею Марьею 8 год и месяц 6. И окормлена бысть от изменников отравою от столника Василия Хомутова с товарищи, их же царь Иван Васильевич злой смерти предаде: в котле свари. А род их весь перевешал и з женами и детьми.

Сборник ГПД, собр. ОЛДП, д. 155, л. 204–219.

Опубликовано С. К. Росовецким в книге «Памятники культуры. Новые открытия 1975». М., 1976. С. 31–37.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБКН — Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов

АВГРИ — Архив внешней политики Российской империи

АИ — Акты исторические

ВУА — Военно-Ученый архив

ДРВ — Древняя Российская Вивлиофика

ИГИ КБНЦ – Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Правительства КБР
 КРО – Кабардино-русские отношения
 ЛОИИ – Ленинградское отделение Института истории
 МВКЛ – Метрика великого княжества Литовского
 НИА СПб ИИ РАН – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук
 ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
 ПДРВ – Продолжение Древней Российской Вивлиофики
 ПОИВАН – Петербургское отделение Института востоковедения АН
 ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
 РБС – Русский биографический словарь
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
 РИО – Русское историческое общество

ПРИМЕЧАНИЯ

Кабарда и Россия: истоки союза единения

¹ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. М., 1974; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963.

² Дзамихов К. Ф. Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик, 2001. С. 71.

³ Кажаров В. Х. К вопросу о территории феодальной Кабарды // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 11. Нальчик, 2004. С. 4–21.

⁴ Кажаров В. Х. К вопросу о территории феодальной Кабарды // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 11. Нальчик, 2004. С. 4–21.

⁵ Дзамихов К. Ф. Традиционный адыгский мир: Территориально-демографическое измерение // Мир этноса (аспекты и методы исследования). Нальчик, 1999. С. 299–312.

⁶ Дзамихов К. Ф. Адыги в политике России на Кавказе. С. 344.

⁷ Там же.

⁸ Кабардинский фольклор (вступительная статья, комментарии и словарь М. Е. Талпа). М.; Л., 1936. С. 140–144, 594–595, 628–629; Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1982. С. 65; Гадло А. В. Князь Инал адыго-кабардинских родословных // Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 25–33; Он же. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994. С. 23–26, 73, 75, 151–152; Хотко С. Х. Черкесские (адыгские) правители Египта и Сирии в XIII–XVIII вв. Майкоп, 1995. С. 113–131.

⁹ Ногмов Ш. Б. Указ соч. С. 96; Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 156–160.

¹⁰ Интериано Дж. Быт и страны зихов, именуемых черкесами //

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов (в дальнейшем: АБКИЕА). Нальчик, 1974. С. 49.

¹¹ Бгажноков Б. Х. Образ жизни адыгской феодальной знати // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 78–104.

¹² Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е гг. XVII в.). М., 1963. С. 88–133.

¹³ Кажаров В. Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. Нальчик, 1994. С. 250–251.

¹⁴ Моков Б. М. Феодальные группировки, междоусобная борьба в Кабарде в XVII в. и отношение к ней русского правительства // Сборник научных работ аспирантов. Нальчик, 1965. С. 63–86; Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 303.

¹⁵ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. Т. 1. С. 276–279, 290–301, 366–372.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Кожев З. А. Иерархические связи кабардинцев с народами Северного Кавказа (XVI–XVIII вв.) // Исторический вестник. Нальчик, 2005. С. 118–145.

¹⁸ Дзамихов К. Ф. Этнос в точке бифуркации: адыги между Россией, Крымом и Османской Турцией // Мир этноса. Процессы самоорганизации социальных и этнических систем. Нальчик, 2005. С. 79.

¹⁹ Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. Очерки по истории геноуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII–XV вв. // Исторические записки. 1938. Т. 3. С. 128.

²⁰ Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887; Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами. М., 1948.

²¹ Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М., 1990. С. 36–53.

²² Некрасов А. М. Указ. соч. С. 52.

²³ Айтберов Т. М. Надгробия Сефевидов второй половины XV в. на территории Дагестана (К истории шиизма на Северном Кавказе) // Кавказ. Балканы. Передняя Азия: Сборник научных трудов северокавказского регионального отделения. МНАБ. Вып. 2 (9). Махачкала, 2004. С. 17–27.

²⁴ Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV – начало XVII в. М., 1955. С. 827.

²⁵ Дзамихов К. Ф., Иваноков Н. Р. Мехмед Синай «История Ислам-Гирея III». К историко-лингвистической характеристике неизвестной крымской хроники XVII в. // Актуальные проблемы общего и кавказского языкознания. Нальчик, 1997. С. 111–114.

²⁶ Сборник Русского исторического общества (в дальнейшем: РИО). Т. 41. С. 111–112.

²⁷ Сборник РИО. Т. 41. С. 357, 381.

²⁸ Некрасов А. М. Указ. соч. С. 88.

²⁹ Дзамихов К. Ф. К характеристике русских письменных источников по истории Кабарды (XI – конец XVIII вв.) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984. С. 7–9.

- ³⁰ Некрасов А. М. Указ. соч. С. 104–105.
- ³¹ Полное собрание русских летописей (в дальнейшем: ПСРЛ). СПб., 1904. Т. 13. Первая половина. С. 228.
- ³² ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. Первая половина. С. 259.
- ³³ Там же.
- ³⁴ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. Первая половина. С. 267–277.
- ³⁵ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 210–211.
- ³⁶ ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. С. 283–284; Дзамихов К. Ф. К генеалогии западно-адыгских Черкесских княжеских родов в XVI–XVII вв. // Известия Северокавказского научного центра высшей школы. 1990. № 2.
- ³⁷ ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. С. 320, 324.
- ³⁸ История Адыгеи (С древнейших времен до конца XIX в.). Майкоп, 1991. С. 89.
- ³⁹ ПСРЛ. Т. 13. Вторая половина. С. 332.
- ⁴⁰ РИО. Т. 71. С. 94, 156; Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 235; Кабардино-русские отношения (в дальнейшем: КРО). М., 1957. Т. 1. С. 9.
- ⁴¹ ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. С. 284–288; КРО. Т. 1. С. 5.
- ⁴² ПСРЛ. Т. 13. Вторая половина. С. 324, 330.
- ⁴³ Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 80.
- ⁴⁴ РГАДА, ф. Крымские дела, кн. 10, л. 59–59 об.
- ⁴⁵ Милюков М. Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 263; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа... С. 237–239.
- ⁴⁶ КРО. Т. 1. С. 13.
- ⁴⁷ КРО. Т. 1. С. 14–15.
- ⁴⁸ Ахмадов Я. З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988. С. 25.
- ⁴⁹ КРО. Т. 1. С. 14–15, 16–17, 18–20; Садиков П. А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. М., 1947. № 22. С. 144–147.
- ⁵⁰ КРО. Т. 1. С. 27–28, 31, 396.
- ⁵¹ Там же. С. 34–35.
- ⁵² КРО. Т. 1. С. 50–51.
- ⁵³ КРО. Т. 1. Док. № 31–34.
- ⁵⁴ КРО. Т. 1. Док. № 31–34. С. 56.
- ⁵⁵ Там же. С. 59.
- ⁵⁶ КРО. Т. 1. С. 65.
- ⁵⁷ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа... С. 278.
- ⁵⁸ КРО. Т. 1. С. 65–66.
- ⁵⁹ РГАДА, ф. Сношения России с Турцией, кн. 3, л. 288 об., 296; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 2 (1533–1560) / Изд. подг. Г. Ф. Карпов // Русское историческое общество (в дальнейшем: РИО). СПб., 1887. Т. 59. С. 449; Броневский С. М. Исторические выписки. С. 44–45; КРО. Т. 1. С. 71.
- ⁶⁰ Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 61.
- ⁶¹ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 453–456, 476.
- ⁶² Там же. С. 350; КРО. Т. 1. С. 385.

- ⁶³ РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1640, № 1, л. 230–247; КРО. Т. 1. С. 192–197.
- ⁶⁴ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 553–561.
- ⁶⁵ Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 68.
- ⁶⁶ Очерки истории СССР XVII в. М., 1955. С. 919.
- ⁶⁷ Смирнов Н. А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях в XVI–XVIII вв. Нальчик, 1948. С. 26.
- ⁶⁸ Смирнов В. Д. Указ. соч. С. 225, 247, 347–398.
- ⁶⁹ История народов Северного Кавказа. М., 1988. Т. 1. С. 336; Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX вв. М., 1998. С. 138–140.
- ⁷⁰ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 528.
- ⁷¹ КРО. Т. 1. № 44–48; Юдин П. Мурза Сунчалей Янглычевич (один из деятелей Смутного времени) // Русский архив. М., 1913. № 2.
- ⁷² Акты исторические. СПб., 1841. Т. 3. № 248, 257, 269; Документальная история образования многонационального государства Российского. С. 140–156.
- ⁷³ КРО. Т. 1. С. 84–85; Белокуров С. А. Указ. соч. С. 558.
- ⁷⁴ Кушева Е. Н. Северный Кавказ и международные отношения XVI–XVII вв. // Исторический журнал. М., 1943. № 1. С. 67.
- ⁷⁵ Веселовский Н. И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1892. Т. 2. С. 223, 262, 381; СПб., 1898. Т. 3. С. 125; КРО. Т. 1. С. 88; Документальная история образования многонационального государства Российского. С. 151–152.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ КРО. Т. 1. С. 89, 162.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ КРО. Т. 1. С. 90.
- ⁸⁰ Новосельский А. А. Указ. соч. С. 89–91.
- ⁸¹ КРО. Т. 1. С. 97–98.
- ⁸² Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 83.
- ⁸³ КРО. Т. 1. С. 80–81.
- ⁸⁴ РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1616–1617, б/№, л. 76; РГАДА, ф. Крымские дела, кн. 13, л. 49–50; Архив ИГИ КБНЦ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 55–58.
- ⁸⁵ КРО. Т. 1. С. 102–103.
- ⁸⁶ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 137.
- ⁸⁷ Архив ИГИ КБНЦ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 95–96; Акты Московского государства / Под ред. Н. А. Попова. Т. 1. Разрядный приказ (1571–1634). СПб., 1890. С. 210–211; Новосельский А. А. Указ. соч. С. 143; Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 85.
- ⁸⁸ КРО. Т. 1. С. 384–385.
- ⁸⁹ Моков Б. М. Феодалные группировки, междоусобная борьба в Кабарде в XVII в. и отношение к ней русского правительства // Сборник научных работ аспирантов. Нальчик, 1965. С. 76–78.
- ⁹⁰ КРО. Т. 1. С. 179–180, 210, 203–205.
- ⁹¹ КРО. Т. 1. С. 153.
- ⁹² Там же. № 99, 103, 104, 117; Акты Московского государства,

изданные Императорской Академией Наук. Т. 2 (1635–1659). СПб., 1894. С. 50–53; Архив ИГИ КБНЦ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 185–187.

⁹³ КРО. Т. 1. С. 181, 182.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ КРО. Т. 1. С. 181, 182.

⁹⁶ Там же. С. 190.

⁹⁷ Кушева Е. Н. Северный Кавказ и международные отношения. С. 68.

⁹⁸ Архив ИГИ КБНЦ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 146–148.

⁹⁹ Архив ИГИ КБНЦ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 169–173; Акты XVI–XVIII вв., извлеченные А. Н. Зерцаловым. М., 1897. С. 75–80; КРО. Т. 1. С. 143–145, 183, 209–213.

¹⁰⁰ Архив ИГИ КБНЦ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 149–153; КРО. Т. 1. С. 205.

¹⁰¹ Архив ИГИ КБНЦ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 106.

¹⁰² КРО. Т. 1. С. 240.

¹⁰³ КРО. Т. 1. С. 198–199, 207, 222–223, 226–227.

¹⁰⁴ Там же. С. 250.

¹⁰⁵ Там же. С. 249.

¹⁰⁶ История народов Северного Кавказа. Т. 1. С. 338; Моков Б. М. Указ. соч. С. 83.

¹⁰⁷ КРО. Т. 1. С. 152; Новосельский А. А. Указ. соч. С. 219.

¹⁰⁸ РГАДА, ф. Ногайские дела, 1646, № 4, л. 221–224; ф. Кабардинские дела, 1646, № 1, л. 155–161.

¹⁰⁹ Смирнов В. Д. Указ. соч. С. 527; Новосельский А. А. Указ. соч. С. 333.

¹¹⁰ РГАДА, ф. Сношения России с ногайскими татарами, 1647, д. 1, л. 327, 346–351; КРО. Т. 1. С. 270–273.

¹¹¹ Орешкова С. Ф., Ульченко Н. Ю. Россия и Турция (проблемы формирования границ). М., 1999. С. 62–63.

¹¹² Смирнов В. Д. Указ. соч. С. 247, 347–348, 717.

¹¹³ Архив ИГИ КБНЦ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 91–92.

¹¹⁴ Новосельский А. А. Указ. соч. С. 387.

¹¹⁵ Российская историческая библиотека (в дальнейшем: РИБ). Кн. 1. Т. 18. С. 569; Кн. 2. Т. 24. С. 615–619, 913–917; Кн. 4. Т. 29. С. 17, 44, 442, 877; Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 1 (Собр. г-м А. А. Лишиным). Новочеркасск, 1894. С. 22, 54; Сухоруков В. Д. Историческое описание Земли Войска Донского // Дон. Ростов-на-Дону, 1989. № 1. С. 147; № 3. С. 144; № 4. С. 150; № 5. С. 135–136, 142–144; 1989. № 6. С. 136–138, 146, 150–151; № 7. С. 145, 148–153.

¹¹⁶ Челяби Эвлия. Книга путешествия в Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. Вып. 2. С. 28.

¹¹⁷ Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 1. С. 42–43; Лашков Ф. Ф. Указ. соч. С. 106.

¹¹⁸ Новосельский А. А. Указ. соч. С. 345–347.

¹¹⁹ Воссоединение Украины с Россией (Документы и материалы). М., 1954. Т. 2. С. 46, 329, 361, 483, 485, 508.

¹²⁰ Барановский Б. Кавказ и Польша в XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 249–251.

¹²¹ КРО. Т. 1. С. 6, 15, 393–394; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа. С. 212, 217.

¹²² Барановский Б. Указ. соч. С. 259; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа. С. 146.

¹²³ Акты исторические. Т. 4. С. 291–292, 301–302; КРО. Т. 1. С. 322–325; Архив ИГИ КБНЦ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 267–269.

¹²⁴ КРО. Т. 1. С. 320–321.

¹²⁵ Там же. С. 320.

¹²⁶ РГАДА, ф. Ногайские дела, 1662, ед. хр. 1, л. 1–41.

¹²⁷ РГАДА, ф. Ногайские дела, 1662, ед. хр. 1, л. 23–27.

¹²⁸ Там же, ф. Сношения России с Крымом, 1672–1674, оп. 1, ед. хр. 58, л. 168 об.; Сокуров В. Н. О характере русско-кабардинских политических связей в 70-х гг. XVII в. // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1976. Вып. 10. С. 8.

¹²⁹ КРО. Т. 1. С. 181, 334–335, 345.

¹³⁰ РГАДА, ф. Сношения России с Крымом, 1672–1674, оп. 1, ед. хр. 58, л. 168 об.; Сокуров В. Н. Указ. соч. С. 8.

¹³¹ КРО. Т. 1. С. 329.

¹³² Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 1. С. 70–72; Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф. Указ. соч. С. 52–59.

¹³³ РГАДА, ф. Калмыцкие дела, 1661, д. 4, л. 8, 14; Архив ЛОИИ, ф. Астраханской приказной палаты, 1681, д. 8360, л. 1–10; Беликов Т. И. Калмыки в борьбе за независимость нашей родины. Элиста, 1965. С. 18.

¹³⁴ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственного его Императорского Величества канцелярии. Т. 3 (1645–1670 гг.). СПб., 1852. С. 915, 1015; КРО. Т. 1. С. 336.

¹³⁵ Дворцовые разряды. Т. 3 (1645–1670 гг.). С. 1388, 1372–1374; Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Т. 1. С. 70–72; КРО. Т. 1. С. 337–342.

¹³⁶ КРО. Т. 1. С. 337–342.

¹³⁷ КРО. Т. 1. С. 344.

¹³⁸ Там же. С. 348–349.

¹³⁹ Дворцовые разряды. Т. 3 (1645–1670 гг.). С. 1433–1434; Там же. С. 349.

¹⁴⁰ КРО. Т. 1. С. 353.

¹⁴¹ КРО. Т. 1. С. 353.

¹⁴² Там же. С. 369–371; Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф. Указ. соч. С. 58–59.

¹⁴³ КРО. Т. 1. С. 370–371.

¹⁴⁴ РГАДА, ф. Калмыцкие дела, 1679, д. 1, л. 11–12; Лихачев Е. К., М. Черкасский // Русский биографический словарь (в дальнейшем: РБС). СПб., 1905. С. 216–217.

¹⁴⁵ РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1675, д. 1, л. 382 об., 431 об., 434, 487 об.; КРО. Т. 1. С. 359.

¹⁴⁶ КРО. Т. 1. С. 354–355, 356–357, 368–369.

¹⁴⁷ Архив ИГИ КБНЦ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 12, л. 297–299; КРО. Т. 1. С. 364–365.

¹⁴⁸ Там же. С. 360.

¹⁴⁹ Там же. С. 360–361.

¹⁵⁰ Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 159.

¹⁵¹ Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 160.

РОССИЙСКОЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЕ И ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА*

Периоду научного изучения истории Кабарды в дореволюционной исторической науке предшествовал длительный период накопления конкретного материала. Многовековые исторические связи русского и адыгского народов, их постепенное сближение в XVI веке, дальнейшее укрепление этого союза, внешнеполитические интересы русского государства определили в целом интерес русской исторической мысли к Кабарде. К концу XVIII века о ней был накоплен разнообразный материал, имеющий разное количество и объем, и содержащийся в самых различных источниках (летописях, хронографах, актовых и делопроизводственных материалах, памятниках русской народной исторической традиции, историко-географических описаниях, записках академических экспедиций и т.д.)¹.

Первые научные оценки общественного строя современного им кабардинского общества были даны в работах И. А. Гюльденштедта, П. С. Палласа, М. М. Щербатова. Данные авторы пользовались при этом широко распространенным в русской историографии этого периода понятиями, которыми характеризовались формы государственного правления («монархическое», «аристократическое» и «демократическое»).

Удалось установить, что понятие «аристократическая» и «демократическая» формы правления по отношению к горским народам впервые употребил И. А. Гюльденштедт, описывая политическое устройство кабардинцев. Это было сделано в его работе «Географические и исторические известия о новой пограничной линии Российской империи, проведенной между рекою Тереком и Азовским морем»². Она не вошла как в издание работы И. А. Гюльденштедта, осуществленное в 1809 г. академиком К. Ф. Германом³, так и в извлечения, опубликованные в советское время В. К. Гардановым⁴. В данном случае Гюльденштедт, используя указанные поня-

* Работа «Отечественная историография социально-экономического строя Кабарды в прошлом» написана автором в 1981–1983 гг. с позиций формационного подхода. Для рассмотрения избраны наиболее значительные в концептуальном отношении труды, которые анализируются в тесной связи с общим состоянием и направлением развития соответствующих этапов исторического развития.

тия, не раскрывает их. Но уже сам факт их использования в оценке государственного строя Кабарды был важным моментом.

В своей другой работе «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа»⁵, Гюльденштедт близко подходил к отражению действительного состояния адыгских народов, которые в XVIII веке были разобщены экономически и политически. Он считал, что «Черкесия не имеет собственного владения в земле ее, не имеет правильного отношения, хотя учреждения и республиканские»⁶. Данная характеристика была сделана в общеадыгском масштабе, которая не учитывала специфику в форме правления у так называемых «аристократических» и «демократических» племен.

П. С. Паллас в своих «Заметках о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг.»⁷ уделял особое внимание освещению сословно-классовой структуры кабардинского общества. Им выделялось и описывалось положение в обществе «князей», «знати» и «подданных» (или крестьян). Паллас показывал, что основными занятиями кабардинских князей и дворян являлись только войны, охота и грабежи. Им раскрывалась система вассальных отношений у кабардинцев, которая, по понятиям ученого, играла такую же важную роль в их среде, как и в других феодальных обществах. Обращая внимание на иерархическую структуру господствующей власти в Кабарде, он отождествлял ее политический строй с системой удельных порядков на Руси и в феодальных обществах Западной Европы. «Согласно их феодальной системе, — писал Паллас, — знатный и даже всякий человек, способный носить оружие, должен сопровождать князя во время войны»⁸. Характеризуя кабардинское общество, Паллас впервые в исторической литературе, посвященной адыгам, пользовался понятиями «феодализм» и «феодальная система». Хотя он вкладывал в них чисто политическое значение, это было важным в условиях развития исторической науки конца XVIII века. Ученый в своей работе показал достаточно ясно угнетенное положение зависимого населения. Он подробно описывал систему повинностей, выполняемую крестьянами. Они выступали в виде барщинных работ и оброчных обязательств⁹.

В трудах известных русских историков второй половины XVIII века М. М. Щербатова¹⁰ и Н. М. Карамзина¹¹ приведены ценные материалы по Кабарде и русско-кабардинским отношениям. Эти историки ввели в научный оборот многие из материалов, относящихся к летописному периоду и преимущественно перешедшие в историческую науку XVIII века. В «Примечаниях», сделанных ими в своих работах, до нас дошли многочисленные выписки о Кабарде из различных источников, в то время как многие из них сами не сохранились. В трудах Щербатова и Карамзина не давалось какой-нибудь специальной оценки общественному строю кабардинцев. Лишь у Щербатова присутствовало краткое замечание о форме их политического устройства: «Довольно известен каждому любопытному читателю род правления черкесских и кабардинских, у коих власть разделенная оставляет им ни внутреннего спо-

койства, ни достаточной силы от внешних врагов защищаться»¹². Скорее всего, он здесь понимал общественный строй Кабарды как систему удельных порядков.

В различных научных изданиях конца XVIII – начала XIX века, носивших обобщающий характер, учитывался накопившийся многообразный материал о народах национальных окраин в России. Достаточно полно, например, отразились материалы по Кабарде в «Географическом словаре Российского государства»¹³, составленном Л. М. Максимовичем и А. Щекатовым.

Одной из характерных черт русской историографии в первой половине XIX века было повышение интереса к истории народов, входивших в состав Российского государства. В частности, большое внимание уделялось многочисленным кавказским народам. По словам Р. Р. Орбели, в это время «впервые изучение духовной культуры народов Кавказа получило полное признание в русской науке»¹⁴.

Вопросы исторического развития Кабарды заняли важное место в русском кавказоведении этого периода. Этому способствовало большое количество исторических сведений и знаний о кабардинцах, которое накопилось к началу XIX века в русской исторической науке. С другой стороны, имело значение и то, что с конца XVIII века в Кабарде постепенно начало распространяться русское административно-судебное управление. Поэтому правительство было заинтересовано в более ясном представлении отношений, существовавших в это время в кабардинском обществе.

Изучение общественного строя кавказских народов в первой половине XIX века осуществлялось преимущественно офицерами и гражданскими чиновниками, которые служили в этих краях. Правительство всячески поощряло этот интерес и рассчитывало, в свою очередь, использовать полученные результаты для укрепления своей власти. Авторы, особенно русские офицеры, получали для своего времени хорошее образование и основательную историческую подготовку. Достаточно отметить, что в Училище колонновожатых и в Военной академии уделяли большое внимание подготовке своих слушателей в области исторического образования. Им преподавали «древнюю, среднюю и русскую» историю, а также «новую историю, особенно военную»¹⁵. Одна Военная академия дала ряд авторов, которые оставили после себя интересные работы по адыгам, это: И. Ф. Бларамберг, Ф. Ф. Торнау, М. Я. Ольшевский, К. Ф. Сталь, П. К. Услар¹⁶.

Самым значительным сочинением, созданным в начале XIX века, был, несомненно, двухтомный труд С. М. Броневского «Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе» (М., 1823. Ч. 1–2). С. М. Броневский, бывший офицер, участвовал в 1796 г. в Персидском походе и остался затем на военной службе на Кавказе. Здесь в 1801 году перешел на гражданскую службу, состоял правителем дел канцелярии главноначальствующего на Кавказе и, будучи в этой должности, писал свою работу. Позже служил в Петербурге в Департаменте иностранных дел¹⁷.

В своем труде С. М. Броневский использует периодизацию истории Кавказа, предложенную в 1808 году немецким ученым Г. Роммелем. Он, ссылаясь на работу Г. Роммеля, выделяет пять основных периодов (греческий, римский, византийский или греко-персидский, турецко-персидский и российский) и в соответствии с ними распределяет собранный материал. По каждому периоду называется большое количество авторов, начиная с античности и кончая XVIII веком. При освещении исторических связей и взаимоотношений между Россией и кавказскими народами Броневским широко привлекаются русские летописные своды и комплекс делопроизводственных материалов, который был извлечен им из архива Государственной коллегии иностранных дел и московского архива Коллегии иностранных дел.

Броневский отводит в работе большое место различным адыгским народностям. В частности, Кабарде посвящен специальный раздел, в котором освещаются отдельные стороны ее социально-экономического строя. Историк в предисловии отмечает, что им использованы два интересных документа: «Выписка о происхождении кабардинцев» и «Описание кабардинского народа, сочиненное в мае 1748 года»^{*18}. Составитель первого документа неизвестен, но можно предположить, что выписка является извлечением из какого-нибудь описания Кабарды, которые во множестве составлялись и направлялись в первой половине XVIII века в Коллегию иностранных дел¹⁹. Автором второго документа был В. М. Бакунин, который с 1726 года долгое время состоял секретарем по калмыцким делам при астраханском губернаторе, а впоследствии был советником, затем членом Коллегии иностранных дел²⁰. Имеются два списка сочинения В. М. Бакунина «Описание кабардинского народа»²¹.

При освещении географии Кабарды С. М. Броневский использует труды И. А. Гюльденштедта и П. С. Палласа, русских академиков, которые возглавляли во второй половине XVIII века экспедиции Российской академии наук на Кавказе. Кроме письменных источников, большое значение для автора рассматриваемого труда имели личные наблюдения. Историк следующим образом пишет об этом: «Я продолжал составлять записки из словесных показаний и старался ознакомиться с черкесами и другими горцами северной части Кавказа»²².

Подробно освещая географическое положение Большой и Малой Кабарды, границы расселения ее жителей в конце XVIII — начале XIX века, С. М. Броневский констатирует постепенное сокращение ее территории. Общая численность населения достигала 13 тысяч дворов²³.

Главными занятиями кабардинцев в конце XVIII — начале XIX века историк считает земледелие и скотоводство. Описывая ору-

* Второй документ опубликован в сборнике «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.» (М., 1957. Т.2. С.152–161). В нем содержатся многочисленные сведения из истории кабардинского народа, о его международных связях и этнографических особенностях.

дия труда и процесс земледельческого труда, С. М. Броневский находит им аналогию у других народов. Например, указывается на сходство кабардинского и украинского плугов, также на одинаковую технику молотбы в Кабарде, Грузии и Ширване²⁴. По сведениям С. М. Броневского, в севообороте кабардинцев преобладали следующие культуры: просо, кукуруза, яровая пшеница, полба, ячмень. Из огородных культур называются морковь, свекла, капуста, лук, тыква, арбузы и табак²⁵.

Обращается внимание на изобилие в хозяйстве различного рода скота, что составляло важнейшую часть движимого имущества. Он пишет, что «по числу лошадей и скота измеряется у них богатство частных людей»²⁶. Подробно рассматривается состояние коневодства в Кабарде. В работе содержится характеристика 26 крупных конных заводов, которые принадлежали князьям и дворянам.

Касаясь состояния ремесел, С. М. Броневский показывает существование его различных видов (кузнечное, оружейное, ювелирное, шорное) наряду с традиционными домашними промыслами. Историк высоко отзывается о качестве производимой продукции и сравнивает адыгских ремесленников с мастерами Великого Устюга²⁷.

В работе содержится также характеристика русско-адыгской торговли конца XVIII – начала XIX века. Если по этому вопросу сравнить материалы, приводимые у С. М. Броневского и М. Чулкова (его данные относились ко второй половине XVIII века), то в обеих работах называется один и тот же ассортимент товаров. Новым было то, что С. М. Броневский одним из первых описал систему меновых дворов, с помощью которых Россия вела торговлю с адыгскими народностями в начале XIX века. В целом С. М. Броневский оценивал общий оборот русско-адыгской торговли в 100 тысяч рублей в год.

Безусловно, приведенные С. М. Броневским сведения по земледелию, скотоводству, ремеслам и торговле представляли большой интерес. Но одним из недостатков его работы было отсутствие статистических данных, характеризующих экономику кабардинского общества, хотя к таким материалам автор и имел доступ в силу своего служебного положения.

М. О. Косвен отметил, что, освещая вопросы истории кавказских народов, С. М. Броневский первым дал развернутую характеристику их общественно-политического строя. Для всех народов Кавказа были выделены три формы правления – «монархическая», «аристократическая», «демократическая». Броневский полагал, что первые два вида чаще выступали в смешанном виде. Он пишет: «Оба... вида правления на Кавказе, т. е. монархическое и аристократическое, еще правильнее можно назвать феодальным, потому что князья и ханы, не исключая царя имеретинского, все разделяют власть со своими вассалами, а разность состоит только в степенях власти и относительного их могущества»²⁸.

Наиболее подробное освещение получила у С. М. Броневско-

го сословная структура современного ему кабардинского общества. «Народное состояние, — пишет он, — разделено на: князей, духовных, дворян (узденей), крестьян, невольников (ясырей)»²⁹.

По своей общественно-политической значимости, среди правящей знати всех горских народов первое место отводится кабардинским князьям, которых историк считает пришельцами и завоевателями. В данном случае он соглашается с бытовавшей в среде кабардинской господствующей верхушки легендой о том, что кабардинские князья являются выходцами из Аравии. В работе постоянно подчеркивается господствующее положение знати в кабардинском обществе. Князем можно было стать только по происхождению, и его особа считалась неприкосновенной. В Кабарде XVIII — первой половины XIX века господствовали шесть княжеских родов — Атажукины, Джамбулатовы (в середине XVIII века распались на Бекмурзины и Кайтукины), Мисостовы, Гиляхстановы и Таусултановы. Их владения подробно описываются Броневским. Все земли в Кабарде историк считает собственностью князей. Большим недостатком анализируемого труда следует признать то, что его автор не попытался определить характер феодальной земельной собственности у кабардинцев, тогда как в его распоряжении имелся уникальный документ — «Описание кабардинского народа, сочиненное в мае 1748 г.». Из него отчетливо следует, что в основе княжеской земельной собственности в Кабарде XVIII — первой половине XIX века лежал «фамильный» принцип владения: «...У кабардинских владельцев вошло во обычай так, что после каждого владельца всеми подданными владеет один старший по нему брат, а ежели братьев нет, то большой его сын, а протчие умершего отца дети должны жить при том их большем брате и содержание свое получать от его, и для того быть у него в послушании. И которые были в согласии, то большой их брат общими с ними силами старался других безсильных и малофамильных владельцев искоренить или ис Кабарды выгнать, и подданных их разделить и отдать во владение меньшим своим братьям, дабы они собственное свое содержание уже от них иметь могли»³⁰. Этот документ свидетельствует о том, что с начала XVIII века фамильный принцип владения землей постепенно начал уступать место частносемейному, что выражалось в ожесточенной борьбе между ближайшими родственниками. «А которые ис таковых с большим братом согласия не имели, то, или старший по оном большого брата умертвит, или из меньших, который попроворнее, всех своих братьев изведет и сам один всеми отцовскими подданными завладеет»³¹. Проявлением борьбы указанных двух принципов владения землей было возникновение в Большой Кабарде с начала XVIII века двух враждующих княжеских партий — «баксанской» и «кашкатовской». Между ними на протяжении всего столетия шла ожесточенная борьба за земельные владения и «подвластных», что подробнейшим образом описывается в «Описании кабардинского народа»³².

Наряду с безграничной властью кабардинских княжеских родов

в своих уделах, С. М. Броневский обращает внимание на функционирование общекабардинского органа власти народного собрания («хасэ» или «зэлуццэ». — Д. К.), которое периодически созывалось «для совета о нуждах общественных»³³. Судя по описанию историка, этот орган в конце XVIII — начале XIX века являлся сословно-аристократическим и в основном был представлен господствующей верхушкой (князья, дворяне) и духовенством. К этому времени роль народных представителей в нем все более уменьшалась. Народные старшины из крестьянского сословия приглашались для участия в работе высшего законодательного органа, по указанию С. М. Броневского, только в важных случаях³⁴.

Здесь ничего не говорится о том, что на этих собраниях существовал обычай выбора «старшего» или «большого» князя для всей Кабарды, который прослеживается по русским источникам с середины XVI века³⁵.

В работе справедливо отмечается совпадение интересов князей и дворян, но оно связывается не с эксплуататорской сущностью этих сословий. Историк полагает, что кабардинские князья и дворяне как завоеватели «старожилого» народа, прилагают все усилия, чтобы удержать в повиновении своих подданных³⁶.

С. М. Броневский разграничивает у кабардинцев три степени дворян. «Дворяне, по-черкесски называемые «ворк», по-татарски «уздень», разделяются между собою на коренных или старинных дворян, которые составляют первую степень дворянства, на второстепенных и на подвластных дворян, так называемых «уздень узденя»³⁷. Первые, по описанию историка, подчинялись удельным князьям на условиях «первостепенных помещиков или великих вассалов», вторые на тех же правах, но с уменьшением власти, третьи были подчинены «узденям», т. е. вышестоящим дворянам первой и второй степени. Это были невладельческие дворяне и С. М. Броневский сравнивает их положение с положением мелкой шляхты в Польше³⁸.

Взаимоотношения между князем и дворянами различных степеней, а также в среде самих дворян, регулировались системой вассалитета. Как показывает С. М. Броневский, пользование дворян земельными участками осуществлялось на откупном праве. «Кабардинские уздени, — пишет он, — за платою с поместья своего известной подати хлебом и скотиною своему князю, пользуются всеми правами помещиков»³⁹. В работе не раскрывается четкая взаимосвязь порядков землевладения с политическими отношениями в среде кабардинской феодальной знати. Автор акцентирует внимание только на том, что «хотя дворяне пользуются оною (властью. — К. Д.), как властные помещики от древнейших времен, но право князей всегда подразумевается»⁴⁰. Под «правом князей», видимо, подразумевалось древнее право «завоевателей». Это позволяет думать, что Броневский придерживался распространенных в дворянской историографии взглядов о происхождении феодализма и связывал возникновение феодальных отношений в Кабарде с фактором «завоевания» пришлыми кабардинскими князьями местного населения.

С. М. Броневский характеризует крестьянское сословие как «многолюднейшее и полезнейшее». Описывая горских крестьян и сравнивая их с русскими крестьянами, дворянский историк обнаруживает передовые для своего времени взгляды. Он говорит о них с чувством глубокого уважения, без тенденциозности. «Не вдаваясь в общие заключения, — пишет С. М. Броневский, — мы заметим, что в Кабарде, Грузии, в Дагестане и в Ширване крестьяне мало чем отличаются от русских крестьян в нравственном своем образовании»⁴¹. Из различных категорий трудового кабардинского населения С. М. Броневский, в первую очередь, рассматривает положение общинников. Они обозначаются как «старожилий кабардинский народ», «крестьяне», «хлебопашцы», кабардинским термином «тлхукотлы». Их основная масса, по сведениям историка, в конце XVIII — начале XIX века была прикреплена к земле. «Крестьяне суть хлебопашцы, привязанные к земле, и доведенные почти до рабского состояния»⁴². В работе уделяется внимание также другим категориям крестьянства: «Усадьбы, населенные отпущенниками, и пришельцы, ближние и дворовые люди под названием бегаулов. Первые отправляют сельские работы и платят подати князю и помещику, вторые несут дворскую службу в виде холопей, те и другие под некоторыми условиями, определенными обычаями»⁴³. К описываемому времени подавляющее большинство кабардинского свободного крестьянства, попадая в ту или иную форму зависимости, составило основу двух групп феодально-зависимого крестьянства — «лагунапытов» и «огов». Последние различались по степени феодальных повинностей, лежавших на них, и по степени своей несвободы. Например, «оги» в отличие от «лагунапытов» имели право выкупиться и перейти в категорию «азатов», которых Броневский обозначает термином «отпущенники». Обычное право приписывало вольноотпущенникам обязанность проживания на земле прежнего господина и участия во всех его мероприятиях. «Пришельцы», о которых идет речь, представляли из себя бывших свободных общинников, которые уже находились в феодальной зависимости.

Процесс этого перехода хорошо прослеживается по документам второй половины XVIII века⁴⁴. Так, астраханский губернатор И. В. Якоби, передавая жалобы старшин кабардинского народа на притеснения своих владельцев, сообщал в ноябре 1777 года в Коллегию иностранных дел, что «...они владельцам подданными почитаются по одной только земле, а не природные крепостные, ибо все их общество (т. е. община. — Д. К.) составило многолюдство из одних пришельцев из разных мест»⁴⁵.

К «ближним и дворовым людям» удачно применен кабардинский термин «бегаулы» (точнее бейголи. — Д. К.). Они, как и русские холопы, которые часто использовались в роли представителей администрации на местах (тиуны, дворские, сельские старосты), в Кабарде XVIII — первой половины XIX века были заняты в аппарате княжеского управления, выполняя обязанности сборщиков налогов, штрафов, посыльных и т. д.

Невольников («ясырей»), которые захватывались в войнах или покупались, С. М. Броневский считает «совершенными рабами», составлявшими собственность князей и дворян⁴⁶. Обращаясь к положению различных категорий кабардинских крестьян, историк совершенно не затронул в работе такой важный вопрос, как формы крестьянского землевладения.

Выделив представителей мусульманского духовенства в сословной структуре кабардинского общества, С. М. Броневский фиксирует их участие только в разборах судебных дел⁴⁷.

С. М. Броневский первым, насколько нам известно, привел в исторической литературе записи кабардинского обычного права⁴⁸. Они, в основном, трактовали взаимоотношения в среде феодальной знати. В целом, характеризуя общественные законы мусульманских народов Кавказа, он пишет: «Вообще дух законов тот же, что в Русской Правде, и каков был до XV века во всей Европе»⁴⁹. Он констатирует обострение социальных отношений в кабардинском обществе: «Народ, угнетаемый князьями и дворянами, нередко прибегает к возмущению, хотя не улучшает тем своей судьбы»⁵⁰.

Подводя итоги, С. М. Броневский оценивает общественно-политический строй в Кабарде как феодальный. Он считает, что «феодальная иерархия, учрежденная у кабардинцев, подобна такому же удельному правлению, какое было введено немецкими рыцарями в Пруссии, Курляндии и Лифляндии, да и мало отличается от внутреннего управления России во время удельных князей»⁵¹. Приведенная характеристика близка к пожеланиям, выдвинутым П. С. Палласом еще в 1793–1794 годах в своих «Заметках о путешествиях в южные наместничества Российского государства». В них П. С. Паллас первым в русской исторической литературе применил понятия «феодальная система» и «феодализм» по отношению к Кабарде. Он же первым использовал при их объяснении гипотезы о завоевании пришлыми кабардинскими князьями «старожилого» адыгского населения. С. М. Броневский, вслед за П. С. Палласом, пользуется для объяснения фактов кабардинской истории и обозначения феодальной эпохи в ее развитии терминами и понятиями, выработанными европейской исторической мыслью и получившими широкое развитие в русской историографии. При этом им отождествляются понятия «феодализм» и «удельный период».

Насколько можно судить, С. М. Броневский отрицательно относится к феодальному периоду в истории народа. Он считает, что «нужно... истребить самоуправство, сей зловредный корень феодальной системы»⁵². В другом месте, говоря о кавказском крестьянстве, историк думает, что они «в скором времени сделались бы добрыми и трудолюбивыми землевладельцами, если бы не угнетали их повсюду следствия феодального правления»⁵³.

Выше уже отмечалось, что С. М. Броневский пользовался материалами русских академических экспедиций на Кавказе во второй половине XVIII века. Можно предполагать, что формулируя основные типы общественно-политического устройства у горцев, историк

опирался на работы И. А. Гюльденштедта. Нам удалось установить, что впервые понятия «аристократический» и «демократический» по отношению к горским народам употребил И. А. Гюльденштедт, описывая политический строй кабардинцев, а не С. М. Броневский, как полагал М. О. Косвен. Это было сделано в его работе «Географические и исторические известия о новой пограничной линии Российской империи, проведенной между рекою Тереком и Азовским морем», опубликованной в 1790 году⁵⁴. Но она не вошла, как в издание работы И. А. Гюльденштедта, осуществленное в 1809 году академиком К. Ф. Германом⁵⁵, так и в извлечение, опубликованные уже в советское время В. К. Гардановым⁵⁶, и поэтому осталась неизвестной широкому кругу исследователей. В пользу нашего предположения свидетельствует тот факт, что С. М. Броневский в предисловии к своему труду указывал, что им «много почерпнуто из собрания сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы»⁵⁷, в котором и было опубликовано сочинение И. А. Гюльденштедта.

Как мы видели выше, С. М. Броневский часто пользуется в своей работе понятием «феодализм». Он понимает его как политическую систему, основой которой является вассалитет и связанная с ним сословность власти. Происхождение феодализма связывается им, как и многими дворянскими историками, с процессом «завоевания» одного народа другим. Наличие или отсутствие момента «завоевания» вместе с княжеской властью служит для историка основным признаком различия между феодальным («аристократическим») и «демократическим» правлением. Он пишет: «В горских республиках примечается более единодушие и от того самого более устройства внутри, и более единства во внешних действиях, нежели в феодальных правительствах, что должно приписать простоте нравов горских народов, кои не быв никогда покорены, удержали образ внутреннего правления и нравственность свою ближе к первобытной целости»⁵⁸.

Появление работы С. М. Броневского для своего времени и для всей дореволюционной историографии кавказских народов сыграло огромную роль. Введенная им в широкий научный оборот схема двух основных видов правления («аристократическое» и «демократическое») стала использоваться последующими историками при объяснении общественно-политического устройства многочисленных адыгских народностей, которые с этого периода в кавказоведческой литературе четко начинают делиться на две большие группы. Такое деление присутствует уже в работах конца 20-х годов XIX века, например, у И. Радожичского⁵⁹, И. Дебу⁶⁰, Г. В. Новицкого⁶¹ и др.

Особое место в кавказоведении в историографическом плане занимает статья М. М. Венедиктова «Взгляд на кавказских горцев», вышедшая в 1837 году⁶². К сожалению, не удалось установить, кем был автор в момент ее написания. Известно лишь, что он с 1846 года полковник, полевой инженер, помощник командующего Грузинским инженерным округом⁶³. М. М. Венедиктов

впервые в исторической литературе, посвященной северокавказским народам, поставил на основе историко-сравнительного метода вопрос об общности путей исторического развития человеческого общества. Положения, выдвинутые М. М. Венедиктовым, связывались с эволюцией хозяйства и обосновывали идеи прогресса в историческом развитии народов.

Венедиктов первым в русской исторической литературе предложил использовать кавказский материал для реконструкции первобытного состояния человечества⁶⁴. С рационалистических позиций рассматривается им вопрос о сходных чертах в исторической жизни различных народов. Он пишет: «Народы, как и один человек, появляясь в младенческом состоянии, зреют, мужают, дряхлеют, и на могилах отживших возникают новые, присваивая имена своих предшественников, или принимают названия иные»⁶⁵. В развитии человечества М. М. Венедиктов различает три основных стадии: время, когда люди начинали только соединяться в обществе «и довольствовались тем, что производила окружающая их природа»; время постепенного перехода из дикого состояния к жизни общественной, когда человек «изыскивал к прожитию своему средства более надежные, обеспечивающие и вперед его существование: тогда распространялось скотоводство»; время, когда «роскошь вкрадывалась в быт пастушеский, смягчала нравы, жизнь оседлая сменяла кочевую, земледелие становилось постоянным занятием прочно уже водворившегося народа». В отличие от С. Е. Десницкого М. М. Венедиктов не ставит вопроса о взаимосвязи изменений в хозяйственной жизни с эволюцией собственности. Им отмечается только влияние различных стадий хозяйственной эволюции на нравственную жизнь народов.

Характеризуя общественное состояние горцев Северного Кавказа, М. М. Венедиктов пишет: «Все эти племена разделяются на многие мелкие общества, не связанные между собой никакой властью, никакими гражданскими уставами, но составляющие как бы отдельные республики». И дальше добавляет: «Некоторые племена управляются князьями, ...коих власть однако де весьма ограничена»⁶⁶. Описывая хозяйство адыгов, М. М. Венедиктов выделяет как главное занятие разведение скота и лошадей. Он считает, что они мало занимаются сельским хозяйством из-за врожденной склонности к военному ремеслу.

Подводя итоги статьи, М. М. Венедиктов пишет: «Горцы, перешед два первые периода жизни народной, сделали уже шаг к третьему»⁶⁷. Учитывая общую схему общественного развития народов, предложенную М. М. Венедиктовым, мы можем оценить его взгляды на общественный строй адыгов.

По Венедиктову – это переход от первобытнообщинного к феодальному строю. Содержание рассмотренной статьи убеждает, что ее автор взял на вооружение концепцию развития общества, выработанную во второй половине XVIII века представителем школы физиократов А. Тюрго⁶⁸, которая в России была развита и углублена С. Е. Десницким⁶⁹.

В 40-х годах XIX века происходит ряд явлений, которые оказали существенное влияние на дальнейшее развитие кавказоведения. Среди них можно назвать, во-первых, довольно значительный рост русской периодической печати на Кавказе. Кроме имевшихся еженедельных «Тифлиссских ведомостей» (с 1828) и «Закавказского вестника» (с 1837), начинают выходить ежегодник «Кавказский календарь» (с 1845) и газета «Кавказ» (с 1846). Русская периодическая печать на Кавказе, способствуя научному изучению населяющих его народов, развитию просвещения в крае, росту культуры горцев, одновременно влияла на процесс дальнейшего сближения кавказских горцев с русским народом. На это обращал внимание еще в 1847 году великий русский демократ В. Г. Белинский⁷⁰.

Во-вторых, большую роль в дальнейшем изучении общественного строя кавказских народов сыграла организованная кавказской администрацией работа по собиранию и записи адатов горцев. Ее необходимость была связана с организацией в крае русского административно-судебного управления. В ходе ее обнаружилась потребность к приспособлению к местным обычаям, для чего было начато их изучение. К этому времени уже имелся определенный опыт по организации такой работы, поскольку еще в 1822 году секретарем Кабардинского временного суда Я. Шардановым был составлен сборник кабардинских адатов. В 40-х годах XIX века была разработана общая программа, по которой намечалась организация сбора и изучения адатов. Несмотря на некоторую ее неполноту и неконкретность, были собраны интересные материалы по обычному праву горцев. Многие из них явились важнейшими источниками по изучению социально-экономического строя Кабарды для историков второй половины XIX века.

Рост общего уровня русской историографии, увеличение кавказоведческой печатной продукции и обогащение общей тематики поднимаемых в ней вопросов нашли отражение в работе К. Ф. Сталя «Этнографический очерк черкесского народа»⁷¹. К. Ф. Сталь окончил Военную академию в 1842 году и с 1844-го по 1859 год служил в частях Кавказской линии⁷². «Очерк» К. Ф. Сталя был закончен в 1852 году, но вышел в свет значительно позднее под редакцией известного кавказоведа Е. Г. Вейденбаума. Работа была основана преимущественно на этнографических материалах (привлекались памятники устной традиции) и на личных наблюдениях, и явилась новым шагом в исследовании социально-экономического строя адыгских народностей.

В «Очерке», в целом, верно устанавливается граница расселения адыгов. Ошибочным явилось лишь причисление к ним родственных по языку и культуре абазин и убыхов⁷³. К. Ф. Сталь определяет общее население Большой Кабарды в 27 791 человек, а Малой – 12 756 человек. Довольно ценным материалом являются приводимые в очерке данные о распределении населенных пунктов и населения по главенствующим в Большой Кабарде княжеским родам. По подсчетам К. Ф. Сталя, под властью фамилии

Бекмурзиных находились 24 деревни с населением 7737 душ, Кайтукиных – 19 деревень с населением 3210 душ, Атажукиных – 22 деревни с населением 7029 душ⁷⁴. Для Малой Кабарды определяются общества, на которые она распадается: бековическое, ахловское и таусултановское. Эти общества охватывали 26 населенных пунктов с населением 12 756 человек⁷⁵.

У К. Ф. Сталя в вопросе о хозяйственных занятиях кабардинцев и других адыгских народностей наблюдается определенное противоречие. Сначала он говорит о скотоводстве, разведении лошадей и пчеловодстве как основе их хозяйства, а земледелию отводится незначительное место⁷⁶. Дальше он пишет: «Черкесы, как и прочие горские племена, народ земледельческий. Земледелие, скотоводство и пчеловодство суть главные занятия черкесов»⁷⁷. Это противоречие, вероятно, возникло у К. Ф. Сталя потому, что в последнем случае он давал обобщенную характеристику хозяйству всех адыгов (черкесов). В очерке отведено очень мало места описанию двух основных отраслей в хозяйстве адыгов. Автор вскользь упоминает кукурузу, просо и пшеницу как земледельческие культуры, которые возделываются ими. Более конкретно приводятся данные по скотоводству. Так, в сороковых-пятидесятых годах XIX века, по К. Ф. Сталю, в Большой Кабарде насчитывалось 49 тысяч лошадей, 59 тысяч крупного рогатого скота и 550 тысяч овец; в Малой – 7 тысяч лошадей, 21 тысяча крупного рогатого скота и 35 тысяч овец⁷⁸.

В работе К. Ф. Сталя шире ставится, по сравнению с предшествующей кавказоведческой литературой, вопрос о поземельных отношениях. Он пишет: «По понятиям черкес, земля принадлежит не лицу, но целому обществу. Вода и лес принадлежат всем без исключения. В случае, если соседнее общество займет под посев или пастьбу участок, ему не принадлежавший, то возникают споры между обществами. Рубка же леса на топливо и постройку в чужом обществе не воспрещается. Каждое семейство берет земли сколько ему нужно для запашки»⁷⁹. К. Ф. Сталь считает, что у адыгов имеется только общинная собственность на землю. Так, в «Очерке» отмечается: «Поземельной собственности отдельно от своего народа князья и дворяне у черкесов никогда не имели. Так, по крайней мере, видно из многих споров, затеваемых общинами против своих князей»⁸⁰. В работе К. Ф. Сталя объективно отразилось начало процесса феодализации общинных земель у адыгов.

Описывая княжеский аул, К. Ф. Сталь говорит о проживании на его территории крепостных крестьян и вольноотпущенников. Они занимались земледелием и скотоводством, и половина их труда принадлежала князю⁸¹. Кроме них в ауле жили подвластные князю «вольные жители». «Деревня (куудже) дворянина (тлякотляжа) так же составлена, как и деревня князя», – пишет К. Ф. Сталь. Дальше добавляет: «Князь с подвластных не берет никакой дани за землю, также точно и тлякотляж со своих подвластных ничего не берет. О подати черкесы понятия не имеют, а каждый владе-

лец живет тем, что для него сделают его крестьяне»⁸². Затрагивая взаимоотношения феодальной знати и крестьян, автору не удалось раскрыть сосуществование здесь различных форм ренты. Несколько конкретнее К. Ф. Сталь пишет о Кабарде. Крестьяне здесь находятся, по его мнению, не в экономической зависимости, а в личной, которая основана только на «праве завоевателей». «В Большой Кабарде князь получает с подвластных ясак медом, дровами и барантою. Это есть право завоевателя, а за Кубанью оно не известно»⁸³. Если бы в «Очерке» использовались в качестве источников материалы обычного права, то К. Ф. Сталь, возможно, яснее раскрыл бы формы зависимости адыгского крестьянства.

Анализируя сословную структуру адыгского общества, К. Ф. Сталь приходит к выводу, что «организм черкесского общества есть чисто аристократический»⁸⁴. В Кабарде историк насчитывает 11 сословий, которые сводятся им к пяти основным: князья-пши, дворяне-тлекотлеши (владельцы), дворяне невладетельные, азаты и крестьяне.

Характеризуя общественное положение удельного кабардинского князя, Сталь считает его «представителем монархического начала»⁸⁵. Он пишет: «Князь считается главою своего народа (чилле), начальником его вооруженных сил, народ обязан его уважать как высшего по происхождению, как старшего между владельческими дворянами. Лицо, покусившееся на жизнь князя, будет истреблено с целым семейством»⁸⁶. Обращается внимание на то, что в первой половине XIX века княжеские голоса играли решающую роль в общекабардинском органе власти – народном собрании⁸⁷.

Касаясь отношений в среде господствующей знати, К. Ф. Сталь говорит о строгом соблюдении между ними старшинства и иерархии. Из кабардинских дворян первой степени К. Ф. Сталь называет только сословие «тлекотлешей». Ничего не говорится о сословии «деженуго», представители которого тоже являлись владельческими дворянами. Социальное положение «тлекотлешей», которое раскрывается в очерке, во многом напоминает русских бояр-вотчинников. «Тлякотляж – есть владелец в своем ауле. Он имеет своих крестьян, которые работают для него, связаны с ним условиями. В его ауле живут дворяне (уорк) меньших разрядов со своими крестьянами и признают тлякотляжа своим главой. Тлякотляж повинуетсЯ князю, ходит с ним на войну, или посылает ему своих воинов, но кроме уважения, он не имеет никаких обязанностей»⁸⁸. «Тлекотлешь», в переводе с адыгского значит «выходец из могущественного рода» – «тлъакъуз» (род) + «лъэщ» (могущественный).

Невладетельные дворяне (т.е. «уорки») второй и третьей степени являлись вассалами «тлекотлешей». Институт, регулирующий взаимоотношения между этими сословиями, К. Ф. Сталь называет «уорктын». Он определяет его как плату, в данном случае скотом и припасами, которая давалась дворянам низших степеней за несение службы своему сюзерену, «тлекотлешу»⁸⁹.

К. Ф. Сталь допускает в своей работе путаницу в кабардинской терминологии при обозначении сословий. Это привело его к ошибочному причислению свободных общинников («тлхукотлов») к невладетельным дворянам, то есть «уоркам» второй и третьей степени. Но самым крупным недостатком «Этнографического очерка» являлось то, что, давая подробное описание господствующих сословий, К. Ф. Сталь не отвел почти никакого места различным категориям зависимых крестьян.

В целом К. Ф. Сталь считает, что «Большая Кабарда есть самый аристократический народ на Кавказской линии», и что она имеет огромное «моральное влияние» на соседние народы, многие из которых платят ей дань⁹⁰. Насколько можно судить, понятие «аристократизм» взято им, как и С. М. Броневским, в качестве синонима «феодализма». Появление «аристократизма» у кабардинцев объясняется К. Ф. Сталем как результат завоевания кабардинскими князьями местного адыгского населения. Им проводится аналогия (на примерах Греции, Франции, Германии, Руси) и доказывается, что во всех этих обществах господствовавшая знать представляла из себя пришельцев-завоевателей, а «простолюдины» — это завоеванные коренные жители⁹¹. Общественное устройство всех адыгских народностей обозначается у К. Ф. Сталя, как и у С. М. Броневского, понятиями «аристократические» и «демократические».

Анализируя «Этнографический очерк» К. Ф. Сталя, невозможно не сказать о взглядах автора на проблему происхождения общины. «Община есть первая ступень политического быта каждого народа. Община является первоначально самобытной единицей, в которой семейства или роды — все одного происхождения и имеют одни и те же интересы. Община, по мере своего увеличения, раздроблялась на большее или меньшее число общин, которые тот час отделялись друг от друга и образовывали каждая самостоятельное целое. Устройство общины или колена есть первое политическое устройство человека»⁹². Дальнейшее развитие общины связывается К. Ф. Сталем с природными условиями, в которых она существует: «На равнинах общий интерес, единоплеменность, взаимная безопасность, а чаще всего завоевания, соединяли общины в государства, и независимость общин исчезла в государственном единстве. В горах напротив: общины, по мере своего размножения, делились все более и более, и чем неприступнее горы, тем более раздробление, тем на большее число самостоятельных общин делился единоплеменный народ»⁹³.

Замечательным явлением для историко-этнографической литературы того времени было определение К. Ф. Сталя понятий «адат», «маслагат», «шариат», «тарикат» и раскрытие их содержания. Так, понятие «адат» объясняется как «совокупность обычаев каждого народа, служащее ему правилом для семейной и общественной жизни»⁹⁴.

Тема о родовом строе и общине являлась актуальной в исторической науке середины XIX века. Выдвинутое К. Ф. Сталем по-

ложение об общинно-родовом строе как начальной форме общественной организации являлось значительным достижением русского кавказоведения.

В работах основной группы кавказоведов первой половины XIX века особенностью являлось переплетение личных наблюдений с документальной базой исследования. Примером может служить и рассмотренный очерк К. Ф. Сталя, который не имел такой широкой источниковой базы, как труд С. М. Броневского. Поэтому, хотя в нем содержатся интересные наблюдения по социально-экономическому строю Кабарды, очерк для изучения может быть ценен не столько как исследование, сколько как источник. К. Ф. Сталь и сам, в некоторой мере, представлял это и отмечал: «Если эти заметки послужат другому для составления более полного описания, то я сочту мой труд не напрасным»⁹⁵.

Следующим крупным исследователем адыгских народностей был Н. И. Карлгоф. Он, окончив Военную академию, с 1845 года служил на Кавказе начальником штаба Черноморской береговой линии. Совмещая военную службу с научными изысканиями, Н. И. Карлгоф состоял одновременно помощником председателя Кавказского отдела Русского географического общества⁹⁶. Н. И. Карлгоф в статье «О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря»⁹⁷ ставит вопрос о необходимости изучения общественного строя горцев для правильного уяснения общей картины общественной организации человеческого общества в целом. «Тщательное изучение этих живых образцов, — по его мнению, — может пояснить темные и загадочные стороны в истории первых времен образования государства»⁹⁸. Н. И. Карлгоф обращает внимание на то, как известный шотландский историк У. Робертсон при изучении германских племен сравнивал их политическое состояние с состоянием современных ему индейцев Северной Америки и находил между ними сходство. «Но если бы вместо этого бедного материала известны были У. Робертсону и другим знаменитым историческим исследователям кавказские племена, которых политическое устройство не составляет исключительной особенности их, а принадлежит всем младенствующим народам, то они нашли бы у этих племен много данных для новых выводов и даже для переработки первоначальной истории новейших европейских государств»⁹⁹.

Многие вопросы Н. И. Карлгофом рассматриваются в общеадыгском масштабе. Но предметом основного изучения выступают западные адыгские народности. Говоря о кабардинцах, Н. И. Карлгоф пишет: «Они составляют особый отдел народа Адыге и не входят в наше описание по различию племен, населяющих земли между Кубанью и Черным морем»¹⁰⁰. Как же им оценивается общественное состояние описываемых адыгских народностей? «Теперешнее разделение черкесских племен, живущих на северо-восточном берегу Черного моря, на сословия показывает, что нынешнее общественное их устройство произошло вследствие развития демократических начал над аристократическим элемен-

том, некогда господствовавшем в крае»¹⁰¹. Вследствие того, что адыги не имеют своих письменных источников, Н. И. Карлгоф затрудняется точно определить время того переворота; он определяется им приблизительно с середины XVIII века. Чтобы выяснить, «каким образом были устроены черкесские племена до этой революции», он обращается к общественному устройству абхазских племен.

Историко-сравнительный метод в историческом исследовании того времени был прогрессивным явлением. Но в данном конкретном случае Н. И. Карлгофу удалось бы составить более правильную картину рассматриваемой проблемы, если бы он привлек в качестве сравнения и материалы об общественном строе Кабарды. Тем более, что он сам акцентировал внимание на то, как «партия аристократическая, слабая и отжившая у черкесов (исключая кабардинцев, у которых она еще в полной силе), не оставляет своего желания и надежды восстановить утраченные права»¹⁰². Вряд ли можно сомневаться в том, что в данном случае Н. И. Карлгоф понимает под «аристократизмом» наличие власти феодальных классов в обществе. Он, как и другие авторы, в этом вопросе следует за С. М. Броневским. Сам Н. И. Карлгоф ничего нового не вносит на адыгском материале в теорию феодализма.

Заслугой Н. И. Карлгофа являлось то, что он, на основе изучения адыгских народностей, констатировал существование рода как социальной ячейки общества и дал определение основных признаков родового строя. При этом Карлгоф пользовался наиболее четкой терминологией, по сравнению с существовавшей в исторической литературе.

Определение родовой группы в краткой форме было дано Н. И. Карлгофом в своей еще более ранней работе 1853 года¹⁰³. В ней он писал: «Все члены одной фамилии составляют между собой тесный союз... Под фамилией должно понимать целый род одного происхождения, княжеского, дворянского или простого, со всеми своими отраслями, достаточно сильный для своей самостоятельности»¹⁰⁴.

Вопрос о происхождении и сущности рода раскрывается Н. И. Карлгофом в свете господствующих тогда в историографии положений. Во-первых, подчеркивается «естественный» характер в образовании рода, что было следствием начатой Нибуром дискуссии в буржуазной науке. При описании основных черт рода главным является патриархальный признак, согласно которому он представляет собой результат размножения семьи или союза отдельных семей. Он пишет: «... первый элемент общества составляет свободное семейство с его подвластными и работами, в котором все люди различного происхождения, связанные между собой общим интересом безопасности, обязаны взаимной защитой»¹⁰⁵. Таким образом, если К. Ф. Сталь первоначальной формой общественной организации человеческого общества считает общину, то Н. И. Карлгоф ставит на первое место «свободное семейство». Причины складывания родовых союзов обосновыва-

ются следующим образом: «В обществе, раздробленном на такие мелкие самостоятельные части по естественному порядку вещей, должны были образоваться союзы, и они составились на родовом начале. Семейства одного родового происхождения или одной фамилии, освобожденные ими семейства низших сословий и посторонние люди, отдавшиеся под покровительство фамилии с потомствами их, составляют родовой союз наподобие прежних шотландских кланов»¹⁰⁶. Н. И. Карлгоф определяет взаимные обязанности членов одного родового союза. Как важный признак его выделяется институт кровной мести¹⁰⁷.

Положения, выдвинутые Н. И. Карлгофом еще задолго до работ М. М. Ковалевского, Л. Г. Моргана и других, имели важное значение для исторической науки в определении рода как основной ячейки первобытнообщинного строя.

В работе высказывается интересная мысль, что человеческое общество не могло бы продолжительно существовать, опираясь только на силу оружия. Исследователь считает, что в обществе возникают на определенном этапе «начала, ограничивающие право оружия общепринятыми, условными понятиями и постановлениями»¹⁰⁸. У адыгов эти «начала», по Н. И. Карлгофу, состоят «во всеобщей ответственности каждого союза перед другими за действие и поведение всех принадлежащих к нему людей, в уплате виновною стороною пеней (т. е. штрафов. — Д. К.), в суде посредников»¹⁰⁹.

Рассмотрение вопроса о социально-экономическом строе Кабарды середины XVIII – первой половины XIX века в русской кавказоведческой литературе позволяет сделать следующие выводы. Накопив на протяжении длительного времени большой объем исторических сведений, русское кавказоведение с начала XIX века создает как общие труды, так и отдельные исследования по адыгам. Крупной темой в изучении общественного строя горских народов Кавказа стала проблема социально-экономического строя Кабарды.

Для обозначения общественно-политических отношений в Кабарде и у других адыгских народностей авторы, о которых шла речь, стали широко пользоваться схемой, выдвинутой С. М. Броневским, сводившим основные формы правления на Кавказе к двум видам: «аристократическому» или «феодальному и демократическому» или первобытнообщинному. У всех авторов первой половины XIX века подчеркивается влияние социально-экономического строя Кабарды на развитие общественных отношений соседних горских народов и более высокий уровень ее общественного развития среди остальных адыгских народностей. Применяя понятие «феодализм» к общественному строю кабардинцев, кавказоведы первой половины XIX века вкладывали в это понятие чисто политический смысл и по существу не распространяли его на систему социально-экономических отношений. Трактую завоевание как исходный момент феодальных отношений, эти авторы рассматривали историю феодальной Кабарды как господство завоевателей

кабардинцев, которые превратились в привилегированные сословия, над покоренной ими адыгской массой. Все они обращают внимание на наличие и развитость вассально-иерархической структуры в кабардинском обществе.

Другой характерной чертой кавказоведческой литературы первой половины XIX века является то, что в характеристиках общественного строя Кабарды переносится умело выработанное еще русской дворянской историографией XVIII века отождествление «удельной системы» с феодализмом. В отличие от западноевропейских историков, которым был присущ европоцентризм, русские кавказоведы проводят аналогии между феодальной Кабардой и «удельной» Русью. Находя различные феодальные институты в общественном строе кабардинцев, они приходят к выводу, что такие элементы, как раздробление политической власти, вассальная иерархия, в некоторых случаях служба за вознаграждение земельным участком, были присущи как европейским народам в эпоху средневековья, так и феодальному обществу кабардинцев середины XVIII – первой половины XIX веков.

Понятно, что такая сложная тема, как проблема социально-экономического строя, не могла получить подлинно научной разработки в кавказоведении первой половины XIX века. К сожалению, не нашли своего отражения вопросы о соотношении таких отраслей, как земледелие, скотоводство и обрабатывающая промышленность (промыслы), внутренняя и внешняя торговля, вопрос о формах землевладения, складывание сословно-классовой структуры, классовая борьба в кабардинском обществе.

Русские кавказоведы обращали особое внимание в своих работах на необходимость привлечения кавказского материала для разработки общих проблем первобытного состояния человеческого общества. Как мы видим из анализа приведенных работ, кавказоведческая мысль быстро реагировала на проблемы начальной эпохи существования человеческого общества, поднимаемые западноевропейской наукой (род, община). Уже в работах М. М. Венедиктова, К. Ф. Сталя и Н. И. Карлгофа формируются различные стороны общинно-родовой теории. Очень ценным являлось положение об универсальности общинно-родового строя на начальных формах организации человеческого общества. Русскому кавказоведению в разработке проблем первобытности, в отличие от западноевропейской исторической науки, была чужда какая-нибудь национально-шовинистическая позиция в этих вопросах.

Изменения, происходившие в социально-экономической и политической жизни России во второй половине XIX века, обусловили дальнейшее развитие русского кавказоведения. В этот период произошло окончательное территориальное включение горских народов в состав Российской империи, и последняя, естественно, стремилась упрочить там свое положение. Правительство, как и в предыдущий период, поощряло представителей военной и гражданской администрации, а также ученых, в деле освещения различных проблем общественной жизни горцев.

На кавказоведческую мысль большое влияние оказывал общий подъем русской исторической науки. Русская либеральная медиевистика во второй половине XIX века сделала крупный шаг вперед, что отразилось прежде всего в огромном интересе к социально-экономическим проблемам¹¹⁰.

В этот период, по сравнению с первой половиной XIX века, в изучении проблем кабардинской истории наблюдается более глубокий подход, который стал носить систематический характер. Как и прежде, сохраняется интерес к проблеме сословно-классовой структуры кабардинского общества. Вместе с ней разрабатывается ряд важных вопросов: состояние общины, землевладения и землепользования; реконструируются элементы патриархально-родового уклада.

На разработку вопросов социально-экономического строя Кабарды значительное влияние оказало также обогащение документальной базы русского кавказоведения в пореформенный период. Прежде всего, это было связано с деятельностью учрежденной в 1864 году Кавказской археографической комиссии. Она начала с 1866 года регулярно издавать своды официальных документов, которые извлекались из различных архивов. В качестве источников широко начинают привлекаться работы авторов первой половины XIX века, в которых личные наблюдения зачастую соединялись с исследованиями. В этом плане большое значение имели труды крупных адыгских историков Ш. Б. Ногмова¹¹¹ и Хан-Гирея¹¹². Для составления наиболее полной картины исторических и политических связей многочисленных адыгских народностей с Россией многое давали публикации документов, осуществленные П. Г. Бутковым¹¹³ и С. А. Белокуровым¹¹⁴. В изучении общественных отношений северокавказских народов особое место занимали материалы обычного права. Их записи, сделанные еще в 40-х годах XIX века представителями кавказской военно-гражданской администрации, вводятся в научный оборот крупным исследователем права Ф. И. Леонтовичем¹¹⁵. Говоря об общем развитии русского кавказоведения во второй половине XIX века, надо отметить и роль, которую сыграли в этом процессе различные русские периодические издания, выходившие на Кавказе. На страницах газет, сборников, календарей печатался интереснейший материал о горских народах¹¹⁶.

Кавказоведов второй половины XIX века, как и их предшественников, интересует характер производственных занятий кабардинцев. Многие авторы повторяют имевшееся в литературе мнение о низком уровне сельского хозяйства в Кабарде. Так, С. Г. Баратов отрицал наличие здесь частной собственности на землю и в этом видел «главное препятствие к развитию в ней гражданственности и сельского хозяйства»¹¹⁷. Этот вывод являлся необоснованным, так как в вопросе о землепользовании автор рассматривал только общественный лес, который находился в нераздельном общинном пользовании всего населения. Пахотные земли остались вне поля зрения С. Г. Баратова. Касаясь соотношения различных отраслей в хозяйстве кабардинцев, в работе дается картина ограни-

ченных размеров хлебопашества, а вместе с тем высокий уровень в разведении крупного рогатого скота, лошадей и пчел. Предметы последних выступали главными в торговом сбыте кабардинцев¹¹⁸.

Другие авторы, как Т. Макаров¹¹⁹, И. Д. Попко¹²⁰, Д. И. Романовский¹²¹, наряду со скотоводством, отмечали и довольно развитое земледелие в Кабарде.

На несколько иной позиции стояли П. А. Гаврилов¹²² и Н. Ф. Грбобовский¹²³, которые, соглашаясь с наличием у кабардинцев земледельческого труда, пытались доказать его примитивность тем, что такая культура, как пшеница, в нем была еще «нововведением». Эти взгляды не соответствовали действительности и легко опровергаются документальными источниками даже XVIII века¹²⁴.

Бездоказательным являлось положение, выдвинутое П. А. Гавриловым о «полукочевом» образе жизни кабардинцев¹²⁵. В противоположность этому мнению исследователь истории казачества И. Попко считал характерным для дореформенной Кабарды «подвижное оседлое обитание»¹²⁶. Как показывают многочисленные документы XVI–XVIII веков, опубликованные в сборнике «Кабардино-русские отношения» (М., 1957. Т. 1–2), своеобразной чертой средневековой Кабарды была подвижность населенных пунктов. Она была вызвана спецификой хозяйства – отгонным скотоводством и переложной системой земледелия. На нее влияли и частые военные столкновения феодальной знати, нападения крымских татар, а также демографические изменения в результате частых эпидемий. Даже такие авторы, как П. А. Гаврилов, вынуждены были признавать, что «случайности войны беспрестанно меняли положение населения и нередко требовали передвижений аулов с одного места на другое»¹²⁷. Поэтому характеристика образа жизни кабардинцев как «полукочевого» и «кочевого» являлась неправильной. Советские исследователи доказали, что термины «кочевали» и «кочевья», которые встречались в русских документах о кабардинцах, нельзя понимать в буквальном смысле¹²⁸.

Кавказоведы второй половины XIX века отводят все больше места в своих работах состоянию поземельной собственности в Кабарде. Т. Макаров, привлекая материалы Кабардинского временного суда, дает описание 20 крупных земельных участков с указанием их владельцев. Он справедливо полагал, что основной причиной в столкновениях феодальной знати являлась борьба за право владения теми или иными участками земель. Т. Макаров указывает, что князья часто давали своим вассалам земельные наделы с обязательством несения военной службы, а феодально-зависимое население за пользование землей выходило на барщину и платило подати в виде оброков¹²⁹.

П. А. Гаврилов стоял на точке зрения господства общинной земельной собственности в Кабарде первой половины XIX века. Он не смог уловить сосуществования здесь феодальной собственности на землю и общинного землевладения, хотя это состояние им констатируется. П. А. Гаврилов говорит о том, что, хотя обычное право давало всем членам кабардинского общества равные

права в пользовании общественным достоянием (землей, лесом, водой), представители знати имели привилегии в распоряжении земель¹³⁰. Затрагивая вопрос о взаимоотношениях крестьян с феодалами внутри общинной организации, он пишет: «...князья и уздени и в особенности некоторые, более выдававшиеся из них личности, мало-помалу присвоили себе право распоряжаться распределением земель в пользование народа и нередко, выбрав и захватив в свою пользу лучшие участки, остальную затем землю предоставляли аульному обществу распределять между своими членами, посредством выборных и пропорционально достатку и рабочим средствам каждого»¹³¹. Методика исследования, классовые позиции автора, слабость источниковой базы не позволили ему до конца разобраться в этом вопросе. Интересы П. А. Гаврилова полностью на стороне кабардинских эксплуататоров. Он считал, что при обилии земель и несложности кабардинского хозяйства описанный порядок землепользования не был слишком стеснительным для угнетаемых сословий¹³².

Для исследуемой темы важное значение имеют работы, которые были написаны в период проведения земельной реформы (1863) и отмены крепостного права в Кабарде (1867). В них, в частности, приводился большой конкретный материал, который характеризовал состояние различных сословий кабардинского общества к 60-м годам XIX века. Это позволяет, в первую очередь, более четко представить состав и имущественно-правовое положение угнетенных масс. В статье неизвестного автора «Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области»¹³³ показывается, что самое большое количество феодально-зависимого населения в названной области приходилось на Кабарду. В соотношении с другими горскими народами оно выражалось как 3:1¹³⁴. Подробно освещается положение трех основных категорий кабардинского трудового народа. К первой относились так называемые «безобрядные холопы» или «безадатные». Эта категория была лишена всех общественных и имущественных прав, и на нее не распространялись положения обычного права. В Кабарде это были *унауты*. Во всей Терской области в аналогичном им положении находилось 4339 человек, а в Кабардинском округе унаутов насчитывалось 2395¹³⁵. Ко второй категории в официальной переписке и часто в записях материалов обычного права применялся термин «обрядные холопы», которые фактически являлись крепостными крестьянами. «У кабардинцев они носили название *лагунапытов* и, согласно рассматриваемой работе, их перед реформой насчитывалось до 10 990 человек. К следующей категории принадлежали крестьяне, которые, оставаясь лично свободными, выполняли различные повинности, «размер которых не зависел от произвола владельцев, а по обычаю ограничен был положительно или числом дней работы, или мерою отдаваемых владельцу сельских произведений»¹³⁶. В Кабарде они были известны под названием *огов* и по подсчетам неизвестного автора статьи их оставалось перед реформой только 75 человек.

В этой работе ничего не говорится о такой категории зависимого населения, как *вольноотпущенники-азаты*. В небольшом очерке П. Степанова описываются условия перехода крепостных кабардинских крестьян в эту категорию¹³⁷. Если кто из князей и дворян отпускал своего крепостного на волю, по словам П. Степанова, «последний должен был отдавать своему господину все имущество и сверх того заплатить в зависимости от заключаемых условий свыше 700 р.»¹³⁸. Автор ошибочно полагал, что отпущенный на волю крепостной, который оставался жить в том же населенном пункте, уже не состоял ни в какой зависимости от бывшего господина. Как показывают другие источники, вольноотпущенники в Кабарде после своего выкупа на волю оставались еще в экономической зависимости от феодалов. Они были обязаны жить в деревнях своих бывших господ и при необходимости следовать за ними на новое место¹³⁹.

Другой неизвестный автор статьи «Крепостные в Кабарде и их освобождение»¹⁴⁰ пытается установить время и причины появления здесь крепостных сословий. Начало оформления крепостного права он относит к «временам отдаленным». Его происхождение объясняется на основе договорных начал: «...какой-нибудь владелец хорошей фамилии выбирал свободную землю, селился на ней, собирал около себя охотников из вольноотпущенников и бедных узденей, обещая им свою защиту и покровительство и взамен этого требуя от них некоторых повинностей, заключавшихся в доставке разных предметов продовольствия»¹⁴¹. С течением времени, как думает автор, поселенцы, отбывая повинности, которые становились все сложнее из-за жадности владельцев, постепенно забывали свою волюность и становились вполне крепостными. Причина того, что крестьяне уже не могли возвратить свободу в борьбе с владельцами, объясняется взаимной солидарностью последних. В статье показано тяжелое положение крепостных крестьян в Кабарде. «Крепостной не имел права на землю, которая в Кабарде составляла только собственность людей свободных»¹⁴². Дается подробная раскладка повинностей, которая выполнялась лагунапытами и огами. Лагунапыты должны были исполнять в течение года все полевые и домашние работы и выполнять все требования господина по хозяйству. В отличие от огов, владелец был обязан кормить и одевать своих лагунапытов. Оги, наряду с другими повинностями, обязательно должны были за пахоту для себя платить господину с каждого плуга по 60 мер проса и, кроме этого, ежегодно доставлять от двух до четырех арб проса (из расчета, что в одной арбе 30 мер), а также от семи до десяти возов дров¹⁴³.

Упомянутый выше очерк Н. Ф. Грабовского дополняет по содержащимся в нем фактам рассмотренные работы. По его подсчетам, имущество огов, лагунапытов и унаутов в целом по Кабарде к 1867 году составляло лишь 440 лошадей, 10 648 голов крупного скота, 5 125 овец и 585 сапеток пчел¹⁴⁴. Если сравнить эти цифры с данными, которые приводит в своей работе К. Ф. Сталь по отношению к 40–50 годам XIX века, видно, что кабардинские

крепостные и унауты, бывшие фактически на положении рабов, в своем распоряжении имели минимальное количество лошадей и скота.

Интересный материал содержался в работе «Привилегированные сословия Кабардинского округа»¹⁴⁵, которая являлась отрывком из трудов Терской сословно-поземельной комиссии и была составлена под руководством видного кабардинского общественного деятеля Л. М. Кодзокова. В основе ее лежали разнообразные источники (русские и грузинские летописи; общий свод законов Российской империи; исторические труды, вышедшие в первой половине XIX века; материалы обычного права кабардинцев; собственные наблюдения членов комиссии). В этой работе был дан обстоятельный разбор прав и обязанностей по отношению друг к другу представителей кабардинской феодальной знати.

В оценке общественных отношений многочисленных адыгских народностей авторы 60–70 годов XIX века придерживались схемы, введенной в широкий научный оборот в начале этого столетия известным русским кавказоведом С. М. Броневским. Все авторы относили кабардинцев к группе «аристократических» адыгов, учитывая ярко выраженную в обществе власть князей и дворян.

В 70-х годах XIX века кавказоведческая литература пополнилась многотомным трудом военного историка Н. Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе»¹⁴⁶. Автор являлся представителем русской дворянской официально-охранительной историографии. Н. Дубровин не внес ничего нового и ценного в теорию общественного строя кавказских народов. Историк следующим образом характеризует свою методику работы: «...не прибавляя от себя ничего нового, свел только в одно целое сведения, разбросанные по различным архивам, журналам, газетам и отдельным сочинениям». Поэтому данная работа получилась компилятивной по содержанию. Н. Дубровин не смог критически подойти к разноречивым источникам и, механически соединив их, повторил все противоречия, которые были высказаны предшествующими авторами. Так, вслед за К. Ф. Сталем, Н. Дубровин считает, что «подобно князьям и дворяне не имели отдельно от своего народа никакой поземельной собственности»¹⁴⁷. А чуть дальше, описывая повинности, которые выполнялись крепостными крестьянами, он объясняет это за счет пользования господской землей¹⁴⁸. В работе дается подробное описание основных категорий крепостных крестьян. Историк делит их на две группы – «оброчных крестьян» и «дворовых людей»¹⁴⁹. Давая характеристику сословному делению у адыгских народностей, Н. Дубровин считает, что «организм черкесского общества, по большей части имел характер чисто аристократический»¹⁵⁰. Вопреки всему сказанному делается вывод, что адыге (черкесы) находились на стадии разложения родовых отношений и образования племенных союзов. В условиях закончившихся военных действий на Северо-Западном Кавказе, Н. Дубровин пытается на основе исторических данных принизить уровень социально-экономического развития адыгов, которые

долгое время вели активную борьбу против политики царского самодержавия.

Продолжая работу, начатую кавказоведами первой половины XIX века М. М. Венедиктовым, К. Ф. Сталем и Н. И. Карлгофом, которые на основе изучения горских народов пытались реконструировать отдельные стороны родового строя, со статьей о матриархате, как первой упорядоченной форме организации общества, выступил В. В. Сокольский. Она называлась «Архаические формы семейной организации у кавказских горцев»¹⁵¹. Хорошо знакомый с трудами западноевропейских историков, русский ученый дает критический анализ состояния вопроса о роде и семье в современной ему историографии. В. В. Сокольский выступает решительным противником так называемой патриархальной теории, согласно которой первые люди жили семьями во главе с мужчинами. Он является одним из первых последователей учения И. Я. Бахофена в России, популяризатором его идей, и на основе этого учения начинает разрабатывать историко-этнографический материал северокавказских народов.

В. В. Сокольский доказывает, что матриархат являлся обязательным этапом в процессе развития человеческого общества. Ученый выделяет ряд реликтов матриархата у горских народов, в частности у адыгов. При этом он широко пользуется трудами различных кавказоведов и записями обычного права. «Из числа юридических обычаев, — пишет Сокольский, — указывающих на преобладание начала материнского родства, самым характеристическим является обычай, определяющий порядок передачи сословных прав у кабардинцев, и вообще у всех адыге (черкесов)»¹⁵². Этот обычай, согласно ученому, является свидетельством того, что в древности семья первоначально группировалась не около мужчин, а около женщин. Он приводит примеры того, как у низших категорий кабардинского общества сословные права передавались не по отцовской, а по материнской линии. В причислении детей к тому или иному сословию господствовало правило, по которому рожденный от унаута и свободной женщины считался свободным, а рожденный от свободного мужчины и унаутки — рабом¹⁵³. Исходя из этого, Сокольский думает, что «утробное родство было у адыге основой семейной и родовой организации еще не особенно давно, а именно в тот сравнительно уже поздний период их истории, когда слагались сословия»¹⁵⁴. Мнение Сокольского по этому вопросу подтверждается и записями кабардинских адатов, которые были опубликованы Ш. Б. Ногмовым. Обращаясь к пережиткам кровного родства, различным обрядам, связанным с браком и рождением детей, В. В. Сокольский реконструировал отдельные пережитки матриархальных отношений у кабардинцев и у других адыгов.

Эта и другие работы В. В. Сокольского обогащали проблему разработки истории родовых отношений в русской исторической науке. Идеи, выдвинутые ученым, являлись ценным вкладом в общее учение эволюционизма. По справедливому замечанию

М. О. Косвена, работа В. В. Сокольского должна быть отмечена как первая постановка и первое исследование вопроса об историческом существовании матриархата и его пережитков у народов Кавказа и одновременно как первый опыт трактовки общих вопросов первобытной истории на кавказском этнографическом материале¹⁵⁵. О значимости рассмотренной работы в плане общего развития исторической науки свидетельствовал и отклик на нее самого создателя учения о матриархате И. Я. Бахофена во втором томе своих «Антикварных писем»¹⁵⁶.

В 80-х годах XIX века крупный вклад в русское кавказоведение сделали известные буржуазные ученые Ф. И. Леонтович и М. М. Ковалевский. Сборник «Адаты кавказских горцев», изданный Ф. И. Леонтовичем, надолго стал одним из важнейших источников в изучении общественного строя и обычного права горцев. Эти ученые обосновали в своих работах научное значение материалов обычного права для освещения вопросов социально-экономического, политического и культурного развития кавказских народов. Одновременно они показали их научную ценность в изучении ранних этапов исторического развития и других народов. Например, Леонтович в предисловии к «Адатам» отмечал: «В обычном праве кавказских горцев, в большинстве стоящих на низких ступенях общественного развития, сохранилось немало институтов глубокой старины, по своему происхождению и характеру принадлежащих к таким явлениям общественной культуры, которые на первых порах встречались в истории всех народов»¹⁵⁷.

На основе анализа материалов обычного права Ф. И. Леонтович показал, что в общественном строе горских народов сохранились различные пережитки родового строя, которыми он объясняет часто существование различных обычаев в их быту. У Леонтовича и других буржуазных ученых не наблюдается ясного разграничения между обычаями и обычным правом, т. е. бытовые нормы жизни не отделялись от правовых. Это происходило от непонимания социальной сущности такой категории, как право, существовавшей, как они думали, извечно.

Ф. И. Леонтович сравнивает адаты горцев с институтами древнегерманского и древнеславянского права, которые сохранились в «Leges barbarum» и в «Русской правде». Материалы обычного права горцев привлекаются для выяснения законов развития правовых идей и институтов феодальной Руси. Например, ученый доказывает аналогичное происхождение и положение в обществе таких сословий, как «древнерусские отроки и дети боярские» с сословиями горцев: «кавдасардов» и «кумяков» – у осетин, «чанков» – у балкарцев, «тума» – у кабардинцев¹⁵⁸.

Исходя из «склада и характера общественной и правовой жизни кавказских горцев», ученый причисляет их к «народностям, стоящим по своему общественному развитию на переходной ступени от кочевого к оседло-общинному быту»¹⁵⁹. Данная оценка, в целом, вытекала из общеисторических взглядов Леонтовича, в частности его задружно-общинной теории¹⁶⁰.

В оценке социально-экономического строя Кабарды и других горских народов Леонтович, правильно отметив сохранение здесь патриархально-родового уклада, ошибочно считал его господствующим. Патриархальная оболочка, прикрывавшая развитие феодальных отношений, ввела в заблуждение ученого. Сословную структуру кабардинского общества, которая была описана в записях адатов 40-х годов XIX века, Леонтович представляет как различие в служебном положении лиц «родового народа»: «Первые источники сословной организации черкес и других кавказских горцев нужно искать в родовом различии между «старшиной», вождем народа, и остальной родовой «челядью», — различии, которое доселе удерживается в противоположении «старшин» и знатных (уорков) «черному» народу, простолюдинам. Из потомков первичных родоначальников образовались после сословия средних и зависимых людей. Те и другие классы различались особыми, служебно-родовыми правами и сервитутами и сообразно с последними дробились на отдельные чины, одинаково служившие родовым интересам, — классы знатные, — в роли родовых вождей и старшин, низшие — в значении простых воинов и тяглецов, обязанных служебными отношениями к роду и его старшинами»¹⁶¹. С родовой зависимостью сословий Леонтович связывает фактор взаимной солидарности всех общественных классов, которые, согласно мнению ученого, поддерживали во взаимных отношениях между собой широко развитое начало родового патронатства¹⁶². Итак, Леонтович не смог увидеть систему вассалитета, регулирующую взаимоотношения в среде кабардинской господствующей верхушки. Институт «уорктын», который закреплял многосословность господствующего класса и самоподчиненность сословий, и в понятие которого входило правило дарения сюзереном населенного пункта своему вассалу с дальнейшим вознаграждением его подарками, за что последний нес военную службу господину, изображается Леонтовичем как «обычай, обязывавший владетельных представителей и патронов своего рода оказывать материальную помощь и защиту лицам низших классов, принадлежавших их роду»¹⁶³.

Затрагивая положение различных категорий кабардинского зависимого населения, Леонтович описывает только их правовое положение. Производственные отношения внутри кабардинского общества совершенно игнорируются. Повинности, выполнявшиеся трудящимися массами по отношению к владельцам, объясняются как «определенные обычаи служебности в отношении к роду»¹⁶⁴. Ученый не смог разобраться в социальном положении адыгских свободных общинников-тлукотлов. Ссылаясь на характеристику, данную этой категории К. Ф. Сталем, он причисляет их к дворянам и называет «узденскими узденями»¹⁶⁵. Ф. И. Леонтович не смог правильно установить, какому общественному уровню развития соответствовала сословно-классовая структура кабардинского общества. Материалы же обычного права наглядно показывали наличие здесь двух основных классов феодального общества.

Основное содержание адатов сводилось к упорядочению регламентации феодальных отношений, к укреплению власти феодалов. Подавляющая часть статей адатов касалась взаимоотношений феодалов с их крепостными, в них определялись виды и нормы феодальной эксплуатации крестьян, степень их личной зависимости, а также тщательно перечислялись права и привилегии сюзеренов, обязанности вассалов, т.е. трактовала важнейшие вопросы феодального обычного права¹⁶⁶.

Положительной стороной кавказоведческих работ Ф. И. Леонтовича являлось употребление и объяснение им различных понятий, как «обычное право», «адат», «маслагат» и т. д. В этом плане в кавказоведческой литературе имелся уже определенный опыт работы в лице таких авторов, как Хан-Гирей, С. Адиль-Гирей и в особенности К. Ф. Сталь. Но, в отличие от них, Леонтович часто давал развернутое объяснение указанных понятий. Например, показывается такое значение, которое в разных источниках может иметь понятие «адат» – во-первых, значение «обычая, живущего в народном предании»; во-вторых, мог быть возведен к суду, т. е. «способом разбирательства судебных дел»; в-третьих, мог выступить как «закон местный, имеющий обязательное действие лишь в данной местности, ко внутренним делам данной общины или народа»¹⁶⁷. Ученый прав, связывая адаты горцев с третейскими посредническими судами, которые руководствовались при решении тех или иных вопросов народными обычаями. Объясняя «маслагат» как первичную форму образования адатов, Леонтович проводит параллель между ними и древнерусским «рядом»¹⁶⁸.

Во введении к «Адатам» удачно прослеживается, как на протяжении первой половины XIX века в Кабарде, с одной стороны, шариат, с другой – русское законодательство оказывали влияние на обычное право. Ф. И. Леонтович полагает, что последнее все-таки оставалось в течение всего этого периода господствующей формой права, которое определяло весь внутренний быт кабардинского народа¹⁶⁹.

Значительным достижением дореволюционной русской исторической науки были труды крупнейшего буржуазного историка М. М. Ковалевского. Вклад, сделанный им в кавказоведение, до сегодняшнего дня не потерял своего значения. Исследование общественного строя кавказских народов являлось одной из центральных в широком круге проблем, поднятых и освещенных Ковалевским в работах по Кавказу.

Основу кавказоведческих работ ученого составил самый разнообразный круг источников. В первую очередь, это материалы обычного права горцев, которые послужили одним из главных источников в «Законе и обычае на Кавказе»¹⁷⁰. Наряду с ними широко использовались личные наблюдения, записи местных легенд и преданий, результаты археологических раскопок, литературные памятники, работы предшествующих русских и зарубежных историков, документация различных судебных учреждений¹⁷¹.

Главным исследовательским приемом в работах М. М. Ковалевского был сравнительно-исторический метод, крупным популяризатором которого в русской исторической науке выступил ученый. Этот метод позволил ему сделать широкие обобщения в анализе социально-экономического строя горских народов. Одновременно он использовал кавказский материал и выводы, сделанные на его основе для обоснования своих взглядов по проблемам первобытнообщинного строя и феодализма.

Изучение М. М. Ковалевским различных сторон родового строя у горских народов Кавказа, а также многие другие вопросы их общественного развития получили подробное освещение в статье М. О. Косвена¹⁷² и монографии Б. А. Калоева¹⁷³. Мы же касаемся только тех сторон взглядов ученого, которые непосредственно связаны с кругом вопросов, нас интересующих. К числу таких относится состояние поземельных отношений и общины, сословно-классовой структуры в дореформенной Кабарде. Эти вопросы не были чисто теоретическими и их разработка, как видно из первой кавказоведческой работы М. М. Ковалевского «Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа»¹⁷⁴, была тесно связана с решением аграрного вопроса у горцев.

Впервые в исторической литературе Ковалевский поставил вопрос о специфике горского феодализма. «Мы намерены, — пишет он, — обратить внимание читателей на некоторые стороны общественного строя кавказских горцев, способные видоизменить ходячие представления о так называемом феодальном быте»¹⁷⁵. Ученый опровергает теорию германистов, изображавших феодальный строй как исключительную особенность общественного развития германских племен. М. М. Ковалевский считает, что на Кавказе можно проследить сложный процесс перехода родовых и общинных отношений в феодальные. При этом отмечается различный уровень процесса феодализма у кавказских народов. «У одних мы видим только в зародыше; у весьма немногих в законченном виде. Сопоставляя и сравнивая между собою системы общественных отношений у разных народцев Кавказа, мы получаем возможность отметить последовательные стадии развития, через которые проходит процесс феодализации»¹⁷⁶. М. М. Ковалевский развивает дальше взгляд на феодализм как универсально-исторический этап в общественном развитии, взгляд, который был уже довольно распространенным в русской историографии.

Наиболее ранние высказывания Ковалевского об общине и формах землевладения в Кабарде содержались в его выступлениях на VI археологическом съезде в Одессе. Возражая М. И. Кулишеру, который отрицал существование частной собственности на землю у кабардинцев¹⁷⁷, М. М. Ковалевский неплохо для своего времени и своих методологических возможностей дал картину сосуществования феодальной земельной собственности и общинного землевладения. Он говорил: «Возражения, что земля оставалась в общинном землевладении, потому же не кажется мне существенным, что общинное владение крестьян в течение всех

средних веков продолжало держаться наряду с феодальными поместьями и притом на землях самих феодальных сеньоров. Сравнение же личных служб и натуральных сборов, производящихся в пользу горских феодалов членами зависимых от них сословий, какие согласно римскому праву IX века несут в пользу сеньора свободное население и крепостные крестьяне, приводит к заключению об однохарактерности горских порядков с средневековыми феодальными»¹⁷⁸. Высказанный здесь тезис о возможности одинаковой эволюции форм землевладения у северокавказских народов и в феодальных странах Западной Европы являлся замечательным достижением русской исторической мысли. Приведенное положение довольно близко отражало состояние поземельных отношений в кабардинской общине, где феодальный владелец выступал собственником всей общинной земли, и одновременно он пользовался одним из ее участков. К сожалению, затрагивая общинное землевладение кабардинцев, ученый не поставил вопроса о разложении коллективных форм недвижимой собственности.

В «Законе и обычае на Кавказе» Ковалевский относит разработку истории земельных отношений к наиболее спорным для эпохи родового строя. Заимствовав у Фюстель де Куланжа важное значение «культу предков», он считает его вместе с «нераздельностью земельного владения» основой родового устройства¹⁷⁹. Земельный вопрос у горцев разрабатывается историком с позиций марковой теории Г. Маурэра. Характер земельной собственности связывается с географическим фактором — «топографией занятой племенем местности». Исходя из этого, он считает, что «племенная и общеродовая» собственность находит более благоприятные условия существования на плоскости. В горах же, где нет просторов, общим правилом является «дворовая» собственность¹⁸⁰. М. М. Ковалевский доказывает верность марковой теории на примере землевладения плоскостных кабардинцев и осетин, с одной стороны, с другой стороны — на примере горных сванетов и хевсуров¹⁸¹.

М. М. Ковалевский определяет образ жизни многочисленных адыгских народностей как «оседлый». Он считает, что «переход к оседлости не сопровождался у них полным упадком родовой организации и аграрного коммунизма»¹⁸². Оценивая в целом состояние земельной собственности у адыгов, Ковалевский пишет: «Мы встречаем у черкес и кабардинцев существование племенной, братской и родовой собственности на землю и рядом с этим господство переложной системы хозяйства — этой первобытнейшей формы земледелия, и в это время переделы, возобновляемые в раз навсегда определенные сроки, совершенно не известны этим народностям»¹⁸³.

В исторической науке известен большой вклад, сделанный М. М. Ковалевским в развитие буржуазной общинной теории. Он доказал универсальность общинного устройства, разработал периодизацию ее истории, которая была высоко оценена Ф. Энгельсом. В вопросе об общине у народов Северного Кавказа Ковалевский разграничивает две ее формы: семейную и соседскую.

Он пишет: «...на низших ступенях общественности место сельской общины с периодически переделываемыми полями занимает община семейная, чуждая переделов и придерживающаяся начал полного имущественного коммунизма не только в сфере производства, но и в сфере потребления»¹⁸⁴. Данное положение вытекало из общеисторических взглядов М. М. Ковалевского на проблему эволюции общины. Согласно ей, семейная община возникла раньше соседской и была промежуточной ступенью между нею и родовой общиной. В своей более поздней работе «Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом» (СПб., 1905) ученый отказывается от этой точки зрения и считает соседскую общину преемницей родовой¹⁸⁵.

Наличие сельской общины у горских народов Кавказа Ковалевский констатирует только в Дагестане¹⁸⁶. У остальных ученый признает существование только «семейной» общины. Таким образом, осталось неразвитым дальше положение, выдвинутое ученым на VI археологическом съезде о возможности сосуществования феодальной собственности и общинного землевладения у кабардинцев. Отрицая периодические переделы общинной земли у адыгов, Ковалевский не смог заметить разности в поземельных отношениях кабардинской и западноадыгской общины. Как показывают документальные источники, в Кабарде первой половины XIX века производились периодические переделы общинной пахотной земли¹⁸⁷.

Позитивистские позиции, занимаемые Ковалевским, привели его к ошибочному мнению в вопросе о возникновении феодальных отношений и сословной организации народов Северного Кавказа. Они объясняются ученым исключительно кабардинским влиянием¹⁸⁸. Для него кабардинцы «пришлый народ, основавший прочную оседлость» на Северном Кавказе. Переселившись на эту территорию, они застали здесь народ, который, как и кабардинцы, был адыгского происхождения. Договорившись с местным населением и их родовыми старейшинами (тлехотлешами), кабардинцы установили над ними свое политическое господство. При этом родовые старейшины получили ряд привилегий по сравнению с подвластным населением. Возникновение политической власти и системы вассалитета, а также оформление крепостных отношений в кабардинском обществе трактуются как естественное состояние, которое основано на «праве завоевателей».

Подробным образом в работе описывается высокое социальное положение кабардинских князей в обществе, чью власть признавали не только адыги, но и многие соседние народы. Обязательным элементом, связывающим различные сословия феодальной знати, для Ковалевского выступает вассалитет. Князя и первостепенные дворяне (тлехотлеша и деженуго) держат в своей вассальной зависимости дворян низших степеней. По своему отношению к князю и к земле последние приравниваются к «служилым людям» Московского государства и их прототипу — дружинникам Новгородской и Киевской Руси¹⁸⁹.

Сословные границы дворян второй и третьей степеней (беслан-уорки и уорки-шаутлхусы) были мобильными и, по свидетельству ученого, могли пополняться выходцами из других сословий по воле князя. Дворянин третьей степени (уорк-шаутлхус) мог перейти в сословие беслан-уорков в случае получения от князя пожалования в виде участка земли или ценного подарка, например оружия. Со своей стороны, пожалованный дворянин обязывался жить вблизи князя в его населенном пункте или уделе. М. М. Ковалевский отрицает связь между политическими правами кабардинской феодальной знати и порядком землевладения. Он считает, что отношения князя и его вассалов были не столько отношениями «по земле», сколько отношениями по «службе»¹⁹⁰.

Хотя в работе «Закон и обычай на Кавказе» упоминаются различные сословия зависимого населения у кабардинцев («унауты», «лагунапыты», «азаты», «чагары» (оги. – К. Д.), им уделяется мало места. В одном случае, говоря о «чагарах», ученый уподобляет их положение с состоянием сословия «серебренников» в Московском государстве¹⁹¹.

Исходя из всего этого, М. М. Ковалевский характеризует кабардинское общество дореформенного периода как феодальное. «Мы едва ли ошибемся, – пишет он, – если применим к только что описанной нами сословной организации термин феодальный, так как отличительные черты последней – соединение в одном лице земледельческих и политических прав, иерархическое подчинение низших сословий высшим, договорное отношение между ними, основанное на взаимном обмене услуг, встречаются и в кабардинском общественном устройстве»¹⁹².

Для М. М. Ковалевского характерно при определении сущности и основных черт феодализма объяснение его как политико-правовое понятие. Находясь на плюралистических позициях, М. М. Ковалевский и другие ученые-позитивисты представляли в основе исторического процесса преимущественно политические причины. Соответственно меньше уделялось места экономическим факторам. Буржуазная историческая наука, в силу ограниченности своей методологии, не в состоянии была дойти до понимания феодализма как совокупности производительных сил и производственных отношений.

К последним десятилетиям XIX – начала XX века относится научная деятельность крупного дореволюционного историка Ф. А. Щербины. Он был известен своими исследованиями по вопросам бюджетной статистики, общины и поземельных отношений, истории казачества. В работах «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин часто ссылается на работы Ф. А. Щербины. Критикуя его как народника и его неправильные методологические приемы исследования, В. И. Ленин в то же время высоко оценивал содержащийся в работах Ф. А. Щербины фактический материал¹⁹³.

Проблемы социально-экономического строя адыгских народностей Щербина рассматривает в большом очерке «Общинный

быт и землевладение у кавказских горцев»¹⁹⁴ и во втором томе «Истории кубанского казачьего войска»¹⁹⁵. В первой работе Щербина пытается установить главные определяющие начала в общественной жизни горцев, с которыми связывается в конечном итоге возникновение общины. Как считает историк, они заключались в двух главных факторах – в «условиях естественных и условиях социально-политического характера»¹⁹⁶. Первый фактор подразумевал суровую кавказскую природу, которая была для горцев, по словам автора, «не добрым гением, а злой мачехой»¹⁹⁷. Вторым фактор – борьба между различными группами людей за существование. Как видно из работы, Щербина придерживается распространенной в тот период в позитивистской социологии теории множественности факторов общественного развития. Вслед за представителями государственной школы, ученый уделяет большое значение влиянию природно-географических условий на общественную жизнь людей¹⁹⁸.

Развитие природы и общества, возникновение на определенном этапе общины выступает у Щербины как объективный закономерный процесс. При объяснении его в основе взглядов ученого положена плюралистическая теория прогресса, которая содержит идею общественной солидарности.

Привлекая работы различных кавказоведов, Щербина определяет крестьянскую общину на Северном Кавказе как родовую, построенную на семейно-родственных отношениях¹⁹⁹. Круг вопросов, выдвигаемых при ее изучении, можно свести к трем основным проблемам: поземельные отношения, состояние хозяйства в общине и ее самоуправление. Для всех горских народов дается одинаковая трактовка этих вопросов, подкрепляемая в каждом случае примерами из их общественной жизни.

Рассматривая способы владения землей в горской общине, ученый считает, что они находились, как и их «экономический быт», на низкой степени развития. Эволюция форм землевладения и землепользования прослеживается диалектически – от захватно-общинного владения до ограничений, вернее утеснений в пользовании землей и ее переделов. Господствующей формой земельного права у кабардинцев и других адыгов Щербина ошибочно считает обычай свободной заимки²⁰⁰. Он отрицает существование у горцев института частной собственности на землю и думает, что это путается многими исследователями с долгосрочным использованием общинными угодьями на основании обычая заимки²⁰¹. Как и К. Ф. Сталь, ученый не мыслит личной земельной собственности у адыгов без права ее свободного отчуждения в виде товара²⁰².

Описывая производственные процессы, которые носят общинный характер, ученый как их характерную черту выделяет обычай «спряжек». В данном случае речь идет о супряге, которая издавна являлась на всей территории Северного Кавказа одной из распространенных форм трудового объединения крестьян.

Заканчивая описание горской общины, Щербина останавливается на общинном самоуправлении и образовании различных со-

словий в ней. По его мнению, в основе управления общины, как и во всей жизни горцев, преобладающую роль играло «родовое начало»²⁰³. Отмечается также наличие рабства, крепостничества и сословного деления в среде общинников. У адыгских народностей князья и дворяне вместе с трудовым народом выступали членами общины. Происхождение зависимых сословий в общине объясняется преимущественно за счет военнопленных. Весьма ценным свидетельством служит мнение ученого, что «в редких случаях были примеры экономического закабаления одними лицами других, вследствие неисполнения долговых обязательств»²⁰⁴. Ф. А. Щербина только мельком констатирует этот момент и не делает из него совершенно никаких выводов.

Правильно отметив упорную борьбу общинников против захвата общинных земель высшими сословиями, в работе не была четко показана внутренняя противоречивость сельской общины у ряда народов Северного Кавказа. У кабардинцев она проявлялась в силу того, что феодал, являясь членом общины, соблюдал ее распорядки и в то же время выступал главным эксплуататором рядовых общинников. Появление частной собственности на землю в Кабарде связывается в анализируемой работе с введением здесь русского административного управления²⁰⁵.

Положительным моментом являлась постановка автором такого вопроса, как общие и специфические черты горской общины. Ее история подтверждала, согласно Щербине, что «общинное землевладение составляет непрременную черту общинного быта на первых ступенях его развития»²⁰⁶. Но исследование внутреннего органического развития горской общины и ее обычно-правовых порядков не под силу ученому. Правильно отметив поступательный ход в эволюции общины, Щербина не раскрыл действительные причины, вызывавшие его. Как своеобразие горской общины указывается ее более низкий уровень развития по сравнению с русской общиной, также конкретно-исторические особенности ее функционирования²⁰⁷. В чем заключалось последнее, остается не раскрытым.

Во второй указанной выше работе Ф. А. Щербины оценка социально-экономического строя дается в общеадыгском масштабе. Кабардинцев ученый относит к народу с наиболее выраженными «аристократическими» элементами. Для объяснения так называемой «демократической» и «аристократической» формы правления в среде адыгов используется известное положение дворянской и буржуазной историографии о завоевании как главном факторе в происхождении феодального строя²⁰⁸. В конечном итоге Ф. А. Щербина приходит к выводу, что в XVIII – первой половине XIX века у адыгских народностей не было «ни одного признака объединенной государственной организации» – адыгские земли были политически и экономически разобщены, отсутствовало единое управление в вооруженных силах и финансах²⁰⁹.

В начале 90-х годов XIX века в кавказоведческой литературе появились статьи Е. З. Баранова²¹⁰, Г. Ф. Малявкина²¹¹, Е. Д. Мак-

симова²¹², которые были посвящены вопросам землевладения у кабардинцев. Их содержание в основном характеризовало пореформенную Кабарду, но содержащийся в них фактический материал представляет определенную ценность для сравнения при изучении земельных отношений в первой половине XIX века.

Работа В. Линдена «Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края»²¹³ занимает одно из последних мест в дореволюционной русской кавказоведческой литературе по нашей проблеме. Как следует из названия, автор сосредоточил свое внимание на двух основных вопросах — общественно-политическом и поземельном строе. Но, в целом, по этим вопросам были повторены взгляды предшествующих авторов, в частности М. М. Ковалевского.

Таким образом, большинство рассмотренных авторов оценивало общественный строй Кабарды XVIII — первой половины XIX века как феодальный. Сама постановка вопроса о феодализме у горских народов, в частности кабардинцев, в условиях дореволюционной исторической науки уже являлась положительным моментом. Однако феодализм раскрывался не как социальный организм и даже не как форма хозяйства. Он полностью отождествляется с политической формой правления, во главе которой стояли представители высшей феодальной знати, подчинившей на принципах вассалитета и зависимости все остальные группы населения. Такое понимание феодализма относительно кабардинского общества было сформулировано уже в кавказоведческой литературе второй половины XVIII — начала XIX века и преемственно перешло к буржуазным авторам пореформенного периода. Последние, пользуясь сравнительно-историческим методом исследования, значительно расширили круг вопросов, связанных с социально-экономической проблематикой Кабарды XVIII — первой половины XIX века, обогатили ее введением в научный оборот новых фактов и исторических источников. Но даже наиболее крупные представители русского кавказоведения второй половины XIX века, руководствуясь методами анализа позитивистской социологии, не смогли пойти дальше определения феодализма в Кабарде как совокупности специфически правовых и политических институтов.

Отдельные кавказоведы, считавшие общественные отношения кабардинцев патриархально-родовыми или переходными от патриархально-родовых к феодальным, исходили из ошибочного положения, что скотоводческому хозяйству, которое господствовало здесь, обязательно должны были соответствовать примитивные формы общественного состояния.

Дореволюционное отечественное кавказоведение на материалах истории народов Северного Кавказа достигло особенно важных результатов в исследовании проблем общинно-родового строя. Его достижения, с точки зрения истории исторической науки, имели большое научное значение не только для развития русской исторической науки, но и для мировой историографии. Изучение рус-

ским кавказоведением проблем матриархата, рода и общины велось, как считает М. О. Косвен, довольно самостоятельным путем и достигло результатов, в некоторых случаях опережающих западноевропейскую науку²¹⁴.

Русская историография на основе изучения общественных отношений северокавказских народов вводила в научный оборот интересный комплекс материалов, что тем самым создавало возможность ознакомления с ней мировой исторической науки. Работы М. М. Ковалевского «Закон и обычай на Кавказе», «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» были использованы Ф. Энгельсом при переработке и издании своего труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Ф. Энгельс придавал большое значение открытию на Кавказе общины М. М. Ковалевским²¹⁵. И. Я. Бахофен после знакомства с работами В. В. Сокольского и других ученых стал интересоваться русской научной литературой по этнографии, в особенности социальными отношениями национальных окраин.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОЯ КАБАРДЫ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В ТРУДАХ АДЫГСКИХ ИСТОРИКОВ И ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ

Изучение возникновения и развития национальной историографии имеет важное значение в истории того или иного народа, потому что она является составной частью его культуры. Только в советской исторической науке был поставлен вопрос о том, что у каждой нации есть свои научные достижения, в том числе и в области историографии¹.

Актуальным вопросом истории исторической науки в СССР является разработка местной, национальной историографии². В этом плане особое внимание уделяется роли истории науки в процессе взаимообогащения и сближения культур братских народов нашей страны. А. М. Сахаров считает, что «нужно показать вклад каждого народа в развитие науки и культуры, в том числе и в развитии истории исторической науки, показать, как в этой области знания исторически возникли и действовали связи и влияния между народами нашей страны»³.

Труды дореволюционных адыгских историков играют неоценимую роль как для изучения в целом зарождавшейся национальной историографии, так и для конкретно исследуемой нами проблемы. В них содержится богатейший запас исследованного фактического материала, который не потерял своего значения до сегодняшнего дня.

Первые исторические труды, написанные адыгами, появились в первой половине XIX в., когда в русской исторической литературе резко возрос интерес к Кавказу и населяющим его народам в связи со столкновением здесь интересов различных государств и активизации военных действий. Национальные авторы, о работах

которых пойдет в дальнейшем речь, не были профессиональными историками. Это были представители привилегированных классов, которые, находясь на военной службе в России, восприняли идеи общественно-политической и научной мысли (И. Атажукин, Ш. Ногмов, Хан-Гирей, С.Адиль-Гирей, С. Казы-Гирей и др.) или получили гуманитарное образование в различных учебных заведениях Петербурга, Москвы, Ставрополя (Л. Кодзоков, А.-Г. Кешев, В. Кудашев, К. Атажукин).

Состояние исторической мысли и знаний у адыгов в дооктябрьский период было обусловлено, в основном, общими условиями их социально-экономического, политического и культурного развития. С начала XIX века экономическое и политическое развитие адыгских народов, в особенности кабардинцев, идет в ином направлении, чем в предшествующий период. В результате введения русского административно-судебного управления происходит ряд изменений в общественном строе Кабарды. В дальнейшем, вследствие отмены крепостного права и проведения земельной реформы, изменяются сословно-классовая структура адыгского общества и господствовавшие у них формы землевладения и землепользования. Начиная с 60-х годов XIX века и до 1917 года главным содержанием социально-экономического и культурного развития адыгских народов являлось ускорение темпов их втягивания в общероссийскую экономическую и политическую систему. Как показывают различные исследования⁴, это был объективный и закономерный процесс, сущность которого заключалась в сломе старых патриархально-производственных отношений, зарождении и становлении светских школ и прогрессивной интеллигенции. С постепенным вовлечением адыгских народов в орбиту всероссийского рынка перед ними открывались пути новых форм хозяйственной деятельности, во всех сферах общественной жизни преодолевалась прошлая замкнутость и ограниченность. Огромное значение имело влияние русской культуры на культуру адыгских народов, которое проявлялось в самых разнообразных формах, начиная от заимствования более высокой культуры русских ремесел, земледелия и скотоводства, русской письменности, на основе которой создавался адыгский алфавит, вплоть до творческого общения в области науки и литературы.

Важную роль в развитии исторической мысли и знаний адыгов играли русско-адыгские идейные и научные связи, знакомства и контакты представителей горской интеллигенции с передовыми русскими людьми. Воздействие великих поэтов и писателей (А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, А. А. Бестужева-Марлинского, М. Ю. Лермонтова, С. Д. Нечаева), ссыльных декабристов, видных ученых (А. М. Шегрена, А. П. Берже, Л. Я. Люлье, П. К. Услара, М. М. Ковалевского, В. Ф. Миллера, Л. Г. Лопатинского и др.) на первых адыгских историков и публицистов было очень большим.

Передовые русские люди приветствовали каждый шаг сближения горских народов с русским.

А. С. Пушкин в первом выпуске основанного им журнала «Со-

временник» поместил повесть адыгского публициста С. Казы-Гирея «Долина Ажитугай», сопроводив ее следующим послесловием: «Вот явление, неожиданное в нашей литературе. Сын... Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно»⁵. В исторической литературе есть свидетельства о помощи, которую оказал выдающийся русский поэт адыгскому историку Ш. Б. Ногмову в переводе на русский язык собранных им исторических преданий⁶.

Обнаруженные нами новые материалы свидетельствуют о тесных связях между известными русскими и адыгскими общественными деятелями и публицистами – А. С. Хомяковым и Л. М. Кодзоковым⁷, Я. М. Неверовым и А.-Г. Кешевым⁸.

Великие революционеры-демократы Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов выступали против царской политики на Кавказе и боролись за сближение народов Кавказа с русским народом, за развитие культуры этих народов⁹.

Отражение проблемы социально-экономического развития Кабарды XVIII – первой половины XIX века в адыгской историографии нами будет рассматриваться на основе трудов таких известных адыгских историков, как И. Атажукин, Ш. Ногмов, Хан-Гирей и В. Кудашев, а также публицистов – С. Адиль-Гирея, А.-Г. Кешева и др.

В трактовке исторических событий и явлений названные историки делают попытки их научного объяснения с помощью рационалистических идей. Так, это наглядно проявлялось в рассуждениях Хан-Гирея в «Общественном договоре», вызванных обсуждением вопросов о причинах появления первых законов, господствующих классов в человеческом обществе. Красной нитью проходит через их работы мысль, что только с просвещением и образованием связано светлое будущее родного народа, достижение которого ими видится в тесном сближении с Россией и ее культурой.

В качестве источников для своих работ адыгскими историками были привлечены разнообразные материалы. Во-первых, это были памятники устной традиции, данные археологии, этнографии и топонимики. Выдающимся явлением для своего времени было использование адыгскими историками в качестве источника материалов обычного права, причем Ш. Б. Ногмовым на основе существующих записей адатов были введены в научный оборот два ценнейших документа: «Постановления о сословиях в Кабарде»¹⁰ и «Народные условия, сделанные в 1807 г.»¹¹. Учитывая особенности истории и культуры своего народа, который не имел к этому времени письменности, ими была осознана особая важность данных материалов. Во-вторых, были использованы исторические сведения, содержащиеся в сочинениях русских и иностранных авторов. Но для историков первой половины XIX века, таких, как И. Атажукин, Ш. Б. Ногмов и Хан-Гирей, привлечение исторических трудов различных авторов было возможно только в ограниченном виде. Работа, проведенная М. О. Косвеню по исследованию истории этнографического изучения Кавказа в русской науке¹², позволяет считать, что к моменту создания ими своих работ было

еще сравнительно мало исследований и литературы об адыгских народах. По сравнению с названными историками, В. Н. Кудашев в конце XIX – начале XX века имел уже возможность широко пользоваться сведениями большой группы историков. И, в-третьих, в качестве источников были привлечены материалы из местных и центральных государственных архивов.

Адыгские историки подходили в использовании указанных материалов по-разному. Для Ногмова, хотя он и стремился к раскрытие реальных причин событий и явлений, еще не было доступным критическое отношение к используемому материалу и чаще всего он произвольно переносил содержание источников, описания и характеристики других авторов на историю адыгов. В отличие от него, Хан-Гирей и В. Н. Кудашев уже осознают необходимость критического отношения к используемым источникам. В своих «Записках о Черкесии» первый жалеет, что обстоятельства не позволили ему «собрать подробнейшие сведения о населенности Черкесии таким образом, как это должно было делать по всей строгости отчетливого собирателя статистических сведений о крае малоизвестном»¹³, а второй в «Исторических сведениях о кабардинском народе» видит свою цель в том, чтобы «собрать, по возможности, все, что могло бы помочь к созданию правдивой, критически проверенной научной истории кабардинского народа»¹⁴.

Самую раннюю характеристику общественных отношений у кабардинцев из адыгских историков находим у И. Атажукина (около 40-х годов XVIII века – 1812 года). Она была дана в 1804 году в «Записке о беспорядках на Кавказской линии* и о способах прекратить оные»¹⁵, составленной для Министерства внутренних дел. Данная работа была выполнена на высоком для своего времени научном уровне. Ее автор – кабардинец, происходил из влиятельной княжеской семьи. Долгое время он находился на военной службе в России, где получил общее и военное образование. К моменту составления «Записки» Атажукин жил в Кабарде и принимал активное участие в ее общественно-политической жизни.

Если условно разбить «Записку» на три части по поднимаемым в ней вопросам, то нас интересует вторая часть, где Атажукин дает характеристику общественных отношений среди кабардинцев в конце XVIII – начале XIX века. Он писал: «Ленное правление существует между ними во всей своей силе. Первую ступень власти имеют князья в зависимости коих суть дворяне, делящиеся на три степени и знаменующиеся неограниченностью к своим князьям. Народ находится в совершенном узничестве дворян и князей. В случае каких-либо новых постановлений собираются сеймы, составленные из дворян и князей. Тут все предметы уважаются и решаются. Собираются же обыкновенно у старшего летами князя...»¹⁶.

Как видно, автор «Записки» пользовался распространенной для

* Под этим названием в исторической литературе имели в виду военнотвержденную линию, проходившую по рекам Кубани, Малке, Тереку и Сунже в конце XVIII – первой половине XIX века.

того времени в исторической литературе терминологией. «Ленное правление», как известно, выступало тогда в качестве синонима понятия «феодализм», а под «сеймом» Атажукин обозначал бытовавшие у кабардинцев народные собрания «хасэ». В речи, произнесенной Атажукиным перед представителями господствующей верхушки Кабарды в 1805 году, он говорил о «древней конституции»¹⁷, подразумевая, очевидно, нормы обычного права.

В «Записке» давалась, хотя и в общей форме, вполне четкая характеристика сословной структуры кабардинского общества, которую Атажукин хорошо представлял, сам принадлежа к ее высшей прослойке. Очень показательным являлось то, что несмотря на свою классовую принадлежность, он отмечал угнетенное положение народа и, тем самым, ставил вопрос о классовом антагонизме в кабардинском обществе. Атажукин фиксировал, что высший законодательный орган носил сословный характер и состоял к моменту составления «Записки» лишь из дворян и князей¹⁸. В отличие от дворян, которых автор разграничивал на три степени, все крестьяне объединялись в так называемый «кабардинский народ». Атажукин скорее всего полагал, что кабардинские крестьяне к началу XIX века были уже полностью закрепощены и не делились на различные категории.

В своей характеристике он указывал лишь вассалитет как признак ленных отношений и совершенно не затрагивал их экономических основ. «Записка» обнаруживала хорошее знакомство ее автора только с политическим строем Кабарды. Не случайно Атажукин обращал внимание на «старшего летами князя». У кабардинцев вплоть до первой половины XIX века высшая исполнительная власть сосредотачивалась в руках старшего князя, который избирался на «хасэ» пожизненно, с присвоением титула «олиипш» или «оли»¹⁹.

Оценивая место Кабарды в общественной жизни северокавказских народов, автор «Записки» отмечал вассальную зависимость осетин и абазин от кабардинских князей. Учитывая первенствующее положение Кабарды среди других горских народов, Атажукин предлагал русскому правительству использовать ее в качестве «опоры» в своей политике на Северном Кавказе²⁰.

Исторические знания и мысль у адыгов во второй четверти XIX века развивались в условиях продолжавшихся у них экономических, политических и культурных изменений. Их благоприятный ход и рост национального самосознания обуславливали в 20–40 годы XIX века деятельность выдающихся адыгских ученых и просветителей Ш. Б. Ногмова (1794–1844) и Хан-Гирея (1808–1842).

Ш. Б. Ногмов – кабардинец, из обедневшей дворянской семьи. Первоначально получил духовное образование. С 1818 года состоял на военной службе на Кавказе, затем в Петербурге. В период пребывания в Петербурге (1830–1835) изучал русский язык, историю, собирал материалы для своих будущих трудов, работал над повышением своей общеобразовательной подготовки. С 1838 по 1843 год Ногмов являлся секретарем Кабардинского времен-

ного суда. Он был знаком и сотрудничал с французским востоковедом, профессором Ф. Шармуа, а также с известным русским академиком А. М. Шегреном²¹.

«История адыгейского народа» (1861) Ногмова охватывала период с начала VI и до конца XVIII века и в целом характеризовала всех адыгов в широком смысле слова²².

В оценке общественных событий и явлений Ногмов был идеалистом. Например, правильно отметив в своей концепции исторического развития фактор взаимовлияния различных народов в результате войн и переселений, он ошибочно считал, что это одновременно послужило причиной исчезновения хороших качеств народа. Ногмов писал: «Прежние хорошие качества исчезали; народ впал в беспечность, леность и во все происходящие от них пороки, которые вовлекли его в бедность и нищету...»²³.

Пользуясь сравнительным методом, Ногмов рассматривал различия в общественном строе кабардинцев, у которых имелось «аристократическое» правление, и западных адыгов с так называемым «демократическим» правлением. В отличие от кабардинцев, у которых вся власть принадлежала князьям, у западных адыгов (в качестве примера берутся шапсуги. — К. Д.) управляли старшины, выбираемые народом. «Главная их выгода, — писал Ногмов, — состоит в том, что они никогда не разделялись на малые владения или княжества, а потому и живут всегда в общем союзе»²⁴.

Характеристики, которые давал Ногмов общественным отношениям кабардинцев, касались только господствующей формы правления, т.е. политического строя. Историк сближал его с системой удельного феодального правления. «Адыгейские князья, — писал он, — к общему вреду своего народа управляли каждый своим участком независимо»²⁵. По мнению Ногмова, именно междоусобные войны послужили причиной распада Кабарды на Большую и Малую. Междоусобная борьба являлась серьезным препятствием к дальнейшему развитию благосостояния народа и способствовала нашествию внешних врагов. «Сами князья были причиной бедствий своей родины, спор за право владения не прекращался»²⁶.

Довольно запутанно в «Истории адыгейского народа» изобразался такой важный вопрос, как земельный. Ногмов не мог правильно разобраться в том, кто же являлся собственником земли и на каких правах ею пользовались различные категории крестьян. Он писал: «Князья не имели собственности: все принадлежало народу, но уорки (т.е. дворяне. — К. Д.) имели собственность». Чуть дальше говорилось, что «владелец, не имея ничего собственного, получает все продовольствие от крестьян, без всякой платы и вознаграждения»²⁷. Представителей господствующего класса Ногмов обозначал термином «владелец», но никогда не давал объяснения, на каких правах, а также кем или чем они владели. Из вышеприведенного получалось, что кабардинские дворяне являлись владельцами, а князья нет. Историк совершенно прав, считая крестьянский труд экономической основой кабардинского общества.

Но Ногмов не смог увидеть эксплуатации крестьян князьями и дворянами. Это было большим недостатком «Истории адыгейского народа», автор которой имел в своем распоряжении такие ценные документы, как «Постановление о сословиях в Кабарде» и «Народные условия, сделанные в 1807г.», в которых довольно ясно отражались угнетенное положение крестьянства и различные повинности, выполняемые им.

В качестве отдельных социальных классов Ногмов рассматривал различные группы господствующего класса и эксплуатируемого крестьянства. Складывание сословно-классовой структуры кабардинского общества связывалось им не с социально-экономическими и политическими причинами, а с деятельностью удельного князя Кабарды XVI века Беслана Джанхотова. Он писал, что «Беслан знал происхождение и мужество каждого из подданных» и по своему усмотрению разделил кабардинцев по различным степеням²⁸. В «Постановлении о сословиях в Кабарде», известном Ногмову, достаточно хорошо прослеживаются привилегии господствующих сословий, однако он не использовал этот документ. Судя по нему, уже в первой половине XIX века в Кабарде было мало «свободных», незакрепощенных крестьян.

Ногмов с сожалением отмечал, что кабардинский народ «не имел гражданского устройства и не знал выгод правительства сильного»²⁹. Большая роль отводилась историком адату, или нормам обычного права, являвшимся своеобразным регулятором в общественной жизни кабардинцев. Он писал: «Общий древний обычай служил между ними общественной связью. В важных случаях единоплеменные сходились для совещаний и народ уважал приговор старцев»³⁰. В «Истории адыгейского народа» давалось подробное описание высшему законодательному органу кабардинцев «хасэ». «С течением времени завелся для совещаний некоторый порядок в общем собрании. Всякое предложение владельцев было рассматриваемо несколькими старшинами, которые съезжались по приглашению в назначенное место. Потом владельцы и старшины предлагали дело общему собранию уорков и вместе с ними рассматривали его. Уорки почти всегда были согласны с мнением владельцев, у которых они были в зависимости. Наконец, дело вносилось в народное собрание, в котором участвовали все подданные владельцев»³¹. Ногмов считал, что «князья имели в своих руках исполнительную власть, держа для исполнения повелений класс уорков, которые должны были на общих собраниях склонять народ к принятию предложений владельцев»³². Хотя историком было правильно подмечено использование данного законодательного органа в качестве проведения своей воли господствующим классом, ошибочным являлось мнение Ногмова, что «согласие простого народа решало законодательное положение»³³. Если привлечь другие материалы, характеризующие Кабарду XVIII века³⁴, то видно, что голос народных представителей в «хасэ» был уже незначительным.

В «Истории адыгейского народа» обращалось внимание и на

сосредоточение в руках господствующих сословий всей полноты судебной власти. Описывая «хеесжа», т.е. третейский суд, в котором разбирались все дела, кроме уголовных, Ногмов писал: «Суд этот составляли несколько человек из благонадежных узденей и депутатов со стороны народа, ежегодно им избираемых с утверждением самого князя»³⁵. А «жалобы же на судей, также уголовные и относившиеся до его народа дела разбирались и решались под председательством князя в хе, т.е. «главном суде», учреждавшимся в постоянном месте жительства князя»³⁶.

Применительно к XVIII веку Ногмов не рассматривал подробно такой сложный вопрос, как соотношение в хозяйственной жизни кабардинцев земледелия и скотоводства. Но его свидетельства подтверждают, что адыгские народы с древнейших времен занимались земледельческим трудом.

Крупный адыгский историк Хан-Гирей (полное имя Крым Гирей-Мамет Гиреевич Хан-Гирей)³⁷ принадлежал к западно-адыгской народности бжедугов и по своему происхождению относился к верхушке феодальной знати. Закончив Петербургский кадетский корпус, находился на военной службе. Свой главный исторический труд «Записки о Черкесии» написал являясь офицером Кавказско-Горского полуэскадрона, который выполнял функции царского конвоя. Советскими исследователями установлено, что Хан-Гирей посвятил написанию «Записок о Черкесии» свыше 5 лет (с конца 1829 до начала 1836 года)³⁸.

Проблема социально-экономического строя адыгских народов занимала центральное место в трудах Хан-Гирея³⁹. По отношению к кабардинцам данный вопрос освещался, в основном, в «Записках о Черкесии». Кроме раздела, посвященного «владениям кабардинским», Хан-Гирей, пользуясь методом сравнительного анализа, в первой части своей монографии анализировал, каковы были общие черты и различия в общественных отношениях у так называемых «аристократических» и «демократических» адыгов. Как и в предшествующей кавказоведческой литературе, у Хан-Гирея под «аристократическими» адыгами в первую очередь подразумевалось кабардинское общество, в котором в наиболее отчетливой форме выступала власть господствующего класса.

Хан-Гирей, давая характеристику общественного строя адыгов, делил их вслед за предшествующими кавказоведами на две большие группы по форме их политического правления – «аристократические» и «демократические». Первые, куда он относил и кабардинцев, это «племена, состоящие под управлением князей и подвластных им дворян»⁴⁰, вторые – племена, имеющие «правление, похожее на демократическое или народное»⁴¹. Как справед-

* «Записки о Черкесии», которые оставались ненапечатанными, были обнаружены в 1958 г. Дьяковым В. А. в подсобной библиотеке Центрального государственного военно-исторического архива. Различные разделы «Записок о Черкесии» вошли с небольшими редакционными изменениями в ряд опубликованных дореволюционных работ Хан-Гирея. Отдельным изданием «Записки о Черкесии» увидели свет только в 1978 г.

ливо заметил М. О. Косвен, в отличие от других авторов, Хан-Гирей достаточно ясно представлял условность терминов «аристократический» и «демократический». Он употреблял их не в прямом смысле, а с оговоркой – «так сказать аристократическое» или «похожее на демократическое»⁴².

Применительно к «аристократическим» адыгам Хан-Гирей пользовался терминами «феодализм», «феодальное устройство», «феодальное право»⁴³. Главным признаком феодализма для него служила сословность политической власти господствующей знати. В отдельных случаях он трактовал нормы обычного права, имевшие место у адыгов, как феодальные. Сошлемся на два примера. Описывая судопроизводство, Хан-Гирей писал: «Законы, содержащиеся в этих сборниках (т.е. судебных книгах. – К. Д.), должны, если не сплошь, то в главных чертах прямо противоречить древним черкесским обычаям, основанным на идеях феодализма, несовместимых с шариатом, который не знает, по-видимому, не только крестьянского сословия, но и бессрочного рабства»⁴⁴. В другом месте мы читаем: «...многообразие и неопределенность феодальных прав князей, как например, захват скота, даже людей, под предлогом домашних надобностей, для удовлетворения которых древние обычаи дают им право прибегать к подобно-го рода насильственным займам...»⁴⁵. Используемое Хан-Гиреем понятие феодализма, как известно, впервые появилось в русской исторической науке в 80-х годах XVIII века и уже в первой четверти XIX века получило всеобщее признание⁴⁶. Хан-Гирей, сформировавшийся под непосредственным влиянием русской культуры и соответственно русской науки и в целом обязанный им своим творчеством, как мы видим, заимствовал ее наиболее передовые достижения.

Хан-Гирей серьезно занимался исследованием социальной структуры адыгского общества. В целях улучшения его экономического положения историк предлагал правительству провести работу по определению сословных прав, выяснению податей, выплачивавшихся крестьянами своим владельцам.

Как и Ш. Б. Ногмов, Хан-Гирей в качестве самостоятельных классов у адыгов выделял различные группы господствующего класса и эксплуатируемого крестьянства⁴⁷.

Анализируя положение, занимаемое господствующими сословиями в обществе, адыгский историк смог понять, что те преимущества, которыми пользуются князья, существовали не извечно, а возникли на определенном этапе исторического развития, были возведены в ранг закона представителями феодальной знати. Хан-Гирей считает, что только естественными причинами должны быть объяснены те преимущества, которыми пользуются князья. Он писал, что «... настоящее поколение княжеского класса, в народе нами описываемом, едва ли признает основателей своего сословия людьми естественными, хотя и одно происхождение наименования этого класса доказывает, что он возник из общего источника властей первоначальных в первобытном состоянии всех народов»⁴⁸.

Возникновение дворянства связывалось с тем, что основатели княжеского сословия, стремясь к присвоению себе верховной власти, нуждались в помощи других. Хан-Гирей указывал на наличие трех разрядов дворянства и анализировал их вассальные обязанности и права по отношению к князьям. Обряд, оформлявший вассалитет в среде адыгской господствующей знати и описываемый Хан-Гиреем, близок к оммажу, имевшему место в развитых феодальных обществах. Как и там, у адыгской верхушки он заключался в принятии обязательств верности и повиновения со стороны вассала, в роли которого обязательно выступал дворянин. А обязательство со стороны сеньора (князя) состояло в покровительстве и защите – «... князь признает родовые права дворянина, а сей последний – власть князя над собой на вечные времена»⁴⁹. Заключенные условия подтверждались с обеих сторон присягой.

Устанавливавшаяся связь личного характера между адыгским князем и дворянином покоилась, как показывал Хан-Гирей, на материальном вознаграждении сеньором своего вассала. Последнее называлось «уорктын», т.е. дар от князя служащему ему дворянину. Но, фиксируя данный момент, историк не уточнил, что конкретно входило в материальное вознаграждение, другими словами, не раскрыл, в какой форме вассалитет соединился с бенефициальной системой. Система вассальных отношений, описанная в «Записках о Черкесии», дает возможность понять, что они играли такую же важную роль в политическом строе адыгского общества, как и в развитых феодальных обществах различных стран в эпоху средневековья.

Хан-Гирей показал, что представителями духовенства у адыгов становились лишь выходцы из низших классов. Если в XVI–XVIII веках мусульманское духовенство, например у кабардинцев, было немногочисленное и не играло особой роли⁵⁰, то в первой половине XIX века, когда в силу входят нормы шариата, оно стремится полностью сосредоточить судебную власть в своих руках и тем самым обеспечить себе в обществе привилегированное положение. В «Записках о Черкесии» говорилось, что «высшее духовенство: эфендий и кадий заставляют нередко решать дело по шариату. Отступая в этом случае от обычая предков... и стараются ослабить власть высшего класса, проповедуя равенство...»⁵¹.

Крестьянство делилось Хан-Гиреем на вольных земледельцев-тхукотлов и крестьян-пшитлей («княжеских людей»).

При характеристике вольных земледельцев Хан-Гирей показывал различие политического и экономического положения этой категории крестьянства у «племен, имеющих народное правление» и «живущих в княжеских владениях». Это было важным моментом, на который впервые в исторической литературе обратил внимание именно Хан-Гирей. Тхукотлы являлись свободными крестьянами-общинниками, среди которых к рассматриваемому периоду шел интенсивный процесс расслоения, когда разбогатевшая часть постепенно приближалась к господствующей верхушке, а обедневшая – к пшитлям, другими словами, к феодально-зави-

симым крестьянам. В «аристократических» обществах выделялась группа крестьян, которая юридически еще считалась свободной, но фактически уже являлась объектом эксплуатации со стороны князей и дворян. Хан-Гирей писал: «... другую часть составляют вольные люди, находящиеся под покровительством князей и дворян; они не несут никаких определенных повинностей, однако, тем не менее, их положение бывает тягостно: для угождения своим покровителям приносят им добровольные, но значительные пожертвования...»⁵². В данном случае подразумевались использовавшиеся господствующей знатью различные пережитки родового строя, под оболочкой которых осуществлялась эксплуатация данной категории крестьян.

Хан-Гирей обращал внимание на замедленность расслоения свободных крестьян у так называемых «демократических» обществ и связывал это с тем, что у них вольные земледельцы не находились в такой зависимости от дворянско-княжеской верхушки, как у «аристократических» адыгов, например кабардинцев, а каждый из них был членом «целого клана», «независимость одного была сопряжена с безопасностью целого общества»⁵³. То есть, он объяснял это более устойчивыми общинными отношениями, опираясь на которые тхукотлы были более сплоченными и могли сопротивляться господствующей верхушке, в зависимость к которой они постепенно попадали.

По мнению Хан-Гирея, в первоначальном виде главным источником образования зависимых крестьян служили военнопленные, захватываемые в многочисленных войнах. «Захваченных людей обращали в работников дворовой службы, водворяя их у себя, и, таким образом, через насилие образовался класс людей, состоявший из невольников, потом названных господскими или княжескими людьми»⁵⁴. В дальнейшем они разделились на различные категории, особенности которых Хан-Гирей дал по различию повинностей, выполняемых ими перед своим господином. К наиболее многочисленной части зависимых крестьян Хан-Гирей относил категорию дворовых внешних («огов»), которые сравнивались им с оброчными крестьянами в России, и категорию дворовых внутренних («дехефетейт», «лагунапыт»)⁵⁵. Правильно отметив различие этих категорий и установив с помощью материалов обычного права повинности, выполняемые каждой из них⁵⁶, Хан-Гирей не смог понять, что главная причина этого лежала в разнице их реальных поземельных прав, т.е. не рассмотрел их в отношениях к главному средству производства. А между тем он всегда вел свое особое хозяйство, имея обязательно отдельную от господина запашку, а последнему выплачивал определенный натуральный оброк, выполняя сравнительно незначительную барщину. Лагунапыт же не всегда мог иметь свое хозяйство, отдавая в таком случае весь свой труд господину и получая от него хлеб и другое продовольствие для себя и своей семьи⁵⁷.

Историком выделялись и такие категории зависимых крестьян, как азаты (вольноотпущенники) и бездомные. Появление первых

связывалось с отпуском владельцами своих крепостных в целях «спасения души»⁵⁸. Вторые могли иметь свой дом или какую-нибудь собственность, поэтому Хан-Гирей разграничивал их с рабами и считал, что рабство в первой половине XIX века не имело места у адыгских народов⁵⁹. Однако, как показывают записи обычного права, в это время у адыгов, в частности кабардинцев, еще существовали пережитки патриархального рабства, известного здесь как унаутство. Унауты не подпадали под нормы адата, «документы называли их «безадатными» или безобрядными»⁶⁰. Скорее всего, последняя категория зависимых крестьян, называемая в «Записках о Черкесии», близка к унаутам.

Приводимая Хан-Гиреем в работе система имущественных платежей, с помощью которой поддерживался общественный правопорядок, свидетельствовала о том, что социальная дифференциация адыгского общества была достаточно глубокой. В качестве примера рассматривались «главнейшие узаконения о родовых правах» коренных дворян и вольных землепашцев. Размер компенсации за различного рода преступления у дворян и крестьян определялся в зависимости от места, занимаемого в сословной иерархии. Например, за убийство свободного общинника взыскивалось в три раза меньше, чем за кровь дворянина⁶¹.

Хан-Гирей подробно осветил вопрос о территориальных границах и численности кабардинцев в первой половине XIX века⁶². Важное место он отвел их производственным занятиям, описал организацию земледельческого, скотоводческого и коннозаводского хозяйства⁶³. Историк обратил внимание на неравномерность занятия земледелием и скотоводством различных адыгских народностей. Он считал, что в конце XVIII – первой половине XIX века у кабардинцев ведущую роль играли скотоводство и коневодство⁶⁴. В отличие от них, высокий уровень развития земледельческого труда у западных адыгов, например у натухайцев, связывался им с наличием у последних удобных морских пунктов для сбыта сельскохозяйственной продукции.

Как и предшествующие историки, Хан-Гирей ничего не сообщал о наличии городов с ремесленным и торговым населением в адыгской земле. Материалы, приводимые им о состоянии адыгской торговли с ее меновым характером и отсутствием собственной денежной единицы⁶⁵, о домашней промышленности адыгского крестьянства⁶⁶, показывают, что хозяйство всех адыгов, в том числе и кабардинцев, оставалось в первой половине XIX века натуральным.

Хан-Гирей имел определенные заслуги в разработке вопроса о роде и родовых отношениях у адыгов. М. О. Косвен отмечал и высоко оценивал, с точки зрения истории науки, наличие у Хан-Гирея весьма отчетливого представления о роде, о сохранности у адыгов элементов родовой структуры и живучести некоторых родовых форм и отношений⁶⁷. Для обозначения рода адыгский историк пользовался терминами «род», «колено», «клан», «тдлако» (адыгский яз. – *К. Д.*)⁶⁸, используя их как синонимы. Как ука-

зывал М. О. Косвен, все же Хан-Гирей больше предпочитал наиболее распространенный в тогдашней литературе термин «клан».

Подводя итоги взглядам Хан-Гирея, можно сделать вывод, что он придерживался реалистических идей. Его идейно-методологические воззрения были близки представителям русской дворянской историографии второй половины XVIII – начала XIX века. На протяжении всей рассмотренной работы Хан-Гирей уделял важное значение вопросу о «естественном законе». Так, рассматривая причины возникновения первых законов у людей, он писал: «Человек, переходя из дикого состояния в состояние гражданственности, чувствует необходимость условий, могущих оградить собственность каждого, обуздав самовольность сильнейшего. Эти условия суть закона, самую природой даруемые: их производит чувство самосохранения, свойственное мыслящему существу – человеку»⁶⁹. Поэтому он считал, что все условия, служащие в Черкесии оградой слабого от самовольства сильного, произведены таким же природным чувством естественной любви к самосохранению. Хан-Гирей, разделяя доктрину естественного права, пользовался ею в отличие от многих дворянских мыслителей не в апологетическом плане. При описании общественного строя адыгов он, наоборот, критиковал существующие здесь порядки как противоречащие естественной справедливости.

Одной из особенностей зарождавшейся исторической науки у адыгов было отражение ее проблемы в публицистической литературе. Художественное познание прошлого выступало в данном случае как дополняющее научное познание и, в свою очередь, дает представление об уровне исторического мышления в обществе⁷⁰.

В этом плане значительный интерес представляет творчество С. Адиль-Гирея (1819–1876) и А.-Г. Кешева (1837–1872).

С. Адиль-Гирей происходил из западных адыгов. Есть предположение о том, что он был младшим братом Хан-Гирея⁷¹. Адиль-Гирей состоял на военной службе в Петербурге и на Кавказе с 1839 по 1876 год. Имел общее и военное образование.

В «Очерке горских народов правого крыла Кавказской линии» (1860) Адиль-Гирей писал, что современные ему адыги находились на низкой ступени общественного развития. Согласно его взглядам, «они сохранили устройство первобытных человеческих обществ, распадаясь, как и первые, на отдельные семейства»⁷². Однако приводимая Адиль-Гиреем социально-сословная структура общества⁷³, размеры компенсаций, которые устанавливались обычным правом за различные проступки в соответствии с сословной принадлежностью⁷⁴, показывали довольно высокий уровень эксплуатации трудящихся у адыгов, далеко выходящий за рамки родовых отношений. В другой работе Адиль-Гирея «Об отношении крестьян и владельцев» (1843) довольно ясно показаны реальные права и обязанности зависимого крестьянина и его владельца, которые документально закрепляли свои взаимоотношения и «на основании которых один должен владеть, а другой пови-

новаться»⁷⁵. Это свидетельствовало о глубоком антагонизме внутри адыгского общества в первой половине XIX века. У Адиль-Гирея встречаются ценные суждения о структуре родовых союзов адыгов⁷⁶. Говоря о его взглядах, надо указать и на то, что многие из его положений были близки так называемой патриархальной теории. Он часто подчеркивал, что «свободное семейство с его подвластными и рабами составляет основание черкесского общества»⁷⁷.

Глубоким был взгляд на общественное устройство кабардинцев и других адыгов у А.-Г. Кешева. Кешев происходил из родственной адыгам абазинской среды. Первоначальное образование получил в Ставропольской гимназии. В 1860 году поступил в Петербургский университет на отделение восточных языков, но через год был исключен за участие в студенческих волнениях. С 1867 по 1872 год работал во Владикавказе редактором газеты «Терские ведомости», на страницах которой были опубликованы многие из его произведений под псевдонимом Каламбий⁷⁸.

Кешев в работе «Характер адыгских песен» (1869) писал, что «черкесы, подобно великому народу, представленному одним собственным средством, не имевшему с более цивилизованными народами других сношений, кроме враждебных столкновений, не могли уйти далеко в своем развитии; но все же они вечно не стояли на одном месте, а подвигались вперед, насколько это было возможно при условии их исторической жизни»⁷⁹. В отличие от С. Адиль-Гирея, он думал, что «было бы поэтому крайне ошибочно определять уровень их политического и общественного развития меркою первобытного, младенческого общества»⁸⁰. Здесь впервые в дореволюционной кавказоведческой литературе сравнительно четко разграничиваются понятия «политического» и «общественного» развития.

По Кешеву, «черкесы занимали в период своего падения (т.е. политической раздробленности XVI–XVIII вв. – К. Д.), относительно социального устройства и двигающего всей их жизнью духа, почти то же самое положение, какое народы Западной Европы пережили в эпоху феодализма»⁸¹. Хотя выше, как мы видели, им разграничивались понятия «социальное» и «политическое». Феодализм в конечном счете сводился Кешевым к политической организации адыгского общества. Последняя, как он показал, была по преимуществу «аристократическая»⁸². Сущность феодализма понималась как военная организация в своей совершенной форме. Кешев писал: «Адыги не остановились подобно соседям на степени обыкновенного военного общества, но развили свои воинственные наклонности до идеальной тонкости, до настоящей виртуозности, воплотили принцип военно-аристократических учреждений в живые, привлекательные формы и возвели их в целую стройную систему»⁸³. Присутствующая здесь идея развития объяснялась «условиями исторической жизни и географическим положением занимаемой ими страны»⁸⁴.

С именами некоторых из названных (С. Адиль-Гирей, А.-Г. Кешев) и других (К. М. Атажукин) авторов связано возникновение в

адыгской историко-публицистической литературе особой формы сочинения – рецензии. В них находили отражение взгляды самих рецензентов на вопросы социально-экономической истории Кабарды⁸⁵.

Первые зачатки дореволюционной истории исторической науки адыгов начинают закладываться в критическом плане по отношению к «Истории адыгейского народа» Ш. Б. Ногмова в письмах Л. М. Кодзокова к А. С. Хомякову (1839)⁸⁶ и упомянутой рецензии А.-Г. Кешева (1862)⁸⁷.

Работу, начатую в первой половине XIX века Ш. Б. Ногмовым и Хан-Гиреем по созданию обобщающих трудов по истории адыгов, продолжил в начале XX столетия В. Н. Кудашев (род. в 1865). Кудашев происходил из кабардинских дворян. Учился в Московском университете, после долгое время состоял корреспондентом Главного управления коннозаводства Терской области⁸⁸.

Его труд «Исторические сведения о кабардинском народе» охватывал период с древнейших времен до конца XIX века. Рассмотрение различных проблем кабардинской истории, в том числе и общественного строя, преследовало в работе Кудашева кроме научных и чисто практические цели. Исследуя вопросы сословно-классовой структуры и земельный, Кудашев хотел показать, что существовавшие в дореформенной Кабарде отношения были феодальными. Прослеживая историю русско-кабардинских исторических связей, он отмечал преданность и заслуги кабардинской знати перед Россией и необходимость их приравнивания в юридически-правовом отношении к русскому дворянству. Правительство же, ссылаясь на труды кавказоведов, доказывавших господство родовых отношений в дореформенной Кабарде, отказывалось пойти на это. Поэтому Кудашев своей работой пытался воздействовать на решение этого вопроса.

В отличие от Ногмова и Хан-Гирея, Кудашев обнаружил более четкое понимание термина «класс». Он считал, что население Кабарды издревле распадалось на два класса: уорков (свободные и благородные) и пшитлов (неблагородные, крепостные). Как переходная ступень между этими двумя классами выделялись вольноотпущенные (азаты), а затем сословие пшекеу, образовавшееся из азатов⁸⁹.

Начало оформления крепостного права у кабардинских крестьян Кудашев относил к XIII–XIV вв., когда происходило их переселение на занимаемую ими теперь территорию⁹⁰. Историк затрагивал институт крепостничества и пытался выяснить основные причины его появления у кабардинцев. В первую очередь в крепостную зависимость, как считал Кудашев, попадали военнопленные, захватываемые в войнах. «Другим источником крепостного состояния, не менее важным, являлось поселение на земле владельца. Раз поселенец насчитывал перед собой несколько поколений, проживших на земле владельца, отношения его к владельцу обыкновенно успевали к этому времени так запутаться, что фактически он становился крепостным»⁹¹.

Скорее всего, здесь он имел в виду потомков первичных переселенцев. Таким образом, мнение автора сводилось к тому, что поселение крестьянина на частновладельческих землях постепенно приводило к полному подчинению крестьянина владельцем. Кроме этих основных источников происхождения крепостного состояния Кудашев назвал и другие – покупка, получение в приданое, похищение и т.д.

Несмотря на свою классовую принадлежность, Кудашев обращал внимание, что на рост крепостного состояния в Кабарде влиял и образ жизни кабардинских владельцев, которые совершенно не занимались производительным трудом и не могли обходиться в своем хозяйстве без крепостного труда⁹².

В работе описывались повинности, выполняемые основными категориями крепостного и зависимого населения⁹³.

Автор подробно раскрыл роль кабардинского феодального класса в жизни своего и других народов Северного Кавказа, описал систему вассалитета, регулирующую взаимоотношения знати⁹⁴.

Кудашев в своей работе пришел к выводу, что «весь строй кабардинского народа был построен на сословных отношениях»⁹⁵.

Ссылаясь на работы М. М. Ковалевского, историк доказывал, что как и в любом средневековом обществе, так и в Кабарде тесно переплелись сословные и поземельные отношения, и кабардинское общество слагалось из целой иерархической лестницы сословных отношений. Он писал: «Помещик в нем соединился [с] личностью государя. Низшие сословия были подчинены высшим в иерархическом порядке. Между ними существовало договорное отношение, основанное на взаимном обмене услуг...»⁹⁶.

Кудашев был уверен, что изучение землевладения в Кабарде до 60-х годов XIX века покажет, что привилегированные сословия в Кабарде владели землей на вотчинных правах. Его взгляды по этому вопросу частично подтверждаются документами XVIII века⁹⁷.

Таким образом, рассматривая проблему общественных отношений в Кабарде конца XVIII – первой половины XIX века, адыгские историки пользовались понятиями, выделенными русской кавказоведческой мыслью о двух основных формах правления: «аристократической» и «демократической». При этом так называемая «аристократическая» форма правления была без достаточно ясного обоснования отождествлена с феодализмом и сводилась к описанию существовавшей политической организации общества. Как главные ее черты отмечались сословная иерархия политической власти и роль системы вассальных отношений в среде кабардинской господствующей власти. Оформление крепостничества и других форм зависимости в кабардинском обществе объяснялось в большинстве случаев на основе «договорных» начал.

Будучи первоклассными знатоками общественного быта своего народа, они собрали и ввели в научный оборот богатый фактический материал, характеризующий внутреннюю жизнь адыгского общества. Рассматривая ее различные стороны, национальные историки сделали интересные наблюдения о хозяйственных заня-

тиях, сословно-классовой структуре кабардинского общества конца XVIII – первой половины XIX века, осветили многие особенности ее общественно-политического строя, констатировали функционирование такой общественной ячейки, как «род».

Подводя итоги состояния исторической мысли у адыгских народов в дооктябрьский период, надо сказать, что разработкой истории занимались почти лишь единицы, немногочисленные патриоты формировавшейся национальной интеллигенции. Поэтому ее развитие осуществлялось как бы путем традиций, которые заключались в создании отдельных обобщающих трудов, рецензий, публицистических произведений, в переписке и личном общении национальных авторов с передовыми русскими учеными, писателями и общественными деятелями.

* * *

Проследив, каким путем шло изучение исследуемой проблемы в дореволюционной отечественной историографии, можно прийти к заключению, что она была не в состоянии дать подлинно научного освещения закономерностей социально-экономического развития Кабарды XVIII – первой половины XIX века. Прежде всего это было связано с ограниченностью теоретико-методологических принципов дворянско-буржуазной исторической науки, которая не смогла увидеть и сосредоточить свое внимание на изучении основы взаимоотношений кабардинской господствующей знати и трудового населения. Понимание социально-экономических отношений у кабардинцев в указанный период как совокупности производительных сил и производственных отношений стало доступно лишь марксистско-ленинской исторической науке.

Большинство рассмотренных авторов оценивали общественный строй Кабарды XVIII – первой половины XIX века как феодальный. Сама постановка вопроса о феодализме у горских народов, в частности кабардинцев, в условиях дореволюционной исторической науки являлась положительным моментом. Однако феодализм понимался не как социальный организм и даже не как форма хозяйства. Он полностью отождествлялся с политической формой правления, во главе которой стояли представители высшей феодальной знати, подчинившей на принципах вассалитета все остальные группы населения.

Такое понимание феодализма применительно к кабардинскому обществу было сформулировано в кавказоведческой литературе уже в конце XVIII – начале XIX века и преемственно перешло к буржуазным авторам пореформенного периода.

Во второй половине XIX – начале XX века в дореволюционной отечественной историографии значительно расширился круг вопросов, связанных с исследуемой темой. Этому способствовало введение в научный оборот нового комплекса исторических источников, прежде всего материалов обычного права, а также широкого применения сравнительно-исторического метода иссле-

дования. По сравнению с предшествующим периодом, в изучении социально-экономической проблематики Кабарды XVIII – первой половины XIX века наблюдается более глубокий подход. Наряду с сохранением интереса к сословно-классовой структуре кабардинского общества, разрабатывается ряд таких важных вопросов, как состояние общины, землевладения и землепользования, реконструируются элементы патриархально-родового уклада. Их изучение, как показывает анализ рассматриваемых работ, носило не только чисто теоретический характер, а было тесно связано с отменой крепостного права в Кабарде и решением здесь аграрного вопроса.

При всех своих достижениях русское кавказоведение пореформенного периода не смогло пойти дальше определения феодализма в Кабарде как совокупности специфических правовых и политических институтов.

Отдельные кавказоведы, считавшие общественные отношения кабардинцев патриархально-родовыми, исходили из ошибочного положения, что скотоводческому хозяйству, которое господствовало здесь, обязательно должны были соответствовать примитивные формы общественного состояния.

Адыгская национальная историография, зарождавшаяся под влиянием передовой русской общественной мысли, заимствовала выработанное русским кавказоведением политико-правовое понимание общественного строя Кабарды.

Дореволюционное отечественное кавказоведение достигло особенно важных результатов в исследовании проблем общинно-родового строя. Его достижения, с точки зрения истории исторической науки, имели большое значение не только для развития русской исторической науки, но и для мировой историографии.

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 1917 – НАЧАЛА 1980-Х ГОДОВ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ СТРОЕ КАБАРДЫ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

1917 – середина 1930-х годов

Установление Советской власти на Северном Кавказе привело к коренным изменениям в культурной жизни горских народов. Коммунистическая партия и советское правительство приступили к проведению широкой программы мероприятий по ликвидации отсталости бывших национальных окраин, созданию советской культуры многочисленных народов нашей страны, формированию отрядов советской национальной интеллигенции. Важной стороной этих процессов явилась организация на местах научных учреждений, высших учебных заведений, с которыми было связано постепенное складывание кадров местных историков-марксистов.

В 1921 году был открыт Кабардино-Балкарский областной му-

зей, при котором начало работу общество по изучению истории местного края¹. Советское правительство, несмотря на трудные годы восстановительного периода, уделяло большое внимание разработке научных проблем в горских национальных областях. Для этого в 1925 году в Москве создается Научное общество горцев Северного Кавказа².

Возрастающие задачи дальнейшего развития научно-исследовательских работ в Кабардино-Балкарии способствовали созданию в 1926 году научно-исследовательского института в г. Нальчике³. Кабардино-Балкарский педагогический институт, открытый в 1932 году, в довоенный период не вел исследовательской работы, уделяя внимание, главным образом, подготовке педагогических кадров⁴.

В начале 30-х годов в Кабардино-Балкарии уже были достигнуты определенные успехи в организации исторической науки. Велась регулярная работа по приобретению ценной кавказоведческой литературы. Налаживались прочные научные связи с соответствующими учреждениями центра и края, через которые осуществлялась также подготовка молодых национальных научных кадров. По ходатайству перед вышестоящими органами в областной архив были переданы многие документы из «Кабардинских дел», которые хранились в г. Тбилиси. Уже к 1935 году областной архив насчитывал 151 фонд, в том числе 33 фонда дореволюционного периода⁵.

В целом, большое значение в развитии исторической науки в крае сыграло создание научной исторической периодики. Особую роль играли выходившие в г. Ростове-на-Дону журналы «Северо-Кавказский край» (1924–1933), «Вопросы просвещения на Северном Кавказе» (1926–1929), «Революция и горец» (1928–1933), «Краеведение на Северном Кавказе» (1928–1929), «Северокавказский краевед» (1930) и др. Значительный материал о народах Северного Кавказа печатался на страницах общесоюзных журналов, среди которых прежде всего надо выделить «Новый Восток» (1922–1930), «Революционный Восток» (1927–1937), «Революция и национальность» (1930–1937) и т.д.

В 1920–1930-х годах в северокавказских научных учреждениях основной тематикой исторических исследований были вопросы Октябрьской революции и Гражданской войны. Работа по изучению средневековой истории и, особенно, социально-экономической проблематики велась менее интенсивно.

Слабо разработанный вопрос в советской науке – становление марксизма в историографии Северного Кавказа, в том числе утверждение марксистского направления в изучении средневековой истории горских обществ. В первые годы Советской власти северокавказская научная мысль разрабатывала названную проблематику в основном на той историографической базе, которая досталась в наследство от дореволюционной кавказоведческой мысли. Отношение к этому наследству и стало предметом спора в исторической литературе народов Северного Кавказа в 1929–1931 годах, что, на наш взгляд, было своеобразным отзвуком дискуссии

по наиболее общим теоретико-методологическим и конкретно-историческим проблемам прошлого, которые имели место в тот период в советской историографии в целом.

По названному выше спорному вопросу были высказаны различные мнения, которые дают возможность представить картину постепенного овладения северокавказскими историками марксистско-ленинской методологии. Были историки, которые впадали в крайность. Так, Г. Левонян считал, что надо «сместить в мусорный ящик истории всю старую литературу»⁶. Другие, как В. Дубянский и П. Н. Черняев, выступали за безоговорочное использование трудов дореволюционных кавказоведов, призывая к «крепким связующим нитям» с их наследием⁷. Д. Сарахан, в целом поддерживав последних, одновременно высказал верную мысль о необходимости разграничения и выделения различных направлений в дореволюционном кавказоведении⁸. Он предлагал, исходя из этого, пользоваться достижениями дореволюционных историков. Однако Сарахан совершенно обошел вопрос о необходимости их критического переосмысления.

Наибольший интерес, думается, представляли взгляды Н. Т. Лихницкого и Н. Г. Буркина, работы которых сыграли особо важную роль в утверждении марксистско-ленинской методологии в исторической науке народов Северного Кавказа⁹. Они выступали за необходимость идейного переосмысления исторического наследия с марксистско-ленинских позиций. Одновременно Лихницкий и Буркин обосновали важность использования фактических материалов, которые достались советским историкам от дореволюционной историографии¹⁰. Первую и необходимую задачу молодой советской северокавказской исторической науки упомянутые ученые видели в полном разрыве со старым идейным направлением, которое было несовместимо с марксистским пониманием общественного развития¹¹. Весьма плодотворной являлась трактовка Лихницким путей решения задач, стоящих перед молодой советской исторической наукой, через непосредственную подготовку марксистских кадров. «Мы должны, — писал он, — из современного поколения кавказоведов-националов выпестовать ленинцев, вооруженных революционным диалектическим методом»¹². В своих работах Лихницкий и Буркин пришли к единодушному мнению, что история народов Северного Кавказа должна быть поставлена на прочный фундамент марксистско-ленинской методологии, с помощью которой только и возможно было бы создание подлинно научной истории горцев. Работа проходившей в 1930 году научной конференции историков-краеведов в г. Краснодаре показала, что основная масса ее участников уже занимала правильную позицию по рассмотренному вопросу о принципах отношения к достижениям дореволюционного кавказоведения¹³. Эта дискуссия послужила одним из средств овладения северокавказскими историками марксистско-ленинской методологией.

С начала 30-х годов в советской исторической науке начинает широко ставиться вопрос о необходимости совершенствования

методологии исследовательской работы по истории и этнографии кавказских народов. В связи с этим, анализируя возможности «Программы для собирания этнографических сведений, составленной применительно к быту кавказских народов» (Баку, 1929), известный ученый А. Н. Генко отмечал, что она отводила «ничтожнейшее место» важнейшим вопросам социального строя и производственных отношений¹⁴. Он полагал, что такие вопросы, как состояние общины, землевладения и землепользования, техника горного земледелия и скотоводства и другие из-за подобных программ оставались совершенно не изученными в советской кавказоведческой литературе. Как мы видим, здесь вплотную ставится вопрос о необходимости разработки социально-экономических проблем.

Еще до создания кадров местных историков-марксистов интересующая нас проблема начинает ставиться, правда, в самой общей форме, в работах историков центральных научных учреждений. Одним из первых в советской исторической литературе проблеме социально-экономического строя кабардинцев и других адыгов в дореформенный период затронул известный советский историк М. Н. Покровский в работе «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии» (1923)¹⁵. Хотя это было сделано в общеадыгском масштабе, на ней надо остановиться, так как высказывания Покровского были использованы впоследствии некоторыми другими историками. Покровский справедливо поставил вопрос о неодинаковом уровне общественного развития у горских народов Северного Кавказа в XIX веке. Среди них историк выделял адыгов (черкесов), у которых, по его мнению, были наиболее развиты общественные отношения¹⁶.

Покровский характеризовал социально-экономический строй адыгов как феодальный, но понимал феодализм в данном случае не как способ производства, а более как политическую систему. Его объяснение ограничивалось описанием вассальной иерархии, причем Покровский допускал путаницу в адыгской терминологии при обозначении различных сословий¹⁷. Он оценивал уровень развития феодальных отношений у адыгов как довольно развитый. Думается, главным положительным моментом взглядов М. Н. Покровского по исследуемой теме было то, что он выдвинул идею поступательного развития феодальных отношений у адыгов. Ученый считал, что «... черкесское общество не было стоячим болотом, в нем происходила своя эволюция, аналогичная и в этом случае эволюции всякого феодального общества»¹⁸. В основе ее, по мнению М. Н. Покровского, лежал хозяйственный подъем, который был связан с интенсивным развитием земледельческого и скотоводческого труда. Это, в свою очередь, вызвало рост народонаселения и активную торговлю.

В 1922–1923 годах с помощью группы ученых, приглашенных из центральных научных учреждений, было проведено экономическое и историческое обследование Кабарды. Результатом его явились три тома «Трудов по естественно-историческому и эконо-

мическому обследованию Кабарды» (Воронеж, 1925–1928). Здесь, во втором томе, была опубликована работа С. И. Месяца «Население и землепользование Кабарды»¹⁹. Автор считал, что дореформенная Кабарда «жила довольно замкнутой общиной с резко выраженным феодальным строем»²⁰. Главным признаком феодализма для него служит наличие в кабардинском обществе развитой иерархической структуры, которая им подробно и довольно правильно описывается²¹. Оформление системы господства – подчинения между представителями кабардинской знати и трудящимися массами объясняется на основе договорных начал. Месяц не смог уловить связь формы собственности с типом эксплуатации. Говоря о существовавшей в кабардинском обществе эксплуатации непосредственных производителей, он писал: «Князья и уздени (т.е. дворяне. – К. Д.) неограниченно могли распоряжаться жизнью и имуществом своих подвластных, но это не вытекало из их права собственности на землю»²².

Рассматривая историю землевладения в Кабарде, Месяц пришел к выводу, что здесь до конца XVIII века отсутствовала частная земельная собственность. Он связывал это с подвижностью поселения горцев, при котором они, в том числе и господствующие сословия, якобы не придавали никакой ценности земле. Основным видом землепользования, по его мнению, являлся захватный способ. До начала XIX века земельные отношения в Кабарде представляются как «общинное землепользование фамильных групп»²³. Князья и дворяне охраняли на временно занимаемой территории лишь право своей фамильной группы. Оформление частной собственности на землю объяснялось тем, что с момента установления в Кабарде в начале XIX века русского административно-судебного управления, с ее помощью кабардинская знать начала захватывать пустопорожние земли. Как мы видим, Месяц по существу повторял положения дореволюционных кавказоведов, в частности Ф. А. Щербины.

Со второй половины 20-х годов к изучению дореволюционной истории Кабарды приступили и местные историки, которые не имели еще достаточно ясного и верного представления о марксистской теории общественно-экономических формаций. Историческое наследие дореволюционных кавказоведов использовалось ими без всякой критической переоценки. Примером такой работы являлась книга У. Алиева «Кара-Халк»²⁴. Основные ее положения были построены и в совместной работе У. Алиева, С. Сиюхова, Б. М. Городецкого «Адыгея» (Ростов, 1927). В них были изложены взгляды М. М. Ковалевского о «кабардинском феодализме». Как и буржуазный историк, названные авторы уделяли главное внимание раскрытию феодализма как системы отношений и организации, выраженной в сословной иерархии. На многочисленных примерах они старались показать возникновение феодальных отношений у осетин, балкарцев и карачаевцев исключительно влиянием на них общественного строя Кабарды. Такой же недостаток был присущ и работам И. Тамбиева²⁵, М. Коркмазова²⁶ и А. Н. Дьячкова-Тарасова²⁷.

В этот период на развитии северокавказской исторической литературы сказывается воздействие идеи «экономического материализма». Я. Н. Раенко-Туранский в работе «Адыге до и после Октября» (1927), модернизируя приведенные выше высказывания М. Н. Покровского, пытался объяснить причину всех социально-экономических процессов прогрессирующим развитием товарно-денежных отношений и зарождением у адыгов в XVIII веке торгового капитала. «В конце XVIII века у адыгов до высшей меры развитое племенное хозяйство и племенной строй общества, видим зарождение торгового капитала. Наравне с зарождением торгового капитала нарастает противоречие между феодалами и представителями торгового капитала, не довольствующегося племенной организацией общества и требовавшего национального объединения»²⁸. В объяснении причин возникновения феодализма у адыгов Раенко-Туранский делал большой шаг назад даже по сравнению со многими дореволюционными авторами. Этот процесс им связывался только с «общими условиями исторической жизни Кавказа»: а) через территорию, которую населяют адыги, с древних времен проходили массы кочующих народов; б) вражда между отдельными племенами. Все это создавало, как думал Я. Н. Раенко-Туранский, «социальный строй воинственного феодализма»²⁹.

В конце 20-х годов северокавказская историческая литература пополнилась рядом статей А. М. Ладыженского об обычном праве адыгов³⁰. Они сыграли важную роль в исследовании реального значения патриархально-родового уклада в общественном строе адыгских народов в XVIII–XIX веках. Вслед за дореволюционными кавказоведами Ладыженский обратился к анализу материалов обычного права горцев. В общественном и семейном быте, судопроизводстве кабардинцев он выявил глубоко архаические черты, обычаи и институты, которые восходили не только к патриархально-родовому строю, но и матриархату. Важным в исследованиях Ладыженского было критическое отношение к достижениям дореволюционного кавказоведения. М. М. Ковалевский, Ф. И. Леонтович, В. В. Сокольский и др., по справедливому замечанию ученого, подходили к изучению горских народов как к «нечто единому целому», не учитывая конкретных особенностей каждого из них. Различные стороны патриархально-родового уклада у горцев объяснялись дореволюционными кавказоведами в большинстве случаев как заимствование у других народов. А. М. Ладыженский иначе подходил к этим вопросам и пытался показать зависимость внутреннего развития общества от условий его хозяйственной жизни. Он писал: «Эти обычаи отнюдь не должны рассматриваться как механическое заимствование норм чужого права, на чем настаивал М. М. Ковалевский, а сложились под влиянием хозяйственной необходимости»³¹.

У таких горских народов, как кабардинцы и дагестанцы, по мнению А. М. Ладыженского, где-то с XVIII века начинает отчетливо намечаться «государственная (т.е. территориальная классовая) власть». Возникновение государственной организации связы-

вается с двумя главными моментами – совместной жизнью в пределах определенной территории и имущественным неравенством, возникшим среди различных семей одного и того же рода³².

Как и многие ученые 20-х годов, А. М. Ладыженский не миновал влияния идей «экономического материализма». Он считает, что отдельные западноадыгские народности, как шапсуги, натухайцы и абадзехи «под влиянием развития морской торговли перешли от феодального строя к торговому капитализму»³³. В результате этого перехода у них установилось «народоправство». В отличие от них, как думал А. М. Ладыженский, кабардинцы не только в дореформенный период, но и вплоть до Октябрьской революции были на феодальной стадии развития и судопроизводство у них находилось в руках феодальной знати и мусульманского духовенства³⁴.

В разработке кабардинской истории, особенно социально-экономической проблематики прошлого, имело важное значение обращение местных историков к широкому привлечению архивных материалов. Одними из первых начали пользоваться богатейшими фондами центральных и местных архивов Г. А. Кокиев, Б. В. Скитский, Н. Т. Лихницкий.

Отдельные вопросы социально-экономического строя Кабарды XVIII века были затронуты Кокиевым в статье «Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII веке»³⁵, вышедшей в 1933 году.

Согласно взглядам Кокиева, на Северном Кавказе в XVIII веке можно было констатировать наличие различных общественных форм, начиная с оформившихся феодальных отношений и кончая родовым строем с элементами феодализма. Носителем «феодального начала», как считал Кокиев, являлась Кабарда, которая, пользуясь преимуществом в монопольном владении плоскостными землями в предгорьях Центрального Кавказа, установила свою власть и над некоторыми соседними народами. В отличие от У. Алиева, Г. А. Кокиев четко показывал, что зависимость осетин (а именно Дигории) от кабардинских феодалов возникла на экономической основе. Устанавливались тяжелые экономические условия, в которых оказалось при этом дигорское крестьянство. Теперь оно находилось под двойным гнетом – местных феодалов и кабардинских князей³⁶.

Б. В. Скитский в работе «Холопий вопрос» и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды (1739–1779)» исследовал влияние «холопского» вопроса на взаимоотношения Кабарды и России в XVIII веке и связь его с внешнеполитической ориентацией представителей кабардинского господствующего класса³⁷. Социально-экономический строй кабардинского общества XVIII века Скитский характеризовал как «четко выраженную феодальную формацию»³⁸. Его основным признаком выступало у автора деление общества на две противоположные группы людей: 1) «военно-земледельческую группу благородных – уорки, которые, в свою очередь, подразделялись на несколько раз-

рядов, стоящих по отношению друг к другу в иерархической зависимости», и 2) «пшITLEй – неблагогородных, лично и поземельно зависимых от указанных господ, земледельческая масса или холопы, по терминологии русской администрации»³⁹. Скитский показывал тяжелое положение крепостных кабардинских крестьян и рабов. Усиление их эксплуатации в XVIII веке ученый связывал с изменениями в экономике, которые привели к «перелому в традиционном общественном укладе, в привычных классовых соотношениях»⁴⁰. Правильно поставив вопрос о том, что главной причиной усиления эксплуатации были экономические причины, Скитский сводил его лишь к «втягиванию Кабарды с начала XVIII века в орбиту российского торгового капитала», в результате которого «у помещиков стал возрастать интерес к деньгам, к наживе, к обогащению». Конечно, увеличение масштабов русско-кабардинской торговли с начала XVIII века влияло на социально-экономические процессы внутри кабардинского общества, но отнюдь не выступало в роли главной и единственной причины.

На протяжении XVIII века усиление классовой борьбы в Кабарде было вызвано совокупностью объективных и субъективных причин. Как показывают требования восставших в 1767 году, в первую очередь это было связано с процессом дальнейшего закрепощения феодально-зависимого населения. На ухудшение положения крепостных и рабов в Кабарде значительное влияние оказывал кризис верховной княжеской власти и связанная с ним неустойчивость внутривластного положения, в результате которого на протяжении всего XVIII столетия кабардинское общество было раздираемо междоусобной борьбой феодальных группировок. От этого прежде всего страдали трудящиеся массы. Ко всему этому надо добавить постоянные нападения крымских ханов, которые приводили к опустошению в хозяйстве и сокращению рабочих рук. В анализируемой работе обращалось внимание на положительную роль в развертывании антифеодальной борьбы кабардинских крестьян и рабов, которую сыграли русские города и военные укрепления на Северном Кавказе и, в частности, Кизляр и Моздок.

К характеристике социально-экономического строя Кабарды в XVII–XVIII веках Скитский обращается и в статье «К вопросу о феодализме в Дигории»⁴¹, которая также была написана в 30-х годах. В ней историк пришел к выводу, что складывание феодальной системы в Дигории (восточный район Осетии. – К. Д.) было непосредственным образом связано с актом коммendaций, заключенным между князьями Малой Кабарды с господствующей дигорской верхушкой в XVII–XVIII веках. Вассальная зависимость от кабардинских князей обеспечивала возможность дигорской верхушке получить доступ на плоскостные земли⁴². Отмечались и те социальные результаты, которые принесли эти отношения. Скитский считал, что союз господствующих классов Кабарды и Дигории обеспечил создание сплоченной организации для эксплуатации трудящихся масс⁴³.

Справедливым являлось мнение автора о дальнейшем развитии экономики дигорского общества в результате оформления акта зависимости Дигории от кабардинских князей. Вассальные отношения давали дигорцам возможность пользоваться плоскими землями, что имело положительным результатом дальнейшее развитие их земледельческого труда.

По мере дальнейшего построения социалистического общества, успехов в области развития советской культуры и науки, партия и правительство обращали внимание на необходимость дальнейшей разработки истории многочисленных народов СССР. На состоявшемся в 1930 году общем собрании членов Общества историков-марксистов была подчеркнута ее важность. В разработанных позже членами общества «Тезисах» (1931) были сформулированы «задачи марксистской исторической науки» и «необходимость решительного наступления на буржуазную историографию», заострялось внимание на важность «создания истории народов СССР руками научно-исторических сил самих этих народов»⁴⁴.

В этот период, как установила Л. В. Данилова, в ведущих научных учреждениях страны после завершения известных дискуссий об общественно-экономических формациях были намечены планы широких исследований по эпохе феодализма. Например, в Государственной Академии истории материальной культуры предполагалось в течение второй пятилетки закончить написание обобщающего труда о возникновении феодализма на территории СССР и приступить к серии монографических трудов, доводящих рассмотрение феодализма у народов нашей страны до 1861 года⁴⁵. К сожалению, для реализации этих планов по отношению к истории северокавказских народов в 30-х годах еще не было объективных возможностей.

Социально-экономическая проблематика средневековой Кабарды была затронута в самой краткой форме лишь в двух обобщающих публикациях этого времени, вышедших в Москве.

Е. Драбкина в книге «Национальный и колониальный вопрос в царской России (Москва, 1930)» проводила мысль, что на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX века только адыги переживали «эпоху высокоразвитого феодализма». Его главными чертами Драбкина считала наличие в обществе «сложной системы вассалитета, с крепостным крестьянством разных степеней зависимости»⁴⁶. В отличие от адыгских народов, уровень общественного развития в Дагестане и Чечне она оценивает как «патриархальные отношения родового строя»⁴⁷.

Н. Н. Ванаг в своем «Кратком очерке истории народов СССР» (Ч. 1. Москва, 1932), по сравнению с предшествующими авторами, сделал важный шаг в методах анализа феодальных отношений в Кабарде. В качестве главного критерия при оценке уровня феодализма для историка служит степень эксплуатации. Ванаг подробно рассмотрел сословно-классовую структуру кабардинского общества и уделил особое внимание размерам и содержанию натуральных и трудовых повинностей, которые выполнялись раз-

личными категориями феодально-зависимого населения. Это было сделано с привлечением работ дореволюционных кавказоведов и различных официальных материалов, собранных на Северном Кавказе накануне крестьянской реформы. Итоги проделанной работы были подведены Н. Н. Ванагом следующим образом: «Мы подробно остановились на феодальной эксплуатации в Кабарде, как на яркой иллюстрации классовой дифференциации среди народов, поработанных феодализмом в эпоху феодализма-крепостничества»⁴⁸.

Особое место в советской исторической литературе 30-х годов, посвященной адыгским народам, занимают статьи Н. Т. Лихницкого⁴⁹. По сравнению с другими авторами этого времени, у него мы находим резкое изменение тематики исследуемых вопросов, источниковедческой базы и методики исследования. Лихницкий одним из первых применил марксистско-ленинскую концепцию в объяснении закономерностей развития адыгских народов и дал марксистское понимание феодализма как общественно-политической формации.

Очерк «Адыгея» написан автором на основе критической переработки трудов дореволюционных кавказоведов. Он подверг справедливой критике выработанную дореволюционными кавказоведами общую характеристику общественно-политического строя адыгских народов – деление на так называемые «аристократические» и «демократические» группы. Ученый считал это «плодом дворянско-буржуазных понятий о происхождении и роли князя», что затуманивало наличие классового угнетения у адыгов⁵⁰. Лихницкий писал: «По основному и решающему признаку – классовому расчленению обе группы племен являются представителями одного и того же общественного строя. Разница заключалась не в качественном, а в количественном отличии: у одних процесс феодализации зашел глубже, чем у других»⁵¹.

Взгляды Лихницкого на проблему общественного строя адыгских народов свидетельствуют о том, что он был в курсе происходивших в конце 1920-х – начале 1930-х годов дискуссий о социально-экономических формациях. На наш взгляд, Лихницкий в очерке «Адыгея» придерживался точки зрения, согласно которой общества древности обязательно проходили стадию рабовладельческой формации. Думается, именно этим можно объяснить мнение Лихницкого, что у адыгов первое классовое деление было основано на «рабском способе производства»⁵². Процесс перехода от первобытнообщинного строя к рабовладельческому у адыгов, по мнению Лихницкого, протекал примерно до XIV века, хотя он и затрудняется проследить его ввиду отсутствия необходимых источников.

Положительным моментом во взглядах Лихницкого было стремление выяснить влияние института рабства на развитие феодальных отношений. Рабы (т.е. унауты – *каб. язык*) составляли полную собственность владельцев. «Унауты были одним из основных орудий производства в хозяйстве того, кто ими владел»⁵³. В качестве

владельцев унаутов выступали князья, дворяне и свободные общинники. «Очевидно, отношения рабства, элементы которых встречаются у них (т.е. адыгов. — К. Д.) в XVII, XVIII вв. в переплете с крепостничеством, ранее были господствующими общественными отношениями первой классовой формации, через которую прошли адыги. В XVIII же веке они являлись значительно сохранившимся «укладом». Кто будет искать рабство у горцев, так же как и в древнекиевской Руси, в тех высокоразвитых формах, которых оно достигло в античном мире (Греции и Риме) — рискует не найти его на Северо-Западном Кавказе, так же как он не найдет феодализма в ряде стран Востока, если только будет искать там точную копию западноевропейского феодализма»⁵⁴.

Ретроспективный взгляд позволил ученому сделать вывод, что рабовладельческий строй не ликвидировал патриархально-родовые отношения, а в большей степени сохранил их. «Данное обстоятельство, — писал он, — подтверждается историей адыгов, у которых рабство сочеталось с крепкими основами родового строя и вместе с ними перешло в феодализм»⁵⁵. Главной причиной того, что рабство не достигло у адыгов законченных форм, Лихницкий считал конкретно-исторические и географические условия их развития.

Ученый полагал, что уже источники XVI века свидетельствуют о существовании в общественном строе адыгов феодальных отношений с пережитками патриархально-родового строя и рабства. Процесс образования феодального классового общества связывается им с рядом факторов — это разложение родовых общин в процессе их внутреннего развития; междоусобная борьба и военные столкновения с другими народами, которые населяли край с северо-восточных степей и юга. Также Лихницкий называл как важный момент и фактор завоевания тех или иных этнических групп адыгов иноплеменными князьями и их дружинами. Последние постепенно сливались с адыгскими княжескими родами и укрепляли зарождавшийся господствующий класс. В отличие от дореволюционных историков, которые считали главным моментом в образовании господствующей верхушки фактор завоевания, Лихницкий думал, что «отсюда признать образование этого класса следствием завоевания будет неверно методологически и фактически»⁵⁶.

Лихницкий дал наличие широкой картины феодальных отношений по периоду XVIII — первой половины XIX века. «В этот период адыги уже имеют бросающиеся в глаза феодально-крепостнические отношения и классовую борьбу между крестьянством и аристократией, стремившейся усилить и расширить феодальную эксплуатацию на «вольный» народ — тхфокотль (свободные общинники. — К. Д.) везде, где он сохранился»⁵⁷. Лихницкий отмечал, что процесс феодализации достиг более развитых форм у так называемых «аристократических» адыгов и особенно у кабардинцев.

Анализируя основные черты адыгского феодального общества,

ученый доказывает их органическую связь. Устанавливается тесная взаимозависимость экономических, социальных и политических отношений. Основными критериями для исследователя выступают господствующие формы эксплуатации. Нераскрытыми у Лихницкого остаются отношения собственности, в частности складывание феодальной земельной собственности, что, на наш взгляд, было вызвано узостью источников и базы исследования, но, возможно, и методологической недооценки этого момента. Между тем данный вопрос являлся основным при изучении феодальной формации.

Значительным достижением в разработке социально-экономического строя адыгских народов явилась постановка Лихницким вопроса о внеэкономическом принуждении, т.е. личностной зависимости. Исследование этого момента до сих пор остается актуальным в исторической науке. «Именно личная зависимость и сословное отношение, — писал он, — давали окраску общественным отношениям адыгов»⁵⁸. При постановке данного вопроса историк опирался на известное положение К. Маркса, в котором характеризовались личностные отношения в эпоху средневековья. «Но оставим светлый остров Робинзона и перенесемся в мрачное европейское средневековье. Вместо нашего независимого человека мы находим здесь людей, которые все зависимы — крепостные и феодалы, вассалы и сюзерены, миряне и попы. Личная зависимость характеризует тут как общественные отношения материального производства, так и основанные на нем сферы жизни. Но именно потому, что отношения личной зависимости составляют основу данного общества, труду и продуктам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму. Они входят в общественный круговорот в качестве натуральных служб и натуральных повинностей. Непосредственно общественной формой труда является здесь его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как в обществе, покоящемся на основе товарного производства... Таким образом, как бы ни оценивались те характерные маски, в которых выступают средневековые люди по отношению друг к другу, общественные отношения лиц в их труде проявляются во всяком случае здесь именно как их собственные личные отношения, а не облекаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда»⁵⁹.

Большое внимание Лихницкий уделял двум основным категориям феодально-зависимого населения: 1) пшитлям (у западных адыгов) и лагунапытам (у кабардинцев), 2) огам. Подробно разбирались их правовое и имущественное положение.

Первые находились в наиболее тяжелых экономических условиях. В эту категорию попадали разорившиеся свободные крестьяне и пленные. Их могли покупать и давать в наследство. Покупка и продажа пшитлей и лагунапытов осуществлялась целыми семьями, дробление избегалось, что подчеркивало, согласно Лихницкому, не рабскую, а феодальную форму эксплуатации. Эти крестьяне пользовались движимым и недвижимым имуществом,

но с большими ограничениями. Часть имущества, приобретенная трудом, в случае отхода делилась пополам между владельцем и крестьянином, предоставленная же ему при водворении целиком оставалась за феодалом. Все купли и продажи были строго регламентированы. Рента продуктами являлась основной формой эксплуатации этих категорий крестьян: крестьянин обязан был из урожая выделить особую часть для продовольствия дворовых людей, не занимавшихся хозяйством, и гостей и из оставшейся части передать половину помещику, скошенное же сено все передавалось эксплуататору, за исключением того, которое косилось в праздничные дни⁶⁰. Не перечисляя всех остальных повинностей, вроде рубки и возки дров, обработки огородов, что было элементами отработочной ренты, Лихницкий считал, что в лице представителей этой категории мы имеем типичную группу крепостного крестьянства, встречающуюся во всех странах в эпоху феодализма.

Вторая категория — оги — составляла в количественном отношении небольшой процент и занимала промежуточное положение между свободными крестьянами и крепостными. Ога нельзя было продавать, это делалось только в случае его бегства. Он мог выкупиться на волю и даже имел право владеть рабами, но продать их без разрешения феодала не мог. В случае, если ог не выполнял установленные повинности, он переводился в дом феодала вместо раба, т.е. унаута. Эксплуатация огов выражалась во взимании ренты продуктами «за пользование землей» и в форме отработочной ренты⁶¹.

Не уточняя конкретно у каких именно адыгов, историк отмечал, что свободные общинники (тхукотлы) еще не успели окончательно оформиться в «подвластных», но, по его словам, «процесс феодализации развертывался в том же направлении»⁶².

Лихницкий рассматривал и положение господствующего класса в адыгском обществе. Им подчеркивалось наличие «четко отлившейся лестницы феодальной иерархии со своими вассалами и сеньорами и княжеской верхушкой». Адыгский князь, с точки зрения Лихницкого, наиболее приблизился к типу феодала-вотчинника у кабардинцев, где он на своей территории непосредственно эксплуатировал не только крепостных и рабов, но и в форме ясак-а всех подвластных»⁶³.

Мало места отведено в очерке раскрытию производственного базиса многочисленных адыгских обществ. Лихницкий только делал оговорку, что производственной основой этих обществ являлось сочетание скотоводческого и земледельческого труда⁶⁴.

Автором правильно понимался характер классовой борьбы при феодализме. Крестьянские движения рассматривались здесь как неизбежный спутник феодализма. Ученый пришел к важному выводу, что наибольшей остроты и размаха классовая борьба достигла в XVIII веке в тех адыгских обществах, где больше всего сохранялось свободных обществ⁶⁵.

Подводя итоги очерка «Адыгея», Лихницкий отмечал, что с

точки зрения основного критерия – способа производства и отношений эксплуатации – у адыгов XVIII века господствовал феодализм с разной степенью развитости у многочисленных народностей. В этой работе автор предпринял первую научную попытку в установлении некоторых особенностей адыгского феодализма: во-первых, он не достиг тех развитых форм, которые имели место в странах Западной Европы и России в эпоху средневековья; во-вторых, процесс перехода от «общинных» форм пользования земли к «индивидуальным» не был еще окончательно завершен. «Сочетание феодализма с рабством и патриархально-родовыми отношениями, еще не переросшими во всех племенах в связи по территориально-соседскому принципу, – писал Лихницкий, – составляют характерную черту специфических условий развития адыгского феодализма»⁶⁶. Лихницкий считал господствующей тенденцией в развитии описываемого способа производства развитие феодальных отношений – «феодальный момент был уже ведущим началом социального развития»⁶⁷.

В основе сложившихся «неразвернутых форм» феодального социально-экономического строя, согласно взглядам ученого, лежали низший уровень производительных сил и неглубокое общественное разделение труда. Им указывалось на отсутствие у адыгов феодальных городов, центров ремесленного производства, целиком отделившегося от земледелия. Здесь также не было пунктов более или менее развитого внутреннего обмена. Лихницкий обращал внимание, что главной причиной, препятствовавшей быстрому развертыванию процесса общественного разделения труда у адыгов, явились особенности их производственного базиса. Они заключались в сочетании мелкого земледельческого хозяйства со скотоводством, причем последнее преобладало в экономике адыгов, что обуславливалось естественно-историческими условиями развития края. «Но все эти моменты, – писал Лихницкий, – объясняя отсталость и своеобразие адыгского феодализма, вовсе не характеризуют несовместимость имевшегося производственного базиса с крепостными отношениями. Господство натурального хозяйства и слабое общественное разделение труда лежит в основе всякого феодализма»⁶⁸.

В следующей работе «Феодализм в Адыгее накануне крестьянской реформы» Лихницкий развивает и углубляет положения, выдвинутые в очерке «Адыгея». В ней также даются новые наблюдения относительно основных признаков адыгского феодализма. По сравнению с рассмотренным очерком, здесь присутствует большой комплекс опубликованных и неопубликованных архивных источников, которые тщательным образом анализируются автором.

В статье большое место отводится критическому разбору методики сбора и осмысления материалов поземельных комиссий, которые были осуществлены представителями гражданской администрации на Северном Кавказе во второй половине XIX века⁶⁹.

Как характерные черты дореформенного адыгского общества

Лихницкий выделял такие моменты, как внеэкономическое принуждение, экспроприация земли у крестьян и наделение крепостных земель, которые были теснейшим образом связаны. «Но большее или меньшее оформление всех этих моментов и «видов зависимости», конечно, отражает степень развитости феодализма у данного народа и характеризует сочетание конкретных форм крепостнической эксплуатации, имевшейся у кавказских горцев»⁷⁰. С этой точки зрения Лихницкий и дает анализ имеющихся в его распоряжении источников.

В первую очередь им фиксируется в качестве одного из возможных моментов феодализма у адыгов постепенное закрепощение свободных крестьян (тхукотлов). Лихницкий считал, что массовая экспроприация общинной земли на этой основе новых слоев крестьянства еще не завершилась у адыгов. Несомненно, что в данном случае автору надо было конкретизировать, какую группу адыгских народностей он имел в виду. Например, большинство современных исследователей полагают, что в Кабарде к началу XIX века уже не осталось свободных незакрепощенных крестьян.

Важной заслугой Лихницкого надо считать осознание им важности вопроса о сущности и роли рабства в исследовании адыгского средневекового общества. Как и в первой работе, в рассматриваемой статье эта проблема затрагивается в связи с необходимостью выяснения взаимодействия различных социально-экономических укладов, установления господствующего из них, определения основных способов эксплуатации у адыгов в первой половине XIX века. «Внимательное изучение всего материала, касающегося происхождения и положения унаутов (т.е. рабов. — К. Д.), — писал Лихницкий, — убеждает нас в том, что отношения к средствам производства, тип эксплуатации, классовое положение этой группы выводят ее за рамки собственно феодальных отношений»⁷¹. Используя ленинское положение о различиях между крепостным и рабом, Лихницкий определял разницу между унаутами и различными группами адыгских зависимых крестьян как «разные типы эксплуатируемых»⁷². Характерными показателями именно рабской формы эксплуатации унаутов, по мнению Лихницкого, служили: во-первых, что нормы обычного права не устанавливали для унаутов никаких ограждающих их личность отношений, наоборот, предоставляли их полной власти своих владельцев; во-вторых, они лишались права вступления в брак⁷³.

Лихницкий считал, что тезис К. Маркса о том, что «в лице раба похищаются непосредственные орудия производства» вполне приложим к адыгам, у которых «аристократия» издревле рассматривала войну и набеги как средство захвата кроме прочей добычи и пленных⁷⁴. Здесь наблюдалась связь работорговли с рабской эксплуатацией в хозяйстве феодала. На это влияли не только внутренние социально-экономические, но и внешние причины, такие, в частности, как соседство в древности более развитых стран с громадными невольничьими рынками (античная Греция, затем Византия, наконец, Крым и Турция).

Как и в первой работе, Лихницкий в данной статье подробным образом рассматривал положение двух основных категорий крепостных крестьян у адыгов. Приводился большой статистический материал о положении зависимых и крепостных крестьян, а также рабов у народов Северо-Западного Кавказа накануне крестьянской реформы. Среди адыгов, а также других народов Северного Кавказа, самое большое количество крепостных и рабов приходилось на Кабарду. Даются интересные сравнения в положении пшитлей и лагунапытов (т.е. первой категории крепостных) с русскими крепостными крестьянами. «У черкесов, как правило, не было деления на барскую и крестьянскую запашку: крепостной обрабатывал тот участок, который указывал ему владелец, и «натуральную плату» он получал с урожая. Таким образом, «барщина», которая практиковалась в России, для пшитлей не существовала, а была «барщина», предполагающая обработку всей земли для господина, причем причитающееся за свой труд вознаграждение пшитль получал из общего урожая»⁷⁵.

В системе крепостнической эксплуатации адыгов вместе с повинностями, связанными с земледельческим трудом, большое место занимали повинности, которые выполнялись в связи с развитым скотоводческим хозяйством. Крепостные заготавливали и перевозили в усадьбу помещика необходимое для его хозяйства сено. Имущественные права крепостных крестьян распространялись, главным образом, на скот и то в случае его приобретения на стороне, а также полученный в подарок (дщерыкл) или по брачному договору⁷⁶. Вторая категория крепостных крестьян — оги — отличалась от предыдущих лишь большими имущественными правами и количественно меньшими размерами отчуждаемого в пользу господствующего класса прибавочного продукта⁷⁷.

Исходя из «непосредственного отношения собственников условий производства к непосредственным производителям», Лихницкий считал господствующими у адыгов феодальные производственные отношения⁷⁸. Несмотря на сравнительную длительность их существования, они определялись как раннефеодальные. «В медленности темпов перехода от «удельного периода» к более широкому объединению заключается тоже одна из своеобразных черт исторического развития местного феодализма», — писал историк.

В работе проводилась широкая аналогия между феодальными производственными отношениями у адыгов и русским крепостничеством. Адыгский феодализм, в отличие от русского, был опутан элементами «патриархального» рабства. Несмотря на то, что процесс формирования основных категорий крепостного крестьянства протекал по одним законам, в отличие от русских, у адыгов ярче выступало внеэкономическое принуждение как характерная черта феодальной эксплуатации⁷⁹. Во-вторых, адыгский (и вообще горский) феодализм, по мнению Лихницкого, отличался от русского и по своему производственному базису — по степени общественного разделения труда (отделения ремесла от сельского

хозяйства и города от деревни), оформления слоя купцов-посредников и внедрения рыночных, торгово-денежных отношений.

Лихницкий делал вывод о том, что горский (в данном случае адыгский) и русский феодализм являются разными стадиями одной и той же формации. «У горцев имелись формы отношений, характерные для ранних ступеней, — писал он, — в России же, где крепостное право «наиболее долго держалось», оно приняло более развитые формы, пройдя ступень так называемого «всеобщего закрепощения крестьян»⁸⁰.

Подробный разбор имущественного и правового положения феодально-зависимых крестьян у адыгов, их количественный анализ позволил автору выделить элементы «патриархального» рабства как фактор, наложивший свой отпечаток на феодальную структуру общества. Социально-экономическое развитие адыгских народов в дореформенный период шло путем дальнейшей феодализации, а не ее разложения. «Значительная глубина и сила феодально-крепостнических отношений сочеталась с недоразвитостью их форм и медленностью процесса общественного развития труда»⁸¹.

Большая часть адыгских владельцев, по мнению Лихницкого, была одновременно крепостниками и рабовладельцами. Тип феодала-горца он считал более похожим на князя и дружинника древней Руси, чем на помещика XVIII — начала XIX века⁸².

Сравнивалась политическая надстройка в феодальной России (самодержавие) и в адыгском феодальном обществе, в котором имели место попытки перехода от «племенного быта и удельной раздробленности» к созданию централизованного феодального объединения⁸³.

Поэтому проведенная в 60-е годы XIX века крестьянская реформа, по справедливому замечанию Лихницкого, не могла быть следствием внутреннего разложения феодальных отношений у адыгов и не была связана с зарождением здесь капиталистического способа производства⁸⁴.

В своей работе Лихницкий подчеркивал универсальность феодализма и одновременно указывал на необходимость учета местных особенностей. «Нельзя рассматривать конкретный английский или французский или русский феодализм как абсолютно однородные явления. Местное своеобразие и «вариации» имели место в развитии феодализма почти у каждого народа»⁸⁵.

Говоря в целом о взглядах Н. Т. Лихницкого на проблему социально-экономических отношений северокавказских народов в эпоху средневековья, надо остановиться также на большой рецензии, которая была написана им совместно с Н. Покровским⁸⁶. В ней Лихницкий и Покровский подвергли обстоятельному разбору три работы Б. В. Скитского, вышедшие в 1929–1932 годах и посвященные социальным движениям горцев Северного Кавказа в конце XVIII — начале XIX века. Рецензенты показали, что Скитский находился под сильным влиянием идей «экономического материализма». Поэтому он очень много места уделил в этих работах проблемам развития торговли у горцев, явно преувеличивая ее

значение. Анализ работ Скитского привел рецензентов к выводу о том, что он рассматривал исторический процесс не как закономерную смену социально-экономических формаций, а в виде смены различных хозяйственных форм⁸⁷.

Работы Лихницкого намного опередили современную ему историографию адыгских народов. Лихницкий первым подошел к правильному пониманию марксистской теории общественно-экономических формаций и конкретно применил ее в изучении докапиталистических отношений у адыгских народов. К сожалению, непонятно, почему последующие ученые, которые разрабатывали историю Кабарды, не обращались к работам этого замечательного ученого. А ведь эти работы могли сыграть положительную роль и намного ускорить изучение кабардинского общества в прошлом.

В 30-е годы в историографии Кабарды появились научно-популярные работы С. Воробьева и Д. Сарахана⁸⁸, А. Добрускина⁸⁹, С. С. Анисимова⁹⁰, А. Победоносцева⁹¹. Характеризуя социально-экономические отношения Кабарды в дореформенный период, авторы ничего нового не вносили в разработку ее социально-экономической проблематики. Чаще всего они повторяли общие положения, которые содержались в литературе 20-х годов.

Подводя некоторые итоги становления и развития кабардинской советской историографии на первом этапе, можно сказать, что ей были присущи основные закономерности развития советской исторической науки в целом. Проводимая Коммунистической партией ленинская национальная политика способствовала культурным преобразованиям у многочисленных народов Северного Кавказа. Были созданы научные организационные центры исследовательской работы, велась подготовка местных кадров историков-марксистов. Неоценимую помощь в развитии исторической науки Кабарды на первых порах, да и последующих этапах оказывали русские ученые и ученые других братских народов нашей страны.

В этот период основным содержанием развития советской исторической науки о Кабарде, как и для всей советской историографии, был процесс овладения теоретическим наследием основоположников марксизма-ленинизма. К середине 1930-х годов в историографии, посвященной дореволюционной Кабарде, были уже созданы определенные предпосылки для утверждения марксистско-ленинской концепции исторического развития, однако о завершении этого процесса еще нельзя говорить.

В изучении социально-экономической проблематики прошлого еще не были окончательно изжиты взгляды домарксистских историков. Социально-экономический строй Кабарды XVIII – первой половины XIX века всеми рассмотренными авторами оценивался как феодальный. Но под феодализмом они понимали не определенный способ производства, а политическую систему, для которой были характерны децентрализация, многоступенчатая иерархическая структура общества, отношения вассалитета, в редких

случаях подчеркивалась связь землевладения с политической властью. Многие теоретические положения, выработанные дореволюционной кавказоведческой мыслью, повторялись еще без их критического переосмысления. Немало авторов находилось под влиянием идей «экономического материализма».

Ближе всех к правильному пониманию марксистско-ленинской теории общественно-экономических формаций среди рассмотренных авторов подошел Н. Т. Лихницкий. Для него феодализм – это прежде всего определенный способ производства. Анализируя его, Лихницкий обращался к выяснению господствующих форм эксплуатации непосредственных производителей, системы господства и подчинения, возникновения различных групп феодально-зависимого населения. Происхождение феодализма для него было связано прежде всего с внутренним процессом разложения свободной общины, экспроприацией общинных земель господствующей знатью и на этой основе массовым закрепощением ранее свободных крестьян. Он выделил некоторые своеобразные черты феодальных отношений у адыгов. Особое значение имела постановка Лихницким вопроса о сущности и роли института рабства, в данном случае унаутства, при оценке формационной принадлежности различных адыгских обществ в XVI – первой половине XIX века.

Позитивным моментом на данном этапе развития советской исторической науки о Кабарде являлось обращение таких ученых, как Г. А. Кокиев и Б. В. Скитский, к проблеме классовой борьбы в Кабарде XVIII века, что совершенно игнорировалось в дореволюционном кавказоведении.

Середина 1930-х – конец 1950-х годов

Построение основ социалистического общества в нашей стране к середине 1930-х годов сопровождалось ростом сознательности трудящихся масс. В связи с этим повысилась роль общественных наук.

В 1934–1936 годах в советском обществе был проведен ряд преобразований по совершенствованию преподавания истории. 16 мая 1934 года было утверждено постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР»⁹², которое было направлено на совершенствование преподавания истории в школах. 9 июня 1934 года партия и правительство приняли решение о введении в 3–4 классах начальной школы элементарного курса истории СССР⁹³. 9 августа 1934 года А. А. Ждановым, С. М. Кировым и И. В. Сталиным были написаны «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР», одобренные Политбюро ЦК ВКП(б)⁹⁴. В них были сделаны важные указания по освещению истории народов СССР в период феодализма. Для осуществления принятых решений была начата перестройка исторических учреждений⁹⁵. Одной из первоочередных задач исторической науки в этот период являлась подготовка учебников по

истории СССР, в которых большое место отводилось многочисленным нерусским народам нашей страны.

Существовавшая в исторической литературе 20–30-х годов точка зрения на социально-экономический строй Кабарды и других так называемых «аристократических» адыгских народностей как феодального еще не была твердо аргументирована. Такое положение сказалось при подготовке учебника по истории СССР для исторических факультетов, в частности во втором томе «Россия в XIX в.», вышедшем в 1940 году под редакцией М. В. Нечкиной. После выхода учебника в свет с письмом в редакцию журнала «Историк-марксист» обратился известный грузинский историк С. Н. Джанашиа. Он обратил внимание на противоречивую оценку, которая была дана в учебнике социально-экономическим отношениям адыгов (черкесов) в дореформенный период⁹⁶. Джанашиа выступил за необходимость разграничения общественных отношений у так называемых «демократических» и у «аристократических» адыгов. В том же номере журнала был напечатан ответ Нечкиной на письмо Джанашиа, в котором пояснялось, «что вопрос о степени развития феодализма у отдельных народов Кавказа нельзя считать до конца исследованным и в научной литературе об этом еще не сложилось единого мнения»⁹⁷. Видимо, дело было еще и в том, что в учебнике недостаточно полно была учтена имеющаяся литература, в том числе и та, которая выходила на местах.

В 1941 году появилась большая статья Г. А. Кокиева «Классовая структура кабардинского феодального общества в середине XIX в.»⁹⁸. Согласно взглядам автора, особенностью классовой структуры кабардинского феодального общества являлась «многочисленность ее социальной лестницы в системе господства вышних феодальных слоев над подвластной им крестьянской массой»⁹⁹.

Кокиев устанавливал семь социальных категорий, на которые делился кабардинский феодальный класс: 1) пши, 2) тума, 3) тлекотлеши, 4) кодз, 5) деженуго, 6) беслан-уорки, 7) уорки-шаутлухус. Подробно охарактеризовав социально-правовое положение всех перечисленных семи категорий феодальной знати, Кокиев пришел к заключению, что «вассальные отношения в Кабарде устанавливались преимущественно на основе коммендации и получения от князя ценного подарка»¹⁰⁰, т.е. феодального договора между вассалом и сеньором, которые закрепляли взаимоотношения покровительства со стороны первого и личной зависимости второго.

Как уже говорилось, в предшествующей литературе в целом была дана такая же сословная структура кабардинской феодальной знати. Правда, в нее не всегда включались в качестве отдельной категории «тума» — лица, происходившие от неравных княжеских браков. Кокиев одним из первых выяснил и эволюцию, которая была связана с социальным статусом категории «кодз»: первоначально, в XVI–XVIII веках, они не составляли отдельной социальной категории, а являлись соправителями князей, т.е. были выборной должностью, на которую избирались только тлекотлеши. Позже,

в XVIII – первой половине XIX века, должность эта сделалась наследственной, и лица, избиравшиеся на нее, образовали отдельную социальную категорию.

Изучая различные категории зависимого населения, Кокиев также подразделял их на семь групп: 1) лагунапытов, 2) лыгава, 3) хабзенша, 4) махифатц, 5) унаутов, 6) огов и 7) азатов. Важным достижением являлась попытка автора исследовать эти категории в тесной их связи и взаимодействии.

Лагунапыты составляли, по мнению Кокиева, основную крепостную массу крестьян, живших на земле феодала и имевших свои хозяйства и семьи. Крестьянин данной категории обязан был исполнять различного рода сельскохозяйственные работы на феодала. Последний имел право заставлять его работать все время на себя. В этом случае феодал обязан был содержать лагунапыта и всех членов его семьи. Кокиев подробно перечислял права и обязанности этой категории крестьян¹⁰¹.

Впервые в исторической литературе автор пытался обосновать, что выделенные им 2, 3 и 7 категории зависимого населения в первой половине XIX века оформились как самостоятельные социальные группы. Это положение было недостаточно аргументировано и, как мы увидим в дальнейшем, было отвергнуто историками. Кокиев сам показывал, что «лыгавэ», «хабзаншэ» и «михифатц» происходили из лагунапытов. Но, в силу нарушения ими норм обычного права во взаимоотношениях с владельцем, все они низводились по своему экономическому и юридическому положению до унаутов (домашней прислуги). Поэтому, на наш взгляд, классификация, данная Кокиевым, была бы более обоснованной, если бы он включил «хабзаншэ», «лыгавэ» и «михифатц» в категорию унаутов.

Кокиев хотя и указал в работе, что унауты в «кабардинской феодальной системе» играли роль домашних рабов, он, в отличие от Н. Т. Лихницкого, не смог установить их подлинной роли в социально-экономических отношениях кабардинского общества в дореформенный период. По его мнению, «основным объектом феодальной эксплуатации в Кабарде служили крестьяне, принадлежавшие к категории унаутов»¹⁰². Во-первых, применение к «унаутам» термина «крестьян» являлось совсем неверным. Во-вторых, получалось, что господствующей формой эксплуатации была рабская, причем в патриархальной форме. Унауты в Кабарде не выступали по материалам обычного права и другим документальным источникам как непосредственные производители, связанные с землей. Они не попадали даже под нормы адата, не имели никаких прав и являлись домашней прислугой в доме своих владельцев. А свой вывод Кокиев строит лишь на таком малозначительном факте, как недовольство кабардинских феодалов условиями крестьянской реформы 1867 года, лишившей их дармовой силы унаутов и унауток.

В статье прослеживалось происхождение огов. Они происходили из лагунапытов, которые во время сельскохозяйственных работ находились на некотором материальном содержании от

владельцев. Когда такое положение становилось обременительным для владельца, он переводил лагунапыта в категорию огов. При этом он присваивал себе половину его имущества. Огом мог становиться лагунапыт, имеющий в пашне пару волов и необходимый хозяйственный инвентарь для самостоятельного ведения хотя бы небольшого хозяйства. Установив, что среди огов господствовала натуральная рента, автор ошибочно доказывал наличие по отношению к ним и денежной ренты. Он писал: «Денежная рента, уплачиваемая огом, состояла в том, что при разделе имущества между членами крестьянской семьи феодал получал 100 рублей деньгами, независимо от экономической мощности надлежащего дележу крестьянского имущества»¹⁰³. Как мы видим, Кокиевым еще не были до конца освоены марксистские методологические принципы анализа земельной ренты. Получаемые в данном случае феодалом деньги не являлись реализацией его владельческих прав на земельную собственность, которой пользовались оги. Это была лишь своеобразная подать, регламентируемая традициями обычного права, которую выплачивала большая патриархальная крестьянская семья при своем раздроблении на более мелкие хозяйственные единицы, например при отделении взрослого старшего сына со своей семьей от остальных родственников.

Кокиев, обстоятельно изложив положение каждой категории зависимого населения, все же не до конца исследовал связи и взаимодействия между ними. Отмеченные выше серьезные недостатки привели историка к неправильному выводу, что «в половине XIX в. в Кабарде феодализм не только установился, но даже имел некоторые элементы разложения»¹⁰⁴. И наиболее существенным признаком разложения феодальных отношений Кокиев считал ошибочно выделенное им наличие денежной ренты.

В годы Великой Отечественной войны, хотя и с трудностями, продолжалось дальнейшее развитие советской исторической науки. Разработка истории Кабарды в этот период приостановилась. Многие местные научные работники сражались на фронтах войны. Северокавказские архивы эвакуировались. Ученые центральных научных учреждений (В. М. Букалова, В. К. Гарданов, Е. Н. Кушева, Б. И. Крупнов, Л. И. Лавров, Е. Н. Студенецкая, А. М. Персов и др.), которые вели большую исследовательскую работу по истории Кабарды и других северокавказских народов, временно были лишены возможности заниматься социально-экономической проблематикой прошлого горцев.

В условиях высочайшего морального подъема, вызванного исторической победой Советского государства в борьбе с фашизмом, трудящиеся Кабарды в первом послевоенном году отмечали 25-летие образования Советской автономной республики. К этой знаменательной дате был выпущен сборник статей «Кабардинская АССР»¹⁰⁵. Он открывался статьей Г. А. Кокиева «Краткий исторический очерк Кабарды». Характеристика социально-экономического строя Кабарды первой половины XIX века, которая содержалась в

очерке, полностью повторяла положения рассмотренной статьи о классовой структуре кабардинского феодального общества.

В августе 1946 года была проведена первая научная сессия Кабардинского научно-исследовательского института. В работе сессии особое внимание было уделено разработке социально-экономической проблематики истории Кабарды в дореформенный период, методологическим принципам ее изучения, определению уровня господствовавших здесь феодальных отношений. С докладами выступил С. А. Комиссаров: «Из истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1897 году» и А. В. Мамонтова: «Восстание закубанских кабардинцев в 1868 году». В выступлениях по ним прозвучала мысль о еще слабой изученности путей складывания феодальных отношений у кабардинцев и выявления их особенностей. Ряд ученых: Е. Н. Студенецкая, Г. А. Кокиев, Г. Ф. Турчанинов, Г. П. Сердюченко – обратили внимание на опасность переоценки уровня феодальных отношений в Кабарде, необходимости более глубокой разработки рентных отношений и терминологии, связанной с хозяйственными занятиями и сословно-классовой структурой¹⁰⁶.

По итогам выступления на первой научной сессии Комиссаров опубликовал статью «Из истории освобождения зависимых сословий в Кабарде»¹⁰⁷. В ней автор согласился в целом с характеристикой сословно-классовой структуры кабардинского общества первой половины XIX века, которая была дана в работах Кокиева. Из различных категорий зависимого населения особо выделились оги, лагунапыты и унауты¹⁰⁸. Но все они рассматривались Комиссаровым как крепостные крестьяне, находившиеся в разной степени зависимости от феодалов. Таким образом, унауты, которые были фактически на положении рабов, причислялись ошибочно к категории крепостных крестьян.

В статье Комиссарова приводились интересные материалы, которые говорили об усилении эксплуатации кабардинского феодально-зависимого населения и вследствие этого обострении классовой борьбы в 40–60-х годах XIX века¹⁰⁹. Это приводило, как считает автор, к сильному брожению среди кабардинского крестьянства накануне реформы, расшатывало феодально-крепостнические устои и становилась реальной угрозой свержения феодальных порядков в Кабарде¹¹⁰. Социально-экономический строй предреформенной Кабарды Комиссаров оценивал как типично феодальный, в основе которого феодальный способ производства¹¹¹.

Для понимания социально-экономических отношений в Кабарде в дореформенный период большую роль сыграла публикация работы «Крестьянская реформа в Кабарде. Документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1867 г.», подготовленная Г. А. Кокиевым в 1947 году. В сборник вошли официальные документы, которые исходили от местных властей, центральных административных учреждений и ведомств. Приводился интересный материал различных сословий кабардинского общества к моменту проведения крестьянской реформы. Во введении

к этому изданию Кокиев остановился на некоторых моментах общественного строя кабардинцев. На основании имеющихся данных он считал, что, при общем населении 54 224 человека, во время реформы было освобождено 16 493 человека, в том числе 14 024 «обрядных» холопов (т.е. огов и лагунапытов) и 2469 «безобрядных» холопов (т.е. унаутов)¹¹². Здесь не было дано достаточного объяснения приведенным цифровым данным, что могло привести к неправильным выводам о существовании в Кабарде большого количества свободного крестьянства. Кокиевым был упущен следующий важный момент. Как показывают архивные документы, около 12 тыс. крестьян-азатов, так называемых «вольных», и тхукотлов, считавшихся до реформы юридически свободными, но находившихся в экономической зависимости от князей и уорков, получили свободу без уплаты какого-либо вознаграждения бывшим своим владельцам, поэтому они и не вошли в соответствующие списки освобожденных¹¹³. Общее количество населения Кабарды, приводимое Кокиевым, требовало серьезного уточнения. Ему также необходимо было оговорить, что 16 493 холопа, освобожденные в ходе реформы, включали в себя только мужское население. Количество женщин, находившихся в холопской зависимости и получивших свободу, составляло примерно столько же. Без учета этих обстоятельств количественные данные, которыми пользовался Кокиев, могли дать неправильное представление о сословно-классовой структуре кабардинского общества накануне крестьянской реформы.

Одной из последних крупных работ Кокиева, в которой рассматривалась исследуемая нами проблема, является рукопись монографического исследования «Крестьянская реформа в Кабарде в 1867г.», которая хранится в архиве Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований¹¹⁴. Она была написана примерно после 1947 года. В ней уже были устранены отдельные ошибки, которые имелись в упомянутых выше работах ученого. В целом можно сказать, что вторая глава «Социальный строй Кабарды» этой неопубликованной рукописи подвела итог многолетним исследованиям Кокиева в области социально-экономического строя кабардинцев в дореформенный период. В ней ученый по-новому подошел к оценке места унаутов в кабардинском обществе. «По существу это были домашние рабы, которые не составляли основы производства, косвенным образом входили в состав семьи феодалов»¹¹⁵. На основе тщательного анализа большого комплекса источников Кокиев пришел к выводу, что в Кабарде накануне крестьянской реформы имели место отработочная и натуральная ренты, а денежная рента отсутствовала¹¹⁶. Большой удельный вес отработочной ренты в системе эксплуатации, по его мнению, говорил о незавершенности и примитивности феодальных отношений в Кабарде.

В 1947 году в печати появились тезисы докторской диссертации «Адаты горцев Северного Кавказа»¹¹⁷, принадлежавшие исследователю А. М. Ладыженскому. В них были обобщены ре-

зультаты многочисленных изысканий, в том числе статьи об обычном праве адыгов. На основе изучения материалов обычного права народов Ладыженский рассмотрел процессы образования и разложения родового строя, зарождения классов, государственной власти и права. Через всю работу проходила мысль автора, что данные кавказоведения блестяще подтверждают правильность вывода классиков марксизма-ленинизма о происхождении государства и права как орудия классовой борьбы и угнетения подчиненных групп населения.

Ладыженский дал ряд ценных методических указаний по работе с такими важными источниками, как материалы обычного права. Например, он считал необходимым разграничивать обычаи феодальных сословий и зависимого населения в Кабарде¹¹⁸.

На примере изучения дошедших до нас записей горских ада-тов Ладыженский попытался реконструировать, каким образом шло здесь складывание классовой организации. «Привилегированные сословия, таким образом, часто возникали из родов, усилившихся за счет подчинения себе и уничтожения слабых родовых групп. Классовая организация в значительной степени возникла из родовой, а классовая дифференциация – из дифференциации родовой»¹¹⁹. Ученый исходит из того, что роды были неравными экономически и находились друг с другом в борьбе. В результате этого на позднейших стадиях своего развития одни роды оказались в зависимом положении от других. Ладыженский полагал, что «феодалный слой (сословная дифференциация) сложился не путем завоевания, как это доказывает М. Ковалевский и другие буржуазные историки государства и права, а внутри самого общества»¹²⁰. Происхождение горских сословий на базе межродовой дифференциации обосновывалось и терминологическим анализом их названий¹²¹.

Устанавливая уровень общественных отношений народов Северного Кавказа в дореформенный период, Ладыженский, в отличие от некоторых предшествующих историков (например, Н. Т. Лихницкого), считал, что не все народы обязательно проходили все стадии общественного развития. «В частности, – писал он, – у горцев Северного Кавказа не было рабства как общественной формации; от родового строя они переходили прямо к феодальному и рабский труд не играл в их хозяйстве большой роли»¹²².

Социально-экономический строй Кабарды XVIII – первой половины XIX века оценивался ученым как «вполне развитый феодальный строй»¹²³. Одним из первых он обратил внимание на необходимость разграничения понятия профессии и должности от понятия сословие при изучении феодализма в Кабарде. Поэтому Ладыженский не был согласен с предложением Г. А. Кокиева выделять «кодзов» и «михифатц» в качестве отдельных социальных категорий. В последнем случае автор был прав, но им совершенно не была учтена эволюция, которую претерпели кодзы в системе сословно-классовых отношений кабардинского общества. В работе выделялись некоторые особенности, присущие землевладению

в горах. В горных районах Дагестана и Кабарды, где сохранилось больше пережитков родового строя, как думал Ладыженский, частная собственность на пахотные участки развита больше, чем на плоскости, где пережитков родового строя меньше. «Но из этого нельзя делать вывод, будто частная собственность предшествовала общинной, так как в указанных районах, чтобы превратить участок в пригодный для пашни, его нужно было очистить от камней или нанести на скалы землю. И те, кто проделал такую работу, становились собственниками указанных участков»¹²⁴. Ссылаясь на работы Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке»¹²⁵, «Марка»¹²⁶, Ладыженский делал заключение, что отношение людей к пахотной земле в горных общинах не может служить критерием степени разложения этих последних.

Начиная со второй половины 1940-х годов, ежегодные научные сессии Кабардинского научно-исследовательского института надолго стали одним из важнейших средств в разработке исторической проблематики Кабарды. Особое значение для исследуемой проблемы имеют материалы второй (1947), третьей (1948), пятой (1950) и седьмой (1953) научных сессий. Сразу же надо отметить, что результаты этих сессий могли быть более весомыми, если бы устные дискуссии, которые развернулись на них, получали освещение в печати. К недостаткам их, видимо, надо отнести и то, что с самого начала не был определен круг вопросов, связанных с проблемой социально-экономического строя Кабарды. Часто хронологические рамки исследуемой проблемы брались как единый период, не выделялись его различные этапы. Хотя большинство докладчиков пользовались лишь материалами первой половины XIX века, тем не менее нередко выводы переносились на XVIII век.

Дискуссии, развернувшиеся на указанных сессиях, позволяют выявить две точки зрения, которые были высказаны ее участниками на проблему социально-экономического строя дореформенной Кабарды: 1) определение его как патриархально-родового, 2) как феодального. Первая была дана в докладах А. В. Мамонтовой, С. К. Бушуева и А. И. Краснова. Сторонники феодальной концепции составляли большинство: С. А. Комиссаров, К. А. Кокеев, Н. А. Смирнов, Е. И. Крупнов, В. М. Букалова, А. И. Першиц, Е. С. Зевакин, Е. Н. Студенецкая, Е. Н. Кушева, Л. И. Лавров, Б. В. Скитский, З. В. Анчабадзе, Т. Х. Кумыков, Р. Х. Гугов и некоторые другие участники.

Попытаемся кратко изложить основные моменты в концепциях споривших сторон.

Исходным пунктом сторонников теории патриархально-родового строя являлся вопрос о характере главного хозяйственного занятия кабардинцев. Наиболее полно это отразилось в докладах А. В. Мамонтовой на второй научной сессии – «Землевладение и землепользование в Кабарде до крестьянской реформы 1867 г.»¹²⁷ и на третьей научной сессии – «К вопросу о феодализме в Кабарде»¹²⁸. Она часто подчеркивала, что главным критерием при анализе социально-экономических отношений для нее служит «хозяй-

ственный базис»¹²⁹. Однако у нее данное понятие имело мало общего с марксистским пониманием базиса как совокупности производственных отношений, возникающими в процессе производства, обмена и распределения материальных благ. У Мамонтовой «хозяйственный базис» отождествлялся с основным хозяйственным занятием народа.

Главным моментом, от которого отталкивалась Мамонтова, было положение, что скотоводство являлось основным господствующим хозяйственным укладом кабардинцев. Она считала, что кабардинцы на зиму сена не заготавливали, пользуясь «переходными пастбищами», и сам народ являлся «полукочевым», у которого «форма ведения скотоводства пастушеская»¹³⁰. Исходя из выдвинутого тезиса, Мамонтова доказывала, что при скотоводческом хозяйстве пастбищная земля находилась не в частном, а в коллективном общинном пользовании, и потому в Кабарде господствовал не феодальный, а родовой строй. Таким образом, главную идею Мамонтовой можно сформулировать так: в Кабарде XVIII – первой половины XIX века господствовало скотоводческо-пастушеское хозяйство, при котором основным средством производства являлся скот. Неизбежным следствием такой формы хозяйства было господство в обществе патриархально-родовых отношений.

Используя количественные сведения Г. А. Кокиева о различных категориях кабардинского зависимого населения накануне реформы, о которых уже отмечалось выше, Мамонтова говорила о свободной родовой общине, сохранившейся и бытовавшей в среде «простого народа»¹³¹. В основе общины, согласно ей, лежало общественное пользование землей на родовом праве и коллективные формы труда, связанные со скотоводством. Разбирая положение Кокиева о вассальных отношениях в среде кабардинской знати, Мамонтова считала, что о земельных пожалованиях сеньоров своим вассалам не могло быть речи. Сама же приводила статью 17 адата, в котором говорилось: «Узденья насильственно не служат князьям, а по собственному желанию и тогда только, когда от своего князя получают узденьскую дань сполна. Дань эта заключается: первостепенному узденю на 15 предметов, из коих непременно семейство людей, 500 или более баранов, часть земли, разные железные вещи и прочее»¹³².

Выдвинутые в своих докладах положения Мамонтова пыталась подкрепить вырванными из контекста отдельными высказываниями основоположников марксизма-ленинизма. Например, она переносила на первую половину XIX века характеристику, данную В. И. Лениным в «Развитии капитализма в России», хозяйственного развития Северного Кавказа в пореформенный период¹³³. Ссылаясь на статью К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству», Мамонтова делала попытку обоснования, что одним из основных признаков «восточной» формы хозяйства являлся его скотоводческий характер, отсутствие частной собственности на землю, которое якобы имело конкретное место в Кабарде первой половины XIX века¹³⁴.

Главный принцип, выдвинутый Мамонтовой в самом начале своего доклада на второй научной сессии, где она требовала от других последователей «не впадать в ошибки, перенося без должной большевистской критики буржуазных историков-кавказоведов в советскую историческую науку»¹³⁵, не был соблюден ею самой. Так, труды дореволюционных кавказоведов привлекались Мамонтовой без их критического анализа. Например, она переносила описание общины у так называемых «демократических» адыгов, сделанное Ф. И. Леонтовичем, на состояние общины в Кабарде.

Сторонниками взглядов А. В. Мамонтовой выступили на пятой и седьмой научных сессиях А. И. Краснов¹³⁶ и С. К. Бушуев¹³⁷. В чем же заключалась ошибочность позиции, занятой ими? Прежде всего в том, что они ставили знак равенства между скотоводческим хозяйством и патриархально-родовым обществом, тогда как феодализм может иметь место и при господстве скотоводства в качестве основной формы хозяйства.

Во-вторых, само утверждение о скотоводстве как главной отрасли хозяйства было неверным. В хозяйстве кабардинцев скотоводческий и земледельческий труд выступали издавна как тесно дополняющие друг друга, и в различные исторические периоды в зависимости от конкретной социально-экономической и политической обстановки то одно, то второе выступало как ведущее. Положение данных авторов, что частная собственность была у кабардинцев только на скот, а не на землю, вытекало из непонимания того, какую роль играет земля как фактор материального производства в общественном строе Кабарды. Безусловно, что некоторые виды скота (например, волы) могли играть и роль средств производства. Но основным средством производства всегда выступала земля, независимо от того, была ли она пахотной, пастбищной, в форме естественных сенокосов или лесов.

Доклады сторонников феодальной концепции, главным образом, были нацелены на вскрытие ошибочных положений А. В. Мамонтовой, А. И. Краснова и С. К. Бушуева. Одновременно в них рассматривались наиболее сложные и малоисследованные вопросы социально-экономического строя дореформенной Кабарды. Хотя данная группа ученых уверенно отстаивала точку зрения о господстве феодализма, между ними не было достигнуто единого мнения о его уровне. Если Н. А. Смирнов, Е. И. Кушева, В. М. Букалова и другие считали, что в XVIII – первой половине XIX века здесь был развитой феодализм, то А. П. Кешоков, Е. Е. Кушева, Е. Н. Студенецкая отмечали его примитивный характер. Велась споры о том, что преобладало в хозяйстве кабардинцев на протяжении XVIII – первой половины XIX века: земледелие или скотоводство.

Особое внимание было уделено вопросу о господствовавших формах собственности. На многочисленных примерах ученые показали наличие в Кабарде феодальной земельной собственности. В содокладе В. М. Букаловой «К вопросу о социально-экономическом строе Кабарды перед реформой 1867 г.» на третьей на-

учной сессии приводились решения Кабардинского суда о «тяжебных делах ... за поземельное довольствие»¹³⁸ и архивные материалы, в которых разбирался вопрос об уплате кабардинским владельцам за земли, занятые правительством под казачьи поселения¹³⁹.

Изучение конкретных форм земельной собственности в Кабарде только намечалось. Л. И. Лавров и Е. Н. Студенецкая считали необходимым исследование специфики процесса установления земельной собственности¹⁴⁰. А. И. Першиц, выступавший в прениях по докладу А. В. Мамонтовой и содокладу В. М. Букаловой, подчеркнул различие в условиях владения обрабатываемыми и пастбищными землями. «Если культурно обрабатываемые земли во всяком классовом обществе находились в частной, государственной, феодальной или храмовой собственности, — утверждал он, — то пастбища в огромном большинстве случаев формально остаются в общинном владении даже после полного разложения общинно-родового строя»¹⁴¹. Именно в этом, согласно Першицу, проявлялась специфика феодальных отношений в скотоводческом обществе, что «пастбища формально по обычному праву считались общими владениями племени или рода, а фактически представляли собой собственность феодальной верхушки общества»¹⁴².

Выступавшие часто обращались и к вопросам сословно-классовой структуры кабардинского общества. В докладе А. П. Кешокова «Некоторые вопросы истории Кабарды» справедливо отмечается, что сложность и многоступенчатость сословно-классовой структуры являлись не показателем высокого уровня развития феодальных отношений, а наоборот, говорили о его примитивности¹⁴³. В. М. Букалова, подробно разобрав тезис А. В. Мамонтовой о возможности наличия в Кабарде «простого свободного народа», показала, что из свободных членов когда-то существовавшей родовой общины кабардинские крестьяне полностью превратились в феодально-зависимых в первой половине XIX века¹⁴⁴. Право переселения в другой населенный пункт к другому владельцу перестало существовать даже для азатов-вольноотпущенников. Анализ выполняемых повинностей свидетельствовал, что феодально-зависимые крестьяне постепенно приближались к крепостному сословию. Так, статья адата гласила: «Если чагар до того обеднеет, что будет не в состоянии господину своему уплатить половину подати, то должен служить у господина во дворе наравне с холопами». А под термином «холоп» в адатах часто обозначали унаутов и различные категории крепостных крестьян. Их называли «обрядными холопами».

Остановившись на положении крепостных крестьян (огов и лагунапытов) и патриархальных рабов (унаутов), Е. Н. Студенецкая уточнила весьма важный момент — переход мужчин-унаутов в категорию лагунапытов. По обычному праву мужчина-унаут имел право требовать от владельца, чтобы он купил ему жену из категории лагунапытов. Если заключался такой брак, унаут переходил в сословие крепостных крестьян-лагунапытов. По справедливому замечанию Студенецкой, именно этим можно было объяснить

существование значительно большего количества женщин-унауток по сравнению с мужчинами-унаутами в дореформенной Кабарде¹⁴⁵.

В работе научных сессий не были подробно раскрыты господствовавшие в кабардинском обществе формы ренты. Только констатировалось, что имело место переплетение отработочных и натуральных повинностей, например в выступлениях С. А. Комиссарова¹⁴⁶ и В. М. Букаловой¹⁴⁷. А. И. Першиц сделал важное замечание, что феодальная эксплуатация могла выступать здесь под прикрытием патриархально-родовой оболочки¹⁴⁸, но оно осталось не рассмотренным на конкретных примерах.

Важную роль для исследуемой проблемы сыграли выступления Е. Н. Кушевой на пятой и седьмой научных сессиях Кабардинского научно-исследовательского института. С самого начала своего участия в дискуссиях по социально-экономическому строю Кабарды она считала твердо установленным, что еще с XVI века здесь имели место феодальные отношения. Последние, согласно Кушевой, были осложнены довольно устойчивыми патриархально-родовыми пережитками в результате слабо развитых товарно-денежных отношений и низкого уровня в разделении общественного труда¹⁴⁹. Она выступала за конкретизацию особенностей феодализма в Кабарде, прежде всего форм эксплуатации трудящихся и характера феодальной земельной собственности. Ею допускалась мысль, что «черные люди» в Кабарде XVI–XVIII веков, аналогично зависимому населению во многих странах Востока, «находились в феодальной зависимости от князя как феодала и вместе с тем верховного собственника княжеского владения как государственного образования»¹⁵⁰. Исходя из этого, можно было полагать, согласно Кушевой, о совпадении феодальной земельной ренты с данью. Правда, эта мысль не была развита и аргументирована на конкретных примерах. Одной из первых Кушева заметила, что «фамильный» принцип владения землей в среде кабардинских князей и первостепенных дворян, когда один член семьи независимо от других не имел права распоряжения собственностью, накладывал особый отпечаток на форму феодального землевладения. При такой форме землевладения становились невозможными продажа и раздел имущества между членами феодальных семей¹⁵¹. Данное наблюдение Кушевой давало возможность объяснить ошибку многих дореволюционных и отдельных советских авторов, которые акцентировали внимание на то, что «в Кабарде о продаже или даче земли в наследство не могло быть и речи». И согласно с этим делали ошибочный вывод об отсутствии здесь феодальной земельной собственности. Тем исследователям, которые ударились в бесконечные споры о том, какое хозяйственное занятие было преобладающим у кабардинцев, Кушева делала замечание, что суть не в этом, а в установлении уровня развития скотоводства и земледелия¹⁵². Она, ссылаясь на русские документы XVII века, опубликованные С. А. Белокуровым, показывала, что кабардинцы издревле знали сенокосение, поэтому скотоводство у них не было

целиком пастбищным. «Если говорить о господстве земледелия с его преобладающей ролью, – считала Кушева, – трудно объяснить застойность социально-экономической жизни Кабарды»¹⁵³.

В выступлениях ученых был затронут ряд методических положений, которые непосредственно касались процесса дальнейшего изучения социально-экономической истории Кабарды. Была отмечена опасность двух взаимоисключающих линий в оценке уровня общественных отношений (как полное отрицание в Кабарде феодальных отношений, так и переоценка их развития), которые имели место в исторической литературе последних лет и в отдельных докладах на рассмотренных научных сессиях¹⁵⁴. Для их преодоления выдвигалась задача комплексного подхода в исследованиях на основе постоянного руководства важнейшими указаниями классиков марксизма-ленинизма о принципах историзма и партийности¹⁵⁵.

Выступавшие на сессиях обращали особое внимание на адаты, или материалы обычного права горских народов, как на один из основных источников по социально-экономическому строю в до-реформенный период и отмечали большую сложность их анализа. Хотя записи были произведены в 40-х годах XIX века, социальные отношения, зафиксированные в них, по справедливому мнению Букаловой, складывались десятилетиями, а часто веками. В них были зафиксированы рядом с существовавшими еще в первой половине XIX века отношениями и такие отношения, которые давно потеряли силу. Поэтому в материалах обычного права встречались кажущиеся противоречия, которые необходимо было различать¹⁵⁶. Вопрос о совершенствовании методики анализа материалов обычного права был очень своевременным. Сошлемся на один наглядный пример, который имел место на третьей научной сессии. А. В. Мамонтова и И. М. Букалова в своих докладах цитировали следующий пункт кабардинских адатов: «Узденъ волен из холопей делать чагар, дав ему на первый раз к домашнему обзаведению пару волов, пару коров и 8 тулуков проса». Мамонтова видела здесь наделение волами сажаемых на землю холопов, что, согласно ей, доказывало господство в хозяйстве скотоводческого труда¹⁵⁷. Букалова же считала, что в данном случае холопу, сажаемому на землю, владелец давал средства производства, связанные с земледельческим трудом (рабочий скот и семена), поэтому о скотоводстве здесь не может идти речи¹⁵⁸. Оба докладчика, ведя спор о второстепенных вещах, не обратили внимания, что в источнике нет ни слова о том, что холоп сажается на землю.

Как мы видим, начиная с первых послевоенных лет и до середины 1950-х годов основной формой организации научной работы в республике по существу были научные сессии. Они сыграли большую роль в дальнейшей разработке проблемы социально-экономического строя Кабарды XVIII – первой половины XIX века. Дискуссии, развернувшиеся в ходе рассмотренных сессий, показывали необходимость более глубокого овладения исследователями марксистской методологией. Если в предшествующий период

большинство авторов ограничивалось поверхностной характеристикой сословных отношений и констатации феодальной собственности на землю и скот, то результаты научных сессий ставили перед учеными необходимость изучения социально-экономической проблематики через исследование законов развития производительных сил и производственных отношений в тесном их взаимодействии. Вместе с нарративными источниками и работами дореволюционных кавказоведов, которые больше привлекались до этого, надо было выявить и дать глубокий марксистский анализ новых документальных источников.

Хотя на этих сессиях основными докладчиками выступали ученые головных институтов Академии наук СССР и других научных учреждений страны, которые оказывали постоянную помощь Кабардинскому научно-исследовательскому институту, в процессе общего развития исторической науки республики формировались квалифицированные кадры историков коренной национальности¹⁵⁹. Уже на седьмой научной сессии в дискуссиях по исследуемой проблеме активное участие приняли Т. Х. Кумыков и Р. Х. Гугов.

Примерно с середины 50-х годов произошел определенный сдвиг в изучении социально-экономического строя Кабарды XVIII – первой половины XIX века. Большинство историков пришло к мнению, что здесь господствовал феодальный способ производства, осложненный патриархально-родовыми пережитками. Такая точка зрения отразилась в этот период в коллективных работах обобщающего характера: «История Кабарды» (Москва, 1957) и «Очерки истории СССР. XVIII век. Вторая половина (Москва, 1957)». Однако многие вопросы оставались еще слабо изученными. В частности, не был окончательно установлен уровень земледельческого и скотоводческого труда в хозяйственной жизни кабардинцев, пути складывания частной земельной собственности и формы землевладения, состояние сельской общины, степень закрепощенности отдельных крестьянских категорий, не были раскрыты формы господствовавших видов ренты и т.п. Выяснению этих вопросов в определенной мере способствовали статьи Е. Н. Студенецкой, Н. Х. Тхамокова, И. Ф. Мужева, Т. Х. Кумыкова, А. В. Фадеева, вышедшие в середине и второй половине 1950-х годов.

Е. Н. Студенецкая и Н. Х. Тхамоков раскрыли в своих статьях систему ведения скотоводческого и земледельческого труда в Кабарде XVIII – первой половины XIX века и показали его неразвитость¹⁶⁰. Отдельные исследователи отводили чрезвычайно важное место определению господствующего у кабардинцев производственного занятия в предреформенный период. В первой половине XIX века, как и ранее, в хозяйстве кабардинцев переплетались занятия как скотоводством, так и земледелием. Материалы обычного права показывали, что различные повинности, которые выполнялись непосредственными производителями, включали продукты и скотоводческого, и земледельческого труда. Для дореформенного периода, ввиду отсутствия необходимых статистических данных, характеризующих экономику кабардинского общества, на наш

взгляд, невозможно установить абсолютный удельный вес каждой из двух основных отраслей. Попытки некоторых авторов, которые старались решить этот вопрос во второй половине 1950-х годов, закончились безрезультатно. Например, И. Ф. Мужев в статье «Социально-экономическое развитие Кабарды в 50–60 гг. XIX в.» переводил в денежное выражение стоимость к 1866 году общего поголовья скота и собранных земледельческих продуктов и сравнивал между собой для выяснения главной хозяйственной отрасли¹⁶¹. На ошибочность такого метода исследования справедливо указал Т. Х. Кумыков¹⁶². В данном случае И. Ф. Мужеву и другим исследователям следовало руководствоваться важнейшим марксистским положением о необходимости рассмотрения годового общественного продукта в двух его подразделениях: средств производства и предметов потребления. К. Маркс подчеркивал, что «каждое из этих подразделений необходимо рассматривать отдельно»¹⁶³. Только исходя из данного указания и при наличии необходимых статистических данных можно было решить этот вопрос.

В 1959 году появилась в печати статья А. В. Фадеева «К вопросу об уровне социально-экономического развития кавказских горцев к середине XIX в»¹⁶⁴. Она была посвящена выяснению уровня развития скотоводческого и земледельческого труда у северокавказских народов, в частности кабардинцев. На необходимость разработки данного момента указывала еще на седьмой научной сессии Кабардинского научно-исследовательского института Е. Н. Кушева. Статистические материалы, анализируемые Фадеевым, были полнее, хотя во многом и повторяли количественные сведения, использованные И. Ф. Мужевым и Т. Х. Кумыковым. Ученый сравнивал показатели валового и чистого сбора хлеба по Кабарде с данными по Центрально-Черноземным губерниям России и по Закавказью. Получалось, что чистый сбор хлеба (т.е. за вычетом семян) в Кабарде был довольно низким. Но кабардинцы, вследствие большого потребления мясомолочных продуктов, были в достаточной степени обеспечены хлебом, хотя не имели больших излишков зерна¹⁶⁵. Согласно Фадееву, в горских округах Северного Кавказа скотоводство было более развито, чем земледелие. Сравнивая с южно-степным, предкавказским и закавказским районами, ученый показал, что в Кабарде количество скота на единицу населения было значительно больше. Однако Фадеев думал, что «это ни в какой мере не являлось показателем высокого уровня экономического развития, ибо в отношении продуктивности скота горцы далеко отставали от животноводства других районов»¹⁶⁶. Основное поголовье скота находилось в собственности кабардинской феодальной знати. Феодально-зависимое население у горцев не было обеспечено скотом в той мере, чтобы заниматься производством животноводческих продуктов на продажу. В целом, как видно из статьи, товарная продукция кабардинского животноводства оставалась незначительной. «Следовательно, — писал Фадеев, — продажа скота и продуктов скотовод-

ства ни в какой мере не способствовала разложению феодального строя, а наоборот, умножая доходы местной знати, лишь укрепляла господство феодальной собственности»¹⁶⁷. Фадеев отмечал, что кабардинские феодалы, формально оставаясь членами сельских общин, сосредоточивали в своих руках пастбищные земли и, тем самым, значительное поголовье скота¹⁶⁸. Они пользовались преимуществом и при распределении пахотной общинной земли. Это все вело к тому, что трудящиеся горцы не были обеспечены ни хлебом, ни скотом. Главная причина этого коренилась, по справедливому заключению Фадеева, в аграрном строе северокавказского общества и прежде всего – в господстве крупного феодального землевладения и эксплуататорских притязаниях местной знати в отношении общинной и мелкой крестьянской собственности¹⁶⁹.

Главным вопросом в исследовании социально-экономического строя Кабарды XVIII – первой половины XIX века оставался вопрос о феодальной собственности на землю. Основная масса историков отмечала лишь наличие здесь феодальной собственности на землю, но еще не говорила о конкретных формах ее возникновения и проявления.

И. Ф. Мужев продолжал повторять положения некоторых дореволюционных и советских историков о том, что здесь было обилие свободных земель, поселения кабардинцев были подвижными, отсутствовала продажа и передача в наследство земельных участков. Исходя из того, что земледелие не являлось основой экономического благосостояния кабардинских феодалов, он доказывал, что знать не стремилась к закреплению за собой в частную собственность пахотных земель¹⁷⁰. Он видел специфику складывания и развития земельной собственности в Кабарде в том, что «мы здесь не находим оформившегося института феодальной земельной собственности»¹⁷¹. Согласно взглядам ученого, в основе общественных отношений в Кабарде лежала частная собственность на скот, имевшая наиболее ярко выраженный феодальный характер, а феодальная собственность на землю была завуалирована патриархально-родовыми отношениями и проявлялась не прямо, непосредственно, а через владение скотом¹⁷².

Своеобразные земельные отношения в Кабарде первой половины XIX века Мужев видел в обилии существовавших форм землевладения: 1) государственных земель, которые образовались из земельных участков беглых кабардинских феодалов, 2) частновладельческих, которые сложились в результате пожалования царским правительством земельных участков представителям кабардинской знати, 3) родовых земель, которые числились за древними кабардинскими княжескими фамилиями. Одновременно он обращал внимание на наличие общинного землепользования, распространявшегося на приаульные земли и горные пастбища¹⁷³. Говоря о землераспределительных функциях сельской общины, Мужев справедливо заметил в дележе земли по числу плужных упряжек наличие неравенства в среде общинников. Получение владельцем населенного пункта при распределении общинных земель опре-

деленного пая он считал родовым обычаем. На каких условиях владелец получал эту землю – оставалось нераскрытым. Мужев не обратил внимания и на те привилегии, которыми пользовались феодальные владельцы в системе землепользования. Без объяснения этих моментов итоговый вывод Мужева, что «складывавшееся феодальное землевладение являлось ведущим процессом в социально-экономическом развитии кабардинского общества в первой половине XIX века» и «определяло новые производственные отношения в кабардинской деревне»¹⁷⁴ выглядел недостаточным аргументированным.

В записке, составленной 18 января 1865 года представителями терской сословно-поземельной комиссии, подробнее раскрывалась система земельного регулирования в дореформенной кабардинской сельской общине¹⁷⁵. Она свидетельствовала о производственном принципе распределения пахотной земли – по числу плугов и рабочего скота. Для вхождения в супрягу (дзе) крестьянину-общиннику необходимо было иметь одну пару волов. Феодальный владелец имел право самостоятельно составлять полный плуг, на который, как указано в документе, полагалось восемь быков. Это право являлось одной из привилегий феодала, так как крестьяне максимально могли составлять супрягу на шесть быков. Прикрываясь общинными интересами, феодал мог штрафовать в свою пользу крестьян, которые не вышли вовремя на пахоту¹⁷⁶. Кроме этих преимуществ, феодалу «когда часть избранного под пахоту поля ... остается нераспаханной ... предоставляется право распахать ее в свою пользу»¹⁷⁷. Как показывает другой документ «О распределении земель Большой Кабарды», составленный в 1869 году, «такие свободные остатки князя и уздени, по неимению собственного большого хозяйства, часто сдавали в наем соседним обществам, либо уступали бесплатно тем, в услугах которых могли нуждаться»¹⁷⁸.

Особое внимание уделял вопросу о феодальной собственности на землю в дореформенной Кабарде Т. Х. Кумыков. Важное значение имели введенные им впервые в научный оборот документы: 1) «Списки землевладельцев Кабарды», составленные в 1839 году бывшим секретарем Кабардинского временного суда Я. Шардаковым¹⁷⁹ и 2) «Сведения о землях Б. Кабарды, собранные по родным показаниям полковником Петрусевичем в 1846 г.»¹⁸⁰.

В статье «К вопросу об общественном строе Кабарды накануне реформы 1861г.» Кумыков, анализируя документы XVI–XVIII веков, пришел к выводу, что для выяснения первоначального возникновения феодальной собственности на землю многое может дать правильное понимание термина «кабак», которым обычно обозначались населенные пункты феодальных владельцев. Ученый полагал, что «кабак» возник и оформился как административно-хозяйственный центр феодального владения. «Отсюда логично предположить, что раз «кабаки» с живущими в них людьми принадлежали феодалам, следовательно, и земли, которыми пользовалось население, считались принадлежащими владельцу «кабаков»¹⁸¹.

У Кумыкова не вызывало сомнений, что главной причиной междоусобной войны среди феодальной знати Большой Кабарды в XVIII веке являлась борьба за земельные владения¹⁸². Он считал, что князья (пши) и первостепенные дворяне (тлекотлеши и деженуго) владели землями на вотчинном праве, а владение землей дворянами низших категорий было условным, с обязательными несениями ими военной службы своим сюзеренам¹⁸³. На основе сведений, собранных полковником Петрусевичем, в 40-х годах XIX века в Кабарде насчитывалось около 200 феодальных владений¹⁸⁴.

Кумыков показал ошибочность мнения И. Ф. Мужева и других авторов, которые, ссылаясь на таких дореволюционных кавказоведов, как Ф. И. Леонтович и Н. Дубровин, доказывали, что в дореформенной Кабарде дарилось, продавалось и являлось наследственным только домашнее имущество, но ни в коем случае не земельные владения¹⁸⁵. «Хотя князья и уорки, владевшие собственными землями, имели право продавать или дарить их по своему усмотрению, — писал Кумыков, — это право было ограничено, с одной стороны, условиями феодального способа производства, а с другой — родовыми связями»¹⁸⁶. Вслед за Е. Н. Кушевой, которая еще на седьмой научной сессии обращала внимание на своеобразие феодального землевладения в Кабарде, Кумыков указывал, что «земли здесь, как правило, не были индивидуальной частной собственностью одного лица, а принадлежали целой феодальной фамилии». Такое своеобразие не допускало широкого развития практики купли-продажи земли, вследствие чего до нас и не могло прийти значительного количества документов об этом¹⁸⁷. Кумыков считал, что такая форма владения была близкой к институту фамильно-частной собственности «сахасо» или «сасахло», которая являлась основной формой частной феодальной собственности в Грузии в эпоху позднего феодализма.

На различных примерах Кумыков дал картину постепенного захвата феодальной знатью крестьянских земель. Это вызвало ожесточенную классовую борьбу между крестьянской массой и феодалами. Являясь верховными собственниками земли, князья взимали ренту за пользование пастбищами и пахотными землями¹⁸⁸.

О своеобразии земельных отношений в феодальной Кабарде во многом свидетельствовало состояние сельской общины. Кумыков одним из первых обратил на это внимание. Ученый широко пользовался упомянутой запиской Я. Шарданова. В ней описывалось свыше 220 земельных участков, которые принадлежали отдельным землевладельцам-феодалам. Перечислялись и земли, которые находились в коллективном пользовании общинников и феодальной верхушки. Они подвергались периодическим переделам, прекратившимся к 50-м годам XIX века¹⁸⁹. Записка Я. Шарданова выделяла и так называемые «общенародные земли», т.е. не поделенные, которые лежали по рекам Женалке, Малке, двум Золкам и Этоко¹⁹⁰. По существу, это были пастбища, составлявшие незначительную часть полезно используемых земель в Кабарде.

Таким образом, складывалась довольно сложная картина: «С од-

ной стороны, существовали земли, находившиеся в феодальном владении, но отдававшиеся в пользование зависимым от них крестьянам за феодальную ренту, а с другой – имелись земли, которые находились в общем пользовании крестьян и феодалов; хотя последние имели свои феодальные владения, но они не порывали экономически личных связей с общиной, продолжали быть связанными с ней»¹⁹¹. Это говорило о незавершенности процесса феодализации в дореформенной Кабарде.

Кумыков останавливался на причинах неопределенности земельных прав кабардинских феодалов в первой половине XIX века. Главной, по его мнению, было отсутствие письменных актов на владение землей. Во многом эти права оказались запутанными из-за внутренней политической обстановки в Кабарде с конца XVIII века – вплоть до 50-х годов XIX века. Многие земли умерших во время чумы феодалов, а также погибших или бежавших в ходе восстаний 1822–1825 годов против царской администрации, произвольно захватывались другими феодалами. Часто бывало, что вернувшиеся в Кабарду беглые феодалы вступали в борьбу за свои прежние земли¹⁹². Все эти моменты во многом усложняли и запутывали право кабардинской знати на землю.

Таким образом, используя новые архивные документы, Кумыков показал существование в первой половине XIX века наряду с феодальной собственностью общинного владения землей, однако им не был поставлен вопрос об их соотношении.

Кумыков уточнил ряд моментов в изучении сословно-классовой структуры кабардинского общества в первой половине XIX века. Он указал необходимость разграничения тлекотлешей и деженуго с беслан-уорками и уорками шаутлугусами. В русских документах XVIII – первой половины XIX века и дореволюционной кавказоведческой литературе их всех одинаково называли дворянами и разбирали их по степеням. Кумыков считал, что положение тлекотлешей и деженуго в кабардинском феодальном обществе было близко по своему положению к русским боярам¹⁹³.

Т. Х. Кумыков указал на допущенную еще Г. А. Кокиевым при подготовке публикации «Крестьянская реформа в Кабарде» ошибку в обозначении основной категории крепостных крестьян. Г. А. Кокиев исправлял в документах термин «лагунапыт» на «лагунаут», тем самым изменяя этимологию слова. Лагунапыт – значит «приделанный», «пристроенный» к дому, ко двору. Бывший тхукотл (свободный общинник) «пристраивался» ко двору князя или уорка, становясь, таким образом, зависимым от последнего¹⁹⁴.

Кумыков верно охарактеризовал место унаутов в кабардинском феодальном обществе: «категория унаутов, их отношение к орудиям и средствам производства, форма эксплуатации и правовое положение убеждают нас в том, что накануне реформ в Кабарде существовал рабовладельческий уклад в форме патриархального рабства, тесно переплетавшийся с феодальными отношениями»¹⁹⁵. По справедливому мнению ученого, унаутство являлось одной из специфических особенностей строя Кабарды, на-

личие которого свидетельствовало о незавершенности кабардинского феодализма.

Большой круг вопросов, исследованных Кумыковым в рассмотренных выше статьях, вошел в его монографическое исследование «Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии» (Нальчик, 1959).

Наблюдения, сделанные И. Ф. Мужевым и Т. Х. Кумыковым при исследовании кабардинской сельской общины, были дополнены в специальной статье М. Кантария¹⁹⁶. Она была посвящена трудовым объединениям, связанным со вспашкой земли (т.е. супряге), которая у кабардинцев называлась «здзей» или «зэдзей». Для первой половины XIX века в работе Кантария фиксировалась неравномерность труда участников супряги – количество земли крестьянина, обрабатываемого зэдзем, точно зависело от эквивалента внесенного им в нее пая¹⁹⁷.

Исключительное значение для дальнейшего развития исторической науки Кабарды имели осуществленные во второй половине 1950-х годов две публикации документов: «Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в.» и «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.»¹⁹⁸.

В первой содержались документы Кабардинского временного суда, в которых были отражены многие явления общественной жизни кабардинцев. Особенный интерес представляли документы, которые содержали сведения о наличии феодального землевладения в Кабарде, а также характеризующие взаимоотношения феодальных сословий и жестокой эксплуатации ими трудящихся масс.

Во вторую публикацию вошли документы Посольского приказа и Коллегии иностранных дел о сношениях Кабарды с Россией в XVI–XVIII веках. Прежде всего, они освещали вопросы политических связей. Но эти документы давали ценнейший материал и для исследования социально-экономического строя Кабарды в XVI–XVIII веках. Особое значение имели документы второго тома, в которых содержались просьбы кабардинских владельцев о возврате беглых крестьян, бежавших в результате усиления эксплуатации в русские города. Большая группа документов освещала экономические связи Кабарды с Россией, постепенное втягивание кабардинцев и других горцев в орбиту общероссийского рынка. При внимательном терминологическом анализе многие документы являются ценными источниками для исследования сословно-классовой структуры кабардинского феодального общества.

Указанные публикации содержали подробные сведения и ценные исторические комментарии. Осуществленные на высоком научном уровне, с учетом современных требований археологии, они оказали значительное влияние на дальнейшее развитие исторической науки в Кабарде и, в частности, в исследовании ее средневековой истории.

* * *

Подводя итоги, можно сделать вывод, что историческая наука Кабарды, развивавшаяся как неотъемлемая и составная часть советской исторической науки, достигла значительных успехов с середины 1930-х до конца 1950-х годов. В области изучения социально-экономической проблематики прошлого это проявилось в дальнейшем углублении марксистско-ленинской концепции исторического развития Кабарды, заложенной в предшествующий период.

Как было показано, на этом этапе одной из важнейших форм организации исторической науки Кабарды в разработке ее социально-экономической проблематики XVIII – первой половины XIX века явились научные сессии Кабардинского научно-исследовательского института. Как и в предшествующий период, исследуемая проблема все еще не подвергалась монографической разработке. Последняя имела место только в изучении политической истории феодальной Кабарды. Исследование социально-экономического строя Кабарды XVIII – первой половины XIX века продвинулось и в связи с подготовкой обобщающих трудов по ее истории. Важное значение в разработке исторической проблематики прошлого имела публикация источников. С 1947 по 1957 год было издано три крупных сборника документов.

По исследуемой проблеме были преодолены как модернизация, так и архаизация общественных отношений у кабардинцев, имевшие место в исторической литературе. Большинство историков к концу 1950-х годов твердо руководствовались марксистско-ленинским учением об общественно-экономических формациях и исследовали в тесной взаимосвязи явления социальной и экономической жизни. Было установлено, что в Кабарде XVIII – первой половине XIX века господствующими были феодальные отношения, осложненные патриархально-родовыми и патриархально-рабовладельческими пережитками. В итоге кропотливой работы было определено, что производный базис (сочетание довольно низкого уровня скотоводческого и земледельческого труда), лежавший в основе кабардинского общества в дореформенный период, не мог способствовать разложению феодального строя, а наоборот, укреплял его. Одним из ключевых вопросов в исследовании феодализма в Кабарде являлся вопрос о феодальной земельной собственности. Историки выяснили две главные особенности ее конкретной формы. Первая заключалась в том, что в качестве земельного собственника выступал не один владелец, а вся феодальная семья. Другая особенность выражалась в длительном существовании феодального и общинного землевладения.

В вопросе о сословно-классовой структуре кабардинского феодального общества учеными было отвергнуто выдвинутое Г. А. Кокиевым положение о необходимости выделения «хабзаншэ», «лыгавэ» и «михифатц» в качестве отдельных социальных категорий крестьянства. В исторической литературе окончательно

утвердилась правильная оценка института унаутства, который стал трактоваться в качестве одного из укладов кабардинского феодального общества. Однако выявилась и необходимость дальнейшего изучения положения различных феодально-зависимых сословий крестьянства, в особенности форм их эксплуатации.

Не подвергались еще специальному изучению патриархально-родовые пережитки, которые часто прикрывали феодальную эксплуатацию. Только первые шаги были сделаны в исследовании сельской общины.

1960 — начало 1980-х годов

С начала 1960-х годов открывается новый этап в истории советской исторической науки. Решения XX-го и последующих съездов КПСС оказали благотворное влияние на дальнейшую разработку исторического прошлого. Особенно важно, что в рассматриваемый период происходит совершенствование ее идейно-методологических основ. Серьезными достижениями ознаменовалось в этот период развитие советской исторической науки в союзных и автономных республиках нашей страны. На новую ступень была поднята научная работа и в Кабардино-Балкарии.

В начале 1960-х годов появляется ряд крупных монографических исследований, в которых значительно расширились хронологические рамки исследуемой проблемы, что свидетельствовало о возросшем уровне советского кавказоведения. К ним нужно отнести исследования таких ученых, как А. В. Фадеев, Н. Х. Тхамоков, Т. Х. Кумыков, Е. Н. Кушева, В. К. Гарданов, Т. Д. Боцвадзе и др.

Социально-экономическим отношениям горских народов в первой половине XIX века особое внимание уделил А. В. Фадеев. В монографии «Россия и Кавказ в первой трети XIX в.», вышедшей в 1961 году, были изложены основные положения, к которым пришел ученый в ходе многолетней работы. Фадеев отмечал неравномерность процесса феодализации у горских народов и делил их на две группы по степени развития феодальных отношений. Кабардинцев первой половины XIX века он относил к группе народов с наиболее выраженными признаками феодализации¹⁹⁹.

Ученый справедливо обратил внимание, что главным в уяснении социально-экономических отношений у северокавказских народов выступает вопрос о характере собственности на землю. Исследование этого вопроса, по Фадееву, затруднялось двумя обстоятельствами: «Во-первых, тем, что феодальная собственность на землю у горцев складывалась на основе фамильного владения, что затушевывало частный характер присвоения земли, а во-вторых, пребывание феодалов в составе сельских общин, в результате чего захват ими общинных земель нередко имел форму, так сказать, законного, с точки зрения общинного права, выделения земли в пользование»²⁰⁰.

А. В. Фадеев полагает, что почти повсюду на Северном Кавка-

зе общинное землевладение к началу XIX века являлось юридической фикцией, которая маскировала фактически существовавшую частную феодальную собственность. Горские феодалы, используя общинные формы землепользования, присваивали общинные земли и распоряжались ими по своему усмотрению²⁰¹.

В рассматриваемой монографии, а также в специальной статье «О социальном положении незакрепощенных крестьян у кавказских горцев в дореформенный период»²⁰² Фадеев фиксирует наличие на Северном Кавказе наряду с феодальной и общинной земельной собственностью еще и мелкой крестьянской собственности. Ее сохранение он связывал только с теми горскими обществами, у которых феодальные отношения были менее развиты и в которых еще сохранилось значительное количество незакрепощенных крестьян-общинников.

Исходя из примитивности земледельческой культуры, экстенсивного характера животноводства и отсутствия выделившегося ремесла, Фадеев делает вывод о низком уровне экономической жизни горского общества и замедленном темпе развития производительных сил народов Северного Кавказа. «А этим, — пишет он, — в свою очередь была обусловлена незавершенность процесса феодализации, выражавшаяся прежде всего в длительном сосуществовании феодальных и дофеодальных форм собственности. В частности, живучесть патриархально-общинных традиций во многом объяснялась особенностями природных условий Кавказа и спецификой хозяйственной деятельности горцев»²⁰³.

Важное значение имели наблюдения Фадеева о взаимозависимости процесса феодализации с обострением классовых противоречий у горских народов²⁰⁴. Это доказывается на конкретных примерах ряда восстаний конца XVIII века. Утверждение русского административно-судебного управления в Кабарде с конца XVIII — начала XIX века сопровождалось дальнейшим усилением феодального угнетения трудящихся горцев.

По справедливому мнению Фадеева, это вызывало слияние идей антифеодальной борьбы с идеями борьбы против самодержавия²⁰⁵.

В этом же году было опубликовано монографическое исследование Н. Х. Тхамокова «Социально-экономический и политический строй Кабарды в XVIII в.»²⁰⁶ Оно было основано на разнообразных архивных материалах, многие из которых были введены в научный оборот еще во второй томе «Кабардино-русских отношений в XVI–XVIII вв.»

Социально-экономический строй кабардинского общества XVIII века оценивается Тхамоковым как феодальный. Как и другие историки, он видит особенность феодализма в Кабарде в «фамильном» характере феодальной собственности на землю. Отметив сосуществование феодального и общинного землевладения, ученый ставит вопрос о природе крестьянской общины. Ее форма устанавливается чисто априорно: «кабардинская община в XVIII в. пребывала в стадии завершения перехода из родовой об-

щины в сельскую»²⁰⁷. Касаясь данного положения, Е. Н. Кушева справедливо заметила, что «изложение Н. Х. Тхамокова построено не столько на конкретных данных источников XVIII в., сколько на общих указаниях классиков марксизма-ленинизма, с одной стороны, а с другой – на источниках XIX в. и этнографических наблюдениях уже XX в.»²⁰⁸. Источники, привлекаемые ученым для реконструкции структуры кабардинской сельской общины, никак не могли дать ее действительного состояния в XVIII веке.

Как положительный момент надо отметить попытку Н. Х. Тхамокова дать терминологический анализ названий различных форм поселения (кабаки-къуаже, хъэблэ и т.д.) и обозначений родственных групп и большой семьи (лъэпкъ) у кабардинцев²⁰⁹. Безусловно, проведение глубокого и обстоятельного терминологического анализа в этом направлении могло многое дать по вопросу об эволюции и формах кабардинской общины XVIII – начала XIX столетия.

Значительное место отводит Тхамоков характеристике класса феодалов и крестьянства. Как показывает автор, в Кабарде XVIII века шел процесс захвата общинных земель феодалами и превращения свободных крестьян (тхукотлов) в крепостных. С другой стороны, превращались в крепостных и рабы-унауты. Согласно автору, тхукотлы считались юридически свободными еще в XVIII веке, но фактически находились в экономической зависимости от феодалов. Обычно князья выступали в роли «защитников» и «покровителей» тех аулов, в которых жили тхукотлы. Последние за это должны были выплачивать определенные подати. На наш взгляд, здесь наблюдается не экономическая, а политическая зависимость указанной категории крестьян от князей, которые являлись верховными собственниками земли и выступали носителями высшей государственной власти. Тхамоков разделяет точку зрения многих предшествующих и современных исследователей о том, что такие категории кабардинского зависимого населения, как оги и лагунапыты, являлись крепостными, которые были обязаны своим владельцам феодальными повинностями. Последние заключались в барщинных работах (обработка земли, заготовка сена и дров, уход и выпас господского скота и т.д.) и натуральных оброках (выплата сельскохозяйственными продуктами, скотом, изделиями домашней промышленности). На основе материалов обычного права и различных документов дается их перечисление²¹⁰. Но никаких новых выводов в объяснении рентных отношений у кабардинцев автор не делает²¹¹.

Рассматривая положение рабов-унаутов, Тхамоков справедливо делит эту категорию на пленников – «ясырей» и «природных холопов», или «рабов кабардинских». Если основными источниками первой группы являлись войны, в ходе которых захватывались иноплеменники, то вторые являлись представителями кабардинского феодально-зависимого населения, которые оказались в рабском положении в результате неповиновения владельцам или же вследствие долговых обязательств²¹².

Тхамоков приходит к выводу, что «конкретная форма присвоения прибавочного труда, феодальная рента для крестьян-тхукотлов была прикрыта многочисленными пережитками патриархально-общинного строя, а для крепостных крестьян-пшитлов (т.е. огов и лагунапытов. – К. Д.) она была более открытой»²¹³. В этом ученый видит одну из особенностей кабардинского феодализма.

В монографии Тхамокова специальный раздел был посвящен борьбе кабардинского крестьянства против усиливающегося феодального гнета²¹⁴. Обострение классовой борьбы в Кабарде XVIII века справедливо связывается с процессом дальнейшей феодализации, который проходил в условиях увеличения числа феодально-зависимого населения за счет свободных общинников (тхукотлов) и интенсивного усиления эксплуатации крестьян.

Положительным моментом в изучении проблем в рассматриваемый период явилось стремление ученых изучать различные формы классовой борьбы в тесном взаимодействии с социально-экономическими условиями, которыми они вызывались. Примером такой работы была обстоятельная статья В. М. Букаловой «Антифеодальная борьба кабардинских крестьян во второй половине XVIII в.», построенная на новых документальных материалах²¹⁵. Букалова считает, что в XVIII веке в Кабарде уже сложились феодальные отношения, хотя имелись и значительные патриархальные пережитки. Она ставит вопрос о социальном положении свободных крестьян (тхукотлов), выяснение которого во многом объясняло уровень феодализма в Кабарде второй половины XVIII века и причину привлечения антифеодальных выступлений трудящихся. Для этого привлекается интересный документ «Постановление о сословиях в Кабарде», который относится к началу XIX века. В этом документе перечислялись три категории зависимого населения: холопы, чагары и отпущенники («по выкупу или в награду»). Анализируя статьи «Постановления», Букалова ошибочно утверждает, что тхукотлы в отличие от холопов выступают здесь под наименованием «чагар»²¹⁶. Между тем в 24 статье «Постановления» четко разграничиваются «вольные», т.е. тхукотлы и «чагары»²¹⁷. Повинности, выполнявшиеся «чагарами» и закрепленные в данном случае обычным правом, а также последующие исследования, в частности Е. Дж. Налоевой по первой половине XVIII века, позволяют видеть в этой категории крепостных крестьян-огов. Букалова еще в 1957 году, комментируя документы о восстании в Кабарде в 1767 году, сама писала, что «словом «чагары» в русских документах обозначались кабардинские крепостные крестьяне»²¹⁸.

Автор, прослеживая, каким путем шло дальнейшее закрепощение чагар в Кабарде второй половины XVIII века, приходит к выводу, что рост феодальной эксплуатации происходил как по линии увеличения феодальных повинностей, так и усиления крепостного права (нарушение обычного права, которое разрешало переход чагар от одного князя к другому или от узденя к князю)²¹⁹.

Усиление феодальной эксплуатации, как показывает ученый, приводило к обострению классовой борьбы в ее различных про-

явлениях – бегству крепостных и зависимых крестьян в русские города и крепости, вооруженным восстаниям. Устанавливаются интересные факты о попытках совместного выступления гребенских казаков и кабардинских трудящихся против своих угнетателей²²⁰. Изучение классовой борьбы в Кабарде в XVIII веке дало возможность Букаловой сделать вывод, что развитие здесь феодальных отношений приводило к распространению крепостной зависимости на ранее свободные слои крестьянства (тхукотлов), к усилению эксплуатации уже закрепощенного населения, дальнейшего усилению классового антагонизма.

В монографическом исследовании Т. Х. Кумыкова «Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок»²²¹ была дана развернутая картина экономики кабардинского общества в первой половине XIX века. Было убедительно показано, что по мере вовлечения народов Северного Кавказа в орбиту экономического влияния России и общения с русским переселенцами, кабардинцы в более широких масштабах стали заниматься хлебопашеством. К середине XIX века земледелие уже играло весьма важную роль в хозяйственной жизни, хотя немалое значение по-прежнему имело и скотоводство. В развитии земледельческой культуры заключался большой прогресс экономики Кабарды, которая по-прежнему оставалась натурально-потребительской, с рутинной техникой и переложно-залежной системой.

Большое внимание уделяет Кумыков прогрессу развития в дореформенной Кабарде товарно-денежных отношений под непосредственным влиянием России. В рассматриваемой работе были определены этапы развития русско-кабардинской торговли, прослежена эволюция от меновой и базарной и ярмарочной торговли. Прделанная Кумыковым в этом направлении работа давала многое для определения этапов, периодов подъема и упадка в поступательном развитии экономики кабардинцев с конца XVIII до середины XIX века.

Свои взгляды на социально-экономический строй Кабарды XIX века Кумыков обобщил в большом монографическом исследовании «Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в.»²²². В нем он солидаризируется с теми учениями, которые считали, что в первой половине XIX века в Кабарде господствовали феодальные отношения, отягощенные патриархально-родовыми пережитками. Хотя, как и в предыдущих работах, Кумыков отвел много места анализу вопросов землевладения и землепользования, слабо освещенным остался вопрос о роли сельской общины в жизни кабардинского крестьянства. Ничего не было сказано о том, на каких условиях состояли в общине различные категории крестьянства. Приводя единственный дошедший до нас документ о правилах передела общинной пахотной земли, автор делает вывод, что имевшийся порядок землепользования служил интересам тех слоев населения, которые имели средства для обработки земли. Отсюда Кумыков ошибочно считает, что сельская община кабардинцев в первой половине XIX века разлагается²²³.

В освещении сословно-классовой структуры кабардинского общества ученый не делает никаких новых наблюдений по сравнению со своими прежними и установленными уже в советской исторической науке. Давая характеристику социального положения различных групп феодально-зависимого населения, он сосредоточил главное внимание на правовых, а не производственных отношениях²²⁴. Констатируется наличие двух форм феодальной ренты — отработочной и ренты продуктами, но не делается попыток проследить их эволюцию в связи с изменениями норм крепостнической эксплуатации, что является особенно важным.

Вместе с тем надо сказать, что отмеченные нами слабоизученные моменты во многом объяснялись отсутствием необходимых для их освещения источников.

Изучение истории прошлого северокавказских народов значительно продвинулось после выхода в свет книги Е. Н. Кушевой «Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI — 30-е годы XVII вв.)» (Москва, 1963). Автор в первой части работы дает тщательный анализ социально-экономического строя кабардинцев и других горских народов. Несмотря на то, что хронологические рамки исследования Кушевой не совпадают с предметом нашего изучения, трудно обойтись без материалов и ценных выводов, приводимых ею. Во многом это обусловлено методикой исследования Е. Н. Кушевой. Она изучала имеющиеся отрывочные сведения XVI–XVII веков путем сопоставления их с поздними источниками XVIII — первой половины XIX века, которые давали более подробную картину социально-экономического положения Кабарды. Такой метод позволял, с одной стороны, проследить эволюцию социально-экономических процессов на протяжении трех столетий, а с другой, зафиксировать консервацию многих явлений.

По мнению Кушевой, уже источники XVI–XVII веков не оставляют сомнений в наличии в Кабарде этого времени классового феодального общества²²⁵. Изучая хозяйство кабардинского общества, ученый выделяет ряд главных моментов, которые привели к устойчивости здесь натурального хозяйства — большое значение скотоводства, переложная система земледелия, подвижность поселений в силу политических и военных обстоятельств, отсутствие городов как центров сосредоточения ремесленного и торгового населения²²⁶. Это привело к складыванию своеобразных феодальных отношений с сильными патриархально-родовыми пережитками.

В работе Кушевой содержится ценный опыт по реконструкции социальной структуры кабардинского общества и норм обычного права применительно к XVI–XVII векам. В источнике этого времени проходят те же категории кабардинской феодальной знати, которые известны и в значительно более поздний предреформенный период. Во главе феодальной лестницы стояли князья (пши), которым подчинялись на принципах вассалитета дворяне (уорки или уздени) разных степеней. Более того, наиболее известные

фамилии княжеских и первостепенных дворянских семей сохраняли без изменений свое влияние на протяжении XVI – первой половины XIX века²²⁷.

Е. Н. Кушева отмечает, что до конца XVIII века в феодальных слоях населения Кабарды духовенство не играло особой роли²²⁸.

Автором внимательно изучен вопрос о феодальной земельной собственности. До конца XVIII века ее основным видом были неразделенные владения больших княжеских семей, каждый из которых владел группой поселений (кабаков). Согласно Кушевой, в таких княжеских владениях феодалы и члены его семьи выступали верховными собственниками всей земли и могли распоряжаться как пастбищными, так и пахотными участками²²⁹. Частная феодальная собственность начала заметно развиваться с XVIII века, отчасти под влиянием русских порядков и царских земельных пожалований. В первой половине XIX века она имела уже широкое распространение²³⁰.

В вопросе о крестьянской общине Кушева подвергает сомнению формулировку Т. Х. Кумыкова, что кабардинский кабак возник и оформился как административно-хозяйственный центр феодального владения. Привлекая ландкарту Кабарды 1744 года, на которой наряду с «деревнями» были нанесены «дворы» ряда князей, стоявших обособленно, она полагает, что «кабардинские кабаки – къяуже возникли как поселения крестьянской общины в той или иной форме»²³¹. На основе анализа различных документов XVIII века Кушева приходит к выводу о существовании в этот период в Кабарде вместе с семейными и патронимическими общинами и сельской, соседской общины²³².

Для XVI–XVII веков устанавливаются различные разряды кабардинского феодально-зависимого населения. Русские источники этого времени обозначали их как «черные люди», «ясашные люди», «деловые люди», «пахотные люди», «ясыри»²³³. Названия «черные люди» и «ясашные люди» Кушева относит к разряду свободных крестьян, которые в поздних источниках определялись как «вольные земледельцы» и «тлхукотлы». Она считает, что их положение в XIX веке было близким к положению крепостных крестьян²³⁴. Записи обычного права первой половины XIX века содержали подробное перечисление барщинных и оброчных повинностей крепостных категорий – огов и лагунапытов.

«Все приведенные сведения не оставляют сомнений в том, – пишет Кушева, – что в Кабарде XVI–XVII вв. существовало классовое общество, где крестьянство, непосредственные производители, эксплуатировались феодалами – верховными собственниками земли, путем отработочной ренты и ренты продуктами»²³⁵. Таким образом, социально-экономический строй Кабарды в XVI–XVII веках Кушева определяет как феодальный с сохранившимся патриархально-родовым укладом. Устанавливается ряд патриархально-родовых пережитков, которые использовались феодалами для укрепления власти над зависимыми слоями населения – это обычай, по которому князя (пши) считались неприкосновенными для

лиц из других сословий, обычаи аталычества, побратимства, куначества, гостеприимства, кровной мести²³⁶.

В изучении особенностей кабардинского феодализма Кушева обращает внимание исследователей на необходимость дальнейшего изучения форм землевладения, крестьянской общины, положения феодально-зависимых слоев, прежде всего свободных общинников-тхукотлов. Даются методические указания для анализа русских письменных источников, раскрывающих социальные отношения внутри феодальных владений. «Здесь каждое указание, – пишет она, – особенно местных документов, должно быть учтено, каждый местный термин подвергнут изучению, их русифицированные формы должны быть отождествлены с местными прототипами. В других случаях, наоборот, нужно вскрывать местные отношения за привычными для русских служилых и приказных людей терминами»²³⁷.

Социально-экономический строй Кабарды первой половины XIX века стал объектом исследования в работах Т. Д. Боцвадзе. Для наших целей особенно важна его итоговая работа «Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX в.», опубликованная в 1965 году. Автор рассматривает, в основном, три главных вопроса: господствовавшие формы землевладения, социальные отношения и хозяйственное развитие.

Изучая формы землевладения, Боцвадзе касается, прежде всего, феодальной земельной собственности. Отвечая на вопрос о причинах неопределенности «земельных прав кабардинских владельцев», поставленный Т. Х. Кумыковым, Боцвадзе считает, что главная из них заключалась не в отсутствии письменных актов на владение землей, а в существовании в Кабарде, с одной стороны, чересполосных владений, а с другой – аульной общины²³⁸.

Ученый приводит многочисленные архивные материалы, в которых содержались акты о продаже и покупке земли, о ее дарении или конфискации, о наследстве и т.д., что, по его мнению, не оставляет сомнения в существовании в Кабарде первой половины XIX века феодальной собственности на землю. Боцвадзе справедливо отмечает прогрессивность развивавшегося в среде господствующего класса индивидуальной частной собственности по сравнению с фамильным принципом владения землей. По его мнению, главной разницей этих двух форм являлась разность в степени эксплуатации крепостных крестьян, хотя это положение не подкрепляется фактическим материалом²³⁹. Вряд ли при той низкой производительности труда, которая имела место в Кабарде первой половины XIX века, степень эксплуатации особо различалась. Существующие же источники свидетельствуют о том, что эти две формы различались прежде всего степенью отчуждения земельной собственности и подвластного населения. Многие документы, некоторые из которых приводятся и Боцвадзе, показывали, что акты продажи, дарения и сдачи в наем земельных участков чаще практиковались в феодальных семьях, где земельная собственность уже была разделена между ее членами.

Особенность феодального землевладения в Кабарде заключалась, по мнению Боцвадзе, и в том, что в рассматриваемый период хотя и шел дальнейший процесс распада фамильной частной собственности, но индивидуальная частная собственность еще не была преобладающей формой²⁴⁰.

В качестве крупных землевладельцев в Кабарде выступали князья (пши) и первостепенные дворяне (тлехотлеши и деженуго), которые регулярно выплачивали так называемую узденскую дань (уорктын) своим вассалам — дворянам (уоркам или узденям) низших степеней. Последние за это служили своим сюзеренам. Боцвадзе ссылается на статью 20 записей обычного права, которая закрепляла описанную систему вассалитета²⁴¹. Различие между узденями, которые поселились на княжеских землях и пользовались ими с обязанностью нести военную службу, и узденями, имевшими свои собственные земли (т.е. первостепенными дворянами. — К. Д.), было в том, что первых «князь мог согнать со своей земли», а у вторых «князь не вправе отнять родовую землю»²⁴². В узденскую дань (уорктын) наряду с оружием, скотом и т.д. входил земельный надел, иногда населенный пункт. Боцвадзе определяет узденскую дань в Кабарде первой половины XIX века как «один из видов бенефиция, классическая форма которой была лишь переходной к лену»²⁴³. Автор, исходя из конкретных примеров, делает интересное наблюдение, что «владельцы узденской дани стремились превратить полученные земли в частную собственность, которое наталкивалось на сопротивление верховных собственников»²⁴⁴.

Наряду с феодальным, у кабардинцев продолжало сокращаться общинное землевладение. Кабардинскую аульную общину Боцвадзе считает одной из специфических форм сельской общины с периодически переделываемыми пахотными землями²⁴⁵. Объяснение причин ее долгого существования у автора совпадает со взглядами, уже высказанными в предшествующей литературе, например в работах А. В. Фадеева, Е. Н. Кушевой и Т. Х. Кумыкова.

Боцвадзе полагал, что кроме феодального и общинного землевладения в Кабарде имела место и третья форма — «малокрестьянская индивидуальная собственность»²⁴⁶. Последняя подразумевала существование аллода. Это никак не могло сочетаться с описанными ученым порядками земельных переделов в кабардинской сельской общине²⁴⁷. Для доказательства своей точки зрения Боцвадзе не приводит какого-нибудь конкретного материала.

В вопросе о социальных отношениях кабардинского общества Боцвадзе свою задачу видит в разборе различных форм господства и подчинения, возникших на основе земельных отношений, и показ их в процессе дальнейшего развития феодального строя.

Обосновывая тезис о том, что земельная собственность в Кабарде являлась экономической основой прикрепления крестьян к землям феодалов, благодаря чему существовали различные формы и методы внеэкономического принуждения и осуществлялась

эксплуатация крестьян, Боцвадзе выясняет особенности этого процесса в исследуемом конкретном случае. Учитывая, что скотоводство долгое время доминировало в хозяйственной жизни кабардинцев, он обращает внимание на двойственную роль скота как продукта труда и потребления и как средства производства, хотя и не основного. Отсюда, согласно автору, становилось понятным, почему наделение скотом нуждающегося скотовода-крестьянина также являлось одним из средств прикрепления его к земле. Этот момент долгое время не учитывался в исторической литературе и отдельные спорные вопросы в дискуссиях конца 1940-х – начала 1950-х годов в определенной степени были вызваны и этим.

Анализ положения различных категорий феодально-зависимого населения (унаутов, огов, лагунапытов, азатов-вольноотпущенников) в целом совпадал с оценкой, имевшейся в исторической литературе. Верно отметив источники образования категории унаутов (за счет военнопленных и низведенных до рабского состояния крепостных крестьян), форму их эксплуатации автор определяет как патриархальное рабство²⁴⁸. Лагунапыты и оги характеризуются как крепостные крестьяне, эксплуатация которых осуществлялась в форме барщины и оброка. Заслугой Боцвадзе являлась предпринятая им впервые в исторической литературе попытка определения разницы производственного положения названных двух категорий крепостных в связи с различиями в формах их эксплуатации. Хотя указанные формы ренты сочетались, повинности, выполнявшиеся лагунапытами, свидетельствовали о преобладающем значении отработочной ренты в их эксплуатации. У них почти не было дней, свободных от работы в господском хозяйстве, фактически они все время работали на своих владельцев. Последний часто был обязан брать на себя заботу об их содержании. Их отработочная рента принимала форму рабского труда, подобного труду унаутов²⁴⁹.

Но лагунапыты, в отличие от унаутов (патриархальных рабов), имели право на личную собственность в форме скота. Эта собственность могла выступать в двух видах: 1) собственность, принадлежащая лагунапытам, на которую владелец не имел «никакого права», 2) «собственность зависимая, частью принадлежащая владельцу». Первая называлась «начах» – «наках» и «десерег» – «дешериг», вторая – «дидовосбелым»²⁵⁰. «Начах» – «наках» в переводе с кабардинского означал «венчальный подарок». Когда лагунапыт вступал в брак, владелец давал ему подарок от трех до пяти рублей, или же дарил телку такой стоимости, приплод от которой становился личной собственностью жены лагунапыта. «Десерег» – «дешериг» означал подарок от родных лагунапытки, выходящей замуж. Десерег состоял из одной коровы, приплод от которой также принадлежал женам лагунапытов, а в случае их смерти переходил по наследству к их мужьям и детям²⁵¹.

Второй вид собственности – «дидовосбелым» – был зависим от владельца, которому принадлежала большая часть. Лагунапыт без согласия владельца не имел права «ни менять, ни продавать скот,

составляющий дидовосбелым, и вообще распоряжаться им каким бы то ни было образом»²⁵².

Форма эксплуатации огов была несколько иной. По отношению к ним господствующей была продуктовая рента при наличии ограниченного числа барщинных дней, что давало им возможность расширить самостоятельное хозяйство²⁵³. Оги, как и лагунапыты, имели право на перечисленные выше две формы личной собственности на скот. Формы его приобретения были одинаковы для обоих разрядов крепостных крестьян. Но имелась существенная разница в их содержании. Если ог содержал скот, входящий в «наках», «дешериг» и «дидовосбелым», за свой счет, то лагунапыт содержал его за счет своего владельца. Это вытекало из того, что ог обязан был владельцу «только 5-ю полевыми рабочими днями», тогда как лагунапыт обрабатывал господскую землю «без ограничения рабочих дней и исполнял все работы на быках владельца и своих»²⁵⁴.

Различным было и производственное положение лагунапытов и огов в структуре сельской общины. Оги при земельных переделах, в отличие от лагунапытов, «имели право на отдельный пай для пахоты, покоса и кутана»²⁵⁵. По обычаям, лагунапыты тоже имели право пользоваться общинной землей. Но их экономическое положение не позволяло им реализовать это право, и они были представлены в структуре сельской общины только косвенно, через своих владельцев.

Накануне крестьянской реформы в Кабарде количество лагунапытов составляло свыше 10 тысяч человек, а огов – всего 75. Получалось, что основная доля крепостнического труда осуществлялась методом барщины. Т. Д. Боцвадзе считает, что это обстоятельство свидетельствовало о низком уровне развития феодальных отношений²⁵⁶.

Азаты-вольноотпущенники характеризуются как лично свободные, но экономически зависимые от своих господ²⁵⁷. К сожалению, автор не делает никаких попыток по определению удельного веса этой категории зависимых крестьян. Между тем этот момент дает возможность выявить интересующую нас тенденцию в количественных изменениях различных категорий феодально-зависимых и крепостных кабардинских крестьян на протяжении первой половины XIX века. В «Списках Большой и Малой Кабарды князьям и первостепенным узденям, так и ведомости всему народу, в Кабарде живущему, исключая женского полу», составленных в 1825 году, говорилось, что «в обеих Кабардах князей 50, узденей 300, второстепенных 234, третьего и четвертого классов 2499, вольных 4404, чагар (т.е. огов. – К. Д.) княжеских узденских 1302, холопов 4667, дворовых слуг 154. Всего 13 611 человек»²⁵⁸.

Таким образом, в 1825 году огов мужского пола насчитывалось 1302 человека. Перед крестьянской реформой в Кабарде их оставалось всего 15 семей. По «Спискам», в 1825 году «вольные», т.е. азаты, составляли 38,4% общего населения Кабарды. Спустя 20 лет в рапорте начальника центра Голицына временно команду-

ющему войсками Кавказской линии и Черномории Завадскому сообщалось, что в Кабарде «две трети населения составлены из вольноотпущенных людей, не имеющих ... права от владельцев своих»²⁵⁹.

Как видно из приведенного материала, в дореформенной Кабарде количественные изменения в среде кабардинского крестьянства происходили за счет уменьшения численности огов и увеличения численности азатов-вольноотпущенников.

Отмеченное выше положение Боцвадзе о сохранности в Кабарде первой половины XIX века мелкой крестьянской индивидуальной собственности привело ученого к неверному выводу о существовании здесь архаического слоя свободных крестьян (тхукотлов)²⁶⁰. На этой точке зрения особо останавливаться нет смысла, так как она не была достаточно аргументирована автором.

Господствующий класс Кабарды разграничивался Т. Д. Боцвадзе на шесть категорий: князей (пши), дворян первой степени (тлечкотлешей и деженуго), дворян второй степени (беслан-уорков), дворян третьей степени (уорков-шаутлугусов) и дворян четвертой степени (пшикеу). В отношении социально-экономического положения кабардинской феодальной знати ученый доказывает уже известные положения. Некоторые новые соображения были высказаны касательно сословий деженуго и пшикеу. Если Е. Н. Кушева и Н. Х. Тхамоков считали деженуго в XVI–XVIII веках беслан-уорками, то Боцвадзе доказывает, что в первой половине XIX века это сословие приблизилось по своему социально-экономическому положению к тлечкотлешам²⁶¹.

Категорию пшикеу Т. Д. Боцвадзе вводил как самую низкую социальную ступень в структуре господствующего класса. Выяснение действительного места пшикеу остается до сих пор до конца не решенным вопросом. Такие историки, как Г. А. Кокиев, С. А. Комиссаров, Ф. И. Мужев, Т. Х. Кумыков не считали пшикеу социальной категорией феодального класса. Н. Х. Тхамоков представлял их состояние к началу XIX века как переходное к феодальному классу.

Пшикеу, по Боцвадзе, – это бывший бейголь, который вышел из этого состояния по особой милости князя. Можно согласиться с тем, что бейголи и пшикеу по существу являлись дружинниками князя, исполнявшими полицейские функции для поддержания господства над феодально-зависимым населением²⁶². Они, наверное, выполняли роль сборщиков налогов, штрафов, посыльных, были также телохранителями князей. Но существующие источники не проливают свет на то, были ли пшикеу в первой половине XIX века уже оформившейся социальной категорией феодального класса.

Рассмотрение вопросов, связанных с освещением основных отраслей хозяйственной жизни кабардинцев, приводит Т. Д. Боцвадзе к выводу, что сдвиги в направлении перехода от полуоседлого быта к земледелию и сенокосению начались с конца первой четверти XIX века. А до этого земледелие было как бы дополнением к основной отрасли хозяйства – скотоводству²⁶³. Трудно спо-

речь с тем, что скотоводство оставалось вплоть до середины XIX века одним из ведущих занятий кабардинцев. Но тезис о «переходе от полуседлого быта к земледелию и сенокосению с конца первой четверти XIX в.» нам кажется неубедительным. Можно сослаться на многочисленные документы XVI–XVIII веков, опубликованные в сборнике «Кабардино-русские отношения». Они ясно показывают на занятие кабардинцев в этот период пашенным земледелием и сенокосением. Этот вопрос был подробно освещен применительно к XVI–XVII векам, в рассмотренной выше работе Е. Н. Кушевой.

В результате изучения социально-экономического строя Кабарды первой половины XIX века Т. Д. Боцвадзе пришел к выводу, что существовавшие здесь отношения соответствовали высшей ступени раннего феодализма, имея все возможности для перехода к стадии развитого феодализма, несмотря на то, что феодальные порядки в определенной степени были завуалированы сохранившимися в быту многочисленными патриархально-общинными пережитками²⁶⁴.

Особенно значительную работу в исследовании социально-экономического строя кабардинцев и других адыгских народов проделал известный советский кавказовед В. К. Гарданов. В опубликованном еще в 1956 году под его редакцией сборнике документов «Обычное право кабардинцев в первой половине XIX в.» содержались многочисленные комментарии, в которых ученый затронул вопросы социально-экономической жизни кабардинцев. В 1960 году В. К. Гарданов опубликовал раздел «Социально-экономический строй народов Северного Кавказа в XVIII–начале XIX в.» в издании «Народы Кавказа»²⁶⁵ и статью «Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX вв.»²⁶⁶. В перечисленных работах уже была сформулирована точка зрения ученого по рассматриваемой проблеме. В дальнейшем В. К. Гарданов проводит детальное и систематическое изучение таких вопросов общественного строя адыгов, как их расселение и численность²⁶⁷, основные черты хозяйственного строя²⁶⁸, система композиций в обычном праве²⁶⁹, пережитки дуальной организации²⁷⁰, роль так называемых «адыгских братств» в классовой борьбе²⁷¹, обычаи гостеприимства, куначества и патроната и их влияние на формирование феодальных отношений²⁷². Логическим завершением проделанной работы явилась его фундаментальная монография «Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.)» (Москва, 1967).

Основой исследований Гарданова явился огромный круг разнообразных источников. В первую очередь это многочисленный документальный материал: архивный и опубликованный. Впервые в широкий научный оборот как источник были введены труды адыгского просветителя Хан-Гирея. Особое место среди источников занимали материалы обычного права, которые были подвергнуты глубокому анализу при характеристике социальных отношений. В работе с этой группой источников Гарданову удалось сделать

важные наблюдения в результате использования новой методики, разработанной им – действующие нормы обычного права рассматривались в тесной связи с их применением в практике горского судопроизводства, например разборы на основании адатов дел между феодалами и крепостными, земельные споры и т.д.

Для оценки уровня развития кабардинского общества Гарданов рассматривает соотношение различных отраслей их хозяйства. Большое место отводится наиболее дискуссионному в исторической литературе вопросу о соотношении земледелия и скотоводства.

Привлекая обширный конкретный материал, в котором давался подробный анализ системы земледельческого и скотоводческого труда, Гарданов сделал вполне убедительный вывод о преобладающем значении скотоводства в Кабарде XVIII – первой половины XIX века как экономически наиболее выгодном хозяйственным занятии в социально-экономических условиях того времени²⁷³.

Низкий уровень экономического развития Кабарды и других горских обществ в XVIII – первой половины XIX века вытекал, как показывает В. К. Гарданов, из слабого общественного разделения труда, что влияло на развитие обрабатывающей промышленности и торговли. Рутинная техника и господство натурального хозяйства задерживали экономическое развитие народов Северного Кавказа²⁷⁴.

Такое состояние в экономике обуславливало и относительную отсталость социальных отношений. Гарданов оценивает Кабарду XVIII – первой половины XIX века как общество, в котором господствовали неразвитые феодальные отношения, опутанные густой сетью патриархально-родовых пережитков. По мнению ученого, на замедленное развитие социально-экономического процесса влияло сокращение патриархально-родового уклада, выступавшего в форме таких институтов, как кровная месть, левират, куначество, аталычество и т.д.²⁷⁵ Одновременно показывается, что перечисленные институты в XVIII – первой половине XIX века подвергались трансформации, меняли свою прежнюю социальную сущность и использовались кабардинскими феодалами в своих классовых интересах²⁷⁶. Гарданов отмечает, что «в Черкесии феодализм все еще находился на первоначальных ступенях своего развития и не мог освободиться от прикрывавшей его патриархальной оболочки»²⁷⁷.

Определяя сущность и специфику феодальных отношений, ученый исходит из характеристики существующих в кабардинском обществе форм собственности и эксплуатации. Гарданов внес значительный вклад в выяснение характера феодальной собственности на землю в Кабарде.

Если другие источники только констатировали наличие различных принципов феодального землевладения, то Гарданов на примере судебных дел с применением записей обычного права, а также анализируя списки землевладельцев Кабарды, составленные Я. Шардановым (1839) и полковником Петрусевичем (1846), дает картину того, как постепенно «фамильная» феодальная зе-

мельная собственность уступала место индивидуальной частной собственности феодалов на землю²⁷⁸. Княжеское и узденское землевладение в Кабарде первой половины XIX века все более приобретало индивидуальный характер. Гарданов обращает внимание на факт более быстрого распада фамильной феодальной собственности у князей и первостепенных узденей, которые являлись верховными собственниками земли, могли распоряжаться ею более свободно, чем их вассалы – уздени низших степеней. Работа, проводимая Гардановым, опровергала отмеченное выше мнение Т. Д. Боцвадзе, что в первой половине XIX века в Кабарде «индивидуальная частная собственность феодалов еще не была преобладающей формой».

Рассматривая феодальную земельную собственность, Гарданов дал широкую картину захвата князьями и дворянами общинных земель. Он показывает, что наличие общины почти уже не стесняло феодальную знать в распоряжении землей, принадлежащей жителям данного аула²⁷⁹. Ученый полагает, что общинные земли в Кабарде к первой половине XIX века по существу являлись уже феодальной собственностью владельцев населенных пунктов.

В рассматриваемой нами работе содержатся подробные описания иерархического деления кабардинского феодального класса, его соподчиненность²⁸⁰. Впервые в исторической литературе дается наглядная картина набегов и междоусобных войн²⁸¹.

Следствием существования феодальной земельной собственности в Кабарде XVIII – первой половины XIX века являлась феодальная зависимость в эксплуатации крестьян. Обычное право кабардинцев уделяло особое внимание регламентации феодальной эксплуатации крестьянства. В адатах в подробной форме были определены права и обязанности различных категорий феодально-зависимого населения.

Раздробленность адыгского крестьянства на многочисленные разряды и категории, по мнению ученого, свидетельствовала о том, что феодальные отношения находились еще на сравнительно ранней стадии своего развития²⁸². Особенно детально Гарданов характеризует общинников (тхукотлов) и две группы крепостных крестьян (огов и лагунапытов).

Состояние тхукотлской массы в первой половине XIX века дается в общеадыгском масштабе. Автор считает, что они юридически считались свободными, но по своему экономическому положению уже приблизились к положению феодально-зависимых крестьян и выполняли в пользу крупных владельцев разнообразные натуральные и отработочные повинности²⁸³. Норма феодальной зависимости и эксплуатации тхукотлов еще не была окончательно определена обычно-правовыми нормами. Экономическая зависимость тхукотлов от владельцев населенных пунктов, в которых они проживали, носила, согласно Гарданову, прежде всего поземельный характер²⁸⁴. Он исходит из того, что князья считались верховными собственниками всех земель, на которых жило

подвластное им население, и имели по обычаю право употреблять для работы по своему хозяйству тхукотлов всех «покровительствуемых ими аулов». Однако работа на князя считалась преимущественной обязанностью тхукотлов, живших в одном с ним ауле, так как по отношению к ним князь выступал не только как верховный собственник земли, но и как их непосредственный владелец. На таких же правах могли использовать труд тхукотлов и уорки²⁸⁵. Уорк не мог воспользоваться этим правом в том случае, когда в этом же ауле кроме него проживал и князь, так как в этом случае монопольное право на эксплуатацию тхукотлов принадлежало князю²⁸⁶. Поземельный характер зависимости тхукотлов подчеркивался и тем, что по обычному праву они при переселении в другой аул переставали выполнять какие-либо повинности в отношении прежнего владельца, но немедленно вступали в зависимость от владельца аула, в котором поселились²⁸⁷.

Как показывает Гарданов, наряду с отмеченной экономической зависимостью, обычное право устанавливало личную зависимость тхукотлов от владельцев аула, в которых они жили. Личная зависимость, по мнению автора, маскировалась в данном случае как отношения «подданства» и «покровительства» со стороны князя или уорка. Последние удачно пользовались старинными обычаями гостеприимства, куначества и т.п. в эксплуатации тхукотлской массы²⁸⁸. Например, часто феодальная эксплуатация облекалась в форму обычной взаимопомощи соседей, а не выступала как повинность²⁸⁹.

К сожалению, в большинстве случаев Гарданов строит свой анализ на материалах о западных адыгах. Конкретный материал по Кабарде приводится сравнительно редко. Так, прослеживая процесс стирания сословных границ между массой рядовых тхукотлов и крепостными, ученый на материалах Кабардинского временного суда дает картину того, как в первой половине XIX века старые нормы адата, признававшие право на сохранение юридической свободы за женщинами-тхукотлами, ставшими женами крепостных крестьян, фактически постоянно нарушались. Выдача замуж женщин-тхукотлов за крепостных крестьян приводила к закрепощению этой женщины со всем потомством²⁹⁰.

Гарданов обстоятельно разбирает в своей работе положение двух основных категорий крепостных крестьян – огов и лагунапытов. Устанавливается, что оги всегда жили особыми дворами за пределами господской усадьбы, тогда как лагунапыты жили на территории усадьбы своего господина, хотя и имели свои дома²⁹¹. На это отличие обращал внимание еще Хан-Гирей, материалы которого широко привлекаются Гардановым.

Заслуга автора анализируемой работы состояла в том, что он впервые так четко и ясно показал, как указанное внешнее отличие влекло за собой другие, более существенные. В частности, в том, что «ог всегда вел свое особое хозяйство (в том числе обязательно имел свою, отдельную от господина, запашку), выплачивая господину определенный натуральный оброк и выполняя сравни-

тельно незначительную барщину, тогда как лагунапыт не всегда мог иметь свое хозяйство, отдавая в таком случае весь свой труд господину и получая от него хлеб и другое продовольствие для себя и своей семьи»²⁹².

Гарданов подробнее останавливается на положении и формах эксплуатации лагунапытов, которые составляли основную массу крепостных накануне крестьянской реформы в Кабарде²⁹³.

От уточнил важный момент, что только в период пахоты, покоса сена и жатвы хлеба продовольствие работающим в поле лагунапытам доставлял их господин. Во все остальное время лагунапыты и их семьи кормились за счет собственных припасов, если только владелец совершенно не лишал их возможности вести собственное хозяйство²⁹⁴.

Анализируя материалы обычного права, В. К. Гарданов показывает, что крестьянские повинности в пользу феодалов существовали в виде отработочной и продуктовой ренты. Это свидетельствовало, по его мнению, о том, что кабардинцы прочно стояли на феодальном пути развития. В. К. Гарданов считает, что у кабардинцев наиболее распространенной формой ренты к началу XIX века была продуктовая, которая отчасти уже вытеснила отработочную ренту²⁹⁵. Но, на наш взгляд, это положение недостаточно аргументировано. Такой вывод можно сделать лишь проследив различия в динамике процентного соотношения оброчных и барщинных крестьян. В. К. Гарданов же не приводит данных на конец XVIII – начало XIX века, которые бы показали, что по числу крепостных удельный вес оброчной формы феодальной эксплуатации был выше удельного веса барщины.

Изучая действовавшую в Кабарде XVIII – первой половины XIX века систему композиций (имущественные платежи, составляющие основную форму наказаний всех юридически свободных членов общества за любые преступления), Гарданов показал, что общественные отношения здесь носили глубоко антагонистический характер. Определяя размер материального возмещения, система композиций, как видно из работы, составляла важнейшую часть обычного права адыгов. В исследуемый период она носила безусловно феодальный характер, подтверждением которого выступала регламентированная школа возмещений в зависимости от словесной принадлежности потерпевшего²⁹⁶.

Исходя из всего изложенного, можно сделать вывод о том, что В. К. Гарданов оценивал социально-экономический строй Кабарды XVIII – первой половины XIX века как раннефеодальный.

Серьезной исследовательской работе, проделанной историками в изучении различных проблем дореволюционной истории кабардинцев, был подведен итог в обобщающем издании «История Кабардино-Балкарской АССР» (Т. 1. Москва. 1967). Главы книги, освещающие социально-экономический строй Кабарды XVIII – первой половины XIX века, были написаны на основе проведенных многочисленных изысканий и учета достижений советской исторической науки В. К. Гардановым и Т. Х. Кумыковым. Обобщения,

сделанные в «Истории Кабардино-Балкарской АССР», свидетельствовали о заметном шаге в дальнейшем изучении исследуемой проблемы. Названные авторы особенно удачно показали положительное влияние, оказанное Россией на историческое развитие Кабарды в таких областях, как экономика и культура.

В 1969 году в печати появились материалы совещания, посвященные вопросам возникновения феодализма у народов СССР, которое проходило в июне 1964 года в г. Москве. Е. Н. Кушева, принимавшая участие в его работе, отметила в своем выступлении, что одной из основных причин медленного социально-экономического развития народов Северного Кавказа являлись господствовавшие у них условия хозяйственной жизни, которые не давали возможности вести сколько-нибудь расширенного воспроизводства. Как и в предыдущих своих работах, она привлекла внимание к тому, что еще в XVI–XVII веках феодальная земельная собственность у северокавказских народов выступала как верховная собственность феодальных фамилий и родов²⁹⁷.

Статьи Е. Дж. Налоевой, вышедшие в конце 1960-х – начале 1970-х годов освещали отдельные вопросы социально-экономического и государственно-политического строя Кабарды в первой половине XIX века²⁹⁸. Автор взял для исследования узкий хронологический период и на основе новых архивных данных внес определенность во многие не до конца ясные вопросы социально-экономического строя кабардинцев. Хронологический период, выбранный Налоевой, был интересен тем, что на этом отрезке истории внутреннее устройство Кабарды оставалось самобытным и на него еще не оказывали заметного влияния соседние государства. Результаты, к которым пришла Е. Дж. Налоева, взятые в сравнении с исследованием Е. Н. Кушевой по XVI–XVII векам и большой группой работ по периоду конца XVIII – первой половины XIX века, позволяют составить цельную картину социально-экономического развития Кабарды на протяжении трех столетий. Е. Дж. Налоева на материалах первой половины XVIII века показывает, что в Кабарде существовала в полной силе, отмеченная еще и предыдущими историками, сложная иерархическая форма землевладения, следствием которой была многоступенчатая социальная структура кабардинского общества. Тщательный анализ сведений ландкарты Кабарды 1744 года и существующих комментариев к ней позволил Налоевой сделать утвердительный вывод о том, что кабардинские князья (пши) и дворяне первой степени (тлехотлеши и деженуго) владели землей на вотчинном праве, а мелкопоместные дворяне (беслан-уорки и уорки-шаутлугусы) – на праве условного держания²⁹⁹.

На большом материале прослеживаются корни зарождения частной «семейной» собственности внутри «фамильной»³⁰⁰.

В анализе социально-экономического положения различных категорий зависимого населения и господствующего класса Налоева, уточняя ряд частных моментов, в целом солидаризуется с выводами других историков. Ценным является сделанный ученым анализ

формы эксплуатации в ведущих отраслях хозяйства (скотоводстве и земледелии) Кабарды первой половины XVIII века: «Господствующей формой присвоения прибавочного продукта в земледелии служила продуктовая рента, хотя доля барщины и здесь была значительной. В скотоводстве доминировала отработочная рента. В последнем применялся и дофеодальный способ эксплуатации, то есть труд ясырей (купленных пленников)»³⁰¹. Как и предыдущие авторы, она считает господствующей натуральную ренту по отношению к огам (в источниках первой половины XVIII века проходили как «чагары») и отработочную ренту среди лагунапытов. Налоева делает примерный подсчет удельного веса огов (чагаров) и полагает, что они составляли в первой половине XVIII века основную массу зависимого населения³⁰². Исходя из данных, приводимых Налоевой, и данных, имеющих на первую четверть XIX века, можно сделать вывод о том, что в эволюции феодальной земельной ренты в Кабарде XVIII – первой половины XIX века наблюдается тенденция к уменьшению доли ренты продуктами и росту удельного веса барщины.

Изучение вопросов социально-экономического развития в Кабарде первой половины XIX века позволило Налоевой сделать вывод о господстве здесь феодальных отношений. Однако она не уточняет степень их развитости.

Наряду с установившейся концепцией, в начале 1970-х годов в советской кавказоведческой литературе были выдвинуты новые точки зрения по проблемам генезиса и становления феодальных отношений у народов Северного Кавказа. С одной стороны, это выразилось в первых попытках дать основные ступени развития кавказского «горского» феодализма³⁰³. С другой, наблюдается возрождение некоторых прежних взглядов, которые имели место в предшествующей историографии, но уже на новой научной основе и с иной аргументацией³⁰⁴. В последнем случае отправной точкой, на наш взгляд, послужил новый этап общеисторических дискуссий по проблемам докапиталистических общественно-экономических формаций, в частности так называемого азиатского способа производства, начавшийся в советской исторической науке примерно двадцать лет тому назад.

З. В. Анчабадзе и А. И. Робакидзе считают, что «горские народы Кавказа перед и во время присоединения к России стояли на различных ступенях раннефеодальных (патриархально-феодальных) отношений», которые «следует подразделить на три ступени (стадии) – низшую, среднюю, высшую – в зависимости от уровня развития феодализма»³⁰⁵. Кабардинское общество XVIII – первой половины XIX века они характеризуют как общество, стоявшее на высшей ступени раннефеодальных отношений. В целом это совпадало с оценкой Т. Д. Боцвадзе, высказанной еще в середине 1960-х годов. Для горских обществ, находившихся на высшей ступени раннефеодальных отношений, Анчабадзе и Робакидзе устанавливают следующие черты: «Феодальная собственность становится безраздельно господствующей, правящий класс приобретает

сложную составную структуру с отношениями сюзеренитета-вассалитета, крепостные составляют многочисленный слой общества, значительно превышающий число рабов. Свободные общинники, хотя и составляют большинство производительного населения, но едва отстаивают свою трудовую собственность и общинные права; институты общественной собственности постоянно сходят на нет («вымирающая форма владения»); классовая борьба принимает особенно острый характер («тлфокотльские революции»); элементы общественного быта и морали приобретают отчетливые классовые черты»³⁰⁶. В данном случае остается непонятным, почему при безраздельном господстве феодальной собственности свободные общинники еще составляют большинство производительного населения?

Своеобразную точку зрения по исследуемой проблеме занял Л. И. Лавров. Изменив свои прежние взгляды, согласно которым еще в XIII–XV веках «в руках кабардинской знати были сосредоточены значительные материальные ценности – земля, скот и пр.», на основе чего они эксплуатировали крестьян-сервов и невольников (по терминологии этого времени. – К. Д.)³⁰⁷, ученый в названных выше последних работах доказывает, что в Кабарде XVIII – первой половины XIX века господствовали феодальные отношения, но при этом отсутствовала частная собственность на землю.

Положения, выдвинутые Лавровым, были подвергнуты обстоятельному разбору в специальной статье Е. Дж. Налоевой³⁰⁸. С ее критическими замечаниями мы полностью согласны.

Л. И. Лавров считает, что говоря о повсеместном распространении на средневековом Кавказе земельной собственности (феодальной, общинной и частнокрестьянской), историки обычно находятся под впечатлением европейского варианта феодализма, породившего представление, что главное в феодализме – феодальная собственность на землю³⁰⁹. Согласно его взглядам, экономическая мощь господствующего класса в средние века не всегда и не везде базировалась на землевладении. Она могла основываться на военных трофеях, торговых пошлинах (в основном на военных путях сообщений и в портовых городах) и особенно дани, которую взимали не только с землевладельцев, но и с ремесленников, купцов и других слоев населения³¹⁰.

Л. И. Лавров ставит вопрос о том, «позволяют ли кавказские материалы считать, что земельная рента являлась неременной формой присвоения феодалами прибавочной стоимости и не свидетельствуют ли они, что эксплуатация нередко принимала форму дани, не связанной с землепользованием и землевладением»³¹¹. Выдвинутые Л. И. Лавровым положения не могут поколебать взгляды, что основой феодального строя является собственность класса феодалов на землю.

Новую точку зрения на характер средневековых горских обществ Кавказа выдвинул Г. А. Меликишвили. Она в известной мере исходит из его общей концепции докапиталистических обществ, и, с другой стороны, дополняет ее. Последняя была подвергнута

обстоятельному разбору в исследовании В. Н. Никифорова, где, в частности, отмечалось, что «Меликишвили, разделив с самого начала докапиталистические общества на раннеклассовые, развитые и позднеклассовые, включает в число раннеклассовых наряду с раннерабовладельческими и раннефеодальными также и азиатские»³¹². Рассмотрение указанной выше статьи Меликишвили позволяет дополнить некоторым образом приведенную Никифоровым схему — в состав раннеклассовых обществ Меликишвили включает и общества так называемого «горского» феодализма. Обосновывая это, ученый высказывает интересную мысль о типологической близости «восточного» и «горского» феодализма. Сама по себе такая постановка является важным моментом в условиях разработки советскими историками общих проблем типологизации социальных структур. Однако такие сравнения представляются нам еще несколько преждевременными. Работа по установлению типологических особенностей «горского» феодализма по существу еще только начата.

Г. А. Меликишвили пытается наметить ряд типологических признаков в структуре «восточного» и «горского» феодализма — сохранение основной массой производителей личной свободы и права на землю, управленческий характер господствующего класса, отсутствие у него в ряде случаев прав наследственной собственности на средства производства и личность производителя, распространение на Востоке и на Кавказе исламской религии³¹³. Но немногочисленные конкретные примеры, которые приводятся в статье для подтверждения названных признаков, не отражают полноты картины социально-экономического строя горских обществ, их своеобразие, без чего невозможно дать и типологии «горского» феодализма. Это отмечается и самим Меликишвили: «Конечно, каждое из горских раннеклассовых обществ требует отдельного рассмотрения — пути развития этих обществ вовсе не всегда были одинаковыми, различия между ними порой были довольно существенными»³¹⁴.

Меликишвили отмечает, что явления, характерные для «горского» или «восточного» феодализма, определяемые в советской исторической литературе как «раннефеодальные», встречаются и на раннем этапе развития феодальных отношений в западноевропейских странах³¹⁵.

Дальше мы переходим к главному положению Меликишвили. Позволим себе полностью привести цитату, в которой оно изложено. «Однако закономерно встает вопрос: следует ли понятие «раннефеодальный», возникшее в основном по материалам западноевропейского феодализма, распространять на другие формы (типы) феодальных отношений («горский феодализм», «кочевой феодализм», «восточный феодализм», последний, возможно, в очень широких хронологических рамках — начиная с древнего Востока и вплоть до внедрения капиталистических отношений). В таком случае следует констатировать стагнацию восточных, кочевых или горских обществ на одном низком уровне развития социально-

экономических отношений. Конечно, в определенном смысле это и оправдано, однако, поскольку названные формы феодализма являются самобытно, автономно функционирующими системами и в силу присущих им органических качеств почти не перерастают в развитой феодализм западноевропейского типа (в котором доминируют основанные на землевладении отношения), возможно, справедливым будет отказ от применения этого термина («раннефеодальный») в отношении отличных от западноевропейского типа феодализма. Во всяком случае, в отношении «горского феодализма» нам кажется более приемлемым использование терминов «дофеодальный», «протофеодальный», чем термина «раннефеодальный»³¹⁶.

Таким образом, с одной стороны, Меликишвили считает горские общества Кавказа одним из типов раннеклассовых обществ, уровень которых соответствует раннему этапу развития западноевропейского феодализма. С другой, предлагает рассматривать их как «дофеодальные» или «протофеодальные», относящиеся к автономно функционирующим системам. Тут имеется некоторое противоречие. На наш взгляд, проблема, поставленная Меликишвили, сводится не только к терминологическому обозначению, которое употребляется исследователями, а имеет под собой более глубокую основу. Сама по себе она не нова в советской исторической литературе, а повторяет взгляды некоторых предшествующих историков (например, А. И. Неусыхина и других) о возможности выделения особого дофеодального, нерабовладельческого, но в то же время раннеклассового строя в процессе исторического развития. Данная точка зрения находит и сегодня своих сторонников, но по существу она остается спорной и не решенной в исторической науке³¹⁷.

Выдвинутое Меликишвили положение о «дофеодальной» или «протофеодальной» стадии развития горских обществ в эпоху средневековья не нашло поддержки в советском кавказоведении*. Необходимо дальнейшая разработка типологических особенностей «горского» феодализма.

В отдельных публикациях, вышедших в начале 1980-х годов и завершающих историографию исследуемой проблемы, по существу были лишь повторены взгляды, которые установились уже в предшествующей исторической литературе³¹⁸.

Как позитивное явление можно отметить предпринятое В. Х. Кажаровым первое специальное исследование по истории сельской общины у адыгов в первой половине XIX века³¹⁹. Особенно ценным являлось сравнительное изучение сельской общины у так на-

* Единственным исключением является *Робакидзе А. И.*, который в статье «Некоторые черты горского феодализма на Кавказе» // Советская этнография, 1978. № 2. С. 24 – считал возможным применение этого понятия. Однако позже, выступая на региональной научной конференции, он все-таки пользовался понятием «раннефеодальные отношения». См. Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма народов Северного Кавказа (тезисы). Махачкала, 1980. С. 4.

зываемых «аристократических» и «демократических» адыгов в соответствии со спецификой существования у них поземельных отношений. Кажаров подробно разобрал предпосылки появления в кабардинской сельской общине земельных переделов, исследовал систему земельного регулирования и формы эксплуатации крестьян-собственников, социально-экономическую дифференциацию в их среде, взаимоотношения коллектива непосредственных производителей с феодальными владельцами, привилегии последних в системе общинного землепользования, регламентирующую роль обычно-правовых норм и формы отражения феодальной земельной собственности в общественном сознании кабардинцев.

Особенно важным наблюдением является установленная Кажаровым тесная зависимость, которая существовала между формами землепользования и типами раскладки повинностей в Кабарде первой половины XIX века. Особенности экономической жизни кабардинского общества обусловили, что общинной единицей земельного надела стало пахотное орудие и рабочий скот, а не двор или отдельная семья с учетом ее рабочего состава или количества едоков. С другой стороны, выбор рабочего скота в качестве единицы обложения был связан с определением норм феодальной ренты, что поддерживалось системой податного обложения. Как показывает Кажаров, пара быков, как единица исчисления, постоянно фигурировала в источниках, относящихся к различным сферам общественной жизни адыгов (имущественно-правовыми и брачно-семейными отношениями, к гражданским и уголовным делам, к системе композиций и т.п.) и имела экономические основания в особенностях земледельческого хозяйства³²⁰.

Кажаров пришел к выводу, что своеобразие развития сельской общины во многом определяло и своеобразие кабардинского феодального общества. Сельская община здесь являлась не только организацией непосредственных производителей, она оставалась сословно-классовой. Представители феодальной знати, являясь членами сельской общины, пользовались преимущественным правом на хозяйственную эксплуатацию наиболее удобных земельных угодий и получали при периодических переделах повышенный пай. Таким образом, феодальные владельцы совмещали в своем лице и собственника общинной земли и пользователей одного из ее участков. В этом заключается дуализм кабардинской сельской общины в первой половине XIX века. Кажаров на конкретных примерах показывает, что монополия земельной собственности кабардинских князей и дворян проявлялась в распоряжении землей не прямо, а через такое важнейшее опосредствующее звено, как сельская община. Сельская община в Кабарде первой половины XIX века уже не была верховным коллегиальным собственником, но сохраняла функции коллективного регулятора, а все ее действия контролировались властью феодальных владельцев.

Заканчивая рассмотрение историографии 1960-х – начала 1980-х годов, посвященной социально-экономическому строю Кабарды XVIII – первой половины XIX века, можно сказать, что по срав-

нению с предшествующим этапом она достигла значительных результатов. Решающее значение в этом сыграл процесс дальнейшего освоения теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма.

В эти годы наблюдалось увеличение объема и интенсивности изучения всего комплекса вопросов по исследуемой проблеме. Особое внимание в исследованиях отводилось хозяйственной жизни кабардинцев и прогрессивным изменениям в ней под влиянием России, соотношению различных типов собственности и их эволюции, своеобразию сельской общины. Продолжалось дальнейшее изучение сословно-классовых отношений в кабардинском обществе дореформенного периода и, в первую очередь, положения многочисленных категорий зависимого населения, формы их эксплуатации и связанной с этим классовой борьбы трудящихся.

Разработка учеными социально-экономической проблематики прошлого принимала новые формы. Наряду со статьями, широко практиковались обобщающие работы, а также монографические исследования отдельных важных вопросов социально-экономического строя кабардинцев.

Основная масса рассмотренных авторов высказывается за признание в Кабарде XVIII – первой половины XIX века раннефеодальных отношений. Одновременно отмечается их прогрессирующее, благодаря непосредственному влиянию России, развитие в первой половине XIX века. Сторонники данной концепции считают, что частная собственность на землю и скот играла главную структурообразующую роль в кабардинском классовом обществе. Состояние его базисных и надстроечных элементов в исследуемый период позволяет считать процесс феодализации, имевший здесь место, незавершенным.

Особенно углубленно шла разработка важнейших вопросов социально-экономической тематики – форм собственности и способов эксплуатации. Было установлено соотношение разных типов земельной собственности, как феодальной, так и общинной, прослежена эволюция первой из них. Большой конкретный материал, проанализированный историками, показал, что в Кабарде в первой половине XIX века принцип малосемейного индивидуального землевладения постепенно вытеснял неразделенные владения больших княжеских и владетельных дворянских фамилий.

Вместе с тем, отдельными исследователями были высказаны в 1970-х годах и другие точки зрения.

Л. И. Лавров считает, что в Кабарде XVIII – первой половины XIX века господствовали феодальные отношения, но при этом отсутствовала частная собственность на землю. Ученый выдвинул положение, согласно которому земельная рента не всегда является формой присвоения феодалами прибавочной стоимости, и эксплуатация зависимого населения может принимать форму дани, которая не связана с земельными отношениями.

Г. А. Меликишвили, исходя из своих общеисторических взглядов по вопросу о характере древневосточных и других раннеклас-

совых обществ, предлагает рассматривать средневековые горские общества Кавказа как «дофеодальные» и «протофеодальные». Он аргументирует это тем, что здесь мы имеем более низкую степень развития института частной собственности и поляризации классовых различий по сравнению с западноевропейскими феодальными обществами.

Концепции данных ученых находятся еще в стадии обсуждения и представляются спорными.

В исторической литературе этого периода перестал быть дискуссионным вопрос о соотношении земледелия и скотоводства в хозяйстве кабардинцев. Был сделан вполне обоснованный вывод о преобладающем значении скотоводства в Кабарде вплоть до середины XIX века как экономически наиболее целесообразного вида хозяйственной деятельности в социально-экономических условиях того времени.

На этом этапе развития советской исторической науки о Кабарде благодаря работам А. В. Фадеева, Е. Н. Кушевой, В. К. Гарданова, Т. Х. Кумыкова, Е. Дж. Налоевой и др. произошло дальнейшее совершенствование методики исследования изучаемой проблемы.

* * *

Подводя итоги изучения проблемы социально-экономического строя Кабарды XVIII – первой половины XIX века в советской историографии, можно выделить ряд основных моментов.

В первую очередь надо отметить, что развитие советской исторической науки о Кабарде, вооруженной марксистско-ленинской теорией о социально-экономических формациях, ознаменовало, по сравнению с домарксистской историографией, коренной перелом в исследовании социально-экономической проблематики прошлого.

Как показывает проделанная работа, советской историографии Кабарды были присущи общие закономерности развития советской исторической науки, составной и неотъемлемой частью которой она являлась. Вместе с тем в ее развитии имелись и своеобразные черты. Прежде всего они были вызваны особенностями становления северокавказской советской историографии, в частности спецификой ее организационных основ. На ее первых этапах в крае отсутствовали научные учреждения, которые были бы способны вести исследовательскую работу. Благодаря политике советского государства, братской помощи русских ученых и ученых других республик, эти объективные трудности были преодолены.

В 1920-х – середине 1930-х годов основным содержанием исторической науки Кабарды, как и для всей советской историографии, был процесс овладения теоретическим наследием основоположников марксизма-ленинизма. Он был тесно связан с дискуссией в северокавказской советской историографии конца 1920-х – нача-

ла 1930-х годов об отношении к научному наследию дореволюционных кавказоведов. Овладению марксистско-ленинской теорией северокавказскими историками способствовало и большое внимание к разработке социально-экономической проблематики прошлого. Уже к середине 1930-х годов отдельные ученые, в первую очередь Н. Т. Лихницкий, вплотную подошли к марксистскому осмыслению социально-экономических отношений Кабарды XVIII – первой половины XIX века. Но все-таки на первом этапе развития советской историографии Кабарды было еще сильно влияние теоретических положений, оставшихся в наследство от дореволюционного кавказоведения. Целый ряд ученых еще руководствовались в своих исследованиях идеями «экономического материализма».

На втором этапе – со второй половины 1930-х до конца 1950-х годов – очень большую роль в исследовании рассмотренной проблемы сыграли дискуссии на ежегодных сессиях Кабардинского научно-исследовательского института, результаты которых во многом определили дальнейшие успехи советской историографии Кабарды. В эти годы значительно углубился марксистско-ленинский подход к историческому развитию Кабарды в XVIII – первой половины XIX века как к определенной социально-экономической формации. Большинство ученых пришли к выводу, что здесь господствовали феодальные отношения, осложненные патриархально-родовыми пережитками. Не получила поддержки и была отвергнута точка зрения, выдвинутая некоторыми историками, согласно которой в средневековой Кабарде вплоть до середины XIX века господствующим был патриархально-родовой строй. Она являлась своеобразной модернизацией взглядов некоторых дореволюционных кавказоведов и основывалась на ряде ошибочных положений (о «кочевом» быте кабардинцев и преобладании в их хозяйстве скотоводческого труда, которому обязательно соответствовал низкий уровень экономики и примитивные общественные отношения; о существовании в Кабарде частной собственности только на скот и отсутствие ее по отношению к земле и др.).

Характерной чертой данного этапа стало введение в научный оборот большого комплекса неизвестных ранее документальных источников. Основанные на них исследования привели к выводу о господстве в Кабарде в XVIII – первой половины XIX века феодальной земельной собственности, следствием чего являлась эксплуатация крестьян в форме натуральных и отработочных повинностей.

Третий этап – с начала 1960-х до настоящего времени – ознаменован в советской историографии Кабарды значительными результатами в исследовании социально-экономического строя кабардинцев в прошлом. Важнейшее значение в этом сыграл процесс дальнейшего освоения учеными марксистского понимания сущности феодальной социально-экономической формации.

В отличие от предшествующих лет, в эти годы развернулось монографическое исследование важнейших вопросов и сюжетов социально-экономического строя Кабарды XVIII – первой полови-

ны XIX века. Позитивным моментом в развитии исторической науки республики явились подготовка и издание двухтомного обобщающего труда по истории кабардинцев.

Наибольшее распространение получил взгляд, согласно которому социально-экономический строй Кабарды в XVIII – первой половины XIX века характеризовался как раннефеодальный, основой которого являлась собственность господствующих классов на землю и скот, эксплуатация ими непосредственных производителей – крестьян. Он имел свои особенности, вызванные своеобразием производственного базиса – преобладающее значение скотоводческого труда, переложная система земледелия, отсутствие городов, развитого ремесленного производства и торговли; форм землевладения – сосуществование феодального и общинного землевладения, господство долгое время неразделенных владений больших княжеских и дворянских семей; конкретных социально-политических условий – регулярные междоусобные войны, военная обстановка в крае в связи со столкновением здесь интересов различных государств. Все это, по мнению исследователей, обусловило своеобразие в развитии феодальных отношений у кабардинцев и лишний раз подтверждает незыблемость марксистского положения о многообразии форм проявления феодализма.

Плодотворным представляется начатое в последние годы типологическое исследование общественного строя средневековых горских обществ. В ходе их выдвинуты новые точки зрения, в частности, о господстве в дореформенной Кабарде феодализма, но отсутствие здесь частной собственности на землю, а также отнесение кабардинского общества к особому типу раннеклассовых государств – «дофеодальных» и «протофеодальных». Однако признать их достаточно аргументированными еще нельзя.

ПРИМЕЧАНИЯ

Российское кавказоведение и вопросы общественного устройства

¹ Подробнее об этом см.: Дзамихов К. Ф. К характеристике русских письменных источников по истории Кабарды (XI – XVIII вв.) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984. С. 4–28.

² Гюльденштедт И. А. Географические и исторические известия о новой пограничной линии Российской империи, проведенной между рекою Тереком и Азовским морем // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб., 1790. Ч. 4. С. 174.

³ Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из путешествия акад. И. А. Гюльденштедта в 1770, 1771, 1772 и 1773 гг. СПб., 1809.

⁴ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XVIII вв. (далее: АБКИЕА). Нальчик, 1974. С. 203–209.

⁵ Там же.

- ⁶ Там же. С. 205.
- ⁷ Там же. С. 218–223.
- ⁸ Там же. С. 221.
- ⁹ Там же. С. 220.
- ¹⁰ История Российская от древнейших времен. Сочинена князь Михайлом Щербатовым. Т. 1–7. СПб., 1786. Т. 5. Ч. 1. С. 429–430; 1789. Т. 5. Ч. 2. С. 27, 53–60, 66–67, 76–77, 153, 177, 180–181, 213, 221, 290–291, 315–319 и т. д.
- ¹¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1–12. СПб., 1816. Т. 1. С. 171–172; Т. 2. С. 20–21; 1817. Т. 8. С. 226–227, 240, 252, 354, 374; 1811. Т. 9. С. 37, 46, 116, 139–140, 179, 187, 188.
- ¹² История Российская от древнейших времен. СПб., 1786. Т. 5. Ч. 1. С. 429.
- ¹³ Максимович Л. М., Шекалов А. Географический словарь Российского государства. Ч. 1–7. М., 1801–1809.
- ¹⁴ Орбели Р. Р. Кавказоведение // Азиатский музей/Ленинградское отделение Института Востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 470.
- ¹⁵ Глиноецкий Н. П. История русского генштаба. СПб., 1983. Т. 1. С. 306–307; 1884. Т. 2. С. 202, 254–255.
- ¹⁶ Там же. Т. 2. С. 202, 254–255.
- ¹⁷ Кавказский этнографический сборник (далее: КЭС). М., 1955. Кн. 1. С. 297.
- ¹⁸ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. (далее: КРО). М., 1957. Т. 2. С. 152–161.
- ¹⁹ КРО. Т. 2. № 51, 52, 63.
- ²⁰ КЭС. М., 1955. Кн. 1. С. 281.
- ²¹ КЭС. М., 1962. Кн. 3. С. 260; КЭС. М., 1958. Кн. 2. С. 193.
- ²² Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1. С. X.
- ²³ Там же. С. 89.
- ²⁴ Там же. С. 133.
- ²⁵ Там же. С. 133–134.
- ²⁶ Там же. С. 136.
- ²⁷ Там же. С. 141.
- ²⁸ Там же. С. 39.
- ²⁹ Там же. Ч. 2. С. 112.
- ³⁰ КРО. Т. 2. С. 152.
- ³¹ Там же. С. 153.
- ³² Там же. С. 153–158.
- ³³ Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. С. 114–115.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Кушева Е. Н. Народы Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М., 1963. С. 130.
- ³⁶ Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. С. 114.
- ³⁷ Там же. С. 87–88.
- ³⁸ Там же. С. 113.
- ³⁹ Там же. С. 88.

- ⁴⁰ Там же. Ч. 1. С. 47.
- ⁴¹ Там же. С. 48.
- ⁴² Там же. Ч. 2. С. 113.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ КРО. Т. 2. С. 309–310, 323–326, 327–331.
- ⁴⁵ Там же. С. 323.
- ⁴⁶ Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. С. 113.
- ⁴⁷ Там же. С. 112.
- ⁴⁸ Там же. С. 117–120.
- ⁴⁹ Там же. Ч. 1. С. 41.
- ⁵⁰ Там же. Ч. 2. С. 114.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. С. 115.
- ⁵³ Там же. Ч. 1. С. 48.
- ⁵⁴ Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб., 1790. Ч. 4.
- ⁵⁵ Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из путешествия акад. И. А. Гюльденштедта в 1770, 1771, 1772 и 1773 годах. СПб., 1809.
- ⁵⁶ АБКИЕА. С. 203–209.
- ⁵⁷ Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. С. XII.
- ⁵⁸ Там же. С. 54.
- ⁵⁹ Радожицкий И. Т. Законы и обычаи кабардинцев // Литературная газета. 1846. № 1–2.
- ⁶⁰ Дебу И. О Кавказской линии. СПб., 1829.
- ⁶¹ Новицкий Г. В Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адыге // Тифлиссские ведомости. 1829. № 22–25.
- ⁶² Венедиктов М. М. Взгляд на кавказских горцев // Сын Отечества. СПб., 1837. Ч. 21–24.
- ⁶³ КЭС. Кн. 2. С. 205.
- ⁶⁴ Сын Отечества. 1837. Ч. 21–24. С. 21.
- ⁶⁵ Там же. С. 23.
- ⁶⁶ Там же. С. 29.
- ⁶⁷ Там же. С. 57.
- ⁶⁸ Тюрго А. Размышления о создании и распределении богатства // Избранные экономические произведения. М., 1961.
- ⁶⁹ Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о равных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в разных состояниях общежителства. М., 1781.
- ⁷⁰ КЭС. Кн. 1. С. 321.
- ⁷¹ Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Кн. 21.
- ⁷² КЭС. Кн. 1. С. 358.
- ⁷³ Кавказский сборник. Кн. 21. С. 75–76, 79–81.
- ⁷⁴ Там же. С. 82–90.
- ⁷⁵ Там же. С. 91–92.
- ⁷⁶ Там же. С. 87.
- ⁷⁷ Там же. С. 100.

- ⁷⁸ Там же. С. 91–92.
- ⁷⁹ Там же. С. 130.
- ⁸⁰ Там же. С. 153.
- ⁸¹ Там же. С. 131.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же. С. 131–132.
- ⁸⁴ Там же. С. 142.
- ⁸⁵ Там же. С. 149.
- ⁸⁶ Там же. С. 144.
- ⁸⁷ Там же. С. 145.
- ⁸⁸ Там же. С. 149.
- ⁸⁹ Там же. С. 150.
- ⁹⁰ Там же. С. 91.
- ⁹¹ Там же. С. 150–151.
- ⁹² Там же. С. 64.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Там же. С. 160.
- ⁹⁵ Там же. С. 62.
- ⁹⁶ КЭС. Кн. 1. С. 359.
- ⁹⁷ Русский вестник. СПб., 1860. № 8.
- ⁹⁸ Там же. С. 517.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 521.
- ¹⁰¹ Там же. С. 537.
- ¹⁰² Там же. С. 540.
- ¹⁰³ Карлгоф Н. К. Восточный берег Черного моря (Военно-статистическое обозрение Российской империи). СПб., 1853. Т. 14. Ч. 10.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 20.
- ¹⁰⁵ Русский вестник. СПб., 1860. № 8. С. 525–526.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 526.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 527.
- ¹⁰⁹ Там же.
- ¹¹⁰ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 324.
- ¹¹¹ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Тифлис, 1861. Это было первое отдельное издание работы. Извлечения из нее впервые были напечатаны в газете «Закавказский вестник». 1847. № 4–15, 17–21.
- ¹¹² Работы Хан-Гирея печатались в различных русских журналах и газетах, начиная с 1841 года // КЭС. Т. 1. С. 327.
- ¹¹³ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1–3.
- ¹¹⁴ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889.
- ¹¹⁵ Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Одесса, 1882–1883. Ч. 1–2.
- ¹¹⁶ КЭС. М., 1962. Т. 3. С. 279.
- ¹¹⁷ Баратов С. Г. О природе и хозяйстве Кабарды // Журнал министерства внутренних дел. СПб., 1860, ноябрь. С. 4.
- ¹¹⁸ Там же. С. 5.
- ¹¹⁹ Макаров Т. Племя адыге // Кавказ. 1862. № 29–34.

¹²⁰ Попко И. Д. Терские казаки со стародавних времен; Гребенское войско. СПб., 1880. С. 116.

¹²¹ Романовский Д. И. Кавказ и кавказская война. СПб., 1860. С. 199.

¹²² Гаврилов П. А. Устройство поземельного быта у горских племен Северного Кавказа // Сборник сведений о кавказских горцах (далее: ССоКГ). Тифлис, 1869. Вып. 2. С. 21.

¹²³ Грабовский Н. Ф. Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // ССоКГ. 1870. Вып. 3. С. 21.

¹²⁴ Акты исторические. СПб., 1841. Т. 3. С. 411.

¹²⁵ Гаврилов П. А. Указ. соч. С. 16.

¹²⁶ Попко И. Д. Указ. соч. С. 115.

¹²⁷ Гаврилов П. А. Указ. соч. С. 4.

¹²⁸ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С. 102.

¹²⁹ Макаров Т. Указ. соч.

¹³⁰ Гаврилов П. А. Указ. соч. С. 5–6.

¹³¹ Там же. С. 15.

¹³² Там же.

¹³³ Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области // ССоКГ. 1868. Вып. 1. Ч. 8.

¹³⁴ Там же. С. 37.

¹³⁵ Там же. С. 40.

¹³⁶ Там же. С. 39.

¹³⁷ Степанов П. Беглые очерки Кабарды // Кавказ. 1861. № 82.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Гарданов В. К. Материалы по обычному праву кабардинцев (первая половина XIX в.). Нальчик, 1956. С. 122–130.

¹⁴⁰ Крепостные в Кабарде и их освобождение // ССоКГ. 1868. Вып. 1. Ч. 8.

¹⁴¹ Там же. С. 15.

¹⁴² Там же. С. 16.

¹⁴³ Там же. С. 19–20.

¹⁴⁴ Грабовский Н. Ф. Указ. соч. С. 3–4.

¹⁴⁵ Привилегированные сословия Кабардинского округа // ССоКГ. 1870. Вып. 3.

¹⁴⁶ Дубровин Н. Н. История войн и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1.

¹⁴⁷ Там же. С. 199.

¹⁴⁸ Там же. С. 207.

¹⁴⁹ Там же. С. 193–202, 207–210.

¹⁵⁰ Там же. С. 192.

¹⁵¹ Сокольский В. В. Архаические формы семейной организации у кавказских горцев // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1881. № 1.

¹⁵² Там же. С. 42.

¹⁵³ Там же. С. 43.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ КЭС. Т. 3. С. 184.

¹⁵⁶ Там же.

- ¹⁵⁷ Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Одесса, 1882. Т. 1. С. 46.
- ¹⁵⁸ Леонтович Ф. И. Указ. соч. С. 429; Доклад Леонтовича Ф. И. на VI археологическом съезде в Одессе «О происхождении древнерусских отроков и детей боярских и современных кавдосардов и других служебно-родовых классов у кавказских горцев» // Новороссийский телеграф. 1884. № 2850.
- ¹⁵⁹ Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Т. 1. С. 3.
- ¹⁶⁰ См.: Анчабадзе Ю. Д. Этнографические сюжеты в трудах Ф. И. Леонтовича // Советская этнография. М., 1984. № 4. С. 82–83.
- ¹⁶¹ Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Т. 1. С. 412–413.
- ¹⁶² Там же. С. 413.
- ¹⁶³ Там же. С. 430.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 413.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 424, 428.
- ¹⁶⁶ Гарданов В. К. Обычное право как источник для изучения: социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII – первой половине XIX в. // Советская этнография. 1960. № 5. С. 22.
- ¹⁶⁷ Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Т. 1. С. 46.
- ¹⁶⁸ Леонтович Ф. И. Старый земский обычай // Труды VI археологического съезда в Одессе. 1889. Т. 4. С. 165.
- ¹⁶⁹ Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Т. 1. С. 24–39.
- ¹⁷⁰ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1–2.
- ¹⁷¹ Переписка М. М. Ковалевского с Е. В. Барсовым и В. Ф. Миллером / ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 17, л. 185; ф. 451, д. 4, л. 92–93; См. также: Калоев Б. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979. Приложение. С. 185.
- ¹⁷² Косвен М. О. М. М. Ковалевский как этнограф-кавказовед // Этнография и история Кавказа. М. 1961. С. 223–245.
- ¹⁷³ Калоев Б. А. Указ. соч.
- ¹⁷⁴ Ковалевский М. М. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. 1883. № 12.
- ¹⁷⁵ Там же. С. 137.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 138.
- ¹⁷⁷ См.: Новороссийский телеграф. 1884. № 2854.
- ¹⁷⁸ Вестник Европы. СПб., 1884. Т. 16. № 2. С. 841–842.
- ¹⁷⁹ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. С. 50–51.
- ¹⁸⁰ Там же. С. 53.
- ¹⁸¹ Там же. С. 53–54.
- ¹⁸² Там же. С. 62.
- ¹⁸³ Там же.
- ¹⁸⁴ Там же. С. 64.
- ¹⁸⁵ Бромлей Ю. В., Першиц А. И. Ф. Энгельс и современные проблемы первобытной истории // Вопросы философии. 1984. № 4. С. 59.
- ¹⁸⁶ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 2. С. 120–124, 127–304.
- ¹⁸⁷ ЦГА КБАССР, ф. 40, оп. 1, д. 4, л. 166.
- ¹⁸⁸ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. Гл. «Влияние татар, монголов и кабардинцев».
- ¹⁸⁹ Там же. С. 241.

- ¹⁹⁰ Там же. С. 242.
- ¹⁹¹ Там же. С. 243–244.
- ¹⁹² Ковалевский М. М. Поземельные и сословные отношения горцев Северного Кавказа. С. 142.
- ¹⁹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 224–225; Т. 3. С. 162–163.
- ¹⁹⁴ Щербина Ф. А. Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Северный вестник. СПб., 1886. № 1.
- ¹⁹⁵ Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар. 1910. Т. 1; 1913. Т. 2.
- ¹⁹⁶ Щербина Ф. А. Общинный быт и землевладение у кавказских горцев. С. 129.
- ¹⁹⁷ Там же. С. 128.
- ¹⁹⁸ Там же. С. 130.
- ¹⁹⁹ Там же. С. 131.
- ²⁰⁰ Там же. С. 133.
- ²⁰¹ Там же. С. 134.
- ²⁰² Там же.
- ²⁰³ Там же. С. 149–150.
- ²⁰⁴ Там же. С. 155.
- ²⁰⁵ Там же. С. 162.
- ²⁰⁶ Там же.
- ²⁰⁷ Там же.
- ²⁰⁸ Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. С. 19.
- ²⁰⁹ Там же. С. 21.
- ²¹⁰ Баранов Е. З. К вопросу о формах землевладения кабардинцев // Терские ведомости. 1891. № 67.
- ²¹¹ Малявкин Г. Е. Очерк общинного землевладения в Кабарде // Терские ведомости. 1891. №86, 94, 96.
- ²¹² Максимов Е. Д. Кабардинцы // Терский сборник. 1892. С. 139–187.
- ²¹³ Линден В. Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказа // Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916.
- ²¹⁴ КЭС. Т. 3. С. 193.
- ²¹⁵ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21. С. 60, 63.

*Проблемы социально-экономического строя Кабарды
XVIII — первой половины XIX века
в трудах адыгских историков и просветителей*

- ¹ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 14; Черепнин Л. В. Русская историография до XIX в. М., 1957. С. 18–19; Нечкина М. В. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История истории. М., 1965. С. 9.
- ² Сахаров А. М. Предмет и содержание университетского курса историографии истории СССР // Вопросы истории. 1962. № 8. С. 21; Муравьев В. А., Сахаров А. М. О преподавании историографии в вузах СССР // Вопросы истории. 1974. № 2. С. 126–127; Дунаевский В. А.

Некоторые вопросы современного состояния и перспектив преподавания и изучения историографии в высшей школе // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1978. Вып. 1. С. 8–12.

³ Сахаров А. М. Предмет и содержание университетского курса историографии истории СССР. С. 22.

⁴ Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965; Он же. История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. Разд. 4.

⁵ Современник. Литературный журнал, издаваемый А. Пушкиным. СПб., 1836. Т. 1. С. 169.

⁶ Берже Ад. Предисловие к Истории адыгейского народа // Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Тифлис, 1961. С. 12.

⁷ ОПИ ГИМ, ф. 178, д. 33, л. 73–93.

⁸ Там же, ф. 172, д. 6, л. 173–179.

⁹ Хоретлев А. С. Влияние России на просвещение в Адыгее (XIX – начало XX в.). Майкоп, 1957. С. 4.

¹⁰ В основе этого «Постановления» лежала записка о кабардинском адате, составленная бывшим секретарем Кабардинского временного суда Якубом Шардановым еще в 1825 г. // Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1982. С. 135.

¹¹ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. С. 135–151.

¹² Косвен М. О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке // КЭС. Т. 1–3.

¹³ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 84.

¹⁴ Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 6.

¹⁵ Атажукин И. Записка о беспорядках на Кавказской линии и о способах прекратить оные // Акты Кавказской археографической комиссии (далее: АКАК). Тифлис, 1869. Кн. 2. С. 957–958.

¹⁶ АКАК. Кн. 2. С. 958.

¹⁷ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. С. 140.

¹⁸ По терминологии русских источников высший феодальный слой кабардинского общества обозначался термином «князь», кабардинский термин «пши»; дворяне обозначались термином «уздень», по-кабардински «уэркъ» (орк).

¹⁹ Налоева В. Дж. К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды в первой половине XVIII в. // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института (далее: Вестник КБНИИ). Нальчик, 1972. Вып. 6. С. 81.

²⁰ АКАК. Кн. 2. С. 975–958.

²¹ История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 241–242; КЭС. Т. 1. С. 328.

²² Сочинение Ш. Б. Ногмова было окончено в 1843 году. Впервые было напечатано в «Закавказском вестнике» (1847. № 4–15. 17–21), затем выдержки из «Истории адыгейского народа» под разными названиями печатались в газете «Кавказ» (1849. № 36, 37, 39, 45). Первое отдельное издание труда Ш. Б. Ногмова, снабженное предисловием, биографией автора, примечаниями, было осуществлено Берже Адольфом в 1861 году в Тифлисе. См.: КЭС. Т. 1. С. 328. Второе издание бы-

ло осуществлено в 1893 году сыном Ш. Б. Ногмова Ерустаном. За годы Советской власти книга переиздавалась трижды (1947, 1958, 1982).

²³ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1962. С. 48.

²⁴ Там же. С. 94.

²⁵ Там же. С. 93.

²⁶ Там же. С. 96.

²⁷ Там же. С. 56.

²⁸ Там же. С. 108.

²⁹ Там же. С. 56.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ КРО. Т. 2. С. 360; Налоева В. Дж. К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды в первой половине XVIII в. // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1972. Вып. 6. С. 79–81.

³⁵ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. С. 108.

³⁶ Там же.

³⁷ Косвен М. О. Адыгейский историк и этнограф Хан-Гирей. В кн.: Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. С. 185.

³⁸ Хан-Гирей. Записки о Черкесии/Вступительная статья Гарданова В. К. и Мамбетова Г. Х. Нальчик, 1978. С. 15.

³⁹ Известно семь опубликованных в дореволюционный период произведений Хан-Гирея. См.: КЭС. Т. 1. С. 327; Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. С. 197–199.

⁴⁰ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. С. 143–150.

⁴¹ Там же.

⁴² Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. С. 204.

⁴³ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. С. 147; Он же. Избранные произведения. Нальчик, 1974. С. 230–231, 303, 319.

⁴⁴ Хан-Гирей. Князь Пшъской Аходягоко. В кн.: Хан-Гирей. Избранные произведения. С. 319.

⁴⁵ Там же. С. 303.

⁴⁶ Муравьев В. А. Теория феодализма в России в русской историографии конца XIX – начала XX в. // Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1969. С. 10.

⁴⁷ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. С. 118.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 131.

⁵⁰ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 155.

⁵¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. С. 122.

⁵² Там же. С. 124.

⁵³ Там же. С. 153.

⁵⁴ Там же. С. 124.

⁵⁵ Там же. С. 124–125.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. С. 220.

⁵⁸ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. С. 125.

⁵⁹ Там же. С. 126.

- ⁶⁰ Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. СПб., 1882. Т. 1. С. 223–269; Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. С. 135–149.
- ⁶¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. С. 127.
- ⁶² Там же. С. 161, 162–167.
- ⁶³ Там же. С. 256–257.
- ⁶⁴ Там же. С. 161–162.
- ⁶⁵ Там же. С. 267–270.
- ⁶⁶ Там же. С. 265–267.
- ⁶⁷ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. С. 204.
- ⁶⁸ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. С. 118–141; Он же. Избранные произведения. С. 230, 303–304.
- ⁶⁹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. С. 147.
- ⁷⁰ Сахаров А. И. Некоторые вопросы методологии историографических исследований // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977. С. 31–35.
- ⁷¹ Избранные произведения адыгских просветителей / Вступительная статья, подготовка текстов и комментарии Хашхожевой Р. Х. 1980. С. 29.
- ⁷² Адиль-Гирей С. Черкесы. Отрывок из очерка горских народов правого крыла Кавказской линии // Избранные произведения адыгских просветителей. С. 54.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же. С. 59.
- ⁷⁵ Адиль-Гирей С. Об отношениях крестьян к владельцам у черкасов // Избранные произведения адыгских просветителей. С. 34–37.
- ⁷⁶ Адиль-Гирей С. Черкесы. Отрывок из очерка горских народов правого крыла Кавказской линии. С. 58–60.
- ⁷⁷ Там же. С. 56.
- ⁷⁸ Избранные произведения адыгских просветителей. С. 118.
- ⁷⁹ Кешев А.-Г. Характер адыгских песен // Избранные произведения адыгских просветителей. С. 127.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же. С. 125.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же. С. 124.
- ⁸⁵ Адиль-Гирей С. Замечания на статью И. Раджицкого. «Законы и обычаи кабардинцев» // Кавказ. 1946. № 10, 11; Атажукин К. М. Рецензия на статью К. К. Краббе. «Несколько слов о судопроизводстве у туземцев» // Терские ведомости. 1869. № 1; Кешев А. Г. История адыгейского народа, составленная по произведениям кабардинцев Шора-Бекмурзин Ногмовым // Терские ведомости. 1869. № 32.
- ⁸⁶ ОПИ ГИМ, ф. 173, д. 33, л. 88–93.
- ⁸⁷ Кешев А.-Г. История адыгейского народа, составленная по произведениям кабардинцев Шора-Бекмурзин Ногмовым // Терские ведомости. 1869. № 32.
- ⁸⁸ КЭС. Т. 3. С. 234; Саблиров М. З. Исторические взгляды В. Н. Кудашева // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик, 1996. С. 305.

⁸⁹ Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. С. 129.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. С. 129–130.

⁹² Там же. С. 130.

⁹³ Там же. С. 131–132.

⁹⁴ Там же. С. 153–158.

⁹⁵ Там же. С. 167.

⁹⁶ Там же. С. 193–199.

⁹⁷ КРО. Т. 2. С. 114–116.

*Советская историография 1917 — начала 1980-х годов
о социально-экономическом строе Кабарды
XVIII — первой половины XIX века*

¹ Алиев У. Состояние краеведения в нацобластях и его постановка в дальнейшем // Революция и горец. 1929. № 4. С. 28.

² Сабанчиев Х. М. Деятельность Кабардино-Балкарской партийной организации по осуществлению культурной революции. Нальчик, 1973. С. 259–260.

³ Гугов Р. Х. К истории организации Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института // Ученые записки Кабардинского НИИ (далее: УЗ КНИИ). Нальчик, 1957. Т. 2. С. 445–460; Мамбетов Г. Х. Кабардино-Балкарскому научно-исследовательскому институту пятьдесят лет (1926–1976). Нальчик, 1976.

⁴ КБГУ – 50 лет. Нальчик, 1982. С. 11, 14.

⁵ Иванов А. Архивное дело на Северном Кавказе // Архивное дело, 1935, № 2, С. 86.

⁶ Левонян Г. Страна «разбойников» или литературная халтура? // Революция и горец. 1929. № 1–2. С. 52–57.

⁷ Дубянский В. В. Краеведческая работа на Кавказе в прошлом и теперь // Краеведение. 1924. № 4. С. 407–417; Черняев П. Н. Из истории кавказоведения // Сборник по вопросам культуры. Ростов-на-Дону, 1928. С. 5–42.

⁸ Сарахан Д. О «халтурности» литературы о Кавказе и его народах (ответ Г. Левоняну) // Революция и горец. 1929. № 6. С. 45–48.

⁹ Лихницкий Н. Т. Об отношении к старому кавказоведению и о пользе и вреде преемственности. Из азбуки ленинизма // Революция и горец. 1929. № 9. С. 25–31; № 10. С. 18–28; Он же. О старом и новом кавказоведении // Труды кубанского педагогического института. 1930. Т. 1. С. 263–274; Он же. Доклад, прения и заключительное слово на объединенном заседании пленума Кубанского отделения краевого научного Общества марксистов и Кубанского отделения Общества воинствующих материалистов-диалектиков в марте–апреле 1930 г.; Буркин Н. Г. Великодержавность и национализм в горской исторической литературе // Революция и горец. 1931. № 4. С. 3–11; № 5. С. 44–60; То же с некот. изменениями // Историк-марксист. 1932. Т. 1–2; Он же. Антиленинские извращения в литературе по истории Октябрьской революции и гражданской войны у горских народов // Историк-марксист. 1934. Т. 2. С. 89–98.

¹⁰ Лихницкий Н. Т. Об отношении к старому кавказоведению и о пользе и вреде преемственности. Из азбуки ленинизма. С. 18; Буркин Н. Г. Великодержавность и национализм в горской исторической литературе // Революция и горец. 1931. № 4. С. 4, 6.

¹¹ Лихницкий Н. Т. Об отношении к старому кавказоведению и о пользе и вреде преемственности. Из азбуки ленинизма. С. 28; Буркин Н. Г. Великодержавность и национализм в горской исторической литературе // Революция и горец. 1931. № 4. С. 11; № 5. С. 44–45, 48, 56–60.

¹² Лихницкий Н. Т. Об отношении к старому кавказоведению и о пользе и вреде преемственности. Из азбуки ленинизма. С. 28.

¹³ Труды Кубанского педагогического института. Краснодар, 1930. Т. 4. С. 264–269.

¹⁴ Генко А. Н. Задачи этнографического изучения Кавказа // Советская этнография. 1936. № 4–5. С. 17.

¹⁵ Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923.

¹⁶ Там же. С. 197.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Месяц С. И. Население и землепользование Кабарды // Труды по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды. Воронеж, 1928. Т. 2. Вып. 1.

²⁰ Там же. С. 11.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 37.

²³ Там же. С. 43.

²⁴ Алиев У. Кара-Халк (Карахал – черный народ). Очерк исторического развития горцев Северного Кавказа и чужеземного влияния на них ислама, царизма и пр. Ростов-на-Дону, 1927.

²⁵ Тамбиев И. О родах и сословно-феодальных отношениях в дореволюционном Карачае и об их фальсификации // Революция и горец. 1931. № 12. С. 84–99; Он же. Заметки по истории Балкарии. Там же. 1933. № 1–2. С. 58–69.

²⁶ Коркмазов М. Как нельзя освещать историю // Революция и горец. 1929. № 6. С. 11–16.

²⁷ Дьячков-Тарасов А. Н. Социальные формации Карачая и их современная экономическая мощь // Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института. Ростов-на-Дону, 1928. Т. 1. С. 137–150.

²⁸ Раенко-Туранский Я. Н. Адыге до и после Октября. Ростов-на-Дону; Краснодар, 1927. С. 19.

²⁹ Там же. С. 7.

³⁰ Ладыженский А. М. О методах изучения обычного права кавказских горцев // Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения. Ростов-на-Дону, 1927. Кн. 1–6. С. 46–51; Он же. Обычное семейное право черкес // Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения. Ростов-на-Дону, 1927. № 2–4. С. 30–34; Он же. Очерк социальной эмбриологии (внутриродовое и междуродовое право кавказских горцев) // Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского

кого института. Ростов-на-Дону, 1928. Т. 1. С. 151–185; Он же. Обычное семейное право черкес // Новый восток. М., 1928. № 22. С. 224–239.

³¹ Ладыженский А. М. Обычное семейное право черкес // Новый восток. М., 1928. № 22. С. 239.

³² Ладыженский А. М. Очерк социальной эмбриологии (внутриродовое и междуродовое право кавказских горцев). С. 152.

³³ Там же. С. 153.

³⁴ Там же. С. 155.

³⁵ Кокиев Г. А. Методы колониальной политики народов царской России на Северном Кавказе в XVIII в. // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Сталинар, 1933. Вып. 1. С. 179–225; Многие положения, выдвинутые в данной работе, были повторены автором в другой, более поздней статье «Переселение кабардинских холопов в Моздок в XVIII в.» / Социалистическая Кабардино-Балкария. 1941. № 30–31.

³⁶ Кокиев Г. А. Методы колониальной политики народов царской России на Северном Кавказе в XVIII в. С. 180.

³⁷ Скитский Б. В. Холопий вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды (1739–1779). Владикавказ, 1930.

³⁸ Там же. С. 6.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. С. 25–62.

⁴² Там же. С. 37.

⁴³ Там же. С. 38.

⁴⁴ Черепнин Л. В. Изучение в СССР проблем отечественной истории периода феодализма // Вопросы истории. 1962. № 1. С. 47.

⁴⁵ Данилова Л. В. Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма // Исторические записки. 1965. Т. 76. С. 118.

⁴⁶ Драбкина Е. Национальный и колониальный вопрос в царской России. М., 1930. С. 106.

⁴⁷ Там же. С. 107.

⁴⁸ Ванаг Н. Н. Краткий очерк истории народов СССР. М., 1932. Ч. 1. С. 27.

⁴⁹ Лихницкий Н. Т. Адыгея (исторический очерк) // Революция и горец. 1932. № 8–9. С. 58–77; Он же. Феодализм в Адыгее накануне крестьянской реформы // Историк-марксист. 1934. № 6. С. 3–23; Лихницкий Н. Т., Покровский Н. Против великодержавного шовинизма в изучении истории горского национально-освободительного движения // Историк-марксист. 1934. № 2. С. 99–105.

⁵⁰ Лихницкий Н. Т. Адыгея. С. 61.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 63.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же. С. 64.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Маркс К. Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. 2-е изд. Т. 23. С. 87–88.
- ⁶⁰ Лихницкий Н. Т. Адыгея. С. 65.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же. С. 64,
- ⁶³ Там же. С. 65.
- ⁶⁴ Там же. С. 66.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Лихницкий Н. Т. Феодализм в Адыгеи накануне крестьянской реформы. С. 4.
- ⁷⁰ Там же. С. 5.
- ⁷¹ Там же. С. 8.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же. С. 9.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же. С. 13.
- ⁷⁶ Там же. С. 14.
- ⁷⁷ Там же. С. 15.
- ⁷⁸ Там же. С. 16.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же. С. 23.
- ⁸² Там же. С. 17.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же. С. 23.
- ⁸⁵ Там же. С. 16.
- ⁸⁶ Лихницкий Н. Т., Покровский Н. Против великодержавного шовинизма в изучении истории горского национально-освободительного движения // Историк-марксист. 1934. № 2. С. 99–105.
- ⁸⁷ Там же. С. 100.
- ⁸⁸ Воробьев С., Сарахан Д. Кабарда и Балкария. Ростов-на-Дону, 1932.
- ⁸⁹ Добрускин А. Кабарда и Балкария в прошлом // Революционный восток. 1933. № 3–4. С. 196–222.
- ⁹⁰ Анисимов С. С. Кабардино-Балкария. М., 1937.
- ⁹¹ Победоносцев А. Черкесия // Исторический журнал. 1939. № 8. С. 70–82; Он же. Черкесия. М., 1940.
- ⁹² См.: Историография истории СССР. Эпоха социализма / Под редакцией академика И. И. Минца. М., 1982. С. 106.
- ⁹³ Там же. С. 107.
- ⁹⁴ Там же. С. 108.
- ⁹⁵ Там же. С. 109–110.
- ⁹⁶ Письмо в редакцию проф. С. Н. Джанашиа // Историк-марксист. 1940. № 12. С. 147.

⁹⁷ Нечкина М. Ответ проф. С. Н. Джанашиа//Историк-марксист. 1940. № 12. С. 153.

⁹⁸ Кокиев Г. А. Классовая структура кабардинского феодального общества в середине XIX в.//Социалистическая Кабардино-Балкария. 1941. № 4–8.

⁹⁹ Там же. № 4.

¹⁰⁰ Там же. № 5.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же. № 6.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Кабардинская АССР (Сб. статей). Нальчик, 1946.

¹⁰⁶ Кабардино-Балкарский институт истории, филологии и экономики (далее: АКБИНФЭ), ф. 24, оп. 1, д. 11–20.

¹⁰⁷ Комиссаров С. А. Из истории освобождения зависимых сословий в Кабарде//УЗКНИИ, 1947. Т. 2. С. 67–88.

¹⁰⁸ Там же. С. 70.

¹⁰⁹ Там же. С. 73–74.

¹¹⁰ Там же. С. 75.

¹¹¹ Там же. С. 67.

¹¹² Крестьянская реформа в Кабарде. Документы по истории освобождения зависимых сословий в крае в 1867 г. Нальчик, 1947. С. 20.

¹¹³ История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 315.

¹¹⁴ АКБИНФЭ, ф. 1, оп. 5, д. 66. Для удобства ссылки сделаны по машинописному тексту, сделанному с рукописи Г. А. Кокиева и хранящемуся в деле.

¹¹⁵ Там же, л. 30.

¹¹⁶ Там же, л. 27.

¹¹⁷ Ладыженский А. М. Адамы горцев Северного Кавказа//Вестник Московского университета. 1947. № 12. С. 173–186.

¹¹⁸ Там же. С. 175.

¹¹⁹ Там же. С. 177.

¹²⁰ Там же. С. 179.

¹²¹ Там же. С. 180.

¹²² Там же.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же. С. 183.

¹²⁵ Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке//К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. 2-е изд. Т. 19. С. 185–230.

¹²⁶ Энгельс Ф. Марка//К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. 2-е изд. Т. 19. С. 327–345.

¹²⁷ АКБИНФЭ, ф. 1, оп. 5, д. 44, л. 1–36.

¹²⁸ Там же, ф. 24, оп. 1, д. 5, л. 38–67.

¹²⁹ Там же, л. 38, 50.

¹³⁰ Там же, л. 59–50.

¹³¹ Там же, л. 65–66.

¹³² Там же, л. 53–54.

¹³³ Ленин В. И. Развитие капитализма в России//Полн. собр. соч. Т. 3. С. 594–595.

¹³⁴ *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству//К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. 46. Ч. 1.

¹³⁵ АКБИНФЭ, ф. 1, оп. 5, д. 44, л. 1.

¹³⁶ Там же, ф. 1, оп. 5, д. 5, л. 120.

¹³⁷ Там же, ф. 24, оп. 1, д. 12, л. 130–136.

¹³⁸ Там же, ф. 24, оп. 1, д. 5, л. 87–89.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же, ф. 24, оп. 1, д. 12, л. 178–181, 193.

¹⁴¹ Там же, ф. 24, оп. 1, д. 5, л. 138.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же, ф. 24, оп. 1, д. 8, л. 130–136.

¹⁴⁴ Там же, ф. 24, оп. 1, д. 5, л. 90–94.

¹⁴⁵ Там же, ф. 24, оп. 1, д. 9, л. 5–10.

¹⁴⁶ Там же, ф. 24, оп. 1, д. 3, л. 3.

¹⁴⁷ Там же, ф. 24, оп. 1, д. 5, л. 91–92.

¹⁴⁸ Там же, л. 140.

¹⁴⁹ Там же, ф. 24, оп. 1, д. 12, л. 273.

¹⁵⁰ Там же, л. 276.

¹⁵¹ Там же, л. 278.

¹⁵² Там же, л. 274.

¹⁵³ Там же, л. 275.

¹⁵⁴ Там же, ф. 24, оп. 1, д. 8, л. 5; ф. 24, оп. 1, д. 9, л. 5–10; ф. 24, оп. 1, д. 49а, л. 1–2.

¹⁵⁵ Там же, ф. 24, оп. 1, д. 8, л. 7–10.

¹⁵⁶ Там же, ф. 24, оп. 1, д. 5, л. 116.

¹⁵⁷ Там же, л. 59.

¹⁵⁸ Там же, л. 85–86.

¹⁵⁹ *Мамбетов Г. Х.* Развитие исторической науки в Кабардино-Балкарии//Торжество ленинской политики КПСС (материалы научной конференции). Нальчик, 1983. С. 158; *Мамбетов Г. Х., Хутуев Х. Л.* Братская помощь русского и других народов СССР в развитии культуры Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. С. 83.

¹⁶⁰ *Студенецкая Е. Н.* Быт и культура кабардинского народа//Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1954. С. 143–192; *Тхамоков Н. Х.* К вопросу о социально-экономическом развитии Кабарды в XVIII в.//Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного педагогического института (далее: УЗ КБГПИ). Нальчик, 1957. Вып. 13. С. 113–126.

¹⁶¹ *Мужев И. Ф.* Социально-экономическое развитие Кабарды в 50–60 гг. XIX в.//УЗ КБГПИ. Нальчик, 1955. Вып. 7. С. 85.

¹⁶² *Кумыков Т. Х.* Некоторые вопросы общественного развития Кабарды в XIX в.//Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1959. Вып. 7. С. 133.

¹⁶³ *Маркс К.* Капитал//К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. 2-е изд. Т. 24. С. 413.

¹⁶⁴ *Фадеев А. В.* К вопросу об уровне социально-экономического развития кавказских горцев к середине XIX в.//Научные доклады высшей школы. Исторические науки. М., 1959. № 1. С. 55–72.

¹⁶⁵ Там же. С. 62.

¹⁶⁶ Там же. С. 64.

- ¹⁶⁷ Там же. С. 66.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 57–58.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 59.
- ¹⁷⁰ Мужев И. Ф. К вопросу об общественных отношениях в Кабарде в первой половине XIX в. // УЗ КБГПИ. Нальчик, 1957. Вып. 13. С. 127–146.
- ¹⁷¹ Там же. С. 138.
- ¹⁷² Там же. С. 137.
- ¹⁷³ Там же. С. 138–139.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 136.
- ¹⁷⁵ ЦГА КБАССР, ф. 40, оп. 1, д. 4.
- ¹⁷⁶ Там же, л. 166–167.
- ¹⁷⁷ Там же, л. 167 об.
- ¹⁷⁸ Там же, ф. 6, оп. 1, д. 709, л. 13 об.
- ¹⁷⁹ Списки землевладельцев Кабарды, составленные в 1839 году бывшим секретарем Кабардинского временного суда Я. Шардановым // ЦГИА Груз. ССР, ф. 1083, оп. 2, д. 282.
- ¹⁸⁰ Кумыков Т. Х. К вопросу об общественном строе Кабарды накануне реформы 1861 г. Приложение № 1 // УЗ КНИИ. 1954. Вып. 9. С. 85–97.
- ¹⁸¹ Там же. С. 55.
- ¹⁸² Там же. С. 58–59.
- ¹⁸³ Там же. С. 61–62.
- ¹⁸⁴ Там же. С. 60.
- ¹⁸⁵ Там же. С. 63–64.
- ¹⁸⁶ Там же. С. 65.
- ¹⁸⁷ Там же.
- ¹⁸⁸ Там же. С. 66–67, 79–81, 71–72.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 70.
- ¹⁹⁰ Там же. С. 71.
- ¹⁹¹ Там же.
- ¹⁹² Там же. С. 72–73.
- ¹⁹³ Там же. С. 75.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 79.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 78.
- ¹⁹⁶ Кантария М. К. К вопросу о некоторых трудовых объединениях, связанных со вспашкой в Кабарде // Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1959. Вып. 8. С. 56–70.
- ¹⁹⁷ Там же. С. 69–70.
- ¹⁹⁸ Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. / Составитель В. К. (Б. А.) Гарданов. Нальчик, 1956; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 1 / Составитель Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. Т. 2. / Составитель В. М. Букалова.
- ¹⁹⁹ Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960. С. 295–298.
- ²⁰⁰ Там же. С. 285.
- ²⁰¹ Там же. С. 285–286.
- ²⁰² Фадеев А. В. О социальном положении незакрепощенных крестьян у кавказских горцев в дореформенный период // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 224–230.

- ²⁰³ *Фадеев А. В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. С. 294.
- ²⁰⁴ Там же. С. 301.
- ²⁰⁵ Там же. С. 302–304.
- ²⁰⁶ *Тхамоков Н. Х.* Социально-экономический и политический строй Кабарды в XVIII в. Нальчик, 1961.
- ²⁰⁷ Там же. С. 128.
- ²⁰⁸ *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 116.
- ²⁰⁹ *Тхамоков Н. Х.* Социально-экономический и политический строй Кабарды в XVIII в. С. 128–130.
- ²¹⁰ Там же. С. 149–150.
- ²¹¹ Там же.
- ²¹² Там же. С. 157.
- ²¹³ Там же. С. 159.
- ²¹⁴ Там же. С. 163–173.
- ²¹⁵ *Букалова В. М.* Антифеодальная борьба кабардинских крестьян во второй половине XVIII в. // Вопросы истории. 1961. № 6. С. 75–84.
- ²¹⁶ Там же. С. 76.
- ²¹⁷ *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа. С. 137, 139.
- ²¹⁸ КРО. Т. 2. С. 387.
- ²¹⁹ *Букалова В. М.* Антифеодальная борьба кабардинских крестьян во второй половине XVIII в. С. 80.
- ²²⁰ Там же. С. 81.
- ²²¹ *Кумыков Т. Х.* Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик, 1962.
- ²²² *Кумыков Т. Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965.
- ²²³ Там же. С. 138.
- ²²⁴ Там же. С. 149–154.
- ²²⁵ *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 108.
- ²²⁶ Там же. С. 101, 108, 122.
- ²²⁷ Там же. С. 108–112.
- ²²⁸ Там же. С. 115.
- ²²⁹ Там же. С. 113.
- ²³⁰ Там же. С. 112.
- ²³¹ Там же. С. 116.
- ²³² Там же. С. 117.
- ²³³ Там же. С. 118.
- ²³⁴ Там же.
- ²³⁵ Там же. С. 122.
- ²³⁶ Там же. С. 124–128.
- ²³⁷ Там же. С. 18.
- ²³⁸ *Боцвадзе Т. Д.* Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX в. Тбилиси, 1965. С. 43–44.
- ²³⁹ Там же. С. 52.
- ²⁴⁰ Там же. С. 52–56.
- ²⁴¹ Там же. С. 49.
- ²⁴² Там же. С. 47.
- ²⁴³ Там же. С. 49.
- ²⁴⁴ Там же. С. 50.

- ²⁴⁵ Там же. С. 58.
- ²⁴⁶ Там же. С. 62.
- ²⁴⁷ Там же. С. 58.
- ²⁴⁸ Там же. С. 79–80.
- ²⁴⁹ Там же. С. 86.
- ²⁵⁰ Там же. С. 93.
- ²⁵¹ Там же.
- ²⁵² Там же.
- ²⁵³ Там же. С. 87.
- ²⁵⁴ Там же. С. 94.
- ²⁵⁵ Крестьянская реформа в Кабарде. Документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1897 г. Нальчик, 1947. С. 25.
- ²⁵⁶ Боцвадзе Т. Д. Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX в. С. 82.
- ²⁵⁷ Там же. С. 89–90.
- ²⁵⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф.2, оп. 1, д. 1649, л. 16.
- ²⁵⁹ Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. С. 120.
- ²⁶⁰ Боцвадзе Т. Д. Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX в. С. 90–92.
- ²⁶¹ Там же. С. 105, 114.
- ²⁶² Там же. С. 110–111.
- ²⁶³ Там же. С. 14–36.
- ²⁶⁴ Там же. С. 113.
- ²⁶⁵ Гарданов В. К. Социально-экономический строй народов Северного Кавказа в XVIII– начале XIX в. // Народы Кавказа. М., 1960. С. 88–96.
- ²⁶⁶ Гарданов В. К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов северного Кавказа XVIII – начале XIX в. // Советская этнография. М., 1960. № 5. С. 12–29.
- ²⁶⁷ Гарданов В. К. О расселении и численности адыгских народов в первой половине XIX в. // Советская этнография. М., 1963. № 4. С. 72–93.
- ²⁶⁸ Гарданов В. К. К вопросу об экономическом развитии Кабарды в XVIII в. // УЗ КБНИИ. Т. 23. С. 73–11; Он же. Земледелие у адыгов // Советская этнография. 1965. № 4. С. 66–83.
- ²⁶⁹ Гарданов В. К. Система композиции в обычном праве адыгов (черкесов) XVIII – первой половины XIX в. // Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады. 281. М., 1964.
- ²⁷⁰ Гарданов В. К. Пережитки дуальной организации у адыгов (черкесов) в первой половине XIX в. // Советская этнография. М., 1964. № 4. С. 27–52.
- ²⁷¹ Гарданов В. К. Адыгские братства // Советская этнография. М., 1963. № 2. С. 19–39.
- ²⁷² Гарданов В. К. Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов // Советская этнография. М., 1964. № 1. С. 34–59.
- ²⁷³ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967. С. 56–103.
- ²⁷⁴ Там же. С. 105–122.
- ²⁷⁵ Там же. С. 280–320.

- ²⁷⁶ Там же. С. 321–326.
- ²⁷⁷ Там же. С. 127.
- ²⁷⁸ Там же. С. 138–140.
- ²⁷⁹ Там же. С. 153–156.
- ²⁸⁰ Там же. С. 156–159, 180–195.
- ²⁸¹ Там же. С. 169–180.
- ²⁸² Там же. С. 195.
- ²⁸³ Там же. С. 219.
- ²⁸⁴ Там же. С. 205.
- ²⁸⁵ Там же.
- ²⁸⁶ Там же.
- ²⁸⁷ Там же. С. 205–206.
- ²⁸⁸ Там же. С. 207.
- ²⁸⁹ Там же. С. 202–203.
- ²⁹⁰ Там же. С. 220.
- ²⁹¹ Там же.
- ²⁹² Там же. С. 224.
- ²⁹³ Там же.
- ²⁹⁴ Там же.
- ²⁹⁵ Там же. С. 132.
- ²⁹⁶ Там же. С. 227–240.
- ²⁹⁷ Кушева Е. Н. О некоторых особенностях генезиса феодализма у народов Северного Кавказа (сообщение) // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 189–197.
- ²⁹⁸ Налоева Е. Дж. К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII в. // Вестник КБНИИ. 1968. Вып. 1. С. 61–82; Она же. К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды первой половины XVIII в. // Вестник КБНИИ. 1972. Вып. 6. С. 69–88.
- ²⁹⁹ Налоева Е. Дж. К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII в. С. 66; Она же. К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды первой половины XVIII в. С. 73–74.
- ³⁰⁰ Налоева Е. Дж. К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII в. С. 67.
- ³⁰¹ Налоева Е. Дж. Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в. / Автореф. канд. дис. Нальчик, 1973. С. 10.
- ³⁰² Налоева Е. Дж. К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII в. С. 72–73.
- ³⁰³ Анчабадзе З. В., Робакидзе А. И. К вопросу о природе кавказского горского феодализма // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тезисы. Тбилиси, 1971. С. 56–59.
- ³⁰⁴ Лавров Л. И. Назревшие вопросы отношений на докапиталистическом Кавказе // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований. С. 59–61; Он же. Назревшие вопросы изучения социальных отношений на докапиталистическом Кавказе // Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 6–18; Он же. Особенности социальных отношений на докапиталистическом Кавказе // Л. И. Лавров. Историко-этнографические очерки Кав-

каза. Л., 1978. С. 12–28; Меликишвили Г. А. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских обществ // История СССР. 1975. № 6. С. 44–53; Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Советская этнография. 1978. № 2. С. 15–24.

³⁰⁵ Анчабадзе З. В., Робакидзе А. И. К вопросу о природе кавказского горского феодализма. С. 56–57.

³⁰⁶ Там же. С. 58.

³⁰⁷ Лавров Л. И. Кабарда и Балкария в XIII–XV вв. // История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 82–83.

³⁰⁸ Налоева Е. Дж. Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1981. С. 5–27.

³⁰⁹ Лавров Л. И. Особенности социальных отношений на докапиталистическом Кавказе. С. 27.

³¹⁰ Там же.

³¹¹ Там же. С. 28.

³¹² Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1977. С. 45

³¹³ Меликишвили Г. А. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских обществ. С. 51–52.

³¹⁴ Там же. С. 52.

³¹⁵ Там же.

³¹⁶ Там же.

³¹⁷ Качановский Ю. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971; Никифоров В. Н. Восток и всемирная история; Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972; Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья. М., 1980; Марксистско-ленинская теория исторического прогресса. М., 1983. С. 348–362; и др.

³¹⁸ Кумыков Т. Х., Азаматов К. Г. Особенности земельных отношений народов Северного Кавказа в первой половине XIX века // Социально-экономические проблемы российской деревни. Ростов-на-Дону, 1980. С. 157–169; Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма народов Северного Кавказа (тезисы). Махачкала, 1980. (См. тезисы выступлений Пронштейна А. П., Магомедова Р. М., Невской В. П., Гаджиева В. Г., Азаматова К. Г., Налоевой Е. Дж., Мамбетова Г. Х., Думанова Х. М. и др.)

³¹⁹ Кажаров В. Х. О системе регулирования землепользования в кабардинской сельской общине (первая половина XIX в.) // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 28–53; Он же. Сельская община у адыгов в первой половине XIX в. (поземельные отношения) // Автореф. канд. дис. М., 1982.

³²⁰ Кажаров В. Х. О системе регулирования землепользования в кабардинской сельской общине. С. 33–34.

АДЫГИ И РОССИЯ: ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

1. Для общественных дебатов и «концептуальной» научной публицистики последних лет весьма характерны и активное их насыщение цивилизационной риторикой, поставленной на службу политической злобе дня, и тенденция элиминировать из социально-исторического дискурса категории реальной политики во имя «общечеловеческих ценностей». Между тем рациональная, осмысленная интерпретация соотношения цивилизации, истории и политики могла бы быть весьма продуктивной, если строить ее на основе не жесткого концептуального синтеза, а в контексте «мягких» методологий, на путях сопоставления объективных «срезов» социально-исторической реальности, получаемых при различных подходах к ней.

2. В частности, под таким углом зрения обнаруживается аналитическая значимость следующих моментов истории отношений России с адыгами (черкесами):

- ① взаимная несводимость, «дополнительность» военно-дипломатических (в контексте международной системы), геополитических, государственно-политических, социально-экономических и правовых аспектов указанных отношений;
- ① взаимодействие сторон не просто в качестве государственно-политических единиц, но в качестве «сложных социальных субъектов»;
- ① соответственно этому, принципиальная «продолжительность» отношений между Россией и народами Северного Кавказа и в рамках единого государственного пространства (Российской империи, СССР или современной РФ);
- ① собственное «цивилизационное» значение всего «большого» исторического цикла этих отношений (с середины XVI до конца XX века), несводимое к политическому «значению» их отдельных периодов.

3. В качестве предварительной гипотезы и без специальной аргументации далее предлагается схема основных исторических эпох в отношениях России и адыгов (черкесов) с выделением некоего «парадигмального» для каждой эпохи явления или факта.

Инициатива адыгской социально-политической элиты и эпоха сотрудничества и сосуществования (1550-е гг. — первая половина XVIII в.)

Тот факт, что у истоков этой эпохи находится адыгская инициатива, в той мере, как и инициатива уже централизованной Российской феодальной державы, акцентирует общность интересов и принципиальное стадийное сходство социоцивилизационных (феодалных) систем, сделавшие возможным их «взаимопонимание». Но на протяжении этой эпохи накапливается и приобретает качественный характер расхождение в природе двух «сложных социальных субъектов». В государственно-политической системе России совершается принципиальный модернизационный сдвиг.

Возникает государство «современного» типа, выступающее как один из державных центров силы в европейском и мировом концерте держав. У адыгов сохраняется сугубо традиционная социоцивилизационная система, ориентированная на внутреннее и внешнее равновесие, на воспроизводство устоявшихся архаичных социальных образов.

Имперская инициатива России и эпоха сопротивления адыгских народов (вторая половина XVIII в. — 1860-е гг.)

В этот период стадильный разрыв социополитических и международных систем, к которым принадлежали Россия и адыгская этнополитическая общность, сделал невозможным их «взаимопонимание» и сотрудничество. Целью России стал военно-политический контроль над Северным Кавказом, как геополитическим ареалом. Борьба же адыгских народов была ориентирована не на достижение «внешних» целей, а на сохранение своей социоцивилизационной «экосистемы», на защиту суверенитета своей традиционной культуры, на выживание.

Российская модернизация и взаимная социополитическая адаптация (1860— 1917 гг.)

В это время происходит весьма осторожное и постепенное распространение на Северный Кавказ общероссийских государственных и гражданских порядков и его ограниченное экономическое «освоение». Для адыгского этнического социума — это время выживания в условиях «усеченной», неполной социальной структуры и замкнутости в пределах сельских общин, но при сохранении своей сферы трансляции социальных традиций и ценностно-нормативных образцов. Постепенно появляются признаки его выхода из социокультурной изоляции и предпосылки приспособления к социокультурной динамике России.

Распад империи и первый опыт самоопределения (1917—1921 гг.)

В условиях окончательного устранения традиционной элиты и несформированности национального общества с полной социальной структурой стремление к национальной независимости оказалось весьма слабо выраженным у адыгов. Но потребность в политическом оформлении своей этнонациональной идентичности воплотилось в борьбе за достижение статуса отдельных советских «автономий».

Тоталитарная модернизация и социокультурный синтез (1920— 1950 гг.)

Здесь важно отметить, что идеологическая и административно-бюрократическая унификация в СССР реализовалась при поддержке и даже развитии форм национальной государственности. Для адыгов основным результатом этого периода явилось становление сложной структуры национальной идентичности. Она включила в себя и осознание принадлежности к наднациональной советской политической общности с ее иерархией; и сознание неотчуждаемости своего естественного права на национальную государственность. Здесь сыграла свою роль происшедшая на новой основе регенерация полной социально-политической структуры социума.

Интенсивная модернизация социально-экономических структур и консолидация национальных обществ (конец 1950-х — конец 1980-х гг.)

На этой фазе произошел фактический разрыв цепи межпоколенной культурной преемственности. Вместе с тем действие новых факторов этнонациональной консолидации (социальная и географическая мобильность, интенсивность и многообразие социальных взаимодействий, расширение слоя национальной элиты) вызвали подъем чувств национальной общности и национальной гордости. Главный итог этих лет — выравнивание и сближение социально-экономических общностей, их принципиальное стадийное единство. Вместе с тем процессы этнонациональной консолидации сопровождались обострением проблем этнокультурной преемственности.

Распад СССР и второй опыт самоопределения (с конца 1980-х гг.)

Для России это были годы трудных и противоречивых поисков путей реконструкции своей национально-государственной идентичности на базе суверенитета. И для адыгских народов важнее всего оказалась кристаллизация идеи национального суверенитета как стержневого элемента структуры их этнонациональной идентичности. Ни в официальных государственно-правовых актах, ни в общественном сознании эта идея не противопоставлялась государственному единству Российской Федерации. В парадоксальной, на первый взгляд, формуле «суверенитет в составе» отразились два обстоятельства: а) взаимная несводимость, «дополнительность» культурно-цивилизационного и политического измерения национальной идентичности; б) совмещение в ее структуре ориентации как на национально-культурное возрождение, так и на модернизацию.

4. В предложенной здесь перспективе становится очевидным завершение почти полутысячелетнего большого исторического цикла отношений России и адыгов (черкесов). Они как бы вновь оказались в точке совместного выбора дальнейших путей развития своих отношений. Вновь в эти отношения вступают «сложные социальные субъекты» — национальные общества, достаточно консолидированные и политически оформленные. Им вновь присуще стадийное единство социально-экономических структур и однотипность политической культуры. С этим связана общность их проблем и интересов. На этой основе возможно их «взаимопонимание».

Но огромны и различия исторических эпох и ситуаций. В начале истекшего цикла для России и адыгов (черкесов) были характерны политическая независимость, цивилизационная самобытность традиционных обществ и маргинальность их взаимодействий. Современные исторические условия — это политическая свобода в едином государстве, социальная и экономическая интеграция и значительная культурная общность. Центральная проблема, стоящая перед каждым из этих народов, — сохранение этнонациональной идентичности в открытом обществе и развивающемся мире — есть одновременно центральная проблема их взаимных отношений. Она может быть осмыслена и решена только как проблема культуры и демократии.

О Г Л А В Л Е Н И Е

АДЫГИ: ВЕХИ ИСТОРИИ

Ранние летописные сюжеты о касогах и фольклор	7
Накопление исторических сведений и знаний о Кабарде в России (XI–XVIII века)	15
К генеалогии западноадыгских Черкасских (княжеских родов) в XVI–XVII веках	33
Ахамашуковы-Черкасские	35
Егуповы-Черкасские	38
Чюмаховы-Черкасские	40
От военно-политического союза к колонизаторской политике (к истории русско-кабардинских отношений)	43
Материалы к наследию и общественно-политической деятельности	
Измаила Атажукина (новые разыскания)	55
Краткое описание жителей горских черкес	63
Записка о жителях Кавказа	67
Документы	71
Наполеон Бонапарт и мамлюки	78
Из истории взаимоотношений абазин и кабардинцев в XVI – первой половине XIX века	85
Декабристы и кавказская действительность первой половины XIX века	95
Примечания	103

АДЫГИ В ПОЛИТИКЕ РОССИИ НА КАВКАЗЕ (1550-е – начало 1770-х гг.)

Введение	121
Историография проблемы. Анализ источниковой базы	127
Историография проблемы	127
Источниковая база	144
Исторический и пространственно-демографический контекст русско-адыгских связей	157
Русско-адыгские контакты в X – середине XVI в.	157
Адыги на этнотерриториальной карте Северного Кавказа	169
Адыги в системе геополитических и этнополитических взаимоотношений на Кавказе (середина XVI – начало 1770-х гг.)	178
Становление и развитие устойчивых политических взаимоотношений адыгов с Российским государством (середина XVI – конец XVII в.)	178
Изменения геополитической обстановки на Северном Кавказе и адыго-русские отношения в XVIII в.	213
Институт выезда адыгских князей как форма политического взаимодействия с Российским государством	223
Адыгская аристократия и традиция политического сотрудничества Москвы с нерусскими элитами	223
Кабардинские Черкасские на российской службе	231
Западноадыгские Черкасские на российской службе	256
Восточные адыги во взаимоотношениях России с народами Кавказа	262
Кабарда во взаимоотношениях России с народами Северного Кавказа	262
Кабарда и развитие русско-грузинских отношений	297
Военно-политическое сотрудничество адыгов и Российского государства в борьбе с Крымским ханством	311
Совместная борьба адыгских феодальных княжений и России с Крымским ханством в середине XVI – конце XVII в.	311

Роль военно-политического сотрудничества с Россией в отражении крымского натиска на адыгов в начале XVIII в. — 1770-е гг.	327
Адыги и упорядочение отношений Российского государства с кочевыми народами степного Предкавказья	342
Кабардинская правящая элита и политика России по отношению к Ногайской Орде	342
Кабарда и Россия во взаимоотношениях с Калмыцким ханством: от столкновений к сотрудничеству	352
Заключение	371
Примечания	381

КАБАРДА И РОССИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КАВКАЗА XVI—XVII вв. (исследования и материалы)

Предисловие	437
КАБАРДА И РОССИЯ: ИСТОКИ СОЮЗА И ЕДИНЕНИЯ	438
Традиционное общество Кабарды в этносоциальном и политическом пространстве Северного Кавказа XVI—XVII вв.	438
Территория и население	438
Социально-политический строй	440
Этнополитические связи исторической Кабарды	443
Военно-политическое партнерство Кабарды и России в XVI—XVII вв.	445
Исторические предпосылки сближения Русского государства и адыгских княжеств (конец XV—XVI вв.)	445
Западные адыги: от попыток сближения с Русским государством к установлению крымского доминирования	450
Русско-кабардинское политическое сотрудничество во второй половине XVI в.	455
Политико-правовое оформление русско-кабардинских отношений второй половины XVI века	461
Русско-кабардинские отношения в XVII веке: внутренние кризисы и временные отступления	464
Лица эпохи	480
К ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КАБАРДИНО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ XVI—XVII вв.	505
Документы и материалы	505
Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне	654
Список сокращений	662
Примечания	663

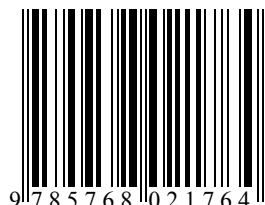
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОЯ КАБАРДЫ В ПРОШЛОМ

Российское кавказоведение и вопросы общественного устройства	671
Проблемы социально-экономического строя Кабарды XVIII — первой половины XIX века в трудах адыгских историков и просветителей	706
Советская историография 1917 — начала 1980-х годов о социально-экономическом строе Кабарды XVIII — первой половины XIX века	723
Примечания	788

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Адыги и Россия: история отношений в цивилизационной перспективе	811

ISBN 978-5-7680-2176-4

Научно-популярное издание

Дзамихов Касболат Фицевич

АДЫГИ: ВЕХИ ИСТОРИИ

Редактор *Дж. П. Кошубаев*
Художник-редактор *Ю. М. Алиев*
Технический редактор *Л. А. Тлупова*
Корректоры *Л. Л. Молова, А. Х. Алагирова*
Компьютерная верстка *М. С. Хульчаевой*

Подписано к печати 20.05.08. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная №1. Гарнитура журнальная рубленая. Печать офсетная. Усл.печ. л. 51. Уч.-изд.л. 58,88. Тираж 1000 экз. Заказ №58

ГП КБР «Издательство «Эльбрус»
Нальчик, ул. Адмирала Головки, 6

ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 года»
Министерства культуры
и информационных коммуникаций КБР
Нальчик, пр. Ленина, 33